

АРХЕОЛОГИ- ВЧЕСКИЕ ВЕСТИ

- 5 -

• 1998 •

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

ARCHAEOLOGICAL NEWS

№5

1996–1997

St.-PETERSBURG

1998

Археологические Вести

№5

1996–1997

ДБ

St.-PETERSBURG

1998

В очередной том ежегодника «Археологические Вести» включены статьи, посвящённые новейшим полевым исследованиям на территории России и стран СНГ. Впервые публикуются материалы о первоначальном заселении человеком Кавказа и Евразии, результаты многолетних раскопок энеолитического поселения Илгынлы-депе, сводка памятников духовной культуры скифского времени Сибири, античные древности Крыма, а также уникальные данные антропологического исследований средневекового могильника Куреваниха и др. Особый раздел сборника составляют статьи по актуальным проблемам палеолитоведения, ранних степных обществ и ремесла Древней Руси. В издании рассматриваются также вопросы организации и истории науки, даётся информация о важнейших международных археологических конференциях и симпозиумах. Один из разделов посвящён обзорам и рецензиям на зарубежные публикации. Среди авторов сборника – учёные из России, Украины, Ирландии, Голландии, США и Швеции.

Редакционная коллегия: В.А. Алекшин, В.М. Массон (отв. редактор),
Е.Н. Носов (зам. отв. редактора), Н.В. Хвошинская (отв. секретарь), А.Н. Шеглов.

Адрес редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18,
Институт истории материальной культуры РАН.
Тел. (812) 312 14 84; факс (812) 311 62 71; E-mail: vesti@km1213.spb.edu

Издательская группа: Т.С. Дорофеева (набор), Г.А. Кузнецова (художник),
К.А. Матехин (верстка), В.Я. Стеганцева (графика).

Editorial board: V.A. Alekshin, V.M. Masson, E.N. Nosov, N.V. Khvoshchinskaya, A.N. Shcheglov.

Address: Institute of the History of Material Culture Russian Academy of Sciences,
Dvortsovaya nab., 18, Saint-Petersburg, 191186, Russia.
Tel. (812) 312 14 84; fax (812) 311 62 71; E-mail: vesti@km1213.spb.edu

Publishing group: T.S. Dorofeeva, G.A. Kuznetsova, K.A. Matekhin, V.Ya. Stegantseva.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) согласно проекту № 97-01-16161 Д

ISBN 5-86007-124-8

© Институт истории материальной культуры РАН, 1998.
© Издательство «Дмитрий Буланин», 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

<i>В.М.Массон. Археология и культурное наследие страны.</i>	9
---	---

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>В.П.Любин. Проблемы первоначального заселения человеком Кавказа и Евразии.</i>	15
<i>М.В.Аникович, Б.А.Бредли, Е.Ю.Гиря. Технологический анализ стрелецких треугольных наконечников</i>	42
<i>В.В.Питулько, А.К.Каспаров. Древние охотники высокоширотной Арктики: материальная культура и стратегия жизнеобеспечения.</i>	55
<i>В.И.Тимофеев, Г.И.Зайцева, Г.Посснерт. Радиоуглеродная хронология цедмарской неолитической культуры в Юго-Восточной Прибалтике.</i>	72
<i>И. ван дер Плихт. Калибровка радиоуглеродной временной шкалы.</i>	78
<i>Ю.Е.Березкин, Н.Ф.Соловьева. Парадные помещения Илгынлы-депе (предварительная типология)</i>	86
<i>Н.Ф.Соловьева. Стенопись Илгынлы-депе.</i>	124
<i>В.А.Самар. Дремайловское поселение эпохи поздней бронзы на юге Украины.</i>	131
<i>М.Е.Килуновская, Вл.А.Семенов. Оленные камни Тувы.</i>	143
<i>С.С.Миняев. Бронзовая пластина-пряжка из Дырестуйского могильника.</i>	155
<i>Е.Я.Рогов, И.В.Тункина. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I.</i>	159
<i>И.Н.Храпунов, В.П.Власов. Новое Кизил-Кобинское поселение в горном Крыму.</i>	176
<i>Е.В.Власова, С.Л.Соловьев. Новые исследования хоры и некрополя Нимфея: 1992–1995</i>	187
<i>В.Л.Янин. Две древнерусские вислые печати начала XI в.</i>	205
<i>М.В.Шорин. Культовые камни Приильменя (по материалам Новгородской области).</i>	216
<i>А.Р.Артемов. Скрамасакс из псковского некрополя X–начала XI вв.</i>	228
<i>С.Л.Санкина. О скандинавском присутствии на Русском Севере: могильник Куреваниха-2 (к историографии норманской проблемы в антропологии).</i>	233

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>В.А.Алёкишин. Неандерталь, Крапина, Монте Чирчео. Ритуалы в среднем палеолите.</i>	241
<i>С.А.Васильев. Стадиализм в палеолитоведении: 60 лет спустя.</i>	250
<i>В.М.Массон. Эпоха древнейших великих степных обществ.</i>	255
<i>Б.Я.Ставиский. “Кушанская проблема” и археология Средней Азии (1968–1993 гг.) (некоторые итоги).</i>	268
<i>Н.Г.Горбунова. Об одном типе бронзовых зеркал (“бактрийские”? “сарматские”?).</i>	283
<i>Т.С.Нунан. Возникновение Киева как важного европейского торгового и ремесленного центра домонгольского периода.</i>	297

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Двадцать пять лет археологических исследований в Дании. Digging into the Past. 25 Years of Archaeology in Denmark. Ed. by Steen Hvass and Birger Storgaard. Arhus. 1993. (Рец. В.М.Массона).</i>	313
<i>Всемирная доистория: взгляд из Франции. J.Garanger (dir.) La préhistoire dans le monde. Paris. 1992. (Рец. С.А.Васильева).</i>	316
<i>История жилища от австралопитеков до первых земледельцев. R.Desbrosse, J.Kozlowski. Les habitats préhistoriques. Dès Australopithèques aux premiers agriculteurs. Cracovie–Paris. 1994. (Рец. Н.К.Анисюткина, С.В.Васильева).</i>	319
<i>Тайны подземных святилищ. Jean Clottes et Jean Courtin. La grotte Cosquer. Peintures et gravures de la caverne engloutie. Paris. 1994; Jean Clottes. Les cavernes de Niaux. Art préhistorique en Ariège. Paris. 1995; Jean-Marie Chauvet, Eliette Brunel Deschamps, Christian Hillaire. La grotte Chauvet a Vallon–Pont–d’Arc. Postface de Jean Clottes. Paris. 1995. (Рец. З.А.Абрамовой).</i>	322
<i>Фундаментальный труд по древнеиндийской цивилизации. В.В.Lal. The Earliest Civilization of South Asia (Rise, Maturity and Decline). New Delhi. 1997. (Рец. А.Я.Щетенко).</i>	331

<i>Новое исследование по готской проблеме.</i> P.J.Heather. Goths und Romans, 322–489. Oxford. 1991 (=1992). (Рец. Г.А.Романовой).....	341
<i>Могильники Готланда — начало новой серии публикаций.</i> Lena Thunmark–Nylén. Die wikingerzeit Gotlands I. Abbildungen der grabfunde. Kungl. Vitterhets och antikvitets akademien. Stockholm. 1995. (Рец. Н.В.Хвошинской).....	342
<i>Западные финны в раннем средневековье.</i> L.Okulicz–Kozaryn. Finowie zachodni. Warszawa. 1993. (Рец. Е.Н.Носова).....	344
<i>Запустение поселений как феномен культуры.</i> Abandonment of Settlements and Regions. Ethnoarchaeological and Archaeological Approaches. Ed. by Catherine M. Cameron and Steve A.Tomka. Cambridge. 1996. (Рец. Ю.Е.Березкина).....	350
<i>Молекулярная биология в археологии.</i> Ancient DNA in Archaeology. Ed. by Bernd Herman, Susanne Hummel. New York, Berlin, Heidelberg. 1993. (Рец. Г.А.Романовой).....	351
<i>Тектоника археологических плит: колонизация и аккультурация.</i> The Origins and Spread of Agriculture and Pastoralism in Eurosaia. Ed. by David R. Harris. London. 1996. (Рец. Ю.Е.Березкина).....	352

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

<i>М.Монк.</i> Практика и структура археологической науки в Ирландской республике.....	356
--	-----

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК—ЗАПАД

<i>К.Х.Кушнарева.</i> Международный симпозиум—коллоквиум “Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии”.....	361
<i>В.М.Массон.</i> Работа международной консультативной комиссии по индо—европеистике и фракологии... 363	363
<i>Д.Абдуллоев.</i> III международный симпозиум “Узбекистан — вклад в цивилизацию. Бухара и мировая культура”. Бухара, октябрь 1995.....	364
<i>А.Н.Кирпичников, Е.Н.Носов.</i> Научная встреча археологов России, Финляндии, Эстонии и Швеции в Хельсинки.....	365
<i>В.М.Массон.</i> Конференция по изучению связей древних культур Карпатской котловины и культур восточноевропейских степей в эпоху палеометалла.....	369

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Н.И.Платонова.</i> Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки.....	371
<i>Г.В.Длужневская.</i> Фотографии из собственной библиотеки Императора Николая II в собрании фотоархива Института истории материальной культуры Российской Академии наук (Санкт-Петербург).382	382
<i>Н.Д.Моисеева.</i> История дома Романовых в XIX веке по фондам фотоархива Института истории материальной культуры РАН.....	385

ХРОНИКА

<i>С.С.Миняев.</i> Культурные процессы в Центральной Азии в постскифское время: проблемы хронологии... 391	391
<i>Н.И.Милютенко, С.Л.Кузьмин, С.В.Белецкий.</i> Чтения “Ладога и Северная Русь” в Староладожском музее—заповеднике.....	393
Памяти Николая Федоровича Лисицына (1945–1997).....	396
Памяти Вячеслава Альбертовича Тюленева (1947–1996).....	398

CONTENTS

EDITORIAL

<i>V.M.Masson. Archaeology and the nation's cultural legacy</i>	9
---	---

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

<i>V.P.Lyubin. On the initial peopling of Caucasus and Eurasia</i>	15
<i>M.V.Anikovitch, B.A.Bradly, E.Yu.Giryu. Early Upper Palaeolithic in the Russian Plain: Streletskayan flaked stone artefacts and technology</i>	42
<i>V.V.Pitul'ko, A.K.Kasparov. Ancient Arctic hunters: material culture and survival strategy</i>	55
<i>V.I.Timofeev, G.I.Zaitzeva, G.Possnert. A radiocarbon chronology of Zedmar Neolithic culture, South-Eastern Baltic Area</i>	72
<i>J. van der Plicht. Calibration of the radiocarbon time scale</i>	78
<i>Yu.E.Berezkin, N.F.Solovyova. The main rooms at Ilginly-depe (a tentative typology)</i>	86
<i>N.F.Solovyova. The wall-painting of Ilginly-depe</i>	124
<i>V.A.Samar. Dremaylovka: a Late Bronze age settlement in the Ukraine</i>	131
<i>M.Kilunovskaya, V.I.Semenov. Tuvinian stag stones, part 1. Recent finds, typology and cultural attribution</i>	143
<i>S.S.Minyaev. A bronze plaque buckle from the Dyrestuy burial ground</i>	155
<i>E.Ya.Rogov, I.V.Tunkina. Painted and black-lacquered ceramics from the necropolis of Panskoye I</i>	159
<i>I.N.Khrapunov, V.P.Vlasov. A New Kizil-Koba site in Highland Crimea</i>	176
<i>E.V.Vlasova, S.L.Solovyov. New research of chora and necropolis of Nymphaeum: 1992-1995</i>	187
<i>V.L.Yanin. Two old Russian pendent seals</i>	205
<i>M.V.Shorin. The sacred rocks of the Novgorod region</i>	216
<i>A.R.Artem'ev. 10th-early 11th centuries scamasax from the necropolis of Pskov</i>	228
<i>S.L.Sankina. On the biological evidence of the Scandinavian presence in Northern Russia (with special reference to Kurevanikha-2 burial ground)</i>	233

TOPICAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

<i>V.A.Alekshin. Neandertal, Krapina and Monte Circeo. Rituals in the Middle Palaeolithic</i>	241
<i>S.A.Vasil'ev. Stadialism and the palaeolithic studies: a glance after 60 years</i>	250
<i>V.M.Masson. The epoch of the earliest great steppe societies</i>	255
<i>B.J.Stawisky. The Kushanian problem and the archaeology of Central Asia, 1968-93: some results</i>	268
<i>N.G.Gorbunova. Bronze mirrors of the "Bactrian" or "Sarmatian" type</i>	283
<i>T.S.Noonan. The emergence of Kiev as a major European commercial and industrial center during the pre-Mongol era</i>	297

REVIEW ARTICLES AND BOOK REVIEWS

<i>Twenty-five years of archaeological studies in Denmark. Digging into the Past. 25 Years of Archaeology in Denmark. Ed. by Steen Hvass and Birger Storgaard. Arhus. 1993. (Rev. by V.M.Masson)</i>	313
<i>World prehistory: A view from France. J.Garanger (dir.) La préhistoire dans le monde. Paris. 1992. (Rev. by S.A.Vasil'ev)</i>	316
<i>History of the dwelling from the Australopithecines to the first agriculturalists. R.Desbrosse, J.Kozłowski. Les habitats préhistoriques. Des Australopithèques aux premiers agriculteurs. Cracovie-Paris. 1994. (Rev. by N.K.Anisyutkin, S.A.Vasil'ev)</i>	319
<i>Mysteries of the underground sanctuaries. Jean Clottes et Jean Courtin. La grotte Cosquer. Peintures et gravures de la caverne engloutie. Paris. 1994; Jean Clottes. Les cavernes de Niaux. Art préhistorique en Ariège. Paris. 1995; Jean-Marie Chauvet, Eliette Brunel Deschamps, Christian Hillaire. La grotte Chauvet à Vallon-Pont-d'Arc. Postface de Jean Clottes. Paris. 1995. (Rev. by Z.A.Abramova)</i>	322

<i>A fundamental study on the ancient civilization of India.</i> B.B.Lal. The Earliest Civilization of South Asia (Rise, Maturity and Decline). New Delhi. 1997. (Rev. by A.Ya.Shchetenko).....	331
<i>A new study into the Gothic problem.</i> P.J.Heather. Goths und Romans, 322–489. Oxford. 1991 (=1992). (Rev. by G.A.Romanova).....	341
<i>The burial grounds of Gotland: A beginning of a new series of publications.</i> Lena Thunmark–Nylén. Die wikingerzeit Gotlands I. Abbildungen der grabfunde. Kungl. Vitterhets och antikvitets akademien. Stockholm. 1995. (Rev. by N.V. Khvoshchinskaya).....	342
<i>The western Finns during the Early Middle Ages.</i> L.Okulicz–Kozaryn. Finowie zachodni. Warszawa. 1993. (Rev. by E.N.Nosov).....	344
<i>Abandonment of settlements as a cultural phenomenon.</i> Abandonment of Settlements and Regions. Ethnoarchaeological and Archaeological Approaches. Ed. by Catherine M. Cameron and Steve A.Tomka. Cambridge. 1996. (Rev. by Yu.E.Berezkin).....	350
<i>Molecular biology in archaeology.</i> Ancient DNA in Archaeology. Edited by Bernd Herman, Susanne Hummel. New York, Berlin, Heidelberg. 1993. (Rev. by G.A.Romanova).....	351
<i>Archaeological plate tectonics: Colonization and acculturation.</i> The Origins and Agriculture and Pastoralism in Eurosaia. Ed. by David R. Harris. London. 1996. (Rev. by Yu.E.Berezkin).....	352

THE ORGANIZATION OF SCIENCE

<i>M.Monk.</i> The Practice and Structure of Archaeology in the Republic of Ireland.....	356
--	-----

THE EAST–WEST COOPERATION

<i>K.Kh. Kushnareva.</i> International symposium "Caucasus in the System of Eurasian Paleometallic Cultures"	361
<i>V.M. Masson.</i> Activities of the International Consultative Commission on Indo-European and Thracian studies.....	363
<i>D. Abdulloev.</i> The III International symposium "Uzbekistan: Contributions to Civilization. Bokhara and the World Culture", Bokhara, October 1995.....	364
<i>A.N. Kirpichnikov, E.N. Nosov.</i> A research meeting of Russian, Finnish, Estonian, and Swedish archaeologists in Helsinki.....	365
<i>V.M.Masson.</i> The conference on the links between Prehistoric Cultures of the Carpathian Basin and Eastern European Steppes in the Bronze Age.....	369

HISTORY OF SCIENCE

<i>N.I. Platonova.</i> Nikolay Marr as an archaeologist and coordinator of archaeology.....	371
<i>G.V. Duzhnevskaya.</i> Photographs from the library of Nicolas II in the photographic archives of IIMK.....	382
<i>N.D. Moiseyeva.</i> The 19th century history of the House of Romanovs in the photographic archives of IIMK.	385

CHRONICLE

<i>S.S. Minyayev.</i> Cultural processes in Central Asia in the post-Scythian time: Problems in chronology.....	391
<i>N.I. Milyutenko, S.L. Kuzmin, S.V. Beletskiy.</i> "Ladoga and Northern Russia": A colloquium at the Old Ladoga reserve museum.....	393
Obituary: Nikolay Fedorovich Lisitsyn (1945–1997).....	396
Obituary: Vyacheslav Al'bertovich Tyulenev (1947–1996).....	398

АРХЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СТРАНЫ

В.М.МАССОН*

Многообразие и богатство культурного наследия является основополагающим признаком цивилизованного общества, интеграционным компонентом национального и государственного самосознания. В широком понимании культурное наследие включает в себя и менталитет, определяющий нравственные нормы и стереотип поведения, и фольклорные системы, и многочисленные материальные проявления. Вещественный блок культурного наследия представляет собой материализованную память народа. Важную часть этого блока составляет археологическое культурное наследие. Оно охватывает все виды археологических памятников: руины замков и крепостей, оплывшие погребальные курганы, остатки древний стойбищ и городов, эффектные монументальные строения наподобие дольменных гробниц или британского Стоунхэнджа. Эти исследованные профессионалами памятники зримо несут информацию об ушедших веках и народах. Памятники, еще не изученные, представляют собой бесценный информационный фонд человечества, который не всегда в силах оценить невежество современных технократов. Важнейшей особенностью археологического наследия, помимо доставляемых раскопками шедевров древних культур, являются массовость, надындивидуальность, характеризующие деятельность простого народа, его повседневное бытие. Именно археология изучает эту важнейшую часть культурного наследия в его истоках и историческом развитии.

В XX столетии сложилось такое понятие как археологическое наследие и связанный с ним весь блок организационных мероприятий (archaeological heritage management). Информационное поле, заключенное в археологическом наследии, широко. В качестве примера доста-

точно взять такое направление археологической науки, как церковная археология, получившая заметное развитие в дореволюционной России. Это направление открывает большие возможности в изучении духовной культуры и истории православных народов, в их материальном воплощении. Здесь отражены как специфические особенности христианского вероучения, так и общеисторические культурные процессы. Таково, например, сильное византийское воздействие на стилистику культовых христианских объектов ранней Скандинавии до того, как там утвердились католические стандарты и каноны. ИИМК РАН предпринимает усилия по возрождению и конституированию этого важнейшего направления археологических знаний (Церковная археология 1995).

Исключительное значение приобретает весь блок культурного наследия для современных обществ. Он получает особое звучание в эпоху научно-технической революции и электронных средств информации, когда утверждаются новые массовые стереотипы, ведущие к своего рода глобальной стандартизации, размыванию индивидуальности как отдельных личностей, так и целых народов. Утрачиваются многие, сложившиеся веками культурные традиции, в том числе поведенческие и моральные. Односторонне технически развитый человек, *Homo Faber* Дюрренматта в конце концов не намного культурнее дрессированной обезьяны. Недаром журналисты пишут, что в будущем нас ожидает неандерталец, живущий в комфортабельной пещере с современной аудио и видеотехникой. Необходимо полноценно использовать богатство разнообразных культурных традиций в их прогрессивных формах и проявлениях. Например, бесспорна важность использования добрых традиций культур

---

* Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

Востока и мусульманской религии, но нереальной реставрация ислама VII в.

Цивилизованные страны XX века все с большим пониманием относятся к проблемам сохранения и использования культурного наследия, в том числе и археологического. В развитых странах повышение уровня благосостояния способствовало развитию массового туризма, формированию целой туристской индустрии, что экономически стимулирует внимание к культурному наследию в его репрезентативных формах. Совершенствуется соответствующее законодательство, идут поиски наиболее эффективных форм организации. В Европе первым соответствующим законодательным актом считается указ короля Швеции 1666 г. объявлявший все объекты древности собственностью короны. С тех пор базовые юридические разработки по проблемам культурного наследия, в том числе и археологического, превратились в целое направление законодательской деятельности. Достаточно сказать, что в Англии в университете Саутгэмптона Э.Фиртом подготовлена диссертация специально посвященная вопросам законодательства западноевропейских стран в области подводной археологии. Эти проблемы стали объектом внимания и организационной деятельности международной общественности, прежде всего, по линии ЮНЕСКО. В 1959 г. был создан международный комитет по памятникам и историческим местам (ИКОМОС). Его базовая концепция изложена в так называемой Венецианской хартии, где в частности предложены строгие рамки реставрационной деятельности предупреждающие создание под видом "реставрации" эклектических новоделов. В 1985 г. в этой системе был образован Международный комитет по археологическому наследию (Stanly Price 1989). Эти вопросы активно обсуждаются на международных форумах. В частности, этому направлению было уделено большое внимание на Всемирном археологическом конгрессе состоявшемся в Саутгэмптоне в 1986 г. соответствующие материалы которого изданы отдельной книгой (Cleer 1989).

Наряду с практической деятельностью разрабатываются и базовые методологические принципы. Достаточно четко обрисовал соответствующую ситуацию датский ученый К.Кристиансен в докладе прочитанном на конгрессе 1986 г. в Саутгэмптоне и впоследствии опубликованном. Он прямо пишет, что в трактовке и использовании культурного наследия можно наблюдать развитие от политической идеологии к научному подходу и обратное движение. В результате в современном беспокойном мире получается балансирование на лезвии бритвы. Как отмечает этот исследователь, этни-

ческая идентификация древних культур зачастую оказывается напрямую связанной с идеологическими установками либо с научным подходом, либо с прямым политиканством. В результате весь блок сохранения и использования культурного наследия становится частью политической системы и ее идеологических установок (Khristiansen 1989:23-24). Наша общественность хорошо знакома с этой ситуацией и с ее последствиями на примерах СССР и СНГ, когда и культурное наследие, и непосредственно данные археологии старались использовать в межнациональных конфликтах с самыми кровавыми последствиями. В традиционных формулировках прямолинейного детерминизма основанного на методологии формационного эволюционизма безапелляционно утверждалось, что данная территория "исконная земля" такого-то народа, хотя первыми сюда приходили неандертальцы если даже не их предки. Нельзя не признать, что такие крайние проявления характерны или для слаборазвитых стран или для держав с тенденцией к тоталитаризму, либо пережиточно сохраняющемуся либо искусственно культивируемому.

Практически культурное наследие и разумное отношение к нему в современном мире выступает как показатель цивилизованного общества. Это касается и законодательской ситуации и нравственного настроя. В этом отношении достаточно показателен пример Дании. Здесь в серии законов об охране археологического наследия особое значение имеет Государственный акт принятый в 1969 г., четко трактующий вопросы его охраны. На этой правовой и финансовой основе в Дании в зонах хозяйственной деятельности ежегодно осуществляется от 400 до 500 охранных раскопок различных по масштабам, но в равной мере способствующих сохранению и изучению национального достояния страны. Весьма примечательны нравственные установки утвердившиеся в психологии общества. Этому способствовала и широкая демонстрация достижений археологии. Археологические экспозиции имеются в 48 музеях Дании, широко ведется популяризаторская деятельность, издается специальный археологический журнал для школ. В результате древности стали предметом национальной гордости, а необходимость их сбережения вошла интеграционным компонентом в общественный менталитет. Широко представлена и общественность объединяющая разным образом организуемых любителей археологии. Музейные хищения исключительно редки. Наоборот на выставке "25 лет датской археологии", с которой можно было ознакомиться в 1993 г. в Вайле, значительную часть образуют стенды с экспонатами доставленными любителями. В их числе

имеются и массивные золотые изделия римского времени, принесенные школьниками младших классов. Безусловно все это составляет важную веху на пути движения к цивилизованному обществу XXI столетия.

В сфере археологического наследия Россия и СНГ, как и во многих других областях, находится в плену противоречивых тенденций. Гангстеры—кладоискатели организуют целые экспедиции, пытаются создать инфраструктуру сбыта варварски добытых древностей. В этом отношении показательна ситуация складывающаяся в Крыму, где соответствующие действия происходят буквально среди бела дня. Порою неподготовленные любители пытаются проводить "раскопки" на свой страх и риск. Законодательская деятельность, начавшая в пору существования СССР приближаться к международным требованиям, практически приостановлена. Вместе с тем, налицо и процессы противоположной направленности. Сами вопросы культурного и археологического наследия со времени перестройки все больше обращают на себя внимание (Массон 1989). Важно отметить становление различных негосударственных структур, нацеленных на охрану и изучение разрушаемых и расхищаемых богатств национального достояния. Опираясь на существующую законодательную базу и на распорядительную деятельность местных властей успешно работают историко—культурная ассоциация "Поволжье" в Самаре и аналогичное объединение в Екатеринбурге. В тех случаях, когда государственные органы разумно используют льготное налоговое стимулирование на охрану и изучение культурного, в том числе и археологического, наследия, направляются средства частного сектора. Такова, например, деятельность Фонда развития гуманитарных наук и образо-

вания (Фонд Шаталова) в Удмуртии. Проводятся методические и методологические разработки проблем культурного наследия. С этой целью в 1993 г. в Тюмени была проведена целевая международная конференция, организованная ИИМК РАН, ассоциацией "Всемирный археологический конгресс" и объединением Тюменский областной краеведческий музей (Проблемы культурогенеза 1993). В условиях формирующейся полицентрической инфраструктуры российской науки и культуры совершенно ясно, что для решения этих проблем необходимо объединение усилий как государственных, так и общественных структур. Здесь вырисовываются три блока первоочередных задач. Во—первых, это последовательная законодотворческая деятельность. В условиях нынешней низкой эффективности общегосударственного парламентаризма наиболее перспективна в обозримом будущем деятельность на региональном уровне республиканском, краевом и областном. Во—вторых, необходим, прежде всего, как отмечают все исследователи, сплошной учет всех ресурсов археологического наследия (Trotzig 1989). Такая работа неоднократно начиналась и в СССР и в России, но продвигается как бы пульсирующими порывами при остающейся несогласованности действий и финансовых усилий местных и центральных органов. В—третьих, важнейшим блоком является утверждение в обществе соответствующего психологического и нравственного настроения. В условиях психологии массового ажиотажа по схеме "доллар прежде всего и немедленно" это наиболее сложная проблема. Но без движения по пути ее решения Российская федерация едва ли имеет перспективу разумного развития как цивилизованное государство.

- Массон, В.М. 1989. Археология сегодняшнего дня некоторые тенденции развития и общественное звучание // Перво-бытная археология: 514. Киев: Наукова думка.
- Проблемы культурогенеза. 1993. Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Материалы к конференции (часть I: Культура и культурное наследие в современном мире; часть II: Археология и изучение культурных процессов и явлений; часть III: Этнография и изучение культурных процессов и явлений). Санкт—Петербург.
- Церковная археология. 1995. Церковная археология. Материалы первой всероссийской конференции (часть I: Распространение христианства в Восточной Европе; часть 2: Христианство и древнерусская культура; часть 3: Памятники церковной археологии России). Санкт—Петербург.

- Cleer, H.F. (ed.). 1989. Archaeological Heritage Management in the Modern World. London.
- Kristiansen, K. 1989. Perspective of the archaeological heritage: history and future // Archaeological Heritage Management in the Modern World. London.
- Stanly Price N.P. 1989. Archaeology and conservation training at the international level // Archaeological Heritage Management in the Modern World. London.
- Trotzig, G. 1989. The cultural dimension of development: an archaeological approach // Archaeological Heritage Management in the Modern World. London.

ARCHAEOLOGY AND THE NATION'S CULTURAL LEGACY

Diversity and richness of the cultural legacy is the basic feature of a civilized society, an integrating factor in ethnic and national identity. Broadly speaking, cultural legacy includes such phenomena as mentality, which underlies moral norms and behavioural stereotypes, folklore systems, and a host of material elements. Artifacts are the people's materialized memory. An important part of culture's material part is archaeological heritage, which includes all sorts of archaeological objects: ruins of castles and fortresses, burial mounds, remains of ancient camp sites and cities, imposing monumental structures like dolmens or the British Stonehenge. These monuments, studied by professionals, concentrate a wealth of information about the ancient times and peoples. Sites which have not yet been studied constitute mankind's stock of invaluable information, and this is something that the ignorant modern technocracy fails to understand. Apart from the masterpieces of ancient art brought to light by excavations, the archaeological heritage includes mass artifacts which are largely impersonal and characterize the everyday life of simple people. Their origin and evolution are being studied by archaeology.

The notion of archaeological heritage originated in the 20th century along with the entire programme of respective activities known as archaeological heritage management. The information content of the archaeological heritage is enormous. Ecclesiastical archaeology, which was a prominent subdiscipline before the Revolution, is an example. This branch of archaeology focuses on material aspects of the Orthodox culture and is an important tool in reconstructing the historical past of the Orthodox nations. It helps reveal both the Christian specifics and more general historic processes. Thus, it has documented a considerable Byzantine influence on the stylistics of early Christian architecture in Scandinavia before Roman Catholic standards had been established there. The Saint-Petersburg Institute of the History of Material Culture (IIMK) has taken considerable efforts in reviving this important area of archaeological research (see Ecclesiastical Archaeology 1995).

The significance of cultural legacy for modern nations is tremendous, especially in the era of scientific revolution, when the universal distribution of electronic information systems is accompanied by the advent of new mass stereotypes resulting in a sort of global standardization and gradual decline of human individuality, both at the personal and at the national level. Century-old cultural traditions, be-

havioural and moral, are being lost. Ultimately, Durenmat's *Homo faber* with his one-sided technical development is hardly more advanced than a trained ape. There is a grain of truth in the journalistic image of the future man as a Neandertal living in a comfortable cave supplied with modern audio and video equipment. Modern society must not shun progressive cultural traditions of the past, such as those developed in the Orient. However, while the Muslim tradition does contain a number of positive elements, it would evidently be futile to try and revive the ossified version of 7th century Islam.

Civilized modern nations are showing more and more readiness to preserve and use their cultural legacy, as evidenced by policies adopted with regard to archaeological monuments. The rise of prosperity in developed countries stimulated the growth of mass tourism and the emergence of tourist industry which has become an economic means of attracting public attention to the most representative material forms of past cultures. Respective legislation is becoming more and more efficient. In Europe, the first legislative act aimed at protecting archaeological monuments was the 1666 edict issued by the king of Sweden and declaring all antiquities to be the property of the crown. Since then, the protection of antiquities has become one of the major concerns of the legislators, as evidenced, for instance, by a thesis by E. Firt of Southampton University addressing Western European legislation on submerged sites. Several measures have been taken at the international level, primarily under UNESCO. In 1959, the International Committee on Monuments and Sites (ICOMOS) was organized, whose programme was outlined in the Venetian Chart. This document stringently regulates all restoration activities with a view to prevent the transformation of ancient ruins into quasi-restored eclectic modern constructions. In 1985, the International Committee on Archaeological Heritage was formed under ICOMOS (Price 1989). Heritage management was discussed at several international conferences, including the 1986 World Archaeological Congress in Southampton (Cleer 1989).

Basic methodological principles underlying practical activities are being developed. A concise analysis of the current situation was presented by Kristiansen in his paper for the Southampton congress (Kristiansen 1989). In his view, the heritage management can develop both ways: from political ideology to a scholarly stance and the other way round. Indeed, developing a sound management policy in the modern uneasy world is much like

walking along the razor edge. Kristiansen notes that ethnic attribution of prehistoric cultures is in this way or other linked with ideological attitudes, either implicit or overtly political. As a result, heritage management activities become part of the political system (Kristiansen 1989:23-24). We are well familiar with this situation since the transition from the U.S.S.R. to the C.I.S. was accompanied by numerous attempts to use the cultural legacy and the archaeological evidence in particular for stirring up inter-ethnic unrest often resulting in bloodshed. Simplistic determinist doctrines based on the notion of historical evolution as a succession of "formations" abounded in peremptory statements to the effect that such and such territory had "always" belonged to such and such people (whereas the actual pioneers were Neandertals or even their ancestors). Usually, such extreme views are popular either in developing nations or in countries with persistent totalitarian tendencies.

An educated approach to cultural legacy is a characteristic feature of a civilized society. This applies both to the legislation and to the moral atmosphere. A rather illustrative example is Denmark where a series of acts dealing with heritage management was passed, including the most important one, that of 1969. Under this act, 400 to 500 protective excavations, varying in scale but universally aimed at the preservation of nation's cultural legacy, are being carried out each year. Public moral standards with regard to these matters are amazingly high, largely due to a large-scale programme of public education in archaeology. Archaeological exhibitions function at 48 Danish museums, public lectures are being regularly given in a number of places, and a special archaeological magazine for secondary schools is being published. As a result, antiquities have become an object of national pride, and the necessity of their preservation is an idea firmly rooted in public mentality. Numerous societies of amateur archaeologists exist. Thefts of museum exhibits are exceptional. A large part of the exhibition "Twenty-Five Years of Archaeology in Denmark" (Vejle, 1993) consists of stands with artifacts brought by the amateurs. These include massive golden ornaments of the Roman period brought by primary school children. Doubtless, such facts are suggestive of a considerable progress achieved by the nation on its way toward a civilized 21st-century society.

With regard to the archaeological heritage management, Russia, like other members of C.I.S., has been overtaken by highly dangerous tendencies. Well-equipped gangs of looters empty the ancient burials and attempts are being made at setting up a

black market in antiquities. A situation in Crimea, where these crimes are being committed quite openly, may provide an illustration. Unauthorized excavations have become even more frequent and are often no less dangerous. Legislative activities, which were started under the Soviet regime in an attempt to catch up with international standards have virtually come to a standstill.

Certain positive tendencies are also evident, though. Since the times of Perestroika, heritage management has been attracting more and more attention (Masson 1989). Importantly, various nongovernmental structures have emerged which focus on the protection and study of endangered antiquities of high cultural value. Successfully functioning historical and cultural societies like "Povolzhye" in Samara and a similar association in Ekaterinburg draw on the existing legislative base and on certain executive practices of municipal authorities. Whenever the governmental bodies make proper use of the existing system of tax privileges, private entrepreneurs sponsor protective and research activities. Shatalov Foundation for the Advancement of the Humanities and Education in Udmurtia is an example. A methodology of heritage management is being developed, as evidenced by the 1993 international conference in Tyumen jointly sponsored by IIMK, the World Archaeological Congress association, and the Tyumen Regional Museum (Problems in Cultural Origins 1993). Clearly, under the new decentralized infrastructure of Russian science and culture, state and public organizations must join efforts in solving these problems. Three groups of immediate tasks can be seen. First, a consistent legislative activity is required. Because the current parliamentary system proved rather inefficient at the state level, it would appear more promising to focus on the municipal level. Second, as noted by all the researchers, a universal registration of antiquities is on the agenda (Trotzig 1989). There were numerous attempts, both before and after the Revolution, to get this work started, yet so far the progress has been rather jerky, periods of hectic and largely spontaneous activities being followed by stagnation. Now as before, there is little coordination between scholarly and financial efforts taken by local and central structures. The third important group of tasks includes educatory efforts aimed at creating a public atmosphere favourable to heritage management. Now that millions of people are chasing profit under the motto "hard cash above all and right away", this is the most difficult problem. However, without even trying to solve it, Russia can hardly expect to ever acquire the status of a civilized nation.

Василию Прокофьевичу Любину,
нашему выдающемуся учёному-палеолитоведу,
13 января 1998 года исполнилось 80 лет.

Работы В.П. Любина внесли существенный вклад в развитие отечественной археологии. Мировую известность имеют исследованные им уникальные пещерные комплексы Кударо I и Кударо III с неповрежденными слоями ашельского времени. В.П. Любиным открыт целый пласт ранее неизвестных древнепалеолитических памятников в различных регионах Кавказа, проведены исследования нижнего палеолита Средней Азии, а в недавнее время — изыскания на Африканском континенте в республике Кот д'Ивуар, выработана методика раскопок пещерных памятников, впервые введены в науку некоторые методы обработки палеолитического материала. Научные труды Василия Прокофьевича получили заслуженное признание в мировом палеолитоведении.

Ученик Б.Б. Пиотровского и П.И. Борисковского он сам воспитал целую плеяду талантливых исследователей, ныне работающих в ведущих археологических центрах России и за рубежом. Как и в годы молодости, которые он боевым офицером провёл на фронтах Великой Отечественной войны, Василий Прокофьевич полон сил и энергии. Неустойчивый исследователь, признанный лидер отечественной науки В.П. Любин находится в расцвете творческих сил.

Редакция «Археологических вестей» сердечно поздравляет Василия Прокофьевича Любина с юбилеем, желает новых научных успехов и рада открыть наш сборник его очередной крупной работой.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРОБЛЕМЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ КАВКАЗА И ЕВРАЗИИ

В.П. ЛЮБИН*

1. Введение. Благодаря открытию в 1989 г. на палеолитической стоянке Дманиси в Грузии нижней челюсти *Homo Erectus*, имеющей параллели только в Африке и на острове Ява, Кавказ оказался в центре внимания преисториков, занимающихся проблемами первоначального заселения человеком Старого Света. Раннеплейстоценовый возраст дманисского гоминида и поразительно высокий научный потенциал стоянки выдвинул Дманиси на первое место среди самых ранних стоянок Евразии и позволил по-новому рассмотреть пути миграций первых африканских пришельцев в Азию.

В данной статье предпринята попытка обобщения археологических и естественно-научных материалов древнейших стоянок Евразии с целью рассмотрения указанных проблем в пределах доступных источников. Во главу угла поставлены, прежде всего, данные палеоантропологии и абсолютной хронологии, которые оказались наиболее "кондиционными". Удаленные литолого- и биостратиграфические корреляции здесь затруднены или значимы, в основном, лишь в пределах отдельных регионов. Мало надежны на раннем этапе расселения и археологические корреляции, так как древние галечные индустрии, по существу, не поддаются возрастным подразделениям. На более позднем (ашельском) этапе, однако, использование технологических и морфологических особенностей индустрий для хронологической и культурной дифференциации становится вполне оправданным и продуктивным.

2. Кавказ: геологическое прошлое, исконные связи с югом. Предыстория Кавказского (черноморско-каспийского) перешейка, начало человеческой истории в его пределах, теснейшим

образом связаны с сопредельным Ближним Востоком. Именно оттуда, с юга, проникли на Кавказ неогеновые человекообразные обезьяны, древнейшие люди и, возможно, неоантропы. Исходным моментом для этих южных связей явилось соединение изначально островного Кавказа (Яфетиды), возвышавшегося в области Большого Кавказа над водами морского бассейна Тетис, с сушей Закавказского нагорья. Полуостровной Кавказ существовал до конца нижнего плиоцена. В понтическом веке он соединился с Русской равниной и стал перешейком. Соединение это, однако, было прерывистым: в периоды трансгрессий Каспия и Понта (в верхнем плиоцене, нижнем плейстоцене, кромере и миндель-риссе) Предкавказский (Манычский) пролив возобновлялся (рис. 1). Природно-исторические связи Кавказа с ближневосточным миром, напротив, были длительными и устойчивыми и, если исключить возможные препятствия, возникавшие на юге в периоды позднеплиоценовых и плейстоценовых похолоданий (оледенение ряда хребтов Малоазиатского и Иранского нагорий), непрерывными.

Широкие континентальные связи с югом предопределили в значительной мере процесс формирования кавказской фауны и флоры и проникновение на Кавказ приматов, как низших, так и человекообразных. В сармате — нижнем плиоцене по сухопутью сюда хлынула саванновая и степная гиппарионовая фауна (трехпалые лошади, различные антилопы, жирафы, мастодонты, козлороги, страусы и др.), в составе которой находились удабнопитеки — человекообразные обезьяны, близкие к дриопитекам и рамапитекам (Бурчак-Абрамович, Габашвили 1945; Габашвили 1975:35,47).

---

* Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита

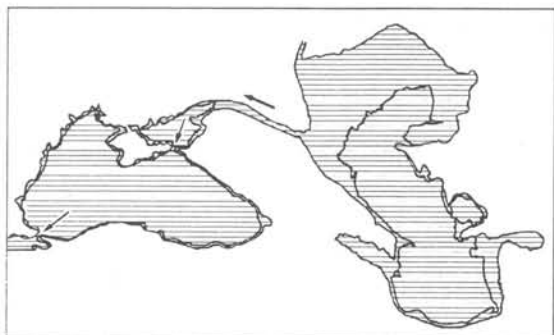

Рис. 1 Схематическая палеогеографическая карта бакинско-чаудинского бассейнов Каспийского и Черного морей (средний плейстоцен: кромер) (по П.В. Федорову, 1978).

Fig. 1 Schematic paleogeographic map of Baku and Chauda basins of the Caspian and Black seas (Cromer, Middle Pleistocene). (After P.V. Fedorov, 1978).

Для верхнего плиоцена (акчагыл) Закавказья наиболее характерен квабейский фаунистический комплекс (гигантские даманы, лесные и лошадиные антилопы, овернские мастодонты, носороги мегаринусы, саблезубые кошки и др.), который близок к русильонской и нижневиллафранкской фауне, но в силу ряда особенностей выделяется как закавказско-малоазиатский (Векуа 1972; Векуа 1991:311).

В начале плейстоцена (апшерон) намечается изменение физико-географических условий. Происходит ксерофитизация климата, перестройка состава фауны млекопитающих. Постепенно исчезают гиппарионы, появляются настоящие слоны, вымирают даманы и др. (Векуа 1991:312-313). Нижнеплейстоценовые фаунистические комплексы известны в Коцхури и Цалке в Грузии, Гюмри и Нукусе в Армении, Псекупсе в Закубанье и др. (Верещагин 1959:72-73; Габуния, Векуа 1989:14-18; Векуа 1991:313-316).

К нижнему плейстоцену относится также биостратиграфически более молодая фауна из Дманиси. В конце этого отдела плейстоцена или в начало среднего плейстоцена помещают фаунистический комплекс из Ахалкалакской Амиранис-гóra. Оба эти местонахождения остатков позвоночных находятся в Джавахетии (Южная Грузия) и связаны уже с деятельностью самых ранних обитателей Кавказа.

3. Роль экологии в расселении древних гоминид на Кавказе. В размещении упомянутых местонахождений сарматской и плио-плейстоценовой фауны (в том числе и мест находок остатков приматов), а также раннеплейстоценовых и последующих среднеплейстоценовых палеолитических памятников, привлекают внимание два обстоятельства. Все они расположены вне Западного Закавказья (Колхида) и при-

урочены к срединной полосе Кавказского перешейка, преимущественно к его южной части (Закавказское вулканическое нагорье). Первое можно объяснить тем, что, начиная с низов плиоцена, Колхида обособляется в качестве стабильного рефугиума реликтовых флор, убежища труднопроходимых влажных тропических лесов. На территории же Центрального и Восточного Закавказья преобладали полуоткрытые пространства саваннового типа (Чочиева, Мамацшвили 1991:225-229,288,290), пригодные для обитания, как гиппарионовой, так и более поздних фаун, а также, по всей видимости, приматов и древнейших людей.

Приуроченность стоянок и местонахождений, в основном, к срединной части Кавказского перешейка — к субмеридиональной зоне Главного Транскавказского поперечного поднятия — связана, возможно, и с тем обстоятельством, что эта зона, по мнению Е.Е.Милановского, является северной оконечностью Африкано-Аравийского рифтово-вулканического пояса, природные условия в котором, как известно, благоприятствовали становлению и развитию древнейших гоминид. В пределах кавказского сегмента этого пояса находятся Немрут-Арагатская зона крутых сбросов и трещин, область молодого вулканизма Закавказского нагорья, среднегорный Дзирульский массив (Сурамский или Лихский хребет), Эльбурская, Чегемская и Казбек-Цхинвальская зоны Большого Кавказа, Минераловодские лакколиты и Ставропольская возвышенность (Милановский 1976:88-89; 1977:221; Гвоздецкий, Голубчиков 1987:119-120) (рис. 2). Закавказское (Джавахетско-Армянское) вулканическое нагорье представляет здесь наибольший интерес. Его характеризуют широкое развитие вулканических форм рельефа (В.А.Апродов (1982) называет его "подлинным заповедником потухших вулканов"), общие черты природы с переднеазиатскими нагорьями (тот же тип высотной зональности ландшафтов), наличие древних костеносных местонахождений и древнейших на Кавказе палеолитических индустрий, как галечных (Дманиси, Амиранис-гóra), так и более поздних, ашельских (обсидиановые мастерские и остатки разрушенных стоянок). Интенсивный вулканизм и континентальный климат нагорья создали максимально благоприятные условия для погребения и консервации здесь, как в Восточной Африке, фаунистических и археологических материалов: часть их заключена между лавовыми покровами (скопления костей в Цалке, Аха, Земо-Орозмани, Гюмри) или, как в Дманиси, непосредственно налегает на них.

Являясь северным выступом Переднеазиатских нагорий, продолжением сопредельных горных экосистем, Закавказское нагорье засе-

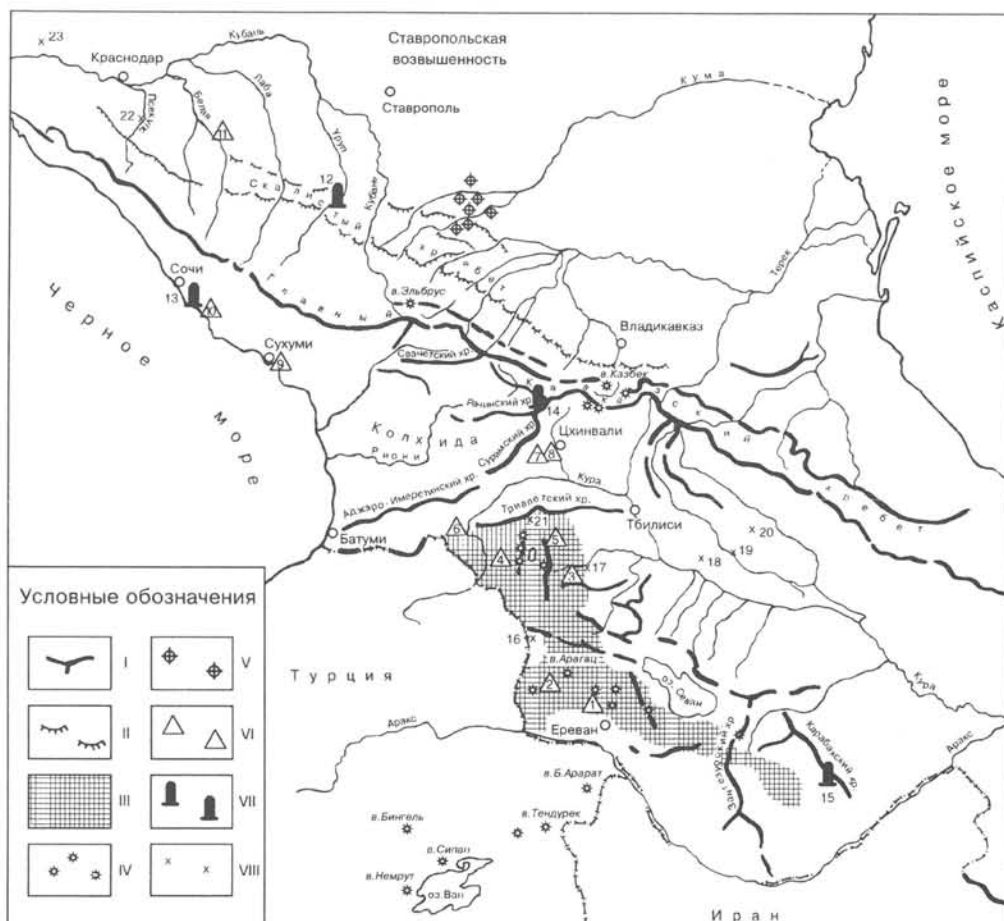

Рис. 2 Орографическая карта Кавказа с обозначением древнейших палеолитических и палеонтологических памятников: I - главнейшие водораздельные хребты; II - куэстовые хребты; III - Закавказское (Джаважетско-Армянское) вулканическое нагорье; IV - крупнейшие потухшие вулканы; V - пятигорские лакколлиты; VI - основные раннепалеолитические стоянки и местонахождения открытого типа; VII - ашельские пещерные стоянки; VIII - основные костеносные местонахождения: 1 - Джрабер, Фонтан; 2 - Сатани-Дар и др.; 3 - Дманиси; 4 - Ахалкалакская Амиранис-гора; 5 - Чикиани; 6 - Персати; 7,8 - юго-осетинские местонахождения Лаше-Балта, Калети, Тигва, Гористави, Квернети и др.; 9 - абхазские местонахождения Яштух, Бырц, Отап и др.; 10 - Богос; 11 - белореченские местонахождения Абадзехская, Фортепьянка и др.; 12 - Треугольная пещера; 13 - Ахштырская пещера; 14 - пещеры Кударо I, III и Цона; 15 - Азык; 16 - Гюмри; 17 - Земо-Орозмани; 18 - Удабно; 19 - Коцахури; 20 - Квабеби; 21 - Цалка; 22 - Игнатенков Куток на р. Псекупс; 23 - Цимбал на Тамани.

Fig. 2 Orographic map of Caucasus showing the earliest Paleolithic and paleontological sites: I - principal watershed ranges; II - cuesta ranges; III - Transcaucasian (Dzhavakheti-Armenian) volcanic upland; IV - largest extinct volcanos; V - Pyatigorsk laccoliths; VI - principal Early Paleolithic open air sites and occurrences; VII - Acheulian cave sites; VIII - principal occurrences containing faunal remains: 1 - Dzhraber, Fontan; 2 - Satani-Dar, etc.; 3 - Dmanisi; 4 - Amiranis-Gora of Akhalkalaki; 5 - Chikiani; 6 - Persati; 7,8 - South Ossetian sites Lashe-Balta, Kaleti, Tigva, Goristavi, Kvernety, etc.; 9 - Abkhasian sites Yashtukh, Byrts, Otap, etc.; 10 - Bogos; 11 - Belorechensky sites Abadzekhsкая, Fortepyanka, etc.; 12 - Treugol'naya Cave; 13 - Akhshtyr Cave; 14 - Kudaro I, III, and Tsona caves; 15 - Azykh; 16 - Gyumri; 17 - Zemo-Orozmani; 18 - Udabno; 19 - Kotsakhuri; 20 - Kvabebi; 21 - Tsalka; 22 - Ignatenkov Kutok on the Psekups; 23 - Tsimbal on the Taman'.

лялось древнейшими людьми в первую очередь. Именно сюда, вслед за переднеазиатской фауной открытых пространств, пришли первые, по всей видимости, насельники Кавказа — раннеплейстоценовые гоминиды, одним из "форпостов" которых была, очевидно, стоянка в Дманиси.

4. Дманисская стоянка (рис. 2). Открытие Дманиси явилось крупнейшей сенсацией последних лет в масштабах всего Евразийского континента. Уникальность стоянки определяют: ее возраст (седименты с находками и подстилающая лава намагничены нормально и отнесены к эпизоду Олдувай — от 1,87 до 1,67 млн.

лет назад); размеры (судя по разведывательным шурфам, около 5 000 кв.м), хорошая сохранность или слабая нарушенность отложений, субгоризонтальное залегание слоев, запечатанность известняковой коркой основных археологических уровней, обильные и характерные палеонтологические материалы, архаичная галечная индустрия и обнаружение челюсти ископаемого человека в ее нижнем культурном слое. Совместное залегание и связь артефактов и фаунистических остатков, как продуктов жизнедеятельности человека, представляются здесь бесспорными. Стоянка заслуживает особого рассмотрения.

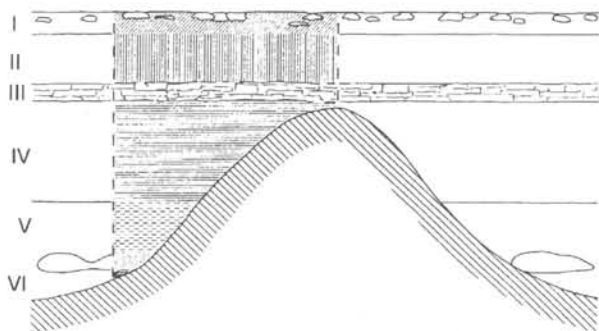

Рис. 3 Дманиси. Схематический разрез отложений (по Bosinski, 1993).

Fig.3 Dmanisi. Schematic section of the sediments (after Bosinski, 1993).

4.1. Местоположение и история исследований. Стоянка расположена на окраине Джавахетского нагорья, на лавовом мысе, возникшем в месте слияния рек Машавера и Пинезаури, при врезании их в толщу нижнеплейстоценовых лавовых потоков (рис. 2). Стоянка открыта во время раскопок средневекового города-крепости Дманиси, при расчистке встреченных там ям-хранилищ. Предварительные раскопки велись экспедициями Центра археологических исследований Грузии в 1983-1987 гг. С 1989 г. производятся планомерные исследования ее совместными экспедициями Центра и Римско-Германского центрального музея в Майнце.

4.2. Стратиграфия (рис. 3). Четырехметровая толща отложений на стоянке сложена пятью раннеплейстоценовыми уровнями. Нижний VI-й слой – вулканический песок – налегает непосредственно на базальтовую лаву. Слой V – супесь с пеплом – слегка нарушен наводнениями (линзы песка и глины). Слой IV – супесь без пепла. Слой III – известняковая корка, развившаяся в теплых и сухих условиях. Слой II – суглинок неясного происхождения. Основные археологические и фаунистические остатки залегают в слоях V и II. В слое V встречена также челюсть человека (Džaparidze, Bosinski et al. 1989; Bosinski 1993a).

4.3. Фауна (по А.К.Векуа). Наибольшее количество костей встречено в нижней части толщи (слои IV и V) (рис. 3). Нередко они образуют здесь скопления и, судя по находкам целых черепов и частей скелета (позвонки, кости ног), находятся в анатомическом порядке. Кости из этих слоев не несут заметных следов окатанности: они, видимо, снесены с близкого расстояния. Кости же из слоя II, очевидно, погребены непосредственно на месте обитания человека: они состоят, главным образом, из обломков и лишены следов переноса вовсе.

"Присутствие в дманисской фауне архаических гербиллин, полевок и зайцеобразных, типичной формы *Arch.meridionalis*, *Homotherium crenatidens*, *Megantereon megantereon*, *Pachycrocuta cf.perrieri*, *Cervus perrieri*, очень крупного представителя *Struthio*, вида, который в Закавказье не встречается после плиоцена, и др. приводит к заключению ... о принадлежности этой фауны к нижней части верхнего виллафранка" (Габуня, Векуа 1993:50). В составе фауны господствуют виды открытых пространств саваннового типа: страус, сурок, песчанка, лошади, южный слон, этрусский носорог и другие.

4.4. Флора. Установлена по данным палинологических исследований отложений и копролитов хищников. В спектрах отложений доминируют такие древесные породы как сосна, ель, бук, граб, ольха, клен, береза. Отмечена также пыльца тсуги и ивы. В спектрах копролитов встречена пихта, каштан, вяз и ива. Из травянистых фоновыми являются сложноцветные, зонтичные, маревые и злаковые (Klopotovskaja et al. 1989:92).

4.5. Каменная индустрия (по Г.Бозинскому). Многочисленна в слоях V и IV и, особенно, в низах слоя II. Различия в технологии и типологии изделий отдельных уровней пока невозможно определить. Сырье: окремненный вулканический туф, изредка кварц, встречающиеся в виде галек в руслах рек Машавера и Пинезаури. В составе находок: нуклеусы, отщепы (рис. 4: 1), чопперы, ретушированные сколы, один многофасеточный резец на отщепе (рис. 4: 2). Нуклеусы: 1) сферические/полиэдрические, оббитые в нескольких направлениях; 2) несколько конических с площадками, оформленными одним или несколькими снятиями. Отщепы составляют большинство находок. Негативы сколов на спинках имеют, как правило, то же направление, что и сами отщепы. Края несут обычно следы утилизации в виде небольших выемок, зазубрин. Ретушированные отщепы (рис. 4: 4) редки (ретушь краевая или ступенчатая). Галечные орудия (pebble tools), как односторонние, так и двусторонние, трудно отличить иногда от нуклеусов (рис. 4: 5,6). Стороны бифасиальных форм всегда обработаны альтернативно, без намерения получить прямой рабочий край. Ряд обломков базальта со следами модификации или утилизации, а также многочисленные целые гальки, могут рассматриваться как manuports (Džaparidze, Bosinski et al. 1989; Bosinski 1993 a; 1996:33-34; Ljubin, Bosinski 1995:211-215).

4.6. Нижняя челюсть человека (по Л.К.Габуня). Челюсть сохранилась неполностью: отсутствуют восходящие ветви, поврежден нижний край тела. Но остальная часть, включая все 16 зубов, находится в отличном состоянии

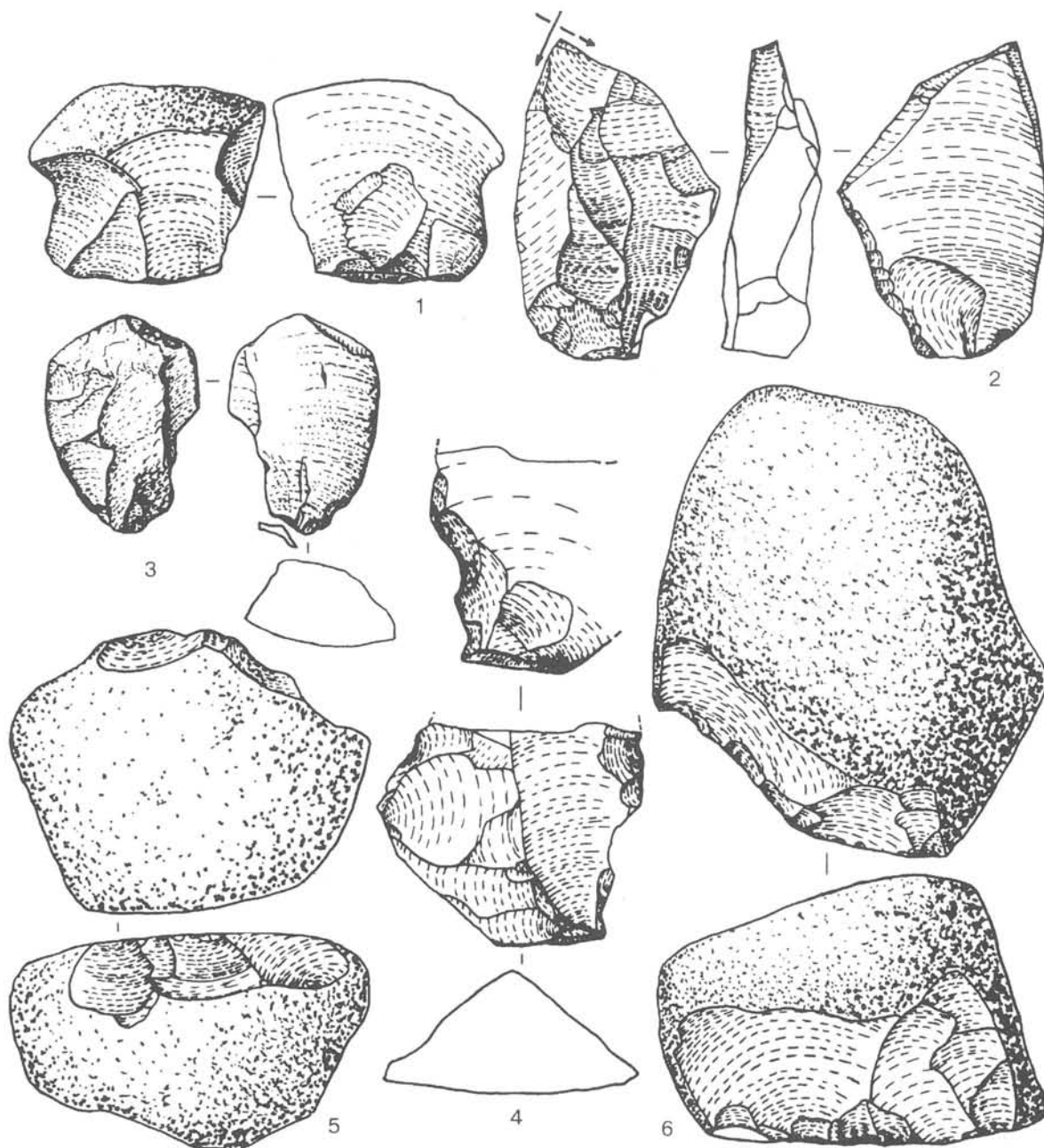

Рис. 4 Каменные изделия из Дманиси (1-2, 4-6) и Амиранис-гѳра (3): 1 - отщеп; 2 - резец; 3 - скребок; 4 - фрагмент ретушированного отщепа; 5-6 - галечные орудия (по Bosinski, 1993).

Fig.4 Stone artefacts from Dmanisi (1-2, 4-6) and Amiranis-gora (3). 1 - flake; 2 - burin; 3 - end-scraper; 4 - fragment of retouched flake; 5-6 - pebble tools (after Bosinski, 1993).

(рис. 5). Степень стертости зубов предполагает принадлежность ее индивидууму возраста 24–25 лет. Массивность и хорошо выраженный рельеф позволяют считать ее мужской. Размеры приближаются к средним. Бросаются в глаза небольшая ширина и узость альвеолярной дуги. Признаки подбородочного треугольника отсутствуют. Резцы средних размеров, наклонены вперед и слегка выпрямлены у режущего края. Клык также средних размеров, слегка заострен, но не выступает выше других зубов. Премоляры

небольшие. Моляры имеют сильно складчатую эмаль, узор дриопитека и шестой бугорок.

Дманисская челюсть сочетает в себе признаки как древнейших гоминид, так и относительно поздних форм, имеющих уже общие черты с *Homo sapiens*. К архаичным относятся значительная массивность тела, U-образная форма альвеолярной дуги, переднее и сравнительно низкое положение подбородочного отверстия, отсутствие *trigonum mentale*, переднее положение начала восходящей ветви и связан-

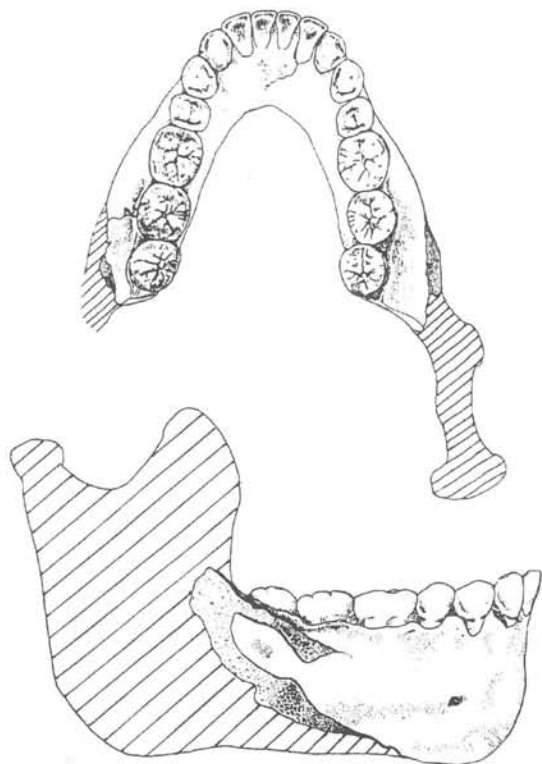

Рис. 5 Дманиси. Нижняя челюсть гоминида: вид сверху и слева (по Габуния и Векуа, 1993);

Fig.5 Dmanisi. Hominid mandible seen from above and from the left (after Gabunia and Vekua, 1993).

ная с ним редукция ретромолярной ямки, резкая отогнутость наружу основания *torus triangularis*, наличие следов воротничка на резцах, клыке и премолярах. Среди относительно поздних черт: редукция величины моляров от М₁ к М₃, тенденция к вертикальной ориентации *planum alveolare* и уменьшению скошенности кзади передней поверхности симфиза и др. (Габуния, Векуа 1993:44).

5. Дманисский гоминид: основные параллели. По данным грузинского антрополога Л.К.Габуния дманисская челюсть обнаруживает довольно близкое сходство с нижними челюстями некоторых раннеплейстоценовых гоминид Африки и Азии (Ява). Среди африканских форм это олдувайский ОН13 (*Homo habilis*), древнейший представители *Homo erectus* из Кооби Фора в Кении: ER 730, ER 992 и, может быть, ER 15000, принадлежащая очень молодой особи; среди яванских — "питекантроп сомнительный" (*Pithecanthropus dubius*) из Сангирана (Сангиран 9 или — питекантроп "С"). Г.Кенигсвальд и Ю.Францен, как отмечает Л.Габуния, считают *Pithecanthropus dubius* древнейшей формой гоминид Явы, сохраняющей ряд австралопитековых признаков. В то же время ER 992 является (по Р.Лики и А.Уолкеру) типовой переходной формой от *Homo habilis* к *Homo erectus*,

недавно выделенной в Африке под названием *Homo ergaster*. "Не исключено, что и дманисец представляет собой ветвь древних гоминид, занимавшую в Евразии то же место, что и переходные от *Homo habilis* к *Homo erectus* виды в Африке или самые ранние формы Сангирана на Яве" (Габуния, Векуа 1993:45).

Дманисский гоминид, как и сходный с ним по ряду признаков сангиранский *Pithecanthropus dubius*, как полагает грузинский антрополог, является формой, которая отщепилась от ветви *Homo habilis* и в начале плейстоцена проникла в Евразию. Происходя от общей с *Homo erectus* группы *Hominidae*, представители этой ранней волны миграции хабилисообразных форм обнаруживают здесь при дальнейшем своем развитии некоторые параллели с поздним *Homo erectus*, а по отдельным признакам, возможно, опережают его в темпах эволюции.

6. Свидетельства расселения *Homo erectus* в Евразии. Возникнув в Африке на рубеже 1,7–1,6 млн. лет тому назад (Howell 1986), эректусы проявляют исключительный динамизм и, адаптируясь к различной среде, резко расширяют экологическую нишу человечества. Экспансия эта происходила, по всей видимости, неоднократно в течение около 1,5 миллиона лет.

Картирование находок остатков эректусов показывает, что главные районы их сосредоточения в Евразии располагаются на крайних флангах этого материка: в Западной Европе и на Дальнем Востоке (Китай, Ява). При этом возрастной ценз находок остатков *Homo erectus*, встреченных в этих районах, резко обособляет Европу от Азии. В Западной Европе, где в настоящее время известно более двадцати пунктов находок (Мауэр, Араго, Эрингсдорф, Сванскомб, Петралона, Вертешселлеш, Бильцингслебен и другие), представлены только их поздние формы (так называемые пренеандертальцы), относящиеся к эпохе Брюнес, к среднему и позднему плейстоцену (Н. and M.A. Lumley 1985:69–74). Голландские ученые В.Роброкс и Т. Ван Колфшотен, произведшие недавно детальную ревизию всех индустриальных, хронологических и биостратиграфических материалов, касающихся наиранного заселения Европы, предложили новую, короткую "паневропейскую" хронологию, согласно которой первые бесспорные следы деятельности человека в Западной Европе в этом дальнем тупике (*cul de sac*) евразийского континента прослеживается лишь около 600–100 тыс. лет назад (Roebroeks, Van Kolfschoten 1993, 1994:499–501; Roebroeks 1994:303–304). В самых последних публикациях, однако, сообщается об открытии в Испании стоянки Атапуэрка близ Бургоса и трех стоянок в бассейне р.Орсе в Андалузии, доставивших свидетельства значительно более раннего появ-

ления человека в этом приафриканском районе Европы (Carbonell et al. 1995:826-829; Bosinski 1996:38,72). Новые материалы стали предметом жарких дискуссий (Dennell, Roebroeks 1996:535-542).

В Китае и на Яве, в отличие от Европы, представлен гораздо более широкий спектр остатков гоминид, относимых как к эпохе Брюнес, так и к эпохе Матуяма, не только к плейстоцену среднему, но и к нижнему. Возрастной диапазон этих находок в Китае покрывает, возможно, весь плейстоцен, хотя известные находки в Юньмоу (Jiang Neng Ren et al. 1988), нуждаются, видимо, в уточнении датировок и в более широкой апробации каменных изделий. Большую, как кажется, научную ценность представляет недавнее открытие в гроте Лонгупо в провинции Сычуань в южном Китае следов пребывания древнего человека (отщеп, отбойник, обломок человеческой челюсти с двумя зубами, остатки костей многочисленных животных). Фаунистические остатки из этой пещеры сравнивают с фауной верхнего виллафранка, а палеомагнитная датировка, как и в Дманиси, соответствует эпизоду Олдувей (Huang Wanpo, Ciochon et al. 1995:275-278; Bosinski 1996:34). Магнитостратиграфический возраст другой известной находки — черепа лантьянского человека из Гунвалина — после ряда уточнений, определяется в 1,13 млн. лет (Shaw et al. 1990:589). Средний плейстоцен представлен богатейшими палеоантропологическими материалами стоянки Чжоукоудянь, челюстью из Чэньцзяво, черепами из Лонгтангонга и Дали и другими находками (Wu Rukang 1983; Li Yanxian 1983; Н. and М.А. Lumley 1985:64-68; Howell 1986; Абрамова 1994:73-76,83).

Что касается Явы, то по количеству и богатству гоминоидных остатков она не имеет равных в Евразии. Кроме того, по мнению ряда ученых (Дж.Робинсон, Г.Хаберер, С.Сартон), только здесь австралопитековые формы представлены вне Африки. К ним относят мегантропов палеояванских (*Meganthropus paleojavanicus*). К ранним гоминидам, сохраняющим австралопитековые признаки, относят также, как отмечалось, *Pithecanthropus dubius* и *Pithecanthropus mojokertensis*. Другие ученые склонны рассматривать эти формы как *robuste* вариант *Homo erectus*. Более поздние разновидности группировки яванских эректусов составляют *Homo erectus trinilensis* и *Homo erectus soloensis*. Происхождение и датировка яванских гоминид всех разновидностей, а также их связь с артефактами до сих пор являются во многом дискуссионными (Sartono 1991).

Значительный интерес в этом отношении представляют абсолютные даты, полученные недавно американскими и индонезийскими

учеными методом $^{40}\text{Ar}/^{39}\text{Ar}$ по вулканическим образцам, находившимся в прямой связи с местами находок остатков мегантропа и питекантропа моджокертского в нижней части формации Пукаганг. Для первого из них получено среднее значение $1,66 \pm 0,04$ млн. лет, для второго $1,81 \pm 0,07$ млн. лет, что сравнимо с возрастом самого древнего *Homo cf. erectus* (*Homo ergaster*) из Кооби Фора в Кении. Новые датировки, как полагают указанные исследователи, позволяют допустить, что *Homo erectus* мог развиваться и вне Африки, то есть быть азиатским эндемиком. Дисперсия же его предка из Африки могла произойти до 1,8 млн. лет назад, то есть до появления там ашельской культуры с бифасами и кливерами. Появление же ашельских орудий в среднем плейстоцене Европы по этому сценарию — результат более поздней дисперсии собственно африканских эректусов. Именно эти обстоятельства могут объяснить также резкое отличие африканских и азиатских "культур *Homo erectus*": отсутствие в последних ашельских бифасов и кливеров (Swisher et al. 1994).

Таковы подобранные нами главным образом хронологические и палеоантропологические свидетельства о первоначальном заселении крайних флангов Евразийского материка. Наибольший интерес представляет, конечно, дальняя юговосточная окраина этого материка и особенно "яванский анклав" древнейших гоминид разных палеоантропологических разновидностей. Гипотетические пути миграции их из Африки чаще всего прокладываются вдоль южного побережья Азии (Singer and Wymer 1978) (рис. 6), но следы этих миграций до сих пор не прослеживались. Знаменитая Убейдия, доставившая первую информацию о появлении *Homo erectus* на пороге Евразии, не имеет, как пишут О.Бар-Иосиф и Н.Горен-Инбар (Bar-Yosef and Goren-Inbar 1993:201), никаких параллелей среди евразийских стоянок. В свете этих данных, Дманиси, как представляется, является первым свидетельством связи древнейших африканских и азиатских гоминид. Промежуточное территориальное положение Дманисской стоянки между Кооби Фора в Кении и Сангираном на Яве и близкое сходство встреченных во всех этих трех пунктах остатков ранних эректусов позволяет, как кажется, ближе подойти к проблеме реконструкции реальных путей движения древнейших предков человека из Африки в Азию. Преодолев ближневосточный мост, эректусы могли расселяться и по более северному маршруту: от Кавказа в обход Каспия (рис. 6). Плохо датированные находки галечных орудий в долине р.Кешефруд в подножье Копетдага в Иране (Ariai, Thibault 1975,1976,1977), в районе хребта Каратау в Южном Казахстане (Алпысбаев 1979) и далее

на восток — в более надежной стратиграфической позиции — галечные индустрии Кульдары в Таджикистане (Ранов 1992) и Ривата в Пакистане (Dennell et al. 1988) являются, возможно, следами разновременных миграций различных групп эректусов.

О распространении из Африки в Азию более поздних генераций эректусов можно судить по приуроченности стоянок с ашельскими бифасами только к приафриканскому региону Азии (Левант, Южная Аравия, Кавказ), имевшему непосредственную сухопутную связь с Африкой. Наличие в Индостане "мадрасского анклава" ашельских индустрий с бифасами и кливерами также, как правило, рассматривается как результат сравнительно поздней (среднеплейстоценовой) инвазии *Homo erectus* из Африки. Следы инвазии африканских эректусов к востоку от Леванта и Кавказа можно усмотреть и в находках остатков сравнительно поздних форм этих гоминид в контексте с ашельскими бифасами в Киргизии (Исламов и др. 1988) и в Индии (H. de Lumley et Sonakia 1985:8-10; M.-A. de Lumley et Sonakia 1985:13-61), а также в наличии немногочисленных ашельских ручных рубил кое-где в поверхностных сборах на территории Туркмении (Vishnyatsky 1989), Казахстана (Медоев 1970; Алпысбаев 1979) и Монголии (Окладников, Абрамова 1994:47-50,52).

7. Ранние *Homo erectus* в кавказско-левантийском регионе. Помимо Дманиси, остатки гоминид, относящиеся еще к эпохе Матуяма, встречены в этом регионе также на стоянке Убейдия в Израиле (Bar-Yosef, Goren-Inbar 1993). Убейдия находится в пределах сирийско-африканского рифта, в центре так называемого левантийского коридора, являющегося, как предполагается, отправным пунктом распространения африканских гоминид в Евразии (Bar-Yosef 1994). Продвигаясь к северу, гоминиды приспособлялись, конечно, к новым условиям среды. В Убейдии, к примеру, преобладала уже евразийская фауна. На пути к Кавказу осваивались горные экосистемы с высотной зональностью различных типов, районы с более низкими температурами, более высокими осадками и так далее.

По индустриальному и фаунистическому богатству, количеству культурных горизонтов Убейдия не имеет в настоящее время равных среди наиранных стратифицированных стоянок Евразии. Индустрия Убейдии перекликается с комплексами верхнего слоя II Олдувая (Developed Oldowan II): общее технологическое

сходство и близкий орудийный набор (чопперы, сфероиды, полиэдры, триэдры, крупные скребла и так далее). Наличие единичных примитивных бифасов и кливеров (Коробков 1978:27,29, рис.2,4; Bar-Yosef, Goren-Inbar 1993: fig.9,22,23,31) позволяет рассматривать эту стоянку, как свидетельство возможно первого появления носителей африканского ашеля в Евразии. Геологические, фаунистические (финальный виллафранк/таманский комплекс), археологические и палеомагнитные (эпизод Харамильо) данные помещают эту стоянку в конец раннего плейстоцена — 1,4 млн. лет назад (Tchernov 1988).

Таким образом, если Дманиси свидетельствует, видимо, о наиболее ранней, возможно, первой волне * движения ранних гоминид — носителей африканских галечных индустрий — на север, то Убейдия фиксирует, вероятно, начало колонизации Евразии создателями древнейших ашельских бифасных индустрий. Разрыв во времени между этими стоянками проявляется и в составе фауны. Фаунистический комплекс из Убейдии, по мнению А.К.Векуа, "повидимому, заметно моложе дманисского, от которого он отличается присутствием сравнительно поздних *Arch. meridionalis tamanensis*, *Gazella gazella*, орикса, верблюда, гиппопотама и др." (Габуня, Векуа 1993:51).

Ранний этап заселения Кавказа человеком, судя по сегодняшним данным, замыкает недавно открытая на том же Джавахетском нагорье в Южной Грузии раннепалеолитическая стоянка Амиранис-гóra (рис. 2). Она находится в окрестностях города Ахалкалаки, в подножье андезитового купола горы Амиранис-гóra, на высоте около 1 700 м над уровнем моря. К сожалению, антропологические находки здесь отсутствуют, но фауна, по заключению А.К.Векуа (1991:321), обнаруживает большую близость к таманскому фаунистическому комплексу и может быть отнесена к рубежу нижнего и среднего плейстоцена (800—700 000 лет назад) (M.Gabunia et al. 1994:237) или, по мнению Г.Бозинского (1993), к началу среднего плейстоцена.

Ахалкалакская Амиранис-гóra исследовалась с начала 60-х гг., как богатое местонахождение ископаемой фауны. В ахалкалакском фаунистическом комплексе были установлены *Ursus sp.*, *Meles meles L.*, *Panthera cf. tigris.*, *Mammuthus aff. trogonterii Pohl.*, *Archidiskodon sp.*, *Equus süssenbornensis Wüst.*, *Equus hipparionoides Vekua*, *Dicerorhinus etruscus Falc.*, *Hippopotamus*

* Базальтовая лава в Дманиси и седименты с находками, которые ее перекрывают, как отмечалось, намагничены нормально, что, видимо, соответствует эпизоду Олдувай: 1.87-1.67 млн. лет назад (Majsuradze et al. 1989:74-76; Bosinski 1996:33).

georgicus Vekua, Praemegaceros verticornis Dawkins, Capra sp. и др. (Векуа 1962; 1991:321). Состав фауны и тафономические наблюдения допускали участие человека в образовании скопления костей. Небольшие разведывательные раскопы, поставленные здесь в 1991 г. археологом Мананой Габуня, как будто, подтвердили это. В слое темножелтых делювиально-пролювиальных суглинков, залегающих на глубине 1,35–1,55 м от дневной поверхности, были обнаружены андезитовые артефакты (скребок на отщепе, отщеп и обломок с ретушью по краю) (рис. 4:3) и кости животных (*Bison sp., Equus sussenbornensis, Equus hipparionoides Vekua, Dicerorhinus etruscus Falc., Marmota sp., Homotherium sp. u Vulpes sp.*). Состав фауны и пыльцевые спектры отвечают условиям сравнительно сухого и умеренно теплого климата, широкому распространению открытых пространств степей и лесостепей (М.Габуня et al. 1994; М.Габуня 1994). Бесспорность участия человека в накоплении в Амиранис-гёбра фаунистических остатков, как отмечает Г.Бозинский (Bosinski 1993), должна быть еще уточнена. Особенный интерес, добавим, представляет характер ожидаемой индустрии.

Не исключена возможность продвижения ранних эректусов и в северную часть Кавказского перешейка. где также, как и на Закавказском нагорье, имеются костеносные местонахождения с фауной как одесского (Игнатенков куток в Прикубанье), так и таманского (Цимбал на Тамани) фаунистических комплексов. В отличие от Южной Грузии, однако, северокавказские местонахождения являются аллювиальными и одновременность встреченных на них фаунистических и археологических остатков подвергается сомнению. До проведения специальных исследований допустимо все же предположить участие человека в накоплении костей в Игнатенковом кутке (Любин 1996:105–108). В.И.Громов отмечал там два уровня галечников, различающихся составом фаунистических остатков. В верхнем, который он отнес к низам квартера, найдены остатки *Elephas meridionalis, Rhinoceros etruscus, Equus stenorhinus, Bos sp.* (Громов 1948:52–56). Игнатенков куток посещали археологи С.Н.Замятнин, А.А.Формозов, М.З.Паничкина, Н.Д.Праслов. В костеносном галечнике — в "древнем аллювии", уровень которого, к сожалению, не указан, С.Н.Замятнин (1961:66) обнаружил "в первоначальном положении" кремневое ручное рубило. М.З.Паничкина, осматривая осыпь под обнажением 35-метровой террасы, собрала каменные изделия и кости с пятнами железистых натечков, сходных с такими же на поверхности крупных желваков из верхнего горизонта галечников (Паничкина 1961:49–58). Н.Д.Праслов

извлек отщеп также непосредственно из верхнего слоя галечника (личное сообщение). Заслуживает внимания и опубликованное С.Н.Замятниным (1961:63,66, рис. 6) чрезвычайно примитивное ручное рубило ("шелльско-го", по его определению, облика), обнаруженное местным жителем в пойме р.Псекупс в том же районе (рис. 7:1).

8. Расселение поздних эректусов на Кавказе в среднем плейстоцене (рис. 2). После Дманиси, если исключить слабо разведанную стоянку в Ахалкалакской Амиранис-гёбра, мы не располагаем еще достаточно достоверными материалами о пребывании человека на Кавказе в течение по крайней мере последующего миллионлетия. Зато, судя по археологическим материалам и данным био- и геохронологии, начиная со второй половины кромера, наблюдается широкое расселение первобытных людей на территории Кавказского перешейка. Среднеплейстоценовые остатки *Homo erectus* известны из ашельских культурных слоев пещеры Кударо I в Юго-Осетии (2 фрагмента резцов и 1 премоляр) (Харитонов 1989) и из ашельского слоя V пещеры Азы в Карабахе (фрагмент нижней челюсти с третьим моляром) (Гаджиев, Гусейнов 1970). Остатки эти рассматриваются, как принадлежавшие пренеандертальским формам эректусов (Н. and M.-A.Lumley 1985). Азыхский гоминид, в частности, по мнению В.М.Харитонova (1989:23), по ряду признаков ... "тяготеет к архантропам или пренеандертальцам Мауэр и Араго".

Размещение стоянок этого времени свидетельствует об особой привлекательности прежде всего горных районов. Горы улавливали и абсорбировали миграционные потоки, так как представляли человеку исключительное разнообразие местообитаний, климатических условий, пищевых ресурсов, скальных убежищ, сырья для орудий. Согласно сегодняшним знаниям, поздние эректусы первоначально освоили территорию Закавказского нагорья и Малого Кавказа (Армения, Южная Грузия, Карабах), затем продвинулись на южный склон Большого Кавказа (Юго-Осетия, Абхазия, Сочинско-Туапсинское Причерноморье) и, преодолев барьер Большого Кавказа, обосновались также в западной (Кубанской) части его северного склона (Ljubin, Bosinski 1995:207–253).

Такой сценарий расселения поздних эректусов — носителей в основном ашельских индустрий с бифасами — исходит из гипотезы миграции или диффузии создателей этих индустрий с юга, со стороны Леванта (Любин 1957:86–90), и концентрации их в первую очередь на южной окраине Кавказа, на территории Закавказского нагорья. В настоящее время только в пределах этого нагорья известны па-

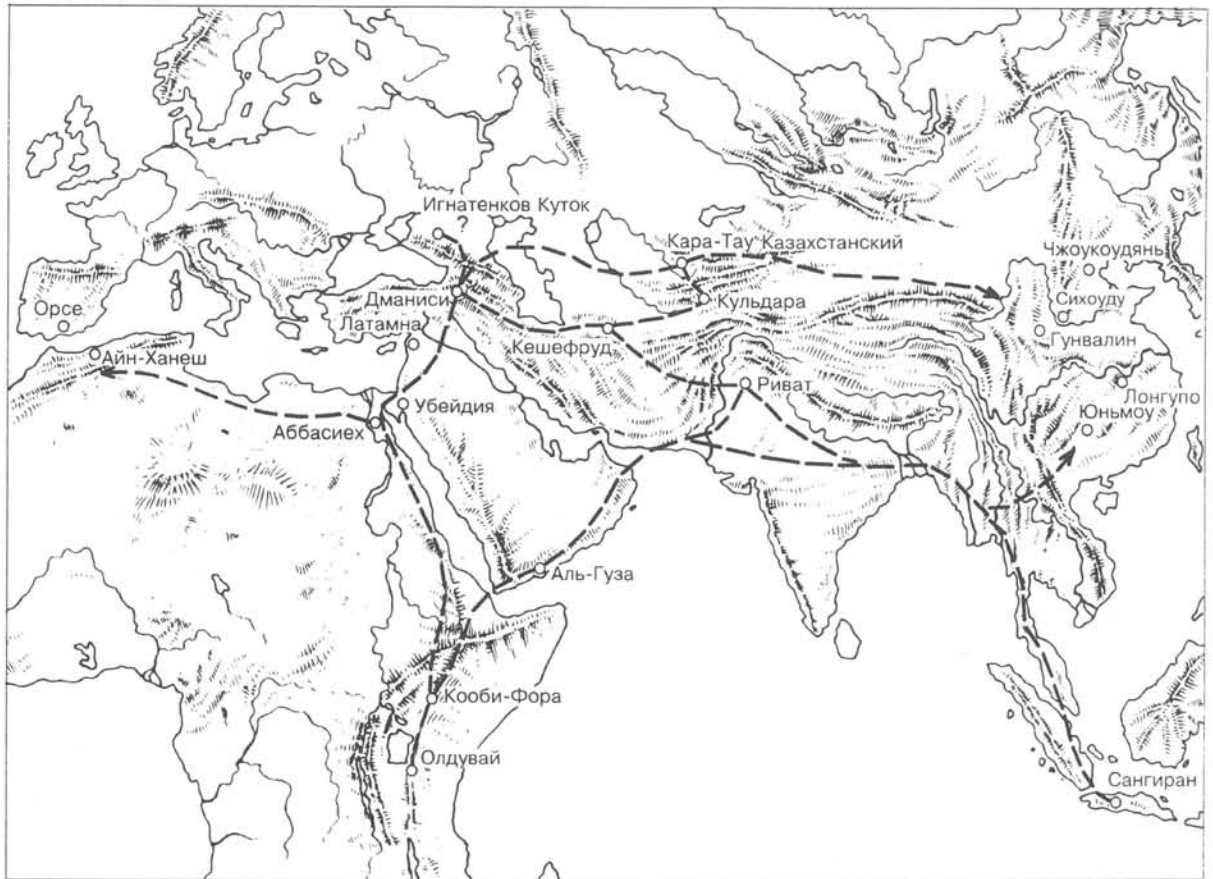

Рис. 6 Вероятные трансасиатские пути расселения ранних *Homo erectus*.

Fig.6 Probable Trans-Asiatic migration routes of early *Homo erectus*.

мятники (Сатани-дар, Джрабер, Атис, Чикиани, Персати и другие), на которых собраны большие коллекции ашельских ручных рубил (на местонахождении Атис I, в частности, по сообщению Р.Казаряна (1986:433-434), их найдено более 420 экз.). Вне нагорья, на всей остальной территории Кавказа, ашельские бифасы встречаются гораздо реже.

Маршруты движения ашельских людей к северу пролегли в основном через Центральное Закавказье и регламентировались, по всей видимости, природными факторами. Западное Закавказье (Колхида) в кромере (чаудинский век региональной хронологической схемы) с его влажными залесенными ущельями и заболоченными низменностями (Чочиева, Мамацшвили 1991:257-258) вряд ли могло привлечь исконных обитателей открытых пространств. Значительный природный барьер простирался в чаудинском (бакинском по каспийской схеме) веке и в Восточном Закавказье: Куринская низменность была покрыта водами бакинской трансгрессии Каспия вплоть до Мингечаура (Федоров 1978) (рис. 1). Более благоприятная экологическая ситуация существовала, должно быть, в центре перешейка, к востоку от

Лихского хребта. Сюда, в обход сильно залесенной Колхиды, судя по распространению бифасов, и продвигались ашельские гоминиды. Направление Армения – Южная Грузия – Юго-Осетия являлось, на наш взгляд, наиболее вероятным маршрутом продвижения ашельцев в сторону Большого Кавказа. К северу от нагорья, в полосе этого субмеридионального маршрута известны многочисленные ашельские местонахождения предгорий (Лаше-Балта, Калети, Тигва, Гористави, Квернети и другие) и пещерные стоянки среднегорий и высокогорий (Кударо I, Кударо III, Цона) (Любин 1981, 1984, 1989; Lioubine 1981; Lubine et al. 1985) (рис. 2). На всех этих памятниках, в целом, найдено около 150 ашельских бифасов, что во много раз превышает количество бифасов, встреченных на всей остальной территории Большого Кавказа.

Заселение северного склона Большого Кавказа ашельскими людьми (разновозрастные индустрии с ашельскими бифасами на местонахождениях Игнатенков куток, Абадзехская, Фортепянка, Ходжох и другие) также, как отмечалось, происходило, видимо, с юга. Наиболее вероятные пути миграций носителей

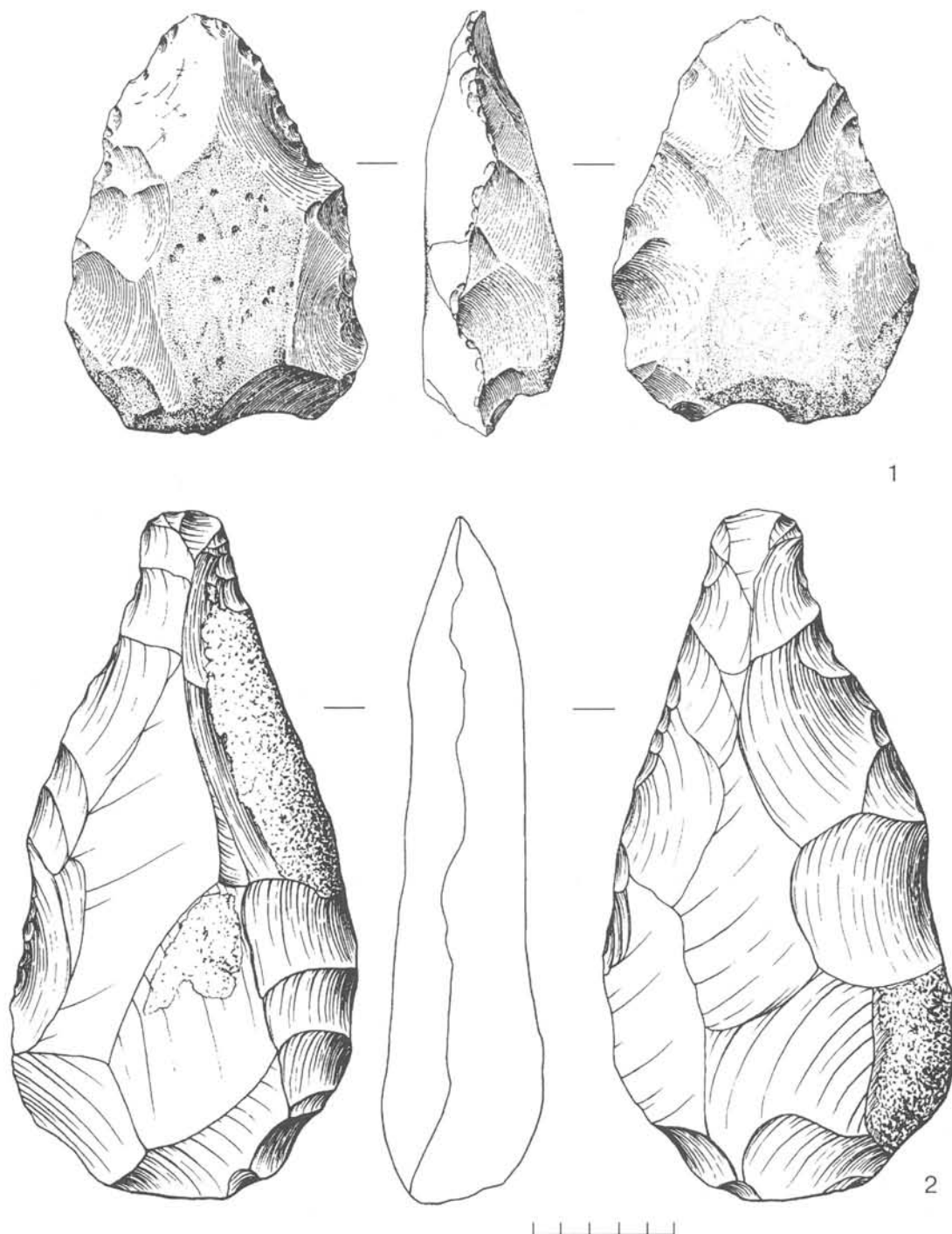

Рис. 7 Бифасы: 1 - Игнатенков куток на Северном Кавказе (по С.Н.Замятнину, 1961); 2 - Яштуха в Абхазии (фонды музея в г.Сухуми). Бифас с Яштуха местами покрыт железистыми натечками.

Fig.7 Bifaces: 1 - Ignatenkov Kutok, North Caucasus (after S.N.Zamyatnin, 1961); 2 - Yashtukh, Abkhasia (Sukhumi Museum). The Yashtukh biface is partly covered with residual ferricrust.

ашельских индустрий с бифасами могли проле- гать через пониженные перевалы западной (ку- банской) и центральной (осетинской) части Большого Кавказа. Чужеродным вкраплением среди северокавказских бифасных индустрий выглядит лишь галечная индустрия из слоя 4"г" Треугольной пещеры, раскопанной недавно в Прикубанье. Исследователи этой пещеры Л.В. Голованова и В.Б. Дороничев относят эту

индустрию к минделю (?) и полагают, что здесь имел место приход ашельских людей не с юга, а из Центральной Европы. Ближайшие анало- гии данной индустрии, по их мнению, можно найти в материалах гюнц-миндельских и мин- дельских индустрий моравских стоянок Стран- ска скала, Пржезлетице, Бечов I и других, а также в ансамбле изделий из украинской сто- янки Королево VI. Именно поэтому они отно-

сят индустрию слоя 4г к выделенной В.Н.Гладилиным и В.И.Ситливым (1990) "карпатской фации ашеля одностороннего" (Дороничев 1992; Голованова, Дороничев 1993; Голованова 1995), к "европейскому культурному ареалу" (Голованова 1995:8).

Приход центрально-европейских ашельцев на Северный Кавказ теоретически не исключен, но нуждается в обоснованиях. Параллели галечным орудиям типа различных чопперов, "протобифасов", кливеровидных форм и других можно, во-первых, найти и в кавказском ашеле (пещеры Кударо и Азых). Во-вторых, галечные орудия из карпатских стоянок Пржезлетице, Странска скала и других в настоящее время рассматриваются как "псевдоартефакты" (Roebroeks, Kolfschoten 1994:496-497). В-третьих, технологические и морфологические особенности индустрии Королево VI заметно отличаются от таковых в индустрии слоя 4г Треугольной пещеры (Гладилин, Ситливый 1990:41-47, 129-130). Слой 4г, наконец, судя по биостратиграфическим данным может быть отнесен не к минделю (Голованова 1995:8), а к миндель-риссу или даже к риссу (Барышников 1993:43). Концом миндель-рисса датирует комплекс слоя 4г и В.Б.Дороничев в своей последней публикации (1995:11). Архаичный же облик большинства встреченных в этой индустрии галечных изделий связан, очевидно, с формой и качеством исходного сырья (плитчатая известняковая галька). О более позднем, чем предполагалось вначале, возрасте говорит и наличие здесь плоских двуплощадочных нуклеусов (Любин 1996:105-108).

9. Вопросы датировки индустрий поздних эректусов на Кавказе. Первые наметки датировок индустрий кавказского ашеля исходят из данных био- и геохронологии. Первые опираются на биостратиграфические показатели многослойных ашельских стоянок в пещерах Азых, Кударо I, Кударо III, Цона и Треугольная. Среднеплейстоценовые ашельские фауны этих пещер резко отличаются от фауны Дманиси и в значительной мере от фауны Амиранис-гёра. В них, в отличие от последней, отсутствуют представители хоботных (*Archidiskodon sp.*, *Mammuthus aff. trogonterii*), гиппарионовидных лошадей (*Equus hipparionoides Vekua*), бегемотов (*Hippopotamus georgicus Vekua*), премегацеросов (*Praemegaceros verticornis*), саблезубых кошек (*Homotherium*) и других.

В фауне ашельских слоев указанных пещер Г.Ф.Барышников (1993) определяет две одновременные группировки видов. Первая, более архаичная, выделенная под названием урупского териокомплекса, представлена фауной базальных слоев 6-7 Треугольной пещеры и соответствующей этим слоям фауной базального

ашельского уровня VI пещеры Азых в Карабахе. Из крупных млекопитающих в состав данного комплекса входят мосбахский волк (*Canis mosbachensis*), пещерный медведь Денингера (*Spelaeartcos deningeri /cf. deningeri/*), альтенбургский барсук (*Meles hollitzeri*), ласка (*Mustela nivalis*), пятнистая гиена (*Crocota crocota /cf. praespelaea/*), лев (*Panthera leo*), мелкая лошадь, сходная с намадийской (*Equus /Plesippus/ cf. E. namadicus*), этрусский носорог (*Stephanorhinus etruscus brachycephalus*), косуля, сходная с зюссенборнской (*Capreolus cf. C. suessenbornensis*), благородный олень без короны (*Cervus elaphus acoronatus*), бизон Шетензака (*Bison schoetensacki*). В составе мелких животных здесь определены: крупная пищуха (*Ochotona sp. /cf. Ochotona transcaucasica Vekua/*), гудаурская полевка (*Chionomys gud*), лесная (рыжая) полевка (*Clethrionomys sp.*). На древность урупского комплекса указывает более архаичный облик пещерного медведя и благородного оленя, архаичная форма гудаурской полевки. Но самым главным хроностратиграфическим маркером является находка в слое 7а Треугольной пещеры водяной полевки, близкой к роду *Mimomys* или же к форме переходной между родами *Mimomys* и *Arvicola*. В северо-западной Европе переход *Mimomys-Arvicola* имел место во второй половине кромержского (гюнц-миндельского) комплекса, до IV-го интергляциала кромержского межледниковья (Roebroeks and Kolfschoten 1994:494). Опираясь на этот маркер и на общий видовой спектр, Г.Ф.Барышников (1993:42-43) коррелирует урупский комплекс с поздней стадией тираспольского комплекса Восточной Европы и датирует его кромержом (кислородная стадия 15).

Вторую, более позднюю группировку видов, названную кударским териокомплексом, слагают фауны слоев 5б-5в Треугольного грота и базального ашельского слоя 5в в пещере Кударо I. В их состав входят: макак (*Macaca sylvana prisca*), дикобраз Виноградова (*Hystrix Vinogradovi*), закавказский дикобраз (*Hystrix cf. hirsutirostris*), мосбахский волк (*Canis mosbachensis*), средиземноморский медведь (*Selenarctos mediterraneus*), медведь Денингера (*Spelaeartcos deningeri* — предковая форма подвида *S.d. kudarensis*), лев (*Panthera leo*), этрусский носорог (*Stephanorhinus etruscus brachycephalus*), благородный олень бинагадинский (*Cervus elaphus binagadensis*), бизон (*Bison sp.*), козел (*Capra sp.*). Аналогом кударской фауны является сингильский комплекс Восточной Европы. Фауна отмеченных слоев пещер Треугольной и Кударо I имеет теплолюбивый облик и может соответствовать внутриминдельскому потеплению (кислородная стадия 13 или 11) (Барышников 1993:43).

Две абсолютные даты, полученные для слоя 7а Треугольной пещеры и слоя 5в пещеры Кударо I, в общем, как-будто подкрепляют приведенные выше биохронологические оценки урупского и кударского комплексов: ЭПР дата для слоя 7а равна 583 ± 25 тысяч лет назад, РТЛ дата для 5в равна 360 ± 90 тысяч лет назад. Кроме того, имеется еще одна РТЛ дата для ашельского слоя 8а пещеры Кударо III — 560 ± 112 тысяч лет назад (Любин 1993:174). Первая и третья даты, позволяют, как кажется приблизительно оценить возраст самых ранних стратифицированных комплексов кавказского ашеля с бифасами. Правда, в слое 7а Треугольной пещеры, как и в слое 8а пещеры Кударо III, находки малочисленны и малохарактерны, зато в слое VI пещеры Азых, фауну которого Г.Ф. Барышников также относит к урупскому комплексу, они многочисленны и содержат весьма архаичные формы бифасов и кливеров. Более же поздняя дата слоя 5в в пещере Кударо I вполне адекватна довольно развитому облику встреченных в нем ашельских бифасов.

Таковы в первом приближении возрастные оценки наиболее ранних стратифицированных стоянок кавказского ашеля. Будущие коррективы здесь несомненны, так как возможна асинхронность в региональных переходах *Mitomys-Arvicola* и иная стратиграфическая ценность для Кавказа некоторых других форм. Крайне необходима также проверка имеющихся абсолютных дат другими методами.

Таким образом, нахождение на Кавказе носителей ашельских индустрий с бифасами в настоящее время, по всей видимости, отмечается не с самой ранней поры эпохи Брюнес и среднего плейстоцена, а лишь со времени последнего, IV-го, интергляциала кромеа, с рубежа приблизительно 600 000 лет назад*.

10. Особенности ашельских индустрий эректусов Кавказа и Леванта. Ашельские памятники Кавказа многочисленны и разнообразны. Стратифицированные, как отмечалось, представлены пещерами Азых, Кударо I, Кударо III, Цона, Треугольной и (судя по единичным бифасам в низах толщи отложений) Ахштырской близ Сочи. Нестратифицированные, разрушенные стоянки (местонахождения) насчитываются многими десятками. Наиболее важные и компактные группировки ашельских местонахождений (типа огромных мастерских или стоянок-мастерских) приурочены к выходам исходного сырья: обсидиана и андезита на Закавказском нагорье (Сатани-дар, Джрабер, Чикиани, Персати и другие), кремня в Абхазии

(Яштух, Бырц, Богос и другие) и в Прикубанье (Абадзехская, Фортепьянка и другие) (Любин 1984:48).

Контраст между галечной индустрией Дманиси и наиболее ранними ашельскими индустриями Кавказа очевиден: технологическая и морфологическая преемственность между ними практически не прослеживается. Индустрию Дманиси, следует отнести к начальному периоду истории человечества, выделяемого Ф.Урсом под названием "палеолита архаичного" (*Paléolithique archaïque*) (Chavaillon 1988; Farizy 1988), ашельские индустрии — к "палеолиту нижнему", главной фацией которого во многих регионах, как и на Кавказе, является ашель с бифасами.

Если исключить автохтонное перерастание на Кавказе галечной индустрии типа Дманиси в ашель с бифасами и допустить приход носителей последнего со стороны Леванта, то бросается в глаза отсутствие на Кавказе таких наиболее архаичных левантийских ашельских индустрий с бифасами, как индустрии типа Убейдии, Джуб-Джаннина и Латамны (опорные индустрии так называемой убейдинско-латамнской традиции) с характерными для них пиками, триэдрами, полиэдрами, сфероидами, удлиненными бифасами с долотовидными дистальными концами (Stekelis 1966; Clark 1967 et 1968; Hours 1975; Besançon et al. 1982; Bar-Yosef 1975, 1994). Отсутствие в кавказском ашеле названных орудий можно объяснить либо миграцией на Кавказ представителей этой традиции на стадии утраты наиболее архаичных форм, либо миграцией сюда представителей других выделяемых Урсом (1985:164) левантийских фаций ашеля, характеризующихся в основном бифасами (индустрии типа Рас-Бейрут), бифасами и кливерами (типа Джиср-Банат-Якуб) или отсутствием бифасов вообще.

Впрочем, по мнению И.И.Коробкова (1989), индустрию одного из местонахождений на Яштухе в Абхазии допустимо все же сопоставлять с индустриями указанной убейдинско-латамнской традиции. В сравниваемых комплексах, как он считает, типологически близки бифасы, кливеры и чопперы: удлиненный яштухский бифас с совковидным дистальным концом (рис. 7:2) сходен с бифасами из стоянки Джуб-Джаннин, кливер (рис. 8:2) — с таким же орудием из стоянки Майян-Барух и так далее (Коробков 1989, 1995). К сожалению, ашельские материалы Яштуха изданы пока в малой степени и судить об этих параллелях сейчас затруднительно.

* Остается, впрочем, открытым вопрос о возрасте ашельских бифасов Игнатенкова кутка: связь их с древним костеносным галечником нуждается в уточнении.

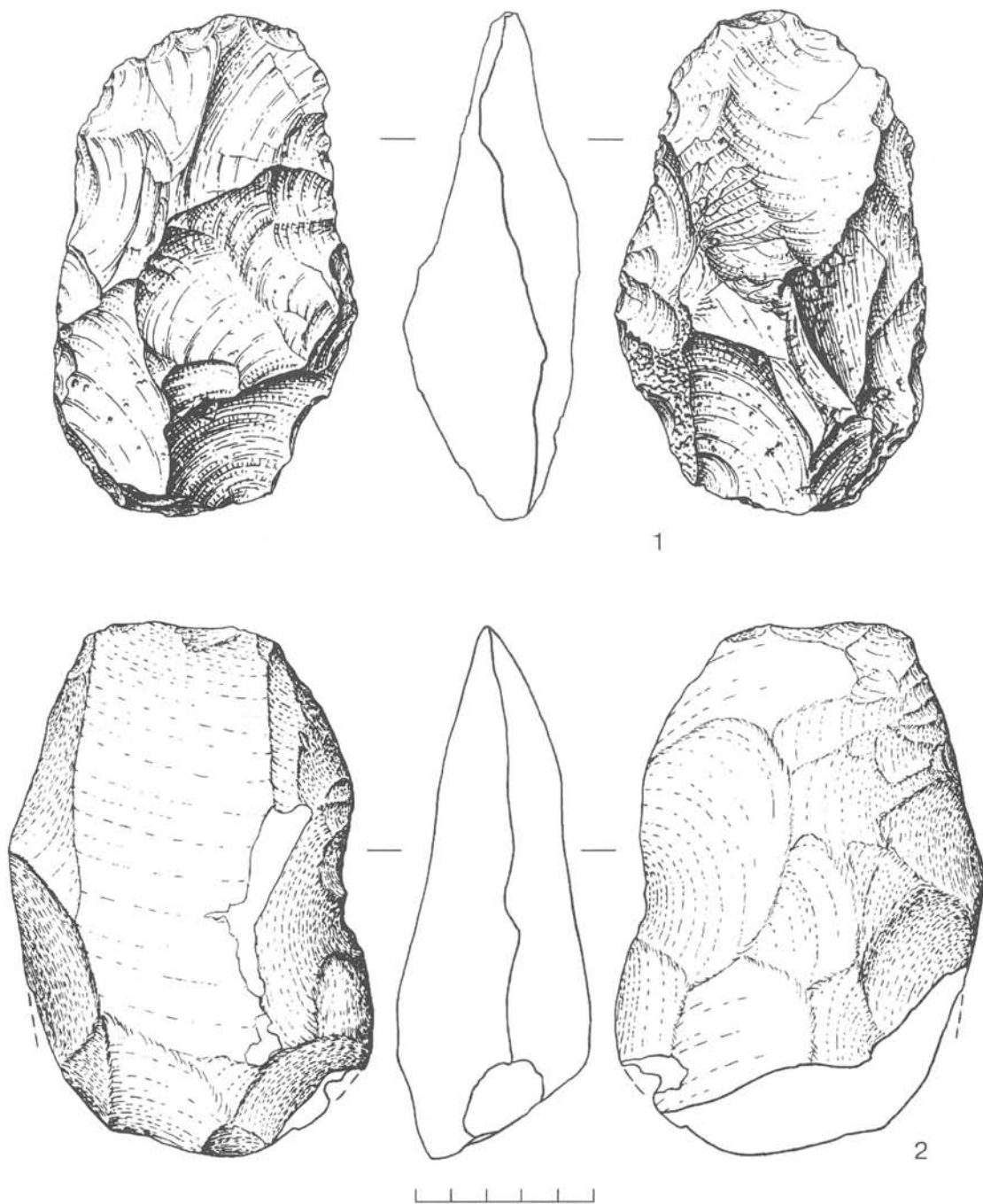

Рис. 8. Кливеры: 1 - Лаше-Балта (по В.П. Любину); 2 - Яштух (по И.И.Коробкову).

Fig.8. Cleavers: 1 - Lashe-Balta (after V.P.Lyubin); 2 - Yashtukh (after I.M.Korobkov).

В целом, проблема сопоставления кавказских и левантйских индустрий разработана в настоящее время недостаточно. Небезынтересно все же, что (если исключить стоянку Джиср-Банат-Якуб) ашельские индустрии с бифасами в Леванте содержат такой же невысокий процент кливеров (Gilead 1973:76), как и на Кавказе. Находки наиболее архаичных образцов кливеров расположены, кстати сказать, на самой южной окраине Кавказа: в слое VI пещеры Азых и на местонахождении Чикиани в Грузии (Кикодзе 1986) (рис. 10: 2). Кливеры обнаруже-

ны также в ашельских слоях Цонской пещеры (рис. 9: 1-2), на местонахождениях Лаше-Балта (рис. 8: 1), Сатани-дар (рис. 9: 3) и др. Показательны также находки на Кавказе (в Персати у турецкой границы, в Калети в Юго-Осетии, в Абхазии и на Кубани) удлиненных бифасов африкано-levantийского облика (рис. 11: 1-3).

Подытоживая сегодняшние свидетельства об особенностях ашельских индустрий, как стратифицированных, так и нестратифицированных памятников Кавказа, отметим, прежде всего, что Кавказ (и в первую очередь Закавказье)

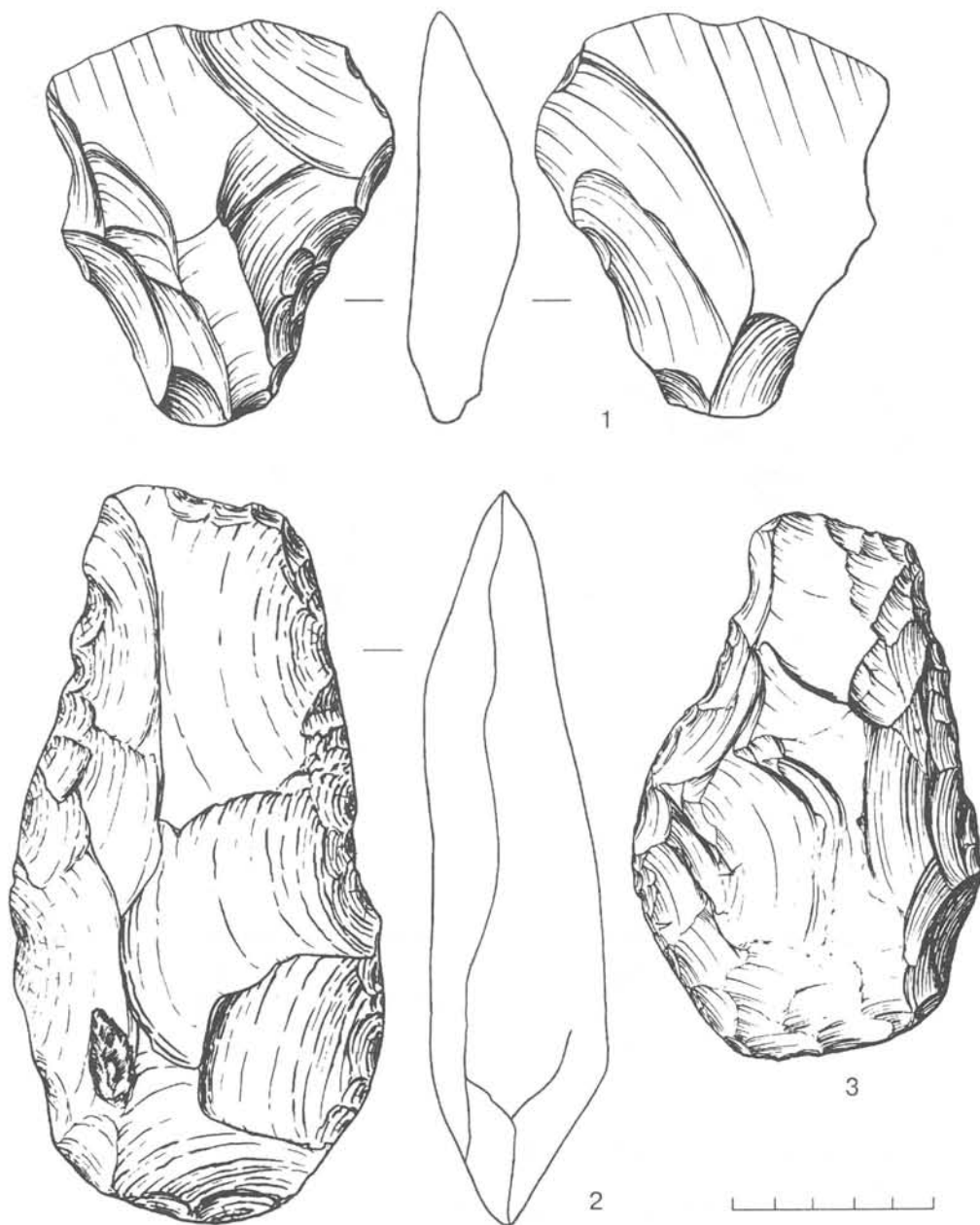

Рис. 9 Кливеры: 1, 2 - Цонская пещера; 3 - Сатани-Дар (колл. А.Н.Каландадзе, М.З.Паничкиной; определения В.П.Любина).

Fig.9. Cleavers: 1,2 - Tsona cave; 3 - Satani-Dar (collected by A.N.Kalandadze and M.Z.Panichkina; determined by V.P.Lyubin).

зь) является районом распространения ашеля *sensu strictu*, то есть ашельских индустрий с бифасами. В то же время бифасы классических типов (ланцетовидные, микокские, сердцевидные, миндалевидные, овальные, треугольные и другие) правильных линейных очертаний, обработанные сплошной двусторонней ретушью, двояковыпуклые в поперечном сечении здесь сравнительно немногочисленны (рис. 10: 1; 11; 12). Особенно редки правильные ланцетовидные, овальные и треугольные формы, удлиненные бифасы всех разновидностей, бифасы с закругленными лезвийными пятками (рис. 11:

2,3). В ряде индустрий преобладают весьма варибельные частичные бифасы (рис. 14: 1,2,5,6; 15: 1), бифасы с обушком (рис. 13), то есть бифасы неклассических типов. Некоторые формы следует, по всей видимости, причислить к категории разных (*bifaces divers*). Это бифасы с плечиками (рис. 14: 1,2,5,8), с выступами выделенными анкошами (рис. 14: 3,4), предметы, переходные к скреблам с двусторонней ретушью и другие.

Технологические возможности сырья (кремень, андезит, обсидиан, сланец и другие), формы и размеры исходных заготовок, а также

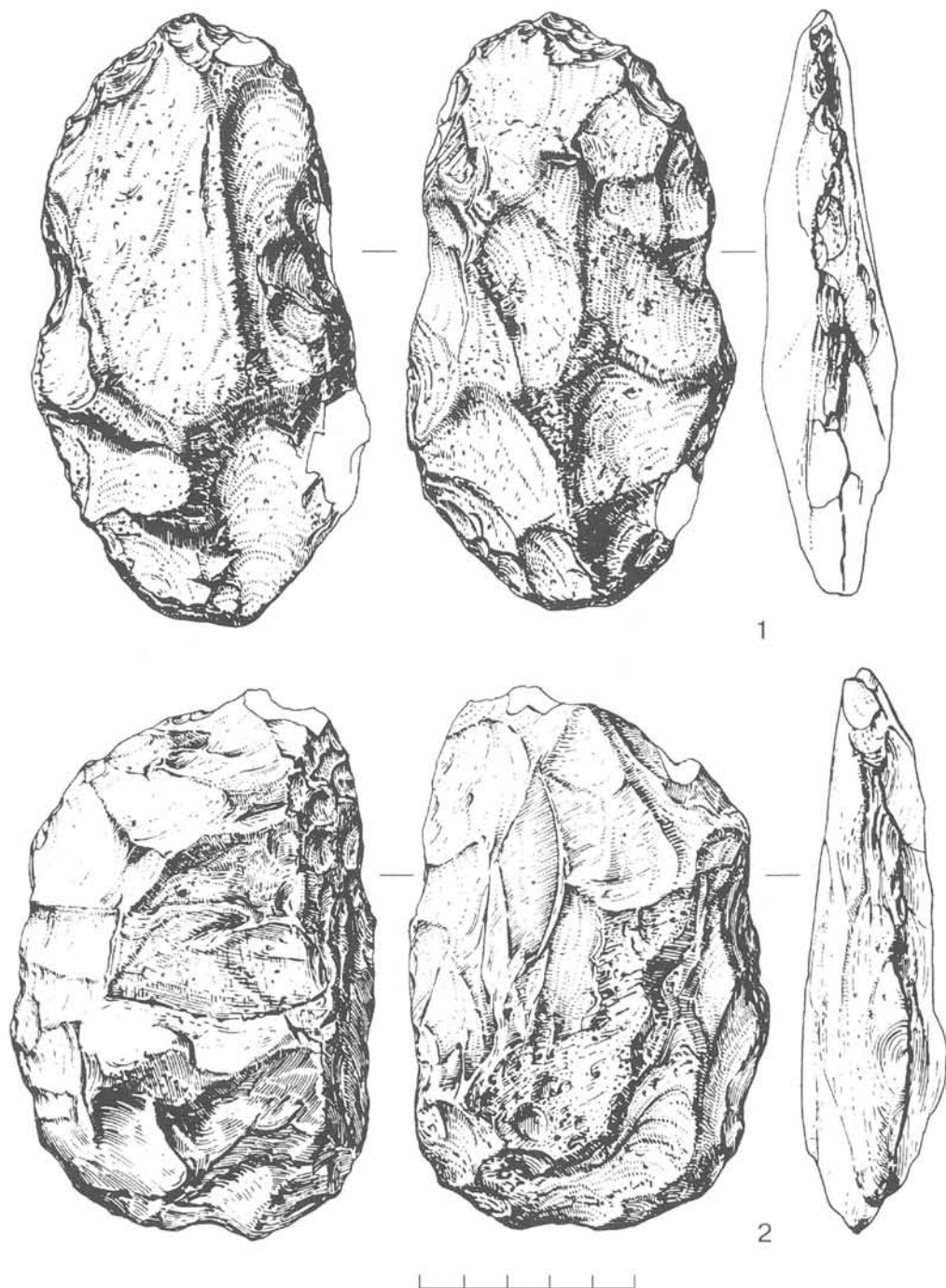

Рис. 10 Чикиани(Грузия): 1 - бифас; 2 - кливер (по З.К. Кикодзе).

Fig.10 Chikiani, Georgia: 1 - biface; 2 - cleaver (after Z.K.Kikodze).

возможно, культурные традиции обусловили известную вариабельность ашельских индустрий. От индустрии к индустрии, в частности, разнообразятся поперечные сечения бифасов. У классических форм они двояковыпуклые (рис. 11; 12) или (при противоположном расположении вспомогательных площадок) имеют форму параллелограмма. У прочих, сделанных из отщепов, плоских галек и тому подобных заготовок (при одностороннем положении площадок) — плосковыпуклые (рис. 14: 7), подтре-

угольные или трапециевидные.

Важной особенностью кавказских бифасов, в том числе и некоторых классических образцов, является выраженное в большей или меньшей мере выпрямление их продольных краев, тенденция к приданию орудиям подпрямоугольных очертаний. Дистальные концы таких бифасов принимают вид дуги или низкого острия на ширину всего или почти всего поперечника подпрямоугольного предмета (рис. 15). Форма орудий такого рода граничит с формой

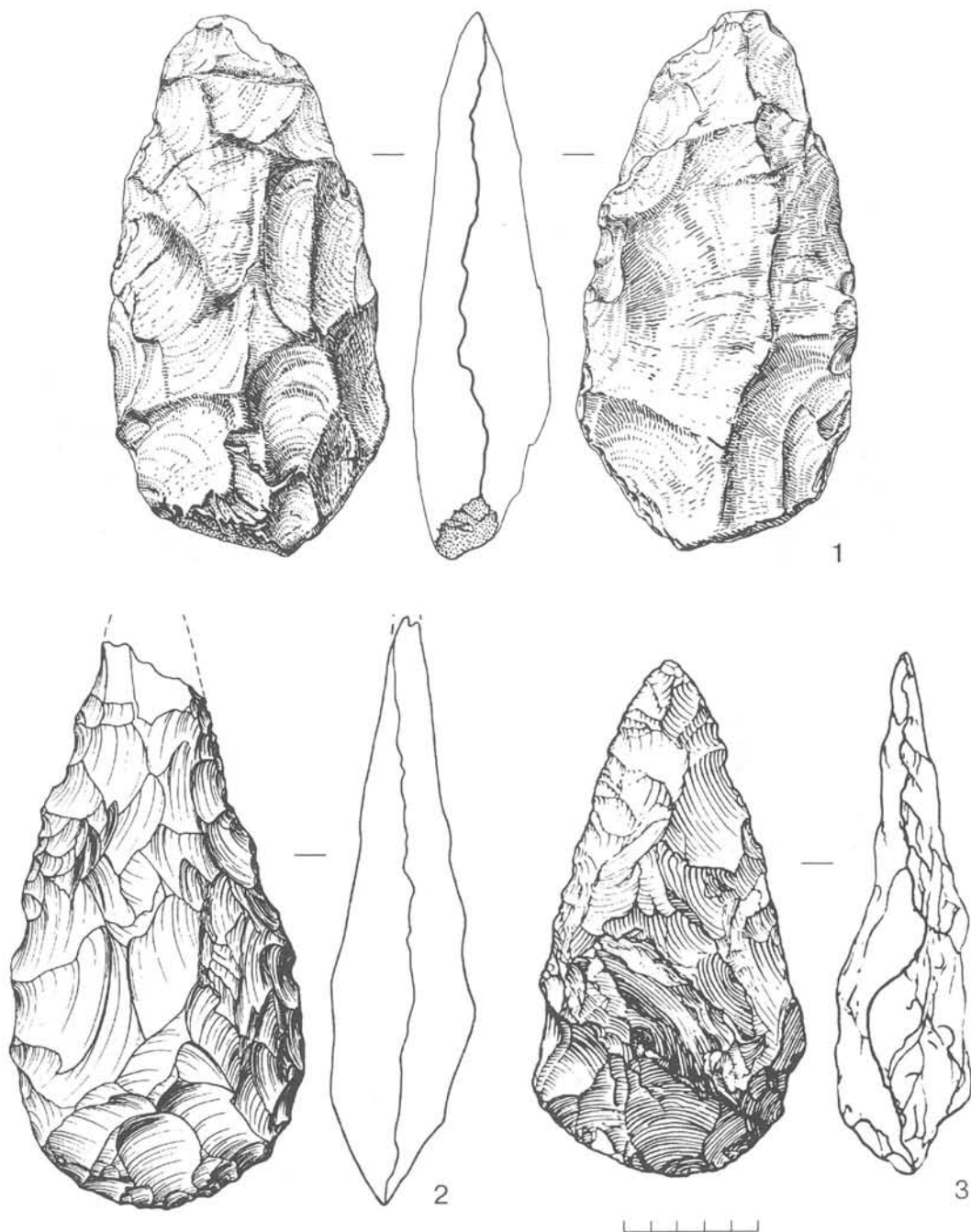

Рис. 11 Удлиненные бифасы: 1 - Калети (по В.П. Любину); 2 - Закубанье (школьный музей с. Курджиново); 3 - Яштух (по И.И. Коробкову).

Fig. 11 Elongated bifaces: 1 - Kaleti (after V.P. Lyubin); 2 - Trans-Kuban' area (Kurjinovo school museum); 3 - Yashtukh (after I.I. Korobkov).

бифасов-кливеров или кливеров на отщепях, встречаемых почти во всех ашельских индустриях (рис. 8; 9).

Г.П. Григорьев (1990:98–102), рассматривая материалы кавказского ашеля в целом, помещает его ... "в рамки так называемого северного ашеля, то есть той разновидности, которая включает рубила, но лишена чопперов и колунов — признаков так называемого южного ашеля, как называл его Ф.Борд". Отнесение кавказского ашеля к ашелю северному или юж-

ному, на наш взгляд, иллюзорно, так как ручные рубила, кливеры (колуны) и чопперы (рис. 16) представлены почти во всех стратифицированных ашельских индустриях Кавказа и в индустриях ряда местонахождений открытого типа. Кавказский ашель имеет свои региональные особенности, которые только что были вкратце отмечены.

11. Заключение. Подытоживая изложенные данные о временных и пространственных параметрах первоначального заселения гоминидами

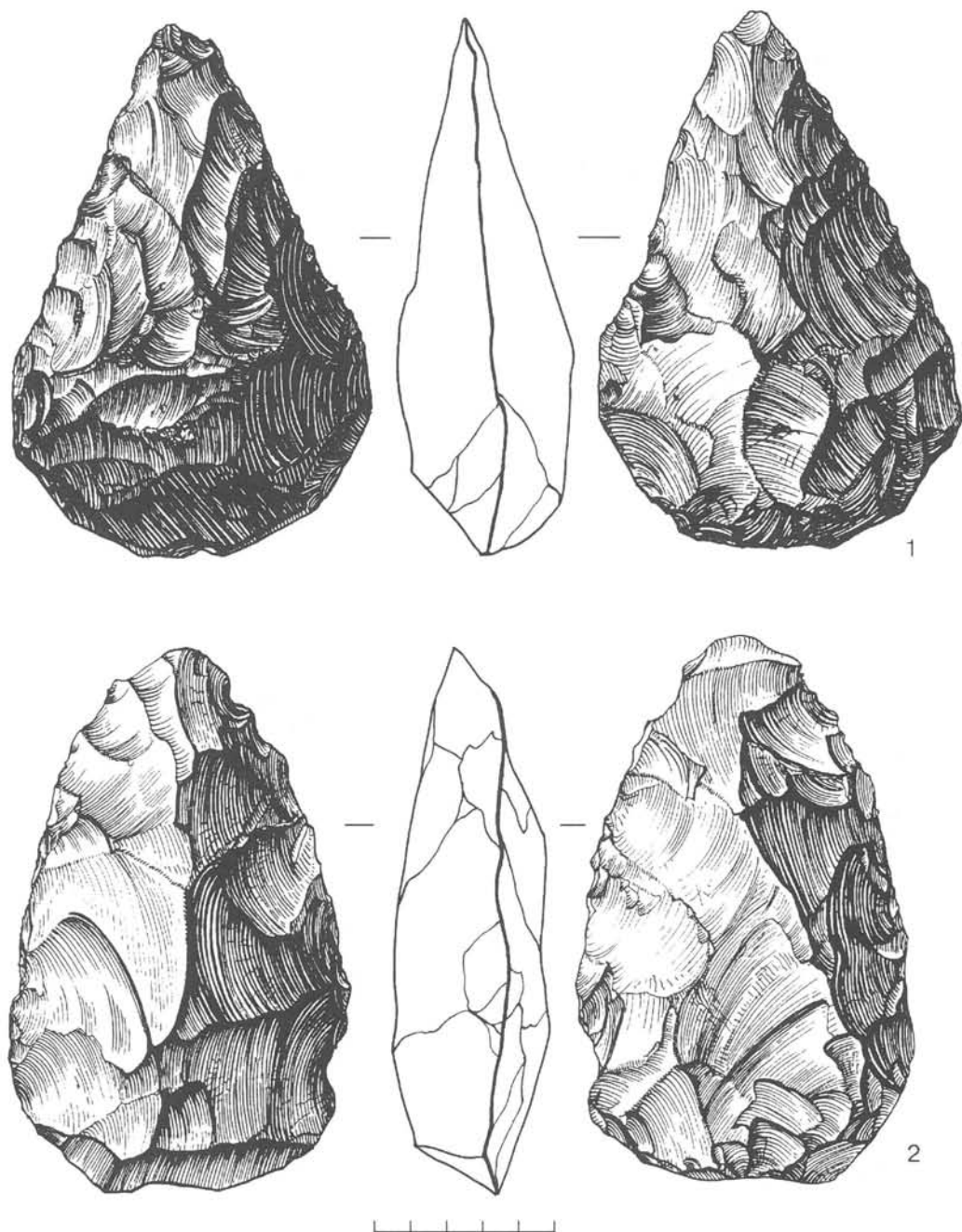

Рис. 12 Бифасы из местонахождения Джрабер в Армении (по В.П. Любину).

Fig. 12 Bifaces from Dzhraber, Armenia (after V.P. Lyubin).

Кавказа и Евразийского материка в целом, можно, на наш взгляд, наметить два этапа этого заселения. Первый, возможно, изначальный, "трансзиатский", имел место на заре раннего плейстоцена, осуществлялся ранними эректусами (*Homo ergaster?*) и имел большую проникающую силу. Миграционные пути в это время пронизывали Южную Азию на всем ее протяжении от Ближневосточного (афро-азиатского) моста до Китая и Явы. После открытия Дманиси и обнаружения в пещере Аль-Гуза в Южном Йемене стратифицированной галечной индустрии олдувайского облика (Амирханов

1991:31-122) допустимо говорить о двух-трех, по меньшей мере, гипотетических маршрутах миграций на этом этапе: южном, "приморском" и северном, внутриконтинентальном (рис. 6). Южный мог начинаться на Африканском Роге и, пересекая Баб-эль-Мандебский и Ормузский проливы, тянуться далее вдоль берега Аравийского моря, через Индо-Гангскую равнину к Индо-Китайскому полуострову и (по ныне исчезнувшему перешейкам) к Яве. Кроме пещеры Аль-Гуза, датировка базального уровня которой все же не совсем ясна, на этом маршруте сейчас можно отметить лишь местонахождение

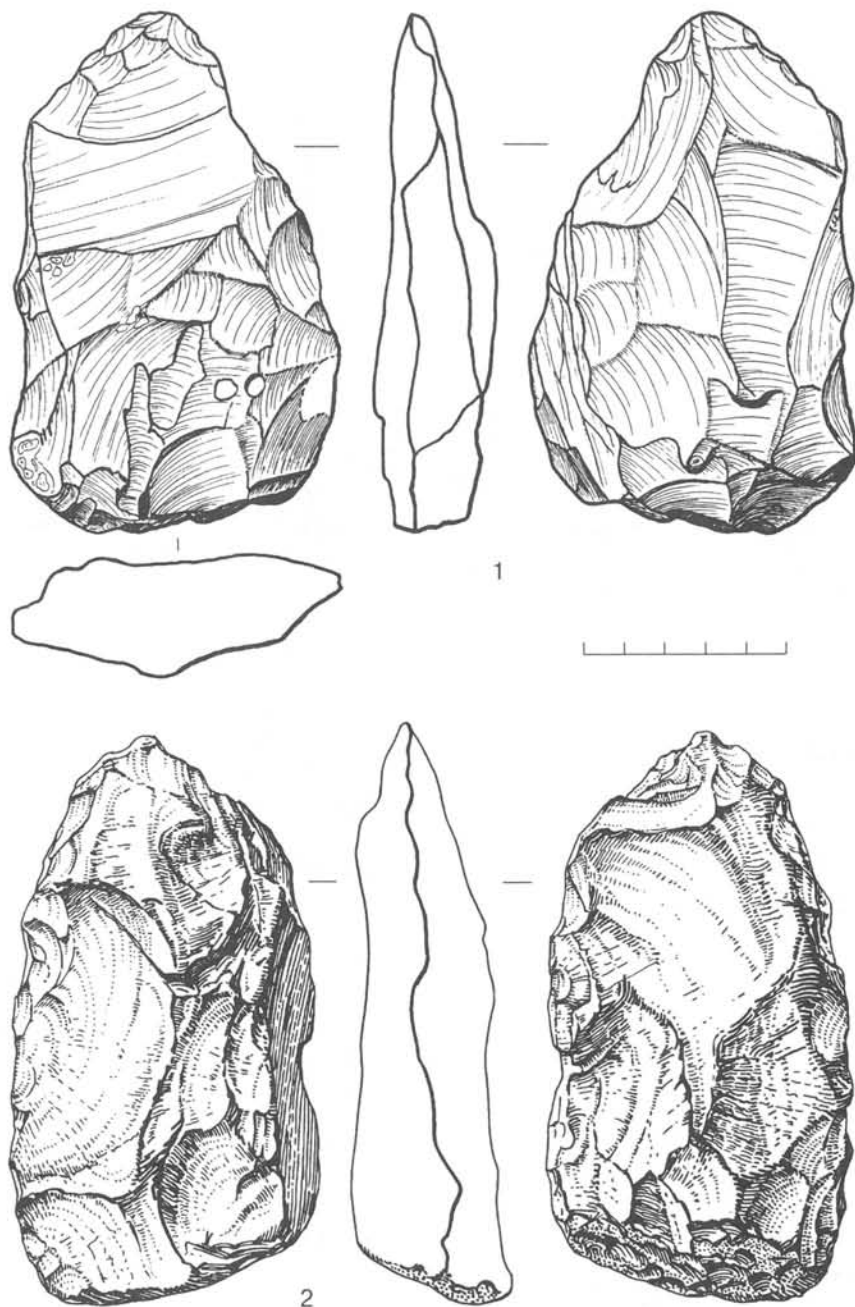

Рис. 13 Бифасы с обушком из местонахождения Тигва в Южной Осетии (по В.П. Любину).

Fig.13 Backed bifaces from Tigva, South Ossetia (after V.P.Lyubin).

Риват в Пакистане (Dennell et al. 1988). Северный мог простирается вдоль долины Нила (станция Abassiyeh) или непосредственно по линии африкано-сирийского рифта (вдоль былых отелей Красного моря и "левантийского коридора") до Дманиси, откуда, расщепляясь, возможно, поворачивал на восток, в обход сильно меняющегося в размерах Каспия, в направлении

центрально- и среднеазиатских межгорных равнин (Ферганской, Кашгарской, Джунгарской и других)*, достигая, по крайней мере, Китая. Помимо Убейдии и Дманиси, на этом маршруте (или маршрутах) можно отметить находки галечных орудий в долине Кешефруда (Ariai, Thibault 1975-1976-1977), в районе Казахского Каратау (Алпысбаев 1979: рис.

* Небезынтересно, что именно по этим межгорным равнинам, расположенным между двумя крупнейшими группировками гор Азии, в исторические времена пролегли маршруты кочевых народов, завоевателей, путешественников (Марко Поло, Н.М.Пржевальский, В.А.Обручев и другие), а также торговые пути (в том числе Великий Шелковый путь).

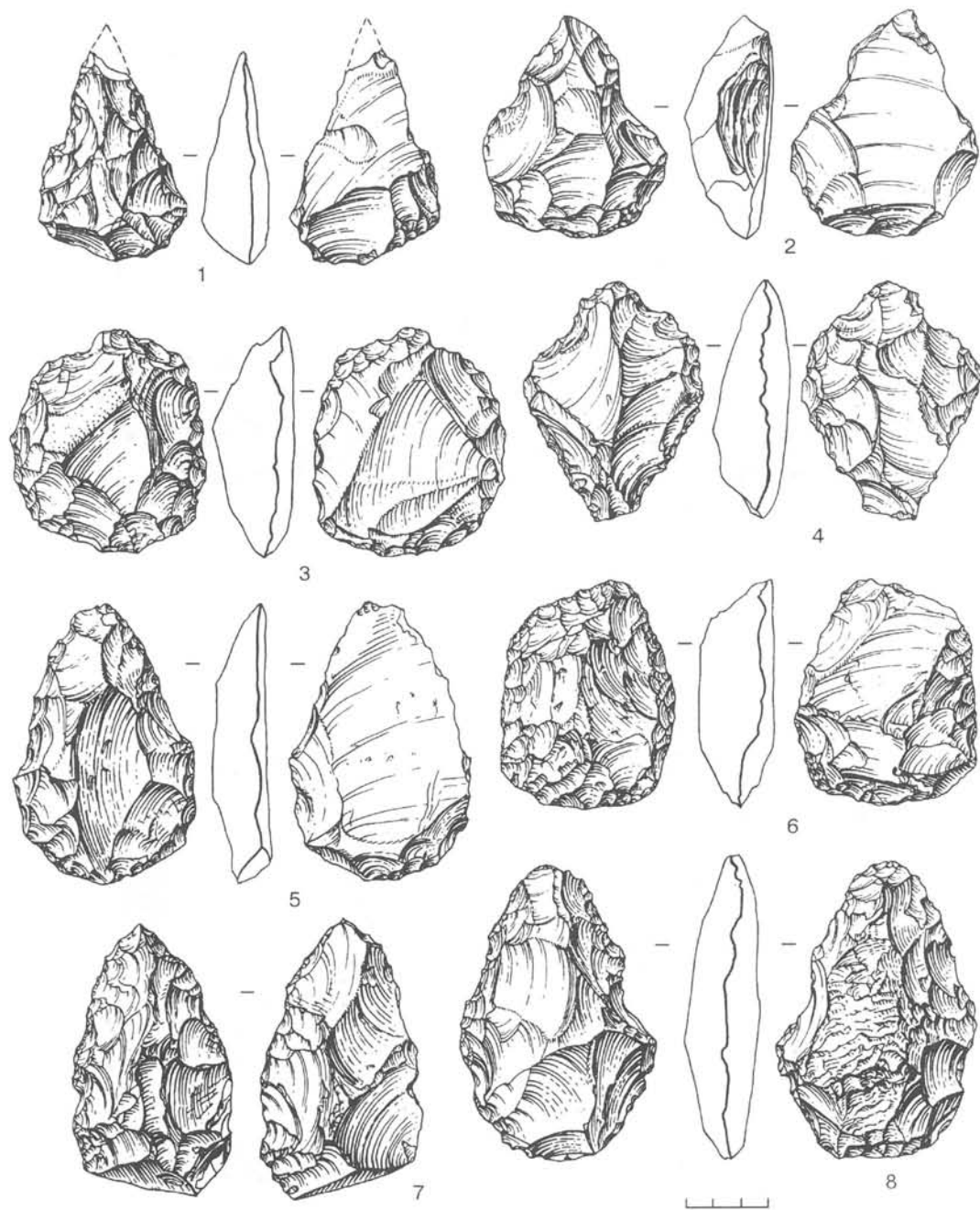

Рис. 14. Сатани-Дар (Армения): 1,2,5,8 - бифасы с "плечиками"; 3,4 - бифасы с выступами, выделенными выемками; 6 - кливер; 7 - сердцевидный (колл. М.З.Паничкиной, определения В.П. Любина).

Fig. 14 Satani-Dar, Armenia: 1,2,5,8 - "shouldered" bifaces; 3,4 - bifaces with protrusions delineated by notches; 6 - cleaver; 7 - heart-shaped biface (collected by M.Z.Panichkina, determined by V.P.Lyubin).

7, 10, 11, 13, 14), Кульдара в Таджикистане (Ранов 1992) и в Китае (Юньмоу, Лонгупо, Си-хоуду и другие).

Второй, более поздний этап расселения эректусов имел, по всей видимости, место в среднем плейстоцене. В Азии на этом этапе по-

вторялись, в основном, прежние маршруты*, но они, как и на Кавказе, охватывали гораздо большие территории. Носители индустрий с бифасами, в частности, продвинулись в область Большого Кавказа, Казахского мелкосопочника, Ферганы (Сельунгур), Индостана (мадрас-

* Очень интересна, в частности, коллекция весьма архаичных бифасов, собранных Х.А.Амирхановым (1991: рис.72,74-76,78,81,82,84) в Южном Йемене (рис. 17).

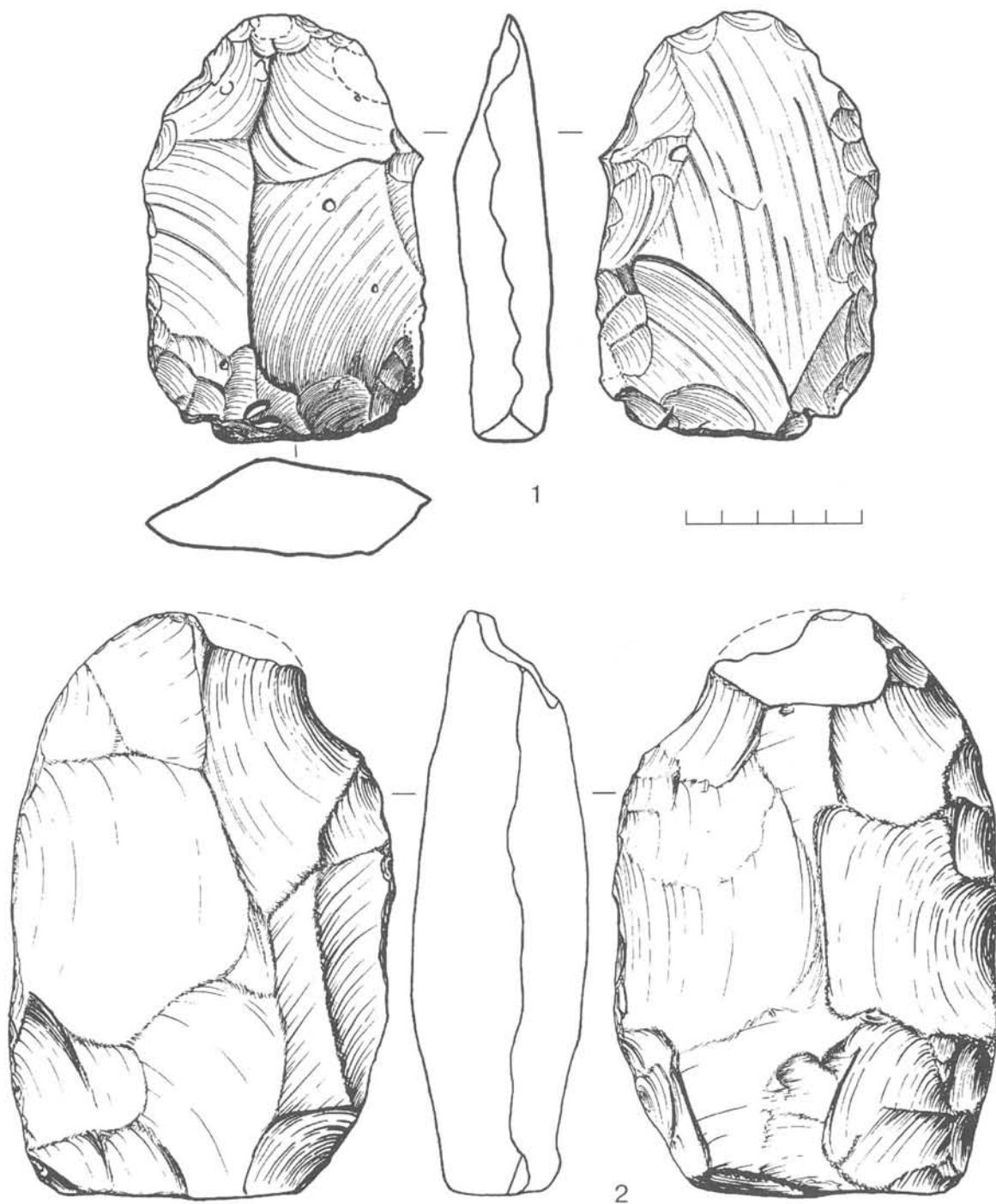

Рис. 15 Бифасы подпрямоугольных очертаний: 1 - местонахождение Гористави в Южной Осетии; 2 - пещера Кударол (по В.П. Любину).

Fig. 15 Subrectangular bifaces: 1 - Goristavi, South Ossetia; 2 - Kudaro I cave (after V.P. Lyubin).

ский "анклав" индустрий с бифасами), но почему-то не достигли Китая, юго-восточной Азии. Зато, как полагают В.Роброкс и Т. ван Колфшотен (1994), именно на этом этапе эректусы заселили большую часть Западной Европы.

Деление на два этапа, конечно, условное, произвольное. И все же начало второго этапа, особенно рубеж в 600–500 тысяч лет назад, начинает явственно, как кажется, обозначаться в

Западной Европе, на Кавказе, в Индостане.

Ашель с бифасами, как отмечалось, является главной культурной фацией нижнего палеолита кавказского региона. До сих пор, однако, неясно составляют ли Левант и Кавказ единую "бифасную индустриальную провинцию" (гипотеза "верхушки айсберга": Кавказ – северный выступ этой провинции) или Кавказ является обособленным "бифасным регионом" (гипотеза

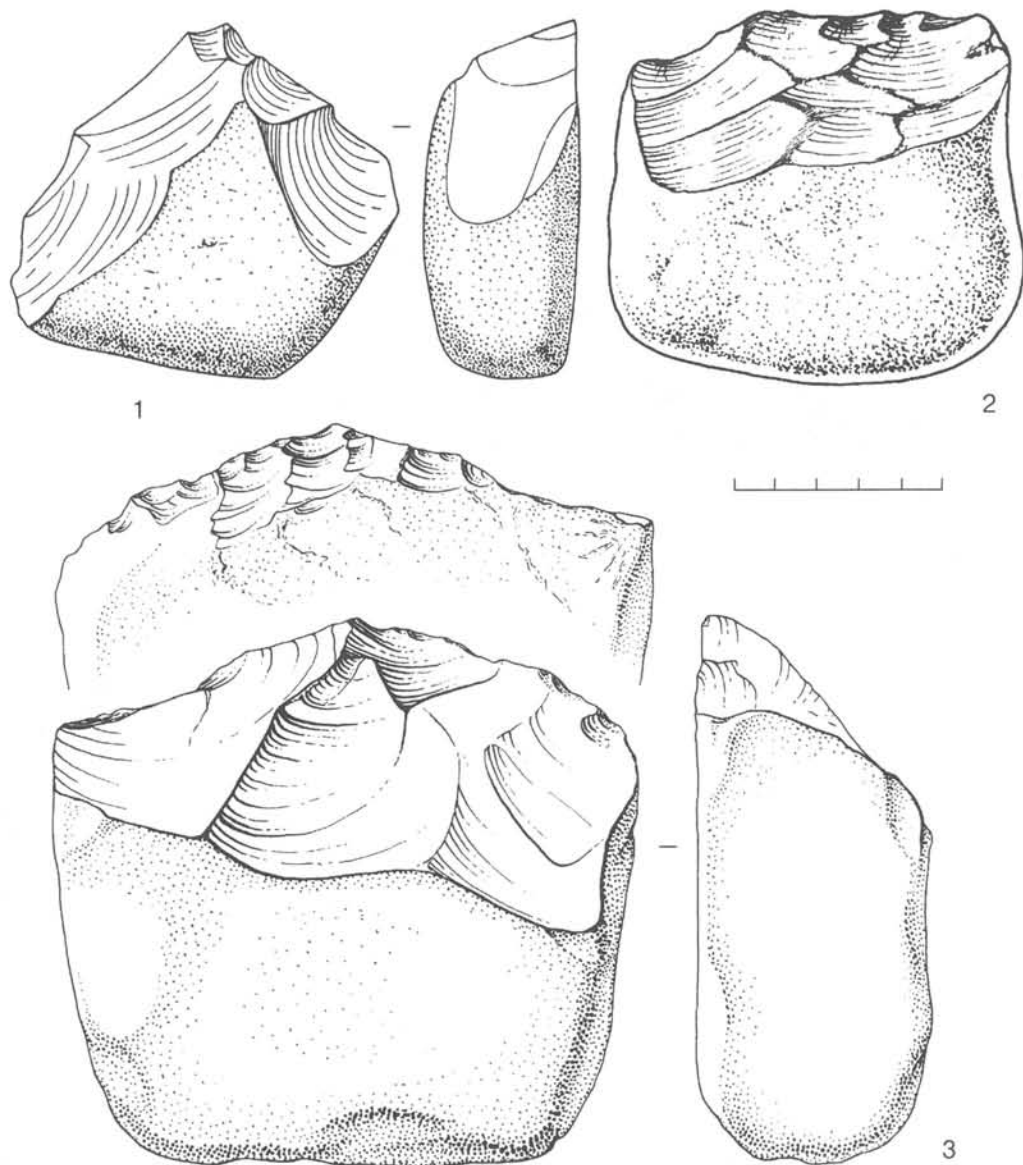

Рис. 16 Чопперы: 1 - Азыхская пещера (по М.Гусейнову); 2,3 - пещера Кударо I (по В.П. Любину).

Fig. 16 Choppers: 1 - Azykh Cave (after M.Gusseinov); 2,3 - Kudaro I cave (after V.P.Lyubin).

"анклава" подобного мадрасскому). Если в Восточной Анатолии, как и на территории между Левантом и Индией, не будут найдены соответствующие связующие звенья, то допустима еще одна гипотеза: гипотеза "транзитных зон", в которых древние номады не оставляли заметных следов пребывания.

Таковы предварительные наброски первоначального заселения Кавказа и Южной Евразии человеком, опирающиеся на фрагментарные до сих пор, но все более значимые материалы. По-

становка специальных изысканий в полосе Переднеазиатских нагорий (особенно в Восточной Анатолии и на Иранском нагорье), в Казахстане, на территории средне и центрально-азиатских межгорных депрессий и в предгорьях окаймляющих их гор, а также на Индокитайском полуострове устраним, по всей видимости, обширные белые пятна, уточнит предполагаемые маршруты, свяжет их разрозненные звенья, сделает общую картину более цельной и полной.

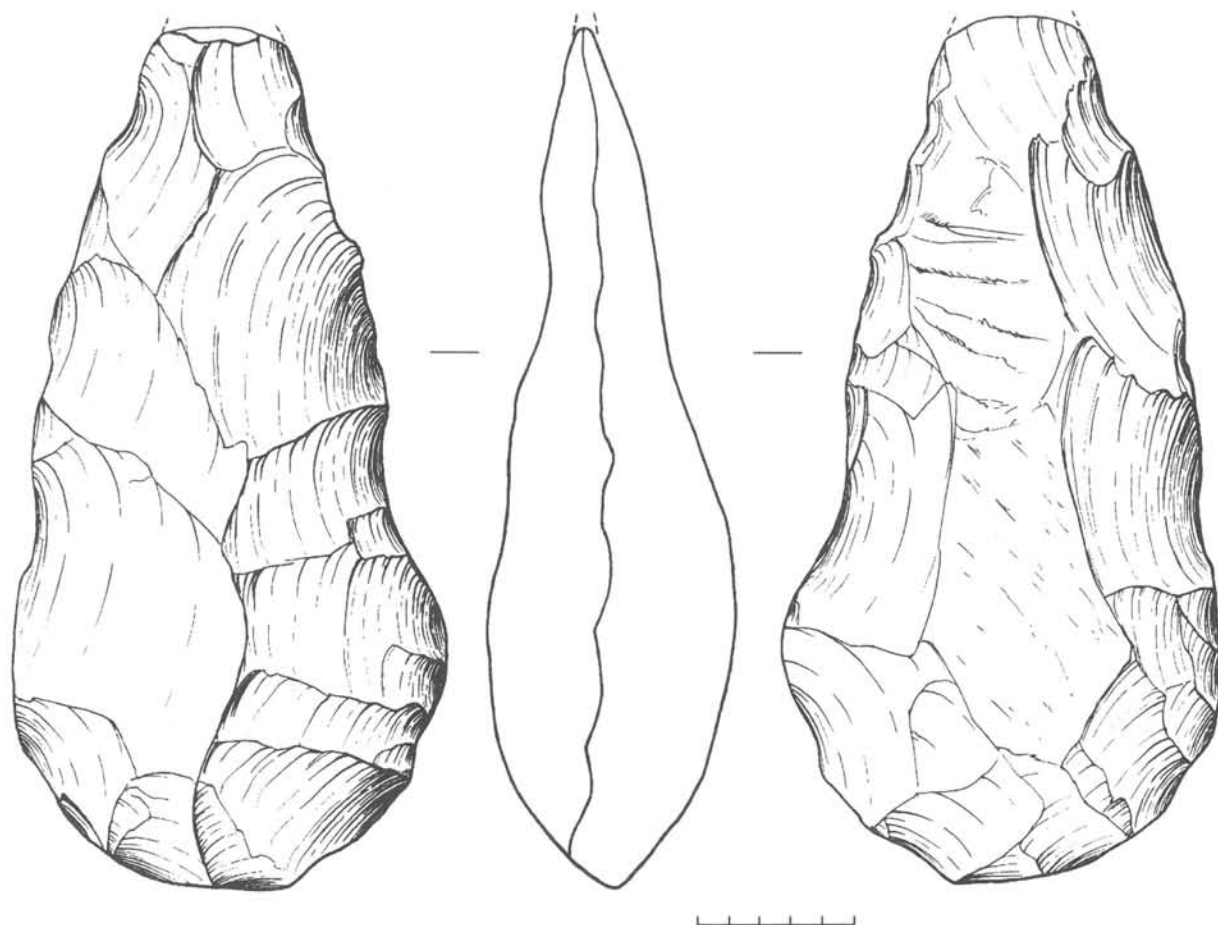

Рис. 17 Бифас из местонахождения Джебель-Тала в Южной Аравии (по Х.А. Амирханову, 1991).

Fig.17 Biface from Jebel-Tala, South Arabia (after Kh.A.Amirkhanov, 1991).

Абрамова, З.А. 1994. Палеолит Северного Китая // Палеолит Центральной и Восточной Азии (в серии "Палеолит мира"): 63-135. Санкт-Петербург.

Алтысбаев, Х.А. 1979. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана (о древнем заселении Казахстана первобытным человеком). Алма-Ата.

Амирханов, Х.А. 1991. Палеолит Юга Аравии. Москва.

Апродов, В.А. 1982. Вулканы. Москва.

Барышищев, Г.Ф. 1993. Крупные млекопитающие ашельской стоянки в пещере Треугольная на Северном Кавказе // Материалы по мезозойской и кайнозойской истории наземных позвоночных. Труды Зоологического института РАН 249: 3-47. Санкт-Петербург.

Бурчак-Абрамович, Н.И., Е.Г. Габашвили. 1945. Высшая человекообразная обезьяна из Удабно // Сообщения АН Грузинской ССР 6/6: 451-457. Тбилиси.

Векуа, А.К. 1962. Ахалкалакская нижнеплейстоценовая фауна млекопитающих (на грузинском языке). Тбилиси: Академия наук Грузинской ССР.

1972. Квабейская фауна ачкагельских позвоночных. Москва.

1991. История животного мира – позвоночные // Грузия в антропогене: 308-392. Тбилиси.

Верещакит, Н.К. 1959. Млекопитающие Кавказа. Москва-Ленинград.

Габашвили, Е.Г. 1975. Ископаемые приматы // Вестник Музея Грузии XXVIII-A: 25-51. Тбилиси.

Габуния, Л.К., А.К. Векуа. 1989. Антропогеновые лошади Грузии. Тбилиси.

1993. Дманисский ископаемый человек и сопутствующая ему фауна позвоночных. Тбилиси.

Габуния, М.К. 1994. Древнекаменный век Южно-Грузинского вулканического нагорья. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Тбилиси.

Гаджиев, Д.В., М.М. Гусейнов. 1970. Первая для СССР находка ашельского человека (Азербайджан, Азыхская пещера) // Ученые записки Азербайджанского Государственного медицинского института 31: 13-21. Баку.

Гвоздецкий, Н.А., Ю.Н. Голубчиков. 1987. Горы. Москва.

Гладили, В.Н., В.И. Ситливый. 1990. Ашель Центральной Европы. Киев.

Голованова, Л.В. 1995. Палеолит Северного Кавказа: европейские и ближневосточные влияния // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. Материалы пленума Института истории материальной культуры. 11-14 апреля 1995: 8-10. Санкт-Петербург.

Голованова, Л.В., В.Б. Дороничев. 1993. Ашель Северного Кавказа // Вторая кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов: 27-29. Краснодар.

Григорьев, Г.П. 1990. О возможностях выделения Кавказского палеолита // Палеолит Кавказа и сопредельных территорий: 98-102. Тбилиси.

Громов, В.И. 1948. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). Москва.

Дороничев, В.Б. 1992. Раннеашельская стоянка в Треугольной пещере // Вопросы археологии Адыгеи: 102-134. Майкоп.

1995. Палеолит Карачаево-Черкессии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.

Заявлятин, С.Н. 1961. Находка орудий шельского времени близ станицы Саратовской на р. Псекупсе // Очерки по палеолиту: 63-66. Москва-Ленинград.

- Исламов, У.И., А.А.Зубов, В.М.Харитонов. 1988. Палеолитическая стоянка Сельгунур в Ферганской долине // Вопросы антропологии 80: 38-49. Москва: Московский государственный университет.
- Казарян, Р.П. 1986. Верхнеашельское местонахождение Атис I // Археологические открытия 1984 г.: 433-434. Москва: Наука.
- Кикодзе, З.К. 1986. Бифас-колуи в ашеле Кавказа // Вестник Государственного Музея Грузии имени акад. С.Н.Джанашиа XXXVIII—B: 55-63. Тбилиси.
- Коробков, И.И. 1978. Палеолит Восточного Средиземноморья // Палеолит Ближнего и Среднего Востока (в серии "Палеолит мира"): 9-185. Ленинград: Наука.
1989. Истоки ашеля Черноморского побережья Кавказа // Тезисы доклада, прочитанного на заседании Отдела палеолита ЛОИА АН СССР в апреле 1989 г. (неопубл.).
1995. Яштухская палеолитическая стоянка (вопросы геологии и условий залегания палеолитических индустрий) // Археологические вести 4: 313-315.
- Лобин, В.П. 1957. Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества // Советская археология XXVII: 71-90.
1981. Нижний палеолит Кавказа (история исследования, опорные памятники, местные особенности) // Древний Восток и мировая культура: 12-16.
1984. Ранний палеолит Кавказа // Палеолит СССР (в серии "Археология СССР"): 45-93. Москва.
1989. Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии (в серии "Палеолит мира"): 9-142. Ленинград.
1993. Евразия изначальная // Вестник древней истории 1: 173-174.
1996. Проблемы первоначального заселения Северного Кавказа // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX "Крупновские чтения"). Тезисы докладов: 105-108. Москва.
- Медоев, А.Г. 1970. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка // По следам древних культур Казахстана: 200-216. Алма-Ата.
- Мицаповский, Е.Е. 1976. Рифтовые зоны континентов. Москва.
1977. Позднеорогенный вулканизм // Общая характеристика и история развития рельефа Кавказа: 221-224. Москва.
- Окладников, А.П., З.А.Абрамова. 1994. Палеолит Центральной Азии-Монголии // Палеолит Центральной и Восточной Азии (в серии "Палеолит мира"): 7-60. Санкт-Петербург.
- Патрикшина, М.З. 1961. Новые палеолитические находки на р. Пскеупе (Кубань) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 82: 49-58.
- Рапов, В.А. 1992. Древнейшие стоянки палеолита на территории СССР // Российская археология 2: 81-95.
- Федоров, П.В. 1978. Плейстоцен Понто-Каспия. Москва.
- Харитонов, В.М. 1989. Ашельские гоминиды на территории СССР // Особенности морфофункциональных характеристик в норме, развитии и экстремальных условиях. Доклады Московского общества испытателей природы. Общая биология: 21-24. Москва.
- Чочиева, К.И., Н.С.Мамлацхитили. 1991. История флоры и растительности // Грузия в антропогене: 223-307. Тбилиси.
- Ariai, A., C.Thibault. 1975-1976-1977. Nouvelles précisions à propos de l'outillage paléolithique ancien sur galets du Khorassan (Iran) // Paléorient, P., v.3: 101-108.
- Bar-Yosef, Ofer. 1975. Archaeological Occurrences in the Pleistocene of Israel // After the Australopithecines. Stratigraphy, Ecology and Culture change in the Middle Pleistocene: 571-604. Chicago.
1994. The Lower palaeolithic of the Near East // Journal of World Prehistory, v.8 N 3: 211-265.
- Bar-Yosef, Ofer, N.Goren-Inbar. 1993. The lithic assemblages of Ubeidiya a Lower Palaeolithic site in the Jordan valley // Qadem. Monographs of Institute of Archaeology the Hebrew University of Jerusalem, 34: 1-266. Jerusalem.
- Besançon, J., L.Copeland, F.Hours. 1982. L'acheuléen moyen de Joubb-Jannine (Liban), Paléorient, 8.
- Bosinski, G. 1993. Early Middle pleistocene: Achalkalaki // Paper presented to the European Science Foundation workshop "The Earliest Occupation of Europe", Tautavel, France, November: 6-7.
- 1993a. Lower pleistocene: Dmanisi // Paper presented to the European Science Foundation workshop "The Earliest Occupation of Europe", Tautavel, France, November: 1-5.
1996. Les origines de l'homme en Europe et en Asie. Atlas des sites du paléolithique inférieur. Paris.
- Carbonell, E., J.M.Bermúdez de Castro, J.L.Arsuaga, J.C.Diez, A.Rosas, G.Cuenca-Bescos, R.Sala, M.Mosquera, and X.P.Rodríguez. 1995. Lower Pleistocene hominids and artifacts from Atapuerca-TDG (Spain) // Science 269: 826-9.
- Chavaillon, J. 1988. Acheuléen africain // Dictionnaire de la Préhistoire (directeur de la publication André Leroi-Gourhan): 6-7. Paris.
- Clark, J.D. 1967 et 1968. The Middle Acheulian occupation site of Latamne. Northern Syria // Quaternaria, 9: 1-68; 10: 1-76. Roma.
- Dennell, R.W., H.Rendell, E.Hailwood. 1988. Early tool-making in Asia: Two million year old artefacts in Pakistan // Antiquity, Vol.62, N 234: 98-106. Oxford.
- Dennell, R., W.Roebroeks. 1996. The earliest colonization of Europe: the short chronology revisited // Antiquity. Vol.70. N 269: 535-542.
- Džaparidze, V., G.Bosinski, T.Bugianišvili, L.Gabunia, A.Justus, N.Klopotovskaja, E.Kvavadze, D.Lordkipanidze, G.Majsuradze, N.Mgeladze, M.Nioradze, E.Pavlenišvili, H.-U.Schmincke, Dz.Sologasvili, D.Tušabramišvili, M.Tvalčrelidze, A.Vekua. 1989 (1991). Der altpaläolithische Fundplatz Dmanisi in Georgien (Kaukasus) // Jahrbuch Römisch-Germanischen Zentralmuseums 36: 67-116. Mainz.
- Farizy, K. 1988. Paléolithique. Dictionnaire de la Préhistoire: 799-800. Paris.
- Gabunia, Manana K., Abesalom K.Vekua, Merab Tvalčrelidze. 1994. Der Altpaläolithische Fundplatz Achalkalaki am Amiranis-berg im Džavacheti-gebiet (Süd-Georgien) // Archäologisches korrespondenzblatt, 24, heft 3, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums: 237-240. Mainz.
- Gilead, D. 1973. Cleavers in early palaeolithic industries in Israel // Paléorient, Vol.1: 73-85.
- Hours, F. 1975. The Lower Paleolithic of Lebanon and Syria // Problems in prehistory: North Africa and the Levant: 249-271. Dallas.
1985. L'occupation de Proche-Orient au Paléolithique // Le Grand atlas de l'Archéologie: 164-165. Paris.
- Howell, F.Clark. 1986. Variabilité chez Homo Erectus et problème de la présence de cette espèce en Europe // L'Anthropologie, t.90, N 3: 447-481. Paris.
- Huang Wanpo, R.Ciochon, Gu Yumin, R.Larick, Fang Qiren, H.Schwarz, Ch.Yonge, J. de Vos et W.Rink. 1995. Early Homo and associated artefacts from Asia // Nature 378: 275-278.
- Jiang Neng Ren, Sun Rong et Liang Qi-Zhong. 1988. Strates cénozoïques tardives et fossiles humains dans le bassin de Yanmou, Yunnan, Chine. L'Anthropologie, t.92, N 3: 939-944. Paris.
- Klopotovskaja, N., E.Kvavadze, D.Lordkipanidze. 1989. Vorläufige Mitteilung zur Paléobotanik // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum 36: 92. Mainz.
- Li Yanxian. 1983. Le paléolithique en Chine du Nord. L'Anthropologie, t.87, N 2: 185-199. Paris.
- Ljubin, V.P., G.Bosinski. 1995. The earliest occupation of the Caucasus region // The earliest occupation of Europe: 207-253. Leiden.
- Loubine, V.P. 1981. L'Acheuléen de la Partie Européenne de l'URSS et du Caucase (Matériaux et quelques problèmes) // Homo erectus and his time. Anthropologie, t.XIX, N 1: 33-46. Brno.
- Lubine, V.P., A.G.Tcherniachovski, G.F.Barychnikov, G.M.Levkovskaia, N.B.Selivanova. 1985. La grotte de Koudaro I (résultats de recherches pluridisciplinaires) // L'Anthropologie, t.89, N 2: 159-180.
- Lumley, H. and M.A. 1985. The diffusion of Man in Ancient World: Homo Erectus // Homo. Journey to the origins of Man's History: 75-81. Venezia.
- Lumley, H., de, et A.Sonakia. 1985. Contexte stratigraphique et archéologique de l'Homme de la Narmada, Hathnora, Madhya Pradesh, Inde // L'Anthropologie, t.89, N 1: 3-12.
- Lumley, M.-A., et A.Sonakia. 1985. Première découverte d'un Homo erectus sur le continent indien à Hathnora, dans la moyenne vallée de la Narmada // L'Anthropologie, t.89, N 1: 13-61.

- Majsuradze, G., E.Pavlenischvili, H.-U.Schmincke und D.Sologaschvili. 1989. Paläomagnetik und datierung der Basaltlava // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum 36: 74-76. Mainz.
- Roebroeks, W. 1994. Updating the Earliest Occupation of Europe // Current Anthropology, Vol.35, N 3, June: 301-305.
- Roebroeks, W., T. Van Kolfschoten. 1993. The Earliest occupation of Europe: a reappraisal of artefactual and chronological evidence // Paper presented to the European Science Foundation workshop "The Earliest Occupation of Europe", Toutavel, France, November: 1-32.
1994. The Earliest occupation of Europe: a short chronology // Antiquity, Vol.68, N 260, September: 489-503.
- Sartono, S. 1991. Homo (pithecanthropus) erectus: le débat sans fin // L'Anthropologie, t.95, N 1: 123-136. Paris.
- Shaw, J., Zheng Hongbo. An Zisheng. 1990. Magnetic dating of Early Man in China // Archaeometry: 589-595. Birkhäuser Verlag, Basel.
- Singer, R., J.J.Wymer. 1978. A handaxe from northwest Iran: the question of human movement between Africa and Asia in the Lower Palaeolithic periods // Views of the Past: 13-25. Paris.
- Stekelis, M. 1966. Archaeological Excavations at Ubeidiya, 1960-1963. Jerusalem.
- Swisher, C.C., G.H.Curtis, T.Jacob, A.G.Getty, A.Suprijo, B.L.Widiasmoro. 1994. Age of the earliest known Hominids in Java, Indonesia // Science, 25 February 1994, vol. 263: 1061-1192.
- Tchernov, E. 1989. La biochronologie du site de 'Ubeidiya (vallée du Jordain) et les plus anciens hominidés du Levant // L'Anthropologie, t.92, N 3: 839-861. Paris.
- Vishnyatsky, L.B. 1989. The discovery of palaeolithic handaxe in Western Turkmenia: a preliminary report // Paléorient, vol. 15, N 2: 95-98.
- Wu Rukang (Woo Ju-Kang), Dong Xingren. 1983. Des fossiles d'Homo Erectus découvertes en Chine // L'Anthropologie, t.87, N 2: 177-183. Paris.

ON THE INITIAL PEOPLING OF CAUCASUS AND EURASIA

The prehistory of the Caucasian isthmus is tightly linked with that of the adjacent regions of the Near East. In the Sarmatian, after Caucasus had become a peninsula of Western Asia, a rapid influx of savanna and steppe hypparionid fauna occurred, which included hominoids referred to as Udabnopithecines. Due to environmental changes in the early Pleistocene, the hypparions and the damans gradually became extinct and had been replaced by true elephants. Lower Pleistocene occurrences with faunal remains are known in several places in Georgia, Armenia, and Northern Caucasus. One of them, Dmanisi, was a camp site of early *Homo erectus*.

Two facts concerning geographical position of Dmanisi and other later Lower and Middle Pleistocene Caucasian sites are worthy of note. Not a single site of that period is known in Colchis, Western Transcaucasia, and all these sites are situated within the middle part of the isthmus. The former fact may be due to the fact that from the beginning of Pliocene the Colchis became distinct as a stable refuge of relic flora, the moist tropical forests. Most of Central and Eastern Transcaucasia, on the contrary, was a half-open area of the savanna type (Chochiyeva, Mamatsashvili 1991) suitable for hypparionid and later faunas as well as for primates including humans. Indeed, from that the middle part of the isthmus is a submeridional zone of the Main Transcaucasian Transverse Elevation regarded by E.E.Milanovsky (1976) as the northern segment of the Afro-Arabian rift zone were the natural environments were favourable for hominid origins and evolution. The Caucasian segment includes the Nemrut-Ararat fault and cleft zone, the

Transcaucasian volcanic plateau, the Dziruli massif (Suram range), the Elbrus, Chegem and Kazbek-Tskhinvali zones of the Great Caucasus, the Pyatigorsk Laccoliths and the Stavropol' eminence (fig. 2).

The Transcaucasian plateau is of especial interest. Being a northern projection of Near Eastern plateaus and an extension of adjacent mountainous ecosystems, it was the first area to be inhabited by early *Homo*. It was here that the first humans came, together with, or after, the Near Eastern open-land fauna, and Dmanisi was one of their outposts (fig. 2).

The discovery of Dmanisi is the major sensation not just for Caucasus, but for Eurasia in general. Its numerous unique features include a very early date (1.8 ± 0.1 m BP), large surface area (about 5,000 sq.m), excellent preservation of remains, subhorizontal position of strata, lime crust above the principal archaeological deposits (fig. 3), abundant faunal remains (*Arch. meridionalis*, *Dicerorhinus etruscus*, *Equus*, *Struthio*, etc.), archaic pebble industry (fig. 4), and a mandible of early *Homo erectus* (fig. 5) (Džaparidze, Bosinski et al. 1989).

According to the Georgian paleontologist L.K. Gabunia, the Dmanisi mandible is similar to those of some Early Pleistocene hominids of Africa and Asia (Java). The African parallels include Olduvai OH 13 (*Homo habilis*), the earliest *Homo erectus* from Koobi Fora, Kenia (ER 730, ER 992, and possibly ER 15000); and, among the Javanese ones, "*Pithecanthropus dubius*" from Sangiran (Sangiran 9). "It is possible that the Dmanisi hominid belonged to a branch of early hominids which occu-

pics the same position in Eurasia as that occupied by the forms intermediate between *Homo habilis* and *Homo erectus* in Africa or by the earliest Sangiran hominids in Java" (Gabunia, Vekua 1993).

Having originated in Africa 1.7-1.6 m years ago (Howell 1986), *Homo erectus* displayed exceptional dynamics by adapting to various environments and radically widening the human ecological niche. In Western Europe only late forms of *H. erectus* are known, dating from the Bruhnes period (Middle and Upper Pleistocene, or less than $600 \pm 100,000$ years BP (Robroeks, Van Kolfschoten 1993, 1994). In China and Java, the chronological range of hominid remains is much broader, not only the Bruhnes but also the Matuyama period (Lower Pleistocene) being represented by Yuanmou, Gongwalin, Choukoutien, Longgupo and other sites in China, and Sangiran, Mojokerto and other localities in Java. The origins and absolute age of the Javan hominids, as well as their association with the artifacts, are widely debated. Recently, US and Indonesian specialists who used volcanic rock directly associated with remains of "Meganthropus" and the Mojokerto hominids have obtained absolute dates of 1.66 ± 0.04 m and 1.81 ± 0.07 m BP, which is close to the age of the earliest *Homo* (*H. ergaster*) from Koobi Fora. New datings make it possible that *H. erectus* originated outside Africa. His ancestor might have migrated from Africa before 1.8 m years ago, that is, before the emergence there of the Acheulian with bifaces and cleavers. This may explain the sharp difference between the African and Asian cultures of *H. erectus*: lack of bifaces or cleavers in most Asian sites (Swisher et al. 1994).

Given all these data, Dmanisi may be regarded as the first evidence of the relationship between the African and Asian hominids. Its intermediate geographical position between Koobi Fora and Sangiran, and the close morphological similarity of the hominid remains found there probably attests to the routes of hominid migration from Africa into Asia. Humans might have migrated either along the sea coast (Singer and Wymer 1978) or by an inland route, from Dmanisi, rounding the Caspian sea, towards the Central Asiatic plains lying between the mountain systems, and further into China and Java (fig. 6).

Unlike the first migration, the distribution of the later forms of *H. erectus* in Asia, those associated with the typical Acheulian with bifaces and cleavers, was not a Transasiatic event. Sites with these tools are found in the Levant, South Arabia, Caucasus and, to a lesser extent, in territories situated to the east (Turkmenia, Kazakhstan, Kirghizia, and India).

The early colonization of Eurasia by humans associated with the earliest Acheulian industries is apparently evidenced by sites like Ubeydia, Jubjannin, and Latamna in the Levant. The earliest

industry, that of Ubeydia, resembles Developed Oldowan II of Eastern Africa (Bar-Yosef, Goren-Inbar 1993) and dates from the end of the Early Pleistocene, 1.4 m BP (Tchernov 1988). All the three assemblages represent the so-called Ubeydia-Latamna tradition with its characteristic pics, trihedrons, polyhedrons, spheroids, cleavers, bifaces with shovel-shaped distal ends, etc. (Stekelis 1966; Clark 1967, 1968; Hours 1975).

Pics, trihedrons, polyhedrons, and spheroids are absent in the Caucasian Acheulian, either because people representing this tradition migrated here after the most archaic forms had been lost, or because they represented other facies of the Levantine Acheulian characterized mainly by bifaces of the Ras-Beirut type, or by bifaces and cleavers of the Jisr-Banat-Yakub type, or by the lack of any bifaces at all (see Hours 1985). The first territory to be populated by the late erectuses in this region was the southern fringes of the Caucasus (the Transcaucasian Plateau). It is only there that industries with numerous bifaces and cleavers are known (Satani-Dar, Dzhraber, Atis, Persati, Chikiani, Azykh, etc.; figs. 9,10,12,14). Elsewhere in the Caucasus, the Acheulian bifaces are much less common. A route from Southern Georgia to Southern Ossetia appears to be the most likely one for the Acheulians who were moving in the direction of the Great Caucasian Range. Several sites are situated along this route, including those in the foothills, highlands and the Alpine zone of Southern Ossetia (Lashe-Balta, Kaleti, Tigva, Goristavi, and caves Kudaro I and III, and Tsona; figs. 8:1; 9:1.2; 11:1; 13; 15; 16:2,3). In the Northern Caucasus, Acheulian sites are known only in the Kuban basin (Treugol'naya Cave, Ignatenkov Kutok, Abadzekhskaya, and others; fig. 7:1; 11:2).

According to biochronology and absolute geochronology, the dispersal of the Acheulians in the Caucasus began during the second half of the Cromerian. The faunal remains from the Acheulian levels of Caucasian caves contain bones of animals belonging to the late stages of the Tiraspol and Singil associations. An important chrono-stratigraphical marker is provided by the discovery in level 7a of Treugol'naya of a microtine rodent close to *Mimomys* or intermediate between it and *Arvicola*. The ESR date of this level is $583 \pm 25,000$ BP. The thermoluminescent date of the basal horizon of another cave, Kudaro III, is $560 \pm 112,000$ BP.

Caucasus, and especially Transcaucasia, is the region where Acheulian proper, that is, Acheulian with bifaces, is distributed. In most industries, choppers and cleavers are represented as well (figs.8; 9; 10:2; 16). Bifaces of classical types (having regular linear outlines, biconvex in section, and processed with continuous bifacial retouch around their entire perimeter) are relatively rare (fig. 11:2,3; 12). The distinctive feature of some of them

is their subrectangular outline (fig. 15). Some pieces (bifaces with "shoulders", i.e. with distal points, fashioned by notches) should be classified as "diverse" (fig. 14: 1-5,8). In some industries, bifaces of nonclassical types predominate, including partial (fig. 14), and backed (fig. 13).

Because the Caucasian Acheulian has not been sufficiently published, it is difficult to compare it with its Levantine counterpart. However, Korobkov (1989) believes that some bifaces, cleavers, and choppers found in one of the sites on Mount Yashtukh, Abkhasia, resemble tools of the Ubeydia-Latamna tradition (fig. 7:2; 8:2). It is notable that like in the Caucasus the cleavers are also rare in the Levantine sites, except Jisr-Banat-Yakub, Israel (Gilead 1972). Another similarity is that rare elongated bifaces of African-Levantine types have been found in the Caucasus (fig. 11).

Between 600,000 and 500,000 BP, according to Robroeks and van Kolfschoten (1994), *Homo erectus*

populated most of Western Europe. The same may be true of Causasus and possibly India. This may have been one of the largest migration waves in the population history of late *Homo erectus*.

As mentioned above, the Acheulian with bifaces is the main industrial tradition of the Caucasian Lower Palaeolithic. So far, however, it is still vague whether the Caucasian region and Levant belonged to the same province of biface industries (hypothesis of "iceberg top": the Caucasus is the northern extremity of this province) or the Caucasus is the detached "biface region" (hypothesis of "enclave" similar to that of Madras).

If neither Eastern Anatolia nor the areas between Levant and India yield any material linking all these areas, another hypothesis may be proposed: that of "transit zones" where the earliest nomads did not stay for a long time and left no traces of their presence.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРЕЛЕЦКИХ ТРЕУГОЛЬНЫХ НАКОНЕЧНИКОВ

М.В. АНИКОВИЧ, Б.А. БРЕДЛИ*, Е.Ю. ГИРЯ**

Постановка проблемы. Среди восточноевропейских бифасиальных индустрий эпохи верхнего палеолита особый интерес представляют материалы костенковско-стрелецкой археологической культуры. Эта культура была впервые выделена А.Н.Рогачевым в пятидесятые годы как специфически восточно-европейское явление, отличное, несмотря на наличие двусторонних листовидных острий, от западно-европейского солютре и центрально-европейского селета (Рогачев 1957:130-131). Эту специфику более детально попытался типологически обосновать Г.П.Григорьев (1963), впоследствии, впрочем, отказавшийся от выделения данной археологической культуры. Начиная с семидесятих годов, проблематикой костенковско-стрелецкой археологической культуры углубленно занимается один из соавторов (Аникович 1977, 1991, 1992).

В настоящее время к стрелецкой археологической культурой, которая представляет собой одну из древнейших верхнепалеолитических культур Русской равнины, достоверно относятся 8 памятников, 5 из которых расположены на территории Костенковско-Борщевского района, где эта культура была впервые выделена. Ее наиболее ранние памятники, Костенки 12, III слой и Костенки 6, не имеют радиоуглеродных дат, но по стратиграфическому положению (нижняя гумусированная толща, под линзами вулканического пепла чей возраст не моложе 35 тыс. лет см. Меленесцев, Кирьянов, Праслов 1984) датируются не моложе интерстадиала хенгело-подградем (Аникович 1993:13). Самый молодой памятник стрелецкой археологической культуры Сунгирь залегает в верхах брянской погребенной почвы и имеет радиоуглеродный возраст 24430 ± 400 (GRN-5446) и 25500 ± 200 (GRN-5425). Памятники распространены по широкой территории: они известны и на Северском Донце (Бирючья Балка), и в бассейне Клязьмы (Сунгирь) и даже в Предуралье (Гарчи 1, раскопки П.Ю.Павлова).

По основным технико-типологическим ха-

рактеристикам костенковско-стрелецкая культура принадлежит селетоидному технокомплексу: для нее характерны непластинчатые индустрии, хорошо выраженный комплекс листовидных бифасиальных острий (треугольные наконечники с вогнутым основанием и ряд иных типов) в сочетании с выразительным набором мустьерских форм орудий. По стратиграфическому положению культурных слоев и по их детальным типологическим характеристикам выделяются четыре этапа развития стрелецкой археологической культуры. К самому раннему относятся две упомянутые костенковские стоянки, залегающие в нижней гумусированной толще: Костенки 6 и Костенки 12, III. Они датируются временем подградемского интерстадиала; может быть, более ранним. В типологическом отношении здесь особенно выразителен мустьерский набор орудий, а верхнепалеолитический, наиболее беден и аморфен, хотя тонкие бифасы уже налицо. Ко второму этапу относятся три костенковских памятника, связанные с основанием верхнего гумуса: Костенки 1, V слой, Костенки 11, V слой, Костенки 12, слой Ia, а также Гарчи 1 (Предуралье, бассейн Камы), чей типологический облик инвентаря в деталях соответствует характеристикам V слоя Костенок 1. Эти костенковские стоянки датируются началом брянского интерстадиала (32–30 тыс. лет до н.д.). Здесь увеличивается процент верхнепалеолитических орудий, которые в типологическом отношении становятся и разнообразнее (помимо скребков разных типов включают резцы, проколки, долотовидные орудия), и стандартнее. Здесь особенно много треугольных наконечников с вогнутым основанием, разделяющихся на ряд подтипов, включая миниатюрные наконечники стрел. Третий этап представлен Бирючьей балкой, индустрия которой геологически не датирована, но в типологическом отношении совмещает признаки, присущие Костенкам 1, V и Сунгирю. Последняя стоянка характеризует четвертый, заключительный этап развития Костенковско-стре-

* B.A.Bradley. Crown Canyon Archaeological Center, 23390 CR K, Cartez CO 81321, USA.

** М.В.Аникович, Е.Ю.Гиря. Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

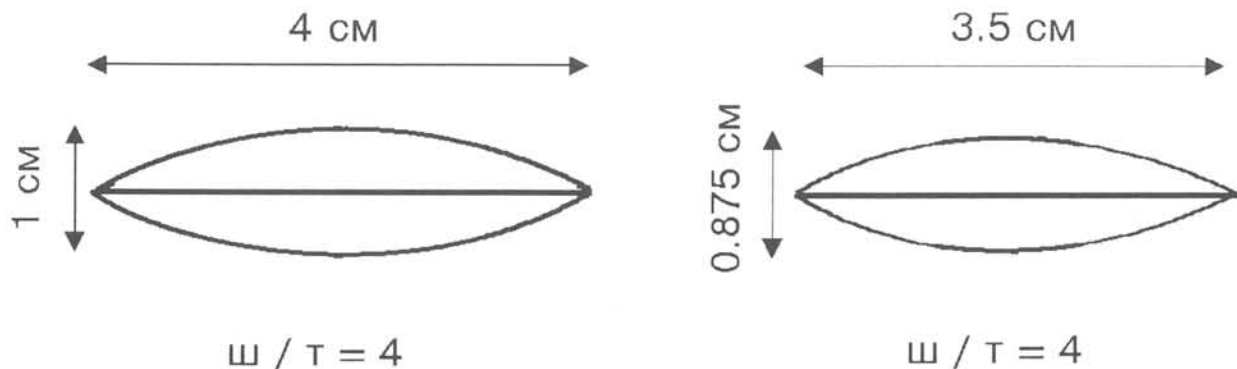

Рис. 1 Измерение отношения ширины к толщине бифасов.

Fig. 1 Width to thickness ratio of bifaces.

лецкой археологической культуры, относящийся к концу брянского времени (Аникович 1991; 1992). Для него характерно, в частности, резкое снижение процента тонких бифасов (до 2 %), пробладание "новых" типов скребков (округлых, овальных и концевых на пластинчатых заготовках), впервые отмеченных в Бирючьей Балке, увеличение количества резцов, долото-видных орудий и приостренных пластин. Показательно, что, хотя от раннего к позднему этапу наблюдается неуклонное повышение процента верхнепалеолитических орудий и соответствующее снижение доли мустьерского набора, типологические характеристики последнего, практически, остаются неизменными за все время существования стрелецкой культуры.

Изучение некоторых верхнепалеолитических памятников Русской равнины, проведенное нами в последние годы, позволяет сделать вывод, что, кроме несомненной и уже общепризнанной культурологической ценности, костенковско-стрелецкие материалы представляют собой еще и особенный технологический феномен, являясь древнейшим известным нам примером изготовления уже упомянутых выше "тонких бифасов".

Наблюдения. В европейской типологической номенклатуре термин "бифас" принято использовать применительно к изделиям типа ручных рубил. Но при этом, все понимают, что технологически, двусторонняя обработка гораздо более широкое понятие. И иные типы изделий также могут иметь двустороннюю бифасиальную обработку. Причем спектр таких форм чрезвычайно широк от палеолитических и неолитических ножей, наконечников копий и стрел, до вкладышей составных орудий, серпов, долот, сверл и даже мечей более поздних периодов. Поэтому, несмотря на установившиеся традиции, технологически правильнее было бы именовать "бифасами" любые виды изделий с двусторонней обработкой. Таким образом, вместо чисто формально-типологического

"бифас" тип изделия (ручное рубило), данный термин может быть использован и в более широком (и изначальном) технологическом смысле - вещь изготовленная двусторонней обработкой.

Бифасиальная обработка как вид технологии производства различных изделий из изотропных пород камня может быть противопоставлена альтернативному способу изготовления изделий путем получения сколов определенного вида. Последний безусловно был наиболее широко распространенным в палеолите Европы. Основные этапы развития этого способа расщепления достаточно хорошо изучены в подавляющем большинстве случаев таким образом изготавливались призматические пластины. Широко известны и варианты совместного применения обеих разновидностей в рамках одной технологии, когда отщеп определенной формы подвергается дальнейшей модификации двусторонней обработкой, либо отщеп определенной формы снимается с уже готового бифаса (к примеру, желобчатый скол фолсом).

Основанные на бифасиальной обработке технологии расщепления также весьма разнообразны и имеют свою историю развития. Но, в отличие от технологий производства сколов-заготовок, этапы развития бифасиальной обработки не столь хорошо изучены. Вопрос о самой возможности выделения таких этапов не ставился. И, на сегодняшний день, не будет большим преувеличением сказать, что они практически неизвестны в российском палеолитоведении.

Бифасы древнего и среднего палеолита изготавливались нестациональным конкретно-ситуационным расщеплением. Начиная с верхнего палеолита, удается проследить следы использования принципиально новых технологий - изготовления тонких бифасов. Суть этой новизны - возможность изготовить относительно тонкое изделие, при максимальном сохранении его ширины. Для того, чтобы реально утонь-

шить кусок материала, отщепы должны снимать относительно меньший участок края (ширины) этого куска, чем снимается с его центральной части (толщины).

Если у древнепалеолитических бифасов отношение ширины к толщине незначительно изменяется в ходе обработки, и обычно не превышает $1/31/4$, то у бифасов, изготовленных новыми технологиями, за счет опережающего уменьшения толщины, это отношение может быть доведено до значений $1/51/10$ и менее.

К примеру, на рисунке 1 изображен бифас 4 см шириной и 1 см толщиной, отношение его ширины к толщине составит $4/1$. Если в процессе расщепления убрано 0,5 см ширины и 0,125 см толщины, то на самом деле данный кусок стал менее толстым, но отношение ширины к толщине все еще $4/1$. Если требуется относительно утоньшить бифас, необходимо снять больше чем 0,125 см толщины, при уменьшении ширины на те же 0,5 см.

Бифасиальное утоньшение предполагает применение стадийных последовательностей расщепления (Callahan 1979:33). Отмечая, что производство орудий из кремня процесс непрерывный, от начала до конца, от скола к сколу, Келлахен указывал, что производство тонких бифасов не представляется ровным, постоянным изменением формы. "Существуют определенные стадии, через которые бифасиальное изделие должно пройти в ходе процесса редуцирования, каждая стадия несколько отличается от последующей как качественно, так и количественно. Каждой стадией должно достигаться нечто отличное от предыдущих, в противном случае, необходимое изменение в отношении ширина/толщина и других отдельных признаков может быть не достаточно эффективным, что приведет к порче или к браку" (там же).

Успешное контролируемое утоньшение бифасиальной заготовки нельзя исполнить без четкого понимания значения подготовки зон расщепления, и причинно-следственной связи между вторичными формами (бифас и снятый скол утоньшения) и первичной формой (бифас до снятия скола утоньшения). Бифас, толщина которого более чем в пять раз меньше ширины не может быть изготовлен простой оббивкой (как, к примеру, делались ручные рубила). Для этого необходимо изготовление специализированной первичной (стадийной) формы. Эта форма (заготовка тонкого бифаса), должна иметь две поверхности с ровным рельефом (без выпуклостей и депрессий) и ребро между ними по всему периметру. Способ создания такой стадийной формы может быть различным (к примеру, в Древнем Египте такие формы иногда специально вышлифовывались). Это может

быть и лишь слегка подправленный отщеп с линзовидным сечением, и предметы, имеющие иную морфологию. Важна форма, а не морфология, отражающая способ ее изготовления. Именно такая форма позволяет должным образом расположить и подготовить зоны расщепления, для будущего контролируемого производства скальвающих.

Площадки для снятия сколов утоньшения бифаса располагаются на его ребре. Для расположения каждого такого скола в максимально более параллельных плоскостях, это ребро не должно быть изогнутым в нескольких направлениях, оно должно лежать в единой плоскости - центральной плоскости бифаса. Поскольку большинство заготовок тонких бифасов выполняются теми же приемами, что и изготовление простых (толстых) двусторонних изделий, где также имеет место утоньшение (хотя и иного вида), этот специализированный способ утоньшения был назван "вторичным". По мнению Е.Кэллахена (Callahan 1979:9), Шеррок был первым, кто определил разницу между первичным и вторичным утоньшением бифасов (Sharrock 1966).

Завершение бифасиального утоньшения при производстве изделия заранее определенной формы требует наличия определенных интеллектуальных способностей, знаний свойств расщепления определенных типов сырья, навыков, мастерства, физической подготовки, а также хорошо подготовленных орудий расщепления.

С нашей точки зрения стрелецкие наконечники (рис. 2; 3) изготавливались с помощью вторичного бифасиального утоньшения. Как только края заготовки бифаса становились более регулярными и располагались в соответствии с центральной плоскостью (рис. 4: 1,2), появлялась возможность подготовки специализированных индивидуальных зон расщепления, состоявшая в подгонке, приспособлении края для снятия скола утоньшения с одной из сторон бифаса. Это производилось мелкими короткими сколами ретуши, образовавшими выпуклую зону расщепления за счет смещения участка края бифаса, "опускания" линии центральной плоскости (рис. 4: 3-4 и А). Эта выпуклая (изолированная) часть края подвергалась дальнейшей подправке ретушью для придания более правильного угла скальвания, а также очень интенсивной абразивной обработке (на рис. 4 показано точками) для укрепления зоны расщепления и предотвращения ее раскрашивания в момент снятия скола. Таким образом, подготовленная зона расщепления позволяла ориентировать будущую скальвающую (трещину) параллельно центральной плоскости бифаса, а не по касательной к ней, как это проис-

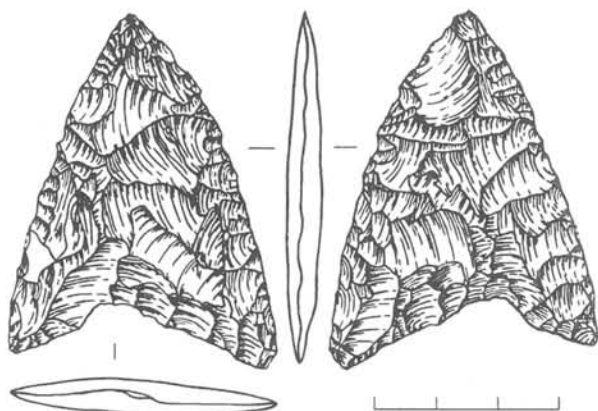

Рис. 2 Наконечник из V слоя стоянки Костенки I.

Fig. 2 Kostenki 1, level V. Projectile point.

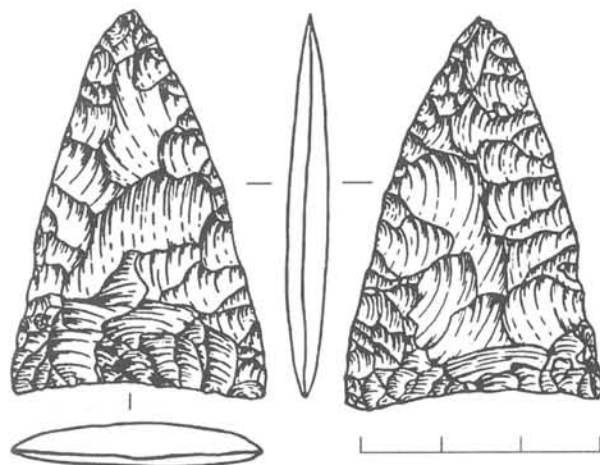

Рис. 3 Наконечник из V слоя стоянки Костенки I.

Fig. 3 Kostenki 1, level V. Projectile point.

ходит при простой оббивке "от края". Снятие скола утоньшения уносило с собой часть края (с подготовленной "фаской" площадкой), что приводило к возвращению линии края в соответствие с центральной плоскостью бифаса (рис. 4: 5,6). Но, благодаря ориентации скальвающей внутрь бифаса, этот скол уносил и значительную часть материала с центральных, удаленных от края участков предмета расщепления, за счет чего и достигалось утоньшение (рис. 4: 6).

По видимому, укрепление зон расщепления абразивной обработкой являлось одним из решающих факторов для последовательного снятия сколов утоньшения, приводящих к образованию острого края, где необходимо было иметь относительно крепкие площадки. По крайней мере в Бирючьей Балке и Костенках I-V это часто делалось как пришлифовкой самой площадки так и проксимальной части поверхности скальвания. В результате этого процесса удалялись все мелкие неровности, могущие привести к преждевременному образованию скальвающей (в нежелательном месте), слому или выкрашиванию края. Практически все сколы вторичного утоньшения из коллекции Костенок I-V имеют этот вид подготовки зоны расщепления (рис. 5, пришлифовка показана точками).

В верхнем палеолите Европы известны и более сложные способы подготовки зон расщепления для сколов вторичного утоньшения бифасов. К примеру прием, имеющий аналогии в технологии изготовления солотрейских наконечников (см. рис. 6 по Pelegrin 1981: 4-7). В этом случае, на предназначенной для утонь-

шения заготовке бифаса (рис. 6: 1) также создавалась выступающая над краем (изолированная) зона расщепления (рис. 6: 3), после чего на другой стороне заготовки эта зона "отрезалась" от общей массы материала двумя дополнительными фасетками ретуши (рис. 6: 4). Эта дополнительная подправка зоны расщепления определяла место возникновения скальвающей, не позволяя ей приобрести нежелательное неконическое (изогнутое) начало, что равносильно снятию скола со слишком толстой (глубокой) площадкой. Кромка зоны расщепления пришлифовывалась (рис. 6: 5). В результате такой сложной подготовки, часть материала, планируемая к снятию оказывалась приподнятой над поверхностью бифаса, как бы "отделенной" (освобожденной) от общей массы в самом критическом для удачного снятия месте в проксимальной части будущего скола. Эта зона расщепления выступала и над поверхностью скальвания, и над поверхностью площадки (другой стороны бифаса). Бесспорных доказательств использования такого приема подготовки зон расщепления для сколов вторичного утоньшения на наших материалах мы не обнаружили, но факт использования некоторых его элементов (к примеру освобождение площадки) полностью исключить нельзя.

Создание "фаски" (изменение угла заострения ретушью), изолирование и пришлифовка площадки предопределяли место возникновения скальвающей и успешность снятия скола утоньшения. Этим же обеспечивалось наименьшее количество сколов имеющих ступенчатые или петлеобразные окончания. Такая подготовка площадки представляет собой до-

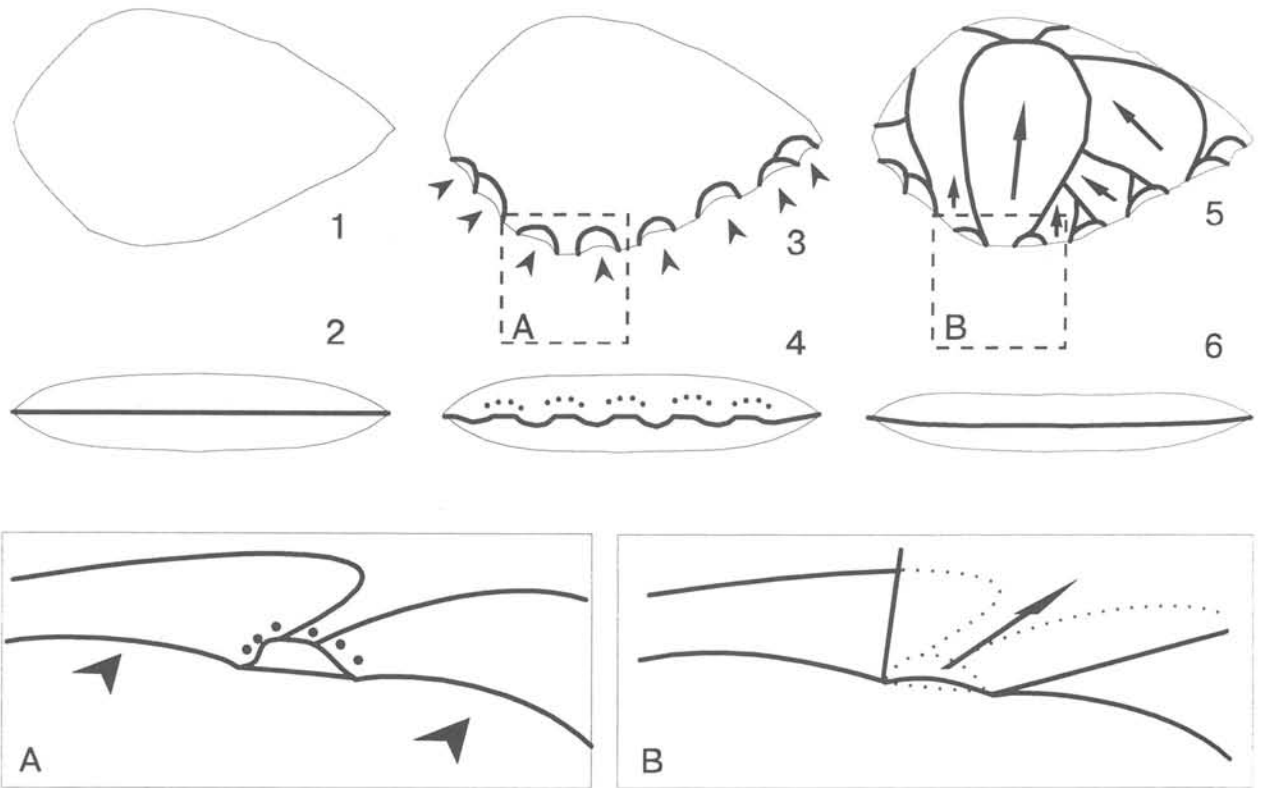

Рис. 4. Схема подготовки и снятия скола утоньшения бифаса. 1-2 - бифас до утоньшения; 3-4 - подготовка изолированных выпуклых зон расщепления, А - отдельная зона расщепления с подправленным углом скалывания и абразивной подготовкой (показано точками); 5-6 - бифас после снятия сколов утоньшения, В - выравнивание бифасиального края после снятия скола утоньшения.

Fig. 4. Preparation and removal of biface thinning flake (scheme). 1-2 - biface before thinning; 3-4 - preparation of isolated convex knapping zones; А - separate knapping zone with trimmed flaking angle, prepared by abrasion (shown by dots); 5-6 - biface after removal of thinning flakes; В - straightening of edge after removal of thinning flake.

статочный сложный технический прием, демонстрирующий, что мастер по производству треугольных острий целенаправленно и умело использовал вторичное бифасиальное утоньшение.

Осмотр 19 законченных и 11 незаконченных треугольных наконечников, а также сопровождающих их сколов и орудий из 5 археологических памятников позволили нам сделать некоторые наблюдения о технологии их производства. Необходимо подчеркнуть, что эти наблюдения основаны лишь на достаточно ограниченном осмотре материалов (в случае с Сунгирем Б.А. Бредли видел острия в 1989 году, но наши наблюдения основаны также на опубликованных рисунках: Бадер 1978:130, рис. 86).

Наиболее полная реконструкция технологии производства тонких треугольных бифасиальных острий может быть проведена на основе материалов коллекции стоянки Бирючья Балка, среднее течение Дона (Матюхин 1994; 1994а), но материалы из Костенок 1, V слой; Костенок 11, слой III и V, и Сунгира также по-

могли в проведении следующей технологической реконструкции.

Существует два основных направления в производстве треугольных острий:

1) бифасиальное редуцирование путем утоньшения заготовки, представляющей собой кусок сырья или толстый отщеп;

2) бифасиальное редуцирование заготовки, представляющей собой тонкий отщеп.

Первичная форма предмета, изготовленного сплошной двусторонней обработкой, не может быть определена через анализ законченных форм, нам не удалось проследить какие-либо специфические черты таковой и в ходе беглого анализа материалов Бирючьей Балки. Поскольку большинство острий (кроме Костенок 1-V) были изготовлены из мелового кремня, нам представляется наиболее вероятным, что они изготавливались из больших и средних размеров сколов с нуклеусов. Если это так, то во всех этих коллекциях должно быть достаточное количество сколов утоньшения бугорковой выпуклости и сколов

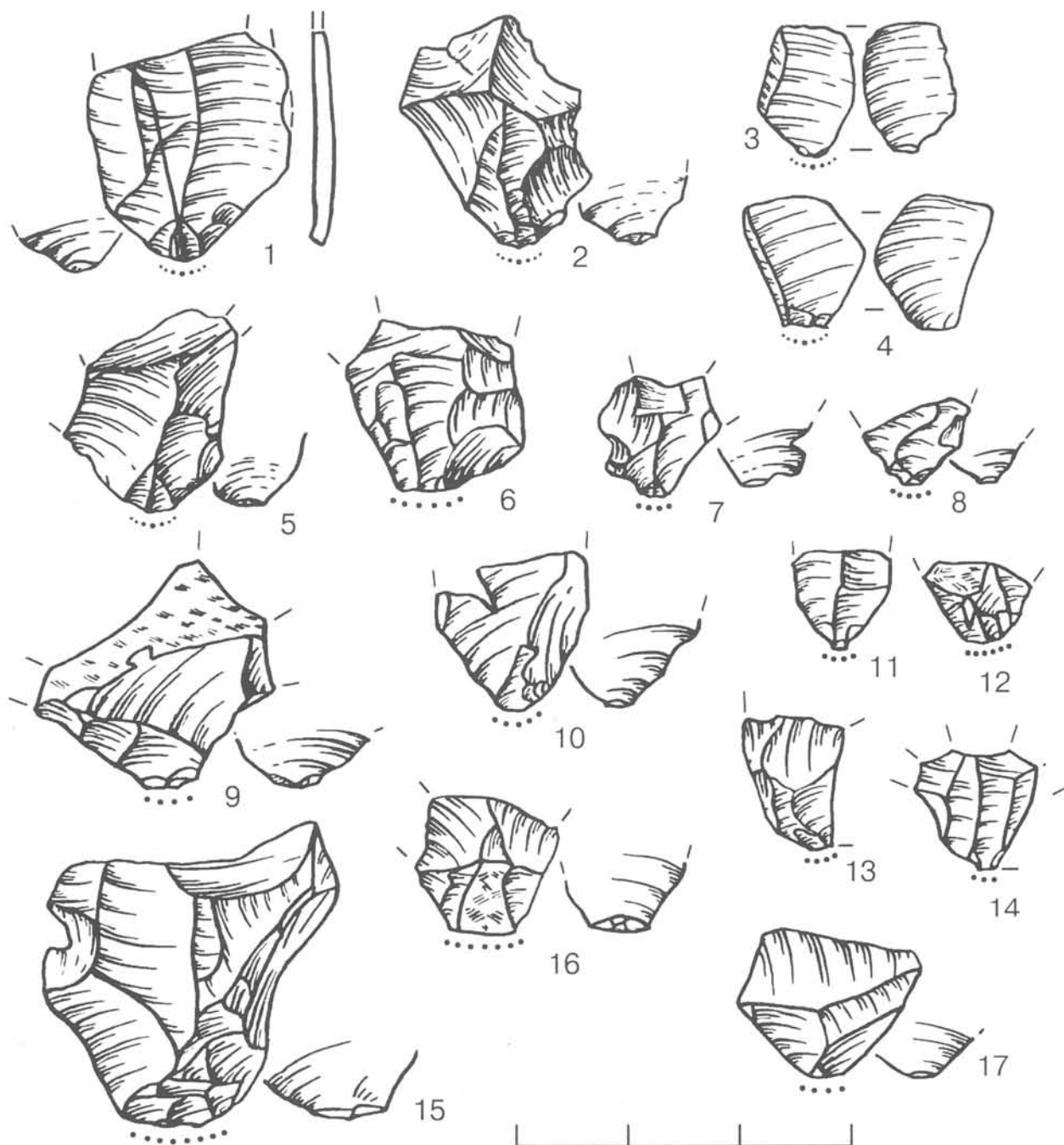

Рис. 5 Сколы утоньшения бифасов из V слоя стоянки Костенки 1 (точками показана абразивная обработка зон расщепления).

Fig. 5 Biface thinning flakes from Kostenki 1, level V (knapping zone prepared by abrasion is shown by dots).

имеющих на спинке остатки вентральной поверхности скола-заготовки.

В коллекции Костенок 1-V большинство острий изготовлено из цветного кремня различных оттенков и только некоторые из мелового кремня. По нашему мнению очень вероятно, что во всех случаях использования цветного кремня, сырье было подвергнуто предваритель-

ной тепловой обработке. Поверхность последних сколов на этих изделиях имеет специфический маслянистый блеск, отсутствующий на иных участках внешних поверхностей этих же предметов.

Эта коллекция включает в себя большое число немодифицированных и слабо модифицированных отдельностей сырья, указывающих

на то, что первичные формы для изготовления бифасов представляли собой некрупные плиткообразные куски разнообразных очертаний. Способ начального оформления бифаса на такой форме сырья может значительно отличаться от такового, производимого на меловом кремне, где форма исходного сырья — крупные сколы или сами желваки.

В любом случае, начальная стадия производства скорее всего выполнялась избирательным, конкретно-ситуационным расположением скальвающих, производимых прямым ударом. Этот способ может быть использован для придания самым различным кускам сырья определенной регулярности формы, а также для создания непрерывного бифасиального ребра по всему периметру изделия (этим ребром определяется внутри бифаса центральная плоскость расположения будущих снятий утоньшения).

Несмотря на разнообразие естественных форм сырья, исходная форма для второй стадии могла быть (а по всей вероятности и была) почти одной и той же. На этом этапе стратегия расщепления меняется от создания общей формы, бифасиального ребра и предварительного выравнивания обеих сторон-фасов к бифасиальному утоньшению и формированию.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что для проведения контролируемого бифасиального утоньшения необходима специальная техника скола, включающая особую подготовку зоны расщепления. Не все бифасы верхнего палеолита и последующих эпох могут быть признаны продуктами вторичного утоньшения. Так, к примеру, знаменитый наконечник из Костенок 4 (рис. 7), традиционно признаваемый за аналогию солютрейским, не может быть признан таковым именно потому, что он изготовлен по "среднепалеолитической" технологии это толстый бифас. Его отношение ширины к толщине в самом широком месте лишь 1 к 3.3, в то время как солютрейские изделия тонкие бифасы. По мастерству изготовления стрелецкие треугольные острия из России близки солютрейским и большинству палеоиндейских наконечников Северной Америки.

Как уже указывалось, одним из способов измерения процесса утоньшения является сравнение отношения ширины к толщине между экземплярами сломанными на стадии заготовки и законченными остриями. На таблице I представлены отношения ширины к толщине тех предметов, которые нам удалось изучить в ходе этого исследования. Все острия были разделены на законченные, предметы сломанные в ходе обработки или оставленные незавершенными. Законченные предметы были подразделены на две категории: неиз-

вестных форм заготовок и тех, заготовками для которых служили отщепы. Отношение ширины к толщине у законченных "острий" гораздо больше, чем у незавершенных и сломанных. Законченные экземпляры (10 шт) в среднем на 39% тоньше незаконченных (11 шт). Необходимо отметить, что относительная толщина не использовалась в качестве критерия для определения, является или нет данный артефакт законченной формой.

Достаточно странно, что законченные острия изготовленные из тонких отщепов оказались относительно толще, чем те, что прошли процесс полной бифасиальной обработки. Единственным объяснением этой ситуации, с нашей точки зрения, является то, что тонким отщепам-заготовкам вначале придавались очертания острий, в то время как более толстые исходные заготовки должны были пройти через стадию специализированного утоньшения, и что это производилось на высочайшем уровне мастерства. На основе своего личного опыта расщепления Б.А.Бредли отмечает, что тонкие куски материала, не имеющие линзовидного сечения, при утоньшении с помощью удара, в высшей степени легко ломаются, в то время, как те куски, которым придана определенная форма (особенно форма сечения) гораздо менее подвержены случайному фрагментированию в ходе утоньшения.

Ни одно из осмотренных нами острий не имеет следов серийного (моделированного) скальвания. Хотя при производстве этих бифасов оформление сменялось утоньшением, все сколы снимались избирательным (конкретно-ситуационным) порядком. Поэтому мы не смогли выделить никаких промежуточных технологических стадий между подготовкой исходной формы и законченными остриями.

Еще одной формой артефактов, которые нам удалось осмотреть в коллекции Костенок I-V и, в меньшей степени, среди материалов Бирючьей Балки, являются сколы оформления и утоньшения бифасов (рис. 5). Внимательное изучение краев законченных бифасов позволяет понять манеру подготовки площадок путем изменения угла заострения края, но только непосредственное изучение самих сколов утоньшения раскрывает все подробности этого процесса. По нашим наблюдениям, на большинстве сколов бифасиального утоньшения сохранились площадки. Исходя из нашего опыта расщепления, можно констатировать, что с помощью мягкого каменного отбойника, при ретушной и абразивной подготовке площадок, вполне возможно производить бифасиальное утоньшение с очень высокой степенью контроля, но большинство площадок на сколах при этом раскрашиваются и фрагментируются в ходе

Таблица 1.

Стоянка	Максимальная ширина (см)	Максимальная толщина (см)	Отношение ширины к толщине		
			Завершенные острия		Незавершенные острия
			Заготовка неизвестна	Заготовка на отщепе	
Костенки I-5	4.4	0.6	7.3	6.0	5.4
	3.4	0.4	8.5		
	3.0	0.4	7.5		
	1.8	0.3			
	2.7	0.5			
	2.6	0.5			
	2.5	0.7			
	2.6	0.9			
	1.8	0.5			
	1.8	0.3	6.0		
	2.7	0.5	5.4		
	2.3	0.3	7.7		
Костенки XI-3	3.2	0.6		5.2	
Костенки XI-5	4.7	0.6	7.8		
	3.7	0.35	10.6		
Бирючья Балка I	3.6	0.6			6.0
	3.5	0.6			5.8
	3.9	0.7			5.6
	3.5	0.8	4.4		
	4.9	1.2			4.0

производства снятия. Поэтому, есть основания полагать, что утоньшение стрелецких острий производилось с помощью орудия из какого-то более мягкого материала, подобного отбойнику из рога.

Большинство завершенных треугольных острий имеют очень прямые и тонкие края (кроме случаев позднейших повреждений). Такого результата можно добиться с помощью отбойника, но контролировать процесс расщепления при этом достаточно трудно, особенно при работе у кончика и проксимальных углов. Изготовление многих острий завершалось очень избирательной мелкой отжимной ретушью, которая служила не для формирования основной поверхности бифаса, а лишь для выравнивания, очищения края от межфасеточных выступов и заломов, которые обычно остаются на поверхности бифаса после ретуширования отбойником особенно в таких узких местах как кончик и "ушки" треугольных острий.

Треугольные острия из относительно тонких отщепов изготавливались с гораздо меньшей тщательностью, они утоньшались лишь со стороны спинки и у кончика, кроме этого обработка в основном состояла в достижении необходимых очертаний в плане. На этих наконечниках представлена такая же отжимная ретушь как и на других.

Хотя в коллекциях только лишь двух из рассмотренных нами памятников (Костенки I-V и Бирючья Балка) имелись и треугольные острия и отщепы, связанные с их производством, все завершенные острия выглядят как изготовленные в соответствии с одной общей моделью, включая очертания, относительные пропорции, прямизну и остроту краев и по одной технологии. Технологическое разнообразие проявляется только лишь в начальных фазах изготовления, что целиком объясняется разнообразием форм и качества исходного сырья. Мы не обнаружили каких-либо существенных различий между теми треугольными остриями, которые нам удалось осмотреть.

Сколы производства бифасов из коллекции стоянки Сунгирь не были нами рассмотрены, и поэтому мы не можем с уверенностью говорить о том, где производилось производство треугольных острий, на стоянке или нет. Судя по иллюстрациям орудий (Бадер 1978:137-138), там, кроме того, была представлена и технология производства пластин.

Осмотр коллекции продуктов расщепления со стоянки Костенки II-III выявил, что эти материалы типичны для технологического контекста, предполагавшего производство пластин. Нам не удалось обнаружить ни одного скола, который можно было бы достоверно от-

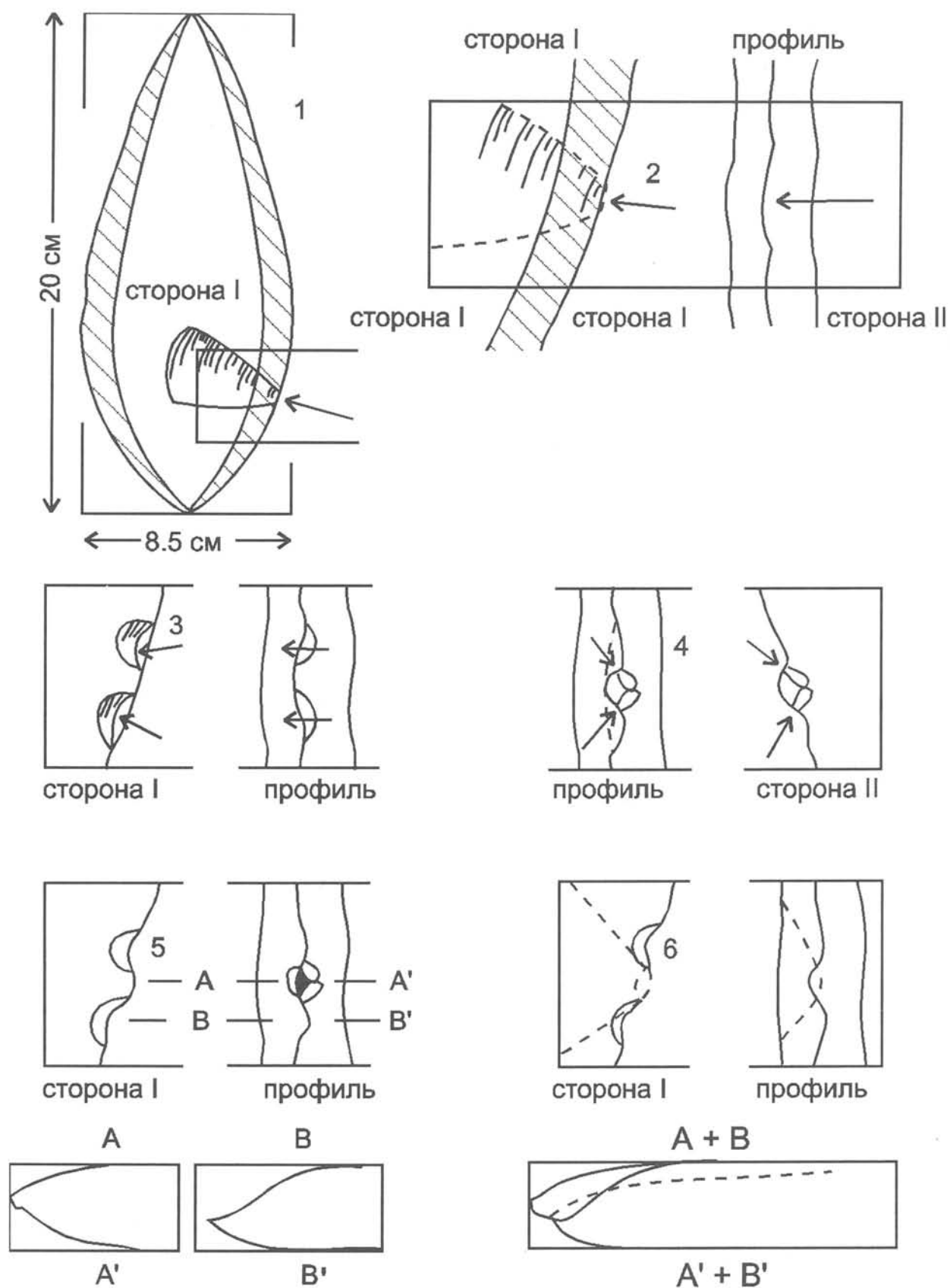

Рис. 6 Схема подготовки "изолированной" и "освобожденной" зоны расщепления для снятия скола утоньшения бифаса (абразивная обработка площадки скола утоньшения показана черной заливкой на №5, профиль). Адаптировано в соответствии с Pelegrin J.

Fig. 6 Scheme of preparation of "isolated" and "released" knapping zone of the biface for removing the thinning flake (part of knapping zone platform of No.5 prepared by abrasion is blackened). Adapted from J. Pelegrin.

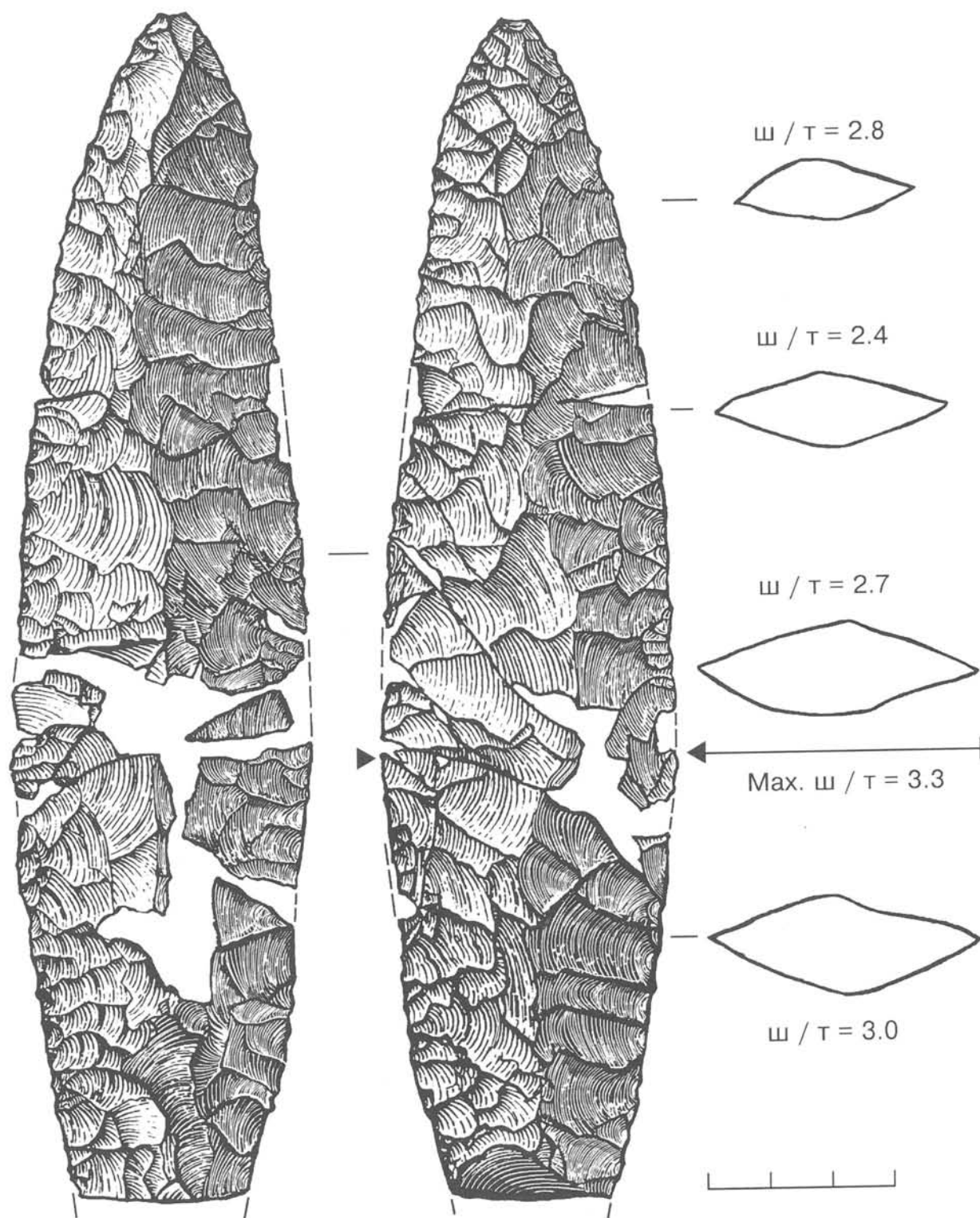

Рис. 7 Наконечник из Костенок 4.

Fig. 7 Kostenki 4. Projectile point.

нести к контексту изготовления тонких бифасов. Или треугольные острия этой индустрии были изготовлены за пределами этого памятника, или место их изготовления пока не обнаружено раскопками.

Заключение. Изготовление каменных орудий способом двусторонней обработки достаточно широко, хотя и не повсеместно, использовалось в различное время различными коллективами людей. Двусторонне обработанные орудия встречаются как в самых ранних, так и в самых поздних коллекциях. Сосуществуя и развиваясь параллельно с иным способом производства каменных орудий получением сколов определенного вида, бифасиальные технологии претерпели ряд качественных изменений, позволяющих выделять их отдельные типы. Следовательно, информация о том или ином типе бифасиального расщепления может быть использована как для периодизационных разработок, так и при сравнении отдельных археологических памятников.

Наряду с применением стадийных последовательностей, специфические типы оформления зоны расщепления (подготовку которой мы рассматриваем как составную часть техники скола) позволяют говорить о некоторых параллелях в развитии двух принципиально различных видов расщепления: а) технологий производства бифасов и б) сколов-заготовок определенного вида. Подготовка зоны расщепления для скола утоньшения бифаса с применением "изолирования", "освобождения" и абразивной обработки находит полную аналогию в подготовке такой же зоны расщепления для снятия больших призматических пластин прямым ударом мягкого отбойника — это широко известные "площадки в виде шпоры" ("spur", "eperegon"). Абразивная обработка проксимальной части поверхности скалывания зоны расщепления, предназначенной для снятия скола утоньшения бифаса может рассматриваться как аналог абразивной обработки для редуцирования (снятия) карниза при получении верхнепалеолитических пластин. То есть, можно констатировать некий параллелизм в применении практически той же техники скола в двух принципиально различных технологиях (изготовлении тонких бифасов и производстве пластин). Вполне вероятно, что в этом находит свое выражение некий общий для разных технологий "верхнепалеолитический стиль" или "уровень развития" мастерства расщепления.

Существовал ли такой же "общий эквивалент" в иные эпохи, до и после верхнего палеолита должны показать дальнейшие исследования. Чисто теоретически это вполне вероятно, поскольку основные подразделения каменного века отличаются в применяемых техниках скола.

Определение стрелецкой технологии расщепления как производства тонких бифасов значительно изменяет современные представления о времени возникновения этого искусства обработки камня. В Костенках обнаружены полные технологические контексты производства и использования таких острий восходящие к периоду древнее 30 тыс. лет. Наследники стрелецкой культуры, воспринявшие эту технологию, нам не известны, хотя в типологическом отношении, основываясь на сходстве материалов из Костенок 11, III слой и Костенок 8, I слой, можно предполагать генетическое родство между костенковско-стрелецкой и аносковско-тельманской археологическими культурами. Не выяснены окончательно и генетические истоки стрелецкой археологической культуры. Наиболее близкие типологические аналоги имеются в двустороннем мустье Крыма, но просмотр публикаций крымских материалов (Колосов 1986; Колосов, Степанчук, Чабай 1993) свидетельствует скорее об отсутствии в тамошних индустриях технологии вторичного утоньшения. Необходим тщательный анализ отщепов и самих бифасов.

Но, как бы то ни было, технологический анализ производства стрелецких тонких бифасов дает, с одной стороны, дополнительный, технологический аргумент в пользу правомочности объединения всех перечисленных в начале статьи памятников, от Костенок 12, III слой и Костенок 1, V слой до Сунгиря, в одну археологическую культуру, и, с другой стороны, технологически отчленяет от нее материалы Костенок 11, III слой, несмотря на присутствие там треугольного наконечника. Технологический анализ приводит также к некоторым более частным, но важным выводам: судя по характеру материала, происходящего из раскопа А.Н.Рогачева на Костенках 1, V слой, там, на участке около 45 кв.м, в центре которого располагались остатки кострища, производилось только изготовление треугольных наконечников; никаких следов применения иных технологий расщепления на этом участке не обнаружено.

Констатация наличия следов использования тепловой обработки кремня в материалах Костенок I-V требует подтверждения методами естественных наук, на сегодняшний день применение этой технологии достоверно известно лишь для голоцена.

Присутствует ли технология производства тонких бифасов в иных верхнепалеолитических культурах Восточной Европы, прежде всего, в Юго-Западном регионе, где листовидные двусторонние формы орудий весьма распространены? Ответить на этот вопрос с полной уверенностью затруднительно: "в натуре" эти коллек-

ции изучал только один из соавторов (М.В.Аникович), не технолог, и в те годы, когда сама проблема технологического различия производства листовидных двусторонних острий перед ним не вставала. Пожалуй, можно не сомневаться в наличии этой технологии в гроте Чунту, индустрия которого, скорее всего, относится к бронзенской археологической культуре (Борзияк, Кетрару 1978). Что же касается разнокультурных материалов стоянок Гординешты 1 (Борзияк 1984), Корпач, IV слой и Корпач-Мыс (Борзияк, Григорьева, Кетрару 1981), необходим специальный технологический анализ коллекций. Судя только по публикациям (Demidenko, Usik 1993) также трудно судить о

том, являются ли листовидные острия Королево тонкими бифасами?

Технология производства тонких бифасов представлена весьма широко в солютрейских материалах Франции и Испании, а также в палеоиндейских памятниках Северной Америки. Во всех трех случаях применения этой технологии в палеолитическое время не обнаружено никаких убедительных источников ее происхождения. И лишь в Северной Америке применение этой технологии не прерывается, а имеет продолжение в голоценовых индустриях. На территории Европы эта технология была возрождена лишь в неолитическое время.

- Аникович, М.В. 1977. Памятники стрелецкой культуры в Костенках. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ленинград.
1991. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы. Автореф. дисс... докт. ист. наук. Санкт-Петербург.
1993. О значении Костенковско-Боршевского района в современном палеолитоведении // Петербургский археологический вестник 3: 3-19.
- Бабер, О.Н. 1978. Сунгирь верхнепалеолитическая стоянка. Москва.
- Борзияк, И.А. 1984. Верхнепалеолитическая стоянка Гординешты 1 в Попрутье. Кишинев.
- Борзияк, И.А., Г.В.Григорьева, Н.А.Кетрару. 1981. Поселения древнекаменного века на Северо-Западе Молдавии. Кишинев.
- Борзияк, И.А., Н.А.Кетрару. 1978. Позднепалеолитическая стоянка в гроте Чунту // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода 48: 148-154.
- Григорьев Г.П. 1963. Селет и костенковско-стрелецкая культура // Советская археология 1: 3-11.
- Колосов, Ю.Г. 1986. Аккайская мустьерская культура. Киев: Наукова думка.
- Колосов, Ю.Г., В.Н.Степанчук, В.П.Чибай. 1993. Ранний палеолит Крыма. Киев: Наукова думка.
- Митюхин, А.Е. 1994. Палеолитические мастерские в бассейне нижнего Дона // Археологические вести 3: 25-38.
1994а. Новые палеолитические памятники в бассейне Северского Донца // Российская археология 1:134-141.

- Мелекесцев, И.В., В.О.Кирьянов, И.Д.Праслов. 1984. Катастрофическое извержение в районе Флегрейских полей (Италия) возможный источник вулканического пепла в позднелепесточеновых отложениях Европейской части СССР // Вулканология и сейсмология 3: 35-44.
- Рогачев, А.Н. 1957. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Материалы и исследования по археологии СССР 59: 9-134.
- Anikovich, M.V. 1992. Early Upper Paleolithic Industries of Eastern Europe // Journal of World Prehistory Vol. 6 No 2: 205-245.
- Callahan, E. 1979. The basics of biface knapping in the eastern fluted point tradition a manual for flintknappers and lithic analysts // Archaeology of Eastern North America. 7(1): 1-180.
- Demidenko, Y.E., V.I.Usik. 1993. Leaf points of the Upper Palaeolithic industry from the 2-nd complex of Rjrolevo II and certain methodical problems in description and interpretation of the category of Palaeolithic tools // Pre'histoire Europeenne, vol. 4: 49-62.
- Pelegrin, J. 1981. Experiments in bifacial work (about "Laurel Leaves") // Flintknappers' exchange (an exchange medium of, by, and for lithic technologist). vol. 4. No. 1: 4-7.
- Sharrock, F.W. 1966. Prehistoric Occupation Patterns in S.W. Wyoming and Cultural Relationships with the Great Basin and Plains Culture Areas. University of Utah. Dept. of Anthropology. Anthropology Papers 77.

EARLY UPPER PALAEOOLITHIC IN THE RUSSIAN PLAIN: STRELETSKAYAN FLAKED STONE ARTEFACTS AND TECHNOLOGY

The artefact assemblages from early Upper Palaeolithic site in eastern European Russia contain flint tools of a more Middle Palaeolithic type. With these artefacts are bifacially thinned triangular forms that may represent the first use of this technology in the area, and perhaps anywhere in Europe. Early Upper Palaeolithic sites in Eastern

Europe show clear cultural variations that allow us to identify a series of archaeological cultures. The Kostenki-Streletskaya (Streletskayan) is of particular interest. It was originally distinguished by A.N.Rogachev (1957) on the materials from the Kostenki-Borshchevo region. It was not long before this material became well known beyond Russia

(e.g. Klein 1969, Kozłowski J., Kozłowski S. 1975; McBurney 1976). In the 1970-s-'80-s one of Rogachev's students, M.V. Anikovich, continued to investigate this archaeological culture using new methods and techniques (Anikovich 1977, 1992; Rogachev & Anikovich 1984). The following is a summary of what the authors currently know about the Kostenki-Streletskaya archaeological (culture with a focus on bifacial technology of the flaked stone assemblages).

Typologically and chronologically, the Streletskayan derives directly from Middle Palaeolithic archaeological cultures in eastern European Russia and over its approximately 10 000 years of development, slowly takes on characteristics of Upper Pa-

laeolithic assemblages. Of particular interest is the presence of a sophisticated biface thinning technology that persisted throughout the Streletskayan. Although it is probably derived from an earlier Middle Palaeolithic biface technology, the development of thinning methods clearly sets it apart. The use of carefully prepared platforms (including grinding and isolation) along with the possible pressure flaking and intentional heat treating of raw materials (observed only at Kostenki 1, Layer V) in the Early Upper Palaeolithic of Eastern Europe, indicates that this specialized technology was developed well before the much better known Solutrean technology of southwestern Europe. This may shed some light on the origin of Solutrean biface technologies.

ДРЕВНИЕ ОХОТНИКИ ВЫСОКОШИРОТНОЙ АРКТИКИ: МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И СТРАТЕГИЯ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

В.В.ПИТУЛЬКО, А.К.КАСПАРОВ*

Общеизвестно, что на протяжении всей преистории флуктуации природной среды являлись одним из главнейших факторов, определявших процессы освоения различных экологических ниш, расширения или сокращения территории обитания и т.д. Особенно отчетливо такие причинно-следственные связи проявились в изменчивости и множественности стратегий жизнеобеспечения.

Так, исследования, проведенные в Арктическом регионе, показывают, что на западе и востоке Евразийского Заполярья в различное время складываются и развиваются культуры с приморским типом адаптации, причем если на Европейском Северо-Западе они имеют длительную историю, обусловленную особенностями заселения региона через "коридор" между ледником и морским побережьем (Шумкин 1988), то на Северо-Востоке Азии эти культуры оказываются довольно молодыми (Диков 1979). Однако, благоприятная природная обстановка не всегда гарантировала переход к специализированной морской охоте, как это произошло на Крайнем Северо-Востоке Европы (Pitul'ko 1991). На основной части Евразийской Арктики, вероятно, ещё в конце плейстоцена складываются различные варианты культур континентальных охотников на северного оленя. Очевидно, ими практиковались и другие виды промысловой деятельности. Вероятно, в неолите в районах с продуктивным рыболовством появляются полуседлые группы. Стратегия жизнеобеспечения, основанная на охоте на северного оленя, характеризовалась "челночным" типом миграций (Симченко 1976) и сезонным перемещением в пределах постоянного района кочевий, где могли создаваться системы долговременных лагерей (Хлобыстин 1972). Методы охоты, очевидно, были весьма различны. Скорее всего, применялись как индивидуальные, так и коллективные (облавные, загонные) методы; поколки.

Развитие основной модели жизнеобеспече-

ния, сложившейся в тундрах Евразии, шло в направлении хозяйственно-культурного типа "поздних охотников" (Крупник 1989), характеризующегося появлением в Заполярье мелкостадного транспортного оленеводства, существенно повысившего адаптивные возможности населения.

Освоение собственно арктических островных территорий обычно считается довольно поздним (не древнее 4 500 лет назад) и связывается со становлением и развитием культур морских зверобоев, исследованных в Канадской Арктике, что справедливо рассматривалось в качестве общей тенденции и, казалось бы, было подтверждено археологическими материалами, происходящими с островов Евразийской Арктики (Диков 1976; Питулько 1988), самые ранние из которых были датированы не древнее 3 500 лет назад.

Однако, если говорить об Азиатской, в том числе и высокоширотной Арктике, то моменты её первоначального освоения относятся исследователями к заключительному этапу плейстоцена, когда вследствие глубокой регрессии Полярного бассейна обнажились огромные пространства современного шельфа и сформировалась обширная равнина с тундро-степными ландшафтами, благоприятными для обитания мамонтовой фауны. Значительные области этой равнины, реликтами которой являются современные острова, были доступны еще в раннем голоцене и посещались группами охотников (Макеев, Питулько 1991). Очевидно, своеобразии местных природных условий и, возможно, общее состояние промысловой базы привело здесь к развитию нестандартной, нигде более в Арктике неизвестной стратегии жизнеобеспечения, сформировавшейся на базе традиционного культурно-хозяйственного типа континентальных охотников.

Изучение озёрно-болотных отложений островов Новосибирского архипелага дает ясное представление об изменчивости природ-

* В.В.Питулько, А.К.Каспаров. Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита и Лаборатория археологической технологии.

ной среды региона, и, в особенности, о характере природной обстановки, соответствующей времени обитания человека на нынешнем о.Жохова (Макеев, Питулько, Каспаров 1992). Несмотря на относительно малую мощность местных позднечетвертичных отложений (не более 3 м), видовой и количественный состав ископаемой пыльцы и спор имеет существенные вариации. Так, если горизонты рубежа — начала голоцена охарактеризованы споропыльцевыми комплексами с доминированием трав, среди которых преобладает пыльца злаков и осок, а содержание пыльцы древесно-кустарниковой группы колеблется от 5 до 16%, то для вышележащих отложений отмечена принципиально иная картина: слой с датировками 9 500—8 700 лет назад. предстален мохово-травянистым торфом с макроостатками кустарников (ива), в нем резко возрастает содержание пыльцы древесно-кустарниковой группы (до 30%), среди травянистых доминируют злаковые. В СПК, датированных 8 020—7 800 лет назад, содержание пыльцы древесно-кустарниковой растительности вновь сокращается и не превышает 5%, зато широко представлено разнотравье — злаки (39%), гвоздичные (до 20%), валериановые (до 28%), полынные (до 9%). Состав СПК свидетельствует о существовании здесь в этот период типичной арктической тундры, которая и служила средой обитания первобытных охотников.

Споро-пыльцевые характеристики разрезов показывают, что климат на протяжении большей части голоцена был более тёплым по сравнению с современным, особенно в интервале 10 000—8 500 лет назад, который рассматривается как климатический оптимум (Макеев и др. 1989; Макеев, Питулько 1991). Климатические условия вплоть до позднего голоцена были относительно стабильны, однако выявлены и некоторые флуктуации: так, отчетливо выделяются небольшие потепления 7 500, 5 000 и 2 500—2 200 лет назад. Полностью аналогичная картина выявлена по разрезам о.Котельный (Макеев и др. 1989).

Заселение рассматриваемых территорий, очевидно, началось еще в позднем плейстоцене. Наиболее комфортные условия сложились в интервале 10 000—8 500 лет назад, однако бесспорные данные получены для чуть более позднего отрезка: многочисленные радиоуглеродные даты позволяют определить возраст Жоховской стоянки около 7 800 лет назад (по некалиброванным датам, полученным в трех лабораториях (Питулько 1992; Pitul'ko 1993)). Весьма вероятно, что имелось несколько циклов обитания стоянки, однако его общая длительность не превышает пределов точности метода.

В результате раскопок накоплена значи-

тельная информация о культуре и занятиях древнего населения (Питулько 1992; Pitul'ko 1993). Культура имеет ярко выраженный мезолитический характер. Своеобразной чертой памятника является сочетание высокоразвитой микропризматической техники расщепления камня и традиции изготовления шлифованных каменных и долотовидных орудий, появление которых в регионе, по данным предшествовавших исследований, датируется не ранее 6 000 лет назад (Мочанов 1976:222). Микропризматическая техника расщепления также весьма специфична и почти не имеет аналогий; как удалось установить, подобные приемы известны в немногих памятниках Чукотского п-ва, имеющих близкие датировки (Диков 1993:149; табл. 46,52,60,107). При раскопках извлечено значительное количество предметов комплекса охотничьего вооружения, представлены как вкладышевые (рис. 1: 3-7), так и некладышевые формы (рис. 2: 1-3,5), в том числе наконечник остроги (рис. 2:6). Среди костяного инвентаря имеются также незаконченные (рис. 2: 10) и, напротив, переоформленные вкладышевые орудия (рис. 2: 4,8,9), что позволяет понять процесс их изготовления. Характерной чертой памятника является отсутствие каких бы то ни было каменных орудий, за исключением упомянутых тесловидных инструментов. Отсутствуют и орудия на пластинках. В то же время, представлены крупные орудия, изготовленные на отщепках бивня мамонта (рис. 1: 1,2) скребло и нож (Гиря, Питулько 1993:3-5). В известном смысле эти находки продолжают позднепалеолитическую традицию изготовления орудий на отщепках бивня мамонта, отмеченную на некоторых памятниках Якутии — стоянках Берелех (Мочанов 1976: табл. 25:3-7; 26:4,5) и Дюктай, сл. VII (Мочанов 1976: табл. 5:9). Среди изделий из кости и, в особенности, дерева, имеются предметы, функциональное назначение которых не всегда ясно. Так, например, встречена серия изделий (4 экз.), изготовленных из дистального эпифиза метатарсальной кости северного оленя путем удаления боковых частей артикулярных поверхностей; в центре суставного блока сделана V-образная выемка (рис. 1: 12). Они абсолютно идентичны по размерам.

Среди предметов, изготовленных из дерева, необходимо в первую очередь отметить предметы домашней утвари, фрагментированные и целые, часто достигающие значительного размера (рис. 3; 4: 2,3); и многочисленные фрагменты древков стрел (рис. 1: 8-11); один из них представляет собой тщательно оформленный боевой конец с углублением для острия и выемкой для закрепления обвязки. Однако наибольший интерес среди изделий из дерева вызывает крупный фрагмент полоза нарты (рис. 4:1). Его

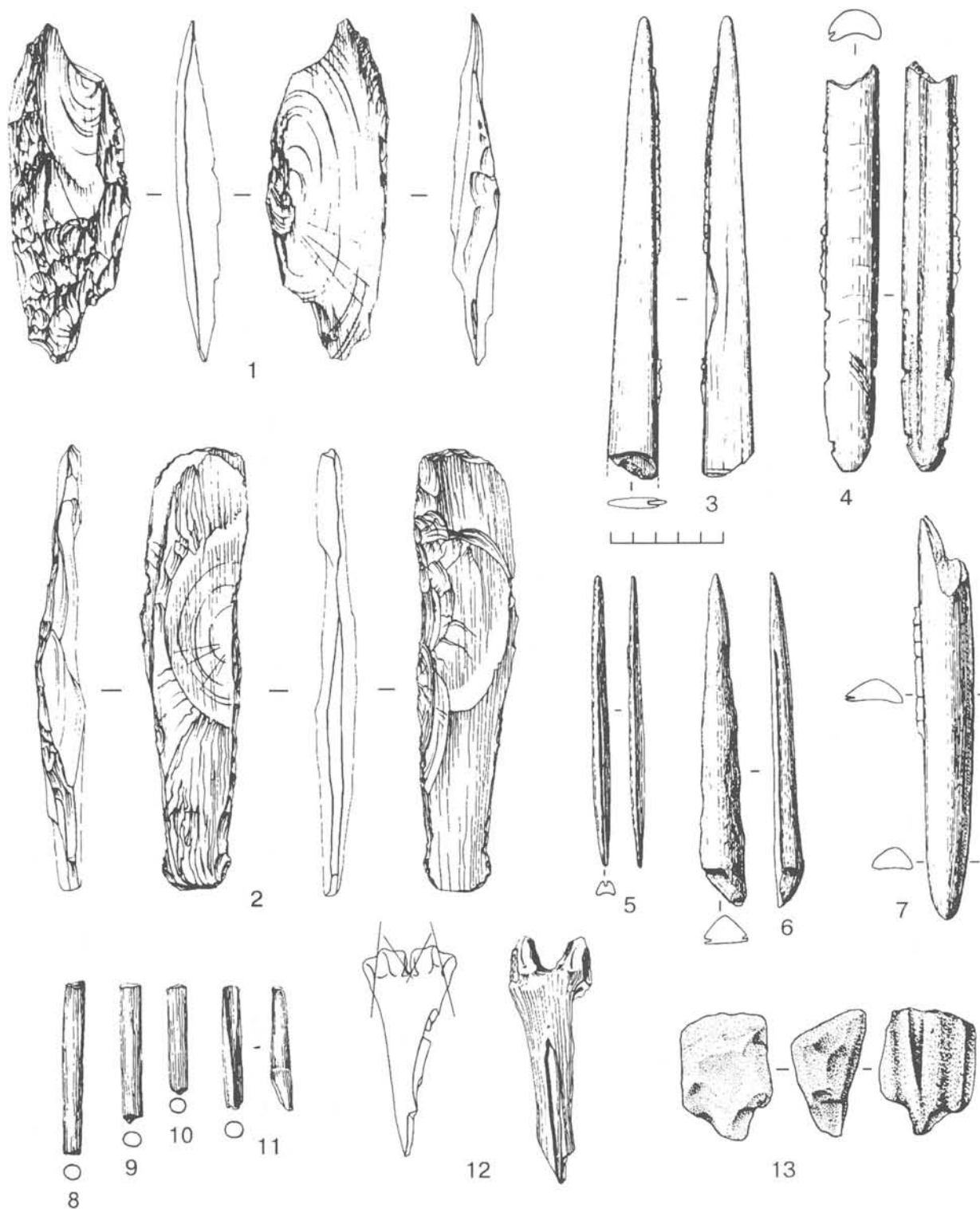

Рис. 1 Инвентарь Жоховской стоянки: 1 – скребло; 2 – нож; 3-7 – основные типы вкладышевых орудий (3 – нож; 4, 7 – однопазовые наконечники копий; 5 – метательное игловидное острие с одним пазом; 6 – фрагмент оправы обоюдоострого наконечника); 8-11 – фрагменты древков стрел; 12 – изделие неясного функционального назначения, изготовленное из метатарсальной кости северного оленя и способ его изготовления (слева); 13 – абразивный камень.

Fig. 1 Archaeological material from Zhokhov island: 1 – bone side-scraper; 2 – bone knife; 3-7 – general types of side-bladed tools (fragment of bilaterally bladed spear point (6) and unilateral tools with flint inserts : 3 – knife; 4, 7 – spear points; 5 – needle shaped projectile point); 8-11 – fragments of arrowshafts; 12 – unidentified artifact made of metatarsal reindeer bone (the lines mark the directions of fracturing); 13 – abrading tool. Organic raw material: 1,2 – fossil mammoth ivory; 3, 5, 7 – bone; 6 – antler; 8-11 – wooden artifacts; 12 – bone; 13 – sandstone.

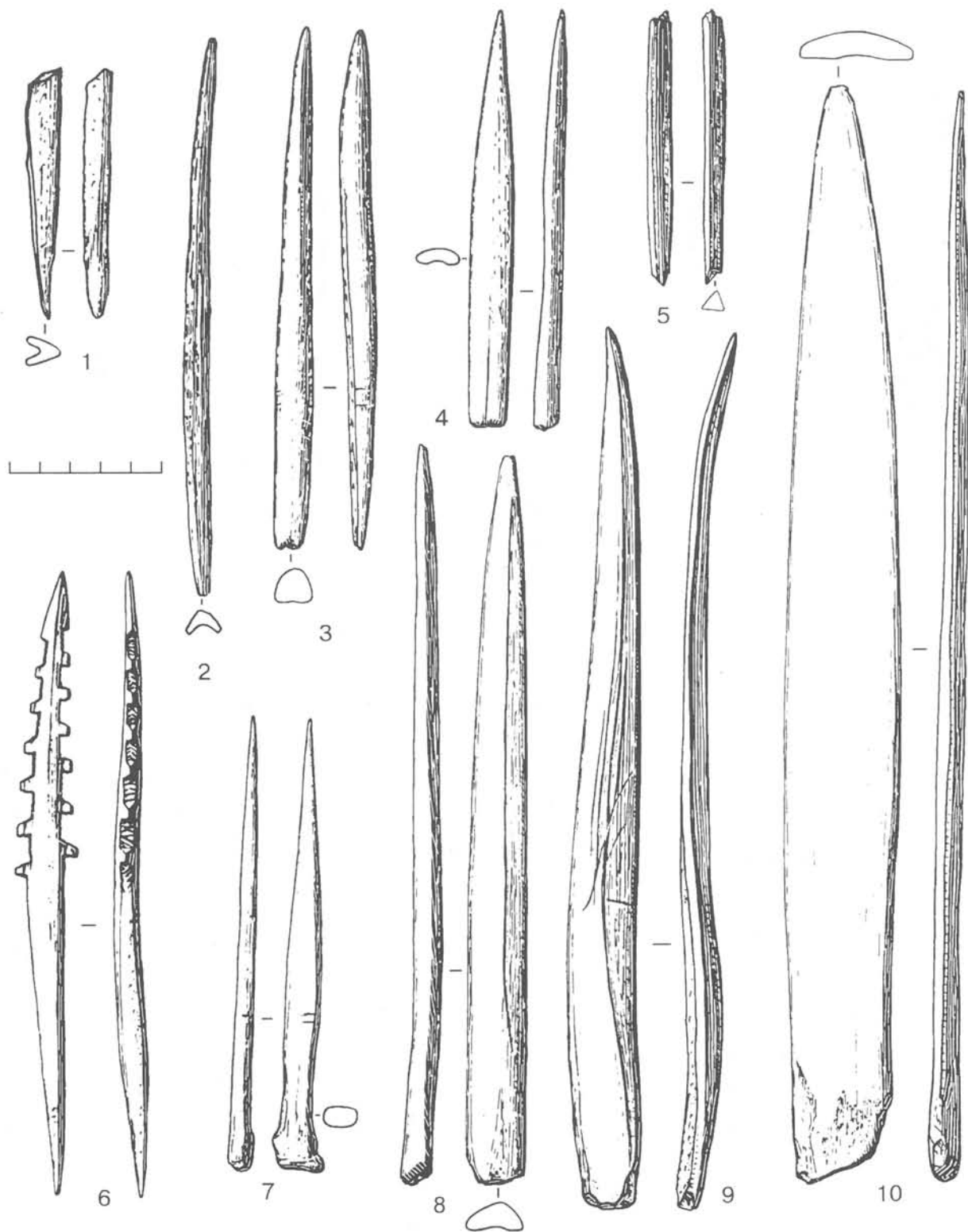

Рис. 2. Инвентарь Жоховской стоянки. Заготовки (10), переформленные орудия (4, 8, 9) и невкладышевые формы (1-3, 5); наконечник остроги (6); шило (7).

Fig. 2. Assemblage of Zhokhov island site. Bone preform of a large insert spear point (10); reshaped insert spear points (4, 8, 9) and bone arrow/dart points without inserts (1-3, 5); fish-spear (6); awl (7).

общая длина 11-10 мм, ширина 30-35 мм, толщина 25 мм. Изготовлен из мелкослойного плотного дерева. Высота загиба 160, длина загнутой части 200 мм; в 280 мм от переднего конца полоза высверлено коническое отвер-

тие с верхним диаметром 21 мм и глубиной 15 мм, служившее для установки переднего копыла, а в 490 мм от него имеется прорезь, проходящая под верхним ребром полоза; передний конец его также имеет нарезки для скрепления

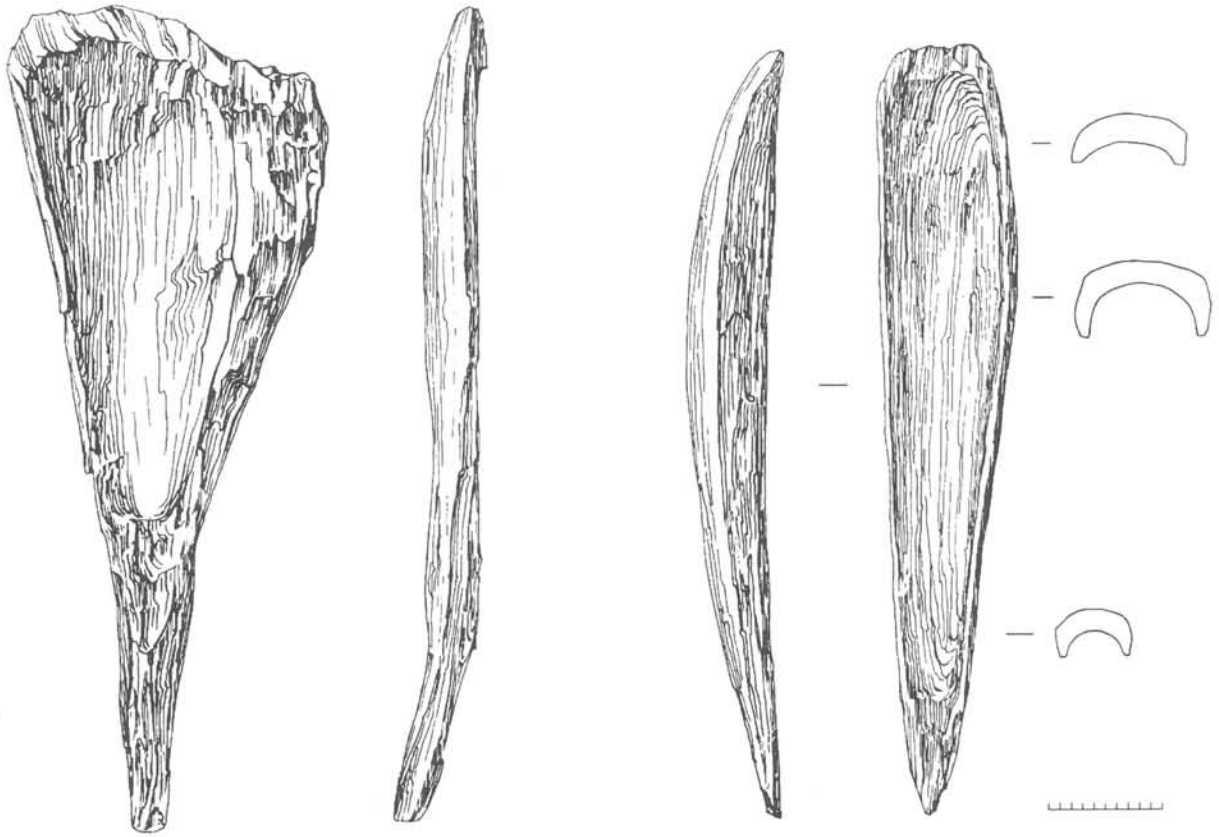

Рис. 3. Инвентарь Жоховской стоянки. Деревянные предметы домашней утвари (?).

Fig.3 Wooden household utensils from Zhokhov island site.

обвязкой с поперечиной или бараном. Судя по интенсивному износу рабочей поверхности, это был левый полоз нарты. Нельзя не отметить, что крайне немногочисленные находки санных полозьев, имеющие близкий возраст (Berg 1934; Буров 1981), интерпретируются обычно как "плоские" сани (разновидность волокуши) или как килевые планки саней типа саамской кережки (Буров 1981:159). Копыльные конструкции считаются заметно более поздними. Картографирование находок санных полозьев привело Г.М.Бурова (1981:164) к мысли, что санный способ перевозки возник в Северной Европе "в мезолите и тысячелетиями развивался, слабо распространяясь на соседние территории". Тем не менее, вполне очевидно, что сам принцип был известен на исключительно широкой территории, а прогрессивная копыльная конструкция жоховской находки, по своему качеству близкая некоторым этнографическим образцам (Левин 1946: рис.16; Mason 1894: fig. 244,245), позволяет предполагать длительный период её совершенствования.

В этой связи следует упомянуть об остатках собаки, найденных на стоянке. Более подробно эти фрагменты описаны в предыдущей работе (Макеев, Питулько, Каспаров 1992). Наши материалы включают два обломка нижней челюс-

ти (вероятно, от одной особи), обломок верхней челюсти, изолированный клык, фрагмент скуловой дуги, целую лучевую и большую берцовую кости, найденные в культурном слое. По своим анатомическим характеристикам остатки принадлежат несомненно собаке, хотя зубная система и несет еще некоторые примитивные черты. Достаточно упомянуть, что M_1 нижней челюсти у нее чрезвычайно велик: индекс отношения длины его коронки к общей длине зубного ряда (от переднего края альвеолы клыка до заднего края альвеолы M_2) составляет 25,5%, тогда как у волка из этого региона в среднем 22.1 (N=8). У якутских лаек, черепа которых поступили в коллекцию Санкт-Петербургского Зоологического Института в прошлом веке, этот индекс еще меньше — 21.5 (N=7). находка скелетов древних домашних собак сходного возраста (8500 лет назад) была сделана на стоянке Костер в штате Иллинойс, США (Morey & Wiant, 1992). К сожалению, в работе авторы приводят лишь промеры и описания самих черепов без нижних челюстей, однако по приведенным фотографиям можно судить, что индекс отношения длины коронки к длине зубного ряда составляет здесь примерно 23%, то есть опять довольно велик. Для сравнения укажем, что, например, этот индекс у соба-

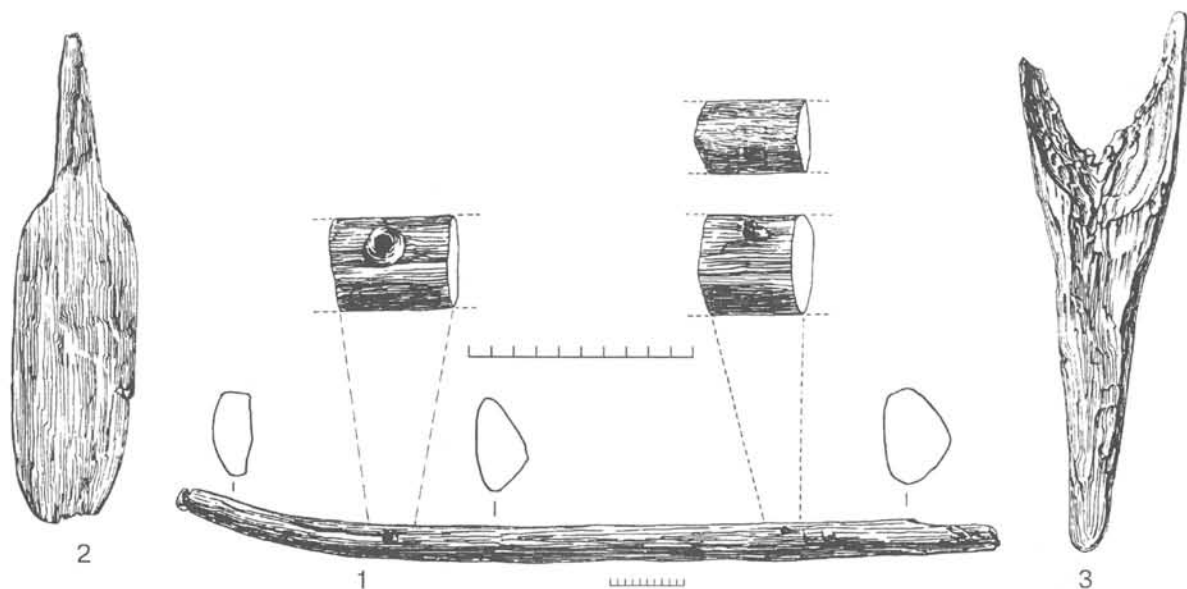

Рис. 4. Инвентарь Жоховской стоянки. Фрагмент полоза нарты, рукоять деревянного ковша, деревянная лопаточка.

Fig.4 Wooden artifacts from Zhokhov complex: fragment of sledge-runner (1), wooden tool for cooking (2), handle of wooden scoop (3).

ки из мезолитической Кошкараровско-Юрьинской стоянки на Урале равен приблизительно 22% (Сериков, Кузмина 1985), а у неолитической собаки из поселения Лука-Врублевская примерно 21,7.

Понятно, что одно лишь совместное нахождение в культурном слое памятника полоза нарты и костных остатков собаки еще не является основанием для однозначного вывода об использовании аборигенами острова упряжного собаководства, тем более что его возникновение считается обычно довольно поздним и, в частности, в Американской Арктике связывается с эскимосской культурой Туле. Несколько большую древность имеют усть-полуйские находки, в том числе вертлюги и рукоять ножа со скульптурным изображением собаки в упряжи (Мошинская 1953:85,86; табл.VI), однако и их возраст не превышает 2 000 лет назад. Напомним, что М.Г.Левин также рассматривал упряжное собаководство как относительно позднее явление (Левин 1946:108), справедливо полагая, что в условиях присваивающей экономики оно возможно, скорее всего, в условиях специализированного высокоэффективного рыболовства или морской охоты. Однако, может быть, существовали и другие возможности? На наш взгляд, высокое совершенство конструкции жоховской нарты мало совместимо с отсутствием здесь упряжных животных. Предположение о знакомстве аборигенов сибирской высокоширотной Арктики с упряжным собаководством почти 8 000 лет назад выглядит такми образом вполне уместным.

Данные о фаунистических материалах со стоянки первобытного человека на о.Жохова

публиковались ранее лишь в виде самых общих характеристик (Макеев, Питулько, Каспаров 1992; Makeyev, Pitul'ko & Kasparov 1992; Питулько 1992; Pitul'ko 1993). Набор видов, остатки которых определены, невелик (табл. 1).

В настоящей работе более детально описываются костные материалы по двум основным видам белому медведю и северному оленю (рис. 6,7). Фаунистические остатки имеют в ряде случаев практически полностью идентичные повреждения, что дает возможность, используя этнографические параллели, достаточно достоверно реконструировать приемы обращения древних охотников со своей добычей.

В предварительных работах, посвященных стоянке, уже обращалось внимание на большое число остатков белого медведя. Количество находок ископаемых остатков этого зверя плейстоценового и голоценового возраста вообще крайне не велико (Kurten 1964; Верещагин 1969; Верещагин, Тихонов 1991). Таким образом, ситуация на острове Жохова представляется в значительной степени уникальной. Однако исключительным этот материал является не только с палеонтологической, но и с чисто археологической точки зрения. Можно констатировать, что мы впервые встречаемся с ситуацией, когда белый медведь является постоянным и традиционным источником мяса для первобытных охотников. На немногочисленных памятниках, известных в заполярной области, костей белого медведя практически нет или они крайне немногочисленны. На позднепалеолитической стоянке Берелех в устье Индигирки, например, он отсутствует вовсе, а основной добычей являются куропатка и заяц.

Можно отметить находку двух черепов и нескольких посткраниальных костей медведя на позднейшем памятнике Бараний мыс (X–XVI вв. н.э., устье Колымы), явно несущих на себе следы кулинарной обработки (Верещагин 1971). Однако, говорить о постоянной охоте на этого зверя и в этом случае нельзя.

Ниже мы приводим описания костного материала. К сожалению, ограниченный объем публикации не дает нам возможности подробно описать тафономию каждой кости скелета и привести подробные промеры. Более или менее подробно мы остановимся лишь на черепе и нижней челюсти.

Белый медведь (*Ursus maritimus*) Череп (*Cranium*). Всего в культурном слое стоянки обнаружено 84 обломка черепа, причем почти все они, за исключением нескольких мелких частей, по

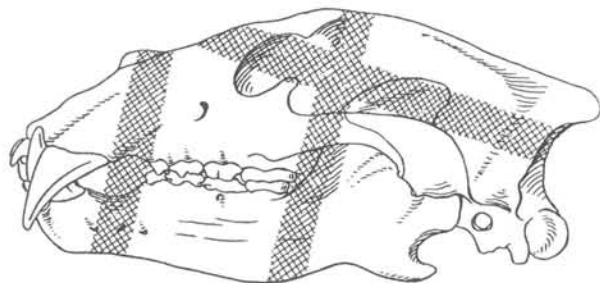

Рис. 5. Линии основных разломов черепа белого медведя. Полностью разрушенные области заштрихованы.

Fig. 5 Scheme of fracturing of polar bear skulls. Totally crushed zones are cross-shaded.

Таблица 1.
Видовой состав костных остатков из мезолитической стоянки на острове Жохова

Виды	Количество костей	Количество особей
Млекопитающие		
Волк <i>Canis lupus</i>	3	1
Песец <i>Alopex lagopus</i>	8	1
Белый медведь <i>Ursus maritimus</i>	397	21
Морж <i>Odobenus rosmarus</i>	1	1
Тюлени <i>Phocidae sp.</i>	4	2
Северный олень <i>Rangifer tarandus</i>	450	20
Собака домашняя <i>Canis familiaris</i>	3	2
Птицы		
Тундровый лебедь <i>Cygnus bewski</i>	3	2
Гусь гуменник <i>Anser fabalis</i>	19	6
Гусь белолобик <i>Anser albifrons</i>	4	2
Чайка <i>Laridae sp.</i>	1	1

анатомической принадлежности подразделяются на пять категорий:

1) Обломки фронтальной части верхней челюсти, часто с сохранившимися клыками и резцами 19.6%.

2) Обломки верхней челюсти с зубным рядом коренных и предкоренных зубов и частью неба. На некоторых обломках сохранилась передняя часть скуловой дуги 25%.

3) Обломки лобной кости с надглазничным отростком 19.6%.

4) Обломки теменной области. Как правило, они представлены обширными фрагментами теменных костей с верхней частью затылочной и составляют 17.8%.

5) Обломки височной кости с суставной поверхностью для артикулярного мышелка нижней челюсти с остаточными фрагментами скуловых дуг 10.7%.

Линии, по которым происходил разлом, показаны на рис. 5. Кроме таких фрагментов, найдены два поврежденных черепа среднего размера, на которых операции разделки оказались как бы не законченными (табл. 2).

О морфологии черепа белого медведя, добытого первобытными охотниками, можно сказать лишь несколько слов. Сравнение наших данных с некоторыми промерами по современному медведю Новосибирских островов (Чернявский 1969) показывает, что череп N 1 из наших сборов принадлежит по всей вероятности самке. О черепе N 2 судить трудно, так как он поврежден гораздо сильнее. Однако размеры его в целом не превышают предыдущий и, вероятно, он также принадлежит самке.

В среднем, ископаемый белый медведь острова Жохова оказывается более мелким, чем современные самцы (табл. 2).

По своим средним значениям он почти соответствует современной самке. Это может объясняться тем, что они и составляли основную часть добычи охотников, так как самка с медвежонком, будучи ограниченной в передвижении, оказывается таким образом более уязвимой, хотя и ведет себя агрессивно. Даже в настоящее время отстреливаются в основном самки с медвежатами, которых они пытаются защитить и старые самцы, чаще причиняющие беспокойство людям (Карпович 1969). Кроме того в период рождения детенышей самки тяготеют к береговой полосе и полярным архипелагам, где устраивают берлоги. Охотники вполне могли добывать их в этот период.

Не очень сильно отличаются размерные показатели зубной системы медведей с жоховской стоянки с таковыми, приводимыми Куртеном

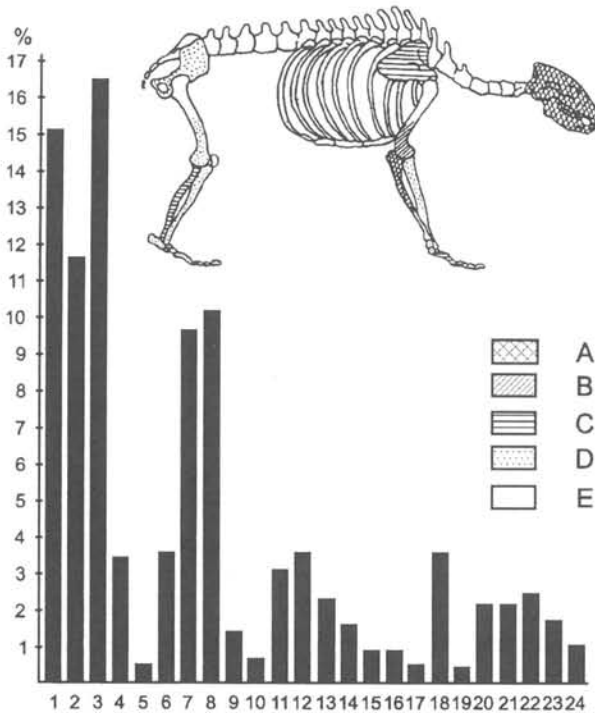

Рис. 6. Процентное соотношение скелетных элементов белого медведя: А — более 10%; В — от 5 до 10%; С — от 3 до 5%; D — менее 0,5%; общее (граф) и поэлементное (диаграмма): 1 — обломки черепа (15,1%); 2 — обломки нижней челюсти (11,7%); 3 — изолированные зубы (16,5%); 4 — атлант (3,4%); 5 — эпистрофей (0,5%); 6 — лопатка (3,6%); 7 — плечевая, дистальная часть (9,7%); 8 — локтевая (10,2%); 9 — лучевая (17,4%); 10 — запястье (0,7%); 11 — пясть (3,1%); 12 — фаланги I, передние (3,6%); 13 — фаланги II, передние (2,3%); 14 — когтевая фаланга передняя (1,6%); 15 — таз (0,9%); 16 — бедро, дистальная часть (0,9%); 17 — большая берцовая (3,6%); 18 — малая берцовая (0,5%); 19 — таранная (2,2%); 20 — пяточная (2,2%); 21 — плюсна (2,2%); 22 — фаланга I задняя (2,5%); 23 — фаланга II задняя (1,8%); 24 — когтевая фаланга задняя (1,1%).

Fig. 6. Range of skeleton remains of polar bears: A — more than 10%; B — from 5 to 10%; C — from 3 to 5%; D — less than 0.5%; general (graph) and specified percentage (diagram): 1 — skull fragments (15.1%); 2 — fragments of mandibles (11.7%); 3 — teeth found separately from the jaws (16.5%); 4 — atlases (3.4%); 5 — axes (0.5%); 6 — shoulder-blades (3.6%); 7 — distal humerus (9.7%); 8 — ulnae (10.2%); 9 — fragments of radius (17.4%); 10 — carpal bones (0.7%); 11 — metacarpal bones (3.1%); 12 — phalanges I (forelegs, 3.6%); 13 — phalanges II (forelegs, 2.3%); 14 — distal phalanges (forelegs, 1.6%); 15 — pelvis (0.9%); 16 — distal femur (0.9%); 17 — tibiae (0.5%); 18 — fibulae (3.6%); 19 — tali (0.5%); 20 — calcanei (2.2%); 21 — metatarsal bones (2.2%); 22 — phalanges I (hindlegs, 2.5%); 23 — phalanges II (hind legs, 1.8%); 24 — distal phalanges, hind legs (1.1%).

(1964) для двух позднеплейстоценовых черепов из музея Гетеборга (Швеция). Так, параметры длины / ширины M_1 у самца и самки равны соответственно: 19.4 / 14.5 мм (самец) и 19.0 / 14.8 мм (самка). Основная длина черепа самки 301.0 мм, ширина коронки верхнего клыка у самца 16.9 мм, а у самки 14.2 мм. Из таблицы видно, что M_1 нашего образца при той же ширине значительно длиннее, что соответствует ситуации, характерной для современной формы. Основная длина черепа плейстоценовой самки соответствует как ископаемым жоховским, так и современной формам.

Таким образом, морфологически белый медведь острова Жохова, вероятно, уже соответствовал современной форме, обитающей в регионе Новосибирских островов. Возвращение к облигатному хищничеству обусловило появление у него ранее утраченных морфофизиологических признаков (Верещагин 1973) таких, как длинное небо, мелкие зубы, низкий череп. С этим же процессом можно связать и наличие у современных животных более слабых режущих удлинненных зубов по сравнению с широкими и мощными давящими зубами предшествующих форм.

Нижняя челюсть (*Mandibula*). Среди остатков белого медведя были встречены также 65 обломков нижней челюсти. В подавляющем большинстве случаев челюсти разбиты в области начала венечного отростка. Найдено 33 об-

ломка нижней челюсти с хорошо сохранившейся областью зубного ряда и 18 обломков задней части челюсти с венечным отростком и суставным мышцелком, причем эта область несет на себе заметные следы повреждений. Передний и верхний края венечного отростка всегда повреждены либо (в 12 случаях) отсутствует вовсе.

К сожалению, по двум сохранившимся экземплярам черепов трудно понять последовательность операций по их разрушению. Нельзя даже с определенностью констатировать, что какая-то последовательность здесь вообще имела место. Однако очевидно, что процедуры, применявшиеся с этой целью, были достаточно стандартны. Некоторые предположения все же можно сделать.

После снятия шкуры голова, вероятно, отделялась от туши. Как совершалась эта операция не вполне ясно, поскольку затылочные мышцелки и атлант почти всегда целые. Голова либо аккуратно вырезалась из сочленения с позвоночником, либо, что вероятнее, позвоночный столб перебивался на уровне второго позвонка, который уничтожался таким образом почти полностью. Обломки его оставались на месте разделки и на стоянку не попадали.

На стоянке производились уже все остальные операции. Передняя часть морды разбивалась, по-видимому, для извлечения клыков, которые использовались как украшения или амулеты. Среди изолированных зубов белого на

Таблица 2
Некоторые промеры черепа современных и ископаемых белых медведей Новосибирских островов

Промеры	о.Жохова (ранний голоцен)			Новосибирские острова (современность), N=7*	
	N	ЛГМ	M	самцы (M)	самки (M)
Кондилобазальная длина черепа	1		320 ¹	368.4	327.6
Основная длина черепа	1		300 ¹	338.4	301.4
Ширина	2	77.7 ¹ ;93.0	85.4	92.4	77.2
Ширина лицевой на уровне Pm ₂	1		80.0 ¹		
Ширина заглазничного сужения	2	67 ¹ ;73.7 ²	70.4		
Длина лицевой части черепа ³	1		63.1 ¹		
Длина краниальной части черепа ⁴	2	180 ¹ ;196.6 ²	188.3		
Ширина хоан	2	18.7 ¹ ;16.6 ²	17.7		
Ширина затылочных мышелков	3	71.3 ² 82.5	78.1		
Длина зубного ряда ⁵	5	111.8140.0	124.8	150.4	135.8
Длина ряда коренных по альвеолам	9	63.482.5	69.8		
Длина M ₁ по коронке	18	21.030.5	25.2		
Длина M ₁ по альвеоле	17	21.836.1	26.9		
Ширина коронки M ₁ в передней части	2	112.815.4	14.0		
Длина основания коронки клыка	4	17.521.4	20.2		
Ширина основания коронки клыка	4	13.615.0	14.4		
Длина нижней челюсти ⁶	3	233.0268.0	230.5	251.0	220.8
Длина зубного ряда ниж.челюсти ⁷	12	125.8160.3	137.9	149.6	135.4
Длина ряда коренных по коронкам	5	66.474.7	70.0		
Длина ряда коренных по альвеолам	22	66.376.5	69.4		
Длина Pm ₄ по коронке	18	19.022.0	20.4		
Длина M ₁ по коронке	21	18.621.6	19.9		
Ширина M ₁ по коронке	20	10.111.4	10.8		
Высота нижней челюсти ⁸	20	36.057.3	41.8		
Длина основания коронки клыка	12	18.526.0	20.8		
Ширина основания коронки клыка	10	13.117.0	14.4		

* По Ф.Б. Чернявскому (1969)

1. Промеры черепа №1

2. Промеры черепа №2

3. Промер брался от середины линии, соединяющей надглазничные отростки, до переднего края альвеолы I₁.

4. Промер брался от той же точки до заднего края затылочного гребня.

5. Промер брался от переднего края альвеолы клыка до заднего края альвеолы M₁.6. Промер брался от крайней точки артикуляционного отростка до переднего края альвеолы I₂.7. Промер брался от переднего края альвеолы клыка до заднего края альвеолы M₂.8. Промер брался на уровне Pm₄ M₁ с внутренней стороны челюсти.

стоянке острова Жохова клыки составляют более трети. Отделялась нижняя челюсть и мощные жевательные мышцы, для чего примерно посередине разрушалась скуловая дуга. При этом повреждался передний край венечного отростка нижней челюсти, а она сама в этом месте разваливалась пополам. Вероятно, эта операция выполнялась ещё и с целью извлечения языка.

Из черепной коробки извлекался мозг, для чего пробивались широкие отверстия с её боковых сторон, причем делалось это, видимо, крайне не аккуратно, так что череп зачастую просто распадался на соответствующие части

(лобную, затылочную, височную). Какая из этих операций производилась раньше однозначно установить не возможно. Они могли проводиться одновременно. Просто височно-скуловая область разрушалась на большой площади. При этом уничтожалась скуловая дуга, боковая стенка черепа, повреждалась нижняя челюсть. Височная область была не случайно выбрана для нанесения ударов. В месте соединения лобной, теменной и височной костей стенка черепа белого медведя, в остальных местах очень прочного, чрезвычайно тонка. Толщина ее здесь в самом тонком месте составляет менее полумиллиметра.

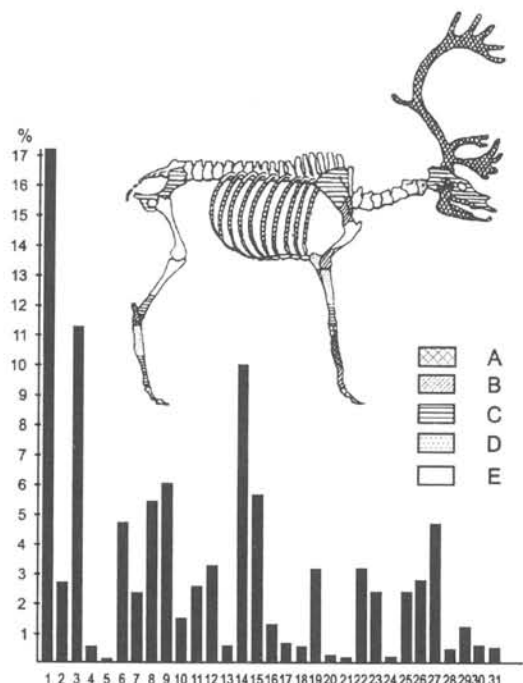

Рис. 7. Процентное соотношение скелетных элементов северного оленя. А – более 10%; В – от 5 до 10%; С – от 3 до 5%; D – менее 0.5%; общее (граф) и позлементное (диаграмма): 1 – обломки рогов (17.3%); 2 – обломки черепа (2.7%); 3 – обломки нижней челюсти (11.4%); 4 – обломки атланта (0.6%); 5 – обломки эпистрофея (0.2%); 6 – обломки ребер (4.8%); 7 – лопатка, передняя часть (2.4%); 8 – лопатка, задняя часть (2.4%); 9 – плечо, дистальные обломки (6.1%); 10 – обломки локтевой (1.5%); 11 – лучевая, проксимальная часть (2.6%); 12 – лучевая, дистальная часть (3.3%); 13 – запястье (0.6%); 14 – метакарпальная кость, проксимальная часть (10.1%); 15 – метакарпальная кость, дистальная часть (5.7%); 16 – фаланга I передняя (1.3%); 17 – фаланга II передняя (0.7%); 18 – копытная фаланга передняя (0.6%); 19 – таз (3.2%); 20 – бедро, проксимальная часть (0.3%); 21 – бедро, дистальная часть (0.2%); 22 – большая берцовая, дистальная часть (3.2%); 23 – таранная (2.4%); 24 – пяточная, задняя часть (0.2%); 25 – пяточная, передняя часть (2.4%); 26 – метатарсальная кость, проксимальная часть (2.8%); 27 – метатарсальная кость, дистальная часть (4.7%); 28 – центральнотарсальная кость (0.5%); 29 – фаланга I задняя (1.2%); 30 – фаланга II задняя (0.6%); 31 – копытная фаланга задняя (0.5%).

Fig. 7. Range of skeleton remains of reindeers: A – more than 10%; B – from 5 to 10%; C – from 3 to 5%; D – less than 0.5%; general (graph) and specified percentage (diagram): 1 – skull fragments (2.7%); 2 – fragments of mandibles (11.4%); 3 – atlas (0.6%); 4 – axes (0.2%); 5 – ribs (4.8%); 6 – shoulder-blades, fore sections (2.4%); 8 – shoulder-blades, rear sections (2.4%); 9 – distal humerus (6.1%); 10 – ulnae (1.5%); 11 – proximal radius (2.6%); 12 – distal radius (3.3%); 13 – carpal bones (0.6); 14 – proximal metacarpals (10.1%); 15 – distal metacarpals (5.7%); 16 – phalanges I (forelegs, 1.3%); 17 – phalanges II (forelegs, 0.7%); 18 – hoof phalanges (forelegs, 0.6%); 19 – pelvis (3.2%); 20 – proximal femur (0.3%); 21 – distal femur (0.2%); 22 – distal tibiae (3.2%); 23 – ankle bones (2.4%); 24 – heel bones, rear sections (0.2%); 25 – heel bones, fore sections (2.4%); 26 – proximal metatarsals (2.8%); 27 – distal metatarsals (4.7%); 28 – central carpal bone (0.5%); 29 – phalanges I (hindlegs, 1.2%); 30 – phalanges II (hind legs, 0.6%); 31 – hoof phalanges, hind legs (0.5%).

Подобная традиция пробивания черепной коробки с боков существовала довольно долгое время. Два черепа, обнаруженные на поселении Бараний Мыс (район устья Колымы) и датированные гораздо более поздним временем примерно X–XIV вв. н.э. (Верещагин 1969), также имеют отверстия на боках черепа в тех же местах. Однако, эти отверстия уже не столь обширны, как на наших образцах, и не превышают 7–10 см в диаметре. Скуловых дуг оба черепа также не имеют. Однако в остальном эти экземпляры совершенно целые, с вполне сохранившейся концевой частью морды. Характерно, что черепа белых медведей из ненецких капищ, существующих с XVII века, собранные Н.К.Верещагиным на п-ве Ямал и просмотренные одним из авторов, уже почти не несут следов разрушения. Из 58 черепов лишь 3 (то есть около 5%) имели в указанных местах отверстия, пробитые человеком. Скуловые дуги целы почти у всех. Конец морды отбит у 10 экземпляров (то есть у 17%), вероятно, опять-таки с целью извлечения клыков, поскольку примерно ещё в 35% случаев, хотя межчелюстные кости в той или иной степени и сохранены, один или оба клыка явно выломаны, причем альвеола при этом зачастую полностью разрушена. Таким образом, традиция полного разрушения медвежьих черепов постепенно сходилась на нет.

Фрагментов атланта белого медведя обнаружено среди остатков всего 11 экземпляров. У 10 из них вентральная и дорсальная дуги полностью сохранены. Суставные поверхности почти всегда целы. Четыре позвонка имеют следы ударов, но лишь в двух случаях передняя суставная поверхность оказывается серьезно поврежденной.

Обломков других позвонков практически нет. Найдены лишь три небольших обломка передней части эпистрофея и две вентральные дуги позвонков поясничного отдела, сильно разрушенные собакой.

Достаточно характерными являются повреждения и некоторых других костей. Так, из 20 обломков лопатки лишь у 5 сохранилась суставная поверхность, во всех остальных случаях она разрушена. Не обнаружено и проксимальных эпифизов плечевой кости. Разрушение этого сустава производилось, по-видимому, при отделении плечевой кости. Дистальный эпифиз у нее также всегда поврежден.

Локтевая кость почти всегда не имеет дистальной части. Олекранон оказывается поврежден непосредственно выше суставной поверхности или отсутствует совсем вместе с ее верхней частью. Среди немногочисленных остатков лучевой дистальных фрагментов также практически нет.

Вероятно, лапа чаще всего разрубалась в локтевом сгибе на уровне блока плечевой олекранона локтевой кости, которые и отсутствуют в большинстве случаев, причем ясно, что в момент расчленения она находилась в разогнутом состоянии, так как иначе олекранон устранялся бы не весь, а лишь его передняя часть с клювовидным отростком. Отсутствие нижних частей предплечья показывает, вероятно, что перед транспортировкой на стоянку добытого зверя пястная часть лапы отрубалась как довольно тяжелая и, вместе с тем, малоценная в пищевом отношении область.

Пяточные кости не имеют задней части тела; у половины с наружной стороны повреждена и передняя часть. Таранная кость представлена лишь несколькими обломками, у которых отсутствует нижняя часть. Можно предположить, что подобные характерные повреждения также связаны с отрубанием нижних частей задних лап. Ахиллесово сухожилие отсоединялось вместе с точкой прикрепления задней частью пяточной кости.

Метаподий и фаланг найдено сравнительно немного (соответственно 29 и 72 экз.). Учитывая, что метаподии и фаланги после позвонков и ребер являются наиболее многочисленными костями в скелете хищных, такое количество фаланг можно признать совершенно ничтожным. Это наблюдение, на наш взгляд, подтверждает, что нижние части лап, как уже говорилось, доставлялись на стоянку сравнительно редко.

Нельзя не заметить, что процентное соотношение между остатками различных частей скелета белого медведя в целом весьма своеобразно (рис. 1). Возможно, это объясняется тем, что, как уже говорилось, первичная обработка животного производилась на месте уоя. Наиболее часто встречаются остатки краниальной области черепа и нижних челюстей. Сравнительно часто попадаются и остатки атлантов. На втором месте по численности находятся остатки дистальных эпифизов плечевых костей и проксимальные части лучевых. Вполне очевидно, что доминируют остатки передней части туши зверя.

Наличие характерных повреждений, их регулярная повторяемость и специфическое соотношение скелетных остатков белого медведя позволяют, на наш взгляд, высказать некоторые общие предположения о порядке разделки добытых животных. На месте добычи от туши отделяли наиболее богатые мясом участки, лапы и голову, снимали шкуру. От лап отрубали несъедобные части, чтобы облегчить транспортировку добытого мяса в лагерь. В лагере принесенные конечности разрубались соответственно в локтевом и коленном сгибе, причем в

случае с передней лапой операция выполнялась только после её полного распрямления. Из головы извлекались мозг и, вероятно, язык путем нанесения ударов в среднюю часть черепа, после чего он распадался на стандартные куски, которые затем дробились еще с какой-то целью либо разваливались сами под действием тафономических процессов.

Вызывает удивление явное количественное превосходство остатков передней части тела. Несомненно, первобытные охотники должны были доставлять на стоянку не только передние лапы, но и задние окорока, однако соответствующий костный материал отсутствует. Данное обстоятельство, возможно, связано с какими-то планиграфическими особенностями памятника, раскопанного далеко не полностью. На допустимость подобного предположения указывают результаты изучения планиграфии костных остатков северного оленя. Полученные данные оказались не очень показательны, однако удалось отметить, что обломки разных частей скелета концентрируются как бы в определенных местах. Например, имеются участки, где обломки черепа наиболее многочисленны, тогда как в других местах их мало или нет вообще, однако имеется большое количество, например, обломков задних метаподий или лопаток. Некоторые квадраты не содержали костей совсем.

Можно полагать, что "недостающие" кости задних конечностей белого медведя так же могут быть сконцентрированы в массовом количестве где-то в других местах, на квадратах, еще не подвергавшихся раскопкам.

Северный олень (*Rangifer tarandus*). Череп (*Cranium*). Наиболее многочисленной частью черепа, представленной среди обломков, являются рога. Найдено 115 обломков рога, из них 14 с обломками лобных костей, остальные обломки разных участков штанги. Среди них остатки рогов самок и молодых особей составляют примерно 30%, в основном это часть штанги рога, непосредственно отходящая от черепа. Найдено 15 обломков рогов крупных самцов. Десять представляют собой середину штанги, другие обломки верхней розетки. Разломы рогов имеют вполне хаотичный характер, лишь на двух обломках штанги есть следы предварительной круговой подрезки. Обломков черепа и верхних челюстей найдено лишь 18. К сожалению, никаким промерам эти находки не поддавались. Столь небольшое количество обломков черепа при значительном количестве обломков рога на первый взгляд кажется удивительным. Однако наблюдения Р.Бинфорда (Binford & Bertram 1977), сделанные им в стойбище современных эскимосов, показывают, что голова оленя, как правило, не используется в пищу.

Олени добываются большими массами в период миграций; консервирование добытого мяса впрок осуществляется двумя путями: замораживанием в ямах, вырубленных в грунтовой мерзлоте и сушкой на вешалах вблизи жилищ. Голова практически не подвергается сушке и замораживается в крайне небольших количествах. Главным образом головы северных оленей эскимосы скармливают собакам, а значительную часть наваливают горой над ямой с мясом, чтобы рога их, торчащие из-под снега, служили указателем места.

Охотники острова Жохова, вероятно, так же не употребляли в пищу головы оленей, поскольку в сезон оленьей охоты обычное мясо имелось, скорее всего, в избытке. Однако, в отличие от современных американских эскимосов, вполне обеспеченных промышленными товарами, доисторические обитатели архипелага Де Лонга нуждались в сырье для изготовления многих предметов быта и оружия. Олений рог широко использовался на стоянке для изготовления различных предметов быта и вооружения. Естественно, рога оленей доставлялись на стоянку в качестве сырья, причем, судя по комлевым частям некоторых образцов, собирались и использовались и сброшенные рога. Однако, статистические данные по рогам, на наш взгляд, малоценны, поскольку они могут быть искажены как вследствие действий обитателей стоянки, так и в силу того, что он, будучи довольно большой и сложной конструкцией, мог, ломаясь, давать огромное количество обломков, сильно завышающее статистику.

Нижняя челюсть (*Mandibula*). Со стоянки поступило 76 обломков разного размера от нижних челюстей. Из них 26 обломков принадлежат молодым и полувзрослым животным, молочные зубы которых находятся в стадии замены. У взрослых экземпляров отросток и суставные мышелки отсутствуют везде, кроме двух случаев, и встречаются в материале отдельно в небольшом количестве. Значительная часть нижних челюстей оленя разбита надвое, всегда примерно на уровне M_1 или Pm_4-M_1 . У всех челюстей отбита или сильно повреждена нижняя часть вероятно для того, чтобы вскрыть полость, богатую костным мозгом и кровеносными сосудами. Нижние челюсти отделялись от черепа для извлечения языка. Р. Бинфорд указывает, что такая традиция существовала у аляскинских эскимосов еще с палеолита (Binford 1981). Интересно, что изображенный в его работе образец нижней челюсти карибу из Комб Греналь, имеющий следы мустьерских каменных орудий, так же обломан на уровне M_1 и, кроме того, имеет следы ударов на уровне M_2 с внутренней стороны челюсти. На наших образцах подобных следов не наблюдается, хотя

очевидно, что и мустьерцами Комб Греналь, и аляскинскими аборигенами, и древними обитателями нынешнего архипелага Де-Лонга использовались весьма близкие приемы обработки головы оленя.

Интересные выводы можно сделать, наблюдая ситуацию со сменой зубов на челюстях полувзрослых животных. Исходя из времени, которое должно пройти с момента рождения животного до выпадения того или иного молочного зуба, можно констатировать, что большинство полувзрослых животных было убито в весенне-летний период, когда олени совершают массовые сезонные миграции. Очевидно, что эта тенденция справедлива не только для молодых животных, но отражает общую сезонность охоты на северного оленя в тот период. Несколько меньшая часть погибла в осеннее время, так же в период миграции.

Позвонков северного оленя, как и в случае с медведем, обнаружено крайне мало несколько обломков атланта, один эпистрофея и два позвонка из поясничной области.

Из остатков лопатки лишь у половины сохранилась область шейки и суставная поверхность, и только у четверти находок она уцелела полностью или почти полностью. У большинства образцов выломана середина плоскости лопатки, причем на одном из экземпляров видно, что удар наносился с внутренней стороны. Лопатки разбивались грубо и, вероятно, без всякой системы. Суставная область могла разрушаться при разрушении плечевого сустава.

Показательно, что обломки плечевой также представлены исключительно дистальными эпифизами. На стоянке острова Жохова плечевая кость северного оленя после отделения разбивалась бессистемно в области диафиза с целью добычи мозга. В тех случаях, когда удары наносились слишком близко к дистальному концу, кость разламывалась надвое целиком, главным образом в продольном направлении.

Обломки лучевой кости представлены дистальными и проксимальными эпифизами в примерно равном количестве. Те и другие имеют при себе участок диафиза длиной примерно 10–15 см. Таким образом, принимая во внимание общую длину лучевой кости северного оленя, можно заключить, что участок предплечья, близкий к нижнему концу и составляющий примерно одну треть общей протяженности кости, отсутствует. Вероятно, этот участок разрушался полностью, когда эта трубчатая кость разбивалась для добычи мозга.

То же самое можно сказать и о берцовой кости, которая представлена лишь дистальными фрагментами. У двух третей обломков это практически лишь дистальный эпифиз с примыкающим к нему участком кости не более 4–6 см.

Почти у всех обнаруженных пяточных костей отбита задняя часть тела. По всей вероятности в этот же момент разбивалась и большая берцовая кость, о чем будет сказано ниже.

Характер повреждений передних и задних метаподий, остатки которых найдены в значительном количестве, позволяет понять, что раскалывание их осуществлялось по разному. Разрушение передних метаподий производилось, видимо, в поперечном направлении в средней части диафиза. Задние же метаподии расщеплялись в основном именно вдоль с проксимального конца. Лишь два крупных проксимальных фрагмента несут на себе следы разрушения посредством ударов сбоку в среднюю часть. Можно предполагать, что задняя метаподия оленя, имеющая на верхнем конце плоскую и округлую в плане суставную поверхность, лучше поддавалась раскалыванию на продольные фрагменты и использовалась для изготовления орудий типа шильев и проколов, как это часто практиковалось на поселениях каменного века.

В морфологическом плане производилось сравнение некоторых размеров костей северного оленя острова Жохова с аналогичными размерами оленя позднего плейстоцена Северного и Среднего Урала, финала плейстоцена Забайкалья, а так же с оленями современной тундровой и лесной популяций (Кузмина 1971, 1975; Каспаров 1986).

Уральские олени в среднем оказываются чуть меньше наших образцов, а забайкальский олень заметно уступает им по размерам. По всем характеристикам наша форма выглядит почти идентичной современной тундровой популяции (табл. 3). Однако северный олень острова Жохова оказывается при этом значительно более грацильным. Так, средняя длина его передней метаподии составляет соответственно 225,3 мм, а у плейстоценового оленя северного Урала и современного тундрового эти величины в среднем составляют соответственно 190,6 мм и 203,2 мм. Несколько крупнее оказывается современный лесной северный олень — 229,3 мм. Однако он вообще отличается крупными размерами. При этом ширина проксимального и дистального эпифизов пясти у него 43,9 мм и 50,0 мм. У наших же экземпляров при почти одинаковой длине эти величины составляют всего 35,2 мм и 42,0 мм. Конечно, следует помнить, что объемы выборок здесь крайне невелики.

В целом, характер остеологических остатков северного оленя и, самое главное, их планиграфия позволяет сделать важное заключение. Можно констатировать, что стоянка на острове Жохова не является охотничьим лагерьем, где производилось свежевание и разделка

только что убитых оленей, а является базовой стоянкой, предназначенной для жилья, где употреблялось в пищу уже подготовленное сухое или мороженное мясо. Фаунистический материал, добытый при раскопках, является в значительной степени остатками трапез, а не отходами разделки туш.

Дело в том, что охотничьи разделочные лагеря, как это отмечено, например, для современных аляскинских эскимосов, характеризуются крайне упорядоченным характером распределения костных остатков. Многовековая традиция охоты на северного оленя у этих народов включает в себя и стандартный, отработанный веками, способ обращения с тушей добытого животного. По Л.Р.Бинфорду (1983), разделка убитых карибу осуществляется в специальном временном лагере: зверь кладется на свободное место, где с него снимается шкура и оттаскивается в сторону для дальнейшей обработки. С освежеванной тушей работают несколько человек, которые откладывают отделенные продукты разделки в сторону, на периферию участка, на котором идет разделка. Таким образом, скоро они оказываются как бы внутри кольца из частей туши, обломков костей, ненужных субпродуктов и т.д. Подробно описывая эти действия и сравнивая результаты с немногими археологическими фактами, Л.Р.Бинфорд заключает, что первобытный человек мог действовать по этой же схеме и в этом случае на периферии такой рабочей площадки наряду с обломками костей могут быть обнаружены и обломки каменных орудий: отщепы, чешуйки от их правки и перезаточки и т.д. В конце этой работы в центре круга остается практически лишь позвоночный столб, зачастую с черепом и остатками ребер и таза, который и бросается на месте.

Разделочный лагерь современных эскимосов оборудован значительным количеством мелких временных очагов для того, чтобы работающие охотники могли время от времени согреться, так как весна (время массовой миграции оленей) в приполярной области время еще очень холодное. На раскопанном участке стоянки, несмотря на то, что площадь его была довольно велика, нами не встречено очагов вообще, что для разделочного лагеря не характерно. В связи с этими данными сравнивалось расположение остатков северного оленя в разделочном лагере и на острове Жохова. Как уже говорилось характер распространения их оказался почти хаотическим, хотя некоторое преобладание отдельных костей на разных квадратах все же можно отметить. Тем не менее, остеологическая планиграфия стоянки совершенно иная, чем на разделочном лагере, где она имеет выраженную циркулярную структуру. Напо-

Таблица 3

Некоторые промеры костей посткраниального скелета современного и ископаемых северных оленей.

Промеры	о.Жохова		Северный Урал*		Забайкалье**		Современный			
	(голоцен)		(плейстоцен)		(плейстоцен)		Тундровый		Лесной	
	п	М	п	М	п	М	п	М	п	М
Длина зубного ряда нижней челюсти	8	95.5	4	101.2	—	—	14	96.2	—	—
Плечо										
Ширина нижнего эпифиза	20	47.0	27	45.1	3	40.54	48.0	2	51.2	
Лопатка										
Высота эпифиза	4	44.5 *	3	50.2	2	42.2	—	—	—	—
Лучевая										
Ширина верхнего эпифиза	12	47.8	14	45.6	2	41.2	4	47.6	2	50.8
Ширина нижнего эпифиза	15	43.9	14	42.0	1	41.3	4	44.9	2	48.8
Пястная										
Общая длина	5	225.3	14	190.6	—	—	4	203.2	2	229.3
Ширина верхнего эпифиза	23	35.5	17	34.3	—	—	4	36.5	1	43.9
Ширина	23	42.0	14	41.6	1	41.8	4	44.0	1	50.0
Большая берцовая										
Ширина нижнего эпифиза	14	41.6	30	40.2	2	38.7	4	41.5	2	45.5
Таранная										
Общая длина	13	46.6	103	45.6	4	45.0	4	47.0	2	51.9
Ширина нижнего блока	13	29.0	103	28.4	4	26.2	4	29.4	2	32.6
Плюсневая										
Ширина верхнего эпифиза	4	32.5	12	30.8	1	24.3	3	31.5	2	35.4
Ширина нижнего эпифиза	31	42.6	3	42.6	1	38.3	3	44.0	2	47.7

* по И.Е. Кузминой (1971); ** по А.К. Каспарову (1986).

ним, что не только целых позвоночных столбов, но даже и просто изолированных позвонков северного оленя, как и медведя, на стоянке не обнаружено. Еще одно небольшое наблюдение заключается в том, что практически все метаподии, найденные в материале, оказались разбитыми для добычи мозга. В этой связи Л.Р.Бинфорд (1981) упоминает, что вообще у северных охотников разрушение метаподий с этой целью производится на жилых стоянках при основательных трапезах, а не во временных лагерях, где охотники наскоро перекусывают, используя ливер и кровь добытых животных. Таким образом, и планиграфия, и статистические данные, и, в особенности, характер фрагментации материала делают вполне однозначным вывод о том, что жоховская стоянка является основным базовым лагерем, оборудованным в первую очередь для жилья, а не для охоты.

О методике разделки оленьих туш можно строить лишь предположения. Вероятно, она была близка к общей стратегии обращения с тушами убитых копытных у различных современных народов, находящихся на низких ступенях развития, описанной Л.Р.Бинфордом: (1) Все

подобные группы в случае отделения головы от шеи производят его на уровне затылочных мышечков. (2) Все группы отделяют шею от остального позвоночника, (3) Все группы отделяют нижние конечности, а затем удаляют их нижнюю часть, разрезая связки между запястьем и метаподией. (4) Отделяются так же и задние ноги, зачастую вместе с кусками таза, причем при использовании топоров и грубых ножей эти куски очень велики, а при работе мелкими инструментами таз и крестец обрабатываются отдельно. (5) Большинство племен отделяют грудину и ребра как самостоятельные крупные части, однако иногда они используются и иначе (Бинфорд 1981).

На основании материалов, имеющихся в нашем распоряжении, невозможно выделить генеральную концепцию разделки добытых оленей, существовавшую у древних обитателей нашей стоянки, однако некоторые приемы работы можно описать достаточно достоверно. Если судить по имеющимся обломкам и проводить этнографические параллели, первобытные охотники отделяли голову оленя от позвоночника далеко не всегда и еще реже приносили ее на стоянку. Отделение головы шло, как и в слу-

чае с белым медведем, за атлантом, при этом основному разрушению подвергался эпистрофей. Ничего нельзя сказать о выделении шеи, как самостоятельной анатомической части.

Передние конечности несомненно отделялись от туши, при этом лопатка оставалась с плечевой костью и отсекалась впоследствии. Эта операция производилась путем разрушения плечевого сустава, причем разрушалась в основном проксимальная часть плечевой кости. При разрушении локтевого сустава в первую очередь отсекалось мощное сухожилие трехглавой мышцы разгибателя, причем удалялось оно вместе с вершиной олекранона локтевой кости, с которой соединено.

Судя по тому, что эпифизы плечевой, локтевой и лучевой, составляющие сустав, почти всегда целы или почти целы, этот сустав не разбивался, а разрушался разламыванием. Предплечье разрушалось для добычи мозга.

Отделение передней метаподии происходило, вероятно, путем разрушения собственно запястья. Верхний эпифиз метаподий и нижний эпифиз лучевой оказываются в большинстве случаев целыми. В тех случаях, когда у метаподии эпифиз частично разрушен это следы попыток расколоть кость вдоль с проксимального конца, к расчленению сустава не относящихся.

Отчленение бедренной кости от таза несомненно производилось, причем таз, судя по крайне малому количеству его остатков, в основном оставался с позвоночником. Остатков бедренной кости почти нет и сделать какие-либо заключения о приемах разделки тазового пояса невозможно. Примерно такая же ситуация наблюдается и для большой берцовой кости. Две эти кости богаты мозгом и потому, вероятно, подвергались основательному разрушению.

Несколько подробнее можно осветить процесс разъединения голеностопного сустава. Прежде всего, кости, составляющие голеностопный сустав и представленные в заметном количестве, практически не имеют поврежденных. Единственный стандартный дефект — отсутствие задней части тела у большинства пяточных костей. Кроме того был найден целый сустав, состоящий из нижней части берцовой, таранной и центрально-заплюсневой костей. Все эти данные наводят на мысль, что скакательный сустав не разрушался, а отрубался целиком, вместе с метаподиальной частью. Для этого было необходимо перебить голень в нижней части и отрубить ахиллесово сухожилие, крепящееся к головке тела пяточной кости. Здесь видно некоторое сходство с обработкой

локтевого сустава. Рассечение голени и сухожилия могло происходить в результате одной операции, когда сустав сильно разгибался, головка тела пяточной кости оказывалась рядом с берцовой костью и осуществлялось их совместное разрушение. На эту мысль наводит тот факт, что в большинстве случаев длина диафиза, сохранившегося при дистальных эпифизах большой берцовой кости, примерно соответствует местоположению головки пяточной кости при предельном разгибании сустава. Однако, наличие небольшого количества эпифизов с заметно более длинными фрагментами диафиза говорит о том, что эти операции могли осуществляться и порознь. Отделение задней метаподии от сустава производилось каким-то щадящим способом без грубого разрушения его и проксимального конца метатарса. Метаподии были удобным поделочным материалом и имели заметную пищевую ценность. Выделенный сустав выбрасывался и мацерировался затем естественным путем.

Описывая приемы разделки конечностей карибу, бытующие у эскимосов, Бинфорд указывает, что сочленения разъединяются ими путем вставления острого ножа в согнутый сустав. Однако при этом он замечает, что подобный метод вряд ли применим для каменных орудий, так как на инструмент оказывается затем значительное давление, которое металлический нож может выдержать, а хрупкое каменное орудие явно нет. По его мнению, стратегия разделки каменными орудиями тяготела к наружной разрезке связок, с последующим разламыванием сустава (Binford 1981). Подобное утверждение вполне согласуется с нашими данными.

Охота на оленя производилась во время массовых миграций животных, главным образом в весеннее время. Первичная обработка туш осуществлялась на каких-то временных площадках, где разделанное мясо могло сушиться впрок или укрываться в грунтовых ямах к зимнему сезону.

Вероятно, собаки в это время находились с охотниками, как это практикуется и сейчас, и кормились мясными отходами, поэтому на самом стойбище так мало костей оленя, погрызенных собаками. В зимнее же время, когда основной добычей становился белый медведь, собаки в основном предпочитали свежие кости только что забитых животных, части которых приносились на основную стоянку. Именно по этой причине большинство остатков белого медведя значительно повреждено собакой.

- Буров, Г.М. 1981. Древние сани Северной Европы (типология, хронология, ареалы и эволюция) // Скандинавский сборник XXVI: 151–171.
- Верещагин, Н.К. 1969. Происхождение и эволюция белого медведя // Белый медведь и его охрана в Советской Арктике: 25–53. Ленинград: Наука.
1971. Остатки животных из жилищ Баранова Мыса // А.П.Окладников, Н.А.Береговая. Древние поселения Баранова Мыса. Новосибирск: Наука.
1973. Краниологическая характеристика современных и ископаемых медведей // Зоологический Журнал 52(6): 920–930.
- Верещагин, Н.К., А.Н.Тихонов. 1991. История ареалов медведей фауны СССР // Медведи в СССР: 59. Новосибирск: Наука.
- Гиря, Е.Ю., В.В.Питулько. 1993. Изделия из бивня мамонта позднплейстоценовых и раннеголоценовых памятников Северо-востока Азии и Сибирской высокоширотной Арктики: источники сырья и приёмы обработки // ТД МНК Исторический опыт освоения Восточных районов России 1: 33–36. Владивосток.
- Диков, Н.Н. 1977. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Москва: Наука.
1979. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Москва: Наука.
1993. Азия на стыке с Америкой в древности. Санкт-Петербург: Наука.
- Карпович, В.Н. 1969. Размещение белого медведя в Советской Арктике по данным корреспондентской сети // Белый медведь и его охрана в Советской Арктике: 68–88. Ленинград: Гидрометеониздат.
- Каспаров, А.К. 1986. Остатки млекопитающих из позднпалеолитического поселения Сухотино IV в Забайкалье // Труды Зоологического института АН СССР 149: 98–106. Ленинград.
- Крутик, И.И. 1989. Арктическая этноэкология. Москва: Наука.
- Кузмина, И.Е. 1971. Формирование териофауны Северного Урала в позднем антропогене // Труды Зоологического института АН СССР 49: 22–44. Ленинград.
1975. Некоторые данные о млекопитающих Среднего Урала в позднем плейстоцене // Бюллетень Комиссии по изучению Четвертичного периода 43: 63–77. Москва.
- Левин, М.Г. 1946. О происхождении и типах упряжного собаководства // Советская этнография 4: 75–108.
- Макеев, В.М., Х.А.Арсланов, О.Ф.Барановская, А.В.Космодамианский, Д.П.Потомарева, Т.В.Тыртычкая. 1989. Стратиграфия, геохронология и палеогеография позднего плейстоцена и голоцена о.Котельный // Бюллетень Комиссии по изучению Четвертичного периода 58: 58–69.
- Макеев, В.М., В.В.Питулько. 1991. Новые данные о природных условиях в конце позднего плейстоцена начале голоцена в высокоширотной азиатской Арктике и времени ее заселения древним человеком // ДАН СССР 319 (2): 435–437.
- Макеев, В.М., В.В.Питулько, А.К.Каспаров. 1992. Природная среда архипелага Де-Лонга в конце плейстоцена и начале голоцена и древний человек // Известия РГО 124 (3): 271–276.
- Мочалов, Ю.А. 1976. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука.
- Мошшиская, В.И. 1953. Материальная культура и хозяйство Усть-Полюя // Материалы и исследования по археологии СССР 35: 72–106.
- Питулько, В.В. 1988. Новые стоянки с каменным инвентарем на Крайнем Северо-Востоке Европейской части СССР // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 193: 46–51.
1992. Открытие мезолита в приполярной зоне Арктики // Археологические вести 1: 40–51.
- Сериков, Ю.Б., И.Е.Кузмина. 1985. Мезолитическая Кошкарково-Юрьевская стоянка в Среднем Зауралье // Труды Зоологического института АН СССР 131: 89–92. Ленинград.
- Симченко, Ю.Б. 1976. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Москва: Наука.
- Хлобыстин, Л.П. 1972. Поселение развитого неолита Маймече I и его место в неолите Восточной Сибири // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 131: 99–106.
- Чернявский, Ф.Б. 1969. Краниометрическая изменчивость белого медведя (*Ursus maritimus* Phipps, 1774) Советской Арктики // Белый медведь и его охрана в Советской Арктике: 54–67. Ленинград: Гидрометеониздат.
- Шумкин, В.Я. 1988. Мезолит Кольского полуострова // Советская археология 4: 15–33.
- Berg, G. 1934. Sledges and wheeled vehicles // Nordiska Museets Handlingar: 4.
- Binford, L.R. & J.B.Bertram. 1977. Bone frequencies and attritional process // For theory building in archaeology: 77–153. N.Y. Ac.Press.
- Binford, L.R. 1981. Bones: Ancient Men and Modern Myths. N.Y.: Ac.Press.
1983. In pursuit of the past. London: Thames and Hudson.
- Kurten, B. 1964. The evolution of the polar bear, *Ursus maritimus* Phipps // Acta Zoologica Fennica 108: 30. Helsinki.
- Morey, D.F. & M.D.Waint. 1992. Early Holocene domestic dog burials from the North American Midwest // Current Anthropology 33 (2): 224–229.
- Makeyev, V.M., V.V.Pitul'ko & A.K.Kasparov. 1992. Ostrova De-Longa: an analysis of palaeoenvironmental data // Polar Record, 28 (167): 301–306.
- Mason, O.T. 1894. Primitive travel and transportation // Annual Report of the Smithsonian Institution. Washington.
- Pitul'ko, V.V. 1991. Archaeological data on the Maritime cultures of the West Arctic // Phennoscandia archaeologica, VIII: 23–34.
1993. An Early Holocene Site in the Siberian High Arctic // Arctic Anthropology. Vol. 30 (1): 13–21.

ANCIENT ARCTIC HUNTERS: MATERIAL CULTURE AND SURVIVAL STRATEGY

The article continues the discussion of the unique results obtained in the Siberian High Arctic during the excavations of the site located at Zhokhov island under 760 N. Data concerning the human occupation of the area in the Early Holocene were obtained over two field seasons (1989 and

1990). The series of radiocarbon dates from three laboratories show the age mid-value to be about 7 800 BP. A large amount of various artifacts were collected. Excavated materials show a developed technological level of the ancient aboriginal culture, which has distinct Mesolithic features. However,

the combination of a microblade prismatic core industry and polished axes is unusual for an east Siberian culture of that period. Hunting equipment is represented by fine artifacts made from antler, bone and fossil mammoth ivory. One fishing spear, spear points, and arrow and dart points were excavated; most had flint-blade inserts (fig. 1,2). Thanks to the preservative properties of permafrost, the wooden artifacts (fig. 1:811) and home utensils (fig. 3, 4:2,3) were in exceptionally good condition. One special artifact must be mentioned: there was a large fragment of sledge-runner having rather progressive constructive elements. Both the postcranial and cranial skeleton remains identified as a dog, were also found and, probably, the dog traction was known as far back as 7 800 BP. Thus the adaptive capabilities of these ancient aborigines appear to be greater than usually thought. Inasmuch as the archaeological data of the site were published and some aspects of the culture were previously discussed in details, the focus of this article is on the faunal remains extracted from the cultural stratum during the excavations, which give important information for the reconstructions of the aboriginal sur-

vival strategy, seasonality, etc. The main food resource appears to be reindeer. However, the quantity of the polar bear bones is almost as high, while other species are in much lower numbers (table 1). The bones, both the polar bear and the reindeer, are heavily fragmented as a result of marrow splitting, cooking, etc. The Zhokhov site is the only ancient settlement where the bone remains of polar bear amount to 43.8% of the total, indicating a unique hunting specialization of the aborigines. Polar bears have rarely been mentioned as food source in ancient far northern sites, although they were sporadically hunted and eaten by the Arctic peoples. But usually the aborigines, both prehistoric and historic, subsisted mainly on reindeers or sea-mammals. Zhokhov island was no exception. The bone frequencies and specific fracturing of the bones indicate that it was a living site. We assume that the site was visited sporadically. The examination of bone remains allows to recognize some procedures of butchering. The data do not make it possible to determine the total duration of habitation of the site. Evidently, it is no more than precision of the radiocarbon method of dating.

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ЦЕДМАРСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ

В.И.ТИМОФЕЕВ, Г.И.ЗАЙЦЕВА*, Г.ПОССНЕРТ**

Стоянки цедмарской неолитической культуры известны на ограниченной территории внутренней части юго-восточной Прибалтики, в Калининградской области России (Тимофеев 1980, 1991) и на северо-востоке Польши (Guminski, Fiedorczuk 1988, 1990).

В материалах этих памятников представлен локальный тип неолитической культуры, отличающийся от материалов основных неолитических культур Восточной Прибалтики — нарвской, неманской и гребенчато-ямочной керамики. Для материалов стоянок цедмарской культуры характерна плоскодонная керамика с примесью в тесте толченой раковины, растительных остатков и минеральной примесью (толченый гранит-дресва или песок). Сосуды были орнаментированы, чаще всего лишь по верхней части тулова, удлинёнными насечками, различной формы ямчатыми вдавлениями, прочерченными линиями (Тимофеев 1990: Fig. 6). На всех памятниках этой культуры найдены своеобразные орудия из кости и рога. Кремневые орудия близки к характерным для индустрии неманской неолитической культуры. Хозяйство базировалось, в основном, на охоте (в коллекциях преобладают кости кабана, благородного оленя, тура), найдены также кости рыб, представлены отдельные элементы, указывающие на собирательство.

Для четырех исследованных к настоящему времени памятников этой культуры, торфяниковых стоянок Цедмар А, Цедмар Д, Утиное Болото I в Калининградской области, Дудка I в Польше, получено значительное количество ^{14}C дат. Основные серии радиоуглеродных датировок происходят из эпонимных памятников Цедмарского торфяника, расположенного в южной части современной Калининградской области, на границе с Польшей. Раскопки стоянок Цедмар А и Д имеют долгую историю, начиная с самого начала XX века, когда первые

любительские раскопки здесь были произведены генералом Карлом Штади. В 1970-1980-е гг. на этих стоянках была вскрыта площадь более тысячи кв.м (Тимофеев 1991). Благоприятные условия для сохранности органики позволили, в частности, получить значительные серии ^{14}C дат.

Более подробно необходимо рассмотреть данные по хронологии стоянки Цедмар Д. Для этого памятника в последние годы были получены новые материалы, включая серии датировок, выполненных в лаборатории ИИМК РАН и в лаборатории Сведберг Уппсальского Университета, Швеция. Наиболее полная стратиграфия получена для восточной части памятника (раскоп 1988 г.), где были зафиксированы два этапа заселения площади памятника. Выше основного культурного слоя, в верхней части отложений песка, перекрытых гиттией (сапропелем) и торфом, было исследовано скопление древесных остатков, состоящих из горизонтально залегающих жердей со следами обработки. Под скоплением, в материке, обнаружены остатки вертикально впущенных столбов и свай. Остатки столбов и скоплений жердей являются остатками одной конструкции, видимо, типа деревянной платформы. Археологические материалы, связанные с этой конструкцией, немногочисленны.

Для образцов древесины из скопления жердей получены даты: 4210 ± 45 , 4170 ± 45 , 4120 ± 100 л.т.н. (Ле-3170, 3177, 3992). Очень близкие датировки получены по образцам из столбов свай: 4300 ± 40 , 4250 ± 40 , 3890 ± 60 лет тому назад (Ле-3169, 3171, 3168). С этим же поздним периодом заселения стоянки, следует связать скопления камней, располагавшееся в западной части стоянки. Связанные с этим скоплением древесина заостренного кола и древесный уголь имеют соответственно даты: 4350 ± 80 , 4020 ± 80 лет тому назад (ТА-1173, Ле-

* В.И.Тимофеев, Г.И.Зайцева. Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита и Лаборатория археологической технологии.

** G. Possnert. The Svedberg Laboratory. Uppsala University, Box 533, S-75121, Uppsala, Sweden.

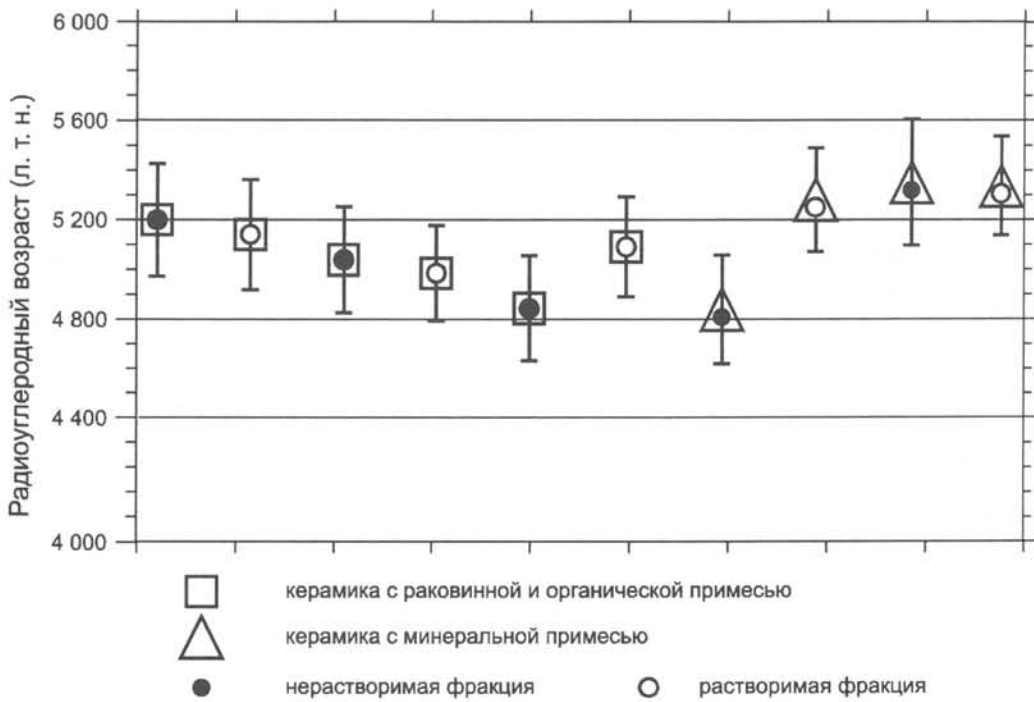

Рис. 1 "Акселерированные" радиоуглеродные даты (лет тому назад, без калибровок, с двойной величиной статистической ошибки, 2σ , что соответствует 95.4% вероятности), полученные по пищевому нагару с внутренней поверхности фрагментов керамики стоянки Цедмар Д.

Fig. 1 "Accelerated" radiocarbon dates (BP, uncalibrated) with twice their standard deviations for carbonized food remains from the inner surface of potsherds excavated at the neolithic site of Zedmar D.

1181) и 3870 ± 290 лет тому назад (Ле-3925). К этому же периоду относятся, очевидно, и куски древесного угля из слоя песка в западной части вскрытой площади, которые имеют даты: 4240 ± 90 , 4180 ± 50 лет тому назад (Ле-1176, 848).

С основным периодом заселения стоянки (цедмарская неолитическая культура) связан ряд датировок, полученных по различным материалам: 5170 ± 70 , 5150 ± 100 , 5090 ± 50 лет тому назад (Ле-3171, 3181, 3174) — древесный уголь; 4990 ± 45 , 4880 ± 50 лет тому назад (Ле-3173, 3179) — древесина; 5070 ± 150 лет тому назад (Ле-3924) — гиттия из очень тонкой прослойки, вклинивавшейся на ограниченном участке в культурный слой; 5640 ± 300 лет тому назад (Ле-3921) — обработанный рог благородного оленя-орудие кирковидной формы, характерное для комплекса Цедмар Д и цедмарской культуры в целом. Важна датировка образца гиттии из тонкого прослоя гиттии, непосредственно перекрывавшего нижнюю часть слоя песка с неолитическими находками на одном из участков поселения: 4890 ± 100 лет тому назад (Ле-3626). Эта дата дает *Terminus ante quem* для неолитического комплекса цедмарской культуры на стоянке Цедмар Д, что хорошо согласуется с другими данными.

Особенно важны для хронологии неолитических материалов Цедмара Д "акселерированные" (полученные на ускорителях) датировки, выполненные в лаборатории Сведберг для непосредственно неолитической керамики цед-

марского типа по пищевому нагару на внутренней поверхности фрагментов сосудов, сохранившемуся благодаря благоприятным условиям залегания. Подобные датировки наиболее определенно связываются с конкретным археологическим материалом и фактически относятся ко времени использования сосуда, датируя смерть животного или растительного организма, используемого для приготовления пищи, таким образом, определяя непосредственно дату существования памятника.

Для датирования были отобраны образцы керамики, типичные для двух основных технологических групп: со смесью толченой раковины и органики в тесте — I группа и с минеральной примесью в тесте — II группа. В каждом случае датировалось две фракции образца: растворимая и нерастворимая в щелочи.

Датировки для фрагментов керамики I группы по двум фракциям (нерастворимой и растворимой соответственно): 5180 ± 100 , 5120 ± 100 лет тому назад (Ua-2375, 2376), 5300 ± 100 , 4950 ± 90 лет тому назад (Ua-2377, 2378), 4840 ± 100 , 5100 ± 100 лет тому назад (Ua-2379, 2380). Даты для фрагментов керамики II группы: 4810 ± 100 , 5230 ± 100 лет тому назад (Ua-2381, 2382), 5360 ± 130 , 5280 ± 80 лет тому назад (Ua-2383, 2384). Результаты суммированы графически на рис. 1. Из приведенного рисунка можно видеть, что нет существенных различий между датами для двух фракций (растворимой и нерастворимой), за исключением

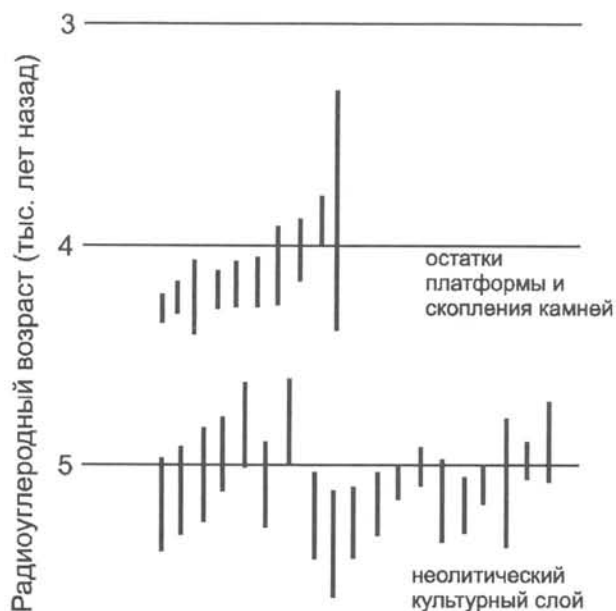

Рис. 2 Радиоуглеродные даты (с двойной величиной статистической ошибки) для комплексов двух этапов заселения стоянки Цедмар Д.

Fig. 2 Radiocarbon dates with twice the standard deviations for the two stages of Zedmar D site.

одного образца (даты Ua-2381, 2382). Здесь однако следует учесть, что количество образца для датирования в этом случае было в примерно в 10 раз меньше по сравнению с остальными образцами, и поэтому возможны случайные отклонения. Исследования лаборатории Сведберг показали, что более надежной является обычно дата по растворимой фракции, поэтому предпочтительна в нашем случае дата — Ua-2382.

Из полученных дат следует отметить даты для керамики II группы. Эти даты являются самыми ранними для керамики с минеральной примесью в тесте для региона Юго-Восточной Прибалтики. Обычно в тесте неолитической керамики сосудов Восточной Прибалтики минеральная примесь появляется в развитом неолите вместе с приходом носителей культур гребенчато-ямочной керамики. В предшествующий период для раннеолитической керамики характерными для теста являются смесь раковин и органики. Судя по датам, преобладание сосудов с минеральной примесью в тесте для керамики комплекса Цедмар Д не указывает на более поздний возраст этого памятника в рамках цедмарской культуры. Раннее появление сосудов с минеральной примесью среди керамических материалов цедмарской культуры может объясняться связями западного направления. Минеральная примесь в тесте керамики в Западной Прибалтике характерна как для самой ранней керамики (типа Эртебёлле), так и следующей за ней культуры воронковидных кубков.

Новые серии ^{14}C дат для слоя цедмарской культуры на поселении Цедмар Д определяют хронологическое положение этого комплекса в пределах 5400–4900 лет тому назад. Более поздний период заселения стоянки связан с немногочисленными материалами иной культурной атрибуции. Два этапа заселения памятника разделены хронологически интервалом порядка пятисот радиоуглеродных лет (рис. 2).

На многослойном поселении Цедмар А неолитические материалы залегают в нижнем культурном слое. На части вскрытой площади зафиксировано три горизонта с находками цедмарской культуры, разделенных стерильными прослойками гиттии (Timofeev 1991: Fig.3). Для образцов из этих горизонтов были получены серии дат в лабораториях Санкт-Петербурга и Берлина:

5440±90, Ле-1269, уголь из основания культурного слоя
 4955±110, Ле-1268, уголь из основания культурного слоя
 5280±50, Bln-2162, уголь из нижнего горизонта
 5130±100, Ле-3923, уголь из нижнего горизонта
 4900±80, Ле-1387, уголь из нижнего горизонта
 4870±80, Ле-1386, уголь из нижнего горизонта
 5300±60, Bln-2163, гиттия над нижним горизонтом
 5100±50, Bln-2164, гиттия, вторая прослойка
 4730±140, Ле-1319, гиттия, вторая прослойка
 5120±50, Bln-2165, уголь из верхнего горизонта
 5100±60, Ле-1389, уголь из верхнего горизонта
 4920±80, Ле-1388, уголь из верхнего горизонта

Имеется также наиболее ранняя дата 6000±90 лет тому назад (Ле-1270), полученная по куску древесины — столбу, вертикально впущенному в материк, однако трудно однозначно связать этот образец с материалами цедмарской неолитической культуры.

Хронологическое положение слоев цедмарской культуры на стоянке Цедмар А по радиоуглеродным датам находится в пределах 5500–4900 лет тому назад, близких к датам Цедмара Д. Однако не исключено, что неолитический комплекс Цедмар А может быть несколько древнее Цедмара Д, если судить по некоторым архаичным типам орудий из рога и кости, а также по данным споро-пыльцевого анализа, проведенного Левковской Г.М.

В Калининградской области России материалы Цедмарской культуры открыты также на стоянке Утиное Болото I (Тимофеев 1980, 1983). В культурном слое этого памятника отмечены два скопления неолитических материалов, соответствующих, скорее всего, двум недолговременным стоянкам. Имеется ^{14}C дата для “восточного” скопления по углю, являющемуся остатком обожженного столбика: 4870±230 лет тому назад (Ле-1237).

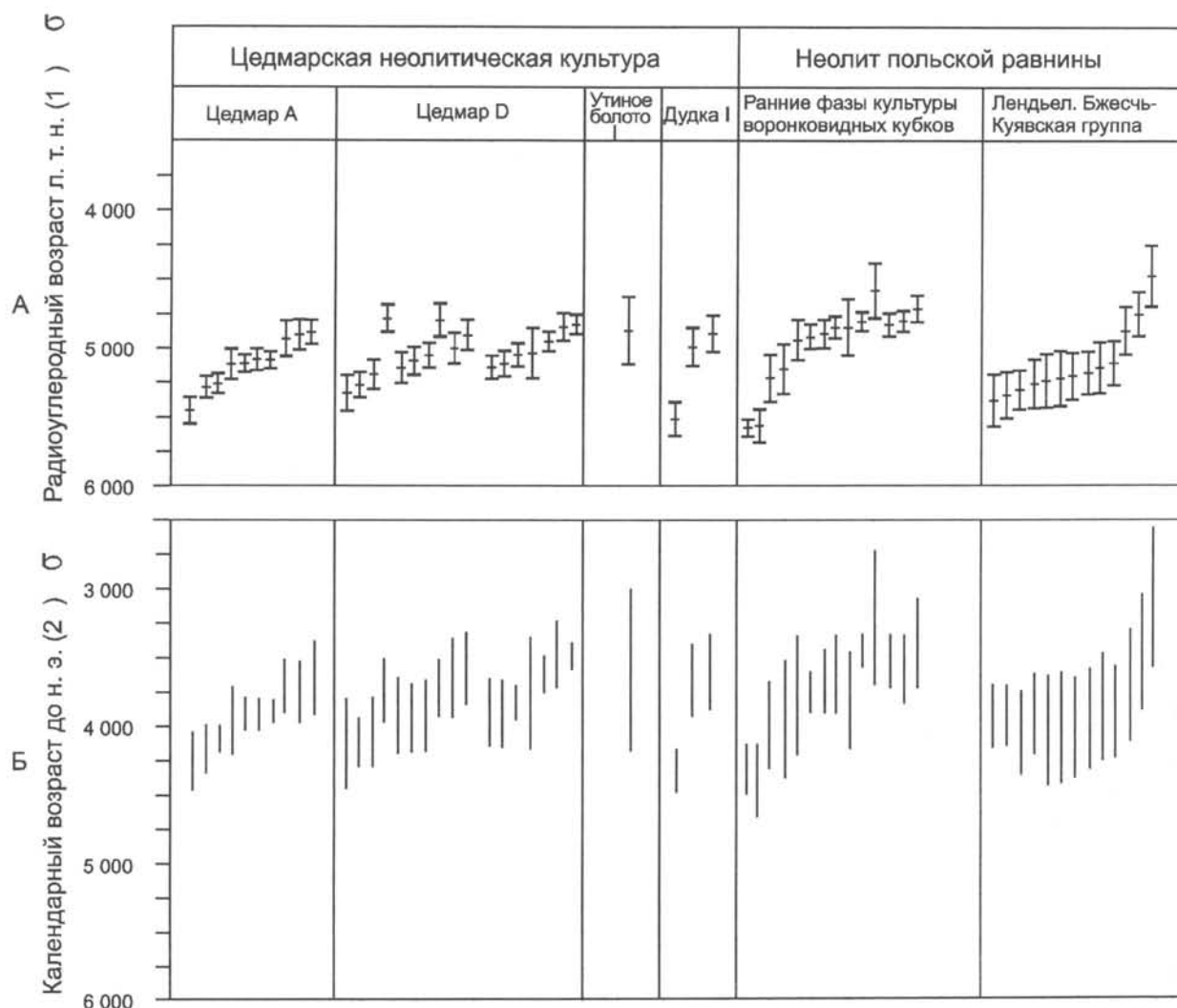

Рис. 3 Радиоуглеродные даты (с двойной величиной статистической ошибки) для стоянок цедмарской неолитической культуры и синхронных культур Польской равнины (А - без учета калибровок; Б - "калиброванные")

Fig.3 Radiocarbon dates with twice their standard deviations for sites of the Zedmar Culture and those for the synchronous neolithic cultures of the Polish Plain (A - uncalibrated; B - "calibrated").

В северо-восточной Польше стоянка цедмарской культуры Дудка I в Сувалковском воеводстве исследуется В.Гуминским и Я.Федорчуком. На этом многослойном памятнике вскрыты горизонты мезолитического и неолитического времени (Guminski, Fiedorczuk 1988, 1990). Для горизонтов с материалами цедмарского типа опубликовано несколько ^{14}C дат. Дата 5540 ± 60 лет тому назад (Gd-5365) связывается авторами раскопок с наиболее ранним этапом цедмарской культуры на этом памятнике; даты 4960 ± 90 и 4870 ± 110 лет тому назад (Gd-2878, 2953) получены по верхним образцам стратиграфической колонки (Guminski, Fiedorczuk 1990:64-66).

Можно заключить, что все известные к настоящему времени неолитические памятники цедмарской культуры датируются ограниченным временным интервалом в пределах 5600—4800 лет тому назад.

Ареал цедмарской культуры расположен не-

далеко от территорий, занятых в неолитическое время культурами, базировавшимися на производящей экономике. В материалах цедмарских памятников отражается ее влияние. Так, плоскодонные сосуды в цедмарской культуре появляются значительно раньше, чем в других районах Восточной Прибалтики, где остро- и круглодонные сосуды имели распространение вплоть до культуры шнуровой керамики, которой соответствуют радиоуглеродные даты около 4000 лет тому назад. В профилировке цедмарских сосудов проявляются иногда элементы, совершенно необычные для неолитической керамики Восточной Прибалтики, но напоминающие, например, некоторые детали оформления ранних воронковидных кубков восточной группы, в частности, "воротничковое" утолщение венчика сосуда (Timofeev 1990: Fig. 5). Другой чертой, чуждой восточно-прибалтийскому неолиту, является роговая индустрия, базирующаяся на роге благородного

оленя, с характерными орудиями Т- и “киркообразных” форм. Этот тип индустрии, особенно характерный для материалов Цедмара Д (Тимофеев 1981), имеет центрально-европейские и скандинавские параллели (культуры воронковидных кубков и Льендел). Как отмечалось выше, раннее появление минеральной примеси в тесте керамических сосудов цедмарского типа, скорее всего, может быть объяснено связями в этих же направлениях. Очевидно, что небольшое количество костей домашних животных на цедмарских памятниках (менее 5% от общего состава фаунистической коллекции) так же может быть следствием юго-западных или западных связей. Вместе с тем, в материалах, отражающих основной хозяйственный уклад носителей цедмарской культуры, не проявляются заимствования, прослеживаемые типологически. Скорее всего, ситуация соответствовала некоторой “кооперации” общества носителей присваивающей экономики с носителями культур, базирующихся на производящем хозяйстве. По дефинициям, введенным М.Цвелебилем и П.Ролей-Конви (Zvelebil, Rowley-Conwy 1984), подобная ситуация характерна для “первой фазы развития агрикультурного фронтьера” (availability phase). Приведенные ^{14}C даты относят существование такого взаимодействия к периоду 5600–4800 лет тому назад. Сравнение полученного интервала с радиоуглеродной шкалой для носителей произво-

дящей экономики соседних регионов (северо-восток Польской равнины), позволяет синхронизировать нижние хронологические границы цедмарской культуры с Бжесць-Куявской группой лендельской культуры (Grygiel 1986), или с наиболее ранними этапами культуры воронковидных кубков на Куявах, в соответствии с хронологией, предлагаемой польскими исследователями (Czerniak, Domanska, Kosko, Prinke 1991:67-75). На рис. 3 показаны обобщающие данные по радиоуглеродной хронологии памятников цедмарской культуры: Цедмар А, Д и Утиное Болото (Калининградская обл.), эпонимного памятника бжесць-куявской группы по Р.Григелю (Grygiel op.cit.: 212-213) и ранних памятников культуры воронковидных кубков Куявии (Czerniak a.o. op.cit.). Радиоуглеродные даты приведены на рис. 3-А, соответствующие им значения калиброванного календарного возраста в соответствии с калибровочными кривыми Стьювера и Реймера (Stuiver, Reimer 1986) на рис. 3-Б. В рамках выделенного горизонта синхронизаций существовали элементы центральноевропейского происхождения, появившиеся в комплексах цедмарской культуры около 5600/5500-5300 лет тому назад (4300–4000 лет до н.э. с учетом калибровки). Вопрос о конкретном центре, влияние которого прослеживается в материалах цедмарской культуры, в данной статье не рассматривается.

Тимофеев, В.И. 1980. Неолитические памятники Калининградской области и их место в неолите Прибалтики. Автореферат дисс. ... канд.ист.наук. Ленинград.

1981. Изделия из кости и рога неолитической стоянки Цедмар (Серово) Д // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 165: 115-119.

1983. Керамика неолитического поселения Утиное Болото I // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 173: 103-108.

Czerniak, L., L.Domanska, A.Kosko, D.Prinke. 1991. The Funnelbeaker culture in Kujavia // Die Trichterbecherkultur. Neue Forschungen und Hypothesen. Teil. II: 67-75. Poznan.

Grygiel, R. 1986. The household cluster as a fundamental social unit of Lengyel culture in the Polish lowlands // Prace i materialy Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi. Seria archeologiczna 31: 43-270.

Gumiński, W., J.Fiedorczuk. 1988. Badania w Duce, woj. Suwalskie, a niektóre problemy epoki kamienia w Polsce Północno-Wschodniej // Archeologia Polski XXXIII: 113-150.

1990. Dudka I. A Stone Age peat-bog site in North-Eastern Poland // Acta Archaeologica 60: 51-70.

Stuiver, M., P.J.Reimer. 1986. A computer programme for radiocarbon age calculation // Radiocarbon 28: 1022-1030.

Timofeev, V.I. 1990. On the links of East Baltic Neolithic and the Funnelbeaker culture // Die Trichterbecherkultur. Neue Forschungen und Hypothesen. Teil II: 135-149. Poznan.

1991. Neolithic sites of the Zedmar type in the South-East Baltic area // Regions and Reflections. In Honour of Mrta Strmberg.: 5-15. Lund.

Zvelebil, M. 1986. Mesolithic prelude and Neolithic revolution // Hunters in Transition.: 5-15. cambridge.

Zvelebil, M., P.Rowley-Conwy. 1984. Transition to farming in Northern Europe: a hunter-gatherer perspective // Norwegian Archaeological Review 17: 104-128.

A RADIOCARBON CHRONOLOGY OF ZEDMAR NEOLITHIC CULTURE, SOUTH-EASTERN BALTIC AREA

A summary of radiocarbon dates for Zedmar neolithic culture, whose sites are situated in the inland part of southeastern Baltic area, Kaliningrad Region, Russia, and northeastern Poland, is presented. So far, four peat-bog sites have been excavated: Zedmar A, Zedmar D, and Utinoye Boloto I in the Kaliningrad Region (V.I. Timofeev), and Dudka I in Suwalki voivodship, Poland (W. Guminsky and J. Fedorchuk). Important new findings have been reported for Zedmar D, where the 1988 excavation area has revealed two stages of settlement, the later one being associated with the remains of wooden constructions (possibly platforms) discovered in the upper part of the layer whose basal part contained finds attributed to the Zedmar Culture. Remains of posts or piles were found which were likely details of a platform. The wood from the upper part of the constructions and the piles has been dated at 4,300-3,800 BP. The dates for the main, Neolithic, level are much earlier. Importantly, "accelerated" dates for carbonized food remains from the inner part of Zedmar type potsherds are in the range of 5,400-4,900 BP (see fig.1 for dates related to two principal technological groups of ceramics, one tempered with crushed shells and organic matter, another with crushed stone). The two stages in the life of the site are separated by a break of at least 500 years (fig.2). Also, a series of dates is available for the stratified site of Zedmar A, where three layers were unearthed, ranging from 5,500 BP to 4,900 BP. Similar dates have been obtained for Utinoye Ozero I and Dudka I sites. All known Zedmar sites, then, fall in a narrow interval of 5,600/5,500 BP to 4,800 BP. A comparison with the adjacent Neolithic centres of the Polish Plain, which were shown to have influenced the Zedmar sites, has revealed that the latter may be synchronous with the Brzesc-Kujawian group of the Late Lengyel Culture and the earliest stages of the Funnel Beaker Culture (fig.3).

КАЛИБРОВКА РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ВРЕМЕННОЙ ШКАЛЫ*

И. ван дер ПЛИХТ**

Введение. Изотоп ^{14}C (радиоуглерод) постоянно образуется в атмосфере Земли под воздействием космической радиации. Радиоуглерод является радиоактивным изотопом с периодом полураспада 5730 лет. Это показано на рис. 1, где ^{14}C концентрация (относительно к его первоначальному содержанию) является функцией времени. Радиоуглерод, образуясь в атмосфере и распределяясь между главными углеродными резервуарами (атмосфера, океан и биосфера), в стационарном состоянии имеет постоянную концентрацию в атмосферной CO_2 . Эта CO_2 , включающая изотоп ^{14}C , поглощается растениями в процессе фотосинтеза и через них другими организмами. Живые организмы, животные и человек, таким образом, имеют в основном ту же самую концентрацию ^{14}C , как и атмосфера, в которой они живут. Углеродный обмен организмов с окружающей средой прекращается после смерти, после чего концентрация в них ^{14}C уменьшается во времени по реакции радиоактивного распада. Таким образом, возраст углеродосодержащих остатков органических веществ (дерево, торф, кости, уголь и т.д.) может быть определен путем измерения в образце остаточного количества ^{14}C . Это основной принцип радиоуглеродного метода датирования.

Этот метод основан на следующих допущениях, которые очевидны из рис. 1:

1. должен быть точно известен период полураспада;
2. концентрация ^{14}C в атмосфере при времени $t=0$ имеет постоянное значение в течение всего преисторического времени.

Одна из сложностей радиоуглеродного метода датирования заключается в том, что эти два основных допущения не полностью верны. Это значит, что, хотя концентрация радиоуглерода может быть измерена достаточно точно, радиоуглеродные года будут соотноситься с историческим временем довольно сложным путем. Тем не менее, применение радиоугле-

родного метода датирования может быть вполне обосновано, если использовать процесс калибровки, как будет описано ниже.

Во-первых, период полураспада измерен с точностью: 5730 ± 40 лет (Godwin 1962). Далее, для расчета возраста до сих пор используется значение периода полураспада 5568 лет, первоначально определенное Либби (Libby 1955). Использование для расчетов принятого ранее не совсем правильного значения периода полураспада обусловлено тем, что все радиоуглеродные даты, рассчитанные ранее, использовали это значение. Они представляются в ВР (Before Present, или лет тому назад), где "Present" (настоящее) определено как 1950 AD-год, значения ^{14}C концентрации для которого принято как стандарт.

Во-вторых, известно, что концентрация ^{14}C в виде атмосферной CO_2 не всегда была постоянной в прошлом. Множество естественных флуктуаций $^{14}\text{CO}_2$, приходящихся на несколько столетий, было обнаружено на временной одно декадной шкале по древесным кольцам (de Vries 1958). Далее, так же было обнаружено, что эти флуктуации могут быть соотнесены к солнечной активности (Stuiver 1965), которая, в

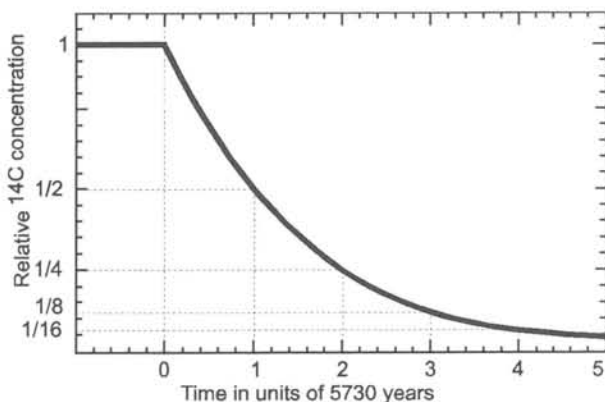

Рис. 1 Схема радиоактивного распада ^{14}C .

Fig. 1 Radioactive decay scheme for ^{14}C .

* Перевод Зайцевой Г.И.

** J. van der Plicht. Rijksuniversiteit Groningen. Faculteit der Wiskunde en Natuurwetenschappen. Centrum voor Isotopen Onderzoek. Nijenborgh 4 9747 AG Groningen. Netherlands.

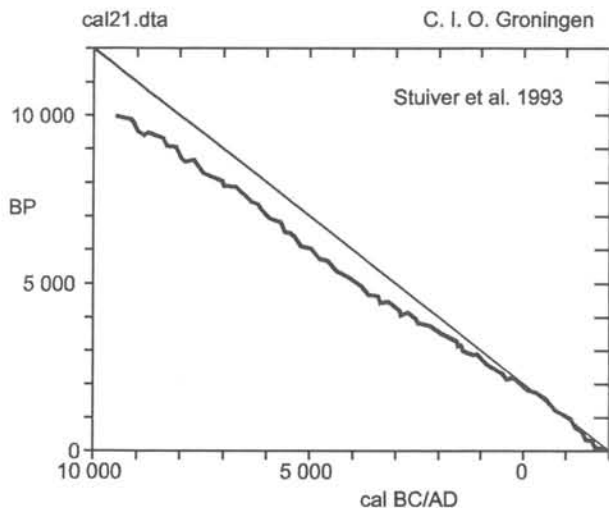

Рис. 2 Радиоуглеродный возраст дендрохронологических образцов в BP (вертикаль) и абсолютный дендрохронологический возраст BC/AD (горизонталь). Сплошная линия представляет BP = 1950 - AD.

Fig. 2 Tree-ring calibration data points in BP (vertical) versus BC/AD (horizontal). The solid line represents BP = 1950 - AD.

свою очередь, влияет на образование ^{14}C в атмосфере. Кроме того, изменение напряженности геомагнитного поля так же влияет на образование ^{14}C в атмосфере (Vucha 1970). Это вполне понятно, так как и солнечная активность, и напряженность геомагнитного поля, определяют количество космической радиации, обрушивающейся на Землю. Необходимо добавить, что концентрация атмосферной $^{14}\text{CO}_2$ так же зависит от обмена между атмосферой и океаном. Такой обмен в ледниковый период несомненно отличался от сегодняшнего дня.

Нарушения основных допущений для калибровки радиоуглеродного возраста являются причиной отличия радиоуглеродных лет (в BP) от календарных (BC/AD). Это означает, что нет простого соотношения, такого, как: AD = 1950 - BP. Тем не менее, соотношение между BP и BC/AD можно установить. Это может быть сделано путем измерения ^{14}C возраста образцов, которые датированы другими независимыми методами.

Калибровка голоцена. Идеальными образцами для калибровки (проверки) являются древесные кольца, так как они могут быть датированы практически точно дендрохронологическим методом. Дендрохронологические определения сейчас имеются для Пребореала: ^{14}C калибровочная кривая построена от 9440 BC до настоящего времени.

Участок, показывающий все калиброванные точки древесных колец и — для иллюстрации — так называемая линия Либби (AD =

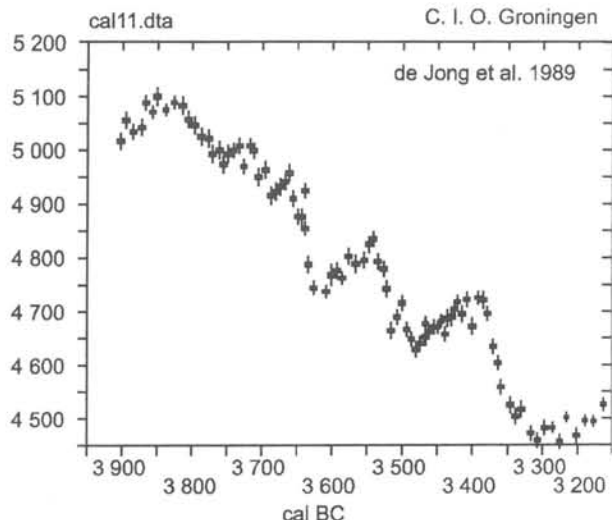

Рис. 3 Высокое разрешение, данные коротко-живущих образцов, показывающие зигзаги (wiggles) для 4-го тыс. до н.э. (de Jong, Mook and Becker, 1989)

Fig. 3 High resolution, short lived calibration data indicating wiggles in the 4th millennium BC (de Jong, Mook and Becker, 1989).

1950 - BP) показаны на рис.2. Наиболее выразительно значительное отклонение данных для древесных колец от линии Либби для большей части Голоцена. Этот длинно-временной тренд может быть объяснен изменением геомагнитного поля (Vucha 1970). Тем не менее, можно определить и средневременные вариации, так называемые зигзаги кривой — виггли (wiggles) (Suess 1970), которые обусловлены солнечными флуктуациями. Более наглядно это можно увидеть из рис.3 (de Jong et al. 1989).

Все калиброванные данные опубликованы в двух специальных выпусках журнала Radiocarbon (Stuiver and Kra 1986; Stuiver, Long and Kra 1993). Там же можно рекомендовать отдельную часть кривой для 1950 AD - 2500 BC, где измерения проводились для интервалов, соответствующих 20-годовым древесным кольцам (Stuiver and Pearson 1986; Pearson and Stuiver 1986).

Очевидно, концентрация ^{14}C в атмосфере 10.000 лет назад была такой, что радиоуглеродный возраст (BP) был примерно на 1.000 лет меньше, чем календарный возраст (BC) — рис.2. Калиброванные значения можно найти по кривой (рис. 2) сравнением (корректировкой) календарных данных по древесным кольцам с соответствующими измерениями для них радиоуглеродного возраста (BP). При такой процедуре калибровки принимаются во внимание изменения концентрации ^{14}C в атмосфере (а значит и образцов с поверхности Земли) на всем отрезке времени. Автоматически учитывается так же зависимость точности значения периода полураспада радиоуглерода.

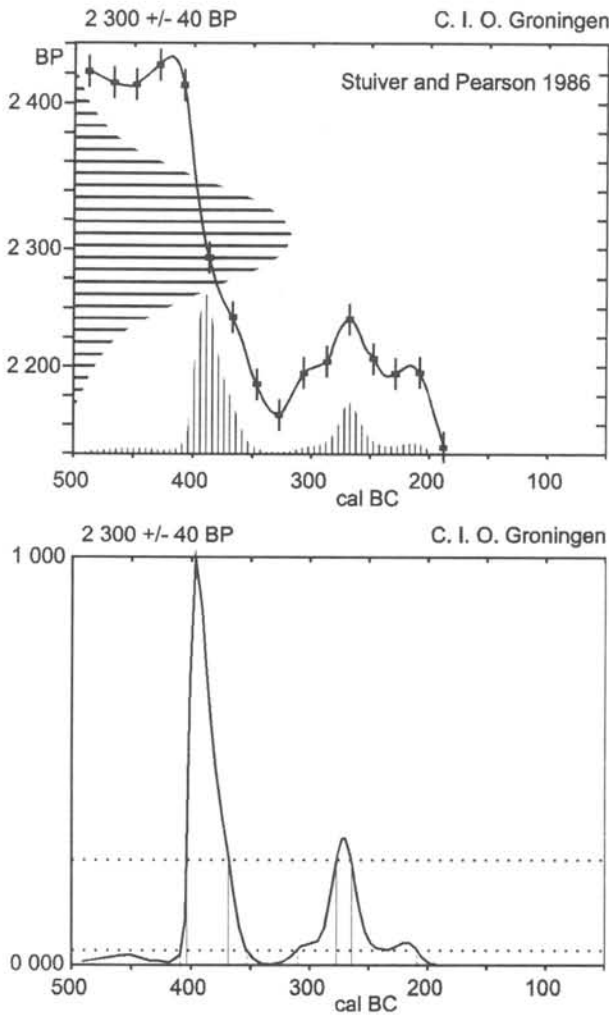

Рис. 4 Результаты калибровки ^{14}C возраста $=2300 \pm 40$ ВР. Вверху: калибровочная функция, Гауссово распределение, для ^{14}C возраста (вертикаль) и калиброванное распределение (горизонталь) Внизу: вероятностное калибровочное распределение, соответствующее уровням 1σ и 2σ .

Fig. 4 Results of calibrating the ^{14}C age 2300 ± 40 ВР. Top: calibration function, Gaussian distribution corresponding to the ^{14}C age (vertical) and calibrated distribution (horizontal). Bottom: calibrated probability distribution with levels corresponding to 1-sigma and 2-sigma confidence levels.

Кроме того, необходимо учитывать и определенный характер “вигглей” (“wiggly”) (зигзагов кривой) в данных калибровки, что в свою очередь усложняет этот процесс. Например, именно “виглями” обусловлено то, что ^{14}C дата соответствует более, чем одна календарная дата. Как пример проведем калибрование радиоуглеродного возраста 4725 ВР. Этому возрасту соответствуют калиброванные значения около 3625, 3500 или 3400 ВС (рис. 3). Калибровка становится не такой четкой, если принимать во внимание ошибку измерения. Недавно были

распределены между пользователями программы для калибровки, разработанные для персональных компьютеров. Мы коснемся здесь только программы, разработанной в Гронингене (van der Plicht 1993), написанной для IBM-PC компьютеров. Пример использования компьютерной программы Гронингена показан на рис. 4. Калибруемый радиоуглеродный возраст 2300 ± 40 ВР. На рис. 4 показаны два графика. На верхнем приведен участок калибровочной кривой с точками, соответствующими калиброванным данным кривых Стювера и Пирсона (1986); по оси “y” показан ^{14}C возраст в соответствии с Гауссовым вероятностным распределением, по оси “x” расчетная функция вероятностного распределения значений калиброванного возраста. Более детально это можно видеть из нижнего графика рис. 4, который может быть использован для количественных интерпретаций. На этом графике пунктирные линии обозначают доверительные интервалы калиброванных значений для 1σ (68.3%) — верхняя линия и для 2σ (95.4%) — нижняя линия. Сплошные линии на пересечении пунктирных линий с отрезками кривой, проецируемые на ось “x”, показывают на ней интервалы калиброванного возраста. В нашем примере эти интервалы:

402-366 и 276-264 cal BC (1σ)

410-352 и 312-208 cal BC (2σ)

Математические принципы, лежащие в основе данных расчетов, приведены в работах Dehling и van der Plicht (1993).

Калибровка позднего плейстоцена. Представленные калибровочные данные, основанные на дендрохронологических измерениях сосны для пребореального периода Европы, простираются до 9440 ВС. Однако, эту хронологию нельзя продлить в более отдаленное время, с которого началось значительное похолодание климата. В Тасмании найдены деревья, относящиеся к позднему Плейстоцену (13.000 ВР), но для них нет дендрохронологических данных и потому их абсолютный возраст неизвестен (Barbetti et al. 1992). Поскольку радиоуглеродная калибровочная шкала ограничена данными дендро-датированных древесных колец, для этих целей должны быть применены другие методы датирования. Из них имеется 3 наиболее важных метода, когда для образцов может быть измерен как ^{14}C , так и другой возраст (предположительно абсолютный): определение годовичных сезонных отложений, ураново-изотопный метод и термолюминисцентный (TL). Другие методы датирования все еще являются дискуссионными.

Можно датировать годовичные сезонные слои ленточных глин (varve) в озерах после таяния ледников, вкрапления в этих сезонных отложе-

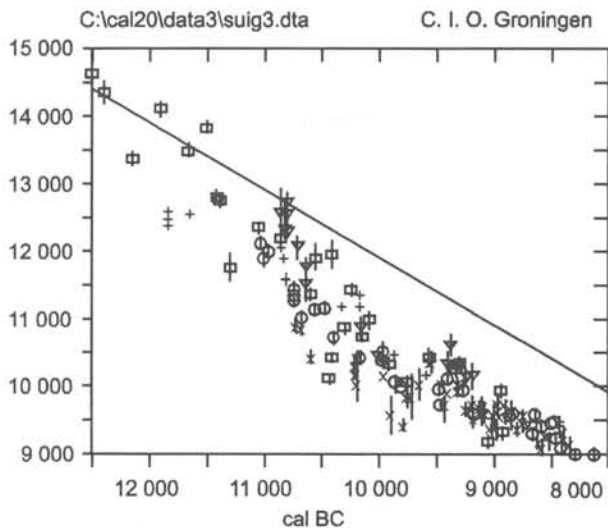

Рис. 5 Радиоуглеродные измерения сезонных отложений из Швеции (▽), Германии (+), Швейцарии (○), Польши (x) и Японии (□).

Fig. 5 Radiocarbon measurements for varved sediments from Sweden (▽), Germany (+), Switzerland (○), Poland (x) and Japan (□).

ниях (семена, листья, насекомые) датируются ^{14}C методом. Абсолютное датирование сезонных слоев возможно только тогда, когда их регистрация является действительно непрерывной, т.е. не имеется пропусков, или эти пропуски являются точно известными во времени; ^{14}C датирование образцов из этих слоев возможно осуществить только методом ускорительной техники (AMS) из-за небольших количеств образца. В настоящее время имеются четко зарегистрированные слои из Швеции (Wohlfarth et al. 1995), Польши (озеро Gosciak, Goslar et al. 1995), Швейцарии (озеро Soppensee, Hajdas et al. 1993) и Германии (озеро Holzmaar, Hajdas et al. 1995). Самая длительная сейчас запись отложений (varve) имеется в Японии (озеро Suigetsu). В настоящее время данные опубликованы вплоть до 12.500 BC (Kitagawa et al. 1995). Регистрация отложений и измерение для них содержания радиоуглерода показано на рис. 5. Представленная запись отложений частично перекрывается дендрохронологическими данными и продлевает эту кривую вплоть до Бёллинга. Главный тренд (направление) кривой — тенденция приближения калиброванных дат к линии Либби, т.е. отклонение между величиной радиоуглеродного (BP) и значением календарного возраста (BC) исчезает.

Это находится в противоречии с калиброванными данными, полученными для кораллов, датированными как ^{14}C , так и урановым методами (рис. 6). Здесь радиоуглеродный воз-

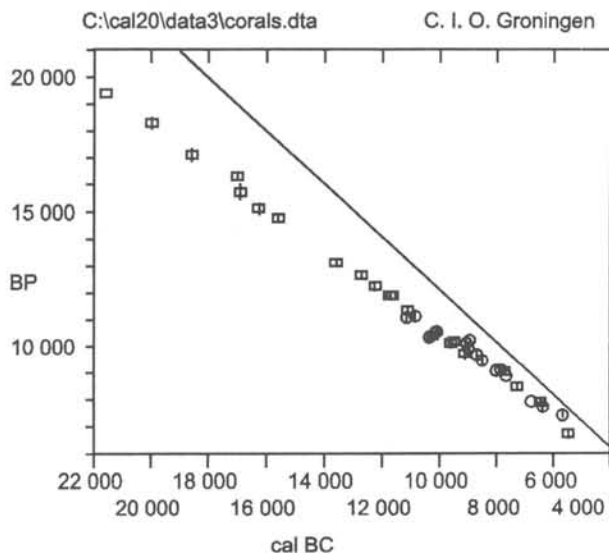

Рис. 6 Калиброванные данные, полученные датированием Тихоокеанских кораллов как урановым методом, так и ^{14}C -методом: Bard et al. 1993 (□); Lawrence Edwards et al., 1993 (○).

Fig. 6 Calibration data, obtained by dating Pacific corals by both U-series isotopes and ^{14}C : Bard et al. 1993 (□); Lawrence Edwards et al., 1993 (○).

раст остается моложе календарного вплоть до 20.000 лет тому назад, соответствуя большей концентрации ^{14}C в атмосфере прошлого. Серия данных по кораллам, как показывает рис.6, основывается два двух допущениях: 1) даты по изотопам урана могут считаться как абсолютные, и 2) ^{14}C даты отражают атмосферные значения ^{14}C для прошлого (Bard et al. 1993; Lawrence Edwards et al. 1993).

Второе допущение нуждается в пояснении. Образцы представляют собой кораллы и имеют морское происхождение, а не атмосферное. Благодаря перемешиванию глубинных и поверхностных вод поверхность океана имеет кажущийся возраст около 400 радиоуглеродных лет (так называемый эффект резервуара). Все морские образцы таким образом, имеют кажущийся возраст около 400 лет. Резервуарная коррекция относится к данным кораллов как показано на рис. 6. Неизвестно, сохранялся ли этот эффект резервуара как 400 лет в ледниковый период. Тем не менее, данные по кораллам могут быть приняты во внимание как лучшие данные для калибровки дат. Основная тенденция для серии калиброванных дат по кораллам находится в соответствии с расчетными значениями образования атмосферного ^{14}C , основанными на измерениях геомагнитного поля в прошлом, в особенности применительно к радиоуглеродной временной шкале (Mazaud et al. 1992).

Серия данных по сезонным отложениям (varve) имеет земное, а не морское, происхож-

дение (без использования водных растений), также связана с проблемами получения абсолютной шкалы. Ежегодные наслоения не гарантированы, особенно в поздний ледниковый период; отсутствие годичных сезонных слоев в теории можно объяснить отклонением между осадочными и коралловыми сериями дат. Вместе с тем, недавно в Швеции даты сезонных слоев были сдвинуты на 500 лет по отношению к данным по кораллам (Wohlfarth et al. 1996).

Дискуссия. Вариации концентрации ^{14}C в атмосферной CO_2 усложняют процесс датирования в контексте исторического возраста. Радиоуглеродная временная шкала должна быть калибрована другими независимыми методами датирования, к абсолютному временному возрасту. В основном, мы можем определить следующие временные периоды:

1. *Современное время (20-е столетие).*

Атмосферная $^{14}\text{CO}_2$ здесь преобладает за счет антропогенных эффектов: сжигание ископаемого топлива и ядерных взрывов. Атмосферная $^{14}\text{CO}_2$ измеряется (начиная с 1950 года) как непосредственно из атмосферы, так и выделением из древесных колец.

2. *Преисторическое время в течение Голоцена (последние 10.000 лет)*

Для большей части Голоцена радиоуглеродная шкала калибрована путем дендрохронологических измерений датированных древесных колец. Вариации ^{14}C объясняются как колебаниями геомагнитного поля, так и флуктуациями солнечной активности (рис.2-3). Радиоуглеродный возраст (BP) может быть откалиброван по дендрохронологической кривой для получения исторического времени (BC/AD), но из-за зигзагов (вигглей) кривой результат может быть не совсем определенным: одной ^{14}C дате может соответствовать несколько возможных калиброванных дат (рис.4).

3. *Поздний ледниковый максимум поздний ледниковый период (20.000-10.000 лет тому назад)*

Здесь калибровка с использованием дендрохронологических приемов невозможна. Калиброванная серия данных получается для морских образцов (кораллов) урановым методом датирования и для годичных сезонных отложе-

ний от 14.500 лет тому назад (рис. 5,6). Оба метода расходятся после 10.000 BC; каждый метод имеет свои собственные допущения, преимущества и недостатки. Для целей калибровки в основном используется кривая, полученная по кораллам, т.к. эти данные могут быть объяснены колебаниями геомагнитного поля в прошлом. Строго говоря, здесь нет такой калибровочной кривой, как для Голоцена; значения времени здесь больше и неровности кривой (виггли) в атмосферной $^{14}\text{CO}_2$ не выявляются в морских образцах.

Большие флуктуации в атмосферной ^{14}C наблюдались на границе Плейстоцен-Голоцен. Они, вероятно, относятся к изменениям в обмене CO_2 между океаном и атмосферой в течение ледникового-межледникового переходов. Для калибровки археологических образцов эти серии данных имеют ограниченное значение.

4. *Поздний Плейстоцен (более 20.000 лет тому назад)*

Для временного периода 20.000-50.000 лет тому назад имеется очень ограниченная информация. Есть несколько сравнительных измерений ^{14}C дат с термолюминисцентными датами (TL). В основном, ^{14}C возраст моложе, чем TL возраст (принятый как абсолютный). Это согласуется с палеомагнитной информацией. Из-за большой ошибки измерений значение для археологической калибровки очень ограничено.

В общем, вариации активности ^{14}C в атмосфере на радиоуглеродной временной шкале (до 50.000 лет) обуславливают сложную взаимосвязь между радиоуглеродным возрастом (BP) и историческим временем (BC/AD); ^{14}C даты не являются абсолютными. Тем не менее, как доказано, радиоуглеродный метод имеет большое значение для датирования в археологии, т.к. радиоуглеродные даты и историческое время связаны калибровочной кривой. Как известно, эта кривая детально разработана вплоть до 9440 BC. Для более раннего времени в основном только известен "тренд" калибровочной кривой. Радиоуглеродные даты на 2000-3000 лет моложе абсолютных дат в позднем Плейстоцене.

Barbetti, M., T.Bird, G.Dolezal, G.Taylor, R.Francey, E.Cook, M.Peterson. 1992. Radiocarbon variations from Tasmanian conifers: first results from late Pleistocene and Holocene logs // Radiocarbon 34: 806-817.

Bard, E., M.Arnold, R.G.Fairbanks, B.Hamelin. 1993. ^{230}Th - ^{234}U and ^{14}C ages obtained by mass spectrometry on corals // Radiocarbon 35: 191-200.

Bucha, V. 1970. Influence of the earth's magnetic field on radiocarbon dating // I.U. Olsson (ed.), Radiocarbon Variations and Absolute Chronology (= Nobel Symposium 12): 501-512. Stockholm.

Dehling, H. and J.van der Plicht. 1993. Statistical problems in calibrating radiocarbon dates // Radiocarbon 35 (1), M. Stuiver, A. Long and R.S. Kra (eds.), Calibration issue: 239-244.

Godwin, H. 1962. Half life of radiocarbon // Nature 195: 984.

Goslar, T., M.Arnold, E.Bard, T.Kuc, M.F.Pazdur, M.Ralska-Jasiewiczowa, K.Rozanski, N.Tisnerat, A.Walanus, B.Wicik, K.Wieckowski. 1995. High concentration of atmospheric ^{14}C during the Younger Dryas cold episode // Nature 377: 414-417.

- Hajdas, I., S.D.Ivy, J.Beer, G.Bonani, D.Imboden, A.F.Lotter, M.Sturn, M.Suter. 1993. AMS radiocarbon dating and varve chronology of Lake Sopensee: 6000 to 12000 ^{14}C years BP // *Climate Dynamics* 9: 107-116.
- Hajdas, I., B.Zolitschka, S.D.Ivy-Ochs, J.Beer, G.Bonani, S.A.G.Leroy, J.W.Negendank, M.Ramrath, M.Suter. 1995. AMS radiocarbon dating of annually laminated sediments from Lake Holzmaar, Germany // *Quaternary Science Reviews* 14: 137-143.
- Jong, A.F.M. de, W.G.Mook, B.Becker. 1989. Corrected calibration of the radiocarbon time scale, 3904-3203 cal BC // *Radiocarbon* 31 (2): 201-210.
- Kitagawa, H., H.Fukuzawa, T.Nakamura, M.Okamura, K.Takemura, A.Hayashida, Y.Yasuda. 1995. AMS ^{14}C dating of the varved sediments from Lake Suigetsu, Central Japan and atmospheric ^{14}C change during the late Pleistocene // *Radiocarbon* 37 (2) (in press).
- Kromer, B., G.Becker. 1993. German Oak and Pine ^{14}C calibration, 7200-9400 BC // *Radiocarbon* 35(1): 125-136.
- Lawrence Edwards, R., J.Warren Beck, G.S.Burr, D.J.Donahue, J.M.A.Chappell, A.L.Bloom, E.R.M.Druffel, F.W.Taylor. 1993. A large drop in atmospheric $^{14}\text{C}/^{12}\text{C}$ and reduced melting in the Younger Dryas, documented with 230th ages of corals // *Science* 260: 962-968.
- Libby, W.F. 1955. Radiocarbon dating. (Re-issued 1965). Chicago: University press.
- Mazaud, A., C.Laj, E.Bard, M.Arnold, E.Tric. 1991. Geomagnetic field control of ^{14}C production over the last 80 ky; implications for the radiocarbon time scale // *Geophys. Res. Lett.* 18: 1885-1888.
- Pearson, G.W. and Stuiver, 1986. High-precision calibration of the radiocarbon time scale 500-2500 BC // *Radiocarbon* 28: 839-862.
- Plicht, J. van der. 1993. The Groningen Radiocarbon Calibration Program // *Radiocarbon* 35(1). M. Stuiver, A. Long and R.S. Kra, (eds.). Calibration issue: 231-237.
- Stuiver, M., G.W.Pearson. 1986. High-precision calibration of the radiocarbon time scale, AD 1950-500 BC // *Radiocarbon* 28: 805-838.
- Stuiver, M., A.Long, R.S.Kra. (eds.) 1993. *Radiocarbon* 35 (1). Calibration issue.
- Stuiver, M., R.S.Kra. (eds.) 1986. *Radiocarbon* 28 (2B). Calibration issue.
- Stuiver, M. 1965. Carbon-14 content of 18th and 19th century wood: variations concerned with sunspot activity // *Science* 149: 533-535.
- Suess, H.E. 1970. The three cause of secular C14 fluctuations, their amplitudes and time constants // I.U.Olsson (ed.), *Radiocarbon Variations and Absolute Chronology* (= Nobel Symposium 12): 595-605. Stockholm.
- Vries, H. de. 1958. Variation in concentration of radiocarbon with time and location on earth // *Kon. Ned. Akad. Wet. Proc., ser. B*, 61: 1-9.
- Wohlfarth, B. 1996. The chronology of the last termination: a review of radiocarbon-dated high resolution terrestrial stratigraphies // *Quaternary Science Reviews* 15 (4): (in press).
- Wohlfarth, B., S.Björck, G.Possnert. 1995. The Swedish time scale - a potential calibration tool for the radiocarbon time scale during the late Weichselian. *Radiocarbon* 37(2): (in press).

CALIBRATION OF THE RADIOCARBON TIME SCALE

Introduction. The isotope ^{14}C (radiocarbon) is continuously produced in the earth's atmosphere by cosmic radiation. Radiocarbon is radioactive and decays with a half life of 5730 years. This is shown in fig. 1, where the ^{14}C concentration (relative to the original concentration) is plotted as a function of time. A stationary state of production, distribution between the main carbon reservoirs (atmosphere, ocean and biosphere) results in a constant ^{14}C concentration in atmospheric CO_2 . The CO_2 , including the isotope ^{14}C is taken up by plants through photosynthesis, and next also by other organisms. Living plants, animals and people therefore have in general the same ^{14}C content as the atmosphere they live in. The carbon exchange with the environment ceases after death, whereupon the ^{14}C concentration diminishes in time due to radioactive decay. Thus, the age of carbon-containing remains of organic matter (trees, peat, bone, charcoal, etc.) can be determined by measuring the residual amount of ^{14}C left in the sample. This is the basic principle of the radiocarbon dating method.

The method as described above is based on the following assumptions, as will be obvious from fig. 1: 1. the half life should be accurately known; 2. the atmospheric ^{14}C concentration at time $t = 0$ has a constant value throughout prehistoric time. One of the complications in the radiocarbon dating method

is that these two basic assumptions are not completely true. This means that although the radiocarbon concentration can be measured accurately, the radiocarbon years will be related in a complicated way to historical ages. Nevertheless the radiocarbon dating method can be made valid by the process of calibration, as will be described below.

First, the half life is not very accurately known: 5730 ± 40 years (Godwin 1962). Furthermore the half life used for age calculations is still the original Libby value of 5568 years (Libby 1955). The reason for using the wrong half life as convention is that all radiocarbon dates calculated this way have the same meaning. They are reported in BP (Before Present) where Present is defined as 1950 AD. The reason for this choice is that the ^{14}C radioactivity standard corresponds to the value for that year.

Second, it is now known that the ^{14}C concentration of atmospheric CO_2 has not always been the same in the past. In tree rings, natural variations of the atmospheric $^{14}\text{CO}_2$ abundance were discovered on a time scale of one decade to a few centuries (de Vries 1958). Later it was discovered that these variations can be attributed to variations in solar activity (Stuiver, 1965), which in turn influence the production of ^{14}C in the atmosphere. Also changes of the geomagnetic field strength influences the production of ^{14}C in the atmosphere (Bucha 1970). This is

understandable because both solar activity and geomagnetic field strength determine the amount of cosmic radiation impinging on the earth. In addition, the atmospheric ^{14}C concentration also depends on exchange between the atmosphere and ocean. This exchange was certainly different from today during glacial times.

These violations of the basic assumptions for the radiocarbon calibration method cause radiocarbon years (in BP) to be different from calendar years (BC/AD). This means that there is no simple relationship such as $\text{AD} = 1950 - \text{BP}$. Therefore the ^{14}C method has to be calibrated: the relation between BP and BC/AD has to be established. This can be done by measuring ^{14}C ages of samples which are also dated by other independent means.

Calibration of the Holocene. The ideal samples for calibration are tree rings because they can be dated absolutely by means of dendrochronology. Tree-ring chronologies are now available back into the Preboreal; a ^{14}C calibration curve has been constructed from 9440 BC to the present.

A plot showing all the tree-ring calibration points and - for illustrative purposes - the so-called Libby line ($\text{AD} = 1950 - \text{BP}$) is shown in fig. 2. The most prominent feature is the large deviation of the tree-ring data from the Libby line throughout most of the Holocene. This long-term trend can be explained by changes in the geomagnetic field (Bucha 1970). Furthermore, medium-term variations, the so-called wiggles (Suess 1970) can be recognized which are due to solar fluctuations. A clear example is shown in fig. 3 (de Jong et al. 1989).

All calibration data are published in 2 special volumes of the journal *Radiocarbon* (Stuiver, Kra 1986; Stuiver, Long, Kra 1993). There is a recommended part, 1950 AD - 2500 BC measured in 20 tree-ring year intervals (Stuiver, Pearson 1986; Pearson, Stuiver 1986).

Apparently, the concentration of ^{14}C in the atmosphere was 10.000 years ago such that radiocarbon years (BP) were about 1.000 years younger than calendar years (BC) - see fig. 2. Calibration means finding the correct calendar date corresponding to the measured BP-age through a curve such as shown in fig. 2. This calibration procedure takes into account the varying ^{14}C concentration in the atmosphere (and terrestrial samples) throughout time. Also the dependency on a precise half-life value is then taken into account automatically.

It is the wiggly shape of the calibration data that makes calibrating complicated. For instance, wiggles can cause a ^{14}C date to correspond to more than one calendar date. The radiocarbon age of, for instance, 4725 BP corresponds to calibrated ages of about 3625, 3500 or 3400 BC (see fig. 3). Calibration becomes non-straightforward if we also take into account the measurement error. Recently programs working on Personal Computers have been

distributed for calibration purposes. We mention here only the Groningen program (van der Plicht 1993), written for IBM-compatible PC's.

An example of a calibration performed with the Groningen program is shown in fig. 4. The ^{14}C result to be calibrated is 2300 ± 40 BP. Two plots are shown in fig. 4. In the top part, the relevant part of the calibration curve (spline function) with the calibration data points from Stuiver and Pearson (1986), the recommended curve, are shown: along the y-axis, the Gaussian probability distribution of the ^{14}C age is shown; along the x-axis, the calibrated probability function calculated. The latter probability distribution is also shown in the bottom part of fig. 4, which can be used for interpretation in a quantitative way. The lines in this graph indicate the 1σ (68.3%) and 2σ (95.4%) confidence intervals. The intercepts indicated by the vertical lines are to be taken as calibrated ranges. In the example of fig. 4 this means that the calibrated age ranges are 402-366 and 276-264 cal BC (1σ) 410-352 and 312-208 cal BC (2σ) For mathematical principles of the method, we refer to Dehling and van der Plicht (1993).

Calibration of the Late Pleistocene. The present tree-ring calibration data extend to 9440 BC, as measured for Preboreal European pine (Kromer, Becker 1993). It is not likely that this chronology can be pushed much farther back in time since the climate becomes too cold. There are trees found on Tasmania with late Pleistocene ages (13.000 BP), but there is no dendrochronology so the absolute ages are not known (Barbetti et al. 1992). So, in order to calibrate the radiocarbon time scale beyond the dendro-dated tree-ring limit, other dating methods have to be applied. The 3 most important calibration records are ^{14}C measurements on samples also dated (presumably absolute) by varve counting, uranium isotopes, and thermoluminescence (TL). Whether these other dating methods are absolute remains a question of debate.

Annually layered varves (laminated sediments in glacier melt lakes) can be dated by varve counting, and by ^{14}C dating of terrestrial macrofossils (seeds, leaves, insects) deposited in the varved sediment. Absolute varve dating is clearly only possible if the record is truly continuous, i.e. there is no hiatus, or the hiatus is exactly known in time; ^{14}C dating is only possible by AMS because of sample size. At present there are records from Sweden (Wohlfarth et al. 1995), Poland (Lake Gosciaz, Goslar et al. 1995), Switzerland (Lake Soppensee, Hajdas et al. 1993), and Germany (Lake Holzmaar, Hajdas et al. 1995). The longest record existing thus far is from Japan (Lake Suigetsu). The data published thus far go back 12.500 BC (Kitagawa et al. 1995). The varved records, measured for their radiocarbon content are shown in fig. 5. The records overlap with the tree-ring data, and extend this

curve into the Bølling. The major trend is that the calibration data tend to curve back to the Libby line, i.e. the deviation between radiocarbon years (BP) and calendar years disappears.

This is in contradiction with calibration data obtained from corals, dated by both ^{14}C and U isotopes (see fig. 6). Here the radiocarbon years remain younger than the calendar years to 20.000 years ago, corresponding to a larger ^{14}C concentration in the atmosphere than the present. The coral data sets as shown in fig. 6 are based on two assumptions: 1) the U-isotope dates can be considered absolute, and 2) the ^{14}C dates represent atmospheric values (Bard et al. 1993; Lawrence Edwards et al. 1993).

The second assumption needs some explanation. The samples are corals and are thus of marine origin, and not atmospheric. Due to upwelling of deep and old water, the surface ocean has an apparent age of about 400 radiocarbon years (the so-called reservoir effect). All marine samples therefore have an apparent age of 400 years. This reservoir correction is applied to the coral data as shown in fig. 6. It is not known if the reservoir effect during glacial times was also 400 years. Nevertheless the coral data are considered to be the best calibration record to date. The general tendency of the coral calibration data set is in agreement with atmospheric ^{14}C production calculations, based on measurements of the geomagnetic field in the past, in particular the radiocarbon time scale (Mazaud et al. 1992).

The varve data set is terrestrial (unless water plants have been used) but here the problem is the absolute scale. Annual lamination is not guaranteed, especially in late Glacial times; missing varve years in theory can explain the deviation between the varve and the coral data sets. Indeed recently the Swedish varves have been shifted by 500 years towards the coral data set (Wohlfarth et al. 1996).

Discussion. Variations of the ^{14}C concentration in atmospheric CO_2 complicate the process of dating in terms of historical ages. The ^{14}C time scale has to be calibrated versus another independent dating method, preferably an absolute one. In general we can distinguish the following time periods:

1. Modern times (20th century AD). The atmospheric $^{14}\text{CO}_2$ is here dominated by anthropogenic effects: burning of fossil fuels, and nuclear explosions. The atmospheric $^{14}\text{CO}_2$ is obtained from tree rings and (since 1950) from direct atmospheric measurements.

2. (Pre)historical times during the Holocene (the last 10.000 years). For the major part of the Holocene, the ^{14}C scale is calibrated by means of absolutely dated tree rings (dendrochronology). The

^{14}C variations are understood in terms of geomagnetic field variations during this time, as well as fluctuations in solar activity (fig. 2-3). Radiocarbon dates (in BP) can be calibrated by means of the tree-ring calibration curve to obtain historical ages (BC/AD) but due to wiggles the result can be ambiguous: a ^{14}C date can correspond to several possibilities in calibrated ages (fig. 4).

3. Late Glacial maximum to Late Glacial (20.000-10.000 years ago). Here calibration by means of dendrochronology is impossible. Calibration data sets are obtained for marine samples (corals) by U-isotope dating and - from 14.500 years ago - for varved sediments (fig. 5, 6). Both methods disagree beyond ca. 10.000 BC; each method has its own assumptions and (dis)advantage. For calibration purposes the curve obtained from the corals is generally used, since these data can be explained by geomagnetic variations in the past. Strictly speaking there is no curve such as for the Holocene trees; the time resolution is large, and wiggles in atmospheric $^{14}\text{CO}_2$ are not detectable in marine samples.

Large fluctuations in atmospheric ^{14}C have been observed near the Pleistocene/Holocene boundary. These are likely related to changes in CO_2 exchange between ocean and atmosphere during the glacial/interglacial transition. For calibration of archaeological samples, the data sets therefore are of limited values.

4. Late Pleistocene (more than 20.000 years ago). For the time period 20.000-50.000 years ago, very limited calibration information is available. There are some measurements comparing ^{14}C dates with the TL-dating method. The general trend is that the ^{14}C ages remain younger than the TL ages (considered absolute), to an amount of about 3000 years 35000 years ago. Also this is consistent with palaeomagnetic information. Because of the large errors involved in the measurements, the value for archaeological calibration is very limited.

In summary, the varying ^{14}C activity in the atmosphere during the ^{14}C time scale (the last 50.000 years) are the cause of a complicated relation between radiocarbon years (BP) and historical ages (BC/AD); ^{14}C dates are thus not absolute. Nevertheless the ^{14}C method has proven to be of great use for archaeological dating, because the radiocarbon dates and historical ages are connected through a calibration curve. This curve is known in detail back to 9440 BC. For earlier times, only the general trend of the calibration curve is known. The ^{14}C dates are 2000-3000 years younger than absolute dates in the late Pleistocene: 20.000 years ago, the radiocarbon ages are only about 18.000 BP.

ПАРАДНЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ ИЛГЫНЛЫ-ДЕПЕ (предварительная типология)*

Ю.Е.БЕРЕЗКИН, Н.Ф.СОЛОВЬЕВА**

Энеолитическое поселение Илгынлы-депе площадью 14 га расположено в Южном Туркменистане в 240 км юго-восточнее Ашхабада. В IV тыс. до н.э. сформированную глинистыми наносами равнину вокруг Илгынлы-депе орошала речка Меана-чай. Миграция ее русла и стала вероятной причиной ухода жителей на соседнее поселение Алтын-депе, находившееся в 6,5 км западнее Илгынлы-депе и несколько ближе к горам. По данным итальянского геоморфолога Б.Марколонго (личное сообщение, 1994), русла всех крупных и мелких рек региона смещаются на протяжении тысячелетий к западу. Оставление Илгынлы-депе, таким образом, объясняется действием тех же факторов, которые позднее вызвали запустение Геоксюрского оазиса.

Радиоуглеродные даты омолаживают возраст Илгынлы-депе на 300–500 лет, хотя друг другу не противоречат; помимо опубликованных (Березкин 1993), сейчас получен еще десяток определений. Причина этого омоложения неясна, тем более что для слоев эпохи бронзы на Алтын-депе подобных систематических отклонений нет. Керамика геоксюрского типа, появляющаяся в двух самых верхних строительных горизонтах Илгынлы-депе (рис. 16: 1,2,8), найдена также в нижнем слое Шахри-Сохте в Систане, где она обнаружена вместе с протоэламскими материалами (Тоси 1971: рис.3; Amiet, Tosi 1978; Piperno 1986). Опираясь на этот факт, оставление Илгынлы-депе следует датировать в пределах 3100–2900 гг. до н.э. При совокупной мощности отложений порядка 14 м, поселение должно было быть основано в конце V — начале IV тыс. до н.э. Время существования тех пяти верхних строительных горизонтов памятника, которые изучались в 1985–1994 гг., может охватывать почти всю вторую половину IV тыс. до н.э.

Уже в 50-х годах при закладке шурфов и сборе подъемного материала на Илгынлы-депе было отмечено обилие предметов из меди и на-

личие каменных идольчиков (Ганялин 1959:21), но в то время эти сообщения не вызвали интереса. Каракумская экспедиция ИИМК РАН совместно с Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией АН Туркменистана под общим руководством В.М.Массона приступила к систематическому изучению памятника в 1985 г., основные работы начались в 1987 г. В 1985–1989 гг. на Илгынлы-депе было заложено около десятка раскопов, три из которых стали основными (рис. 1).

Стратиграфический раскоп 3 (руководитель работ Н.Ф.Соловьева), имеющий размеры 16 x 14 м, занимает сравнительно ровный участок в юго-западной части поселения, где мощность отложений достигает, видимо, 9–10 м. В 1994 г. максимальная глубина раскопа от поверхности холма составила примерно 3,5 м. Здесь выделено пять строительных горизонтов, из которых самый верхний, первый, сохранился лишь в северо-восточной части раскопа, а остальные четыре представляют собой исключительно редкую картину последовательной смены ритуальных архитектурных комплексов. Каждое новое здание более позднего горизонта возводилось на месте отслужившего свой срок прежнего, практически полностью повторяя ориентацию, расположение входа и деталей внутреннего убранства, но, в то же время, каждый раз отличаясь изменениями интерьера (рис. 2: 1,2,3,4).

Планиграфический раскоп 5, имеющий размеры 30 x 30 м, расположен на наиболее возвышенном участке в северной половине холма (как и на раскопе 4, основные работы здесь вел Ю.Е.Березкин). Отложения вскрывались на глубину до 1,5 м. Нумерация строительных горизонтов в полевых отчетах и на чертежах соответствует локальной стратиграфии. Судя по керамике, горизонты ПБ, ПА раскопа 5 соответствуют горизонту IV, скорее его поздней стадии (IVA), и ранней стадии горизонта III раскопа 3, а горизонты IB и IA раскопа 5 — поздней стадии

* Статья написана по теме исследовательского проекта "Энеолитическое поселение Илгынлы-депе" (грант РГНФ 97.01.00283).

** Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

горизонта III и, может быть, — ранней стадии горизонта II раскопа 3. Но эта корреляция при- близительна. Точное временное соотношение отдельных домохозяйств на самом раскопе 5 также не всегда удавалось установить. На раскопе 5 нет материалов, соответствующих горизонтам I — поздней стадии горизонта II раскопа 3, так как в этот период самая высокая часть поселения оказалась заброшена.

Планиграфический раскоп 4, имеющий размеры 70 x 20 м, тянется вниз по склону холма с северо-запада на юго-восток от наиболее возвышенного участка поселения. Общий перепад высот превышает 3,5 м, но культурные слои вскрывались на глубину не более 1,2–1,35 м. Единой планиграфической картины не получено. Верхние горизонты I и II (примерно соответствующие таковым на раскопе 3) в основном сохранились лишь в северо-западной части раскопа 4. Строения горизонта III исследованы в юго-западной части этого раскопа и на полевых чертежах 1987 г., в соответствии с локальной стратиграфией, обозначены как относящиеся ко второму или основному периоду жизни на поселении. На чертежах 1988 г. основной период соответствует горизонту II.

Остальные раскопы имеют небольшую площадь. Работы на них велись разными исследователями. Раскоп 1 (1985, 1987 гг.) расположен на юго-восточном выступе Илгынлы-депе, отделенном от остальной части поселения пологой ложбиной. Находки из этого раскопа примерно синхронны находкам из горизонта III раскопа 3. Поверхностный слой раскопа 1 представляет собой более поздние отложения без архитектурных остатков. Раскоп 2 состоит из трех отдельных участков, расположенных на юго-юго-восточном склоне холма. Северо-западный участок раскопа 2 — это пробная зачистка поверхностного слоя поселения, проведенная в 1985 г. Среди двух юго-западных участков один представляет собой стратиграфическую траншею (1986 г.), а другой — раскоп 1987 г. В пределах этого раскопа в 1988 г. был заложен шурф. Выявленные в раскопе 2 строения имеют, по-видимому, хозяйственно-производственное назначение и синхронны горизонтам I и II на раскопе 3. Рядом с северо-западным участком раскопа 2 в 1988 и 1990 гг. были расчищены на небольшой площади стены двух уровней (раскоп 6), очевидно синхронные планировке южной части раскопа 2. Раскоп 7 расположен в 60 м к северо-западу от раскопа 3. Работы велись здесь в 1989—1991 гг. Архитек-

тура раскопа 7 примерно синхронна горизонту III раскопа 3, а необычное коллективное захоронение совершено в горизонте II, если не в горизонте I. Культурные слои и архитектурные остатки, относящиеся к горизонтам III и II, выявлены в 1991 г. в шурфе, расположенном в 40 м к северо-западу от раскопа 7.

Архитектура Илгынлы-депе свидетельствует о существовании специфического планировочного канона, разнообразного в конкретных проявлениях и постепенно меняющегося во времени. Его облик определяют *подквадратные в плане архитектурные комплексы*, которые обычно примыкают одной или двумя сторонами к другим постройкам и/или к стене улицы. *Вход в такой комплекс расположен по центру любой стены*, кроме (может быть, за одним исключением) северо-западной. *Внутри помещения слева от входа находится либо выступ стены, либо “тумба”*. При раскопках тумба (рис. 18) обычно предстает как глухая камера, заполненная обломками сырца, керамикой и мусором. Не исключено, что стены тумбы не достигали потолка помещения и постепенно наращивались по мере заполнения этого своеобразного “мусорного ящика”. Ближайшая ко входу стена тумбы порой представляет собой массив кладки, аналогичный выступу стены в тех комплексах, где тумба отсутствует. Вместе с тем обнаружена по крайней мере одна тумба, которая целиком состоит из мусора, обмазанного с внешней стороны штукатуркой. О конструкции кровли домов судить трудно. В некоторых комплексах часть стен имеет толщину в один кирпич. Тяжесть перекрытия они явно нести не могла. Дверной проем с порогом был высоким (притолока ни разу не сохранилась) и широким (от 60 см в небольших до 80–110 см в крупных комплексах). Подпяточный камень, за редкими исключениями, располагался справа от входящего. Выход из парадного помещения, по-видимому, всегда вел во двор, куда открывались также выходы из других помещений (если таковые имелись) соответствующего домохозяйства; во дворе находился выход на улицу. В крупных комплексах, наряду с парадным двором, имелся хозяйственный. Общие контуры домохозяйств выявлены лишь в немногих случаях. Пол парадных помещений покрыт черной краской. В ряде комплексов второго и третьего горизонтов (3.4, 12.4, 34.4, 1.7)* наличие красочного покрытия на полах не отмечено, однако, во всех этих случаях по разным причинам черное покрытие, если оно состояло из одной-

* Архитектурные комплексы обозначены комбинацией номера главного помещения и соответствующего раскопа (59.4: комплекс на раскопе 4 с помещением 59). Если помещение имеет двойную нумерацию, оно обозначается по меньшему номеру (3 вместо 3/4). Ряд небольших недоследованных и/или сохранившихся лишь фрагментарно зданий, возможно относящихся к рассматриваемой категории, не рассматривается.

Рис. 1 Илгынылы-депе. План холма с расположением раскопов 1985-1994 гг. и примерными контурами старых шурфов и траншей.

Fig. 1 Ilgınyly-depe. Plan of the hill showing excavations of 1985-94 and approximate outlines of previous trenches.

двух промазков, могло остаться незафиксированным.

Впервые подквадратные здания с внутренним выступом и черными крашеными полами были раскопаны на поселениях Геоксюрского оазиса, в частности на Ялангач-депе (Хлопин 1964: рис.9, пом. 1, 6; 1969: табл. VIII:2, пом. 1, VIII:3, пом. 1), Муллали-депе (Хлопин 1969:

табл. XVII, пом. 7, 13, 14, 26), Чонг-депе (Хлопин 1969: табл. XXI, пом. II:5), Геоксюре 9 (Хлопин 1969: табл. XXV, пом. 4, 6, 7), Геоксюре 1 (Сарианиди 1962: рис.2). Судя по раскопкам на Дашлыджи-депе (пом. 1), элементы данного планировочного канона заметны уже в период Намазга I (Хлопин 1960: рис.6, 9; 1963: табл. XVII). Отчасти они, вероятно, восходят к

Таблица 1.
Table 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
38.3	V	9.1 x 8.9	47.0	ЮВ	-	12	тумба	очаг	тумба	2
58.5	IV	4.5 x 4.4	11.5	СВ	-	1	тумба	-	тумба	0
10.5	IV	5.4 x 5.0	18.0	ЮЗ	-	3	тумба	-	тумба	0
26.5	IV	7.5 x 7.1	28.0	ЮЗ	-	11	тумба	-	отсек	2
26.3	IV	9.1 x 9.0	42.0	ЮВ	2	9	тумба	печь	камера	2
12.4	III	4.0 x 3.3	11.0	ЮЗ	0	0	выступ	очаг	-	0
10.5	III	6.0 x 5.0	22.5	ЮЗ	0	?	тумба	?	тумба	0
18.5	III	6.2 x 5.2	22.5	ЮЗ	0	2	тумба	-	тумба	0
25.5	III	6.2 x 5.3	20.0	ЮВ	0	1	тумба	-	-	0
30.5	III	6.9 x 6.0	31.0?	ЮВ	3/4?	?	?	жерт.	?	?
9.5	III	7.3 x 7.2	24.0	СВ	1	1	выступ	жерт.	-	4
1.7	III	8.0 x 7.8	39.0	ЮВ	2	0?	выступ	?	камера	?
14.3	III	8.2 x 8.2	51.0	ЮВ	3	10	тумба	жерт.	отсек	2
15.4	III	8.6 x 8.5	43.0	ЮЗ	2/3?	1	тумба	очаг	отсек	2
3.1	III	9.2 x 8.8	47.5?	ЮЗ	2	?	тумба	жерт.	камера	2
34.4	II	6.0 x 5.0	21.0?	СЗ?	0?	?	выступ	жерт.	-	0
18.5	II	6.2 x 5.2	23.0	ЮЗ	2	4	выступ	жерт.	камера	0
3.4	II	6.2 x 6.0?	30.0?	ЮЗ	2/?	?	выступ	очаг	камера	0
36.4	II	6.7 x 6.7?	30.5?	СВ	2/3?	0?	выступ	?	-	0
18.3	II	8.7 x 8.1	47.0	ЮВ	2	2	выступ	жерт.	камера	2
59.4	II	9.0 x 8.5	46.5	ЮВ	4	0	тумба	очаг	камера	2
59.4	I	7.9 x 7.3	39.0	ЮВ	3	0?	?	очаг	?	3

тумба - box, очаг - hearth, отсек - cubicle, печь - stove, камера - chamber, выступ - projection, жертвенник - altar

джейтунской культуре. На более западных поселениях прикопетдагской равнины, таких как Кара-депе (Массон 1960), близких аналогий илгынлынской архитектуре нет, если не считать сходством подквадратную форму зданий и помещений.

И.Н.Хлопин и В.И.Сарианиди называли раскопанные ими крупные комплексы культурными (Сарианиди 1962; 1962а; Хлопин 1964), считая их большесемейными святилищами, иными словами, парадными помещениями домохозяйств. Опираясь на часто цитируемую в данной связи статью И.М.Дьяконова (Дьяконов 1955:28), можно предполагать, что поскольку большая семья на древнейшем Ближнем Востоке не представляла собой коллектива с четко определенной численностью и структурой и так как "частным случаем" большесемейных домохозяйств являлись домохозяйства малых семей, парадные помещения должны отражать значительные различия между хозяйствами крупными (и/или богатыми) и малыми (и/или бедными). Именно такая картина стала вырисовываться по мере развертывания работ на Илгынлы-депе, когда между зданиями квазихрамового облика и строениями, практически лишенными неутилитарных черт, обнару-

жились разнообразные варианты переходов от одних к другим. Варьируют в широких пределах и размеры зданий: комплекс 26.3 (82 кв.м) более, чем шестикратно превосходит по площади комплекс 12.4 (13 кв.м).

В табл. 1 представлены важные признаки, позволяющие судить о размерах и общей конфигурации архитектурных комплексов, которые рассматриваются по строительным горизонтам. В пределах одного горизонта комплексы размещены в таблице 1 в порядке возрастания их размеров. Площади построек округлены до 0,5 кв.м, их линейные размеры даны в метрах; площадь строений, возможно или вероятно относящихся к тому же домохозяйству, что и главный комплекс, но имеющих самостоятельные выходы во двор, в общую площадь не включена. Обозначения "правый" — "левый" соответствуют позиции наблюдателя, стоящего перед входом в здание лицом к нему.

В столбцах таблицы 1 указаны следующие характеристики.

1) Номер комплекса. 2) Строительный горизонт (без уточнений типа *начало*, *конец* и т.п.). 3) Примерные размеры главного комплекса (в комплексе 9.5 не учитываются размеры камеры, выступающей за пределы подквад-

Рис. 2 Сравнительная планировка парадных комплексов Илгынлы-депе.

Fig. 2 Comparative layout of the main rooms at Ilginly-depe.

ратного контура). **4)** Площадь парадного помещения. **5)** Стена, в которой расположен вход. **6)** Число скамей (глиняных, а в 26.3 деревянных) внутри парадного помещения. **7)** Число стоящих на полу или упавших на него крупных хозяйственных сосудов (хумов) или ямок для их установки. **8)** Тип конструкции слева от входа в помещение (тумба, либо выступ стены). **9)** Тип очага: “жерт.”: расположенный в полу левой ближней четверти парадной комнаты (напротив тумбы, если она есть), круглый очаг-жертвенник в виде обмазанного глиной диска диаметром около 1 м, в центре которого находится ямка-жаровня, поверхность диска понижается от его краев к ямке; “очаг”: расположенный там же, но неоформленный (без обмазан-

ного глиной диска) очаг-ямка; “печь”: сырцово-каменная отопительная печь у тумбы; **10)** Оформление левого ближнего угла комнаты: “тумба” — глухая камера, доходящая до левой боковой стены комнаты; “камера” — участок отделенный от помещения стеной с лазом, порожек и т.п.; “отсек” — пол в пределах участка за тумбой, являющийся продолжением пола комнаты; участок может быть также не выделен (знак “-”). **11)** Наличие и число узких камер, обрамляющих противоположную входу (в комплексе 9.5 также правую от входа) стену парадной комнаты.

Существует ряд признаков, характеризующих лишь некоторые из комплексов. Это: **12)** Широкий проем между парадной комнатой и

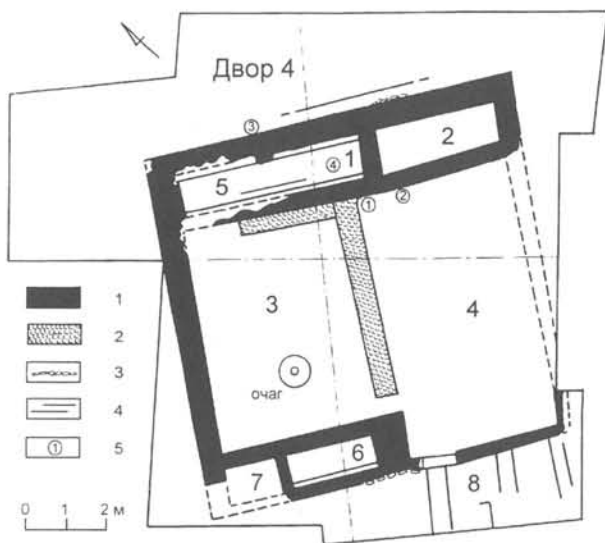

Рис. 3 Раскоп 1, план.

Fig. 3 Excavation 1, plan.

правой из узких камер (26.3, 38.3, 9.5, 26.5). Он находится не ниже 50 см над уровнем пола в главном помещении. **13)** Скопление объектов ритуального характера на полу комнаты перед проемом (26.3, 26.5). **14)** Пол правой из двух узких камер, примыкающих сзади к парадной комнате, находится на несколько десятков сантиметров ниже пола левой камеры (26.3, 38.3, 15.4, 59.4, 26.5). **15)** Открытый через проем в сторону парадного помещения окрашенный черной краской подиум, существовавший на более позднем этапе функционирования комплекса на месте правой из узких камер (26.5, 38.3). **16)** Подквадратная в плане сырцовая конструкция в углу парадной комнаты справа от входа (9.5, 18.5, 58.5). **17)** Расписной и рельефный декор определенного типа на стене тумбы (14.3, 26.3, 38.3, 26.5, 58.5 и, видимо, 10.5). В нижней части стен на высоте 10-15 см от пола штукатурка имеет скос внутрь и окрашена черным. Выше на широкой поверхности тумбы имеются два вертикальных выступа. Левый из них (если обратиться к тумбе лицом) узкий, подтреугольный в сечении, а правый — широкий и прямоугольный в сечении. Оба выступа соединены третьим, горизонтальным (точнее как бы провисающим вниз), однако эта последняя деталь расположена высоко над полом и о ее наличии обычно трудно судить. **18)** Каменный женский идольчик, либо (замещающие его?) продолговатый камень или сырцовый кирпич, вкопанный в пол парадной комнаты напротив входа; камень или статуэтка всегда установлены не фронтально, а под углом к порогу (9.5, 10.5, 12.4, 26.5, 59.4; смотри также данные по комплексу 55.5, который рассматривается вместе с 18.5). **19)** Сырцовая конструк-

ция в левой из боковых камер вдоль ее продольной оси (38.3, 26.5, возможно, 15.4 и 59.4). **20)** Вмазанная в пол и в стены чаша слева от входа, в том углу, где тумба примыкает к стене (10.5, 58.5). **21)** Чаша-жаровня вместо простой ямки в центре очага-жертвенника (9.5, 30.5). **22)** Фрагменты тонкостенной керамики в самом верху заполнения тумбы; они в основном концентрируются у ее северо-западной торцевой стены, но перестают встречаться в средней части заполнения тумбы. Этот признак зафиксирован в трех соседних комплексах раскопа 5: 26.5, 58.5 (где глина, с которой смешаны черепки, носила следы огня) и 10.5.

Краткое описание архитектурных комплексов.

Комплекс 38.3, горизонт V (рис. 9–11), самый ранний из изученных на конец сезона 1994 г. и один из самых крупных на памятнике. Его площадь достигает 47,0 кв. м, а площадь всего домохозяйства, включавшего, помимо парадной комнаты 38, два подсобных помещения — 37 и 39, парадный — 44 и хозяйственный — 42 дворы, превышает 120 кв. м. (рис. 11). Как и все поздние комплексы раскопа 3, это домохозяйство отделено на северо-востоке узкой улочкой от других строений, уходящих за пределы раскопанной площади (рис. 11). Очевидно такая же улочка проходила к северо-западу от комплекса в той части раскопа, где культурные слои остались не исследованными. На юго-западе граница домовладения практически совпадает с краем раскопа, а на юго-востоке уходит за его пределы. За время своего существования весь блок строений перенес один капитальный ремонт со значительными перестройками в большинстве помещений и семь, судя по количеству слоев штукатурки на стенах парадной комнаты, косметических. Возможно, что ремонт парадной комнаты 38 и хозяйственного двора 42 проводился в разное время. К моменту написания статьи парадный двор на уровне раннего этапа горизонта V не раскопан.

В парадное помещение 38 (рис. 11), до и после ремонта, можно было попасть из парадного двора 44 через дверной проем в юго-восточной стене комнаты. Слева от входа к юго-восточной и юго-западной стенам помещения 38 была пристроена тумба, сохранившаяся на высоту около 0,4 м. Ее боковая поверхность и фасад были тщательно оштукатурены и имели примерно в 0,2 м от пола горизонтальный рельефно-декоративный выступ, над которым на фасаде находились вылепленные из чистой глины два миниатюрных декоративных пилястра (ближний ко входу имел треугольное сечение, дальний — прямоугольное). От пола до выступа тумба была выкрашена в черный цвет, а выше выступа — в белый. Внутри тумбы стоял

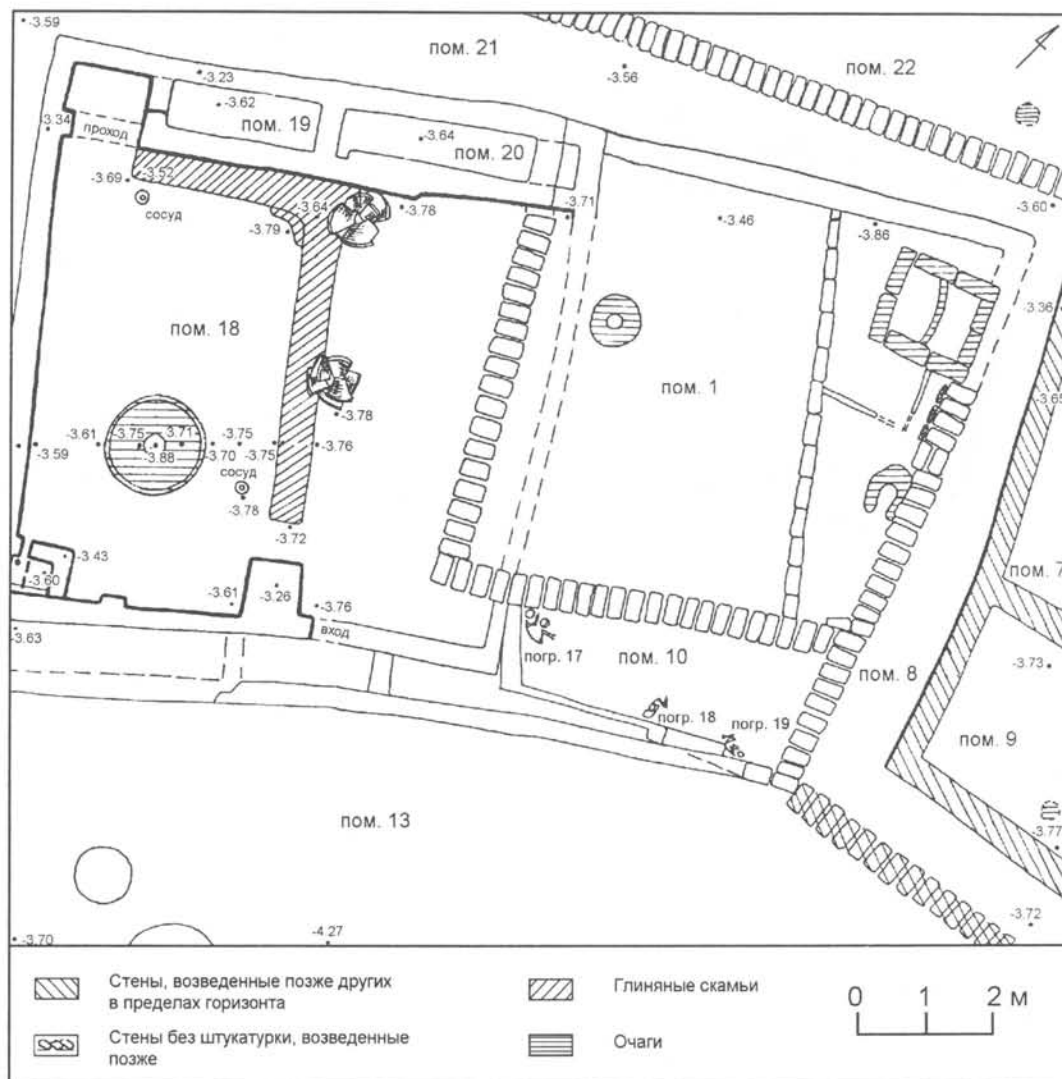

Рис. 4 Раскоп 3, горизонт II, план.

Fig. 4 Excavation 3, level II, plan.

расписной хум, а пространство вокруг него было заполнено сгоревшим мусором, мелкой галькой, обломками керамики и кирпичей. Под западным углом тумбы в небольшом углублении на галечной подсыпке стоял пустой кухонный горшок, накрытый перевернутой светло-ангобириванной расписной чашей ялангачского времени.

У северо-восточной стены помещения 38 находилась низкая (0,3 м высоты) длинная платформа (суфа?), разрушенная в восточном углу комнаты поздней ямой. Оштукатуренный фасад платформы образовывали кирпичи, поставленные в один ряд на длинное ребро, а пространство между ними и северо-восточной стеной помещения 38 заполняли многочисленные глиняные промазки с большим количеством обломков керамики.

Большая часть северо-западной стены и вся юго-западная стена были оштукатурены, имели на высоте около 0,2 м от пола горизонтальный рельефно-декоративный выступ и были окра-

шены от пола до выступа в черный цвет, а выше выступа — в белый. Однако, самый верхний седьмой слой штукатурки на северо-западной стене имел черный цвет на всю сохранившуюся высоту. Часть северо-западной стены длиной около 2,5 м, расположенная напротив входа между двойным вертикальным рельефно-декоративным выступом и платформой, не имела горизонтального выступа и при всех косметических ремонтах на всю высоту была окрашена в черный цвет. На высоте 0,6 м от пола комнаты сохранилась нижняя часть проема, соединяющего помещения 38 и 39.

Пол в комнате 38 многократно промазывали глиной и покрывали черной краской (количество прослоек у стен и в углах помещения доходит до 35). На раннем этапе в центре помещения 38 находился очаг-ямка, обмазанный изнутри глиной (рис. 11).

В начале существования комплекса 38.3 его частью являлись подсобные помещения 37 и 39 (рис. 11). Находившийся в западном углу па-

радной комнаты 38 проход шириной около 0,5 м вел в помещение 37, полы которого также были промазаны глиной и выкрашены черной краской (свита промазок достигает в углах толщины 0,2 м). Сохранившаяся на стенах штукатурка несет следы сильного воздействия огня.

Подсобная камера 39 (рис. 11) — полуподвальное помещение с утопанным полом — располагалась восточнее комнаты 37, вдоль северо-западной стены основного комплекса. На стенах помещения 39 нет следов штукатурки и/или краски. В его западном углу на полу была найдена новая керамическая форма для отливки проушного топора-тесла. С северо-восточной стороны помещения 39, на одной линии с внешней стороной платформы парадной комнаты, была возведена невысокая узкая оштукатуренная стена. Между ней и внешней северо-западной стеной комплекса находился дверной проем.

Открытый хозяйственный двор 42 (рис. 11), попасть в который можно было из парадного двора 44, имел промазанный глиной пол и три (юго-западная, юго-восточная, северо-восточная) оштукатуренные стены. Неподалеку от входа к юго-западной стене двора 42 была пристроена невысокая платформа-суфа из глины и большого количества фрагментов керамики. Начинаясь у самого входа (а возможно и в парадном дворе) желоб водостока тянулся, слегка изгибаясь, через весь двор до его северо-западной стены, где четыре вертикально вкопанных камня ограничивали устье водостока. Вся поверхность двора имела небольшой наклон в сторону стены, в которой имелось отверстие для стока воды. Около северо-западной стены были вкопаны в пол по венчик два кухонных горшка, а перед ними находилась неглубокая очажная ямка.

После капитального ремонта уровень пола в парадном помещении 38 (рис. 10) был поднят в среднем на 10-12 см. При входе в комнату появился невысокий глиняный порог. В ее полу, вдоль юго-западной стены и платформы у северо-восточной стены были сделаны соответственно пять и шесть неглубоких ямок для хумов. Еще одна ямка была вырыта у северо-западной стены помещения 38. Прежняя очажная ямка была засыпана и замазана глиной вместе с поверхностью пола. Неподалеку от того места, где раньше горел огонь, ближе к центру комнаты, в ее полу, сделали углубление, в которое положили большой камень и, обмазав его с боков глиной, получили основание круглой конструкции (алтаря?). Ее боковая поверхность была выкрашена в черный и красный цвета. Слева от алтаря выкопали новую очажную ямку.

По длинной оси подсобного помещения 37

во время ремонта была возведена узкая длинная, сохранившаяся в высоту примерно на 0,6 м, ячеистая конструкция, сделанная из необожженной глины с примесью органики. Одним торцом это необычное сооружение, в основание которого уложили ряд сырцовых кирпичей, было пристроено к северо-восточной стене помещения 37. В верхней части конструкции были сделаны 14 ячеек разной формы и глубины. Боковые поверхности сооружения и его ячейки были тщательно обмазаны глиной.

Хозяйственный двор 42 (рис. 10) также претерпел капитальный ремонт, после которого была вдвое сокращена длина находившегося здесь водостока. Его устье перенесено правее и выше, а вымощенный битой керамикой пол двора поднят примерно на 0,15 м, перекрыв длинную платформу у юго-западной стены, а также вкопанные в пол горшки и расписной хум. В северном углу двора после ремонта была сложена одноярусная двухкамерная прямоугольная печь, в пол вкопаны и обмазаны глиной по венчик 6 горшков, а посередине двора вкопан камень треугольной формы со следами подтески, игравший, возможно, ту же роль, что и каменные женские статуи. Второй камень, меньших размеров, вкопанный в парадном дворе 44 напротив входа во двор 42, находился на одной оси с первым, перпендикулярно ему. Вход в хозяйственный двор 42 имел невысокий глиняный порог. Справа от входа находился подпятник.

Пол крытого парадного двора 44 на позднем этапе горизонта V неоднократно промазывали глиной и покрывали черной краской (лишь при последнем косметическом ремонте часть двора была вымощена битой керамикой). Стены парадного двора оштукатурены, к его юго-западной стене пристроен стул из сырцовых кирпичей и необожженной глины (рис. 10). Перед стулом и справа от него в полу сделаны две предназначенные для установки сосудов лунки с бортиками из глины. Посередине двора сохранилось основание прямоугольной сырцовой конструкции, вероятно, являвшейся опорой для перекрытия. Ее боковые поверхности оштукатурены и выкрашены в черный цвет.

На последнем этапе существования комплекса 38.3 уровень пола в полуподвальном помещении 39 (рис. 9) был поднят благодаря его частичной засыпке на 0,5 м и оказался на 0,3 выше, чем пол в главном помещении 38, куда открывалась комната 39 через проем в ее юго-восточной стене. Поверхность пола перестроенного помещения 39, а также горизонтальная и боковые поверхности его проема были оштукатурены и покрыты черной краской. Периодически перекрываемый слоями штукатурки с черной краской уровень пола помещения 39

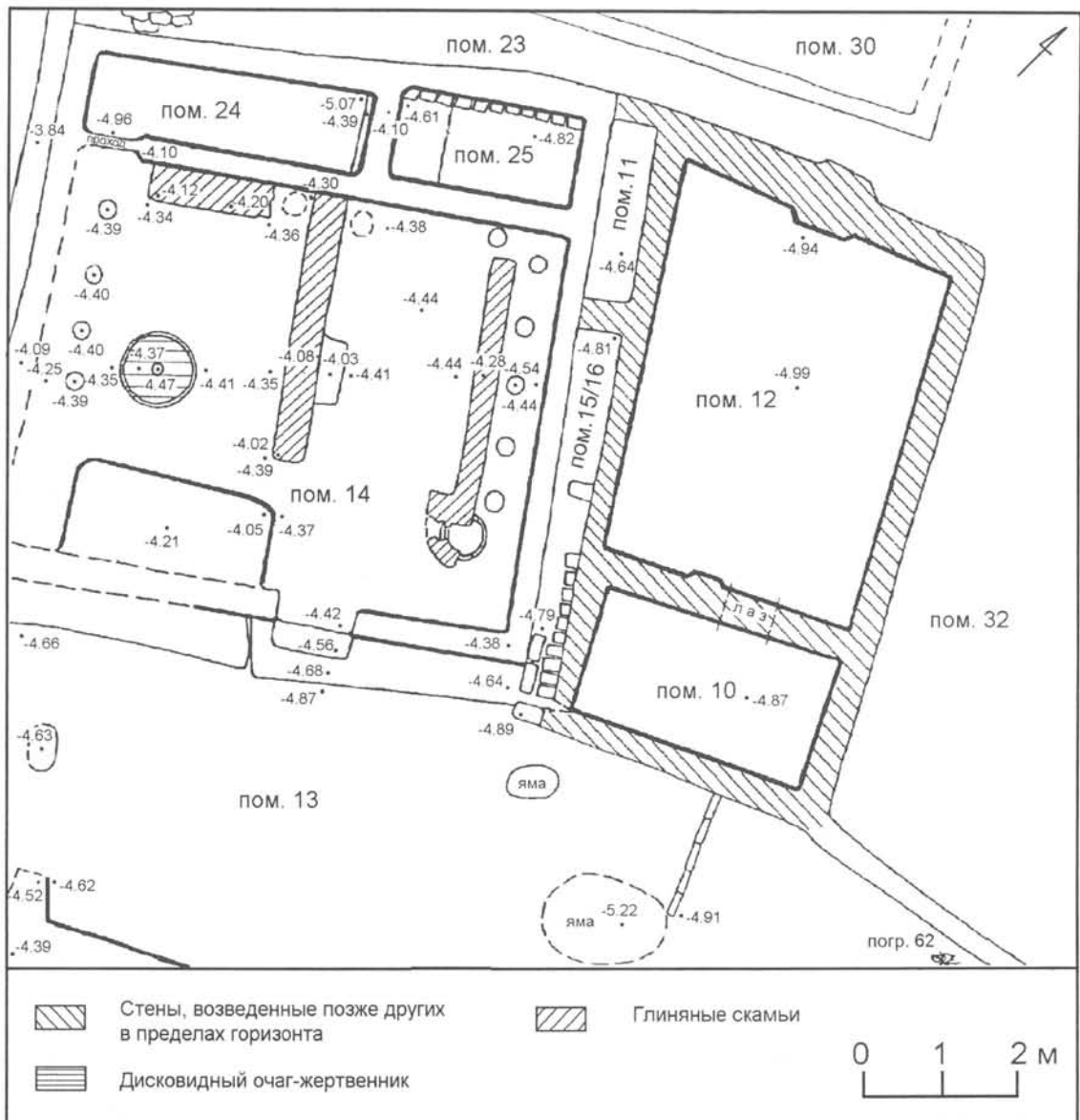

Рис. 5 Раскоп 3, горизонт III, план.

Fig. 5 Excavation 3, level III, plan.

постепенно нарастили еще на 20 см, образовав открытый в сторону парадной комнаты “подиум”, возвышавшийся примерно на 0,5 м над уровнем ее пола (на рис. 9 — помещение 29).

На этом же этапе незначительные изменения претерпевает парадное помещение 38. Справа от входа в него на пол установили пяточный камень для вращающейся двери, обмазав его вместе с поверхностью пола глиной и выкрасив с боков в черный цвет. Очажную ямку перекрыли тремя тонкими плитами самана, а круглую сырцово-каменную конструкцию (алтарь?) — тремя другими камнями, которые вновь были обмазаны с боков глиной и выкрашены у пола в черный цвет, а выше — в красный.

Оставление комплекса 38.3 сопровождалось ритуалами. Уникальная архитектурная деталь в форме протомы быка была найдена в помеще-

нии 38 на слое штукатурки перед подиумом. Вероятно, первоначально скульптура стояла слева в проеме, а затем была сброшена вниз. Основу детали составляли сырцовые кирпичи, обмазанные глиняной массой, которой были приданы очертания стилизованной фигуры быка. Небольшие глиняные рога были отбиты при падении. Поверхность скульптуры неоднократно покрывалась черной краской. На правом боку фигуры по последнему слою краски был нанесен резной орнамент (техника сграффито) в виде восьми расположенных друг над другом извивающихся белых змей.

У северного угла тумбы на полу парадной комнаты 38 были намеренно оставлены медные изделия: обломок ножа, наконечник дротика и уникальный для энеолитических памятников Ближнего Востока IV тыс. до н.э. проушной топор-тесло (Solovyova et al. 1994: fig. 1:4,19).

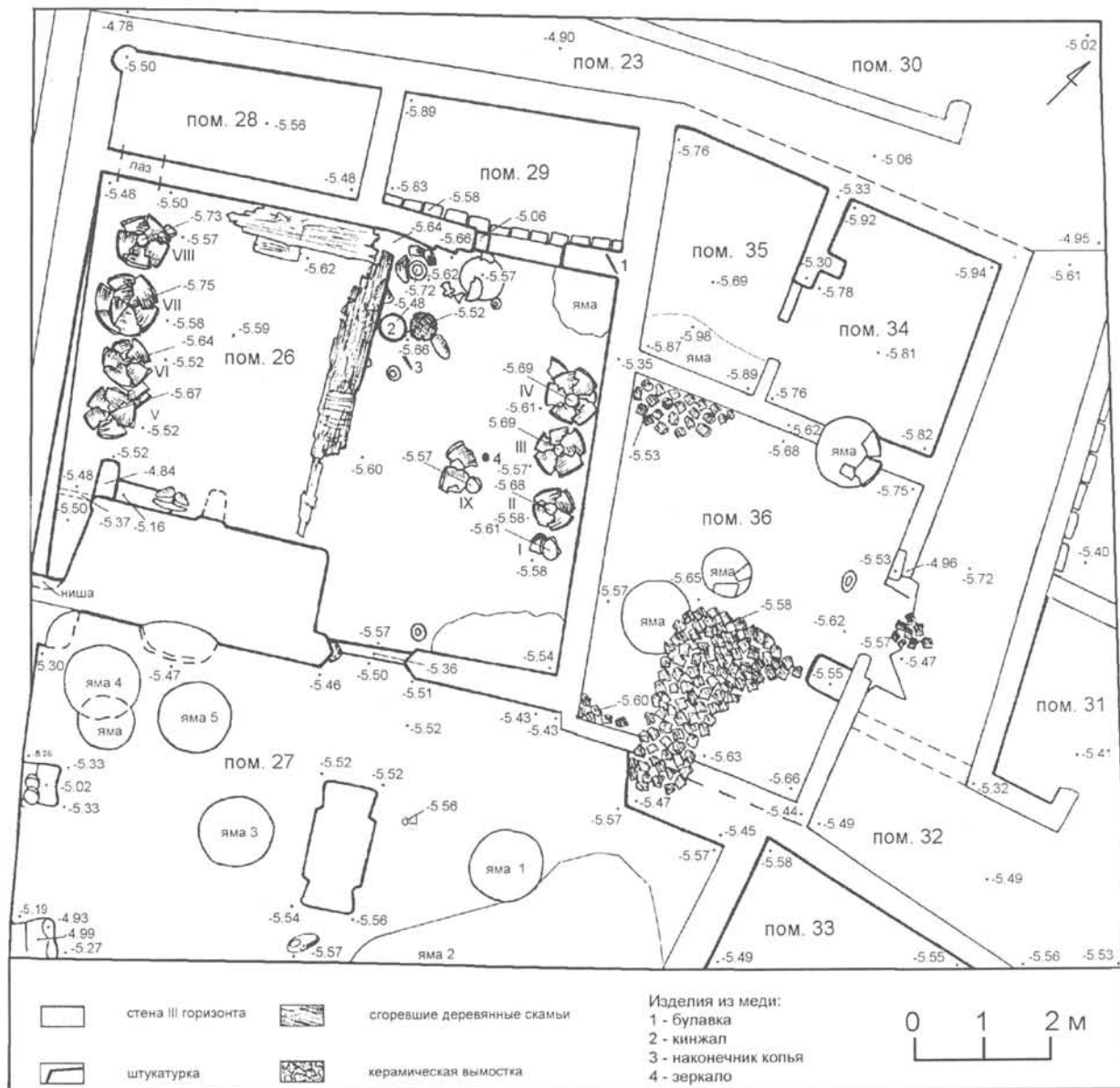

Рис. 6 Раскоп 3, горизонт IV, план.

Fig. 6 Excavation 3, level IV, plan.

Рядом с медными предметами была положена верхняя часть терракотовой женской статуэтки ялангачского времени. Пол парадного помещения был засыпан глиной с пеплом и устлан кусками штукатурки. Архитектурные детали (кроме протомы быка и верхней части алтаря) были намеренно разрушены, вход в комнату заложен сырцовыми кирпичами, в центре помещения был разведен костер, а затем весь комплекс 38.3 забутовали двумя рядами сырцовых кирпичей, взятых, видимо, из его же стен.

Комплекс 26.3, относящийся к горизонту IV (рис. 6—8), был возведен над “погребенным” комплексом 38.3 и несколько уступал ему в размерах (около 42 кв. м). Новое домохозяйство включало крытый парадный двор 27, два подсобных помещения 28 и 29, две жилые (?) комнаты 34, 35 и хозяйственный двор 36. Располо-

жение внешних стен и дверных проемов комплекса, а также его ориентация в пространстве практически полностью совпадают с аналогичными характеристиками предшествующего блока строений.

Детали внутреннего убранства раннего периода бытования комплекса 26.3 не сохранились. Вход в его парадную комнату имел сырцовое крыльцо в одну ступеньку и округлые косяки дверного проема (рис. 8: горизонт IV-Б).

На раннем этапе к юго-восточной стене парадного двора 27 был пристроен сырцовый стул (рис. 8), а сырцовое крыльцо в одну ступеньку перед входом в хозяйственный двор 36 имело значительную длину.

После капитального ремонта уровень пола во всех помещениях был поднят на 0,2 м (рис. 6). После перестройки изменилось также офор-

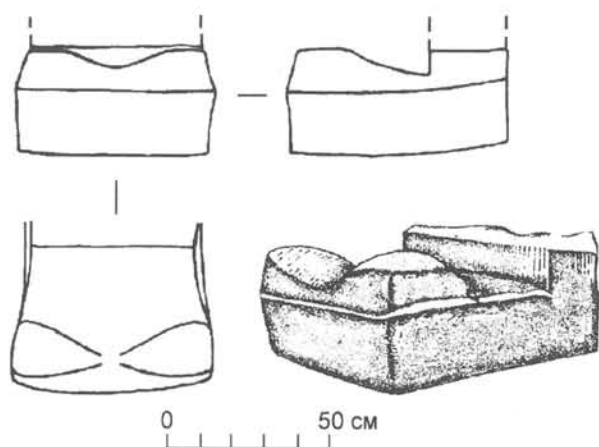

Рис. 7 Раскоп 3, горизонт IV, помещение 27, сырцовый стул.

Fig. 7 Excavation 3, level IV, room 27, adobe chair.

вление входа в парадную комнату 36: крыльцо перед входом было перекрыто новым полом; появился овальный порог из сырцовых кирпичей, окрашенных в черный цвет; справа от входа в пол вмазали каменную ступку, служившую подпятником; оштукатуренные косяки дверного проема приобрели треугольную форму; в парадном дворе 27 количество сырцовых стульев (рис. 7) увеличилось до 2, а крыльцо перед входом в хозяйственный двор 36 уменьшилось почти в два раза.

На позднем этапе существования комплекса его стены, сохранившиеся на высоту немногим менее 1 м, были оштукатурены. На высоте около 0,2 м от пола они имели горизонтальный рельефный выступ и были окрашены (за исключением небольшого участка северо-западной стены) от пола до выступа в черный, а выше выступа — в белый цвет. Пол и порог парадной комнаты 26 неоднократно покрывали черной краской. Толща промазок пола превышает 0,15 м. Внутри помещения находились обугленные остатки двух деревянных окрашенных красной краской скамеек. Одна из них располагалась вдоль северо-западной стены, другая — разделяла комнату на две части. Параллельно ей вдоль северо-восточной и юго-западной стен стояли в лунках восемь (по четыре у каждой стены) расписных хумов с зерновкой ячменя.

В северо-западной стене помещения 26 напротив входа на высоте около 0,5 м сохранилась нижняя часть широкого проема. Участок стены под проемом, заключенный между вертикальными декоративно-рельефными выступами, не имел горизонтального ребра и на всю высоту был выкрашен в черный цвет. Поверх последнего слоя краски на стену был нанесен резной

орнамент, состоящий из трех рядов (по восемь в каждом) белых кругов на черном фоне.

На полу у стены с росписью находился сырцовый диск (диаметром 0,6 м), возможно, служивший алтарем. На нем лежал расписной сосуд, диаметр венчика которого совпадает с диаметром кругов на росписи. Слева от диска в лунке с сырцовым бортиком стоял небольшой расписной хум. Две расписные миски лежали на полу перед алтарем. Рядом с одной из них были поставлены две большие стилизованные антропоморфные статуэтки из необожженной глины, изображающие стоящих людей. Между алтарем и скамьей находились остатки двух предметов, напоминающих круглые основания колонн, причем один из них сделан из ствола дерева, а другой из необожженной глины, смешанной с угольками и обломками керамики. Оба предмета выкрашены с боков красной краской. Рядом лежали каменный сосуд и обломок зернотерки.

Значительную часть левой половины комнаты 26 занимала пристроенная к ее юго-восточной стене тумба, имевшая такой же рельефно-расписной декор, как и стены комплекса. На фасаде тумбы был вылеплен прямоугольный пилеастр. К ее западному углу пристроен декорированный контрфорс. Между ними находилась небольшая прямоугольная печь из сырца и камня с топкой, поддувалом и остатками провалившегося дымохода. Верхняя и боковая поверхности печи были выкрашены в красный цвет. На ней стояла скульптура женщины. Голова изваяния, сделанного из белого песчаника, была отбита.

В южном углу помещения 26 за тумбой устроена узкая глубокая камера, отгороженная от комнаты невысоким овальным порогом. Сохранившаяся часть юго-западной боковой стены тумбы полусводом нависала над камерой. На черном полу камеры лежали рог быка, камень и сосуд.

Из комнаты 26 в подсобное помещение 28 вел лаз (0,6 x 0,4 м), сделанный в западном углу парадной комнаты (как попадали в полуподвальное помещение 29, пол которого в горизонте V был поверхностью "подиума", осталось неясным). Полы и длинные стены подсобных помещений 28 и 29 были оштукатурены и выкрашены в черный цвет. В западном углу помещения 28 в небольшой округлой нише лежал череп джейрана.

Стены крытого парадного двора 27 имели такой же рельефный декор, как и стены парадной комнаты 26. Поверхность двора многократно промазывали глиной, а на позднем этапе его существования покрывали черной краской. В центре двора напротив входа в парадную комнату 26 находилось основание прямоугольной

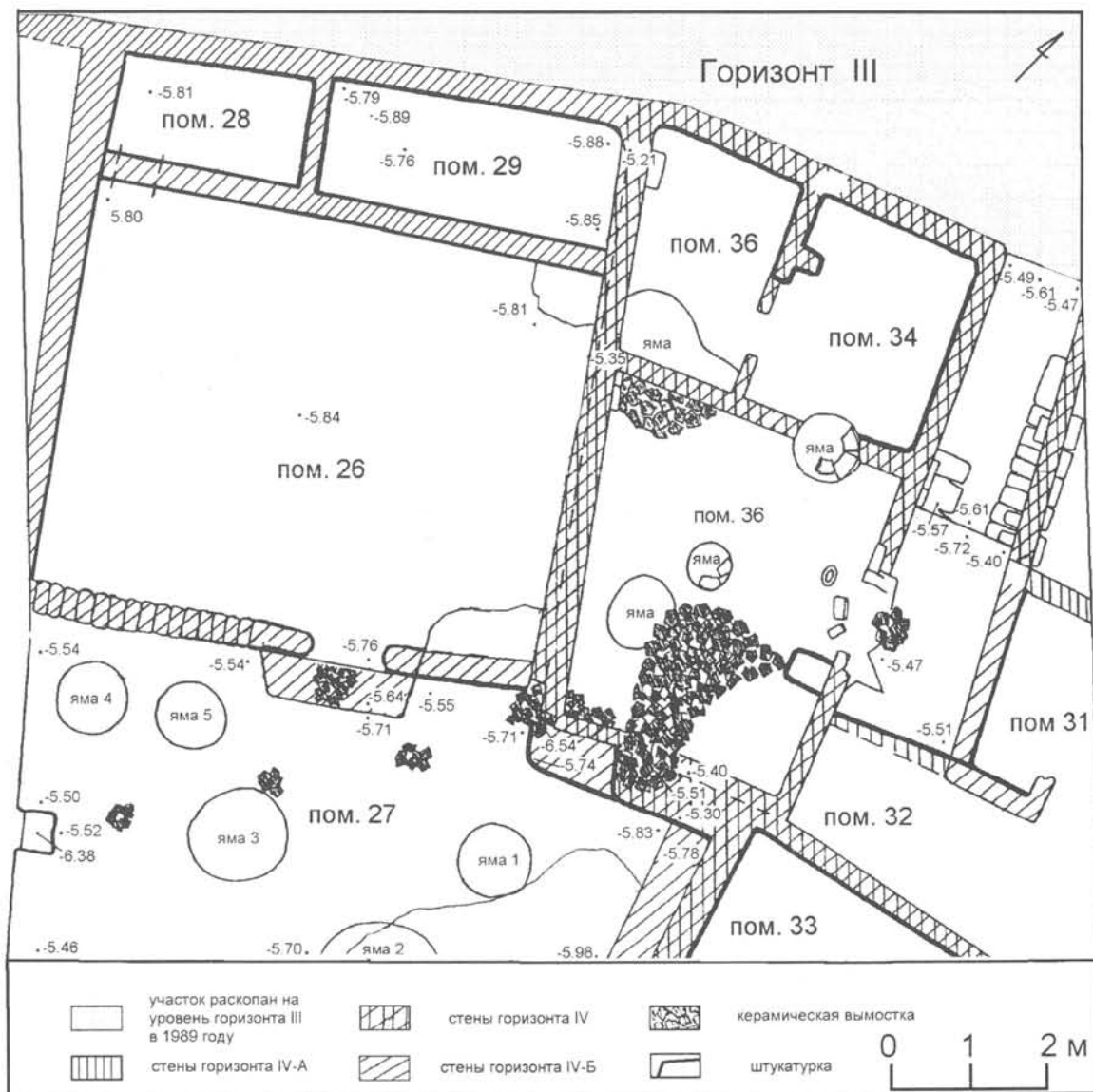

Рис. 8 Раскоп 3, горизонты IV, IVA и IVB, план.

Fig. 8 Excavation 3, levels IV, IVA, IVB, plan.

сырцової конструкции (опора для перекрытия?), боковые поверхности которой были оштукатурены и окрашены в черный цвет. К юго-западной стене были пристроены два (до ремонта один) стула из сырцовых кирпичей и необожженной глины (рис. 7). Их прямые спинки сохранились плохо; сиденья с небольшой вмятиной в центре имеют форму трапеции, основанием которой является передняя грань стула. На краях сидений вылеплены два сходящихся друг к другу каплевидных валика, а на боковых поверхностях оснований стульев — рельефный выступ, аналогичный настенному.

Стены жилых комнат 34 и 35 оштукатурены, их полы промазаны глиной. Поверхность хозяйственного двора 36 вымощена битой керамикой. Во дворе имелся дополнительный выход на улицу (помещение 32). Справа от выхода у северо-восточной стены двора 36 сохранилось основание прямоугольной сырцовой

конструкции. Его боковые поверхности были оштукатурены.

Оставление комплекса 26.3 связано с ритуальными действиями. В отличие от комплекса 38.3, все детали интерьера помещений были сохранены, вещи оставлены на местах (или специально расставлены), на пол преднамеренно положили изделия из меди: зеркало, наконечник копья, обломок ножа (Solovyova e.a. 1994: fig. 1-6,8,15) и верхнюю часть терракотовой женской статуэтки; пол усыпали зернами злаков и выстлали хворостом; после чего здание подожгли. После пожара его пол засыпали толстым слоем чистой глины, поверх которой набросали куски штукатурки. Затем стены комнаты 26 разобрали, на ее северо-западную стену положили обломок витой медной булавки (Solovyova et al. 1994: fig. 2-2), заложили вход и, наконец, оставшуюся часть здания забутовали кирпичами, взятыми из его же стен.

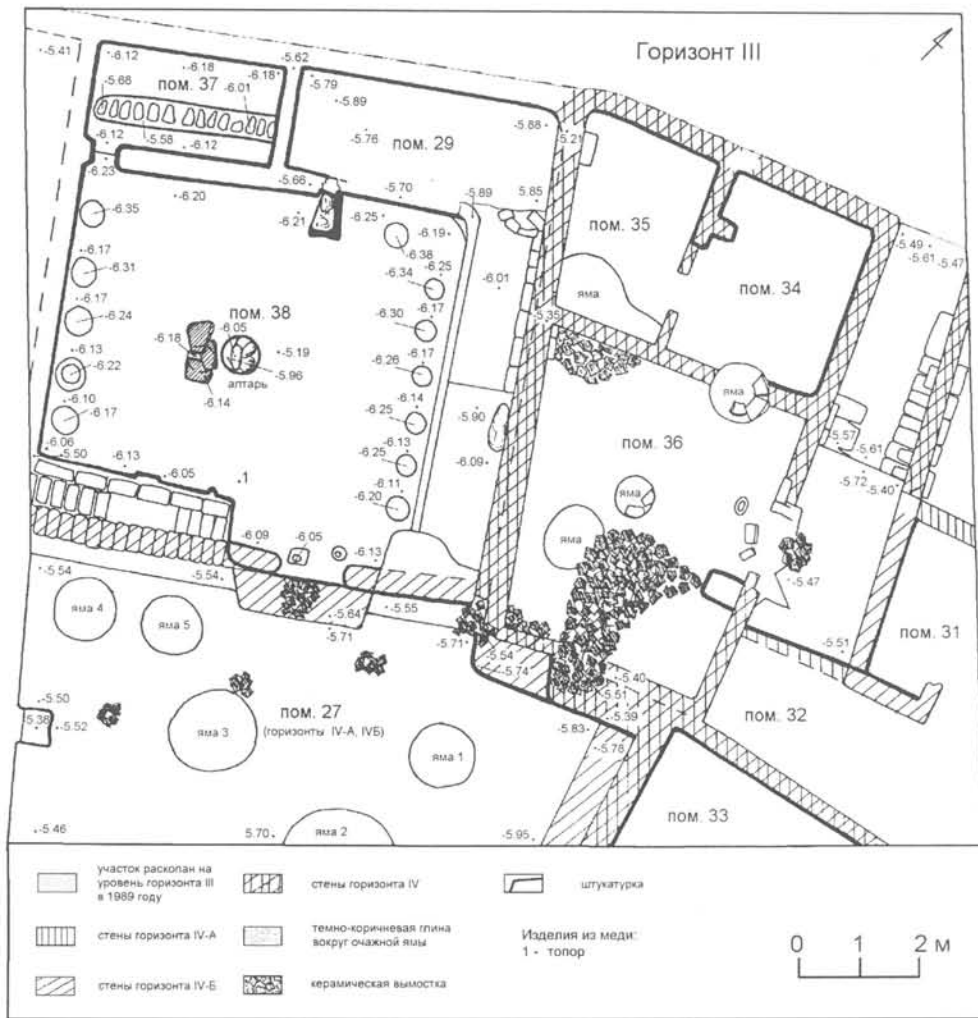

Рис. 9 Раскоп 3, горизонты IV, IVA, IVB, V, план.

Fig. 9 Excavation 3, levels IV, IVA, IVB, V, plan.

Комплекс 14.3, горизонт III (рис. 5) — следующее по времени существования после комплекса 26.3, самое крупное ритуальное сооружение на раскопе 3. Площадь парадной комнаты 14 составляет 51 кв.м. Помимо парадной комнаты 14, домохозяйство включало два подсобных полуподвальных помещения 24 и 25 и парадный двор 13. Что касается строений раннего периода, расположенных за северо-восточной стеной помещения 14 (жилые — 10, 12 и подсобные — 11, 15/16), то они конструктивно не связаны с комплексом, и судить об их принадлежности к домохозяйству можно лишь по аналогии с ранними ритуальными сооружениями. Ориентация помещений в пространстве и расположение входа в комплекс 14.3 повторяют особенности планировки более ранних домохозяйств.

Парадная комната 14 была выстроена на платформе, возвышающейся на 0,5 м над уровнем пола двора 13. Перед входом в помещение 14 было сооружено массивное крыльцо в две ступени из обмазанных глиной сырцовых кирпичей. Нижняя широкая ступень, состоявшая

из двух частей, сделана на всю длину юго-восточной стены помещения 14; верхняя — равна по ширине его дверному проему.

Плохо сохранившиеся стены комплекса 14.3 многократно оштукатурены и выкрашены (кроме юго-западной стены) в черный цвет. Черными были и многочисленные промазки пола, в котором вдоль северо-восточной и юго-западной стен сделаны, соответственно, пять и четыре углубления для сосудов. Еще одна такая же ямка находилась между северо-западной стеной и торцом самой большой скамьи, выстроенной вдоль северо-восточной стены комнаты 14. Две другие скамьи, стоявшие в этом же помещении, располагались как и в комплексе 26.3. Все скамьи сделаны из сырцовых кирпичей, обмазанных толстым слоем глины. Из глины же вылеплены края сидений и ножки скамей. Пространство между ножками скамей было выкрашено в черный цвет, а сами ножки и сиденья — в красный. Юго-восточный торец правой (по отношению к входящему) скамьи полукольцом охватывал венчик вкопанного в пол расписного хума. К центральной скамье

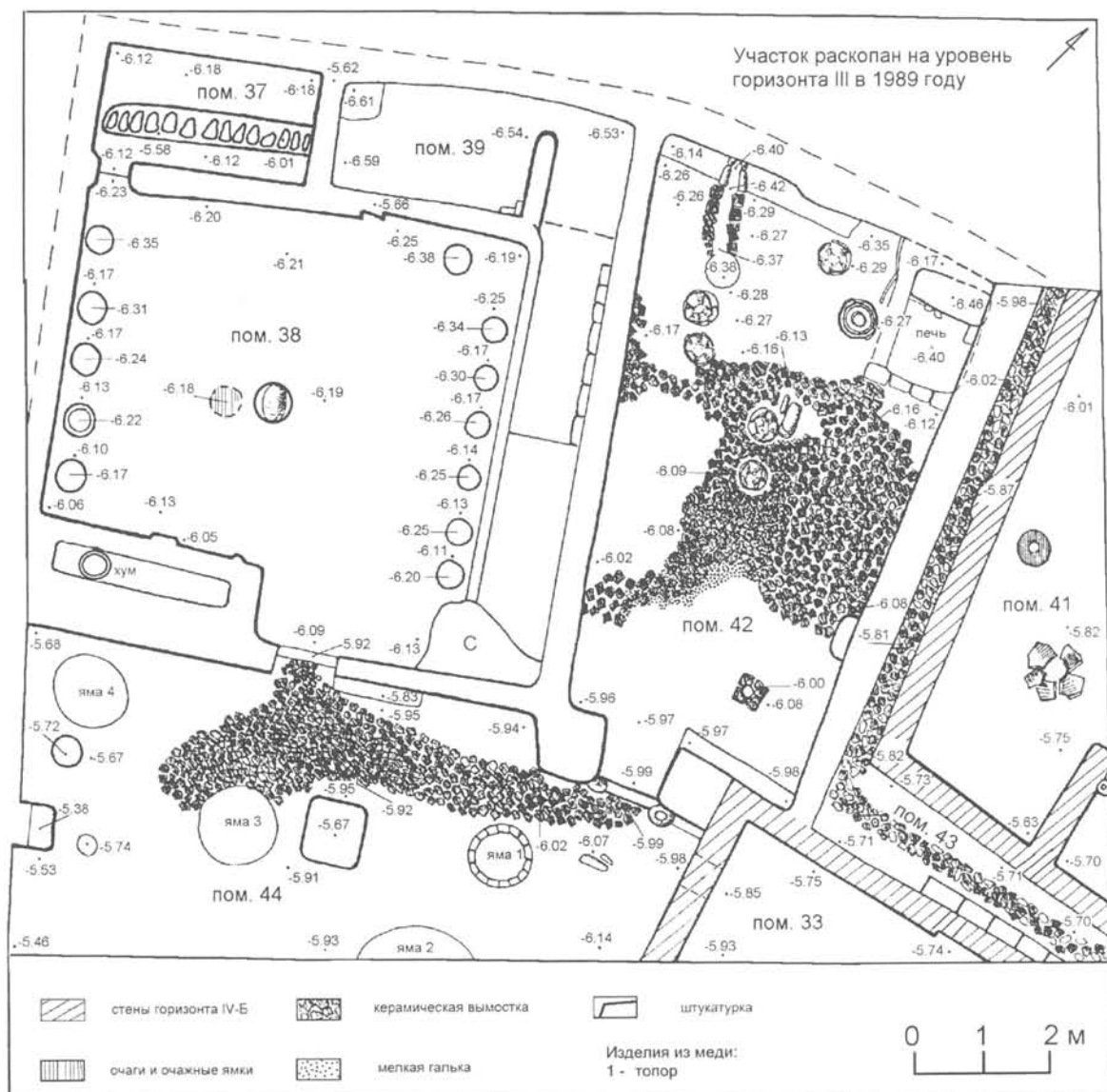

Рис. 10 Раскоп 3, горизонты V, VA, VB, план.

Fig. 10 Excavation 3, levels V, VA, VB, plan.

была пристроена оштукатуренная с боков прямоугольная конструкция из сырцовых кирпичей, вероятно, служившая опорой для перекрытия.

Слева от входа у юго-восточной стены помещения 14 находилась прямоугольная тумба. Ее фасад и боковые поверхности были оштукатурены и выкрашены на всю сохранившуюся высоту в черный цвет. Рельефный декор на тумбе и стенах помещений отсутствовал. Тумба была сконструирована из мусора и кусков штукатурки с рельефно-расписным декором.

В центре левой половины комнаты 14 находился дисковидный очаг-жертвенник с обмазанной глиной лункой и бортиком, окрашенным снаружи черной краской. Высота очага достигала 0,12 м. В западном углу помещения 14 сохранилась нижняя часть прохода (лаза?) ведущего в подсобные помещения 24 и 25. Перед лазом располагался высокий овальный порог.

Стены помещений были оштукатурены и окрашены так же как и полы в черный цвет. В порог были вертикально воткнуты кости конечностей мелких парнокопытных животных.

Под верхним полом парадной комнаты 14, у ее юго-западной стены (ближе к западному углу) были найдены лежащие вместе 11 небрежно вылепленных изделий из необожженной глины с отверстиями в центре (буллы?).

Поверхность парадного двора 13 многократно промазывали чистой глиной. В его юго-западной части сохранилось основание овальной сырцовой конструкции, боковая поверхность которой как и стены двора была оштукатурена.

Перед оставлением комплекса 14.3 скамьи были тщательно укрыты снятой со стен штукатуркой, на пол положены верхняя часть терракотовой женской статуэтки и шесть пряслиц, после чего все помещение было забутовано

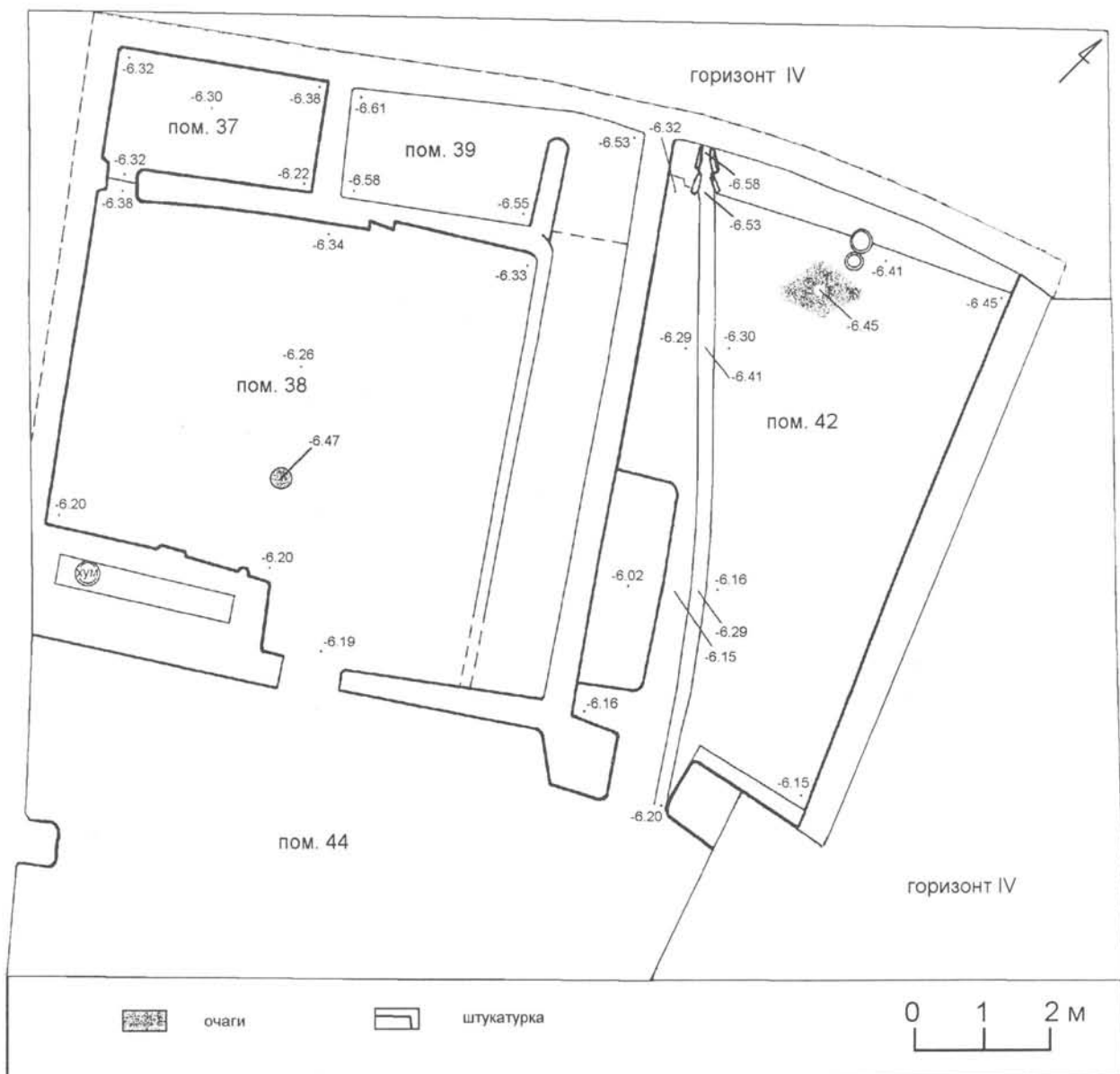

Рис. 11 Раскоп 3, горизонты VA, VB, план.

Fig. 11 Excavation 3, levels VA, VB, plan.

двумя рядами кирпичей, взятыми из его же стен.

Комплекс 18.3, горизонт II (рис. 4) — самый верхний и хуже всех сохранившийся. Площадь парадной комнаты 18 составляет 47 кв.м. О планировке домохозяйства, частью которого являлся комплекс 18.3, судить затруднительно, поскольку находившаяся на месте парадного двора более поздняя мусорная яма, уничтожила строения, а помещения, расположенные к северо-востоку от комплекса 18.3, подверглись значительной перестройке (была разобрана даже северо-восточная стена парадной комнаты). Домохозяйству принадлежали лишь подсобные помещения 19 и 20. Возможно, что аналогич-

ные помещения были выстроены на раннем этапе существования комплекса вдоль его юго-восточной стены, где сохранились остатки кладки высотой в полкирпича. Стены парадной комнаты 18 возведены практически на стенах более нижнего здания 14.3.

Вход в помещение 18 по традиции находился в юго-восточной стене комнаты, но из-за плохой сохранности ничего нельзя сказать о его оформлении. Пол в парадном помещении имеет черный цвет, толщина его промазок составляет более 0,1 м. Углублений в полу не обнаружено. Сохранившиеся неоднократно оштукатуренные стены помещения 18 не имели рельефного горизонтального ребра и были ок-

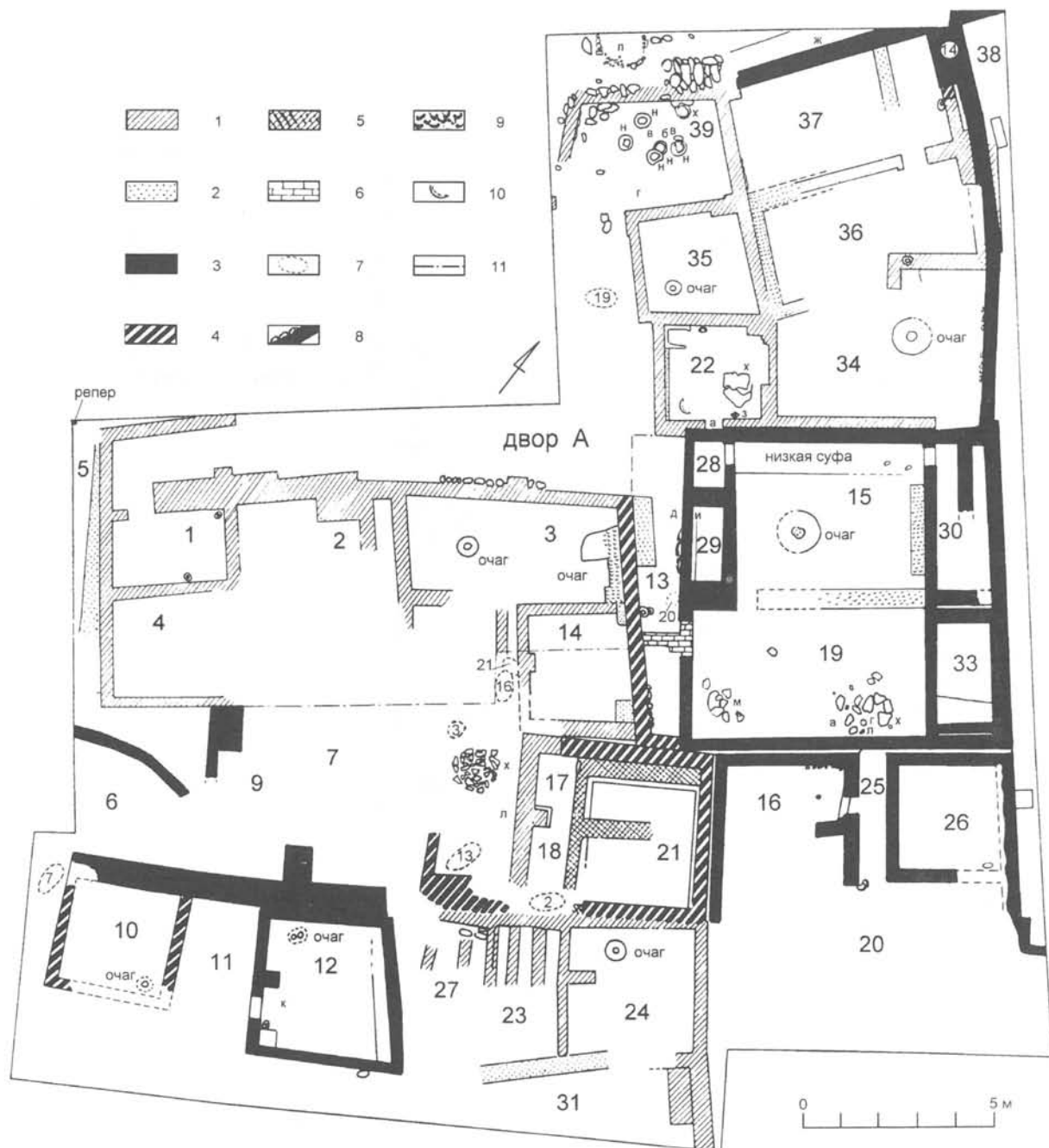

Рис. 12 Раскоп 4. Горизонты I—III. Юго-восточная часть. План. Заливкой обозначены стены горизонта III, штриховкой — более поздние стены. Останец третьей скамьи в комплексе 15/19 не показан. Более ранние и более поздние стены горизонта II в помещениях 3, 14, 22, 34, 35, 38 не разделены.

Fig. 12 Excavation 4, southeastern part, plan. Walls of level III are shown black, later walls are hatched. The remains of the third bench in complex 15/19 is not shown. Earlier and later walls of level II in rooms 3, 14, 22, 34, 35, and 38 are not separated.

рашены лишь по первому слою штукатурки: на высоте примерно 0,1 м от пола по всем стенам проходила черная полоса шириной 0,15–0,2 м, над которой на северо-западной стене местами прослежена узкая (0,01 м) полоска красной краски.

Слева от входа в парадную комнату 18 прослежено основание мощного квадратного контрфорса юго-восточной стены со штукатуркой и расписным декором, аналогичным настенному. Вероятно, контрфорс держал основ-

ную тяжесть перекрытия. Из юго-восточной стены помещения 18 выступал миниатюрный прямоугольный пилеастр, а из юго-западной стены — два таких же пилеастра. На северо-западной стене комнаты находился вертикальный декоративный выступ.

Красная глиняная скамья, протянувшаяся от северо-западной стены до контрфорса при входе, разделяла помещение 18 на две части. Вдоль северо-западной стены комнаты находилась вторая скамья, расположенная под пря-

мым углом к первой. Обе скамьи имели рельефно-расписной декор, аналогичный декору скамьи комплекса 14.3. Справа у центральной скамьи стояли два расписных хума. По углам скамеек в левой половине комнаты 18 в пол были вмазаны два каменных сосуда, у которых намеренно пробили донца.

В левой половине помещения 18 в полу был сооружен большой сырцовый дисковидный очаг-жертвенник с ямкой в центре и бортиком. Его диаметр составлял 1,5 м. В южном углу парадной комнаты 18 на уровне нижнего пола была отгорожена камера (1,2 м x 1,1 м) с узеньким входом и миниатюрным каменным подпятником возле него. Камера имела невысокие оштукатуренные стенки. На позднем этапе существования комплекса она была заложена кирпичами.

На стенах и полах узких подсобных помещений 19 и 20 нет следов штукатурки или краски. Лишь стены отгороженного невысоким порогом отсека в западном углу комплекса были оштукатурены. Проход, из отсека в помещение 19 на позднем этапе существования комплекса заложен и оштукатурен снаружи. Площадь помещения 20 была уменьшена за счет переноса его северо-восточной стены, но, возможно, эта перестройка была связана с сооружением помещения 1, когда описываемый комплекс уже не существовал.

На полу парадной комнаты 18 была найдена верхняя часть терракотовой женской статуэтки. Еще одна, целая, стилизованная статуэтка, изображающая сидящую женщину, была найдена под юго-восточной стеной помещения 20. У центральной скамьи лежали две медные проколки и обломок медного ножа (Solovyova et al 1994: fig.2-9,17). Перед оставлением комплекса 18.3 его скамьи были укрыты кусками штукатурки, а помещение забутовано кирпичами и засыпано мусором.

Комплекс 58.5 относится к горизонту IIБ раскопа 5, соответствующему горизонту IVA раскопа 3 (рис. 17). Постройка является одним из самых маленьких домовладений. Его площадь составляет 18 кв.м. На юго-востоке здание ограничено стеной улицы. Часть юго-западной стены комплекса 58.5 одновременно является северо-западной стеной комплекса 10.5. Выход из помещения 58 вел на северо-восток во двор 61. Северо-восточная часть двора и дополнительные помещения того же домохозяйства (если они были) не раскопаны. Если предположить, что в горизонте IV улица проходила примерно там же, где и в горизонте III, общая площадь домохозяйства, возможно, составляла 80-90 кв.м. В расчищенной части двора 61, главным образом, перед ступенью, ведущей в дом, имеется вымостка из тонкостенных черепков

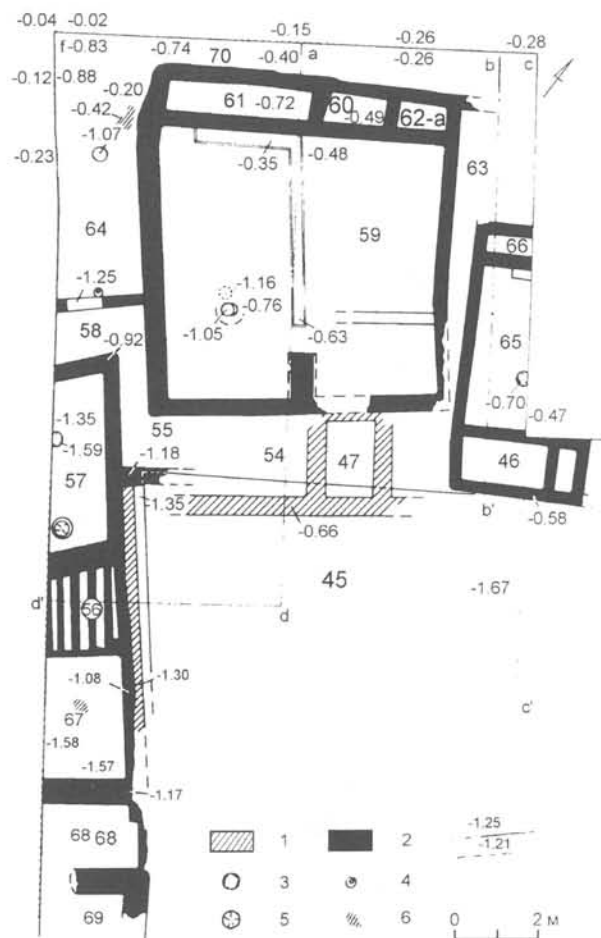

Рис. 13 Раскоп 4. Северо-западная часть. План горизонта I. Заливкой обозначены более ранние, штриховкой — более поздние стены.

Fig. 13 Excavation 4, northwestern part. Plan of level I. The earlier walls are shown black, the later ones are hatched.

керамики. Между стеной, отделяющей это домохозяйство от постройки, примыкающей к нему с северо-запада, и самим зданием 58.5 находится узкое междудомное пространство 62. В нем найдены крупные фрагменты керамики, каменные орудия и три "подставки для очага".

Стены помещения 58 несколько раз покрывали новыми слоями штукатурки и черной краски. На стене дома, обращенной к улице, следов краски не найдено. Черное покрытие сохранилось на внешней поверхности участка стены, обращенной во двор. В правом от входа углу помещения 58 находилась прямоугольная конструкция (100 x 85 см), примыкавшая к северо-западной стене (признак 16). Она была сложена из кирпичей, поставленных на ребро и ориентированных по оси северо-запад — юго-восток. Эта конструкция возвышалась не менее, чем на 30 см от пола. Снаружи и местами внутри (желоб между двумя рядами кирпичей)

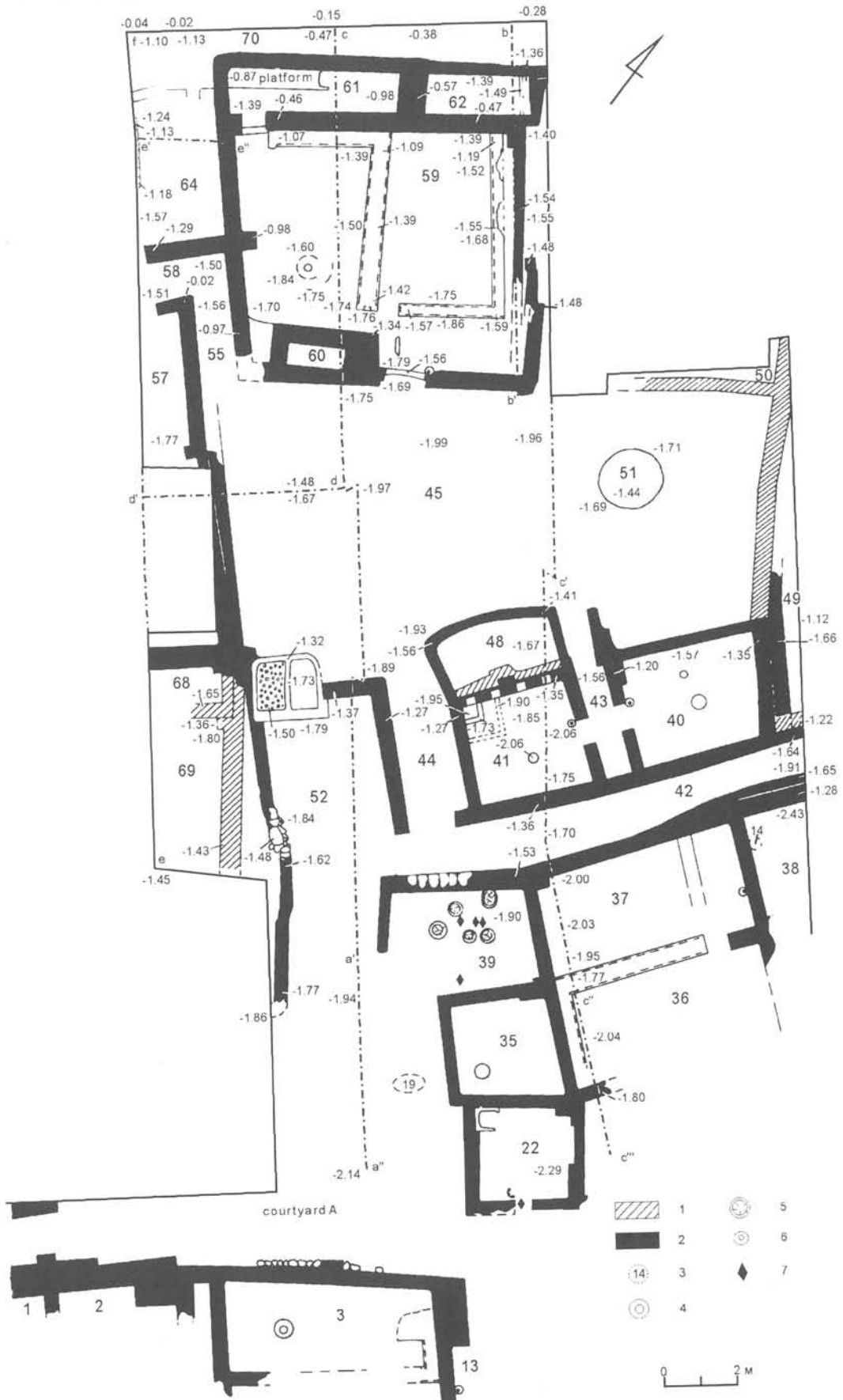

Рис. 14 Раскоп 4. Северо-западная часть. План горизонта II. Заштрихованы более поздние стены в пределах того же горизонта.

Fig. 14 Excavation 4, northwestern part. Plan of level II. The later walls within this level are hatched.

она была окрашена в черный цвет. Несмотря на небольшие размеры, здание 58 имело такую же тумбу с декором по штукатурке (признак 17), как и в более просторных парадных комплексах горизонтов IV и V (рис. 18). В верхней части заполнения тумбы обнаружено скопление мелких фрагментов тонкостенной керамики (признак 22).

Помимо остатков хума, установленного в ямке, вырытой в полу неподалеку от западного угла комнаты, близ юго-западной стены помещения возвышался сырцовый объект непонятного назначения. Его основание было вмазано в пол. Перед разрушением здания 58.3 целых предметов в комнате не оставили. Ее засыпали слоем строительного мусора толщиной 20-25 см, который перекрывала желтоватая золистая прослойка. Над ней обнаружены обломки рухнувших стен и много костей животных, преимущественно куланов.

Комплекс 10.5 относится к горизонту ПБ раскопа 5, соответствующему горизонту IVA раскопа 3 (рис. 17). Домовладение располагалось между комплексами 58.5, 26.5 и улицей. Оно имело площадь 27 кв.м. Участок поселения, примыкающий к помещению 10 с северо-запада, не раскопан на уровне горизонта IVA. Площадь домовладения 10.5 вместе со двором (помещения 60, 23) составляет 50 кв.м. Парадное помещение 10 внутри сильно повреждено ямами горизонта II. Комплекс 10.5 не имел боковых камер. В узком дворе 60 между стеной улицы и юго-восточной стеной здания обнаружен вкопанный кухонный сосуд. Выход из двора не прослежен. Он мог находиться примерно там же, что и в горизонте ПБ, соединяя двор с улицей. Уникальной особенностью комплекса 10.5 является круглая башня, частью вписанная в объем тумбы, а частью выступающая во двор 23. Она была сложена из поставленных на ребро сырцовых кирпичей и имела кирпичный пол. В пределах сохранившейся части башни (около 1 м в высоту) входного проема не было. На полу башни на подсыпке стоял хум, отсутствием росписи и пропорциями отличавшийся от обычных крупных сосудов для хранения припасов. Тумба со стороны помещения была разрушена почти полностью. Однако ее сохранившееся основание, скошенное внутрь и окрашенное в черный цвет, позволяет реконструировать декор тумбы по образцу соседних комплексов 26.5 и 58.5 (рис. 18). В полу помещения 10 перед входом был вертикально установлен обломок крупного куранта. Он был закреплен галькой, для придания ему устойчивости. Вдоль северо-западной стены помещения 10 выявлены три углубления для хумов. В небольшом сырцовом отсеке находившемся в восточном углу этой же комнаты найдены

самое крупное на Илгынлы-депе медное лезвие и два медных пробойника (Solovyova et al. 1994: figs.1:1, 2:10, 12).

Позднее (горизонт ПА раскопа 5, соответствующий ранней стадии горизонта III раскопа 3) комплекс 10.5 (рис. 19) был перестроен, после чего его площадь увеличилась до 30 кв.м, а вместе со двором (помещения 23 и 60), за счет переноса на 60 см северо-западной стены, — до 55 кв.м. Новая тумба не имела декора. В остальном планировка не изменилась. Во дворе местами прослежена вымостка из фрагментов толстостенной керамики. В западном углу двора вдоль северо-западной стены выделена небольшая каморка. Ее наличие исключает возможность существования прохода между дворами 23 и А. Выход из двора 23 вел, вероятно, на улицу, однако он не был выявлен. В кладке северо-восточной стены помещения 10 была сделана выемка, служившая очажком. На штукатурке этой стены отмечены следы белого покрытия. В этом горизонте интерьер помещения 10 поврежден поздними ямами еще больше, чем в предшествующем горизонте. Комплекс 10.5 сгорел или, скорее всего, был намеренно сожжен вместе с соседним комплексом 26.5. Горели крупные деревянные конструкции или поленья толщиной до 10 см. Д.В.Громыко определил, что они принадлежали трем или четырем видам лиственных деревьев. Во дворе 23 между круглой башней и стеной комплекса 26 найдены скопления обугленного ячменя (тысячи зерновок). В помещении 10 и во дворе были обнаружены расчлененные части скелетов не менее трех человек (погребения 67-69) и два скопления человеческих костей, включавшие черепа (погребения 35, 36). В одном из них найдена чаша ялангачского времени. Кости людей не обуглены.

Комплекс 26.5 относится к горизонту ПБ раскопа 5, соответствующему горизонту IVA раскопа 3 (рис. 17). Здание одновременно обоим этапам существования домовладения 10.5. Комплекс 26.5 похож на святилища 38.3 и 26.3, но по площади (53,5 кв.м) он на треть меньше их. По оси камеры 51, располагавшейся вдоль противоположной входу стены дома 26.5, стояла узкая сырцовая конструкция высотой 60 см. Сверху на ней выявлены остатки ячеек скорее всего таких же, как у конструкции в камере 37 комплекса 38.5. Соседняя камера 50 сначала была углубленным "подвалом" (рис. 17), а затем представляла собой окрашенный черным подиум, открытый через проем в сторону комнаты 26 (рис. 19). Массив подиума был частью заполнен крупными фрагментами придонных частей хумов. Позже (перед оставлением комплекса?) проем замуровали, но не заложили сырцом, а заполнили мусором, скрыв его

под слоем штукатурки и черной краски. В полу комнаты 26 (рис. 17) обнаружено 11 лунок для хумов, в четырех из которых еще находились нижние части сосудов. Здесь же найдено пять ступок для растирания охры, из которых три лежали на полу, одна — внутри хума, а еще одна была вмазана в пол. Тумба 52 имела расписной и рельефный декор (рис. 18). Ее верхняя часть была заполнена битой керамикой. В северо-восточной стене комнаты 26 слева от проема в штукатурке был выделен вертикальный уступ. На правой боковой стене помещения 26 следов краски не обнаружено. Его левая боковая стена была почти целиком разрушена в древности. Перед входом в комнату из пола выступала женская статуэтка из известняка, закрепленная небольшим камнем. Рядом с ней было рассыпано около 0,5 л пшеницы. В других местах на полу помещения 26 найдены лишь зерновки ячменя. Согласно определениям З.В.Янушевич и Е.В.Сергушевой, найденная пшеница относится к виду мягкая карликовая (*Triticum estivo-comtractum*), а ячмень относится к виду голозерный с примесью пленчатого вида (*Hordeum vulgare*).

Уникальной особенностью комплекса 26.5 является лаз высотой 35-40 см, соединявший камеры 51 и 50 с основным помещением 26, а также обе эти камеры между собой. Лаз был сделан при возведении стен, а не пробит позже. После того, как на месте камеры 50 был сооружен подиум, ведущий в нее лаз засыпали, положив со стороны камеры в верхнюю часть его заполнения голову (череп?) козла. Ни очага, ни глиняных скамей в комнате 26 не было. В ее заполнении найдены остатки перемещенной с первоначального места платановой, по определению Е.С.Чавчавадзе, балки длиной не менее 2 м и сечением 25 x 15 см. Одну из ее широких и обе узкие поверхности покрывала красная охра. Скопления крупных фрагментов обугленного дерева располагались также у тумбы 52 и перед проемом. Часть этих фрагментов, находившихся перед проемом, сохраняла следы красной охры. Имеем ли мы дело с остатками скамьи или скамей, не ясно. Расположение лаза исключало во всяком случае возможность установки подобной скамьи в обычном месте поперек комнаты. Очаг в помещении 26 отсутствовал. Двор перед входом в дом был покрыт слоями обмазки и не имел вымостки. Скорее всего его перекрывал навес. Между зданием 26.5 и стеной улицы располагалось помещение 54, имевшее, очевидно, отдельный выход во двор.

Находки в здании свидетельствуют о ритуалах, связанных с оставлением комплекса. Перед каждым из трех выходов, соединявших комнату 26 с камерами (проход в помещение

51, лаз, замурованный проем) было положено небольшое медное лезвие. Перед проемом находилось скопление каменных орудий и изделий, а также три разбитые чаши. Форма и роспись двух чаш типичны для ялангачского времени. Третья чаша имела круглое дно, подтреугольное сечение и необычную роспись. Как эта чаша, так и один из каменных сосудов имели, на венчике (зооморфный?) выступ, который был позже отбит. Крупное медное лезвие (Solovyova et al. 1994: fig.1:2) лежало у стены помещения 54. Угли от пожара прослеживались на всей площади комнаты 26 и в камере 51. Поверх углей найдены разрозненные черепа и кости взрослых и детей (погребения 59-61, 70, 71), а также целые скелеты младенцев (определения А.К.Каспарова) возрастом один месяц (погребение 58) и четыре-пять месяцев (погребение 64). Скелеты находились в необычном положении: распростерты на спине с закинутыми за голову руками. На большинстве костей, кроме нескольких фаланг пальцев взрослых, следов огня не отмечено. В западной части помещения 26 перед проемом и тумбой 52 слой с костями и углями был перекрыт забутовкой из положенных на ребро и косо размещенных относительно стен сырцовых кирпичей. Лишь после этого здесь стал накапливаться строительный и бытовой мусор.

Комплекс 12.4 находится на раскопе 4 и соответствует горизонту III раскопа 3 (рис. 12). Это однокомнатное здание площадью всего лишь 13 кв.м примыкает к массивной стене, расположенной сразу же за северо-западной стеной комплекса 12.4. Данный участок поселения был раскопан в 1986 г. Б.Н.Удеумуратовым, подробностями о работах которого мы не располагаем. Две (разновременные?) очажные ямки без выраженного кругового обрамления выявлены в полу недалеко от левого ближнего угла помещения 12. Женский идольчик, вкопанный в пол этой комнаты перед выходом, аналогичен статуэтке или удлинённому камню в других комплексах горизонтов IV и III.

Комплекс 55.5 относится к горизонту IIА раскопа 5, соответствующему ранней стадии горизонта III раскопа 3. После разрушения комплекса 58.5 его тумба и прилегающая к ней часть северо-восточной стены дома были использованы как перегородки внутри прямоугольного здания 55.5 площадью 21 кв.м (рис. 19). Вместе с двориком 56 площадь домовладения 55.5 составляла 42 кв.м. Полы помещений этого здания были окрашены в черный цвет. У входа со стороны дворика 56 обнаружена установленная вертикально каменная женская статуэтка. В северной части дворика 56, который, вероятно, был перекрыт навесом, стоял сосуд для хранения припасов, обмазанный глиной и

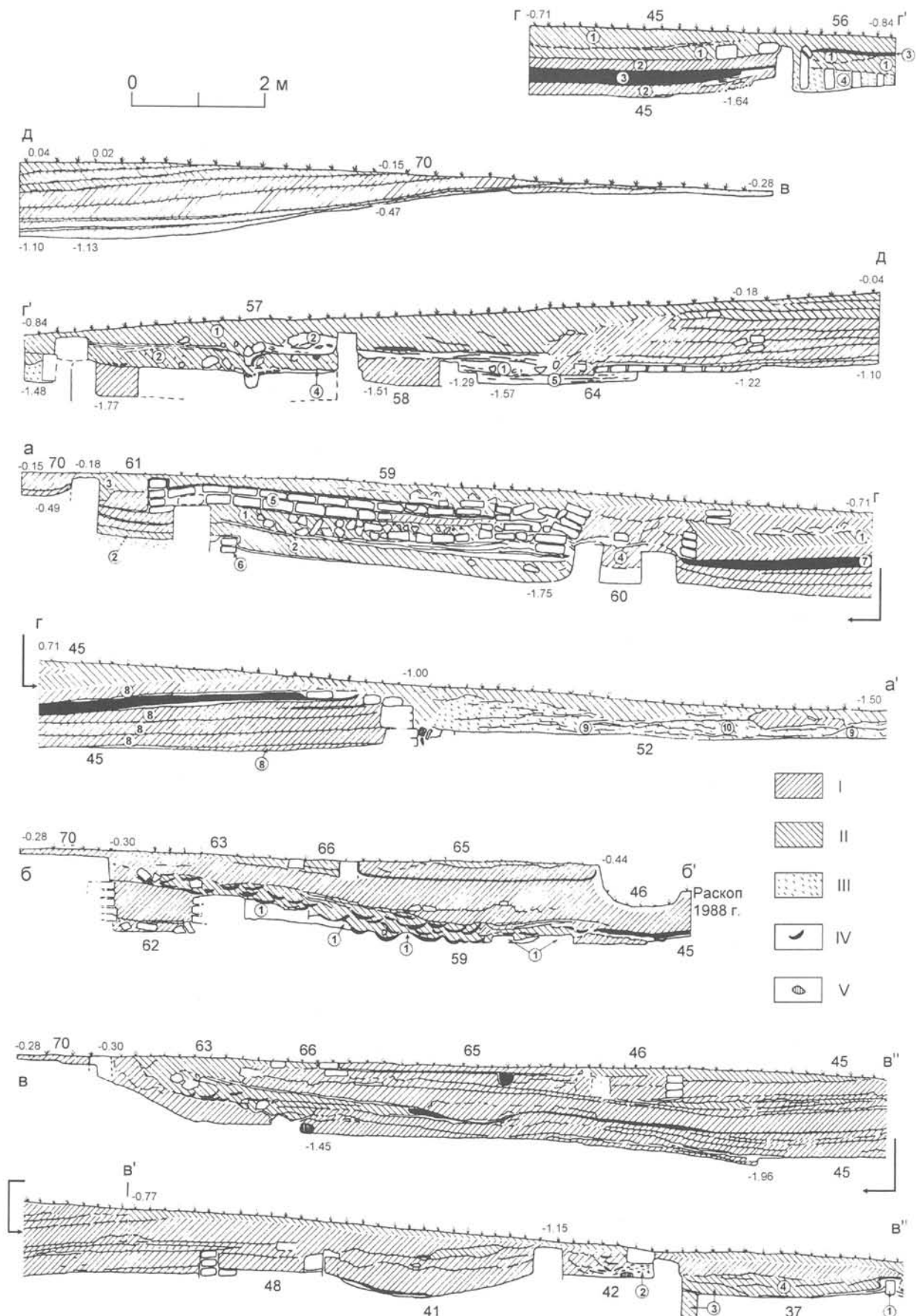

Рис. 15 Раскоп 4. Северо-западная часть. Разрезы. I — сырцовый завал, забутовка; II — продукты разрушения сырца; III — бытовой мусор; IV — зола, угли; V — камни.

Fig. 15 Excavation 4, northwestern part, sections. I, mud brick debris, rubble-work; II, destroyed mud brick; III, rubbish; IV, ashes and charcoal; V, stones.

окрашенный охрой. Судя по толщине отложений, комплекс 55.5 существовал недолго. Его планировка не имеет аналогий, а функциональное назначение не было установлено. В заполнении северной части дворика 26 обнаружены обломки окрашенных охрой глиняных конструкций (скамей?).

Комплекс 18.5 относится к горизонтам IB-IA раскопа 5, соответствующих поздней стадии горизонта III - ранней стадии горизонта II на раскопе 3 (рис. 20). Сооружение комплекса 18.5 площадью 32 кв.м связано с перестройкой здания 55.5 и с разрушением комплекса 10.5, на месте которого теперь оказался двор 53. Хозяйственный участок 18.5 мог простираться и на северо-восток до поворота улицы. На первом этапе существования парадного помещения 18 (горизонт IB) в нем не было ни очага, ни глиняных скамей (врезка к рис. 20). Сосуд для хранения припасов, установленный ранее во дворике комплекса 55.5, находился на прежнем месте, но теперь внутри помещения 18.5, глубоко в полу. Рядом с ним был поставлен второй сосуд — хум с росписью шевронами. Массив кладки слева от входа в помещение 18 многократно штукатурили и красили в черный цвет. Такая же краска покрывала пол и стену напротив входа. Этот массив, видимо, ограничивал тумбу. Её поверхность, обращенная к северо-восточной стене помещения 18, не сохранилась, но пол этой комнаты дальше соответствующей границы не прослеживался, а на внутренней, обращенной в сторону тумбы, плоскости выступа, расположенного слева от входа, отсутствовала штукатурка. Тумбу, видимо, разрушили захоронения младенцев (погребения 79-86). В её заполнении, состоявшем из крупных кусков сырцовых кирпичей и многочисленных камней, найдены также отдельные кости ребенка двух лет и лицевая часть скелета взрослого человека (погребения 87,88). Подобный "могильник" уникален для Илгыны-депе.

На позднем этапе функционирования помещения 18 (горизонт IA) его пол был покрыт завалом сырцовых кирпичей толщина которого достигала 40 см. Стены комнаты 18 не перестроены. В широкой, но неглубокой яме, находящейся в северо-восточной части этой комнаты, под новым полом были оставлены два медных лезвия. Тумбу снесли, массив кладки оформили как выступ. Судя по сохранившемуся основанию, в западном углу помещения 18 была выгорожена узкая, возвышавшаяся над полом каморка. На трижды окрашенном и подновленном черном полу находились две покрытые охрой глиняные скамьи длиной 3,25 м (центральная) и 1,55 м (пристенная). В центре помещения 18 между двумя слоями обмазки пола найден очажок, который использовался в

течение непродолжительного времени. В левой половине комнаты был сооружен очаг-жертвенник диаметром 1,02-1,05 м, а справа от входа — подквадратная конструкция размером 115 x 100 см, в основании которой находились поставленные ребром кирпичи, идущие (как и в комплексе 58.5) тремя рядами параллельно той стене комнаты, в которой располагался вход. Боковые стенки этого сооружения были оштукатурены. Имелись ли сквозные продухи между рядами кирпичей или промежутки между ними с самого начала были заполнены мусором, не ясно. В правой половине помещения 18, у его северо-восточной стены был отгорожен отсек, стенка которого была сложена из поставленных на ребро кирпичей. Нельзя установить, достигала ли она потолка. Верхние части обоих хумов предшествовавшего этапа были сломаны и перекрыты полом. Вместо них поставили три новых хозяйственных сосуда: один в северном углу комнаты 18, два других в правой половине этого помещения. Последние были найдены лежащими на боку. Лунок в полу для их установки не обнаружено. У юго-восточной стены комнаты 18 (может быть, под слоем самой поздней обмазки) оказалось пять медных игл в игольнике или связке. В восточном углу этого же помещения на полу лежали рядом друг с другом четыре керамических пряслица, а пятое, также из обожженной глины, было положено у скамьи. Нет сомнений в намеренном оставлении этих орудий.

В пределах хозяйственного участка 53 археологические находки, синхронные отдельным полам помещения 18, чаще всего не разделены и мы описываем их здесь суммарно. Домохозяйство 18.5 занимало площадь 140-150 кв.м, либо (если помещения 41, 46, 47 не являлись его частью) 100-110 кв.м. Вход в него с улицы находился близ южного угла двора 53. В его юго-восточной части имелась вымостка из фрагментов толстостенной керамики, заглубленных в грунт каменных ступок и кухонных сосудов. В вымостке также находилась глиняная емкость, вымощенная фрагментами керамики. Другой выход из двора 53 вел на заброшенный к тому времени участок к северо-западу от комплекса 18.5. В юго-западной половине двора 53 стояла недолговременная постройка (остатки соответствующей стены, разрушенной поздней ямой, на план не нанесены). Здесь же обнаружены два вторичных захоронения (28/29 и 31), скорее всего совершенные после того, как домохозяйство прекратило существование. Узкий проход 17 вел в северо-восточную часть (того же?) комплекса. В трех выявленных там помещениях 41, 46, 47 черного покрытия на полах не отмечено. Нет в этих комнатах и очагов. Выступ с нишей, находящийся в помеще-

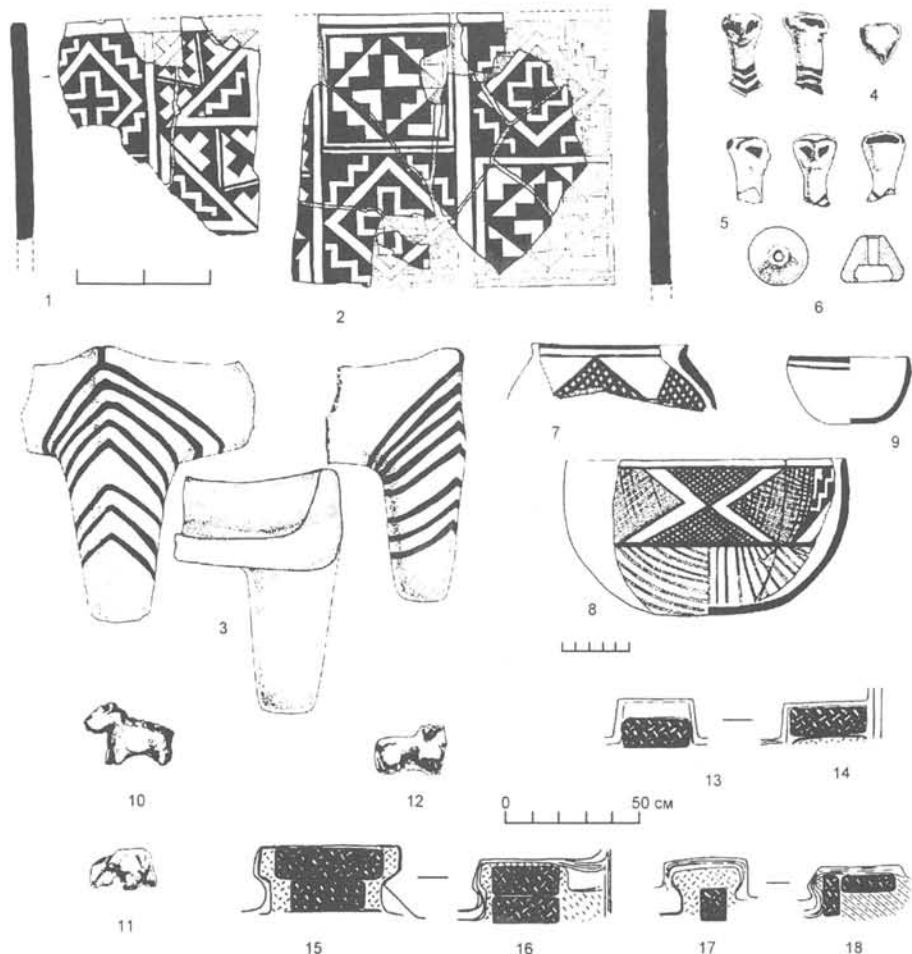

Рис. 16 Раскоп 4. Северо-западная часть. Находки и объекты. 1, 2, 7, 8 — двор 45, керамика из слоя углей в основании горизонта I; 3 — фрагмент керамического столика, пом. 62, под полом горизонта I; 4, 5 — головки керамических статуэток, гор. I; 6 — керамическое пряслище, горизонт I; 10-12 — фигурки животных из необожженной глины, гор. II; 9 — ялангачская чаша, горизонт II, помещение 59; 13-18 — разрезы глиняных скамей (13, 14 — пом. 59, горизонт I; 15-18 — помещение 59, горизонт II).

Fig. 16 Excavation 4, northwestern part, artifacts. 1, 2, 7, 8, courtyard 45, pottery from the charcoal layer in the bottom of level I; 3, fragment of clay table, room 62, under the floor of level I; 4, 5, heads of clay figurines, level I; 6, clay spindle-whorl, level I; 10-12, animal figurines made of unbaked clay, level II; 9, Yalangach-type bowl, level II, room 59; 13-18, sections of clay benches (13, 14, room 59, level I; 15-18, room 59, level II).

нии 41, следов обожженности не имел. Вкопанный в пол хозяйственный сосуд в помещении 47 использовался в период существования помещения 18. Такой же сосуд в помещении 41 относится к более позднему времени, когда из этой комнаты выход вел на северо-восток, на улицу 40.

Комплекс 9.5 относящийся к горизонту ПА раскопа 5, соответствует раннему этапу горизонта III раскопа 3 (рис. 19). Это домохозяйство площадью 105 кв.м раскопано полностью. Так как оно существовало недолго, его не перестраивали и не поднимали уровень пола в главной комнате 9. Через коридор 36 выход из двора 12 вел на улицу 40. Маленькие помещения 16, 34, 19, расположенные вдоль северо-восточного края двора 12, видимо, использовались для каких-то работ. Очагов в них не было. Основное здание (помещение 9) вместе с боковыми камерами 11, 15, 21, 14, занимало площадь 55

кв.м. Комплекс 9.5 единственный, в котором имелась лишь одна глиняная скамья, имевшая длину 3,5 м. Её установили спустя какое-то время после постройки помещения 9, поскольку к моменту её сооружения хозяева этой комнаты успели дважды покрасить пол комнаты в черный цвет. На стенах помещения 9 краску удалось обнаружить только там, где проем соединял главную комнату 9 с камерой 14, причем как на нижней поверхности проема, так и на прилегающей к нему части стены черная краска была нанесена поверх красной. В юго-восточной половине комнаты 9 находился очаг-жертвенник диаметром 0,92 м. В его очажную ямку была вкопана чаша. В северо-западной половине помещения 9 располагалась прямоугольная глиняная конструкция (120 x 85 см) на двенадцати ножках (Masson et al. 1994: fig.3:2). Верхняя часть этой конструкции не сохранилась. Хум, установленный в северном

углу помещения 9, был перед оставлением комплекса 9.5 сломан. Его нижняя коническая часть заполнена обломками верхней половины сосуда, перекрыта обмазкой, а затем "запечатана" большим камнем. Напротив выхода во двор 12 из пола выступал продолговатый камень. Правая часть северо-восточной стены помещения 9 была сложена из кирпичей, поставленных на ребро. Тонкими были и стены хозяйственного помещения 34. Наличие одной длинной камеры позади парадной комнаты 9 и трех дополнительных камер (11, 15, 21) вдоль северо-западной стены комплекса 9.5 не имеет аналогий в других комплексах Илгынлы-депе. В пол камеры 21 был вкопан хозяйственный сосуд. В камере 14 обнаружен раздавленный хум. При разрушении этого комплекса именно в камерах 14 и 15 были оставлены скопления целых орудий: под перевернутой чашей — длинный медный черешковый нож или копье (Solovyova et al. 1994: fig. 1:3) и вместе с ним новый оселок, а в специальном отсеке в помещении 14 — медные долото и небольшой наконечник, два костяных шильца и два десятка различных каменных орудий. В заполнении хозяйственного участка 12 найдена голова каменной женской статуэтки с проработанными чертами лица (Masson et al. 1994: fig. 6:3), которая целиком, включая слом, была покрыта красной охрой; охра возле рта создавала впечатление накрашенных губ, а глаза были выделены черной краской.

Комплекс 1.7 находится на раскопе 7 и соответствует горизонту III раскопа 3. Раскопки этой постройки на западном склоне холма вели К. Курбансахатов, а затем В.И. Козлов. Юго-западная часть здания 1.7, где могли находиться подсобные камеры, не сохранилась. Площадь этого комплекса составляла либо 51 кв.м, либо (если камеры существовали) примерно 62 кв.м. В помещении 1 имелись две красные глиняные скамьи длиной 4,25 м (центральная) и 3,1 м (пристенная). Вход, надо полагать, находился в юго-восточной стене рядом с ее выступом, но обнаружить его не удалось. Небольшая каморка в южном углу помещения 1 напоминает такую же в комплексе 18.3. Был ли окрашен пол комнаты 1 не установлено. В левой половине помещения 1 на том месте, где обычно находится очаг, обнаружено развалившееся сооружение из прокаленных кирпичей. Оно когда-то имело круглую форму диаметром 2 м. Около сооружения зафиксировано пятно сажи. В комплексе 1.7 найдено не менее 10 глиняных пряслиц.

Комплекс 15.4 относится к горизонту III раскопа 4, соответствующему горизонту III раскопа 3 (рис. 12). Это здание имело площадь 73,5 кв.м. Участок, окружающий домовладение, не раскопан на уровень, соответствующий III го-

ризонту. Хотя тумба, находившаяся в парадной комнате 15, хорошо сохранилась, рельефного декора на ней не обнаружено. В нижней части ее заполнения найдены фрагменты крупной глиняной статуэтки (Masson 1993:25). На обращенной к очагу стене тумбы и на противоположной ей стене помещения 15/19 имелось белое покрытие, но на боковых стенах комнаты краски не было. Свита полов в помещении 15/19 достигала толщины 10-15 см, однако нижние полы не были расчищены. В углу за тумбой находилась каморка 28, в которую вел лаз высотой 35 см и шириной 50 см. От двух длинных камер 30 и 33, расположенных за северо-восточной стеной комнаты 15/19 сохранились лишь основания. Камера 33 представляла собой углубленный подвал. По центру камеры 30 находилась узкая конструкция, возможно, с ячейками сверху как в комплексах 26.3 и 26.5. На определенном этапе обживания помещения 15/19 в нем стояли три скамьи, окрашенные в красный цвет. К моменту оставления здания центральная скамья, имевшая длину 4,3-4,4 м была на две трети разрушена. В помещении не найдено её обломков, но в полу выявлены следы конструкции скамьи. Скамья у северо-восточной стены помещения имела длину 2,4 м. От третьей скамьи, видимо, шедшей параллельно юго-восточной стене комнаты 15/19, сохранился останец длиной 0,5 м близ восточного угла этого же помещения, где были найдены раздавленный хум, скопление различных каменных орудий для обработки зерна, кожи, краски и металла, а также напярсла, расколота каменная гирия и медный стержень. Очаг помещения 15/19 представлял собой окруженную массой спекшейся золы и углей ямку, которая имела дисковидную форму. Вдоль левой боковой стены этой же комнаты располагалась нештукатуренная сырцовая платформа шириной 110 см и высотой 15-20 см. Она похожа на платформу, пристроенную к правой боковой стене в комплексе 38.3, которая была, однако, выше и имела более четкую внешнюю поверхность. При оставлении здания 15.4 вход в него заложили кирпичами, укрепив заклад с улицы стеночкой-контрфорсом.

Комплекс 3.1 находится на раскопе 1 и синхронен горизонту III раскопа 3 (рис. 3). Это здание площадью 81 кв.м расположено на юго-восточном краю поселения. Большая часть правой от входа боковой стены домовладения не сохранилась, а от левой остался лишь нижний ряд кирпичей. Из двух окрашенных охрой скамей, находившихся в помещении 3/4, центральная имеет длину 4,6, а пристенная — 2,25 м. Позднее ямы геоксюрского времени повредили интерьер здания. Не ясно, разрушен ли ими также западный (слева от тумбы) угол по-

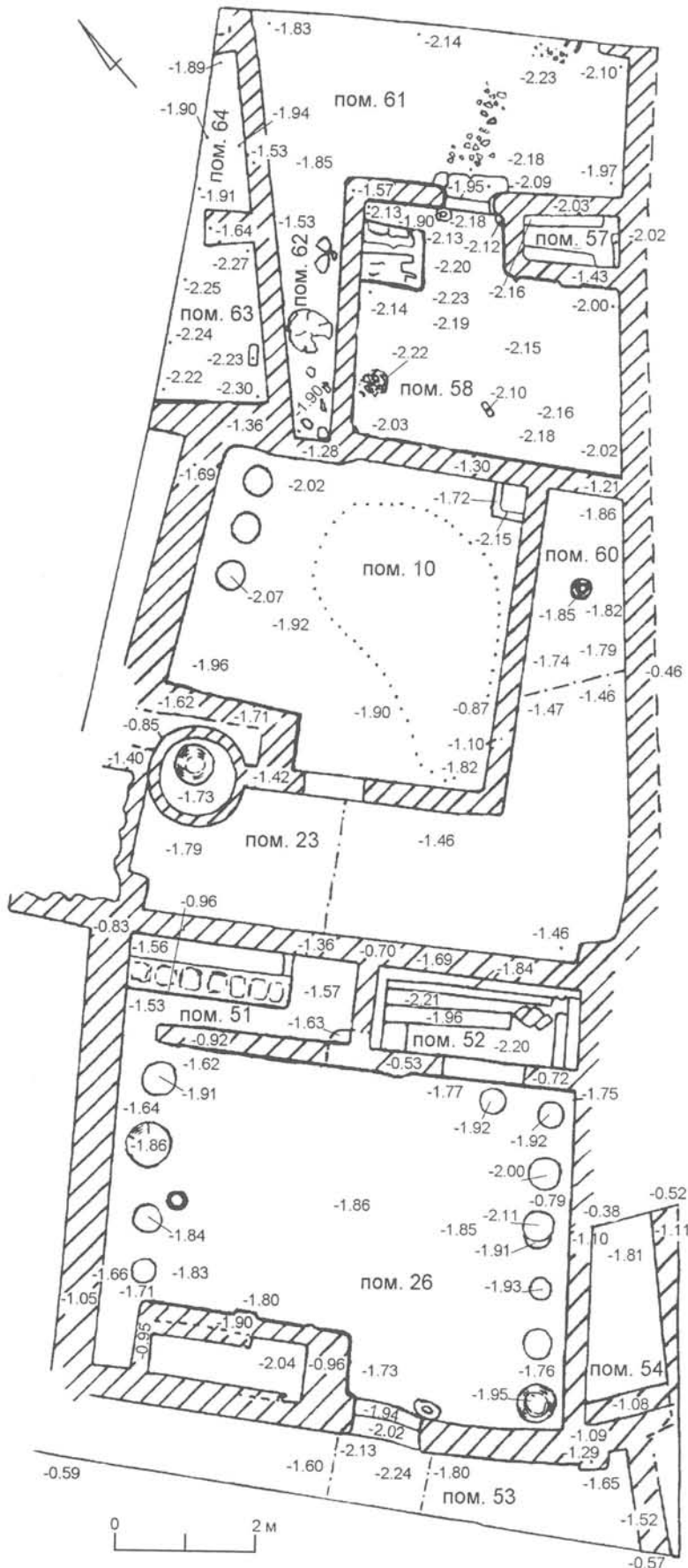

Рис. 17 Раскоп 5. Горизонт IIB (соответствует поздней стадии горизонта IV на раскопе 3). План. Тонированы полы, покрытые черной краской. На месте помещения 50 в комплексе 26 — углубленный подвал.

Fig. 17 Excavation 5, level IIB (corresponding to late level IV in excavation 3), plan. Tinted areas denote black-painted floors. The place of room 50 in complex 26 is occupied by a basement.

стройки 3.1 (где в таком случае находилась каморка 7, такая же как в комплексе 15.4) или здесь имелся снаружи такой же уступ, как у комплекса 25.5 (см. ниже). Штукатурка на стене тумбы отсутствовала. Очаг-жертвенник диаметром 0,85 м занимал обычное положение в левой части комнаты 3/4 напротив тумбы. Полы помещения имели черный цвет. После сооружения второго пола была соответственно увеличена высота скамей. Северо-восточную стену комплекса 3.1 во время ремонта облицевали снаружи кирпичами. На верхнем полу помещения 3/4 близ того места, где центральная скамья отходит от стены, найдены медное лезвие и каменная бусина, а в углу камеры 2 — лежащая вверх дном краснолощенная чаша. Парадное помещение 3/4 было забутовано косыми рядами поставленных на ребро кирпичей, как и в комплексе 26.5.

Комплекс 25.5 относится к горизонту IA раскопа 5 и соответствует поздней стадии горизонта III и, может быть, ранней стадии горизонта II раскопа 3 (рис. 20). После разрушения комплекса 26.5 участок поселения, на котором он был возведен, видимо, оставался заброшенным в течение всего времени функционирования комплекса 9.5. После того, как он был разрушен, выступавшие из мусора останцы стен домовладения 26.5 снесли и на этом месте построили здание 25.5 площадью 33 кв.м. Его стены сохранились на высоту 5-20 см от пола. В помещении 25 имелся только один уровень окрашенного в черный цвет пола. У правой боковой стены комнаты 25 находился раздавленный хум. Ближе ко входу к той же стене примыкал небольшой сырцовый отсек. Еще одна сильно разрушенная конструкция примыкала к тумбе. Выход из помещения 25 вел на юго-восток во двор 26, занимавший, очевидно, все пространство между зданием и стеной улицы. За тумбой в южном углу комплекса 25.5 стена делала уступ внутрь. После заупустения этого комплекса во дворе было совершено двойное захоронение. Могила, вероятно, представляла собой камеру с подбоем: кости захороненной ранее женщины (погребение 66, череп отсутствовал) сдвинули в сторону и на ее место положили мужчину (погребение 65).

Комплекс 30.5, относится к горизонту IA раскопа 5, соответствующему поздней стадии горизонта III и, может быть, ранней стадии горизонта II раскопа 3 (рис. 20). Это домовладение, площадью не менее 41 кв.м, синхронно предыдущему. Судя по обнаруженной во дворе 20 более ранней вымостке, ниже, скорее всего, располагался комплекс, синхронный зданию 9.5. Поскольку комплекс 30.5 находился в поверхностном слое, он сохранился неполностью. Осталось не ясным, имелись ли камеры за се-

веро-западной стеной помещения 30 (если да, то площадь здания составляла не менее 55 кв.м) и был ли массив кладки слева от входа выступом или краем тумбы. Центральная (длина 3,85 м) и пристенная (2-2,5 м) скамьи комплекса 30.5 были сооружены одновременно с полом. В комнате 30.5 имелся только один уровень окрашенного в черный цвет пола. Скамья против входа в помещение (и несохранившаяся скамья вдоль его правой боковой стены?) установлены позже. В ямку-жаровню очага-жертвенника была вкопана чаша. Подпятник находился слева от входа в комнату, что необычно для домовладений Илгынылы-депе. В северном углу помещения 30 выявлено основание прямоугольной конструкции со следами огня (очаг?). Во дворе 20 были вкопаны в землю расписной хум и кухонный сосуд, а ближе к фасаду дома возвышалась невысокая круглая конструкция диаметром около метра из поставленных на ребро кирпичей. После заупустения комплекса 30.5 двор использовался для захоронения детей и взрослых (погребения 15, 33, 34, 38, 41-43).

Комплекс 3.4 относится к горизонту II раскопа 4, соответствующему горизонту II раскопа 3 (рис. 12). Его площадь можно определить лишь приблизительно (35-40 кв.м), так как правая половина здания не сохранилась. К северо-восточной стене комнаты 3 примыкала скамья красного цвета длиной 1,7 м. От длинной скамьи, делящей помещение пополам, осталась лишь смежная со стеной часть длиной 0,5 м. Не известно, была ли длинная скамья разрушена при оставлении комплекса 3.4 или позже. Очаг-ямка в помещении 3, по-видимому, не имел дополнительных конструктивных деталей.

Комплекс 36.4 относится к поздней стадии горизонта II на раскопе 4 (рис. 12), соответствующей поздней стадии горизонта II раскопа 3. Этот комплекс, площадью около 45 кв.м, также находится в поверхностном слое поселения. Его юго-восточная (слева от входа) часть, в том числе и очаг (если таковой был) разрушена. Как и в здании 30.5, подпяточный камень находился, по-видимому, слева от входа, точное расположение которого однако не прослежено. Две окрашенные охрой скамьи длиной 4,2 м (центральная) и 2,6 м (пристенная) были установлены при сооружении комнаты 36. Они стояли на полу черного цвета, который являлся единственным уровнем пола в этой комнате. По-видимому, имелась еще третья скамья напротив входа в помещение, но ее торцовая часть и обмазка отсутствовали. На выступе слева от входа в эту комнату и на её стенах следов краски не отмечено. Не ясно, связано ли с комплексом 36.4 квадратное в плане помещение 35, которое примыкает к зданию с юго-запада.

Комплекс 34.4 относится к ранней стадии

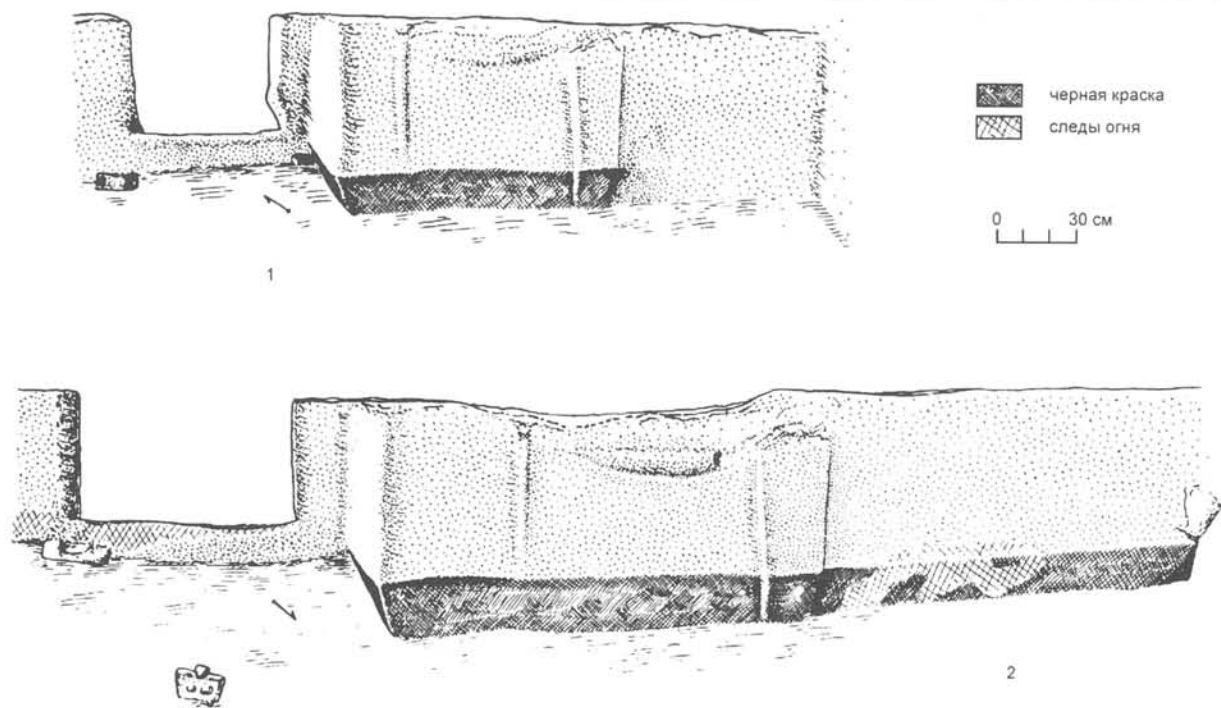

Рис. 18 Оформление тумбы в помещениях горизонта II B (см. рис. 17). Слева от выхода — подпяточные камни. В помещении 58 в углу справа от выхода чаша, вмазанная в стены и пол.

Fig. 18 Construction of the box in rooms of level II B (fig. 17). Step bearings are situated to the left of the entrance. In the corner of room 58, to the right of the entrance, there is a bowl puttied into the walls and into the floor.

горизонта II раскопа 4 (рис. 12), соответствующей ранней стадии горизонта II раскопа 3. На глубине 25–30 см ниже пола комплекса 36.4 и на столько же выше пола комплекса 15.4 в помещении 34 найден очаг-жертвенник, поврежденный упавшими обломками стен. В южном углу пол помещения 34 выклинивался, выходя на поверхность холма, а в северном (ниже помещения 36) пол не расчищен, поэтому общий облик рассматриваемого комплекса реконструируется весьма приблизительно. Судя по расположению выступа в северо-западной стене помещения 34, именно в ней должен был находиться дверной проем, тем более что в остальных стенах такового не обнаружено. Хозяйственное помещение 22 синхронно комплексу 34.4. В помещении 22 лежал хум, рядом с которым находились зооморфная ступка из известняка (Masson et al. 1994: fig. 6:2) и медное лезвие.

Комплекс 59.4 относится к горизонту II раскопа 4, соответствующему горизонту II раскопа 3 (рис. 14). Это домовладение площадью 76,5 кв.м было обращено северо-западной стеной к улице 70. Перед зданием находился парадный двор 45 площадью 98 кв.м. Двор был покрыт слоями сырцового забутовки и обмазки, что предполагает существование здесь навеса (рис. 15, разрезы а-г-а', в-в''). В северо-восточной половине двора 45 была сооружена овальная конструкция высотой 10–15 см, поперечником 165–185 см. В разное время эту конструкцию

пять раз обмазывали глиной. Между слоями обмазки прослеживаются тонкие прослойки золы. Видимо, здесь неоднократно, но ненадолго разжигали огонь. Выход 44 из парадного двора 45 на улицу 42 находился за юго-западной стеной здания, включавшего помещения 40, 41, 43, 48. Эта постройка, видимо, также относилась к домовладению, что и парадная комната 59. Второй выход из двора 45 располагался в его западном углу. Куда вел этот выход, выяснить не удалось.

В парадной комнате 59 сохранились четыре окрашенные охрой глиняные скамьи: центральная длиной 5 м (рис. 16:15); скамья длиной 2,59 м, расположенная у северо-западной стены помещения (рис. 16:16); скамья длиной 5,13 м, стоящая вдоль северо-восточной стены помещения (рис. 16:17) и скамья длиной 2,55 м, расположенная против входа в помещение (рис. 16:18). Противоположная входу стена помещения 59 была сперва окрашена, как и пол, черной краской, а позднее на нее нанесли белое ганчевое покрытие. Такое же покрытие, но без черной краски под ним, обнаружено на левой боковой стене парадной комнаты 59. Эта стена сложена из кирпичей и скрытого под обмазкой строительного мусора. Правая боковая стена помещения 59 была разрушена в древности. Его пол неоднократно подкрашивали. Участок в южном углу помещения 59 за тумбой был отгорожен маленькой сырцовой стенкой высотой около 40 см и, видимо, забутован. Обращенная

к помещению 59 плоскость стенки была покрашена в черный цвет. Очаг-ямка, находящийся в левой половине комнаты 59, не имел дополнительных конструктивных деталей. Хорошая сохранность северо-западной стены парадного помещения 59 позволяет утверждать, что эта комната и камера 62 не сообщались. Пол в камере 62 был на 40 см ниже, чем в камере 61. Как и в других подвалах из пола камеры 62 вдоль ее торцевой стены выступали ряды кладки. В камере 61 имелось возвышение из сырцовых кирпичей, располагавшееся не по оси помещения, а вдоль его стены. Верхняя часть этой конструкции не сохранилась. В порог камеры 61 вертикально воткнута плечевая кость овцы или козы. В парадной комнате 59, перед выходом из неё во двор 45, из пола выступал сырцовый кирпич (?), длиной 55 см, возможно, аналог идольчика. В здании 59 не оказалось ни хумов, ни углублений для них. На месте северо-восточной стены комплекса 59.4 и сразу же за ней обнаружено 30 небольших очажков, частично перекрывавших друг друга. Стратиграфически они связаны с периодом разрушения и ритуального захоронения здания 59.4 и соответствуют слою золы и углей от сгоревших веток, который перекрывал всю западную половину парадного двора 45 (рис. 15: разрезы г-г', г-а', б-б'). В этом слое были разбросаны фрагменты ялангачского цилиндрико-конического хума с геоксюрской росписью (рис. 16:1,2), которая является самой большой известной до сих пор геоксюрской орнаментальной композицией.

Дом (помещения 40, 41, 48), вероятно, был жилым, что подтверждается наличием очажных ямок в полу обоих основных помещений (40 и 41) и наличием сырцовой каморки (ее площадь была значительно уменьшена после ремонта) в западном углу помещения 41. Рядом с этой каморкой были оставлены две ступки из известняка. В северо-западной стене комнаты 41 были обнаружены четыре ниши с сохранившимися притолоками (Березкин 1990). Они не имеют аналогий в энеолитической архитектуре Туркменистана. Дом сходных размеров и планировки, но с очень узкими щелевидными проемами, соединяющими центральный коридор с комнатками, открыт во втором горизонте поселения Айна-депе в Геоксюрском оазисе. Это домовладение также располагалось рядом, но не напротив квадратного здания с внутренним выступом (Хлопин 1964: рис. 17; 1969: табл. XXI).

Южнее жилого дома (помещения 40, 41, 48) находился двор 52, заполненный мусорными отложениями, которые были богаты органикой. В стене, отделявшей двор 52 от парадного двора 45, находилась двухчастная производственная или бытовая печь.

Горизонт I раскопа 4 синхронен горизонту IB раскопа 3 (рис. 13). В это время комплекс 59.4 продолжал существовать, но его перестроили. Предшествующее здание горизонта II было сперва засыпано землей на высоту скамей, а затем забутовано, как и двор 45, сырцовыми кирпичами. Новое здание имело меньшую площадь (57,5 кв.м) за счет перестройки юго-восточной и северо-восточной стен парадной комнаты 59. Две ее другие стены были использованы в качестве фундамента для возведения новых стен. После перепланировки комната 59 имела два уровня полов, верхний на 10 см выше нижнего (рис. 15: разрез а-г). Кроме того была сделана новая очажная ямка (рядом с первоначальной) и подновлены скамьи — центральная (длиной 4,4 м) и пристенная (длиной 2,2 м). Как и в комплексе 36.4, кроме двух основных скамей в парадной комнате 59 имелась, видимо, третья скамья, но ее торцевая часть не сохранилась. За северо-западной стеной помещения 59 находились не две, как обычно, а три (правая поделена на две маленькие) камеры (61, 62, 62-А). Под полом помещения 59 найдена ножка керамического столика (рис. 16:3). Юго-восточная часть здания 59, обращенная к парадному двору 45, сохранилась плохо. Массив кладки слева от входа в парадную комнату 59 представлял собой, видимо, не край тумбы, а выступ. Скамьи, находившиеся в помещении 59 (рис. 16:13,14) не имели боковых валиков и выделенных ножек. Скамьи, стоявшие на верхнем полу, были покрыты такой же, как и стены, белой краской, содержащей гипс или известь. Они были почти вдвое уже и ниже обычных и имели трапециевидное сечение. Судя по нескольким сохранившимся основаниям стен и по очажной ямке, парадный двор 45 был по-прежнему ограничен с юго-востока строением, функциональное назначение которого осталось не выяснено. Комплекс 59.4 местами перекрыт отложениями, синхронными горизонту IA раскопа 3, но от этого горизонта сохранились лишь основания нескольких стен.

Заключение. При оценке различий между комплексами, прежде всего следует обратить внимание на хронологические признаки, какими являются декор тумбы и тип очага. Специфический расписной и рельефный декор тумбы (окрашенная черным горизонтальная полоса со скосом внутрь и сходящий у пола на нет вертикальный, прямоугольный в сечении выступ) не встречается позже горизонта III, но имеется во всех комплексах горизонта IV и более ранних независимо от их площади (38.3, 26.3, 26.5, 10.5, 58.5). В горизонте III подобный декор не зафиксирован в комплексе 14.3 и отсутствует в комплексе 15.4. В других синхрон-

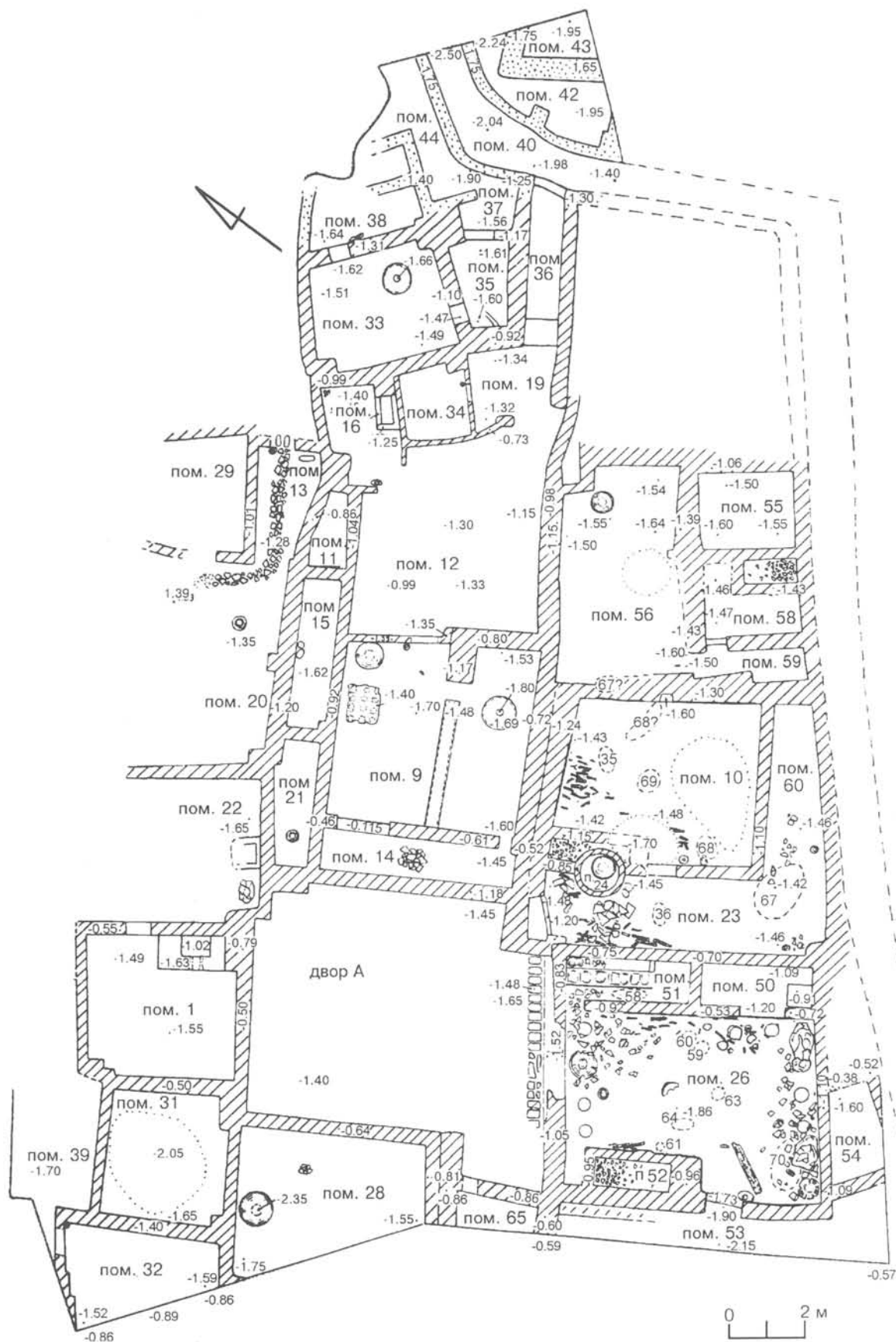

Рис. 19 Раскоп 5. Горизонт IIa (соответствует ранней стадии горизонта III раскопе 3). План. Стены с точечным заполнением возведены позже других. Комплексы 10 и 26 зафиксированы на момент разрушения. На месте помещения 50 — подиум.

Fig. 19 Excavation 5, level IIa (roughly corresponding to early level III in excavation 3), plan. The later walls are dotted. Complexes 10 and 26 are shown at the moment of their destruction.

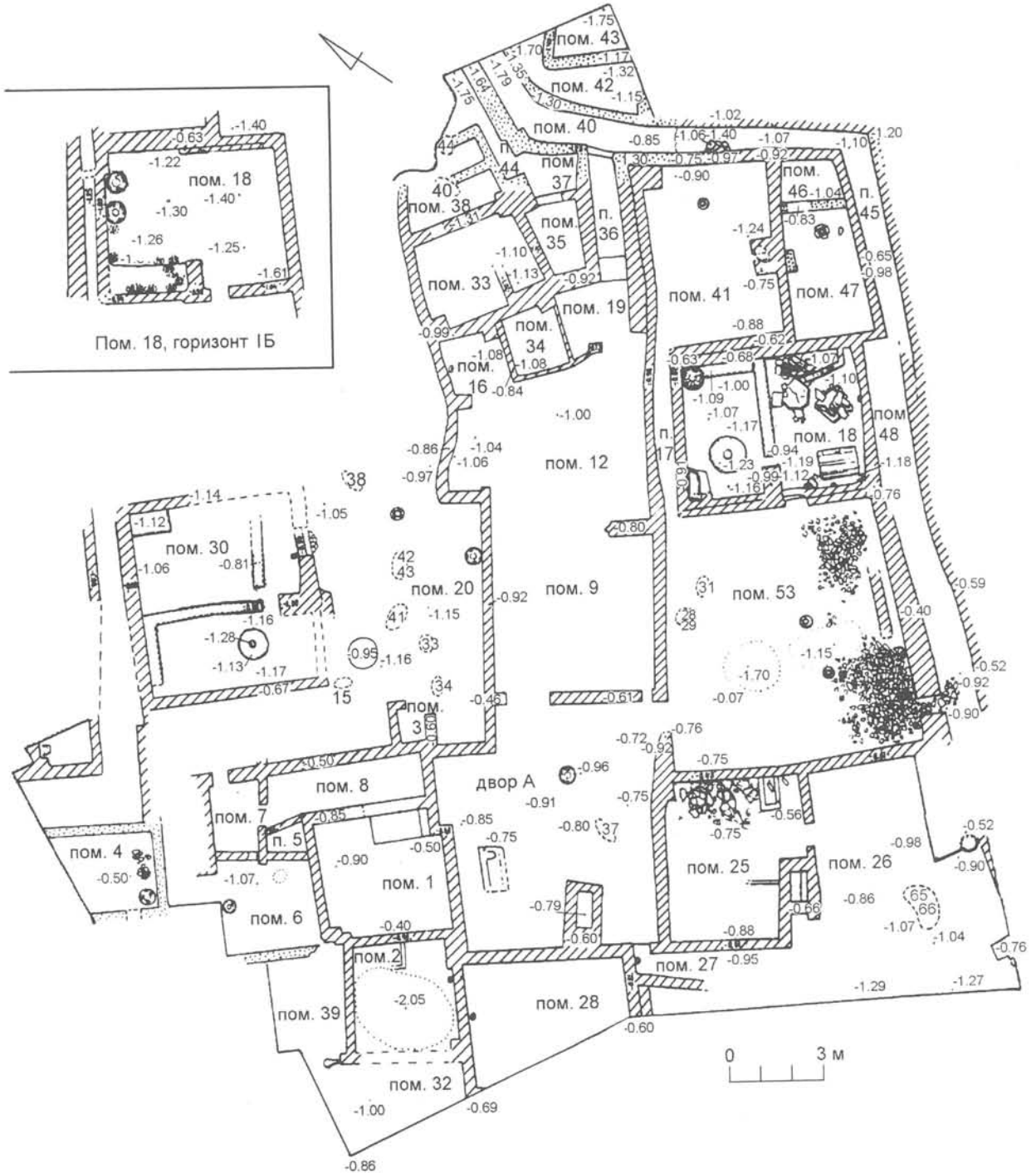

Рис. 20 Раскоп 5. Горизонт I (соответствует поздней стадии горизонта III и может быть ранней стадии горизонта II на раскопе 3). План. Стены с точечным заполнением возведены позже других. На врезке план комплекса 18 на уровне нижнего пола. Тонированы полы, покрытые черной краской.

Fig. 20 Excavation 5, level I (corresponding to late level III or early level II in excavation 3), plan. The later walls are dotted. The smaller plan shows complex 18 at the lower floor level. Tinted areas denote black-painted floors.

ных им комплексах тумбы нет, либо штукатурка на ней обвалилась. Очаги-жертвенники ни разу не встречены ранее горизонта III, но обнаружены во всех хорошо сохранившихся комплексах, начиная с поздней стадии горизонта III (что касается ранней стадии горизонта III, то раскопки плохо сохранившегося комплекса 10.5 не позволили установить имелся ли здесь очаг-жертвенник). В хорошо сохранившихся парадных помещениях горизонта IV (26.3, 26.5, 58.5) очагов в полу нет. Посреди парадной комнаты комплекса 38.3 горизонта V имелась круглая ямка с обожженными краями. В интерьере парадных помещений горизонта III деревянные скамьи сменились глиняными. Правда доказательства существования деревянных скамей в горизонте IV имеются лишь для комплекса 26.3, в котором обнаружены сохранившие окраску обугленные остатки сидений. Начиная с III горизонта, глиняные скамьи представлены во всех комплексах, в том числе и в тех, которые имеют небольшую площадь (18.5). Еще одной деталью, которая не фиксируется позднее горизонта IV, является открытый в парадное помещение подиум, располагавшийся на месте подсобной камеры. Вероятным прототипом этой детали интерьера была "суфа", обнаруженная на Дашлыджи-депе (здание 1). Судя по описанию, эта "суфа", относящаяся к периоду Намазга I, была "перегорожена стенкой на две неравные части и отделена от остального пространства комнаты невысоким барьером" (Хлопин 1960:141, рис. 6,9; 1963:15). Более отдаленные параллели представляют платформы джейтунских жилищ и североиранских комплексов Загхе и Занги-Чакмак (Masuda 1974; 1976; Negahban 1979).

Развитие форм глиняных скамей шло по пути утраты деталей, не соответствующих особенностям нового материала. Многие скамьи горизонта III еще тщательно воспроизводят деревянные прототипы. В горизонте II рельефные части глиняных скамей становятся схематичными и угловатыми, а в горизонте I эти детали пропадают совсем. В завершение эволюции исчезает традиция окрашивания глиняных скамей красной краской, что, видимо, затрагивает уже сферу идеологии.

С назначением парадных комнат, вероятно, связано количество находящихся в них хозяйственных сосудов. Среди прочих выделяются комплексы 38.3, 26.3, 14.3 и 26.5, в которых выявлено от девяти до двенадцати лунок для хумов. Следует учесть, что в двух комплексах горизонта III (3.1 и 1.7) лунки могли быть не обнаружены. Так как их нет в комплексах гори-

зонта II, данный признак может иметь и хронологическое значение.

На первый взгляд, крупные комплексы со скамьями, подсобными камерами и лунками для хумов отличаются от небольших зданий, в которых отсутствуют некоторые из этих деталей интерьера. Однако провести между теми и другими резкую границу не возможно. Детали интерьера, характерные для парадных комнат, встречаются в любых комбинациях и их встречаемость не зависит от площади комплекса. Некоторые из них, быть может, свидетельствуют о специфических связях между отдельными домовладениями. Так, конструкция подквадратной формы, располагавшаяся справа от входа, встречается только в разновременных комплексах, обнаруженных в восточной части раскопа 5. Только в соседних комплексах 9.5 и 30.5 в очаге находилась чаша. Неясно функциональное назначение женской статуэтки или камня, вкопанного в пол помещения перед входом. Соответствующие комплексы, где они обнаружены, имеют между собой мало общего. Логично допустить, что женская статуэтка, о которую трудно не споткнуться, была установлена непосредственно перед разрушением здания, но прямых доказательств этому нет.

Комплексы, исследованные на Илгынлы-депе, отличаются от раскопанных на геоксюрских поселениях. В геоксюрских комплексах отсутствуют тумбы, а очаги оформлены иначе: они прямоугольные, двухчастные, в виде подиума с высоким глиняным валиком (Акча-депе, помещение 5; Ялангач-депе, помещение 1, 2; Муллали-депе, помещение 7; Айна-депе, помещение III:1, 4; Хлопин 1964:15,16,21,31,41,77). Такой очаг расположен обычно в правой дальней, а не в левой ближней четверти комнаты. На геоксюрских поселениях встречены также прямоугольные, видимо, бытовые очаги с более высокими стенками, расположенные слева от входа у стены (Акча-депе, помещение 17; Дашлыджи-депе, помещение 1; Хлопин 1964:16,48). На геоксюрских поселениях известны и круглые жертвенники, но они встречаются реже (Айна-депе, Геоксюр I, Геоксюр 7; Хлопин 1964: рис.41) и имеют высокий валик, тогда как у жертвенников, найденных на Илгынлы-депе, он едва намечен. Подобный жертвенник найден как в третьем горизонте Айна-депе (что значительно раньше третьего горизонта Илгынлы-депе), так и на Геоксюре I (Сарианиди 1962: рис. 2,4), т.е. возможно, позже оставления Илгынлы-депе. Остается неясным, имелись ли глиняные скамьи на поселениях Геоксюрского оазиса. В случае плохой сохранности их могли и не заметить, особенно, если они не имели красного покрытия. Однако, во многих геоксюрских комплексах, очаги рас-

положены таким образом, что не оставляют для скамей места. В геоксюрских зданиях нет узких подсобных помещений, расположенных за парадными комнатами комплексов. Однако, "суфа" (поселение Дашлыджи-депе), разделенная пополам и частично отгороженная небольшой стенкой от комнаты, выступает в качестве возможного прототипа таких помещений.

Оставление обветшавших парадных помещений как геоксюрских, так и илгынлыных, по-видимому, всегда совершалось по определенным правилам, которые требовали размещения на полах или в тайниках ценных вещей. Некоторые здания, очевидно, сжигались. В комплексе 26.5 и в "культурном здании" Геоксюра I (Сарианиди 1962:49-51) внутри сожженных помещений обнаружены человеческие останки.

- Березкин, Ю.Е.* 1990. Святилища медно-каменного века на юге Туркменистана // *Природа* 7: 55-59.
1993. Радиоуглеродные даты с Илгынлы-депе в Туркмении // *Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук* 201: 12-16.
- Гаязали, А.Ф.* 1959. Холм Илгынлы-депе // *Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР* 15: 15-29.
- Дьяконов И.М.* 1955. Купля-продажа земли в древнейшем Шумере и вопрос о шумерской общине // *Вестник Древней Истории* 4: 10-40.
- Массон В.М.* 1960. Кара-депе у Артыка // *Труды Южно-Туркменской Комплексной Экспедиции* 10: 319-463.
- Сарианиди В.И.* 1962. Культурные здания поселений анауской культуры // *Советская археология* 1: 44-56.
1962а. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений геоксюрского оазиса // *Краткие сообщения Института археологии АН СССР* 91: 22-29.
- Хлопкин И.Н.* 1960. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южной Туркмении // *Труды Южно-Туркменской Комплексной Экспедиции* 10: 134-224.
1963. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. Энеолит южных областей Средней Азии I. Свод археологических источников. Вып. БЗ-8. Москва-Ленинград.
1964. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Москва-Ленинград.
1969. Памятники развитого энеолита Юго-восточной Туркмении. Археология СССР. Свод археологических источников. Выпуск БЗ-8. Ленинград: Наука.

Открытие парадных комплексов Илгынлы-депе является одним из важнейших событий последнего десятилетия в первобытной археологии Ближнего Востока и Средней Азии. Их изучение обещает пролить свет на проблемы социальной организации и идеологии сложных догосударственных обществ эпохи энеолита. Три проблемы представляются первоочередными. Это происхождение данного архитектурного канона; обстоятельства, при которых на востоке подгорной полосы Копет-дага произошел отказ от него (в слоях позднего энеолита на Алтын-депе ничего подобного нет); и, наконец, соотношение эволюции архитектуры с распространением геоксюрских нововведений в ремесле, иконографии и погребальном обряде.

- Tosi M.* 1971. Сеистан в бронзовом веке // *Советская археология* 3: 15-30.
- Amiet, P., M. Tosi.* 1978. Phase 10 at Shahr-i Sokhta // *East and West* 28 (1-4): 9-31.
- Masson V.M.* 1993. A l'origine des villes en Turkménie méridionale // *Les Dossier d'Archéologie* 185: 22-27.
- Masson V.M., Yu.E. Berezkin, N.F. Solovyeva.* 1994. Excavations of Houses and Sanctuaries at Ilgynly-Depe Chalcolithic site, Turkmenistan. // *New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*: 18-26. Sankt-Petersburg.
- Masuda S.* 1974. Excavations at Tappeh Sang-e Chaxmaq // *Proceedings of the 11th Annual Symposium on Archaeological Research in Iran*: 23-33. Tehran.
1976. Report of the archaeological investigations at Shahrud, 1975 // *Proceedings of the 14th Annual Symposium on Archaeological Research in Iran*. Tehran: 63-70.
- Negahban E.O.* 1979. A brief report on the painted building of Zaghe (late 7th early 6th millennium B.C.) // *Paleorient* 5: 239-250.
- Piperno, M.* 1986. The aspects of ethnical multiplicity across the Shahr-i Sokhta graveyard // *Oriens antiquus* 25 (3-4): 257-270.
- Solovyeva N.F., A.N. Yegorkov, V.A. Galibin, Yu.E. Berezkin.* 1994. Metal artefacts from Ilgynly-Depe, Turkmenistan // *New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*: 31-35. Sankt-Petersburg.

THE MAIN ROOMS AT ILGINLY-DEPE: A TENTATIVE TYPOLOGY

The Chalcolithic site of Ilginly-depe (fig. 1), 14 ha in surface area, is situated in southern Turkmenistan, 240 km southeast of Ashgabat. In the fourth millennium B.C., the alluvial loamy valley around Ilginly-depe provided a bed for the Meana-Chai river. Apparently after the river had

changed its course, the inhabitants of the village migrated to the nearby site of Altyndepe.

Radiocarbon dates, even calibrated ones, underestimate the age of Ilginly-depe by 300-500 years, although they agree with local stratigraphy. The reason for that is not clear. The Geoksyur-type

pottery, found in two uppermost construction levels of Ilginly-depe (fig. 16:1,2,8) was also discovered in the lower level of Shahr-iSokhta, Seistan, together with Proto-Elamite artifacts (Tosi 1971: fig.3; Amiet, Tosi 1978; Piperno 1986), suggesting that Ilginly-depe was abandoned in 3 100–2 900 B.C. Given that the total depth of the deposits is about 14 m, the site must have been founded in the late fifth or early fourth millennium B.C.

The IIMK Kara Kum Archaeological Expedition, headed by V.M. Masson, started excavating the site in 1985. In 1985–89, about a dozen excavation areas were laid down, three of which became the principal ones.

Excavation 3 (N.F. Solovyova), 15 m by 14 m, is located in the southwestern part of the hill where the depth of the deposits probably attains 9–10 m. By 1994, five construction levels had been excavated, the first of which (the upper one) has not been preserved in some parts of the area (fig. 2:1,2,3,4; 4). Data on level VI, excavated in 1995, has not been included in the present article.

Excavation 5 (about 30 m by 30 m) is situated on the most elevated area in the northern half of the hill. The works here were mainly supervised by Yu.E. Berezkin, who was also responsible for works in excavation 4. The deposits were studied down to the depth of 1.5 m. In the field reports, plans and sections, the constructive levels are numbered according to local stratigraphy. Judging by the ceramics, levels IIB, IIA, IB, and IA in excavation 5 correspond to levels IV (evidently its beginning), late III, early III, and late II, respectively, in excavation 3. This correlation, however, is tentative, and the precise chronological correspondence between separate households in excavation 5 itself is not always clear. No materials related to level I or late level II in excavation 3 have been found in excavation 5, but during this period the most elevated part of the settlement was abandoned.

Excavation 4, about 70 m by 20 m, extends from the highest part of the hill down the slope from northwest to southeast. The difference between the heights is more than 3.5 m, but the deposits have been excavated to the depth of no more than 1.2–1.35 m. No integral stratigraphic pattern has emerged. The upper levels I and II (roughly corresponding to the respective levels in excavation 3) have been preserved mainly in the northwestern part of the excavation. Structures of level III have been cleared out in the southwestern part.

The remaining excavation areas are small, and works on them were done by various researchers over one or two field seasons. Excavation 1 is situated on the southeastern projection of Ilginly-depe separated from the rest of the hill by a shallow gully. It is roughly contemporaneous with level III in excavation 3 and is overlaid by later deposits which lack architectural remains. Excavation 7 is located

60 m northwest of excavation 3. Its architecture is apparently contemporaneous with that of level III in excavation 3, while the unique collective burial was made in level II or possibly I.

The architecture of Ilginly-depe attests to the existence of a standardized layout. Its main feature are complexes which are square in plan and usually adjoin (on one or two sides) other structures and/or the street wall. The entrance is situated in the centre of the wall (any wall probably except the northwestern one), according to the direction of the main winds. To the left of the entrance, inside the structures, there is either a projection of the wall or a "box". "Boxes" are blind chambers filled with pieces of mud bricks, potsherds, and refuse. Possibly the walls of the boxes did not reach the ceiling and were gradually heightened as these "dustbins" were being filled. The floors of the main rooms are painted black. Wide entrances connecting the main rooms with the courtyards had thresholds. The step bearing was usually on the right (when viewed from outside). Other rooms of the same household, if present, also had doors connecting them with the courtyard. The courtyard had a passage connecting it with the street. Large households had two courtyards, one main, another economic.

Square structures with inner projections and floors painted black were first excavated at the sites of the Geoksyur Oasis where they were associated with Yalangach and Geoksyur-type pottery. None of the more western sites in the Kopet-Dag plain provide any parallels to the architecture of Ilginly-depe.

In the present article, the complexes are denoted by a combination of the number of the main room with that of the excavation (59.4 means a complex including room 59 in excavation 4). If the room has a double numbering, it receives a smaller number (e.g. 3 instead of 3/4). Several small structures which possibly also belong to this category but have not been completely excavated or are poorly preserved, are not mentioned. Data on the size and general layout of the complexes is presented in table 1. Surface areas are rounded off to 0.5 sq.m., linear dimensions are in metres. Surface areas of structures which possibly (or probably) belong to the same household as does the main complex but have separate doors connecting them with the courtyard, are not included in the total estimate. "Right" and "left" refer to the view from outside.

(1) Number of complex; (2) approximate dimensions; (3) construction level; (4) surface area of the main room; (5) direction of entrance; (6) number of benches (clay or wooden, as in 26.3) in the main room; (7) number of large vessels (khums) standing on the floor or fallen down or number of pits for them; (8) type of structure to the left of the entrance (box or projection of the wall); (9) type of hearth, such as the following: "altar" (round hearth-

altar shaped like a shallow pit in the floor about 1 m in diameter in the left part of the main room nearest to the door, opposite the box, if present, coated with clay and having a smaller pit in the centre); "hearth" (pit situated in the same place but without the clay coating); and "stove" near the wall; (10) layout of the left corner nearest to the door: "box" (box reaching the left side wall); "chamber" (the space behind the box is separated from the rest of the room by a wall with an aperture, small threshold, etc.); "cubicle" (the floor behind the box merges with floor of the room; cases where neither the box nor the cubicle are present are denoted by a minus sign); (11) presence and number of narrow chambers flanking the back wall of the main room or the wall to the right of the entrance, as in 9.5.

A few complexes are characterized by the following features:

(12) Wide aperture ("window") between the main room and the right narrow chamber (26.3, 9.5, 26.5); (13) agglomeration of ritual objects on the floor behind the "window" (26.3, 26.5); (14) the floor of the right narrow chamber adjoining the main room from behind is situated much lower than that of the left chamber (26.3, 15.4, 59.4, 26.5); (15) the black-painted podium that existed at the late stage of the complex on the place of the right narrow chamber; open on the side facing the main room and painted black (26.5, 38.3); (16) adobe structure, square in plan, in the corner of the main room to the right of the entrance (9.5, 18.5, 58.5); (17) painted and plastic decoration of a certain type on the wall of the box (14.3, 26.3, 38.3, 26.5, 58.5, and probably 10.5); (18) small stone female figurine or, possibly instead of it, elongated stone or mud brick dug into the floor of the main room (all these are always placed at some angle to the threshold (9.5, 10.5, 12.4, 26.5, 59.4; see also 55.5, described together with 18.5); (19) mud brick structure in the left side chamber, situated along its long axis (38.3, 26.5, possible 15.4 and 59.4); (20) bowl, puttied into the floor or into the wall, in the corner where the box adjoins the wall (10.5, 58.5); (21) brazier bowl instead of the mere pit in the centre of the hearth-altar (9.5, 30.5); (22) agglomeration of potsherds from fine vessels in the top layer of the fill of the box; it is the thickest near the back side and tapers off toward the middle of the box. This feature is present in three adjacent rooms cleared out in excavation 5: 26.5, 58.5 (where the clay with which the potsherds were mixed, was charred), and 10.5.

Complex 38.3, level V (fig. 9–11), is the earliest among those excavated by the end of the 1994 season. Its surface area is 47.0 sq.m., and the surface area of the entire household which, apart from main room 38, included two subsidiary rooms (37 and 39), the main courtyard (44), and the utility courtyard (42) is more than 120 sq.m. Near the north-eastern wall of the main room, there was a long and

low (height, 0.3 m) platform. At the early stage, there was a hearth in the centre of the room. After the repair, the hearth pit was covered with a large stone, three smaller ones were placed above, and all the four were puttied with clay. The resulting elevation provided a base for a round structure, possibly an altar, the side surface of which was painted black and red. Subsidiary chamber 39 was situated along the northwestern wall of the complex. On its floor, an unused clay mould for casting an axe-adze was found. After the repair, the floor of this semi-basement was raised by 0.5 m, and the new compartment was connected with the main room by means of a "window". Finally, the entire inner space together with the wall and the "window" was filled with layers of plaster mixed with black paint, and a podium, open toward the main room, resulted. An architectural detail in the form of a protome of a bull, had been thrown down on layers of plaster in front of the podium and was found there. It was made of mud bricks, coated with paste, and shaped like a stylized fore part of a bull's body. Small clay horns were broken off when the sculpture fell down. Its surface was painted black several times. On the upper layer of paint, eight coiling snakes were carved. Near the northern corner of the box, several copper artifacts had been left: fragment of a knife, point, and socketed axe-adze (Solovyova et al. 1994: figs. 1–4, 19). The surface of the covered main courtyard no.44 (late stage) was dressed with clay several times and painted black. The walls were plastered, and a seat made of mud bricks and unbaked clay was constructed near the southwestern wall. In the middle of the courtyard, a base of a rectangular adobe construction which apparently supported the roof, has been preserved.

Complex 26.3, level IV (fig. 6–8), was constructed at the place of complex 38.3 and is somewhat smaller (about 42 sq.m.). It was the centre of a household which also included the covered main courtyard 27, two subsidiary rooms 28 and 29, two rooms, 34 and 35, likely destined for habitation, and utility courtyard 36. Inside the main room, charred remains of two benches covered with red ocher were found. Eight painted large vessels (khums) stood in special pits. They were arranged in two rows parallel to the long bench along the northeastern and southwestern walls. A wide aperture connected the room with the side chamber. Part of the wall below the aperture was painted black all over. A design consisting of three rows of white circles, eight in each row, was carved against the upper layer of paint. An adobe disk, 0.6 m in diameter, possibly an altar, was found on the floor near the painted design. A painted vessel, the mouth of which had the same diameter as had the circles in the design, lay on the disk. Two painted cups lay on the floor beside the altar. Close to one of them stood two large stylized figurines made of unbaked clay. Between the

altar and the bench, remains of two objects shaped like round bases of columns were found. One is made of the trunk of a tree, another of unbaked clay mixed with charcoal and potsherds. Both are painted red on the sides. Walls of covered courtyard 27 had the same plastic decoration as had the walls of the main room. Two seats made of mud bricks and unbaked clay (there was only one seat before the repair) were built near the southwestern wall (fig. 7).

The abandonment of complex 26.3 was preceded by a number of ritual actions. In contrast to the situation in complex 38.3, all the details of the interior were preserved, all the objects were left on their places (or specially placed), and several artifacts were put on the floor. These included three copper objects (a mirror, a spearhead, and a fragment of a knife, see Solovyova et al. 1994: figs. 1-6, 8, 15), and the upper part of a terracotta figurine. The floor was strewn with grains of cereals and covered with firewood. After that, the structure was burnt down, after which the floor was first dressed with clay and then covered with pieces of plaster. Walls were destroyed, and a fragment of a twisted copper pin was placed on top of the northwestern wall (Solovyova et al. 1994: fig. 2-2). The entrance and the remaining part of the structure were bricked up (bricks were taken from the walls of the same structure).

Complex 14.3, level III (fig. 5) postdates complex 26.3 in excavation 3. Its surface area is 51 sq.m. Apart from the main room, the household included two semibasements 24 and 25 destined for utilitarian needs, main courtyard 13 and possibly certain structures situated behind the northeastern wall of the complex (constructively, however, these are not related to the complex).

In the floor of the main room, along the northeastern and southwestern walls, 9 pits for the vessels were made. One more was situated between the northwestern wall and the smaller side of the largest of the three benches in this room. All the three are made of mud bricks coated with a thick layer of paste. The edges of the seats and four legs of each bench in this room, as well as benches in other complexes of levels III and II, were made in the same technique, apparently in imitation of wooden benches. The space between the legs was painted black, while the legs and the seats were painted red. The southeastern side of the bench to the right of the entrance is shaped like a semicircle encompassing the painted khum dug into the floor. A rectangular adobe structure, plastered on the sides, was added to the central bench. It apparently supported the roof.

The box was a rectangular mass of debris and fragments of architectural details.

Complex 18.3, level II (fig. 4) is the uppermost and the worst preserved level in excavation 3. The

surface area of the main room is 47 sq.m. Near one of the two benches, situated closer to the centre, there lay two copper awls and a fragment of a copper knife (Solovyova et al. 1994: fig. 2-9, 17). To the right of the central bench, two painted khums were found. In the left half of the room, two stone vessels whose bottoms had been intentionally broken off were puttied into the floor. At the same place, a large hearth altar, 1.5 m in diameter, was constructed. In the southern corner, on the lower floor, low plastered walls separated a chamber with a miniature entrance and a miniature step bearing near it.

Complex 58.5, level IVA (fig. 17) is one of the smallest (its surface area is 18 sq.m.). On the southeast, it is delimited by the street wall, and on the southwest it borders on complex 10.5 from which it is separated by a wall. Apart from fragments of a khum, which had been placed in a pit near the western corner of the room, an adobe object whose base had been puttied into the floor was found near the southwestern wall. Before the complex was destroyed, all the objects in the room had been broken.

Complex 10.5, level IVA, was situated between complexes 58.5, 26.5, and the street. Its surface area was 27 sq.m. (fig. 17). The area to the northwest of room 10 has not been excavated down to that level. The surface area of the house together with the courtyard is 50 sq.m. The inside of the structure was damaged by pits dug down from level II. The unique feature of this complex is a round tower, partly situated within the box and partly protruding into courtyard 23. It was made of mud bricks set on edge and its floor was also made of bricks.

Within the preserved part (up to the height of about 1 m) there was no aperture. A khum was found on the floor. The box was nearly completely destroyed on the side facing the room, but its bottom part, slanting inwards and painted black, suggests that the decoration was the same as in complexes 26.5 and 58.5 (fig. 18). A fragment of a large grinder had been dug into the floor in a vertical position near the entrance into the main room. Near the northwestern wall, there were three pits for the khums. A small adobe cubicle in the eastern corner contained a copper blade (the largest one to be found in Ilginly-depe) and two copper perforators (Solovyova et al. 1994: figs. 1:1, 2:10, 12).

Complex 10.5, level IIIB (fig. 19). After the repair, the surface area of the complex attained 30 sq.m. (55 sq.m. if the courtyard is included). The complex was burnt down together with the adjoining complex 26.5. Judging by the charcoal, the planks (or logs) were no less than 10 cm thick and belonged to 3-4 species of deciduous trees. In the courtyard, between the square tower and the wall of complex 26, thousands of charred grains of barley were found. Inside the room and in the courtyard, isolated parts of at least three human skeletons were

discovered (burials 67-69), and two agglomerations of human bones including skulls (burials 35,36). One of the burials was accompanied by a Yalagach-type bowl. No traces of fire were discovered on the bones.

Complex 26.5, level IVA-IIIB (fig. 17) is contemporaneous with both stages of existence of complex 10.5, but was not reconstructed. In some respects it resembles sanctuaries 38.3 and 26.3, but is smaller by one third (53.5 sq.m.). Along the axis of the left of the two subsidiary chambers, there was a narrow structure 60 cm high. In its upper part, remains of sections were found, apparently of the same type as those in a well-preserved structure in chamber 37 of complex 38.5. The second chamber was initially a narrow "basement" (fig. 17) and then a podium, painted black and connected with the main room by means of a "window" (fig. 19). Near the walls, there were 11 pits for the khums. In four of them, bottoms of khums were found. Of the five mortars for breaking up ocher, three lay on the floor, one inside a khum, and one was puttied into the floor. The box had a painted and plastic decoration (fig. 18). In front of the door, a female figurine was dug into the floor and wedged with a small stone. About half a liter of wheat grains were strewn nearby. Elsewhere on the floor, only remains of barley grains were found. As in previous samples, determined by Z. Yanushevich and E. Sergusheva, the wheat was *Triticum estivocompactum*, and the barley was *Hordeum vulgare* v. *coeleste* with an admixture of *H. vulgare*.

A triple aperture, 35-40 cm high, connected both chambers of complex 26.5 with the main room. Neither a hearth nor clay benches were found in the room. In the fill, remains of a beam, apparently made of plane-tree, at least 2 m long and 25 cm by 15 cm in section, were found. The beam had been moved away from its original place. Two of its wider surfaces and both narrow ones were painted with red ocher. Before the complex was abandoned, a small copper blade had been placed near each of the three apertures connecting the room with the chambers (one of the two apertures leading to the right chamber had been bricked up). Near the "window" there were agglomerations of stone tools and broken bowls two of which belonged to the Yalagach type and one had a round bottom, was almost triangular in section and had an unusual painted design. The bowl and one of the stone vessels apparently had projections (possibly zoomorphous) on their rims; these projections were broken off. A large copper blade (Solovyova et al. 1994: fig.1:2) lay near the wall of room 54. The charcoal was found all over room 26 and in the left side chamber. On the charcoal layer, isolated skulls and postcranial bones of adults and children were found (burials 59, 60, 61, 70, and 71), and skeletons of two infants aged about 1 month (burial 58) and 4-5 months (burial 64). The

position of the skeletons was unusual: the deceased lay supine, and their hands were behind their heads. Apart from a few phalanges of adults, none of the bones bore traces of fire.

Complex 12.4, level III (fig. 12). This is a small structure, 13 sq.m. in surface area, with a single room. It adjoins a massive wall. A female figurine, dug into the floor near the entrance, resembles figurines or elongated stones found in other complexes of levels IV and III.

Complex 18.5, level IIIA. After the destruction of complex 58.5, its box and the adjacent part of the house wall were used as partitions inside the rectangular structure 55.5, about 20 sq.m. in surface area, 42 sq.m. together with the courtyard (fig. 20). The floors of the rooms were painted black. Near the entrance, on the outer side, a female figurine made of limestone was dug into the ground in the vertical position.

Complex 18.5, 32 sq.m. in surface area, emerged in the process of the reconstruction of complex 55.5 and the destruction of complex 10.5 which was replaced by a courtyard partly paved with potsherds. The utilitarian part of complex 18.5 could also have extended in the northeastern direction up to the bend of the street. At the early stage (level IIIA, see fig. 20), there was no hearth in the main room (no.18), and neither were there any clay benches. The brickwork to the left of the entrance apparently delimited the box. Its wall facing the room has not been preserved, but the floor of the room did not extend beyond that line. The box had apparently been destroyed by burials of infants aged from 2-4 to 6-12 months (burials 79-86). In the fill of the box, isolated bones of a two-year-old child and a facial part of a skull of an adult were found (burials 87, 88).

Complex 18.5, late level IIIA or early IIB (fig. 20). At that stage, the walls of room 18 were not rebuilt. Two copper blades had been left in a wide shallow pit in the northeastern part of the room under the new floor. The box was destroyed, and the brickwork was turned into a projection. In the left half of the room, a hearth-altar was built, and to the right of the entrance, a square structure 115 cm by 100 cm, the base of which was made of bricks placed on edge and arranged (as in complex 58.5) in three rows parallel to the wall with the entrance. Near the southeastern wall, possibly under the latest coating, there were five copper needles which had been either placed in a needle-case or tied together; in the eastern corner, four spindle-whorls lay together on the floor, while the fifth one was placed near the bench.

Complex 9.5, level IIIB (fig. 19). This household, 105 sq.m. in surface area, has been completely excavated. The main structure together with the side chambers had a surface area of 55 sq.m. Complex 9.5 is the only one which contained just one clay

bench. In the left half of the room, there was a hearth-altar with a bowl dug into the hearth pit, and in the right half, a rectangular clay structure, 120 cm by 85 cm, on twelve legs (Masson et al. 1994: fig.3:2). The khum in the northern corner had been broken before the complex was abandoned. Its conical bottom was filled with potsherds from the upper parts, a layer of coating was added above, and a stone was put on top. Near the door connecting the structure with the courtyard, an elongated stone was dug into the floor. Before the complex was destroyed, several copper tools had been left in the side chambers: a copper blade (Solovyova et al. 1994: fig.1:3) and an unused whetstone were found under an upturned bowl in room 21, and a copper chisel, a small copper point, two small bone awls, and two dozens of various stone tools were found in a special cubicle in room 14.

Complex 1.7, level III. The southwestern part of the structure, where the utility chambers may have been situated, has not been preserved. The surface area of the structure was either 51 sq.m. (if the chambers did exist) or about 62 sq.m. if there were none. Two red clay benches were found in the room. The entrance was apparently situated in the southeastern wall near the projection; however, the aperture has not been discovered. A small cubicle in the southern corner resembles that in complex 18.3. At least ten intact spindle-whorls were found in the complex.

Complex 15.4, level III (fig. 12). The surface area of the structure is 73.5 sq.m. The surrounding area has not been excavated down to the respective level. Although the box has been well preserved, the plastic decoration has not been found. In the bottom part of the fill of the box, the top and the right part of the bottom part of a large clay figurine were found (Masson 1993:25). At some stage, there were three red benches in the room. By the time when the structure was abandoned, the central bench had been destroyed by two thirds; none of its fragments were found nearby, but the outlines of the bench have been traced on the floor. In the eastern corner of the room, there were fragments of a khum, a copper rod, and an agglomeration of various stone artifacts (spindle-whorls, a broken weight, and tools for processing grain, skins, paint, and metal).

Complex 3.1, level III (fig. 3). The structure, 81 sq.m. in surface area, is situated on the southeastern edge of the site. Most of the right wall has been destroyed. On the upper floor, near the place where the central of the two clay benches had adjoined the wall, a copper blade and a stone bead were found, and in the corner of one of the narrow chambers, there was a red polished bowl turned upside down.

Complex 25.5, level IIIA (fig. 20). After the destruction of complex 26.5, this area was apparently abandoned for the entire period of functioning of complex 9.5. After the latter had been destroyed,

remains of walls of complex 26.5 sticking out of the debris were demolished, and structure 25.5, 33 sq.m. in surface area, was built on that place. Neither the benches nor the hearth have been found inside.

Complex 30.5, level IIIA (fig. 20). Its surface area is at least 41 sq.m., and the complex is contemporaneous with 25.2. Due to its position in the surface layer, its preservation is incomplete. While the two main red benches were constructed at the same time as was the black floor (the only one in the complex), the bench opposite to the entrance, and apparently one that adjoined the right side wall and has not been preserved, were built later. A bowl was dug into the pit of the hearth-altar.

Complex 3.4, level II (fig. 12). The surface area of the structure can be estimated at about 35-40 sq.m. The right half has not been preserved.

Complex 36.4, late level II (fig. 12). Its surface area is about 45 sq.m. Because it was also situated in the surface layer, its southeastern part, including the hearth (if there was one) has not been preserved. The main pair of benches, covered with ocher, was constructed simultaneously with the single black floor. Apparently there was one more bench opposite to the entrance, but most of it has been destroyed.

Complex 34.4, early level II (fig. 12). Because the floor in the southern corner of room 34 tapers off and appears on the surface, and the area in the northern corner below room 36 has not been cleared out, the general layout of the complex can not be reconstructed in detail. The complex is contemporaneous with utility structure 22. A khum lying on the side, a zoomorphous limestone mortar, and a copper blade were found inside (Masson et al. 1994: fig. 6:2; 1:18).

Complex 59.4, level II (fig. 14). The surface area of this complex is 76.5 sq.m. Its back wall faced street 70. In front of it, there was main courtyard 45,7 m by 14 m, overlaid by several layers of adobe and coating, not by pavement, suggesting that the courtyard was covered (fig. 15, sections a-d-a', c-c'). In the northeastern half of the courtyard, a square structure 10-15 cm high and 165-185 cm in width was cleared out. It was coated with clay four or five times; layers of coating are separated by thin layers of ash. Apparently fire (not a heavy one, though) was made here several times.

A complete set of clay benches, four in number, has been preserved in this sanctuary: the central one (fig. 16:15), another one, adjoining the wall and connected with the first one (fig. 16:16), one along the right (northeastern) wall (fig. 16:17), and one connected with it and facing the entrance (fig. 16:18). All are painted with ocher. In the main room, near the door connecting it with the courtyard, a vertically positioned mud brick, possibly an idol, was protruding out of the floor. Neither the

pits for the vessels nor the vessels themselves nor even their fragments have been found in the building. On the place of the northeastern wall of the complex and immediately behind it, three dozens of small hearths, partly overlapping, were discovered. Stratigraphically, they are related to the period of the destruction and ritual burial of the structure and correspond to the layer of ashes and charcoal which overlaid the entire western half of the main courtyard (fig. 15, sections d-d', d-1, b-b'). In this layer, fragments of a khum with a Geoksyur-type painting were scattered (fig. 16:1,2). The structure to the southeast of the main courtyard was apparently a residence house. Four niches in the wall of room 41 (see Berezkin 1990 for a photo) have no parallels in the Aeneolithic of Turkmenia. South of the residence house, utility courtyard 52 was situated. In the wall separating it from main courtyard 45, there was a stove destined for manufacturing or domestic purposes.

Complex 59.4, level IB (fig. 13). An earlier sanctuary was first filled with loose matter up to the level of the benches and then bricked up. As in courtyard 45, the mud brick was used. The new building was smaller (57.5 sq.m.) and had two successive floor levels, one situated 10 cm above another (fig. 15, section a-d). The benches (fig. 16:13,14) had no side rolls or separate legs. The benches on the upper floor were painted white (with a solution containing plaster or lime) rather than red. They were twice more narrow and lower than the usual ones, and trapezoid in section, widening toward the bottom. Apart from the two main benches, a third one was apparently present, but most of it has not been preserved. Under the floor of one of the utility chambers, a leg of a clay table was found (fig. 16:3).

Conclusions. Some of the features differentiating the complexes are chronological. These apparently include the decor of the boxes and the types of the hearths. A specific plastic and painted decoration (a black horizontal band slanted inward and an upright projection rectangular in section and tapering toward the floor) are not found in complexes later than level III, but are present in all complexes of level IV and earlier ones regardless of their size (38.3, 26.3, 26.5, 10.5, and 58.5). In level III, this decor has been registered in sanctuary 14.3 but not in sanctuary 15.4. In other contemporaneous com-

plexes there are either no boxes or the plaster has fallen off from them. The hearth-altars have not been found in levels earlier than III but are present in all well-preserved complexes beginning from late III (it is impossible to say anything about early III since complex 10.5 is heavily damaged). In completely preserved rooms of level IV (26.3, 26.5, and 58.5), there are no hearths whatever, but in complex 38.3 of level V a round pit with traces of fire on its edges was found in the middle of the room. In level III, a transition from wooden benches to clay ones occurred. However, only complex 26.3, where charred remains of seats with remnants of paint were discovered, indicates that wooden benches existed in level IV and even earlier. Beginning from level III, clay benches are present in all large and middle-sized complexes and even in some small ones (18.5). Another element found (only twice, though) no later than level IV is the podium, open toward the room, on the place of the subsidiary chamber. Its likely prototype is the "sufa" dating from the times of Namazga I in structure 1 at Dashlyji-depe (Khlopin 1960:141, fig.6,9; 1963:15). More remote parallels are provided by platforms of houses of Jeitun Neolithic culture and of sites of Zaghe and Sang-e Chaxmaq in Northern Iran (Masuda 1974, 1976; Negahban 1979).

The principal feature of the evolution of clay benches was the progressive loss of details which did not accord with properties of the new material. In level III, the benches still follow the wooden prototypes in all their details. In level II, the plastic parts become schematic and lose their former elegant outlines, and in level I they disappear altogether. The last to disappear was the red ocher paint.

The number of utility vessels present in the complexes was evidently related to the destination of the latter. In this respect, complexes nos.38.3, 26.3, 14.3, and 26.5 are quite distinct from the remaining ones since 9-12 pits for large vessels were found in each of them.

Decrepit "sanctuaries" were apparently always "buried" according to certain rules, and prestige objects were left behind on the floors or in caches. Ruins of many complexes are "sealed" with mud bricks. Some had apparently been burnt down. In complex 26.5 and in the "cult building" at Geoksyur I, human remains were found inside the rooms destroyed by fire (Sarianidi 1962:49-51).

СТЕНОПИСЬ ИЛГЫНЛЫ-ДЕПЕ

Н.Ф. СОЛОВЬЕВА*

В течении десяти лет Каракумская экспедиция ИИМК РАН совместно с ЮТАКЭ АН Туркменистана под общим руководством В.М. Массона исследует на юге Туркменистана Илгынлы-депе, одно из крупнейших поселений ирано-туркменского региона, которое датируется V — III тыс. до н. э. (Masson, Berezkin, Solovyova 1994).

Во время раскопок Илгынлы-депе были обнаружены уникальные архитектурные комплексы, условно именуемые святилищами. Они представляют собой квадратные в плане блоки строений, включающие, как правило, парадную комнату с несколькими подсобными помещениями и, иногда, жилые или хозяйственные пристройки. Перед фасадами святилищ располагались парадные крытые двory, ограниченные боковыми стенами. Парадные комнаты святилищ отличаются специфической планировкой, богатым внутренним убранством (черные крашенные полы и панели на стенах, покрытые охрой деревянные и глиняные скамьи, алтари и рельефы) и большим количеством ценных находок (Березкин 1992).

На стратиграфическом раскопе 3 к концу 1995 г. исследовано шесть строительных горизонтов, и в каждом, кроме I (верхнего) горизонта, архитектурные остатки которого сохранились лишь в северо-восточной части раскопа, центральное положение занимало святилище, возведенное непосредственно на месте отслужившего свой срок более раннего культового сооружения. Эти архитектурно-ритуальные комплексы характеризуются некоторыми особенностями, уникальными для синхронных памятников Ближнего и Среднего Востока. Более того, своими большими размерами, отделкой интерьеров (сырцовые стулья в IV горизонте, скульптурное изображение протома быка в V горизонте) и находками (медный проушной топор-тесло, глиняная форма для отливки другого типологически близкого топора) они отличаются от святилищ, обнаруженных на других раскопах Илгынлы-депе (Соловьева 1994). Однако, прежде всего, заслуживает внимания настенная живопись, фрагменты которой были найдены в парадных комнатах святилищ стратиграфического раскопа 3.

Жители поселения придавали большое значение цветовой гамме интерьера своих парадных комнат, пол которых, как правило, был покрыт черной краской. В тех случаях когда черного покрытия нет, оно, скорее всего не сохранилось или не было найдено. На полах резко выделялись ярко красные скамьи. Нижние части тщательно оштукатуренных стен имели невысокие черные панели. В отдельных случаях такая панель была лишь на стене напротив входа. Выше панелей стены либо окрашивались белой краской, либо сохраняли цвет штукатурки. Иногда стены были полностью покрыты черной краской, поверх которой в редких случаях наносился рисунок.

Росписи выполнены в двух цветах: черном и светло-желтом (цвет необожженной глины). Мастера Илгынлы-депе пользовались уникальной для своего времени и достаточно редкой даже в современном искусстве техникой сграффито, при которой предназначенную для нанесения рисунка поверхность предварительно покрывали несколькими (минимум двумя) слоями краски различных цветов. Затем по верхнему слою наносили контурный рисунок, с определенных участков которого соскабливали краску до нижнего слоя, непременно, контрастного с верхним по цвету. На Илгынлы-депе стены комнат, в том числе и те, на которых были обнаружены росписи, в начале покрывали штукатуркой, представлявшей собой необожженную глину, смешанную с мелкорубленной соломой. Поверх штукатурки наносили и заглаживали до блеска тонкий черный слой: смесь жидкой глины с большим количеством растертого в порошок древесного угля. При каждом ремонте помещений стены либо заново окрашивали, либо предварительно покрывали новым слоем штукатурки.

На стратиграфическом раскопе 3 остатки росписи были трижды встречены в парадных помещениях — IV (26), V (38) и VI (47) строительных горизонтов. Во всех трех случаях роспись располагалась на стене напротив входа или на архитектурной детали, имеющей отношение к этой стене.

Впервые плохо сохранившийся фрагмент орнамента в виде трех рядов светлых (цвет не-

* Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

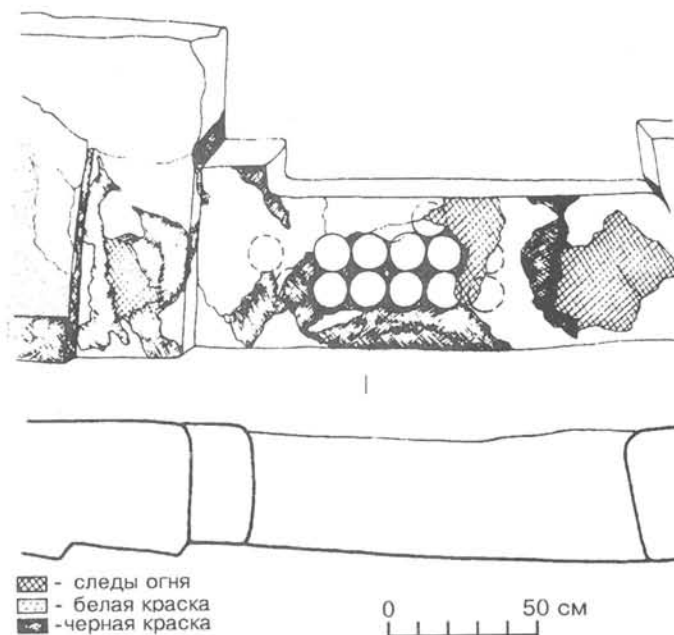

Рис. 1. Фрагмент стенописи из помещения 26 — IV.

Fig. 1 Fragment of wall painting from room no.26 (construction horizon IV).

обожженной глины) кругов одинакового диаметра на черном фоне был обнаружен на северо-западной стене помещения 26 (IV горизонт) (рис. 1). Участок с росписью, находившийся под стенным проемом, был ограничен с одной стороны двумя вертикальными рельефными выступами, не имел горизонтального выступа, который конструктивно оформлял нижнюю часть стены, и был полностью вместе с рамой проема выкрашен в черный цвет. Внизу краска сливалась с черным покрытием пола. Рисунок нанесен по последнему слою черной краски, прорезая все предыдущие до первого неокрашенного слоя штукатурки. Диаметр кругов совпадает с диаметром венчика расписного кувшинообразного сосуда, лежавшего на полу около стены. Возможно, круги на стене являются оттисками венчика этого сосуда. Остальная часть северо-западной стены и все другие стены в помещении 26 имели на высоте 0,2 м от пола горизонтальный рельефный декоративный выступ и были выкрашены от пола до выступа в черный, а выше — в белый цвет.

При исследовании остатков строений V горизонта на полу помещения 38 около его северо-западной стены была найдена окрашенная в черный цвет схематично выполненная протома быка из необожженной глины. Вероятно, первоначально скульптура стояла на стене, фланкируя левый край аналогичного описанному выше проема, а затем по какой-то причине

была сброшена вниз. На правой стороне протомы по последнему слою краски были прорисованы восемь ползущих змей, расположенных одна над другой (рис. 2). Их контурные изображения различной величины были первоначально процарапаны острым орудием, после чего с них соскоблили все слои черной краски до штукатурки. Именно поэтому пресмыкающиеся имеют такую же, как и штукатурка, светлую окраску. Рельефно-расписной декор северо-западной стены помещения 38 аналогичен декору северо-западной стены в помещении 26 (IV горизонт).

В обоих случаях — и в помещении 26 (IV горизонт), и в помещении 38 (V горизонт) — однослойная, состоящая из повторяющихся элементов, роспись наносилась лишь однажды — при последнем ремонте стен парадных комнат и не была намеренно скрыта или разрушена при оставлении помещений.

На северо-западной стене (сохранившаяся высота 0,7 м) помещения 47 (VI горизонт), которое служило парадной комнатой самого раннего из исследованных на конец 1995 года святилищ Илгынлы-депе, обнаружено семь слоев штукатурки, из которых пять, со второго по шестой (счет по порядку нанесения), были расписаны в традиционной илгынлынской манере (рис. 3).

Вблизи северного угла помещения 47 в стене сохранилась нижняя часть широкого про-

ема, аналогичного проемам в северо-западных стенах парадных комнат святилищ IV и V горизонтов. Участок под проемом был отделен слева от остальной части стены двумя вертикальными декоративными выступами, пространство между которыми не окрашивали в черный цвет, а также не имел горизонтального выступа в нижней части стены. После каждого из семи ремонтов, участок под проемом сохранял черную окраску на всю свою высоту. В этой части помещения черное покрытие стены сливалось внизу с черным цветом пола, а сверху покрывало нижнюю часть рамы проема и высокий, практически до уровня проема, пол подсобного помещения 46, которое располагалось за стеной с проемом. Все слои штукатурки остальной части стены на высоте 0,1 — 0,15 м от пола имели горизонтальный рельефный декоративный выступ. Под ним находилась узкая неокрашенная, полоска поверхности стены, являвшаяся границей, разделяющей черный пол помещения и черный фон стены.

Первый слой штукатурки служил грунтом и не имел следов краски; последний, (седьмой), слой намеренно скрывал роспись и был выкрашен от пола до горизонтального выступа черной краской. Толщина штукатурки первого и последнего слоев — 5–8 мм, толщина расписанных слоев — 1–3 мм.

Множественно повторяемые элементы росписи одинаковы почти для всех слоев: лежащий рожками вверх полумесяц, стилизованное дерево, круг и змея. Первые два элемента отсутствуют на третьем слое, на четвертом и пятом слоях прибавляется мифический персонаж (рис. 4).

Одинаково и пространственное решение композиции: левую большую часть росписи занимают круги в разном сочетании с полумесяцами, деревом и находящимся возле него ми-

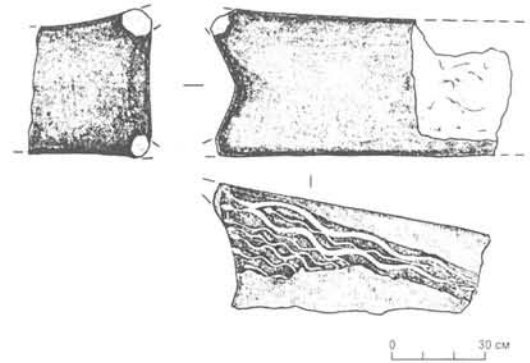

Рис. 2. Протома быка с росписью из помещения 38 — V.

Fig. 2 Protome of a bull, painted, from room no.38 (construction horizon V).

фическим существом, а расположенные друг над другом змеи, ползущие влево, всегда помещены на правом участке стены под проемом. Вертикальные рельефные выступы с неокрашенным пространством между ними, узкая неокрашенная полоска стены у пола и притолока прохода в помещение 45 выделяют основную композицию, и, напротив, сплошное черное покрытие участка стены с изображениями пресмыкающихся, нижней части рамы проема и полов в помещениях 46, 47 создает ощущение единства змей и черного интерьера. Количество змей и их размеры меняются от слоя к слою, но неизменным остается направление движения — влево, к остальной части композиции.

Сохранившийся фрагмент первого слоя левой части росписи как и остальные слои, в основном, заполнен рядами кругов разной величины: чем ниже они расположены, тем меньше их диаметры. Ниже кругов находятся лежащие рожками вверх полумесяцы, цепь которых в одном месте прервана маленькими кругами: справа четыре полумесяца изображены попар-

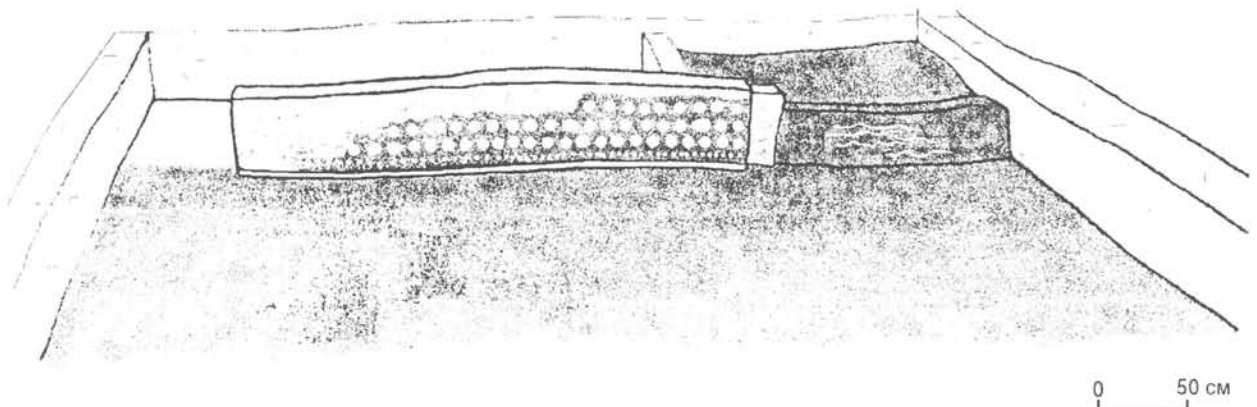

Рис. 3. Схема расположения стенописи в помещении 47 — VI (фрагмент настенной росписи нанесен условно).

Fig. 3 Scheme showing the arrangement of wall painting in room no.47 (construction horizon VI). The fragment of painting shown in the picture does not represent any real find.

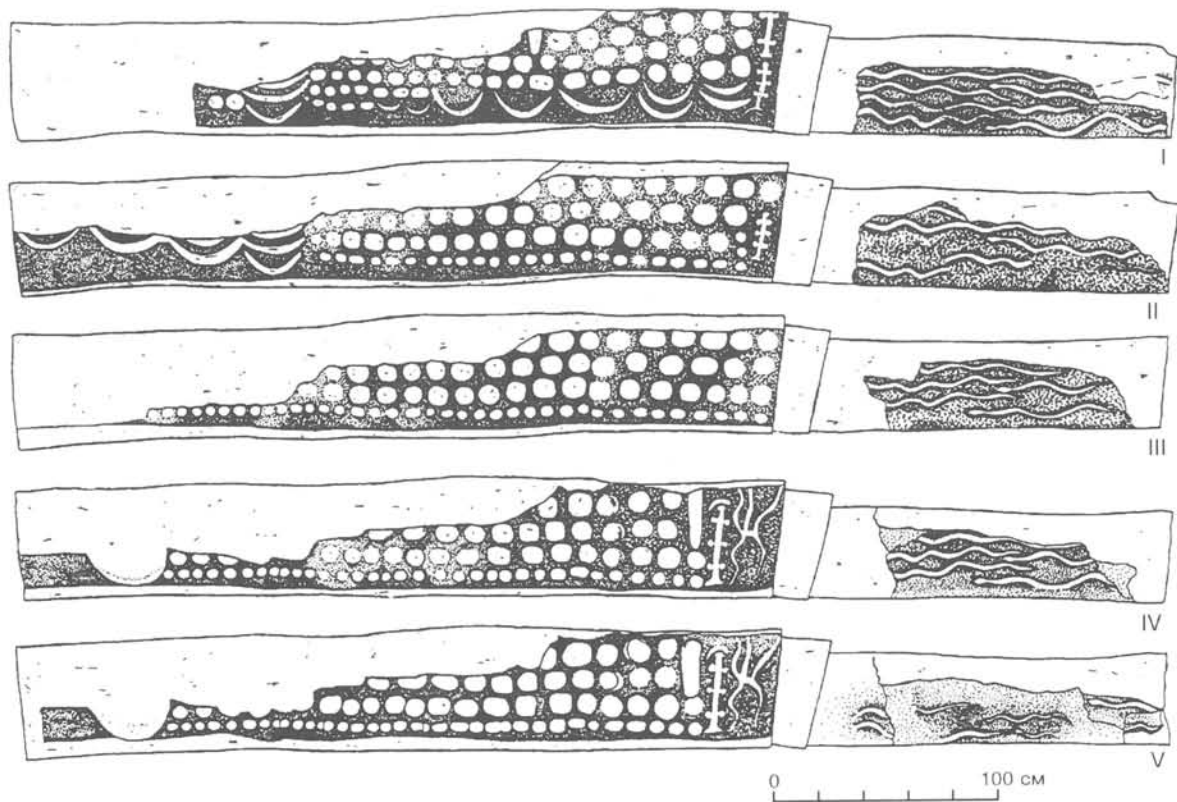

Рис. 4. Пять слоев стенописи из помещения 47 — VI.

Fig. 4 Five layers of wall painting from room no. 47 (construction horizon VI).

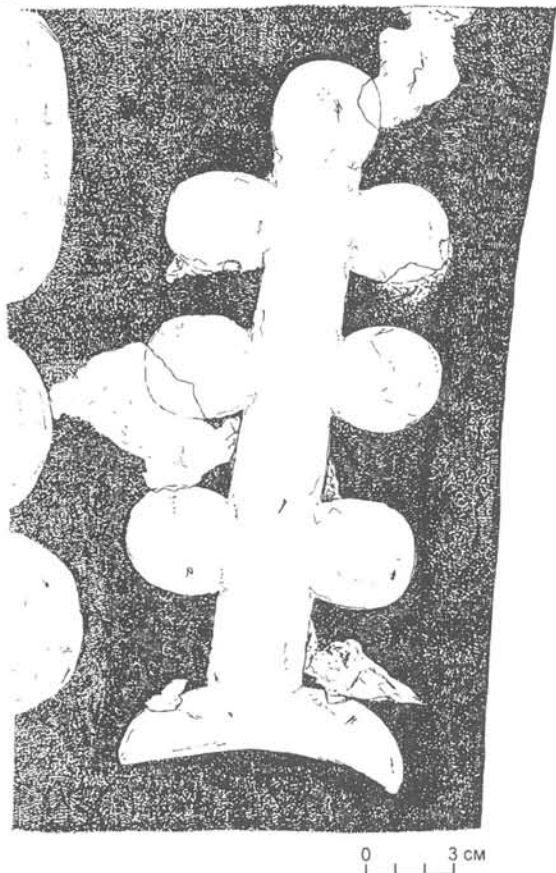

Рис. 5. Фрагмент второго слоя стенописи из помещения 47 — VI.

Fig. 5 Fragment of the second layer of wall painting from room no. 47 (construction horizon VI).

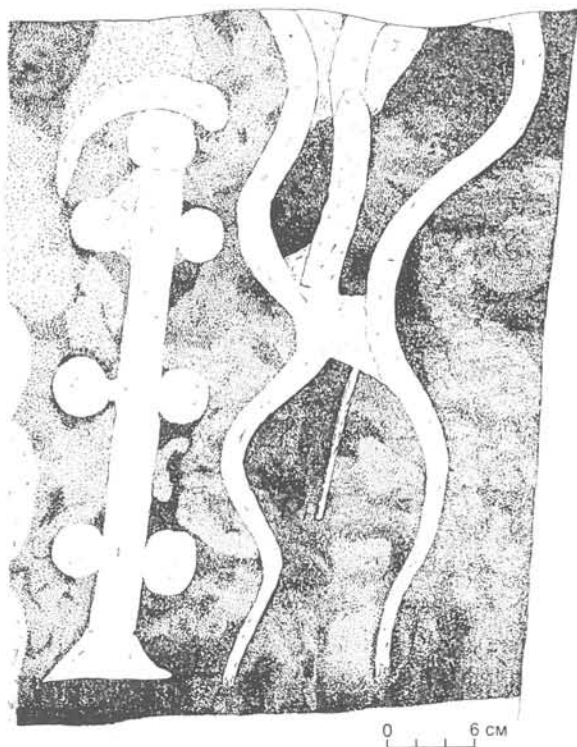

Рис. 6. Фрагмент четвертого слоя стенописи из помещения 47 — VI.

Fig. 6 Fragment of the fourth layer of wall painting from room no. 47 (construction horizon VI).

но друг над другом, слева, также один над другим, — три полумесяца. Справа ряды кругов и полумесяцев фланкируются растущими друг над другом стилизованными деревьями с прямым стволом, корнем, макушкой и тремя парами зеркально расположенных веток в виде кругов (рис. 4:1).

На втором слое все полумесяцы смещены на левый край и расположены друг над другом, минимум, в два ряда, на правом краю — дерево (рис. 5); между ним и полумесяцем сохранились четыре ряда кругов, нижний ряд состоит полностью из маленьких кругов, во втором ряду справа вместо одного большого круга нарисованы два маленьких (рис. 4:II).

Роспись третьего слоя аналогична композиции средней части второго, однако в ней отсутствуют изображения полумесяцев и деревьев (рис. 4:III).

Композиции четвертого и пятого слоев практически идентичны, несколько смещены лишь круги (рис. 4:IV, V); на левых краях сохранились контуры большого полумесяца. Основное пространство, как обычно, занимают ряды больших и маленьких кругов. Справа находится дерево, аналогичное изображениям на предшествующих слоях росписи, но более высокое, и стоящий на двух конечностях рядом с деревом мифический персонаж, сочетающий антропоморфные черты (рис. 6). Голова существа не сохранилась, его передние (верхние?) конечности подняты, на изображении четвертого слоя имеется хвост (фаллос?). Дерево и существо, судя по направлению волокон штукатурки, первоначально представляли собой барельефы,

выступающие части которых были сбиты при нанесении следующего слоя штукатурки. Слева от дерева над крайним кругом второго ряда помещен вертикально стоящий предмет, овально-удлиненной формы. Вероятно, нижняя часть аналогичного предмета сохранилась в центре композиции первого слоя росписи. Над макушкой дерева угадывается плохо сохранившееся непонятное изображение в виде лежащей дугой вверх запятой. Возможно, это корень еще одного дерева, ствол и ветви которого находились выше на несохранившейся части росписи.

Роспись, найденная на Илгынлы-депе, является четвертой по счету находкой настенной живописи на земледельческих поселениях южной Туркмении. В 50-х — 60-х годах фрагменты полихромных геометрических настенных росписей были обнаружены в энеолитических слоях северного холма Анау и Ясы-депе (Хлопин 1963:9, 13, табл. IV, XI), а на поселении джейтунской культуры Песседжик-депе были найдены фрагменты рисунков людей и животных, напоминающие росписи Чатал-Гуека (Бердыев 1972:38-39). Однако, ни по сюжетам, ни по манере исполнения стенопись Илгынлы-депе не похожа на росписи указанных памятников. Более того все известные немногочисленные остатки настенной живописи древнеземледельческих поселений, независимо от сюжета, выполнены в традиционной манере моно- или полихромного рисунка красками, что ставит в особый ряд выполненные в технике сграффито фрагменты росписи стен Илгынлы-депе.

Бердыев, О. 1972. Древнейшие настенные фрески // Успехи среднеазиатской археологии 1: 38-39. Ленинград: Наука.

Березкин, Ю.Е. 1992. Архитектурный комплекс как объект ритуального разрушения (Илгынлы-депе, период Намазга II) // Известия Академии Наук Туркменской ССР. Серия общественных наук 4: 27-34. Ашхабад.

Соловьева, Н.Ф. 1994. Илгынлы-депе: продолжение исследований на раскопе 3 // Изучение древних культур и цивилизаций. Материалы к пленуму: 16-20. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.

Хлопин, И.Н. 1963. Энеолит южных областей Средней Азии. Часть I. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении // Археология СССР. Свод археологических источников. Москва-Ленинград: Академия Наук СССР.

Masson, V.M., Yu.E.Berezkin, N.F.Solovyova. 1994. Excavations of houses and sanctuaries in Turkmenistan // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia: 18-24. Sankt-Petersburg: Institute of the History of Material Culture. Russian Academy of Science. World Archaeological Congress.

THE WALL-PAINTING OF ILGINLY-DEPE

During the last decade, the IIMK Kara-Kum Expedition has been excavating the Ilginly-Depe site, South Turkmenistan, one of the largest in the entire Irano-Turkmenian area, dating from the fifth

to the third millennia BC (Masson et al. 1994).

The excavations have brought to light unique architectural associations, tentatively described as sanctuaries. They are square blocks of structures

usually including the main room with several subsidiary rooms and, sometimes, living and utility annexes. In front of their facades, covered courtyards delimited by the side walls were situated. The main rooms have a regular layout and a rich decor which includes floors painted black, wall panels, wooden and clay benches painted with ochre, altars and reliefs. Numerous unique artifacts were found inside (Berezkin1992).

By late 1995, six construction horizons were revealed in excavation area no.3. In each horizon except the upper one, which was preserved in the northwestern part of the area only, the space in the centre is occupied by a sanctuary constructed directly at the place of an earlier ritual structure. In some respects, the sanctuaries are unique among the synchronous structures of the Near and Middle East. Their large size, certain elements of their decor (adobe seats in horizon IV, a sculptural protome of a bull in horizon V) and artifacts found inside, such as a copper socketed axe-adze and a clay mould for a similar type of axe, distinguish these sanctuaries from those excavated elsewhere in Ilginly-Depe (Solovyova 1994). The most important discovery, however, is the wall painting, the fragments of which were found in the main rooms of the sanctuaries in excavation area no.3.

The inhabitants of the site evidently attached considerable importance to the colour decoration of the interiors. The floors were usually painted black (where no black paint was found, it had apparently been lost). Bright red benches contrasted with black floors. The bottom parts of thoroughly plastered walls were decorated with low black panels. Sometimes only the wall facing the entrance had a panel. Above the panels, walls were either whitewashed or left unpainted. Sometimes they were covered with black paint all over, and occasionally a design was painted on the black surface. Designs were made either in black against the light background or in light yellow, the colour of unbaked clay. The painters used a technique of sgraffito, which was unique at that time. The surface of the wall was covered with at least two layers of paint differing in colour. Then an outline drawing was made on the outer coating and some parts of it were incised to reveal a ground of a contrasting colour. Walls, including those with designs, were plastered. The plaster consisted of unbaked clay mixed with chopped straw. Over the plaster, a thin coating of black paint was applied and polished. The paint was a mixture of clay, water, and a large amount of ground charcoal. During each repair, the walls were either just repainted or first replastered and then painted anew.

In excavation area no.3, fragments of painted designs were discovered in main rooms of construction horizons IV (room no.26), V (room no.38), and VI (room no.47). In all the three instances, the

patterns were found on the wall opposite to the entrance or on an architectural detail connected with it. The first to be found was a poorly preserved fragment of a design on the northwestern wall of room no.26 (horizon IV). It consisted of three rows of identical light-coloured circles painted against the black background (fig.1). The space covered with the design was situated below the wall aperture between the two upright projections and had no horizontal projection which delimited the lower part of the wall elsewhere. This area was painted black as was the frame of the aperture. In the bottom part, the paint merged with that of the floor. The pattern, made against the upper layer of black paint, cut through all the earlier layers down to the unpainted plaster ground. The diameter of the circles coincides with that of the mouth of an unpainted jug which lay on the floor beside the wall. Perhaps the circles are imprints of its rim. The remaining part of the northwestern wall and all other walls in room no.26 were marked by a horizontal projection situated 0.2 m above the wall and were painted black from the floor up to the projection; above this level, they were whitewashed.

On the floor of room no.38 in horizon V, near the northwestern wall, a schematic protome of a bull made of unbaked clay was found. Perhaps the sculpture originally stood on the wall marking the left edge of an aperture similar to the one described above. Then, for some reason, it was thrown down. On the right side of the protome, against the upper paint layer, eight creeping snakes situated one above another are drawn (fig.2). Their outlines, differing in size, were first incised with a sharp tool and then all layers of black paint were removed and the plaster ground was revealed. For that reason, the reptiles are light-coloured. The relief and the painting of the northwestern wall in room no.38 are similar to those of the respective wall in room no.26 of horizon IV.

In both cases, the patterns consisting of a succession of similar elements were painted just once, during the last repair of the walls, and had not been destroyed before the structures were abandoned.

On the northwestern wall (preserved up to the height of 0.7 m) of room no.47 in horizon VI, which was the main room of the earliest among the sanctuaries excavated by late 1995, seven layers of plaster were found, five of which (nos.2-6 beginning from the earliest one) were painted in a manner traditional for Ilginly-Depe (fig.3). Near the northern corner of the room, the lower part of a wide aperture similar to those in the northwestern walls of the main rooms in horizons IV and V, was revealed. The space below the aperture was separated from the remaining part of the wall by two upright projections, and the horizontal projection in the bottom part of the wall was lacking. The space between the two upright projections was left un-

painted. After each of the seven repairs, the entire area below the aperture remained black. In this part, the black paint of the wall merged with the same paint covering the floor. Above, the black paint covered the lower part of the frame of the aperture and the floor of the utility room no.46 situated behind the wall, its floor being almost level with the aperture. At the height of 0.1-0.15 m above the floor, a horizontal projection has been traced on all the layers of plaster on the remaining part of the wall. Below it, a narrow unpainted strip of the wall separated the black-painted floor from the wall of the same colour.

The lower layer of the plaster, unpainted, provided the ground; the upper, 7th, layer was intentionally applied to hide the pattern. It was painted black from the floor up to the horizontal projection. The first and the last plaster layers are 5-8 mm thick, and the unpainted ones, 1-3 mm thick. The elements of the pattern, repeated many times, are the same in nearly all layers: a crescent with horns turned upwards, a stylized tree, a circle, and a snake. The first two elements are lacking in the third layer, and in the fourth and fifth layer, a mythological character is added (fig.4).

The spatial layout of the composition, too, is similar: while the larger part of the painting (the left one) is filled with circles variously combined with crescents and a tree with a mythological character under it, the right part of the wall below the aperture is always painted with snakes situated one above another and creeping to the left. The upright projections separated by an unpainted space, the narrow unpainted stripe of the wall near the floor, and the lintel of the doorway leading to room no.45 delimit the main composition. In contrast, the uninterrupted black paint in that part of the wall where snakes are represented, the lower part of the frame of the aperture, and the floors in rooms nos.46 and 47, convey an impression that snakes are associated with the black colour. The number of snakes and their size vary from layer to layer, but their heads are always directed to the left, toward the remaining part of the composition.

The preserved fragment of the first layer in the left part of the painting, as the other layers, is mainly filled with rows of circles differing in size: the lower they are situated, the smaller they are. Below them, there are crescents lying horns up (in one place, their succession is interrupted by small circles). On the right, four crescents are painted pairwise one above another, and on the left, three crescents, arranged likewise. On the right, rows of circles and crescents are flanked with stylized trees growing one above another. Each has a straight

trunk, roots, a top, and three pairs of symmetrical circular branches (fig.4:I).

In the second layer, all the crescents are shifted to the left and arranged in at least two rows, one above another. On the right, a tree is depicted. Between it and the crescent, four rows of circles are preserved, the lower one consisting of small circles only; in the second row on the right side there are two small circles instead of a large one (fig.4:II).

The painting of the third layer is similar to that of the middle part of the second one. However, there are no crescents or trees (fig.4:III).

Compositions of the fourth and fifth layers are virtually identical, except that circles are somewhat displaced (fig.4:IV,V); on the left margin, an outline of a large crescent is preserved (fig.4:IV,V). As usual, most of the space is filled with rows of small and large circles. On the right, there is a tree similar to those on earlier layers but higher. Beside it, a mythological character is depicted standing upright. It combines anthropomorphous and zoomorphous features (fig.6). Its head has not been preserved, its fore (or upper) limbs are uplifted, and the figure in the fourth layer has a tail or a phallos. Judging by the direction of fibers of the plaster, both the tree and the mythological character were bas-reliefs whose shapes were cut away during the application of the next layer of plaster. To the left of the tree, below the last circle in the second row, an upright object, elongated-oval in shape, is represented. Apparently the lower part of a similar object is preserved in the centre of the composition on the first layer. Above the top of the tree, there is a poorly preserved element shaped like a comma with arch directed upward. This may be a root of another tree the trunk and branches of which have been destroyed.

The wall painting discovered at Ilginly-Depe is the fourth to be found on the agricultural sites of southern Turkmenia. In the 50s and 60s, fragments of polychrome wall painting in the geometrical style were discovered in the Aeneolithic horizons of the northern hill at Anau and Yassy-Depe (Khlopin 1963:9,13, tables IV,XI). At the Jeitun Culture site of Pessejik-Depe, fragments of painted representations of humans and animals resembling those of Chatal-Huyuk were found (Berdyev 1972:38-39). However, in terms of subject and manner, the Ilginly-Depe wall painting has no parallels among these few finds. Moreover, while all the few fragments known from the agricultural sites, regardless of subject, are made in the traditional manner of monochrome or polychrome painting, the sgraffito art of Ilginly-Depe is unique.

ДРЕМАЙЛОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ЮГЕ УКРАИНЫ

В.А.САМАР*

Дремайловское поселение находится между селами Змеевка и Новоберислав Бериславского района Херсонской области (Южная Украина), примерно в 4 км от г. Берислав, вверх по течению Днепра (рис. 1:1). Оно расположено на левом склоне одноименной балки, в настоящее время затопленной водами Каховского водохранилища.

Левый склон балки в древности был пологий, правый — обрывистый, с массовыми выходами известняка и гранита. Глубина балки, протянувшейся в степи на несколько километров, достигала 20 м.

Когда-то по дну балки, окрестности которой были покрыты лесом, протекала река Дремайловка (Яворницький 1990:31,37). В этом месте с древнейших времен функционировала одна из самых удобных переправ через Днепр (Бураков, Антонова 1951:8). Необходимо также отметить, что грузы из Северо-Западного Причерноморья в Крым могли транспортироваться только через Дремайловскую балку.

В 1925 году между селами Змеевка и Новоберислав (Бураков 1952:1) был найден Бериславский клад бронзовых изделий, состоящий из семи серпов, семи топоров и сорока двух слитков бронзы. Он был опубликован в 1948 году (Добровольский 1948:152-163) и позднее всесторонне рассмотрен в работах А.Н.Лескова (Лесков 1967:167-169; Leskow 1981) и И.Н.Шарафутдиновой (Шарафутдинова 1982). Вполне вероятно, что этот клад был обнаружен в Дремайловской балке.

В 1951-52 г.г. А.В. Бураковым и сотрудницей Херсонского музея И.А.Антоновой было исследовано Змеевское поселение эпохи бронзы, которое находится в 0,5 км от Дремайловского. А.В.Бураков расчистил на Змеевском поселении 13 различных построек. Археологические материалы, найденные при раскопках этого поселения, относятся к белозерскому времени (раскопы I и II) и к позднесабатиновскому (раскоп III). А.В.Бураков еще в 1956 г. установил, что керамика из раскопа III является более ранней и что типологически она близка керамике “нижних слоев поселений Ушкалки и Сабатиновка, в то время как материал из раскопов

I и II — близок материалам верхних слоев поселений Ушкалки и Бабино IV”.

И.Н.Шарафутдинова считает, что “хронологический разрыв между этими участками не продолжителен”, а часть поселения, где был разбит раскоп III, заселен “значительно позже собственно Сабатиновского поселения” (Шарафутдинова 1982:16).

В 1981 г. Н.П.Оленковский открыл Дремайловское поселение. С помощью шурфов он установил наличие культурного слоя на памятнике и определил его примерные границы. В отчете Н.П.Оленковского указано, что “подъемный материал собран в двух, разделенных древней балкой, местах, являющихся двумя участками одного поселения.” После анализа полученного материала Н.П.Оленковский пришел к выводу о том, что данное поселение относится к “эпохе поздней бронзы” (Оленковский 1981:9,10).

Весной 1989 г. мною была произведена разведка в Дремайловской балке. Было установлено, что протяженность сохранившейся части поселения, вытянутого с востока на запад вдоль современной береговой линии Каховского водохранилища, составляет 250 м. Поселение располагалось на трех близлежащих мысах, разделенных древними балками (рис. 1:2). Толщина культурного слоя памятника неравномерна. Восточная часть поселения имеет тонкий культурный слой, мощность которого увеличивается в западном направлении. На западной оконечности поселения он достигает максимальной толщины. Здесь же, в обресе береговой линии, были обнаружены каменные фундаменты жилищ.

В том же 1989 г. были начаты раскопки поселения, которые продолжались до 1992 г. Эти исследования проводились сначала экспедицией Запорожского государственного университета, а затем экспедицией Запорожского областного краеведческого музея (Самар 1990, 1992). Для определения точных границ поселения было заложено 12 шурфов (2 x 2 м) и 4 траншеи (10 x 2 м), большая часть которых исследована Н.П.Оленковским. За четыре сезона стационарных работ раскопано около 1,5 тыс. м² культурного слоя поселения на глубину 0,6-1,2 м.

* Украина. Запорожье. 330393. ул Чекиста, 31а. Областная инспекция по охране памятников истории и культуры

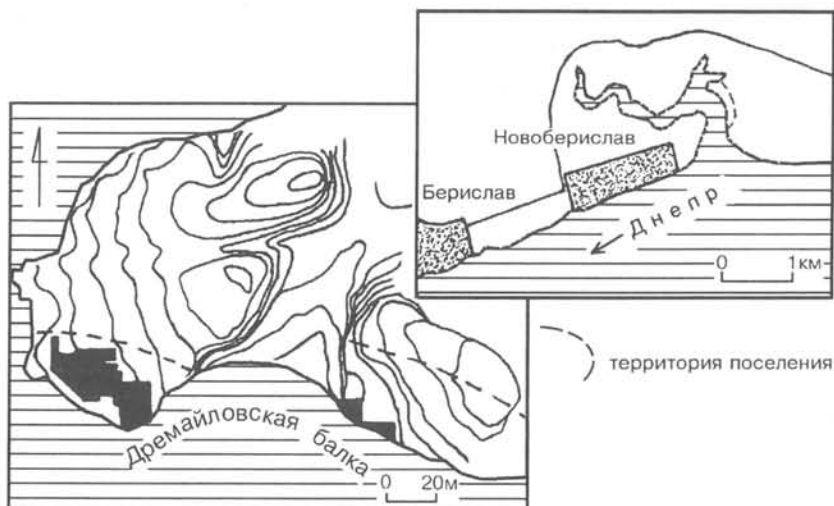

Рис. 1 1 - ситуационный план Дремайловского поселения; 2 - план Дремайловского поселения.

Fig. 1 1 - Map showing the location of Dremaylovka, territory of the site; 2 - Dremaylovka: plan of the site.

Стратиграфия. Дремайловского однослойного поселения одинакова на всех раскопах.

Вверху располагался дерновый слой, включающий тонкую прослойку слабо гумусированного чернозема с небольшими примесями наносного песка и ракушек. В нем обнаружено небольшое количество фрагментов керамики от сабастиновского до скифского времени. Во многих местах этот слой поврежден более поздней перекопкой. Его нижняя граница плохо прослеживается.

Ниже залегала прослойка серого цвета, насыщенная культурными остатками. Она состоит из мешаного чернозема с примесями супеси и суглинка. Прослойка в основном содержит материал сабастиновской культуры и спорадически — находки более позднего времени. Здесь обнаружены в большом количестве расколотые кости животных, мелкие и раскрошившиеся камни известняка и ракушечника. Во многих местах, преимущественно возле фундаментов стен построек, наблюдаются оставшиеся от рухнувших стен помещений большие скопления глины и песка, образующие пятна бурого цвета.

Третья прослойка включает фундаменты стен жилищ. Исследование полов жилищ затруднено, так как в некоторых местах полы располагаются примерно на одном уровне с водами Каховского водохранилища. Следует также указать, что лесопосадка, которая в настоящее время находится на территории поселения, мешала необходимой последовательности проведения раскопок.

Архитектура и домостроительство. На Дремайловском поселении обнаружены остатки двух жилищ. В раскопах I и II расчищено жи-

лище 1, в раскопах III и IV — жилище 2. В связи с вышеуказанными причинами обе постройки исследованы лишь частично.

Жилище 2 расположено в центре поселения. Одна его часть уничтожена водой, другая находится в обрыве береговой линии водохранилища. Исследована вытянутая по линии запад-восток внутренняя стена жилища, делящая его на помещения. Она сложена из крупных (высотой до 1 м) плит известняка, поставленных на ребро и слегка углубленных в землю относительно пола постройки. Плиты подогнаны вплотную друг к другу, щели между ними забутованы мелким камнем. Восточную часть стены, которая оказалась ниже западной, нарастили, уложив на плиты один-два ряда камней меньших размеров.

Жилище 2 находится намного выше уровня воды, поэтому его пол полностью исследован. Отмечена посыпка пола песком и глубинной глиной. В некоторых местах зафиксирована слоющаяся обмазка пола, который повышается от стен к центру помещения. В 1,5 м от стены в полу обнаружено углубление ладьевидной формы, длиной 1,47 м, шириной (по верхнему срезу) 0,48 м, глубиной 0,34 м. По всей его длине располагались поперечные канавки, находившиеся на одинаковом расстоянии друг от друга. На дне углубления и в его заполнении обнаружены фрагменты деревянной конструкции. По-видимому, в углублении было установлено деревянное корыто с ребрами жесткости, которые оставили следы в виде канавок. В жилище 2 найдена керамика позднесабастиновского и белозерского времени. Этот керамический комплекс идентичен материалу из жилища 1.

Жилище 1 располагалось, по моему мнению, на самом западном участке поселения. Исследованная на сегодняшний день площадь этого дома составляет 800 кв.м.

Внешние стены постройки с северной и южной сторон находятся в границах раскопов (рис. 2). Семь помещений изучено полностью, пять — частично. Жилище 1 представляет собой многокамерное сооружение, которое можно разделить на два функционально различных модуля: северный и южный. Северный модуль был предназначен преимущественно для бытовых нужд, южный — для хозяйственных. Северный модуль (помещения 1, 2, 5, 12) характеризуется строгой планировкой, мощная кладка фундаментов стен его помещений отличается аккуратностью.

Площадка, на которой возведено жилище 1, плавно понижается к югу и западу на 1,5 м, поэтому фундаменты стен южной части дома сооружены на небольшой подушке-подсыпке из материковой глины и суглинка. При постройке комнат, расположенных по линии восток-запад, применили иной строительный прием: фундамент западной стены помещения 5 покоился на небольшом уступе, который был сооружен с учетом естественного повышения в этом месте уровня строительного горизонта.

Подобные случаи были отмечены и ранее: в жилище Змеевского поселения (раскоп III) фундамент помещения 5 был на 0,3 м ниже фундамента помещения 3 (Бураков 1961:34); в жилище Анатольевского поселения «основания кладок помещений № 2 и 3 лежат немного ниже, чем подошва помещения № 1» (Черняков 1985:38). На этом основании для Змеевского и для Анатольевского поселений выделены два хронологических горизонта. Однако я, вслед за Н.Н.Погребовой и И.Т.Черняковым, полагаю, что в пределах каждого из двух вышеупомянутых поселений застройка носила единовременный характер. Дремайловское жилище 1 лишней раз подтверждает эту мысль. Разные уровни фундаментов помещений свидетельствуют не о двух этапах строительства домов, а указывают на то, что, возводя жилище, люди старались рационально приспособиться к перепаду уровней строительной площадки.

Входы в комнаты дремайловского жилища 1 были размещены с северной стороны постройки (рис. 2). В помещение 2 вел вход шириной в 1,3 м, за которым находился своеобразный внутренний коридор длиной 4,8 м. Справа, в 2 м от входа, располагалась округлая ниша диаметром 1,6 м. Ширина входа в нишу составляет 0,64 м. Основание фундамента ниши, как и основание внешней стены и западной стены коридора, сложено из крупных известняковых плит.

Перед входом в помещение 2 обнаружено

большее, чем в других местах, количество фрагментов керамики (около 100) и обломок бронзового изделия. На полу коридора найдены наковаленка для ювелирных работ, бронзовое шило, гранитные отбойники, фрагмент лезвийной части шлифованного топора, ложила из обломков глиняных сосудов.

Вход в помещение 5 имеет более простую конструкцию. Он также располагался у окончания апсидовидной внешней стены. Пространство длиной 1,2-1,8 м, отделяющее дверь комнаты от внешнего мира, было, вероятно, перекрыто сверху козырьком. Ни пяточных камней, ни достоверных следов двери не обнаружено. В том месте, где оканчивалась апсидовидная стена, зафиксирована небольшая разница уровней пола помещения и поверхности улицы (своеобразный порог высотой 0,1 м).

Вход в помещение 12, исследованный в 1992 г., конструктивно идентичен входу в предыдущую комнату. Хуже всего зафиксирован вход в помещение 1. При входе в эту комнату обнаружена зернотерка из мелкозернистого песчаника со следами сработанности.

Вопрос о том, каким образом комнаты жилища 1 были связаны между собой, остается открытым. Достоверно зафиксированы лишь три дверных проема: между помещениями 2 и 4, 4 и 11, 6 и 9 (рис. 2). Таким образом, в раскопанной части жилища северный модуль связан с южным только в одном случае: помещение 2 — помещение 4 — помещение 11. Из всех комнат северного модуля только в помещении 2 находились три хозяйственные ямы (одна из них служила погребом) и очажная площадка, основание которой выложено ровными плитками сланца (рис 2: пом.2-8).

Конструкции фундаментов стен жилища 1 представлены двумя типами, характерными для домостроительства степной зоны Украины в эпоху бронзы: а) постелистая, иррегулярная кладка высотой в один-пять рядов камней, шириной в один ряд; б) кладка высотой в три ряда камней, шириной в два ряда. Первый тип кладки применяли при сооружении фундаментов внутренних стен жилища. Основание такого фундамента составляли большие рваные камни известняка и ракушечника. Сверху на них укладывали камни меньших размеров. Во многих случаях пространство между камнями забутовано щебнем. Связующим материалом при строительстве фундаментов внутренних стен помещений выступала глина, смешанная с черноземом, речным песком и костями животных. В нескольких случаях зафиксированы неразрушившиеся углы внутренних стен постройки. Они укреплены более мощными каменными плитами, поставленными на торец. Части фундаментов внутренних стен, несущие дополни-

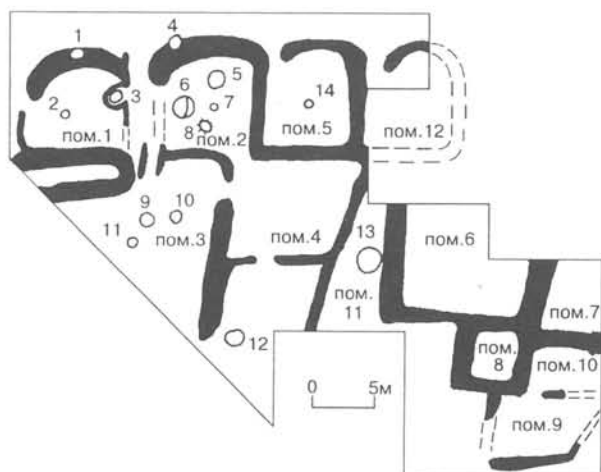

Рис. 2 Дремайловское поселение. План жилища 1.

Fig.2 Dremaylovka: plan of house No.1.

тельную нагрузку (например, вход в нишу), были укреплены каменными плитами таким же образом. Другие “неопасные” участки фундаментов в соответствии с традиционными приемами домостроения были сделаны из многих слоев мелких камней. Второй тип кладки использовали при сооружении фундаментов внешних стен.

Соприкасающиеся стены помещений иногда расположены под углом в 100° друг к другу. В некоторых случаях в месте соединения они закруглены и их конфигурация напоминает клюку или посох. Внутренние стены (Б) жилищ возведены раньше, чем внешние стены (А). “Посоховидные” закругления стен Б были перекрыты аналогичными закруглениями стен А. Внешние и внутренние стены помещений связаны на двух уровнях. В месте их соединения имеется похожее на колодец сооружение из камней в форме кольца. В нем, вероятно, был установлен опорный столб деревянной конструкции. Обнаруженные в углах помещений завалы камней характерны и для жилищ, раскопанных на других поселениях этого времени. Исследователи обычно считают эти скопления камней контрфорсами, существование которых несомненно. Однако, нагромождения камней, о которых идет речь, могли быть и остатками вышеупомянутых каменных сооружений.

Учитывая аналогии в домостроительстве других памятников эпохи бронзы: Пустынка, Змеевка, Чикаловка, белогрудовские памятники, можно предположить, с большой долей вероятности, что на Дремайловском поселении существовали и столбовые конструкции. По моим наблюдениям, при разрушении сырцовые стены заваливаются, в основном, внутрь помещений, видимо свидетельствуя о том, что они были жестко связаны по верху.

В полах различных помещений жилища 1

обнаружены углубления (рис. 2). Некоторые из них являлись хозяйственными ямами. В нише входа, ведущего в помещение 2, располагалась хозяйственная яма 3, имеющая колоколовидную форму. В помещении 2 также обнаружены хозяйственная яма 5 и погреб 6 со своеобразными ступеньками и отвесными стенами. Хозяйственная яма 13 в помещении 11 тоже имела колоколовидную форму. Следует отметить, что только у этой ямы удалось проследить дно. В помещении 3 компактно располагались три ямки небольшого диаметра и глубины. Их назначение не удалось выяснить, хотя в одну из них, стенки которой сужались ко дну, могли ставить хозяйственные сосуды.

Хозяйственные ямы найдены и на других поселениях эпохи бронзы Украины. Например, на поселении Степовое обнаружены погреб и хозяйственная яма, расположенные в верхнем ряду построек (Шарафутдинова 1986:92). На поселении Вороновка II функции хозяйственных ям выполняли “каморки” и “ящики”, находившиеся внутри стен помещений (Ванчугов и др. 1991:23). Однако, в одновременном дремайловском жилище Змеевского поселения (раскоп III), хозяйственные ямы не были обнаружены.

Помимо хозяйственных ям в жилище 1 обнаружены культовые ямы трех типов. Первый из них представлен небольшими углублениями, вырытыми в центре трех из четырех помещений северного модуля (рис. 2 — ямки 2, 7, 14). В каждой ямке, имевшей округлое дно, найдены глиняные “хлебцы” вытянутой или округлой формы с углублениями на их обеих плоскостях (рис. 4:14). Вне всякого сомнения, ямы данного типа были предназначены для совершения домашних обрядов, как это зафиксировано на поселениях срубной культуры Ильичёвка (Шапвалов 1976:150-172), Усово озеро (Березанская 1990:86-88) и на всех поселениях сабатиновской культуры. Эти обряды были направлены на “обеспечение воспроизводства членов семьи, продуктов земледелия и на увеличение поголовья стада” (Отрошенко 1990:6).

Второй тип культовых ям представлен жертвенниками 1 и 4 (рис. 2), которые были сооружены до возведения фундамента жилища 1. На дне имевшей цилиндрическую форму ямы 1 были обнаружены скелеты двух собак, лежавшие на боку, симметрично друг к другу, вдоль стенок ямы. Их черепа покоились возле своеобразной “кормушки”, сделанной на дне ямы в виде небольшого выступа с углублением. В заполнении ямы 1, немного выше ее дна, находился панцирь черепахи. На дне жертвенника 4 найден расчлененный скелет собаки, который уложили в яму, восстановив анатомический порядок костей. Рядом лежали расколотые кости ног коровы

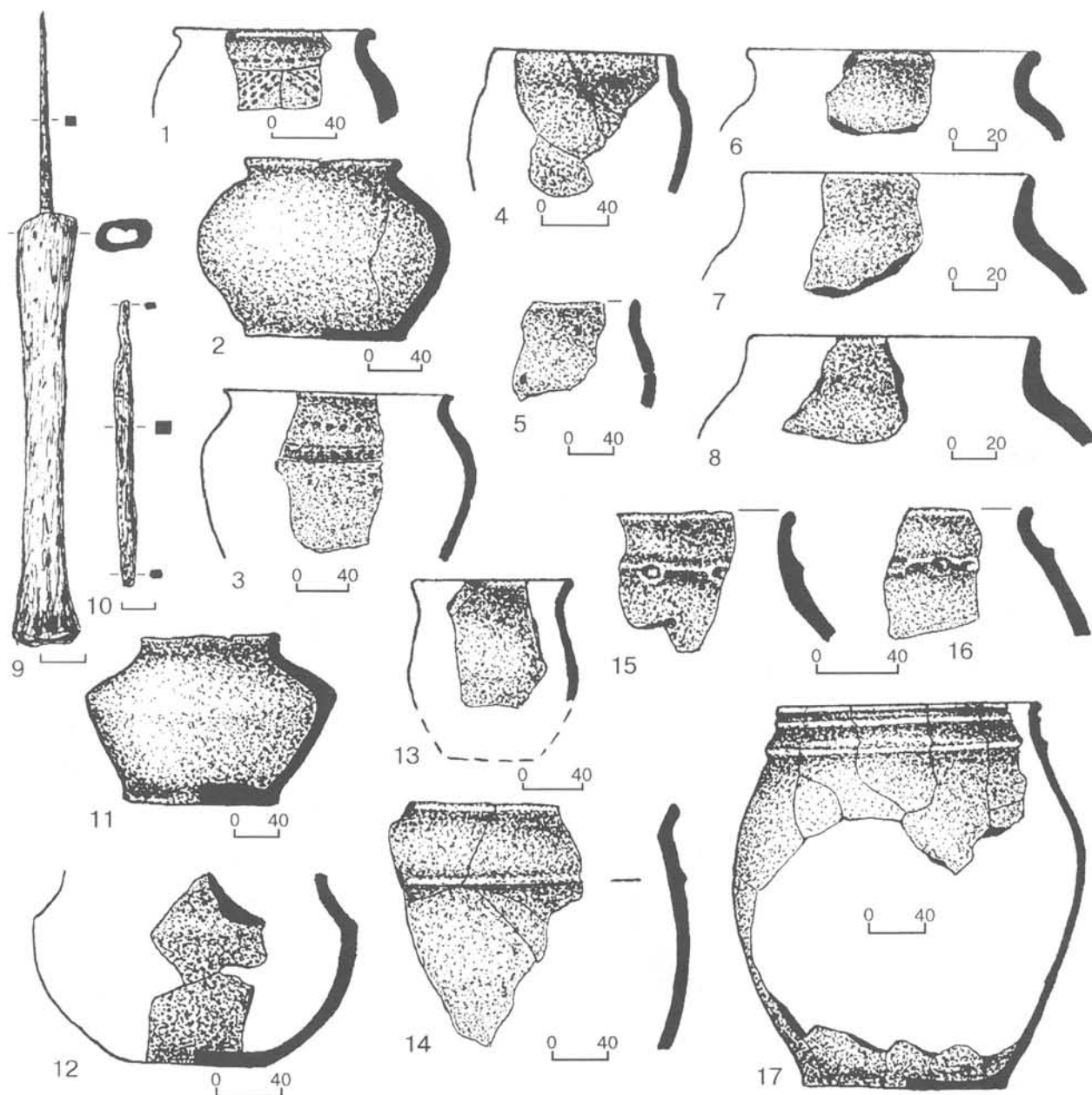

Рис. 3 Дремайловское поселение. Керамика (1-8, 11-17); бронзовое шило (9); бронзовое шило с костяной рукоятью (10).

Fig.3 Dremaylovka. Artifacts: ceramics (1-8, 11-17); bronze awl (9); bronze awl with bone handle (10).

и лошади со следами зубов собаки на них*.

Строительные жертвы, в том числе находки скелетов собак под фундаментами стен жилищ, известны в степной зоне Украины с энеолитического времени (Бибиков 1953:197,198; Телегин 1973:37,44,45). В качестве жертв в Дремайловском поселении выступают собака и черепаха, которые, наряду с лошадью, коровой, овцой и человеком, составляли круг жертв, характерных для индоарийцев (Клейн 1987). На Змеевском поселении (раскоп III) под стенами были обнаружены два человеческих погребения,

совершенные перед сооружением построек. В захоронениях находились скелеты с поврежденными костями ступней и кистей (Бураков 1961:34, рис. 7). Для понимания символики строительных жертв необходимо упомянуть об аналогичных находках на других памятниках: погребение человека и черепа собаки в двух каменных ящиках на поселении Вовниги (Шарафутдинова 1982:81) и погребение мужчины, ребенка и собаки на Шиловском поселении абашевской культуры (Шарафутдинова 1982:82). Вероятно, собака, являясь самым чистым и

* Определение сотрудника Одесского археологического музея, к.и.н. Секерской Е.П.

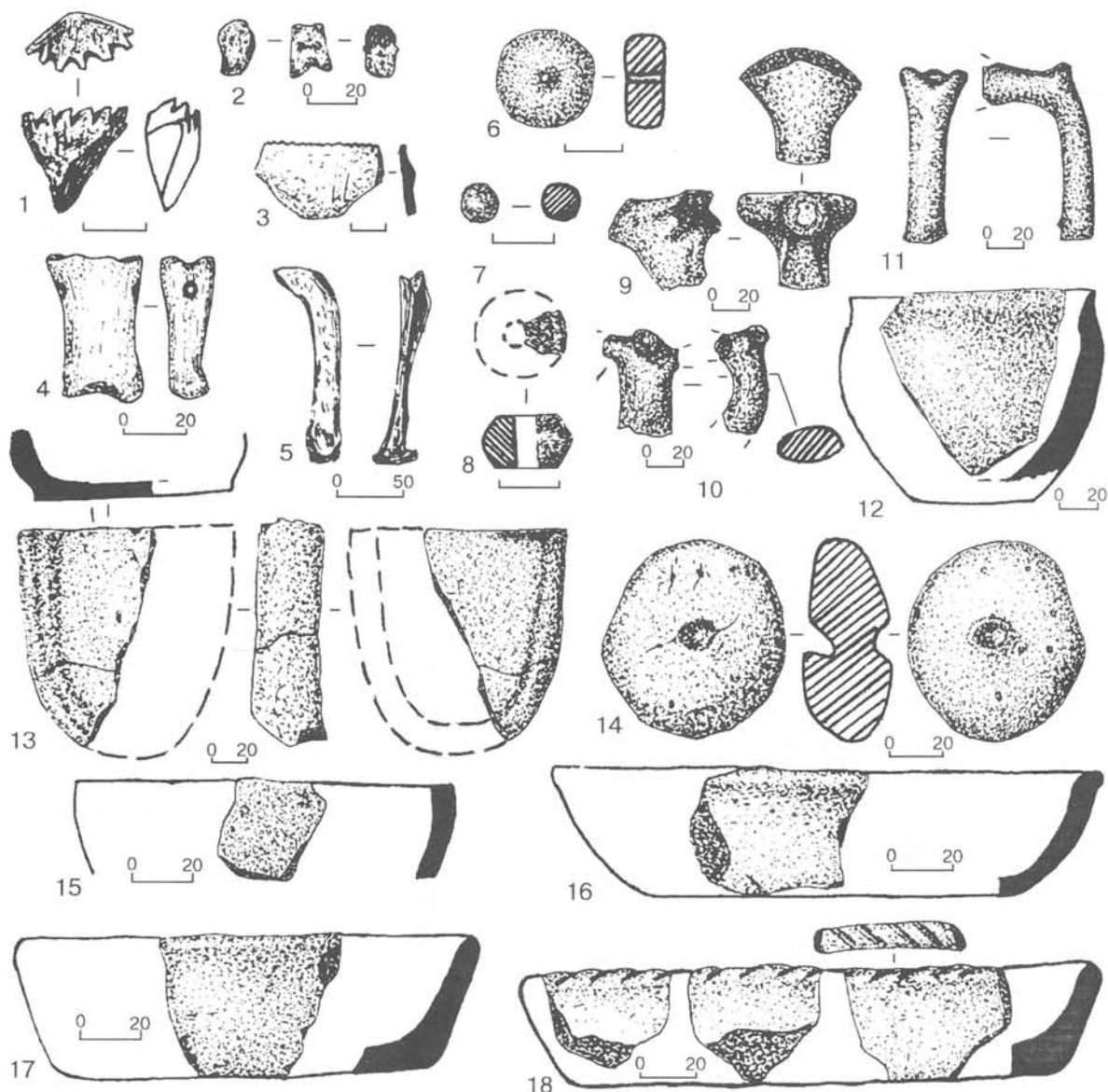

Рис. 4 Дремайловское поселение. Изделия из кости (1-5) и глины (6-11,14), керамика (12,13, 15-18).

Fig.4 Dremaylovka. Artifacts: bone (1-5); clay (6-11,14); ceramics (12,13,15-18).

священным животным, во многих случаях могла быть своеобразной заменой человеческого жертвоприношения.

Третий тип культовых ям представлен расположенными под углами дома небольшими ямками, в которых находились приношения, очевидно связанные со строительством здания. Речь идет о находках, сделанных под юго-восточным углом помещения 9 и юго-западным углом помещения 5. В обоих случаях в упомянутых ямках обнаружены целые сосуды. Под комнатой 9 найден типичный сосуд баночной формы, имеющий стандартные размеры, под комнатой 5 — миниатюрный сосуд биконической формы с поверхностью цвета охры (рис. 3: 11). Оба сосуда имеют архаичный облик: форма баночного сосуда тяготеет к формам сосудов срубного времени, форма миниатюрного

сосуда — к формам глиняной посуды культуры многоваликовой керамики. По-видимому, в ритуальных целях использовались сосуды, носящие печать “старого”, “чужого” и не предназначенные для повседневного использования. Эта мысль подтверждается тем, что в погребениях разного времени мы встречаем сломанные орудия труда и поврежденные сосуды, а испорченные орудия труда, найденные на поселении, очень часто несут на себе следы огня.

Керамическая коллекция Дремайловского поселения богата и разнообразна. В жилище 1 обнаружено более 6 тысяч фрагментов посуды, в жилище 2 — более 500. Шесть сосудов из коллекции удалось полностью реконструировать. Наибольшее количество фрагментов керамики найдено у входов в помещения, возле их углов, вблизи хозяйственных и культовых ям. Поме-

шения I и II жилища I выделяются разнообразием представленных в них типов посуды.

Вся керамика, в тесте которой имеются примеси шамота, толченого кварцита, известняка и слюды, — лепная. Поверхность большинства сосудов заглажена. Большая часть посуды имеет плотные, хорошо прокаленные стенки. Обжиг керамики неравномерный, цвет сосудов варьирует от черного до терракотового, преобладает посуда темного, серовато-коричневого или желто-коричневого цвета. Часто встречаются сосуды, внешняя поверхность которых покрыта ангобом. Выделяется серия фрагментов керамики с большой примесью песка в тесте. Фактура этих черепков рыхлая, их поверхность “пачкается”. Видимо, сосуды такого низкого качества не предназначались для утилитарного использования. В коллекции представлена также серия кухонных сосудов, на поверхности которых имеются следы заглаживания зубчатым штампом.

В керамической коллекции Дремайловского поселения преобладают горшки нескольких типов (рис. 3).

Первый тип представлен толстостенными сосудами больших размеров. Горло и плечики этих горшков укреплены двумя-тремя валиками разнообразной конфигурации и подковообразными налестками. Валики украшены округлыми вдавлениями и косыми насечками в виде углов (рис. 3: 14-17).

Второй тип представлен горшками с сильно отогнутым наружу “воротничковым” венчиком и выпуклыми боками. Наибольший диаметр тулова фиксируется в верхней трети сосуда. Внешняя поверхность этой посуды часто подлощена. Во многих случаях на плечиках горшков имеется орнамент в виде горизонтально прочерченных линий с косыми насечками между ними (рис. 3: 1-3). Эта керамика типологически восходит к сосудам белозерской культуры.

Горшки третьего типа представлены только фрагментами. Эти сосуды характеризуются округлым туловом, отсутствием шейки и толстыми с грубой поверхностью стенками (рис. 3: 6-8).

Четвертый тип горшков имеет вертикально поставленное горло, ниже которого сосуд орнаментирован сквозными отверстиями и косыми длинными насечками. Эта тонкостенная посуда сделана из хорошо отмученной глины (рис. 3: 4, 5).

Пятый тип горшков — хорошо профилированные сосуды с округлым туловом, резко отогнутым наружу закругленным венчиком и округлым, подтреугольным в сечении валиком, расположенным под венчиком. Внутри и снаружи эта посуда часто тщательно заглажена и подлощена.

На поселении встречены также фрагменты

горшков других типов, однако, количество этих черепков не позволяет определить, какое место в типологическом ряду занимают сосуды, частью которых они являлись. В отдельных случаях такая типологическая идентификация возможна лишь с большой долей условности.

Сосуды баночной формы, найденные на Дремайловском поселении, представлены тремя типами. К первому типу относятся открытые баночные сосуды с закругленным или уплощенным венчиком и ровными стенками (а), а также открытые баночные сосуды с уплощенным, отогнутым наружу венчиком (б). Эта посуда характерна для раннесрубного времени.

Второй тип представлен закрытыми баночными сосудами с вытянутым, слегка выпуклым туловом без выраженного плечика. Они имеют закругленный или приостренный венчик, под которым располагался валик толщиной 1-3 см. Закругленные и слегка приостренные валики этого типа посуды украшены косыми насечками, сделанными лопаточкой или штампом. Отдельные сосуды украшены гладкими валиками. Эта посуда хорошо обожжена и часто ангобирована.

Третий тип характеризуется баночными сосудами с ровными, слегка наклонными стенками, под венчиком часто находится округлый или приостренный, нередко орнаментированный валик. Преобладающая количественно посуда второго и третьего типов относится к типично сабатиновским формам.

На поселении также обнаружена серия небольших сосудов баночных форм, нередко орнаментированных штампом. Вероятно, их можно рассматривать в качестве детской посуды.

Кухонная посуда представлена сковородами (рис. 4: 18), украшенными косыми насечками по верху венчика. Немногочисленные большие корчаги отличаются тщательностью изготовления.

Найденные на поселении миски полушаровидной формы имеют прямой (рис. 4: 15) или закругленный (рис. 4: 16) венчик. Встречены также фрагменты конических мисок (рис. 4: 17). По моим наблюдениям, последние всегда имеют большую высоту, чем полушаровидные миски.

Столовая посуда представлена также черпаками, кубками, мисками с прямым венчиком. Представительна коллекция ручек черпаков, которые можно разделить на несколько групп: большие гладкие ручки, гладкие плоские в сечении, гладкие овальные, овальные и профилированные с пуговичным выступом (рис. 4: 9, 10). В размыве культурного слоя жилища I обнаружен крупный фрагмент рогатой ручки черпака (рис. 4: 11), являющийся большой редкостью для памятников Юго-Восточной Европы.

Глиняные артефакты представлены “хлебцами” (рис. 4: 14), биконическими (рис. 4: 8) и одним плоским (рис. 4: 6) пряслицами, шариком небольших размеров (рис. 4: 7), изделиями с бортиком и обрезанным по сырой глине краем (жаровни) (рис. 4: 13).

Представительна, хотя и не очень разнообразна, коллекция костяных изделий, найденных на Дремайловском поселении. Среди них имеются штампы для тиснения по коже (рис. 4:1) и зубчатый штамп для орнаментации сосудов (рис. 4: 3), серп (рис. 4: 5), подвеска из фаланги лошади (рис. 4: 4). Найденны также сделанные из овечьих астрагалов орудия (два из них снабжены отверстиями) со следами сработанности на боковых гранях, ложила, сделанные из копыт лошади, тупики, отжимники.

В жилище 1 обнаружены два бронзовых шила (рис. 3: 9,10) и венчик (?) бронзового сосуда. Одно из шильев, имевшее многофункциональное назначение (рис. 3: 10), было вставлено в рукоять, изготовленную из метаподия овцы. Съёмные инструменты крепились в ручке, по-видимому, с помощью деревянного колышка.

Коллекция каменных изделий состоит из терочников, “утюжков”, точильных камней, отбойников, отжимников, шлифовальных плиток, наковальни. Обнаружен также молоток с двумя рабочими плоскостями. Он относится к той категории орудий, которые привязывались ремнями к рукояти.

На поселении найдены многочисленные фаунистические остатки (11 374 кости от 158 особей животных). Детальному анализу фауны Дремайловского поселения будет посвящено исследование палеозоолога Е.П.Секерской, которой сделаны остеологические определения. Однако, уже сейчас можно сказать, что большинство найденных костей принадлежит домашним животным. Их видовой состав распределен следующим образом:

Вид животного	Количество костей	% соотношение	Количество особей	% соотношение
Крупный рогатый скот	3 024	63	67	44
Лошадь	822	17	25	16
Овца	726	15	38	25
Свинья	55	1	11	7
Собака	168	3	9	6
Коза	12	1	4	2
Благородный олень	4	-	2	-
Лиса	1	-	1	-
Птицы	10	-	-	-

Особый интерес представляет Дремайловский клад (четыре бронзовых предмета: кельт, наконечник копья, долото и чаша), найденный в начале XX века С.И.Каролем вблизи села Дремайловка и переданный им в Херсонский краеведческий музей.

А.М.Лесков, первоначально не считал эту находку кладом (Лесков 1970:49, сноска). Позднее он изменил свою точку зрения и, публикуя в 1981 г. клад, указал, что он найден в селе Дремайловка Голопристанского района (Leskow 1981:57). Однако, херсонский археолог И.Д.Ратнер локализует Дремайловский клад в селе Дремайловка Бериславского района (Ратнер 1984:14). В одной из моих работ также ошибочно указано место, где был найден этот комплекс (Самар 1990:13). Позднее удалось выяснить, что в Херсонской области существовало лишь одно село Дремайловка, которое располагалось в нынешнем Бериславском районе. Оно находилось в 1,5 км к востоку от Дремайловского поселения эпохи поздней бронзы (рядом с раскопом III поселения Змеевка), и было затоплено Каховским водохранилищем.

Анализируя вещи клада, А.М.Лесков отнес наконечник копья к раннесабатиновскому времени, а кельт — к позднесабатиновскому. Неоднозначность решения проблемы датировки Дремайловского клада вынудила А.М.Лескова датировать его “сабатиновским временем в целом” (Leskow 1981:57).

После исследования Новокиевской литейной мастерской, где обнаружено несколько наконечников копий “дремайловского типа”, дату наконечника копья из Дремайловского клада необходимо поместить во временной интервал от “развитого этапа сабатиновской культуры, синхронного культуре Ноа” (Гершкович и др. 1987:156) до появления “красномайских” наконечников копий. Учитывая выявленные на Дремайловском поселении традиции домостроительства и керамического производства, мы, видимо, можем ставить вопрос о синхронности Дремайловского клада и Дремайловского поселения.

Хронология. Планировка жилищ, техника домостроительства и материальная культура позволяют датировать Дремайловское поселение позднесабатиновским временем (Самар 1990:13-15;1992). Поздний этап сабатиновской культуры был выделен И.Т.Черняковым, который указал на самые характерные черты домостроительства и керамики этого времени. И.Т.Черняков датировал позднесабатиновские поселения второй половиной XII — началом XI в. до н.э. (Черняков 1975:9,10,17,18). В.С.Бочкарёв и А.М.Лесков выделили этот этап по материалам бронзовых кладов и литейных мастер-

ских Северного Причерноморья (Бочкарёв, Лесков 1978:23-26).

Наиболее выразительными аналогиями жилищу I Дремайловского поселения являются многокамерные сооружения поселения Вороновка II (Ванчугов и др. 1991), жилище Змеевского поселения (раскоп III) (Бураков 1961:33) и жилище Анатольевского поселения (раскоп I) (Черняков 1985). Для всех этих построек характерна строгая планировка, одинаковая техника возведения домов и наличие апсидовидных стен.

Основой для определения датировки поселения является керамика. Значительное преобладание горшков над сосудами баночных форм, наличие на посуде красного и черного высококачественного лощения, большое количество жаровен со срезанным до обжига краем, наличие фрагментов сосудов с округлыми и вытянутыми налепами на плечиках подтверждают наш вывод о том, что Дремайловское поселение относится к позднесабастиновскому времени. На поселении обнаружены и фрагменты лощеных кубков, тяготеющих к керамическим формам белозерской культуры, и представительная коллекция ручек черпаков (ручки с выступом в виде кнопки и гладкие ленточные ручки). Эти формы ручек тяготеют к аналогичным формам сабастиновской культуры. Рогатая ручка (форма, редчайшая в Средней и Юго-Восточ-

ной Европе) характерна для нижнедунайского региона. "Такая ручка найдена на многослойном поселении Малул Рошу в Добрудже, в комплексе с керамикой типа пре-Бабадаг. М.Ирмия... связывает их происхождение с влиянием культуры Ватина с территории Олтении, Баната и Северо-Западной Югославии" (Ванчугов и др. 1991:50). Единственная аналогия в Северном Причерноморье, известная автору, найдена на поселении Вороновка II.

Таким образом, можно утверждать, что Дремайловское поселение является археологическим памятником позднесабастиновского времени, которое, в соответствии с появившейся в последнее время тенденцией к удревнению сабастиновской культуры (Черных, Гершкович, Ключко, Ванчугов), следует датировать XIII – началом XII в.в. до н.э.

Жилище 1, находящееся на западной оконечности Дремайловского поселения, относится к наиболее раннему этапу территориально-хронологического развития комплекса поселков Дремайловка-Змеевка, которые связаны между собой, как показывает изучение горизонтальной стратиграфии обоих памятников (Самар 1992:25). Расположенные на восточной оконечности упомянутого комплекса двух поселков I и II раскопы Змеевского поселения дали материалы, которые датируются раннебелозерским временем.

- Березанская, С.С. 1990. Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев: Наукова думка.
- Бибиков, С.Н. 1953. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днепре // Материалы и исследования по археологии СССР 38. Москва-Ленинград.
- Бочкарёв, В.С., А.М. Лесков. 1978. О хронологическом соотношении памятников эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья с Подоньем // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Научные труды Куйбышевского государственного педагогического института им. В.В.Куйбышева 221: 23-26. Куйбышев.
- Бураков, А.В. 1952. Отчет отряда Бериславско-Каховской экспедиции о раскопках поселения в селе Змеевка Херсонской области в 1951-1952 г.г. // Архив Института археологии Академии наук Украинской ССР. 1952/3 в. № 1685.
1961. Поселения эпохи бронзы біля с.Зміївка // Археологічні пам'ятки УРСР X: 26-39. Академія наук Української РСР: 26-39.
- Бураков, А.В., П.А. Антонова. 1951. Отчет о раскопках поселения в селе Змеевке Бериславского района Херсонской области в 1951 г. // Архив Института археологии Академии наук Украинской ССР. 1951/4 в. № 1359.
- Ванчугов, В.П., А.Г. Загинайло, В.Г. Кушпир, В.Г. Петренко. 1991. Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка.
- Гершкович, Я.П., В.И. Ключко, Г.Л. Евдокимов. 1987. Новокиевская литейная мастерская и проблемы хронологии сабастиновских памятников Нижнего Поднепровья // Советская археология 2: 142-158.
- Добровольский, А.В. 1948. Бериславський скарб бронзової доби // Археологія II: 152-163.

- Клейн, Л.С. 1987. Индоарии и скифский мир: общие истоки идеологии // Народы Азии и Африки 5: 63-82. Москва.
- Лесков, А.М. 1967. О северо-причерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР: 143-178. Киев: Наукова думка.
1970. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма (предскифский период и скифы): 7-59. Киев: Наукова думка.
- Оленковский, Н.П. 1981. Отчет о разведках на Нижнем Днепре в 1981 г. // Архив Института археологии Академии наук Украинской ССР. 1981/48. № 10071.
- Отроценко, В.В. 1990. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины // Обряды и верования древнего населения Украины: 5-17. Киев: Наукова думка.
- Ратнер, I.Д. 1990. Довідник з археології України. Херсонська область. Київ: Наукова думка.
- Самар, В.А. 1990. Изучение Дремайловского поселения в 1989 г. // Вестник краеведа 1:13-15. Запорожье.
1992. Изучение Дремайловского поселения в 1990-91 гг. // Археологический вестник 3: 21-25. Запорожье.
- Телегин, Д.Я. 1973. Середньостогівська культура епохи міді. Київ: Наукова думка.
- Черняков, И.Т. 1975. Племена Северо-Западного Причерноморья в позднем бронзовом веке (вторая половина II тыс. до н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. Киев: Наукова думка.
- Шапозалов, Т.А. 1976. Поселение срубной культуры у с.Ильичевка на Северском Донце // Энеолит и бронзовый век Украины: 150-172. Киев: Наукова думка.
- Шарафутдинова, И.Н. 1982. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наукова думка.

1986. Сабатиновская культура // С.С.Березанская, В.В.Отрошенко, Н.Н.Чердиченко, И.Н.Шарафутдинова. Культуры эпохи бронзы на территории Украины: 83-116. Киев: Наукова думка.

Яворницький, Д.І 1990. Історія запорізьких козаків. Т.І. Львів: Світ.

Leskow, A.M. 1981. Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördliche Schwarzmeergebiet (Depots mit einheimischen Formen) // *Prähistorische Bronzefunde* Abt. 20. Bd. 5. München: Beck.

DREMAJLOVKA: A LATE BRONZE AGE SETTLEMENT IN THE UKRAINE

Dremajlovka site is situated between the villages of Zmeyevka and Novoberislav, Borislav district, Kherson oblast', 4 km upstream from Berislav, on the left slope of a gully now submerged in Kakhovka reservoir. The site was discovered by N.P. Olenkovsky who dated it to the Late Bronze Age. The preserved part of the site is a 250-metre-long strip stretched along the east-to-west line along the bank of the reservoir. Formerly the settlement was situated on three adjacent promontories separated by ancient gullies (figs.1,2). The depth of the archaeological deposits varies, being small in the eastern part of the site and increasing in the western direction where stone foundations of houses were found in the profile of the bank.

The cultural sequence consists of a gray layer overlaid by turf with alluvial sand, shells, and a few potsherds dating from various periods from the Sabatinovka to the Scythian times. The cultural layer contains artifacts belonging to the Sabatinovka Culture and a small number of later ones. The third layer includes the foundations of walls.

Construction techniques. Remains of two residence structures were discovered (No.1 in excavation areas I and II, No.2 in areas III and IV). Neither has been completely excavated.

Structure No.2 is in the centre of the site. It is partly submerged and transected by the steep bank of the reservoir. A wall, situated along the west-to-east axis and dividing the structure, has been unearthed. It is made of large (up to 1 m in size) limestone slabs placed on edge and slightly dug into the ground. The gaps between them are quite small and are filled in with gravel. Inside the house, potsherds dating to the later Sabatinovka and Belozerkha periods were found. The ceramic assemblage is identical with the one from structure No.1.

Structure No.1 was apparently situated in the westernmost part of the site. About 800 sq m of the interior surface have been unearthed (fig.2). The house consists of several rooms and is functionally divided into two parts, northern and southern. The northern part was destined for domestic activities, and the southern one for utilitarian purposes. The

northern part (rooms Nos.1,2,5, and 12) has a regular layout, the foundations are made of very large slabs, carefully fitted together. Because the surface on which the structure is situated is gently sloping at 1.5 m in the southern and western direction, the foundations of walls in the southern part are constructed on a small artificial cushion made of subsoil clay and loam. During the construction of rooms, situated along the west-to-east axis, another technique was used. Rooms Nos.1 and 2 are on the same level; when the western wall of room No.5 was being constructed, a natural elevation of the construction layer was used: a small ledge was made on it and the foundation was laid on the ledge. Different levels of the foundations attest to people's attempts to cope with the sloping surface rather than to various stages of construction. Doorways were made in the northern part of the house.

Near the entrance to the house, a quern made of fine-grained limestone was found. Near the entrance to room No.2, a concentration of potsherds (about 100) was discovered and a fragment of a bronze artifact. On the floor of the corridor, a small goldsmith's anvil, a bronze awl, several granite hammerstones, a fragment of the working edge of a polished axe, and polishers made of potsherds were found.

In room No.2 in the northern part of the house, three utility pits were found (Nos.3,5,6). One of them (No.6) was used as a cellar. In the same room, remains of a hearth were discovered in the form of a pavement made of smooth flat pieces of chert. Three doorways only were registered in house No.1 (fig.2).

Foundations of walls are of two types, both of them well known in the steppe zone: (a) irregular, one to five layers high and one layer wide, and (b) three layers high and two layers wide. The first type was used in the foundations of the inner walls of the houses. The basal parts of such foundation were made of large rugged blocks of limestone and shell-rock with smaller stones on top. In many instances, the space between the stones was filled in with gravel. The grout was made of clay mixed with black

earth, river sand and crushed bones of animals. In some cases, undestructed corners of the inner walls were discovered. They were buttressed with larger stone slabs, placed vertically. Parts of the foundations of the inner walls subjected to extra stress (entrances to the niches etc.) were buttressed in the same way. Safe parts were made of many layers of small stones, in keeping with the traditional technique. The second type was used in the foundations of outer walls.

In the floors of various rooms of house No.1, utilitarian pits Nos.3, 5, 6, and 13 were found (fig.2). In room No.3, there were three small pits placed close to each other. Their function is not clear, although in one of them, narrowing towards the bottom, vessels could have been placed. Utility pits have been found in other Bronze Age sites in the Ukraine (Stepovoye, Voronovka II, and others). None of them, however, were discovered inside a synchronous structure at Zmeyevka (excavation area III).

Apart from utilitarian pits, three types of ritual ones were discovered. The first type is represented by hollows dug in the centres of three out of four rooms of the northern part (fig.2, pits Nos.2, 7, 14). Each of them contained clay "rolls". These pits were apparently used in domestic fertility rites (Otroshchenko 1990:6).

Ritual pits of the second type are altars Nos.1 and 4 (fig.2) which were dug before the foundations of the house had been constructed. On the bottom of pit No.1, skeletons of two dogs lying on their sides were discovered. In the filling of this pit, somewhat above its bottom, a tortoise shell was found. On the bottom of altar No.4, there was a dog's skeleton which had been first dismembered and then reassembled. Alongside of it lay split long bones of a cow and a horse bearing traces of dog's teeth.

Construction sacrifices, including those of dogs which were being buried under the foundations of houses, had been practiced in the steppe zone since the Aeneolithic (Bibikov 1953:197-198; Telegin 1973:37,44-45). As suggested by finds at Dremaylovka, the turtle, too, was used in sacrificial rites. These animals, like horses, cows, sheep, and even humans, were being sacrificed by the Indo-Arians (Klein 1987). The dog, believed to be the purest and the most sacred animal, could have replaced humans as objects of the sacrifice rites.

Ritual pits of the third type are situated under the southeastern corner of room No.9 and the southwestern corner of room No.5. Both contained intact vessels. The one found under room No.9 is a usual jar, and that under room No.5, a miniature biconical vessel with ochre-coloured surface (fig.3, 11). Both look somewhat archaic and had probably gone out of use before having assumed a ritual function.

The ceramic assemblage of Dremaylovka is quite rich. In house No.1, over 6,000 potsherds were found, and in house No.2, over 500. Assemblages from rooms Nos.1 and 11 of house No.1 stand out as being especially diverse. All the pottery is hand-made of clay tempered with crushed sherds, ground quartzite, limestone, and mica. The surface is smoothed. Most vessels have dense, well-baked walls. The firing was uneven, the colour of the vessels varying from black to terracotta, usually dark, grayish-brown or yellow-brown. In many instances the outer surface is covered with slip. Some sherds contain a heavy admixture of sand. Because its quality is quite low, this ware was apparently used for non-utilitarian purposes. The surface of some cooking vessels was smoothed with a denticulate stamp.

The most common vessels are pots, which belong to several types (fig.3). The first one is represented by thick-walled large pots. Their necks and shoulders are buttressed with 2-3 rolls ornamented with incisions and round impressions (fig.3,14-17).

Pots of the second type have strongly everted collar-like rims and convex bodies. Necks of many pots are ornamented with incised horizontal lines with oblique hatching between them (fig.3,1-3). Typologically, this category derives from Belozerka ceramics.

All pots of the third type are fragmented. Their distinctive feature is the absence of neck (fig.3,6-8).

Pots of the fourth type have vertical necks below which there is a pattern consisting of pierced holes and long oblique incised lines (fig.3,4-5).

The fifth type is represented by well-profiled vessels having globular bodies and sharply everted rims and decorated with a roll which is rounded-subtriangular in section and is situated below the rim.

Jars are represented by three types. Those of the first type are open jars with rounded or truncated rims which are sometimes everted. This pottery is typical of the early Timber Grave period.

Jars of the second type are closed and have elongated slightly convex bodies without distinct shoulders. The rim is rounded or tapering, and below it there is a 1-3-cm-thick roll, plain or ornamented with oblique notches made with either a paddle or a stamp. These vessels are well-fired and often covered with slip.

The third type comprises jars with straight slightly sloping sides. Under the rim, a roll was applied which was rounded or sharpened in section and sometimes decorated.

Most vessels belong to the second or third type, and they are typical of the Sabatinovka Culture.

Also, there is a series of small jars some of which are ornamented with stamp impressions. Apparently they may be regarded as children's ware.

The kitchen ware is represented by pans (fig.4,18) decorated with oblique notches along the edge of the rim. The few large ewers are well-made.

The rims of the hemispherical bowls are either truncated (fig.4,15) or rounded (fig.4,16). Judging by the fragments, some bowls were conical (fig.4,17).

The table ware is represented by scoops, beakers, and straight-rimmed bowls. The collection includes some scoop handles (fig.4,9-10). In the eroded fill of house No.1, a large fragment of a horned scoop handle (fig.11) was discovered, a unique find for a Southeastern European site.

The group of clay artifacts comprises "rolls" which were found in the pits (fig.4,14), spindle-whorls (biconical, fig.4,8, or, in one instance, flat, fig.4,6), a pellet (fig.4,7), and flanged braziers with trimmed edges (fig.4,13).

Among the bone artifacts, there are stamps for making impressions on skins (fig.4,1), a denticulate stamp for decorating vessels (fig.4,3), and a pendant made of a horse's phalanx (fig.4,4). There are also tools made of sheep's astragali with traces of wear on the sides (two are pierced), polishers made of horse's hoofs, and retouchers.

Inside house No.1, two bronze awls were found (fig.3,9-10), and what was probably a rim of a bronze vessel.

The collection of stone artifacts comprises querns, whetstones, percussors, retouchers, polishers, and an anvil. Also, a hammer with two working surfaces was found; it was probably attached to the handle by means of a leather strap.

Faunistic remains are quite numerous (11,374 bones from at least 158 individuals). Most bones are those of domestic animals, the distribution being as follows:

Animals	Number of bones	Percent	Number of individuals	Percent
Cattle	3 024	63	67	44
Horse	822	17	25	16
Sheep	726	15	38	25
Pig	55	1	11	7
Dog	168	3	9	6
Goat	12	1	4	2
Stag	4	-	2	-
Fox	1	-	1	-
Birds	10	-	-	-
Turtles	1	-	1	-

Chronology. The layout of the houses, the construction techniques, and the artifacts suggest that the settlement existed during the late Sabatinovka period (Samar 1990, 1992).

The closest parallels to house No.1 are many-chambered constructions at Voronovka II (Vanchugov et al. 1991), as well as houses revealed by excavation III at Zmeyevka (Burakov 1961:33) and excavation I at Anatolyevka (Chernyakov 1985). All these were built according to a regular layout using identical construction techniques. The feature shared by all of them is the presence of apse-like walls.

The principal dating criterion is ceramics. Such features as pots being much more numerous than jars, the use of red and black high-quality polishing, a large number of braziers with trimmed edges, and the custom of applying round or elongated pellets to the shoulders of the vessels, are indicative of the late Sabatinovka period. Again, some fragments of polished beakers are similar to Belozerka types, and there is a large number of scoop handles including those with knobs and plain flat ones like those from the Sabatinovka assemblage. The unique horned handle is typical of the Lower Danube area. A similar one, found in Malul Rosu, Dobruja, in association with pre-Babadag pottery, is believed to attest to the influence of Vatina Culture distributed in Oltenia, Banat, and northwestern Yugoslavia (Vanchugov et al. 1991:50). The only parallel in the Northern Pontic comes from Voronovka II.

The houses at Dremaylovka, then, must be dated to the late Sabatinovka period. Based on recent findings suggesting that Sabatinovka is older than previously believed (Chernykh et al.), the likely date of Dremaylovka is 13th or early 12th century BC.

House No.1 situated in the western part of the site belongs to the earliest period of Dremaylovka and the adjacent site of Zmeyevka (which, as the horizontal stratigraphy indicates, developed in parallel, see Samar 1992:25). The finds from excavation areas I and II at Zmeyevka, situated in the eastern part of Dremaylovka - Zmeyevka complex, date from the early Belozerka period.

ОЛЕННЫЕ КАМНИ ТУВЫ

(часть I — новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности)

М.Е.КИЛУНОВСКАЯ, ВЛ.А.СЕМЕНОВ*

Так называемые оленные камни Центральной Азии постоянно привлекают к себе внимание исследователей, и хотя неоднократно публиковались статьи и монографии, посвященные этим археологическим источникам, многие связанные с ними актуальные вопросы до сих пор остаются нерешенными. В числе последних можно назвать хронологию, семантику и даже культурную принадлежность этих памятников. Многие отдельные знаки и художественные образы, воспроизведенные на оленных камнях, не всегда интерпретируются корректно (например, решетчатые фигуры или “шиты”, три полосы и другие).

Новые находки оленных камней, сделанные при раскопках большого раннескифского кургана в Монгун-Тайгинском районе Республики Тыва, вновь позволяют нам обратиться к этой теме. Речь идет о кургане, расположенном в междуречье Холаша и Дуруг-Суга — левобережных притоках реки Моген-Бурен, берущей истоки в озере Хиндиктиг-Холь и впадающей в Ачит-Нур — одно из озер в бессточной котловине Северо-Западной Монголии. Курган занимал центральное положение на плоскогорье у западного склона горы Монгун-Тайга. Отсюда просматриваются снежные вершины Малой и Большой Монгун-Тайги, хребта Чихачева, Шапшала и Цаган-Шибету, что придавало сакральное значение всей этой местности. Рядом с курганом была возведена оваа — небольшое культовое сооружение, возле которого местное население совершает ежегодные моления духам гор. Вероятно, подобные обряды некогда совершали и строители кургана — наиболее монументального сооружения во всем Монгун-Тайгинском районе. С течением времени курган был превращен в культово-поминальный комплекс. Возле него было сооружено более 100 различных каменных выкладок, совершенно несколько захоронений и установлен ряд стел. Два оленных камня обнаружены в насыпи кургана, к юго-востоку от его центральной могиль-

ной ямы. Первоначально они, видимо, стояли вертикально, а затем упали и оказались перекрытыми камнями, попавшими сюда из насыпи во время ее разборки грабителями. На наш взгляд, оленные камни синхронны сооружению кургана и были установлены в нем преднамеренно. Подобные случаи нахождения оленных камней в курганах известны как в Монголии и Туве, так и на Алтае (Савинов 1994:58-69; Полосьмак 1993).

Оленные камни из кургана на реке Холаш являются первыми памятниками подобного рода из Монгун-Тайги (рис. 1: 1,2). Все рисунки и эстампажи оленных камней сделаны с оригиналов М.Е.Килуновской. Обе стелы вырублены из гранита и на них выбиты изображения оленей, выполненные в так называемом монголо-забайкальском стиле. Один из камней имеет размеры 170 x 65 x 20 см. Изображения расположены на одной стороне плиты в ее верхней широкой части, искусственно заостренной к вершине. Здесь выбит солярный знак — круг, к которому устремлены три силуэтные фигуры оленей с вытянутыми клювовидными мордами. Лишь у одного оленя показан рог. Передняя нога редуцирована у всех трех животных (рис. 1: 2).

Второй камень — прямоугольная в сечении и сужающаяся кверху плита — имеет в верхней части лицевой выступ. На правой боковой стороне стелы выбит круг диаметром 15 см. К нему поднимаются две силуэтные фигуры оленей, изображенные в профиль с вытянутыми клювовидными мордами, миндалевидными глазами и характерными для изображений подобного типа горбами на спине. У обоих животных отсутствуют рога. На левой боковой стороне камня выбит только круг диаметром 7 см. Эта плита имеет размеры 180 x 33 x 35 см (рис. 1: 1).

Подобные оленные камни-плиты или стелы, на которых кроме фигур оленей, выполненных в монголо-забайкальском стиле, нет каких-либо дополнительных изображений, из-

* Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

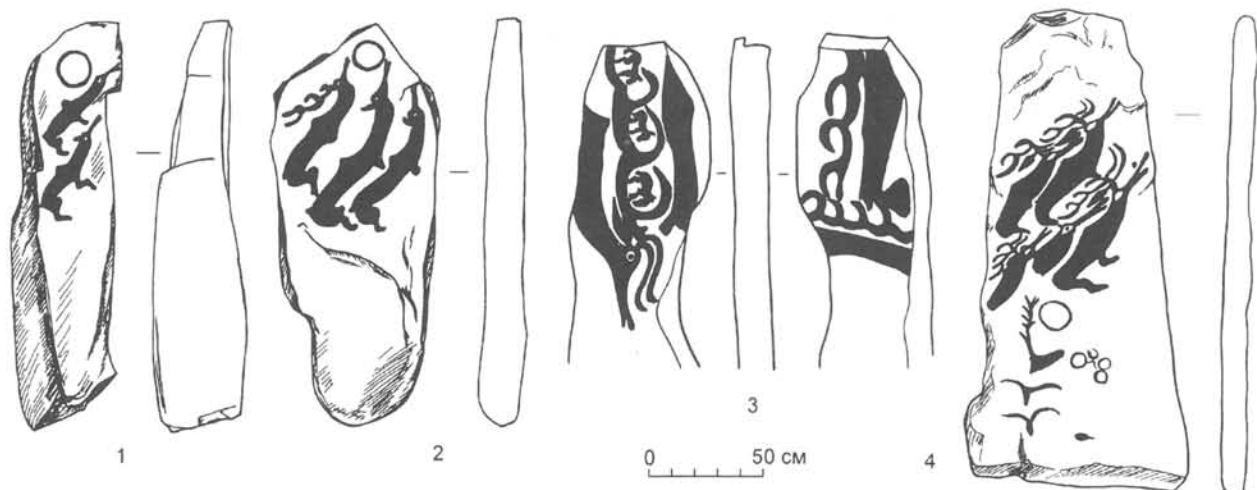

Рис. 1 Оленные камни монголо-забайкальского типа: 1, 2 — из Монгун-Тайги; 3 — Сайгынская плита; 4 — оз. Белое.

Fig. 1 Reindeer stelae of the Turano-Trans-Baikalian type. 1, 2 — Mongun-Taiga; 3 — Saygyn; 4 — Lake Belaye.

вестны в других районах Тувы. Наиболее интересна плита, обнаруженная нами в 1989 г. вблизи озера Белое в Турано-Уюкской котловине. Стела лежала на распаханном поле неподалеку от цепочки курганов, вероятно относящихся к скифскому времени. На этой неразделенной на зоны плоской плите из серого песчаника изображены пять оленей, расположенных так, что выступ спины одного повторяет изгиб шеи другого. Морды животных непропорционально вытянуты. Ухо каждой фигуры имеет листовидную, а большой глаз — миндалевидную форму. Ветвистые рога оленей с двумя направленными вперед отростками, запрокинуты на спины, в верхней части которых изображен треугольный выступ. Ноги животных редуцированы (рис. 1: 4).

Стелы с фигурами оленей, выполненными в монголо-забайкальском стиле, распространены на широкой территории, включающей Туву, Северо-Западную Монголию и Алтай. Э.А.Новгородова, изучив выбитые на этих плитах изображения карасукского оружия, датирует их эпохой поздней бронзы (Новгородова 1989:182). К такому же выводу приходит и Ю.С.Худяков, который считает, что на рубеже бронзового и раннего железного века такие стелы уже не создавались (Худяков 1987:136-160). Не останавливаясь на спорных вопросах культурной принадлежности изображенных на оленных камнях предметов вооружения, отметим только, что в погребениях карасукской культуры, раскопанных в Минусинской котловине, подобные вещи до сих пор не обнаружены, как не обнаружены карасукские могилы ни в Туве, ни в Монголии, ни на каких-либо других территориях распространения оленных

камней. Зато бесспорно другое — ареал оленных камней совпадает с ареалом центральноазиатских культур скифского типа, отличных от тагарской культурной общности. Какую древность имеют они в данном регионе сказать пока трудно, но неоспоримым является тот факт, что в Центральной Азии появлению кургана Аржан и сложившейся скифской триады должен был предшествовать длительный период эволюции. Опровергнуть точку зрения Ю.С.Худякова о том, что оленные камни исчезают в начале аржанского этапа легко. В 1989 г. на склоне горы Кош-Пей при раскопках одноименного могильника, в непосредственной близости от поселка Аржан, был найден уникальный оленный камень (Килуновская, Семенов 1993) (рис. 2).

Эта стела необычна тем, что многие элементы выбитых на ней изображений характерны для фигур, представленных на плитах, которые, по мнению исследователей, относятся к разным типам. Композиция кош-пейской стелы разделена на три зоны. В верхней, отделенной от других ожерельем (серия овальных лунок), на лицевой части камня выбиты три косые полосы, а на его боковых плоскостях — серьги с колоколовидными подвесками. Внутри кольца одной серьги изображена точка. Серьги такого типа имеют аналогии в алдыбельском комплексе (курган 1, погребение 1) могильника Сарыг-Булун, относящегося к VI-V в.в. до н.э. (Килуновская, Семенов 1990:45, рис. 2:8-11). Серьги с конусовидным завершением найдены в погребениях могильников Куйлуг-Хем I, Хемчик-Бом III (Грач 1980: рис.86,110) и Ангор-Хову (Килуновская, Семенов 1988). Точно такие же серьги известны из раскопок А.В.Адрианова и сарматского могильника Бес-обо, который да-

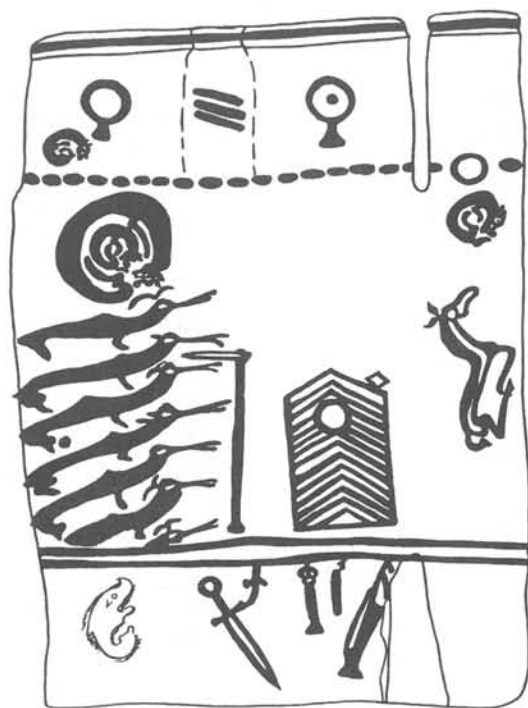

Рис. 2 Камень с горы Кош-Пей (Уюкская котловина).

Fig. 2 Stelae from Mount Kosh-Pei (Uyuk Hollow).

тируется рубежом VI-V в.в. до н.э. (Волков 1981:109). В кургане 40 могильника Бегире, А.В.Адрианов, обнаружил аналогичную серьгу и разделенный на три зоны оленный камень, представляющий собой необработанный расширяющийся сверху столб, на котором представлена контурная фигура оленя (Кызласов 1979:26,27). Л.Р.Кызласов датирует этот курган и стелу V в. до н.э. В кургане могильника Сарыг-Булун найдены большие янтарные бусы, напоминающие выбитое на кош-пейском камне ожерелье. На тыльной стороне плиты из Кош-Пея показана круглая застежка ожерелья. На левой боковой плоскости стелы около серьги изображен свернувшийся в кольцо хищник. Верх камня обработан и отделен небольшим выпуклым валиком (имитация головного убора?) от остальной части плиты.

В средней зоне кош-пейского камня расположены фигуры животных. На его левой боковой стороне представлены семь летящих оленей с клювовидными мордами и редуцированными ногами. Их рога или не показаны, или имеют один раздвоенный отросток. Строго говоря, этих животных можно лишь условно назвать оленями. Над ними изображены две свернувшиеся в кольцо и вписанные друг в друга пантеры. Важно отметить, что ближайшей аналогией этим кошачьим хищникам является найденная в кургане Аржан уникальная бронзовая

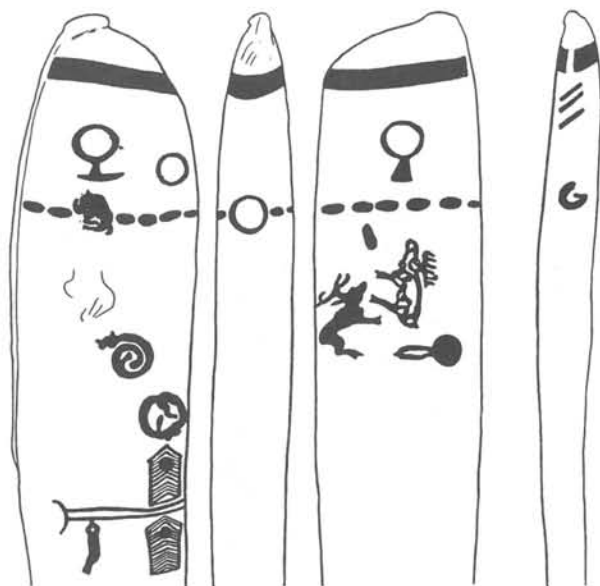

Рис. 3 Камень с реки Уюк.

Fig.3 Stela from the Uyuk River.

конская бляха в виде пантеры, которая по размерам, стилю и деталям изображения соответствует рисункам на кош-пейском камне. На тыльной плоскости этой стелы выбита фигура свернувшегося в кольцо хищника, напоминающая волка. Зверь имеет треугольной формы уши, прижатые к голове. Под ним изображена выполненная широким контуром изящная фигура лошади с подогнутыми ногами, длинной шеей и двумя ушами листовидной формы. Аналогии этому изображению есть в Монголии (Волков 1981: табл. 116). На правой боковой стороне камня изображен пятиугольный предмет — щит с кругом “умбоном” в центре. Сверху к нему примыкает ромб. Щиты такого типа встречены на плитах, которые, по классификации Э.А.Новгородовой, относятся к I типу (XII-IX в.в. до н.э.) (Новгородова 1989:191). На лицевой плоскости стелы выбито контурное изображение втульчатого клевца, с длинной рукоятью, имеющей овальное утолщение-вток. Аналогичные клевцы найдены в могильниках Байцаопо, Хэнзяцунь, Наньпо, Баоцзи, Байфу (Китай), которые могут быть датированы не позднее раннего периода Западного Чжоу (IX в.в. до н.э.) (Комисаров 1988:63,64). Такой же клевец был найден в Забайкалье (Диков 1958:46).

В нижней зоне кош-пейского камня под по-

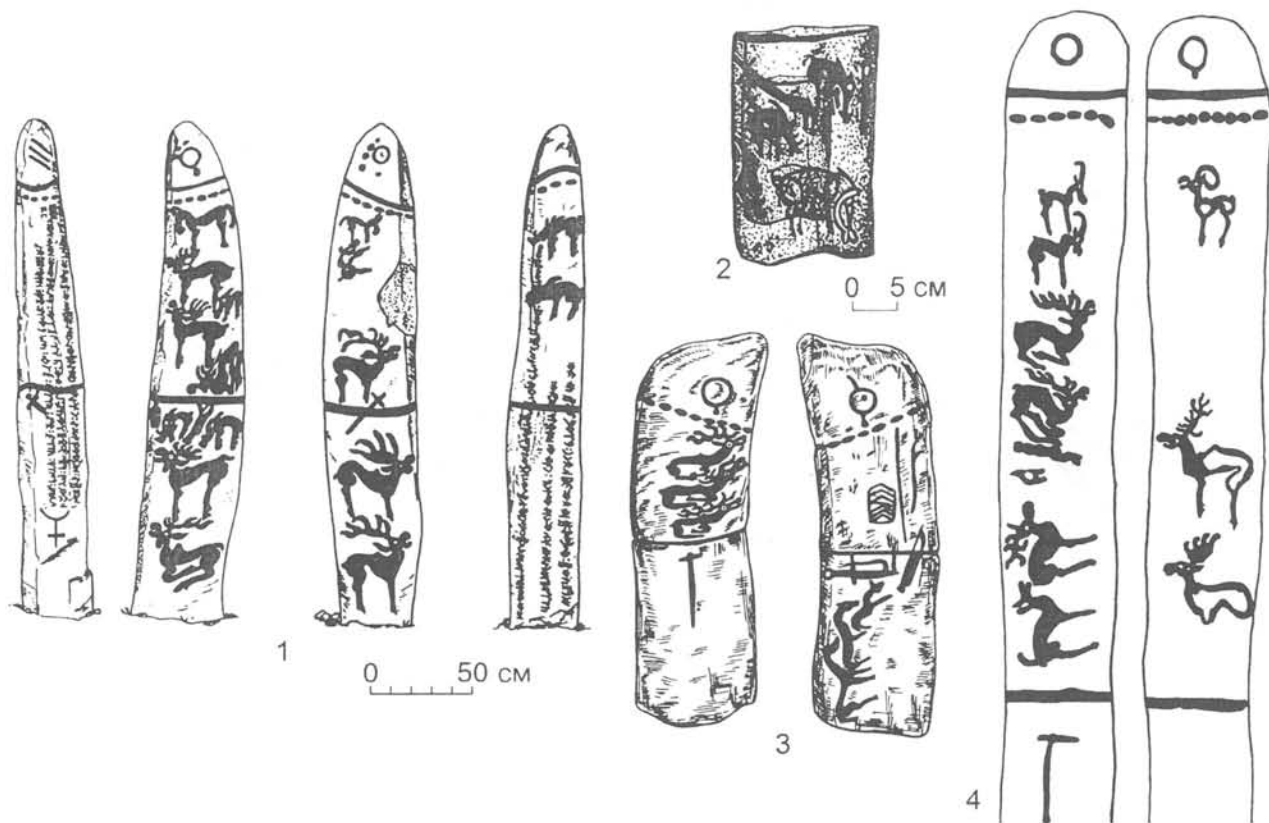

Рис. 4 Оленные камни Туранского и Сушинского типов: 1 – Туранский; 2 – Аржанский; 3 – Сушинский; 4 – Орзак-Аксы.

Fig. 4 Reindeer stelae of Turan and Sushin types. 1 – Turan, 2 – Arzhan, 3 – Sushin, 4 – Orzak-Aksy.

ясом, показанном двумя широкими линиями, изображено оружие. На лицевой стороне плиты выбит кинжал с прямым перекрестием, кольцевидным навершием и короткой портупей с двумя отростками (крючком?). По лезвию кинжала проходит ребро жесткости. Аналогичный кинжал изображен на аржанском оленном камне, который датируется раннескифским временем. На правой боковой стороне стелы выбито изображение ножа в ножнах с навершием в виде полукольца (“арка на кронштейне”) и с трапециевидным утолщением на конце. В отличие от ножей, изображенных на монгольских оленных камнях, он прямой. Ножи с навершием типа “арка на кронштейне” датируются позднекарасукским временем или раннетагарской эпохой (Членова 1972: табл.7,21,22). Рядом с ножом помещен оселок прямоугольной формы, а около него изображен лук в горите (часть изображения утрачена) с загнутым концом, напоминающим сигмовидный скифский лук (Волков 1981: рис.109). Удлиненный горит лука имеет в нижней части трапециевидный выступ. Такие гориты часто изображены на оленных камнях Монголии и не известны в вещевых комплексах. На левой боковой стороне стелы представлена фигура кабана, стили-

тически соответствующая канонам скифского искусства (высокая холка, большой клык, круглый глаз, втянутый живот, направленные вперед ноги). Однако манера, в которой выполнен зверь, уникальна. Фигура этого животного барельефна, тогда как все остальные изображения в монументальном искусстве Центральной Азии сделаны в технике контррельефа и глубокой выбивки. Таким образом, изображения на оленном камне с горы Кош-Пей сочетают в себе компоненты, которые можно датировать X–V в.в. до н.э. Стиль, в котором выполнены фигуры животных (кабан, лошади, пантеры, стилизованные олени), может быть отнесен к раннескифскому времени — VII–VI в.в. до н.э.

Изображения свернувшихся пантер, оленя, лося, кабана и щитов нанесены на оленном камне, найденном Аспелиным в долине реки Уюк (Appelgren-Kivalo 1931:36, рис.328; Радлов 1892: табл.LXXII:4 а,б) (рис. 3). Уюкская плита, овальная в сечении, сделана из темнокоричневого песчаника. Она обработана по периметру, ее грани сильно сглажены. Эту стелу трудно отнести к определенному типу. В ее средней части имеется фигура оленя, выполненная в стиле петроглифа, что не соответствует канону, характерному для оленных камней. Верхняя

Рис. 5 Чаргинские камни: 1 — Первый; 2 — Второй.

Fig. 5 Charga stelae: 1 — First; 2 — Second.

часть плиты оформлена широкой полосой и имеет выступ. Очевидно таким способом воспроизводится головной убор или прическа. На лицевой плоскости стелы выбиты три косые полосы. На боковых сторонах плиты изображены три круга, которые, очевидно, являются серьгами. Одна из них имеет колоколовидную подвеску. Под ними по периметру выбит ряд лунок, изображающих ожерелье. На одной из боковых плоскостей камня между лунок ожерелья помещена фигура кабана с подогнутыми под брюхо ногами. Ниже ее располагаются две сильно стилизованные свернувшиеся пантеры. Одна из них изображена в виде спирали с головой кошачьего хищника, другая — в виде замкнутого круга. Под пантерами находятся две пятиугольные решетчатые фигуры с кругом в центре — “щиты”. Один из них помещен выше оформленного двумя линиями пояса, а другой — ниже. На поясе висит нож с навершием типа “арка на кронштейне” с треугольным выступом на конце. В отличие от кош-пейского ножа он имеет дуговидно-изогнутую форму (группа 14 по Н.Л.Членовой — VIII-VII в.в. до н.э. — Членова 1972: рис.7). На противоположной боковой стороне плиты ниже ожерелья кроме вышеупомянутого изображения оленя нанесена кон-

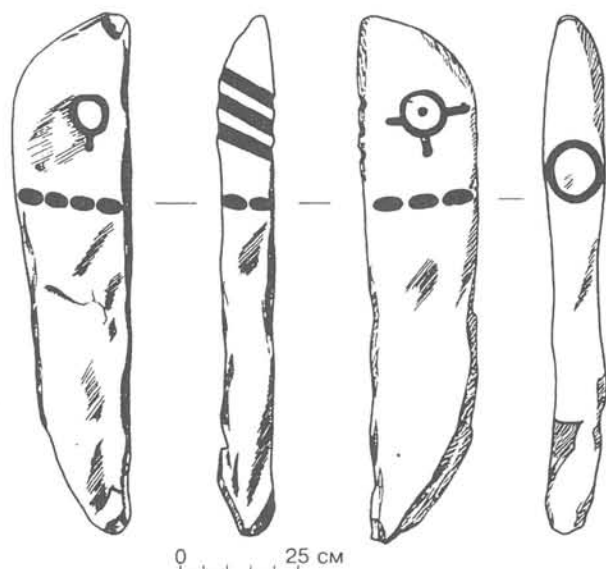

Рис. 6 Камни из кургана Хорум (Пий-Хемский район).

Fig. 6 Stelae from Khorum mound (Piy-Khem District).

турная фигура лося с завитками на теле. На голове зверя, которая составляет одну прямую со спиной, показан типично лосиный рог, внизу под мордой животного выбита серьга — подшейная складка. Лось стоит на кончиках копыт, его туловище массивно, линия живота лишь слегка изогнута. Животное идет вверх. Его голова почти не сохранилась. Изящные очертания туловища лося смоделированы плавной линией, переходящей в бедро. Напротив упомянутой выше фигуры оленя выбит предмет (круг с овальным длинным выступом), который можно интерпретировать как зеркало с ручкой. Однако в Центральной Азии подобные зеркала не известны.

В Туве оленными камнями монголо-забайкальского типа сосуществуют с плитами, на которых имеются изображения, выполненные в условно реалистической манере. Именно их мы определяем как туранский тип памятников, поскольку наиболее яркие находки этих стел были сделаны в Турано-Уюкской котловине. К ним относится и обломок плиты из кургана Аржан.

Оленный камень, найденный в кургане Аржан, необычен по форме и размерам (рис. 4: 2). Он является нижней частью сломанной

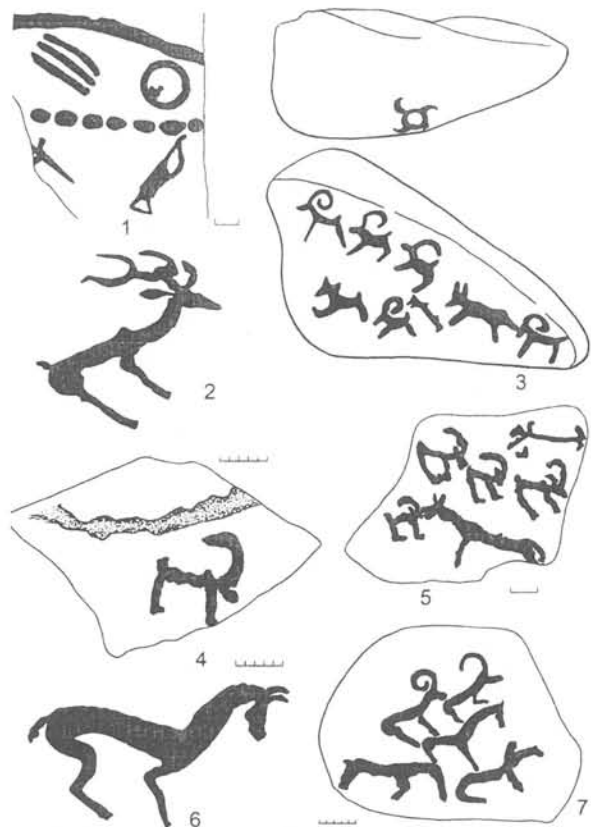

Рис. 7 Камни из кургана Улуг-Хорум (Овюрский район).

Fig. 7 Stelae from Ulug-Khorum mound (Ovyur District).

столбообразной стелы правильной цилиндрической формы. Его диаметр равен 18 см, а длина — 30 см. По-видимому, вся длина камня составляла около 1 м. Он обработан со всех сторон и напоминает круглый деревянный столб. Это обстоятельство, вероятно, и натолкнуло М.П.Грязнова на мысль, что первые оленные камни делались из дерева (Грязнов 1980:54). К сожалению, подобных стел в Туве больше не найдено. Изображения животных заполняют всю поверхность аржанского камня, образуя пояс рисунков в его нижней части. Круговое расположение фигур под поясом с оружием редко встречается на оленных камнях этого типа. Все изображения небольшие, размером около 10 см, что также не характерно для оленных камней. Животные выбиты в двух манерах — силуэтной и контурной. В основном преобладают фигуры кабанов — три из них выбиты четким глубоким контуром, три других силуэтно (можно проследить, что сначала они выполнены глубоким контуром, а затем забиты более мелкими выбоинами по всей поверхности). В том же поясе, что и фигуры кабанов помещены изображения двух оленей, выполненные глубокой контурной линией, отличающейся необыкновенной четкостью и изяществом. Они стоят спиной друг к другу на кончиках копыт, причем

показаны все четыре ноги каждого животного (Грязнов 1984: рис. 1:2).

На аржанском камне изображено подвешенное к поясу оружие — кинжал с кольцевидным навершием и прямым перекрестием и горит. Последний рисунок очень нечеткий. Рядом с кинжалом, аналогии которому имеются в памятниках скифского периода (Членова 1991:14-28; Ковалев 1987:96,97), представлен оселок.

Контурные изображения животных, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле, встречены также на камне, найденном экспедицией С.В.Киселева и Л.А.Евтюховой у горы Кызыл-Хая на реке Тыттыг-Хем в Эрзинском районе Тувы. Этот гранитный валун находился внутри кольца большого кургана-керексура, к востоку от его центральной насыпи (Кызласов 1979: рис.29). Необычный, окатанный со всех сторон камень, имевший плоскую, подовальную форму (приблизительно 1 м в диаметре), не является оленным. Рисунки нанесены с двух сторон валуна и не разделены на зоны. Обе поверхности камня полностью покрыты изображениями больших решетчатых фигур пятиугольной формы. С одной стороны вокруг такой фигуры воспроизведена сцена охоты — всадник с луком, козлы, кабаны. Эта сцена композиционно связана со «щитом». Все фигуры близки изображениям на оленных камнях. Очевидно, валун из керексура функционально соответствует оленному камню из кургана Аржан.

Несколько монументальных стел с реалистично выполненными изображениями оленей хранятся в Минусинском и Тувинском краеведческом музеях. Это классические монументы с многофигурными композициями, исполненными в скифском зверином стиле, где наряду с условно-реалистическими фигурами оленей показаны кабаны, аналогии которым мы знаем по прикладному искусству чиликтинских и местных кош-пейских курганов, а также изображено оружие раннескифского облика, которое подтверждает дату этих памятников (рис. 4: 1,4; 8).

Многие оленные камни вторично использовались в более позднее время, о чем может свидетельствовать обломанная верхняя часть плоского крупнозернистого темного камня из песчаника (85 x 65 x 15 см), найденного в разрушенном кыргызском кургане у горы Чарга (рис. 5: 2). На камне выбита короткая руническая надпись. На его узкой лицевой плоскости изображены широкая полоса и три косые линии, на левой боковой плоскости — три силуэтные фигуры оленей, которые очень плохо сохранились из-за того, что поверхность камня разрушена лишайником. Животные имеют

большие ветвистые рога и мощные туловища с треугольным выступом. Морды оленей выполнены реалистично, с листовидным ухом, каплевидным глазом и приоткрытой пастью. Изображения на правой боковой поверхности камня сохранилась лучше. Здесь представлены три фигуры горных козлов, стоящих друг под другом и большая фигура кабана, помещенного перпендикулярно к ним и развернутого ногами к лицевой плоскости камня. Все рисунки выполнены силуэтно, без характерной для оленных камней четкости линий.

Другой чаргинский камень (рис. 5: 1), разбитый и лежащий рядом со своим основанием, найден на своем первоначальном месте в поминальном комплексе из семи выкладок, одна из которых была раскопана. Под выкладкой оказалась яма с остатками деревянного столба или коновязи, функционально выполняющая роль той же вертикали или оси мира, что и оленный камень. Поминальный комплекс относился к могильнику раннескифского времени, два кургана которого были также раскопаны (Семенов, Килуновская, Чугунов 1995:23-30). Сам же оленный камень, из песчаника высотой 1,8 м, уникален для Тувы, так как на нем изображена антропоморфная личина. Благодаря тщательной оббивке эта плита приобрела сигарообразную форму, овальную в сечении. Чаргинский камень имеет ряд особенностей, характерных для оленных камней. По вертикали он разделен на три зоны двумя выбитыми широкими линиями — “ожерельем” и “поясом”. Выше “ожерелья” изображены три косые линии. Они опоясывают камень, образуя “воротник”, над которым находится контурная антропоморфная личина, с подчеркнутым нижним овалом лица и вдавленным во внутрь подбородком. Округлые глаза личины с точкой внутри соединяются с носом, имеющим V-образную форму, причем и нос, и показанный одной линией рот, спускающейся углами книзу, напоминают изображения личин на камнях из Алтая, в частности на чуйском камне (Кубарев 1979:85, рис.29). Над глазами личины имеются брови в виде смыкающихся дуг. Ее уши оформлены двумя скобками с небольшими кругами внутри. Личина, выбитая на первом чаргинском камне, ставит этот памятник в один ряд с наиболее ранними камнями Монголии и Алтая. Чаргинское изображение имеет определенные стилистические особенности, которые сближают ее с окуневскими личинами (двойные глаза, нос, уши). Между ожерельем и поясом в средней части первой чаргинской стелы выбиты фигуры двух хищников, наделенных чертами псовых и кошачьих животных, козел, олень, а также имеются следы еще каких-то изображений. Вероятно, процессия животных опоясывала всю

Рис. 8 Камень Уюк-Аржан.

Fig. 8 Stela from Uyuk-Arzhan.

плиту (вспомним аржанский камень). Фигуры зверей выполнены контурно, точечной техникой. Внутреннее пространство их тел заполнено линиями и характерными для скифского звериного стиля завитками на крупе. В целом, выбитые на чаргинском камне изображения животных и личина могут быть отнесены к раннему этапу сложения скифо-сибирского искусства, то есть к VIII-VII в.в. до н.э. На наш взгляд формирование изобразительного канона происходило не сразу. Для ранних оленных камней характерны рисунки в стиле петроглифов. Такие изображения представлены на камнях, найденных у горы Чарга, на реке Уюк и в кургане Улуг-Хорум.

Безусловно, существует определенная связь оленных камней и керексурсов, что подтверждается и раскопками. А.Д.Грач обнаружил оленные камни в керексурах в Монгун-Тайгинском и Овюрском районах (Савинов 1994:63). Исследованный нами в 1987 г. курган Хорум в местечке Кара-Сук на правом берегу Улуг-Хема имел структуру, которая позволяет соотнести его с курганами типа “керексур”. В кургане Хорум найдено одиночное погребение в небольшой грунтовой яме. Оно было ограблено. В могиле сохранились только разрозненные кости человека. Насыпь кургана, окруженная крепидой из валунов, находилась внутри кром-

леха. С восточной стороны между кромлехом и крепидой располагалась каменная выкладка. В крепиде к западуюго-западу от погребения был обнаружен олений камень с тремя линиями на фронтальной стороне, двумя разнородными серьгами на его левой и правой боковых плоскостях и ожерельем (рис. 6).

Самым большим исследованным керексуром Тувы является курган Улуг-Хорум, раскопанный А.Д.Грачом в Саглынской долине. В ограде и крепиде Улуг-Хорума обнаружено семь камней с изображениями. Один из них стоял у подножия центрального сооружения кургана в пределах его юго-западного сектора и представлял собой олений камень саблевидной формы. В Тувинский краеведческий музей была доставлена только его верхняя часть, на которой выбита широкая полоса и серия овальных лунок — “ожерелье”. На одной из боковых плоскостей плиты имеются изображения кольца и лука в горите, на другой — три косые линии и кинжал с прямым перекрестием (рис. 7:1) (Грач 1980: рис.73).

В крепиде центрального сооружения и во внешнем кольце кургана Улуг-Хорум были найдены средней величины валуны, на которых в основном были выбиты петроглифы (рис. 7:2-7), то есть более схематичные и грубые изображения, чем на оленных камнях. На одном плоском валуне неглубокой выбивкой показаны фигуры двух козлов с длинными мордами, закрученными большими рогами и направленными вперед ногами с проработанными коленными суставами; ниже расположены три фигуры лошадей без хвостов с опущенными вниз мордами (рис. 7: 7). На кубообразном валуне зеленого цвета в центре выбито изображение оленя с приостренной, но не длинной мордой, увенчанной ветвистым рогом с S-овидными отростками и с длинным листовидным ухом. На спине животного показан треугольный выступ, туловище оканчивается небольшой хвостиком. Ноги оленя с проработанными коленными суставами и прямыми копытами вытянуты. Перед нами изображение оленя (рис. 7: 2) выполненное в “саяно-алтайском” стиле.

На большом валуне продолговатой подтреугольной формы имеются схематичные фигуры следующих друг за другом животных: изображения пяти козлов с большими загнутыми на спину рогами, треугольными ушами, прямыми ногами, небольшими хвостами и двух хищников с массивными туловищами, небольшими мордами и длинными ушами. На одной из боковых плоскостей валуна выбит круг сходящими от него лучами (солярный знак) (рис. 7: 3).

На плите ромбовидной формы имеется силуэт схематичной фигурки горного козла с

большой овальной мордой, серповидным рогом, горбом на спине и прямыми ногами (рис. 7: 4).

На камне, найденном в крепиде кургана, изображена изящная фигура лошади с коротким хвостом, длинным изогнутым телом, небольшой опущенной вниз мордой на длинной шее, двумя большими ушами и направленными вперед, слегка согнутыми в коленях ногами с копытами (рис. 7:6). Подобная фигура выбита на оленном камне, который А.Д.Грач нашел в другом керексуре Саглынской долины (Грач 1980: рис.54) и на сайгынской плите с изображениями орнаментально-стилизированных оленей (рис. 1: 3).

На последнем валуне из кургана Улуг-Хорум выбиты четыре фигуры горных козлов и лошадь. Все изображения выполнены очень схематично, но в скифском каноне. У козлов имеются небольшие опущенные вниз морды (у одного с бородой), листовидной формы уши, серповидные рога, небольшие хвостики и ноги с выделенными коленными суставами. Фигура козла с ногами, оканчивающимися стопами, изображена также на камне, найденном у горы Чарга. Фигура лошади имеет длинное туловище, массивную морду, листовидные уши и ноги с приостренными копытами (рис. 7: 5).

К сожалению, А.Д.Грач не зафиксировал точного расположения камней в кургане Улуг-Хорум, что несколько снижает информативность этого памятника. Тем не менее ясно, что при сооружении кургана Улуг-Хорум была воплощена концепция (модель мира) евразийских строителей курганных конструкций, в соответствии с которой эти погребальные сооружения включают захоронения в цистах на поверхности земли, кромлехи вокруг насыпи, изображения как на стенках цист и каменных ящиков внутри могил и вне них, так и на стелах и плитах каменных конструкций. Сами собой напрашиваются сравнения керексура Улуг-Хорум, например, с курганом Сагахольм из Смоланда (Швеция), на кромлехе которого есть изображения животных, стилистически близкие центральноазиатским петроглифам (Randsborg 1993:160). Теперь после раскопок кургана на реке Холаш доказан факт сосуществования больших каменных цист и раннескифских погребений в ямах без сруба. С другой стороны радиальное расположение срубов в Аржане сопоставимо с планировкой керексуров, о чем уже говорилось ранее (Семенов 1990). Структура этих памятников находит аналогии не только в погребальных сооружениях, но и в планировке поселений бронзового века, таких как Аркаим в Челябинской области (Зданович 1992) и Демирчи-хюйюк в Анатолии (Korfmann 1983:192-200) и другие. В этом внешнем сходст-

ве, вероятно, нужно видеть отражение определенной картины мира, изоморфной структуре языка, на котором говорили люди, оставившие все эти памятники. Какое место в этой картине занимают оленные камни, определенно ответить еще нельзя. Очевидно, они выражают способ статического моделирования пространства, являясь центром, вокруг которого разворачивается весь космический универсум, что не исключает значение оленного камня, как генетивного символа или меморативного памятника в контексте поминально-погребальной обрядности (Килуновская, Семенов 1993:88-94).

В Туве оленные камни являются одним из главных компонентов раннескифской культуры. Всего известно более 50 стел. Они обнаружены в разных районах республики. Их можно разделить на две большие группы — с изображениями животных и без них. Стелы с изображениями зверей подразделяются нами на несколько типов. Основным типобразующим признаком является стилистика изображений фигур различных животных, как главного сюжета оленных камней, часто организующего композиционное пространство и определяющего семантический смысл памятника (Килуновская 1994:6-11), при этом учитывалась форма камней, организация пространства (деление на зоны), изображения оружия, серег, поясов и ожерелий, привлекались данные о местонахождении стел. На основании всех этих признаков выделяются три основных типа оленных камней Тувы: стелы с реалистично выполненными фигурами оленей (туранский тип); стелы с орнаментально-стилизированными фигурами (монголо-забайкальский тип) и переходный (сушинский тип).

На камнях первого типа (Уюк-Аржан, Орзак-Аксы, Туранский и другие) животные изображены контурно или силуэтно в условно реалистической манере, стоящими на кончиках копыт, либо с подогнутыми под брюхо ногами, причем обе позиции встречаются на одном камне. Обычно, стелы этого типа имеют вертикальную структуру и разделены на три зоны. Средняя часть плиты отделена от нижней выбитой полосой, а от верхней — кольцом округлых или овальных углублений или тоже полосой. В верхней части камня располагаются круги или серьги, три косые черты, которые отмечали лицевую сторону стелы. В нижней части плиты выбиты изображения оружия — кинжалы, луки в горите, оселки и тому подобное. Фигуры животных располагаются в средней и нижней частях стелы. В Туранской котловине были найдены четыре камня первого типа — со всеми атрибутами и изображениями оленей и кабанов. Камни с изображениями в манере петроглифов (Чарга, Улуг-хорум и дру-

гие) выделяются в особый подтип. Они в основном обнаружены в керексурах и их изображения несут в себе черты еще не вполне сложившегося канона. Эти стелы и по форме весьма разнообразны и не имеют обычного вертикального деления композиций на три зоны, которое характерно для оленных камней (рис. 4: 1,2,4; 5; 8).

Второй тип камней — это плиты с орнаментально-стилизированными фигурами оленей (самагалтайский, кош-пейский, белозерский, холашский и другие). На этих стелах обычно изображали несколько оленей, которые вписывались друг в друга и заполняли всю поверхность камня. Часто фигуры животных располагаются под углом к вертикальной оси стелы. Головы оленей вытянуты вперед, их морды клювовидные, то есть чрезмерно удлиненные, узкие, с раскрытыми губами. Иногда изображаются рога, запрокинутые на спину и состоящие из полукольца. На спине животных изображен треугольный выступ. Ног у оленей либо нет, либо они переданы рудиментарно: задние непропорционально малы и тонки, а передние показаны выступом. На этих камнях встречаются схематичные изображения лошадей и кабанов, у которых нарушены пропорции тела, а также фигуры хищников, чаще свернувшихся в кольцо. Большинство стел с такими изображениями найдены в Монголии, поэтому такой тип оленных камней называется монголо-забайкальским. В Туве фигуры этого стиля нанесены обычно на плоские плиты без членения камня на три зоны. Рисунки на таких стелах выбиты обычно на одной стороне. Исключение составляет только кош-пейский камень. Обычно эти плиты найдены в курганах или в комплексах с курганами монгун-тайгинского типа или с цистами (рис. 1; 2).

Третий тип оленных камней можно назвать “переходным” или сушинским, так как наиболее характерный камень был найден на реке Сушь (рис. 4: 3). Изображенные на нем животные сочетают черты условно реалистического и орнаментально-стилизованного канона. Так например, морды у оленей или лошадей вытянуты, но не так как у оленей монголо-забайкальского типа. Ноги обычно воспроизводятся подогнутыми под брюхо или выпрямленными, но при этом они сохраняют некоторую деформацию. Мастер не стремится вписать одну фигуру в другую. Треугольный выступ на спине животных имеет небольшие размеры. В Туве известны три таких камня — стелы, найденные на реках Элегест, Сушь, а также второй самагалтайский камень. Изображения такого типа характерны для оленных камней Алтая (например, юстыдский камень) (Кубарев 1979: табл. VI-XVII). По-видимому, они маркируют рас-

пространение оленных камней из Монголии и Тувы на запад через Алтай.

Исходя из всего изложенного, можно за-

ключить, что оленные камни, известные в Туве, синхронны и относятся к памятникам раннескифского времени.

- Волков, В. В. 1981. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Академия наук МНР.
- Грач, А. Д. 1980. Древние кочевники в центре Азии. Москва: Наука.
- Грязнов, М. П. 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Ленинград: Наука.
1984. О монументальном искусстве на заре скифо-сибирских культур в степной Азии // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 25: 76-82. Ленинград: Искусство.
- Диков, Н. Н. 1958. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Наука.
- Зданович, Г. Б. 1992. Архитектура поселения Аркаим // Маргулановские чтения 1990 г. Сборник материалов конференции: 79-34. Москва.
- Килуновская, М. Е. 1994. Искусство скифского времени Тувы (типология, периодизация и семантика). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Килуновская, М. Е., Вл. А. Семенов. 1988. Исследования Тувинской экспедиции // Археологические открытия 1986 г.: 234-235. Москва: Наука.
1990. Памятники раннего железного века в Туве // Информационный бюллетень МАИКЦА 17: 36-4. Москва: Наука.
1993. Оленный камень — изобразительная и мифологическая структура // Современные проблемы петроглифов: 88-103. Кемерово: Кемеровский государственный университет.
- Ковалев, А. А. 1987. О датировке оленного камня из кургана Аржан // Скифо-сибирский мир: 93-98. Новосибирск: Наука.
- Комиссаров, С. А. 1988. Комплекс вооружения древнего Китая (эпоха поздней бронзы). Новосибирск: Наука.
- Кубарев, В. Д. 1979. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск: Наука.
- Кызласов, Л. Р. 1979. Древняя Тува. Москва: Наука.
- Новгородова, Э. А. 1989. Древняя Монголия. Москва: Наука.
- Полосьмак, Н. В. 1993. Исследование памятников скифского времени на Укоке // Altaica 3: 21-31. Новосибирск.
- Радов, А. А. 1892. Атлас древностей Монголии. Труды Орхонской экспедиции I, II. Санкт-Петербург.
- Савинов, Д. Г. 1994. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет.
- Семенов, Вл. А. 1990. Улуг-Хорум и Аржан (к интерпретации модели мира древних кочевников Тувы) // Проблемы исторической интерпретации археологических источников Западной Сибири / Тезисы научной конференции: 111-113. Томск.
- Семенов, В. А., М. Е. Килуновская, К. В. Чузунов. 1995. Археологические исследования на правом берегу Улуг-Хема // Южная Сибирь в древности: 23-30. Санкт-Петербург.
- Худяков, Ю. С. 1987. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии: 136-162. Новосибирск: Наука.
- Членова, Н. Л. 1972. Хронология памятников карасукской эпохи. Москва: Наука.
1991. Еще раз о дате оленного камня из Аржана // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 204: 24-30.
- Appelgren-Kivalo, H. 1931. Alt-altaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887-1889. Helsingfors.
- Korfmann, M. 1983. Demircihüyük. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975-1978. B.I. Architektur, Stratigraphie und Befunde. Mainz am Rhein: Zabern.
- Randsborg, K. 1993. "Kivik" archaeology, iconography // Acta archaeologica 64 (1): 1-147. København.

TUVINIAN STAG STONES, PART 1. RECENT FINDS, TYPOLOGY, AND CULTURAL ATTRIBUTION

Stag stones are works of monumental Scythian art distributed in northwestern Mongolia, Trans-Baikal region, highland Altai, and Tuva. More of them have recently been found during the excavations of a large early Scythian mound on the Kholash River, Mongun-Taiga, in the Ulug-Khem valley, and in Uyük Hollow. In the present article, they are described in a broader context.

Stag stones from the Kholash River (fig. 1:1,2) are the first to be found in Mongun-Taiga. They are carved from granite and depict reindeer in the Mongolo-Trans-Baikalian style. The dimensions of one of them are 170 cm by 65 cm by 20 cm. The representation is carved on one side of the slab, in the upper part of a broad plane which had been intentionally trimmed toward the top. A solar sign

(circle) is represented, and three silhouettes of reindeer with stretched beak-shaped muzzles are directed toward it. The antler is shown in one animal only. Two others are hornless, and in all the three the fore leg is reduced in size (fig. 1:1).

The second stela, rectangular in section and tapering off toward the top, has a protrusion marking its front side. On the lateral sides, circles are carved. The right one is 15 cm in diameter. Two reindeer figures are directed toward it, shown in profile with stretched beak-like muzzles. Both are hornless, have almond-shaped eyes and humps, which is a typical feature of such representations. On the left side of the stela, 180 cm by 33 cm by 35 cm, only a ring, 7 cm in diameter, is carved (fig. 1:2).

Similar stelae representing reindeer of the Mon-

golo-Trans-Baikalian type without any additional attributes, have been found elsewhere in Tuva. The most interesting one was found by us in 1989 near Lake Beloye, Turan-Uyuk Hollow. It lay on a ploughed field near a chain of Scythian type mounds. The gray sandstone slab, unseparated into zones, bears representations of five reindeer, inscribed into one another in such a way that the hump of the one animal parallels the bend of another one's neck. The muzzles are disproportionately elongated. Ears are leaf-shaped, and eyes are large and almond-shaped. Large antlers with two branches directed forwards are spread above the backs. Legs are reduced (fig.1:4).

In 1989, a reindeer stela was found on the slope of Mount Kosh-Pei near the village of Arzhan (fig.2). It is unique in that it contains many elements peculiar to the stelae which have been attributed to different types by various researchers. The stela is separated into three zones. In the upper one, separated by a "necklace" (a succession of oval pits), three oblique stripes are carved on the face side while the lateral sides bear representations of earrings with bell-shaped pendants and points inside the rings. These earrings have close parallels in an Aldy-Bel' type association from Saryg-Bulun burial ground (mound 1, burial 1), dating from 600-400 BC.

In the central part, figures of animals are situated. On the left side, there are seven flying reindeer with beak-shaped muzzles and reduced legs. Antlers are either absent or just one bifurcated branch is carved. Above them, there are two identical coiled panthers, one inscribed into another. In terms of style and details, they are similar to that shown on the unique bronze horse plaque from the Arzhan mound. The larger of the two is even of the same size (25 cm in diameter) as that on the plaque. The back side bears a carved representation of a coiled carnivore. Below it, a horse with bent legs is represented. On the right lateral side, a pentagonal shield with a circular boss in the centre is carved. On the left side, there is a representation of a socketed pick on a long handle with an oval butt. Similar picks were found in China where they date from the period no later than early Western Chou (9th century BC).

In the lower part of the stela, below the belt shown by two broad bands, weapons are represented. On the facial side there is a dagger with a straight guard and a ring-shaped top, attached by means of a short belt with two branches, possibly a hook. The blade has a rib, and a similar dagger is depicted on a reindeer stela from Arzhan dating from the early Scythian period. On the right side, there is knife in a sheath with a top shaped like "an arch on support" and a trapezoid thickening on the end. Beside the knife there is a rectangular hone, and beside it a bow in a gorytos (part of it has been

lost). The bow has a curved end and is similar to a sigmoid Scythian bow. The gorytos is elongated and has a trapezoid protrusion in the lower part. Such gorytes predominate on stag stones in Mongolia and are not known from associations. The last carving, a very interesting one, is that of a boar. In terms of style, it conforms to the canons of Scythian art. The manner, however, is unique. It is a bas-relief, whereas all representations in the monumental art of central Asia are counterreliefs or reliefs en creux. The reindeer stela from Kosh-Pei, then, combines elements that may be dated from the 10th to the 5th century BC. Judging by the style in which animals (boar, horse, panthers, and stylized reindeer) are represented, it should be dated to the early Scythian time (700-500 BC).

Stelae of the Mongolo-Trans-Baikalian type coexist in Mongolia with stelae made in a conventionally realistic manner, which we describe as Turanian, since the most characteristic specimens of that type were found in the Turan-Uyuk Hollow. A fragment of a stela from Arzhan (fig.4:2) belongs to this type. No similar stelae are known in Tuva. Animal representations cover the entire lower belt of the stela. Such a belt-like arrangement of carvings in the lower part below the belt with weapons is rare on stag stones of this type. All the representations are small (ca. 10 cm), and this, too, is not typical of the stag stones. Animals are carved in two manners, silhouette and outline.

Several monumental stelae with realistic representations of reindeer are now in the collections of Minussinsk and Tuva regional museums. They are typical monuments with multigure compositions made in the Scythian animal style and representations of early Scythian weapons (figs.4:1,4; fig.8).

Many stelae were reused in later periods, as evidenced by a fragment found in a Kyrgyz mound near Mount Charga (fig.5:2). It bears a short runic inscription. The stela is flat (85 cm by 65 cm by 15 cm) and is made of coarse-grained dark sandstone. The bottom is broken away. On the narrow facial side, there is a broad band and three oblique lines. On the left side, there are three silhouettes of reindeer, heavily damaged by lichen. Large branching antlers are seen, and massive bodies with triangular humps. The muzzles are realistic, the ears leaf-shaped, the eyes drop-shaped, and the mouths half-open. The left side is better preserved and accommodates three mountain goats standing one below another, and a large boar perpendicular to them, legs directed to the front side of the stela. All carvings are silhouettes, and lines are not sharp, unlike those on the stag stones.

Another unique stela (fig.5:1) was found near Mount Charga. It is made of sandstone (height, 1.8 m) and represents an anthropomorphous mask. The stela has been thoroughly carved and is cigar-

shaped, oval in section, and reveals certain features which are typical of stag stones in general. It is divided into three zones by two broad horizontal lines, a "necklace" and a "belt". Above the "necklace", there are three oblique lines which are long and encircle the stone, appearing on other sides in a collar-like fashion. Above them, the outline of an anthropomorphous mask is carved. The lower part of the face is stressed, and the chin is depressed. The eyes are roundish, have dots inside, and are connected with the V-shaped nose. The mouth is shown by a line, and its corners are bent downwards. Both the nose and the mouth are similar to those represented on the Altai stelae, specifically on the Chuy specimen. Eyebrows are shaped as connected arches. Ears, drawn like arches with small circles inside, are separated from the face.

The anthropomorphous mask carved on the Charga stela is paralleled by the earliest representations on the stag stones of Mongolia and Altai. It has certain stylistic peculiarities, including the double outline of the eyes, nose, and ears, which make it similar to the Okunev masks. Between the necklace and the belt in the central part of the stela, a pair of carnivores, with both canine and feline features, is represented. Beside them there are other animals: a goat, a reindeer, and remains of some other figures. Perhaps the procession of animals encircled the entire stela, as on the Arzhan specimen. All the animal figures are outlines carved in the percussion technique. The insides of their bodies are filled in with lines and scrolls on the croup typical of the Scythian style. Overall, the animals as well as the anthropomorphous mask should be dated to the early stage of the Scytho-Siberian art (800-600 BC). In our opinion, the formation of the canon was a gradual process. Early stag stones have representations which are similar to petro-

glyphs. These are present on stelae found near Mount Charga, near the Uyuk River (fig.3), and in the Ulug-Khorum burial mound (fig.7). On one of the stelae from Ulug-Khorum (the fifth stone in the kerb), a horse figure is elegantly carved. A similar figure is present on a reindeer stela found by Grach in the Sagly Valley, and on a stela from Saygyn with reindeer stylized in an ornamental fashion (fig.1:3).

Several stag stones were discovered during the excavation of kereksurs. One of them was found in 1987 in the Khorum mound (fig.6) on the right bank of the Ulug-Khem. Seven stelae with representations were found by Grach during the excavations of Ulug-Khorum kereksur, the Sagly Valley. The Ulug-Khorum mound represents a certain stage reflecting the world model of the people who built the mounds. This tradition includes cist burials on the old ground surface, the construction of cromlechs around the central grave, drawings on the walls of the cists inside and outside the graves as well as on the stelae and on the slabs belonging to the constructions. All these are similar to the Saga-holm burial mound, Smaland, Sweden, where figures of animals, resembling the central Asian ones in terms of style, are represented on the cromlech. The structure of these monuments is paralleled by the layout of Bronze Age settlements such as Arkaim, Chelyabinsk Region (Zdanovich, 1992:79-84), Demircihuyuk, Anatolia, and others.

In Tuva, stag stones belong to the principal elements of the Scythian type culture. Three main types can be distinguished: (a) stelae with realistic representations of reindeer (Turan, fig.4:1,2,4; fig.5: fig.8); (b) those with ornamentally stylized representations (Mongolo-Trans-Baikalian, fig.1; fig.2); and (c) intermediate ones (Sushin, fig.4:3). All these types coexist in Tuva and date from the early Scythian period.

БРОНЗОВАЯ ПЛАСТИНА-ПРЯЖКА ИЗ ДЫРЕСТУЙСКОГО МОГИЛЬНИКА

С.С.МИНЯЕВ*

Изучение истории и культуры азиатских гуннов (сюнну) является традиционным в деятельности Института истории материальной культуры РАН. В последние годы в этом направлении работает Забайкальская экспедиция ИИМК РАН, которая совместно с научно-производственным центром охраны памятников Республики Бурятия проводит систематические исследования одного из опорных археологических памятников сюнну — Дырестуйского могильника, расположенного на юге Западного Забайкалья в Джидинском районе Республики Бурятия. Изучение этого памятника методом сплошного вскрытия площади, занимаемой древним кладбищем, позволило выявить множество грунтовых могил, не имевших внешних признаков на дневной поверхности и поэтому непотревоженных грабителями. В разнообразном инвентаре таких захоронений особо выделяются предметы искусства, в первую очередь изделия художественной бронзы, которые составляли основу сюннских наборных поясов. Первые сведения о таких поясах уже опубликованы (Давыдова, Миняев 1988, 1993; Миняев 1995). В данной статье в научный оборот вводится еще один поясной комплект из погребения 128. Составной частью этого поясного набора является бронзовая пластина, не имеющая аналогий в сюннуской художественной бронзе.

Погребение 128 обнаружено в группе 1, где ранее уже было исследовано двенадцать захоронений. Могила 128, также как и расположенное рядом с ней погребение 127, видимо, сопровождала центральный курган комплекса № 44 (рис. 1) (подробнее о планиграфии могильника см. Миняев 1993). Захоронение 128 не имело наружных признаков, могильное пятно было выявлено при сплошном вскрытии участка могильника на глубине 30 см в основании первого штыка. Пятно имело прямоугольную форму со скругленными углами. Могила была заполнена вязкой серой супесью с включениями щебенки, которая иногда достигала размеров 15 x 15 см. В могиле обнаружен гроб, размером 175 x 45 см, его стенки сохранились на высоту около 20 см. Перекрытие гроба полностью ис-

тлело и было представлено лишь слоем темного, почти черного тлена, стенки гроба также почти полностью истлели, от его основания сохранился тонкий слой тлена. Продольные стенки гроба выходили за поперечные. Можно предполагать, что соединение его стенок с помощью шипов и пазов было обычным для погребений сюнну.

Погребенная взрослая женщина лежала на спине, в вытянутом положении, головой на северо-северо-восток. Кости имели плохую сохранность, череп был раздавлен, ребра истлели. У правой скулы скелета найдена бирюзовая подвеска, слева от челюсти и под ней — ожерелье из фиолетового бисера и стеклянных бус. На левом предплечье находился коррозированный железный предмет прямоугольной формы (вероятнее всего черешковый нож) (рис. 2).

Под левым предплечьем ближе к кисти обнаружена бронзовая пластина-пряжка, лежавшая лицевой стороной вниз. Пластина неправильной формы была укреплена на деревянной основе, которая практически полностью истлела. Пряжка имеет высоту 10,5 см, ширина ее верхней округлой части составляет 6,8 см, нижней подтрапециевидной половины — 5,7 см (рис. 3).

Центральным элементом изображения, представленного на пластине, является стилизованное дерево, в ветвях которого затаилась готовая к прыжку рысь (животное на пластине имеет уши с “кисточками”, которые являются характерным видовым признаком именно этого кошачьего хищника). Рысь изображена анфас в верхней части пластины, все ее четыре лапы вцепились в ветви дерева, туловище животного скрыто в ветвях дерева. В нижней части пластины под деревом изображен бегущий горный баран. Его голова с круто загнутыми рогами выполнена анфас и помещена посередине показанного в профиль туловища, ноги барана подогнуты под тулово, соединяясь с нижней рамкой пластины. Все детали изображения четко проработаны.

Пластина с таким сюжетом впервые найдена в непотревоженном археологическом ком-

* Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

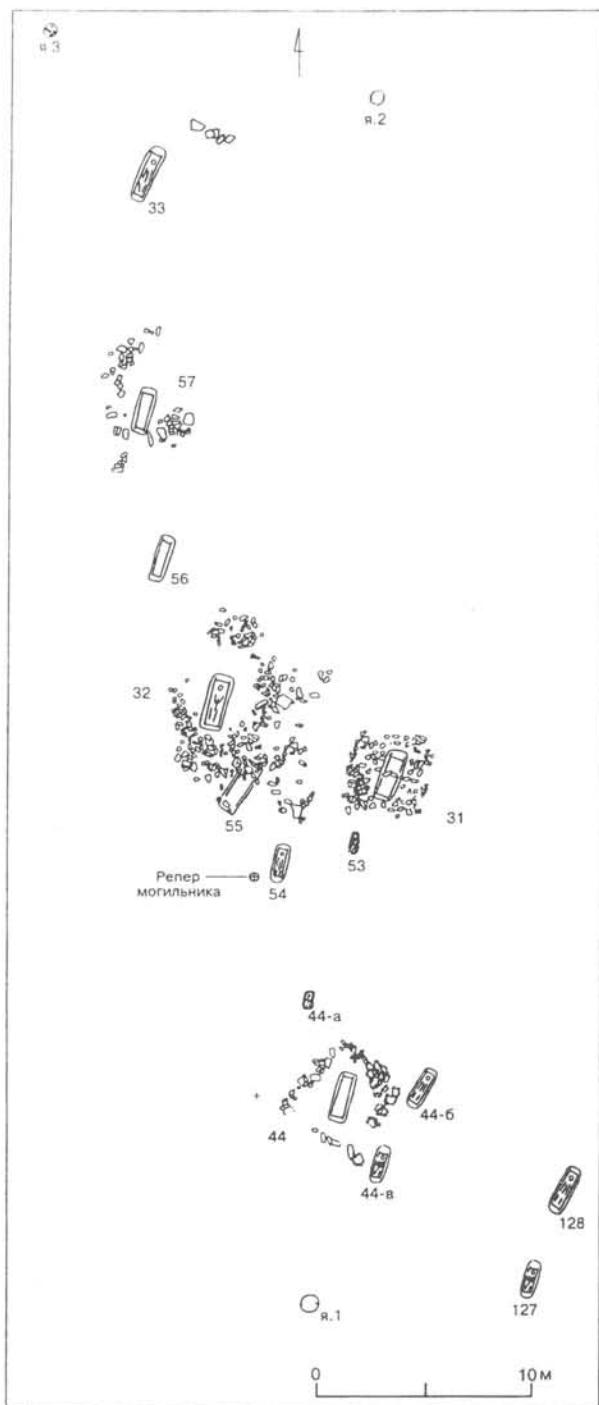

Рис. 1. Дырестуйский могильник. План группы 1 с погребением 128.

Fig. 1 Dyrestuy burial ground. Plan of group 1 with burial no. 128.

плексе, что позволяет связать ее с кругом именно сюннуской художественной бронзы. Два обломка пластин, возможно с аналогичным сюжетом, известны по случайным находкам в Южной Сибири: один обнаружен у горы Изых на Енисее (Минусинский музей N 9094; Дэвлет 1980: табл. 28: 109), другой происходит из Косогольского клада, хранящегося в Красноярском музее; Нашекин 1967; Дэвлет 1980: табл. 28: 110). По сообщению Э.Банкер, две целые

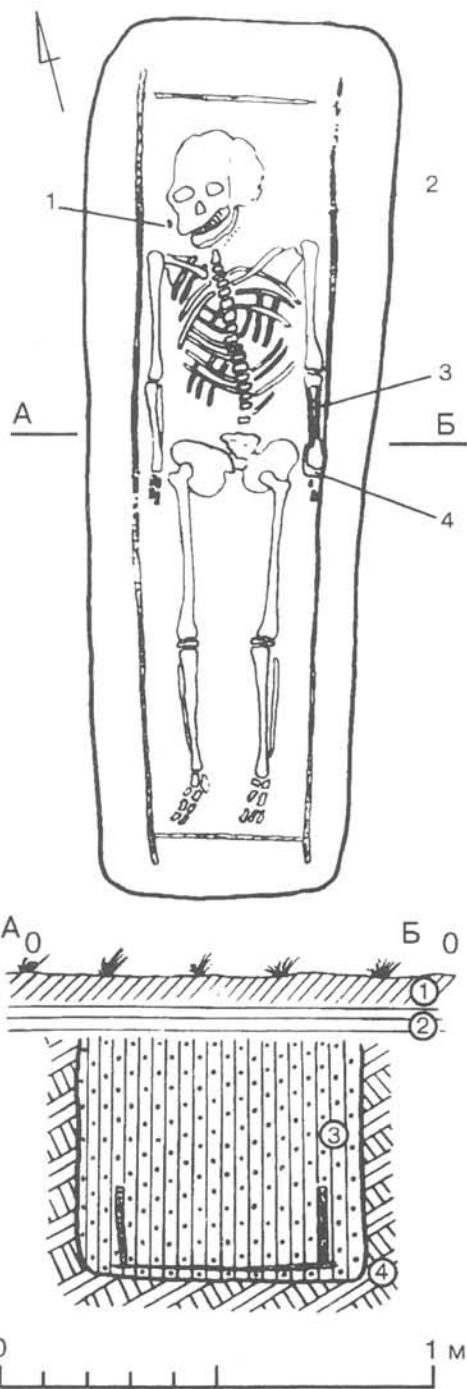

Рис. 2 План и профиль погребения 128.

Fig. 2 Burial No 128.

аналогичные пластины (очевидно из грабительских раскопок в Северном Китае) были выставлены на одном из антикварных аукционов в Гонконге, но их дальнейшая судьба неизвестна.

Спектральный анализ дырестуйской пластины, проведенный А.Косолаповым в лаборатории Государственного Эрмитажа, показал, что она изготовлена из мышьяковистой бронзы с незначительными примесями других элемен-

тов (содержание мышьяка около 11 %, олова и свинца — десятые доли процента). Как показало изучение химического состава сюннских бронз, подобный тип сплава был характерен для енисейских бронз, изготавливавшихся по сюннским образцам во II-I в.в. до н.э. (Миняев 1983). Из мышьяковистой бронзы (с содержанием сурьмы около 5 %) изготовлен и упомянутый выше фрагмент пластины, обнаруженной в Косогольском кладе и, повидимому, аналогичной дырестуйской. В то же время следует отметить, что другой фрагмент сходной пластины, найденный у горы Изых, отлит из оловянно-свинцовой бронзы, нехарактерной для минусинской металлургии этого времени. Это обстоятельство еще раз подчеркивает, что в эпоху сюнну однотипные бронзовые изделия изготавливались в различных металлургических центрах и распространялись на широкой территории (Миняев 1980).

Рис. 3. Дырестуйский могильник. Бронзовая пластин-пряжка из погребения 128.

Fig.3 Bronze plaque buckle from burial no.128.

- Давыдова, А. В., С. С. Миняев. 1988. Пояс с бронзовыми бляшками из Дырестуйского могильника // Советская археология 1: 230-233.
1993. Новые находки наборных поясов сюнну в Забайкалье // Археологические вести 2: 55-65.
- Дэвлет, М. А. 1980. Сибирские поясные ажурные пластины XI в. до н.э. — I в. н.э. Свод археологических источников Д 4-7. Москва: Наука.
- Миняев, С. С. 1980. Производство и распространение поясных пластин-пряжек с зооморфными изображениями // Дэвлет М. А. "Сибирские поясные ажурные пластины XI в. до н.э. — I в. н.э." Свод археологических источников Д 4-7: 29-32. Москва: Наука.

1983. Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлургия Сибири: 47-63. Барнаул: Алтайский государственный университет.
1992. Изучение погребений сюнну в Забайкалье // Археологические вести 1: 107-113. Санкт-Петербург.
1995. Новейшие находки художественной бронзы и проблема формирования геометрического стиля в искусстве сюнну // Археологические вести 4: 123-136. Санкт-Петербург.
- Нацекин, Н. В. 1967. Косогольский клад // Археологические открытия 1966 г.: 163-165. Москва: Наука.

A BRONZE PLAQUE BUCKLE FROM THE DYRESTUY BURIAL GROUND

Studies into Hsiung-nu history and culture have a longstanding tradition at the Saint-Petersburg Institute of History of Material Culture. Over the recent years, these studies have been pursued by the Trans-Baikal Archaeological Project which, jointly with the Research Centre of the Buriatian Department for the Protection of Monuments, is focusing on a comprehensive field work at one of Hsiung-nu

key sites, the Dyrestuy burial ground in the southwestern Trans-Baikal area (Jida district, Republic of Buriatia). As large parts of the site were being completely excavated, numerous ground burials were discovered which had no marks on the modern surface and for that reason had not been looted. The most important artefacts found in these graves are objects of art, first and foremost bronze ornamented

plaques which were attached to the belts. Some information concerning these plaques has been published (Davydova and Minyaev 1988, 1993; Minyaev 1995). In the present article, one more composite belt, one from burial no.128, is described. It includes a bronze plaque which has no parallels among the known Hsiung-nu bronzes.

Burial no.128 belongs to group 1, of which twelve burials have been previously excavated. Grave no.128, like the adjacent grave no.127, was apparently related to the central mound, no.44 (fig. 1; see Minyaev 1993 for information on the general layout of the burial ground). Grave no.128 was not marked by any external features. The grave spot, rectangular with rounded corners, was detected at the depth of 30 cm during the excavation of a large area of the burial ground. The grave was filled with a sticky grey loam and detritus, some pieces of which were 15 cm in diameter. Inside the grave, remains of a coffin, 175 cm by 45 cm, were found, the walls being preserved at a height of about 20 cm. The lid had completely dissociated and was represented by a layer of blackish decay. Most of the walls, too, had decayed, and a thin layer of decay had remained of the bottom. The long walls protruded beyond the short ones, suggesting that they were joined by mortises and tenons.

The buried person was lying supine in an extended position, head directed towards NNE. The preservation of bones was poor, the skull had been crushed, and the ribs had decayed. Near the right zygomatic bone, a turquoise pendant was found, and to the left of the mandible and below it, there was a necklace consisting of small beads made of violet clay and glass. On the left forearm lay a corroded rectangular iron object, probably a tanged knife (fig. 2).

Under the left forearm, closer to the hand, a bronze plaque buckle, subrectangular in outline, was lying face down. It was fastened to a wooden base which had almost completely decayed. The buckle is 10.5 cm high, the width of its upper rounded part being 6.8 cm, and that of the lower trapezoid half, 5.7 cm (fig. 3). The central element of the scene represented on the plaque is a stylized

tree with a feline carnivore hiding in its crown and apparently ready to jump (bunches of hair on its ears are suggestive of a lynx). The animal is shown en face in the upper part of the plaque, all the four paws clasp the branches and the trunk hidden in the foliage. In the lower part of the plaque, under the tree, a running mountain ram is represented. Its head with sharply twisted horns is shown en face in the middle of the trunk, which is rendered in profile; the legs are bent below and touch the lower frame of the picture. All the details are well elaborated.

It is for the first time that a plaque with this scene was found in an unlooted grave, thus precluding any doubts as to its Hsiung-nu attribution. Among the random finds from Siberia, there are two fragments of plaques with apparently similar representations. One was discovered near Izykh Mountain, Yenisey Valley (Minussinsk Museum, no.9094; Devlet 1980: table 28,109), another belonged to Kossogol hoard, now at Krasnoyarsk Museum; Nashchokin 1967; Devlet 1980: table 28,110). According to E.Banker, two similar plaques, both intact, apparently obtained by pirate excavations in Northern China, were exhibited at an antiquarian auction in Honkong. Their further fate is unknown.

The spectral analysis of the Dyrestuy plaque made by A.Kosolapov at Saint-Petersburg Hermitage showed that it had been manufactured of arsenious bronze with a minute admixture of other elements (the content of arsenic is about 11%, tin and lead making up less than 1%). As the previous analyses demonstrated, a similar composition was typical of Yenisey bronzes made after Hsiung-nu prototypes in the 2nd and 1st centuries BC (Minyaev 1983). The plaque fragment from the Kossogol hoard mentioned above (perhaps similar to the Dyrestuy specimen) was also made of arsenious bronze with about 5% antimony. The Izykh fragment, however, was cast of stannous-plumbic bronze, which was not characteristic of Minussinsk metallurgy of that period. This is just another indication that similar bronze artifacts were manufactured in various metallurgic centres and distributed over vast territories (Minyaev 1980).

РАСПИСНАЯ И ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ НЕКРОПОЛЯ ПАНСКОЕ I

Е.Я. РОГОВ, И. В. ТУНКИНА *

Не подлежит сомнению, что своими успехами современное антиковедение во многом обязано существованию хорошо разработанных хронологических схем. В этом ряду важнейшим датирующим источником является расписная и чернолаковая керамика. Датировочные возможности этой массовой категории находок стали особенно очевидными после выхода из печати XII тома Афинской Агоры (Sparkes, Talkott 1970 далее АА XII). К сожалению, в отечественной литературе подобных разработок пока нет, как нет и сколько-нибудь полных публикаций чернолаковой и расписной керамики того или иного памятника. Это одна из причин, заставивших авторов взяться за подготовку к изданию керамического комплекса некрополя Панское I.

Некрополь Панское I расположен возле одноименного поселения на берегу Ярлыгачской бухты в северо-западном Крыму. Его раскопки велись Тарханкутской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР с 1969 г. Ежегодную информацию смотри в "Археологических открытиях" начиная с 1969 г. В последние 5 лет некрополь подвергся опустошительному разграблению. Очевидно, что эти материалы для науки навсегда утрачены.

В керамическом комплексе некрополя чернолаковая и расписная керамика занимает ведущее место и составляет более 50%. В настоящей работе нами учтено 82 целых и фрагментированных сосуда, хронологический диапазон которых охватывает время с последней четверти V — до начала III вв. до н. э. Подавляющее большинство сосудов аттического производства, лишь 7 предметов, судя по специфическим характеристикам глины, лака и формы, происходят из каких-то неустановленных, вероятно, средиземноморских или причерноморских центров.

Чтобы избежать терминологической путаницы в названиях форм керамических изделий, которая существует в отечественной и зарубежной литературе, мы приводим наряду с принятыми у нас наименованиями термины, упот-

ребляемые в наиболее авторитетных изданиях. Типологическая принадлежность сосудов указывается по классификации Т.Иванова (Аполлония 1963). Расписную керамику мы не выделяем в самостоятельный раздел, поскольку росписью покрывались сосуды тех же форм, что и простые чернолаковые изделия.

В тексте опущено описание стандартных форм сосудов, за исключением тех случаев, когда вещи выделяются из общей массы особыми признаками. К ним мы относим не только своеобразие профиля, но и такие важнейшие датирующие показатели как характер штампа на дне вместилища и орнаментации на внешней стороне дна.

Чернолаковая и расписная керамика некрополя Панское I встречается в том же стандартном наборе, который характерен и для других некрополей Северного Причерноморья IV в. до н.э. В то же время она имеет некоторые отличия.

На первом месте по числу находок оказались лекифы — 27 экз., на втором месте килики — 18 экз., на третьем канфары — 11 экз., на четвертом скифосы — 5 экз. Одноручные чаши и солонки встречены в четырех случаях. Найдены также фрагменты трех кратеров и трех асков, две кружки, одна ойнохойя, одна чаша, по одному алабастру, амфориску, блюду и рыбному блюду. На пяти киликах, шести канфарах, двух одноручных чашах и одной солонке имеются граффити.

Как видно из приведенных цифр, в составе нашей коллекции больше половины всех форм составляют застольные чаши, а треть — туалетные флаконы. Подавляющее большинство найденных вещей носит утилитарный характер. Многие вещи имеют признаки длительного использования, а три сосуда (№№ 60, 74, 82) даже следы ремонта.

Кратеры (№№ 48-50, рис. 1: 4-11, 2: 1-4, 3: 1-2). К этой группе принадлежат фрагменты разбитых сосудов, скорее всего, при совершении тризн. Судя по сохранившимся обломкам венцов, можно установить, что разбито было не

* Е.Я.Рогов, И.В.Тункина. Россия. Санкт—Петербург. 191186. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

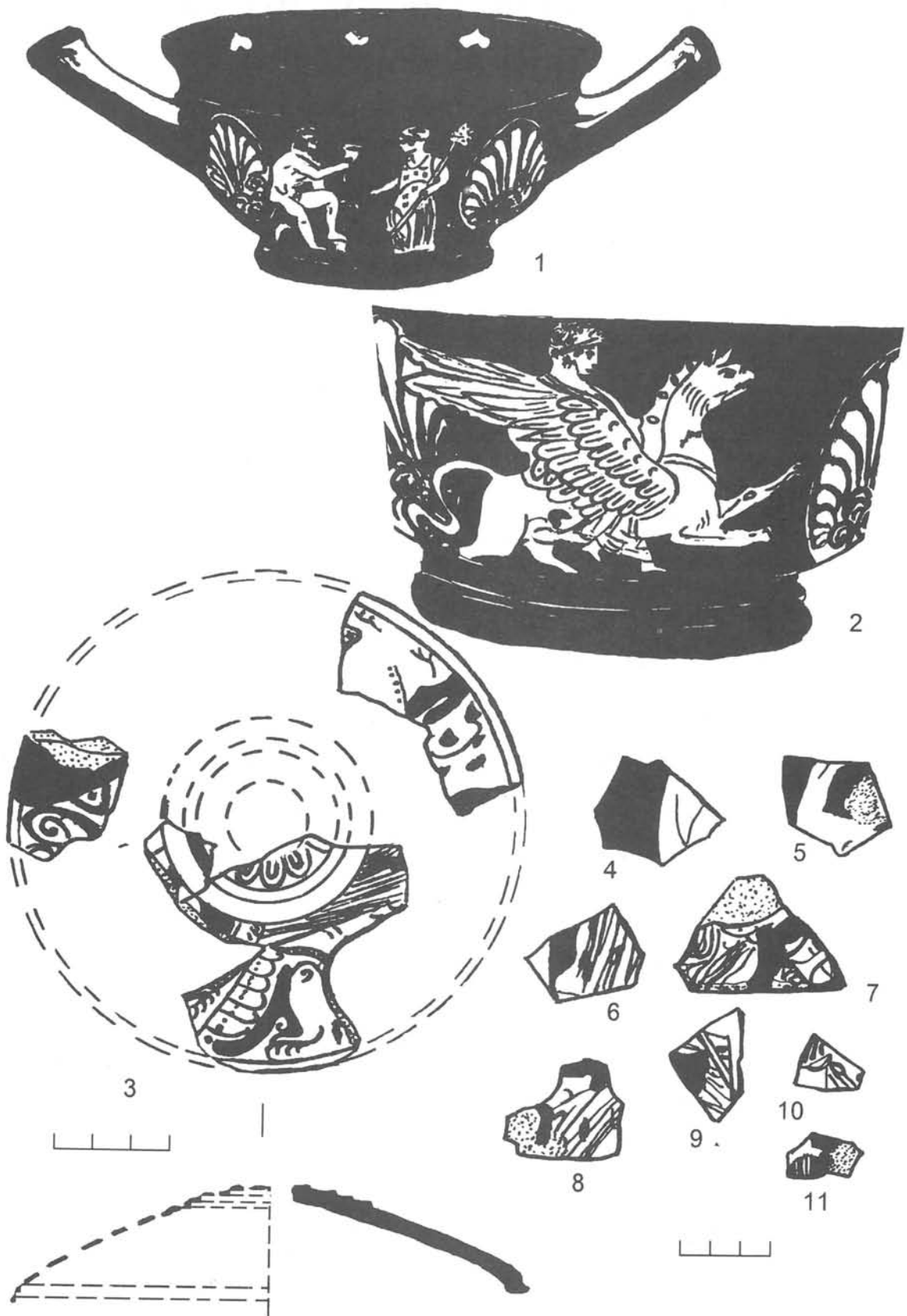

Рис. 1 Расписная керамика из некрополя Панское I. 1-2 - №58; 3 - №99; 4-11 - №50

Fig. 1 Painted ceramics from the necropolis of Panskoye I. 1-2 - №58; 3 - №99; 4-11 - №50

менее трех, но и не более пяти кратеров.

Два из них (№ 48 и 49, рис. 3: 1-2) принадлежат к широко распространенному типу оксибафов — колоколовидных кратеров без плеч с небольшим отогнутым наружу венцом. С внешней стороны венцы украшены небрежной гирляндой лавровых листьев. Подобные сосуды характерны для второй половины V в. до н.э. — первой половины IV в. до н.э.

На кратере с большим устьем (№ 48), вероятно, были изображены сцены дионисийского круга, особенно популярные в это время (Блаватский 1953:221). Три сохранившиеся фрагмента тулова позволяют судить о характере росписи. На одном из обломков голова сатира в профиль вправо, борода и волосы переданы отдельными прядями жидким лаком, глаз показан тонкой маленькой "галочкой", ресницы, веки и брови — тонкими линиями пером. На втором фрагменте изображение выполнено не менее тщательно. Это, скорее всего, безбородый Дионис, волосы которого выются зигзагообразными волнистыми линиями. На третьем фрагменте сохранилось лишь изображение кисти руки с тирсом. По характеру росписи и качеству лака кратер следует отнести к рубежу V—IV вв. до н.э. — не позднее первой четверти IV в. до н.э.

О втором сосуде (№ 49) приходится судить по гораздо меньшему числу обломков. На сохранившихся фрагментах росписи видны головы двух мужчин, обращенные лицом друг к другу. Волосы переданы пятнами разбавленного лака и отделены от фона узкой полосой в цвете глины. Здесь, скорее всего, изображены стоящие друг против друга эфебы в гиматиях — мотив, широко распространенный в росписи задней стороны ваз. Этим объясняется меньшая тщательность проработки рисунка. Сосуды такого типа повсеместно датируются первой половиной IV в. до н.э. (Аполония 1963:168-169, № 359; Козуб 1974: рис.19:2).

Уникальным по форме является кратер (№ 50) с изображением Диониса и его фиаса. Имеющиеся фрагменты позволяют сделать графическую реконструкцию сосуда (рис. 2: 4). Высокий венец заполнен сплошным круговым фризом с единым сюжетом — юный Дионис с тирсом, два сатира и четыре менады. Фигуры скомпонованы в три группы, причем две из них сохранились полностью. Роспись венца отличается некоторая небрежность, трактовка одежд суммарна без детальной прорисовки; наблюдается повторение поз фигур. Фрагменты тулова дают представление о росписи средней части вазы — это также сцены из жизни Диониса. Сохранилось изображение сидящего бородатого Диониса с тирсом в руке, части фигур менад и сатиров (рис. 1: 4-11; 2: 1-3). Кратер является

типичным образцом продукции мастеров белого стиля первой половины IV в. до н.э. Судя по характеру росписи, время его изготовления — рубеж первой и второй четвертей IV в. до н.э.

Полной аналогии сосуду подобрать не удалось. Имеются три более или менее сходных экземпляра — кратер из могилы № 1517 с изображением Диониса и его спутников, найденный в некрополе Херсонеса (Белов 1945; Гриневич 1959:116-117), два парных кратера из Лувра (Pottier 1922; 1922a) и кратер из Стокгольма (Antonsson 1958:107). По стилю росписи наш кратер отличается от вышеупомянутых ваз. Повидимому он расписан каким-то иным мастером.

Чернолаковая ойнохойя (№ 51, рис. 5: 16) на низкой кольцевой подставке с широким туловом и сравнительно узкой шейкой. Особенностью сосуда является яйцеобразная форма тулова. Схожей формы сосуд найден в могильнике у с. Николаевка в комплексе, не дающем узкой даты (Мелюкова 1975: рис.45:5). Точнее датируется экземпляр из Олинфа — конец V в. до н.э. (Olynth. № 287 pl.1:152). Весьма близкими по форме являются краснофигурные ойнохойи из некрополя Аполонии, которые Т.Иванов относит к середине — третьей четверти IV в. до н.э. (Аполония 1963: № 267,269,274). Однако найденный с одним из сосудов полихромный лекиф указывает скорее на конец V — начало IV вв. до н.э. Учитывая приведенные аналогии, дата ойнохойи из Панского I должна быть определена в пределах первой половины — середины IV в. до н.э., чему не противоречит и инвентарь погребения.

Большее половины сосудов из некрополя составляют застольные чаши. Среди них первое место принадлежит **киликам**, относящимся к пяти типам (№ 52-69).

Наиболее ранним является тип, представленный тонкостенной чашей на низкой кольцевой подставке (№ 52; 5: 7), близкий так называемым киликам группы Романченко. Внутренняя поверхность дна украшена двумя поясами резных лучеобразных линий, ограниченных концентрическими кругами, между которыми помещено 9 четких изящных пальметт. На внешней стороне дна четыре лаковые окружности, разделенные концентрическими ребрами в цвете глины (ср. Фармаковский 1911:134). Издатели материалов Афинской Агоры определяют хронологические рамки для подобных сосудов, входящих в группу "изящный класс", от 2-й четверти V в. до н.э. до 2-й четверти IV в. до н.э. (AA XII № 484-489). В Северном Причерноморье они имели широкое распространение в V в. до н.э. Многие из них происходят из Ольвии, где они встречаются в комплексах не позднее V в. до н.э. (Козуб 1974:43-45), а также

Рис. 2 Сюжеты росписи на сосудах из некрополя Панское I. 1-4 - №50; 5 - №100; 6 - №105; 7 - №104; 8 - №103; 9 - №102.

Fig. 2 Figurative painting on vessels from Panskoye I. 1-4 - №50; 5 - №100; 6 - №105; 7 - №104; 8 - №103; 9 - №102.

в Никонии. Весьма близким как по оформлению дна вместилища, так и по форме представляется сосуд из Елизаветовского могильника (Брашинский 1980: № 39). И. Б. Брашинский датировал килик третьей четвертью V в. до н.э. Однако, судя по инвентарю погребения, дата комплекса — конец V в. до н.э. (Брашинский 1980:161). Этим же временем датируются экземпляры из раскопок Афинской Агоры (AA XII № 487,512). Наш сосуд следует отнести к концу V — началу IV вв. до н.э.

Пять сосудов типа **болсал** (№ 53-57).^{*} Т. Иванов разделил тип на два одновременных варианта А и Б (Аполония 1963:181). Оба они представлены в материалах некрополя Панское I. Датировка сосудов типа болсал обычно определяется в пределах последней четверти V в. до н.э. — конца IV в. до н.э. (AA XII pl.108; Козуб 1974:45). Между тем, анализ узко датированных погребальных комплексов из некрополей Северного Причерноморья приводит к заключению, что этот тип сосудов не встречается позднее середины IV в. до н.э. Их поступление на рынки Северного Причерноморья закончилось, судя по всему, уже во второй четверти IV в. до н.э. Килики типа болсал из некрополя Панское I мы относим к рубежу V-IV вв. до н.э. — первой четверти IV в. до н.э.

Самая многочисленная группа киликов — сосуды на невысокой профилированной подставке с валикообразным, выступающим наружу венцом (№ 58-67, рис. 5). Выделяется два варианта типа — ранний (№ 58-62) и поздний (63-67).

К числу ранних сосудов относится краснофигурный килик (№ 58; рис. 1: 1-2), ставший предметом специального исследования К.С.Горбуновой (1977). На стороне А изображен Аполлон Епифаний в длинном хитоне и лавровом венке, сидящий на грифоне; на стороне Б менада с тирсом в левой руке, лицом к силену, который протягивает ей рог с вином. Орнаментация в области ручек четкая и изящная. Хорошо прорисованы пальметки, окруженные сплошной линией растительного усика и соединенные волютообразными завитками. Внутренняя поверхность чаши по венцу украшена гирляндой из листьев плюща в цвете глины и цветов, некогда нанесенных белой накладной краской. Строгость и четкость рисунка, пропорции лица и фигуры Аполлона напоминают роспись аттических вазописцев последних десятилетий V в. до н.э. К.С.Горбунова пришла к заключению, что килик относится к ранним произведениям мастера чаши из Иены и датировала сосуд временем близким к 400 г.

до н.э. (Горбунова 1977:45). Мастер чаши из Иены был одним из крупнейших мастеров краснофигурной росписи. Ему приписывают 72 работы. Большею частью они представлены фрагментами сосудов, найденных в 1853 году при раскопках керамических мастерских в Афинах. Произведения вазописца написаны в изящной широкой манере, тонкими текучими линиями, без перегруженности и вычурных эффектов (Richter 1946 pl. 158). Не только манера росписи, но и украшение внешней и внутренней стороны дна подтверждают выводы К.С.Горбуновой (ср. Ure 1944 pl.V:16; pl.VII:11-14).

Два других краснофигурных килика представлены фрагментами. С внешней стороны чаш на обоих сосудах нанесена полоса ов. В нижней части тулова одного из сосудов (№ 62, рис. 3: 4) сохранилось изображение помы хитона и ноги стоящего вправо человека. Изображение срезано снизу поясом небрежно прорисованных широких ов. Складки одежды и пальцы ног переданы пером резкими линиями густого лака. По характеру росписи сосуд не может быть датирован ранее первой половины IV в. до н.э. Особенностью второго килика (№ 59, рис. 3: 5) является аккуратная прорисовка ов и применение пурпурной краски для украшения внешней стороны дна и венчика, что позволяет отнести его к первой четверти IV в. до н.э.

К позднему варианту киликов в нашей коллекции принадлежит пять экземпляров (№ 63-67, рис. 5). У этих сосудов более массивный и резче отогнутый венец; желобок под венцом, в отличие от ранних экземпляров, узкий или отсутствует вовсе. Уменьшается диаметр подставки, а сама подставка становится выше. При раскопках Афинской Агоры килики этого варианта не встречены, отсутствуют они и в материалах Олинфа. Подобные килики в погребальных комплексах северного Причерноморья встречаются с материалом первой половины — середины IV в. до н.э., а именно, с гераклейскими амфорами типа 1-А, фасосскими биконическими "развитого" варианта, лекифами с сюжетными изображениями (ср. Брашинский 1980: № 171; Аполония 1963: мог. 434; Мелюкова 1975: мог. 7, к3 п2; Ebert 1913:4S, 3B). Набор сопутствующих киликам находок заставляет принять для них дату — вторая четверть — середина IV в. до н.э. Вместе с тем, не следует исключать возможность бытования этой категории сосудов и в следующей четверти столетия.

Четвертый тип представлен единственным экземпляром так называемых тюльпановидных

* Другие названия — низкий скифос, чаша-котила.

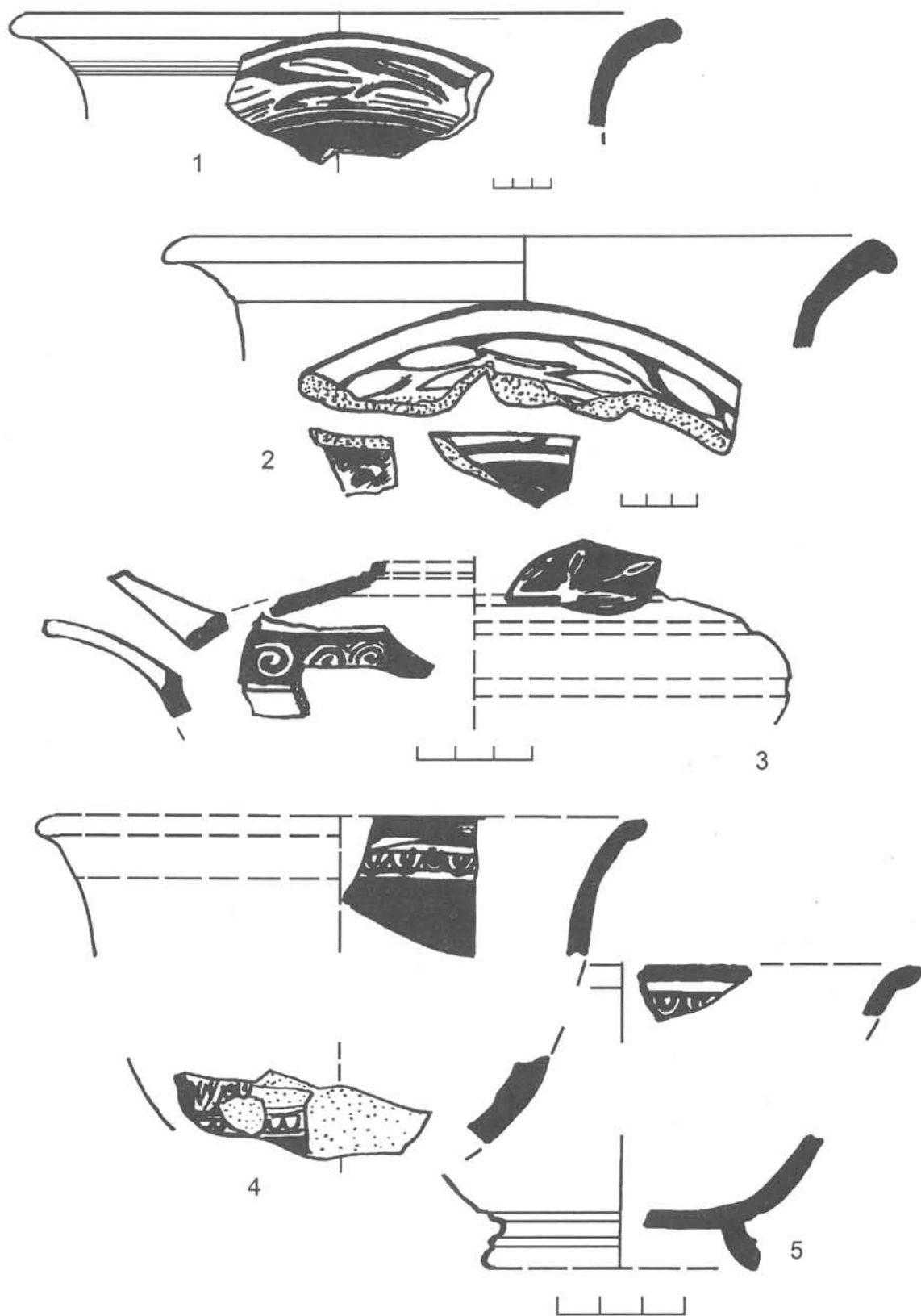

Рис. 3 Обломки расписных сосудов из некрополя Панское I. 1 - №48; 2 - №49; 3 - №98; 4 - №62; 5 - №59

Fig. 3 Fragments of painted vessels from Panskoye I. 1 - №48; 2 - №49; 3 - №98; 4 - №62; 5 - №59

киликов (№ 68, рис. 5: 1). На его внутренней стороне дна оттиснуты четыре четкие пальметки в кругу овальных насечек. Выпуск сосудов этой формы начался в Аттике в третьей четверти V в. до н.э. и пользовался устойчивой популярностью до второй четверти IV в. до н.э. В отечественной литературе встречается мнение, что сосуды этого типа бытуют до конца IV в. до н.э. (Козуб 1974:46) или даже до начала III в. до н.э. (Парович-Пешикан 1974:69). Между тем, анализ погребальных комплексов Причерноморья, содержащих килики этого типа показывает, что поступление их на рынки Причерноморья прекращается не позднее середины IV в. до н.э. Килик № 68 из некрополя Панское I следует датировать второй четвертью IV в. до н.э.

Один сосуд принадлежит к группе канфаровидных киликов (№ 69 рис. VI:12). Выпуск сосудов этой серии начался в начале IV в. до н.э. и продолжался на протяжении трех четвертей столетия (AA XII: 117-118). Килик из некрополя Панское I имеет высокую профилированную ножку, валикообразный подтреугольный в сечении венец. Дно украшают четыре пальметки, концы которых соединены пересекающимися дугообразными линиями в кругу трех поясов небрежных насечек. В Причерноморье основная масса находок канфаровидных киликов падает на вторую и третью четверти IV в. до н.э. при этом весьма представительная серия приходится из степной Скифии (см. Онайко 1970; Бессонова и др. 1988:42). Судя по аналогиям, килик № 69 датируется серединой—третьей четвертью IV в. до н.э.

При раскопках некрополя найдено три целых чернолаковых и обломки краснофигурных **скифосов** беглого стиля (№ 70, 72-75, рис. IV:11-16).

На первом сосуде (№ 72, рис. 4: 12-13) сохранилось изображение юноши в гиматии влево и часть пальметки под ручкой. Такие сосуды принадлежат к числу рядовых изделий аттических мастерских IV в. до н.э.; как правило, на обеих сторонах чаш изображались эфебы, облаченные в гиматии. От второго сосуда сохранилась нижняя часть тулова на плоском валикообразном дне с частью росписи в виде полосы продолговатых ов (№ 70, рис. 4: 14). Подобные скифосы датируются не позднее первой половины IV в. до н.э.

Чернолаковые скифосы (№ 73-75) по форме принадлежат трем типам по классификации Т.Иванова (Аполония 1963): № 75 к типу 1, № 73 к типу 3, № 74 к типу 5. Между тем, сопоставление модулей типов I-IV и их корреляция дает постепенное нарастание величины модулей, что, на наш взгляд, однозначно свидетельствует о развитии одного типа, а не раз-

ных. По этой причине более приемлемой представляется типология, принятая издателями материалов афинской Агоры, которые делят скифосы всего на два типа — афинский и коринфский (AA XII: 81). К первому из них в нашей коллекции относятся сосуды № 73 и 75, ко второму № 74. Скифос № 75 имеет прямой венец, массивные ручки и слабо сужающееся к дну тулово; форма его тяготеет к скифосам V в. до н.э. (ср. Olynth XIII: мог. 364,327; AA XII: № 346,347). Сосуд сформован из нехарактерной для аттических изделий сероватой глины с небольшой примесью слюды. Снаружи и изнутри покрыт черно-серым лаком низкого качества, нижняя часть тулова и поддон оставлены в цвете глины. Скифосы такой формы в погребальных комплексах встречаются вместе с хисосским позднепухлогорлыми амфорами, амфорами с прямым горлом, высокими цилиндрическими лекифами, болсалами и киликами типа (AA XII: № 463,546). Все это безусловно указывает на V в. до н.э. Наш сосуд, вероятнее всего, относится к концу V или к самому началу IV в. до н.э.

Скифос № 73 имеет слегка отогнутый венец, тонкие ручки и плавно сужающееся к дну тулово (рис. 4: 15). Дно в цвете глины украшено двумя лаковыми концентрическими кругами. Сосуды такой формы характерны для погребальных комплексов первой половины IV в. до н.э. Наш сосуд относится ко второй четверти этого столетия.

Третий скифос № 74 относится к коринфскому типу. Это изящная тонкостенная чаша с вогнутым внутрь краем и резко сужающимися к дну стенками на маленькой конусовидной подставке (рис. 4: 11). Большая часть сосуда залита черным лаком, только фриз над подставкой оставлен в цвете глины и заполнен косой лаковой штриховкой. Развитие этого типа скифосов прослеживается на протяжении всего VI, V и части IV вв. до н.э. (AA XII: 81-83). У скифосов позднего варианта форма тулова приближается к овалу. Для V — начала IV вв. до н.э. больше всего скифосов этого типа найдено в некрополях Родоса (см. Clara Rodos 1932 II: p.131,12; p.141,19; p.147,27; p.159,33; Clara Rodos 1932 III: p.159,152; p.247,244). Два экземпляра из Олинфа происходят из могил, датирующихся первой половиной IV в. до н.э. (Olynth IX: мог. 303,526). Наш сосуд также относится к первой половине IV в. до н.э., а именно ко второй его четверти.

Канфары (№ 76-84, рис. VI:2-13) представлены четырьмя типами. Пять сосудов (№ 76-80а) третьего типа по классификации Т.Иванова характеризуются приземистыми пропорциями, соотношением диаметра венца и высоты сосуда примерно 1:1, или высота несколько мень-

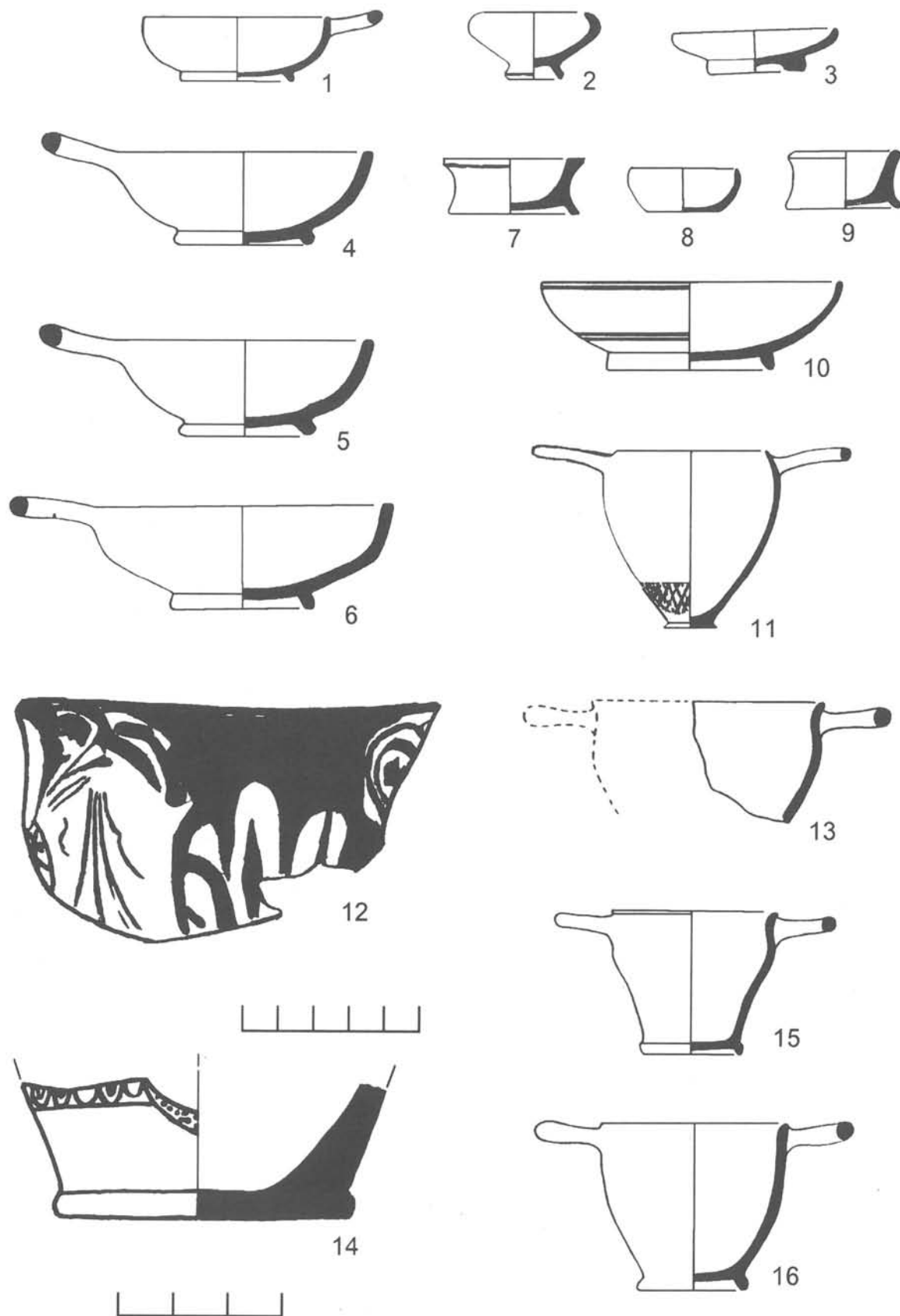

Рис. 4. Фрагменты расписных сосудов и чернολаковая керамика из некрополя Панское I. 1 - №57; 2 - №96; 4 - №89; 5 - №90; 6 - №88; 7 - №94; 8 - №93; 9 - №95; 10 - №91; 11 - №74; 12, 13 - №70; 14 - №72; 15 - №75; 16 - №73.

Fig. 4. Fragments of painted and black-lacquered vessels from Panskoye I. 1 - №57; 2 - №96; 4 - №89; 5 - №90; 6 - №88; 7 - №94; 8 - №93; 9 - №95; 10 - №91; 11 - №74; 12, 13 - №70; 14 - №72; 15 - №75; 16 - №73.

ше диаметра. Все сосуды имеют характерный валикообразный, подтреугольный в сечении венеч. называемый иногда литым. Дно, как правило, украшено штампованным орнаментом в виде крестообразно расположенных пальметок в обрамлении круга насечек. Один сосуд имеет канелированное тулово (№ 76, рис. 4: 7).

Группа канфаров с литым венцом по материалам афинской Агоры датируется второй — последней четвертями IV в. до н.э. (AA XII: 122). Классифицируя сосуды из Олинфа, Д. Робинсон взял за основу соотношение между высотой сосуда и диаметром венца (Olynth XIII: 247-283). Появление канфаров с литым венцом он отнес к началу IV в. до н.э. Однако анализ погребальных комплексов с канфарами этого типа приводит нас к выводу о том, что такие чаши в первой четверти этого столетия в Северном Причерноморье еще не встречаются. Так как в некрополях Северного Причерноморья такие канфары сопровождаются фасосскими биконическими амфорами развитого варианта, гераклейскими амфорами типа II с клеймами 2 и 3 групп по классификации И.Б. Брашинского, можно ограничить время бытования канфаров с литым венцом в этом регионе пределами второй — третьей четвертей IV в. до н.э. (Брашинский 1980).

Второй тип канфаров представлен единственным экземпляром (рис. 6: 3, № 81). Он имеет маленький отогнутый венеч, низкую профилированную ножку и вертикально поставленные петлевидные ручки. Шейка сосуда довольно высокая, тулово со слабо выпуклыми боками резко сужается к ножке. Чаша изготовлена из хорошо отмученной светло-коричневой глины, с небольшой примесью измельченной слюды. Лак бледный, красновато-коричневого тона, отслаивается, изнутри сосуда серо-коричневый. Форма сосуда отражает этап развития кубков-канфаров V в. до н.э., украшавшихся нередко тисненым орнаментом (Гайдукевич 1959:165, рис.12) или яркой полихромной росписью — так называемые вазы группы St—Valentin (Горбунова 1972). Чаша из некрополя Панское I изготовлена, вероятно, не позднее второй четверти IV в. до н.э. (ср. Брашинский 1980: № 230-232).

Третий тип канфаров представлен двумя целыми сосудами (№ 82-83) и фрагментами ножек (№ 81а, рис. 6: 2,4). Это вытянутые канфары с прямым, чуть отогнутым наружу венчиком и высокой ножкой. Выпуск их начался еще во второй четверти IV в. до н.э. и продолжался всю вторую половину столетия (Olynth XIII: № 510а, 513а; AA XII: 122). Они приходят на смену канфарам с литым венцом и по распространенности не уступают им. В погребальных комплексах канфары с прямым венцом обычно

встречаются вместе с фасосскими биконическими амфорами "развитого" варианта, с гераклейскими амфорами типов IA, II, IIA и III (классификация И.Б. Брашинского). Насколько этот тип сосудов заходит в III в. до н.э., по материалам Северного Причерноморья проследить трудно.

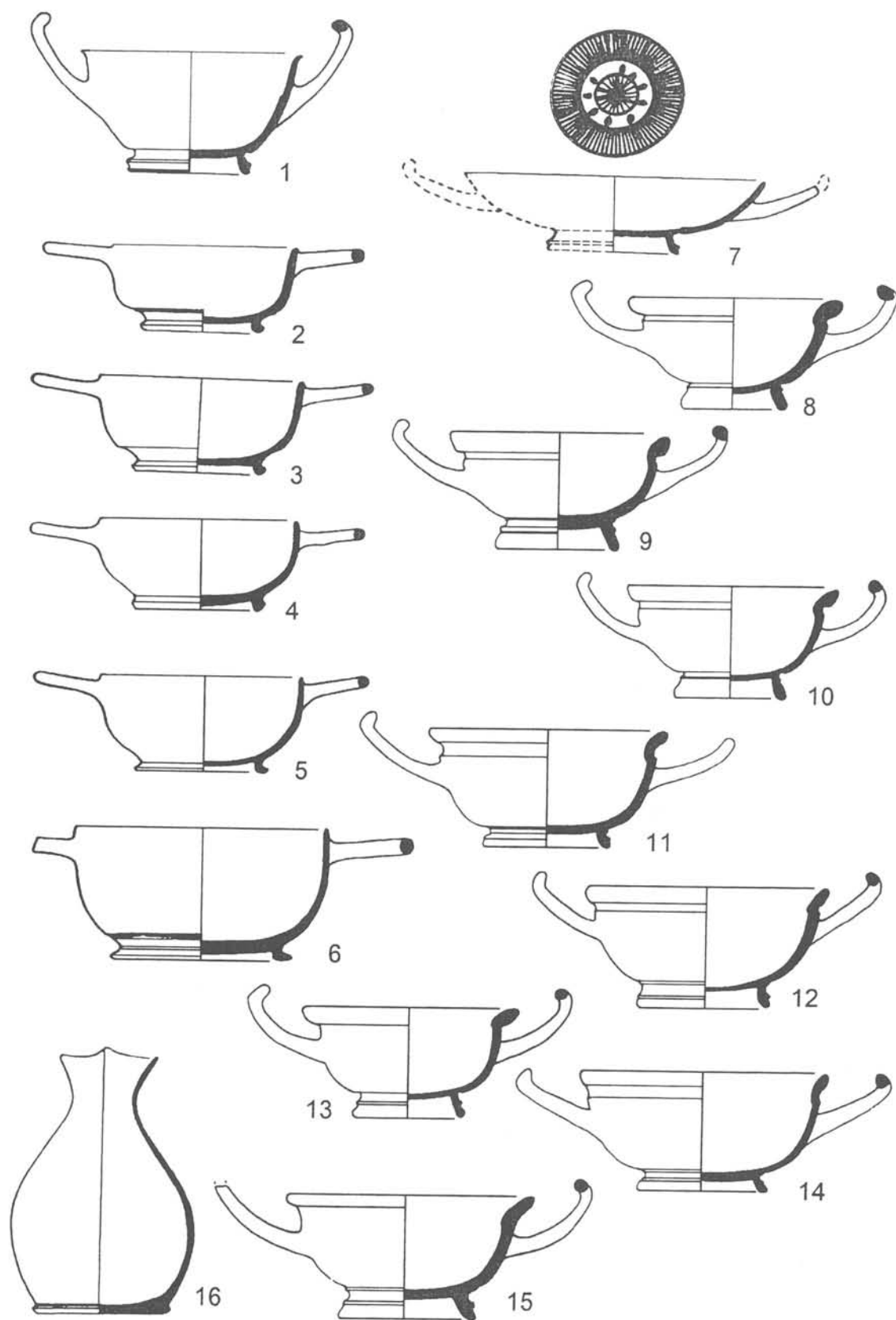
К четвертому типу относится кубок с плоским дном, прямым расширяющимся горлом и вертикальными ручками (№ 84, рис. 6: 6). Тулово, слегка припухлое у дна, имеет колоколовидную форму. Сосуд покрыт тусклым красноватым лаком, нижняя часть его в цвете глины с потеками лака; глина оранжевая мелкозернистая с примесью измельченной слюды. Аналогичной формы кубки-канфары найдены при раскопках Никония (Кокоржицкая 1986), Херсонеса (Белов 1972), Елизаветовского могильника (Брашинский 1980: № 204,205), Истрии (Histria 1966 II: pl.102), Ольвии (Козуб 1974: рис. 10: 4). К.К. Зайцева высказала предположение о том, что такие кубки являются продукцией хиосских и подражавших им ольвийских гончаров (Зайцева 1972; 1984). Она датировала поздний вариант кубков-канфаров первой половиной IV в. до н.э. На ольвийское происхождение сосуда из некрополя Панское I указывает состав глины, совершенно идентичный с образцами достоверно ольвийского производства. Судя по всему, в пределах первой половины IV в. до н.э. кубки-канфары позднего варианта стоят все же ближе к началу столетия.

Кружки (№ 85, 86) относятся к двум различным типам. Первая (№ 85, рис. 6: 5) на низком кольцевом поддоне, с туловом, украшенным рифлением в виде широких лепестков, четко отделенным от шейки, резко отогнутым горизонтальным венчиком. Ручка вертикальная, двустольная. Аналогичной формы сосуды, исполненные из серебра, хорошо известны на территории Болгарии и относятся к V в. до н.э. Реплики этой формы в глине пользовались популярностью во второй половине V в. до н.э. По материалам афинской Агоры подобные сосуды не выходят за пределы V в. до н.э. (AA XII: 72).

Анализ погребальных комплексов, в состав которых входят такие сосуды, приводит к заключению, что в Северном Причерноморье кружки этого типа продолжают бытовать и в начале IV в. до н.э. — они встречаются в комплексах вместе с гераклейскими амфорами типа I по И.Б. Брашинскому, хиосскими колпачковыми амфорами, солонками типа пиксид, лекифами с сюжетными изображениями. Наш экземпляр по своим пропорциям, безусловно, принадлежит к позднему варианту кружек конца V в. до н.э.

Вторая кружка (№ 86, рис. 6: 9) весьма

Рис. 5 Черноразовые килики и ойнохойя из некрополя Панское I. 1 - №68; 2 - №54; 3 - №53; 4 - №55; 5 - №56; 6 - №57; 7 - №52; 8 - №52; 9 - №69; 10 - №65; 11 - №61; 12 - №60; 13 - №40; 14 - №58; 15 - №67; 16 - №51.

Fig. 5 Black-lacquered kylikes and an oinochoe from Panskoje I. 1 - №68; 2 - №54; 3 - №53; 4 - №55; 5 - №56; 6 - №57; 7 - №52; 8 - №52; 9 - №69; 10 - №65; 11 - №61; 12 - №60; 13 - №40; 14 - №58; 15 - №67; 16 - №51.

редко встречающейся формы. Малое количество известных на сегодняшний день экземпляров указывает на кратковременность их выпуска. Издатели чернолаковой керамики из раскопок афинской Агоры учли всего 14 подобных сосудов. К ним следует добавить находки таких кружек в Аполонии (Аполония 1963: № 452) и на Родосе (Clara Rodos 1932 II p.120:46; p.147:5; 1932 VI-VII p.159, 187).

При определении даты сосуда из некрополя Панское I, как, впрочем, и всей этой группы предметов, основная трудность состоит в том, что большая их часть была найдена либо вне могил, либо они не сопровождалась другими вещами. Безусловно, отправным пунктом рассуждений следует взять общность оформления венца одноручных канфаров-кружек и канфаров с литым венцом. В эту же группу следует включить несколько экземпляров, отличающихся от нашего наличием второй ручки, но с тождественным оформлением венца. Такие сосуды найдены в Аполонии (Аполония 1963: № 471), в могильниках — Елизаветовском (Брашинский 1980: № 229), Белозерском (Скадовский 1897), Николаевском (Мелюкова 1975). Главным отличием кружек как с одной, так и с двумя ручками от канфаров с литым венцом является отсутствие треугольных площадок на верхних частях ручек — так называемых шипов. Вместе с тем, одинаковое оформление венца у всех трех разновидностей сосудов, а также близость пропорций, позволяет считать их едиными по происхождению и, очевидно, близкими по времени. Д.Робинсон датировал сосуды из Олинфа первой четвертью IV в. до н.э. На тот же период указывают и находки в некрополях Родоса. Кружка из Афин отнесена издателями ко второй четверти IV в. до н.э., а сосуд из некрополя Чигарелье даже к третьей четверти столетия (Cuadrado 1987: мог.97). В последнем случае, судя по инвентарю, могилу следует датировать все же второй четвертью IV в. до н.э. Таким образом, время бытования кружек-канфаров с литым венцом можно ограничить первой половиной IV в. до н.э. Наш экземпляр по пропорциям и особенностям профиля ближе всего к сосуду, найденному на Афинской Агоре (AA XII: № 705) и должен быть отнесен ко второй четверти IV в. до н.э.

Одноручные чаши (№ 87-90) имеют прямой край и стенки плавно сходящиеся к дну на низкой кольцевой подставке. Самая ранняя из них (№ 87, рис. 4: 1) является продукцией одного из ионийских центров. Изнутри стенки вместилища украшены полосами жидкого лака. Глина тонкая светло-коричневая, поверхность покрыта серым ангобом. Чаша, безусловно, должна быть отнесена еще к V в. до н.э.

Три другие чаши близки по форме и про-

порциям (№ 88-90, рис. 4: 4-6). Они изготовлены из грубоватой серой глины с примесью слюды и кварца; поверхность покрыта плохо сохранившимся серо-черным лаком. Все три сосуда относятся к продукции неустановленного центра. Чаши полусферической формы с одной горизонтальной петельчатой ручкой были необыкновенно популярны на протяжении всего V и значительной части IV вв. до н.э., однако, несмотря на это, в погребальных комплексах они встречаются не так уж часто. Наибольшую близость по форме чаши из некрополя Панское I обнаруживают с сосудами из Олинфа (Olynth XIII: № 679,706), которые относятся к раннему IV в. до н.э. Характерно, что после середины IV в. до н.э. этот тип сосудов в погребальных комплексах встречается все реже.

Чаша (№ 91, рис. 4: 10) как по профилю, по оформлению дна, так и по качеству лака принадлежит еще к V в. до н.э., скорее всего к последней его четверти. С внешней стороны края и в нижней части тулова имеется по два врезных желобка; на поддоне широкая полоса пурпурной краски. Остальная поверхность сосуда залита густым блестящим буровато-коричневым лаком. Дно украшено резным и штампованным орнаментом из пальметок, ов, врезных концентрических линий. Тарелки такого типа в погребальных комплексах Причерноморья нам не известны.

Блюдце (№ 92, рис. 4: 3) на кольцевой подставке, на подошве которой есть неглубокая кольцевая бороздка в цвете глины. На дне вместилища оттиснуты крестообразно расположенные пальметки. Блюдца с загнутым внутрь краем получили самое широкое распространение со второй четверти IV в. до н.э. и не утратили популярности почти до конца этого столетия. При датировке нашего сосуда мы исходим из очевидной близости его с экземпляром из колодца в квадрате 0 18:2 на афинской Агоре, относящегося к 350-320 гг. до н.э. (AA XII: № 887).

Солонки, найденные в некрополе, подразделяются на три типа. Первый, к которому относится солонка № 93, имеет плоское дно и загнутый внутрь край, она датируется последней четвертью V в. до н.э. Такие солонки нередки в погребальных комплексах Причерноморья — сошлемся лишь на хорошо датированные комплексы в некрополе Пичвнари (Кахидзе 1975: мог. 5, 6), а также в Ольвии (Козуб 1974: мог. 1902/98, 1920/43).

Второй тип представлен двумя солонками с широким дном, прямым горизонтальным (№ 94, рис. 4: 7) или овальным скошенным (№ 95, рис. 4: 9) венчиком и вогнутыми стенками. Д.Робинсон не без основания поставил в связь

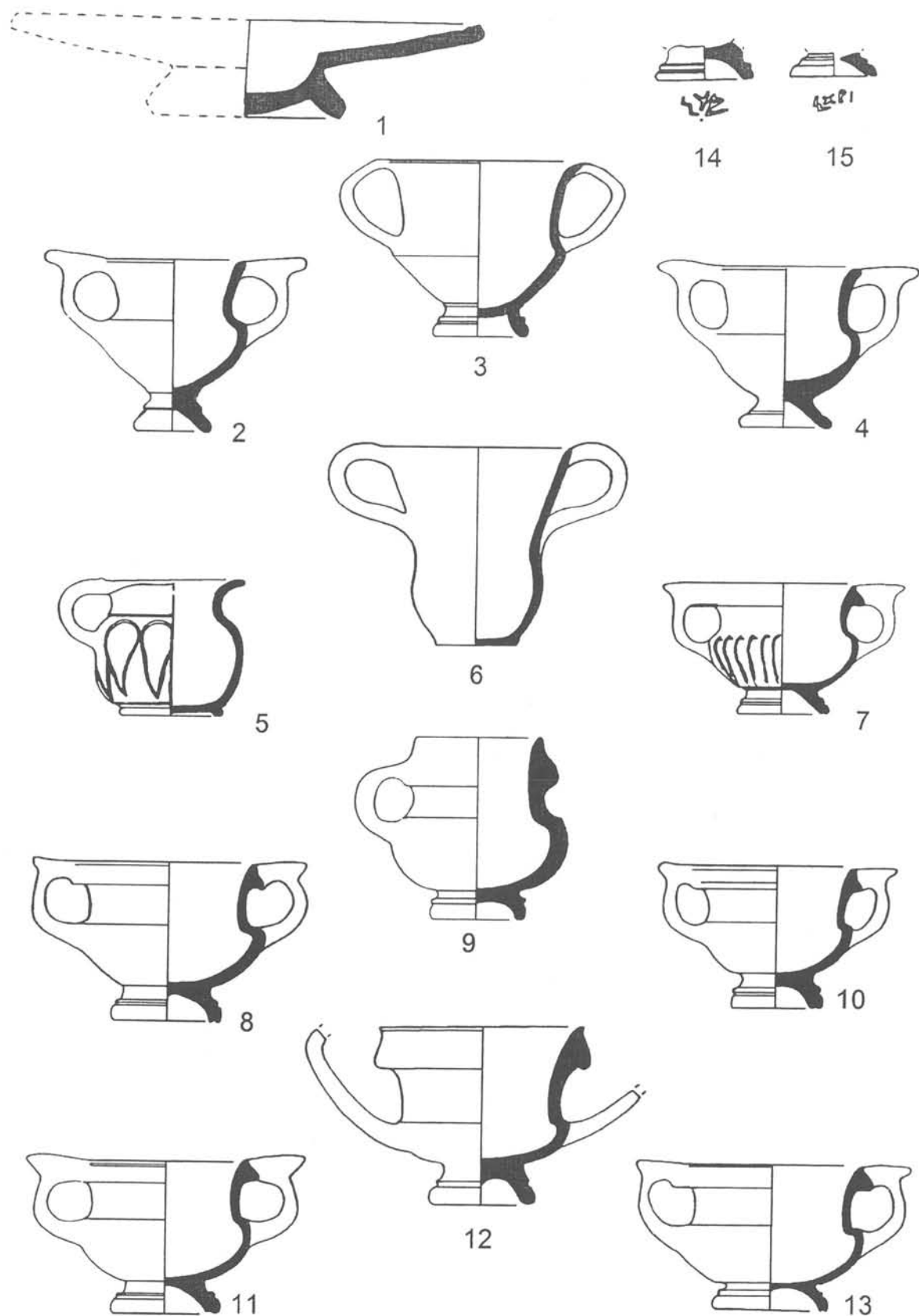

Рис. 6 Чернолаковое блюдо, канфары и кружки из некрополя Панское I. 1 - №97; 2 - №83; 3 - №81; 4 - №82; 5 - №85; 6 - №87; 7 - №76; 8 - №77; 9 - №86; 10 - №80; 11 - №81; 12 - №69; 13 - №78; 14 - №80a; 15 - №81a.

Fig. 6 A black-lacquered dish, kantharoi and mugs from Panskoye I. 1 - №97; 2 - №83; 3 - №81; 4 - №82; 5 - №85; 6 - №87; 7 - №76; 8 - №77; 9 - №86; 10 - №80; 11 - №81; 12 - №69; 13 - №78; 14 - №80a; 15 - №81a.

солонки с вогнутыми стенками с пиксидами такой же формы, выделив при этом шесть разновидностей типа (Olynth XIII: 386-387). Распространение указанных солонок чрезвычайно широко. Что касается хронологических рамок, то нет никаких сомнений, что выпуск их начинается еще во второй половине V в. до н.э.; издатели материалов Афинской Агоры отмечают особую популярность солонок этого типа во второй и третьей четвертях IV в. до н.э. (AA XII: 137). Однако в погребальных комплексах Северного Причерноморья подобные солонки не встречаются с вещами характерными для середины — третьей четверти IV в. до н.э. Следует, видимо, предполагать, что поступление их в Северное Причерноморье заканчивается еще до середины столетия. Оба наших экземпляра датируются первой половиной IV в. до н.э.

Третий тип представлен чашечкой-солонкой на высокой кольцевой подставке с вогнутым внутрь венцом (№ 96, рис. 4: 2). Она изготовлена из светло-коричневой глины с примесью измельченной слюды; покрыта тусклым серо-черным лаком. Судя по форме и пропорциям, солонка относится к концу IV — началу III вв. до н.э.

Из тризн некрополя происходят два обломка краснофигурных **асков** (№ 98, 99 рис. 1: 3; 3: 3). Оба они принадлежат сосудам с плоским дном, низким вместилищем и дугообразной или петлевидной ручкой. На сосуде № 98 сохранилась роспись верхней и нижней частей тулова — растения, стилизованные как волюты, лавровые ветви. На втором сосуде — два грифона, обращенные навстречу друг другу. Такие аски стречены при раскопках многих городов и некрополей Северного и Западного Причерноморья, датировка их первой половиной IV в. до н.э. общепризнана.

Туалетным флаконам в комплексах некрополя Панское I принадлежит ведущая роль. Их было найдено в могилах 39 экземпляров. По форме и оформлению поверхности сосуды подразделяются на несколько типов.

Чернофигурный сетчатый **алабастр** найден в одной могиле со стеклянным и тремя алебастровыми алабастрами (№ 100, рис. 2: 5). Сосуд украшен орнаментальными поясами белой накладной краски и черного лака. Алабастры, употреблявшиеся для хранения душистых масел, чаще встречаются в более раннее время — в VI и первой половине V вв. до н.э. Позднее они фактически выходят из употребления. Весьма близкий по орнаменту экземпляр происходит из раскопок некрополя Мирины (Pottir, Reinach 1887: № 576). Больше отличий в оформлении поверхности обнаруживает алабастр из некрополя Ампурии (Almagro 1953: 1:48:5). Из Ольвии происходят два алабастра,

один из которых как по форме так и по орнаменту абсолютно идентичен нашему сосуду. Оба алабастра куплены в 1912 году у Эльтермана в Ольвии (Архив ИИМК д.381/ 1912: 109, 110). Достаточно близкий экземпляр найден в Пантикапее вместе с двумя сетчатыми лекифами (Шкропил 1904: мог.6), что и позволяет датировать его временем не ранее начала IV в. до н.э. Наш сосуд также относится к концу V или началу IV вв. до н.э.

Другой, пожалуй, даже более редкой формы сосуд принадлежит к группе **амфорисков** (№ 101). Он украшен рельефными ребрами из накладной глины, делящими поверхность тулова на четыре сектора. Два из них покрывает густой сетчатый орнамент, два других расписаны чередующимися белыми и черными полосами. В декоре присутствует белая накладная краска. Близких аналогий амфориску подобрать не удалось. По характеру орнамента и качеству лака сосуд можно отнести к первой половине IV в. до н.э.

Лекифы в нашей выборке представлены несколькими типами (№ 102-126).

Первую группу составляют краснофигурные лекифы с сюжетными изображениями, выпуск которых начинается во второй половине V в. до н.э. и продолжается до рубежа первой и второй четвертей IV в. до н.э. Многочисленные комплексы, содержащие подобные лекифы, в разных частях античного мира позволяют считать такую их датировку надежно обоснованной.

Лекиф (№ 105, рис. 2: 6; 7: 4) по классификации Т.Иванова относится к VI типу краснофигурных лекифов. На тулове изображена женская голова в профиль вправо. Сосуд как по форме, так и по характеру росписи не принадлежит к ранним образцам серии; его дата лежит в пределах первой четверти IV в. до н.э.

Этим же временем датируется второй лекиф с изображением пятнистой лани, обращенной влево над полосой ов (№ 104, рис. 2: 7; 7: 2).

Два лекифа с изображением лебедя принадлежат к разным типам классификации Т.Иванова: № 101 к типу VI, № 103 к типу VII. Несколько отличаются и рисунки на обоих лекифах: на одном крылья лебедя подняты вверх (№ 102, рис. 2: 9; 7: 1), рисунок нанесен небрежно. На другом, фигура птицы выписана более тщательно, крылья аккуратно сложены, под клювом растительный побег (№ 103, рис. 2: 8; 7: 3). Анализ изображений на лекифах этой серии показывает, что тип лекифа не связан с особенностями сюжета, а поза птицы не является датирующим признаком. Судя по погребальным комплексам, содержащим лекифы с изображением лебедя, вся серия таких сосудов датируется в пределах второй половины V — первой чет-

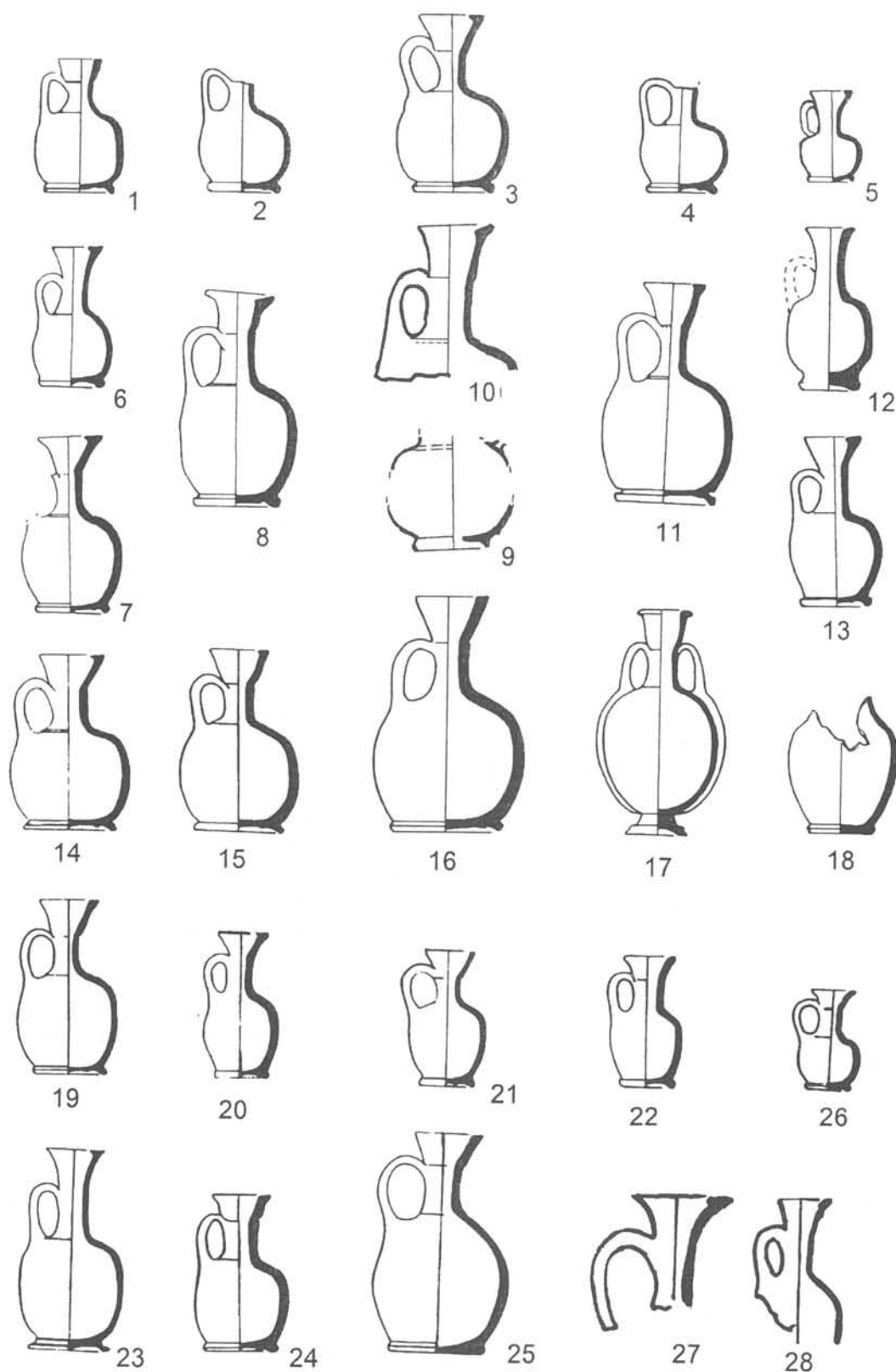

Рис. 7. Лекифы из некрополя Панское I. 1 - №102; 2 - №104; 3 - №103; 4 - №105; 5 - №107; 6 - №108; 7 - №109; 8 - №110; 9 - №111; 10 - №112; 11 - №113; 12 - №115; 13 - №114; 14 - №116; 15 - №117; 16 - №118; 17 - №101; 18 - №126в; 19 - №119; 20 - №124; 21 - №123; 22 - №125; 23 - №122; 24 - №121; 25 - №120; 26 - №126; 27 - №126б; 28 - №126д.

Fig. 7. Lekythoi from Panskoye I. 1 - №102; 2 - №104; 3 - №103; 4 - №105; 5 - №107; 6 - №108; 7 - №109; 8 - №110; 9 - №111; 10 - №112; 11 - №113; 12 - №115; 13 - №114; 14 - №116; 15 - №117; 16 - №118; 17 - №101; 18 - №126в; 19 - №119; 20 - №124; 21 - №123; 22 - №125; 23 - №122; 24 - №121; 25 - №120; 26 - №126; 27 - №126б; 28 - №126д.

верти IV вв. до н.э. Близкие аналогии позволяют отнести лекиф № 102 к концу V в. до н.э., лекиф № 103 к первой четверти IV в. до н.э.

Пятый лекиф сохранился фрагментарно — на тулове, вероятнее всего, была изображена сидящая пантера вправо с поднятой левой лапой (№ 106). Шерсть передана точками разбавленным лаком, детали мускулатуры — пером, без контурной линии. Сосуд также следует относить к раннему IV в. до н.э.

Четыре экземпляра составляют группу лекифов с полосой в цвете глины по тулову (№ 116-118, рис. 7: 14-16). В погребальных комплексах подобные сосуды многочисленны и встречаются повсеместно. Характер орнамента позволяет различать несколько ее видов: одна или несколько полос в цвете глины, полосы заполненные "гусиками" или меандром, вертикальная или косая штриховка. Хронологической последовательности в орнаментации не прослеживается. Таким орнаментом лекифы начали украшать еще со второй половины VI в. до н.э., но особенно широкой популярностью он пользовался на рубеже V — IV вв. до н.э. — на это время, очевидно, падает пик выпуска таких сосудов. Т.Иванов два лекифа с полосами по тулову датировал 360-350 гг. до н.э. (Аполония 1963: № 44,51). Основанием для столь поздней датировки послужила находка в той же могиле, где найдены лекифы с полосами, двух полихромных сосудов среднего периода керченского стиля. Не говоря о том, что средний период керченского стиля, выделенный в свое время К.Шефолдом (Schefold 1934), требует удревнения как минимум на два-три десятилетия, набор погребального инвентаря из могилы № 290 некрополя Аполонии, скорее всего, должен быть отнесен к концу первой или началу второй четверти IV в. до н.э. Хотя сама по себе возможность присутствия лекифов с полосами по тулову, как и всей группы лекифов с сюжетными изображениями, в комплексах второй четверти IV в. до н.э. не может исключаться.

Большую группу составляют сетчатые лекифы (№ 119-125, рис. 7: 19-25). Они, наряду с лекифами, украшенными пальметкой, были весьма популярны и широко распространены. Очевидно, они сменяют лекифы с сюжетными изображениями и лекифы с полосой по тулову. Выпуск лекифов, украшенных сетчатым орнаментом, начинается еще в первой четверти IV в. до н.э. и продолжается до конца третьей четверти столетия. В этой серии можно выделить ранние экземпляры, отличающиеся, помимо тщательного клетчатого рисунка, оформлением горла, которое украшалось вертикальными белыми полосами накладной краски. К числу таких сосудов в нашей коллекции принадлежат два (№ 119,122).

Лекифы № 107-115 составляют группу сосудов украшенных пальметкой. Наиболее ранние экземпляры их появляются одновременно с сетчатыми в первой четверти IV в. до н.э. На протяжении второй и третьей четвертей IV в. до н.э. лекифы обеих серий остаются постоянным элементом погребального инвентаря греческих некрополей Северного Причерноморья. Все лекифы с пальметкой нашей выборки относятся к типу VII по классификации Т.Иванова и датируются в пределах второй — третьей четвертей IV в. до н.э.

Последний лекиф нашей коллекции (№ 126) не имеет никаких украшений — его поверхность полностью залита черным лаком (рис. 7: 26). По аналогии с сосудом из Олинфа он датируется второй четвертью IV в. до н.э. (Olynth XIII: мог.527).

Анализ расписной и чернолаковой керамики некрополя Панское I показывает, что большинство сосудов составляет рядовая массовая продукция аттических гончарных мастерских. Лишь несколько сосудов выделяется качеством своего изготовления: килик "мастера чаш из Иены", кратер редкой формы, алабастр, амфориск. Небольшая группа сосудов не является изделиями аттических гончаров, а происходит из каких-то пока достоверно неустановленных центров производства керамических сосудов. Есть серьезные основания считать, что это были малоазийские центры. Один сосуд по своим характерным признакам может быть связан с продукцией местных гончаров, работавших в Ольвии.

В хронологическом отношении комплекс расписной и чернолаковой керамики некрополя достаточно единообразен. Подавляющее число сосудов относится к первой половине IV в. до н.э. Наряду с этим можно выделить многочисленные образцы керамических сосудов второй половины — конца V в. до н.э. (№ 52,87,91,93); скорее всего, они были привезены с собой основателями поселения. Предметов, надежно датирующихся концом IV — началом III вв. до н.э., немного (№ 82,83,96). Это объясняется не только тем, что могил, относящихся к этому периоду, открыто сравнительно мало, но и тем, что к концу IV в. до н.э. происходят существенные изменения в погребальном обряде — набор погребального инвентаря становится беднее и керамические сосуды встречаются реже.

Что касается датировочных возможностей различных групп керамических сосудов, то по нашим наблюдениям, они не одинаковы. Некоторые категории керамических сосудов, судя по потертостям и следам ремонта, перед тем как оказаться в составе погребального инвентаря, довольно долго использовались в хозяйстве.

Между тем, среди лекифов лишь один сосуд оказался сильно потертым, лаковое покрытие местами осыпалось (№ 115), он явно попал в могирлу не новым. Если учитывать, что находки целых лекифов или их обломков в культурных слоях поселений, в том числе и поселения Панское I, явление не частое, надо думать, что в быту эта категория сосудов почти не употреблялась. Есть веские основания связывать лекифы исключительно с погребальным культом.

Анализ материалов некрополей показывает, что присутствие в могилах лекифов не связано с какой то одной половозрастной группой — эти сосуды встречаются как в мужских так и женских и даже детских захоронениях. Обратим внимание и на то, что лекифы вместе со стригилями встречаются не часто; в большин-

стве могил, где встречены стригили, отсутствуют лекифы, а тех могилах, в которых лекифы присутствуют, в большинстве случаев нет стригилей. Совершенно очевидно, что присутствие лекифов в могиле совсем не обязательно характеризует погребальный инвентарь как палеострический. Скорее всего, лекифы покупались специально для погребальных церемоний, во время которых тело умершего должно было быть умащено маслом и во время выставления маслом же и поливаться. Иными словами, из всех категорий погребального инвентаря, именно туалетные флаконы, прежде всего, лекифы, быстрее всего попадали в погребение. Для датировки, для хронологических разработок эта категория керамических сосудов, наряду с амфорами, предпочтительнее всего.

Белов, Г.Д. 1945. Краснофигурный кратер из Херсонеса //

Труды отдела истории искусства и культуры античного мира Государственного Эрмитажа I: 141-145. Ленинград.

1972. Ионийская керамика из Херсонеса // Труды Государственного Эрмитажа 13: 17-21.

Бессонова, С.С., Е.П.Бунатян, Н.А.Гаврилюк. 1988. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев: Наукова думка.

Блаватский, В.Д. 1953. История античной расписной керамики. Москва: Академия наук СССР.

Браиштинский, И.Б. 1980. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в 5-3 вв. до н.э. Ленинград.

Гайдукевич, В.Ф. 1959. Некрополи некоторых боспорских городов. По материалам раскопок 1930-х годов // Материалы и исследования по археологии 69: 154-328.

Горбунова, К.С. 1972. Аттические вазы группы St.-Valentin // Труды Государственного Эрмитажа 13: 62-77.

1977. Краснофигурный килик, найденный в некрополе Панское I // История и культура античного мира: 41-45. Москва.

Гриневич, К.Э. 1959. Аттический краснофигурный оксибаф № 1517 из Херсонеса как датировочный термин для древнегреческой оборонительной стены // Херсонесский сборник 5: 115-119. Симферополь.

Зайцева, К.И. 1972. Кубки 5-4 вв. до н.э. из Ольвии // Труды Государственного Эрмитажа 13: 90-97.

1984. Ольвийские кубки и канфары 6-4 вв. до н.э. // Труды Государственного Эрмитажа 24: 110-124.

Иванов, Т. 1963. Античная керамика от некрополя на Аполония // Аполония. Разкопки в некрополя на Аполония през 1947-1949. София.

Кахидзе, А.Ю. 1975. Античные памятники Восточного Причерноморья. Греческий могильник Пичвнари. Батуми. (на груз., резюме на рус. яз).

Козуб, Ю.И. 1974. Некрополь Ольвии 5-4 ст. до н.э. Киев: Наукова думка.

Кокоржницкая, Т.Н. 1986. Хиосские чернолаковые кубки из Никония // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Мелокова, А.И. 1975. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. Москва: Наука.

Онайко, Н.А. 1970. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в 4-3 вв. до н.э. // Свод археологических источников Д1-27. Москва.

Парович-Пешикан, М.Б. 1974. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев.

Скадовский, Г.Л. 1897. Белозерское городище Херсонского уезда, Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана. // Труды 8 археологического съезда 3: 75-108.

Фармаковский, Б.В. 1911. Памятники античной культуры, найденные в России 4. Ольвийские древности из коллекции Н.Ф.Романченко в Санкт-Петербурге. // Известия археологической комиссии 42: 134-143.

Шкропил, В.В. 1904. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г. // Известия императорской археологической комиссии 9. Санкт-Петербург.

Alexandrescu, P. 1966. Necropola tumulara // Histroria. II.

Almagro, M. 1953. Les necropolis de Ampurias. I. Barselona.

Antonsson, O. 1958. Antik Kunst. Stockholm.

Ebert, M. 1913. Ausgrabungen auf dem Gute Marizyn, Gouv. Cherson [Sudrusland] // Prachistorische Zeitschrift. 5:1; 1-80; taf. 1-3.

Clara Rodos, 1928-1944. Studi e materiali pubblicati a cura dell Istituto storico-archeologico di Rodi.

Cudrado Emeterio D. 1987. La Necropolis Iberica de 'El Cigarralajo' // Bublicheca Praehistorica Hispana. 23. Madrid

Richter, G.M.A. 1946. Attic red-figured Vases. New Haven, Yale university press; London, G.Cumberlege, Oxvord university press.

Robinson, D.M. 1950. Vases Found in 1934 and 1938 // Excavations at Olynthus 13. Baltimore.

Pottier, E. 1922. Catalogue des vases antiques Vusee de Louvre 3. Paris.

1922 A. Vases antiques du Louvre 3. Paris.

Pottier, E., S.Reinach. 1887. La necropole de Myrina. Recherches archeologiques au nom et aux frais de l'Ecole francaise d'Athenes. Paris, Thorin.

Schefold, K. 1934. Untersuchungen zu der Kertschen Vasen. Berlin.

Sparkes, B.A., L.Talcott. 1970. The Black and Plain Pottery of 6 th., 5 th. and 4 th. Centuries B.C. // The Athenian Agora. Resuts of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens 12. Princenton, New Jersey.

Ure, A.D. 1944. Red-figure cups with inosed and stamped decoration. Part.2 // The Journal of Hellenic Studies 64: 67-77; pl. 1-7.

PAINTED AND BLACK-LACQUERED CERAMICS FROM THE NECROPOLIS OF PANSKOYE I

Painted and black-lacquered pottery excavated in 1969-86 from the necropolis of Panskoje I, northwestern Crimea, is described.

These vessels make up more than a half of the ceramic assemblage of the necropolis. Their total number is 68, some are intact and some fragmented; most were found in the graves. A few vessels were discovered among the artifacts that had remained after the burial feasts, and some were found either in or between the burial mounds.

Traditional terms common in the Russian and Western literature are used (Robinson 1950; Sparkles, Talcott 1970). Typological attributions were made with reference to Ivanov's classification (Apollonia 1963).

Most of the assemblage belongs to the mass production of Attic workshops. There are only few high-quality vessels: a kylix made by the "master of Jena" (no.58), a krater of an unusual form (no.48), an alabastron (no.100), and an amphoriskos (no.101). A few vessels were made not in Attic but in some other centres, which have not yet been localized.

The most numerous vessels are lekythoi (25 of them were found). Kylikes are on the second place (16 specimens). There are four one-handed bowls, three skyphoses and salt-cellars, two mugs, one oinochoe, one alabastron, one amphoriskos, one saucer, and one fish plate. Graffiti were found on five kylikes, six kantharoi, two one-handed bowls, and one salt-cellar.

Chronologically, the assemblage is rather uniform. The vast majority of the specimens dates from the first half of the 4th century B.C., and some from about 350-325 B.C. A few vessels (nos.52, 87, 91, and 93) were made in the second half of the 5th century. They were apparently brought by the founders of the site. Only three vessels (nos.82, 83, and 96) can be securely dated to late 4th - early 3d century B.C. This is partly due to the fact that only few graves of that period have been excavated so far. Also, at the end of the 4th century significant changes in the burial rite occurred, burial goods became less abundant, and pottery was less often placed in the graves.

НОВОЕ КИЗИЛ-КОБИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В ГОРНОМ КРЫМУ

И.Н.ХРАПУНОВ, В.П.ВЛАСОВ*

Кизил-кобинская археологическая культура горного Крыма была выделена Г.А.Бонч-Осмоловским (1926), который предположительно связал ее с таврами, известными по свидетельствам античных авторов. Дальнейшее ее изучение связано в первую очередь с именами В.Н.Дьякова, П.Н.Шульца, С.Ф.Стржелецкого, Х.И.Крис, А.М.Лескова, А.А.Щепинского, В.А.Колотухина, в работах которых рассматривались вопросы происхождения, формирования и периодизации культуры, типологии и хронологии памятников, этнической атрибуции и т.д. (подробный историографический обзор концепций до 1985 г. см.: Щеглов 1988). Проблеме этнической принадлежности кизил-кобинской культуры была также посвящена статья одного из авторов настоящей публикации (Храпунов 1993). Однако из-за все еще слабой изученности памятников, особенно поселений, а также из-за того, что далеко не все добытые за последние десятилетия материалы опубликованы, в фактологической базе остается много лакун. Для дальнейшего изучения особенностей культуры горного населения Крыма в первом тысячелетии до н.э. и уточнения хронологии в первую очередь необходимы публикации материалов новых раскопок. Эту цель и преследует настоящая статья, в которой издаются материалы из недавно открытого и исследовавшегося нами памятника.

Поселение находится на склоне горы Шпиль, в 0,5 км к юго-востоку от села Дружное, примерно в 18-20 км от центра Симферополя по дороге на юго-восток вдоль долины р. Малый Салгир (рис. 1). В этом районе, расположенном в западном подножии и на отрогах Долгоруковской яйлы, в истоках р.Малый Салгир, известны и другие памятники кизил-кобинской культуры: поселение и могильник Дружное 1 и могильник Дружное 2 (Колотухин 1985: 35, рис. 1). В 5 км южнее, в западных отрогах той же Долгоруковской яйлы лежит урочище Кизил-Коба с группой карстовых пещер

— опорный памятник, давший название культуре, а также другие пещеры и гроты с ней связанные (например, Ени-Сала). Севернее, в междуречье Малого Салгира и Зуи, находятся могильники Капак-Таш и Карлы-Кая (Колотухин 1985). Таким образом, поселение Шпиль лежит в центре наиболее представительных памятников кизил-кобинской культуры.

Поселение обнаружено в процессе раскопок могильника III — IV вв. н.э. Его величина не может быть установлена по внешним признакам без вскрытия обширной территории. В раскопе площадью более 5000 кв.м открыто 104 хозяйственные ямы, впущенные в материк. Вне ям культурный слой не зафиксирован; не выявлены также какие-либо остатки построек.

Все ямы круглые в плане. В разрезе они бочонковидные, колоколовидные, чашеобразные и цилиндрические. Диаметры ям на уровне материка 1,0-1,7 м, глубина — 0,3-1,3 м. В одной из них было совершено захоронение ребенка.

Основную массу находок в заполнении ям составляли фрагменты лепной керамики. Типология лепных сосудов для этого поселения разработана на основе целых или имеющих практически полный профиль сосудов.**

Рис. 1 Месторасположение поселения Шпиль.

Fig.1 Shpil: geographical location.

* Украина. Крым. Симферополь. 333036. Ялтинская ул., 4. Крымское отделение Института востоковедения Национальной Академии наук Украины.

** В категории горшков по форме плечиков и шеек выделены дополнительные типы (отмечены знаком *), которые отличаются индивидуальными особенностями формы и размера, а также зачастую не имеют аналогий на других кизил-кобинских памятниках.

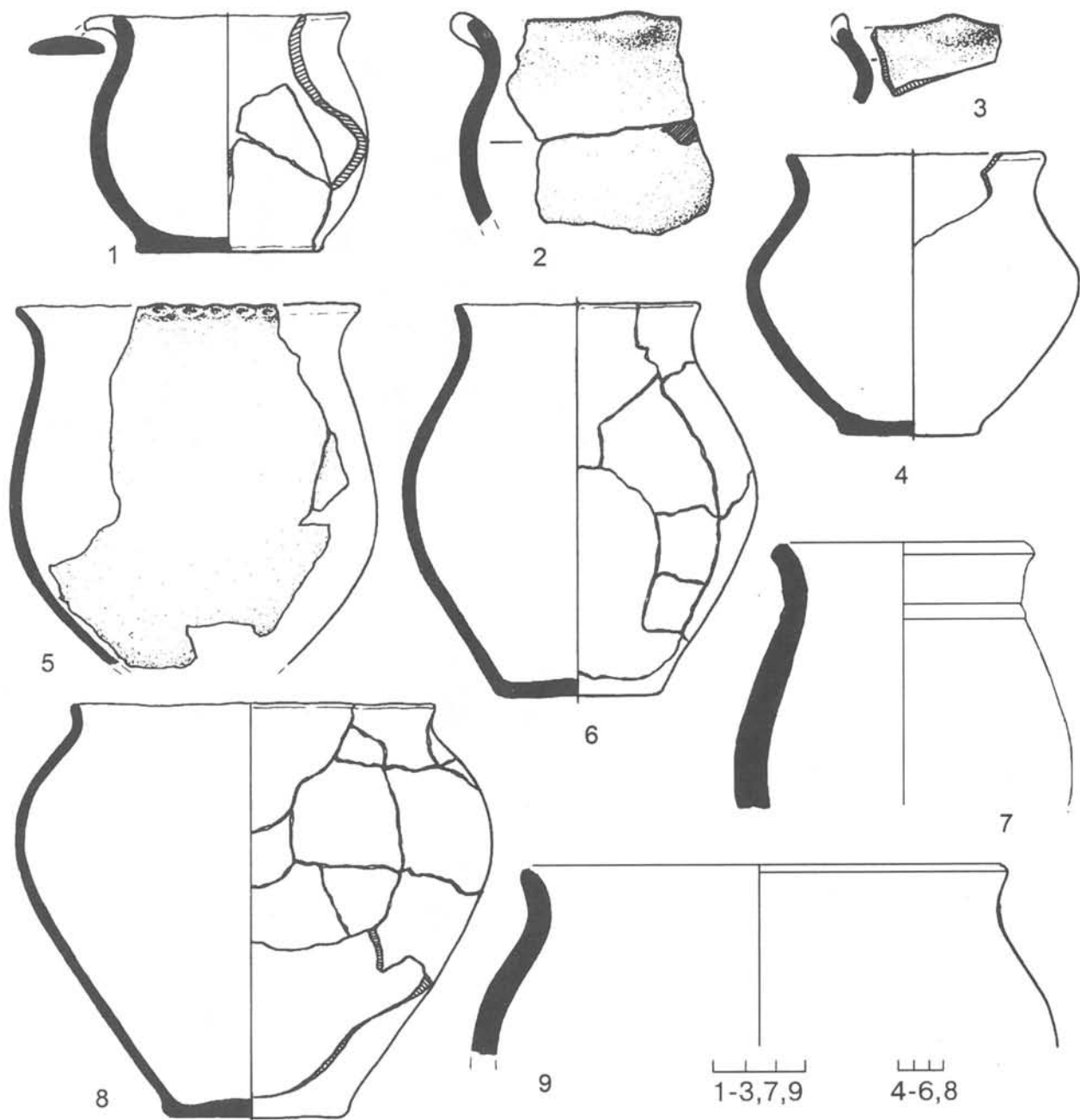

Рис. 2. Сосуды с поселения Шпиль.

Fig. 2. Vessels from Shpil.

Горшки представлены четырьмя основными и шестью дополнительными типами. Все экземпляры нелощеные.

Тип 1. Сосуды небольших размеров со сферическим туловом. Выделяются варианты А (рис. 2: 1) и В (рис. 2: 2,3).

Тип 2. Сосуды крупных размеров с вытянуто-сферическим туловом (рис. 2: 5,6).

Тип 3. Крупный широкогорлый сосуд со сфероконическим туловом (рис. 2: 8).

Тип 4. Сосуд средних размеров с биконическим туловом (рис. 2: 4).

Тип 5. Фрагмент слабопрофилированного сосуда (рис. 3: 5).

Тип 6. Верхние части сосудов с прямыми покатыми плечиками. Выделяются варианты А (рис. 2: 7), В (рис. 3: 3) и С (рис. 3: 7).

Тип 7. Фрагмент верхней части крупного широкогорлого сосуда (рис. 3: 11).

Тип 8. Фрагменты сосудов близких по профилировке типу 7, но меньших размеров и с более выраженными плечиками. Выделяются варианты А (рис. 3: 2), В (рис. 3: 10), С (рис. 3: 1) и Д (рис. 3: 8).

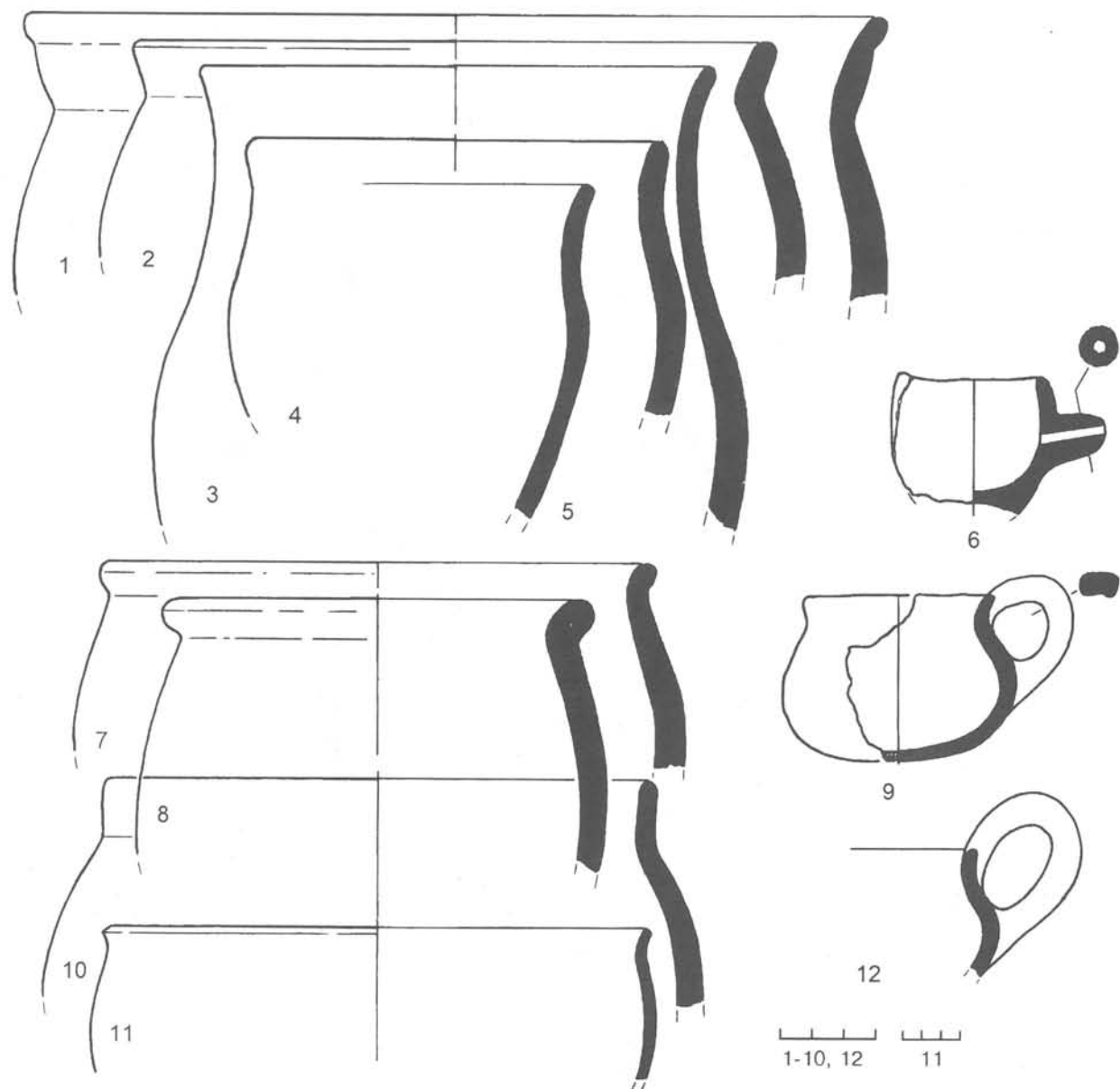

Рис. 3 Горшки и черпаки с поселения Шпиль.

Fig.3. Pots and scoopers from Shpil.

Тип 9. Фрагменты сосудов с расширяющимися выпуклыми плечиками (рис. 2: 9).

Корчаги. К этой категории отнесены фрагменты толстостенных, часто лощеных сосудов. Большинство из них орнаментировано рельефными валиками, выступами или врезными линиями (рис. 4: 1-4,6,9).

Дуршлаг (цедилки). Горшковидные сосуды с перфорированными стенками (рис. 4: 8).

Миски. Глубокие сосуды полусферической формы с загнутыми (рис. 4: 7) или выступающими наружу в виде козырька (рис. 4: 5) краями. Примерно половина мисок имеет лощеную поверхность.

Чаши. Сосуды средних размеров с уплощенно-сферическим или полусферическим туловом, четко выделенной шейкой, уплощенным или округлым дном, как правило, лоще-

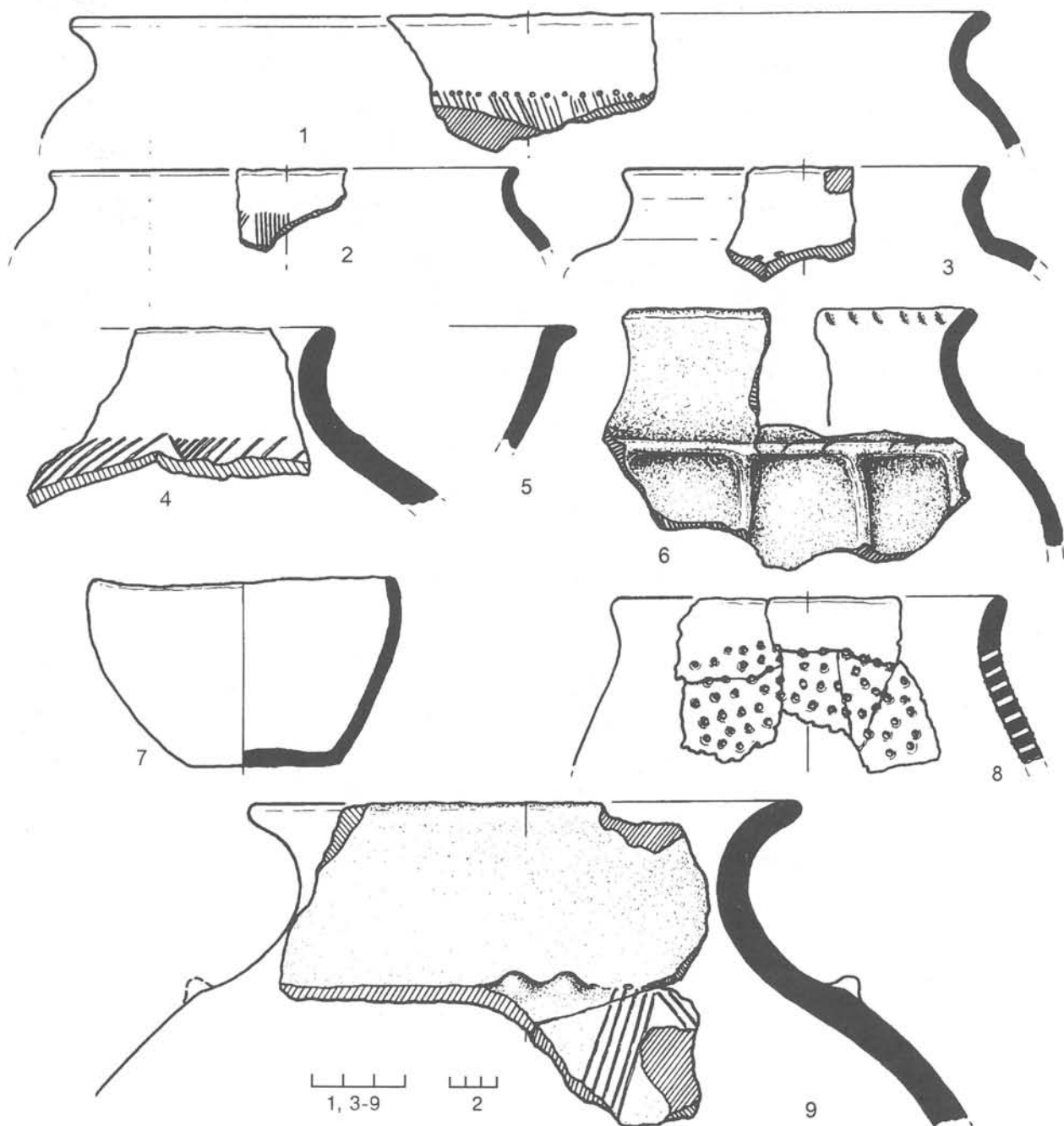

Рис. 4 Корчаги, цеделки и миски с поселения Шпиль.

Fig.4. Ewers, colanders, and bowls from Shpil.

ные. Отношение максимального диаметра к высоте 2:1,5 — 2:1. Их можно разбить на три типа.

Тип 1. Сосуды с полусферическим туловом. Выделяются варианты А (рис. 5: 1), В (рис. 5:8), С (рис. 5: 11), Д (рис. 5: 10) и Е (рис. 5: 2).

Тип 2. Сосуды с уплощенно-сферическим туловом. Выделяются варианты А (рис. 5: 4) и В (рис. 5: 12).

Тип 3. Сосуды близкие по профилировке типу 2, но более приземистые (рис. 5: 13,14).

Кубки. Отличаются от чаш меньшими размерами и иными пропорциями. Соотношение максимального диаметра и высоты примерно 1:1. В большинстве случаев сосуды лощеные.

Тип 1. Сосуды со сферическим туловом (рис. 5: 6).

Тип 2. Сосуды с уплощенно-сферическим

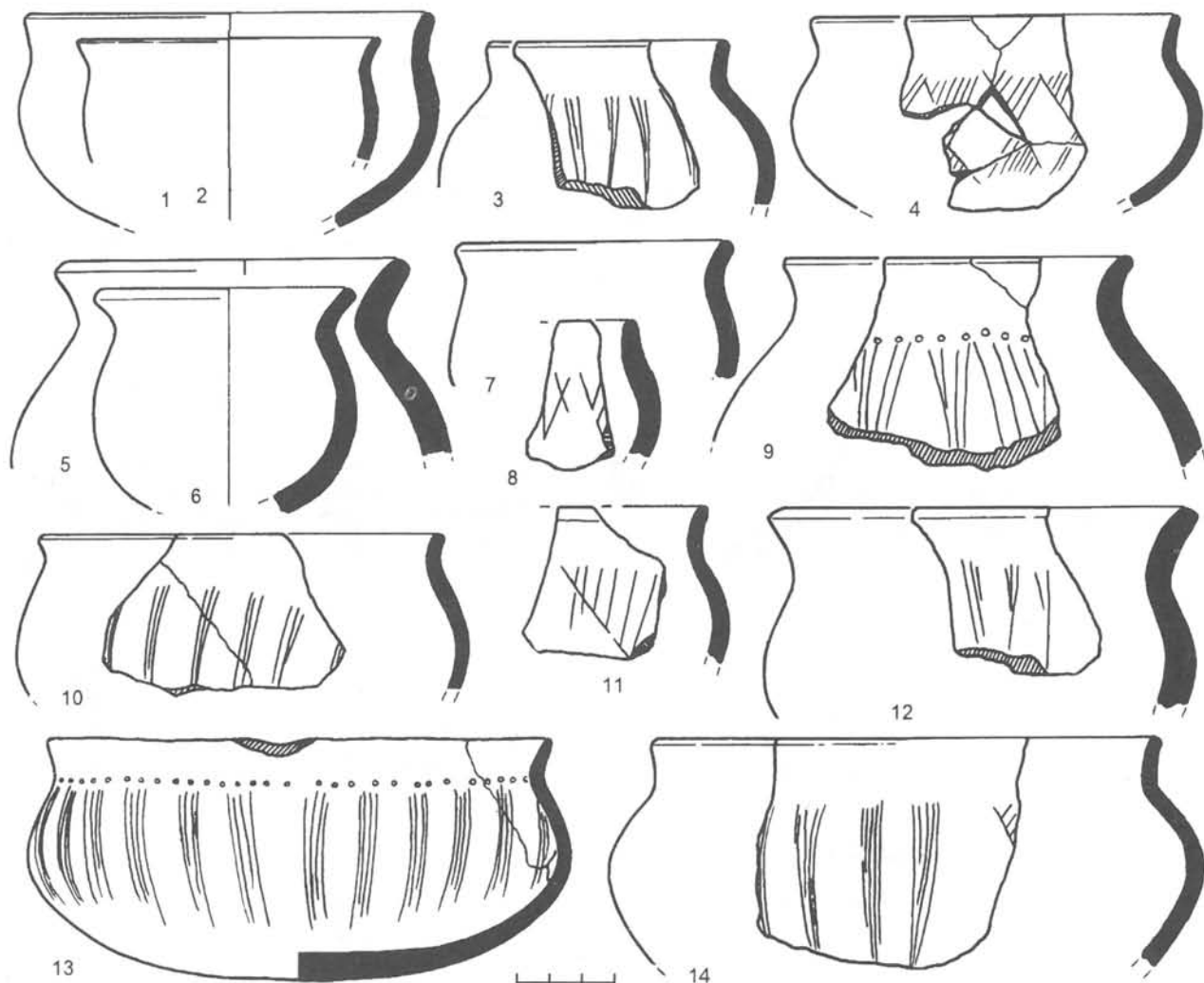

Рис. 5 Чаши и кубки с поселения Шпиль.

Fig.5. Cups and beakers from Shpil.

туловом трех вариантов: А (рис. 5: 5), В (рис. 5:9) и С (рис. 5: 3).

Тип 3. Сосуд отличается от кубков типа 2 прямыми покатыми плечиками и менее отогнутым верхним краем (рис. 5: 7).

Черпаки. Сосуды близкие по профилировке кубкам, но с вертикальными ручками (рис. 3: 9,12).

Наконец, следует особо отметить лепной сосуд, напоминающий по форме греческий гуттос (рис. 3: 6). Это оригинальная и единичная форма в керамическом комплексе.

Некоторые сосуды, в том числе горшки типа 6А, были украшены рельефными валиками (рис. 2: 7). Венчики горшков иногда орнаментировались вдавлениями (рис. 2: 5) или рельефными выступами (тип IВ и мелкие фрагменты) (рис. 2: 2,3). Во многих случаях кубки, чаши и корчаги украшались врезным орнаментом. В результате проведенного анализа нами

выделено девять основных (рис. 6: 1-9) и двенадцать дополнительных (рис. 6: 10-21) орнаментальных мотивов, которыми украшались сосуды. Следует отметить, что горшки, миски и черпаки подобным образом не орнаментировались. Помещенная ниже таблица демонстрирует соответствие определенных керамических форм и орнаментальных мотивов.

Типы сосудов	Орнаментальные мотивы (по рис.6)
Чаши	
I В	Д
С	3
2 А	1
3	1
Кубки	
2 В	С
Корчаги	6

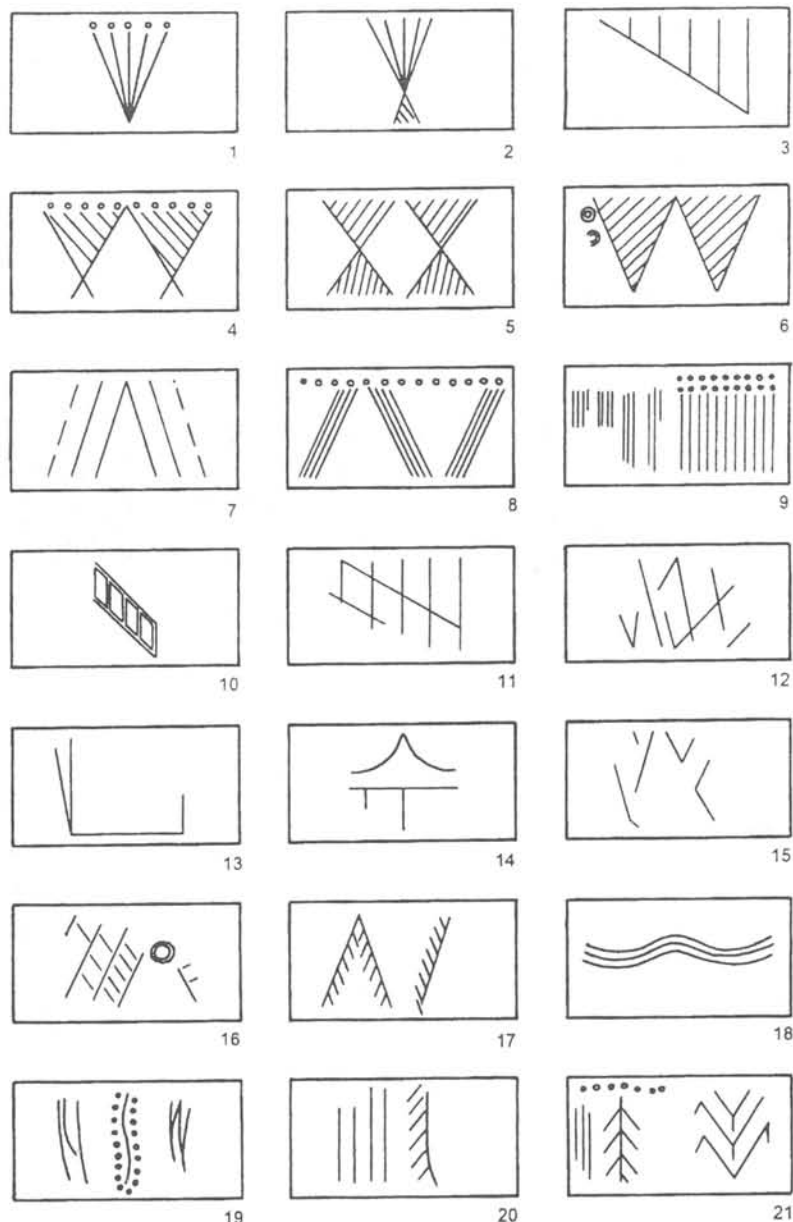

Рис. 6 Типы врезных орнаментов на сосудах.

Fig.6. Carved designs on vessels.

В нашу задачу не входят поиски аналогий керамическим сосудам с поселения Шпиль. Отметим только, что большинство выделенных типов обычны для многих поселений кизил-кобинской культуры (Крис 1981: табл. 10-19, 22-31; Колотухин 1990а).

Ко второй группе массового керамического материала следует отнести греческую керамическую тару. В девяти ямах наряду с лепной керамикой обнаружены обломки нескольких десятков амфор*. Больше всего найдено фрагментов сосудов гераклейского производства. Четыре из них имеют на горлах следующие энглифические клейма.

1) Анэпиграфное. Серцевидный лист, внутри него помещена виноградная гроздь (рис. 7:1). По форме горла амфора относится к выделенному И.Б.Зеест (1960: 100, табл. XXII, 42. Ср.: Брашинский 1980: 22-23) первому типу.

2) Φιλῖνος
гроздь
← Αρτέ(μων)

В первой строке *ню* ретроградно (рис. 7: 3). Подобное клеймо было опубликовано Б.Н.Граковым (1926: 205, № 61. См. также Брашинский 1980: 166, № 331 – с отметкой, что *ню* и *сигма* ретроградно) и по типологии И.Б.Брашинского относится ко второй поздней группы, датирую-

* Мы благодарны В.И.Кацу, В.А.Кутайсову, С.Ю.Монахову, Н.А.Павличенко, В.Ф.Столбе, Н.Ф.Федосееву за консультации, полученные при обработке амфорного материала.

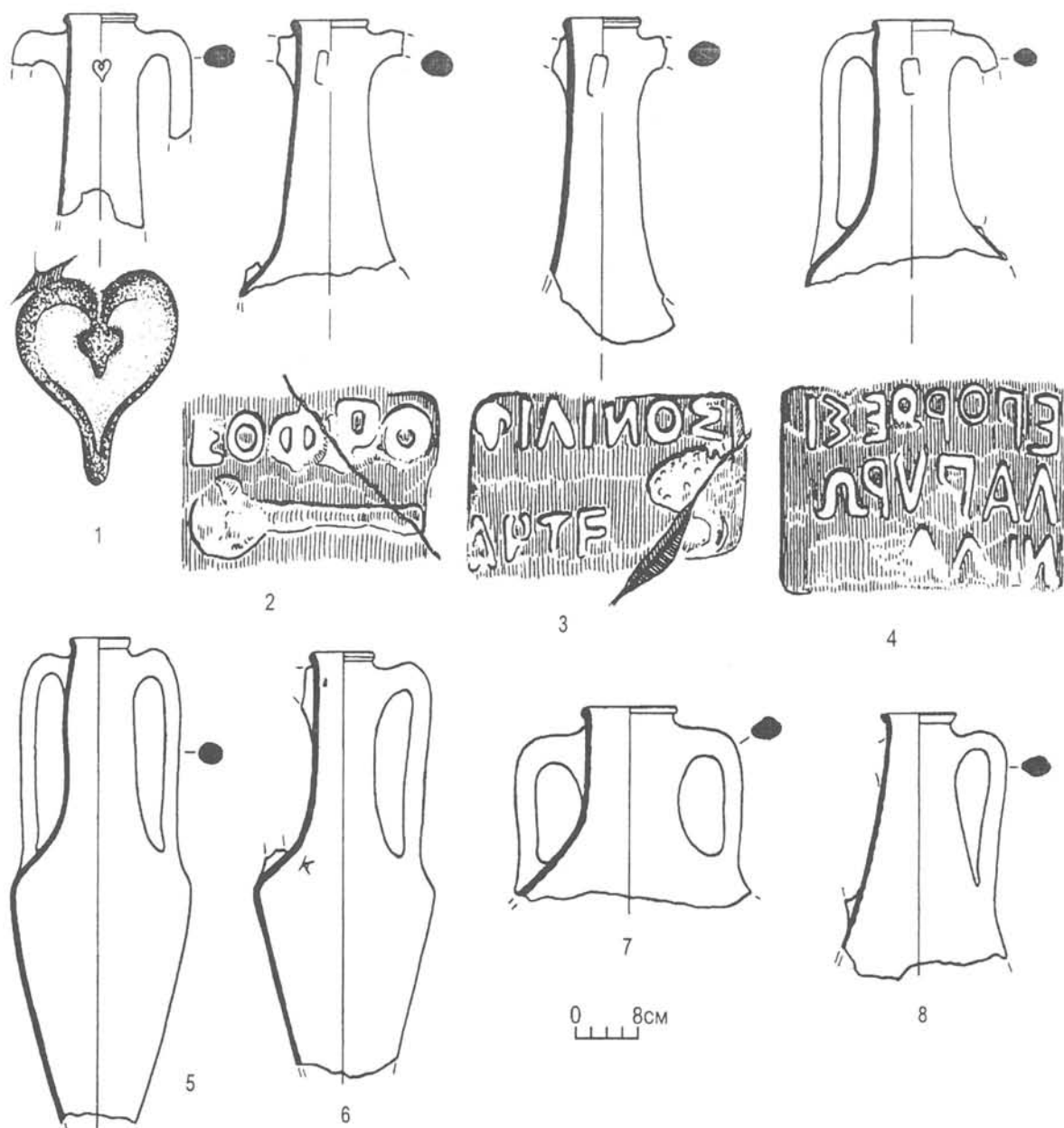

Рис. 7 Амфоры с поселения Шпиль.

Fig. 7. Amphorae from Shpil.

щейся серединой — третьей четвертью IV века до н.э.

3) Εὐφρό(νιος)
←—кадуцей

Первая типологическая группа по И.Б.Брашинского (первая половина IV в. до н.э.) (рис. 7:4).

Отметим, что горла с клеймами 1, 2 и 3 найдены в одной хозяйственной яме № 29.

4) ἐπ(ι) Ὀρῆσι
λα Πυρῶ
νίδα

Клеймо ретроградное (рис. 7: 4). Новый штамп. Насколько нам известно, имя Ортесилай впервые встречено с предлогом ἐπι. Третья поздняя типологическая группа по классифи-

кации И.Б.Брашинского (1980: 39), которую автор отнес ко второму (B) хронологическому периоду (вторая — третья и начало четвертой четверти IV в. до н.э.). Возможно, что наше клеймо принадлежит к самым ранним в этой группе, которые в абсолютных датах могут быть помещены в конец первой — начало второй четверти IV в. до н.э.

Из хозяйственной ямы № 29, в числе прочих обломков греческой керамики, происходит и фрагментированная гераклеяская амфора (без дна) с двумя нанесенными красной краской под венчиком и на плече *dipinti* (рис. 7: 6) в виде *беты* и монограммы, которую можно прочесть как TA. По форме эту амфору можно отнести к типу Ia по И.Б.Брашинскому и дати-

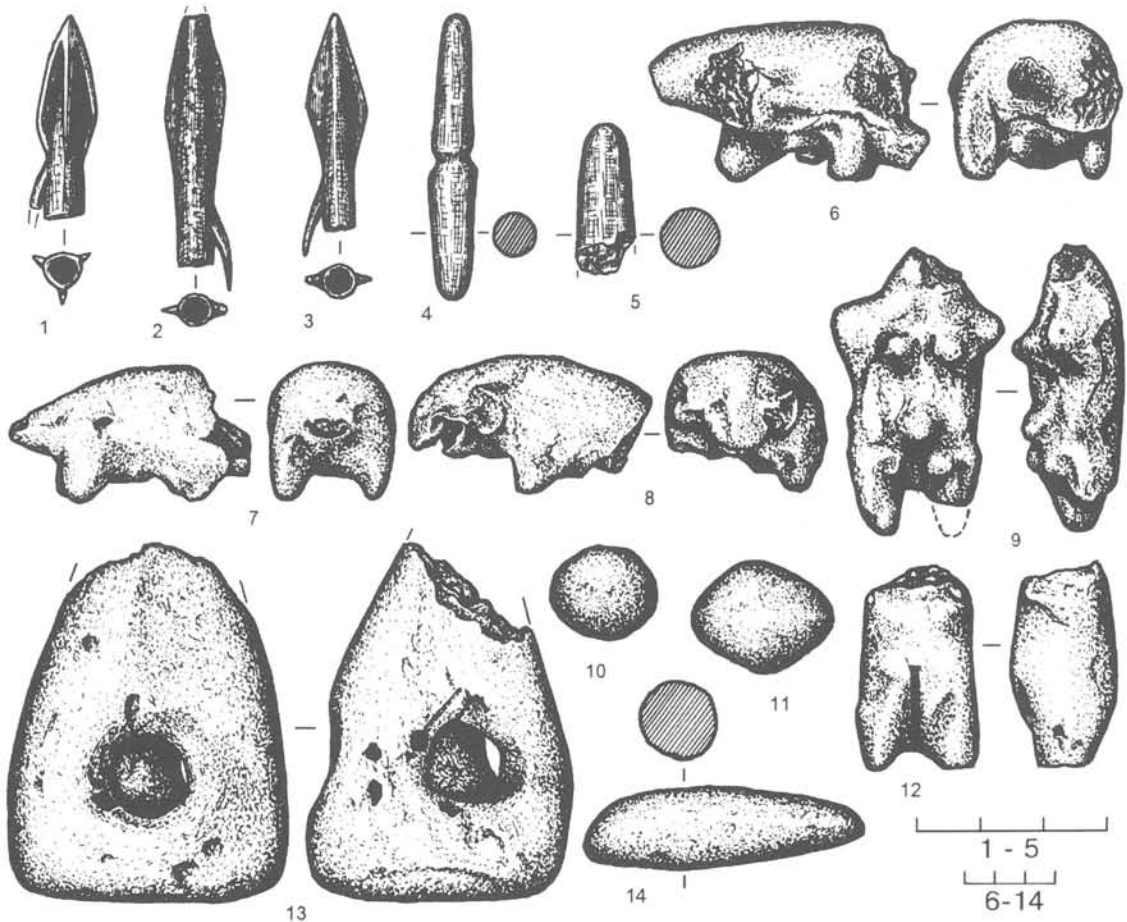

Рис. 8 Находки с поселения Шпиль.

Fig. 8. Artifacts from Shpil.

ровать в соответствии с его хронологией второй четвертью — серединой IV в. до н.э. (Брашинский 1980: 24).

Кроме обломков гераклейской тары в разных хозяйственных ямах найдены фрагменты позднехиосских амфор (рис. 7: 5), целые экземпляры которых имели “колпачковые” ножки. Такие сосуды датируются тремя первыми четвертями IV в. до н.э. (Зеест 1960: 78-79; Брашинский 1980: 17; Монахов, Абросимов 1993: 125-126). Одна верхняя часть фасосской амфоры (рис. 7: 8) относится к типу биконических и датируется IV в. до н.э. (Зеест 1960: 85-86; Брашинский 1980: 19). Фрагмент херсонесской амфоры (рис. 7: 7) принадлежит выделенному С.Ю.Монаховым (1989: 42-50) типу I-A-1 или I-A-2, который датируется второй половиной или, скорее всего, третьей четвертью IV в. до н.э.

Особый интерес представляют многочисленные находки фигурных изделий из слабообожженной глины. Среди них присутствуют обломки антропоморфных (рис. 8: 9,12) и зооморфных (рис. 8: 6-8) статуэток, изделия шаровидной (рис. 8: 10), биконической (рис. 8: 11) и удлиненной (рис. 8: 14) формы, а также два

непонятных конусовидных предмета с боковыми отверстиями (рис. 8: 13).

Традиция изготавливать такого рода поделки из глины, по-видимому, зародилась в лесостепной зоне Украины и Молдавии в эпоху бронзы (Березанская 1964: 62-65; Березанская 1990: 87-88, рис. 23,2; Шарафутдинова 1964: 154-156, 165-166, рис. 6, 12-15; Мелюкова 1958: 20-22, рис. 7: 1-9). Она не прерывалась и в раннем железном веке. Единичные находки известны на памятниках чернолесской культуры (Тереножкин 1961: рис. 46,2,3; 47,1,2; Крушельницка 1985:113, рис. 34,10). К скифскому времени относятся многочисленные глиняные фигурки из Бельского городища (Шрамко 1987: 127-132), а также других поселений Приднестровья (Рудинский 1949: 77, рис. 4: 1-5; Фабриціус 1949: 95; Яковенко 1968: 180-183; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 80, 139, 159; Ляпушкин 1961: 123), Подонья (Пузикова 1969: 77), бассейна Северского Донца (Шрамко 1962: 181-183, 202), Среднего Поднестровья (Мелюкова 1958: 84, рис. 28,8,9; Смирнова 1981:48).

Во Фракии глиняные поделки эпохи бронзы и раннего железа найдены как на поселениях, так и в погребениях (Мегалитите 1976: 135,

136, 139, 140, 147, обр. 256, 257; Василева 1971: 48-50, обр. 18 а-к).

До наших раскопок поселения Шпиль на кизил-кобинских памятниках глиняные фигурки не были известны. Однако в Крыму изделия из слабообожженной глины иногда находят при раскопках поселений эпохи бронзы (Лесков 1970: 27-28, рис. 21, 22: 3-6; Колотухин 1990: 104, рис. 5, 11, 18) и античного периода. Они встречались на боспорских (Терракоты 1970: табл. 27:3, 39:3, 48:7, 49:3-7, 50:1-6, 51:1-2) и позднескифских памятниках (Маликов 1961: рис. 2-4; Высотская 1984: 136, рис. 3), а также в святилище близ Ялты (Клейман 1970: 78, табл. 19, 3, 4).

Во всех перечисленных случаях глиняные изделия мелкой пластики принадлежали оседлому населению с развитым земледельческо-скотоводческим хозяйством. Если интересующие нас поделки происходили из определенных комплексов, то они оказывались связанными либо со святилищами, либо с очагами или печами, либо с зольниками. Все исследователи согласны с тем, что подобные глиняные изделия, по-видимому, имели культовое назначение и применялись во время исполнения обрядов. Вероятно и таврамы, которые оставили, как считает большинство современных исследователей, кизил-кобинскую культуру (Храпунов 1993), такие фигурки использовались в культовой сфере. Гипотетически можно предположить их связь с культом очага, а также плодородия.

Следующую группу вещей, обнаруженных в ямах поселения Шпиль, составляют остатки предметов вооружения. Из трех найденных бронзовых наконечников стрел два двухлопастные втульчатые с шипом (рис. 8: 2, 3) относятся к отделу I, типу 2, варианту 2, по классификации А.И. Мелюковой. Третий — трехлопастной втульчатый с шипом (рис. 8: 1) — к отделу III, типу 2, варианту 2. Все они принадлежат первой хронологической группе, которая в абсолютных датах помещена в конец VII — первую половину VI в. до н.э. (Мелюкова 1964: 16, 18,

19). Один целый экземпляр и обломок костяных застежек горитов (рис. 8: 4, 5) находят аналогии в погребениях скифского времени VI-V и реже IV в. до н.э. (см. сводку Черненко 1981: 33-42, 144-145).

Кроме перечисленных категорий вещей, в раскопанных ямах обнаружено несколько керамических пряслиц и кремневых изделий.

Заключая обзор находок, отметим, что на поселении Шпиль найдено гораздо больше фрагментов греческих амфор, чем на всех других кизил-кобинских памятниках вместе взятых. В этом отношении данное поселение пока уникально. Комплекс керамической тары в целом относится к IV в. до н.э., что, казалось бы, ясно должно свидетельствовать о датировке поселения. Однако, наконечники стрел, обнаруженные, правда, в других хозяйственных ямах, по хронологии А.И. Мелюковой, датируются в пределах конца VII — первой половины VI в. до н.э. Сейчас мы не будем подробно рассматривать возможные варианты объяснения несоответствия основных хронологических ориентиров. Заметим только, что самое естественное предположение — о длительном существовании поселения в течение VI — IV в. до н.э. — не подтверждается данными горизонтальной стратиграфии. Тем не менее, мы полагаем, что именно фрагменты амфор, благодаря их массовости и распределению по значительной части раскопанной территории, играют решающую роль в определении хронологии памятника.

Поселение Шпиль, судя по конструкции хозяйственных ям и различным находкам в них, в первую очередь лепной керамики, представляет собой типичный кизил-кобинский памятник. Но его особенности, которые выделяют данное поселение из исследованных ранее, проявляются прежде всего в необычайно большом количестве амфор, а также уникальных для кизил-кобинских поселений антропоморфных, зооморфных и других изделий из слабообожженной глины.

Березаньска, С.С. 1964. Кераміка білогрудовської культури // Археологія XVI: 49-75.

1990. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев: Наукова думка.

Бонч-Осмоловский, Г.А. 1926. Доисторические культуры Крыма // Крым 2: 74-94.

Браианский, И.Б. 1980. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Ленинград: Наука.

Высотская, Т.Н. 1984. Некоторые аспекты духовной культуры населения Усть-Альминского городища // Античная и средневековая идеология. Античная древность и средние века 21: 132-140. Свердловск.

Граков, Б.Н. 1926. Эпиграфические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор // Труды Государственного Исторического музея 1: 165-205.

Зеест, И.Б. 1960. Керамическая тара Боспора. Материалы и исследования по археологии СССР 83.

Клейман, И.Б. Статуэтки из святилища у г. Ялты // Терракоты Северного Причерноморья. Свод археологических источников Г1-11. Ч. II: 78. Москва: Наука.

Ковпащенко, Г.Т., С.С.Бессонова, С.А.Скорый. 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев: Наукова думка.

Колотухин, В.А. 1985. К вопросу о таврах и кизил-кобинской культуре // Советская археология 2: 34-46.

1990. Кизил-кобинская культура: генетические корни и условия формирования // Советская археология 3: 93-112.
- 1990a. Кизил-кобинский посуд VIII — первой половины V ст. до н.э. // Археология 2: 68-86.
- Крис, Х.И. 1981. Кизил-кобинская культура и тавры. Свод археологических источников Д1-7. Москва: Наука.
- Крушельницкая, Л.И. 1986. Взаемозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної Центральної Європи (рубеж епох бронзи і заліза). Київ: Наукова думка.
- Лесков, А.М. 1970. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма: 7-59. Киев: Наукова думка.
- Ляпушкин, И.И. 1961. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. Материалы и исследования по археологии СССР 104.
- Маликов, В.М. 1961. Жертвенник из пригородного здания Неполя скифского // Краткие сообщения Института археологии АН УССР 11: 64-69.
- Мегалитите. 1976. Мегалитете в Тракия // Тракийски памятници I. София: Наука и изкуство.
- Медникова, А.И. 1958. Памятники скифского времени лесостепного среднего Поднепровья. Материалы и исследования по археологии СССР 64.
1964. Вооружение скифов. Свод археологических источников Д1-4. Москва: Наука.
- Мошахов, С.Ю. 1989. Амфоры Херсонеса Таврического IV — II вв. до н.э. Саратов: Саратовский университет.
- Мошахов, С.Ю., Э.Н. Абросимов. 1993. Новое о старых материалах из Херсонесского некрополя // Античный мир и археология 9. Саратов: Саратовский университет.
- Пузикова, А.И. 1969. Поселения Среднего Дона // Материалы и исследования по археологии СССР 151: 82-95.
- Рудинский, М. 1949. Мачухська експедиція Інституту археології (1946 р.) // Археологічні пам'ятки УРСР II: 53-79.
- Смирнова, Г.И. 1981. Новые данные о поселении у с. Долиняны (по материалам раскопок 1977-1978 гг.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 22: 40-61.
- Василева, Д. 1971. Тракийско могило погребение край с. Староселска Шуменски окръг. II // Археология 3: 39-40. София.
- Тереновский, А.И. 1961. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев: Академия наук Украинской ССР.
- Терракоты. 1970. Терракоты Северного Причерноморья. Свод археологических источников Г1-11. Ч. II. Москва: Наука.
- Фабрициус, I. 1949. Тясьминська експедиція // Археологічні пам'ятки УРСР II: 80-111.
- Храпунов, И.Н. 1993. Об этнической принадлежности кизил-кобинской культуры // История и археология юго-западного Крыма. Симферополь: Таврия.
- Черненко, Е.Б. 1981. Скифские лучники. Киев: Наукова думка.
- Шарафутдинова, I.М. 1964. Поселения эпохи поздней бронзы поблизу Кременчука // Археология XVII: 153-169.
- Шрамко, Б.А. 1962. Древности Северского Донца. Харьков: Харьковский университет.
1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наукова думка.
- Щеглов, А.Н. 1988. Тавры в VII — первой половине IV в. до н.э. и греко-таврские взаимоотношения // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII — IV вв. до н.э. Материалы IV Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-Вани 1985: 53-81. Тбилиси: Мецниереба.
- Яковенко, Е.В. 1968. Пастырське городище скіфського часу // Археологія XXI: 175-186.

A NEW KIZIL-KOBA SITE IN HIGHLAND CRIMEA

Kizil-Koba Culture was first described in 1926 by Bonch-Osmolovsky who associated it with the Taurians, the Crimean aborigines mentioned in Greek sources. Although sites representing this culture have been studied by several archaeologists including Schultz, Strzelecki, Kris, Leskov, Shechepinsky, and Kolotukhin, the available information is scarce, especially with regard to settlements. The present publication addresses materials from a recently discovered site studied by us.

The site is situated on the slope of Shpil Mountain, western Dolgorukov range, 0.5 km southeast of Druzhnoye, 18-20 km southeast of Simferopol, near the source of the Maly Salgir (fig. 1). This is not the only Kizil-Koba site known in the area. It was discovered in the course of excavations of a 3d-4th century AD burial ground. Based on outward features alone it is impossible to determine its size. Within the excavation, which is more than 5000 sq m in surface area, 104 utility pits dug into the virgin soil were found. Beyond them, there are no habitation materials. No structures were revealed. All pits are circular in plan, and their section is barrel-shaped, bell-shaped, cup-shaped or

cylindrical. Their diameter at the level of the subsoil is 1.0-1.7 m, and their depth ranges from 0.3 m to 1.3 m. One of them contained a burial of a child. Artifacts most commonly found in pits are fragments of hand-made vessels.

Vessels are of the following types: pots (figs. 2; 3: 1-5, 7, 8, 10, 11), ewers (fig. 4: 1-4, 6, 9), colanders (fig. 4: 8), bowls (fig. 4: 5, 7), cups (fig. 5: 1, 2, 4, 8, 10-14), beakers (fig. 5: 3, 5-7, 9), and scoops (fig. 3: 9, 12). One of the vessels resembles a Greek guttus (fig. 3: 6). Some vessels are decorated with rolls, and the rims occasionally have pits or knobs on them. Many cups, beakers, and ewers have a carved design (fig. 6).

The second group of pottery comprises Greek vessels, mostly made in Herakleia. Fragments of several dozens of amphorae were found in nine pits along with hand-made ceramics. Four vessels have enigmatic stamps on their necks (fig. 7).

Figurines were poorly baked. Some were anthropomorphic (fig. 8: 9, 12), some zoomorphic (fig. 8: 6-8). The collection also includes globular (fig. 8: 10), biconic (fig. 8: 11), and elongated (fig. 8: 14) clay objects, as well as two conical objects with side openings (fig. 8: 13).

The tradition of making small clay artifacts likely originated in the forest-steppe zone of Ukraine and Moldavia in the Bronze Age and continued into the Early Iron Age. So far, clay figurines have not been found on other Kizil-Koba sites. However, poorly baked clay artifacts were excavated from Bronze Age settlements, as well as from Bosporan and late Scythian sites, and from a sanctuary near Yalta. All of them were made by people who practiced a developed agriculture and animal breeding. In cases where these artifacts belonged to assemblages, they were associated with sanctuaries, hearths, or stoves. All specialists agree that they were used for ritual purposes. This apparently also applies to clay artifacts made by Taurians who, as most modern writers believe, were represented by Kizil-Koba Culture (Khrapunov 1993). It may be speculated that they were used in the hearth and fertility cults.

Other finds from the pits include three bronze arrowheads (fig. 8: 1-3), several clay spindle-

whorls, and flint tools.

Shpil is unique in having yielded more fragments of Greek amphorae than have all other Kizil-Koba sites taken together. Generally, the vessels date from 4th century BC. However, arrowheads, which were found in other utility pits, are earlier (late 7th–early 6th century BC, according to Mel'yukova's typological scheme). The most natural explanation, that the site existed from the 6th to the 4th centuries, is not supported by horizontal stratigraphy. We suggest that the date of this site be established primarily on the basis of fragments of amphorae, which are quite numerous and are distributed throughout the excavated area.

In terms of the construction of the utility pits and finds from their fill, mainly hand-made ceramics, Shpil is a typical Kizil-Koba site. Its uniqueness is due to an unusually large number of amphorae and the presence of anthropomorphic, zoomorphic, and other poorly baked clay artifacts.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ХОРЫ И НЕКРОПОЛЯ НИМФЕЯ: 1992-1995

Е.В.ВЛАСОВА, С.Л.СОЛОВЬЕВ*

Археологические исследования Нимфея, ионийского полиса, находившегося на западном берегу Керченского пролива в 17 км к юго-западу от Пантикапея — столицы Боспорского государства (рис. 1) — длятся вот уже более ста лет (Худяк 1962:10-12; Силантьева 1959:5 сл.). Однако, по традиции, давно сложившейся в античной археологии, раскопки городского центра Нимфейского полиса далеко обогнали по масштабам и объему полученной информации работы на его хоре и некрополе. До недавнего времени эти исследования, за редким исключением (Кругликова 1975:27; Грач 1989:62-67; Горончаровский 1991:23-24; 1993:22-23), не могли продвинуться дальше своей начальной стадии археологических разведок.

С 1992 года к исследованиям сельской округи и некрополя Нимфея подключилась Керченская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа (Соловьев 1993; Соловьев и др. 1995). Работы велись сразу по двум направлениям: археологические разведки аграрной зоны Нимфейского полиса и раскопки сельского поселения Героевка-2, а с 1995 года к ним прибавились исследования некрополя Нимфея (рис. 2).

В первом случае решались задачи определения границ хоры Нимфея и уточнения местоположения уже известных, но давно не обследовавшихся ее памятников. В ходе этих работ удалось установить, что на протяжении античной эпохи ядро полиса составляли земли, расположенные между Чурубашским и Тобечикским озерами (северная и южная границы хоры соответственно), морским побережьем и двумя глубокими балками, начинавшимися у западных оконечностей указанных озер и протянувшимися в меридиональном направлении навстречу друг другу. В древности эти балки, возможно, служили естественным западным рубежом хоры Нимфея. Вместе с тем, нельзя исключать возможности изменения границ полиса, в особенности на западе, и, быть может, на юге, в те или иные периоды его истории (Виноградов 1993:89 сл., рис.1).

Как было установлено в ходе разведок, в античную эпоху в устьях указанных балок располагались два достаточно крупных населенных пункта, которые, вероятно, контролировали отдельные районы западной части Нимфейской сельской округи. В юго-западном секторе хоры такую роль, очевидно, играло поселение Огоньки-1, о котором, к сожалению, мы знаем совсем немного из неопубликованных отчетов о раскопках 1956, 1964-1965 гг. (Кругликова 1975:94-95). Тогда же рядом с ним был открыт курганный могильник Три брата, в свою очередь широко известный в науке благодаря своим богатым и уникальным находкам (Кирилин 1968:178-188).

Значительно меньше нам известно о другом памятнике, расположенном в северо-западном углу ближней хоры Нимфея. Первое и единственное упоминание о нем оставлено Н.П.Кондаковым в отчете о раскопках в окрестностях Эльтигена в 1876 году. Большие размеры поселения и обнаруженные на нем многочисленные следы древней жизни ввели исследователя в заблуждение относительно идентификации этого памятника, ошибочно принятого им за остатки древней Тиритаки (Люценко, Кондаков 1876:15). После долгого забвения этот, по-видимому, достаточно крупный в древности населенный пункт, разместившийся на обоих склонах древней балки, недавно был вновь обнаружен и осмотрен. Он получил условное название Чурубаш-1. По всей вероятности, поселение играло важную роль на северо-западной границе Нимфейского полиса. В непосредственной близости от него, лишь немного южнее, располагалось поселение Чурубашское, исследовавшееся в 30-х гг. нашего столетия (Гайдукевич 1940:316-317). Как считают, оно представляло собой скопление отдельных сельскохозяйственных усадеб, вокруг которых тогда же были замечены следы размежевания примыкавших к ним земельных угодий.

В северной части Нимфейской хоры находился еще один поселок античной эпохи (Кругликова 1975:28, рис. 3), который привлек наше

* Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел истории и культуры античного мира.

Рис. 1 Восточный Крым в античную эпоху.

Fig. 1 The Classical Eastern Crimea.

внимание в последние годы. Это Южно-Чурубашское поселение, расположенное почти на полпути между городищем Нимфея и вышеописанным древним населенным пунктом. Поселение разместилось на возвышенности северного берега Чурубашского озера, с которой хорошо просматривалась значительная территория этой части хоры (рис.3).

В 1994 году в рамках совместной научной программы "Нимфей: история и структура греческого полиса" (Wasowicz 1995) геофизическое обследование поселения на площади более 2 га осуществили специалисты Института Археологии и Этнологии Польской Академии наук T.Herbich, T.Sholl и R.Karasiewicz-Szczyplowski. С целью верификации результатов этих исследований на поселении были проведены разведочные раскопки на площади 50 кв.м. (рис.4). В процессе этих небольших по масштабу разведочных раскопок были обнаружены остатки двух построек, одна из которых была наземной, а другая заглубленной в землю. Их перекрывал культурный слой мощностью до 0,70 м, который можно датировать в пределах конца V первой половины IV вв. до н.э. Между тем в заполнении второй постройки попадались фрагменты амфорной тары еще третьей четверти V в. до н.э. Как нам представляется, геофизические и археологические разведки 1994 года показали необходимость организации полномасштабных

комплексных исследований на Южно-Чурубашском поселении.

Другая группа населенных пунктов античной эпохи, о которых до сих пор известно крайне мало, располагалась в южной части Нимфейской хоры на северном побережье Тобечикского озера. Это было уже упоминавшееся поселение Огоньки-1 и серия мелких поселков. В настоящий момент среди них заслуживает внимания, пожалуй, лишь один, обнаруженный недавно и условно названный Тобечик-1. Он расположен на южной окраине современного села Челядиново и занимает по сравнению с другими близлежащими древними населенными пунктами значительную площадь. Помимо этого, на его территории обнаружен большой зольник. Судя по подъемному археологическому материалу, поселение существовало в эллинистическую и римскую эпохи.

Самая многочисленная группа сельских поселений на территории Нимфейского полиса была расположена к югу от древнего города, на морском побережье или в непосредственной близости от него. Сюда относились поселение Героевка-1 — наиболее крупное в этой части хоры — и несколько более мелких по размерам населенных пунктов античной эпохи, частью которых могли быть отдельно стоявшие сельскохозяйственные усадьбы, принадлежавшие гражданам Нимфея. К примеру, остатками

Рис. 2 Нимфейский полис.

Fig. 2 Nymphaean poleis.

одной из них, условно названной Эльтиген-1, могут оказаться каменные цоколи древних стен, обнаруженные в ближайших окрестностях древнего города на самом берегу моря, которое постоянно разрушает выступающие из земли еще сохранившиеся части этой постройки. Природа и, конечно же, сами люди не щадят и другие древние поселения этого района, в частности, расположенные на краю прибрежного плато. Эти памятники постепенно, по частям гибнут в процессе абразии берегов, весьма интенсивной в этом районе Керченского полуострова, или постоянно разрушаются в результате ежегодной распашки.

Одной из главных задач Керченской Археологической экспедиции Государственного Эрмитажа стали раскопки поселения Героевка-2 (Соловьев 1993:5-6; Зинько, Соловьев 1994:159-163; Solov'ev, Zin'ko 1995:73-78). С 1992 по 1994 гг. на нем раскрыто более 600 кв.м (рис. 5). Как выяснилось, постоянная жизнь на поселении протекала не только в античный период, но и в эпоху раннего средневековья. В материалах раскопок оба периода хорошо представлены жилыми и хозяйственными постройками, многочисленными вещественными находками, а также несколькими погребальными комплек-

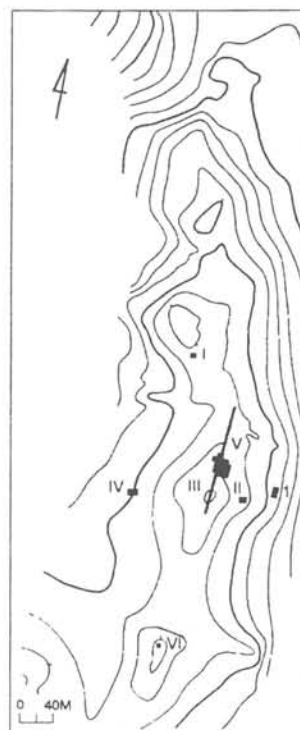

Рис. 3 Южно-Чурубашское поселение: I-IV – раскопки 1963–1964 гг. (Кругликова 1975:28, рис.3); 1 – раскопки 1994 г.

Fig. 3 Plan of South-Tchurubash settlement: I-IV – excavations of 1963–64 (after Kruglikova 1975:28, fig.3); 1 – excavations of 1994.

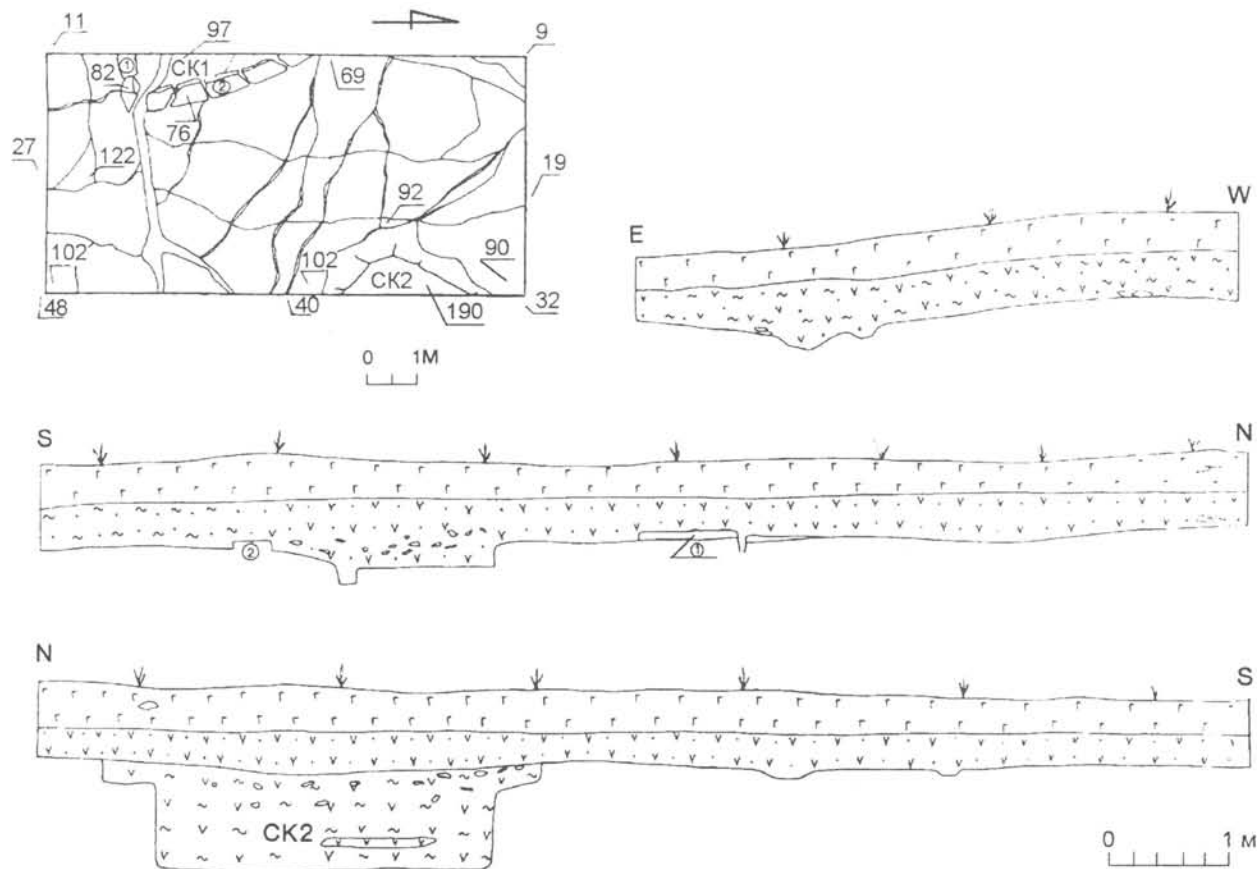

Рис. 4 Южно-Чурубашское поселение: план раскопок 1994 г.

Fig. 4 Plan of 1994 excavations at South-Tchurubash settlement.

сами. Хотелось бы заметить, что подобная встречаемость на одном памятнике столь разнообразных археологических материалов, отражающих практически все формы бытия, весьма редкий случай на сельских поселениях античной эпохи в Северном Причерноморье.

Мощность культурных напластований на поселении Героевка-2 достигала, в среднем, 1,10 м (рис. 6). Стратиграфия памятника отразила оба этапа его существования. Верхняя часть культурных напластований, мощностью до 0,50 м, состояла из слоев суглинка темного цвета с примесью золы, кусков печины и остатков развалов глиняных стен. Она образовалась в эпоху раннего средневековья. Ниже залегали светло- и сероглинистые слои, сформировавшиеся за время функционирования поселения в античный период. Культурный слой был нарушен современной распашкой, ямами, разведочными шурфами экспедиции И.Т.Кругликовой, исследовавшей это поселение в период с 1956 по 1963 гг. (Кругликова 1975:269, прим.170), а также современным оврагом, образовавшимся на месте древней балки.

В процессе разборки культурного слоя было найдено более трех тысяч находок, в основном обломков керамики. Большая часть фрагментов сосудов относится к IV в. до н.э., остальные к рубежу поздней античности и раннего средневековья, причем значительная доля последних была обнаружена в северной части раскопа. Основную часть находок из слоя составляли фрагменты амфорной тары Хиоса, Гераклеи, Синопы, Фасоса и Менды. Сравнительно реже встречались обломки херсонесских и колхидских амфор. На некоторых сосудах гераклейского производства обнаружены клейма второй и третьей хронологической группы (по И.И. Брашинскому: 1965:20 сл.). Керамическая тара позднего периода была представлена обломками раннесредневековых амфор с рифленным туловом, с одно- или двухреберчатыми и овальными ручками. Большая часть фрагментов черепицы принадлежала боспорским и синопским соленам, меньшая — калиптерам; на некоторых из них обнаружены клейма второй третьей четверти IV в. до н.э. (Гайдукевич 1935:260 сл.). Следующее место по численности среди находок из слоя занимает лепная керамика

ка. Она была представлена обломками горшков, мисок, банок, сковородок, реже жаровен. Большая часть горшков имеет отогнутый наружу край, иногда орнаментированный пальцевыми вдавлениями или зашипами. Остальные группы керамики были крайне малочисленными. Это, прежде всего, пифосы и лутерии, красноглиняная и сероглиняная, кухонная и столовая посуда, а также чернолаковая аттическая керамика. В составе последней встречались сосуды, украшенные штампованным орнаментом, характерным для второй четверти IV в. до н.э. (Sparkes, Talkott 1970: №559, 560, 1053 etc.).

Из всех раскрытых на поселении жилых и хозяйственных комплексов к первому, самому раннему периоду относились две землянки (рис. 7) — широко распространенный в Северном Причерноморье еще с эпохи бронзы тип жилища, углубленного в землю на весь рост человека или только его часть (Крыжицкий 1982: 12-14), и серия хозяйственных ям: 8, 9, 10, 11 и 12.

Землянка № 2 оказалась четырехугольной в плане постройкой, ориентированной главными планировочными осями по странам света. Она была углублена в землю на 2,30 м. Восточная, очевидно, меньшая часть строения разрушена береговой осыпью, поэтому размеры сохранившейся части землянки составили 6,50 x 5,50 м. Вероятно, в современную эпоху был поврежден юго-западный угол сооружения и местами нарушена верхняя часть его заполнения. Как было установлено, западный и южный борта котлована подверглись естественному разрушению еще в древности в процессе функционирования жилища. Тогда же, скорее всего, с целью их укрепления была возведена глинобитная стенка, шириной 0,50 м, опиравшаяся на каменный цоколь, высотой 0,80 м, сложенный в двухслойной однолицевой постелистой системе кладки. Его внешний фас состоял из больших хорошо отесанных камней, а внутренний — из мелкого каменного бута, замешанного на глине.

Стенки и пол землянки были покрыты глиняной обмазкой, которая неоднократно, как минимум пять раз, подновлялась. В результате этого мощность наслоений обмазок пола и прослойки бытового мусора между ними достигла 0,50 м. В полу были обнаружены три ямки, вероятно служившие для установки опор кровли, которая скорее всего была черепичной. На это указывает большое количество обломков черепицы, соленов и калиптеров, находившихся в землянке. В одной из этих ямок, глубиной 0,80 м, у самого ее дна, был найден камень конусовидной формы. Он, по-видимому, должен был предотвратить проседание одной из главных опор кровли, для которой, очевидно, и было

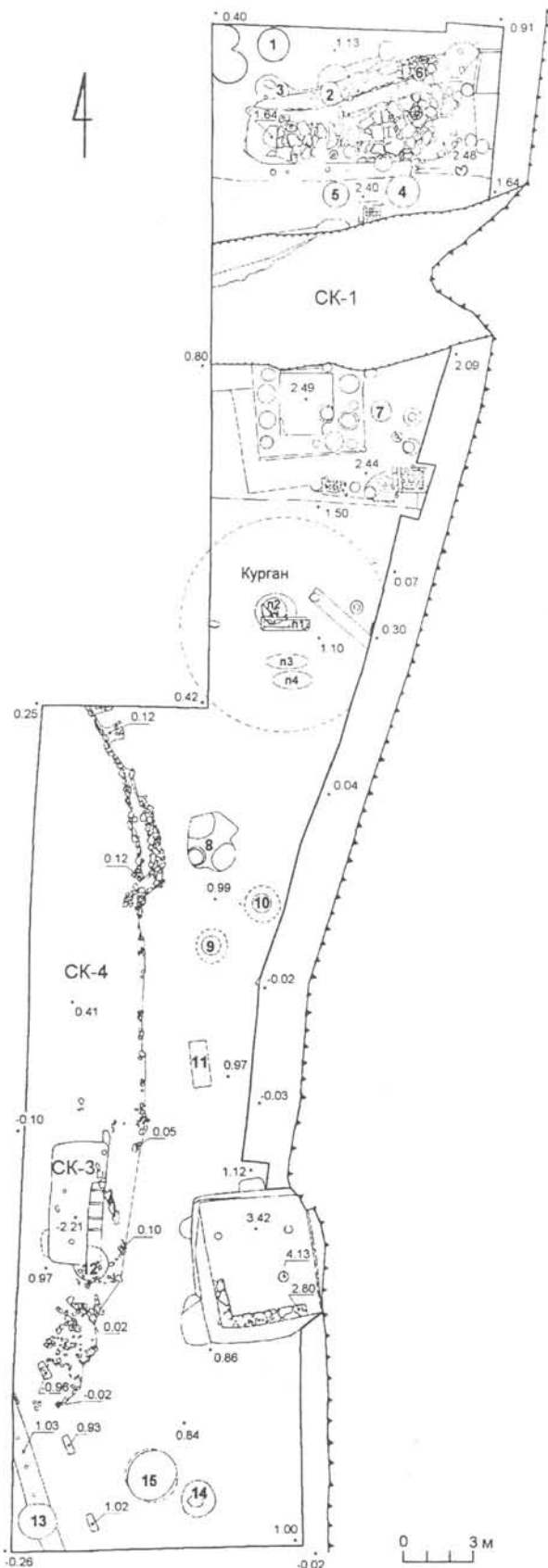

Рис. 5 Поселение Героевка-2: план раскопок 1992-1994 гг.

Fig. 5 Geroevka-2 settlement. The plan of 1992-94 excavations.

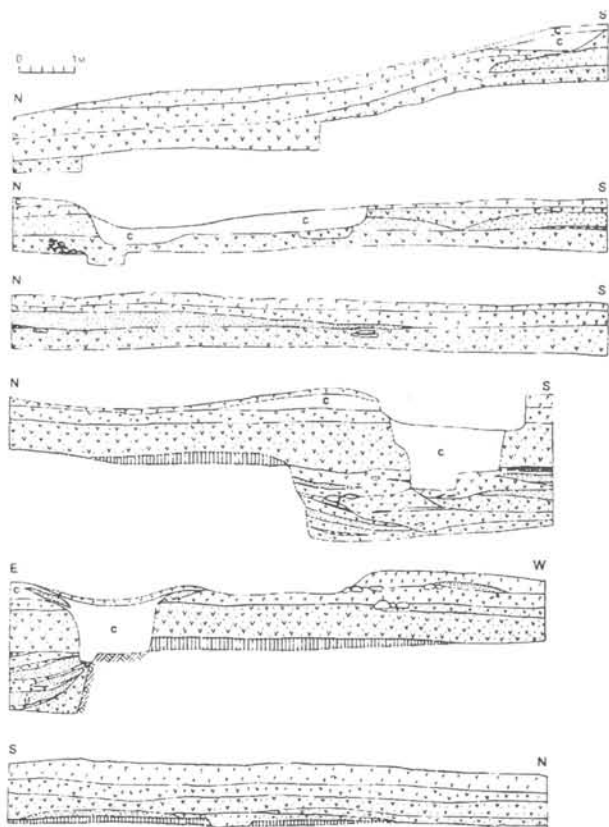

Рис. 6 Стратиграфия поселения Героевка-2.

Fig. 6 Cultural layers of the Geroevka-2 settlement.

предназначено это столь значительное углубление.

Вход в постройку, скорее всего, находился в ее северной части и был устроен за счет внутреннего пространства землянки. Однако, для удобства и безопасности людей, спускавшихся в жилище, первая верхняя ступень входа была вырезана в стенке котлована. Ширина входа могла достигать 1,0 м. Для обогрева жилища и приготовления пищи, по-видимому, применялись переносные жаровни и, возможно, очаги открытого типа. Последние могли быть сделаны из верхних частей амфор. Одна из них со следами обожженности на ее внутренней поверхности была найдена в землянке.

Заполнение котлована постройки состояло из чередующихся слоев глины, возможно, применявшихся в санитарно-гигиенических целях, и бытового мусора, состоявшего из большого количества золы, угольков, кусочков глиняной обмазки, фрагментов печины, костей животных и рыб и, конечно же, весьма многочисленных обломков керамической посуды. Судя по составу и характеру этих слоев, землянка не была засыпана в один прием, а, скорее всего, в течение ряда лет служила жителям поселения в качестве места свалки быто-

вого и хозяйственного мусора.

В землянке № 2 было найдено около десяти с половиной тысяч обломков керамики (рис. 8), из которых более 90% фрагментов приходилось на долю амфорной тары. Остальные обломки глиняной посуды принадлежали сосудам, как сделанным с помощью гончарного круга, так и вылепленным просто от руки. Обращает на себя внимание тот факт, что их соотношение, разумеется, без учета амфор, соответственно выглядит как 74% к 26%, причем в составе кухонной керамики лепным сосудам принадлежит около одной трети всех обломков. Как видно из приведенных соотношений, основную массу керамических находок составляли фрагменты амфор. В их составе, в свою очередь, преобладали сосуды хиосского и гераклейского производства. Большая часть тары Гераклеи Понтийской имела клейма, как было установлено, исключительно второй и третьей хронологических групп. За гераклейскими амфорами следовали, в порядке убывания удельного веса, сосуды Фасоса, Синопы, Византия, Херсонеса, Менды и, наконец, неизвестных центров. Многие амфоры были клейменными, на некоторых встречались буквенные обозначения, нанесенные красной краской. Остальная толстостенная керамика была представлена фрагментами пифосов и лутериев, частью синопского и боспорского производства. Мастерским последнего центра также принадлежала большая часть обломков черепицы.

В составе повседневной столовой посуды, используемой обитателями этого жилища, преобладали простые, лишены каких-либо украшений красноглиняные и сероглиняные кувшины, ойнохои, чаши, тарелки, рыбные блюда и светильники. Другую часть этой посуды составляли аттические чернолаковые сосуды: в основном килики, канфары и чаши, украшенные штампованным геометрическим орнаментом. Впрочем, также были найдены чернолаковые рыбные блюда, светильник, лекиф и всего лишь один обломок краснофигурного сосуда. В отличие от столовой, кухонная посуда состояла из лепных сковородок и горшков, нередко орнаментированных пальцевыми вдавлениями и защипами, а также сделанных на круге кастрюль с крышками. Остальные находки из землянки были настолько невыразительными, что среди них можно упомянуть, пожалуй, лишь обломок костяной обкладки рукоятки железного ножа и пряслице из необожженной глины.

После анализа всего комплекса находок из землянки № 2 стало очевидным, что период ее использования в качестве жилища не мог выходить за пределы второй и начала третьей четверти IV в. до н.э. Этот анализ также показал,

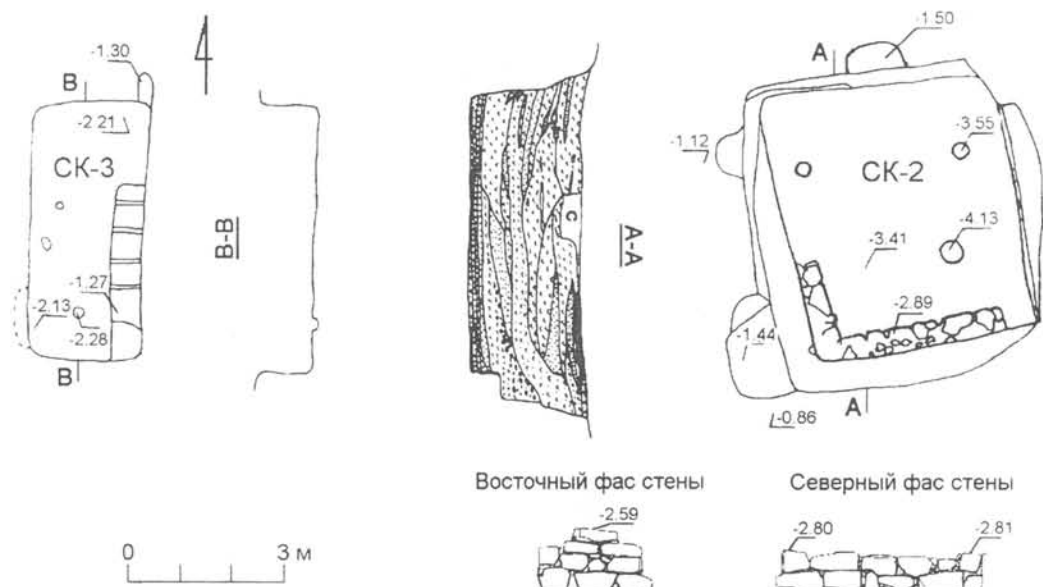

Рис. 7 Землянки на поселении Героевка-2.

Fig. 7 Dugouts at the Geroevka-2 settlement.

что накопление бытового мусора в котловане постройки после оставления ее жителями должно было прекратиться не позднее конца этого двадцатипятилетия.

По сравнению с вышеописанным жилищем, землянка № 3 занимала меньшую площадь, всего лишь 12,24 кв.м, и выглядела значительно проще (рис.7). Она также представляла собой постройку прямоугольной в плане формы, вытянутую по линии север-юг. Ее углубленность в землю в древности могла достигать 1,30 м. Вертикальные стенки землянки были покрыты глиняной обмазкой, как, впрочем, и ее пол, в котором обнаружены четыре неглубокие ямки, скорее всего от столбов, поддерживавших кровлю, которая могла быть черепичной. От входа в жилище, устроенного на одной из его продольных сторон, внутрь вела пятиступенчатая лестница, шириной 0,60 м, вырезанная в суглинке. Напротив нее, в противоположном западном борту котлована на небольшой высоте от пола была вырублена неглубокая ниша, шириной 1,2 м, скорее всего предназначенная для хранения хозяйственных припасов.

Находки из землянки № 3 по своему составу мало отличались от тех, что были обнаружены в землянке № 2. Главной их особенностью, безусловно, стали развалы, как минимум, двенадцати амфор, сброшенных внутрь котлована. Среди них были обнаружены шесть хиосских амфор, две гераклейских с клеймами второй хронологической группы (по классификации И.Б.Брашинского), одна фасосская, одна синопская с клеймом первой группы (по классификации Б.Н.Гракова), по одной амфоре типа Солоха I и II (Брашинский 1965:20 сл.; Граков

1929:102-155). Данный набор амфор можно с полной уверенностью датировать второй — началом третьей четверти IV в. до н.э. Не противоречил этой датировке и остальной комплекс керамических находок из землянки № 3. Наиболее показательными в этом отношении оказались фрагменты чернолаковой аттической посуды со штампованным орнаментом, а также красноглиняный и сероглиняный кувшины, характерные для первой половины IV в. до н.э. (Монахов, Рогов 1990:124, таб.3, 127; таб.9, 128). Для общей характеристики уклада хозяйства и образа жизни обитателей жилища определенный интерес, несомненно, представляют свинцовая гиря и терракотовая статуэтка Аттиса со следами раскраски (Силантьева 1974:21 табл.13,5).

Раскрытые на поселении пять хозяйственных ям этого же периода (на плане они обозначены номерами 8, 9, 10, 11 и 12) в основном относились к хорошо известному типу углублений грушевидной или колоколовидной формы с узким устьем и широким дном. Их объем мог достигать 9 куб.м. Ямы 9 и 10 первоначально, по-видимому, служили для хранения зерна. В дальнейшем они были использованы для сброса бытового мусора, который внутри ям чередовался со слоями глины — уже отмечавшееся выше требование древней санитарии, которому следовали жители поселения. Находки, сделанные в хозяйственных ямах, по своему составу почти не отличались от находок из землянок, разве что первые были более многочисленными и среди них попадались фрагменты керамики, относящиеся еще к последней четверти V в. до н.э.

Однако, как выяснилось, основным местом

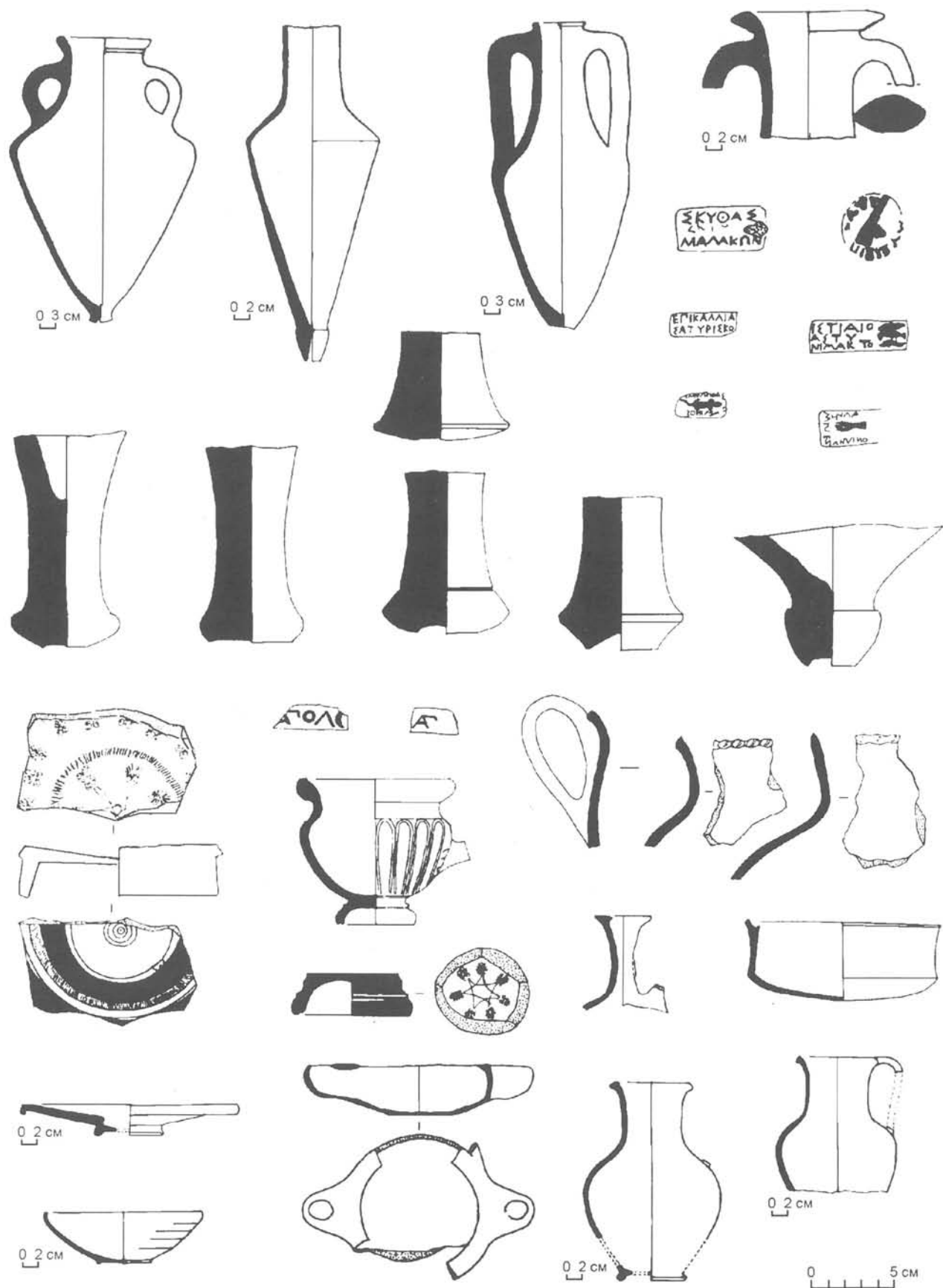

Рис. 8 Находки из землянок на поселении Героевка-2.

Fig. 8 Geroevka-2 settlement: finds from dugouts.

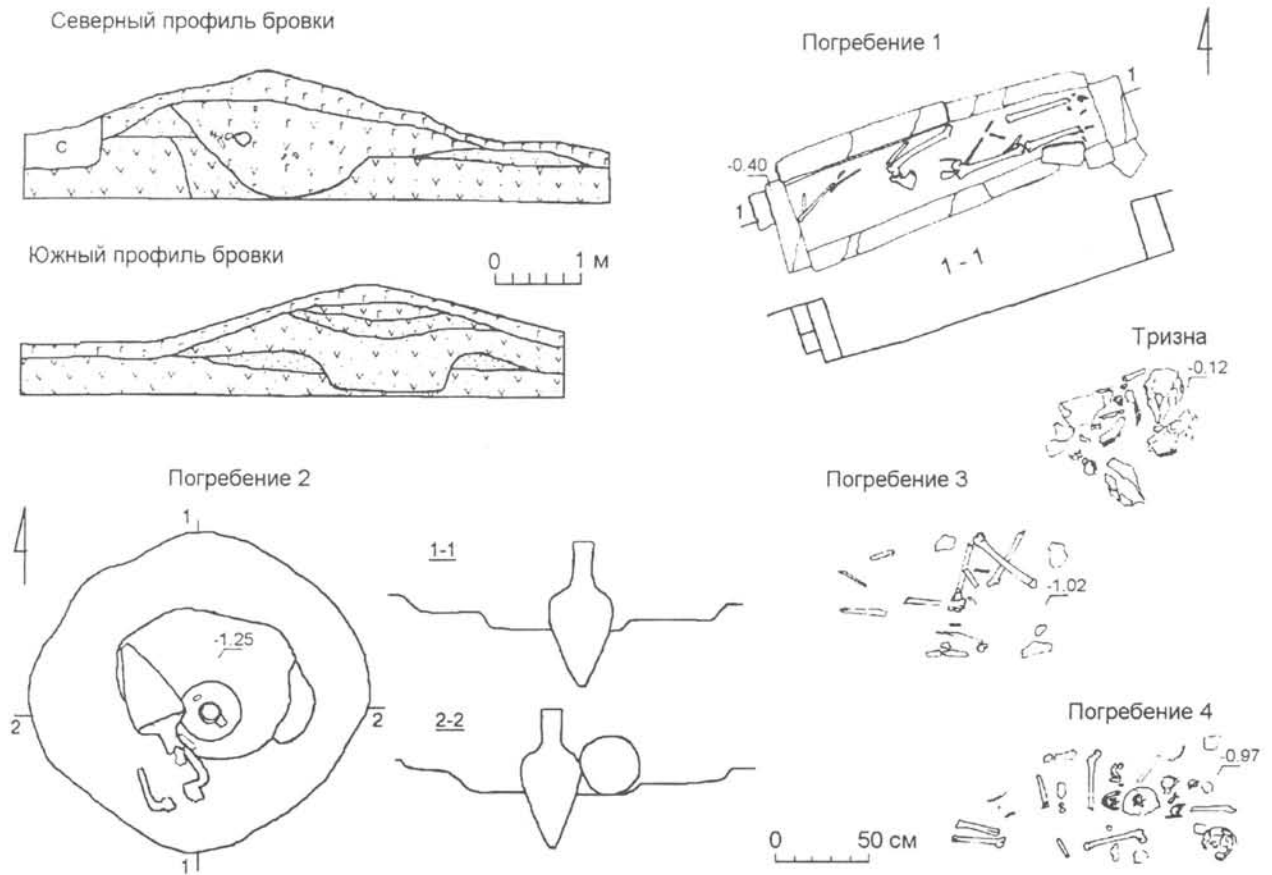

Рис. 9 Курган на поселении Героевка-2.

Fig. 9 The burial mound at the Geroevka-2 settlement.

свалки бытового и строительного мусора в этот период служила древняя балка, прорезавшая морской берег к северу от поселения (рис. 5). Ее глубина достигала 2,0 м, а наибольшая ширина 10 м. Склоны балки были покатыми. В составе керамических находок из балки доминировали фрагменты амфор Хиоса, Гераклеи (один из них с клеймом второй третьей четверти IV в. до н.э.), Синопы, Фасоса, Менды и Херсонеса. Некоторые из них могут быть датированы еще концом V в. до н.э. Весьма значительную группу находок составляли обломки черепицы синопского и боспорского производств. Столовая и кухонная посуда была представлена обломками открытых и закрытых сосудов, в основном чаш, тарелок, мисок, кувшинов, горшков и кастрюль. Здесь же был найден фрагмент каменного лутерия.

В ранний период жизни на поселении на участке между вышеописанной балкой и жилой зоной располагался погребальный курган, диаметром около 20 м, сохранившийся на высоту не более 1,0 м (рис. 9). В нем обнаружены четыре захоронения: три из которых были совершены в IV в. до н.э., а одно, с остатками тризны, уже в средние века. Основное погребение

в кургане было произведено по обряду кремации, совершенной на стороне, с последующим помещением праха в урну, которой в данном случае послужила хиосская амфора, врытая дном в землю. Еще одна такая же амфора, очевидно с вином, лежала рядом с первой. Поверхность земли вокруг амфор была засыпана пеплом. Судя по типу амфор, погребение не могло быть совершено позднее середины IV в. до н.э. Два других погребения были совершены несколько позднее. Они сохранились очень плохо. Судя по остаткам костей, можно предположить, что оба погребенных лежали в скорченной позе головой на восток, причем один из них, по всей вероятности, умер еще подростком.

Анализируя особенности материальной культуры поселения Героевка-2 в античную эпоху, можно заметить, что, во-первых, его земляночная застройка по своим принципам была совершенно нетипична для античного домостроительства; во-вторых, удельный вес посуды, сделанной без помощи гончарного круга, почти на порядок выше того, который обычно бывает в древнегреческих населенных пунктах этого же времени; в-третьих, отмеченный выше

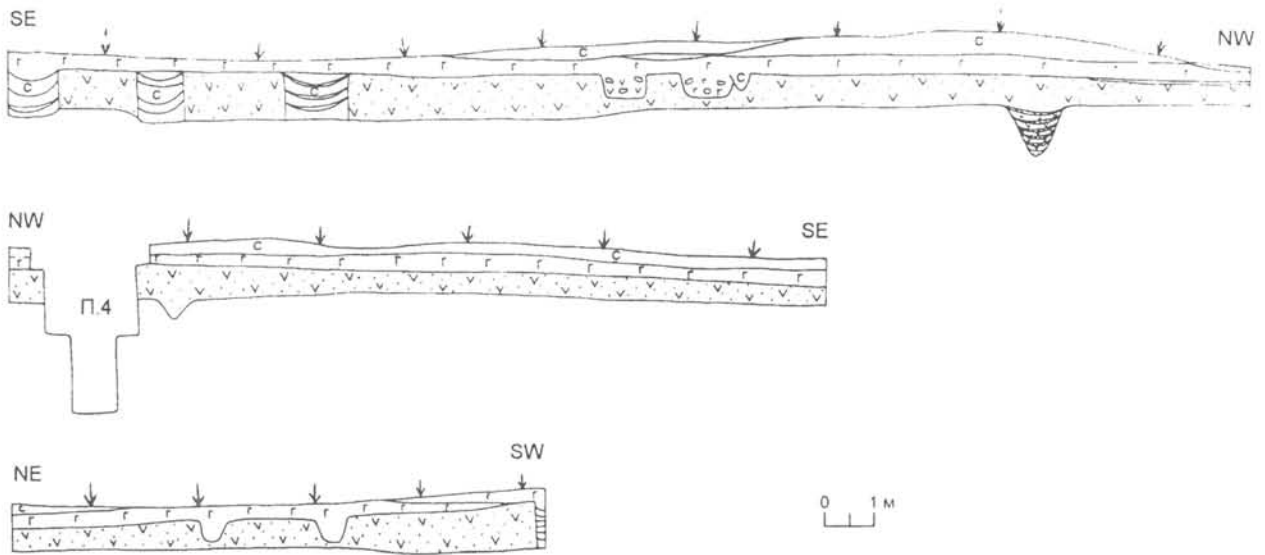

Рис. 10 Стратиграфия некрополя Нимфея.

Fig. 10 Cultural layers of Nymphaeum necropolis.

погребальный обряд в основном нельзя назвать характерным для эллинской погребальной практики позднеклассической эпохи. Все эти особенности, как нам представляется, в значительной мере отражают принципиально иной образ сельской жизни, во многих отношениях отличавшейся от той, которой жила гражданская община Нимфейского полиса и примеры которой можно найти всего лишь в 2 км от данного населенного пункта — на соседнем сельском поселении Героевка-1.

Традиции туземной культуры, столь отчетливо заметные в археологических материалах Героевки-2, разумеется, не были чем-то необычным для этого, как, впрочем, и других прибрежных районов Северного Причерноморья. Физическое присутствие в этих местностях носителей таких традиций, как считают, было обусловлено не только традиционным расселением варварских племен на этой территории, но не в последнюю очередь культурными и экономическими процессами, протекавшими в контактных зонах расположенных здесь греческих полисов (Марченко 1991:27-29). Одной из таких контактных зон, как известно, была сельская округа Нимфея.

Поселение Героевка-2 было оставлено жителями в начале последней четверти IV в. до н.э. Последовавший за этим период длительного запустения был прерван лишь в самом конце античной эпохи, по всей видимости, где-то на рубеже IV – V вв. н.э. К этому времени никаких следов предшествующего поселения здесь, разумеется, уже не было заметно. Однако, как было установлено, тогда еще сохранились древние курган и балка, лишь частично заполнен-

ная мусором IV в. до н.э. На склонах этой балки пришедшие сюда люди построили сельскохозяйственную усадьбу, общей площадью около 400 кв.м, ориентированную главными планировочными осями строго по странам света (рис. 5). Усадьба (строительный комплекс № 1), вероятно, имела форму квадрата, сторона которого достигала 20 м. Впоследствии восточная часть строения была разрушена береговой абразией.

Жилые помещения усадьбы, шириной 5,0 м, были врезаны в северный склон балки, хозяйственные, шириной 5,70 м, в южный. Таким образом, их углубленность в землю достигала 1,0 м. Жилые комнаты имели глинобитные, а местами сложенные из сырцовых кирпичей стены, толщина которых достигала 1,0 м. Внутренний фас северной стены был облицован поставленными на ребро каменными плитами. Такая конструкция стен позволяет допускать устройство второго этажа над северной группой помещений. Пол комнат первого этажа был вымощен каменными плитами, между которыми были вмонтированы три каменные базы для опор перекрытия и оставлены ямки для установки внутренних перегородок. В северной стене помещений были сделаны три ниши, перед двумя из них находились хозяйственные ямы. Кроме того, в полу были вырыты ямки для установки деревянной мебели. В одной из комнат располагался каменный алтарь.

Заполнение этих помещений состояло из остатков сгоревших перекрытий и развалов стен. В нем были найдены большие куски глиняной обмазки печей (фрагменты их сводов,

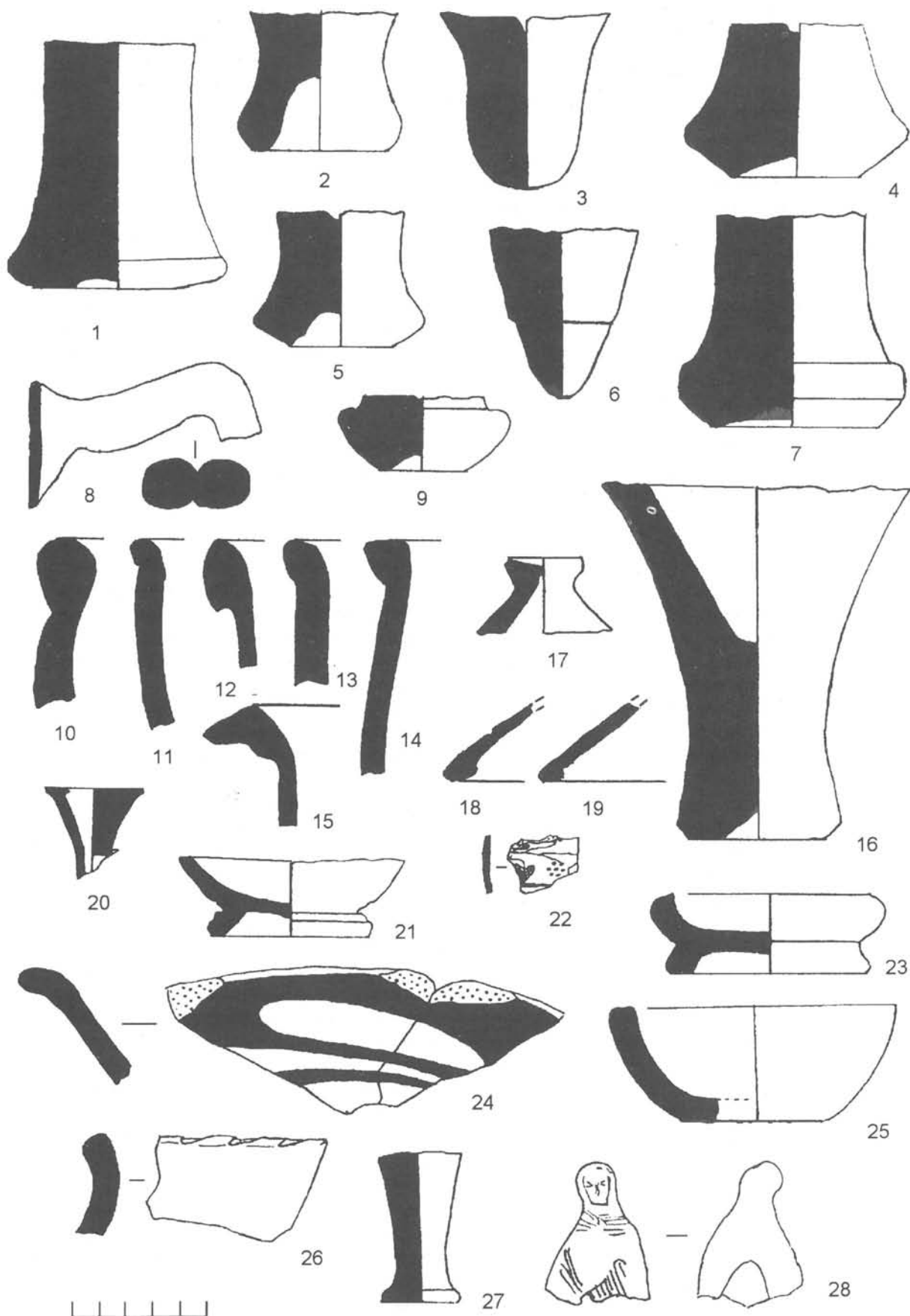

Рис. 11 Находки из культурного слоя некрополя Нимфея.

Fig. 11 Finds from cultural layers of Nymphaeum necropolis.

устьев и подов), рухнувших вместе с кровлей и перекрытиями второго этажа в момент гибели усадьбы в сильном пожаре (Соловьев 1993:6).

Южная группа помещений очевидно служила для производственно-хозяйственных нужд. Здесь была открыта большая печь для просушки зерна и зернохранилище. На полу и в вырытых в нем хозяйственных ямах найдены части нескольких каменных ручных мельниц. Хозяйственные помещения, скорее всего, были одноэтажными и, по-видимому, представляли собой крытую галерею, открывавшуюся во внутренний двор, который занимал центральную часть усадьбы и был устроен в основании древней балки. Грунт, вынутый из ее склонов при рытье котлованов под жилые и хозяйственные помещения, был насыпан поверх мусорной свалки 4 в. до н.э. и плотно утрамбован. Во дворе находились печи, очаги и хозяйственные ямы, верхняя часть которых, до уровня материкового суглинка, была укреплена камнями.

Рядом с усадьбой было расположено строение, вероятно, хозяйственного назначения. Скорее всего, это был загон для скота, возможно, имевший форму круга или овала. Местами сохранился лишь каменный цоколь его ограды, шириной 0,60 м, который был раскрыт на длину чуть более 30 м. Он был сложен по иррегулярной системе кладки: его внутренний фас состоял из поставленных на ребро каменных плит, внешний — из мелких каменных плиток. Кладка была очень небрежной, без соблюдения рядности, без предварительной подборки и отески строительного материала. Очевидно, вследствие этого сохранность цоколя оказалась очень плохой. Верхняя часть ограды, скорее всего, могла быть сделана из глины.

При раскопках усадьбы и части загона обнаружено много находок, большая часть которых относилась к эпохе раннего средневековья. В их составе преобладали фрагменты амфор V—VII вв. н.э. Остальные керамические находки были представлены в основном обломками лепной (горшки, миски и сковородки) и кухонной (горшки и кастрюли) посуды. Здесь же были найдены каменный шар для пращи, глиняные пряслица, византийский фоллис VI—VII вв. н.э. (по определению А.М.Гилевич) и две бронзовые пряжки того же времени. Учитывая все эти обстоятельства, с полным основанием можно утверждать, что усадьба прекратила свое существование не позднее середины VII в. н.э.

К этой же эпохе относилось последнее, четвертое, захоронение в кургане. Оно было совершено в могильной яме, размерами 2,0 x 0,70 м, стенки которой по периметру были облицованы хорошо обработанными каменными плитами (рис. 9). Уничтоженное современной распашкой перекрытие могилы, оче-

видно, также состояло из каменных плит. По всей видимости, сразу после этого погребение было ограблено. *In situ* сохранились лишь большие кости нижних конечностей, указывающие на то, что погребенный лежал на спине головой на запад. Рядом с могилой обнаружены остатки тризны: два черепа лошади и пять черепов коров (по определению А.К.Каспарова), очевидно, символизировавших собой число жертвенных животных, забитых для поминальных обрядов.

Как выяснилось, усадьба была покинута жителями с некоторой поспешностью и погибла в результате сильного пожара. Ее гибель скорее всего связана с очередным опустошительным набегом кочевников, в то смутное время неоднократно подвергавших смертельной опасности сельское население Восточного Крыма (Амброз 1992:85–87). Многочисленные населенные пункты этого периода, располагавшиеся вдоль морского побережья и неподалеку от поселения Героевка-2, были оставлены их жителями в это же время. Ни один из этих памятников до сих пор не подвергался полномасштабным раскопкам. В свою очередь археологические материалы, полученные в ходе исследований на поселении Героевка-2, стали в некотором роде уникальными для рассматриваемого района.

В 1995 году после длительного перерыва Государственный Эрмитаж возобновил археологические раскопки некрополя Нимфея (рис. 2). Они проводились на участке, площадью около 300 кв.м, расположенном на северо-западной части некрополя, и стали непосредственным продолжением работ, начатых Н.Л.Грач в 1976–1978 гг. (Грач 1989:62–67).

Мощность культурных напластований на участке не превышала 1,4 м. Их стратиграфия выглядела следующим образом (рис. 10). На самом верху залегал хронологически неоднородный слой гумусированного суглинка, образовавшийся в результате современной хозяйственной деятельности и разновременных грабительских перекопов. Его мощность достигала 0,4 м. Под ним залегал гумусный слой, мощностью 0,35 м. Ниже лежал достаточно однородный в морфологическом отношении слой сероглинистого грунта, образовавшийся в процессе функционирования некрополя. Все это подстилал однородный пласт материкового суглинка, мощностью до 0,70 м, покрывавший скальное основание, состоявшее из слоев известняка и местами поднимавшееся до уровня древней дневной поверхности.

В хронологическом отношении вещественные находки из культурного слоя некрополя могут быть поделены на две группы, из которых одна — численно большая — относилась к

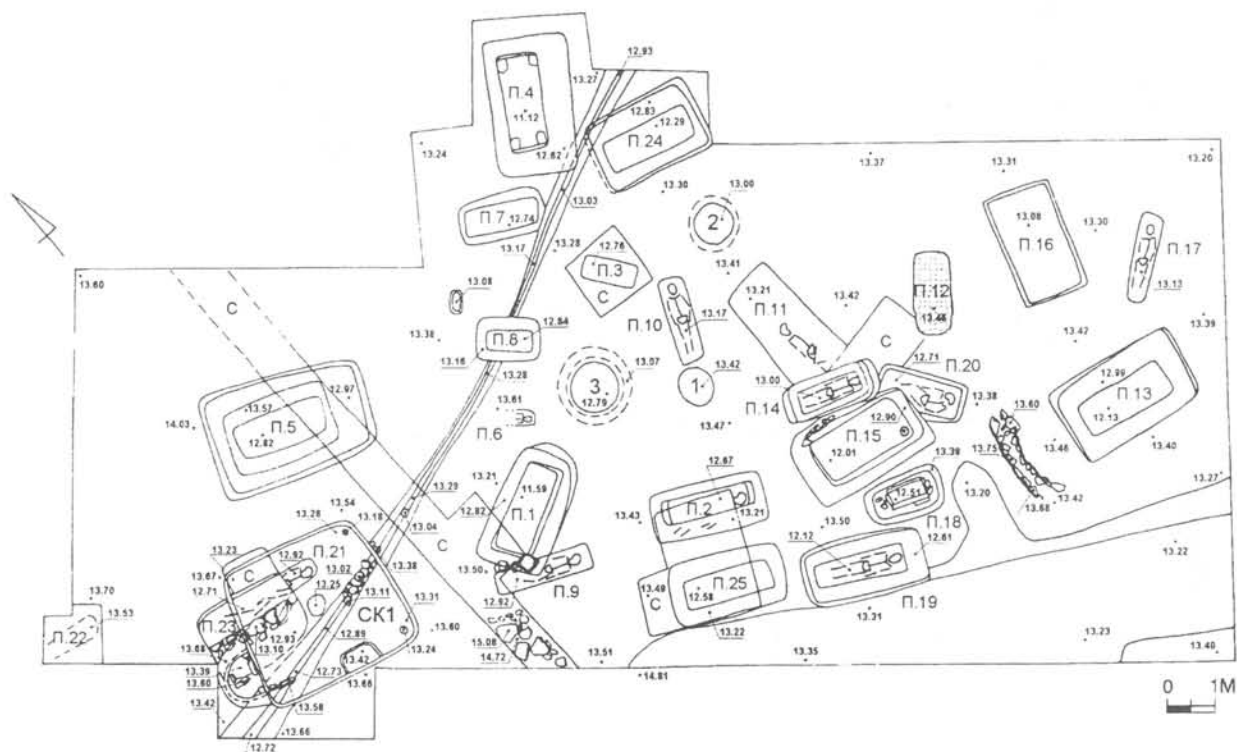

Рис. 12 Некрополь Нимфея: план раскопок 1995г.

Fig. 12 Necropolis of Nymphaeum: plan of 1995 excavations.

античному времени (рис. 11), а другая — к эпохе раннего средневековья.

В составе многочисленных вещественных находок античного периода преобладали фрагменты амфорной тары. На их долю приходилось до 65% всех обломков керамики. Основной массив амфорной тары составляли сосуды, сделанные на Хиосе и Фасосе, в Гераклее и Синопе. Реже встречались амфоры Менды, Херсонеса, Книда, Коса и других неизвестных центров Средиземноморья.

Среди находок столовой посуды из слоя, на которые приходилось до 30,9% всех керамических изделий, преобладали обломки простой красно- и сероглиняной, а также черно- и краснолаковой посуды. Редко встречавшиеся фрагменты расписной керамики были в основном аттического производства. Среди других категорий находок особого внимания могут заслуживать, пожалуй, лишь обломки терракот исключительно местного производства. Безусловно, здесь же в Нимфее или его окрестностях изготавливалась и кухонная лепная посуда, также представленная в материалах некрополя. На долю последней приходилось до 4,1% всех находок из слоя.

В ходе раскопок 1995 года было обнаружено 25 погребений (рис. 12), из которых более половины уже раскапывались прежде. Наблюдения показали, что опустошение большей части этих могил произошло в основном в прошлом

веке. В хронологическом отношении все захоронения делились на четыре группы.

К V — первой половине IV вв. до н.э., по-видимому, относились пять погребений. Четыре из них были совершены по обряду ингумации в небольших и неглубоких могильных ямах подпрямоугольной или овальной формы, вытянутых в меридиональном направлении. Погребенные лежали вытянуто на спине, в основном головой на север. Лишь один из них был положен головой на юго-юго-восток. Среди остальных его положение также отличалось скорченностью, правда, в весьма незначительной степени. Одно погребение совершено по обряду кремации, следы которой сохранились в виде обожженной площадки подчетыреугольной формы, засыпанной кальцинированными человеческими костями.

Все погребения этой группы неграбленные. Между тем они характеризуются весьма скромным набором погребального инвентаря, в составе которого преобладали небольшие керамические сосуды типа кувшинчиков, лекифов и чаш. Наряду с этим, были найдены цилиндрическое свинцовое пряслице и бронзовый перстень с рельефным рисунком на щитке.

С этой же группой погребений, очевидно, была связана обнаруженная в перекопанном грабителями верхнем слое некрополя расколотая на две части известняковая прямоугольная плита с треугольным завершением, в древности

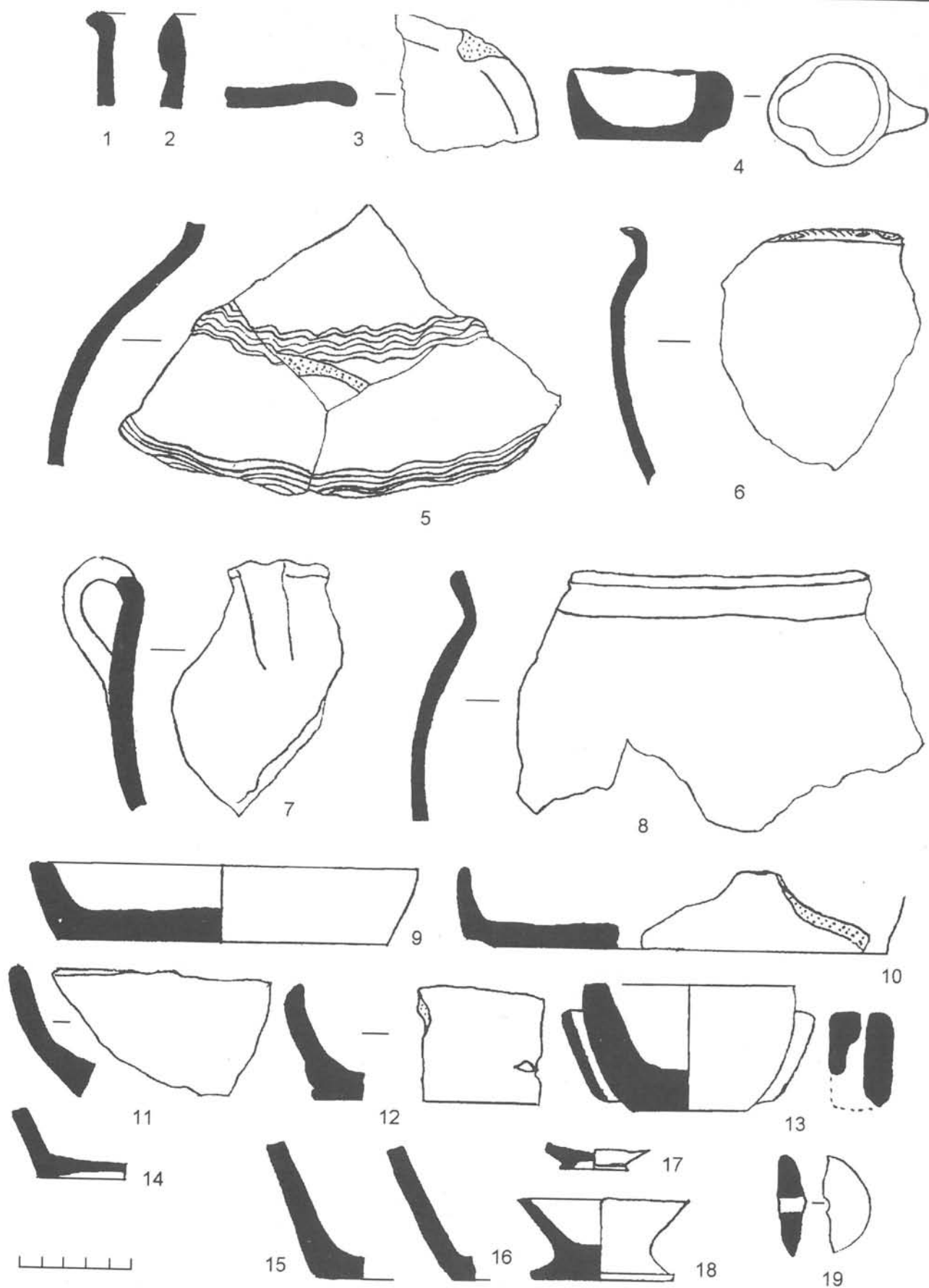

Рис. 13 Находки из землянки I на некрополе Нимфея.

Fig. 13 Finds from the dugout I at the necropolis of Nymphaeum.

служившая надгробной стелой. Две трети ее поверхности тщательно обработаны. На лицевой стороне надгробия выбита двухстрочная надпись, которая еще в древности была сбита: от нее осталось лишь несколько букв. Буквы были нанесены без разметки, глубоко, неровно и без соблюдения единого размера, а затем окрашены красной краской, местами хорошо сохранившейся и впитавшейся в поры известняка.

Первую строку надписи можно дополнить как [Ti]qw[no]V (Dornseiff, Hansen 1957:276), причем Q изображено в виде O, а от T остались едва заметные концы горизонтальной и вертикальной гас. Во второй строке возможны следующие дополнения: S[wt]ai[r]o или S[ef]ai[r]o (Dornseiff, Hansen 1957:281). Окончание родительного падежа единственного числа с основой на -o (2-е склонение) на Боспоре иногда передавалось как -o, а не -ou (КБН, 801)*. Отсутствие четких строк, форма W и S позволяет предположить, что надпись была вырезана еще в V в. до н.э. (Болтунова, Книпович 1962:7-8, табл.1).

Семь погребений следующей группы могил относились ко второй половине IV — первой половине III вв. до н.э. По типу погребального обряда все они оказались ингумацией в прямоугольных ямах, вытянутых в широтном направлении. Пять могильных ям имели заплечики, на которые опиралось перекрытие могил, сложенное из больших каменных плит или из деревянных плах; в одной из могил внутри был устроен сырцовый "склеп", перекрытый большими каменными плитами; стенки и перекрытие могильной ямы другого погребения были сложены из сырцовых кирпичей.

Лишь одно из этих погребений оказалось неграбленным. Обнаруженный в нем скелет человека лежал вытянуто на спине головой на восток. Возле его нижней челюсти найдена медная пантикапейская мелкая монета начала III в. до н.э. (по определению А.М.Гилевич), очевидно, выполнявшая роль "обола Харона". В остальных погребениях были обнаружены случайно сохранившиеся после ограбления предметы: красноглиняный кувшин с надписью CAIR[E] на горле и аттический чернолаковый канфар, фрагментированные аттический сетчатый лекиф, светлоглиняный кувшинчик с пиктограммой, нанесенной красной краской, бронзовый стригиль и бронзовые наконечники стрел.

К эпохе позднего эллинизма, вероятно, относились три погребения, совершенные по обряду ингумации в прямоугольных могильных ямах больших размеров и глубины, на уровне

скалы имевших заплечики, на которые опиралось перекрытие из массивных каменных плит. Все эти погребальные комплексы были ориентированы по линии северо-восток — юго-запад. Судя по расположению и форме углублений, прослеженных в дне могильной ямы одного из погребений, в этих могилах могли быть установлены деревянные саркофаги, однако, ограбления, которым они подвергались, быть может, даже неоднократно, не оставили никаких других следов этих конструкций, как, впрочем, и погребального инвентаря.

В конце этого периода данный участок некрополя был поделен, как минимум, на две части. Основание делившей их стены было заглублено в материковый суглинок. Сохранившаяся на этом месте канава, достигавшая в верхней части ширины 0,90 м, имела треугольное сечение и редко расположенные ямки, диаметром до 0,20 м, иногда с забутовкой из камней. В качестве последних, как выяснилось, также были использованы обломки антропоморфных надгробий, один из которых оказался фрагментом женской скульптуры — ее головой, изваянной с большим искусством из местного известняка (Круглов 1996:41-42).

Последние семь погребений относились уже к первым векам нашей эры. Все они были совершены по обряду ингумации главным образом в небольших по размерам и неглубоких ямах четырехугольной или овальной в плане формы, вытянутых преимущественно в широтном направлении. Большинство из них имели заплечики для укладки перекрытия — каменного или деревянного. Среди них по своей конструкции выделялись лишь два погребения. Одно из них имело каменную — плитовую — облицовку бортов могильной ямы, другое — оказалось могилой с боковым подбоем и каменным закладом, устроенными вдоль северной стороны входной ямы. Погребенные лежали вытянуто на спине головой на восток или юго-восток.

Среди всех этих погребений только четыре были неграбленными, из которых два — безынвентарными. Кроме того, одно оказалось захоронением ребенка, при котором были найдены ожерелье из пастовых бус и стеклянный бальзамарий. В другой могиле на правой руке захороненного в ней мужчины обнаружена связка пастовых рубчатых бус, а возле левого запястья лежал большой железный нож в кожаных ножнах. Судя по остаткам тлена, прослеженного на костях погребенного, по всей видимости, он был похоронен в одежде, сшитой из кожи, на его руки были одеты кожаные

* Для V в. до н.э. см.: КБН 152, 916, 993, 1102, 1104.

перчатки, а на ноги — мягкие войлочные сапоги. Возле его нижней челюсти найдены два плоских железных кружка, возможно, имитировавших традиционный "обол Харона".

В конце античного периода или в самом начале эпохи средневековья территория, прежде занятая некрополем, стала заселяться людьми, очевидно представителями туземного мира Северного Причерноморья. К этому времени относятся землянка и серия хозяйственных ям, расположившиеся на том же самом участке, что и рассмотренные выше античные погребальные комплексы (рис.12).

Землянка 1 в плане имела форму квадрата со стороной 3 м. Ее глубина очевидно могла достигать 1,5 м от уровня древней дневной поверхности. Углы у котлована были прямыми, борта — вертикальными. Юго-западный угол постройки занимала вырезанная в борту печь, вероятно имевшая двухчастную по вертикали конструкцию, поскольку ее глинобитный под опирался на поставленные на ребро каменные плитки. Внутри печь также была глинобитной. Толщина слоя глины при этом достигала 0,45 м. Глинобитным же был и пол самой постройки, в центре которого была вкопана четырехугольная плита, служившая базой для центральной опоры кровли. Вход в жилище, скорее всего, устроенный за счет внутреннего пространства помещения, вероятно находился на юге, где возле борта котлована из материкового суглинка было вырезано четырехугольное возвышение с сильно оплывшими краями, очевидно служившее основанием деревянной лестницы.

С запада к землянке примыкала вымостка из мелких камней, а с востока — хозяйственная территория с ямами для хранения продуктов

питания. Ямы по мере своего разрушения также использовались в качестве мест для свалки золы и домашнего мусора. Хозяйственные сооружения имели коническую или цилиндрическую форму. Глубина ям, очевидно, не превышала 1,8 м.

В заполнении землянки и хозяйственных ям было найдено большое количество находок (рис.13), среди которых численно преобладали фрагменты весьма разнообразных лепных сосудов (68% всех находок): светильников, горшков, сковородок и мисок. На долю амфорной тары и керамики, сделанной при помощи гончарного круга, приходилось по 11% и 21% керамических обломков, соответственно. Наряду с этим, в землянке и ямах также были найдены лепные глиняные пряслица, обломок каменной зернотерки, фрагментированный каменный сосуд и переносная жаровня, сделанная из дна большой красноглиняной амфоры того же времени. Датировка этих материалов, по всей видимости, не выходит за пределы IV—VI вв. н.э.

Завершая краткий обзор результатов последних исследований в окрестностях Нимфея, хотелось бы заметить, что Керченской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа всего за четыре года работ собрано большое количество действительно новых данных о различных сторонах и периодах жизни населения этого полиса. Как нам представляется, уже сейчас они демонстрируют достаточно сложную и во многом пока еще неясную структуру внутренних связей системы "город-хора". Отсюда, безусловно, становятся очевидными главные перспективы наших последующих исследований. Они, вне всякого сомнения, состоят в комплексном изучении сельской территории Нимфея и его погребальных памятников.

Амброс, А.К. 1992. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник 1: 6-108. Москва.

Болтунова, А.И., Т.Н. Кишочев. 1962. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // Нумизматика и эпиграфика 3: 3-31. Москва.

Браишеский, И.Б. 1965. Керамические клейма Гераклеи Понтийской // Нумизматика и эпиграфика 5: 10-30. Москва.

Виноградов, Ю.А. 1993. К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // Античный мир и археология 9: 79-96. Саратов.

Гайдукевич, В.Ф. 1935. Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы // Известия Государственной академии империи материальной культуры 104: 211-315.

1940. Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937-39 гг. // Вестник древней истории 34: 314-317. Москва.

Горончаровский, В.А. 1991. Новые данные для изучения Боспорской хоры в VIII вв. до н.э. // Древнее Причерноморье: 23-24. Одесса.

1993. О полевых исследованиях Иллуратского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН // Археологічні дослідження в Україні 1991 року: 22-23. Луцк.

Греч, Н.Л. 1989. Нимфейская археологическая экспедиция (основные итоги исследований за 1973-1987 гг.) // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа: 61-79. Ленинград.

Зишко, В.Н., С.Л. Соловьев. 1994. Раскопки на поселении Героевка-2 в 1992 году // Боспорский сборник 4: 159-163. Москва.

Кирилин, Д.С. 1968. Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья: 178-188. Ленинград: Наука.

Кругликова, И.Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. Москва: Наука.

Крузлов, А.В. 1996. Заметки о местной скульптуре Северного Причерноморья в эллинистическую эпоху // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. Тезисы докладов: 41-43. Санкт-Петербург.

Крыжиский, С.Д. 1982. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка.

Люценко, А.С., Н.П. Кондаков. 1876. Архив ИИМК РАН. Фонд I, дело 20.

Марченко, К.К. 1991. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья VIII вв. до н.э. (проблемы, контакты, взаимодействия): Автореф. дис. ... док. ист. наук. Ленинград

- Соловьев, С.Л. 1993. Раскопки на хоре Нимфея в 1992 году // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа. Тезисы докладов: 5-6. Санкт-Петербург.
- Соловьев, С.Л., Е. В. Власова, А. М. Бутягин. 1995. Раскопки на хоре Нимфея в 1994 году. Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа. Тезисы докладов: 13-14. Санкт-Петербург.

- Dornseiff, F., B.Hansen. 1957. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eingennamen. Berlin.
- Solovyov, S.L., V.N.Zin'ko. 1995. Research on the *chora* of Nymphaion. Study problems // *Archeologia* 45: 73-78. Warsaw.
- Sparkes, B.A., L.Talkott. 1970. The Black and Plain pottery of 6th, 5th and 4th centuries BC // *The Athenian Agora* 12. Princeton.
- Wasowicz, A. 1995. Nymphaion project // *Archeologia* 45: 69-72. Warsaw.

NEW RESEARCH OF CHORA AND NECROPOLIS OF NYMPHAEUM: 1992-1995

The article is devoted to recent research of Nymphaeum - the Ionian colony, which was located on the western coast of the Kerch Strait, 17 kilometres south-west of Panticapaeum, the capital of the Bosphorus state. The archaeological study of Nymphaeum has been going on for more than 100 years. However, according to a longheld tradition in classical archaeology, excavations of the Nymphaeum city centre have far surpassed in scale and volume any information gathered about its outlying areas.

Since 1992, the study of the outlying sites of the Nymphaeum city-centre has included the recently created Archaeological mission of the State Hermitage Museum. The basic goals of the mission was projected the archaeological map of the region, the boundaries and the spatial organisation of the outlying areas, typology of the population centres on the *chora*, studying the culture of the rural population. From the last year the research of Nymphaeum necropolis has become one of the topics of the project.

First steps toward successfully realising the project have already been taken. Large sections of the outlying areas along the lakes' coast and two ancient riverbeds, which extended toward each other, have been subjected to thorough examination during two years of archaeological study. In antiquity these riverbed channels possibly served as a single western boundary for the inner Nymphaeum *chora*.

In the ancient period two rather large population centres were located at the mouths of these river-bed channels. They probably controlled distinct regions of the western outlying areas of Nymphaeum. In the south-western sector of the *chora* such a role was apparently played by the settlement Ogon'ki I, about which we unfortunately know very little. Then, alongside the settlement was discovered the burial mounds "Three Brothers", which is widely known among scholars owing to its rich and unique finds.

We know far less about the other site, which was

located in the north-western part of the inner *chora* of Nymphaeum. The first and only mention of this site was by N.P. Kondakov in a report on excavations carried out near Nymphaeum in 1876. The large size of this settlement, and the numerous traces of ancient activity found there, led the researcher to the erroneous conclusion that the site represented the remains of ancient Tiritake. After years of oblivion, this major population point of ancient times (which was located on both sides of the old channel) was recently revealed and examined anew. The site also received the codename Churubash I. Probably this site played a vital role in the north-western frontier of the Nymphaeum citystate.

The largest group of rural settlements of Nymphaeum was found to the south of the ancient city itself, and was situated virtually on the seacoast or very close to it.

The Geroevka-2 site was the one of these settlements excavated by The Hermitage Archaeological mission during three years (1992-94). More than 600 sq.m of the ancient settlement were opened up. Excavations showed that permanent settlement of the area occurred not only during the Classical period, but continued until the early Middle Ages. Well-represented materials of both periods were living and household buildings, several burial complexes and numerous material finds as well. It is worth noting that discovering of such diverse archaeological materials, which reflect virtually all forms of everyday life, is a very rare event in the study of Northern Pontic Sea rural settlements.

Of all the living and domestic complexes discovered at the site, five storage pits and two dugouts dated from earliest period. In the early period of life in the settlement, a burial mound was situated on the section between the riverbed and the living zone.

Peculiarities of topography and purpose of uncovered objects allow to suggest the following reasons concerning character of the investigated part of the site. Firstly, that it was the separate estate,

belonging, probably, to one large family and consisting of one dwelling and domestic structures - storehouses and storage pits for storing grain. The inhabited zone, apparently, was separated by a fence from arable lands. In case of sudden danger the vacant part of protected territory of a settlement became probable by a place for the home cattle. Moreover, nearby located allied graves were under constant looking after and protection from desecrating.

Analysing the particular features of the material culture of the settlement, it should be noted first that its principles were completely atypical of ancient Greek way of life. Second, the specific weight of hand-made pottery is almost a whole order higher than that ordinarily found in ancient Greek sites of the time. Third, on the whole the burial rites cannot be called characteristic of Hellenic burial practices of the Late Classical epoch. The presence of bearers of such traditions was conditional on the dispersion of natives within that area.

The settlement Geroevka-2 was abandoned at the beginning of the last quarter of the 4th century BC. The long, subsequent abandonment of the settlement was apparently interrupted only around the turn of the 4th-5th centuries AD. On the slopes of the river-bed, people who came here built a farmstead. The farmstead probably had a square form, the sides of which measured 20 m. The living rooms of the farmstead were cut into the northern slope of the streambed, and the domestic areas were cut into the southern slope. The wall construction allows us to assume that a second floor was built over the northern set of rooms. Alongside this farmstead there most likely was a pen for livestock. Many finds have been revealed during the excavating of this

building and parts of the pen. Most of these finds date from the early Middle Ages, and are fragments of amphorae of the 4th-6th centuries AD.

Since 1995 the Hermitage archaeological mission after twenty-years interruption renewed excavations on Nymphaeum's necropolis. It occupied a large area around 16 sq.km. During two years of our excavations on the area about 600 sq.m forty-two graves were discovered. More than half of them were already plundered. Burials date to the second half of the 6th century BC - first centuries AD. In the same time burial mounds were constructed on the necropolis. Their earthen embankments were strengthened by stone kerbs.

Most of burials were inhumations in pits of a different design and dimension. Only two graves for its type were cremation. Most bodies were laid supine with a head to the North or the East. Only some of them were flexed and were oriented otherwise.

Average age of buried people was from 30 to 50 years old, and three skeletons belonged to the children 11-12 years old. Both sexes were represented virtually in an equal measure. In the attitude of chronology the graves were divided on five groups.

In the beginning of Medieval epoch the territory, before engaged by necropolis, has become resettled by the people. They obviously were the representatives of the natives in the Northern Black Sea region. On the necropolis the dug-out dwelling and series of storage pits concerned to that time. In its filling a plenty of finds was discovered, among which fragments of hand-made vessels numerically prevailed. Dating these materials does not fall outside the limits of the 4th - 6th centuries BC.

ДВЕ ДРЕВНЕРУССКИЕ ВИСЛЫЕ ПЕЧАТИ НАЧАЛА XI В.

В.Л.ЯНИН*

Возникновение древнерусской буллы (а, следовательно, и акта) как массового явления относится к середине XI в. — времени княжения сыновей Ярослава Мудрого. Это обстоятельство достаточно наглядно демонстрируют наличные сфрагистические материалы. К настоящему времени известно 14 печатей Изяслава-Дмитрия Ярославича (Янин 1970, т.1:166-167; Сотникова 1987:158, рис. 1; Коваленко, Молчанов 1992:75-76, 1993:208-211), 9 печатей Святослава-Николая Ярославича (Янин 1970, т.1: 167-168, № 10-13; Сотникова 1987:167, рис. без №; Коваленко, Молчанов 1993:209-211, рис. 1,2 и 3; Коваленко, Куза, Орлов 1980:281), 1 печать Вячеслава-Меркурия Ярославича (Янин 1970, т.1:168, № 14), 13 печатей Всеволода-Андрея Ярославича (Янин 1970, т.1:168-170. № 15-22; 1975: 64-66; Szemioth, Wasilewski 1969: 84-85, tabl. IV; Коваленко 1982: 245-246, рис. 1; Булкин В., Булкин Вас., Смирнов, Ратнер 1979: 430-431). От более раннего времени дошли лишь две печати: одна из них, обнаруженная в Киеве при раскопках 1912 г., принадлежит Святославу Игоревичу (умер в 972 г.), другая, найденная в Новгороде при раскопках 1953 г. — Изяславу Владимировичу (умер в 1001 г.) (Янин 1970, Т.2:166, № 1-2; Молчанов 1988: 50-52). Исключительная редкость ранних булл, надо полагать, соответствует столь же исключительной важности тех актов, которыми они некогда были скреплены. Тем более замечательна находка еще двух булл из числа древнейших.

В конце июня 1994 г. на Троицком-Х раскопе (руководитель работ П.Г.Гайдуков) в Новгороде вскрывались напластования культурного слоя первой четверти XI в. Для характеристики стратиграфической ситуации участка важно отметить, что в предыдущем сезоне полевые работы были здесь завершены на уровне нижнего горизонта 14-го пласта (то есть на глубине 280 см) и в этом пласте (на глубине 275 см) был обнаружен клад западноевропейских монет, младшие монеты которого датируются временем не позднее конца 20-х гг. XI в. Это значит, что сокрытие клада произошло не позднее 30-х гг. того же столетия. 25-й ярус, к которому относится момент сокрытия клада, надежно датирован 1025-1055 гг. (Гайдуков, Янин 1995:26-

27). Что касается 15-го пласта, вскрытием которого начался полевой сезон 1994 г., то до получения материалов дендрохронологического анализа возможно констатировать, что он откладывался, по общей оценке, в первой трети XI в.

28 июня в квадрате 1131 на глубине 293-300 см была обнаружена массивная свинцовая печать диаметром 32-36 мм, кружок которой шире, чем ее матрицы, имеющие диаметр около 23-25 мм (их края обозначены точечными ободками) (рис.1). На одной стороне буллы помещено погрудное изображение св.Георгия, с копьем у правого плеча и со щитом в левой руке. Его голову окружает точечный нимб. Изображение молодого кудрявого и безбородого святого точно соответствует иконографическому канону. По сторонам колончатые надписи:

О ГН
ГЄ W
W G
P

Другая сторона печати совершенно замечательна. На ней помещено погрудное изображение человека в скрепленном у правого плеча массивной круглой фибулой корзне, в высоком остроконечном шлеме, верх которого завершен шаровидной шишечкой. Лицо молодое (т.е. безбородое), украшенное торчащими пиками усов. Имя и титул изображенного обозначены в колончатых надписях по сторонам:

О К[.]
ГАР НА[З?]
ГЛА РОУГ[.]
[В]? GK[.]
[.]

Обе стороны печати побиты каким-то тупым инструментом, отчего не все буквы достаточно отчетливо видны. Во всяком случае, имя Ярослав читается однозначно; следует отметить изящество, с которым буква О в его имени сделана выносной и поставлена в начало колонки, что придает этой букве сходство с традиционным омикроном в обозначении святого (О АГИОС). Не вызывает сомнений и смысл надписи в правой колонке: "Князь Роусский", хотя повреждения буллы лишают эту надпись

* Россия. Москва. 119899. Ленинские горы, Московский государственный университет, исторический факультет, кафедра археологии.

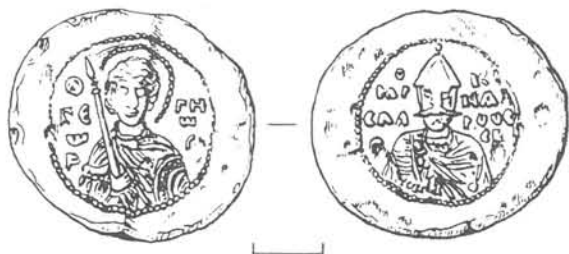

Рис. 1 Печать Ярослава Мудрого из новгородских раскопок.

Fig. 1 Seal of Yaroslav the Wise excavated in Novgorod.

важных лингвистических характеристик:

**[К[ъ/о]?НАЗ[ь/ъ/е]?,
РОУГ[ь/ъ/е]?СК [ьи/ьи/ы]?)**.

Не вызывает каких-либо сомнений и атрибуция печати. В эпоху, соответствующую стратегическим условиям находки, лишь один князь носил имя Ярослав — сын Владимира Святославича, получивший впоследствии прозвище "Мудрый". Ему же принадлежало и крестильное имя Георгий. Последнее обстоятельство подтверждается прямым указанием Прологов ("Блаженный и приснопамятны всея Руския земли князь Ярослав, нареченный во святем крещеньи Георгийи, сын Владимир крестившего землю Рускую") (Киевлянин 1850, т. III: 66; Соловьев 1988, кн. 1, тт. 1-2: 319-320), сооружением им в Киеве монастыря св. Георгия (ПСРЛ 1908: стб. 139; 1926, т. 1, вып. 1: стб. 151), но, в первую очередь, существованием чеканенных им в Новгороде монет с надписью вокруг княжеского знака "Ярославле сребро" и с изображением св. Георгия (Сотникова, Спаский 1983: 196-198, № 222-224).

В специальном обсуждении нуждается вопрос о конкретном хронологическом определении обнаруженной в Новгороде печати. Ярослав Владимирович прожил долгую жизнь, занимая до 1019 г. новгородский стол, а с 1019 г. до смерти в 1054 г. "держа Русскую землю" в Киеве. Попытаемся решить проблему территориальной принадлежности этой буллы, является ли она памятником новгородского или киевского периода княжения Ярослава.

Летописи не сообщают года рождения Ярослава, называя его, однако, четвертым (после Вышеслава, Изяслава и Святополка) сыном Владимира. Известно также, что при разделении столов Владимиром "старейший" его сын Вышеслав получил Новгород, Изяслав Полоцк, Святополк Туров, Ярослав Ростов. После смерти Вышеслава новгородский стол перешел к Ярославу, а в Ростов пришел Борис (НПЛ 1950: 159), обозначивший старшинство над

собой Святополка знаменитыми словами "не буди мне възняти рук на брата своего старейшаго" (ПСРЛ 1926, т. 1, вып. 1: стб. 132). Святополк родился после того, как Владимир "залеже жену братьню Грекиню, и бе непрадна", а этот эпизод описан под 980 г. (ПСРЛ 1926, т. 1, вып. 1: стб. 78). Между тем, сообщив о кончине Ярослава в 1054 г., летописец замечает: "Живе же всех лет 76" (НПЛ 1950: 182), что относит время его рождения примерно к 978-979 гг. Некоторая условность дат X в. в Повести временных лет дает возможность предполагать в Ярославе и Святополке ровесников, равно претендовавших на киевский стол после смерти Владимира.

Летопись также не называет года смерти Вышеслава и начала княжения Ярослава в Новгороде, но, рассказывая о первом вокняжении Ярослава в Киеве в 1016 г., замечает: "И бы тогда Ярослав Новегороде лет 28" (НПЛ 1950: стб. 142). Это указание Лаврентьевской летописи возможно было бы использовать для обозначения начальной даты пребывания его в Новгороде, определяя ее как 988 или 989 г., но такое решение не оставляет места для ростовского периода его княжеской деятельности. Следует, по-видимому, согласиться с С. М. Соловьевым, полагавшим, что 28 лет Ярослав пребывал на северных столах, сначала в Ростове, а затем в Новгороде (Соловьев 1988, кн. 1, тт. 1-2: 311). В. Н. Татищев называет датой кончины Вышеслава 1010 г. (Татищев 1963, т. 2: 70), однако надежность такого сообщения подтвердить нечем.

Первое достоверное свидетельство пребывания Ярослава на новгородском столе относится к 1014 г., когда он отказался платить традиционный денежный урок Киеву. На следующий год, 15 июля Владимир в разгар своего намерения идти в поход на Новгород умер, а Святополк, заняв киевский стол, учинил расправу над братьями Борисом, Глебом и Святославом, затем в 1016 г. был побежден Ярославом и новгородцами. 14 августа 1017 г. Ярослав, однако, бежал в Новгород, уступив Киев Святополку и Болеславу, но в 1019 г., снова при содействии новгородцев окончательно овладел Киевом, где правил до смерти 20 февраля 1054 г.

Это не значит, что Новгород больше не видел Ярослава. Под 1030 г. Софийская I летопись сообщает: "Того же лета иде великий князь Ярослав на Чюдь, и победи я, и постави град Юрьев; и прииде к Новугороду, собра от старост и поповых детей 300 учити книгам" (ПСРЛ 1851, т. 5: 136). В 1036 г. "иде Ярослав Новугороду и посади сына своего Володимера Новегороде, епископа постави Жидяту. И в се время родися Ярославу сын, нарекоша имя ему Вячеслав. Ярославу же сущю Новегороде вестъ приде ему, яко Печенези остоять Киев. Яро-

Рис. 2. Новгородская монета Ярослава Мудрого ("Ярославле серебро").

Fig.2 Novgorodian coin of Yaroslav the Wise ("Yaroslav's silver").

слав събра вои многъ, Варягы и Словени, приде Киеву и вниде в город свои..." (ПСРЛ 1926, т.1, вып.1: стб.150-151).

Уже из этих сообщений видно, что скрепление некоего акта печатью Ярослава могло состояться и в новгородский, и в киевский период его княжеской деятельности. Впрочем, для получения в Новгороде акта с его печатью вовсе не требовалось личного посещения киевским князем Новгорода.

Хронологические уточнения поэтому могут быть сделаны только на основе изучения стилистических особенностей самой печати. Главная из этих особенностей - сочетание изображения св.Георгия с портретом самого князя и близость изображений св.Георгия на печати и новгородских монетах Ярослава Владимировича ("Ярославлем серебро") (рис.2).

Вопрос о прототипе "Ярославля серебра" не нов в нумизматической литературе. Он был поднят в 1860 г. в монографии "О русско-византийских монетах Ярослава I Владимировича с изображением св.Георгия Победоносца" А.А. Куником, который указал на невозможность заимствования этого сюжета с византийских монет, коль скоро до XII в. изображение св.Георгия на таких монетах не употреблялось, и выдвинул предположение: "Можно думать, что Ярослав перенес на монету лик св.Георгия со своей печати; ... не может быть сомнения в том, что Ярослав имел печать, и весьма вероятно, что на ней вырезан был лик его угодника" (Куник 1860:114).

Предположение А.А.Куника сохраняло умозрительный характер вплоть до появления в 1884 г. капитального труда Г.Шлюмберже по византийской сфрагистике (Schlumberger 1884), давшего И.И.Толстому возможность указать среди византийских булл X-XI вв. многочисленные аналогии погрудному изображению св.Георгия на новгородских монетах. Отсутствие же печати самого Ярослава побудило исследователя так сформулировать свой прогноз:

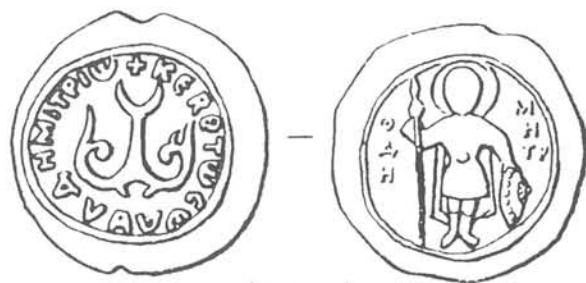

Рис. 3. Печать Изяслава Ярославича из новгородских раскопок (Янин. Актовые печати, N 3)

Fig.3 Seal of Izyaslav Yaroslavich excavated in Novgorod (Yanin 1970, No.3).

"Едва ли может подлежать какому-либо сомнению, что у Ярослава Мудрого была печать; доказанный факт скопирования типа его монеты с печати, подтверждая это, дает возможность с некоторою вероятностью восстановить и самый вид этой печати. У усердного насадителя византийской культуры, каковым представляется нам по летописям Ярослав, уже а priori можно предполагать существование печати византийского образца, соответствующей современному ему в Византии вкусу. Судя по аналогии, печать эта могла иметь на лицевой стороне погрудное изображение св.Георгия, а на обороте, вероятно, надпись: KE BΘ TW CW ΔOYΛW ΓEWPΓIW AMHN или, может быть, русский перевод этих слов" (Толстой 1891, т.2:80-81).

Прогноз И.И.Толстого, казалось бы, блестяще оправдался, когда в 1962 г. в Новгороде при раскопках была найдена печать сына Ярослава Мудрого Изяслава — Димитрия, употреблявшаяся в новгородский период его княжения (1052-1054 гг.) (рис.3). Явно подражая "Ярославлю серебро", она несет на одной стороне изображение небесного патрона владельца св.Димитрия, а на обороте его княжеский знак в окружении благожелательной формулы на греческом языке (Янин 1970, т.1:166, № 3).

Развивая и уточняя концепцию Куника-Толстого, возможно предположить, что новгородская печать Ярослава должна бы сочетать изображение св.Георгия на одной стороне с изображением княжеского знака на другой.

Однако найденная теперь печать Ярослава иная. Если булла Изяслава прямо продолжает линию "Ярославля серебра", как бы поддерживая закрепленную монетным типом "новгородскую традицию", то печать Ярослава, выпадая из этой линии, оказывается в окружении других сфрагистических и нумизматических фактов.

И.И.Толстой в работе 1893 г. привел многочисленные аналогии, призванные продемонстрировать зависимость типов монетного чека на Владимира Святославича и Святополка Ока-

Рис. 4. Ранний тип печати византийского императора Василия II (Zacos and Veglery, N 75).

Fig. 4 Early type of seal of the Byzantine emperor Basil II (Zacos and Veglery 1972, No.75).

янного от монетных типов Византии X — начала XI вв.* Между тем, собранные позднее материалы византийской сфрагистики самым убедительным образом свидетельствуют о непосредственной зависимости исходной композиции древнерусской монетной чеканки (златников и сребреников Владимира ("I типа") не от византийских монет, а от византийской императорской печати X в. Эти печати несут на одной стороне изображение императора с регалиями власти, а на обороте поясную фигуру Христа (рис. 4). Именно так оформлены первые выпуски монет Владимира Святославича: на одной их стороне помещено изображение князя, а на обороте поясная фигура Христа

(рис.5). Весьма примечательно, что, если на протяжении почти всего X в. император на печатях сжимает в правой руке державу, то при Василии II и Константине VIII (976-1025 гг.) на место державы помещен крест на длинной рукоятки. Именно такой крест в правой руке князя изображен на златниках и сребрениках Владимира "I типа" (Сотникова, Спасский 1983: 115139, № 1-51).

Такие монеты никогда не встречаются вкладах вместе с остальными тремя типами сребреников Владимира и сребрениками Святополка, тогда как названные здесь остальные монеты обращались совместно. Из этого следует, что эмиссии монет Владимира "I типа" и остальных сребреников разделены заметным промежутком времени, в течение которого монеты "I типа" успели полностью выйти из обращения. Если, принимая во внимание наличие на всех древнерусских монетах христианских эмблем, отнести чекан монет "I типа" к ближайшим после крещения годам, то датировать остальные типы сребреников Владимира следует временем, близким к концу его княжения, на что указывает и их совместное обращение с монетами Святополка (Янин 1956:168-169).

На этом этапе в оформлении типа русских монет произошли существенные изменения. Исчезает изображение Христа, а на его место помещается княжеский знак, занимающий

Рис. 5. Златник (А) и сребреник (Б) Владимира Святославича (I типа).

Fig. 5 A zlatnik (A) and a srebrennik (Б) of Vladimir Svyatoslavich (type I).

Рис. 6. Сребреники Святополка Окаянного.

Fig. 6 Srebrenniki of Svyatopolk the Cursed.

* Такой сфрагистический тип сложился в середине IX в. при Михаиле III и существовал непрерывно до 70-х гг. XI в. (Zacos, Veglery 1972, vol.1: N 56-91; Лихачев 1991: табл. LXXVI, 8-10, 13-15; табл. LXXVII, 1-4).

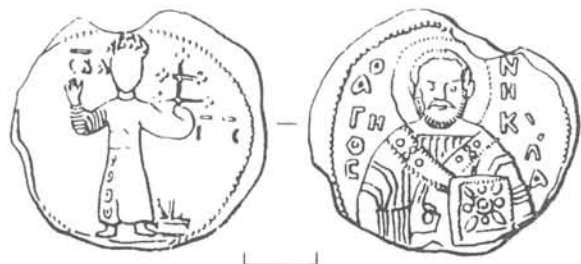

Рис. 7. Печать Святослава Ярославича (Янин. Актовые печати, № 10).

Fig. 7 Seal of Svyatoslav Yaroslavich (Yanin 1970, No.10).

центральную часть поля сребреников, тогда как на монетах Владимира "I типа" он был скромно помещен над плечом князя. Вторая заметная особенность — появление нимба вокруг головы князя. Хотя еще Л. Стефани привел многочисленные факты, свидетельствующие о том, что нимб мог восприниматься не только как символ святости, но и как регалия высшей власти (Стефани 1863), трудно отделаться от впечатления, что мы наблюдаем здесь или проявление наивного лукавства или скорее вполне сознательное программное действие, подчеркивающее исключительность князя в системе новой веры. Существует еще и третья особенность: включение идеи небесного патроната в оформление монет. Имеется в виду изображение св. Георгия на новгородских монетах Ярослава, изображение св. Петра на двух типах сребреников Святополка (Сотникова, Спасский 1983: 191-196, № 206-218) (рис. 6) и дополнение традиционной легенды словами "Святого Василия" на одной из разновидностей сребреника Владимира "IV типа" (самого позднего в чекане этого князя) (Сотникова, Спасский 1983: 179-180, № 175).

Рассматривая найденную в Новгороде печать князя Ярослава в свете перечисленных здесь фактов, возможно обнаружить ряд существенных признаков, в большей степени присущих "киевской", а не "новгородской" традиции. Во-первых, это изображение самого князя, продолжающее линию подобных изображений на монетах Владимира и Святополка. Во-вторых, написание имени Ярослава с выносным О, представляющее более тактичную аналогию с нимбом на изображениях Владимира и Святополка. В-третьих, если новгородская печать Изяслава-Димитрия Ярославича опирается на "новгородскую" традицию "Ярославля серебра", то черниговские и киевские печати Святослава-Николая Ярославича, сочетающие изображение князя (уже без нимба) с изображением св. Николая Мирликийского (рис. 7) (Янин 1970, т. 1: 167-168, № 10-13), прямо наследуют принцип оформления буллы Ярослава Влади-

мировича, подкрепляя ее включение в линию "киевской" традиции.

По-видимому, публикуемая печать относится ко времени окончательного вокняжения Ярослава в Киеве в 1019 г., когда он "нача вои свои делити, старостам по 10 гривен, а смердом по гривне, а новгородцом по 10 гривен всем, и отпусти их всех домов, и дав им правду и устав списав, тако рекши им: "по сеи грамоте ходите, якоже списа вам, такоже держите" (НПЛ: 175-176). Надо полагать, что награда новгородцам за их помощь, обеспечившую победу над Святополком, не ограничивалась наделением их гривнами, но включала и закрепленные специальными актами пожалования; от одного из таких актов, возможно, и происходит наша печать. В этой связи следует заметить, что изучаемая на Троицком раскопе группа усадеб, где эта печать была найдена, в XII в. принадлежала крупному боярскому роду, из числа представителей которого многие носили громкие имена и избирались в посадники (Янин, Зализняк 1993: 6-15). находка здесь же печати Ярослава указывает на несомненную элитарность владельцев этих усадеб уже в начале XI в.

Находка печати князя Ярослава Владимировича замечательна в историко-культурном отношении. Если исследователям давно знакомы изображения Владимира и Святополка на их монетах, пусть схематичные и условные, но все же передающие некие их общие типические черты, то древних изображений Ярослава Мудрого мы до сих пор не знали. Прижизненный портрет Ярослава, несомненно, имелся в киевской Софии, где изображена вся его семья. Однако от этой фрески уцелела лишь та половина, где помещена женская часть семьи (Каргер 1954, вып. 20: 143-180). Было высказано практически недоказуемое, хотя и остроумное предположение, что именно Ярослав изображен на фреске в сцене охоты на медведя в лестничной башне киевского Софийского собора (Писаренко 1994: 13-17). Наконец, широко известна скульптурная реконструкция портрета Ярослава Мудрого, предпринятая М. М. Герасимовым по черепу князя (Герасимов 1940: 72-76).

Изображение на печати не имеет явного сходства с реконструкцией М. М. Герасимова, и это понятно и неизбежно, коль скоро реконструкция ориентирована на восстановление облика мудрого старца, умершего в восьмое десятилетие своей жизни. Подчеркнутые признаки старости, практически скрывающие черты лица, прическа и борода не дают основы для сопоставления с изображением на печати молодого персонажа с воинственно торчащими усами, которые являются, безусловно, достоверной деталью его облика. Однако М. М. Герасимов оставил не только окончательную рекон-

Рис. 8. Печать Святополка Окаянного из раскопок в Вышгороде.

Fig. 8 Seal of Svyatopolk the Cursed from the Kiev citadel.

струкцию, но и фиксацию промежуточных этапов процесса восстановления. Наиболее важной оказывается тот, где голова Ярослава еще не снабжена волосами. Опубликованная фотография этого этапа передает волевое лицо с горбатым хищным носом (Герасимов 1940:74, рис.18,г); психологическая характеристика Ярослава здесь вполне соответствует изображению на печати. Любопытно было бы синтезировать оба этих изображения.

Фотография второй впервые публикуемой буллы была любезно прислана П.П.Толочко, за что выражаю ему самую глубокую признательность. Свинцовая печать диаметром 27-32 мм (рис.8) была найдена в Вышгороде близ Киева при раскопках 1934-1937 гг. Печать, как и другие находки из этих раскопок, долгое время оставалась недоступной для исследователей, так как руководивший работами Ф.Н.Молчановский в 1937 г. был изъят из жизни вместе с материалами исследований органами НКВД*

Печать несет на одной стороне погрудное изображение мужчины в пластинчатом доспехе, в венце, украшенном крестом, и нимбе, с державой в правой руке. Колончатая надпись справа нечитаема. Вокруг точечный ободок. На оборотной стороне погрудное изображение

св.Петра с благословляющей правой рукой. По сторонам колончатые надписи, из которых читается левая:

О

П

ОС

П

Типические признаки буллы вполне определены. Та ее сторона, где изображен снабженный регалиями власти мужчина, явно подражает византийской императорской печати. Наиболее близкие образцы обнаруживаются среди булл Константина VII (944-959 гг.) и Василия II (976-1015 гг.) (Zacos, Veglery 1972: N 70, 71, 75). Однако изображенный на вышгородской печати персонаж, в отличие от указанных прототипов, снабжен нимбом, что вводит буллу в круг древнерусских сфрагистических фактов и квалифицирует рассмотренное изображение как портрет князя, владевшего матрицами этой буллы.

Крестильное имя князя Петр выражено патрональным изображением на оборотной стороне. Между тем, это имя в том же качестве, как уже отмечено выше, присутствует на двух типах сребреников Святополка, которого, следовательно, в крещении звали Петром. В XI в. известен еще один князь, получивший при крещении имя Петр, внук Ярослава Мудрого Ярополк Изяславич, однако он действовал в 70-х и 80-х гг. XI в., когда давно сложились иные сфрагистические типы (Янин 1963:142-164).

Найденная в Вышгороде печать Святополка Окаянного является ближайшей аналогией найденной в Новгороде печати Ярослава Мудрого. Обе они сочетают изображения самого владельца буллы и его небесного патрона. Обе принадлежат практически к одному узкому промежутку времени, взаимно подкрепляя предложенные относительно них выводы.

Булкин, В.А., Вас.А.Булкин, В.Н.Смирнов, И.Е.Ратнер. 1979. Работы в Полоцке. // Археологические открытия 1978 г.: 430-431. Москва.

Гайдукон, П.Г., В.Л.Янин. 1995. Новгородский клад западноевропейских монет конца X — первой половины XI в. // Третья Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов: 26-27. Москва.

Герасимов, М.М. 1940. Опыт реконструкции физического облика Ярослава Мудрого. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР 7: 72-76.

Каргер, М.К. 1954. Портреты Ярослава Мудрого и его семьи в Киевской Софии // Ученые записки ЛГУ, N 160, Серия исторических наук 20: 143-180. Ленинград.

Киевлянин. 1850. Киевлянин, печатный пролог. кн. III: 66. Москва.

Коваленко, В.П. 1982. Новый вариант печати великого князя Всеволода Ярославича. // Советская археология 4: 245-246.

Коваленко, В.П., А.В.Куза, Р.С.Орлов. 1980. Раскопки в Новгороде-Северском. // Археологические открытия 1979 г.: 281. Москва.

Коваленко В.П., А.А.Молчанов. 1992. Печать киевского князя Изяслава Ярославича (1054-1078 гг.) из Чернигова. // Архитектурні та археологічні старожитності Чернігівщини: 75-76. Чернігів.

* В последние годы из этих раскопок был издан сребреник Владимира "I типа" (Сотникова, Спасский 1983:129, № 19-2).

1993. Древнерусские сфрагистические памятники домонгольского времени из Чернигова // *Российская археология* 4: 208-211. Москва.
- Куник, А. А. 1860. О русско-византийских монетах Ярослава I Владимировича с изображением св. Георгия Победоносца. Историко-нумизматическое исследование: 114. Санкт-Петербург.
- Лихачев, Н. П. 1991. Моливдовулы греческого Востока. // *Научное наследство*, т. 19, табл. LXXVI: 8-10, 13-15; табл. LXXVII: 1-4. Москва.
- Молчанов, А. А. 1988. Печать Святослава Игоревича (К вопросу о сфрагистических атрибутах документов внешней политики Древней Руси X в.) // *Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения В. Т. Пашуто. Тезисы докладов*: 50-52. Москва.
- НПЛ. 1950. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов: 159. Москва—Ленинград.
- ПСРЛ. 1851. Полное собрание русских летописей. т. 5, стб. 136. Санкт-Петербург.
- ПСРЛ. 1908. Полное собрание русских летописей. т. 2. Изд. 2е: стб. 139. Санкт-Петербург.
- ПСРЛ. 1926. Полное собрание русских летописей. т. 1. Изд. 2-е, вып. 1: стб. 151. Ленинград.
- Писаренко Ю. Г. 1994. "Охотник на медведя" с фрески Софийского собора в Киеве. // *Ярославская старина* 1: 13-17.
- Соловьев С. М. 1988. Сочинения в восемнадцати книгах, кн. 1, тт. 1-2: 319-320. Москва.
- Сотникова М. П. 1987. Новые сфрагистические материалы XI-XV вв. в собрании Эрмитажа. // *Нумизматика в Эрмитаже. Сборник научных трудов*: 158. Ленинград.
- Сотникова М. П., Спаский И. Г. 1983. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X-XI вв.: 196-198, N 222-224. Ленинград.
- Стефани Л. 1863. Нимб и лучезарный венец в произведениях древнего искусства. Санкт-Петербург.
- Татищев В. Н. 1963. История Российская в семи томах. т. 2: 70. Москва-Ленинград.
- Толстой И. И. 1891. Случай применения византийской сфрагистики к вопросу по русской нумизматике // *Труды VII археологического съезда в Ярославле*. т. 2: 80-81. Москва.
- Янин В. Л. 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период: 168-169. Москва.
1963. Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // *Нумизматика и эпиграфика IV*: 142-164. Москва.
1970. Актовые печати древней Руси X-XV вв., т. 1: 166-167, № 3-9; т. 2: 166, № 1-2. Москва.
1975. К вопросу о хронологии печатей Всеволода Ярославича // *Сообщения Государственного Эрмитажа* 40: 64-66. Ленинград.
- Янин, В. Л., А. А. Зализняк. 1993. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984-1989 гг.): 6-15. Москва.
- Schlumberger, G. 1884. Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris.
- Szemioth, A., T. Wasilewski. 1969. Sceaux byzantins du Musee National de Varsovie. Deuxieme partie // *Studia zrodloznawcze*, t. XIV: 84-85, tabl. IV.
- Zacos, G., A. Vegler. 1972. Byzantine Lead Seals. vol. 1: N 56-61, 70, 71, 75. Basel.

TWO OLD RUSSIAN PENDENT SEALS

The seals, which evidenced the introduction of official documents, made their first large-scale appearance in Russia in mid-11th century, when the sons of Yaroslav the Wise were ruling in Kiev. The event is well documented by sphragistic data. Altogether 14 seals of Izyaslav-Dmitry Yaroslavich are known so far (Янин 1970, т. 1: 166-167; Сотникова 1987: 158, рис. 1; Коваленко, Молчанов 1992: 75-76, 1993: 208-211), nine of Svyatoslav-Nikolay Yaroslavich (Янин 1970: т. 1: 167-168; №. 10-13; Сотникова 1987: 167, рис.; Коваленко, Молчанов 1993: 209-211, рис. 1-3; Коваленко, Куза, Орлов 1980: 281), one of Vyacheslav-Mercury Yaroslavich (Янин 1970, т. 1: 168, №. 14), and 13 of Vsevolod-Andrey Yaroslavich (Янин 1970: т. 1: 168-170, №. 15-22; 1975: 64-66; Szemioth, Wasilewski 1969: 84-85, tab. IV; Коваленко 1982: 245-246, рис. 1; Булкин В., Булкин Вас., Смирнов, Ратнер, 1979: 430-431). Only two seals have been preserved from the earlier period: one, found in Kiev in 1912, was issued during the rule of Svyatoslav Igorevich, who died in 972, another, found in Novgorod in 1953, dates from the times of Izyaslav Vladimirovich (died in 1001) (Янин 1970, т. 2: 166, №. 1-2; Молчанов 1988: 50-52). Early seals were exceptional, and so apparently

were the deeds which they authenticated. The find of two more earliest seals, then, is all the more important.

In late June 1994, horizons dating from the 1st quarter of the 11th century were being excavated by P. G. Gaydukov in Troitsk-X area in Novgorod. In the previous field season, the work was finished at the lowest level of layer 14 at the depth of 280 cm. In the same layer, at the depth of 275 cm, a hoard of Western European coins was found, the latest of which were struck in the late 1020s or somewhat earlier. Consequently, the hoard was buried no later than the 1030s. Tier 25, with which the burial of the hoard is related, has a firmly established date of 1025-1055 (Гайдуков, Янин 1995: 26-27). Tier 15, excavated in the beginning of 1994 field season, can so far be broadly dated to the 1st third of the 11th century (a more precise estimate will be possible after the dendrochronological analysis has been made).

On 28 June, a large lead seal was found in square 1131 at the depth of 293-300 cm. Its diameter is 32-36 mm, the fields are smaller (23-25 mm), and their edges are marked with beaded circles (fig. 1). One side bears a half-length representation of St. George with a spear at his right shoulder and a

shield in his left hand. His head is surrounded with a beaded nimbus. The manner in which the young curly-headed and beardless saint is depicted is quite standard. On his sides, there are inscriptions, arranged in a columnwise fashion:

О ПИ
ГЕ W
W G
P

The other side of the seal is quite remarkable. It bears a half-length representation of a man dressed in a coat which is fastened with a massive round fibula near the right shoulder; he wears a high pointed helmet with a bead on top. The character is young (judging by the lack of beard) and has a pointed moustache. His name and title are indicated columnwise on his sides:

О	К[.]
ПАР	НАЗ[?.]
ГЛА	РОУГ[.]
[В]?	ГК[.]
	[.]

Both sides of the seal were beaten with some blunt tool, so not all letters are legible. The name Yaroslav, however, is seen quite clearly. The letter "O" is written separately on top of the column in a very elegant manner, making it similar to the traditional omicron in the word *O АГІОС*, "Saint". The meaning of the inscription in the right column, too, is quite clear: "Prince of Russia", although some important parts of the inscription have been damaged (*К[ь/о]?НАЗ[ь/ь/e]?, РОУГ[ь/ь/e]?-ГК-[ЫИ/ЫИ/Ы]?*).

The identification of the ruler represented on the seal, too, is quite easy. During the period to which, judging by the stratigraphic context, the find belonged, there was only one prince by the name of Yaroslav: the son of Vladimir Svyatoslavich, who christened Russia. Yaroslav's baptismal name was George, as evidenced by written records (*Киевлянин* 1850, т. III: 66; *Соловьев* 1988, кн. 1, тт. 1-2: 319-320), by the fact that he had founded St. George's monastery in Kiev (*ПСРЛ* 1908: стб. 139; 1926, т. 1, вып. 1: стб. 151), and by the coins that were struck in Novgorod during his rule and bear the inscription "Yaroslav's silver" and a representation of St. George (*Сотникова, Спасский* 1983: 196-198, №. 222-224) In his mature years he was referred to as Yaroslav the Wise.

The precise dating of the Novgorod seal is a more difficult matter. Yaroslav Vladimirovich lived a long life. He was the ruler of Novgorod until 1019, and from 1019 until his death in 1054 he "held the Russian land" in Kiev. To what period of his life, then, does the seal belong, and where was it made, in Novgorod or in Kiev?

The chronicles do not indicate Yaroslav's year

of birth. What they do say is that he was Vladimir's fourth son (born after Vysheslav, Izyaslav, and Svyatopolk). It is also known that when Vladimir allotted principalities to his children, his eldest son Vysheslav received Novgorod, whereas Polotsk was allotted to Izyaslav, Turov to Svyatopolk, and Rostov to Yaroslav.

After Vysheslav's death, Novgorod was transferred to Yaroslav, while Boris assumed the rule in Rostov (*НПЛ* 1950: 159) after having recognized Svyatopolk's seniority (*ПСРЛ* 1926, т. 1, Вып. 1: стб. 132). Svyatopolk was born after 980 (*ПСРЛ* 1926, т. 1, вып. 1: стб. 78). Yaroslav died in 1054, allegedly at the age of 76 (*НПЛ* 1950: 182), suggesting that he was born about 978 or 979. Because the chronicle is rather inexact with regard to dates before 1000 AD, Yaroslav and Svyatopolk should be regarded as persons of roughly the same age who could both have aspired to the rule in Kiev after Vladimir's death. The chronicle does not give the year of Vysheslav's death or the beginning of Yaroslav's rule in Novgorod. However, with regard to Yaroslav's accession to the throne in Kiev in 1016, it is said that his rule in Novgorod had lasted for 28 years (*НПЛ* 1950: 142), implying that it began in 988 or 989. This, however, leaves no time for his rule in Rostov. We must evidently agree with S. M. Solovyev who hypothesized that 28 years were the duration of Yaroslav's rule in both northern cities, first in Rostov, and then in Novgorod (*Solovyev* 1988, кн. 1, тт. 1-2: 311). According to Tatischev (1963: т. 2: 70), Vysheslav died in 1010. Nothing, however, supports this claim.

The first reliable evidence concerning Yaroslav's rule in Novgorod dates from 1014 when he refused to pay a traditional monetary tribute to Kiev. On 15 July next year, Vladimir died (shortly after having decided to set out for a punitive campaign against Novgorod). Svyatopolk, who had succeeded him on the throne in Kiev, murdered his brothers Boris, Gleb, and Svyatoslav, but was defeated by Yaroslav who led the Novgorodian troops. Although on 14 August 1017 Yaroslav had to flee to Novgorod having left Kiev to Svyatopolk and Boleslav, in 1019 he eventually recaptured Kiev with the help of the Novgorodians and ruled there until his death on 20 February 1054.

This does not mean that he never returned to Novgorod. A record under 1030 says that Yaroslav defeated Chud' (the Finnish-speaking tribes who lived on Novgorod's territory), founded the city of Yuryev (now Tartu), and promoted literacy in Novgorod (*ПСРЛ* 1851, т. 5: 136). In 1036, he again visited Novgorod and appointed his son Vladimir to rule there, but returned to Kiev with the Novgorodian troops after having learnt that Kiev had been besieged by the Pechenegs (*ПСРЛ* 1926, т. 1, вып. 1: стб. 150-151).

Yaroslav's seal could thus have been used to

authenticate a deed during any period of his rule, no matter whether he reigned in Kiev or in Novgorod. For someone in Novgorod to receive a deed with his seal, it was by no means necessary for the prince himself to visit the city.

The date of the seal, then, may be specified only on the basis of stylistic characteristics of the seal itself. Its principal features are, first, that there are two representation, that of St. George and that of the prince himself, and second, that the saint on the seal is shown in the same way as on the Novgorod coins struck in the times of Yaroslav (fig.2).

It has already been attempted to find the prototype of "Yaroslav's silver". Kunik (1860) was the first to observe that the representation of St. George on these coins could not have been borrowed from the Byzantine coins, on which the figure of the saint appears only in the 12th century. Kunik (1860:114) suggested that the likely prototype was Yaroslav's seal which probably represented his patron saint.

Kunik's hypothesis remained speculative until the publication of the monograph on Byzantine sphragistics (Schlumberger 1884). Using this study, Tolstoy (1891, т.2:80-81) pointed to numerous parallels to the representation of St. George on Novgorodian coins among the 10th and 11th century Byzantine bulls. As to the absence of Yaroslav's seal, Tolstoy made the following prediction: "It can hardly be doubted that Yaroslav the Wise did have a seal; the established fact that the type of his coin had been copied from a seal, confirms this and allows us to reconstruct the appearance of that seal with some degree of certainty. A zealous inculcator of the Byzantine culture, as was Yaroslav, judging by the chronicles, should have possessed a seal complying with a Byzantine standard and taste. As the parallels suggest, this seal could have had a half-length representation of St. George on the face side and an inscription: ΚΕ ΘΘ ΤΩ ΣΩ ΔΟΥΙΩ ΓΕΩΡΓΙΩ ΑΜΗΝ, or its Russian translation, on the reverse side" (Толстой 1891, т.2:80-81).

At first sight, Tolstoy's prediction came true in a most brilliant way in 1962 when a seal of Yaroslav's son Izyaslav-Dimitry was found in Novgorod. It was used at the time when he was the ruler of the city (1052-54) (fig.3). The seal definitely imitates "Yaroslav's silver" since it bears the representation of St. Dimitry, the divine patron of the owner, on the face side, and the prince's emblem encircled by a Greek formula meaning a wish of good luck on the reverse side (Янин 1970, т.1:166, No.3).

In the light of Kunik's and Tolstoy's views, one might expect that the Novgorodian seal of Yaroslav would have St. George's representation on one side and the prince's emblem on the other.

However, this expectation is not upheld by the newly-found seal. While Izyaslav's bull directly follows the Novgorodian tradition of "Yaroslav's sil-

ver", Yaroslav's seal falls in a different context.

Tolstoy (1893) has drawn numerous parallels between the coins issued in the times of Vladimir Svyatoslavich and Svyatopolk the Cursed and those struck in Byzantium in the 10th and early 11th century. The latter type formed in mid-9th century during the rule of Michael III and existed uninterruptedly until the 1070s (Zacos, Vegler 1972, vol.1: 56-91; Лихачев 1991: табл.LXXVI, 8-10, 13-15, табл.LXXVII, 1-4). However, as the Byzantine sphragistic data (which became available after Tolstoy's work was published) clearly indicate, the composition of the first Russian coins (Vladimir's "zlatniki" and "srebrenniki" of the I type) had derived not from the Byzantine coins, but from the 10th century Byzantine imperial bulls which bear the representation of the emperor with insignia on the obverse side and a half-length figure of Christ on the reverse (fig.4). This is precisely how the first coins of Vladimir Svyatoslavich looked: the prince's portrait on the face side, and the half-length figure of Christ on the reverse (fig.5).

Moreover, while during most of the 10th century, the emperor was represented with an orb in his right hand, in the times of Basil II and Constantine VIII (976-1025) the orb was replaced with a cross on a long staff. This is exactly the type of cross we see in the prince's right hand on Vladimir's zlatniki and srebrenniki of the I type (Сотникова, Спасский 1983:115-139, № 1-51). Such coins never occur in hoards with the other three types of srebrenniki (those of Vladimir and Svyatopolk), whereas the remaining coins mentioned above circulated jointly. Hence it follows that Vladimir's coins of the I type are much earlier than the other srebrenniki and had gone out of use by the time when the latter were issued. If, given the presence of Christian symbols on all the Old Russian coins, those of the I type are dated to the first years following Russia's christening, then Vladimir's srebrenniki of the other types should be dated to the last years of his rule, as suggested by their joint circulation with the coins of Svyatopolk (Янин 1956:168-169).

At that stage, the appearance of the Russian coins changed. Christ's portrait was replaced by the prince's emblem which had moved into the centre of the field, whereas on Vladimir's coins of type I it was modestly placed above the prince's shoulder. The second notable feature is the appearance of a nimbus around the prince's head. Although, as demonstrated by Stephani (1863), the nimbus could have symbolized not only holiness but supreme power as well, it is hard to escape the impression that what we observe here is either a manifestation of a naive slyness or, more likely, an intentional device emphasizing the prince's exceptional role in the new religious system.

One more feature should be mentioned: the in-

roduction of the idea of a heavenly patronate, as evidenced by the representation of St. George on the Novgorodian coins of Yaroslav and that of St. Peter on two types of srebrenniki struck in the times of Svyatopolk (Сотникова, Спасский 1983: 191-196, № 206-218)(fig.6), and by the supplementation of the traditional legend with the words "Saint Basil's" on one variation of Vladimir's srebrennik of the IV type, the latest among his issues (Сотникова, Спасский 1983:179-180, № 175).

If Yaroslav's seal found in Novgorod is seen in this context, a number of important features emerges which are more indicative of the Kiev tradition than of the Novgorodian one. First, the prince himself is represented, in line with similar representations on the coins of Vladimir and Svyatopolk. Second, Yaroslav's name is written with a separate "O" alluding, as it were, to the nimbus on the portraits of Vladimir and Svyatopolk. Third, while the Novgorodian seal of Izyaslav-Dimitry Yaroslavich follows the "Novgorodian" tradition of "Yaroslav's silver", the seals of Svyatoslav-Nikolay Yaroslavich, which were issued in Chernigov and Kiev and bear both the prince's portrait (without the nimbus) and that of St. Nicholas (fig.7) (Янин 1970:., т.1:167-168, № 10-13), are basically similar to the bull of Yaroslav Vladimirovich, thus speaking in favour of its relationship with the Kiev tradition.

Apparently the new seal was made at the time of Yaroslav's final ascension to the throne in Kiev in 1019, when he awarded ten grivnas to each Novgorodian who helped him to defeat Svyatopolk (НПЛ:175-176). Perhaps the rewards were not restricted to this sum, and something else was granted. The awards must have been confirmed by documents which were authenticated with seals such as the one described here. Notably, it was found on the territory of an estate that in the 12th century was owned by a large boyar clan many of whose members were prominent persons and even elected *posadniks* (governors) (Янин, Зализняк 1993:6-15). The fact that Yaroslav's seal was found there suggests that already in the early 11th century the estate belonged to the representatives of the city elite.

The find is remarkable in the cultural aspect as well. While Vladimir's and Svyatopolk's portraits (admittedly schematic ones, but still conveying some of their distinctive features) on their coins have long been familiar to the scholars, not a single representation of Yaroslav the Wise made during his lifetime was available. Such a portrait was doubtless present in St. Sophia's cathedral in Kiev where all his family was represented. However, this fresco has been partly destroyed, and the remaining part shows female family members only (Капрев 1954:143-180). Pisarenko (1994:13-17) has suggested, without being able to prove it, that the central character in the bear hunting scene painted in the staircase

tower of St. Sophia is none other than Yaroslav. Finally, Gerasimov (1940:72-76) has made a sculptural reconstruction using Yaroslav's skull, and his work has become widely known.

The portrait on the seal bears no resemblance to Gerasimov's reconstruction. This is not surprising since the anthropologist strove to create an image of a sage who died in his eighth decade. Signs of old age are accentuated on the reconstruction; the hair and beard leave too little space to compare the face with that on the seal, which shows a young man whose bellicose bristling moustache is certainly true to life. Apart from the final result, however, Gerasimov had depicted the successive stages of the reconstruction process, the most important being the one where the head had been completed but not yet supplied with hair. The published photograph of that stage (Герасимов 1940:74, рис.18г) conveys the impression of a tough rapacious face with a hooked nose, a personality which, at least in psychological terms, is rather similar to the man shown on the seal. It would be interesting to try and superimpose both representations.

The photograph of the second bull, which is also being published for the first time, was provided by P.P.Tolochko, whom I owe my sincere gratitude. The leaden seal, 27-32 mm in diameter (fig.8), was found in the Kiev citadel during the excavations of 1934-37. Like the other finds from these excavations, it had been unavailable to the scholars ever since F.N. Molchanovsky, who headed the project, was arrested on political charges in 1937 and all his scientific materials were confiscated. Recently, one coin found by Molchanovsky (Vladimir's srebrennik of type I) was published (Сотникова, Спасский 1983:129, № 19-2).

The seal bears a half-length representation of a man in a scale corselet. There is a crown decorated with a cross on his head, a nimbus around it, and an orb in his right hand. On his right side there is a vertical inscription which is illegible. The field is enclosed by a beaded circle. On the reverse side, there is a half-length representation of St. Peter making a blessing gesture with his right hand. On his sides there are inscriptions, arranged columnwise. The left one is legible:

О
П
ОС
П

The typical features of the bull are quite distinct. Clearly, the representation of man with insignia imitates that on the Byzantine imperial seals, the closest ones being those of Constantine VII (944-959) and Basil II (976-1015) (Zacos, Veglery 1972: Nos.70, 71, 75). However, unlike his prototypes, the man on the Kiev seal has a nimbus, in accord

with the Russian sphragistic tradition. He should, then, be regarded as the prince who possessed the moulds in which the bull was cast.

The prince's baptismal name, Peter, is alluded to by the representation of his patron saint on the reverse side. The same name, as was mentioned above, is present in apparently the same quality on two types of Svyatopolk's srebrenniki, implying that his baptismal name was Peter. Only one more 11th century prince is known to have had the same baptismal name: Yaropolk Izyaslavich, the grandson of

Yaroslav the Wise. However, he ruled in the 1070s and 1080s, long after this sphragistic type had been replaced by new ones (Янин 1963:142-164).

The seal of Svyatopolk the Cursed from the Kiev citadel provides the closest parallel to Yaroslav's seal found in Novgorod. Both bear portraits of the owner of the bull and his holy patron. Both were made during a short time interval, and each can thus be used for crosschecking the conclusions based on its counterpart.

КУЛЬТОВЫЕ КАМНИ ПРИИЛЬМЕНЬЯ (по материалам Новгородской области)

М.В.ШОРИН*

До настоящего времени культовые камни относились к наименее изученной группе памятников. В стороне оставался дополнительный источник, позволяющий прояснить смысл и сущность некоторых древних обрядов, установить их связь с мифологическими воззрениями, расширить существующие представления о древних славянских верованиях, определивших особенности религиозного сознания эпохи христианства.

Своеобразие этой категории древностей, ценность связанных с ними материалов определяются включением культа камней в религиозные системы различных эпох. Почитание камней, как и других природных объектов, зародилось в глубокой древности и имеет многотысячелетнюю традицию. Естественно, за столь длительный срок часть их утратила свое культовое значение, но некоторые из них как объекты почитания сохранились вплоть до настоящего времени. Народное воображение связало с ними различные легенды, предания, поверья, которые представляют интерес сами по себе и помогают понять смысл обрядов, чаще всего дошедших в обрывках.

Безусловная слабость осмысления этих памятников в историческом плане определилась неразработанностью источниковой базы. До сих пор отсутствовала сводка культовых камней Новгородской области, а накопление сведений о них шло крайне медленно. Лишь о четырех камнях имеются данные в дореволюционной литературе (Новгородский сборник 1865, III: 96-97; Новгородский сборник 1865, IV: 14; Передольский 1898: 49, 206-207, 332; Аничков 1915: 15). Сведения о нескольких камнях приводятся в статье Н.Г.Порфиридова (Порфиридов 1940: 115-118), часть их выявлена краеведом Г.И.Ивановским и в ходе паспортизации памятников археологии, а в 1985-1988 гг. автор проводил планомерные работы по поиску данных объектов.

К сожалению, в связи с отмиранием традиции почитания камней, поиск их значительно затруднен. Как правило, они удалены от насе-

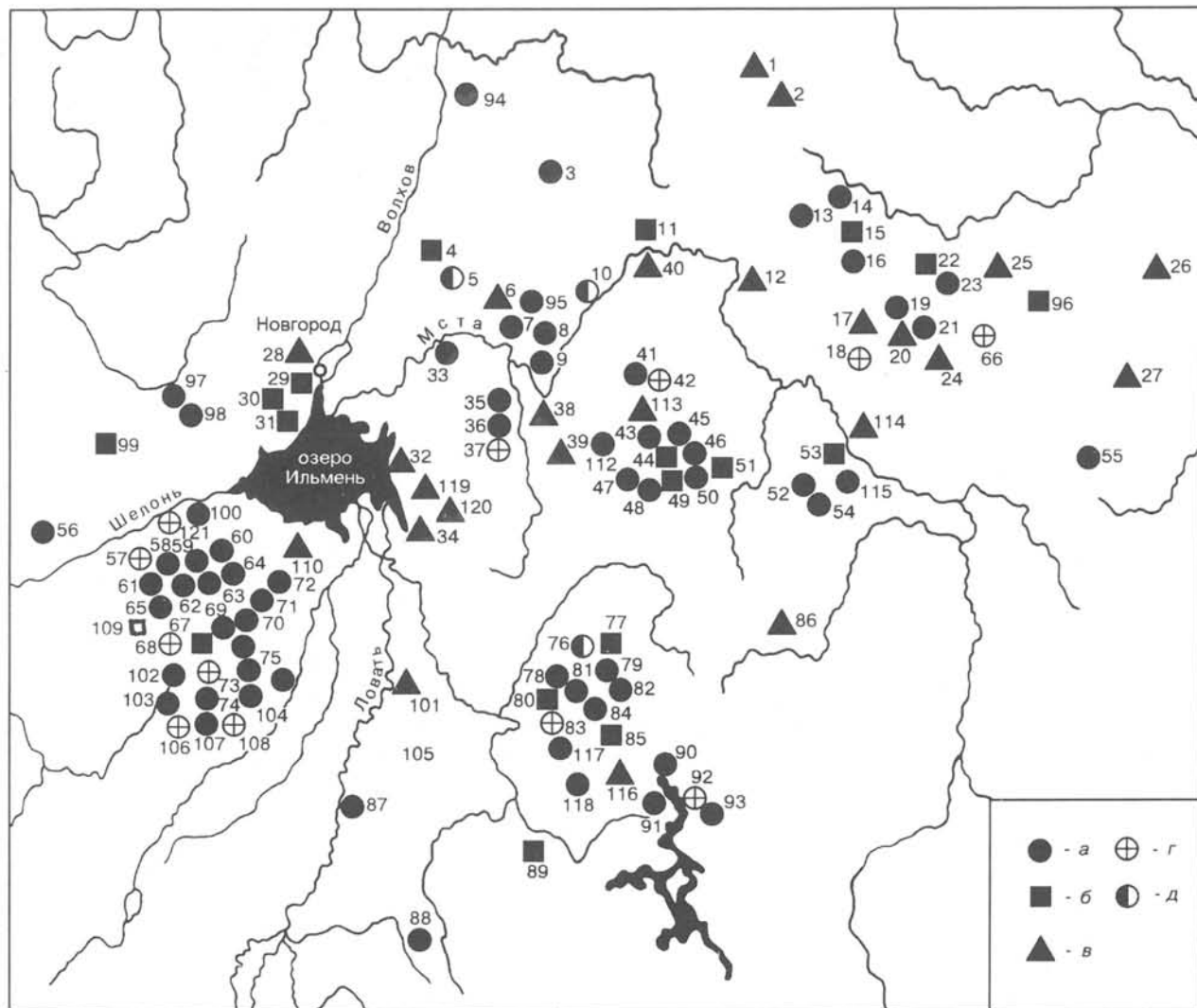
ленных пунктов, расположены в глухих местах и могут быть локализованы только с помощью местных жителей. Кроме того, многие камни были уничтожены в результате хозяйственной деятельности и, прежде всего, широких мелиоративных работ. Данные обстоятельства не позволяют визуально исследовать некоторые из них, что ограничивает материал лишь фиксацией фольклорно-этнографических сведений,

В настоящее время собраны сведения более чем о 120 культовых камнях. Концентрация культовых камней в различных районах Новгородской области частично связана с их обследованностью автором статьи в 1985-1988 гг. (рис. 1). Они представляют собой довольно больших размеров гранитные валуны ледникового происхождения, как правило, расположенные вблизи водных источников озер, рек, ручьев, родников. В ряде случаев почитанием пользуются находящиеся рядом с камнями другие природные объекты: родники или деревья. Примером тому может служить комплекс, расположенный у деревни Горы (рис. 2). Помимо камня, над которым сооружена часовня, он включает в себя родник и каменный крест.

Камни имеют естественно-природную форму, иногда поверхность их гладкая, но чаще всего на них встречаются различного рода углубления, знаки. Некоторые углубления естественного происхождения, то есть образовались в результате геологического выветривания породы. Ввиду некоторого сходства, население интерпретирует их как следы животных или человека. Антропоморфные знаки искусственного происхождения представляют собой углубленные изображения отпечатка человеческой стопы или кисти руки. Выполнялись они, как правило, в технике выемки, то есть порода камня выбиралась по всей площади изображения.

Часто на камнях встречаются разнообразные по форме искусственные углубления цилиндрические, полусферические, прямоугольные в плане. На одном валуне могут быть углубления различной формы, а количе-

* Россия. Новгород. 173000. Кремль. Новгородский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник.

Рис. 1 Схема расположения культовых камней Новгородской области. а - камни следовики; б - камни с выемками; в - камни без следов обработки; г - камни с изображением крестов; д - камни со знаками разных типов. 1 - Репкопский монастырь; 2 - Зеленщина; 4 - Красноборье; 5 - Посад; 6 - Мышья Лука; 7, 8 - Полищи; 9 - Забродье; 10 - Подгорье; 11 - М. Заборовье; 12 - Борки; 13 - Долганово; 14 - Ножкино; 15 - Удовище; 16 - Городок; 17 - Жуково; 18 - Федово; 19 - Высоко; 20 - Новинка; 21 - Березняки; 22, 23 - Шилово; 24 - Глазово; 25 - Кушавера; 26 - Еськино; 27 - Устье; 28, 29 - Новгород; 30 - Гвоздец; 31 - Курицко; 32 - Гостцы; 33 - Полосы; 34 - Лохини; 35, 36 - Рыдино; 37 - Вины; 38 - Вороново; 39 - Березка; 40 - Замостье; 41 - Василево; 42 - Наволок; 43 - Подол; 45, 46 - Борок; 47 - Шлино; 48 - Гришкино; 49 - Белушка; 50 - Прудыщи; 51 - Федорково; 52 - Абросимовка; 55 - Дерягино; 56 - Язвищи; 57 - Середня; 58 - Учно; 59 - Камень; 60 - Горицы; 61 - Крутец; 62 - Еревшо; 63 - Кисляково; 64 - Фомино; 65 - Марьково; 66 - Васильково; 67 - Раменье; 68 - Острова; 69 - Клинково; 70 - Зарема; 71 - Караваево; 72 - Пестово; 73, 74 - Свистуха; 75 - Токариха; 76 - Данилово; 77, 79, 82 - Сухая Нива; 78 - Пенно; 80 - Каменка; 81, 84 - Жирково; 83 - Ст. Брод; 85 - Щеглово; 86 - Едрово; 87 - Куреко; 88 - Слипично; 89 - Линье; 90 - Кузнечково; 91 - Соболево; 92, 93 - Новосел; 94 - Рогачи; 95 - Мышья Лука; 96 - Ильино; 97 - Косицкое; 98 - Голубково; 99 - Подмошье; 100 - Солоницко; 101 - Лоша; 102 - Парние; 103 - Язвино; 104 - Станишно; 105 - Свистуха; 106 - Журавиха; 107 - Бехово; 108 - Горицы; 109 - Марьково; 110 - Пестово; 111 - Шелгуново; 112 - Данилово; 113 - Березка; 114 - Демидово; 115 - Абросимовка; 116 - Соболево; 117 - Ст. Брод; 118 - Усадьба; 119 - Заполье; 120 - Турно; 121 - Мшага.

Fig. 1 Scheme showing the location of sacred rocks in the Novgorod region. а - rocks with "imprints" of feet and hands; б - rocks with depressions; в - rocks without carvings; г - rocks with carved crosses; д - rocks with carved signs of various types.

ство и размеры их варьируют в широких пределах.

На камне у деревни Федорково выработана выемка неправильной формы (рис. 3), а на камне у деревни Подол цилиндрическая выемка (рис. 4).

На некоторых камнях выбит четырехконечный или шестиконечный крест, а также подковообразный знак, в котором население видит след конской подковы.

В некоторых случаях на одном валуне расположены различные знаки и углубления. Так

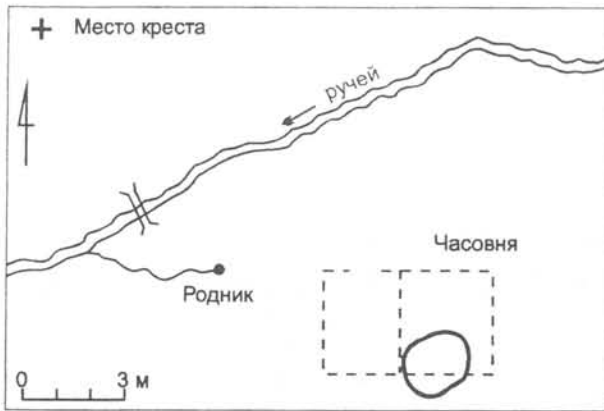

Рис. 2 Схематический план культового комплекса у д. Горы.

Fig. 2 Plan of a ritual complex near Gory.

на камне у деревни Данилово выбиты шестиконечный крест и изображение левой кисти, а на камне у деревни Подгорье углубления прямоугольной и круглой в плане формы, а также изображения "следов".

Особое место занимает камень "Щеглец" у деревни Подол. А.А.Формозов, исследовавший уникальные рисунки на этом камне, находит ближайшие аналогии им на камнях Швеции и датирует эпохой бронзы (Формозов 1965:130-139).

К сожалению, до сих пор не получил распространения трасологический анализ знаков на камнях, позволяющий реконструировать технологию их изготовления, а также определить характер орудия (тип и материал, из которого оно изготовлено).

Собранный материал позволяет произвести классификацию культовых камней. Положив в ее основу характер преобразования камней (углубления, знаки), наиболее целесообразным представляется выделение следующих групп:

1. Камни-следовики (60 объектов).
2. Камни с выемками (22 объекта).
3. Камни с изображением крестов (12 объектов).
4. Камни без следов обработки (23 объекта).

Относительно камней-следовиков еще раз отметим, что наряду с изображениями "следов", искусственное происхождение которых не вызывает сомнений, имеются углубления естественного характера, иногда подправленные рукой человека. В данном случае их происхождение (естественное или искусственное) не имеет принципиального значения. Для нас важна фольклорная интерпретация этих образований.

Сравнение культовых камней Новгородской области с аналогичными памятниками других территорий показывает, что набор их типов в целом един. Исключение составляет Эстония, где на фоне большого количества из-

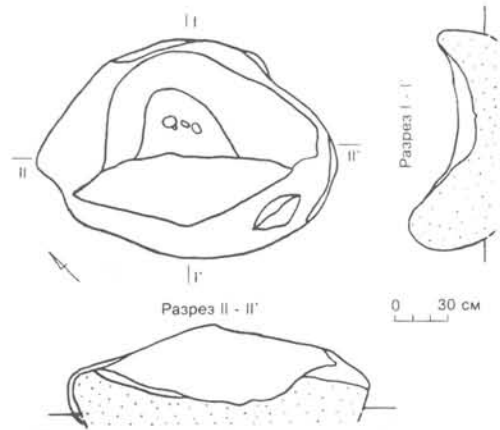

Рис. 3 Культовый камень у д. Федоркино.

Fig.3 Sacred rock near Fedorkino.

вестных памятников такого рода, камни с углублениями полусферической формы абсолютно доминируют (Lõugas 1972:729-732).

Несомненно, изучение камней не может ограничиться анализом лишь внешних признаков. Важной проблемой является выявление хронологии возникновения и бытования культа камней. Определенную помощь здесь могут оказать археологические раскопки прилегающего к камням пространства. Однако, проведенные работы показали, что фактический материал, получаемый в итоге, крайне невелик. Сложность датировки камней усугубляется и тем, что эти объекты не могут быть непосредственно связаны с другими археологическими комплексами поселениями и могильниками.

На территории Новгородской области раскопки проводились у четырех камней. В одном случае исследовался уже упомянутый камень у деревни Данилово, получивший в народе название "Гробовой". У его основания были вскрыты скопление перегоревших камней и яма с зольным заполнением, в которой найдены фрагменты керамики, датируемой XVI в. Керамика того же времени найдена при раскопках у культового камня близ деревни Сухая Нива. Кроме того, здесь была вскрыта вымостка, состоящая из плотно пригнанных друг к другу булыжников со следами обжига. На исследованном валуне выбито два углубления прямоугольной в плане формы и одно цилиндрическое (Мильков 1982:10-12,18-19).

Можно предполагать, что исследованные камни входили в состав ритуальных сооружений и, скорее всего, почитание их было связано с разведением обрядовых костров. Любопытно, что сходные данные получены при раскопках культовых камней на территории Прибалтики (Римантене, Урбанавичюс 1971: 330; Урбанавичюс 1972: 420-421; Васкс 1974: 397-398; Уртан В. 1974: 407-408; Уртан Ю. 1975: 424; 1981: 373;

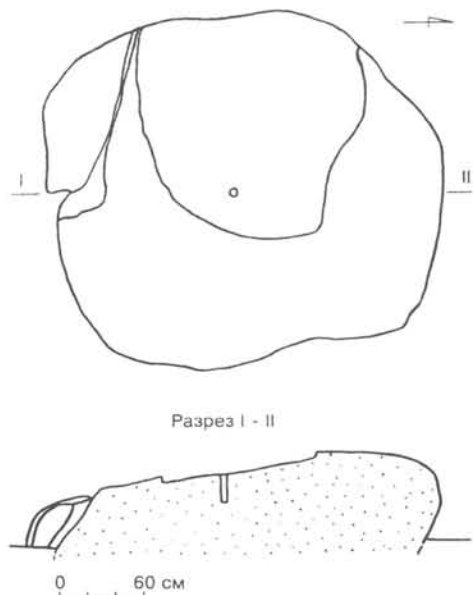

Рис. 4 Культовый камень у д. Подол.

Fig. 4 Sacred rock near Podol.

Стубавс 1979: 474), в частности, в Литве подобные объекты, связанные с камнями (ямы с зольно-угольным заполнением, вымостки), датируются XVI-XVIII вв. (Urbanavičius 1972: 83; 1977:79-89).

Поздние даты, полученные при раскопках, отнюдь не означают, что начало почитания камней относится к этому времени. Скорее всего, они использовались в культовых целях и в более ранний период, но при этом совершавшиеся ритуалы, очевидно, имели характер, исключающий фиксацию их следов археологическими методами. Так при раскопках культового камня у деревни Забродье, на поверхности которого выбито изображение следа стопы и кисти руки человека (рис. 5), какие-либо материальные остатки, имеющие отношение к ритуалу, не обнаружены (Шорин 1986:34).

Данное обстоятельство стимулирует поиск иных путей, один из которых связан с проведением анализа ближайшего археологического окружения исследуемых объектов. В случае выявления определенной категории памятников, топографически связанных с камнями, можно было бы говорить об их хронологической связи. Наши исследования не позволили выделить какую-либо группу ранних памятников, связанных с культовыми камнями. Можно лишь предполагать, что культ камней на разных территориях возникал в разное время. Однако, среди исследованных выделились такие микро-регионы, где известны лишь позднесредневековые памятники. Отсюда следует, что культ

каменей не мог зародиться ранее времени освоения этих территорий.

Таким образом, можно говорить о воспроизводстве культа камней в эпоху позднего средневековья (Шорин 1991).

Этот процесс вполне понятен и закономерен, так как культ камней в данное время имел широкое распространение, являясь неотъемлемой частью культовой практики, а в связи с миграцией населения, он переносился и на вновь освоенные территории.

Косвенные данные, полученные на всей территории распространения культа, позволяют заключить, что почитание камней на Северо-Западе возникает в эпоху раннего металла.

Раскрытие смысла совершавшихся у камней обрядов возможно при анализе фольклорных и этнографических сведений (легенд, преданий, поверий, заговоров, ритуальных действий). Эти материалы, собранные, главным образом, за последние годы, позволяют не только охарактеризовать народные религиозные представления эпохи христианства, но в какой-то степени реконструировать характер культа в эпоху язычества.

По народным представлениям, следы на камнях являются отпечатками ног персонажей христианской мифологии. Так, считается, что след стопы на камне у деревни Караваево принадлежит Параскеве Пятнице, а углубления на камне у деревни Подол, оставлены Богородицей, которая "спустилась с неба по березе и молилась на камне за грехи человеческие". Легенды рассказывают о чудесном появлении камней, связывая их иногда с деятельностью христианских святых. Считалось, что камень, находившийся у деревни Еськино приплыл по реке Колодне из Можай-города, а на камне, расположенном у деревни Долганово, приплыл Никандр Городноозерский, оставивший на нем свой след. Два почитаемых камня аналогичная легенда связывает с именем Антония Римлянина. Один из них лежит в западном притворе собора Рождества Богородицы Антониева монастыря, другой, менее известный, находился на берегу реки Волхов, у порогов (Репников 1903: V.2).

Святость некоторых камней объясняется обретением на них "явленных" икон.

Почитаемые камни наделялись чудодейственными свойствами, способностью исцелять от многих болезней. Магической силой наделялась и вода из углублений на них. Повсеместно этой водой промывали глаза, считалось, что она помогает при глазных болезнях и может даже исцелить от слепоты. О камне с чашеоб-

* Материалы полевых исследований автора. В дальнейшем без сносок.

разной выемкой у деревни Линье легенда рассказывает следующее: "В древности несколько слепых-нищих, переходивших из селения в селение за милостыней, в лесу заблудились и должны были ночевать. Проснувшись рано утром, не знали они, что делать, дороги нет, селений нет, и они начали молиться Богу и угоднику его Николаю Чудотворцу. Тогда один из них напал на камень этот, и на нем ощутив воду, умылся ею и вдруг прозрел. За ним то же сделали и другие и прозрели..." (Новгородский сборник 1865, III: 96-97).

Вода из углублений на камнях у деревень Подол, Шеглово, использовалась для выведения бородавок.

Также широко было распространено поверье о способности камней снимать зубную боль. В этой целью камень грызли или, отколов от него небольшой кусочек, укладывали на больной зуб. При этом иногда произносили магические приговоры. Так, например, прикладывая к большой щеке мох с Некретимого камня у деревни Устье, приговаривали: "Как камень не кретаеся никогда, так и болезнь никогда бы не болела". У камня близ деревни Куричко произносили следующие слова: "Прихожу я к серому камню, Бог помощь, серый камень, не болят ли у тебя зубы, не ломит ли, не колют ли, и черви не точат ли, так и у меня раба (имя) не болели бы, не ломили бы, и черви не точили бы, по сей день, по сей час, по мое слово. Аминь". Под Феклин камень у деревни Замостье закапывали детскую пуповину с тем, чтобы ребенок рос крепкий и здоровый. Подобное же поверье было связано с Некретимым камнем у деревни Новинка.

Слава о целительных свойствах некоторых камней была столь велика, что на поклонение к ним верующие стекались не только из ближайшей округи. Так, большую известность получил камень у деревни Подгорье, с которым связывают несколько случаев чудесного исцеления. По рассказам местных жителей вся поверхность его была покрыта следами человека, животных, углублениями круглой и прямоугольной в плане формы, а собиравшуюся в них воду использовали для омовений и компрессов. Некогда здесь была часовня, которую, по преданию, поставил на свои средства местный торговец, исцелившийся от слепоты. В день памяти Зосима и Савватия, а также Ахтырской иконы Богородицы устраивали крестный ход и у камня совершали молебен, в котором принимали участие священнослужители местной церкви. К сожалению, в 1958 г. по распоряжению властей этот уникальный памятник был уничтожен. Камень взорвали, а фрагменты, на которых находились знаки и углубления, утопили в болоте. В настоящее время почитанием

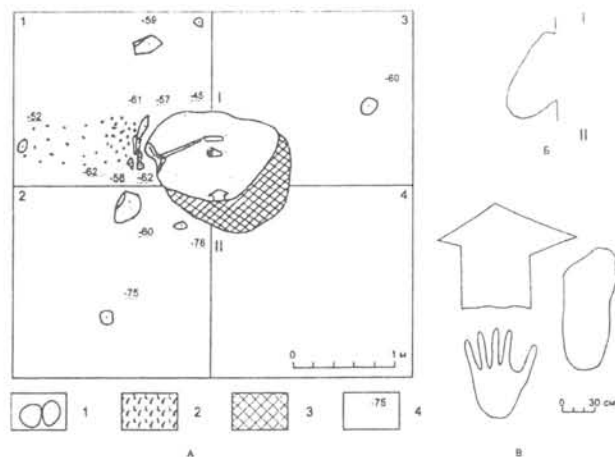

Рис. 5 Культовый камень у д. Забродье. А – план раскопа (1 – камни; 2 – угли; 3 – перекоп; 4 – отметки глубин); Б – профиль; В – прорисовка знаков.

Fig. 5 Sacred rock near Zabrodye. A – plan of excavation (1 – stones; 2 – charcoal; 3 – disturbed layer; 4 – bench-marks); Б – profile of the rock; В – carved signs.

пользуются осколки камня, частично собранные местными жителями.

К почитаемым камням ходили по церковным праздникам, а по необходимости и в будние дни. Для некоторых камней особо чтимым был какой-то один праздник и тогда у них моления принимали массовый характер. Примером такого рода может служить почитание камня у деревни Горы на Николу вешнего. Для камня у деревни Караваево такой день приходится не на праздник церковного календаря, а на особо чтимую в народе ильинскую Пятницу, а также день памяти великомученицы Параскевы. С целью избавления от зубной боли к Феклину камню у деревни Замостье нужно было идти в Великий четверг.

У некоторых камней воздвигали кресты, часовни, служили молебны, в которых принимали участие священнослужители. В качестве приношений на камни клали деньги, полотенца, цветы. Значительно большим разнообразием отличались пожертвования камням на других территориях. В частности, в Белоруссии, к камням приносили холст, шерсть, телят, поросят (Дучиц 1988:63).

Помимо камней, признаваемых святыми, существует довольно многочисленная группа подобных объектов, традиция почитания которых была прервана, и какие-либо сведения, прямо указывающие на их культовое использование, отсутствуют. Среди них выделяются камни, на которых еще в 1930-е годы молодежь

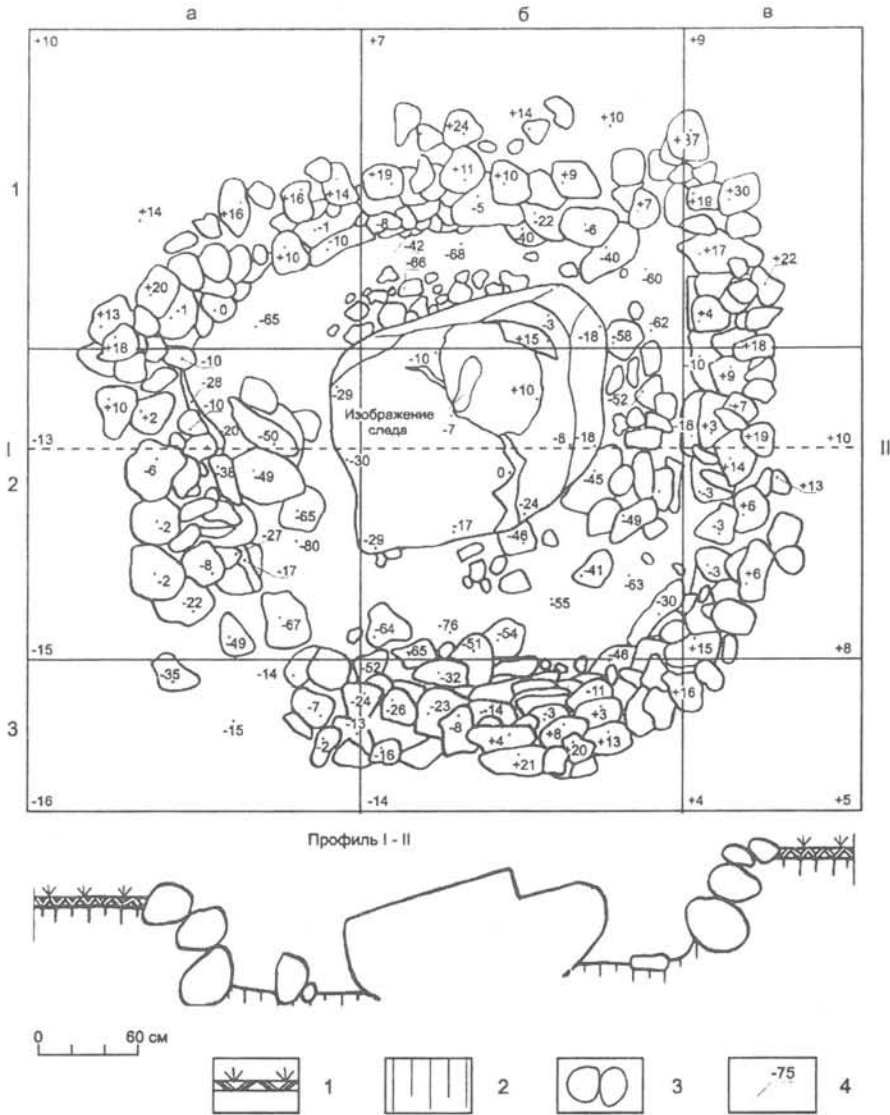

Рис. 6 План раскопа на месте расположения камня Елесина Богородица (1 – дерн; 2 – материк; 3 – камни; 4 – отметки глубин).

Fig. 6 Plan of excavation near the sacred rock Elesina Our Lady.

устроивала традиционные пляски. По воспоминаниям старожилов, в ночь на Ивана Купалу на гигантском валуне около деревни Камень одновременно отплясывало 12 пар. На плоской вершине этого камня некогда находилось изображение следа человеческой стопы, но от длительного разжигания костров оно выкрошилось. К числу подобных объектов относится также Веселый камень у деревни Каменка, камень у деревни Вины и некоторые другие. Вероятно, данные действия некогда имели ритуальный смысл, со временем забывшийся.

Самым примечательным является тот факт, что многие камни имеющие характерные углубления или изображения следов, пользуются у населения недоброй славой. По народным представлениям, они являются "нечистыми", здесь обитает нечистая сила, черти, у камней "водит" и случаются "привидения". "Пойдешь

мимо такого места, особенно, когда навеселе, обязательно что-нибудь случится, и бывало такое увидишь, волосы дыбом встают и шапка слетает, а очнешься уже где-нибудь в глухом лесу или на болоте". Поэтому для безопасности такие места старались обходить стороной, а если случалось, что путь проходил мимо, "бежали без оглядки, от страха забыв все на свете". Один из таких камней, на котором, по рассказам, сидит черт, охраняющий клад, имеет цилиндрическое углубление и расположен среди болот на островке, называемом Скалозубым. Предания о закопанных когда-то кладах повсеместно связаны с подобными камнями, и естественно, было много желающих добыть их. По народным представлениям копать клад большое искусство, и без знания специальных рекомендаций достать его невозможно. Поэтому все эти попытки заканчивались безуспешно.

Самое удобное время для поиска клада — ночь на Ивана Купалу, когда "клады выходят на просушку" и по свечению синего пламени можно определить место, где они находятся.

Неоднозначное отношение к камням, наличие "святых" и "нечистых" объектов, объясняется сложной судьбой культа. Принятие христианства на Руси в качестве государственной религии не привело к разрыву со старыми верованиями. Языческие по происхождению культы, связанные с почитанием камней и других природных объектов, продолжали существовать, а совершавшиеся обряды по-прежнему не имели ничего общего с христианством. На протяжении многих веков церковь и государство вели непримиримую борьбу за искоренение "языческой скверны", свидетельства чему можно найти в письменных источниках различного характера.

В грамоте 1534 г. новгородский архиепископ Макарий сообщает великому князю Ивану Васильевичу, что распространение языческих мольбищ приняло угрожающие масштабы и охватило огромную территорию "... в длину болши 1000 верст, а в широту до Велико-го Новаграда за 60 верст, а инде за 50 и за 40..." (Полное собрание 1851:73).

Таким образом, даже в XVI в. в непосредственной близости от Новгорода, главного оплота христианства на севере Русского государства, население придерживалось языческих обычаев. Архиепископ Макарий направляет в Вотскую пятину священника Илью, предписав ему собирать всех христиан и всем им "... те скверная молбища, камение и дресеса, везде разоряти и истребляти в конец и огнем жеши..." (Дополнения 1846:28). Однако, население продолжало придерживаться древних обычаев, и через несколько лет архиепископ Феодосий был вынужден предпринять аналогичные меры.

Также языческим по своей сути было признано поклонение камню под Переславлем-Залесским, и в начале XVII в. он был закопан (Житие 1909:26).

Это, однако, не означает, что люди, почитавшие камни, считали себя "плохими" христианами. Просто народное и церковное понимание христианства сильно разнились между собой.

Камни, традицию почитания которых церкви удалось прервать, как объекты "идольского служения", попали в категорию "нечистых". Однако, искоренить поклонение камням так и не удалось, и постепенно происходит слияние древней традиции с христианским культом святых мест. Некогда языческие культовые объекты включаются в систему христианского почитания и, как правило, обрядовые действия

у них исполняются в соответствии с нормами христианской религии. Тем не менее в ряде мест еще в нынешнем столетии у камней совершались обряды, в которых христианство явно отступало на задний план. В этой связи показательно жертвоприношение петуха черного цвета на камне у деревни Свистуха. Даже в тех случаях, когда обрядность была приближена к христианским нормам, в ней сохранялись элементы, унаследованные от эпохи язычества и, прежде всего, это касается жертвоприношений. Если подобный объект попадал в поле зрения церкви, эти действия пресекались.

Наши исследования показали, что еще в начале XX в. культ камней был широко распространен на территории Новгородской области.

В почитании камней нашли отражение разновременные представления, находящиеся между собой в неразрывном единстве. В целом в религиозной практике сельского населения в это время сохранялись элементы верований и обрядности, унаследованные от эпохи язычества. Естественно, за столь длительный период они претерпели изменения, трансформировались, но наряду с этим, и христианские идеи и обрядность переосмысливались в духе традиционных категорий религиозного мышления. Все это определило глубинную специфику народного православия на фоне ортодоксальных норм.

В виду сохранения в рассматриваемом культе архаичных элементов, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют не только охарактеризовать религиозные представления эпохи христианства, но и выйти на более древний пласт верований — языческий. Исследования в этом направлении позволили выявить связь камней с культом Велеса, считавшимся в языческий период "богом всея Руси". Прежде, чем привести некоторые данные, прямо или косвенно выявляющие следы культа Велеса, заметим, что функционально значимыми для данного божества были такие признаки, как связь с животными, загробным миром, богатством, плодородием, болезнью и исцелением, установлена змеиная природа Велеса, почитание медведя в связи с культом Велеса, в мифологическом плане "скотий бог" Велес, как его называют летописи, противопоставлен богу-громовику Перуну (Иванов, Топоров 1974; Успенский 1982).

Необходимые сведения могут быть получены при анализе собственных наименований камней. Прежде всего, на непосредственную связь исследуемого культа с Велесом указывают названия камней, отражающие имя божества Елесина Богородица, Волос; или его зооморфные воплощения Медведица, Змеиный камень.

Один из них, именуемый Елесина Богоро-

Рис. 7 Камень в 50 м от камня Елесина Богородица.

Fig. 7 Rock situated 50 m from Elesina Our Lady.

лица, расположен на берегу озера у деревни Ножкино. Он представляет собой гранитную плиту размерами 1,8 x 1,6 x 0,7 м, от верхней части которой отколот большой кусок. Плита находится в центре ямы (3,2 x 2,8 м, глубиной до 0,9 м), стенки которой выложены булыжником (рис. 6). При расчистке культового сооружения в его западной части открылся вход, где ступенями уложены уплощенные камни. Но самая интересная находка обнаружена в кладке стены, это отбитый кусок плиты, на котором находится естественное углубление, имеющее явное сходство со следом человеческой стопы. Можно предположить, что в период борьбы с языческой традицией почитания, "след" был сколот, а сам камень закопан. Однако, население не смирилось с утратой святыни, камень откопали, стенки ямы укрепили булыжником, и культовое сооружение приняло современный вид. Почитание Елесина камня, как его иногда называют, возобновилось и сохранялось вплоть до середины нынешнего столетия. С камнем связана легенда об обретении на нем иконы Богородицы.

В 50 м от исследованного сооружения расположен еще один камень, по форме напоминающий скульптурное изображение животного с четко смоделированной головой (рис. 7). Даже если этот камень имеет естественные преобразования, не исключено, что он использовался в культовых целях (Шорин 1986а:1-5).

Имя Велеса нашло отражение и в названиях некоторых камней за пределами Новгородской области: Велесов камень у деревни Тряслово

Ярославской области (Титов 1885: 80), камень Волос в Белоруссии (Ляко 1992:69-71). С последним камнем было связано представление о его способности исцелять домашних животных. Представления о защитных функциях камней, весьма значимых для выявления намеченной связи, в новгородских материалах отражены слабо. Отметим лишь камень с искусственными углублениями у деревни Шилово, с которым связано поверье о его способности делать диких зверей невидимыми, и тем самым спасать от преследования охотников. Некоторые углубления на камнях связываются с отпечатками звериных лап.

Камень "Медведица" расположен недалеко от Новгорода, в Ильменском Поозерье, и имеет характерные для культовых камней углубления полусферической формы (рис. 8). Он относится к разряду "нечистых". Как уже отмечалось, народные представления связывают с камнями этой группы черта, охраняющего богатство, а сами камни иногда называют Чертовыми. Камни с таким названием широко представлены на территории распространения культа. Они известны в Латвии (Уртанс 1988:12), Литве (Tarasenko 1958: 23, 32-34, 41, 48-52, 55) и Белоруссии (Мялешка 1928: 158, 171). В этой связи показательно, что в своей языческой функции, не ассимилированной христианством, Велес воспринимался в позднее время как нечистый, черт.

Особый интерес представляют легенды, связанные с Чертовыми камнями. Их сюжет является общим для балто-славянского ареала и описывает конфликтную ситуацию, в которой черту противопоставлены такие персонажи как Перкунас или Перун, Илья. Так одна из литовских легенд рассказывает о черте, который сидел на камне, шил туфли и точил косы**. Это очень раздражало Перкунаса, который ударил в камень и расколол его на две части. С тех пор черт на камне не показывался (Tarasenko 1958: 50). По народным представлениям, черту не страшны христианские святые, но он очень боится Перуна, который в былые времена часто бил чертей, сидящих на камне.

Также важны легенды, связанные со "Змеиными" камнями, в самом названии которых находит отражение змеиная природа Велеса. В Новгородской области такой камень расположен на берегу озера Игорьь. Легенда рассказывает о гигантском змее, который жил под камнем и пожирал скот и людей. Не в силах избавиться от него, люди пошли на хитрость: напек-

* В.С.Передольский называет камень "Лосем" (Передольский 1898:206).

** Любопытно, что камень или сидящий на нем черт наделяются способностью шить одежду или туфли, причем туфли были особенные, ими он приманивал девушек, которые одев их начинали танцевать и не могли остановиться.

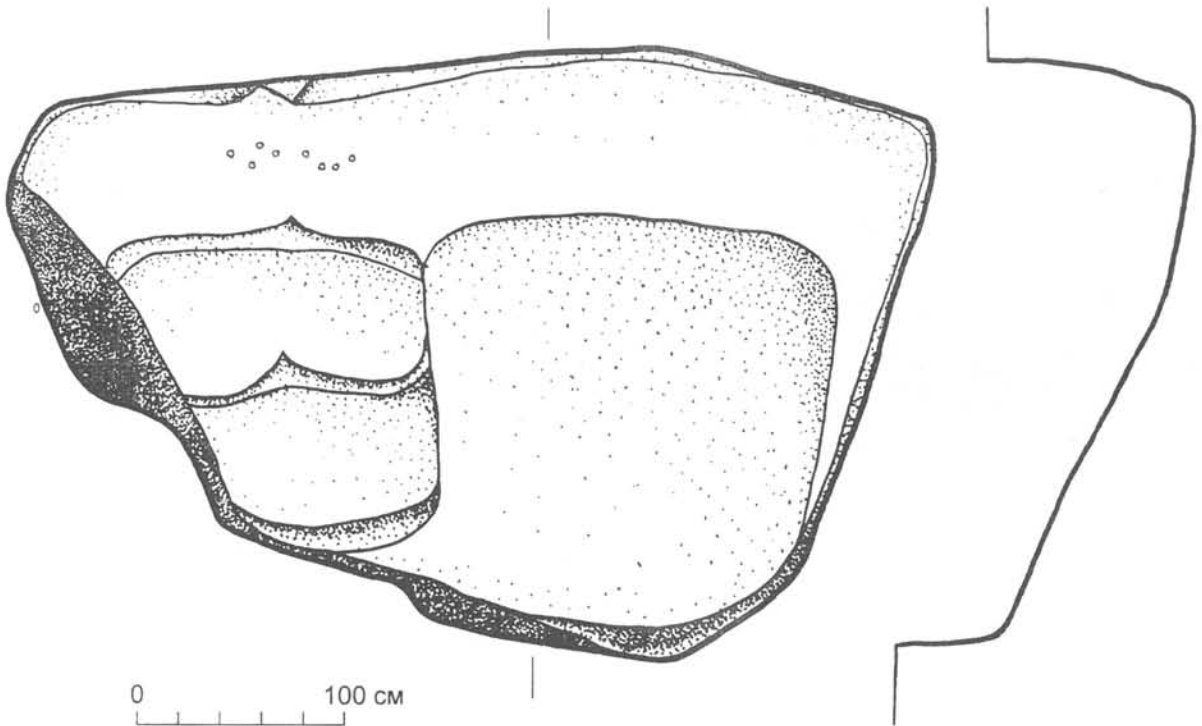

Рис. 8 Культурный камень "Медведица" в Поозерье (рис. Е. Н. Носова).

Fig.8 Sacred rock Medveditsa in Poozerye (drawing by E.N. Nosov).

ли рыбников, куда положили несколько пудов соли. Отведав угощения, змей не мог избавиться от жажды, несколько дней он пил озерную воду и в конце концов лопнул.

Большой интерес для нас представляет легенда, связанная со "Змеиным" камнем на территории Белоруссии. Она рассказывает о змеепортном, который жил у камня. Однажды, когда он был с любимой девушкой, и заснул, нашла большая туча и загремел гром.

Змей бросился бежать, а Перун стал бить в него и на третий раз забил. Люди нашли его и закопали (Мялешка 1928:67-168). Слово "перун" в данном случае употреблено в значении "гром", однако для нас важно, что оно отражает собственное имя языческого Перуна.

Таким образом, легенды согласуются с основным мифом (поединок бога Грозы и его противника) и с его дальнейшими преобразованиями (Иванов, Топоров 1970:325-336; 1974; 1975:54-70). Следующая группа рассматриваемых памятников, на которые необходимо обратить внимание, включает в себя камни, известные под названием "Синие".

На территории Новгородской области зафиксировано семь таких объектов, но они распространены и за ее пределами. Наибольшую известность получил "Синий" камень под Переславлем-Залесским, почитание которого красочно описывает Житие преподобного Иринарха: "... бысть во граде Переславле ка-

мень за Борисом и Глебом в бояраку, в нем же вселися демон, мечты творя и превлачая к себе из Переаславля людей: мужей и жен и детей их, и рассевая сердца в праздник великих верховных апостолов Петра и Павла. И они слушаху его и к нему стекахуся из году в год и творяху ему почесть..." (Житие 1909:26).

В отношении других камней мы имеем лишь косвенные указания на их культовое значение. Так на Синем камне у деревни Обод Псковской области устраивали пляски на праздник Ивана Купалы (сведения А.А.Панченко), а о Синем камне у устья реки Учемки Ярославской области старожилы говорят, что он "какую-то силу имел" (сведения А.В.Курбатова). С Синим камнем у деревни Вороново Новгородской области было связано традиционное состязание в силе, в котором участвовало по шесть мужчин от каждой деревни. Победителем считалась та "команда", которая поднимала камень выше. Обычай поднимания камня явно имел некогда ритуальный смысл, в Белоруссии, например, сходным образом поднимая священный камень, совершали обряд вызывания дождя* (Ляўкоў 1992:64-69).

Проведенные нами исследования показали, что использованный в названии камней эпитет "синий" не является цветообозначающим признаком, а имеет символическое значение, он указывает на соотнесенность объекта с загробным миром, смертью (Шорин 1988:94-97), а как

* Важно отметить, что в обряде участвовало девять женщин, исключительно вдовы.

уже отмечалось, связь с потусторонним миром характерна для бога Велеса.

Интересна подборка имен святых, в дни памяти которых народ посещал культовые камни. Как показали исследования Б. А. Успенского, древние представления о Велесе в христианскую эпоху трансформировались и были частично перенесены на таких персонажей, как Никола, Петр, Власий и некоторых других (Успенский 1982). Особый интерес представляет Параскева Пятница, которая явилась как бы наследницей языческой богини Мокоши, переняв ряд важнейших функций последней. Между тем, ряд общих черт в почитании Мокоши и Велеса объединяет их. Выше мы уже приводили случаи связи камней с культом Николы и Параскевы Пятницы.

Согласно древним славянским представлениям, потусторонний мир, которым "заведовал" Велес, являлся не только средоточием смерти, но источником целительной силы, плодородия. В этой связи становится понятно использование священных камней в лечебной магии. Наиболее часто распространен мотив исцеления от слепоты при помощи камней. Легенды также повествуют о чудесном исцелении или наказании слепотой в случае неуважительного отношения к камню. В настоящее время установлено, что связь со слепотой и исцелени-

ем характерна именно для Велеса (Иванов, Топоров 1974:130; Успенский 1982:91,93).

Другое важное наблюдение связано с наличием на камнях-следовиках изображений следов исключительно левых стоп и ладоней. Разумеется, это относится лишь к следам искусственного происхождения. Такая особенность изображений не могла оказаться случайной, и была чрезвычайно значима, как в мифологическом, так и в ритуальном плане. Исследованиями последних лет установлено, что признак "левый" был показателем для мифологического существа, связанного с потусторонним миром, каким и являлся Велес (Успенский 1973:145; 1962:43). Будучи богом мертвых, он мыслился невидимым для живых, и поэтому мог являть свое присутствие через след, посредством которого камню передавались его сила и свойства. Иными словами, в эпоху язычества культовые камни представлялись воплощением Велеса (Шорин 1988:61-62).

Таким образом, имеющиеся факты позволяют утверждать, что культ камней возник на Северо-Западе в глубокой древности. В дальнейшем, после расселения здесь славян, на него наложился культ бога Велеса, а в христианскую эпоху он в трансформированном виде явился заметной частью народного православия.

- Апичков, И. В.* 1915. Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии. Москва.
- Васк, А.* 1974. Раскопки могильника и святилища около г. Резекне // Археологические открытия 1973 г.: 397-398. Москва: Наука.
- Дополнения.* 1846. Дополнения к Актам историческим I. Санкт-Петербург.
- Дучиц, Л. В.* 1985. Культовые валуны, каменные идолы и кресты на территории Белоруссии. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Краткие тезисы докладов к предстоящей научно-практической конференции: 63-65. Псков.
- Житие.* 1909. Житие преподобного Иринарха, затворника Ростовского Борисоглебского монастыря. Санкт-Петербург.
- Иванов, В. В., В. Н. Топоров.* 1970. К семиотическому анализу мифа и ритуала (на белорусском материале) // "Sign Language. Culture": 321-389. Paris: Mouton.
1974. Исследования в области славянских древностей. Москва: Наука.
1975. Инвариант и трансформация в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа (1895-1970): 44-76. Москва.
- Мильков, В. В.* 1982. Отчет о проведении археологических работ отрядом Новгородского музея в 1982 году // Архив Института археологии РАН.
- Новгородский сборник.* 1865. Вып. III. Новгород.
- Новгородский сборник.* 1865. Вып. IV. Новгород.
- Передольский, В. С.* 1898. Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород.
- Полное собрание.* 1851. Полное собрание русских летописей V. Санкт-Петербург.
- Порфиридов, Н. Г.* 1940. Камни с изображениями и знаками // Новгородский исторический сборник 7: 115-118.

- Репников, Н. И.* 1903. Поездка Репникова в Старую Ладугу // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества VII.
- Римантене, Р., В. Урбанавичюс.* 1971. Языческое святилище в Жемайтии // Археологические открытия 1970 года: 330. Москва: Наука.
- Стубис, А.* 1979. Ступельская экспедиция // Археологические открытия 1978 года: 474. Москва: Наука.
- Титов, А.* 1885. Ростовский уезд Ярославской губернии. Санкт-Петербург.
- Урбанавичюс, В.* 1972. Языческие святилища XVI-XVII вв. в Литве // Археологические открытия 1971 года: 420-421. Москва: Наука.
- Урман, В.* 1974. Работы Айзкраульской экспедиции // Археологические открытия 1973 года: 407-408. Москва: Наука.
- Урман, Ю.* 1975. Валун "Крауклю Акменс" // Археологические открытия 1974 года: 424. Москва: Наука.
1981. Охранные раскопки в Восточной Латвии // Археологические открытия 1980 года: 373. Москва: Наука.
- Успенский, Б. А.* 1973. "Правое" и "левое" в иконописном изображении // Сборник статей по вторичным моделирующим системам: 137-145. Тарту: Тартуский государственный университет.
1982. Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николы Мирликийского). Москва: Московский государственный университет.
- Формозов, А. А.* 1965. Камень "Щеглец" близ Новгорода и камни-следовики // Советская этнография 5: 130-139.
- Шорин, М. Ф.* 1986. Культовые камни на территории Новгородской области // Археологические открытия 1984 года: 34. Москва: Наука.
- 1986а. Отчет о работе отряда областной археологической экспедиции Новгородского музея в 1986 году // Архив Института археологии РАН.

1988. О цветовой символике в связи с интерпретацией культовых камней // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тезисы научно-практической конференции): 94-97. Новгород.
1988. Семантика некоторых изображений на культовых камнях // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов к предстоящей научной конференции по теме: "Древнерусское язычество и его традиции": 61-62. Псков.
1991. Вопросы классификации и датировки культовых камней (по материалам Новгородской области) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 205: 77-83.
- Caune, A. 1970. Pēdakmēņi Latvijā // Dabas un vēstures kalendārs, 1971: 247-251. Rīga: Zinātne.
- Lõugas, V. 1972. Väikeste lohkudega kultusekivid // Eesti loodus 12: 729-732.
- Ляўкоў, Э.А. 1992. Маклівыя сведкі мінуўшчыны. Мінск: Навука і тэхніка.
- Мялеўка, А. 1982. Камень у вераньнях і паданьнях беларуса // Працы катэдры этнографіі Аддзелу гумантарных навук Беларускай АН 1:155-182.
- Tarasenka, 1958. Pedos akamenije. Vilnius.
- Urbanavičius, V. 1972. Mitologinių akmenų tyrinėjimai 1970-1971 m. // Archeolininiai ir etnografiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1970 ir 1971 m.: 83. Vilnius.
1977. Senujų tikėjimų relikvai Lietuvoje XV-XVII amžiais (4. Pagoniškos šventivietės XVI-XVII amžiais) // Труды Академии наук Литовской ССР 3(60): 79-89.
- Urtans, J. 1990. Pēdakmēņi robežakmēņi muldakmēņi. Rīga: Avots.

THE SACRED ROCKS OF THE NOVGOROD REGION

The article focuses on one of the least studied categories of archaeological monuments: the sacred rocks. Because the cult of rocks was part of many religious systems, these objects are a valuable source of information concerning ancient rites. Their study may shed light upon the old Slavic ritualism and its relationship with pre-Christian mythology as well as with the Christian ideology.

Sacred rocks occur all over the forest zone of European Russia and also in Belorussia and in the Baltic states. The present author has collected information on more than 120 sacred rocks of the Novgorod Region (fig.1). Most of them are situated near the water sources (lakes, rivers, streams, and springs). Sometimes springs and trees in the vicinity of the rocks are also worshipped. One of the examples is a complex situated near the village of Gory. Apart from the rock, above which a chapel has been constructed, it includes a spring and a stone cross.

The rocks described in this article are large granite boulders of glacial origin. Their natural surface is smooth, but in most cases it is covered with carved signs. Some natural depressions are interpreted by the local people as tracks of animals or humans. Artificial anthropomorphic signs are carved representations of footprints or handprints (fig. 5). Artificial depressions, cylindrical (fig. 3), hemispherical (fig. 10), rectangular, or irregular in shape (fig. 2), are common. Some rocks bear carved representations of four-pointed or six-pointed crosses or signs shaped like a horseshoe.

Especially important is the rock known as Shcheglets (fig. 4). A.A. Formozov, who has studied unique carvings on it, finds their nearest parallels among the Bronze Age rock art of Sweden (Formozov 1965: 130-139).

According to the nature of representations, the sacred rocks can be classified into the following groups:

- (1) Rocks bearing representations of footprints and handprints (60);
- (2) Rocks with artificial depressions (22);
- (3) Rocks with crosses (12);
- (4) Rocks without carvings (23).

It is evidently not enough to register the size of the rocks. The adjacent space, too, must be studied. So far, in the Novgorod Region, these studies have been very limited in scope. In two instances, ash and charred stones were found near the sacred rocks, and in one of these cases, a pavement made of tightly adjusted slabs was discovered. Among the ash, fragments of vessels dating from the 16th century were found (Mil'kov 1982: 10-12, 18-19). Similar finds were made during the excavations near the sacred rocks in the Baltic area, specifically in Lithuania where the assemblages associated with the sacred rocks (pits with charcoal and ash, and stone pavements) date back to the 16th - 18th centuries (Urbanavičius 1972: 83; 1977: 79-89). It may be suggested that the rocks belonged to complex ritual associations, and that the making of fires was part of the ritual.

The fact that artifacts associated with the rocks are late does not in the least imply that the cult itself is recent. Far more likely, the rocks have been worshipped since much earlier times, but nothing has been left from the rites performed around them. In fact, the ground around some rocks with carvings is absolutely sterile.

This makes it necessary to look for a broader archaeological context in which the sacred rocks could be placed. So far, our attempts at finding such a context have failed. Because in some regions only late medieval sites are known, it is only possible

to suggest that the cult existed in that period (Shorin 1986, 1986a, 1991).

It would be very important to link the cult of rocks with folklore and ethnographic evidence. Field studies have shown that the rocks were still being worshipped in the early 20th century. In some places, the cult still exists. "Footprints" on the rocks are being attributed to Christ, Virgin Mary, Paraskeue (Friday), or some local saint. The rock itself, as well as the water taken from the depressions in it, were believed to have miraculous healing properties. A tradition of offerings existed (money, food, wool, etc. were being left near the rocks). In rare instances, rites having little if anything to do with Christianity were performed nearby.

While some rocks are still regarded as sacred, there are many others which are no longer worshipped. No direct evidence suggesting that they were worshipped in the past is available. Near some rocks, festivals were held. On the nights before Ivan Kupala's (St. John the Baptist's day, a festival very popular with Russian peasants), the flattened top of a huge boulder near the village of Kamen' provided enough space for twelve pairs of dancers (fig. 7). These festivals apparently derived from pre-Christian rituals.

However, many rocks bearing depressions, "footprints" and "handprints" are believed to be "evil". According to traditional beliefs, they are haunted by evil spirits, and are referred to as Devil's rocks.

Such a dual attitude is explained by the complex history of the cult. Over many centuries, both the Orthodox church and the state attempted to eradicate remnants of pagan beliefs and objects associated with them. In places where these attempts had succeeded, the ritual practice was interrupted and the rocks were regarded as "evil". In other places, however, the ancient tradition continued and gradually merged with the Christian custom of worshipping holy places. Pre-Christian beliefs were transformed, but the Christian ones, too, were reinterpreted. Eventually, a specific brand of "folk Orthodoxy" emerged.

With regard to ancient beliefs, one should recollect the central Indo-European myth of the fight between the Thunderer and his adversary. Several Russian writers (V.V. Ivanov, V.N. Toporov, and B.A. Uspensky) have reconstructed this myth and traced its later transformation.

Several important features make it possible to link some of the sacred rocks with the cult of god Veles. They include the following: the rocks are related to the animal cult (many of them bear "animal tracks", and were believed to protect animals from evil spirits); also, they are associated with material wealth (cf. tales of treasures), healing, blindness as a punishment and the recovery of sight; they are often situated close to the water sources; and finally, some were called Volos (Veles), Elesina (Our Lady), Wet Rock, etc.

Especially noteworthy is a group of rocks named Devil's Rocks or Serpent's Rocks. These are known in Russia, Lithuania, Latvia, and Belorussia. The legends associated with them are common over the entire Balto-Slavic area and describe a conflict between Devil, or Serpent, on the one hand, and Perkunas, Perun, or Elijah, on the other.

Another group includes rocks known as "Blue". It has been demonstrated that this epithet does not refer to an actual colour. Rather, it is a symbolic attribute denoting relationship with the other world and death. This relationship is also inherent in Veles (Shorin 1988: 94-97).

Another important observation is that only left feet and hands are represented. The left side, too, was associated with the other world and with Veles who, being the god of the dead, was invisible for the living. His presence (and thereby his strength) was manifested only through his footprints. In the pre-Christian times, then, the sacred rocks were personified as Veles.

It may be suggested that rocks were worshipped in the Northwest from times immemorial. After the Slavs had colonized the region, the Veles cult was added to the ancient beliefs, and after the advent of Christianity it was transformed and became an integral part of folk Orthodoxy.

СКРАМАСАКС ИЗ ПСКОВСКОГО НЕКРОПОЛЯ X — НАЧАЛА XI ВВ.

А.Р. АРТЕМЬЕВ*

Летом 1985 г. в Пскове при работах археологической экспедиции во главе с В.В.Седовым в раскопе VI на ул. Ленина был найден боевой нож-скрамасакс (рис.1: 1). Его обнаружили в предматериковом слое вблизи погребений 42 и 42а городского некрополя (Седов, Лабутина, Белецкий, Волочкова, Закурина, Кильдюшевский, Колосова, Плоткин, Фараджева, Харлашов 1985: 28, 29, 47, 75, рис. 82, 102). По-видимому, он происходит из погребения кургана, насыпанного над ними и позже перекрытого культурными напластованиями города XII-XX вв. Никаких других находок в двух погребениях, содержащих остатки трупосожжений, не встречено, поэтому датировать остатки кургана следует как и весь могильник X-началом XI вв. (Лабутина, Кильдюшевский, Урьева 1981:76)**.

Общая длина псковского скрамасакса 37,5 см, длина лезвия 28 см, а ширина лезвия 2,4 см (конец черешка загнут). Эти размеры немного не отвечают критериям, разработанным Я. Петерсеном, который полагал, что боевые ножи должны быть не менее 30 см длиной при ширине лезвия по крайней мере в 3 см (Petersen 1951:188). Тем не менее сомнений в боевой принадлежности ножей с шириной лезвия менее 3 см у исследователей нет. Просто мода, которая определяла внешний вид ножей, была, по мнению П.-Л.Лехтосало-Хиландер, совершенно различной в Западной Скандинавии и в регионе Балтики (Lehtosalo-Hilander 1982:19). Узколезвийные скрамасаксы особенно многочисленны в Финляндии (Salmo 1938:160; 1952: 393, 494), где их, по-видимому, впервые начали изготавливать. Кроме того, они найдены в Швеции на Готланде и в Бирке (Arne 1934: 63, рис.X:5; Arbman 1940: рис.VI:5), а также в Латвии

(Latvijas PSRA 1974: рис. 55: 25, 60: 28, 64:16) и в Эстонии (Mandel 1977: 240-242, рис.3).

На территории Древней Руси к настоящему времени найдено 13 боевых ножей X в., к которым следует добавить скрамасакс из погребения на некрополе Херсонеса, где несомненно был захоронен дружинник из русского войска.

Перечислим их.

1. *Залюцик*. Юго-Восточное Приладожье. Скрамасакс длиной 27 см, длина лезвия 23 см, ширина 2 см. Сохранились остатки ножен. Найден в кургане I при раскопках Д.Е.Европеуса в 1874 г. Дата по А.Н.Кирпичникову вторая половина X в. (Кирпичников 1966: 102), по С.И.Кочкуркиной X в. (Кочкуркина 1973: 100, 101; 1989: 199,200).

2. *Горка Никольская*. Юго-Восточное Приладожье. Сохранились обломок лезвия длиной 14 см и шириной 3,8 см, а также оковки ножен. Найден в Кургане 2 при раскопках Д.Е. Европеуса в 1877 г., датирован А.Н.Кирпичниковым второй половиной X в. (Кирпичников 1966: 102), а С.И. Кочкуркиной X в. (Кочкуркина 1973: 106, 107; Кочкуркина, Линецкий 1985:18).

3. *Гнездо*. Смоленская область. Скрамасакс из кургана, найден в 1890 г., размеры неизвестны (Сизов 1902:71; Кирпичников 1966:102).

4. *Гнездо*. Смоленская обл. Скрамасакс длиной 48 см, шириной 3 см, у А.Н.Кирпичникова 3,3 см, и спинкой лезвия толщиной 1,3 см. Найден в кургане 18 при раскопках С.И.Сергеева в 1901 г. Датируется X в. (Сизов 1902:99, рис.69; Кирпичников 1966:102).

5. *Гнездо*. Смоленская область. Скрамасакс разломанный на три части общей длиной 50,5 см. Длина лезвия 37,5 см, ширина 2,3 см. Рукоять его покрыта бронзой и имеет на конце

* Россия. Владивосток. 690600. ул.Пушкинская, 89. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока.

** Как известно, средневековый некрополь Пскова был официально открыт в 1974 г. (Лабутина 1975:22). Однако, по предположению С.В.Белецкого могильник мог быть найден еще в 1954 г., когда раскоп экспедиции Государственного Эрмитажа на месте Дома связи, по независимым от нее причинам, не был доведен до материка (Белецкий 1980:18). По нашему мнению, он был все-таки открыт, но не атрибутирован именно тогда. Дело в том, что раскоп 1954 г. на южном и восточном участках был все же завершен (Гроздилов 1962:27) и в его нижних слоях обнаружили умбоны от щитов и ладейные заклепки (Гроздилов 1954:23,24; 1962: рис.51:1), которые, за редким исключением, встречаются именно в курганных древностях X-XI вв.

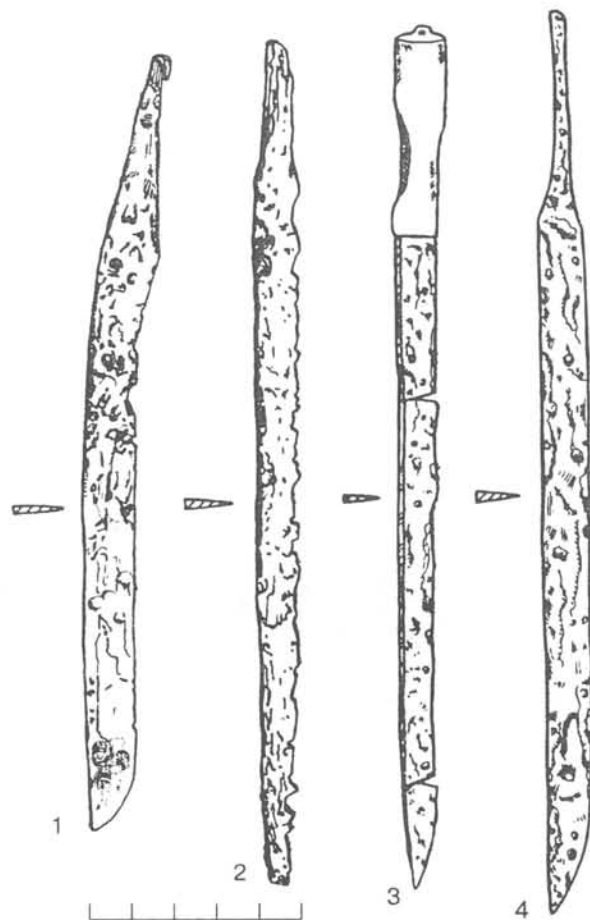

Рис. 1 Скрамасаксы: 1 — Псков; 2 — Шестовицы; 3 — Гнездово; 4 — Михайловское

Fig. 1 Scramasaxes: 1 — Pskov; 2 — Shestovitsy; 3 — Gnezdovo; 4 — Mikhailovskoye.

ушко для шнура, закреплявшего оружие на руке (рис. 1:3). Сохранились остатки кожаных ножен с бронзовыми городчатыми обоями и Т-образными прорезями. Найден в кургане II Заольшанской курганной группы при раскопках экспедиции кафедры археологии Московского государственного университета в 1979 г. Датируется серединой второй половиной X в. (Авдусин, Каменецкая, Пушкина 1980:43; Каменецкая 1991:141, 144, 165, рис. 5:1,9:1). Металлографическое исследование, выполненное Л.С. Розановой, показало, что скрамасакс был "откован в классической схеме трехслойного пакета и закален, структурное состояние - мартенсит со значительными участками троостита, микротвердость мартенсита - 724, троостита - 322-350 кг/мм². Качество исполнения высокое: сварочные швы тонкие, чистые, ровные" (Пушкина, Розанова 1992:215, рис.6:1).

6. *Михайловское*. Ярославская область. Скрамасакс длиной 43 см, с лезвием длиной 33 см и шириной - 2 см (рис. 1:4). Найден при раскопках 1899 г. в кургане, датируется X в. (Стан-

кевич 1941:22, табл. VI:2; Кирпичников 1966:102, рис.17:1).

7. *Тимерево*. Ярославская область. Скрамасакс длиной 36 см в ножнах с бронзовой оковкой был найден в 1977 г. при раскопках экспедиции Государственного исторического музея в кургане 295, датируется серединой X в. (Пальм, Недошивина, Фехнер 1978:72; Недошивина 1991:170,171).

Еще два больших ножа из Тимерева: один из кургана 364 (Недошивина 1991:171), а другой с поселения (Дубов 1982:130,181, рис.44:4) нами не учитываются ввиду их недостаточной для скрамасаксов величины соответственно 22 и 23 см.

8. *Шестовицы*. Черниговская область. Украина. Скрамасакс длиной 54 см (по Д.И.Блифельду) и 48 см при длине лезвия 39 см и ширине 3 см (по А.Н.Кирпичникову). Сохранились остатки деревянных ножен с бронзовой обкладкой, наконечником и пластинкой для подвешивания. Найден в 1925 г. при раскопках П.И. Смоличева в кургане 2 (курган 36 по Д.И.Блифельду), датируется X в. (Агне 1931:290, 291; Кирпичников 1966: 102; Бліфельд 1977: 129).

9. *Шестовицы*. Черниговская область. Украина. Скрамасакс длиной 51 см с лезвием длиной 42 см и шириной - 2,5 см. Сохранились остатки деревянной рукояти и ножен с бронзовым наконечником и городчатыми обоями, очень сходными с обнаруженными в 1979 г. в Гнездово, а также бронзовые кольца для подвешивания. Найден в кургане 12 П.И.Смоличевым в 1925 г. (курган 145 по Д.И.Блифельду), датируется X в. (Агне 1931:292-294, рис.44:a; Кирпичников 1966:102; Бліфельд 1977:189, табл.38:5,6).

10. *Шестовицы*. Черниговская область. Украина. Скрамасакс с деревянной рукоятью в ножнах с бронзовым наконечником и бляхой для подвешивания к поясу. Размеры неизвестны. Найден в 1927 г. при раскопках П.С.Смоличева в кургане 25 (курган 110 по Д.И.Блифельду), датируется X в. (Бліфельд 1977:90, i76).

11. *Шестовицы*. Черниговская область. Украина. Скрамасакс длиной 41 см, с лезвием (конец обломан) длиной 35 см и шириной - 2,1 см (рис. 1:2). Найден в 1946 г. при раскопках Я.В.Станкевич в кургане 6 (курган 98 по Д.И.Блифельду) — X в. (Станкевич 1962: 26, рис. 10: 2; Кирпичников 1966: 102).

12. *Шестовицы*. Черниговская область. Украина. Скрамасакс разломанный на три части, концевая из которых не сохранилась. Общая длина двух оставшихся частей - 44 см длина лезвия - 33 см, ширина - 2,4 см и толщина спинки лезвия - 0,7 см. Были найдены также бронзовые обоймы и наконечник от ножен

ножа. Датируется он X в. (Блифельд 1952: табл.2:4; 1977:165; Кирпичников 1966:102).

13. *Херсонес* (Корсунь). г.Севастополь. Крым. Скрамасакс длиной 46,5 см, с лезвием длиной 36,5 см и шириной - 2,1 см. Найден в 1910 г. при раскопках Р.Х.Лепера на некрополе Херсонеса в погребении воина, совершенном в позднеантичной могиле IV-X вв. Датируется X в. (Колесникова 1975:265, рис.1:а).

Совершенно очевидно, что боевые ножи финно-скандинавского облика почти или совсем не использовались древнерусскими воинами. В каталогах А.Н. Кирпичникова, изданных в 1966 г., учтены 109 мечей IX-первой половины XI вв., 290 копий и 211 топоров X-XI вв. (Кирпичников 1966:74-84,90; 1966а:68-78,96,97), которым противостоят всего 13 скрамасаксов X в. Все скрамасаксы, за исключением псковского и херсонесского, происходят из курганных могильников или районов, где сконцентрированы могильники, с наибольшим в Древней Руси процентом скандинавских захоронений (рис.2). Согласно подсчетам А.Стальсберг, процент скандинавских погребений от общего числа погребений составляет в Михайловском могильнике максимум 8,4%, минимум 3,7%, в Большом Тимерёвском могильнике соответственно 8,5% и 1,34%, а в Гнездово 7,7% и 2,5% (Stalsberg 1979:157). В настоящее время Д.А.Авдусин относит к скандинавским более 100 гнездовских погребений (Авдусин 1991:12).

Д-М.Блифельд полагал, что из 147 опубликованных им курганов Шестовицкого могильника около 20 скандинавские, что составляет примерно 13% от всего их количества. Важно отметить, что среди них 4 из 5 курганов, где были найдены скрамасаксы (Блифельд 1977: 106-108). Не вызывает сомнений и скандинавская принадлежность погребений со скрамасаксами из курганов в Залюшике и Горке Никольской в Юго-Восточном Приладожье (Stalsberg 1982: 275, 292, 295). В Псковском некрополе, где в 1991 г. число открытых захоро-

Рис. 2 Археологические памятники с находками скрамасаксов на территории Древней Руси

Fig.2 Old Russian sites with scramasaxes.

нений достигло 65, скандинавские погребения также присутствуют (Габутина 1992: 64-67, 71-75, 80, рис. 1, 2, 4-6) и, надо полагать, найденный скрамасакс маркирует одно из них. Можно согласиться с А.Н. Кирпичниковым, который справедливо полагает, что в XI-XII вв. на Руси "воинские ножи в большинстве случаев не отличаются от обычных бытовых" (Кирпичников 1966:72). Однако, вывод о редкости изготовления "специально боевых ножей" на наш взгляд преждевременен. Среди археологических материалов из городов Северной Руси существует серия узколезвийных ножей длиной в среднем 25 см и деталей от ножен к ним. Возможности их употребления для хозяйственных работ весьма ограничены, что позволяет считать их боевыми, но это уже тема отдельной статьи.

Авдусин, Д.А. 1991. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города): 3-20. Москва: Московский государственный университет.

Авдусин, Д.А., Е.В.Каменецкая, Т.А.Пушкина. 1980. Раскопки в Гнездово // Археологические открытия 1979 года: 43-44. Москва: Наука.

Белецкий, С.В. 1980. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 160: 3-18.

Блифельд, Д.И. 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиць. Київ: Наукова думка.

Гроздиков, Г.П. 1962. Раскопки древнего Пскова // Археологический сборник 4: 7-76. Ленинград: Государственный Эрмитаж.

Дубов, И.В. 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Ленинград: Ленинградский государственный университет.

Каменецкая, Е.В. 1991. Заольшанская курганная группа Гнездова // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города): 125-174. Москва: Московский государственный университет.

Кирпичников, А.Н. 1966. Древнерусское оружие 1 // Свод археологических источников Е1-36. Москва-Ленинград: Наука.

1966а. Древнерусское оружие 2 // Свод археологических источников Е1-36. Москва-Ленинград: Наука.

Колесникова, Л.Г. 1975. Погребение воина на некрополе Херсонеса // Советская археология 4: 264-267.

Кочуркина, С.И. 1973. Юго-Восточное Приладожье в X-XIII вв. Ленинград: Наука.

1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионезья X-XIII вв. Петрозаводск: Карелия.
- Кочуркина, С.И., А.М. Ливневский. 1985. Курганы летописной веси X-начала XIII века. Петрозаводск: Карелия.
- Лабутина, И.К. 1975. Раскопки в Пскове // Археологические открытия 1974 года: 21-22. Москва: Наука.
1992. Открытие псковского некрополя // Археологи рассказывают о древнем Пскове: 63-80. Псков.
- Лабутина, И.К., В.И. Кильдюшевский, А.Ф. Урьева. 1981. Древнерусский некрополь Пскова (по раскопкам 1976 г.) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 166: 69-77.
- Мальм, В.А., Н.Г. Недошвицина, М.В. Фехнер. 1978. Исследования Тимереvского могильника близ Ярославля // Археологические открытия 1977 года: 72-73. Москва: Наука.
- Недошвицина, Н.Г. 1991. Предметы вооружения, снаряжение всадника и верхового коня Тимереvского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси: 165-181. Москва: Институт археологии АН СССР.
- Пушкина, Т.А., Л.С. Розанова. 1992. Кузнечные изделия из Гнеzdova // Российская археология 2: 200-220.
- Седов, В.В., И.К. Лабутина, С.В. Белецкий, О.К. Волочкова, Т.Ю. Закурита, В.И. Кильдюшевский, И.О. Колосова, К.М. Плоткин, Н.Н. Фардужева, Б.Н. Харлашов. 1985. Псковская археологическая экспедиция. Отчет за 1985 г. Т.1 // Архив Института археологии АН СССР. P-1: 10120, 10122а.
- Сизов, В.И. 1902. Курганы Смоленской губернии I. Гнеzdовский могильник близ Смоленска // Материалы по археологии России 28. Санкт-Петербург.
- Станкевич, Я.В. 1941. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX-X ст. // Материалы и исследования по археологии СССР 6: 56-88.
1962. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 87: 6-30.
- Arhman, H. 1940. Birka I. Die Graber. Tafeln. Uppsala.
- Arne, T.J. 1934. Das Bootgraberfeld von Tuna in Alsike. Stockholm.
- Latvijas PSRA, 1974. Riga.
- Lehtosalo-Hilander, P.-L. 1982. Luistari 2. The Artefacts // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikaka uskirja 82/2.
- Mandel, M. 1977. Voit lusuuga muinaseatlaste relvastuses // Известия АН Эстонской ССР 26. Общественные науки 3: 236-255.
- Petersen, J. 1951. Vikingetidens redskaper. Oslo.
- Salmo, H. 1938. Die Waffen der Merowingerzeit in Finnland // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikaka uskirja 42/1.
1952. Satakunnan historia 2. Rautatausi. Vammala.
- Stalsberg, A. 1979. Skandinaviske vikingetidensfunn fra det gammelrussiske riket // Fornvannen 74: 151-160. Stockholm.
1982. Scandinavian relation with Northwestern Russia during the viking age: the archaeological evidence // Journal of Baltic Studies 13/3: 267-295.

10th – EARLY 11th CENTURY SCRAMASAX FROM THE NECROPOLIS OF PSKOV

In summer 1985, excavations carried out by the Pskov archaeological project headed by V.V. Sedov, revealed a battle knife of the scramasax type (fig. 1:1) in trench VI, in a horizon overlying the subsoil, near burials Nos.42 and 42a of the city necropolis. Apparently the knife belonged to the peripheral part of the burial mound which had been constructed above these burials and was later covered by the 12th - 20th century cultural layers. Because nothing except cremated remains was discovered in either of the two burials, the date of the mound is evidently the same as that of the entire cemetery: 10th - early 11th century.

The total length of the scramasax is 37.5 cm, the length of the blade, 28 cm, and its width, 2.4 cm (the point of the tang is bent). The specimen, then, does not fully comply with the criteria outlined by J.Petersen who believed that the length of the scramasax should be no less than 30 cm while the blade must be at least 3 cm wide. Nevertheless no doubts have been expressed as to the military attribution of the knives whose blade width is below 3 cm. According to P.-L.Lehtosalo-Hilander, the standards that determined the dimensions of the scramasaxes in Western Scandinavia were different from those in the Baltic area. The narrow-bladed knives are especially numerous in Finland which

was probably the core area of their distribution. Also, they were found in Sweden (Gotland, Birka), Latvia, and Estonia.

Altogether thirteen 10th-century scramasaxes have so far been found in Russia. One more was discovered in the necropolis of Chersonesus in a grave which was undoubtedly that of a Russian warrior. Two specimens come from the burial mounds of the southeastern Ladoga area, two from Yaroslavl' area, the Volga basin (fig.1:4), three from Gnezdovo (fig.1:3), and five from Shestovitsy (fig.1:2).

Clearly, scramasaxes of the Finno-Scandinavian type were seldom if ever used by the Russian warriors. A list provided by Kirpichnikov (1966) contains information on 109 9th - early 11th century swords, 290 10th - 11th century spears and 211 axes, but only 13 10th-century scramasaxes. All of the latter, except those from Pskov and Chersonesus, come either from burial mounds or from regions with the highest frequency of Scandinavian burials in Russia (fig.2). According to Stalsberg, the frequency of Scandinavian burials may range from 3.7% to 8.4% in Mikhailovsky burial ground, from 1.3% to 8.5% in Bol'shoy Timerevsky, and from 2.5% to 7.7% in Gnezdovo. Avdusin believes that more than 100 burials in Gnezdovo are Scandina-

vian. Bliefeld has claimed that about 20 of 147 burial mounds in Shestovitsy published by him (i.e. 13%) are Scandinavian. Importantly, they comprise four out of five mounds in which scramasaxes were found. Burials with scramasaxes in Zalyushchik and Gorka Nikol'skaya, Southeastern Ladoga area, are doubtless Scandinavian. In the Pskov necropolis, where the number of burials excavated by 1991 had amounted to 65, Scandinavian graves are also present, and it is likely that the scramasax marks one of them.

Kirpichnikov is probably right when he claims

that in 11th and 12th century Russia, most battle knives did not differ from the usual domestic ones. However, in our opinion, it would be premature to assert that knives especially destined for military purposes were few. Among the materials from the northern Russian towns, there is a series of narrow-bladed knives whose average length is 25 cm; details of their sheaths have also been found. Because it may hardly be assumed that they were used for domestic activities, they must have been battle knives. This group will be dealt with in a separate article.

О СКАНДИНАВСКОМ ПРИСУТСТВИИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ: МОГИЛЬНИК КУРЕВАНИХА-2 (к историографии норманской проблемы в антропологии)

С.Л. САНКИНА*

Об актуальности рассмотрения норманской проблемы в ее антропологическом аспекте говорилось уже неоднократно. Вопрос этот имеет тем большую остроту, что по обширной территории Древней Руси буквально рассыпаны памятники с элементами скандинавской материальной культуры, а порой и содержащие целые скандинавские комплексы. Последние датируются как правило IX — не позднее XI в.: этими временными рамками, по мнению исследователей, и ограничивается эпоха пребывания норманнов на Руси.

Известно, что элементы и традиции какой-либо культуры могут восприниматься и распространяться в иноэтничной среде и без широкого участия непосредственных носителей. Как правило к такому результату приводят интенсивные военные и торговые контакты. Не исключено, что именно таким образом приобрела свою территорию сама древнерусская культура. Единство антропологического состава в XI–XIII вв. наблюдалось лишь на западной (линия север-юг) границе государства (Санкина 1995: 14–15). Продвижение на восток последовательно сопровождалось либо размыванием устойчивого комплекса признаков, либо проявлением в полном объеме черт, свойственных дославянскому населению.

Вопрос об удельном весе носителей скандинавской культуры в составе древнерусского населения в какой-то мере разрешим с помощью антропологии.

Германский краниологический вариант, даже при наличии известного полиморфизма на межгрупповом уровне, чрезвычайно своеобразен и может быть достоверно выделен в инородной среде. Гораздо сложнее обстоит дело с проблемой метисации, поскольку возможность ее диагностики ограничена. Нужно учитывать, что по историческим данным не может идти речи о серьезном переселенческом движении скандинавов в русские земли, а только в этом случае они могли бы внести масштабные изменения в антропологию местных коллективов.

Последнее в полной мере не удалось осуществить даже хозяевам страны — славянам.

В этой связи смешение может быть зафиксировано лишь на ранних стадиях и только в группах скандинавского облика, так как будучи интенсивным, оно ведет к смягчению германской специфики, делая ее трудноуловимой. Учитывая сложность определения метисации, остается ориентироваться лишь на количество обнаруженных здесь черепных серий скандинавского облика.

Прежде чем перейти к обсуждению этих серий, необходимо в общих чертах обозначить в чем заключается специфичность краниологического комплекса германцев в отношении к другим европейским народам. Подробно об этом рассказано в книге Т.И. Алексеевой “Этногенез восточных славян” (Алексеева 1973: 256–262).

В основе отличий германцев от большинства европейских народов и, в частности, славян лежит нарушение нормальных корреляционных связей между высотными размерами черепа и лица у первых. В норме между этими размерами существует более или менее высокая положительная связь. В то же время большинство германских серий (а скандинавские — все) характеризуются сочетанием низкого свода черепа с высокими лицом и орбитами. Кроме того у германцев крупная длинная черепная коробка (корреляция между длиной и высотой черепа также оказывается отрицательной) и относительно узкий нос.

Балты и близкое к ним по морфологии население западных территорий Древнерусского государства, а также часть финнов (эсты, карелы, коми, вепсы) отличаются высоким черепом и низкими орбитами. Этот фактор, не исключая совпадения других характеристик, отчетливо разделяет германцев и указанные народы. Резко полярны германцам вепсы с их очень низким лицом (и орбитами) при значительной высоте черепного свода.

Часть финнов, население основных терри-

* Россия. Санкт-Петербург. 199034. Университетская наб., 3. Музей антропологии и этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Отдел антропологии.

Таблица 1

Антропологическая дифференциация германцев, прибалтийских финнов и северных русских в эпоху средневековья

признак	германцы по Т.И. Алексеевой		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	min - max	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М
17/(1+8):2	79.4-82.1	80.6	82.5	80.6	80.5	80.7	78.0	82.7	85.2	85.9	86.2	83.7
48/17	51.5-57.6	53.3	54.5	54.2	51.8	52.8	53.4	53.4	51.1	47.0	50.7	51.6
52/17	23.8-26.5	25.1	25.0	25.5	25.3	25.3	26.1	25.4	24.0	22.6	22.1	25.1
54/45	17.5-18.7	18.1	18.8	18.7	19.6	18.5	18.8	18.9	20.0	19.4	17.9	19.2

1, 2, 7, 8, 9 - данные автора;

3 - Зиневич, 1962; 4 - Хартанович, 1980; 5 - Алексеев, 1974;

6 - Денисова, 1975; 10 - Алексеева, Федосова, 1992.

М — средняя арифметическая величина.

торий Древней Руси, южные и большинство западных славян как правило имеют средние показатели и нормальное соотношение названных признаков, что также отличает их от германцев.

Отсутствие четких критериев, позволяющих отождествить этот расовый вариант, в свое время привело к неверному определению принадлежности серии черепов из могильника Шестовицы близ Чернигова. Последняя демонстрирует все признаки германского комплекса. Однако, несмотря на отличие от окружающего расового контингента и присутствие элементов варяжской культуры в погребениях, население Шестовиц было определено как локальная группа северян (Зиневич 1962).

Собиратель и первый исследователь серии из кладбища на Земляном городище Старой Ладogi А.Н.Юзефович в 1940 году отмечал: "При первом знакомстве с костяками XI в. бросились в глаза их нордические особенности, резко отличающие старолadoжскую серию от славянских ...". К сожалению, Юзефович не разъясняет какие именно "нордические особенности" привлекли его внимание. Однако ему были известны зарубежные публикации скандинавских ранних групп и простое сравнение позволило определить "бесспорные аналогии" старолadoжским черепам "в скандинавских и датских сериях ранней поры железного века" (Юзефович 1940).

Представления о характерных особенностях германцев в сравнительном отношении к славянам были систематизированы Т.И.Алексеевой (Алексеева 1973). Ею были предложены индексы, отражающие основные расоразграни-

чительные соотношения признаков: отношение высоты черепа к полусумме продольного и поперечного диаметров 17/(1+8):2; вертикальный фациоцеребральный указатель 48/17; отношение высоты орбиты к высоте черепа 52/17 и ширины носа к ширине лица 54/45. Границы значений в германских и восточнославянских группах практически не пересекаются. Серии скандинавского облика с территории Древнерусского государства вполне вписываются в общегерманский размах изменчивости (табл. 1). Обращает на себя внимание лишь несколько большая относительная ширина носа у первых, что, возможно, является результатом отчетливо наблюдающегося в этих группах смешения.

Следует заметить, что выражено "германские" значения индексов показывают кольские и финские саамы и, также прибалтийскофинская, группа ливов X—XII вв. В этих группах тоже отмечается пониженный свод черепа, относительная высоколицесть и высокоорбитность. В первом случае можно усмотреть следствие длительного сосуществования на одной территории саамов и скандинавов. Впрочем, именно признаками германского комплекса и ограничивается сходство между этими народами. В остальном же морфология черепа и лица лопарей и германцев резко различается. Этот пример можно рассматривать в качестве иллюстрации к соображению о неоднозначности результатов поисков так называемых "влияний".

Сходство ливов с германцами более полное и имеет достаточные основания. Р.Я.Денисова (Денисова 1977:176-177), опираясь на данные антропологии, археологии и лингвистики, пишет о скандинавском влиянии на некоторые

Таблица 2
Группы скандинавского облика с территории Древней Руси в сравнении с группами Норвегии, Швеции и Исландии эпохи средневековья.

Признак	1	2	3	4	5	6
	Куреваниха XII-XIII	Старая Ладога XI-XII	Шестовицы X	Вестерхус (Швеция) XII-XIV	Исландия эпоха викингов	Норвегия железный век
1. Продольный диаметр	183.0 (4)	188.0 (39)	189.9 (11)	187.4 (61)	186.2 (18)	190.8 (55)
8. Поперечный диаметр	137.4 (5)	139.6 (39)	142.2 (11)	142.0 (62)	141.8 (14)	139.6 (55)
8:1. Черепной указатель	75.0 (4)	74.3 (38)	75.0 (11)	75.8*	76.1 (14)	73.3 (55)
17. Высотный диаметр	132.2 (5)	132.0 (27)	133.7 (10)	132.5 (62)	130.5 (13)	134.6 (48)
45. Скуловая ширина	130? (1)	131.8 (26)	127.6 (3)	134.9 (49)	133.8 (8)	135.9 (27)
48. Верхняя высота лица	73.0 (3)	71.6 (28)	69.3 (7)	70.5 (56)	72.6 (12)	71.0 (32)
51. Ширина орбиты	42.0 (4)	42.9 (28)	41.5 (4)	42.8 (52)	41.9 (13)	42.8 (36)
52. Высота орбиты	33.0 (4)	33.7 (30)	33.8 (8)	34.0 (56)	34.1 (12)	33.9 (38)
54. Ширина носа	24.5 (4)	24.6 (32)	25.0 (7)	24.2 (57)	23.9 (10)	24.1 (30)
55. Высота носа	51.6 (4)	51.2 (30)	49.9 (7)	52.3 (57)	51.5 (12)	51.1 (31)
77. Назомаллярный угол	132.4 (2)	137.8 (34)	144.0 (3)	-	-	-
Зигомаксиллярный угол	119.1 (1)	124.7 (24)	133.5 (2)	-	-	-
Симотический указатель	58.1 (3)	59.6 (24)	44.4 (3)	-	-	-
Угол выступания носа	-	34.3 (22)	23 (1)	-	-	-

* Указатель средних

1 - измерения автора, публикуются впервые;

2 - Санкина, Козинцев, 1995; 3 - Зиневич, 1962; 4 - Geiwall, 1960;

5 - Steffensen, 1953; 6 - Schreiner, 1940.

восточнобалтийские популяции в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.

Широкое распространение компьютерных методов обработки данных, разработка эффективных статистических программ существенно облегчили задачу классификации антропологических материалов. Решение ее выведено на качественно новый уровень. Все соотношения между признаками учитываются при помощи многомерного анализа. Машина определяет направления изменчивости в предложенном наборе групп, в то же время оценивая дифференцирующую способность комплексов признаков. Таким образом, расоводиагностические признаки и их комбинации определяются без затруднений. Одновременно просчитывается степень сходства и различия изучаемых серий. Разумное применение методов многомерной статистики позволяет получить весьма точные результаты, свободные от субъективности невооруженного взгляда.

Скандинавские памятники на Руси почти не обеспечены антропологическим материалом. В таблице 2 приведены три серии черепов скандинавского облика с территории Древнерусского государства в сравнении со средневековыми группами Норвегии, Швеции и Исландии. Единственная бесспорная скандинавская серия черепов происходит из Шестовицкого могильника.

Материал из Приладожских курганов IX–XI вв. (раскопки А. Колмогорова), где отмечен финско-скандинавский синтез в погребальном обряде (Лебедев 1985:216), немногочислен и не дает основания для разговора о скандинавском происхождении. Черепа из курганов XI–XIII вв. той же территории (раскопки В.И. Равдоникаса), большей частью относящихся к древнерусской культуре, также не показывают явных германских особенностей. Обращает на себя внимание, однако, значительное их отличие от предшествующих. Эта группа очень своеобразна и ей не найдено близких аналогий. Меньше всего она отличается от группы ливов, а о сходстве последних с германцами уже говорилось. Разумеется, делать какие-либо выводы только на этом основании было бы преждевременным.

Приладожье в VIII–XI вв. являлось зоной интенсивных контактов местного населения со скандинавами. Центром взаимодействия была Ладога — форпост славянского расселения в северных землях. Состав населения Ладоги — крупного центра ремесла и международной торговли — закономерно отличался сложностью. По данным археологии, он включал в себя почти все этнические элементы Балтийского региона. Можно было бы рассчитывать, что пестрота этнического состава ладожан найдет отражение и на антропологическом материале.

Известно, что каждая часть города имела

Таблица 3

Сравнительные данные по средневековым группам Русского Севера и Скандинавии (мужчины)

призн.	1	2	3	4	5	6	7	8
17.	137.1	141.0	139.2	136.4	132.2	132.0	131.8	131.2
45.	135.0	136.5	130.2	134.9	130.0	131.8	130.8	133.7
48.	64.5	71.5	65.9	71.0	73.0	71.6	69.8	71.6
52.	31.0	31.2	31.2	34.9	33.0	33.7	34.1	34.5
55.	47.5	50.9	48.3	51.2	51.6	51.2	51.2	51.9

1 - вепсы (Чайгино) XI-XV вв., 2 - Верхневольский м-к XI-XIV вв.,

3 - Вологодская сборная XI-XIII вв. (Коваленко, 1975),

4 - Никольское-III XI в. (Алексеева, Федосова, 1992),

5 - Куреваниха-2 XII-XIII вв., 6 - Старая Ладога XI-XII вв., 7 -

Швеция X-XIII вв., 8 - Исландия XI-XII вв.

Примечание: обращает на себя внимание, между прочим, промежуточное положение серии из Никольского между севернорусскими и скандинавскими. Оно сказывается и в пониженном (в местном масштабе) своде черепа, и в большой высоте орбит и носа. Разумеется, сказанное не дает оснований непременно предполагать здесь искомое скандинавское влияние.

свой могильник, где были представлены захоронения самых разных типов (Лебедев 1985:208), в том числе и скандинавские (в урочище Плакун располагался целый варяжский некрополь IX-X вв.). Скандинавские могилы содержали, как правило, сожжения, что исключает антропологическое исследование. Из раннесредневековых погребений с труположениями в Ладоге были исследованы курганы XI-XII вв. северного городского могильника (антропологический материал утрачен), а также грунтовой могильник того же времени на Земляном городище (раскопки В.И.Равдоникаса и Г.П.Гроздилова). Единственная серия черепов из древней Ладоги происходит именно с этого кладбища. Особо следует отметить то обстоятельство, что этническая принадлежность памятника на Земляном городище не поддается определению. Погребения производились в строгом соблюдении христианской обрядности и не содержали вещей. Даже датировка кладбища устанавливалась по косвенным данным: могилы располагались непосредственно над горизонтом городской застройки X в. и были перекрыты сверху слоем строительных остатков XII в. (Platonova, Sankina, Kozintsev, в печати). Впоследствии эта датировка была подтверждена лабораторным анализом костей, произведенным в Швеции.

Как уже говорилось выше, серия продемонстрировала ярко выраженные особенности германского комплекса признаков в его полном объеме. Кроме того, были получены данные, уточняющие наши представления об антропологии хотя бы части скандинавов: кроме примечательной высокорослости, ладожане отличались резкой горизонтальной профилировкой

лица и сильным выступанием носа. В западных исследованиях эти признаки отсутствуют. Справедливости ради надо заметить, что в Шестовицкой серии наблюдались, напротив, значительная уплощенность лица, какой не обладала ни одна из восточнославянских серий, а также слабое выступание носа. Но эти признаки представлены у населения Шестовиц слишком малыми численностями, не позволяющими судить насколько уплощенность лица была характерна для группы в целом.

Изучение старолadoжской коллекции, как материала исключительного значения и редкости, производилось неоднократно. Измерения А.Н.Юзефовича были утрачены. Впоследствии с черепами работал В.В.Седов, который значительную их часть определил как женские. Это противоречило наблюдениям Юзефовича, присутствовавшего при раскопках и отмечавшего редкость женских погребений. Не так давно нами было предпринято углубленное комплексное исследование старолadoжских костяков (как черепов, так и посткраниального скелета) (Санкина, Козинцев 1995). Подтвердилось чрезвычайно малое количество женских останков и обнаружилась их антропологическая разнородность. В то же время большое число погребений детей говорит о том, что кладбище принадлежало группе, проживавшей в Ладоге постоянно.

По данным стратиграфии в серии были выделены ранняя и поздняя подгруппы, в антропологии которых существуют достоверные различия. Если в раннюю подгруппу входят молодые, рослые и мощные мужчины, то в составе поздней отмечен более пестрый контингент в отношении как морфологии, так возраста и

пола. Различия проявились и в уклонении некоторых особенностей строения черепа и лица в сторону присущих древнерусским группам Северо-Запада. Специфики германского комплекса, впрочем, эти изменения не коснулись. Обе подгруппы находятся в пределах изменчивости скандинавских серий, но мы имеем основания утверждать, что смешение все же происходило и его результаты проявились в первом-втором поколении.

Заметим, что памятник датируется последним периодом пребывания на Руси норманнов. Не позднее начала XII века (время постройки вблизи кладбища каменной церкви св. Климента) захоронения на могильнике прекращаются вплоть до XVII века. Является ли прекращение функционирования некрополя свидетельством того, что данная группа населения покинула город? Полностью ли исключена возможность переноса кладбища в другое место в связи со строительством храма?

В результате работ Северной археологической экспедиции в 1990 году была получена новая серия черепов скандинавского облика — из курганного могильника 2-й половины XII — 1-й половины XIII вв. Куреваниха-2 в бассейне р. Мологи (раскопки А.Н. Башенькина). Погребения так же, как и в Старой Ладогге, производились по христианскому обряду и почти не содержали вещей. Здесь же в 1966 г. А.Никитиным был раскопан курганный могильник со скандинавскими вещевыми комплексами конца X - XI в. Курганы содержали труположения, но, за исключением одной черепной коробки без лицевого отдела, антропологический материал из них утрачен.

Серия из могильника Куреваниха-2 немногочисленна — всего пять мужских черепов довольно хорошей сохранности. Она резко выделяется низким черепным сводом на фоне высокоголового местного (как русского, так и финского) населения, значительно превосходя при этом последнее по высоте лица (табл. 3). Выходит за рамки германского комплекса несколько укороченная черепная коробка. Однако учитывая довольно позднюю дату существования группы из Куреванихи, можно предположить действие эпохальной изменчивости, происходившей в Европе именно в направлении уменьшения длины черепа. Не исключена и метисация. Хотя большей частью севернорусские группы длинноголовые, встречаются и другие варианты. Так, серия из впускных погребений в сопке могильника Усть-Белая, наиболее близкая территориально и по времени к куреванихской, отличается пониженной в местном масштабе величиной продольного диаметра черепной коробки.

В группе из Куреванихи отмечаются резкая

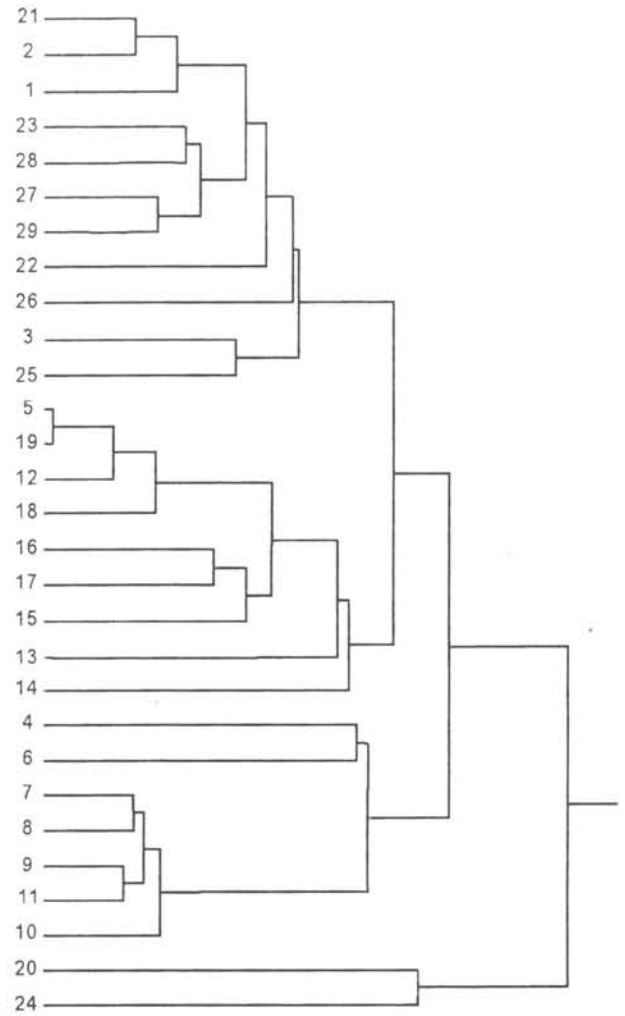

Рис. 1 Результаты кластерного анализа: положение серии черепов из Куреванихи среди групп средневекового населения Восточной, Западной и Северной Европы. 1 — Старая Ладога XI-XII вв., 2 — Куреваниха XII-XIII вв., 3 — Шестовицы X в., 4 — Юго-Западное Приладожье XI-XIII вв., 5 — Верхнее Полужье (могильник Удрай) XI-XIV вв., 6 — бассейн р. Нарвы (м-к Ольгин Крест) XI-XIII вв., 7-11 — группы Ижорского плато XII-XIII вв., 12 — Смоленск (городское население) XII-XIII вв., 13 — полоцкие кривичи X-XII вв., 14 — смоленские кривичи X-XII вв., 15-17 — западнославянские группы балтийского побережья X-XII вв., 18 — латгалы X-XII вв., 19 — селы XI-XII вв., 20 — эсты XI-XIII вв., 21 — ливы X-XII вв., 22 — Норвегия, железный век, 23 — Швеция X-XIII вв., 24 — Дания VI-VIII вв., 25 — Британия, железный век, 26 — Ирландия V-XIII вв., 27 — Исландия, эпоха викингов, 28 — Исландия XI-XII вв., 29 — Средняя Швеция (Вестерхус) XII-XIV вв.

Fig. 1 Results of the cluster analysis: The position of the cranial series from Kurevanikha among the series from Eastern, Western, and Northern Europe.

профилировка и очень высокое переносье — черта, сближающая ее со старолadoжской и отличающая от древнерусских и финских. В то же время выступание носовых костей на черепках из Куреванихи ослаблено (точному измерению здесь этот признак не поддается), что является сдвигом в сторону характерных особенностей местного населения.

По результатам многомерного статистического анализа серия черепков из Куреванихи однозначно была отнесена к скандинавским (рис. 1). Ближайшими аналогиями для нее, как и для старолadoжской определены группы Швеции и Исландии, а также ливы. В “скандинавский” кластер вошла и серия из Шестовиц, которой есть параллели в населении Швеции и Британии, хотя и достаточно отдаленные.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. В настоящее время мы располагаем тремя черепными сериями скандинавского облика с древнерусских территорий. Они датируются по-разному. Шестовицкая группа относится к X веку — времени активного взаимодействия славян и варягов. Старолadoжская датируется XI–XII вв. — завершающим периодом масштабных славяно-скандинавских контактов. И, наконец, группа из Куреванихи существовала в XII–XIII вв., когда эпоха непосредственного норманского влияния уже отошла в прошлое.

В каждой из названных серий в той или иной степени наблюдаются результаты смешения с местным населением. Последнее все же не приводило к нивелировке комплекса даже в позднее время. Все сказанное свидетельствует о существовании в составе населения Древней Руси довольно устойчивых (прежде всего в антропологическом отношении) норманских коллективов. Если с известными оговорками предположить, что поздние могилы в Куреванихе принадлежали потомкам населения, оставившего раннее скандинавское кладбище, то, возможно, время существования этой группы охватывает чуть ли не три столетия (почти возраст Петербурга).

Говоря о роли норманнов в сложении антропологических черт древнерусского населе-

ния следует помнить, что последнее не отличалось гомогенностью расового состава. По данным краниологии принято выделять собственно славянский, финский и балтский компоненты (Алексеева 1973; 1990; 1993). Продолжая эту традицию, вполне закономерно включить сюда и скандинавский компонент.

Антропологическая ситуация в Европе, впрочем, несводима к одним только межэтническим влияниям. Так, группы разной этнической принадлежности могут, имея общее происхождение, относиться к одному и тому же антропологическому варианту (балты, часть славян и финнов). Следовательно, все контакты будут происходить в расово однородной среде и на уровне антропологии возможность их фиксации становится сомнительной. С другой стороны, в рамках одного этноса может иметь место расовое разнообразие (прибалтийские финны). Германцы в этом отношении представляют наиболее гомогенную общность, устойчивую в плане соответствия антропологического типа этнической принадлежности. Сейчас невозможно установить, к какому этносу причисляло себя население, оставившее могильники Земляного городища Старой Ладogi и Куреванихи-2, на каком языке оно говорило. От ответа на этот вопрос в какой-то мере зависит, включать или не включать осевших здесь скандинавов в состав древнерусской народности.

Исходя из имеющихся в нашем распоряжении данных, можно заключить, что в целом в антропологии населения Прилadoжья и Русского Севера не отмечается воздействия германского комплекса, по крайней мере столь явного, как у славян балтийского побережья (Санкина 1995:11). Для того, чтобы оценить вероятность такого воздействия и его степень необходима достаточно репрезентативная серия (не меньше сотни черепков обоего пола) хорошей сохранности, охватывающая несколько поколений, желательно раннего времени. Изучив на таком материале внутригрупповые направления изменчивости, можно получить интересующую информацию. В настоящее время мы не располагаем подобным материалом, а следовательно, вопрос остается открытым.

Алексеев В. П. 1974. Краниологическая характеристика населения Восточной Феннскандии // Расо-генетические процессы в этнической истории. Москва.

Алексеева Т. И. 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. Москва.

1990. Антропология циркумбалтийского региона // Балты, славяне, прибалтийские финны: этногенетические процессы. Рига.

Алексеева Т. И., В. Н. Федосова. 1992. Ранние этапы славянской колонизации Русского Севера // Вопросы антропологии 86: 8–24.

Алексеева Т. И., Н. А. Макаров, Т. С. Балуева, С. П. Сегеда,

В. Н. Федосова, М. В. Козловская. 1993. Ранние этапы освоения Русского Севера: история, антропология, экология // Экологические проблемы в исследовании средневекового населения Восточной Европы: 3–69. Москва.

Делицова Р. Я. 1975. Антропология древних балтов. Рига.

1977. Этногенез латышей (по данным краниологии). Рига.

Зиневич Г. П. 1962. До антропологии Шестовицкого могильника // Материалы з антропологии України: 37–47. Київ.

Коваленко В. Ю. 1975. К антропологии курганного населения XI–XIII вв. Вологодской области // Вопросы антропологии 49: 92–107.

- Лебедев Г. С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Ленинград.
- Марк К. Ю. 1956. Палеоантропология Эстонской ССР // Труды Института этнографии. Новая серия 32: 43–62.
- Санкина С. Л. 1995. Антропологический состав и происхождение средневекового населения Новгородской Земли. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Санкина С. Л., Козлицев А. Г. 1995. Антропологическая характеристика серии скелетов из средневековых погребений Старой Ладogi // Антропология сегодня 1: 90–107.
- Семенов В. В. 1952. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // Краткие сообщения Института этнографии 15: 78–85.
- Хартамович В. И. 1980. Новые материалы к краниологии саамов Кольского полуострова // Сборник Музея Антропологии и Этнографии 36: 35–47.
- Юзефович А. И. 1940. Антропологические материалы из археологических раскопок в Старой Ладoge. Архив Музея Антропологии и Этнографии. Фонд К-1. Описание 1. N 524.
- Geivall N.-G. 1960. Westerhus. Lund.
- Platonova N. I., S. L. Sankina, A. G. Kozintsev. The medieval Cemetery in the Zemljanoe Gorodisce of Staraja Ladoga. (в печати).
- Rösing, F. M., I. Schwidetzky. 1977. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie des frühen Mittelalters (500-1000 n. d. Z.). Homo. Band 28. Heft 2.
- Schreiner, K. E. 1946. Crania Norvegica. Instituttet for sammenlignende Kulturforskning. V. II. Ser. B. Skr. XXXVI. Oslo.
- Steffensen J. 1953. The Physical Anthropology of the Vikings. Royal Anthropol. Inst. Gr. Britain and Ireland. Vol. 83. P. 1.

ON THE BIOLOGICAL EVIDENCE OF THE SCANDINAVIAN PRESENCE IN NORTHERN RUSSIA (with special reference to Kurevanikha-2 burial ground)

Although Scandinavian artifacts and even assemblages have been found in many burial grounds on the Old Russian territory, the skeletal series representing the Norse immigrants are very few. Most Scandinavian artifacts date from the 9th to the 11th century. Many writers believe that Russia's intense contacts with the Vikings did not extend beyond these chronological boundaries.

At present, medieval cranial series suggestive of the Western European (hence, Norse) presence are known from three burial grounds: Shestovitsy near Chernigov, Old Ladoga, and Kurevanikha-2 on the Mologa. Scandinavian artifacts, however, were found in one of these places only (Shestovitsy).

Cranially, most Germanic-speaking populations are very peculiar and can be easily distinguished from the Eastern Slavs. Most series representing the Germanic speakers are characterized by a combination of a long and low cranial vault, high face, high orbits, and a relatively narrow nose. This combination was found in all Scandinavian series.

The Balts as well as the populations inhabiting the western part of Old Russia and some Finnish speaking peoples (Estonians, Karelians, Komi, and Vepses) have high brain cases and low orbits. This makes them quite distinct from the Germanic populations. Other Finns, most populations of Old Russia, Southern Slavs, and most Western Slavs are intermediate and also different from the speakers of Germanic languages.

T. I. Alexeyeva (1973) has introduced four indexes aimed at differentiating the Germanic populations from their eastern neighbours. These include: the ratio between cranial height (Martin 17)

and the unweighted average of cranial length (1) and breadth (8); the vertical facio-cerebral index (48:17); the relationship between orbital height (52) and cranial height (17); and the ratio of nasal breadth (54) to facial breadth (45). These indexes set the Germanic and Eastern Slavic groups apart almost without overlap. Norse series from the territory of Old Russia fall within the Germanic range of variation (Table 1). However, they have a slightly higher relative nasal breadth, possibly due to incipient admixture.

In the 8th – 11th centuries, the most intense contacts of the Old Russian population with the Vikings took place in the area southeast of Lake Ladoga. Old Ladoga was the outpost of the Slavic colonization in the northern region. Its population consisted of various ethnic groups. Judging by the archaeological data, the Scandinavians who lived in Ladoga buried their dead in Plakun. Most of these burials, however, are cremations. Some 11th–12th century mounds on the northern cemetery of Ladoga have also been excavated, but the skeletal material has not been preserved. Contemporaneous skeletons excavated by V. I. Ravdonikas and G. P. Grozdilov from the ground burials at Zemlyanoe Gorodishche are the only early group from Old Ladoga available for osteometric studies.

Based on archaeological criteria, it is impossible to determine the ethnic attribution of this group since the burials were made according to the Christian rite and contained no artifacts. The skulls, however, exhibit the whole complex of "Germanic" traits. Also, these people, unlike Russians or Finns, were high-statured and had sharply profiled faces.

Because many of the deceased were children, the cemetery must have belonged to the permanent residents of Old Ladoga. Using stratigraphical data, two subgroups, an earlier one and a later one, were separated. Significant differences between them were found. While the earlier subgroup consisted of young tall males, the later one was more diverse in terms of demography. Cranially, being still "Germanic" in appearance, it deviates from the earlier subgroup in the direction of the Russian complex. Although both subgroups fall within the Scandinavian range of variation, it may be suggested that hybridization did occur.

Thanks to the works of the Northern Archaeological Expedition, one more series of skulls apparently representing Norse immigrants is now available. It was excavated by A.N. Bashen'kin in 1990 from the burial mounds near Kurevanikha in the Mologa basin (Kurevanikha-2). The burials, dating from late 12th – early 13th centuries, were made according to the Christian rite and, like those in Old Ladoga, contained almost no artifacts. In 1966, A. Nikitin excavated another group of mounds in the same area. The burials contained 10th – 11th century Scandinavian assemblages; the skeletons have not been preserved.

The series from Kurevanikha-2 consists of only five well-preserved male skulls (Table 2). Having low vaults and high faces, this group is quite distinct from the local populations, both Russian and Finnish (Table 3). The brain case, however, is rather short, in contrast to the Germanic series. But,

given that the group is rather late, the brachycephalization phenomenon should be taken into account, although some admixture is also possible.

People from Kurevanikha, like those from Old Ladoga but unlike most Russians and Finns, had sharply profiled faces and high nasal bridges. The nasal protrusion angle, however, is not large, which is a local trait.

According to the results of the multivariate statistical analysis, the Kurevanikha group clearly falls into the "Scandinavian" cluster (fig.1). The nearest parallels to this group, as well as to that from Old Ladoga, are series from Sweden and Iceland. The Shestovitsy group, too, joins the Scandinavian cluster and displays some similarity (not a close one, though) to series from Sweden and Britain.

The dates of the three morphologically Norse groups from Russia are different. Shestovitsy dates from the 10th century, the time when the Vikings actively interacted with the Slavs. Old Ladoga is later (11th – 12th centuries, the final stage of these contacts). Kurevanikha is the latest (12th – 13th centuries, the period when the direct influence of the Vikings was no longer felt). Each of the three shows some traces of hybridization with the local groups. This process, however, had not proceeded far enough to obliterate the characteristic biological features of the Norse settlers, and this applies even to the latest group. All the above suggests that the Norse colonies in Old Russia were rather stable, at least in terms of biological distinctness.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

НЕАНДЕРТАЛЬ, КРАПИНА, МОНТЕ ЧИРЧЕО. РИТУАЛЫ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ

В.А.АЛЁКШИН*

В моей статье, посвященной мустьерским погребениям Европы (Алёкшин 1995), из-за нехватки места ничего не сказано о трёх находках, интерпретация которых как захоронений оспаривается многими исследователями. В данной работе, восполняющей этот пробел, речь пойдет об останках неандертальцев, обнаруженных на стоянках, одна из которых дала название людям, населявшим Европу в эпоху мустье, а две другие до сих пор находятся в центре дискуссии о возможности каннибализма в среднем палеолите.

В августе 1856 г. в местечке Неандерталь близ города Дюссельдорф (Германия) рабочие каменоломни, очищая от заполнения грот Фельдхофер, выбросили наружу находившиеся в грунте кости, облепленные глиной и поэтому незамеченные землекопами. Выкинутые кости привлекли внимание одного из владельцев каменоломни Г.Бекерсхофа, который случайно оказался в этот момент возле грота. Считая, что останки принадлежали пещерному медведю, Г.Бекерсхоф собрал их и попросил рабочих внимательно осмотреть место находки. В результате этих поисков в гроте было обнаружено еще несколько костей. В конечном счете в руках Г.Бекерсхофа оказались черепная крышка, лопатка, ключица, плечевые, лучевая, локтевая и бедренные кости, а также фрагменты таза и ребер (Fuhlrott 1859; Gieseler 1971:198).

Позднее кости были переданы местному собирателю древностей пастору К.Фульротту, который показал их антропологу Х.Шааффаузену. Публикации этих исследователей (Fuhlrott, Schaaffhausen 1857; Schaaffhausen 1888) ввели в научный оборот знаменитую находку из Неан-

дерталья, представляющую собой неполный скелет мустьерского человека.

Со слов рабочих, К.Фульротт записал, что найденные на глубине 60 см от поверхности останки мужчины 40-50 лет (Gieseler 1971:198) лежали в анатомическом порядке, располагаясь вдоль оси грота, черепом ко входу, ориентированному на север. В то же время пастор понимал, что, с точки зрения археологии, ценность находки, поврежденной заступами рабочих, во многом утрачена (Fuhlrott 1859).

По мнению К.Фульротта и труп неандертальца, и глина, которая его покрывала, были принесены в грот паводком (Fuhlrott 1859). Позднее пастор, очевидно усомнившись в достоверности, полученной от рабочих информации, изменил свою точку зрения и стал доказывать, что кости лежали в беспорядке, следовательно, они попали в грот через трещину в его своде (Schaaffhausen 1888:7,8). Возражая К.Фульротту, Х.Шааффаузен отметил, что в своде не было трещин, через которые кости могли бы провалиться внутрь. Антрополог не исключал возможности захоронения тела в гроте (Schaaffhausen 1888:7,8). Действительно, наличие в Неандертале костей всех отделов скелета делает такое предположение весьма вероятным. Аналогичное мнение спустя почти сто лет высказала Ф.Мэ (May 1986:17).

Вопреки точке зрения Ю.А.Смирнова (Смирнов 1991:53), отсутствие культурного слоя в гроте не препятствует интерпретации найденных в нем останков как погребения. Например, в Регурду (Франция) неандертальское захоронение находилось в гроте, который лишь эпизодически посещался людьми, так как неудобные вертикальные входы не позволяли

* Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел Центральной Азии и Кавказа.

мустьерским охотникам использовать это убежище как долговременную стоянку (Алёкшин 1995:199,205).

Конечно, вряд ли можно доверять словам рабочих об анатомическом порядке найденных в Неандертале человеческих костей, на которые землекопы вначале даже не обратили внимания. Имеющиеся на черепной крышке и на лопатке скелета следы резания наоборот указывают на посмертные манипуляции с трупом (Czarnetzki 1977:215-218), которые могли привести к преднамеренному нарушению целостности тела еще до того, как оно оказалось в гроте. Не исключено, что в Неандертале был захоронен расчлененный труп мужчины.

Весьма ценным является свидетельство рабочих о том, что кости неандертальца располагались перпендикулярно входу в грот. В Западной Европе подобное расположение скелета характерно только для захоронений, относящихся к середине стадиала Вюрм II, тогда как позднее погребения располагались параллельно входу в пещеру, скальный навес или грот (Алёкшин 1995:207). Предполагают, что погребение находилось в ранневюрмских отложениях (Gieseler 1971:198).

В 1895 г. поблизости от грота Фельдхофер в небольшой разрушенной пещере был найден еще один неполный человеческий костяк. Авторы раскопок были уверены в том, что он принадлежал неандертальцу. Во время второй мировой войны эти останки пропали (Schürmann 1988:128,129). Поскольку они еще не были изучены антропологами, нет никаких оснований считать утраченный скелет неандертальским.

Около 800 костей неандертальцев, включая поврежденные черепа, найдены на стоянке Крапина, расположенной севернее города Загреб (Хорватия). Этот памятник начали раскапывать в 1899 г. (Gorjanović-Kramberger 1899, 1901; Malez 1970:128; 1971:338-340; 1978:75,100-102; Trinkaus 1985). Почти все человеческие кости находились в слоях 3 и 4, где представлена индустрия типа Ля Кина, Ля Ферриси, мутье с ашельской традицией и типичное мутье (Malez 1978:101; Bordes 1981:82). Из культурного слоя стоянки были извлечены, по оценкам различных специалистов, разрозненные останки 20-30 людей (Trinkaus 1975:44, 1978:156; Smith 1976:285). Ни в одном случае не зафиксирован анатомический порядок костей. Во время раскопок обнаружены также зубы примерно 80 неандертальцев (Wolpoff 1978:124, 1979:104).

Большинство костей сильно фрагментировано, некоторые из них обожжены. Именно поэтому первооткрыватель стоянки К.Горьянович-Крамбергер считал, что он нашел остатки пиршества каннибалов (Gorjanović-Kramberger

1901:196). В течение десятилетий такая интерпретация крапинских находок была общепринятой.

В 70-ые годы антропологи Ф.Смит и Г.Ульрих, заново изучив кости людей из Крапины, пришли к выводу о том, что повреждения останков носят посмертный характер, причем черепа были разбиты, а длинные кости расколоты. В местах прикрепления мускулов к суставным поверхностям обнаружены повреждения, сделанные рукой человека. На останках сохранились также следы кремневых орудий, с помощью которых кости были очищены от мягких тканей. Исходя из этих фактов, оба исследователя полагают, что ими получены достоверные свидетельства об антропофагии в Крапине (Smith 1976:287; Ullrich 1978, 1982:258). С этим выводом согласились и некоторые археологи (Смирнов 1991:52, примечание 19; Chase 1991:124,125). Сторонников такой интерпретации не смущает, что кости из Крапины практически не подвергались воздействию огня. Обуглена лишь небольшая часть находок: 6,8% костей черепа и 0,6% посткраниальных останков (Ullrich 1978:318). Этот важный факт ставит под сомнение вывод о том, что обитатели Крапины были людоедами. Другая точка зрения заключается в том, что найденные в Крапине кости являются останками неандертальцев, погибших от обвала (Gargett 1989:187).

Иную гипотезу выдвинул Э.Тринкау. Справедливо полагая, что сами по себе следы кремневых орудий на костях людей не могут свидетельствовать о существовании ритуального каннибализма в мустьерскую эпоху (Trinkaus 1985:207), он акцентирует внимание на том, что сохранность крапинских останков ничем не отличается от сохранности останков в мустьерских погребениях: кости не повреждены хищниками и не раздавлены камнями. Последнее обстоятельство исключает версию о гибели неандертальцев вследствие обвала козырька скального навеса. Э.Тринкау считает, что умершие обитатели стоянки были похоронены. Он объясняет фрагментарность останков либо расчленением трупов перед погребением, либо последующим разрушением могил (Trinkaus 1985:212-213).

В конце 80-ых годов кости из Крапины были еще раз изучены антропологом М.Рассел. Она установила, что на них нет следов, которые могли бы подтвердить версию о том, что неандертальцы раскалывали кости, чтобы извлечь из них мозг. По ее мнению, повреждения скелетов были вызваны условиями накопления слоев на стоянке. Имеющиеся на останках людей следы кремневых орудий аналогичны следам, зафиксированным на костях расчлененных скелетов, найденных при раскопках

могильников североамериканских индейцев, которые практиковали, в соответствии с принятой у них погребальной традицией, удаление мягких тканей с трупов. М. Рассел пришла также к заключению, что следы на крапинских останках отличаются от нарезок, остающихся на костях животных после разделки их туш (Russell 1987, 1987a). Её выводы поддержали антропологи Ф. Ле Морт (Le Mort 1988:48,49) и Г. Ульрих. Последний, не отказываясь полностью от своих прежних взглядов, согласился с тем, что погребальный обряд в Крапине требовал расчленения трупов и снятия с костей умерших мягких тканей (Ullrich 1989:65).

Впоследствии М. Рассел, пересмотрев свои взгляды, пришла к выводу о том, что аргументы в пользу расчленения тел умерших в Крапине не так очевидны, как это представлялось ей ранее. На костях крапинских неандертальцев действительно имеются следы срезания мягких тканей, однако теперь, по мнению М. Рассел, это может свидетельствовать как о расчленении трупа перед захоронением, так и о каннибализме (Russell, Villa, Courtin 1988). Однако, сделав уступку сторонникам традиционной точки зрения, она не привела новых аргументов в пользу гипотезы о ритуальной антропофагии.

После работ М. Рассел больше нет сомнений в том, что следы на костях крапинских неандертальцев оставлены рукой человека, а не появились в результате длительного нахождения останков в культурном слое, как это считает Д. Кук (Cook 1991:126,127). Предложение решить загадку крапинских находок с помощью более тщательного изучения археологического контекста памятника (Russell, Villa, Courtin 1988) заранее обречено на неудачу. Стоянку, при раскопках которой использовали динамит (Bahn 1994:330), нельзя считать памятником, культурный слой которого тщательно исследован.

Как уже указано выше, гипотеза о ритуальном людоедстве весьма сомнительна, так как кости из Крапины необожжены. Именно поэтому интерпретация Э. Тринкауса представляется мне наиболее вероятной, тем более, что на некоторых мустьерских стоянках: Ля Ферраси, Ле Мустье (Алёкшин 1995:209), Шанидар, Схул и Кафзех (Алёкшин 1993:4-7), найдено по несколько погребений.

Геологический возраст Крапины оценивают по-разному. Одни исследователи полагают, что стоянка датируется началом стадиала Вюрм I (Malez 1970:43, 1978:75), другие относили ее к концу стадиала Вюрм I — началу стадиала Вюрм II (Schaefer 1964:261). Ф. Борд, датируя стоянку вюрмским временем, подчеркнул, что индустрия некоторых слоев Крапины напоминает мустье типа Ля Кина (Bordes 1981:82). Сле-

довательно, Крапина относится к той части вюрмской эпохи, для которой в других районах Европы характерны расчлененные неполные неандертальские захоронения (Алёкшин 1995:207).

24 февраля 1939 г. на склоне горы Чирчео, находящейся в 100 км южнее Рима (Италия), рабочий обнаружил под каменной осыпью узкий подземный ход. Руководивший работами в карьере М. Гуаттари спустился в лаз и, пробравшись по нему, оказался в гроте. В одной из его камер он нашел лежащий прямо на поверхности человеческий череп без нижней челюсти. Не удержавшись, М. Гуаттари взял его в руки, чтобы лучше рассмотреть, а затем положил находку на прежнее место, постаравшись, как ему казалось, придать ей первоначальное положение (Ascenzi 1991:14,15). Поскольку грот был закрыт осыпью еще в мустьерское время (Sergi 1974:55), необдуманный поступок М. Гуаттари нарушил археологический контекст, сохранявшийся в неприкосновенности десятки тысяч лет.

Позднее, но в тот же день, грот, получивший впоследствии название Гуаттари, посетил археолог А. Бланк. После осмотра грота он забрал череп и вечером передал его антропологу С. Серджи (Blanc 1939:258). Поскольку точное месторасположение находки не было зафиксировано ни на фотопленке, ни на бумаге, приходится полагаться только на отчет А. Бланка, в соответствии с которым череп был обнаружен в так называемой камере Человека (4,1 x 5,4 м), пол которой был усеян камнями и костями животных. В ее глубине находилось скопление камней, образующих овал, в центре которого основанием вверх и лежал череп (рис. 1:А). Судя по его окраске и расположению на нем конкреций, первоначально череп должен был лежать на левом боку, касаясь земли глазницей. А. Бланк отметил, что М. Гуаттари не был уверен в том, что не изменил первоначальной позиции находки. По словам первооткрывателя, ему прежде всего бросилась в глаза округлость черепа, что исключает его размещение основанием вверх (Blanc 1939:256-258).

Однако археологический контекст, в котором находился череп, не был детально обследован по горячим следам. Предпринятые А. Бланком частичные раскопки грота показали, что он лишь эпизодически посещался человеком. В самом нижнем культурном слое грота (G₅) найдено 512 орудий, а в самом верхнем (G₁) — 246 (Blanc 1939:261; Stiner 1991:105). Кремневая индустрия, представленная в слоях G₁, G₂, G₄ и G₅ аналогичны мустье типа Ля Кина (Caloi et al 1989:82). Слои G₇, G₆, G₃, так же как и поверхность грота (G₀), на которой лежал череп — стерильны (Stiner 1991:105,106).

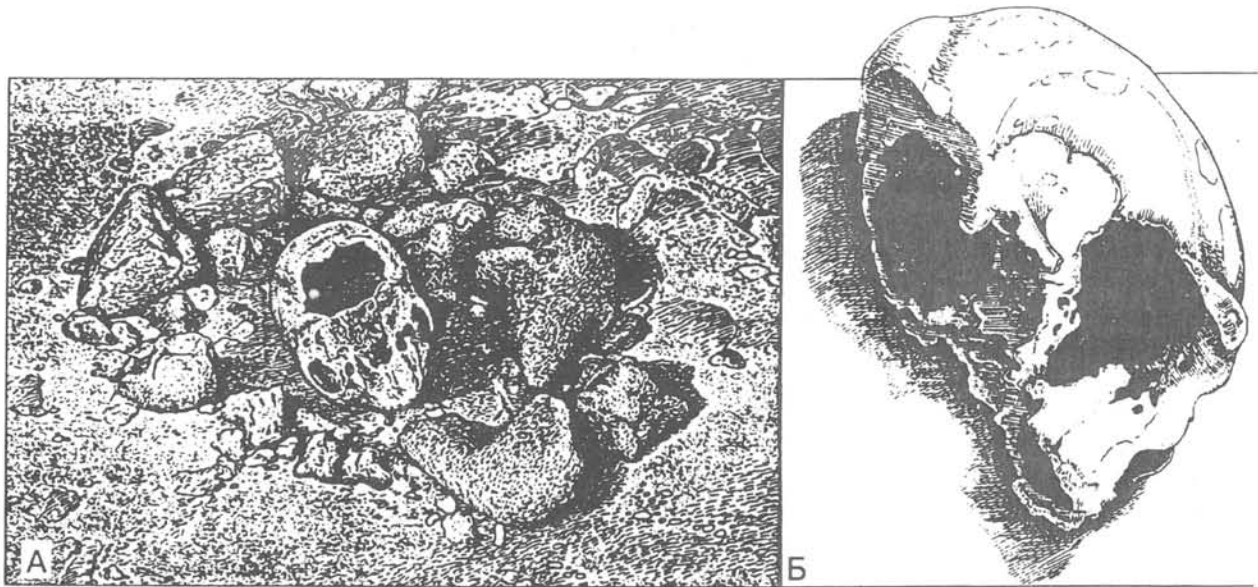

Рис. 1 Монте Чирчео. Череп мужчины неандертальца из грота Гуаттари. А - положение черепа в соответствии с реконструкцией А. Бланка (Blanc 1958) Б - положение черепа в соответствии с реконструкцией Г. Джакобини и М. Пиперно (Giacobini, Piperno 1991).

Fig. 1 Monte Circeo. Position of the Neandertal male skull found in the Guattari rock shelter: (A) according to the reconstruction of Blanc (1958); (B) according to the reconstruction of Giacobini and Piperno (1991).

Антрополог С.Серджи, изучив находку из грота Гуаттари, пришел к выводу, что череп принадлежал мужчине-неандертальцу, 40-50 лет, которому пробили сильным ударом голову, повредив при этом правую теменную кость и правую глазницу. Затем голову убитого отделили от тела и искусственно расширили затылочное отверстие, чтобы извлечь через него мозг (Sergi 1956:1121, 1974:55, 1991:27-29,64). Таким образом, и С.Серджи, и А.Бланк (Blanc 1956) были убеждены, что находка из грота Гуаттари свидетельствует о существовании ритуального людоедства у неандертальцев. Эта точка зрения получила широкое распространение в обобщающих работах по археологии и палеоантропологии (Tarli et al 1991:448-450). В настоящее время ее разделяет только Г.Ульрих (Ullrich 1982:261, 1986:230,233, 1989:65,67), тогда как другие исследователи занимают более осторожную позицию, считая установленным лишь факт находки в гроте черепа без нижней челюсти. Все остальные выводы, с их точки зрения, нельзя доказать (Leroi-Gourhan 1964:44; May 1986:17).

Для того, чтобы окончательно установить, свидетельствует ли череп из грота Гуаттари о существовании ритуального каннибализма в мустьерскую эпоху, потребовалось более детальное исследование находки из Монте Чирчео с использованием новейших методов, разработанных современной антропологической наукой. Это обследование показало, что на че-

репе, первоначально лежащем на левом боку (рис. 1:Б), нет следов удара, который мог бы умертвить мужчину. На черепе также отсутствуют следы снятия мягких тканей кремневыми орудиями, а затылочное отверстие не имеет признаков преднамеренного расширения (Giacobini 1990/91; Toth, White 1990/91; Giacobini, Piperno 1991:483,484; Tarli et al 1990:440,445-447; White, Toth 1991). Эти результаты позволяют полностью отвергнуть гипотезу о ритуальном людоедстве.

Относительно интерпретации четырех повреждений черепа на участках левой орбиты, правой височной кости, затылочного отверстия и эндокраниальной поверхности (Toth, White 1990/91; White, Toth 1991) мнения антропологов расходятся. Итальянские исследователи считают, что череп неандертальца поврежден потому, что долгое время лежал на полу грота и подвергался различным природным воздействиям (Tarli et al 1990:445). Американские ученые предполагают, что череп поврежден хищниками, хотя и признают, что бесспорных доказательств этого на нем не обнаружено (Toth, White 1990/91:220; White, Toth 1991:124).

Верхний слой грота (G₀) действительно служил логовом пятнистых гиен (Piperno, Giacobini 1990/91; Stiner 1991) однако из этого отнюдь не следует, что череп, неимеющий достоверных признаков того, что его грызли хищники, был притащен в грот гиеной, как это полагает М.Стайнер (Stiner 1991:117). Наоборот,

степень сохранности находки такова, что подтверждает сделанное М.Мусси наблюдение: череп не привлекал внимание хищников и следовательно, попал в грот уже после того, как лишился мягких тканей и мозга (Mussi 1988:97,98).

Но если гиены не причастны к тому, что череп неандертальца оказался в гроте, то может быть правы те исследователи, которые, не поддерживая версию А.Бланка об антропофагии, считают, что в гроте имело место намеренное выставление черепа (Schott 1979:3, 1982:465; Смирнов 1987:51, 1991:29, примечание 11)? По традиции основной аргумент в пользу этой гипотезы усматривают в том, что череп был якобы окружен кольцом камней. Поразительно, что создателем этого мифа стал сам А.Бланк, прекрасно осведомленный о том, что после визита М.Гуаттари в грот находка не находилась *in situ*. Тем не менее в последующих публикациях А.Бланк не сомневался в наличии камней вокруг черепа (Blanc 1956).

Как указано выше, локализация находки в камере Человека не имеет надежной привязки. С.Серджи, который участвовал в исследовании грота вместе с А.Бланком, считал, что связь черепа и груды камней сомнительна (Stiner 1991:104). Их происхождение (часть упавшего свода или булыжники, принесенные извне) осталось невыясненным.

Второй аргумент в пользу ритуального выставления черепа заключается, по мнению некоторых исследователей, в том, что кости животных, находившиеся в камере Человека, являлись якобы жертвенными приношениями, что в свою очередь доказывалось преобладанием среди них рогов оленя, а также нефрагментированных костей задних и передних конечностей быка, лошади, гиены и оленя (Piperno 1976/77:73-79). Последующее более тщательное изучение фауны грота Гуаттари показало, что 50% обнаруженных здесь костей не имеет повреждений, 36% костей повреждено гиенами, 14% костей имеют повреждения, которые не могли быть сделаны рукой человека. Фаунистический комплекс грота Гуаттари обнаруживает ряд особенностей, характерных для логова гиен (отсутствие костей мелких млекопитающих, наиболее уязвимых для зубов хищников; наличие костей и копролитов гиен). Следовательно, кости животных, найденные в камере Человека, не могут более рассматриваться как жертвенные приношения (Piperno, Giacobini 1990/91). Таким образом, прямых доказательств ритуального выставления черепа в Монте Чирчео не существует. Поэтому в обобщающих трудах по археологии палеолита теперь доминирует точка зрения М.Стайнер о том, что череп, найденный в гроте Гуаттари,

был вытаскен гиеной из разрушенной могилы и притащен ею в свое логово (Trinkaus, Shipman 1994:254; Gamble 1994:167; Bahn 1994:330; Mellars 1996:380).

И все же есть косвенные доказательства того, что альтернативная точка зрения о ритуальном выставлении черепа в Монте Чирчео верна, хотя сама находка утратила информационную ценность в тот момент, когда М.Гуаттари извлек её из того археологического контекста, в котором она находилась.

Особое отношение неандертальцев к голове умершего зафиксировано в нескольких случаях. В детском погребении из Ля Ферраси (скелет 6) голова ребенка была отделена от тела еще до похорон и обе части трупа были размещены в противоположные концы могилы. На шейных позвонках ребенка не выявлены следы отделения головы от туловища, но этот отдел позвоночника очень плохо сохранился (Peugny 1934:33-36; Алёкшин 1995:197,209). Из могилы мужчины в Регурду голова была изъята уже после похорон. Между смертью и началом манипуляций с телом вероятно прошло какое-то время, поскольку отделение головы от трупа привело к утрате естественной связи черепа и нижней челюсти. Вместе с тем этот промежуток времени не мог быть слишком длительным, так как отсутствующий в погребении атлант, видимо еще находившийся в сочленении с черепом, был вместе с ним извлечен из могилы. Поскольку в Регурду нижняя челюсть осталась в погребальной яме, а верхняя часть трупа сохранила анатомический порядок, можно предположить, что могилу либо вскрыли после похорон, либо, что более вероятно, какое-то время не засыпали землей и после разрушения мягких тканей и связок трупа забрали его голову (Bonifay 1964, 1965; Vandermeersch 1965:91; Алёкшин 1995:200,201,209). Аналогичная ситуация зафиксирована в Кебаре, где захоронение мужчины было вскрыто спустя какое-то время после похорон и из него извлекли голову покойного, не нарушив естественного положения его останков, в том числе и нижней челюсти, которая осталась лежать в могиле (Bar-Yosef et al 1988; Алёкшин 1994:138). В погребении мужчины (Шанидар 3) отсутствуют не только череп и нижняя челюсть, но и шейные позвонки. Однако и в этом случае голову извлекли из могилы по истечении какого-то времени на что указывает находка нескольких зубов в том месте могилы, где должен был находиться череп (Solecki 1957:28, 1958:107, 1961:84-86, 1971:210-214,226,227; Алёкшин 1993:6).

Погребения в Регурду, Кебаре и Шанидаре свидетельствуют о том, что кроме расчленения неразложившихся трупов с помощью кремневых орудий, оставлявших следы на костях по-

койников (Le Mort 1988, 1989; Ullrich 1986) в мустье существовал и другой способ посмертных манипуляций с усопшими, который не оставлял следов на останках людей. В этом случае расчленение покойника происходило после разрушения в могиле связок и мягких тканей тела (Алёкшин 1994:138, 1995:209). Во всех трех случаях из могил вынуты головы мужчин. Очевидно в эпоху мустье были широко распространены обряды, в которых использовалась магическая сила мужских голов.

Открытие в Монте Чирчео не противоречит имеющейся информации о способе извлечения голов из мустьерских погребений: в гроте Гуаттари находился череп мужчины, отсутствие на котором следов скальпирования можно объяснить тем, что разложившиеся мягкие ткани вынутой из могил головы удалили, не прибегая к помощи кремневых инструментов. Череп был выставлен в труднодоступном гроте, который мог служить святилищем в течение очень непродолжительного времени, так как в слое G₀, на поверхности которого лежала находка, нет утерянных кремневых орудий (Stiner 1991). Точно также и другой грот, который, по мнению многих исследователей, являлся мустьерским святилищем (Алёкшин 1995:205), был трудно доступен и поэтому лишь эпизодически посещался людьми (Алёкшин 1995:199). Вполне естественно, что ритуалы (или ритуал, так

как не исключено, что грот как святилище использовали только один раз), которые происходили возле черепа, не оставили никаких археологических свидетельств. Череп, видимо, не смогли забрать из святилища, вход в который оказался завален камнями.

Находка в Монте Чирчео датируется в интервале от 54 000 лет до 48 000 лет от наших дней. Зубы зубра, лежавшие на полу грота, относятся к периоду от 63 000 лет до 51 000 лет от наших дней (Schwarz, Cesar 1988:13; Schwarz et al 1991:313-316).

Анализ находок из Неандерталья, Крапины и Монте Чирчео, характеризующих обрядовую сторону жизни людей эпохи среднего палеолита, позволяет сделать два вывода. Во-первых, мустьерские охотники, населявшие территории нынешней Центральной (Неандерталь) и Южной (Крапина) Европы, тоже хоронили своих умерших, как и их современники, жившие в районах нынешнего Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии, Восточной и Западной Европы. Во-вторых, почитание мужских черепов, было распространено в различных частях неандертальской ойкумены: на Ближнем Востоке, в Западной и Южной (Монте Чирчео) Европе. Все эти факты свидетельствуют о сходстве духовной культуры и переднеазиатских, и европейских неандертальцев.

Алёкшин, В.А. 1993. Мустьерские погребения Передней и Средней Азии // Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук 209: 3-9.

1994. Новые данные о мустьерских погребениях Ближнего Востока // Археологические Вести 3: 136-143. Санкт-Петербург.

1995. Мустьерские погребения Западной Европы // Археологические Вести 4: 188-216. Санкт-Петербург.

Смирнов, Ю.А. 1987. К вопросу о культе черепа и нижней челюсти в раннем палеолите // Проблемы интерпретации археологических источников: 50-69. Орджоникидзе: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хегатурова.

1991. Мустьерские погребения Евразии. Москва: Наука.

Ascenzi, A. 1991. A short account of the discovery of the Mount Circeo neandertal cranium // Piperno, M., G.Scichilone (eds.) The Circeo I Neandertal Skull. Studies and Documentation: 11-22. Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato.

Bahn, P.G. 1994 Cannibalism or ritual dismemberment? // Jones, S., R.Martin, D.Pilbeam (eds.) The Cambridge Encyclopedia of Human Evolution: 330. Cambridge: Cambridge University Press.

Bar-Josef, O., H.Laville, L.Meignen, A.M.Tillier, B.Vandermeersch, B.Arensburg, A.Belfer-Cohen, P.Goldenberg, Y.Rak, E.Tchernov. 1988. La sépulture neandertalienne de Kebara // L'Homme de Neandertal. Actes du Colloque International de Liège (4-7 décembre 1986). 5. La Pensee. Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège 32: 17-24. Liège.

Blanc, A.C. 1939. L'homme fossile du Mont Circe // L'Anthropologie 49 (3-4): 253-264.

1958. Torre in Pietra, Saccapastore, Monte Circeo. On the position of the Mousterian in the pleistocene sequence of the Rome area // von Koenigswald, G.H.R. (Hrsg.) Hundert Jahre Neanderthaler. Neanderthal Centenary 1856-1956. Beihefte der Bonner Jahrbücher 7: 167-174. Köln-Graz: Böhlau Verlag.

Bonifay, E. 1964. La grotte du Régourdou (Montignac, Dordogne). Stratigraphie et industrie lithique moustérienne // L'Anthropologie 68 (1-2): 49-64.

1965. Un ensemble rituel moustérien à la grotte du Régourdou (Montignac, Dordogne) // Atti del VI Congresso Internazionale delle Scienze Preistoriche. Roma, 29 agosto — 3 settembre 1962. II Comunicazioni. Sezioni I-IV: 136-140. Tivoli: G.C.Sansoni Editore.

Bordes, F. 1981. Vingt-cinq ans après: le complexe moustérien revisité // Bulletin de la Société Préhistorique Française 78(3): 77-87.

Caloi, L., G.B.L.Coccolini, M.Mussi, M.R.Palombo, S.Vitagliano, D.Zampetti. 1989. Le moustérien du Latium (Italie centrale): archeologie, milieu naturel, chronologie // L'Anthropologie 93(1): 78-98.

Chase, Ph.G. 1991. Comment to Stiner M.C // Current Anthropology 32(2): 124-125.

Cook, J. 1991. Comment to Stiner M.C // Current Anthropology 32(2): 126-127.

Czarnetzki, A. 1977. Artifizielle Veränderungen an den Skelettresten aus dem Neandertal? // Festschrift 75 Jahre Anthropologische Staatssammlung 1902-1977: 215-219. München.

Fuhlrott, C. 1859. Menschliche Ueberreste aus einer Felsengrotte des Düsselthals // Verhandlungen des naturhistorischen Vereins der Rheinlande und Westphalens 16: 131-153.

Fuhlrott, C., H.Schaaffhausen. 1857. Korrespondenzblatt des naturhistorischen Vereins der Rheinlande und Westphalens // Verhandlungen des naturhistorischen Vereins der Rheinlande und Westphalens 14: 50-52.

- Gamble, C. 1994. *Timewalkers. The Prehistory of global Colonization*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Gargett, R. H. 1989. Reply to comments // *Current Anthropology* 30(2): 184-188.
- Giacobini, G. 1990/91. Hyenas or cannibals: fifty years of the debate on the Guattari cave neandertal cranium // *The Fossil Man of Monte Circeo. Fifty Years of Studies on the Neandertals in Latin*. Parco Nazionale del Circeo. October 19-21. 1989. *Quaternaria Nova* 1: 593-604.
- Giacobini, G., M. Piperno. 1991. Taphonomic consideration on the Circeo I neandertal cranium. Comparison of surface characteristics of the human cranium with faunal remains from the paleosurface // Piperno, M., G. Scichilone (eds.) *The Circeo I Neandertal Skull. Studies and Documentation*: 457-485. Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato.
- Gieseler, W. 1971. Germany // Oakley, K.P., B.G. Campbell, Th.I. Mollison (eds.) *Catalogue of Fossil Hominids 2: Europe*: 189-215. London: British Museum (Natural History).
- Gorjanović-Kramberger, K. 1899. Der paläolithische Mensch und seine Zeitgenossen aus dem Diluvium von Krapina in Kroatien // *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien* XXIX: 65-68. Wien.
1901. Der paläolithische Mensch und seine Zeitgenossen aus dem Diluvium von Krapina in Kroatien // *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien* XXXI: 164-197.
- Le Mort, F. 1988. Cannibalisme ou rite funéraire // *Dossiers Histoire et Archéologie* 124: 46-49.
1989. Traces de décharnement sur les ossements néandertaliens de Combe-Grenal (Dordogne) // *Bulletin de la Société Préhistorique Française* 86(3): 79-87.
- Leroi-Gourhan, A. 1964. *Les Religions de la Préhistoire* (Paléolithique). Paris: Presses Université de France.
- Malez, M. 1970. Novi pogledi na stratigrafiju krapinskog nalazišta // Malez, M. (red.). *Krapina 1899-1969*. Referati održani na naučnom skupu prigodom 70 - godišnjice otkrića krapinskih praljudi u Zagrabu, dne 31, svibnja 1969: 13-44. Zagreb: Izdavački zavod Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti.
- 1970a. Rezultati revizije pleistocenske faune iz Krapine // *Krapina 1899-1969*. Referati održani na naučnom skupu prigodom 70 - godišnjice otkrića krapinskih praljudi u Zagrabu, dne 31, svibnja 1969: 45-129. Zagreb: Izdavački zavod Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti.
1971. Jugoslavia // Oakley, K.P., B.G. Campbell, Th.I. Mollison (eds.) *Catalogue of Fossil Hominids 2: Europe*: 337-343. London: British Museum (Natural History).
1978. Stratigrafski, paleofaunski i paleolitski odnosi krapinskog nalazišta // Malez, M. (Red.) *Krapinski Pračovjek i Evolucija Hominida*. Zbornik predavanja održanih na znanstvenom skupu "Krapinski pračovjek i evolucija hominida" u Krapini, dne 17 rujna 1976: 61-103. Zagreb: Izdavački zavod Jugoslavenske akademije.
- May, F. 1986. *Les Sépultures Préhistoriques. Etude Critique*. Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique.
- Mellars, P. 1996. *The Neanderthal Legacy*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Mussi, M. 1988. Continuïte et discontinuité dans les pratiques funéraires au paléolithique: le cas de l'Italie // *L'Homme de Neandertal. Actes du Colloque International de Liège* (4-7 décembre 1986). 5. La Pensée. *Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège* 32: 93-107. Liège.
- Peyrony, D. 1934. *La Ferrassie* // *Préhistoire III* (fascicule unique): 1-92. Paris.
- Piperno, M. 1976/77. Analyse du sol moustérien de la grotte Guattari au Mont Circeo // *Quaternaria* 19: 71-92.
- Piperno, M., G. Giacobini. 1990/91. A taphonomic study of the paleosurface of Guattari cave (Monte Circeo: Latina, Italy) // *The Fossil Man of Monte Circeo: Fifty Years of Studies on the Neandertals in Latium*. Parco Nazionale del Circeo. October 19-21 1989. *Quaternaria Nova* 1: 143-161.
- Russell, M.D. 1987. Bone breakage in the Krapina hominid collection // *American Journal of Physical Anthropology* 72(3): 373-379.
- 1987a. Mortuary Practices at the Krapina neandertal site // *American Journal of Physical Anthropology* 72(3): 381-397.
- Russell, M.D., P. Villa, J. Courtin. 1988. A reconsideration of the Krapina cutmarks // *Abstracts of the XII International Congress of the Anthropological and Ethnological Sciences. Collegium Anthropologicum XII Supplement*: 348. Zagreb.
- Schaaffhausen, H. 1888. *Der Neanderthaler Fund*. Bonn: Bel Adolph Marcus.
- Schaefer, U. 1964. Homo neanderthalensis (king) II. E - Schädel-Fragment, frontale F₁ und Torus-Fragment 37.2 von Krapina // *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie* 54 (3): 260-271. Stuttgart.
- Schott, L. 1979. Schädelkult im Mittelpleistozän? // *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift* 20 (1): 1-14. Berlin.
1982. Schädelbestattungen und Schädelkult im Lichte Archäologischer Zeugnisse // *Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodenkmalpflege*. 17. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte. II: 461-469. Berlin.
- Schürmann, M. 1988. Über einen zweiten Urmenschen - Fund aus dem Neandertal // *Eiszeitalter und Gegenwart* 38: 128-129.
- Schwarcz, H.P., N. Cesar. 1988. Uranium-series dating of contaminated calcite deposits // *L'Homme de Neandertal. Actes du Colloque International de Liège* (4-7 décembre 1986). 1. *La Chronologie. Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège* 28: 11-16. Liège.
- Schwarcz, H.P., A. Bietti, W.M. Buhay, M.C. Stiner, R. Grün, A. Segre. 1991. On the reexamination of Grotta Guattari: uranium-series and electron-spin-resonance dates // *Current Anthropology* 32 (3): 313-316.
- Sergi, S. 1956. Les paléanthropes en Italie: les hommes fossiles de Saccapastore et du Mont Circeo // *Actes du IV Congrès International du Quaternaire, Roma-Pise, Août-Septembre 1953*. II: 1119-1127. Roma.
1974. Il Cranio neandertaliano del Monte Circeo (Circeo I). A cura di A. Ascenzi. Roma: Accademia Nazionale dei Lincei.
1991. The neandertal cranium of Monte Circeo (Circeo I) // Piperno, M., G. Scichilone (eds.). *The Circeo I Neandertal Skull. Studies and Documentation*: 23-174. Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato.
- Smith, F.H. 1976. The neandertal remains from Krapina, northern Yugoslavia: an inventory of the upper limb remains // *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie* 67(3): 275-290.
- Solecki, R.S. 1957. The 1956-57 season at Shanidar, Iraq. A preliminary statement // *Quaternaria* 4: 23-30.
1958. The 1956-57 season at Shanidar, Iraq. A preliminary statement // *Sumer* 14(1): 104-108.
1961. Three adult neanderthal skeletons from Shanidar cave, Northern Iraq // *Summer* 17(1): 71-96.
1971. *Shanidar. The first flower people*. New York: Alfred A. Knopf.
- Stiner, M.C. 1991. The faunal remains from grotta Guattari: a taphonomic perspective // *Current Anthropology* 32 (2): 103-117.
- Tarli, S.B., A. Canci, P. Francalacci, E. Repetto. 1991. The hollowed-out skull base of the calvarium Circeo I. Review and discussion of an intriguing finding // Piperno M., G. Scichilone (eds.). *The Circeo I Neandertal Skull. Studies and Documentation*: 423-453. Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato.
- Toth, N., T. White. 1990/91. Assessing the ritual cannibalism hypothesis at grotta Guattari // *The Fossil Man of Monte Circeo: Fifty Years of Studies on the Neandertals in Latium*. Parco Nazionale del Circeo. October 19-21, 1989. *Quaternaria Nova* 1: 213-222.
- Trinkaus, E. 1975. The neandertals from Krapina, northern Yugoslavia: an inventory of the lower limb remains // *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie* 67 (1): 44-59.
1978. Functional Implications of the Krapina neandertal lower limb remains // Malez M. (Red.) *Krapinski Pračovjek i Evolucija Hominida*. Zbornik predavanja održanih na znanstvenom skupu "Krapinski pračovjek i evolucija hominida u Krapini, dne 17, rujna 1976: 155-192. Zagreb: Izdavački zavod Jugoslavenske akademije.
1985. Cannibalism and burial at Krapina // *Journal of Human Evolution* 14 (2): 203-216.
- Trinkaus, E., P. Shipman. 1994. *The Neandertals*. New York: Vintage Books. A Division of Random House, Inc.

- Ullrich, H. 1978. Kannibalismus und Leichenzerstückelung beim Neandertaler von Krapina // Malez M. (Red.) Krapinski Pračovjek i Evolucija Hominida. Zbornik predavanja održanih na znanstvenom skupu "Krapinski pračovjek i evolucija hominida u Krapini, dne 17. rujna 1976: 293-318. Zagreb: Izdavački zavod Jugoslavenske akademije.
1982. Artificial injuries on fossil human bones and the problem of cannibalism, skull-cult and burial rites // *Man and his Origin*. *Anthropos* 21: 253-262. Brno.
1986. Manipulation on human corpses, mortuary practice and burial in palaeolithic times // *Fossil Man - New Facts-New Ideas* // *Anthropos* 23:227-236. Brno.
1989. Kannibalismus im Paläolithikum // Schlette F., D.Kaufmann (Hrsg.) Religion und Kult in Ur- und frühgeschichtlicher Zeit: 51-71. Berlin: Akademie-Verlag.

- Vandermeersch, B. 1965. Position stratigraphique et chronologie relative des restes humains du paléolithique moyen du sud-ouest de la France // *Annales de Paléontologie*. Vertébrés 51(1): 69-126. Paris.
- White, T.D., N.Toth. 1991. The question of ritual cannibalism at grotta Guattari // *Current Anthropology* 32 (2): 118-124.
- Wolpoff, M.H. 1978. The dental remains from Krapina // Malez M. (Red.) Krapinski Pračovjek i Evolucija Hominida. Zbornik predavanja održanih na znanstvenom skupu "Krapinski pračovjek i evolucija hominida u Krapini, dne 17. rujna 1976: 119-144. Zagreb: Izdavački zavod Jugoslavenske akademije.
1979. The Krapina dental remains // *American Journal of Physical Anthropology* 50(1): 67-113.

NEANDERTAL, KRAPINA AND MONTE CIRCEO. RITUALS IN THE MIDDLE PALAEOOLITHIC

In August 1856, workers who were clearing from clay the Feldhofer rock shelter at Neandertal near Dusseldorf, Germany, struck on human bones, which they threw outside together with the clay. Later the bones got into the hands of the Protestant pastor K. Fuhlrott, who published the find (Fuhlrott 1859). The workers told him that the bones, situated in anatomical order, lay at the depth of 60 cm from the surface in a horizontal position, along the axis of the shelter, and the skull was oriented toward the entrance, which faced north. Schaafhausen (1888:7-8) was apparently the first to suggest that the shelter contained a burial of a Neandertal male. This interpretation may be correct since, apart from the skull, many postcranial bones were preserved. The same opinion was expressed by F.May (1986:17). Contrary to Smirnov's view (Смирнов 1991:53), the absence of habitation material in the shelter does not rule out the presence of a burial. The Regourdou burial was also made in a shelter which was not a site of long duration (Алѣкшин 1995:199).

One should hardly take at face value the testimony of workers who claimed that the bones at Feldhofer were found in anatomical order. Because there is evidence suggestive of post mortem manipulation (specifically, cuts were found on the skull and on the right scapula, see Czarnetski 1977:215-218), it is possible that the body was dismembered and only its parts were buried. There is reason to believe that the skeleton was actually situated along the axis of the shelter, perpendicular to the entrance.

The deposits in the Feldhofer shelter supposedly date back to early Wurm (Gieseler 1971:193). The fact that body was arranged perpendicular to the entrance supports this date. In Western Europe, this

position was typical only of burials dating from the middle of Wurm II (60,000-50,000 BP). Burials situated parallel to the entrance evidently appear later (Алѣкшин 1995:207).

About 800 fragments of Neandertal bones, including damaged skulls, were found in Krapina, north of Zagreb, Croatia. While the number of individuals estimated on the basis of bone fragments is 20-30 (Trinkaus 1978:156; Smith 1976:285), the teeth belonged to at least 80 persons (Wolpoff 1979:104). Because most bones are fragmented, Gorjanovic-Kramberger (1901:196) believed that the site represented remains of a cannibalistic feast. This view has been widely cited. In 1970-s several anthropologists, who had examined the Krapina collection, came to the conclusion that the long bones were intentionally cracked, and some of them bore traces of defleshing by stone tools. Based on this evidence, they concluded that cannibalism in Krapina may be regarded as an established fact (Smith 1976:287; Ullrich 1982:258). Apparently they did not take into account that most Krapina remains are not charred. Only 6.8% of cranial bones and 0.5% of postcranial bones bear traces of fire.

Another hypothesis was put forward by E. Trinkaus. Because Krapina bones have been neither damaged by carnivores nor smashed, Trinkaus believes they come either from disturbed graves or from burials that contained dismembered bodies. Traces of fire cannot by themselves attest to cannibalism (Trinkaus 1985). Trinkaus's view seemed to have been upheld by M.Russell (1987, 1987a). According to her, the traces of stone tools on Krapina bones are similar to those seen on the bones of certain American aborigines whose skeletons were defleshed in accordance with traditional burial rites. Also, Russell claimed that there are no indications

that long bones from Krapina were smashed to extract bone marrow. Later, however, she revised her views and concluded that the evidence suggesting that Krapina skeletons were dismembered was not as conclusive as she previously believed. Evidence in favor of defleshment does exist, but it could as well be explained by cannibalism (Russell et al. 1991). This revision indicates that anthropologists, too, sometimes lack reliable criteria for interpreting traces on Neandertal bones. Attempts at solving the mystery on the basis of archaeological context are doomed to failure since excavations done with the help of dynamite should not be regarded as thoroughly documented. The issue, then, remains unresolved although Trinkaus's hypothesis does seem attractive and may even be considered as the most likely one at present, given that reburial has been registered at several Mousterian sites, such as La Ferrassie, Shanidar, Skhul, and Qafzeh.

F. Bordes, who dated Krapina to the Wurm glacial, believed that the industry of certain layers resembled the Mousterian of La Quina (Bordes 1981:82). If so, the probable date would be that stage of Wurm interstadial for which dismembered incomplete Neandertal burials are typical (Алёкшин 1995:207).

On 24 February 1939, during construction works, a skull of a Neandertal male was found in Guattari rock shelter, Monte Circeo, Italy. A. Guattari, who found the skull, saw it lying on the surface; the mandible was lacking. He could not help taking it out to have a closer look at it. Then he put it back in its original position, as he believed.

The archaeologist A. Blanc, who started excavating the shelter on the next day, reached several conclusions: (1) the skull was that of a male aged 40-50 who was killed by a blow that crushed the right temporal bone and the right orbit; (2) the foramen magnum was artificially enlarged; (3) the skull was placed in the shelter and a ring of stones was made around it (fig. 1A). According to Blanc, the find attested to ritual cannibalism in the Mousterian (Blanc 1939; Sergi 1938-39, 1974:55; Tarli et al. 1991:449-450).

The idea of cannibalism was not supported by other specialists, who believe that the skull was in-

tionally exposed (Schott 1979:3; Смирнов 1991:29, note 11).

Regrettably, it is impossible to establish the location of the skull within the shelter. Guattari could have made a mistake while putting the skull on a heap of stones.

Recent archaeological studies have demonstrated that the skull initially rested on the left side (fig. 1B). No traces of a blow which might have caused death are discernible. Neither are there any marks suggestive of defleshment. The foramen magnum appears to be intact (Giacobini 1990-91; Tarli et al. 1991; Toth and White 1990-91; White and Toth 1991).

Some writers believe that the skull was damaged because it lay on the surface (Tarli et al. 1991). Others suggest that it might have been gnawed by hyenas, although they admit that no apparent traces of their teeth are present (Toth and White 1990-91; White and Toth 1991). The upper level of deposits does contain remains suggestive of a hyena den (Piperno, Giacobini 1990-91; Stiner 1991). However, since no marks left by teeth have been found on the skull, Mussi concluded that it was brought to the shelter when no soft tissues had remained on it, so it did not attract the hyenas' attention (Mussi 1988:97-98).

Is it possible, then, that the skull was detached from the dissociated corpse and exposed for ritual purposes? In that case, defleshment would have left no traces (Tarli et al. 1991; Алёкшин 1994:138). This interpretation sounds quite plausible. People of the Middle Paleolithic apparently used skulls in some rites. In three instances (Shanidar, Kebara, and Regourdou) skulls were extracted from the graves after the funeral (Алёкшин 1993:6; 1994:138; 1995:201). All these skulls were those of adult males. The Guattari rock shelter, situated in a remote place which is difficult to access, could have been visited only occasionally and it could have served as a sanctuary. Unfortunately, by having taken the skull out of its original context, Guattari depreciated the find, the date of which is estimated at 57-51,000 BP (Schwartz, Cezar 1988:13; Schwarcz et al. 1991:313-316).

СТАДИАЛИЗМ В ПАЛЕОЛИТОВЕДЕНИИ:

60 ЛЕТ СПУСТЯ

С. А. ВАСИЛЬЕВ*

Одной из характерных черт современной археологии является особое внимание, уделяемое истории роста археологического знания, последовательной смене теоретических и методических концепций под влиянием ряда факторов как внешнего, так и внутреннего порядка. Интересна именно "включенность" подобных работ историографического плана в современные споры, их актуальность. Свидетельство тому выход в свет в 80–90 гг. на западе ряда монографий и сборников по истории археологии, как обобщающего плана (Daniel 1981, 1981a; Gräslund 1987; Christenson 1989; Trigger 1990; Hodder 1991), так и посвященных деятельности выдающихся археологов прошлого (Bowden 1991; Harris 1994). Регулярно переиздаются старые руководства по доистории, давно утратившие ценность в плане фактического материала, но позволяющие современному исследователю наглядно представить методологию своих предшественников.

Эти общие тенденции не обошли стороной и российскую науку, тем более что политические изменения последних лет позволяют впервые свободно обсуждать все стороны развития отечественной археологии, включая и те, которые в недавнем прошлом приходилось обходить стороной. Правда, основные действительно ценные труды по истории нашей археологии (Формозов 1986; Лебедев 1992) преимущественно охватывают период до Октябрьского переворота, а появившиеся в последнее время очерки по истории археологии советского периода (Клейн 1993) носят, к сожалению, отпечаток модной "перестроечной" публицистики с эмоциональными перекрестками и субъективными оценками, подменяющими спокойный всесторонний анализ. И когда встречаешь резкие формулировки типа "теория стадиальности сталинизм в археологии" (Аникович М.В.; цит. по: Лебедев 1992) или определение деятельности покойного академика А.П.Окладникова как "лысенковщину в археологии Сибири" (Мочанов 1992), то поневоле задаешься вопросом: есть ли качественное отличие подобной лите-

ратуры от славословий в адрес успехов и достижений советской археологии в многочисленных "юбилейных" статьях брежневского периода, за исключением аккуратной перестановки плюса на минус.

Стадиальная версия развития палеолитической культуры была сформулирована в стенах ГАИМКа в начале 30–х гг. В сложении концепции выдающуюся роль сыграл один из лидеров тогдашней археологии Владислав Иосифович Равдоникас (1894–1976). Не будучи специалистом по палеолиту, он, в силу широчайшего научного кругозора и эрудированности, внес, наряду с П.П.Ефименко, С.Н.Замятинным и П.И.Борисковским, заметный вклад в развитие стадиализма.

В общем плане стадиализм явно генетически связан с поздним эволюционизмом (учение о единстве поступательного развития культуры, идея взаимосвязи прогресса всех сторон общества, автохтонизм). Не случайно в самый разгар полемики 30–х гг. П.И.Борисковский и С.Н.Замятин (1934) выступают со статьей, посвященной творчеству одного из "столпов" классического эволюционизма, Габриэлю де Мортилье, резко противопоставляя его заслуги деятельности позднейших западных исследователей (в первую очередь, А.Брейлю и Г.Обермайеру). Однако, в отличие от эволюционизма, стадиализм придавал гораздо большее значение моментам "разрыва постепенности" в развитии культуры, трактуемых с марксистской позиции "скачков".

Другая отличительная черта стадиализма его подчеркнутый историзм, стремление наполнить выделяемые ступени или стадии развития историческим содержанием. С современной точки зрения подобные опыты выглядят достаточно наивными и прямолинейными. Однако, и здесь все не так просто. П.И.Борисковский (1934, 1935), например, выступал против попыток "осоциологизировать" все изменения форм каменных орудий, справедливо отмечая, что эти сдвиги вовсе не являются автоматическим отражением перемен в социальном

* Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

устройстве. По его мнению, эпохи палеолита представляют собой не периоды общественно-го развития, а своего рода вспомогательную сетку для размещения на ней памятников.

Стадиальная версия господствовала в отечественной археологии в 30–50-е гг., когда на ее основе были созданы периодизационные схемы расчленения палеолита Восточной Европы (Ефименко 1934, 1938; Борисковский 1953), Кавказа (Замятин 1957), Сибири (Сосновский 1934; Окладников 1950).

Позднее, в 60–80-е гг. в связи с преобладанием локально-культурного подхода к изучению палеолита, предложенного А.Н.Рогачевым (1957) и активно пропагандировавшегося Г.П.Григорьевым (1968), в литературе закрепились однозначно отрицательная оценка стадиализма как "социологического схематизма". Утверждалось, что изучение местных, сугубо локальных черт палеолитической культуры у конкретных обособленных групп древнего населения представляет собой основную цель изучения палеолита той или иной территории. Однако, с течением времени активность археологов в выделении все новых и новых локальных культур заметно поубавилась. Тому причиной ряд факторов: невозможность в большинстве случаев определить географические и хронологические рамки бытования культур, существование иных вариантов членения археологического материала, чем локальные культуры, сложный характер варибельности каменных индустрий и т.д. В связи с этим возобновление интереса к стадиализму выглядит вполне закономерным. Данная статья представляет собой попытку ответить на вопрос, что в стадиализме безвозвратно минуло в прошлое, а какие идеи сохраняют свою актуальность и сейчас?

Разумеется, на первую часть поставленного вопроса ответить гораздо проще. Уже при беглом взгляде на работы 30–х гг. бросаются в глаза устаревшие моменты, отражающие бурную действительность того нелегкого времени и имеющие ныне лишь историографический интерес. Соответственно, я опускаю бесконечные рассуждения о "материнском роде", "кинетической речи" и т. д., обильно приправленные цитатами из К.Маркса и Н.Я.Марра. Вообще в плане интерпретации археологических данных дискуссии 30–х гг. вращались по замкнутому кругу. С одной стороны, упор марксизма на технику, материальное производство давал археологии некую индульгенцию, право на существование в качестве относительно самостоятельной отрасли научного знания. Особенно это относится к археологии палеолита, нацеленной, в первую очередь, на изучение орудий труда. С другой стороны, на основании тех же "священных текстов" К.Маркса и Ф.Энгельса оказывалось, что

периодизация первобытного общества должна строиться не на формах материального производства и хозяйственной деятельности, а на семейно-брачных отношениях. А в этом-то аспекте археологические данные оказывались абсолютно немymi. Попытки же "осоциологизировать" археологические схемы, наполнить их общественным содержанием вели лишь к бесконечной перетасовке понятий "тотемическое общество", "родовое общество", "дороговое общество" вне всякой связи с реальными материалами на основе той же схемы Мортилье-Брейля. Археологические источники для этих выводов оказывались просто ненужными. А специальных методов реконструкции на основе археологических материалов, несмотря на неоднократные призывы к их разработке, в арсенале этих исследователей не оказалось.

Однако, несмотря на всю эту словесную шелуху, в стадиальном подходе к изучению палеолита, на мой взгляд, можно найти целый ряд интереснейших идей, намного опережавших уровень современной им зарубежной науки, идей, над которыми продолжают и сейчас спорить исследователи.

Прежде всего, это положение о внутренней структурированности развития палеолитической культуры, наличии ряда закономерных стадий или ступеней развития, выделяемых для палеолита на широких территориях. В то же время, вопреки расхожему мнению, стадиализм отнюдь не сводился к единообразным схемам и не отрицал необходимости рассмотрения, наряду с общими чертами, "конкретных эволюций" (Равдоникас 1931). "Изучая историю первобытно-коммунистического общества, нельзя ограничиваться одним установлением общей схематической последовательности. Необходимо изучать эти разновидности общественно-экономического развития во всем их конкретном своеобразии" (Борисковский 1932:9).

Даже для нижнего палеолита стадиалисты прекрасно осознавали невозможность расположить все комплексы в одну хронологическую цепь (Борисковский 1934), учитывая при этом, что стадии развития могли проходить различными группами древнего населения не одновременно (Равдоникас 1931). По мнению П.П.Ефименко (1934: 202) "молекулярная раздробленность" и замкнутость отдельных ячеек среднепалеолитического общества приводила к неоднородности облика культуры, проявлявшейся в параллельном существовании разнородных индустрий.

Тем более локальное разнообразие было свойственно эпохе верхнего палеолита, где В.И.Равдоникас (1939: 190) отмечал "не только дифференцирование орудий по типам, но и дифференцирование типов по географическим

районам, все более и более развивающееся в позднейшие эпохи". Для обозначения единиц подобной дифференциации различными авторами использовался термин "конкретные варианты" (Равдоникас 1931; Ефименко 1934). Эти "существенные локальные различия" (Равдоникас 1934:170) трактовались в различных аспектах. С одной стороны отмечалось географическое разнообразие в пределах культуры. Так, В.И. Равдоникас (1934) выделял в пределах ориньяка ряд провинций (западно- и центральноевропейскую, средиземноморскую, юго-восточную или русскую), а П.И.Борисковский (1932) говорил о культурных областях. С другой стороны указывалось на возможное сосуществование культур. Так, вслед за ранними работами П.П.Ефименко (1928) об этом писал В.И. Равдоникас (1939), выдвинувший гипотезу об одновременном существовании ориньяка и солютре.

В настоящее время после длительного перерыва вновь возрождается интерес к периодизации палеолита. Показательно, что даже столь яростный приверженец локально-культурного подхода в 60–70-е гг. как Г.П.Григорьев, ныне предлагает трехчленную схему периодизации верхнего палеолита Восточной и Центральной Европы с ранней и поздней порой, разделенных так называемым "граветийским эпизодом" (Григорьев 1989). Определенные стадии эволюции, на мой взгляд, могут быть прослежены и по сибирским материалам (Vasil'ev 1993).

Другой интересный момент это то, что стадиализм впервые поставил проблему причин и характера культурных изменений в древнем обществе без смены населения. Не так уж важно для нас теперь, что подобная постановка вопроса в теоретическом плане опиралась на абсурдный гипертрофированный автохтонизм Н.Я.Марра. Существенно то, что в этом плане наши исследователи 30-х гг. намного опередили современную им зарубежную науку, где миграции оставались едва ли единственным объяснением разрывов в преемственности культуры (периодическое возрождение интереса к миграционной версии, кстати, происходит и по сию пору (Otte, Keeley 1990). Как справедливо указывал В.И.Равдоникас (1933), внешние влияния отражались лишь на конкретных формах имманентного развития или на темпах развития, а не затрагивали сущности явления. Культурные заимствования возможны лишь при внутренней готовности общества реципиента воспринять их. При этом стадиализм не отрицал конкретных случаев миграции или автохтонной эволюции, выступая лишь против миграционного фактора как основного и решающего в смене культурных комплексов (Борисковский 1931). Вторично к проблеме культур-

ных изменений у автохтонного населения мировая наука обратилась лишь в 60–70-е гг., уже в контексте "новой археологии" (Renfrew 1973).

В вопросе о причинах культурных изменений стадиалисты не были едины. Если П.П.Ефименко (1934) считал основным фактором изменения в хозяйстве, обусловленные сдвигами в природном окружении, то П.И.Борисковский (1932) и В.И.Равдоникас (1933) придавали первостепенное значение процессам совершенствования охотничьего хозяйства вне связи с естественной средой. Нетрудно заметить, что первая точка зрения стоит ближе к современным палеоэкологическим моделям изменения культуры в палеолите.

Далее, стадиализм всегда стремился к глобальному охвату многообразной картины развития палеолитической культуры. Не секрет, что последующий период увлеченности выделением локальных вариантов культуры привел к заметному сужению поля зрения археологов, утрате дальних аналогий, которыми столь богаты наши материалы. Первые наброски к построению таких широких схем мы находим у П.П.Ефименко (1934), отмечавшего разные пути развития культуры в палеолите северных и южных регионов. Далее эта линия исследования нашла свое продолжение в концепции "историко-культурных областей" верхнего палеолита С.Н.Замятнина (1951) и позже у А.П.Окладникова (1955). Отсюда протягивается нить научного поиска, ведущая к позднейшим концепциям типа "постмустье" Г.П.Григорьева (1984). Как бы ни относиться к этим построениям, нельзя не признать, что данный аспект глобального изучения палеолита не имеет себе аналогов в зарубежной науке, где мы не найдем ни в одном из многочисленных общих трудов по доистории целостной концепции, сопоставимой с отечественными работами.

И, наконец, последнее. Именно в рамках стадиализма был впервые поставлен вопрос о множественности причин различий в наборах каменного и костяного инвентаря. Эта линия исследования, которую мы ныне называем проблемой вариативности индустрий, всецело связана с именем П.И.Борисковского. Еще в 1932 г. он прозорливо выделил ряд подобных факторов. Это функциональная специфика памятника в целом, интенсивность переделки изделий и наличие/отсутствие выброса (Борисковский 1932:31–32). Поразительно, что перед нами именно те факторы, влияющие на облик археологических комплексов, к изучению которых зарубежные специалисты обратились лишь в 70-е гг., потерпев неудачу в применении простых одномерных объяснительных моделей, анализу которых ныне посвящена обширная литература (Schiffer 1976). Позже, в связи с рас-

копками Борщово II, исследователь обратился к проблеме функциональной вариабельности в пределах палеолитического поселения, опять-таки опередив мировую науку на несколько десятилетий (Борисковский 1941). Таким образом, хотя указанные выше проблемы рассматриваются в современной археологии на принципиально ином уровне, с применением неизвестного в 30–е гг. арсенала методов, стадиальная концепция во многом обогатила палеолитоведение новыми идеями и гипотезами. Сама постановка проблемы подразделения палеолита как "стадий и внутростадиальной дифференциации" несомненно ближе к современному взгляду на вещи, чем рассмотрение палеолита

как совокупности разгороженных в пространстве и времени локальных культур. В целом хотелось бы присоединиться к мнению В.Н. Гладылина и В.И. Ситливого (1990:18) о том, что "... после критики марризма, в 50-х гг., термин "стадиальность" незаслуженно выпал из нашего лексикона... Теория локальности была противопоставлена теории стадиальности. Между тем для такого противопоставления не было и нет оснований. Оба направления исторического познания археологических явлений стадиальное и локальное представляют собой как бы две стороны одной медали, они взаимно дополняют и обогащают друг друга".

- Борисковский, П.И. 1931. Методология А. Вайзона // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры 7: 17-20. Ленинград.
1932. К вопросу о стадиальности в развитии верхнего палеолита. Известия Государственной Академии истории материальной культуры XIV/4. Ленинград.
1934. Об изучении нижнепалеолитических материалов // Проблемы истории докапиталистических обществ 2: 63-69. Ленинград.
1935. Исторические предпосылки оформления так называемого Homo Sapiens // Проблемы истории докапиталистических обществ 1/2: 5-46; 5/6: 3-36. Ленинград.
1941. Палеолитическая стоянка Борщово II // Материалы и исследования по археологии СССР 2: 37-60. Москва-Ленинград: АН СССР.
1953. Палеолит Украины. Материалы и исследования по археологии СССР 40. Москва-Ленинград: АН СССР.
- Борисковский, П.И., С.Н. Замятин. 1934. Габриель де Мортилье // Проблемы истории докапиталистических обществ 7/8: 88-107. Ленинград.
- Гладылин, В.Н., В.И. Ситливый. 1990. Ашель Центральной Европы. Киев: Наукова думка.
- Григорьев, Г.П. 1968. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo Sapiens. Ленинград: Наука.
1984. Палеолит Африки // Палеолит мира: 43-209. Ленинград: Наука.
1989. Виллендорфско-костенковское единство в его природном окружении // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: 45-48. Ленинград: Наука.
- Ефименко, П.П. 1928. Некоторые итоги изучения палеолита СССР // Человек 1: 45-59.
1934. Дородовое общество. Известия Государственной Академии истории материальной культуры 79. Москва-Ленинград.
1938. Первобытное общество. Ленинград: Соцэкгиз.
- Замятин, С.Н. 1951. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Труды Института этнографии АН СССР, новая серия 16: 88-152. Москва-Ленинград: АН СССР.
1957. Палеолит Западного Закавказья. I. Палеолитические пещеры Имеретии // Сборник Музея антропологии и этнографии XVII: 432-499. Ленинград.
- Клейн, Л.С. 1993. Феномен советской археологии. Санкт-Петербург: Фанн.
- Лебедев, Г.С. 1992. История отечественной археологии. 1700–1917. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет.
- Мочапов, Ю.А. 1992. Начальный этап изучения палеолита Северо-восточной Азии // Археологические исследования в Якутии: 3-20. Новосибирск: Наука.
- Окладников, А.П. 1950. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Материалы и исследования по археологии СССР 18. Москва-Ленинград: АН СССР.
1955. Развитие первобытнообщинного строя: поздний древнекаменный век // Всемирная история 1: 50-88. Москва: Госполитиздат.
- Равдоникас, В.И. 1931. К вопросу о социологической периодизации палеолита в связи с взглядами К.Маркса и Ф.Энгельса на первобытное общество. Известия Государственной Академии истории материальной культуры IX/2. Ленинград.
- 1931а. О применении метода диалектического материализма в истории доклассового общества // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры 9/10: 5-32. Ленинград.
1933. О закономерности развития доклассового общества // Проблемы истории материальной культуры 9/10: 4-13. Ленинград.
1934. Маркс-Энгельс и основные проблемы истории доклассового общества // Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций: 118-216. Москва-Ленинград: ОГИЗ.
- 1934а. Первобытнокоммунистическое общество // Известия Государственной Академии истории материальной культуры 99: 9-88. Ленинград.
1939. История первобытного общества, ч. 1. Ленинград: Ленинградский Государственный Университет.
- Рогачев, А.Н. 1957. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Материалы и исследования по археологии СССР 59: 9-134. Москва-Ленинград: АН СССР.
- Сосновский, Г.П. 1934. Палеолитические стоянки Северной Азии // Труды II Международной Конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы 5: 246-292. Москва-Ленинград-Новосибирск: Государственное научно-техническое издательство.
- Формозов, А.А. 1986. Страницы истории русской археологии. Москва: Наука.
- Bowden, M. 1991. Pitt Rivers. Cambridge: Cambridge University Press.
- Christenson, A.L. 1989 (Ed.) Tracing archaeology's past: the historiography of archaeology. Carbondale: Southern Illinois University Press.
- Daniel, G. 1981. A short history of archaeology. London: Thames and Hudson.
- 1981а. (Ed.) Towards a history of archaeology. London: Duckworth.
- Gräslund, B. 1987. The birth of prehistoric chronology. Cambridge: Cambridge University Press.
- Harris, D.R. 1994. (Ed.) The archaeology of V.Gordon Childe. London: UCL Press.
- Hodder, I. 1991. (Ed.) Archaeological theory in Europe. The last three decades. London: Routledge.
- Otte, M., L.H. Keeley. 1990. The impact of regionalism on Palaeolithic studies // Current Anthropology 31(6): 577-582.

Renfrew, C. 1973. (Ed.). The explanation of culture change. Models in prehistory. London: Duckworth.

Schiffer, M.B. 1976. Behavioral archaeology. New York/London: Academic Press.

Trigger, B.G. 1990. A history of archaeological thought. Cambridge: Cambridge University Press

Vasil'ev, S.A. 1993. The Upper Palaeolithic of Northern Asia // *Current Anthropology* 34(1): 82-92.

STADIALISM AND THE PALAEOLITHIC STUDIES: A GLANCE AFTER 60 YEARS

It is the hallmark of contemporary archaeology that a special attention is given to the study of growth of archaeological knowledge, to the changing approaches in the investigation of human past, shaped by different internal and external factors. This general tendency is of fundamental importance for the developmental history of Russian archaeology which has not yet become the subject of study. The stadial concept of the Palaeolithic culture was pioneered by scholars from the State Academy for the Material Culture History in the early 1930-s. The role of Ravdonikas, one of the leaders of Russian prehistory of those days, in the formation of this theory is difficult to overestimate. It is fair to say that the stadial concept was generically linked to the late evolutionism. There are important differences, however. Stadialism emphatically introduced the historical orientation in archaeology, trying to interpret the developmental stages in sociological terms. The stadial concept dominated in Russian prehistorical studies of the 1930-s–1950-s, when local periodization schemes were put forward for the Palaeolithic of Eastern Europe (Efimenko, Boriskovsky), Caucasus (Zamiatnin), and Siberia (Sosnovsky, Okladnikov).

In the 1960-s–1980-s stadial theory was strongly challenged and even discredited by the local culture approach pioneered by Rogachev and supported by Grigor'ev. This new concept rejected stadialism as "sociological sketchiness". It was postulated that only through the study of local peculiar features of the Palaeolithic in different regions we could achieve a real progress in prehistoric explorations. However, later the emphasis on the identification of new local cultures diminished due to the number of factors: practical impossibility to delineate spatial and temporal boundaries of cultures, complex and subtle character of variability of lithic industries, etc.

How can one now evaluate the stadialism heritage, what aspects of this theory could be regarded as relevant to contemporary debates? I argue that in spite of a lot of outdated concepts (including the impact of Marxist and Marrison schemes), stadial approach pioneered some ideas of much current interest.

First and foremost, the stadial concept included

the notion of the inner temporal structure in the Palaeolithic culture development. Current Russian Palaeolithic archaeology witnesses the renewal of the keen interest to the periodization of the Upper Palaeolithic, which was left aside during the last decades (cf., for example, recent works of Grigor'ev). It is worthy of note that stadialism did not reject the local diversity of the "concrete variants" of stages as well as a need to study in detail the local evolutionary successions. Ravdonikas, following the early views of Efimenko, made the point, for example, that the local differentiation of types in the Upper Palaeolithic posed a problem of coexistence of different culture variants.

Furthermore, stadialists advanced for the first time the problem of culture change without population shifts. In spite of repeated attempts to renew migratory concepts, it seems impossible to view the Palaeolithic culture history as a persistent chain of migratory waves. The adherents of stadialism saw the main cause of culture change in subsistence advances, the diversification of the social structure patterns of prehistoric societies.

A strong tendency toward a global-scale comparative studies of the Palaeolithic is among the most attractive aspects of stadialism. This focus on worldwide culture processes obviously stimulated the study of large culture areas of the Upper Palaeolithic developed in Russian prehistory (Zamiatnin, Okladnikov, Grigor'ev).

Last but not least – it was within the stadial theory framework that the problem of functional variability between and within sites was put forward by Boriskovsky.

Thus in spite of a considerable progress achieved in Palaeolithic studies during the last decades, the stadial concept enriched prehistory by new ideas and hypotheses. The analysis of the Palaeolithic culture development as stages and intra-stage differentiation is very promising. I argue in agreement with Gladilin and Sitlivyi that both the stadial and local-culture approaches to the Palaeolithic may be regarded as complementary, not mutually exclusive, aspects of the process of culture development, like two sides of a coin.

ЭПОХА ДРЕВНЕЙШИХ ВЕЛИКИХ СТЕПНЫХ ОБЩЕСТВ

В.М.МАССОН *

Общества, формировавшиеся в степной зоне Евразии, будь то скифы или гунны-сюнну, половцы или монголы, играли важную роль в истории Старого Света. Этому способствовали новые формы экономики, дававшие в данной экологической зоне максимальный пищевой эффект, а также биоэнергетический потенциал и соответствующий менталитет обитавших здесь популяций. Высказывалось мнение о том, что в пору номадизма устойчивый мясной рацион на протяжении жизни нескольких поколений, способствовал физиологической перестройке организма и, в конечном итоге, этнопсихологии (Курочкин 1994).

Истоки феномена великих степных обществ уходят далеко вглубь тысячелетий и в этом отношении особенно важны скотоводческие культуры эпохи палеометалла. Их исходным пластом являются памятники ямного типа или древнеямной культурной общности.

Историческое и социологическое осмысление этого феномена в отечественной археологии долгое время вращалось в заданном кругу ограниченной терминологии формационного эволюционизма, хотя все увеличивающийся новый материал буквально наталкивал на иные решения и формулировки. В классической для эпохи ГАИМКа работе А.В.Круглова и Г.В.Подгаецкого сделан вывод о том, что общество древнеямной эпохи состояло из разрозненных матриархальных охотничье-рыболовческих групп (Круглов, Подгаецкий 1935). Новые открытия все более побуждали исследователей выйти за рамки такого предвзятого примитивизма, но господствующая упрощенная идеология знаменитой четвертой главы “Краткого курса истории ВКП(б)” не могла предложить ничего кроме избитой бинарной оппозиции: матриархат-патриархат. Тем не менее показательно, что уровень социологической интерпретации был заметно повышен, хотя и оставался в рамках той же понятийной сетки. Высокая оценка степных обществ II тыс. до н.э. дана в обновленном издании “Очерки истории СССР”, вышедшем в 1956 г. После указания на усложнение социальной структуры здесь отмечается, что “происходит окончательное становление патриархально-родовых отношений. Формируются большие патриархаль-

ные семьи. Отдельные племенные объединения создают союзы племен” (Очерки истории СССР 1956:146). Это была оптимальная характеристика эпохи степной бронзы в советской археологии. Близкую оценку ямной эпохи давали также исследователи замечательного Михайловского поселения: “Это общество способствовало сооружению мощных оборонительных сооружений, что могло быть достигнуто лишь при условии концентрации усилий большого родового или племенного коллектива, находившегося под властью мощной патриархальной племенной верхушки” (Лагодовська, Шапошникова, Макаревич 1962:101). С такой характеристикой солидаризировался в своем обобщающем труде и Н.Я.Мерперт, особенно подчеркнув роль власти племенных вождей (Мерперт 1974:129-134). Вместе с тем в интерпретационных оценках исследователей упор все более переносился на выявление локальных различий и на проблемы происхождения тех или иных устойчивых археологических группировок. Когда в Киеве при активной инициативе В.Ф.Генинга были интенсифицированы формализованные разработки приоритет культурологического направления сохранился (Пустовалов 1982; Пустовалов, Черных 1982; Рычков 1982). При попытке приложить статистико-комбинаторную методику к социологической интерпретации дела не пошло дальше констатации возможности патриархальных отношений (Рычков 1982а).

Между тем совершенно ясно, что за огромным числом разнообразных археологических памятников эпохи степной бронзы независимо от их группировок по локальным вариантам, культурам и общностям, вырисовывается большая историческая эпоха, в течение которой формировались и процветали древнейшие великие общества евразийских степей. Эта эпоха включает три больших периода: первый относится к IV тыс. — 2600 г. до н.э., второй к 2600 — 1700 гг. до н.э. и третий к 1700-900 гг. до н.э. При этом следует отметить, что важны не абсолютные даты, а само наличие этих трех больших периодов. В соответствии с традиционной отечественной терминологией первый период обычно относят к эпохе энеолита. Если ориентироваться на западноевропейские традиции

* Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб. 18. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

без учета результатов металлографических анализов можно было бы говорить о трехчленной системе периодизации степных культур бронза I, бронза II и бронза III.

В первом (энеолитическом) периоде появляются предпосылки для последующего формирования в степной зоне скотоводческих обществ. Эта эпоха характеризуется майкопским культурным влиянием на причерноморские степи. Именно с этим периодом связаны наиболее важные открытия последних десятилетий. Так, нижний горизонт Михайловки перестал быть изолированным комплексом, поскольку теперь выявлен целый пласт памятников нижнемихайловского типа, как его осторожно назвала О.Г. Шапошникова, или нижнемихайловской культуры как пишут другие авторы. В степях Поднепровья была выделена постмариупольская культура, в Поволжье — хвалынская. Наконец, на дальней окраине степного пояса, в североказахстанских степях, был открыт Ботай, замечательный памятник, свидетельствующий о жизненной активности древних племен, продвигающихся по пути прогресса методом проб и ошибок. Таким образом, в степной зоне выделяется ранее неизвестная эпоха формирования основ степных культур бронзового века.

Три явления этого периода весьма существенны для последующего развития. Первое из них — утверждение экономики производства пищи, идущей на смену охоте и рыболовству, хотя еще и не вытесняющей полностью эти традиционные отрасли, особенно использование аквафауны. При этом в производящей экономике отчетливо вырисовывается тенденция к скотоводческой доминанте. Второе — это начало использования металлических изделий и появление местной металлургии. И, наконец, третье — весьма важное явление в сфере культурогенеза — начало формирования специфических черт степного образа жизни.

Рассмотрим эти явления на примере конкретных групп памятников. Все они наследуют от неолита стабильность хозяйства, во многом связанного с рыболовством. Поселки и стойбища теснятся вдоль водоемов и редко выходят в открытую степь. Найденные при раскопках энеолитических поселений сосуды сделаны из глины с примесью толченой раковины.

Одна из наиболее известных культур этого круга Средний Стог (Украина), представлена примерно сотней различных памятников, которые обычно расположены на низких надпойменных террасах. Наиболее известно поселение Деревка, в культурном слое которого среди костных остатков животных почти половину составляют кости лошади. Следует упомянуть также и культовые захоронения черепов

коней на территории поселка (Телегин 1973). Исследования палеозоологов показали, что все эти кости принадлежали древнейшей домашней лошади Европы (Vökönyű 1978). Анализ, проведенный Маршой Левин, в принципе не поколебал вывода о начальной стадии доместики, хотя и было высказано сомнение об использовании конины в пищу (Levine 1990). Роговые псалии свидетельствуют о появлении навыков управления конем. На знакомство с изделиями из металла указывают находки медных пронизок и бус.

Детальную картину эволюции культуры населения, оставившего памятники нижнемихайловского типа, рисует поселение Михайловка, расположенное в традиционной зоне активного рыболовства (Лагодовська, Шапошникова, Макаревич 1962). Около 95% костей, обнаруженных в культурном слое памятника, принадлежат домашним животным, причем преобладает мелкий рогатый скот. Производство глиняной посуды сохраняет традиционные технологические приемы: примесь мелких раковин и песка. Обнаружены сосуды специфической формы на трех или четырех ножках, которые бесспорно являются прототипами так называемых курильниц, ставших впоследствии одной из характерных форм керамических наборов в культурах степной бронзы от катакомбной до афанасьевской. Из меди изготавливались шилья и медные скобки для скрепления деревянных сосудов. Памятники нижнемихайловского типа широко распространены в нижнем Поднепровье и степном Приазовье (Шапошникова 1985). В связи с выходом нижнемихайловского населения в степь у него формируется и такая принципиально новая форма погребального обряда, как курган.

Одну из первых степных культур характеризуют памятники, объединенные И.Ф. Ковалевой в постмариупольскую культуру (Ковалева 1984, 1992; Ковалева, Потехина 1991), известную по характерным погребальным памятникам, в которых вытянутое положение костяка полностью повторяет неолитические традиции, столь ярко представленные в Мариупольском могильнике. Вместе с тем, утвердившийся у носителей этой культуры курганный обряд погребения прочно заложил основу развития этого вида степных могильников. Иногда на подкурганной площадке захоронены кости быков и их черепа. Памятники постмариупольской культуры еще теснятся к поймам рек и редко расположены на надпойменных террасах. Как справедливо отмечает И.Ф. Ковалева, видимо, глубинные районы степи еще лежали вне сферы активной деятельности общества (Ковалева 1984:12). Насыпи постмариупольских курганов имеют диаметр от 8 до 20 метров и нередко ок-

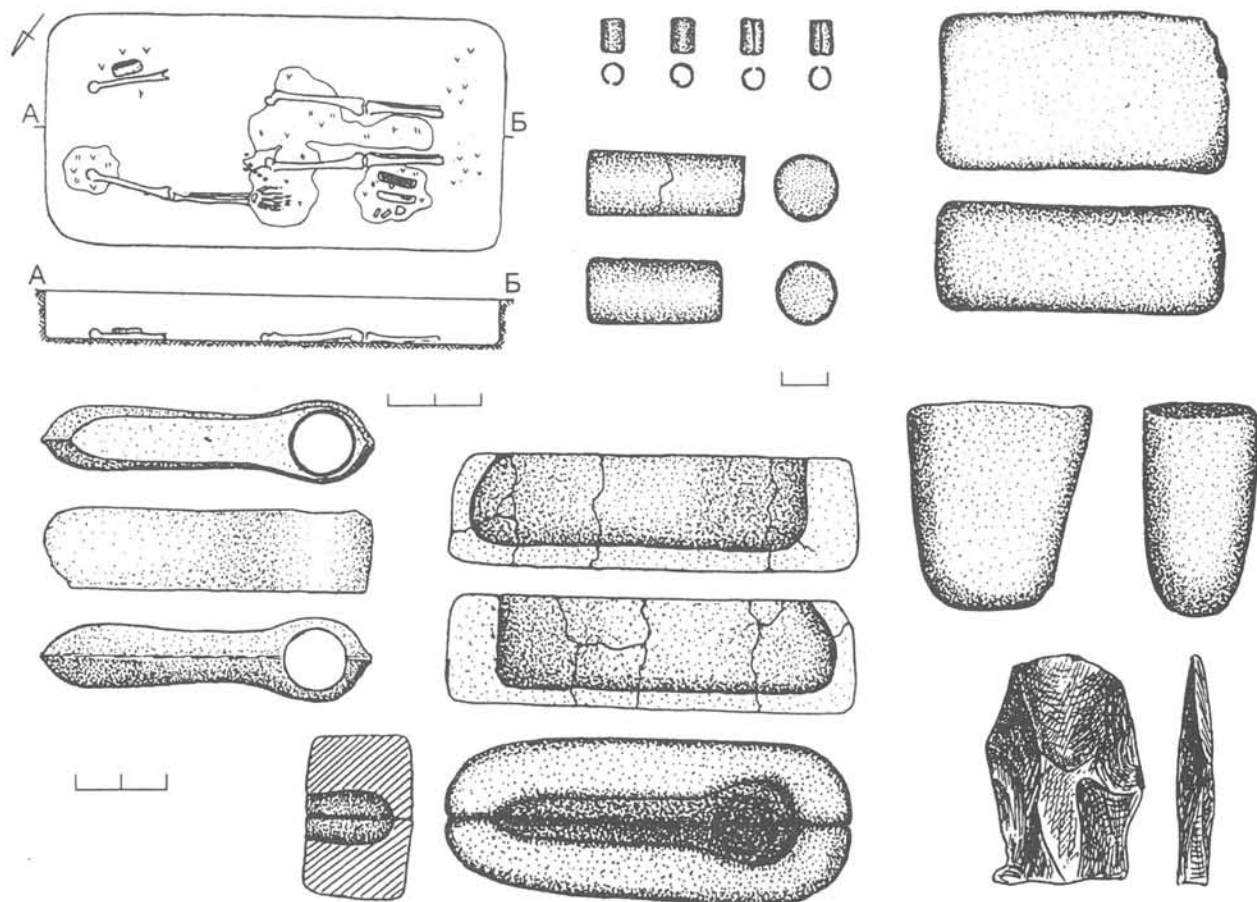

Рис. 1 Предметы из погребения литейщика. Могильник постмариупольской культуры Остров Самарский. Конец IV - первая половина III тыс. до н.э. (по Ковалевой 1979)

Fig. 1 Artefacts from a grave of a bronze-founder. Cemetery of the Postmariupol culture Ostrov Samarskiy. Late 4th - first half of the 3d millennium B.C. (after Kovaleva 1979).

ружены кольцевым рвом. Стремление заключить членов общества в замкнутое круглое пространство, повторенное много позднее в овальных укрепленных поселках поздней бронзы, здесь уже налицо. Остродонная и круглодонная керамика постмариупольской культуры имеет традиционный отошитель: раковины. Уникальными для данной культуры являются два погребения мастеров-литейщиков, которые были захоронены вместе с формами для отливки втульчатых топоров (рис. 1). Этот весьма совершенный тип изделий, скорее всего, создан под влиянием импортных образцов. Находки рудодробилок указывают на разработку местных руд.

Формирование традиций нового образа жизни шло почти повсеместно и, судя по всему, в различных культурных контекстах, что указывает на эпохальный характер этих явлений. Так, в Поднепровье и Пруто-Днестровском междуречье появляется обряд захоронений под курганом (комплексы утконосовского и суворовского типов). В Подонье (репинская культура) при

господстве бескурганного погребального обряда появляются и могилы под курганами, в которых костяки по старой традиции, как и в постмариупольских некрополях, располагаются в вытянутом, а не в скорченном положении (Синюк 1981:15).

В цепи памятников, освещающих начавшиеся кардинальные перемены, находится и Хвалынский грунтовый могильник, характеризующий археологическую культуру среднего Поволжья (Агапов, Васильев, Пестрикова 1990). В погребениях некрополя скелеты лежат в скорченном положении. Круглодонная керамика могильника имеет традиционную для ранней посуды степной зоны примесь точеных раковин. Височные кольца из меди свидетельствуют о наступлении века металла. В поминальных жертвенниках, как и в постмариупольских курганах, встречены черепа быков, кости лошади и овцы. Одежда умерших обильно украшена костяными нашивками, но в целом, судя по погребальному обряду, общество явля-

ется эгалитарным, без существенной дифференциации по статусу и имущественному положению. Однако, положение лидера отмечено особыми атрибутами. В этом отношении показательно единственное в могильнике погребение, в котором был захоронен молодой мужчина, с каменными скипетром и топором. Топор и скипетр, как символы особого престижного положения усопшего, в дальнейшем часто встречаются в захоронениях степной бронзы.

Уникальным памятником рассматриваемого времени является поселение Ботай, расположенное за тысячи километров от Деревки, в североказахстанских степях, где прочные основы стабильности хозяйства были также заложены высокопродуктивным рыболовством, процветавшим в неолитический период (Зданович, Зайберт 1989). Поселок занимает обширное для первобытной эпохи пространство почти 15 га. В культурном слое поселения полностью отсутствуют кости крупного и мелкого рогатого скота. 99,9% обнаруженных костных остатков принадлежат лошади. При трудности остеологической диагностики domesticiрованных лошадей, вопрос о ботайских коневодах довольно сложен. Показательно, что среди костяных изделий, изучавшихся в экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН под руководством Г.Ф.Коробковой, имеется серия костяных пластин с двумя отверстиями, являвшихся, судя по следам затертости, примитивными псалями. Скорее всего в Северном Казахстане уже осуществлялся контроль за свободно пасущимися табунами и исследователи справедливо определяют ботайское общество как общество ранних коневодов—охотников и рыболовов. Этот яркий феномен коневодства не получил, однако, в отличие от приднепровских и приволжских областей, генетического развития. Г.Б.Зданович и В.Ф.Зайберт полагают, что на рубеже III — II тыс. до н.э. табуны лошадей были в значительной мере истреблены (Зданович, Зайберт 1989:82). Видимо, в какой-то мере сказалась и оторванность рассматриваемого региона, в противоположность западной части степного ареала (Поднепровье и Поволжье), от таких мощных культурных центров с производящей экономикой, как трипольский и северокавказский. Как бы то ни было, в историческом развитии степной зоны северного Казахстана наступает застой, длившийся до эпохи поздней бронзы, когда в этот периферийный регион проникла племенная группа, возглавляемая воинами-колесничими.

Таким образом, в рассматриваемый период сложились предпосылки для широкого и устойчивого освоения дерновидно-злаковых степей Евразии, да и само такое освоение по существу уже начиналось. В распоряжении общества уже

были различные породы домашнего скота, разведение которого зависело от местных условий. Началось освоение коня, как средства передвижения, имеющего принципиальное значение для степных просторов. Знакомство с металлическими изделиями и появление местной металлургии открывали новые возможности для технического прогресса. Появились насыпи над могилами, что сразу выделяло их на открытых степных пространствах, складывается обычай жертвоприношения быков и лошадей, начал формироваться степной образ жизни.

Наряду с трипольским влиянием (Мовша 1979, 1984) мощное культурное воздействие на степь оказала майкопская культура, о чем неоднократно писали различные исследователи (Нечитайло 1984, 1988; Ковалева 1991). Майкопский сосуд был найден даже в курганном погребении к западу от Днепра в Поингулье (Шарафутдинова 1980). И.Ф.Ковалева выделяет в степном левобережье Днепра животилловскую группу памятников, для которой характерны сосуды майкопского типа, впрочем нельзя исключить и возможность их местного производства (Ковалева 1991). Примечательно расположение этих находок вдоль пути, ведущего к днепровской переправе (Ковалева 1991:85). Видимо, уже в эпоху энеолита начали формироваться традиционные транспортные трассы степной зоны. Майкопское влияние, доминирующее в степях, можно интерпретировать по-разному, в том числе, объясняя его и тем, что население Северного Кавказа и степей сохраняло родственные связи, уходящие в неолитическую эпоху. Очевидно важную роль играло и наличие в майкопской метрополии мощного очага металлообработки, качество продукции которого далеко превосходило возможности трипольского общества, использовавшего в повседневной деятельности кремневый, роговой и костяной инвентарь и почти не знавшего оружия. Проушные топоры постмариупольских литейщиков явно сделаны в подражание кавказским образцам. В Поволжье и Приуралье, при начавшейся разработке меди из местных медных песчаников, некоторые формы изготавливаемых изделий несомненно свидетельствуют о воздействии майкопского импульса (Корневский 1980:66). Такова предыстория великих степных обществ.

Второй период развития этих обществ связан с повсеместным утверждением иных культурных стандартов, связанных со степным образом жизни и может быть отнесен ориентировочно к 2600 — 1700 гг. до н.э. Впервые эти новые черты отчетливо проявились в комплексах ямного типа, ранее именовавшихся ямной или древнеямной культурой, а теперь, учитывая многообразие ее локальных вариантов и огром-

ную пространственную протяженность, называемых ямной культурной общностью, что менее громоздко и семантически точнее, чем “культурно-историческая общность”. Судя по всему, культурные эталоны ямного типа сформировались в приволжских районах, а их распространение связано как с расселением определенных групп населения, так и с тем, что эти культурные и поведенческие стандарты стали эталонными и легко усваивались различными племенами. При этом разнообразие местных традиций, влившихся в общий культурный поток, во многом обусловило и территориальное многообразие культуры населения ямного времени. В западных областях исходным культурным пластом для древнеямного комплекса стали, судя по всему, памятники среднестоговской культуры.

В этот период повсюду от Волги до Днестра распространяются курганные могильники как символ степного населения. Скотоводческая экономика варьировала, адаптируясь к локальным экологическим нишам. В низовьях Днепра, как показывают раскопки II и III слоев Михайловки, значительную роль играло разведение крупного рогатого скота. В пустынных степях Прикаспия развивалось отгонное скотоводство с преобладанием мелкого рогатого скота. Устойчивость и эффективность скотоводческих хозяйственных систем становится особенно заметной в позднеямное время, когда многочисленные курганные насыпи могильников свидетельствуют об увеличении численности населения и длительности его обитания в отдельных ареалах. Степные пространства осваиваются все более уверенно. В правобережье Днепра, где ранее постмарипольские могильники располагались вблизи водных источников, курганные группы теперь появляются и в степи, на расстоянии 20-30 км от постоянных источников воды. Временные стоянки пастухов существуют одновременно с относительно крупными оседлыми центрами. Из последних наиболее известно поселение Михайловка, где II и III слои относятся к ямному времени, демонстрируя даже территориальную преемственность с более ранним населением. Устанавливаются такие черты погребального обряда, которые потом сохраняются в течение длительного времени. Это и размещение возле могилы (реже в могиле) повозки, и каменные (а, возможно, и деревянные) стелы над погребениями или возможно даже над курганами (Новицкий 1990), и глиняные портретные маски на лицах усопших. Колесный транспорт был особенно важным нововведением в степной зоне. Первоначально он был представлен тяжелыми телегами со сплошными

колесами, сделанными из дерева, хотя, возможно, и оснащенными кожаными шинами.

При больших затратах труда для возведения основной курганной насыпи над индивидуальной могилой, расположенной в центре кургана, сами погребения имеют весьма скромный инвентарь, что затрудняет суждения об общественных структурах ямного времени. Примечательно, что именно в центральных погребениях крупных курганов, сооружение которых требовало значительных трудовых затрат и вероятно соответствующей организации работ по их насыпанию, находятся образцы медных руд. Вероятно лидеры стремятся контролировать производство металла, дающее в ту эпоху значительную долю богатства. Так формируется социологическая цепочка прямого и обратного взаимодействия богатства и власти. Помещение повозки или ее частей в центральное подкурганное захоронение также, видимо, подчеркивало особый статус погребенного там лица, принадлежащего к начинающей самоутверждаться социальной элите. Наличие на поселениях укреплений свидетельствует о развитии военных конфликтов. Поселение III слоя в Михайловке имеет даже несколько обводов оборонительных стен, облицованных каменными плитами. Вероятнее всего лидерам древнеямных племен принадлежали и особые престижные объекты как, например, массивные медные жезлы (Кузнецов 1991). Ряд исследователей считает появление статуй-стел важным показателем начинающейся смены культа плодородия идеологией воинов в пору становления раннего комплексного общества (Gallay 1991:238).

Судя по всему, ямное общество было сравнительно бедным, но мобильным. Ямные племена энергично продвигаются в западном направлении, проникая в Молдову, Румынию и Болгарию, достигая Венгрии (Gimbutas 1961; Мерперт 1976). Вопрос об их роли как сокрушителей местных балканских культур представляет собой особую проблему, но сам факт широкого распространения ямных памятников отражает динамизм общества, создавшего колесный экипаж, один из древнейших в Европе. Культурное влияние ямной общности, да и само ямное население распространились по многим направлениям.

По существу эти же особенности характерны и для великого степного общества, оставившего памятники катакомбного типа. Территориальный центр их формирования был иным, чем у ямных комплексов, но сама структура мозаичных локальных вариантов или, как предпочитают говорить их исследователи, культур катакомбной общности, по существу такая же: разные сочетания местных, в том числе и

ямных, традиций с новыми эталонами погребального обряда и нарядной посуды, которая уже полностью отличается от архаической керамики рыболовов каменного века. В Северном Причерноморье, судя по раскопкам некоторых поселений, сохраняется значительная роль крупного рогатого скота, кости которого составляют около половины остеологических коллекций, что свидетельствует, судя по количеству мяса в обеспечении населения животными белками, о преимущественном потреблении номадами говядины. Можно назвать три характерные черты культур катакомбного времени. Во-первых, происходит бурное развитие местной металлургии и металлообработки. Известно довольно значительное число погребений мастеров-ремесленников, которые, подобно их предкам постмариупольской культуры, захоронены вместе с орудиями труда, в частности, с литейными формами. Имеются в могилах также кузнечные инструменты и наборы орудий для изготовления стрел. Известно более 20 погребений мастеров-металлургов, причем заупокойный культ свидетельствует об их особом профессиональном, а возможно и социальном положении в обществе. Это указывает на активный процесс ремесленной специализации. На катакомбных памятниках Харьковско-Воронежского региона известны клады втульчатых топоров. Вторая особенность — это развитие технологии производства разнообразных повозок (Ляшко 1990), так как степные условия вели к необходимости совершенствования колесных экипажей. В частности, отмечены разные варианты оформления кузова с арочным перекрытием или с решетчатыми бортами. Отмечены различные приемы изготовления колес, которые чаще всего делали из дуба. Как и в ямное время, тяжелые и массивные колеса, либо вытачивались из дерева целиком, либо набирались из трех кусков дерева. Наконец, третье обстоятельство связано с развитием военной функции и все более отчетливым обособлением элитарного слоя, хотя пока рано говорить о четких однозначных заключениях (Пустовалов, Черных 1982; Пустовалов 1990). Булавы катакомбного времени можно рассматривать как символы власти. В одном из курганов с повозкой основным погребенным был мужчина 35-40 лет, которого сопровождали два взрослых захоронения: женщины среднего возраста и мужчины, тело которого было расчленено. Около повозки лежал скелет ребенка 7-8 лет. Пока трудно говорить о наличии в данном случае человеческих жертвоприношений, но неординарность основного лица, помещенного в эту гробницу несомненна. Украинские археологи склонны придавать особое значение появлению в могильниках катакомбной общности

погребений с оружием, которые интерпретируются исследователями как могилы воинов. Во всяком случае распространение кенотафов может свидетельствовать о том, что в обществе участились военные конфликты, ведущие к гибели на чужой территории соплеменников, которых, в связи с этим, не могли хоронить на традиционных некрополях.

Наконец, наступает третий период, который можно отнести ко времени около 1700 — 900 гг. до н.э. Он характеризуется наивысшей активностью племен степной бронзы, за которой, в рамках того же периода, следует время стагнации и затухания их активности. Таков был пульсирующий ритм исторического процесса в степной зоне.

В первой половине II тыс. до н.э. в степной зоне продолжался процесс культурных взаимодействий, дробления культурных единиц, формирования новых территориальных общностей со специфическими особенностями материальной культуры. Из этих явлений наибольшее значение имело, пожалуй, продвижение в восточном направлении носителей абашевской культуры, создатели которой проявили себя энергичными и инициативными мигрантами (Потемкина 1984). Складывавшиеся в результате этого процесса синкретические культурные комплексы сыграли значительную роль в дальнейшем развитии археологических культур в степной зоне.

Само это развитие характеризуется всплеском активности, наблюдаемым в волжско-уральском регионе, который, как показал В.С.Бочкарев, является мощным центром и очагом культурогенеза в эпоху поздней бронзы (Бочкарев 1991). Впечатляющими были достижения этого региона в области металлургии и металлообработки. Здесь выплавляются оловянистые бронзы, для отливки изделий используются каменные модели, вырабатывается такой специфический прием как литье “слепой” втулки. Изменения происходят почти во всех сферах жизни, что отражается как в погребальных памятниках, так и типах поселений.

Эталонным памятником этого времени можно считать могильник Синташта на Южном Урале (Генинг и другие 1992). Здесь в больших грунтовых могилах, обычно представлявших собой срубы с бревенчатым перекрытием, среди погребального инвентаря отчетливо выделяются артефакты, связанные с военным делом: кремневые наконечники стрел, бронзовые топоры и бронзовые втульчатые наконечники копий (рис. 2). Принципиально новым становится и способ передвижения воинов — в 7 могилах обнаружены остатки легких двухколесных колесниц. Ажурные спицы и особый тип поворотного устройства открывали прин-

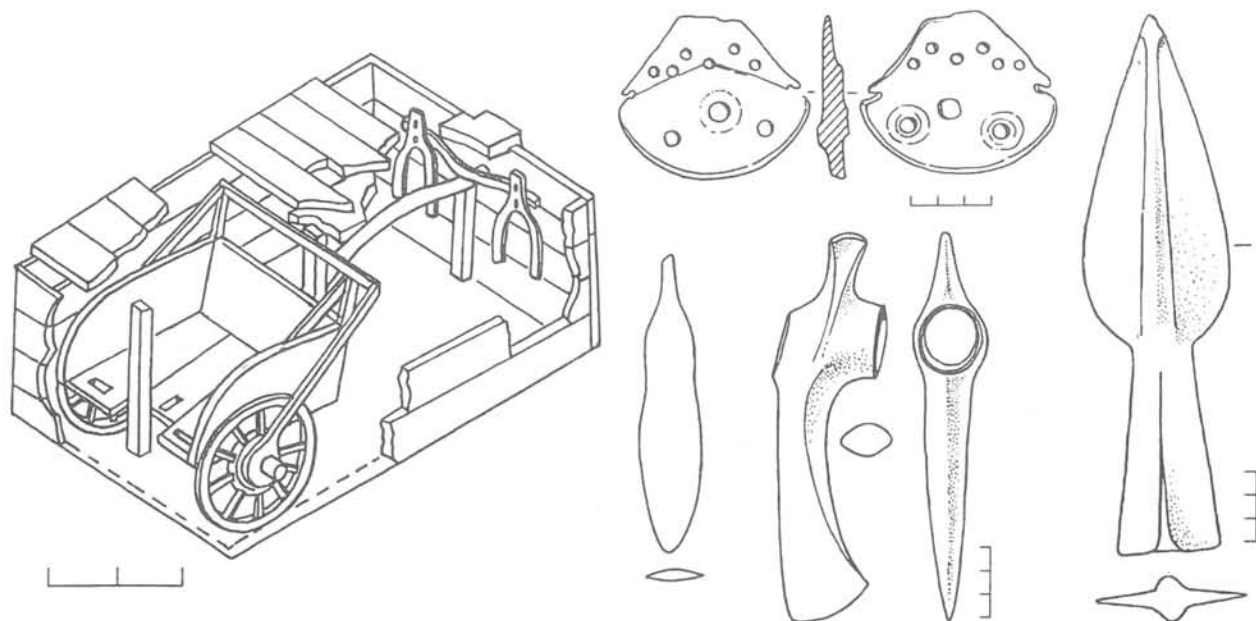

Рис. 2 Погребальный инвентарь из захоронений знати. Могильник Синташта. XVII - XVI вв до н.э. (по Генингу В.Ф., Здановичу Г.Б., Генингу В.В.1992)

Fig. 2 Artefacts from rich burials. Sintashta cemetery. 17th – 16th centuries B.C. (after Gening B.F., Zdanovitch G.B., Gening B.B.)

ципиально новые возможности их использования по сравнению с громоздкими телегами ямного или катакомбного времени. В погребениях Синташты многочисленны находки костяных псалий и скелетов коней или их частей. Скелеты лошадей (числом от 2 до 6) часто помещались над бревенчатым перекрытием основной могилы. Судя по всему, предпочтение отдавалось парным запряжкам, причем по принципу часть вместо целого в могилу могли быть помещены головы двух коней и часто даже только их челюсти. При всей яркости и необычности могильник Синташта, как теперь выясняется, был довольно обычным памятником своей эпохи. В ряде мест урало-казахстанских степей раскопаны курганы диаметром 12-15 м с большой могильной ямой, в которую помещена легкая колесница. Останки коней встречены как в могильных ямах, так и непосредственно под насыпью курганов (Зданович 1988). К числу аналогичных погребальных сооружений принадлежат гробницы Потаповского могильника в Поволжье (Васильев и другие 1994). Большие могильные ямы расположены здесь в центре курганной насыпи и по периферии окружены погребениями в небольших могилах. Конские захоронения представлены как целыми скелетами, так и черепами лошадей. В одном случае, видимо, прослежены остатки колесницы с парной запряжкой, хотя условия сохранности деревянных изделий или их отпечатков здесь во многом хуже, чем на Южном Урале. Совершенно ясно, что лица, помещен-

ные в центральные гробницы, управляли лошадьми — только в них находятся костяные псалии. Набор оружия в Потаповском могильнике тот же, что и в Синташте: кремневые наконечники стрел, боевой топор и наконечник копья с большой втулкой. Гробница воина, вооруженного копьем, проушным топором и стрелами с кремневыми наконечниками, была обнаружена и в районе Воронежа. Исследователи определяют культурную принадлежность этого памятника как позднеабашевскую (Пряхин и другие 1989). Таким образом, перед нами социальное явление в равной степени представленное в различных культурных комплексах.

В Приуралье были открыты и выразительные поселения этого времени. Среди них наиболее известен Аркаим, имеющий форму почти правильного овала, длинная ось которого составляет 160 м. Участок в центре поселения оставался незастроенным, тогда как по его периметру вдоль обводного вала теснились сравнительно небольшие жилые и подсобные строения (Зданович 1989). К настоящему времени обнаружен целый ряд памятников близкой планировки. Появление таких крепостей-убежищ, как и погребений колесничих, было также знаменем эпохи. Можно вспомнить нижнедонскую крепость Ливенцовку, имеющую размеры 200 x 125 м и образующую вместе с другой Каратаевской крепостью фортификационную систему (Братченко 1967). Здесь также внутри стен находилось обширное незастроенное про-

странство, тогда как жилая сфера поселения располагалась по периферии вдоль его стен, причем жилища, видимо, были размещены на своеобразном стилобате. Во рву и вдоль стен Ливенцовского укрепления обнаружено около 500 наконечников кремневых стрел. Многие из них располагались в проходах, ведущих внутрь крепости. Одни наконечники сломаны от удара о камни, другие застряли в самой стене. Это находки свидетельствуют о штурме, который пережило нижнедонское укрепление, военное назначение которого подтверждается столь выразительным способом.

Таким образом, вся совокупность археологических фактов, характеризующих степные общества третьего периода, указывает на то, что они были высоко организованы. Для объяснения этого феномена, сложившегося в степной зоне по крайней мере в XVII — XVI вв. до н.э., можно использовать концепцию ранних комплексных обществ, в которых концентрация власти позволяла осуществлять масштабные четко организованные мероприятия (Массон 1991). Одним из таких мероприятий и было строительство овальных крепостей-убежищ (Аркаим) планировка которых возможно восходит к планировке овальных загонов для скота типа краалей. Судя по центральной незастроенной части укрепления, оно совмещало функции оборонительного сооружения и загона для скота. Аналогичным образом можно рассматривать и монументальные каменные кладки Ливенцовки — еще одной крепости степного мира (Братченко 1967). Гробницы знатных воинов-колесничих явственно указывают на военно-аристократический путь политогенеза. Не вполне ясен вопрос о структуре власти. В отличие от майкопского времени или скифской эпохи монументальные роскошные гробницы суперлидеров практически не представлены в это время в степной зоне. В археологическом комплексе Синташты известен большой курган диаметром около 85 метров, но его центральная камера мало отличается от крупных могильных ям воинов-колесничих. Позднее этот курган, если верна реконструкция Г.Б.Здановича, был превращен в довольно сложное сооружение и играл, видимо, роль культового центра. Сама его структура напоминает описание, которое Геродот дал скифским “святыням Ареса” с водруженным на вершине мечом (Геродот 1993: книга IV.62). Не исключено, что форма политической власти в обществе знатных воинов-колесничих носила олигархический характер.

Установлены различные пути развития ранних комплексных обществ, которые характеризуются двумя генеральными направлениями урбанистическим и не урбанистическим (рис. 3). Первые цивилизации от Южного Двуречья

до Южной Туркмении дают классический пример урбанистического пути развития, ведущего к формированию ранних государственных образований со всеми их атрибутами от монументальной архитектуры до письменности, которой пользовалась бюрократическая прослойка. Неурбанистический путь развития представлен по меньшей мере двумя вариантами: оседло-земледельческим и степным. Первый вариант известен по балканским раннеземледельческим обществам, к которым примыкает и Триполье. При всех культурных и интеллектуальных успехах, достигнутых этими обществами на ранних этапах их развития, балканский путь, в конечном итоге, вел к стагнации, а затем и к полной культурной трансформации. Степной путь развития, истоки которого возможно уходят в ямный период, хорошо представлен археологическими комплексами середины II тыс. до н.э. Для этой линии эволюции характерна такая особенность ранних комплексных обществ как стагнация, а затем, после определенного взлета и подъема, дезинтеграция.

В таких условиях формируется третье великое степное общество, представленное новой срубной культурной общностью. Ее создатели из районов Поволжья продвигаются в западном направлении, достигая правобережье Днепра и ассимилируя местное население. Стабильная экономика срубной общности основывалась на разведении крупного и мелкого рогатого скота. В отдельных регионах, где существовали благоприятные условия, население видимо занималось и земледелием. Во всяком случае, известно несколько десятков поселений срубного времени, занимающих различные ландшафтные зоны. Повсеместно процветает бронзолитейное дело, стимулированное культурными импульсами из волжско-уральского очага металлургии. Орудия и оружие изготавливаются в изобилии, широко распространены клады бронзовых изделий. Для ремесленной специализации в сфере металлургии и металлообработки весьма показательна концентрация соответствующих производств на Мосоловском поселении, где трасологическим анализом выявлен широкий спектр соответствующих каменных орудий производства (Пряхин, Сагайдак 1975; Пряхин, Килейников 1980). Таким образом, археологические комплексы указывают на то, что в срубное время существовало специализированное производство, обслуживаемое мастерами-профессионалами.

Судя по всему, двухчастная социальная структура общества сохраняется, хотя эффективные гробницы воинов-колесничих исчезают. Обычно большие центральные гробницы курганов содержат и более богатый инвентарь. Престижными символами являлись своеобраз-

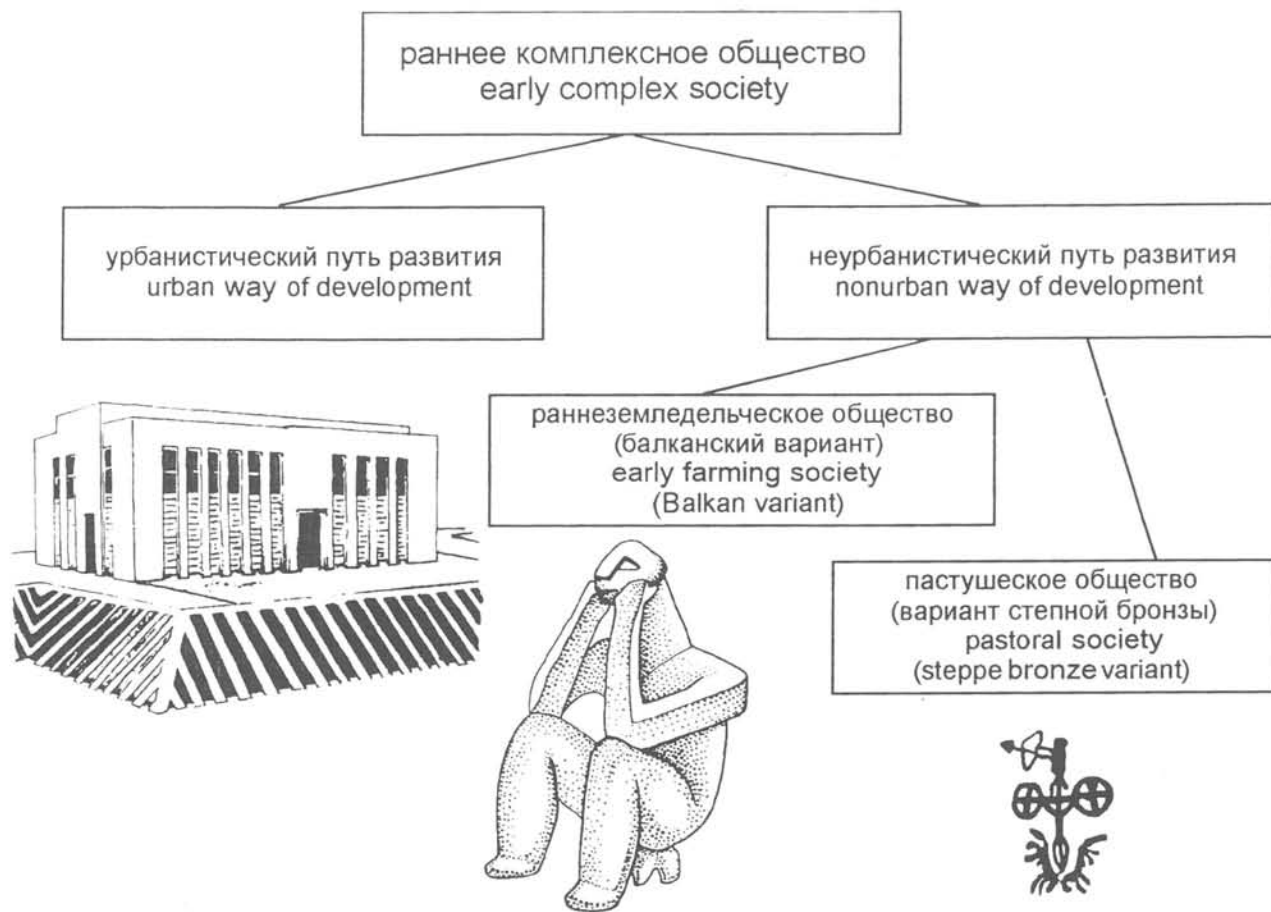

Рис. 3 Пути развития раннего комплексного общества.

Fig. 3 Ways of the development of early complex society.

ные жезлы, богато декорированные роговыми и костяными обкладками. По оценке В.В.Отрощенко, можно говорить о находке таких жезлов, по крайней мере, в 60 случаях (Отрощенко 1990, 1993). Обычно жезлы лежали в могилах мужчин, но известны случаи находок их в захоронениях подростков и даже, в одном погребении женщины. Возможно, такой объект символизировал принадлежность к определенному социальному слою. Prestижным символом могла быть и нагайка с декорированной рукоятью. Но, в целом, срубное общество не было особо щедро на заупокойные дары, да и само, возможно, не было особенно богатым.

Стабильность, способствующая росту населения, характерна и для постсрубного времени, хотя в эту эпоху усиливается культурная дивергенция степных обществ и исследователи выделяют целый ряд постсрубных культур. Для всех них характерен демографический оптимум, достигнутый при данном способе ведения хозяйства. Об этом, например, свидетельствуют сотни поселений сабашиновской культуры, заполняющие пространство от Приднестровья до

Приазовья. Эти поселения часто расположены кустами, их площадь колеблется от 5 до 15-18 гектар. Население было знакомо с каменным домостроительством. По количеству металлических изделий, найденных археологами, это время можно считать порой расцвета бронзолитейных производств. Многочисленные клады как самих изделий, так и каменных форм для их изготовления порой насчитывают не одну сотню объектов (Лесков 1967). Тщательный анализ показал, что местные мастерские работали на импортном сырье, часть которого доставлялась в виде готовых изделий, пускавшихся в переплавку (Бочкарев 1970). Эта карпато-балканская торговля и представляла собой специфическую форму импорта продукции из бронзы. Ее масштабы поразительны, хотя не вполне ясен эквивалент, пускаемый в оборот предприимчивыми торговцами. Во всяком случае, традиция специализированного ремесла продолжается.

Вместе с тем показательно, что ни торговля с её отлаженной системой связей, ни развитие металлообрабатывающего ремесла, ни много-

численное население не свидетельствуют о движении степных обществ по пути урбанизации. Сельское население продолжает во многом жить местными традициями, которые значительно отличались от городских эталонов. Может быть в силу этих обстоятельств жители довольствовались лепной керамикой, не переходя на стандартизированные серии сосудов, выполненных на гончарном круге быстрого вращения. Можно заключить, что с завершением освоения экологических ниш, достижением стабильности и гомеостаза началась культурная и общественная стагнация. Демографический оптимум остался далеко позади, начинается сокращение численности населения. Например, в правобережье Днепра в пору существования белогрудовской культуры в XII — X вв. до н.э. запустевают целые районы. Культуры лишаются внутреннего динамизма и постепенно угасают, хотя и не одновременно. Скорее всего, этому способствовали и природные катаклизмы, хотя они и не были единственной причиной происходящих изменений. Кончается эпоха степной бронзы, начинается пора ранних кочевников, провозвестником которой в западных областях стали киммерийцы.

- Агапов, С. А., И. Б. Васильев, В. И. Пестриков. 1990. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Саратовский университет.
- Бочкарев, В. С. 1970. К истории металлообрабатывающего производства в эпоху ранней бронзы в Северо-Западном Причерноморье // Домашние промыслы и ремесло. Тезисы расширенного заседания сектора Средней Азии Кавказа ЛОИА АН СССР 8-9 июня 1970 г.: 7-10. Ленинград.
1991. Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. Материалы методического семинара ИИМК АН СССР: 24-27. Санкт-Петербург.
- Братченко, С. Н. 1967. Раскопки крепости бронзового века у РостованаДону // Археологические открытия 1966 г.: 66-69. Москва: Наука.
- Васильев, И. Б., П. Ф. Кузнецов, А. П. Семенова. 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Самарский университет.
- Генциг, В. Ф., Г. Б. Зданович, В. В. Генциг. 1992. Синташта I. Челябинск: Южно—Уральское книжное издательство.
- Геродот. 1993. История в девяти книгах. Москва: Ладомир.
- Зданович, Г. Б. 1988. Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск: Уральский государственный университет.
- Зданович, Г. Б., В. Ф. Зайберт. 1989. Основные закономерности становления хозяйства производящего типа в Урало—Казахстанских степях // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале: 70-83. Свердловск.
- Ковалева, И. Ф. 1979. Вытянутые погребения днепровского ареала Волго-Днепровской культурно-исторической общности эпохи энеолита // Курганные древности степного Поднепровья (III-I тыс. до н.э.): 61-79. Днепропетровск: Днепропетровский государственный университет.
1984. Север Степного Поднепровья в энеолито-бронзовом веке. Днепропетровск.
1991. Погребения с майкопским инвентарем в левобережье Днепра (к выделению житовиловского культурного типа) // Проблемы археологии Поднепровья. Сборник научных трудов: 69-89. Днепропетровск: Днепропетровский государственный университет.
1992. Энеолитические курганы у села Чкаловское Днепропетровской области // Проблемы археологии Поднепровья: 66-75. Днепропетровск: Днепропетровский государственный университет.
- Ковалева, И. Ф., И. Д. Потехина. 1991. Новые энеолитические погребения Приорелья // Проблемы археологии Поднепровья: 50-68. Днепропетровск: Днепропетровский государственный университет.
- Корневский, С. Н. 1980. О металлических вещах I Утевского могильника // Археология восточноевропейской лесостепи: 59-66. Воронеж: Воронежский государственный университет.
- Круглов, А. П., Г. В. Подгаецкий. 1935. Родовое общество степей Восточной Европы. Основные формы материального производства // Известия Государственной Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра 119. Москва-Ленинград: ОГИЗ, Государственное социально-экономическое издательство.
- Кузнецов, П. Ф. 1991. Уникальное погребение эпохи ранней бронзы на реке Кутулук // Древности Восточно-Европейской лесостепи: 137-139. Самара: Самарский государственный педагогический институт.
- Курочкин, Г. Н. 1994. "Эра кентавра" в евразийской степной зоне и ее историческое содержание // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. Материалы методологического семинара. Археологические изыскания 13: 51-57. Санкт-Петербург.
- Лагодавска, О. Ф., О. Г. Шапошкова, М. Д. Макаревич. 1962. Михайлівське поселення. Киев: Академія Наук Української РСР.
- Лесков, А. М. 1967. О Северо-Причерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР: 143-178. Киев: Наукова думка.

- Ляшко, С.И. 1990. Колесный транспорт Северного Причерноморья в III — в первой половине II тыс. до н.э. // Тезисы докладов всесоюзного семинара "Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности": 43-44. Запорожье.
- Массон, В.М. 1991. Феномен ранних комплексных обществ в древней истории // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. Материалы методологического семинара Института истории материальной культуры АН СССР: 3-8. Санкт-Петербург.
- Мерперт, Н.Я. 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральских степей. Москва: Наука.
1976. Древнеямная культурно-историческая общность и вопросы формирования культур шнуровой керамики // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы: 103-127. Москва: Наука.
- Мовша, Т.Г. 1979. Взаимосвязи Триполья и степных культур // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции: 24-26. Донецк.
1984. Хронология Триполья-Кукутени и степные культуры эпохи раннего металла в ее системе // Проблемы археологии Поднепровья III-I тыс. до н.э. Межвузовский сборник научных трудов: 60-83. Днепропетровск: Днепропетровский государственный университет.
- Нечитайло, А.Л. 1984. О сосудах майкопского типа в степной Украине // Советская археология 4: 127-137.
1988. О новом уровне культурно-экономических связей в эпоху средней бронзы (степная Украина и Северный Кавказ) // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы: 81-90. Днепропетровск.
- Отроценко, В.В. 1990. Погребения с жезлами у племен срубной общности // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы докладов областной научно-практической конференции: 85-87. Луганск.
1993. Клейноды зрубного суспільства // Археологія I: 103-109.
- Очерки истории СССР. 1956. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. Под ред. П.Н.Третьякова и А.Л.Монгайта. Москва: Академия наук СССР.
- Потемкина, Т.М. 1984. Роль абашевцев в процессе развития алакульской культуры // Эпоха бронзы Восточно-Европейской лесостепи: 77-108. Воронеж: Воронежский государственный университет.
- Пряхин, А.Д., И.В.Беседин, Г.А.Левых. 1989. Кондрашкинский курган. Препринт. Воронеж: Воронежский государственный университет.
- Пряхин, А.Д., В.В.Килейников. 1986. Хозяйство жителей Мосоловского поселения эпохи поздней бронзы (по данным экспериментально-грасологического анализа орудий труда) // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи: 20-36. Воронеж: Воронежский государственный университет.
- Пряхин, А.Д., В.И.Сазайдак. 1975. Металлообрабатывающая мастерская на памятнике срубной культуры // Советская археология 2: 176-187.
- Пустовалов, С.Ж. 1982. К методике периодизации катакомбной культуры по данным погребального обряда // Новые методы археологических исследований: 87-109. Киев: Наукова думка.
1990. О формах политогенеза в катакомбном обществе Северного Причерноморья // Тезисы докладов всесоюзного семинара "Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности": 78-81. Запорожье.
- Пустовалов, С.Ж., Л.А.Черных. 1982. Опыт применения формализованно-статистических методов для поло-возрастного анализа погребений катакомбной культуры // Методологические и методические вопросы археологии: 105-140. Киев: Наукова думка.
- Рычков, И.А. 1982. Статистический анализ погребального обряда племен ямной культуры // Теория и методы археологического исследования: 111-136. Киев: Наукова думка.
- 1982а. Опыт статистической характеристики коллективных погребений степных племен эпохи бронзы // Методологические и методические вопросы археологии: 85-105. Киев: Наукова думка.
- Синюк, А.Т. 1981. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона // Советская археология 4: 8-20.
- Смирнов, К.Ф., Е.Е.Кузьмина. 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. Москва: Наука.
- Телегин, Д.Я. 1973. Середньостогівська культура епохи міді. Київ: Наукова думка.
- Шапошникова, О.Г. 1985. Памятники нижнемихайловского типа // Археология Украинской ССР I: 324-331. Киев: Наукова думка.
- Шарафутдинова, И.Н. 1980. Северная курганная группа у села Соколовка // Археологические памятники Поингуля: 71-124. Киев: Наукова думка.
- Bökönyi, S. 1978. The earliest waves of domestic horses in East Europe // Journal of Indo-European Studies 6 (1/2): 17-76.
- Gallay, A. 1989. La place des Alpes dans le Neolithisation de l'Europe. Neolithisation // British Archaeological Reports. International Series 516: 227-254. Oxford.
- Gimbutas, M. 1961. Notes on the chronology and expansion of the Pit-grave Kurgan culture // L'Europe à la fin de l'âge de la pierre. Actes du Symposium consacré aux problèmes du Néolithique européen. Prague-Liblice-Brno. 5-12 Octobre 1959. Editions de l'Académie Tchecoslovaque des Sciences: 193-200. Praha.
- Levine, M.A. 1990. Dereivka and the problem of horse domestication // Antiquity 64 (n 245): 725-740.

THE EPOCH OF THE EARLIEST GREAT STEPPE SOCIETIES

In the Bronze Age, societies had formed in the Eurasian steppes which, in genetical and typological terms, were precursors of the nomadic Scythian society. There is good reason to describe this period as the age of the earliest steppe societies. At present, three large periods can be seen in their develop-

ment. The first one covers most of the 4th millennium BC, having terminated around 2,600 BC. The second one lasted approximately from 2,600 BC until 1,700 BC, and the third, from 1,700 to 900 BC. The Russian archaeologists usually describe the first period as the Eneolithic. In the Western Euro-

pean system, the three periods are referred to as Bronze I, Bronze II, and Bronze III, respectively.

It is for the first period that the most important new evidence had been gained over the recent decades. In the Eneolithic, conditions were emerging for the subsequent formation of animal-breeding societies in the steppe zone. One of the main features of that period was the Maikop cultural impact on the Pontic steppes. In southern Ukraine, following the discovery of the lower level at Mikhailovka, a number of similar sites had been described as a separate culture. In the steppes of the Dnieper Basin, the Post-Mariupol' Culture was separated, and in the Volga area, the Khvalynsk Culture. In the northern Kazakhstani steppes situated in the remote periphery of the steppe belt, the settlement of the first horse-breeders, Batay, had been discovered.

All the societies represented by these sites had inherited from the Late Stone Age a very important feature: stability of the economy largely based on fishing. Settlements and nomadic camps cluster along the banks, only a few penetrating into the open steppe. Clay used for making pottery was tempered with ground shell. Animal-breeding was gradually becoming the most important part of economy. At Derievka, a Sredniy Stog Culture site, nearly half of the bone remains are those of horses, and ritual burials of horse skulls were found at the site. Cheek pieces made of antler attest to the sophistication of horse controlling devices. In burial mounds of the Post-Mariupol' Culture, bones of bulls, including skulls, were found, and in graves of Khvalynsk burial ground, there were bones of bulls, horses, and sheep. At Batay site, northern Kazakhstan, 99.9% of the animal bones are those of horses. Several double-holed bone plates from Batay were examined at the Use-Wear Laboratory of IIMK and found to be primitive cheek-pieces, judging by the nature of the wear. Most likely, people who lived in northern Kazakhstan at that time controlled herds of horses grazing at large. The Batay society, then, can be best described as that of early horse-breeders and fishers.

Conditions had thus formed for a large-scale and steady opening up of the turfy and cereal Eurasian steppes; indeed, the process had essentially started. The society possessed a number of domestic animal breeds. Breeding was dependent on local conditions. The horse was turning into the principal means of conveyance, crucial for the steppe societies. The formation of steppe lifestyles was underway. Mounds were being erected above the graves, making the cemeteries visible in the open land. This marked the emergence of the burial mound ritual which played a central role in the life of the ancient Old World societies.

Close relationships between the steppe people and the highly developed societies of the adjacent regions, Tripolye in the west, pre-Maikop and

Maikop in the southeast, were quite important. These were the areas from where early metallurgical techniques were spreading across the steppe. Two burials of bronze-founders, with moulds for casting socketed axes of northern Caucasian appearance (fig.1), are known for the Post-Mariupol' Culture. Imported vessels of Tripolye and Maikop types, which played a prestigious role in ancient societies, are frequently found in the steppe zone. No such links have been registered for the Botay Culture, which was possibly the reason why it had declined without having given rise to any subsequent cultures.

In the second period, the great steppe societies in the proper sense emerge. The earliest one was related to the Pit Grave Culture. Judging by all the available evidence, the core area of the standard Pit Grave Culture was the Volga Basin. Its spread to the west was due both to migrations and to the fact that new cultural and behavioural standards were easily adopted by various tribes. Regional peculiarities were largely defined by a variety of local traditions which had flowed into the cultural mainstream.

In that period, all across the area from the Volga to the Dniester, groups of burial mounds spread as a symbol of the steppe societies. Animal-breeding economy varied according to local ecological niches. Vast steppe areas were being rapidly opened up. Numerous mounds attest to the increased population size and a longer duration of settlement. Distinctive features of the burial rite emerge which survive for a considerable time. They include putting a cart beside the grave or, less often, inside it, constructing stone and possibly wooden stelae above the burials and probably also on the mounds, and restoring the facial features of the dead using plaster masks. Heavy four-wheeled carts were an innovation especially important for the steppes. Fortified sites evidence military conflicts. The society represented by the Pit Grave Culture was apparently poor but dynamic. These people were actively advancing in the western direction, having penetrated into Moldavia, Romania, Bulgaria and eventually gone as far as Hungary.

Basically the same features were typical of another great society of the steppes: one represented by the Catacomb Culture. Its core area was evidently different from that of the Pit Grave Culture. However, the mosaic of its local varieties (most researchers prefer to speak of several Catacomb-type cultures) recalls the earlier pattern in that it combines local traditions, including those of the Pit Grave Culture, with the new standards of the burial rite and prestigious ceramics. Local metallurgy and metal-working was actively developing, and professional artisans were being buried with their tool kits. Carts became more sophisticated, and several of their varieties are known (fig.2). Burials attest to the formation of the elite.

The distinctive features of the third period (1,700-900 BC) were maximal mobility of the steppe tribes, followed by stagnation and decline. The process of cultural interactions continued in the steppe zone, cultures were splitting and new territorial associations with their specific peculiarities were emerging. Especially noteworthy was the outburst of cultural dynamics in the Volga-Ural area where progress in metallurgy and metal-working was especially striking. Stannic bronzes were used, metal artifacts were cast with the help of stone models, and the "blind socket" method of founding had been introduced.

In sociological terms, archaeological sites of the steppe zone evidence the development of structures typical of the early complex societies (fig.3), with their military aristocracy and a well-organized labour force engaged in building well-designed settlements under a centralized supervision. All over the steppe region, burials of the noblemen (chariotry) are being found. Inside the graves there are numerous cheek-pieces and remains of horses themselves: complete skeletons and their parts (Sintashta, Utevka, and other mound groups in the Volga area). Oval fortresses like Arkaim in the southern Urals attest both to the military conflicts and to a centralized organization.

Political development takes a military-aristocratic course. Judging by the absence of leaders' burials, the steppe societies were ruled by oligarchies. The earliest evidence of the early complex

society is related to the Pit Grave Culture. Under these conditions, the third great community of the steppes emerges: the Timber Grave Culture. Its bearers migrated from the Volga Basin in the western direction, having reached the right-bank Dnieper area and assimilated the local populations. The bronze metallurgy, stimulated by cultural influences from the Volga-Ural region, was flourishing. The bipartite social structure is retained, although the impressive tombs of the chariotry disappear.

While stability, which promoted population growth, was also characteristic of the period following the Timber Grave period, cultural differentiation of the steppe societies increased during that time. Carpatho-Balcanic metal trade develops as a specific form of Late Bronze Age import. Nothing, however, is suggestive of a development toward urbanization. Rural populations continue to follow local traditions quite different from urban standards. It may be concluded that the opening up of all the ecological niches available in the respective economic system and the achievement of stability and homeostasis were followed by cultural and social stagnation. Being deprived of their inherent dynamics, cultures gradually decline, but not simultaneously. The process might have been stimulated by natural cataclysms, although these could not be the only cause of the changes. The Bronze Age of the steppes terminates, and the era of the early nomads begins, marked by the appearance of the Cimmerians in the western regions.

“КУШАНСКАЯ ПРОБЛЕМА” И АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ (1968-1993 гг.) (некоторые итоги)

Б.Я.СТАВИСКИЙ*

Двадцать восемь лет тому назад, с 27 сентября по 5 октября 1968 г., в городе Душанбе была проведена международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Организованная Институтом востоковедения Академии наук СССР и Комитетом по изучению цивилизаций Центральной Азии при Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО конференция собрала большое число участников из 17 стран Европы, Азии и Америки. На ней были заслушаны и обсуждены около 100 докладов и сообщений советских и зарубежных исследователей по широкому спектру вопросов политической, культурной и социальной истории Центральной Азии. К открытию конференции были изданы аннотированная библиография работ советских ученых по “кушанской проблеме” (Ставиский, Вайнберг, Горбунова, Новгородова 1968), тезисы докладов и сообщений советских участников конференции (Международная конференция 1968), ряд других публикаций (Асимов 1968; Гафуров 1968; Зеймаль Е. 1968; Litvinsky 1968; Stawisky, Bongard-Levin 1968), вышли в свет специальные выпуски академических журналов — “Известия Академии наук Таджикской ССР, Отделение общественных наук”, 1968, № 3 и “Общественные науки в Узбекистане”, 1968, № 8. В Душанбе была организована выставка находок из различных музейных собраний Ленинграда (ныне Санкт-Петербург), Москвы, Душанбе, Ташкента, Самарканда, Термеза, Ашхабада, Фрунзе (ныне Бишкек) (Культура 1968). Информация о конференции в Душанбе появилась в научных журналах (Алиев 1968; Вайнберг 1969; Ганковский 1969; Заславская 1969; Заславская, Шагалов 1969; Кожомбердиев 1968; Мухамеджанов 1968; Харьков 1969; Ходжаниязов 1968), ее работа широко освещалась в средствах массовой информации.

Все это не могло не вызвать интерес к почти неведомой у нас ранее “кушанской проблеме” как у широких слоев общественности, так и у

специалистов-востоковедов: историков, археологов, искусствоведов, лингвистов, нумизматов. Естественно, что конференция 1968 г., подводя итоги археологических работ, филологических, искусствоведческих и нумизматических исследований кушанской эпохи, явилась важной вехой во всестороннем, в том числе и в археологическом, изучении Средней Азии. Конференция и последовавший затем выход в свет ее трудов (Центральная Азия 1974, 1975) дали новый импульс для дальнейших исследований, в первую очередь — археологических.

Общие вопросы кушанской истории.

Значение кушанской эпохи для истории Средней Азии. Еще в 1950 г., опираясь на довоенные, весьма скромные, работы советских археологов, К.В.Тревер отметила, что именно на эту эпоху (конец I в. до н.э. — IV в. н.э.) в Средней Азии приходится “размах ирригационных работ (и в связи с этим расширение территории оазисов)”, сооружение “наиболее крупных и значительных каналов”, “общий подъем в политической и экономической жизни”, “широкое распространение грамотности и письма”, развитие торговли, культуры и искусства (Тревер 1950:120,121,123,124). Эта высокая оценка кушанской эпохи в среднеазиатской истории не претерпела какого-либо качественного изменения и после того как в 1946-1966 гг. широко развернулись полевые исследования, и в последующие четверть века, когда наша информация количественно резко возросла (Массон В. 1966; Кошеленко 1985:338 и сл.; Мандельштам, Горбунова 1992:20).

Углубление наших знаний за последние три десятилетия сказалось на суждениях о значении кушанской эпохи для последующей истории культуры и искусства Средней Азии. Если в своих докладах на конференции 1968 г. А.М.Беленицкий (Беленицкий 1975:392-394) и В.А.Нильсен (Нильсен 1975:400-402), говоря о связи искусства и архитектуры Средней Азии преарабского времени с искусством и архитектурой кушанской эпохи, могли оперировать

* Россия. Москва. 125267. Российский государственный гуманитарный университет. Миусская пл., 6.

лишь ограниченными материалами и апеллировали к общим положениям или использовали в качестве аналогий данные по Синьцзяну и Афганистану (что, однако, не помешало этим ученым сделать отдельные ценные наблюдения и верные заключения), то ныне можно более конкретно судить об использовании кушанского наследия среднеазиатским обществом в эпоху, предшествующую его исламизации, которая происходила в VIII-IX вв. (Stawiski 1979:205-207). Теперь открыты новые памятники послекушанской поры, в том числе Куёвкурган — замок или укрепленная усадьба V в. При раскопках этого памятника была найдена пристенная глиняная скульптура, которая технологически, а во многом стилистически и сюжетно, продолжает традиции кушанской эпохи (Аннаев 1984, 1988; Культура 1991:26-30).

Исследования в Пенджикенте позволили выявить археологические комплексы V-VI вв. и открыть новые произведения монументального искусства, выполненные в манере кушанских художественных традиций, равно как и изображения буддийских и шиваитских персонажей, также связывавшие искусство раннесредневекового Согда с кушанскими традициями (Беленицкий 1973:52-54; Маршак, Распопова 1988:142,143; Skoda 1992: Taf.70:2-71). Следует упомянуть и о буддийских культовых постройках посткушанского времени, в архитектуре и монументальном убранстве которых четко отразились буддийские каноны кушанской эпохи. Этот вывод справедлив как для Мерва (IV-VI вв.) и Тохаристана (VI-VIII вв.), где архитектура буддийских сооружений восходит к строительным традициям буддийских памятников кушанской Бактрии, так и для долины реки Чу (VI-IX вв.), куда, скорее всего, буддизм пришел из Синьцзяна (Горячева, Перегудова 1994).

Северные рубежи Кушанского государства и сфера его влияния в Средней Азии. Этот вопрос является одним из ключевых для кушанской археологии Средней Азии. От его решения зависит, относить ли весь этот регион к числу объектов кушанологии или только его отдельные историко-культурные области. В дискуссии на конференции 1968 г. Д.Сиркар, указывая на отсутствие прямых свидетельств письменных источников о вхождении в состав Кушанской державы “территорий к северу от Окса”, возражал против включения их в состав этого государства (Центральная Азия 1975:412,413). Позднее он повторил эту точку зрения (Sircar 1968-1969). Другие зарубежные исследователи также исключали Среднюю Азию из числа кушанских владений (Allchin 1957; Fischer 1958). Отчасти и Е.В.Зеймаль отдал дань подобным воззрениям, обозначив, в

одной из своих статей, земли к северу от Амударьи-Окса надуманным термином “Трансоксиана” (Зеймаль Е. 1978). Текст этой статьи лег в основу написанной им главы для “Кэмбриджской истории Ирана” (Zeumal 1983:232-262).

Имеющий важное значение вопрос о северных рубежах Кушанского царства обсуждался в нашей литературе и прошел, как указывал В.М.Массон, “все стадии, от первоначальной гигантомании до настороженного скептицизма” (Массон В. 1981:38). Первая “стадия”, в частности, запечатлена в моей статье 1961 г., в которой я предположил, что в состав Кушанского государства входили Северная (правобережная) Бактрия, иначе Северный Тохаристан, как с IV в. н.э. или даже раньше стала именоваться эта область, занимавшая север Афганистана и юг Средней Азии, а также Согд, Хорезм и Чач (Шаш). Вопрос о подчинении кушанам Ферганы я оставил открытым “из-за недостатка фактических данных” (Ставиский 1961). Реакцией на эту “гигантоманию” явился, правда, не столько “осторожный скептицизм”, сколько критические утверждения, высказанные М.Е.Массоном, во-первых, о “неправильной” трактовке исследователями текста надписи сасанидского шахиншаха Шапура I о Чаче и Согде как частях Кушаншахра (Кушанской державы) и других косвенных данных об этих областях и о Хорезме той эпохи и, во-вторых, о недооценке исторической роли Кангюя (кочевое объединение на севере Средней Азии), “который покорил ряд среднеазиатских областей еще до нашей эры, а в эпоху династии Цинь (265-419), усилившись, перенес на юг в долину Кашкадарьи свою главную ставку”. Согласно утверждению М.Е.Массона, пределом кушанских (“былых тохаристанских”) владений была нижняя часть долины Кашкадарьи, севернее же и восточнее ее “располагались уже согдийско-кангюйские области” (Массон М. 1968, 1975).

В ответ на мое в значительной мере гипотетическое предположение о подчинении кушанам большей части Среднеазиатского междуречья появилось ничуть не менее гипотетичное утверждение о могущественном Кангюе, якобы объединявшим под своей властью всю центральную и северную части Средней Азии, включая Чач, Хорезм, Фергану и Согд; и тезис о северных пределах Кушанской державы по рубежу Бактрии-Тохаристана с небольшим добавлением территории в низовьях Кашкадарьи и узкой полоской владений вдоль Средней Амударьи.

В ходе многолетних дискуссий о северных границах кушанских владений исследователи высказывали самые различные мнения. Помимо двух названных выше гипотез утверждалось, что вне пределов Кушанского государства оста-

вались Фергана (Gorbunova 1986:272,273) и Хорезм (Вайнберг 1977:87-89,177-183), а Н.Н.Негматов и Е.Д.Салтовская полагали, что Уструшана (часть Согда, граничащая с Ферганой и Чачем) входила в состав этого государства (Негматов, Салтовская 1975:263,264). Э.В.Ртвеладзе, обследовав крепостную стену в горах возле Дарбанда и вполне справедливо признав ее знаменитыми “Железными Воротами”, фиксирующими рубеж между Бактрией-Тохаристаном и Согдом, счёл ее северной границей Кушанской державы, следуя, очевидно, за своим учителем М.Е.Массоном (Ртвеладзе 1986:34-39; Пугаченкова, Ртвеладзе 1990:56-59); в связи с этим нельзя не напомнить, что в кушанский период “длинные стены” отмечены и вокруг Самарканда, и вокруг Бухары, и в Мервском оазисе, то есть они отнюдь не обязательно (в отличие от Великой Китайской стены и римских валов) были границами великих государств. Разброс мнений о северной границе Кушанской империи объясняется недостатком фактических данных для решения рассматриваемого вопроса, что и порождает различные гипотезы и толкования. Однако некоторые достаточно твердые выводы сейчас уже можно сделать.

Теперь мы вправе считать общепризнанным, что Северная Бактрия, во всяком случае в кушанскую эпоху, не только историко-культурно, но и политически составляла единое целое с Южной (левобережной) Бактрией и входила в состав Кушанской державы. Обоснование этого заключения приводилось ранее (Ставиский 1976, 1977) и подкреплено последующими исследованиями отечественных ученых.

Сложнее решить вопрос о взаимоотношениях кушан с Хорезмом, Согдом, Ферганой и Чачем. Вряд ли сейчас можно утверждать, что эти регионы входили в состав кушанских владений. В то же время наличие в Хорезме собственного чекана, наряду с использованием кушанских медных монет, равно как и обращение в Согде местных монет различных типов, свидетельствующих о существовании в этой области нескольких отдельных княжеств и о слабом развитии здесь товарных отношений (последнее в еще большей степени относится к Фергане и Чачу) — не могут служить доводом против предположения о вассальной и, тем более, хозяйственной или культурной зависимости их от Кушанской державы. Вероятно, сейчас наиболее удачна предлагаемая В.М.Массоном трактовка “кушанского политического объединения как системы, окруженной буферными владениями, представляющими зону его преимущественного влияния” и вывод об эпохе “кушанской политической доминанты в Среднеазиатском междуречье” (Массон В. 1981:36,37). Этот исследователь, развивая свои положения,

распространяет “политическую доминанту” кушан на все Среднеазиатское междуречье, исключая из сферы их влияния лишь Хорезм (что, кстати, не очень убедительно). Более того, по его мнению, в соответствии с надписью Шапура I “распространение границ Кушаншахра до пределов Чача не столь уж невероятно”. А тот факт, что кушаны в конце I — начале II в. н.э. могли послать в оазисы нынешнего Синьцзяна семидесятитысячную армию, позволяет, как считает В.М.Массон, “полагать, что политические взаимоотношения Кушанского государства и народов Согда и Ферганы допускали по меньшей мере свободную переброску войск через Зарафшанскую и Ферганскую долины”, так как действия мощной кушанской армии в Синьцзяне “с опорой на одни лишь транспамирские коммуникации маловероятны” (Массон В. 1981:36,37).

Но даже признавая справедливость основных доводов В.М.Массона, необходимо соблюдать осторожность при решении вопросов политической истории среднеазиатских областей к северу и востоку от Бактрии-Тохаристана. К тому же эти области все еще слабо изучены. Поэтому, учитывая ограниченные размеры журнальной статьи, второй раздел данного обзора я посвящаю Бактрии-Тохаристану, точнее — северной (правобережной) части этой области.

Северная часть Бактрии-Тохаристана в кушанскую эпоху.

Рост орошаемых территорий и числа поселений, уровень урбанизации. Выше уже отмечено, что еще в 1950 г. К.В.Треввер писала о кушанской эпохе как о времени, когда в Средней Азии большого размаха достигли ирригационные работы и расширилась территория оазисов. Для северной части Бактрии-Тохаристана это замечание теперь получило вполне твердое фактическое обоснование: в результате полевых археологических исследований на юге Узбекистана и, в меньшей мере, Таджикистана стало возможно широкое картографирование и подсчет древних (и средневековых) поселений по “ирригационным районам” (оазисам), “ирригационным областям” (речным долинам или обособленным их частям), а также распределение их по хронологическим группам. При всей сложности, а отчасти и условности таких исследований (не всегда можно положиться на датировку поселений; нельзя обеспечить полный охват археологических материалов, хотя бы в силу того, что часть древних поселений была уничтожена во время войн, стихийных бедствий или земляных работ) выводы, к которым пришли ученые, достаточно выразительны.

Работы Э.В.Ртвеладзе выявили “исключительно высокий уровень антропогенного ос-

воения Северной Бактрии и особенно северо-западной ее части в кушанское время, намного превышающий уровень всех предшествовавших периодов” (Пугаченкова, Ртвеладзе 1990:65). Прделанное им сравнение числа ахеменидских (“VI-IV вв. до н.э.”) и кушанских (“I-III вв. н.э.”) поселений в шести “основных речных долинах Северной Бактрии” (Сурхандарьинской, Кафирниганской, Шерабадской, Вахшской, Амударьинской и Пархарской) действительно весьма показательно: количество выявленных поселений ахеменидского времени в первой долине составляет 7, кушанских — 76; во второй — соответственно 2 и 45, в третьей — 5 и 38, в четвертой — 4 и 27, в пятой — 3 и 14, в шестой ахеменидские поселения пока не известны, кушанских же открыто уже 9. Таким образом, число поселений I-III (или I-IV) вв. в Сурхандарьинской долине превосходит количество поселений ахеменидского времени почти в 11 раз, в Кафирниганской — более чем в 22 раза, в Шерабадской — более чем в 7 раз, в Вахшской — более чем в 6 раз, вдоль правого берега Амударьи — почти в 5 раз. По всей же северной части Бактрии-Тохаристана зафиксированы 21 ахеменидское и 209 кушанских поселений. Таким образом, число кушанских поселений возросло здесь почти в 10 раз по сравнению с ахеменидской эпохой (Э.В.Ртвеладзе, к сожалению, допустил ошибку при подсчете числа поселений, указав, что в сумме их было 191).

В кушанский период возросли также и площади орошаемых земель, в некоторых долинах возникли новые земледельческие оазисы. Так работами А.М.Мандельштама (Мандельштам 1964:23-25, 1966:7, 149-153; Ставиский 1977: 64, 65) установлено, что на правом берегу Нижнего Кафирнигана, в Бишкентской долине именно в кушанское время был проведен канал от источника Чильучорчашма (общей протяженностью не менее 15 км), на берегах которого возникли несколько поселений, в том числе и крупное (площадью около 2,5 га) — Хан-Газа. Кроме того установлено, что тогда же было начато возведение сети больших ирригационных сооружений: обнаружены следы канала, выведенного из Кафирнигана, и цепочка воронок от колодцев подземной цепи — кяризов, которые тянулись через водораздел (предполагалось, очевидно, перебросить в Бишкентскую долину воду из Кафирнигана); эта попытка не была доведена до конца: подземный туннель между колодцами не был пробит.

Еще более крупный земледельческий оазис возник в кушанскую эпоху на левобережье нижнего течения реки Вахш. Здесь, по данным Т.И.Зеймаль (Зеймаль Т. 1971:47; Ставиский 1977:67-70), был сооружен магистральный

канал Джуйбар с несколькими ответвлениями. Эта система позволила оросить 40 тысяч гектаров ранее не возделанных плодородных земель, на которых отмечено более полутора десятков кушанских поселений.

В 1966 году В.М.Массон, издавая обобщающую книгу о древней Средней Азии, озаглавил ее “Страна тысячи городов” (Массон В. 1966). Положение об урбанистическом характере культуры бактрийского региона разрабатывалось им и позднее (Массон В. 1973:5), не вызывая возражений со стороны других исследователей. Между тем, вывод о высоком уровне урбанизации Бактрии кушанского (возможно и греко-бактрийского) периода основывался в большей степени на тонкой интуиции, чем на скудном фактическом материале, который был тогда в распоряжении ученых, изучавших эту эпоху. Однако обобщение результатов сплошного археологического обследования территории Бактрии-Тохаристана и картографирование древних поселений дало ценные материалы и по этому вопросу. По далеко неполным данным, относящимся к середине 70-х годов, в центральной области Бактрии — долине реки Балхаб в кушанское время было не менее 13 городских поселений, в крупнейшей долине правобережья Амударьи — Сурхандарьинской — их насчитывалось не менее 10, в нижней части Вахшской долины не менее 3. Таким образом, только в этих трех долинах в кушанский период было не менее 25 городских центров; среди них были огромные городища, площадь которых достигала нескольких сотен гектаров: Балх, Термез-Тармита, Шахринауское городище в верховьях бассейна реки Сурхандарьи (Ставиский 1977:84,85). В свете этих данных понятно традиционное мнение античных авторов о Бактрии-Тохаристане как о “стране тысячи городов”.

Стратиграфические колонки и археологические комплексы, вопросы хронологии.

Одно из достижений кушанской археологии Средней Азии заключается в том, что благодаря изучению в последние десятилетия археологических материалов из раскопок северобактрийских поселений, удалось выявить стратиграфические колонки памятников Бактрии-Тохаристана. Для соседних регионов подобные стратиграфические колонки были получены еще до войны и в первые годы после нее. В этой связи следует упомянуть работы Г.В.Григорьева (1941 г.) и А.И.Тереножкина (1948 г.) в Согде, а также раскопки С.П.Голстова (1942 г.) в Хорезме. Для Северной Бактрии первым опытом работ такого рода стало создание М.М.Дьяконовым стратиграфической колонки по материалам раскопок двух поселений Нижне-Кафирниганской долины — Калаи-Мир и Кей-Кобад-Шах (Дья-

конов 1953:279-293). Иранист широкого профиля, эрудированный во многих отраслях гуманитарных знаний, М.М.Дьяконов тогда не обладал еще опытом самостоятельных археологических исследований (в 1946-1948 гг. он впервые возглавил разведывательный Кафирниганский отряд, а в 1950-1951 гг. руководил раскопками Калаи-Мир и Кей-Кобад-Шаха). Составленная им стратиграфическая таблица подражала аналогичным таблицам С.П.Толстова (Толстов 1946, 1948) и А.И.Тереножкина (Тереножкин 1950), но, основанная на весьма небольшом материале, никак не могла претендовать на столь обобщающий характер как таблицы по Согду, Чачу и особенно по Хорезму.

Весьма ограниченное значение имели и стратиграфические колонки, полученные при исследовании шурфов на городищах и небольших поселениях, например, на Халчаяне (Пугаченкова 1966:30-37). Более убедительными могли бы быть стратиграфические таблицы по городищу Яван; однако, к сожалению, должным образом они еще не опубликованы (Зеймаль Т. 1969; Литвинский 1973:14-17).

Стратиграфические колонки, обобщающие данные всех предшествующих раскопок, изданы В.М.Массоном в 1985 г. (Массон В. 1985: 255-257, 397-401, табл. СІХ-СХІІІ), первые варианты их опубликованы им еще в 1976 г. (Массон В. 1976:9-16). Введение в научный оборот результатов стратиграфических исследований поселений явилось существенным вкладом в изучение материальной культуры Бактрии-Тохаристана кушанской эпохи.

С разработкой стратиграфических колонок связано выделение археологических комплексов, характеризующих как культуру кушанской эпохи в целом, так и отдельных ее фаз (или периодов) на территории северной части Бактрии-Тохаристана. В.М.Массон, обобщивший результаты работ по изучению стратиграфии кушанских поселений, выделил три таких археологических комплекса, дав им названия наиболее изученных памятников, — халчаянский, дальверзинский, зартепинский. Характеристика этих комплексов основана на всех видах находок (керамика, изделия из металла, строительные остатки и тому подобное) (Массон В. 1985:255-257, 397-401, табл. СІХ-СХІІІ). Следует, однако, заметить, что стратиграфические колонки и археологические комплексы Бактрии-Тохаристана кушанской эпохи предстоит еще унифицировать. Необходимо улучшить статистическую обработку керамики, чтобы исключить субъективность в определении ее ве-

дущих форм. В публикациях должна быть полнее представлена полевая документация, чтобы доказать справедливость отнесения того или иного черепка к определенному культурному слою (и к комплексу). Пока же в изданных работах нет данных о том, какое количество черепков относится в таблице к одному типу и не случайно ли отнесена к данному слою рядовая или уникальная находка.

Составление стратиграфических колонок и выявление археологических комплексов неизбежно ставит перед исследователями вопрос об их датировке, который в нашем случае затруднен спорностью абсолютной хронологии кушан. Не касаясь проблем абсолютного датирования*, остановлюсь вкратце на чисто археологических аспектах датировки трех последовательных комплексов — халчаянского, дальверзинского и зартепинского, памятуя, конечно, что эти названия условны.

В первом комплексе найдены бронзовые монеты, подражающие чекану греко-бактрийского царя Гелиокла, и монеты так называемого Сотер Мегаса, которые выпускались, вероятно, в конце правления Кудзулы Кадфиза (Кадфиз I) (Массон М. 1950; Cribb 1993:107, 108, 133), во всяком случае до воцарения Канишки, то есть на начальном этапе кушанской истории. Относительно ранняя датировка халчаянского комплекса подтверждается еще и тем, что он стратиграфически следует непосредственно за греко-бактрийским (Массон В. 1976:9,10). Отнесение второго (дальверзинского) комплекса, во многом продолжающего традиции халчаянского, ко времени расцвета Кушанской державы не вызывает, кажется, сомнения. Последний (зартепинский) комплекс кушанской эпохи стратиграфически (и типологически) непосредственно сменяет дальверзинский. Его относительная датировка концом кушанского периода, а вернее даже — кушанско-сасанидским временем, тоже общепризнана. Вопрос стоит об абсолютной хронологии этого комплекса, причем спор идет о конце III (или IV) — V вв. Определение верхней границы зартепинского комплекса опирается в датировку времени обращения в Бактрии-Тохаристане кушано-сасанидских (и сасанидо-кушанских) монет. По материалам раскопок буддийского культового центра на холме Кара-тепе в Старом Термезе можно утверждать, что кушано-сасанидские монеты сменились там местным чеканом бронзовых монет с якоревидной тамгой скорее всего на грани IV и V вв., что подтверждают и данные, полученные на Зар-тепе (Завьялов 1990:177).

* Я, как и большинство исследователей, твердо уверен в том, что злополучную "дату Канишки" следует относить к концу I или началу II вв., во всяком случае не позднее 166 г. н.э. (Ставиский 1977:27).

Духовная культура: искусство, культы и религия, грамотность. Кушанские художественные памятники, открытые в Бактрии-Тохаристане, прежде всего знаменитые айртамские рельефы (Тревер 1940:149-158, №№ 51-61, табл. 45-49) и скульптуры Халчаяна (Пугаченкова 1966) продемонстрировали высокий уровень развития искусства этой области и сосуществование здесь различных художественных традиций. Исследования 1968-1993 гг. привели не только к открытию новых многочисленных художественных произведений и к более полной публикации найденных ранее предметов искусств (Пугаченкова 1971; Массон В. 1976:52-87), но и к углубленному изучению искусства кушанской Бактрии вообще (Пугаченкова 1978, 1979, 1984:87-112; Пугаченкова, Ремпель 1982; Ставиский 1974:77-112, 1992:44-58; Stawiski 1979:90-171, 1982:85-108, 1988:110-154). В этом искусстве отражены два художественных течения: так называемое династийное, родившееся в раннекушанское время в Бактрии, и греко- (или римско-) буддийское, сложившееся в Гандхаре. Кушанским художественным изделиям свойственна также локальная традиция, характерная именно для Бактрии-Тохаристана. Более того, в кушанском искусстве этой области четко видны элементы и мотивы культур античного (греко-римского), степного (скифо-сарматского), передневоосточного, иранского и индийского миров. Усвоив и переработав все эти веяния, искусство Бактрии-Тохаристана при кушанах представляло собой органичный сплав разных традиций и отличалось в значительной мере от искусства других областей обширной Кушанской империи и порожденного в то время “буддийского мира”.

Археологические данные, открытые по большей части за последние тридцать лет, позволяют также судить о религиях и культах Бактрии-Тохаристана кушанского времени. Теперь ясно, что именно в этот период (а не ранее, как считал, например, Б.А.Литвинский) здесь получил широкое распространение буддизм (рис. 1), который не был ни государственной, ни, тем более, — единственной религией, а сосуществовал с древнеиранскими культами авестийского круга (иногда их называют “маздеистскими”), с общегосударственным династийным культом кушанских владык, с культами предков, а также с культами “великой богини-матери” и других языческих женских и мужских божеств, с каноническим зороастризмом Ирана, с пережитками античных верований, с шиваизмом и, вероятно, с манихейством, а возможно и с христианством. Об этом свидетельствуют небуддийские культовые постройки “династийного” культа в Халчаяне (Пугаченкова 1966, 1971); роспись с изображением Шивы

в Дильберджине (Кругликова 1974:44-48), глиняные статуэтки “Бактрийской богини” (Пугаченкова, Ртвеладзе, Беляева и др. 1978:75-90), а также другие терракоты (Мешкерис 1991:57-65), отдельные эпиграфические (смотри, например, надпись брахми на Кара-тепе со словом “Махешвара” — одним из имен Шивы — Грек 1972:117) и иные находки; наконец, сведения письменных источников (Ставиский, 1977:173-209).

Благодаря эпиграфическим находкам (в основном — последних трех десятилетий) мы можем теперь лучше судить об использовавшихся в Бактрии-Тохаристане типах письменности, относящихся к кушанскому времени, о распространении грамотности среди жителей этой области, о языках, на которых они говорили. В своих работах (Ставиский 1977:210-221, 1977а:211-219) я, опираясь на исследования предшественников, в первую очередь — В.Б.Хеннинга, В.А.Лившица, Я.Харматгы, Т.В.Грек, М.И.Воробьевой-Десятовской, В.В.Вертоградовой, Х.Хумбаха, Ж.Фюссмана, попытался обобщить известные тогда данные по этим вопросам. Однако с тех пор были открыты новые надписи и появились как их публикации (Лившиц, Никитин 1990; Устинова 1990), так и новые обобщающие работы (в том числе — Стеблин-Каменский 1981:314-334; Воробьева-Десятовская 1983; Лившиц, Ртвеладзе 1985; Массон В. 1985:269,270; Фюссман 1988; Пугаченкова, Ртвеладзе 1990:97-101). Помимо увеличения фактического материала новые данные позволяют подтвердить отдельные старые положения, уточнить или расширить другие, по-новому трактовать третьи.

Так было подтверждено и уточнено заключение об использовании в кушанское время разных систем письма и о наличии в Бактрии групп людей, говоривших на различных языках. На раннем этапе кушанской истории в Бактрии существовало унаследованное от Греко-Бактрийского государства греческое письмо, которым, как и греческим языком, пользовались и кушанская администрация, и перешедшее, видимо, ей на службу эллинистическое (и эллинизированное) чиновничество. Об этом с давних пор свидетельствовали раннекушанские монеты, а теперь это же подтверждают и эпиграфические находки, как в южной (левобережной), так и в северной (правобережной) Бактрии (в Кампыр-тепе и в Яване). Особенно стоит уникальная греческая надпись I-II вв. н.э., открытая на скале в Кара-Камаре, на западном рубеже Южного Узбекистана. Надпись оставлена Риносом (возможно, римским подданным), скорее всего пришедшим из Парфии, как и римский воин Гай Рекс из XV Паннонского легиона, запечатлевший свой “визит”

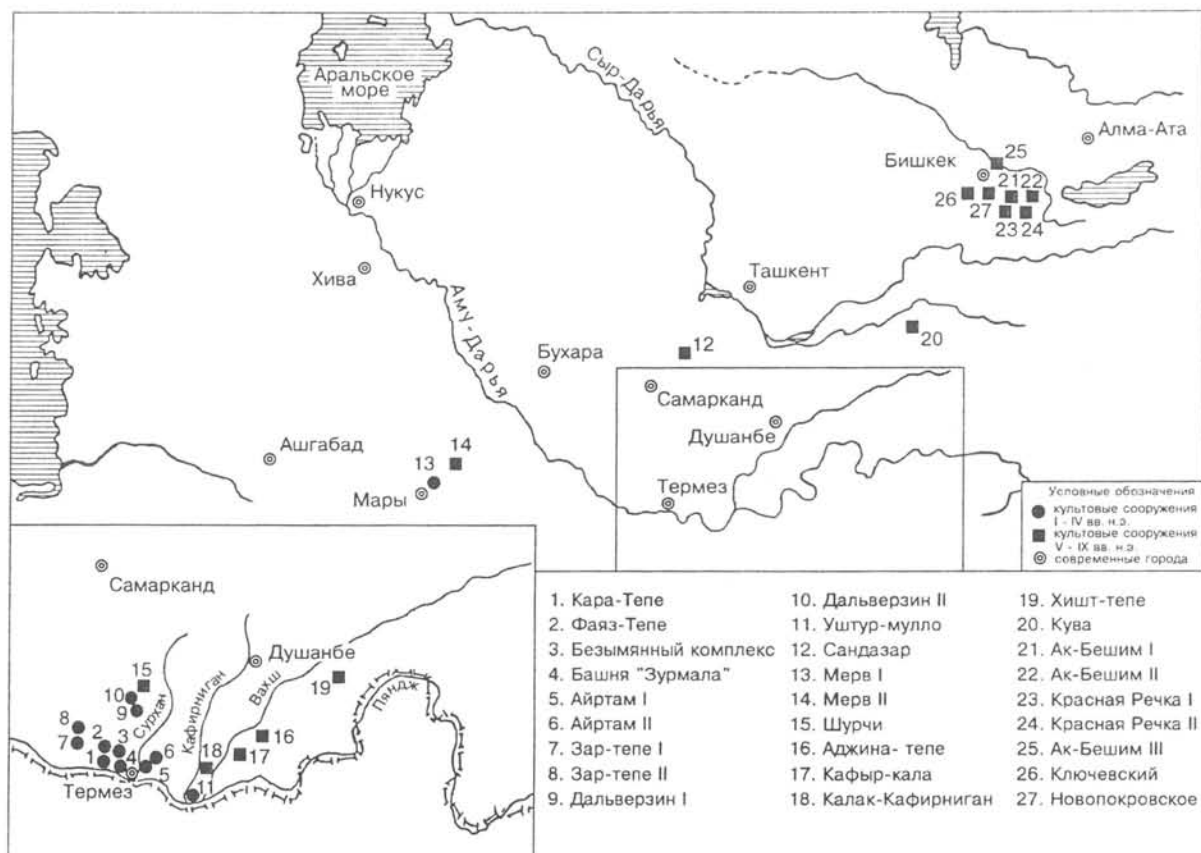

Рис. 1 Карта буддийских культовых сооружений Средней Азии.

Fig. 1 Map of the Buddhist cult monuments of Central Asia.

в культовые пещеры Кара-Камера (возможно, mitraистское святилище) латинской надписью (Ртвеладзе 1990; Устинова 1990:145-147).

В Бактрии-Тохаристане, по мнению В.А.Лившица (Лившиц 1979:95), изредка применялось также доставшееся кушанам в наследство от греко-бактрийской, если не от более ранней эпохи, "бактрийско-арамейское" письмо, то есть запись бактрийской (восточно-иранской) речи арамейской письменностью, унаследованной от ахеменидских канцелярий. В.А.Лившиц относит к числу памятников этой письменности один из документов греко-бактрийского времени из Ай-Ханум, а также две надписи кушанской эпохи из Джига-тепе в Балхском оазисе и Фаяз-тепе в Термезе. Однако, Ж.Фюссман, считает существование "бактрийско-арамейского" письма сомнительным (Фюссман 1988:46).

Со времени расцвета Кушанской державы, начиная с утверждения на ее престоле знаменитого императора Канишки I, основным письмом Бактрии-Тохаристана (и на левобережье, и на правобережье) стало "кушанское", иначе "бактрийское", или "бактрийско-греческое" (как называет его В.А.Лившиц).

Не касаясь развития этого письма от монументальности, когда каждая буква изобража-

лась отдельно, до слитного курсива, отметим лишь его широкое и повсеместное распространение. Помимо монет, оно использовалось в высеченных на камне текстах, которые, видимо, носили официальный характер, так как в них говорится о строительстве различных сооружений, например, знаменитые надписи в Сурх-Котале (Стеблин-Каменский 1981:326-328,333,334) и на Дильберджине (Лившиц, Кругликова 1979:98-112), открытые в левобережной Бактрии, а также надпись в Айртаме (Тургунов, Лившиц, Ртвеладзе 1981) в правобережной Бактрии. Это письмо использовали и в Кампыр-тепе (в 30 км западнее Термеза), — "государственной крепости" близ переправы через Амударью, где найдены остатки текста или текстов, написанных черной тушью на бересте, папирусе или пальмовых листьях (Ртвеладзе 1984:88,91,104-106), а также надписи на фрагментах керамических сосудов (нанесенные черной тушью или процарапанные по стенке сосуда до обжига) (Пугаченкова, Ртвеладзе 1990:97-99). "Кушанское" письмо использовалось, наряду с индийскими (смотри ниже), в прокламативных и дарственных надписях, а также в текстах, содержащих имена владельцев. Все эти эпиграфические материалы найдены при раскопках буддийских памятников кушан-

ской Тармиты (Термеза) – Кара-тепе (Ставиский 1977а:217,218 со ссылками на работы В.А.Лившица, Я.Харматты, Х.Хумбаха и других) и Фаяз-тепе (Ставиский 1977а:217). Надписи этим письмом обнаружены также на стенках керамических сосудов для хранения сыпучих продуктов в Душанбе (Лившиц 1969:60, примечание 64); на городище Тепаи-Шах в юго-западном Таджикистане (Литвинский, Седов 1983:149); на Халчаяне (Пугаченкова 1966:59,60, рис. 35, слева), на Дальверзин-тепе; на Ялангуш-тепе в Бандыханском оазисе; на Зар-тепе к западу от Термеза; на Мирзакул-тепе на окраине современного Термеза (Пугаченкова, Ртвеладзе 1990:97,98); на Занг-тепе в районе Термеза; на Кафыр-кала в Вахшской долине (возможно, относящиеся к раннему средневековью (Лившиц 1969:73-75, 1976:163, примечания 4,5). Позднекушанским временем и посткушанской эпохой датируются курсивные “бактрийские” надписи-граффити, прочерченные на стенах уже покинутых буддийских пещер на Каратеппе (Ставиский 1977а:218 со ссылками на работы В.А.Лившица и Я.Харматты).

На Кара-тепе, Фаяз-тепе и в подвальном помещении, сохранившимся от еще одного буддийского комплекса, который располагался на перекрытой современной свалкой части городища Старый Термез, большим числом надписей засвидетельствовано употребление в Бактрии-Тохаристане в кушанское время индийских языков и письменностей – пракрита (письмо кхароштли) и санскрита (письмо брахми). В.В.Вертоградова подготовила к изданию полную сводку таких надписей, найденных на Кара-тепе до 1992 г. (Вертоградова 1982; Воробьева-Десятовская 1983:22-49,51-63,89). Особое место занимает находка в кладе на Дальверзин-тепе десяти золотых брусков, на которых выколоты надписи на одном из пракритов (письмо кхароштли) с указаниями их веса, владельца и указания, откуда брусок получен (Воробьева-Десятовская 1976; 1983:87,88).

Еще одна письменность, впервые выявленная Ж.Фюссманом в Афганистане (“неизвестное письмо арамейского происхождения”), была обнаружена им также на одном из черепков кушанского времени из Халчаяна, куда, по мнению французского ученого, остракон, видимо, попал случайно (Фюссман 1974, 1988:49,50). Позднее за изучение этой письменности взялись В.А.Лившиц (Лившиц 1976:165,166) и В.В.Вертоградова (Вертоградова 1982а:160-167). Они отнесли к памятникам “неизвестного письма” следующие надписи: а) на серебряной чаше из кургана Иссык (юг Казахстана), который скорее всего датируется III-II вв. до н.э.; б) на остраконе из Теккуз-тепе

(Вахшская долина, Южный Таджикистан), который, возможно, относится к кушанскому времени; в) на трех фрагментах кушанского сосуда из Кара-тепе; г) на черепке несомненно кушанской эпохи из Хатын-Рабата. Надпись на каратепинском сосуде была, как будто бы, одноязычной, надпись из Хатын-Рабата – двуязычной: на внутренней стороне черепка имелись знаки письмом кхароштли (Пугаченкова 1968:32,33), на внешней – “неизвестным письмом” (впервые издана В.В.Вертоградовой). Э.В.Ртвеладзе считает, что этим письмом сделаны еще две надписи из Южного Узбекистана: а) надпись, прочерченная по сырой глине на венчике хума из Кош-тепе; б) надпись, прочерченная на части предмета из известняка (Бараттепе) (Ртвеладзе, Лившиц 1985:34). В.В.Вертоградова полагает, что в развитии этой письменности намечаются два периода: ранний (относящийся к III-II вв. до н.э.) и поздний (после рубежа н.э.). Она также считает, что эту письменность использовали для записи текстов на разных языках или диалектах, в том числе, возможно, как думают В.А.Лившиц и Э.В.Ртвеладзе, на языках “сакского” или “юечжийского” круга.

Наконец, следует упомянуть “среднеперсидское” письмо, получившее некоторое распространение в Бактрии-Тохаристане, скорее всего во время (или, может быть, сразу же после) сасанидского завоевания, то есть в кушано-сасанидское время. Это письмо представлено в надписях-граффити Кара-тепе (Луконин 1969:40-45; Ставиский 1975:8, рис. 10) и на черепках из Дальверзин-тепе (Лившиц, Никитин 1990:66-72).

Таким образом, в северной части Бактрии-Тохаристана в кушанское время засвидетельствованы семь (или восемь) различных письменностей: греческая, латынь, “кушанская” или “бактрийская”, кхароштли, брахми, так называемое “неизвестное письмо арамейского происхождения”, среднеперсидская (и, возможно, “бактрийско-арамейское письмо”).

Греческое письмо и греческий язык были довольно широко распространены в Бактрии-Тохаристане в раннекушанское время (до воцарения Канишки I и в начале его правления), а иногда и позднее, и их, в известной мере, можно признать местными. Безусловно местным было “кушанское письмо”, которым со времени Канишки I записывалась местная (восточноиранская) бактрийская речь. Для этого был приспособлен (с незначительными нововведениями) греческий алфавит.

Латынь, кхароштли, брахми и среднеперсидское письмо проникли в Бактрию-Тохаристан извне. Появление индийских письменностей (сначала кхароштли, затем брахми) очевид-

но было связано с приходом буддистов, которые использовали эти виды письма в буддийских общинах (исключение — надписи на привезенных из Индии золотых брусках, найденных в кладе на Дальверзин-тепе). Помимо легенд на кушаносасанидских монетах, среднеперсидское письмо засвидетельствовано только в связи с буддийскими памятниками (возможно, это случайное совпадение) и лишь в поздний период кушанской истории после сасанидских завоеваний конца III (?) — IV вв.

Для времени расцвета Кушанской империи можно уверенно констатировать высокий уровень грамотности среди буддистов Термеза: здесь найдено более 150 черепков с индийскими надписями, среди которых имеются двуязычные — пракритско-бактрийские и санскритскобактрийские (в Термезе, скорее всего, существовали “школы” переводчиков). После сасанидского завоевания количество грамотных людей здесь, видимо, не уменьшилось. На стенах заброшенных буддийских помещений некоторые посетители прочертили надписи (таких граффити отмечено более 20). В основном, они выполнены бактрийским курсивом и оставлены, скорее всего, жителями Тармиты (или других поселений Тохаристана), хотя здесь были обнаружены также индийские и среднеперсидские надписи. Первые, видимо, оставили паломники или купцы из Индии, вторые — сасанидские чиновники и, возможно, воины. В

одном случае зафиксирована короткая среднеперсидско-бактрийская или бактрийско-среднеперсидская билингва.

Если индийские языки знали, в основном, в буддийских общинах, то “кушанское письмо” и бактрийский язык были распространены шире. Об этом свидетельствуют приводимые выше данные о находках в Кампыр-тепе и еще на десятке других правобережных поселений, как городских (Дальверзин-тепе, Зар-тепе, Ялангуш-тепе, Душанбинское городище), так и сельских (усадебная Мирзакул-тепе, замок Занг-тепе и т.п.), причем, не только в официальной (рукописи архива в Айртаме), но и в бытовой сфере (надписи на керамике, в том числе, прочерченные до обжига).

Не ясно, в какой среде пользовались “неизвестным письмом арамейского происхождения”. Но, учитывая то, что эта письменность, как и бактрийские надписи, встречена на разных по характеру памятниках, ее распространение в Бактрии-Тохаристане следует, по всей видимости, связывать не с какой-либо религиозной общиной, а с этнической (возможно, кочевнической) группой (Ставиский 1977а:219; Пугаченкова, Ртвеладзе 1990:100).

Из всего вышеизложенного следует, что исследования отечественных ученых 1968–1993 гг. и количественно, и качественно обогатили науку новыми ценными материалами для изучения “кушанской проблемы”.

Алиев, К. 1968. На Международной научной конференции ЮНЕСКО // Известия Академии наук Азербайджанской ССР 4: 136–137.

Атнаев, Т.Д. 1984. Раскопки раннесредневековой усадьбы Куёвкурган в Северном Тохаристане // Советская археология 2: 168–200.

1988. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Ташкент: ФАН.

Асимов, М.С. 1968. Наука Средней Азии кушанской эпохи и пути ее изучения. Душанбе (на русском, английском и персидском языках): Дониш.

Беленицкий, А.М. 1973. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. Москва: Искусство.

1975. Среднеазиатское искусство преарабского времени и его связь с кушанским // Центральная Азия в кушанскую эпоху II: 392–395. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.

Вайнберг, Б.И. 1969. Международная конференция ЮНЕСКО по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху // Советская этнография 2: 133–135.

1977. Монеты древнего Хорезма. Москва: Наука.

Вертоградова, В.В. 1982. Индийские надписи на керамике из раскопок 70-х годов на Кара-тепе // Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1974–1977 гг. (Кара-тепе V): 134–159. Москва: Наука.

1982а. Находка надписи неизвестным письмом на Кара-тепе // Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1974–1977 гг. (Кара-тепе V): 160–167. Москва: Наука.

Воробьева-Десятковская, М.И. 1976. Надписи письмом кхароштки на золотых предметах из Дальверзин-тепе // Вестник древней истории 1: 72–79.

1983. Памятники письмом кхароштки и брахми из советской Средней Азии // История и культура Центральной Азии: 22–96. Москва: Наука.

Ганковский, Ю.В. 1969. История Центральной Азии в кушанскую эпоху // Вестник Академии наук СССР 1: 91–94.

Гафуров, Б.Г. 1968. Кушанская эпоха и мировая цивилизация. (Отдельно на русском и английском языках). Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.

Горячева, В.Д., С.Я. Переудова. 1994. Буддийские памятники Средней Азии. I Кыргызстан // Буддийский мир: 57–73. Москва.

Грек, Т.В. 1972. Новые индийские надписи из раскопок Кара-тепе // (Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1965–1971 гг. Материалы совместной археологической экспедиции на Кара-тепе. (Кара-тепе III): 114–117. Москва: Наука.

Грек, Т.В., В.А. Ливинц. 1972. Двухязычная надпись из Кара-тепе // Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1965–1971 гг. Материалы совместной археологической экспедиции на Кара-тепе. (Кара-тепе III): 118–121. Москва: Наука.

Дьяконов, М.М. 1953. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950–1951) // Материалы и исследования по археологии СССР 37: 253–293. Москва–Ленинград: Академия наук СССР.

Завьялов, В.А. 1990. (Рецензия на: А.В. Седов. Кобадиян на пороге раннего средневековья) // Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень 17: 171–179. Москва: Наука.

Заславская, Ф.А. 1969. Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху // Народы Азии и Африки 5: 223–227. Москва.

- Заславская, Ф. А., Е. С. Шагалов.* 1969. Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе. 1968 // Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук 1: 87-91.
- Зеймаль, Е. В.* 1968. Кушанская хронология (материалы по проблеме). Москва: Наука
1978. Политическая история Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и раннее средневековье: 192-214. Ленинград: Аврора.
- Зеймаль, Т. И.* 1969. Вахшская долина в древности и раннем средневековье. Автореферат дисс... канд. ист. наук. Ленинград
1971. Древние и средневековые каналы Вахшской долины // Страны и народы Востока 10: 37-54. Москва: Главное издательство восточной литературы.
- Колжымбердиев, И.* 1968. Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху // Известия Академии наук Киргизской ССР 6: 94-96.
- Кошелев, Г. А.* 1985. Заключение // Археология СССР // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии: 338-350. Москва: Наука.
- Кругликова, И. Т.* 1974. Дильберджин (раскопки 1970-1972 гг.). Москва: Наука.
- Культура.* 1991. Культура и искусство древнего Узбекистана. Книга 2. Каталог выставки (на русском и английском языках). Москва: Внешторгиздат.
- Культура.* 1968. Культура и искусство Средней Азии в кушанскую эпоху. Каталог выставки. Ленинград: Советский художник.
- Лившиц, В. А.* 1969. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1963-1964 гг. Надписи, терракоты, каменные рельефы. (Кара-тепе II): 47-81. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
1975. К интерпретации бактрийских надписей из Кара-тепе // Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1972-1973 гг. (Кара-тепе IV): 47-60. Москва: Наука.
1976. Надписи из Дильберджина // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции I: 163-169. Москва: Наука.
1979. Два острака из Дильберджина // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции 2: 95-97. Москва: Наука.
- Лившиц, В. А., И. Т. Кругликова.* 1979. Фрагменты бактрийской монументальной надписи из Дильберджина // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции 2: 98-112. Москва: Наука.
- Лившиц, В. А., А. Б. Никитин.* 1990. Ранний пехлевийский острак из буддийского храма в Дальверзин-тепе // Вестник древней истории 4: 66-72.
- Литвинский, Б. А.* 1973. Археологические работы в Таджикистане в 1962-1970 гг. (некоторые итоги и проблемы) // Археологические работы в Таджикистане X: 5-41. Москва: Наука, Главное издательство восточной литературы.
- Литвинский, Б. А., А. В. Седов.* 1983. Тепаи-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. Москва: Наука.
- Луконич, В. Г.* 1969. Среднеперсидские надписи из Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1963-1964 гг. Надписи, терракоты, каменные рельефы. (Кара-тепе II): 40-46. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Мандельштам, А. М.* 1964. К истории Бактрии-Тохаристана // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР 98: 23-25. Москва
1966. Кочевники на пути в Индию // Материалы и исследования по археологии СССР 136. Москва-Ленинград: Наука (Ленинградское отделение).
- Мандельштам, А. М., Н. Г. Горбунова.* 1992. Общие сведения о ранних кочевниках Средней Азии и их группировках // Археология СССР // Степная полоса Азиатской части СССР в скифосарматское время: 13-21. Москва: Наука.
- Маришак, Б. И., В. И. Распопова.* 1988. Новые открытия в Пенджикенте // Наука и жизнь 2: 138-145.
- Массон, В. М.* 1966. Страна тысячи городов. Москва: Наука.
1973. Процесс урбанизации в древней Средней Азии // Древний город Средней Азии. Краткие тезисы докладов и заседаний на конференции, посвященной полевым исследованиям в области археологии: 3-6. Ленинград.
1976. Кушанские поселения и кушанская археология // Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана: 3-17. Ленинград: Наука (Ленинградское отделение).
1981. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана (вопросы периодизации и хронологии) // Общественные науки в Узбекистане 4: 30-38.
1985. Северная Бактрия // Археология СССР // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии: 250-272. Москва: Наука.
- Массон, М. Е.* 1950. Происхождение безымянного "царя царей - великого спасителя" // Труды Среднеазиатского государственного университета, новая серия, выпуск XI, гуманитарные науки 3: 11-49. Ташкент.
1968. К вопросу о северных границах государства "Великих кушан" // Общественные науки в Узбекистане 8: 14-25. Ташкент.
1975. К вопросу о северных границах государства "Великих кушан" // Центральная Азия в кушанскую эпоху II: 42-49. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
1976. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент: Издательство литературы и искусства.
- Международная конференция.* 1968. Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Тезисы докладов и сообщений советских ученых. Москва: Наука.
- Мешкерис, В. А.* 1991. Опыт периодизации коропластики Бактрии-Тохаристана // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР 204: 57-65.
- Мухамеджанов, А. Р.* 1968. Международная конференция по кушанской проблеме в Душанбе // Общественные науки в Узбекистане 11: 72-74.
- Нильсен, В. А.* 1975. Кушанское наследие в ранне-средневековой архитектуре Средней Азии // Центральная Азия в кушанскую эпоху II: 400-403. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Пугаченкова, Г. А.* 1966. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент: ФАН.
1968. К изучению памятников Северной Бактрии // Общественные науки в Узбекистане 8: 26-37.
1971. Скульптура Халчаяна. Москва: Искусство.
1978. Художественные сокровища Дальверзин-тепе. Ленинград: Аврора.
1979. Искусство Бактрии эпохи кушан. Москва: Искусство.
1984. Позднеантичная живопись Бактрии-Тохаристана // Из истории живописи Средней Азии. Традиции и новаторство: 87-112. Ташкент: Издательство литературы и искусства.
- Пугаченкова, Г. А., Л. И. Ремпель.* 1982. Очерки искусства Средней Азии: Древность и средневековье. Москва: Искусство.
- Пугаченкова, Г. А., Э. В. Ртвеладзе.* 1990. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры. Древность и средневековье. Ташкент: ФАН.
- Пугаченкова, Г. А., Э. В. Ртвеладзе, Т. В. Беляева и др.* 1978. Дальверзин-тепе - кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: ФАН.
- Ртвеладзе, Э. В.* 1984. Кушанская крепость Кампыр-тепе // Вестник древней истории 2: 87-106.
1986. Стена Дарбанда Бактрийского // Общественные науки в Узбекистане 12: 34-39.
1990. Из недавних открытий Узбекстанской искусствоведческой экспедиции в Северной Бактрии-Тохаристане // Вестник древней истории 4: 135-145.
- Ртвеладзе, Э. В., В. А. Лившиц.* 1985. Памятники древней письменности. Общество охраны памятников истории культуры Узбекистана. Ташкент: Узбекистан.

- Станиский, Б. Я. 1961. О северных границах Кушанского государства // Вестник древней истории 1: 108-114.
1974. Искусство Средней Азии. Древний период. VI в. до н.э. – VIII в. н.э. Москва: Искусство.
1975. От редактора // Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1972-1973 гг. (Кара-тепе IV): 5-9. Москва: Наука.
1976. О северных рубежах кушанской Бактрии // История и культура Средней Азии (древность и средние века): 43-46. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
1977. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- 1977а. Языки и письменности кушанской Бактрии в свете данных археологии и нумизматики // Acta Antiqua XXV (1-4): 211-219. Budapest.
1992. Введение в историю культуры и искусства Средней Азии // Курс лекций. Российский открытый университет. Исторический колледж. Москва.
- Станиский, Б. Я., Б. И. Вайнберг, Н. Г. Горбунова, Э. А. Новгородова. 1968. Советская археология Средней Азии и кушанская проблема: Аннотированная библиография I-II. Москва: Наука.
- Стеблин-Каменский, И. М. 1981. Бактрийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки: 314-346. Москва: Наука.
- Терезюшкин, А. И. 1950. Согд и Чач // Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР 33: 152-169. Москва.
- Толстов, С. П. 1946. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования // Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР 23: 143-150. Москва-Ленинград.
1948. Древний Хорезм. Москва: Московский государственный университет.
- Тревер, К. В. 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. Москва-Ленинград: Академия наук СССР.
1950. Кушанское царство (I-IV вв.) // История народов Узбекистана 1: 117-124. Ташкент: Академия наук Узбекской ССР.
- Тургунов, Б. А., В. А. Лившиц, Э. В. Ртвеладзе. 1981. Открытие бактрийской монументальной надписи в Айртаме // Общественные науки в Узбекистане 3: 38-48. Ташкент.
- Устинова, Ю. Б. 1990. Наскальные латинские и греческая надписи из Кара-Камара // Вестник древней истории 4: 145-147.
- Фоссман, Ж. 1988. Язык и культура при кушанах // Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень 15: 45-52. Москва: Наука.
- Харьков, Л. Н. 1969. Международная конференция по кушановедению // Вопросы истории 5: 184-189.
- Ходжапиев, Т. 1968. Международный форум ученых // Памятники Туркменистана 2: 32.
- Центральная Азия. 1974. Центральная Азия в кушанскую эпоху. Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху I. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
1975. Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху II. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Allchin, F. R. 1957. The Cultural Sequence of Bactria // Antiquity 30 (123): 131-141. London.
- Cribb, Joe. 1993. The "Heraus" coins: their attribution to the Kushan king Kujula Kadphises, c. AD 30-80 // Essays in honour of Robert Carson and Kenneth Jenkins: 107-134. London.
- Fischer, K. 1958. Sculpture from Kunduz and environs // Artibus Asiae 21 (3-4): 231-253.
- Fussman, D. 1974. Documents epigraphiques Kouchans // Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient 61: 1-66. Paris.
- Gorbulnova, N. G. 1986. The Culture of ancient Ferghana VI century B.C. – VI century A.D. // British Archaeological Reports. International Series 281. Oxford.
- Litvinsky, B. A. 1968. Outline History of Buddhism in Central Asia // International Conference on the History, Archaeology and Culture in the Kushan Period. Dushanbe. 1968. Moscow: Nauka.
- Sircar, D. 1968-1969. Problems of Kushan and Rajput History // Journal of Indian Historical Society 2. Calcutta.
- Skoda, V. 1992. Ein Siva-Heiligtum in Pendzikent // Archaeologische Mitteilungen aus Iran 25: 319-327.
- Stawiski, B. 1979. Kunst der Kuschan: Mittelasien. Leipzig: Seemann.
1982. Die Völker Mittelasien in Lichte ihrer Kunstdenkmäler: Archäol. Reise durch die Geschichte Alt-Mittelasien (vom Paläolithikum bis zur islamischen Eroberung). Bonn: Keil Verlag.
1988. Sztuka Azji Srodkowej. Warszawa.
- Stawisky, B. J., G. M. Bongard-Levin. 1968. Central Asia in the Kushan period (Archaeological studies by Soviet scholars). Moscow: Nauka.
- Zeymal, E. V. 1983. The political History of Transoxiana // The Cambridge History of Iran 3(1). The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods: 232-262. Cambridge: Cambridge University Press.

THE KUSHANIAN PROBLEM AND THE ARCHAEOLOGY OF CENTRAL ASIA, 1968-93: Some Results

More than a quarter of a century ago, from September 27 to October 5, 1968, an international conference on the history, archaeology, and culture of Central Asia during the Kushanian Period was held in Dushanbe. The event itself and the subsequent publication of its proceedings (Central Asia in the Age of the Kushans, 1974, 1975) gave a strong impetus to further studies, archaeological ones in particular.

General issues in Kushanian history.

Significance of the Kushanian period for the history of Central Asia. New information gained over the recent three decades has modified many views concerning the impact of the Kushanian Age on the subsequent history of Central Asian culture and art. New post-Kushanian sites have been discovered, including Kuyevkurgan, a 5th century castle or fortified estate. Its excavations have revealed a submu-

ral clay sculpture which, in terms of technology and, to a large extent, style and imagery, continues the Kushanian traditions (Annayev 1984, 1988; Culture and Art of Ancient Uzbekistan 1991:26-30).

Excavations at Penjikent have disclosed 5th and 6th century archaeological assemblages containing new works of monumental art performed in the Kushanian manner, as well as representations of Buddhist and Sivaite characters also linking the early medieval Sogdian art with Kushanian traditions (Belenitsky 1973:52-54; Marshak, Raspopova 1988:142,143; Skoda 1992, tab.70:2-71). Also, the architecture and monumental decoration of some ritual structures of the post-Kushanian period apparently reflect Buddhist canons of the Kushanian age. This applies both to 4th - 6th century Mervia and 6th - 8th century Tokharistan, whose Buddhist architecture derives from the Buddhist tradition of Kushanian Bactria, and to the period of AD 400-900 in the Chu River valley, an area where Buddhism was apparently introduced from Sinkiang (Goryacheva, Peregudova 1994).

Northern boundaries of the Kushanian state and its sphere of influence in Central Asia.

This is one of the key issues in the Kushanian archaeology. In his talk at the 1968 conference, D. Sirkar noted that available written sources contain no direct evidence suggesting that areas north of the Oxus had ever belonged to the Kushanian empire (Central Asia in the Kushanian Period 1975:412,413). Allchin (1957) and Fischer (1958) also believed that Central Asia was not a Kushanian province. Seymal (1978) apparently subscribed to that view when he used an artificial term "Transoxiana" to denote territories north of the Oxus.

In 1961, I suggested that the Kushanian state included northern (right-bank) Bactria, or northern Tokharistan (the name has been used with reference to northern Afghanistan and southern Central Asia since at least AD 300), as well as Sogd, Khorezm, and Chach (Shash). In my view, the question of whether or not Ferghana belonged to the Kushanians, could not be resolved because the evidence was insufficient (Stavisky 1961). M. Masson, however, believed that the Kushanian state (formerly Tokharistan) reached only as far north and east as the lower Kashka-Darya valley. Areas to the north and to the east of it allegedly belonged to Sogd and Kangyuy (M.Masson 1968, 1975). My idea that most of the Central Asian Interfluve was under the Kushanian rule was thus countered by a no less hypothetical statement concerning the powerful Kangyuy whose rule was thought to extend to the entire central and northern Central Asia including Chach, Khorezm, Ferghana, and Sogd. M.Masson claimed that the Kushanian state did not reach further north than Bactria-Tokharistan, only the lower Kashka-Darya area and a narrow

strip along the middle Amu-Darya valley being included.

Apart from these two hypotheses, it was claimed that the Kushanian state did not include Ferghana (Gorbunova 1986:272,273) or Khorezm (Weinberg 1977:87-89,177-183). Negmatov and Saltovskaya (1975:263,264) maintained that Ustrushana (part of Sogd bordering on Ferghana and Chach) was controlled by the Kushanians. Rtveladze (1986:34-39), who surveyed a defence wall in the highlands near Darband and correctly identified it with the famous "Iron Gates" on the border between Bactria-Tokharistan and Sogd, believed that it had marked the northern border of the Kushanian state (see also Pugachenkova, Rtveladze 1990:56-59). However, because "long walls" of that period had been registered around cities like Samarkand and Bokhara, and in the Mervian oasis, they did not necessarily mark the borders of great states (unlike the Great China Wall or the Roman walls).

Doubtless, at least during the Kushanian period, northern Bactria together with southern (left-bank) Bactria was part of the Kushanian state not only culturally but also politically (Stavisky 1976, 1977).

The same may hardly apply to Khorezm, Sogd, Ferghana, or Chach. Their relationships with the Kushanians are more difficult to assess. However, the fact that Khorezm had its own coinage while the Sogdians used various types of coins should not be taken to disprove the idea that these territories were politically or at least economically and/or culturally dependent on the Kushanians. V.Masson's view regarding the Kushanian empire as a system surrounded by buffer dependencies and his idea that the Kushanians extended their control over the Central Asiatic interfluve (V.Masson 1981:36,37) appear to be the most correct ones. V. Masson believes that the Kushanians controlled the entire region between Amu-Darya and Syr-Darya except Khorezm, and that according to the inscription of Shapur I, their rule might have reached as far as Chach. He also thinks that the political ties of the Kushanians with Sogd and Ferghana must have been strong enough to enable a free transfer of Kushanian troops across the Zarafshan and Ferghana valleys (V.Masson 1981:36,37).

But even if these views are correct, the political history of the territories north and east of Bactria-Tokharistan is still far from being well understood.

Northern Bactria-Tokharistan in the Kushanian period.

Growth of irrigated territories, increase in the number of sites, urbanization level.

Rtveladze's studies have revealed an exceptionally intense settlement of Northern Bactria and especially its northwestern part during the Kushanian era, far above anything observed during the preceding periods (Pugachenkova, Rtveladze 1990:65).

His comparison of the number of Achaemenian (600-300 BC) and Kushanian (AD 0-300) sites in the six principal river valleys of northern Bactria is illustrative indeed: 7 against 76 in Surkhan-Darya, 2 against 45 in Kafirnighan, 5 against 38 in Shera-bad, 4 against 27 in Vakhsh, 3 against 14 in Amu-Darya, and none against 9 in Parkhar. The total number of Achaemenian sites in northern Bactria-Tokharistan is 21 against 209 Kushanian ones, a ten-fold increase.

The surface area of irrigated land, too, had increased in the Kushanian period, and new agricultural oases had emerged in some valleys. According to Mandelstam (1964:23-25; 1966:7,149-153; see also Stavisky 1977:64,65), a channel at least 15 km long was built in the right-bank Bishkent valley, and several villages were founded on its banks, the largest one (2.5 ha in surface area) being Khan-Gaza. In the same period, several large irrigation constructions were built. Specifically, traces of a channel from the Kafirnighan and pits remaining from a line of wells running across the watershed were discovered. It was apparently planned to transfer water from the Kafirnighan to the Bishkent valley, but the attempt failed, and the underground channel connecting the wells had not been constructed.

An even larger agricultural oasis emerged in the left-bank part of the lower Vakhsh valley. According to Seymal (1971:47; Stavisky 1977:67-70), a channel with several branches was built there. The system had made it possible to irrigate 40,000 ha of fertile land which was previously uncultivated. More than a dozen Kushanian sites have been discovered in the area.

According to very incomplete data of the mid-70s, at least 13 urban settlements existed during the Kushanian period in the Balkhab valley, Central Bactria, no less than ten in the Surkhan-Darya valley, and at least three in the lower Vakhsh valley. The total number of urban centres in these three valleys, then, was no less than 25. They included huge fortified settlements, the surface area of each being several hundred hectares: Balkh, Termez-Tarmita, and Shakhrinaus in the upper Surkhan-Darya valley (Stavisky 1977:84,85).

Archaeological sequences and associations. Chronology.

One of the major achievements of Kushanian studies was that stratigraphical sequences were established for Bactria-Tokharistan (V.Masson 1985:255-257, 397-401, tab.CIX-CXIII). Also, associations characterizing the Kushanian period as a whole and its separate stages were described. According to V.Masson's scheme, there are three such associations: Khalchayan, Dalverzin, and Zar-Tepe. His descriptions are based on all sorts of artifacts: pottery, metal, construction debris, etc. (V. Masson 1985:255-257, 397-401, tab.CIX-CXIII).

The dating of these associations is a disputed issue. I, like most scholars, am convinced that the notorious "Kanishka date" should be set at late 1st or early 2nd century AD, but no later than AD 166 (Stavisky 1977:27). The Khalchayan association contains bronze coins imitating those of the Greco-Bactrian king Heliocles, and coins of so-called Soter Megas, minted apparently in the end of Kudzula Kadfiz's (Kadfiz's I) rule (M.Masson 1950; Cribb 1993:107,108,133), at any rate before Kanishka's accession, that is, at the initial stage of Kushanian history. The early date of Khalchayan is also supported by the fact that stratigraphically it immediately postdates the Greco-Bactrian association (V.Masson 1976:9,10).

There is little doubt that the second, Dalverzin, association, which in many respects follows the Khalchayan tradition, coincides with the peak of the Kushanian state. The latest association, Zar-Tepe, succeeds Dalverzin both stratigraphically and typologically. According to the commonly accepted view, it coincides with the final stage of the Kushanian period or even with the Kushano-Sasanian times. There is disagreement, however, with respect to the absolute chronology of Zar-Tepe. While some scholars date it to the late 3d or 4th century, others believe 5th century to be a more likely estimate. The assessment of the upper border of Zar-Tepe depends on when Kushano-Sasanian and Sasano-Kushanian coins circulated in Bactria-Tokharistan. As the evidence from the Buddhist ritual centre on Kara-Tepe hill, Old Termez, suggests, these coins were succeeded by local ones with an anchor-shaped tamga around AD 400, and this date is upheld by data from Zar-Tepe (Zavyalov 1990:177).

Ideology: art, cults and religion, literacy.

Kushanian art represents a mixture of several tendencies. One is the so-called dynastic tendency which emerged in Bactria in the early Kushanian period. Another one, which may be described as Greco-Buddhist, or Romano-Buddhist, originated in Gandhara. Also, a local, Bactrian (Tokharistanian) tradition is present. Apart from these, elements and motifs characteristic of Classical (Greco-Roman), steppe (Scytho-Sarmatian), Near Eastern, Iranian, and Indian art are clearly recognizable. Having absorbed and transformed all these, the Kushanian art of Bactria-Tokharistan became a highly peculiar blend differing from anything seen in other provinces of the Kushanian empire or the Buddhist world in general.

Important new evidence has been gained over the last three decades concerning religion and cults. It has become evident that it was only during the Kushanian period that Buddhism had spread over the region (fig.1). It was neither the only nor even the official religion; rather, it coexisted with old Avestian-type Iranian cults, sometimes referred to as

Mazdaist, as well as with the official dynastic cult of Kushanian rulers, with the ancestor cults, and with cults of the Great Mother Goddess and those of other female and male deities, with canonical Iranian Zoroastrianism, with survivals of Greco-Roman beliefs, with Sivaism, probably with Manichaeism, and possibly with Christianity. This is evidenced by non-Buddhist ritual constructions related to the "dynastic" cult in Khalchayan (Pugachenkova 1966, 1971), by a wall painting representing Siva in Dilberjin (Kruglikova 1974:44-48), by clay figurines of the "Bactrian goddess" (Pugachenkova, Rtveladze, Belyaeva et al. 1978:75-90), as well by as other terracottas (Meshkeris 1991:57-65), by certain inscriptions, including the Brahmi inscriptions from Kara-Tepe with the word "Mahesvara", one of Siva's names (Grek 1972:117), and finally by written sources (Stavisky 1977:173-209).

Thanks to the inscriptions discovered mostly during the last three decades, more information has been gained concerning the types of script used in Bactria-Tokharistan in the Kushanian times. At the early Kushanian stage, a Greek script inherited from the Greco-Bactrian state existed which, like the Greek language, was used by the Kushanian administration and probably by the Hellenistic (or Hellenized) officials in the Kushanian service. This is evidenced by early Kushanian coins and by recently discovered inscriptions both from the southern (left-bank) and the northern (right-bank) Bactria (Kampyr-Tepe and Yavan). A 1st - 2nd century AD inscription on a rock in Kara-Kamar, southwestern Uzbekistan, is quite unique. It was left by a certain Rhinos, evidently a Roman subject who had come from Parthia, like the Roman warrior named Gaius Rex of the XV Pannonian Legion who had marked his visit to the ritual caves of Kara-Kamar, possibly a Mitraist sanctuary, by making an inscription in Latin (Rtveladze 1990; Ustinova 1990:145-147).

According to Livshits (1979:95), another script occasionally used by the Kushanians was the Bactro-Aramean script. Aramean, inherited from the Achaemenian official tradition, was used to transcribe Bactrian (Eastern Iranian) speech. Livshits believes that one of the Greco-Bactrian documents from Ay-Khanum and two Kushanian inscriptions from Jiga-Tepe, the Balkh oasis, and Fayaz-Tepe, Termez, were written in Bactro-Aramean. The idea, however, is questioned by Fussman (1988:46).

After the Kushanian empire had attained its heyday (marked by the famous Kanishka's accession to the throne), the Kushanian script, also called Bactrian, or Bactro-Greek, using Livshits's term, became the principal script of Bactria-Tokharistan, both left-bank and right-bank. Apart from coins, it was used in inscriptions carved on stone, probably official ones, reporting on constructive

works, like the well-known inscriptions in Surkh-Kotal (Steblin-Kamensky 1981:326-328,333,334) and Dilberjin on the left bank (Livshits, Kruglikova 1979:98-112) or the Ayrtaam inscription on the right bank (Turgunov, Livshits, Rtveladze 1981). The same script was used in Kampyr-Tepe, 30 km west of Termez, where remains of a text (or several texts) written in Indian ink on birch bark, papyrus, or palm leaves were found (Rtveladze 1984:88,91,104-106) as well as inscriptions on potsherds written in Indian ink or scratched on clay before firing (Pugachenkova, Rtveladze 1990:97-99).

The "Kushanian" script, along with Indian ones (see below) was used in proclamative and donative inscriptions and in texts containing owners' names. All these were found during the excavations of the Buddhist sites of Kara-Tepe, formerly Kushanian Tarmita (Termez), and Fayaz-Tepe (Stavisky 1977a:217,218). Examples of this script are also present on clay vessels for storing grain which were found in Dushanbe (Livshits 1969:60, note 64), as well as on vessels from Tepai-Shakh, southwestern Tajikistan (Litvinsky, Sedov 1983:149), Khalchayan (Pugachenkova 1966:59,60, fig.35, left), Dalverzin-Tepe, Yalangush-Tepe in Bandykhan oasis, Zar-Tepe west of Termez, Mirzakul-Tepe in the fringes of modern Termez (Pugachenkova, Rtveladze 1990:97,98), Zang-Tepe near Termez, and Kafyr-Kala in the Vakhsh valley (the latter ones are possibly early medieval, see Livshits 1969:73-75, 1976:163, notes 4,5). Italic Bactrian graffiti scratched on the walls of the already abandoned Buddhist caves in Kara-Tepe were apparently made in the late Kushanian or post-Kushanian period (see Stavisky 1977a:218, where references to works by Livshits and Harmatta are given).

In Kara-Tepe, Fayaz-Tepe, and in the basement of one more Buddhist construction situated in Old Termez, on the territory now occupied by a dump, many inscriptions made in Indian scripts, Prakrit (Kharosthi) and Sanskrit (Brahmi) were found (Vorobyova-Desyatovskaya 1983:22-49,51-63,89). An especially important discovery was made in Dalverzin-Tepe: a hoard containing ten golden bars with punched inscriptions in Kharosthi stating their weight, owner, and place from where they were received (Vorobyova-Desyatovskaya 1976, 1983:87,88).

Another script, discovered by Fussman in Afghanistan, one which he described as an unknown script of Aramean origin, was also found by him on a Kushanian potsherd from Khalchayan (Fussman 1974, 1988:49,50). The following inscriptions are referred to by Livshits (1976:165,166) and Vertogradova (1982a:160-167) as examples of an unknown script: (a) on a silver bowl from Issyk burial mound, southern Kazakhstan, most likely 3d or 2nd century BC; (b) on an ostrakon from Tekkuz-Tepa, the Vakhsh valley, southern Tajikistan, possibly

Kushanian; (c) on three fragments of a Kushanian vessel from Kara-Tepe; (d) on a fragment of a definitely Kushanian vessel from Khatyn-Rabat. While the Kara-Tepe inscription is evidently monolingual, that from Khatyn-Rabat was bilingual since several Kharosthi letters are present on the inner surface of the fragment (Pugachenkova 1968:32,33) and several signs made in an allegedly unknown script on the outer side (first published by Vertogradova).

Rtveladze believes that two more examples of this script are known from southern Uzbekistan: (a) an inscription scratched before baking on the mouth of a khum found in Kosh-Tepe; and (b) an inscription carved on a fragment of a limestone artifact from Barat-Tepe (Rtveladze, Livshits 1985:34). According to Vertogradova, two periods can be traced in the development of this script: the early one (3d and 2nd centuries BC) and the late one (first centuries AD). She also believes that the script was used for recording texts in various languages or dialects, including the Saka or the Yuechi (according to Livshits and Rtveladze). The last one to be mentioned is the "Middle Persian" script, used in some parts of Bactria-Tokharistan during, or immediately after, the Sasanian conquest, that is, in the Kushano-Sasanian period. It is represented by the Kara-Tepe graffiti (Lukonin 1969:40-45; Stavisky 1975:8, fig.10) and by the Dalverzin potsherds (Livshits, Nikitin 1990:66-72).

Seven or eight scripts, then, are known to have been used in Bactria-Tokharistan in the Kushanian

times: Greek, Latin, "Kushanian" (or "Bactrian"), Kharosthi, Brahmi, so-called "unknown script of Aramean origin", Middle Persian, and possibly "Bactro-Aramean". The Greek script and the Greek language were widely distributed in Bactria-Tokharistan before Kanishka's accession, in the early years of his rule, and maybe even later. The "Kushanian" script that had been used for recording local Eastern Iranian speech since Kanishka's times was doubtless autochthonous. Latin, Kharosthi, Brahmi, and Middle Persian were introduced from outside.

In Kanishka's times, the level of literacy among the Buddhists of Termez was high, since more than 150 potsherds with Indian inscriptions were found there, including bilingual ones, Pracrito-Bactrian and Sanscrito-Bactrian (likely attesting to the existence of translators' schools in Termez). After the Sasanian conquest, the proportion of literate persons must have remained the same. Some people who visited the abandoned Buddhist constructions at that time made graffiti on their walls (over twenty have been discovered). Most of them, written in Bactrian italics, were probably left by residents of Tarmita or other Tokharistanian localities, although some Indian and Middle Persian inscriptions are present as well. The former ones might have been made by Indian worshippers or tradesmen, the latter ones by Sasanian officials and possibly warriors.

Overall, studies done over the three recent decades have greatly enhanced our knowledge of Kushanian history.

ОБ ОДНОМ ТИПЕ БРОНЗОВЫХ ЗЕРКАЛ ("бактрийские"? "сарматские"?)

Н.Г.ГОРБУНОВА*

Типологическая классификация бронзовых зеркал, найденных преимущественно в женских погребениях сарматских и среднеазиатских могильников конца I тысячелетия до н.э. IV/V вв. н.э., а также проблема происхождения этой категории предметов анализируется во многих публикациях (Горбунова 1990; Литвинский 1976:73-105; Мошкова 1963:42,43, табл.27-28, 1989:187, 1989а:200; Скрипкин 1990:142-156; Смирнов 1989:167,174; Хазанов 1963; Горбунова 1986:95-97). Наиболее дискуссионным является вопрос о происхождении различных типов зеркал. По традиции исследователи считали, что появление в эпоху железа зеркал в Средней Азии связано с влиянием сарматской культуры. Именно поэтому большинство среднеазиатских зеркал, относящихся к концу I тысячелетия до н.э. — первым векам н.э., считается сарматскими. На основании этих находок археологи датируют могильники Средней Азии, хотя такая методика не всегда оправдана. Но одна группа зеркал, обнаруженных, как правило, при раскопках сарматских могильников и синхронных им среднеазиатских некрополей, имеет, по мнению исследователей, восточное происхождение. Речь идет о зеркалах, которые А.М.Хазанов относит к типу VIII, а Б.А.Литвинский — к третьему варианту типа I.

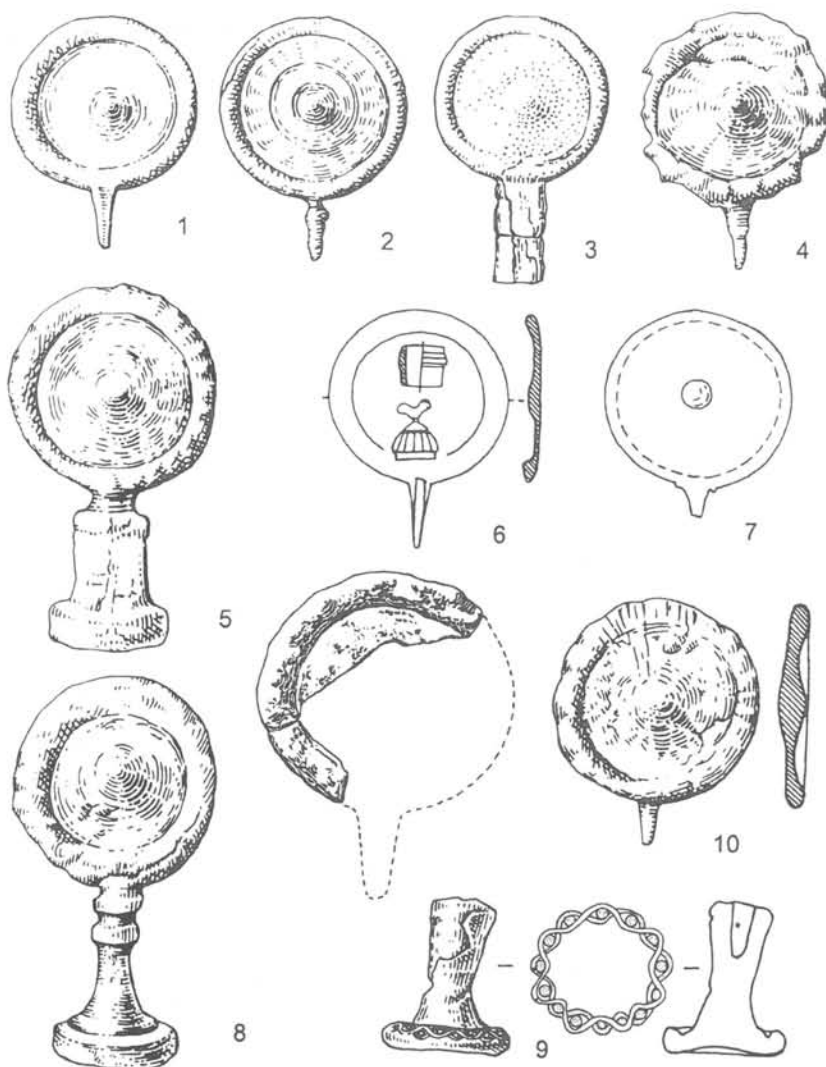
Эти дисковидные зеркала диаметром 10-16 см имеют утолщенный, иногда фасетированный, валик по краю диска, коническую выпуклость в центре обратной стороны изделия и короткий боковой стержень, на который насаживали костяную или деревянную ручку (рис. 1:5,9). Ещё М.Н.Ростовцев предполагал, что упомянутая выше коническая выпуклость является подражанием полусферическим ручкам китайских зеркал (Ростовцев 1918:73). А.М.Хазанов также считал, что рассматриваемый тип зеркал, возможно, происходит с Востока (Хазанов 1963:65). Наиболее подробно этот вопрос исследовал Б.А.Литвинский, который учел все известные к середине 70-х гг. находки подобных зеркал в Средней Азии, Индии, Иране и Афганистане. Им было высказано предположе-

ние о среднеазиатском происхождении дисковидных зеркал с валиком, которые он назвал "бактрийскими". Этот термин приняли и другие исследователи. Первоначально Б.А.Литвинский считал, что эти зеркала появились в III в. до н.э. (Литвинский 1978:85). Но в дальнейшем он датировал их I в. до н.э.—III (IV?) вв. н.э. (Литвинский, Седов 1984:56). С гипотезой о среднеазиатском происхождении зеркал этого типа согласен также А.С.Скрипкин (Скрипкин 1990:152,153).

Однако есть и другая точка зрения. А.М.Мандельштам полагал, что все бронзовые зеркала эпохи железа, в основном принадлежат кочевникам, и считал, что зеркала, найденные в раскопанных им бактрийских могильниках, являются "импортными" (Мандельштам 1975:141). Следует, однако, отметить, что в Средней Азии к середине 70-х гг. находки зеркал были ещё редки. М.Г.Мошкова утверждает, что "... ни в одной культуре кочевых племен, тем более оседлых, зеркала не были столь популярны, как у сарматов ..." (Мошкова 1989:188). Она предполагает, что именно у них появился и дисковидный тип зеркал, который затем могли усовершенствовать в производственных центрах Средней Азии, откуда эти изделия вывозились в более южные и восточные области (Мошкова 1989:188). Но среди раннесарматских зеркал единичны зеркала с выпуклостью в центре, анализируя которые обычно обращаются к поиску аналогий на Восток (Смирнов 1989:174). М.Г.Мошкова и сама полностью не отвергает восточное происхождение этих изделий.

Вопрос о происхождении дисковидных зеркал с валиком недавно исследовал Ю.А.Заднепровский (Заднепровский 1993). Рассмотрев зеркала из Индии и Пакистана (рис. 1:1), он пришел к выводу о том, что они появились в Индии в результате похода кочевников на Бактрию во II в. до н.э., поскольку были найдены в сако-парфянском слое Сиркапа (часть Таксилы — древнего города на территории нынешнего Пакистана). Этот слой датируется I в.

* Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.

Рис. 1 Зеркала с валиком, конической выпуклостью в центре и боковой ручкой. 1 - Таксила (по Ю. А. Заднепровскому); 2 - Тулхарский могильник, курган XVI (по А. М. Мандельштаму); 3 - Лявандакский могильник, курган 6; 4 - Лявандакский могильник, курган 8 (по О. В. Обельченко); 5 - Тилля-тепе, погребение 5 (по Y. J. Sarianidi, 1985); 6 - могильник Кулкудук, курган 3 (по Ю. П. Манылову); 7 - Джунский могильник, курган 7 (по Т. Г. Оболдуевой); 8 - Тилля-тепе, погребение 6 (по Y. J. Sarianidi, 1985); 9 - Калиновский могильник, курган 19, погребение 13; 10 - Калиновский могильник, курган 55, погребение 8 (по В. П. Шилову).

Fig. 1 Mirrors with rolls, conical knobs in the centre, and side handles. 1 - Taxila (after Zadneprovsky, 1993); 2 - Tulkhar burial ground, mound XVI (after Mandelstam, 1966); 3 - Lyavandak burial ground, mound 6; 4 - Lyavandak burial ground, mound 8 (after Obel'chenko, 1962); 5 and 8 - Tilla-tepe, burials 5 and 6 (after Sarianidi, 1985); 6 - Kulkuduk burial ground, mound 3 (after Manylov, 1989); 7 - Jun burial ground, mound 7 (after Obolduyeva, 1988); 9 - Kalinovskiy burial ground, mound 19/13; 10 - Kalinovskiy burial ground, mound 55/8 (after Shilov, 1959).

до н.э. I в. н.э. Отвергая термин "бактрийский тип", который археологи используют для обозначения рассматриваемых изделий, Ю.А.Заднепровский предлагает называть их "юечжийско-кушанскими". Указывая на высокий уровень ремесла в Кушанском государстве, Ю.А.Заднепровский предполагает, что ремесленные центры Кушанской Индии, Афганистана и южных областей Средней Азии являлись главными поставщиками модных в то время металлических, ювелирных и иных изделий, в том числе и зеркал, для среднеазиатских и сарматских кочевников. Таким образом, Ю.А.Зад-

непровский считает, что зеркала с выпуклостью в центре, которые, с его точки зрения, нельзя считать "бактрийскими", принесены в Среднюю Азию кочевниками. Одновременно он полагает, что кочевники получали эти зеркала из ремесленных центров кушанского государства. Эта гипотеза Ю.А.Заднепровского и побудила меня вновь обратиться к проблеме происхождения зеркал с валиком и выпуклостью в центре. В таблице 1 приведены сведения обо всех известных к настоящему времени находках зеркал "бактрийского" типа не только в Бактрии, но и в других областях Средней Азии,

а также в Северном Афганистане, который некогда являлся частью Бактрии. На карте (рис. 2) показаны места находок этих зеркал (номера на карте соответствуют номерам находок в таблице; если точное количество обнаруженных зеркал неизвестно, возле соответствующего номера на карте и в тексте статьи стоит знак "+"). Так как речь идет лишь об одном типе зеркал, то в описании приводятся, в основном, их особенности. Сведения о зеркалах Индостана и Ирана даны в тексте.

Суммируя данные, приведенные в таблице 1, отметим, что исследователи датируют дисковидные зеркала, найденные в Средней Азии и Афганистане, концом II в. до н.э.—IV/V вв. н.э. Внутри этого временного интервала условно можно выделить три группы зеркал: раннюю, среднюю и позднюю. Ранняя группа (Тиллятепе — три экземпляра, Тулхарский могильник — два, могильники БМV и БМVI — по одному, могильник Ксиров — более одного (+), могильник Лявандак — два, могильник Кую-Мазар — более одного (+), городище Кой-Крылган-кала — один, могильник Джужкудук 2 — один, Кулкудук — три, Куруксай — один, Бургулюк — один) относится к концу II в. до н.э.—I/II вв. н.э. Эта группа насчитывает более 18 находок. Средняя группа (Туп-хона, грунтовый могильник — два экземпляра, Душанбинский некрополь, склеп — один, могильник Алтынасар 4 — более одного (+), могильник БМIV, курган 26 и могильник у Ворухского ущелья, курган 15 — по одному) датируется I в. до н.э.—III в. н.э., то есть, примерно также как и ранняя. Средняя группа насчитывает более шести находок. Поздняя группа (некрополь Миздакхан, склеп — один экземпляр, Джунский могильник — один, поселение Ак-тепе II — три) датируется — III—V вв. н.э. Она насчитывает пять находок.

Из 18 зеркал ранней группы более восьми найдено в Бактрии, более трех — в Согде, четыре — в центральных Кызыл-Кумах, два — в фергано-ташкентском районе, одно — в Хорезме. Все зеркала, кроме хорезмийского, обнаружены в погребениях. Четыре зеркала средней группы происходят из Бактрии, одно из западной Ферганы и более одного — из района Нижней Сырдарьи, причем три зеркала, найденные в Бактрии, обнаружены не в кочевнических погребениях. Три зеркала, относящиеся к поздней группе, происходят из Бактрии. Они находились в могилах, вырытых в культурном слое поселения. Два других зеркала этой группы найдены в Хорезме (склеп) и Ташкентском районе. Общее количество находок зеркал составляет более 29 экземпляров, причем более 15 из них происходят из Бактрии.

Обратимся вновь к находкам дисковидных

Рис. 2 Карта распространения зеркал рассматриваемого типа в Средней Азии и Северном Афганистане. Условные обозначения: 1 - зеркала; 2 - номер по таблице; 3 - количество найденных зеркал неизвестно.

Fig. 2 Map showing the distribution of mirrors of this type in central Asia and northern Afghanistan. 1 - mirrors; 2 - number according to table 1; 3 - number of mirrors unknown.

зеркал в Таксиле (Пакистан). Дж.Маршалл считал, что эти зеркала копируют западные (греческие) образцы, хотя и указывал на отличия первых от вторых. Писал он и о том, что гладкая обратная сторона зеркал из Таксилы часто имеет коническую выпуклость в центре и валик, иногда фестончатый по краю. По его мнению, эти зеркала сделаны из меди. Их поверхность была обработана каким-то составом, возможно, ртутью, что придавало зеркалам серебристый блеск (скорее всего речь идет об амальгаме). Зеркала из Тилля-тепе тоже имеют "серебро низкого качества", видимо, при их изготовлении также использовали амальгаму. Ручки из слоновой кости тиллятепинских зеркал, возможно, указывают на их индийское

происхождение. В книге Дж. Маршалла имеется описание только 9 зеркал (Marshall 1951 II:584,585), в перечне же находок их насчитывается 28 (Marshall 1951 I: 170, 180, 183, 185, 188, 190, 215), причем 19 зеркал происходят из клада. Кроме зеркал описаны десять ручек разных типов из обычной и слоновой кости: с фигурами женщин, женщин и мужчин, гравировкой и так далее (Marshall 1951 II:658). Одна из ручек найдена в раннем слое, относящемся к сакскому времени, то есть до I в. до н.э. (Marshall 1951 I:183). В публикации Дж. Маршалла имеются изображения трех зеркал. Одно из них имело стержень, на который некогда была насажена костяная ручка, найденная отдельно от зеркала. Однако, судя по описанию, у этого зеркала были выпуклость и валик (Marshall 1951 II: 584,585, pl.182: no.208). Другое аналогичное зеркало имело костяную ручку. Из описания следует, что у него также были выпуклость и валик (Marshall 1951 II: 585, pl.182: no.211b). Третье зеркало характеризуется четко выраженной выпуклостью и валиком (Marshall 1951 II: 585, pl.182: no.209). Между описаниями зеркал и их изображениями имеются расхождения. В соответствии с описанием, практически все зеркала из Таксилы относятся к "бактрийскому" типу.

Есть противоречие и в заключении Маршалла о том, что все зеркала изготовлены из меди. На стр. 567 он приводит результаты анализа предметов, не имеющих примеси свинца. Среди них упоминаются два зеркала (их тип не установлен), сделанные из сплава, содержащего от 22% до 24% олова. Такой сплав называется высокооловянистой бронзой. Поверхность упомянутых зеркал могла быть белого цвета. Ниже воспроизводится таблица из монографии Дж. Маршалла.

Таким образом, в издании материалов из Таксилы в разделах о зеркалах имеются некоторые несоответствия.

В целом, можно полагать, что все 28 зеркал из Таксилы относятся к "бактрийскому" типу. Ю.А. Заднепровский приводит сведения ещё о пяти зеркалах такого же типа, найденных в других районах Индии. Три из них датируются II в. н.э. С большой долей вероятности можно утверждать, что в Индии обнаружено 33 экземпляра зеркал "бактрийского" типа. На одном из них, происходящем из Брахмапутры, Ю.А. Заднепровский отмечает наличие кольцевых гравированных линий вокруг выпуклости (Заднепровский 1993:89, рис. 1:5). находку из Брахмапутры можно сравнивать с двумя зеркалами, одно из которых найдено в позднем Тулхарском могильнике (рис. 1:2), а другое — в могильнике Хасани Махалля, погребение 4 (Иран, Дайламан) (Sono, Fukai 1968:17, pl. LXIII: 6).

Известна ещё одна находка такого зеркала (без гравировки) в Афганистане (Кундуз) (Литвинский 1978:83).

Таким образом, в Бактрии и Индии, обнаружено около 50 экземпляров зеркал, относящихся к ранней хронологической группе. В других районах Средней Азии найдено еще более 10 экземпляров зеркал ранней хронологической группы, а также — зеркала средней и поздней хронологических групп.

Между тем, в Нижнем Поволжье — основной территории сарматской культуры — найдено только 20 дисковидных зеркал. Они датируются, начиная с I в. н.э. (Скрипкин 1990:152). К востоку от Нижнего Поволжья их практически нет. Эти зеркала зафиксированы только в гороховской культуре лесостепного Зауралья (Могильников 1992:290, табл. 119:9) и в саргатской культуре лесного Зауралья и Западной Сибири (Могильников 1992а:304, табл. 126:25,34). Зеркала гороховской культуры датируют II—I вв. до н.э. Два зеркала саргатской культуры относят ко II в. до н.э.—II в. н.э. Зеркала рассматриваемого типа попали в Зауралье и Западную Сибирь в результате торговли местного населения с сарматами, которые жили юго-западнее (Могильников 1992а:304). Однако это не объясняет разницу в датах зеркал. Подобные зеркала найдены также в Краснодарском крае и в Молдавии. Особый интерес представляет зеркало из Соколовой могилы (I в. н.э.), с серебряной ручкой в виде фигуры мужчины с лицом восточного типа, сидящего со скрещенными ногами и держащего в руках ритон (Ковпаненко 1986:66-68, рис. 70-73). На это зеркало обратила внимание и М.Г. Мошкова (Мошкова 1989:188). Все эти зеркала обычно считают сарматскими.

При общем сходстве зеркал данного типа они различаются деталями: шириной и высотой валика, гладким или фестончатым его краем, размером и формой конической выпуклости, наличием или отсутствием гравировки. Рассматривая иллюстрации зеркал "бактрийского" типа, можно лишь наметить эти различия. Сарматские же зеркала различаются даже визуально: зеркало из Калиновского могильника (рис. 1:10; курган 55, погребение 8; хранится в Государственном Эрмитаже — инв. № 2806/61) имеет широкую расплывчатую выпуклость и толстый валик (Шилов 1959:465, рис. 52:2). Зеркало из Большого кургана, находившегося у города Армавира (ГЭ инв. № 2242/46) имеет острую, коническую выпуклость и утолщенный валик; зеркало из кургана I у города Армавира (ГЭ инв. № 2240/1) — плоский валик и уплощенную едва заметную выпуклость; зеркало из Троян (ГЭ инв. № 1095/3, случайная находка) — плоский бортик и уплощенную выпуклость.

Спектральный анализ зеркал позднего Тулхарского и Бабашовского могильников (Бактрия) показал, что два зеркала из позднего Тулхарского могильника сделаны из оловянистой бронзы (бронза "А"), а одно — из меди (бронза "В") с примесью олова (1-5%) и свинца (3-10%). Зеркало из Бабашовского могильника сделано из оловянистой бронзы "А" (Богданова-Березовская 1966:226-230, 1975:193-202). Из всех этих зеркал только одно (поздний Тулхарский могильник, группа XVI, курган I) является "бактрийским". Но именно оно и относится к группе бронзы "В".

Анализ металлических изделий из поселения Ак-тепе II показал, что все они, включая зеркала, сделаны из высокооловянистой бронзы (Равич, Шемаханская 1967:144-146). Авторы считают, что в кушанское время высокооловянистая бронза, ранее широко распространенная, полностью вышла из употребления. Как отмечают И.Г.Равич и М.С.Шемаханская, для получения высокооловянистой бронзы, могли использовать комплексную руду, из которой получали сплав меди с оловом. В Средней Азии месторождение такой руды есть в Фанских горах (Равич, Шемаханская 1987:146).

Имеются и анализы сарматских зеркал. М.Г.Мошкова и Н.В.Рындина установили, что два из них сделаны из высокооловянистой бронзы (Калиновский могильник, курган 55, погребение 8 — I век до н.э. — I в. н.э. и Мечетсайский могильник, курган 6, погребение 2 — IV—III вв. до н.э.) (Мошкова, Рындина 1973:123, 125). Анализируя сарматские металлические изделия, найденные на Нижнем Дону, Т.В.Барцева установила, что из 62 исследованных образцов, 28 отлиты из оловянистых бронз, в которых содержится до 20% олова. Изделия из этих бронз в основном представлены зеркалами разных типов. Т.В.Барцева полагает, что они сделаны из руды еленовско-ушкатынского производственного центра, который обеспечивал продукцией обширную территорию от Южного Приуралья до междуречья Волги и Дона (Барцева 1993:96).

М.Б.Днепровская и А.В.Сизов провели в Лаборатории научно-технической экспертизы памятников Эрмитажа анализ металла четырех зеркал из Бабашовского могильника и четыре упомянутых выше сарматских зеркал. Зеркала Бабашовского могильника, типологически иные, чем рассматриваемые в этой статье, датируются I—III вв. н.э. Результаты анализа бабашовских зеркал почти совпали с данными И.В.Богдановой-Березовской. Выводы М.Б.Днепровской даны в приложении к моей статье, однако, незначительное количество анализов не позволяет сделать какие-либо определенные выводы.

Почти все зеркала, рассмотренные в настоящей статье, в том числе и те, которые подверглись спектральному анализу, изготовлены довольно грубо. Их лицевые поверхности не всегда ровные и гладкие. Порой они бугристые. О массивности зеркал из Ак-тепе II и их грубой обработке пишут также И.Г.Равич и М.С.Шемаханская. Поверхность зеркал не полировалась (Равич, Шемаханская 1987:146). Не исключено, что зеркала, найденные в погребениях, не использовались в быту, а изготавливались специально для умерших. И.Г.Равич и М.С.Шемаханская пришли к такому же выводу. О ритуальном назначении зеркал, часть которых найдена в обломках, было известно и ранее. Подробнее этот вопрос рассмотрен Б.А.Литвинским (Литвинский 1978:106-111). Он отметил распространение в Средней Азии терракотовых женских фигурок с зеркалом в руках. Тип зеркала неясен, но оно имело ручку. Эти терракоты, найденные на поселениях, являются характерным элементом земледельческих культурных комплексов.

На основании всех изложенных данных можно заключить, что рассматриваемый тип зеркал имеет восточное (среднеазиатское, "бактрийское") происхождение. Этими зеркалами пользовались не только кочевники, но и земледельцы. Появление "бактрийских" зеркал у сарматов является результатом влияния культуры оседлого населения Средней Азии на кочевников, а не наоборот.

В степях "бактрийские" зеркала вошли в моду в среднесарматское время, а в конце его сменяются зеркалами-подвесками (Мошкова 1989а:200), тогда как в Средней Азии эти зеркала продолжали бытовать значительно дольше, а зеркала-подвески так и не получили распространения.

В Средней Азии бронзовые зеркала найдены также на памятниках джетыясарской культуры (Левина, Равич 1995), которая была распространена в низовьях Сырдарьи. Памятники этой культуры находились в зоне контактов сарматского и среднеазиатского миров. Время ее существования охватывает период от последних веков до н.э. до второй половины I тысячелетия н.э.

Дисковидные зеркала с валиком объединены в публикации Л.М.Левиной и И.Г.Равич в четвертый тип, именуемый ими "бактрийским". Авторы выделяют среди обнаруженных ими восемь находок ранние (последние века до н.э.) и поздние (II/III и IV/V вв. н.э.) зеркала. Однако, иллюстративный материал подтверждает эти выводы лишь частично. С моей точки зрения, "бактрийским" является только зеркало из могильника Алтынасар 4, курган 239 (Левина 1994:79, рис.182:8). Типологическая принад-

лежность зеркала, найденного в кургане 334 (погребение 2) этого же могильника, не установлена, так как у изделия не сохранилась его центральная часть (Левина 1994:301, рис.183:5). Зеркало из могильника Косасар 2, курган 71 близко "бактрийскому" типу, но не имеет стержня (Левина 1993:150, рис. 53:11). В работе же Л.М.Левиной и И.Г.Равич то же самое зеркало опубликовано как найденное в могильнике Алтынасар 4, курган 334, погребение 2 (Левина, Равич 1995:176, рис. 15:4). Ещё два зеркала (городища Томпак-асар и Бедаик-асар) отнесены к "бактрийскому" типу по металлографическим данным (Левина, Равич 1995:159, табл. 5: 24,25). Поэтому, с точки зрения учета количества "бактрийских" зеркал, в выделенную мною среднюю хронологическую группу, следует включить не шесть, а восемь зеркал.

Досадно, что в интересной статье Л.М.Левиной и И.Г.Равич имеются ещё некоторые неточности. Так, в таблице 4 зеркало (№ 10) из хорезмийского могильника Туз-гыр (курган 19) числится как "бактрийское" (Левина, Равич 1995:156), но, видимо оно относится к иному типу. Зеркала, включенные в таблицу 4: 11,13,14,19 (Фергана, могильник у Ворухского ущелья, курган 15; могильник Лявандак и поселение Ак-тепе II) (Левина, Равич 1995:155,156), являются зеркалами "бактрийского" типа. Но авторами это не отмечено. В таблице 5 (Левина, Равич 1995:157), на мой взгляд, не относятся к "бактрийским" зеркалам следующие экземпляры: № 1 (городище Баланды), № 3 (городище Кой-Крылган-кала, № 53/115), № 6 (Туз-гыр, курган 19).

Значительная часть работы Л.М.Левиной и И.Г.Равич посвящена технологическим особенностям изготовления джетысарских зеркал всех типов и сравнению их с зеркалами, найденными в других районах Средней Азии и за её пределами. Эта публикация является наиболее полной сводкой среднеазиатских и сарматских зеркал. По мнению авторов, в Средней Азии часть бронзовых изделий, в том числе и зеркала, изготавливались методом горячейковки из высокооловянистых бронз. Мастера использовали три типа сплавов: "чистые", "грязные" и "промежуточные", в зависимости от состава и количественной характеристики примесей (Левина, Равич 1995:140-142). В целом, химические составы бронз, из которых изготавливались среднеазиатские и сарматские зеркала, — сходны. Из "чистых" сплавов сделаны преимущественно зеркала со стержнем, реже — иных типов. Изготовленные из "грязных" сплавов зеркала с валиком по краю, произведены, скорее всего, в одном центре. Значительная часть джетысарских зеркал сделана из "чистых" бронз, так же, как зеркала и посуда, про-

исходящие из поселения Ак-тепе II. Зеркала "бактрийского" типа отнесены в группе "грязных" бронз. Не совсем ясно, почему Л.М.Левина и И.Г.Равич включили в группу "чистых" бронз зеркала из Бабашовского могильника. Спектральный анализ этих зеркал, выполненный И.В.Богдановой-Березовской (Богданова-Березовская 1966:226-230), а также аналогичный анализ, сделанный в Эрмитаже (смотри приложение), не подтверждают это. Вызывает удивление, что Л.М.Левина и И.Г.Равич не учли результаты спектрального анализа зеркал позднего Тулхарского могильника. Имеется расхождение и в оценке процентного содержания олова в бронзе, из которой были сделаны зеркала, найденные в Калиновском могильнике (кургана 55, погребение 8). Данные, приведенные в таблице 4:4 статьи Л.М.Левиной и И.Г.Равич (20%), не соответствуют данным (14,9%), полученным при анализе того же зеркала, в Эрмитаже (смотри приложение). По-видимому, высокая коррозированность зеркал мешает точности анализов, которая зависит от места взятия пробы металла. Л.М.Левина и И.Г.Равич предполагают, что на джетысарских поселениях могло быть налажено собственное производство, причём джетысарские кузнецы ориентировались на достижения мастеров Юго-Восточной Азии, где впервые была освоена горячаяковка бронз с высоким содержанием олова. Отсюда эта технология распространилась в Китай, Индию, Иран и Среднюю Азию. Предполагается, что упомянутая технология, используемая, прежде всего, при работе с "чистыми" сплавами, была впервые освоена в районах, близких к территориям, занимаемым джетысарской культурой.

В то же время, "грязные" бронзы известны в Северной Индии с III/II вв. до н.э. Из них делали посуду способом горячейковки. Именно отсюда заготовки или готовые изделия из "грязных" бронз попадали в Среднюю Азию. Судя по имеющимся предварительным данным, "чистые" бронзы не характерны для Индии и Юго-Восточной Азии. Нет определенной точки зрения и о том, откуда мастера получали "чистую" медь. Не исключено, что она поступала из месторождений Урала и Казахстана. В месторождении Мушистан в Фанских горах (Средняя Азия) имеется меднооловянная станиновая руда, из которой тоже, видимо, можно было получить оловянистую бронзу.

По моему мнению, публикация Л.М.Левиной и И.Г.Равич подтверждает мой вывод о том, что "бактрийский" тип зеркал (а может быть, и не только "бактрийский") имеет среднеазиатское происхождение и появился у сарматов, вследствие их контактов с носителями джетысарской культуры.

Таблица 1. Находки зеркал в Средней Азии.
Table 1.

№№ пп	Описание зеркал	размеры зеркал				Место находки	Датировка	Публикация
		диаметр (в см)	Ширина ободка (в см)	Размер конической выпуклости (в см)	Длина бокового стержня (в см)			
Бактрия								
1	Дисквидное зеркало (рис. 1:8) изготовленное из низкокачественного (?) серебра, имеет гладкую лицевую поверхность. На оборотной стороне изделия находится широкий, слегка заостренный выступ, окруженный бортиком. Сделанная из слоновой кости ручка зеркала имеет форму столбика с плоским основанием. В верхней и средней частях ручки располагаются кольцевые линии.	14, 5	2		5	Некрополь Тилля-тепе (Северный Афганистан), погребение 6	I в. до н.э. I в. н.э.	Sarianidi 1985:258, № 6.30
2	Аналогичное зеркало (рис. 1:5) с обычной костяной ручкой.	15	3		10	Некрополь Тилля-тепе (Северный Афганистан), погребение 5	I в. до н.э. I в. н.э.	Sarianidi 1985:253, № 5.12.III.143
3	Аналогичное зеркало с массивной полусферической выпуклостью и следами гвоздей, закреплявших массивную ручку из слоновой кости, насаженную на широкий стержень.	12, 3	1, 2		4, 5	Некрополь Тилля-тепе (Северный Афганистан), погребение 3	I в. до н.э. I в. н.э.	Sarianidi 1985:245, № 3.71.III.144
4	Бронзовое дисквидное зеркало (рис. 1:2) с кольцевой гравированной линией вокруг конической выпуклости. Под зеркалом и около него обнаружены остатки древесного тлена, вероятно от футляра.	13	1, 5	3 x 1, 2	4	Тулхарский могильник, группа XVI, курган 1.	Последняя треть II в. до н.э. I в. н.э.	Мандельштам 1966: 115, табл. LI:4. На рисунке изображены также остатки ручки или железной пластинки
5	Аналогичное зеркало без кольцевых линий вокруг конической выпуклости. Согласно описанию А.М.Мандельштама, обломанный еще в древности стержень заменен припаянной к лицевой стороне зеркала узкой железной пластинкой. Однако на рисунке в публикации А.М.Мандельштама (Мандельштам 1966:115) зеркало изображено без этой пластины. Судя по древесному тлену, обнаруженному возле зеркала, оно находилось в футляре.	11	1, 5	1, 2 x 1		Тулхарский могильник, группа IV, курган 1.	Последняя треть II в. до н.э. I в. н.э.	Мандельштам 1966:115, табл. LI:3
6	Аналогичное зеркало с уплощенной выпуклостью.	10	2, 5	1 x 1	5	Бешкентская долина, могильник БМV, курган 46.	Последняя треть II в. до н.э. I в. н.э.	Не опубликовано.

№№ пп	Описание зеркала	размеры зеркала				Место находки	Датировка	Публикация
		диаметр (в см)	Ширина ободка (в см)	Размер конической выпуклости (в см)	Длина бокового стержня (в см)			
7	Аналогичное зеркало с остатками деревянной ручки.	12, 6	2	1 x 1, 5	3	Бешкентская долина, могильник БМIV, курган 26.	III вв. н.э. (?)	Медведская 1983:121, рис. 1:2.
8	Аналогичное зеркало с бортиком, выпуклостью на обратной стороне и коротким стержнем с двумя отверстиями.	13, 5	1, 2	2, 5 x 0, 9	0, 7	Бешкентская долина, могильник БМVI, погребение II/4	Конец II в. до н.э. I в. н.э.	Седов, Керзум 1984:124, рис.2:6.
9а 9б 9в	Аналогичные зеркала с валиком-ободком по краю и конической выпуклостью в центре обратной стороны. Боковой металлический стержень сохранился лишь у одного зеркала. У двух других он обломан.	11, 5- 12, 5	1, 5-2 толщина около 1	4, 5-5, 5 x 1, 3-2	4-6	Поселение Ак-тепе II, погребение I в верхнем слое	IV-V вв. н.э.	Седов 1987:68, табл. IX:3.
10	Аналогичное зеркало с неровной лицевой поверхностью, слабовыраженным плоским валиком, небольшой выпуклостью на обратной стороне изделия и трапециевидным стержнем.	11	1, 2	3 x 0, 9	4, 2	Душанбинский некрополь, склеп.	I в. до н.э. III (IV?) в. н.э.	Литвинский, Седов 1984:56, табл. IX:1.
11	Аналогичное зеркало с неровной тыльной поверхностью, на которой находится сходящий на нет бортик. По его краю проходит слвоенная концентрическая линия. В центре стержня имеется отверстие.	11, 8	1, 8	1 x 0, 9	2	Могильник Туп-хона, погребение 190.	I в. до н.э. III (IV?) в. н.э.	Литвинский, Седов 1984:35, табл. III:8.
12	Аналогичное зеркало с небольшой выпуклостью и валиком, выделенным кольцевой врезной линией. Боковой стержень зеркала отломан, для нового сделаны два отверстия. Зеркало было разбито прежде, чем его положили в могилу.	10, 5	0, 8			Могильник Туп-хона, погребение "Д".	I в. до н.э. III (IV?) в. н.э.	Дьяконов 1950:170, табл.84:1
13	Аналогичное зеркало с утолщенным ободком по краю диска и конической выпуклостью в центре.					Могильник Ксиров курган 5. В погребениях могильника обнаружены и другие зеркала этого типа.	Последняя треть II в. до н.э. I в. н.э.	Денисов 1984:132
Согд								
14	Аналогичное зеркало (рис. 1:3) с маленькой конической выпуклостью. Костяная ручка состоит из двух частей цилиндрической формы. Снаружи на ручке имеется кольцевой валик, а внутри выемки с уступом для насадки на стержень, который дополнительно укреплен деревянными клиньями.	10, 5			5, 5	Могильник Лявандак, курган 6.	II в. до н.э. I в. н.э.	Обельченко 1962: 48-50, рис.16

№№ пп	Описание зеркала	размеры зеркала				Место находки	Датировка	Публикация
		диаметр (в см)	Ширина ободка (в см)	Размер конической выпуклости (в см)	Длина бокового стержня (в см)			
15	Аналогичное зеркало (рис. 1:4) с валиком по краю и конической выпуклостью в центре, которая несколько больше, чем выпуклость у зеркала № 14.	16				Могильник Лявандак, курган 8.	II в. до н.э. I в. н.э.	Обельченко 1962: 48-50, рис. 16.
16	Аналогичное зеркало с выпуклостью в центре.					Могильник Кую-Мазар, количество найденных здесь зеркал не установлено.	II в. до н.э. I в. н.э.	Обельченко 1976: 534.
Хорезм								
17	Фрагмент аналогичного зеркала с плоским валиком и конической выпуклостью в центре. Она окружена двумя концентрическими линиями, от которых расходятся лучи, образующие восьмиконечную звезду. Каждый луч имеет форму равнобедренного треугольника, обращенного основанием к центру зеркала. Другие фрагменты этого изделия, найденного в расколотом виде, не сохранились, поэтому не удалось установить был ли у него стержень.	11	1, 7-1, 8	0, 8		Городище Кой-Крылган-кала	Конец I в. до н.э. I/II века н.э.	Кой-Крылган кала... 1967: 147, рис. 59:2
18	Аналогичное массивное зеркало с небольшим стержнем конической формы. Лицевая сторона зеркала плоская и бугристая. Обратная имеет валик и небольшую коническую выпуклость в центре.	12, 1	4 x 1, 2	5 x 1, 2	3	Некрополь Миздакхан, склеп Б-а-I-I.	III в. н.э.	Ягодин, Ходжайов 1970: 120, рис. 51:1
Центральные Кызыл-Кумы								
19	Аналогичное зеркало с выпуклым валиком, конической выпуклостью в центре и стержнем.	10, 2	1, 51, 7	толщина выпуклости 1, 1	1, 5	Могильник Джузукдук, курган 1.	III-I вв. до н.э.	Манылов, Абдурахимов 1990:209, рис. 2:6
20	Аналогичное зеркало с валиком, утолщением в центре и стержнем, имеющим прямоугольное сечение. Стержень располагается у края неровного и несколько ассиметричного диска.	9-10	2, 5	0, 3	3	Могильник Кулкудук, курган 2.	III-I вв. до н.э.	Манылов 1989: 55, рис. 1:1
21	Аналогичное зеркало со слабовыпуклым валиком. Оно было завернуто в ткань и кошму.	11, 5	2, 5	1, 5	3, 3	Могильник Кулкудук, курган 6.	III-I вв. до н.э.	Манылов 1989:55, рис. 1:10

№№ пп	Описание зеркала	размеры зеркала				Место находки	Датировка	Публикация
		диаметр (в см)	Ширина ободка (в см)	Размер конической выпуклости (в см)	Длина бокового стержня (в см)			
22	Аналогичное зеркало (рис. 1:6) со стержнем, на котором крепилась деревянная ручка. На ней было надето костяное кольцо цилиндрической формы (диаметр 3 см), в верхней части которого находился выпуклый валик с прочерченными по нему двумя линиями. На конце ручки имелось полусферическое навершие с 12-ю гранями в его нижней части. Навершие увенчано изображением птицы (петуха?).	12, 4	1, 6 x 0, 6	1	4, 6	Могильник Кулкулдук, курган 3.	III-I вв. до н.э.	Маньолов 1989:55, рис. 1:6, 7, 8
Нижняя Сырдарья								
23	Несколько аналогичных зеркал со стержнем и утолщением в центре и по краю.	12, 5	3	2, 5 x 0, 5	0, 1	Могильник Алтынасар 4, погребение 239 (и другие ?)	?	Левина 1994:79, табл. 182:8
Чач								
24	Фрагмент аналогичного зеркала с выпуклостью в центре и низким рельефным ободком по краю.	10				Левый край оврага Бургулюк, погребение 28.		Древняя и средневековая культура Чача 1979:35
25	Аналогичное тонкое зеркало (рис. 1:7) с заглаженным валиком и маленькой выпуклостью в центре. Зеркало имеет плоский стержень с выступами у основания.	9	0, 5?	1, 5?	Сохранившаяся длина 6 см	Джунский могильник, курган 7.	II-III века	Оболдуева 1988:160, рис. 4:6
Западная Фергана								
26	Аналогичное зеркало с рельефным плоским бортиком и выступом в виде небольшой конической выпуклости.	10, 7	1, 1	2		Могильник Куруксай, курган 6.	I в. до н.э.	Литвинский 1978: 74, 90, табл. 15:10
27	Аналогичное зеркало, утолщение центральной части которого возрастает от бортика к центру, без ярко выраженной выпуклости. На бортике зеркала имеется поперечный вырез, переходящий в желобок, по краям которого сделаны два отверстия.	9	0, 81			Могильник у Ворухского ущелья, курган 15.	II-III вв. (?)	Литвинский 1978:74, табл. 15:8

Таблица 2.

пп №	Предмет	Век	Медь	Олово	Мышьяк	Сурьма	Железо	Никель	Цинк	Свинец	Сера	Общее кол-во	Примечание
12	Зеркало	I в. до н.э.	74,28	24,85	0,04	0,12	0,71	-	-	-	-	100,00	Следы серебра
13	Зеркало	I в. н.э.	74,61	22,00	0,11	1,23	0,71	0,47	-	-	-	100,10	Серебро 0,87%

- Барцева, Т. В.* 1963. Сарматский металл с территории Нижнего Дона (по материалам донской экспедиции 1975-1976 гг.) // Вестник шелкового пути. Археологические источники 1: 90-124. Москва: Российский фонд культуры. Центр "Шелковый путь".
- Богданова-Березовская, И. В.* 1966. Химический состав металлических предметов из Тулхарского могильника // Кочевники на пути в Индию. Материалы и исследования по археологии СССР 136: 223-230. Москва-Ленинград.
1975. Химический состав металлических предметов из Аруктауского, Коккумского и Бабашовского могильников // Памятники кочевников Кушанского времени в Северной Бактрии. Труды Таджикской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР VII: 193-202. Ленинград: Наука.
- Горбунова, Н. Г.* 1990. Бронзовые зеркала кугайско-карабулакской культуры Ферганы // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье: 45-50. Москва: Наука.
- Детсков, Е. П.* 1984. Раскопки могильника Ксиров в Дангаринском районе в 1978 году // Археологические работы в Таджикистане XVIII (1978): 131-133. Душанбе: Дониш.
- Древняя и средневековая культура Чача.* 1979. Ташкент: ФАН
- Дьяконов М. М.* 1950. Работы Кафирниганского отряда // Материалы и исследования по археологии СССР 15: 147-189. Москва—Ленинград.
- Заднепровский, Ю. А.* 1993. Находки кочевнических зеркал на территории Индостана и в Южном Вьетнаме // Петербургский археологический вестник: 88-93. Санкт-Петербург: ФАРН.
- Ковпаненко, Г. Т.* 1986. Сарматское погребение I в. н.э. на Южной Буге. Киев: Наукова думка.
- Кой-Крыгган-Кала.* 1967. Памятник культуры Древнего Хорезма. IV в. до н.э.—IV в. н.э. // Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции 5. Москва: Наука.
- Левина, Л. М.* 1993. Раскопки могильников в окрестностях городища Бедаик-асар, Кос-асар и Томпак-асар // Низовья Сырдарьи в древности III. Джетыясарская культура 2: 32-194. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН.
1994. Могильники Алтынасар 4 // Низовья Сырдарьи в древности IV. Джетыясарская культура 3-4. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН.
- Левина, Л. М., И. Г. Равич.* 1995. Бронзовые зеркала из джетыясарских памятников // Низовья Сырдарьи в древности V. Джетыясарская культура 5: 122-184. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН.
- Литвицкий, Б. А.* 1978. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы.
- Литвицкий, Б. А., А. В. Седов.* 1984. Культы и ритуалы Куянской Бактрии. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Мандельштам, А. М.* 1966. Кочевники на пути в Индию // Материалы и исследования по археологии СССР 136. Москва: Ленинград.
1975. Памятники кочевников Кушанского времени в Северной Бактрии. Труды Таджикской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР VII. Ленинград: Наука.
- Маньков, Ю. П.* 1989. Раскопки Кулжудукской курганной группы в Центральных Кызылкумах // История материальной культуры Узбекистана 23: 46-59. Ташкент: ФАН
- Маньков, Ю. П., Р. Абдурахимов.* 1990. Курганы III-II веков до н.э. в курганной группе Джужкудук 2 // Археологические работы на новостройках Узбекистана: 206-214. Ташкент: ФАН
- Медведская, И. Н.* 1983. Раскопки Шаартузского отряда в 1977 году // Археологические работы в Таджикистане XVII (1977): 120-131. Душанбе: Дониш.
- Могильников, М. А.* 1992. Гороховская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР: 283-291. Москва: Наука.
- 1992а. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР: 292-311. Москва: Наука
- Мошкова, М. Г.* 1963. Памятники прохоровской культуры // Свод археологических источников Д 1-10. Москва: Наука
1989. Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР: 177-191. Москва: Наука
- 1989а. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР: 191-202. Москва: Наука
- Мошкова, М. Г., Н. В. Рындина.* 1975. Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья // Очерки технологии древних производств: 117-134. Москва: Наука
- Обельченко, О. В.* 1962. Бронзовые зеркала Лявндакского могильника // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 91: 48-50. Москва: Наука
1976. Раскопки Кую-Мазарского могильника // Археологические открытия 1975: 535. Москва: Наука.
- Оболдуева, Т. Г.* 1988. Курганы на арыке Джун // Советская археология 4: 157-169. Москва
- Равич, И. Г., М. С. Шемаханская.* 1987. Химико-технологическое исследование изделий из медных сплавов, найденных на поселении Ак-тепе II // Седов А. В. Кобадян на пороге раннего средневековья. Приложение III. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Ростовцев, М. И.* 1918. Курганне находки Оренбургской области раннего и позднего эллинизма // Материалы по археологии России 37: 77. Петроград.
- Седов, А. В.* 1987. Кобадян на пороге раннего средневековья. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Седов, А. В., А. П. Керзум.* 1979. Раскопки в Бешкентской долине в 1978 году // Археологические работы в Таджикистане XVIII (1978): 116-131. Душанбе: Дониш.
- Скрипкин, А. С.* 1990. Азиатская Сарматия. Саратов: Саратовский Университет.
- Смирнов, К. Ф.* 1969. Савроматская и раннесарматская культура // Степи евразийской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР: 165-177. Москва: Наука
- Хазанов, А. М.* 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // Советская археология 4: 58-72.
- Шилов, В. П.* 1959. Калиновский курганный могильник. Памятники Нижнего Поволжья, т. 1 // Материалы и исследования по археологии СССР 60: 323-523. Москва: АН СССР
- Ягодин, В. Н., Т. К. Ходжайов.* 1970. Некрополь древнего Миздакхана. Ташкент: ФАН.
- Gorbulonova, N. G.* 1986. The Cultura of Ancient Fergana. IV Century B.C. VI Century A.D. // British archaeological Reports. International Series 281. London: Oxford.
- Marshall, J.* 1951. Taxila, vol. I. Structural remains; vol. II Minor Antiquities; vol. III Plates. Cambridge.
- Sarianidi, V. J.* 1985. The Golden Hoard of Bactria. From Tullyatepe Excavation in Northern Afghanistan. Harry N. Abrams Inc. Publishers, New York. Awrora Art Publishers, Leningrad.
- Sono, T., S. Fukui.* 1968. Dailaman III. The excavation of Hassani Mahala and Chalekuti 1964 // Tokyo (The Tokyo University Iraq-Jran archaeological expedition, 8).

Приложение:
М.Б.Днепровская
Спектральный анализ
некоторых бронзовых зеркал железного века

Бронзовые зеркала из Бабашовского могильника: Бш: 62/60 (курган X, 10), Бш: 62/39 (курган XIII, 4/ ?), Бш: 62/921 (курган XII, 6), Бш: 62/191 (курган XVII, 10 ?), а также сарматские зеркала: 2242/46 (Армавир, Большой курган), 1095/3 (Трояны), 2806/61 (Калиновский курган 55/8), 2440/1 (Армавир, курган I) исследованы методом спектрального анализа. Количественный спектральный анализ содержаний As, Co, Pb, Sb, Zn, Fe, Ni, Bi, Ag выполнен на приборе ИСП-30. Содержание Sn и Cu определено рентгенофлюоресцентным методом на приборе LINK. Результаты анализов приведены в таблице I.

Установлено: 1. Степень сохранности зеркал плохая. Зеркала из Бабашовского могильника и зеркало 2806/61 полностью корродированы. Средняя степень коррозии металла отмечается в зеркалах 1095/3-А и 2240/1. Металл зеркал 2242/46 и 1095/3-В сохранился относительно хорошо. Коррозия бронзовых сплавов приводит к нарушению истинного соотношения олова и меди, сказывается и на содержании элементов-примесей. Поэтому, строго говоря, полученные результаты анализа со значком "*" не отражают истинного состава сплава, и, таким образом, выводы, полученные мною, носят условный характер.

2. Анализ содержания элементов-примесей позволяет выделить 3 типа металла.

I тип Бш 62/60 содержит 0,65% Ni; и может быть отнесен к "бактрийским" образцам.

II тип Бш 62/39, Бш 2/291, 2806/61, 2240/1.

III тип Бш 62/191, 2242/46 содержит повышенные концентрации As, Pb, Sb.

Низкое содержание As, Sb может также свидетельствовать об окислительной плавке металла, наличие As, Sb — о восстановительной плавке.

3. Зеркало 1095/3 (случайная находка) состоит из 2-х типов сплавов. Первый (твердый) тип (1095/3-В), основной, образующий собственно зеркало с ободком, состоит из оловянистой бронзы желтого цвета. Второй тип сплава имеет форму каплей и кусков неправильной формы, как бы "налитых" на поверхность зеркала, в некоторых местах он отслаивался от основного металла. Второй металл отличается от первого более основательным цветом и большей мягкостью. Состав его (1095/3-А), вероятно, в большей степени отражает состояние корродированного металла.

Зеркало имеет сквозное отверстие в центре диска. Создается впечатление, что второй тип металла был использован для починки зеркала.

Таблица 1.
Table 1.

№	As	Co	Sn	Cu	Pb	Sb	Zn	Fe	Ni	Bi	Ag	
13-8	0,075	0,023	*20,4	78,6	сл.	,01	,01	0,2	0,65	,01		Бш 62/60 (Бабашовский могильник)
13-9	0,06	0,014	*11,5	87,5	сл.	,01	0,015	0,7	0,013	,01		Бш 62/39
13-10	сл.	,01	*6,8	92,7	сл.	,01	,01	0,46	сл.	,01		Бш 62/92
13-11	0,23	0,024	*7,5	90,9	0,4	0,19	,01	0,56	0,15	0,015		Бш 62/191
13-12	0,075	0,01	*14,9	84,5	сл.	0,095	,01	0,42	0,025	,01		2806/61 (Калиновский могильник)
13-13	0,2	0,026	17,6	81,0	0,4	0,055	0,06	0,57	0,076	0,019		2242/46(Армавир)
13-14	сл.	,01	*13,8	85,4	0,50	,01	0,03	0,30	,01	,01		1095/3-А (Трояны)
13-15	сл.	,01	14,5	84,0	0,74	0,01	0,04	0,78	сл.	0,01		1095/3-В (Трояны)
13-16	сл.	,01	*15,0	84,9	,1	,01	0,04	0,02	,01	,01		2440/1 (Армавир, курган I)

BRONZE MIRRORS OF THE "BACTRIAN", OR "SARMATIAN" TYPE

Several writers have addressed the technology and origins of bronze mirrors often found in female burials. The typology of the Sarmatian mirrors was developed by Khazanov (1963), and that of the central Asian ones by Litvinsky (1978). Both researchers have described disk-shaped mirrors with a roll along the rim, conical knob in the centre, and a short rod-like handle (Khazanov's type VIII, and Litvinsky's type I/3, see fig.1:9). Both believed that these mirrors were of Oriental origin (Khazanov, 1963:65; Litvinsky, 1978:85). Litvinsky has even proposed to call them Bactrian, and the idea was supported by Skripkin (1990, 152-153). According to another view, these mirrors were introduced to Bactria by the nomadic tribes (although they have also been found in Tup-khona burial ground). Mandelstam (1975:141) has noted that they are less common in central Asia than in the steppe. Moshkova (1989a:188), too, tends to the idea of the steppe (Sarmatian) origin, although she does not exclude the possibility of Oriental provenance. The issue was recently addressed by Zadneprovsky (1993:88-93), who rejected the term "Bactrian type" and suggested that the mirrors (fig.1:1) had been brought to India during the Yuechi invasion of Bactria. He proposed to describe them as "Yuechi-Kushanian" (in India, they were found in a 100 BC - 100 AD Sako-Parthian horizon at Taxila). Zadneprovsky, however, believes that they could have been manufactured in the Kushanian state.

Because more mirrors have been recently discovered, I would like to revisit the problem. I have listed all the finds (see table 1 for description, and fig.2 for the map, where the finds are numbered as in table 1; places where the number of mirrors is unknown are marked by crosses).

Having pooled the data for Central Asia and northern Afghanistan, we note that the mirrors date from the late 2nd century BC (sometimes 3d century BC) to the 4th and 5th centuries AD. Three chronological groups may be tentatively defined.

The early group (late 2nd century BC - 1st and 2nd centuries AD) includes three mirrors from Tilla-tepe, northern Afghanistan (fig.1:5,8), two from the necropolis of Tulkhar, one from BM V burial ground, one from BM VI (fig.1:2), an unknown number from Ksirov (all these localities are in Bactria), two from Lyavandak burial ground (fig.1:3,4), an unknown number from Kuyu-Mazar burial ground, Sogdia, one from the fortified settlement of Koy-Krylgan-kala, Khorezmia, one from Juzkuduk 2 burial ground, three from Kulkuduk burial ground, the central Kyzyl Kum (fig.1:6), one

from Kuruksay burial ground, western Ferghana, and one from a burial at Burgulyuk, Tashkent district. The entire group, then, totals 18 specimens plus an unknown number from Ksirov and Kuyu-Mazar.

The intermediate group (1st century BC - 3d century AD) includes two mirrors from the ground burials of Tup-Khona, one from a burial vault at the necropolis of Dushanbe, one from BM IV burial ground (all these are from Bactria), one from BM V mound 15, southwestern Ferghana, two from Altyn-asar 4 burial ground, and two from the fortified settlements of Tompak-asar and Bedaik-Asar, the Lower Syr Darya basin, thus totaling nine specimens.

The late group (3d - 5th centuries AD) includes one mirror from a burial vault at Mizdakhan necropolis, Khorezmia, one from Jun burial ground, Tashkent district (fig.1:7), and three from a burial pit at Ak-tepe II settlement, Bactria, a total of five.

Eight of the 18 mirrors of the early group (plus an unknown number from Ksirov) were found in Bactria, at least three in Sogdia, four in the central Kyzyl Kum, two in the Ferghana-Tashkent area, and one in Khorezmia. In the intermediate group, four mirrors are from Bactria, one from western Ferghana, and four from the Lower Syr Darya basin. It should be stressed that the three specimens from Bactria come definitely not from nomadic burials, and two from the Lower Syr Darya were found on a fortified settlement. In the late group, three mirrors are from Bactria, one is from Khorezmia, and one from the Tashkent district. Specimens from Bactria, then, clearly predominate in all the three groups (15+ of 33+).

It is especially noteworthy that mirrors of this type were found in the ancient town of Taxila, Pakistan. They come from the Saka-Parthian level dated at 100 BC - 100 AD. Descriptions and illustrations given by Marshall (1951, V.II:584-585 and pl.182-208 and 211b) are not quite accurate. Apparently all the 28 mirrors belonged to this type. Regrettably, Marshall claims that all mirrors were made of copper, which contradicts the results of analysis (page 567), according to which, two mirrors of an unspecified type are made of bronze with a high content of tin (fig.2). Also, Marshall describes ten bone and ivory handles. Apart from 28 mirrors from Taxila, Zadneprovsky describes five more specimens from India, three of which have been dated to the 2nd century BC. At least 33 mirrors from India, then, are known. One mirror (undocumented) was found in Kunduz, Afghanistan

(Litvinsky 1973:83), and one in Hasani Mahalla, Iran (Datlaman III 1968:17, pl.LXIII:6).

The total number of mirrors of the early group found in south central Asia and India is about 50, and 10+ come from other parts of central Asia, closer to Amu Darya and Syr Darya.

Mirrors of the intermediate and late groups were also found in the same localities. However, the Lower Volga basin, the core area of the Sarmatian culture, has yielded only 20 specimens, none of them being earlier than 1st century AD (Skripkin, 1990:152). Only three mirrors are known from more eastern territories: one in Gorokhov and two in Sargat burials of the forest Trans-Uralian area and Western Siberia (Mogil'nikov, 1992:290,304, tab.119:9, 126:25,34). These finds have been explained by links with Sarmatians, and the same applies to finds in the areas west of the Volga basin.

Despite the general similarity between all the mirrors of this type, certain differences are seen in their details, such as size and thickness of the roll, shape and size of the conical knob, appearance of the rim (smooth or scalloped), presence or absence of engraving. These differences have been traced on four Sarmatian mirrors from the collection of the Hermitage Museum: those from Kalinovskiy burial ground (mound 55/8, coll. No.2806/61; fig.1:10), Bol'shoy Armavirskiy mound (coll. No.2242/46), mound No.1 near Armavir (coll. No.2240/1), and Troyany (coll. No.1035/3). The knobs and rolls on these mirrors are different.

The spectral analysis of mirrors from Tulkhov and Babashov burial ground (Bogdanova-Berezovskaya, 1966:226-231; 1975:193-208) and Ak-tepe II (Ravich, Shemakhanskaya, 1987:144-146), and the Sarmatian mirrors (Moshkova, Ryndina, 1975:123,125; Bartseva, 1993:96) has shown that the content of tin in the bronze of which they are made ranges from low to high. The spectral emission and X-ray fluorescent analysis of metal samples from four 1st-3rd century AD mirrors found at Babashov burial ground and belonging to a different type, and from four Sarmatian mirrors mentioned

above, was performed by M. Dneprovskaya and A. Sizov at the Hermitage Museum Laboratory of Technical Methods, and the results nearly matched those of Bogdanova-Berezovskaya (judging by the tin content, one of the mirrors was evidently made in Bactria). The Sarmatian mirrors contain a fairly high proportion of tin (see Addendum for the results). However, because the number of mirrors examined is small, no definite conclusions can be made.

All the mirrors, including those analyzed at the laboratory and those which have been registered according to illustrations and descriptions, are rather carelessly manufactured. Their facial side is sometimes rough. Ravich and Shemakhanskaya describe the specimens from Ak-tepe II as massive, rough, and unpolished. It is possible that the mirrors, especially those found in graves, have never been used in everyday life (Ravich and Shemakhanskaya are of the same opinion). Some graves contain broken mirrors, which evidently served ritual purposes (Litvinsky 1978:106-111). Litvinsky has correctly noted that some terracotta figurines of women holding mirrors have been found in Central Asia; clearly, they have nothing to do with the nomads.

All these data suggest that mirrors of the type described by us are of Oriental (Central Asian, Bactrian) origin and were used not only by the nomads but by the agriculturalists as well. Their appearance in the Sarmatian culture was due to the influence from Central Asia, not vice versa. They became fashionable during the Middle Sarmatian period, but in the end of it they were replaced by pendant mirrors (Moshkova, 1989b:200). In Central Asia, however, they survived for a much longer time whereas the pendant mirrors had never been widely used in this region.

After this article had been finished, a publication by Levina and Ravich appeared describing bronze mirrors from Jety-asar burial grounds (1995). Mirrors of this type, which they call "Bactrian", are few (only four, found in one burial ground and on two settlements).

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КИЕВА КАК ВАЖНОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ТОРГОВОГО И РЕМЕСЛЕННОГО ЦЕНТРА ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА*

Т.С. НУНАН**

Вступление. Историческая традиция изучения торгового и ремесленного развития Киева в домонгольский период уделяет основное внимание его внешней торговле, особенно с Византией и Причерноморьем. Однако, археологические раскопки убедительно показали, что в домонгольский период (1100-1240 гг.) Киев являлся также значительным центром экспорта стеклянных изделий (браслеты, бусы, кольца, оконные стекла), керамики (сосуды, декоративные плитки и кафель, писанки), ювелирных украшений, выполненных в технике выемчатой эмали, чернения по серебру, зерни и скани, бронзовых энколпионов, шиферных пряслиц и изделий из янтаря (бусы, подвески, кольца, крестики) (Noonan 1991:102-146). В домонгольский период город стал одним из главных торговых и ремесленных центров Европы, поставлявшим свою продукцию на внутренний и внешний рынки. Становление Киева, как средневекового центра производства, имеет первостепенное значение для выяснения его роли в истории Руси в последнее столетие перед монгольским нашествием. Невозможно согласиться с мыслью, что упадок города, после разорения имел лишь символическое значение. Настоящая статья является предварительным вступлением для исследования трансформации Киева в один из наиболее крупных торговых и экономических центров Европы.

Изучение ремесленного производства Киева занимало значительное место в трудах дореволюционных и советских историков. Обзор сделанного до конца 1940-х г. представлен в известной книге Б.А. Рыбакова "Ремесло средневековой Руси" (Рыбаков 1948). С тех пор российскими, украинскими и белорусскими учеными было опубликовано большое коли-

чество работ по данной теме. Раскопки древнерусских городов открыли много ремесленных мастерских и дали новую информацию о разных ремеслах.

К сожалению, эти исследования остались, в основном, как бы не замеченными в американской историографии. Библиография американских трудов о домонгольской Руси (Crowther 1969; Bibliography 1956) однозначно показывает, что они, в основном, касались источников относительно основания Руси, роли норманнов, отношений Руси с Византией, социальной структуры, языка, литературы и фольклора, христианства, искусства и архитектуры. Информации о городах и о ремесле почти нет. Американские исследователи, не знающие иностранных языков, в основном полагаются на переводы трудов советских ученых: книгу М.Н.Тихомирова (Tikhomirov 1959), сборник М.Томсона (Thompson 1967), статьи в "Soviet Anthropology and Archaeology" и в "Soviet Studies in History". Наиболее познавательный новый труд о Киеве на английском языке принадлежит шведскому археологу Ю.Кальмеру (Callmer 1981:29-52). К сожалению, его обзор краток и заканчивается 1000 г. Так же нужно отметить интересные работы Л.Лангера, посвященные изучению городов Руси эпохи после монгольского нашествия.

Недостаток интереса американских историков к работам дореволюционных и советских исследователей о городах и ремеслах Руси привел к консервации ряда устаревших положений. К примеру, в пользующемся до сих пор популярностью труде о Древней Руси Дж.Вернадский в 1948 г., писал: "не существует конкретных свидетельств стеклоделия в Киевской Руси" (Vernadsky 1948:116), вопреки тому, что

* Настоящая статья была прочтена в 1986 г. на ежегодном собрании American Association for the Advanced Slavic Studies. Я был намерен сразу отдать ее в печать, но из-за учебной и административной загрузки это не удалось сделать. Хочу извиниться за то, что я не дополнил ее последними археологическими данными. Тем не менее, я считаю, что основной подход к затронутой проблеме и главные выводы с учетом новой информации не претерпят больших изменений.

** Thomas S. Noonan. Department of History University of Minnesota, Minneapolis, MN 55455. USA.

еще в 1907—1908 гг. В.В.Хвойко открыл остатки стеклоделательной и эмальерной мастерских XI—XIII вв. в детинце Киева (Хвойко 1913:71; Корзухина 1956:324-329,339).

Мастерские Киева домонгольского периода.

Одним из путей изучения возникновения Киева, как важного производственного центра, является анализ раскопанных мастерских. П.П.Толочко в 1983 г. опубликовал карту местонахождения 31 ремесленной мастерской домонгольского периода (Толочко 1983:138,139, рис.65). Однако очевидно, что мы располагаем сведениями о существовании большего числа различных производственных комплексов этого времени (табл. А), поскольку некоторые комплексы, отмеченные П.П.Толочко, представляют более, чем один вид ремесла. Список П.П.Толочко отражает наши знания о мастерских Киева середины 1970-х гг. С тех пор, раскопки позволили получить дополнительные материалы.

По моим подсчетам, в слоях домонгольского Киева открыта 61 мастерская, хотя на абсолютной цифре трудно настаивать*. Помимо того, что какая-то информация могла быть упущена, нет однозначного способа выделения признаков собственно ремесленных мастерских, особенно в таких ремеслах как обработка кости, изготовление шиферных пряслиц, обработка янтаря. Археологи обычно находят значительные скопления необработанного янтаря, костей животных со следами спилов или различные костяные изделия, множество заготовок шиферных пряслиц. В подобной ситуации трудно, а порой вообще невозможно, отличить мастерскую от помещения, где хранилось сырье или готовая продукция или от дома купца, торгующего ими. Существуют сложности и с выделением ремесел, признаки которых более очевидны (кузнечное, гончарное, ювелирное). Такие мастерские можно определить по находкам печей или горнов. Однако, есть постройки без горнов, где находят значительные скопления отходов от железообработки. Трудно представить, что большое количество шлака или криц хранилось в жилом помещении. Литейные формочки и специальные камни, используемые ювелирами для полировки, также были найдены в помещениях без следов производственных печей или горнов. Многие археологи считают бесспорными свидетельствами существования мастерских на-

ходки специализированных инструментов.

Есть немало сложностей в установлении точной хронологии существования мастерских. Большинство из них датируются только стратиграфически и редко удается сузить хронологические рамки их бытования (табл. А, №№ 4, 14, 34). Дата большинства мастерских определяется в пределах одного-двух столетий, хотя они не обязательно функционировали в течение всего этого периода.

Изучение данных о 61 мастерской позволяет поставить несколько вопросов об уровне специализации в ремесленном производстве. Изготавливали ли кузнецы различные предметы или они специализировались на производстве каждодневных и специальных инструментов, оружия, удила, бытовых предметов или деталей одежды? Один ли гончар изготавливал дорогую глазированную посуду и дешевые кухонные горшки? Если специализация существовала, то насколько она была распространена и как изменялась со временем? К сожалению, археология не дает конкретных ответов на эти вопросы. С одной стороны, остатки некоторых мастерских позволяют думать, что несомненно существовала подлинная ремесленная специализация. Ряд мастерских занимались исключительно производством шиферных пряслиц, костяных изделий, вещей из янтаря и бронзы, мозаичной смальты и строительной плинфы. С другой стороны, материалы из некоторых мастерских позволяют думать о малой специализации ремесла. Стеклоделие и ювелирные промыслы часто были взаимосвязаны, а поэтому нет ничего удивительного, что в мастерской ювелира, одновременно использовались эмаль и стекло. Несколько удивляют мастерские, материалы которых свидетельствуют о существовании разных видов ремесла в одном комплексе. К числу подобных относится "мастерская художника" на месте бывшего Михайловского Златоверхого монастыря (табл. А, № 37), где одновременно найдены железные инструменты плотника, большой кусок необработанного янтаря и заготовки янтарных крестиков. В мастерской XII в., раскопанной в 1981 г. на Подоле на ул.Щекавицкой (табл. А, № 51), зафиксированы следы изготовления янтарных изделий, стеклоделия и бронзолитейного производства.

Не следует забывать, что раскопана только небольшая часть средневекового Киева. Места проведения основных археологических иссле-

* Отсутствие стандартных названий для определенных раскопок в Киеве приводит к несоответствию при подсчете числа мастерских. Ремесленные комплексы описываются по разному: 1) по именам владельцев участков, где были проведены раскопки (например, бывшая усадьба Петровского); 2) по нынешней принадлежности мест, где проводились работы (например, Исторический музей Украины); 3) по адресу улицы (например, Владимирская ул., д. 2); 4) по названию района города (например, Замковая гора). К сожалению, бывшая усадьба Петровского сейчас находится на территории Исторического музея, по адресу Владимирская ул., д. 2, в районе Детинца Киева. Поскольку ученые называют одну и ту же мастерскую разными именами не всегда ясно о каком конкретно комплексе идет речь.

дований в первой половине XX в. показаны на карте в работе М.К.Каргера (Каргер 1958: вклейка). Еще на одной карте отмечены раскопки Киева между 1965 и 1978 гг. (Новое в археологии 1981:9). Всего исследовано менее пяти процентов площади средневекового города. Если допустить, что изученные районы являются более или менее характерными для всего Киева, то открытие здесь 60 мастерских позволяет предположить, что всего их было примерно 1200.

Так как Киев современный город, то археологи зависимы от выбора мест для исследований. Подобная ситуация нарушает достоверность статистики. Как показывает Таблица А, следы производства глиняной посуды обнаружены только в трех комплексах. Для сравнения можно выделить 13 кузнечных мастерских. Наши выборочные статистические пробы, свидетельствуют о существовании мастерских по обработке янтаря и кости, изготовлению плинфы, стеклодельных и ювелирных. Нет следов гончарных мастерских. Очевидно, что гончарный район Киева еще не найден (Новое в археологии 1981:284). Итак, 61 обнаруженная мастерская лишь выборочно представляет ремесло средневекового города, хотя и дает достаточно сведений о возникновении домонгольского Киева, как значительного производственного центра.

Отрасли киевского ремесла. Киевские мастерские распределены по группам: кузнечные, гончарные, ювелирные, стеклоделательные, бронзолитейные, мастерские по обработке кости, камня, янтаря, производству плинфы и мастерские неясного назначения. "Уникальные" мастерские могут быть включены в указанные категории. Например, "мастерская художника" (Таб. А, №37) может быть определена как мастерская по обработке янтаря. Мастерская, где изготовлялись шиферные пряслица (Таб. А, №48), может быть включена в число мастерских по обработке камня. Мастерская, где обжигали известь (Таб. А, №58), могла использоваться при возведении Софийского собора (Новое в археологии 1981:348). Возможно, с этим же строительством связана мастерская первой половины XI в. по производству плинфы. Известна единственная мастерская по обработке кожи, находившаяся на Подоле (Таб. А, №59).

Все известные сейчас мастерские домонгольского Киева могут быть разделены на 11 категорий:

Ремесла	Количество мастерских	Процент
Кузнечное ремесло	13	21
Гончарное дело	3	5
Ювелирное ремесло	12	20
Стеклоделие	7	11
Бронзолитейное ремесло	3	5
Обработка кости	6	10
Обработка камня	3	5
Обработка янтаря	6	10
Производство плинфы	5	8
Неопределенное	2	3
Другое	1	2
Всего	61	100

Некоторые мастерские использовались для разных видов ремесел. Если рассматривать их по отдельным видам ремесла, то получаем следующий урегулированный подсчет:

Ремесла	Количество мастерских	Процент
Кузнечное ремесло	13	20
Гончарное дело	3	5
Ювелирное ремесло	13	20
Стеклоделие	8	13
Бронзолитейное ремесло	4	6
Обработка кости	6	9
Обработка камня	3	5
Обработка янтаря	6	9
Производство плинфы	5	8
Неопределенное	2	3
Другое	1	2
Всего	64	100

Урегулированный подсчет мало изменяет первоначальную статистику и в дальнейшем не будет использован.

Собранные материалы показывают, что около 20% мастерских в домонгольском Киеве являлись кузнечными, а 20% ювелирными, то есть они были самыми распространенными в городе. В следующей по численности группе находятся стеклоделательные мастерские (11%), мастерские по обработке янтаря и кости (10%) и мастерские, обслуживающие строительное дело (8%).

Самые распространенные, по нашим данным, виды ремесел, кажутся неожиданными. Средневековый Киев несомненно нуждался в железных изделий и поэтому, появились в значительном количестве кузницы. С другой стороны, трудно объяснить почему второй вид самого распространенного ремесла был ювелирным производством, хотя и ясно, что в

какой-то мере ювелирное дело преимущественно находилось в столичных городах. Несомненно, что в Киеве была большая прослойка богатых людей и, кроме того, существовал значительный спрос на киевские ювелирные изделия в других городах Руси.

В Киеве изготавливались, как достаточно простые украшения, так и великолепные ювелирные изделия с выемчатыми эмалями, а также предметы, выполненные в сложной технике (чернение по серебру, зернь и скань). Киевские ремесленники быстро освоили и иноземные методы ювелирного производства.

К числу наименее распространенных ремесел, по имеющимся данным, относятся гончарное дело, бронзолитейное производство и обработка камня. Бронзолитейное ремесло не могло конкурировать с промыслами, связанными с обработкой дерева, железа, глины и стеклоделанием. Именно поэтому, хотя бронза и медь использовались для производства разнообразных изделий, они не являлись дешевыми и достаточно доступными материалами. Шиферные пряслица, которые изготавливались в Овруче, где добывался и сам розовый шифер, производились и в Киеве (Рыбаков 1948:188-202). Киев занимал второе место по их производству.

Стеклоделие, обработка кости и янтаря, производство плинфы и обжиг извести занимают в наших подсчетах незначительное место. Открытие соответствующих мастерских — дело будущего. Существование сравнительно большого числа мастерских в Киеве, где изготавливали разнообразные изделия из стекла и янтаря показывает, что город был значительным центром их производства. Стекланные браслеты, вывозившиеся из Киева в другие районы Руси, подтверждают то, что они не являлись предметами роскоши.

Рост и эволюция ремесленного производства.

На таблице Б указана 51 датированная мастерская домонгольского Киева. Количество мастерских, которые функционировали в течении первой половины X в. было незначительным. В них ремесленники занимались простыми ремеслами: кузнечным делом (три кузницы), обработкой камня (одна мастерская), производством плинфы (одна мастерская) и назначение двух мастерских не ясно. В середине X в. начали действовать еще две мастерские по производству плинфы. Возможно, это было связано с возведением монументальных зданий в дитинце. До конца X в. ремесленная продукция Киева была незначительна по объему и технологически мало развита.

Количество мастерских значительно возросло к концу X—началу XI вв. В конце X в. появились шесть новых мастерских, еще 14 — появились к 1000 г. Начали действовать две куз-

нечных и гончарная мастерские, три мастерских по обработке кости, одна по производству плинфы и одна для обжига извести. Значительный рост киевского ремесла около 1000 г., видимо, был обусловлен как расширением прежних видов производства, так и возникновением новых, более развитых промыслов. Единственная ювелирная мастерская X в. сменилась четырьмя новыми. Не менее пяти стеклоделательных мастерских возникли около 1000 г. в разных частях города. К 1000 г. Киев начинает играть роль главного центра производства дорогих ювелирных и керамических изделий. В это время в нем существовали одна или две мастерские по обработке янтаря. Другими словами, именно ремесла, которые начали складываться около 1000 г. способствовали превращению Киева в национальный и международный производственный центр.

Нельзя не отметить параллели между развитием ремесла в Киеве и принятием христианства князем Владимиром и его дружиной в конце X в. В одной из своих работ о киевской торговле я предположил, что богатство, полученное от сбора дани и торговли с Византией, в основном, оседало в руках правящей киевской верхушки. В свою очередь, принятие христианства и развитие широких контактов с Византией, способствовало формированию прослойки богатых людей, которая стремилась к широкому потреблению продукции местных мастеров, так как их вкусы и желания могли быть только частично удовлетворены импортными товарами, тем более, что последние были дорогими. Самый простой способ удовлетворения запросов новой общественной группы, появившейся в Киеве около 1000 г. — заключался в производстве необходимых товаров роскоши в самом городе. Проще было привезти византийских стеклоделов для обучения киевских мастеров, чем ввозить стекло из Константинополя (Noonan 1988:105-111; Noonan 1989). Спрос на предметы роскоши, выросший в Киеве с ввозом импортных изделий и христианизацией общества, явился катализатором быстрого развития киевского ремесла. Как правило, в литературе традиционно рассматриваются дипломатические, политические и религиозные аспекты христианизации и, к сожалению, вне поля зрения исследователей остаются другие важные следствия этого процесса, которые, как я считаю, заслуживают особого внимания.

Анализируя рост и типы киевских мастерских времени около 1000 г. необходимо учитывать, что некоторые ранние мастерские уже не действовали: две кузнечных мастерских, первая ювелирная мастерская, мастерская по обработке камня, три мастерских по производству плинфы, самые ранние гончарные мастерские

и две мастерские неясной специализации. Это подчеркивает динамичный характер развития киевского ремесла. Одновременно с появлением новых мастерских, которые были вызваны к жизни возникающими потребностями города (например, строительство больших храмов), прежние мастерские прекращали свою деятельность.

Закрытие многих мастерских в течении первой четверти XI в. привело к уменьшению их общего количества к 1025 г. на 30% (с 30 до 21). С этой поры число ремесленных комплексов остается в пределах 20 до конца XI в., и хотя общее количество мастерских остается одинаковым, их смена продолжается. Между 1025 и 1100 гг. появились новая кузница, гончарная и стеклоделательная мастерские. Одновременно, прекратили существование мастерские по производству плинфы и обжигу извести. В целом за периодом подъема ремесленного производства и роста новых мастерских (конец X—начало XI вв.) последовал период стабилизации на протяжении остальной части XI в.

В следующий период (около 1100 г.) фиксируется новый рост количества киевских мастерских. В это время начали действовать три кузницы, шесть ювелирных мастерских, одна или две стеклоделательные, бронзолитейная мастерская, мастерская по обработке кости, деревообрабатывающая мастерская, мастерская, где изготавливались шиферные пряслица и две мастерские по обработке янтаря. Наряду с этим прекратили свое существование некоторые прежние комплексы: две кузницы, гончарная и три стеклоделательных мастерских.

Следует отметить, что датировка почти всех этих мастерских относительна, а поэтому пик, полученный нами на таблице Б, указывающий на существование в Киеве одновременно 37 мастерских около 1100 г., несомненно преувеличен, поскольку в число этих мастерских входят как совершенно новые, так и уже прекращающие свою деятельность. Таким образом, в Киеве появляется не 16 новых мастерских (около 1100 г.), которые, на первый взгляд, фиксируют значительный рост ремесленного производства (на 78%), а всего 10, то есть прирост составляет 48%. Однако и этого вполне достаточно, чтобы сделать вывод о стремительном развитии ремесла в этот период.

В то же время в ряде широко распространенных ремесел большого прироста не наблюдается. Так, в кузнечном деле реально стала функционировать только одна новая мастерская (три новых заменили две прежних), но уже около 1125 г. еще одна кузница перестала существовать. Таким образом, статистика показывает, что примерно с 1025 г. в Киеве постоянно работали 5-6 кузниц. Не происходит роста, а

реально наблюдается уменьшение мастерских в стеклоделии: из пяти мастерских, возникших около 1000 г., две исчезли (табл. А № 51). Одна из них, в городе Ярослава (табл. А № 30), возможно, была специально создана для обслуживания нужд строящегося Софийского собора (или других церковных зданий) и к 1100 г. стала уже не нужна. Аналогичная судьба постигла мастерскую в Печерской лавре (табл. А № 34). Выполнив заказы на украшение интерьеров в период постройки конкретных соборов, церквей и монастырей, такие мастерские переставали функционировать. Можно также предполагать, что стеклоделательные мастерские на Подоле прекратили свою деятельность, не выдержав конкуренции с 4-5 мастерскими выпускавшими продукцию в достаточном количестве и с хорошим качеством, то есть, спрос был удовлетворен без увеличения количества мастерских.

Если кузнечное и стеклоделательное производство сохраняют стабильность после 1000 г., то количество ювелирных мастерских увеличивается и в последующем столетии. Наряду с четырьмя мастерскими, которые начали функционировать еще около 1000 г. и не прекращали своей деятельности, появилось пять новых мастерских (рост на 150%). Важным фактом является то, что девять из 11 ювелирных мастерских, основанных в Киеве в самом начале XI в., продолжали действовать вплоть до нашествия монголов. Судя по нашей статистике, ювелирное ремесло являлось самым развивающимся видом производства. Несомненное расширение ювелирного дела было вызвано увеличением спроса на украшения среди быстро растущего населения города.

В период около 1100 г. происходит увеличение числа мастерских по обработке янтаря (на 100%). Расширяется рынок сбыта янтарных крестиков, подвесок, бусин и т.д. Стараясь удовлетворить спрос населения на янтарные изделия, киевские мастера открывают еще две новые мастерские.

Кроме вышеупомянутых мастерских в Киеве около 1100 г. появились три мастерские, занятые новыми видами производства. Среди них деревообрабатывающая мастерская (табл. А, № 47) и мастерская по производству шиферных пряслиц (табл. А, № 48). Возникла новая бронзолитейная мастерская (табл. А, № 36).

Подводя итоги, можно сказать, что некоторые киевские ремесла достигли наивысшего расцвета к 1100 г. В дальнейшем наблюдается их количественная стабилизация. В свою очередь в период около 1100 г. продолжается увеличение количества ювелирных мастерских и мастерских по производству янтарных изделий, что свидетельствует о росте спроса общества на

данные виды украшений. Так же около 1100 г. мы видим появление в Киеве новых ремесел, которые с одной стороны обслуживали местные потребности в строительных материалах и предметах повседневного спроса (шиферные пряслица, бронзовые изделия), а с другой стороны некоторые из этих изделий (шиферные пряслица) вывозились в самые отдаленные районы Руси.

Значительный рост ремесленного производства в Киеве около 1100 г. происходит не за счет увеличения доли новых промыслов. В это время наблюдается различная динамика развития отдельных ремесел, то есть в некоторых производствах фиксируется резкий подъем, в других незначительный рост, а в третьих стабильность, то есть объем продукции не увеличивается по сравнению с 1000 г. Следует отметить, что по археологическим материалам около 1100 г. в Киеве фиксируется наивысший уровень развития ремесленного производства. Затем до конца XII в. наступает время стабилизации в количестве мастерских. Так, в частности, с одной стороны, начала действовать новая кузнечная мастерская около 1150 г., с другой стороны, закрываются две старые мастерские, одна около 1125 г., а другая около 1175 г. Так же около 1125 г. перестала действовать одна мастерская по обработке кости. Наши подсчеты показывают, что XII в. не принес изменений в ремесло Киева.

Третий и последний период значительного изменения в количестве мастерских относится к началу XIII в. В это время число мастерских, в отличие от двух предыдущих периодов, уменьшилось на шесть. Перестали существовать кузнечная мастерская, две ювелирных, две стеклоделательных и две по обработке янтаря. Одна мастерская по обработке янтаря (Таб. А, №51) стала так же производить стеклянные и бронзовые изделия. Возникла только одна новая ювелирная мастерская (Таб. А, № 28). Изменения, которые произошли около 1200 г. позволяют поставить вопрос: наступил ли упадок киевского ремесла еще в домонгольский период?

Уменьшение количества мастерских наглядный показатель, того что снижение произошло в разных видах ремесел, как требующих высокого уровня технологии, так и более простых. Это можно связать с сокращением некоторых ключевых экспортных промыслов Киева: ювелирного, стеклоделательного, обработки янтаря. Возможно, что около 1200 г., равномерное увеличение продукции, исходя из роста количества киевских мастерских, привело к полному насыщению рынка товарами. К началу XIII в. Киев экспортировал продукцию своего производства во все города и сельские

районы Руси. Однако, мастерские по изготовлению некоторых главных предметов киевского экспорта, начали появляться и в других центрах Руси. Теперь киевские ремесленники должны были конкурировать с мастерами других городов, и общерусская роль киевского ремесла к началу XIII в. стала падать.

Уменьшение количества мастерских, возможно, не говорит о действительном упадке киевского ремесла. Из 51 датированной мастерской домонгольского времени, 23 (45%) еще действовали во время монгольского нашествия. В состав этих 23 мастерских входили: четыре кузнечных, девять ювелирных, две стеклоделательных, одна бронзолитейная, три по обработке кости, одна деревообрабатывающая, одна по изготовлению шиферных пряслиц и две по изготовлению янтарных украшений. Мы не только наблюдаем сохранение значительного количества традиционных ремесел по изготовлению товаров повседневного спроса, но и сохранение большого количества мастерских, где требовался высокий технологический уровень производства, продукция которых предназначалась на вывоз (ювелирные, стеклянные, янтарные изделия и т.д.). Накануне монгольского нашествия, Киев все еще был главным ремесленным центром древнерусского государства, хотя, видимо, потерял свою монополию в изготовлении различных предметов и теперь был вынужден конкурировать с новыми ремесленными центрами Руси.

К сожалению, монгольское разорение Киева в 1240 г. затрудняет выяснение вопроса: произошло ли в период около 1200 г. падение ремесленного производства. У нас просто нет достаточных сведений, тем более, что дело касается очень короткого хронологического периода. Показательно, однако, что около 1200 г. появилась только одна новая мастерская. Дело в том, что два предыдущих периода упадка ремесла произошли после заметного роста в количестве новых мастерских. Около 1200 г. началось сокращение мастерских, без предшествующего значительного их увеличения.

Направление ремесленного производства.

При анализе общего количества мастерских следует так же обратить внимание на эволюцию отдельных промыслов Киева. В связи с незначительным количеством мастерских всех видов, по которым можно построить график развития ремесла в домонгольский период, только три их вида (кузнечное, стеклоделательное и ювелирное) могут быть рассмотрены более детально. Кузнечное производство не нуждалось в высоких технологиях. Стеклоделательное производство было связано с изготовлением недорогих украшений и основывалось на заимствованной технологии, усвоенной в

ранний период. Ювелиры также изготавливали предметы роскоши, частично основываясь на привнесенной технологии.

Таблица В показывает количество кузнечных мастерских, существовавших в Киеве в домонгольский период. Эти мастерские можно использовать для построения рабочей модели простых ремесел, не требующих высоких технологий. Несколько кузнечных мастерских действовало в период до значительного подъема киевских ремесел. Их количество в двое увеличилось около 1000 г., но затем стабилизировалось. Заметный рост числа кузниц около 1100 г., получившийся на графике, отражает мои подсчеты, поскольку я учел как новые, так и старые мастерские, которые уже перестали действовать. Количество кузнечных мастерских не увеличилось в период подъема ремесленного производства в начале XII в., но число кузниц почти и не уменьшилось в период возможного его упадка с начала XIII в. В целом, как вся экономика Киева, начиная со времени принятия христианства, кузнечное производство было стабильным несмотря на постоянную замену одних мастерских другими. Можно отметить, что семь из 13 известных кузнечных мастерских (54%), находились на Подоле, а не в детинце или в городе Ярослава, где жила правившая верхушка Киева.

Таблица Г показывает количество стеклоделательных мастерских Киева домонгольского периода. Стекольное ремесло может считаться на данный момент примером высокотехнологического производства, которое достигло зрелости достаточно рано. Стеклоделие не существовало в Киеве до конца X-начала XI вв., когда в городе впервые появилось довольно значительное количество мастерских. Как показывает Таблица Г, количество стеклоделательных мастерских оставалось очень стабильным на протяжении последующих двух столетий. Видимый пик около 1100 г. не определяет никакого долговременного роста. После двух столетий стабильности, количество стеклоделательных мастерских значительно снизилось около 1200 г., возможно в связи с общим упадком всей ремесленной деятельности в Киеве. В целом стеклоделие отражает наиболее типичную картину эволюции киевских ремесел как для поры начального развития, так и для периода, когда мы находим первые признаки потенциального упадка. Стеклоделательные мастерские располагались в самых различных районах Киева: верхний (княжеский город) (№№ 30, 31, 33), ремесленный центр или Подол (№№ 29, 32, 51) и в районах, прилегающих к главным монастырям (№№ 34, 35). Спрос на стеклянные изделия был значителен среди всех слоев киевского общества и в целом у населения Руси.

Таблица Д показывает количество ювелирных мастерских Киева в течение домонгольского периода. Ювелирное производство можно считать показательной моделью высокотехнологического ремесла, которое расширилось до монгольского нашествия. Самые ранние ювелирные мастерские, использовавшие в производстве шиферные формочки, датируются X в. Около 1000 г. происходит несомненный рост ювелирного дела. К старым мастерским прибавилось еще три. Расцвет ювелирного производства наступил около 1100 г., когда появились шесть новых мастерских. Начиная примерно с 1100 г. до монгольского нашествия, количество мастерских оставалось стабильным при смене одних ремесленных комплексов другими. Ювелирное ремесло, если сравнить его со стеклоделательным производством, достигло расцвета на век позже и сильно выросло (если судить по количеству существующих мастерских) до нападения монголов на Киев. К тому же, в стеклоделательном производстве чаще происходила смена мастерских, чем в ювелирном деле. Из 12 известных ювелирных мастерских Киева, девять (75%) еще производили товары во время, когда войска Батия осаждали Киев в 1240 г. Ювелирные мастерские находились в различных районах Киева, однако половина из них располагались в детинце и только 25% на Подоле. Так же важно отметить, что шесть из семи ювелирных мастерских (86%), основанных в течение XII первой половине XIII вв., находились именно в детинце. Несмотря на обширный рынок сбыта киевской ювелирной продукции в других районах Руси, ювелирные мастерские внутри города тяготели к первоначальному центру, где проживали богатые слои киевлян.

Заключение. Данные о 61 известной мастерской Киева представляют важный источник знаний о ремесленном производстве и его развитии в домонгольский период. Анализ мастерских важен для ответа на два ключевых вопроса: 1) какие промыслы существовали в Киеве и какое место занимал тот или иной вид ремесла в общем объеме производства? 2) как развивалось в целом все киевское ремесло и отдельные его стороны? Советские ученые уже затрагивались эти вопросы и им принадлежит ряд исследований по упомянутым темам. Но как мне кажется, анализ, который был предложен в настоящей статье, пока еще не был сделан историками Киевской Руси.

Разрабатывая методику подхода к важным проблемам киевского ремесленного производства, я старался подчеркнуть сложность использования имеющейся базы данных. Наши сведения несомненно ограничены и неполны. Учитывая скудость письменных источников,

предложенный мной подход к анализу археологического материала, может быть весьма результативным. Однако, сделаем все же оговорку, что все предложенные выводы должны рассматриваться лишь как предварительные. Последующие раскопки в Киеве и накопление нового материала позволят внести уточнения и коррективы.

Для дальнейшего изучения развития ремесленного производства Киева в домонгольскую эпоху, необходимо рассмотреть две стороны данной проблемы. Во-первых, мы должны изучить продукцию киевских мастерских, то есть рассмотреть все товары, изготовленные в мастерских этого города, учитывая, как изделия, найденные при раскопках самого Киева, так и предметы, сделанные в киевских мастерских и попадавшие в другие города Руси. Подобный подход является плодотворным, особенно при изучении таких ремесел как, стеклоделие. Касаясь стеклоделия отметим, что ряд работ российских исследователей, в частности Ю.Л. Шаповой, позволили представить: когда и как стеклоделие появилась в Киеве, как это ремесло развивалось, каковы были типы продукции. После выявления всех предметов ремесла Киева в домонгольский период, нам придется разработать методику подсчета общего объема производства изделий киевских мастерских. Аналогичным образом нумизматы, например, на основе нескольких принципов приблизительно подсчитывают количество отчеканен-

ной монеты. Могут ли историки и археологи Киевской Руси так же приблизительно подсчитать ремесленную продукцию Киева? Если мы занимаемся демографическими подсчетами населения средневековых городов, то почему мы не можем так же определить количество продукции и число ремесленников в Киеве. Во-вторых, ремесленное производство Киева необходимо рассматривать в общем контексте изучения ремесла Древней Руси. Чтобы проверить правильность наших выводов для Киева, следует изучить ремесленное производство других городов Руси с использованием такой же методики. Я считаю, что в подобном исследовании нуждается Новгород — столица Северной Руси, начиная с конца X в. Значительные участки этого древнего города раскопаны. Обнаружены разнообразные мастерские, а с помощью дендрохронологии их возраст определен достаточно точно. Новгород был вторым из самых крупных городов Руси и находился в ином, чем Киев, этническом окружении. До какой степени Киев и Новгород отличались друг от друга в сфере производственной деятельности и до какой степени были схожи? Была ли единая русская модель развития ремесла или была южная модель (Киев) и северная (Новгород)? В целом, исследование киевских мастерских представляет только одну часть более значительной проблемы, связанной с изучением ремесленного производства Киевской Руси в целом.

Каргер, М.К. 1958. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города I. Москва—Ленинград.

Корзухина, Г.Ф. 1956. Новые данные о раскопках В.В.Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве // Советская археология XXV: 318-342.

Новое в археологии. 1981. Новое в археологии Киева. Киев: Наукова думка.

Рыбаков, Б.А. 1948. Ремесло Древней Руси. Москва: Наука.

Толочко, П.П. 1993. Древний Киев. Киев: Наукова думка.

Хвойко, В.В. 1913. Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев.

Bibliography. 1956. The American Bibliography of Slavic and East European Studies.

Callmer, J. 1981. The Archaeology of Kiev ca. AD 500/1000: A survey // Les Pays du Nord et Byzance. Scandinavie et Byzance: 29-52. Uppsala.

Crowther, P.A. (compl.). 1969. A Bibliography of Works in English on Early Russian History to 1800. New York.

Noonan, T.S. 1988. Technology Transfer Between Byzantium and Eastern Europe: A Case Study of the Glass Industry in Early Russia // The Medieval Mediterranean: Cross Cultural Contacts (ed. M.J.Chiat, K.L.Reyerson): 105-111. St.Cloud, Minneapolis.

1989. The Millenium of Russia's First Perestroika: The Origin of a Kievan Glass Industry Under Prince Vladimir // Kennan Institute for Advanced Russian Studies. Occasional Papers 223. Washington.

1991. The Flourishing of Kiev's International and Domestic Trade ca. 1100 ca. 1240 // Ukrainian Economic History: An Interpretive Essays (ed. I.S.Kororeckyj): 102-146. Cambridge, Mass.

Thompson, M.V. (compl.). 1967. Novgorod the Great: Excavations at the Medieval City. New York. Washington.

Tikhomirov, M. 1959. The Towns of Ancient Rus'. Moscow.

Vernadsky, G. 1948. Kievan Russia. New Haven.

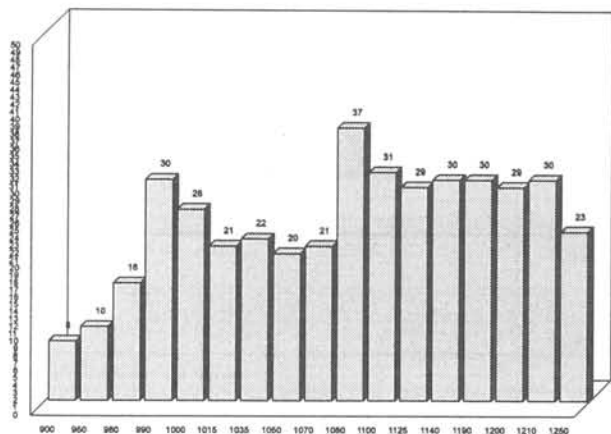
Таблица А. Домонгольские мастерские Киева

Вид мастерской/ продукция	Место расположения мастерской	Находки	Период существования				
			9 0 0	1 0 0	1 1 0	1 2 0	1 2 5 0
1. Кузница	Подол	Шлаки, крицы	+++++++				
2. Кузница	Подол	Шлаки, железные изделия	+++++++				
3. Кузница	Детинец	Горн, шлаки, железные изделия	+++++++				
4. Кузница	Детинец	Наковальня, шлаки	+++				
5. Кузница	Подол	Железная руда, шлаки, крицы, железные изделия	+++++++				
6. Кузница, ювелирная мастерская	Подол	Наковальня, шлаки, смальта, эмаль	+++++++				
7. Кузница	Михайловский Златовратский монастырь	Шлаки, железные изделия	+++++++				
8. Кузница	Детинец	Наковальня, шлаки, крицы, железные изделия	+++++++				
9. Кузница	Подол	Наковальня, шлаки	+++++++				
10. Кузница	Подол	Горн, шлаки	+++++++				
11. Кузница	Детинец	Наковальня, шлаки	++++				
12. Кузница?	Детинец	Шлаки	?				
13. Кузница	Подол	Шлаки, крицы	?				
14. Гончарная мастерская	Детинец	Производственная печь	+++				
15. Гончарная мастерская	Город Ярослава	Производственная печь	++++				
16. Гончарная мастерская	Город Ярослава	Производственная печь	?				
17. Ювелирная мастерская	Подол	4 литейные формочки, шлифовальный камень	+++++				
18. Литейная/ювелирная мастерская	Подол	Производственная печь, тигли, литейные формочки, ювелирные инструменты и изделия и т.д.	+++++++				
19. Ювелирная мастерская	Замковая гора	-----	+++++++				
20. Ювелирная мастерская	Замковая гора	-----	+++++++				
21. Ювелирная мастерская	Замковая гора	-----	+++++++				
22. Ювелирная мастерская	Детинец	Производственная печь, кусочки эмали, эмальерные инструменты, ювелирные изделия и т.д.	+++++++				
23. Ювелирная мастерская	Подол	Шлаки, тигли, ювелирные изделия	+++++++				
24. Ювелирная ? мастерская	Детинец	Наковальня	+++++++				
25. Ювелирная мастерская	Детинец	Наковальня, обломки тиглей	+++++++				
26. Ювелирная мастерская	Детинец	Наковальня, обломки тиглей	+++++++				

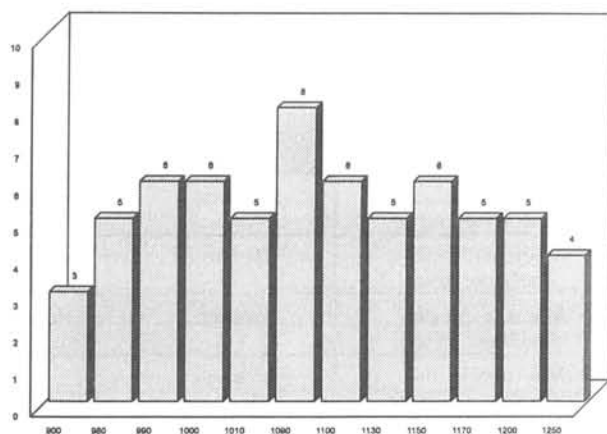
Вид мастерской/ продукция	Место расположения мастерской	Находки	Период существования				
			9 0 0	1 0 0	1 1 0	1 2 0	1 2 5 0
27. Ювелирная мастерская	Детинец	2 производственных печи, каменные формочки, ювелирные изделия	+++++				
28. Ювелирная мастерская	Детинец	Производственная печь, кусочки эмали и стекла, тигли, ювелирные изделия и т.д.	+++++				
29. Стеклоделательная мастерская	Подол	Производственная печь, оплавленное стекло и смальта, стеклянные браслеты, кольца и бусины, свинец	+++++				
30. Мастерская по изготовлению смальты	Город Ярослава	Множество кусочков смальты, мозаичные плитки	+++++				
31. Стеклоделательная мастерская	Город Ярослава	Множество стеклянных предметов	+++++				
32. Стеклоделательная мастерская	Подол	Изделия из стекла, браслеты, фрагменты стеклянных сосудиков, бусины, выгорки	+++++				
33. Стеклоделательная мастерская	Детинец	Производственные печи, горны, остатки стеклянных браслетов и колец	+++++				
34. Стеклоделательная мастерская	Печерская Лавра	2 производственных печи, тигли, стеклянные сосуды и оконное стекло, смальта	++				
35. Стеклоделательная мастерская	Михайловский Златовратский монастырь	Оплавленные фрагменты стеклянных браслетов и колец, тигли	+++++				
36. Бронзолитейная мастерская	Детинец	Производственная печь, бронзовые изделия, бронзовые бляшки, медная проволока	+++++				
37. "Мастерская художника"/янтарные изделия	Михайловский Златовратский монастырь	Деревообрабатывающие инструменты, большой кусок янтаря	?				
38. Бронзолитейная мастерская	Михайловский Златовратский монастырь	Множество кусков тонких медных пластинок, несколько заготовок изделий	?				
39. Бронзолитейная мастерская	Замковая гора	Производственные печи, куски меди, медные изделия (может = №№ 19, 20, 21)	?				
40. Мастерская по обработке кости	Подол	Обрезки кости, заготовки костяных предметов	+++++				
41. Мастерская по обработке кости	Замковая гора	-----	+++++				
42. Мастерская по обработке кости	Замковая гора	Изделия из кости	+++++				
43. Мастерская по обработке кости	Детинец	Производственная печь, изделия из кости, кости животных	+++++				

Вид мастерской/ продукция	Место расположения мастерской	Находки	Период существования				
			9 0 0	1 0 0	1 1 0	1 2 0	1 2 5 0
44. Мастерская по обработке кости	Детинец	Кости животных, заготовки изделий					?
45. Мастерская по обработке кости ?	Подол	Кости со следами обработки					?
46. Мастерская по обработке камня	Детинец	Расколотые и обтесанные камни	+++++++				
47. Мастерская по обработке дерева	Детинец	-----					+++++
48. Мастерская по изготовлению ши- ферных пряслиц	Подол	Заготовки пряслиц, отходы производства					+++++
49. Мастерская по изготовлению ян- тарных украшений	Подол	Куски сырого янтаря, янтарные кольца и крестики					+++++
50. Мастерская по обработке янтаря ?	Подол	Куски сырого янтаря					+++++
51. Стеклоделательная мастерская/ мастер- ская по обработке янтаря	Подол	Производственные печи, куски сырого янтаря, бракованные янтарные изделия, стеклянные шлаки, стеклянные браслеты, кольца и сосудики, тигли, бронзовые изде- лия, четыре литейных формочки					+++++
52. Мастерская по изготовлению ян- тарных украшений	Подол	Заготовки янтарных изделий					+++++
53. Мастерская по обработке янтаря	Детинец	Куски сырого янтаря					?
54. Мастерская по изготовлению плинфы	Детинец	Производственная печь	+++++				
55. Мастерская по изготовлению плинфы	Детинец	Производственная печь, куски плинфы	++++				
56. Мастерская по изготовлению плинфы	Детинец	Производственная печь	++++				
57. Мастерская по изготовлению плинфы	Город Ярослава	Производственная печь					+++++
58. Мастерская по обжигу извести	Город Ярослава	Производственная печь					+++++
59. Мастерская по обработке кожи	Подол	-----					?
60. Мастерская ?	Детинец	Производственная печь, различные изде- лия	+++++				
61. Мастерская ?	Детинец	Производственная печь, шлаки	+++++				

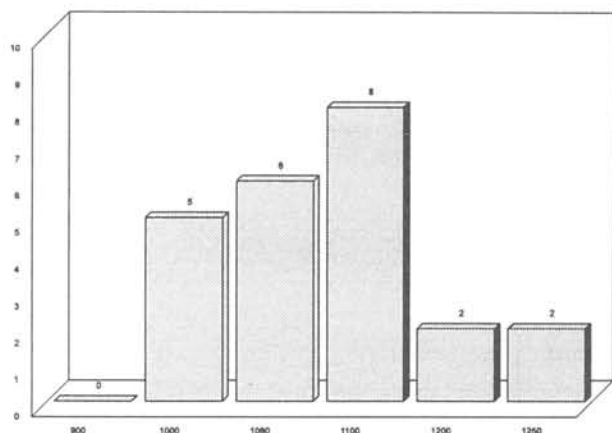
Таб. Б. Мастерские Киева: 900-1250

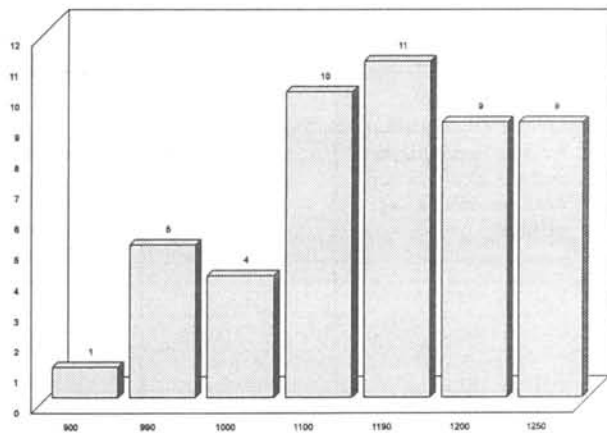
Таб. В: Количество кузнечных мастерских в Киеве: 900-1250

Таб. Г: Количество стекольных мастерских в Киеве: 900-1250

Таб. Д: Количество ювелирных мастерских в Киеве: 900-1250

THE EMERGENCE OF KIEV AS A MAJOR EUROPEAN COMMERCIAL AND INDUSTRIAL CENTER DURING THE PRE-MONGOL ERA

Introduction. Research on Kiev's commerce during the pre-Mongol era has traditionally focused upon the city's foreign trade. However, archaeological excavations have shown that in the period of ca. 1100-ca. 1240 Kiev became a major exporter of glassware (bracelets, beads, rings, window glass, vessels), glazed pottery (vessels, decorated tiles, pisanki or ceramic eggs), expensive jewelry (inlaid enamel, decorations of niello, granulation, filigree work), religious goods (bronze enkolpions), rose slate spindle whorls, and amber items (beads, pendants, rings, crosses) to other parts of Rus' (Noonan 1991:102-146). During the pre-Mongol period Kiev had emerged as a major European commercial and industrial center exporting the products of its workshops throughout the Rus' world and beyond. Kiev's development as a major medieval industrial

center brings into question the idea that the city had begun to decline starting in the mid twelfth century. To resolve this issue, it is necessary to examine in detail Kiev's transformation into a major European industrial center. This study is a preliminary effort at such an analysis.

Considerable research on craft production in Kiev was done during the pre-revolutionary and Soviet periods. Much of this work up to World War II is discussed in B.A. Rybakov's book on *The Handicrafts of Medieval Rus'* (Рыбаков 1948). Subsequently, numerous studies on medieval Rus' crafts and craft production were published by a number of Soviet scholars. Many workshops were uncovered and various studies explored how different goods were made. One of the greatest contributions of Soviet scholarship on Kievan Rus' was to

illuminate its urban life and especially craft production. Unfortunately, this research has been largely ignored by American scholarship whose interest in the Kievan era focuses upon other topics (Crowther 1969; Bibliography 1956 etc.). Aside from a few translations of Soviet research, there are relatively few English-language works on Kievan towns and craft production (Tikhomirov 1959; Thompson 1967; Callmer 1981:29-52). This lack of interest in pre-revolutionary and Soviet research on craft production has had some unfortunate results. For example, in his widely used text on early Rus', published in 1948, George Vernadsky claimed that there was no evidence that glass was produced in Kievan Russia (Vernadsky 1948:116). But, already in 1907-1908, V.V.Khvoika had uncovered the remains of glassmaking and enameling workshops of the eleventh-thirteenth centuries in the detinets area of Kiev (Хвойко 1913:71; Корзухина 1956:324-329,339). The failure to incorporate Khvoika's research into a standard English-language text on Kievan Rus' has helped to perpetuate an image of Rus' backwardness already in the pre-Mongol era. In sum, we can no longer ignore the fact that Kiev and other Rus' towns were important and advanced industrial centers already in the pre-Mongol era.

Pre-Mongol Workshops in Kiev. One way to examine the emergence of Kiev as a major medieval industrial center is to consider the remains of workshops excavated in the city. P.P.Tolochko provided a map showing thirty-one sites in the city where craftshops of the pre-Mongol era had been found up through the mid 1970-s (Толочко 1983:138,139, рис.65). In examining the data published by the mid-1980-s, I found evidence for some sixty-one distinct craft workshops in pre-Mongol Kiev (see Table A). The list in Table A is incomplete. Some workshops already known by the mid 1980-s may have been omitted inadvertently since it is sometimes very difficult to determine what precisely constitutes a craft workshop. Some crafts do not leave any tell-tale evidence of craft production like distinctive kilns or forges. Thus, it is not always possible to distinguish amongst a craft workshop, a warehouse where goods were stored, and the residence of a merchants dealing in these goods. In addition, we sometimes find the by-products of craft production without distinctive signs of specialized tools, i.e., slag may be uncovered in a dwelling having no signs of a forge. There is no objective and mechanical way to identify all craft workshops easily. It is also impossible to date most craft workshops from pre-Mongol Kiev with great precision. Workshops are normally dated generally according to the stratum or strata in which they are found and not all archaeologists agree on these general datings. Narrow datings are rare (see Table A, Nos. 4, 14, 34). Thus, the dates for most workshops are not exact and should be used with care.

An examination of the sixty-one workshops

raises several questions about the degree of specialization in craft production. Did blacksmiths, for example, make all types of iron goods or did they specialize in everyday tools, special instruments, weapons, harness parts, domestic goods, or items of clothing? Did one potter produce both expensive glazed ware and cheap kitchen crockery? How extensive was specialization and did it increase over time? Unfortunately, archaeology does not provide definitive answers to these questions. Some workshops suggest real specialization in goods made from slate (spindle whorls), bone, amber, bronze, etc. Other workshops suggest less specialization. Glassmaking and jewelry, for instance, were often very closely connected crafts. It is not always clear if a jeweler made his own glass or obtained it from a glassmaker. Some workshops suggest the existence of several diverse crafts at the same site. At the so-called workshop of the artist (Table A, No. 37), specialized woodworking tools and pieces of unworked and half-finished amber were uncovered. At one twelfth-century workshop (Table A, No. 51) archaeologists found evidence for the production of amber goods, glassmaking, and the production of bronze goods. The sixty-one workshops raise more questions than they answer regarding the degree of craft specialization in Kiev.

We must also remember that only a relatively small part of pre-Mongol Kiev has been excavated (Каргер 1958: вклейка; Новое в археологии 1981:9). If less than five percent of the city's medieval area has been excavated more or less randomly and sixty or so workshops were found, then it is possible to project a potential total of ca. 1200 craft workshops from pre-Mongol Kiev. There are thus good reasons to believe that the sixty-one craft workshops in our study only represent the tip of the iceberg.

Since Kiev is a major modern city, archaeologists have not been free to excavate in many areas that they might consider as very promising. Table A only has evidence for three pottery workshops while it also contains thirteen blacksmiths' shops. The archaeological evidence points to massive production of wheel made pottery and yet our data fails to reflect this. Soviet scholars concluded, quite reasonably, that the potters' quarter of medieval Kiev has still not been uncovered (Новое в археологии 1981:284). The sixty-one workshops in Table A are by no means a representative sample of the total craft production in Kiev.

The above discussion shows that there are serious problems in using craft workshops as an indicator of Kiev's industrial production in the pre-Mongol period. Despite these difficulties, the sixty-one workshops in Table A provide an insight, however flawed or distorted, into Kiev's development as a major medieval European industrial center.

The Branches of Kiev's Industry. Kiev's pre-Mongol workshops can be divided into several basic groups: blacksmiths' shops, potters' shops, jewelry shops, glassmaking shops, bronze and copper smiths' shops, bonecarving workshops, stoncarving workshops, amber workshops, plinf workshops, and indeterminable workshops. The few "unique" workshops can be connected with one of these major categories. For example, the workshop for baking lime (Table A, No. 58) was probably linked with the construction of such projects as St. Sophia's Cathedral (Новое в археологии 1981:348). Therefore, this workshop was probably connected with the plinf workshop (Table A, Nos. 30-31) which functioned at about the same time and place. The only workshop standing by itself was the one for dressing skins (Table A, No. 59).

Two charts show the distribution of workshops by category. The second of these charts takes into account data showing that one workshop may have been used for production in more than one craft. Around twenty percent of the workshops in pre-Mongol Kiev were blacksmiths' shops and another twenty percent produced jewelry. Our unscientific sample thus suggests that blacksmithing and jewelry production were the two most numerous craft industries. In the next cluster, glassmaking had eleven percent, bonecarving and amber working each had ten percent, and construction workshops had eight percent. Finally, pottery, bronze and copper smithing, stoncarving, indeterminable, and others each had five percent or less.

The two most numerous crafts in our sample are not necessarily what one would expect. It is not surprising to find blacksmithing among the most widespread crafts. On the other hand, it is surprising that jewelry production was one of the most numerous crafts in Kiev. There must have existed a substantial rich class to patronize such workshops. Furthermore, a significant part of Kiev's population, beyond the very wealthy, must have possessed the means and desire to acquire jewelry. Finally, there were large markets elsewhere in Rus' for Kiev's jewelry. While blacksmiths produced everyday items, extensive jewelry production reflected a demand for everyday adornments, the city's affluence, and the existence of export markets. The production of fine jewelry using niello, granulation and filigree work shows the sophistication of Kiev's jewelry industry as well as the transfer from abroad of the technologies needed to make such fine jewelry. Kiev's craftsmen mastered these imported technologies and employed them in their growing production. Kiev's jewelry industry supplied a variety of goods to consumers of diverse classes living in both Kiev and throughout the Rus' lands.

Pottery, bronze and copper smithing, and stoncarving were among the least numerous crafts. It is not surprising to find the latter two crafts in this

category. Bronze and copper could not compete with wood, iron, clay and, later, glass as materials. Stoncarving was limited by the fact that, as a rule, only churches and dwellings of the elite were made of stone. The only exception was the production of spindle whorls made from the rose slate found in Ovruch (Рыбаков 1948:188-202). But, as noted above, it is surprising to find so few pottery workshops in Table A when excavations in Kiev have revealed huge quantities of shards from local wheel-made pottery. We can only assume that once the potters' section of Kiev has been discovered, pottery, like blacksmithing, will turn out to have been one of the most numerous crafts.

Glassmaking, bonecarving, amber working, and construction (plinf, lime) were all crafts that were neither very numerous nor very few in our sample. The presence of a number of glassmaking and amber workshops may seem somewhat surprising. These workshops symbolize Kiev's emergence as a major industrial center. Along with good jewelry and fine pottery, the production of large quantities of glass and amber items in Kiev was intended to supply both the demands of Kiev's affluent populace and that of the elites in towns throughout Rus'. Large numbers of glass bracelets made in Kiev were exported to all parts of Rus' to meet the demands of urban women.

The Growth and Evolution of Craft Production.

Table B (Russ. Б) shows how many of the fifty-one dated workshops in pre-Mongol Kiev were operating at any one time. Only a few workshops functioned during the first part of the tenth century and they represented fairly basic crafts. There is no evidence that Kiev's industries were either diversified or technologically advanced at this time. Two construction workshops may have begun to function by the mid-tenth century. For most of the tenth century, craft production in Kiev was modest in scope and basic in nature. A dramatic increase in the number of craft workshops took place in the late tenth and early eleventh century. The marked expansion of Kiev's workshops came, in part, from a growth in basic and/or already extant crafts. But, the industrial growth of this period was brought about by the appearance of new and/or more advanced crafts. Around five glassmaking workshops sprang up ca. 1000. Given the connections between glassmaking and jewelry, Kiev's emergence as a center for the production of fine jewelry, expensive ceramics, and glassware dates to ca. 1000. One or two workshops for the production of amber goods date to this time as well. Kiev's emergence as a major industrial center thus dates to about the same time as the initial conversion of the Rus' ruling elite to Orthodoxy.

In an earlier study, I suggested that the wealth which Kiev's increasingly sedentarized ruling class derived from tribute and the Byzantine trade com-

bined with the closer contacts with Byzantium brought by conversion all created a group of affluent people with a propensity toward conspicuous consumption. Imports could be both expensive and difficult to transport. Thus, the easiest way to satisfy the new tastes was to produce these luxury goods in Kiev itself. It was easier to bring in Byzantine glassmakers who would introduce glassmaking into Kiev than to transport all the glass from Constantinople (Noonan 1988:105-111; Noonan 1989). The dramatic increase in the number and type of Kiev's workshops ca. 1000 can easily obscure the fact that some earlier workshops in the areas of blacksmithing, jewelry, stonecarving, indeterminable, and construction now ceased operation. These developments highlight the dynamic character of Kiev's industries. As new workshops appeared or as projects like the construction of major churches were completed, older workshops died out while some new workshops proved short-lived.

The end of so many workshops during the early eleventh century led to a decline of thirty percent in the total number of functioning workshops ca. 1025 (from 30 to 21). The number of workshops stabilized at this point and remained at around twenty for the rest of the century. But, the turnover among workshops continued. Between ca. 1025 and ca. 1100, several workshops ceased to exist but no real trend is apparent. No new crafts appeared and there was no marked growth or decline in the number of workshops.

A second period of marked growth dates to around 1100. New blacksmith (3), jewelry (6), glassmaking (1 or 2), bronzemaking (1), bonecarving (1), construction (1), spindle whorl (1), and amber (2) workshops appeared at around this time. But, six workshops also ceased their existence at this same period. Table B, which shows an all-time peak of thirty-seven workshops ca. 1100, exaggerates the overall growth since it reflects both new and closing workshops. There was a real net gain of ten workshops or forty-eight percent. In any event, there was a substantial growth in the number of Kiev's workshops ca. 1100. This growth reflects what can be called a period of mature growth. In the well-established crafts such as blacksmithing, there was stability or only small growth. In glassmaking, one of Kiev's early high-tech industries, there was even a decline. At the same time, the period ca. 1100 saw a dramatic growth in the number of jewelry and amber workshops. Six new jewelry workshops appeared while the four existing workshops continued to function. In fact, all of these ten workshops were still operating at the time of the Mongol conquest in 1240. Based upon our sample, jewelry was the most notable growth industry of the later Kievan era and was characterized by a very strong consumer demand. The number of amber workshops doubled ca. 1100 reflecting what must have been an expanding market for amber crosses, pendants, beads, etc.

Three of the workshops to appear ca. 1100 represent new crafts in our sample. The workshop producing building stones (Table A, No. 47) seems to reflect new building in Vladimir's City while the workshop making spindle whorls (Table A, No. 48) indicates that Kiev's artisans had begun to mass-produce a highly popular everyday item used throughout Rus'. A new foundry producing bronze goods (Table A, No. 36) suggests a modest growth in demand for bronze items. High-tech crafts based on technology transfer were not the only industries to have a large domestic market.

In brief, some crafts had reached their maturity ca. 1100 and did not share in the growth of workshops at this period. Jewelry and amber production experienced a sharp growth reflecting an increased demand for luxury goods while new workshops making everyday items also seemed to have prospered. The growth in workshops which occurred ca. 1100 was therefore selective; some crafts grew markedly, some grew modestly, and some remained stable or declined slightly.

Following the period of mature growth ca. 1100, the number of workshops in Kiev remained relatively constant for the rest of the twelfth century. One new blacksmithing shop opened but two closed while a new bonecarving shop appeared.

The third and final era of significant change in the number of workshops took place in the early thirteenth century. Unlike the prior two periods of great change (ca. 1000 and ca. 1100), the early 1200s witnessed a net decline of six craft workshops. Shops in blacksmithing (1), jewelry (2), glassmaking (2), amber (2) closed while only one new workshop (jewelry) began operation. These figures raise the question of whether Kiev's industrial growth had now peaked and, in fact, entered a period of decline prior to the Mongol conquest. The drop in the number of workshops occurred in both high-tech and low-tech crafts. The decline also encompassed some of Kiev's key export industries, e.g., jewelry, glassmaking, and amber goods. It is possible that by ca. 1200 Kiev was already exporting its products to every town and hamlet in Rus' where a demand existed, i.e., the limits of the market for Kiev's products had been reached. Furthermore, in glassmaking and jewelry, local workshops producing the same goods made in Kiev had begun to appear throughout Rus', i.e., Kiev's craftsmen faced increased local competition. Kiev's industrial production may have moved from a period of mature growth to the initial stages of decline in the early 1200s.

On the other hand, the decline in the number of workshops ca. 1200 may not represent any real decline in Kiev's place as the leading industrial center of the Rus' lands. Of the fifty-one total dated workshops from the pre-Mongol era, twenty-three or forty-five percent were still functioning at the

time of the Mongol conquest and these twenty-three workshops cover the entire spectrum of Kiev's craft production from high-tech to low-tech industries. On the eve of the Mongol conquest, Kiev was still a major European industrial center producing goods both for its own consumption and for the larger Rus' market.

The workshops which closed ca. 1200 may have been those that were unable to operate in the more competitive conditions of that period. The demise of some less efficient workshops in Kiev and the growth of competitive workshops elsewhere in Rus' does not necessarily mean that Kiev was on the decline as an industrial center. Kiev was probably experiencing the loss of its former monopoly position in the production of certain goods. In short, it remains for future research to determine if Kiev had entered a period of industrial decline ca. 1200. The Mongol conquest of Kiev in 1240 makes it impossible, at this time, to ascertain if a period of industrial decline had begun about a half-century earlier. But, it is striking that only one new workshop can be dated to ca. 1200.

Trends in Particular Industries. In addition to the analysis of the overall number of workshops, it is also useful to trace the evolution of specific industries in Kiev. However, only three crafts (blacksmithing, glassmaking, and jewelry production) have a sufficient number of workshops from which to construct a profile for the pre-Mongol era. Fortunately, these three crafts represent three different types of industries. Blacksmithing was a basic craft not requiring advanced technology. Glassmaking was a semi-luxury craft based on technology transfer which matured early. Jewelry was also a luxury craft based in part of foreign technology transfer but it matured late and continued at a high level down to the Mongol conquest.

Table C (Russ. B) shows the number of blacksmithing workshops extant in Kiev during the pre-Mongol era. Several blacksmithing workshops existed before Kiev's industrial take-off ca. 1000. The number of shops doubled during the first period of high growth ca. 1000 but then levelled off and remained relatively constant. There was only a modest increase during the period of mature growth ca. 1100 and a minimal decline ca. 1200. Having grown along with Kiev's overall economy following Vladimir's conversion, blacksmithing became very stable. Seven of the thirteen known blacksmith workshops were in the podol. Blacksmithing was not concentrated in the detinets or Iaroslav's City where the city's elite resided.

Table D (Russ. Г) shows the number of glassmaking workshops in Kiev during the pre-Mongol period. Glassmaking was non-existent in Kiev prior

to the period of initial growth. However, after glassmaking developed rapidly ca. 1000, the number of workshops remained very stable over the next two centuries. A significant decline in the number of workshops began ca. 1200. Glassmaking workshops were found in all parts of the city. The demand for glassware encompassed all parts of Kiev's society and extended throughout Rus'.

Table E (Russ. Д) shows the number of jewelry workshops in Kiev during the pre-Mongol era. The earliest jewelry workshop dates to the tenth century. There was a definite growth in the number of workshops ca. 1000. But, the dramatic growth in jewelry production came ca. 1100. From this time to 1240, the number of workshops remained relatively constant. Compared with glassmaking, jewelry production matured later and maintained its market better in the first half of the thirteenth century. There was also greater turnover among glassmaking workshops than jewelry establishments. While jewelry workshops were located throughout Kiev, half were found in the detinets. Despite the large market for Kiev's jewelry elsewhere in Rus', jewelry workshops had a special affinity for the original heart of the city where many of its affluent elite resided.

Conclusions. An analysis of Kiev's sixty-one known workshops is crucial for the study of two fundamental issues: 1) what crafts existed in Kiev and what was the relative importance of these crafts, and 2) how did Kiev's industrial production evolve over time both for individual crafts and for crafts as a whole. This study tries to address these questions by suggesting some new and potentially fruitful ways of approaching the development of Kiev as a major European industrial center in the pre-Mongol era. While the methods employed here can provide important insights they also have clear limitations. Nevertheless, given the paucity of written sources, there is much to be learned from the methodology used here. At the same time, all conclusions suggested by our data should be considered tentative. Our analysis has suggested working hypotheses that need to be tested and revised as research continues and further excavations in Kiev provide new data. Finally, this study of Kiev needs to be expanded in two ways. First, we need to explore the production of Kiev's workshops, i.e., how many goods were made in the city's workshops. Second, the patterns from Kiev must be compared with those from other Rus' cities of the Kievan era. In particular, a comparable study of Novgorod is essential since dendrochronology makes the dating of its workshops more precise. We need to ask if there was an all-Rus' model of industrial growth or were there different models of which Kiev's was only one?

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

VIEW ARTICLES AND BOOK REVIEWS

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДАНИИ

Digging into the Past. 25 Years of Archaeology in Denmark. Ed. by Steen Hvass and Birger Storgaard. 312 pages and illustrations. 1993. Arhus: Universitetsforlag.

В 1993 г. в Дании, после двадцатилетнего перерыва, состоялся Северный археологический конгресс, к которому была приурочена специальная выставка, посвященная новым археологическим открытиям. Этими обстоятельствами воспользовались датские исследователи, чтобы подготовить и опубликовать книгу, посвященную четвертьвековому периоду развития археологии Дании. Крупный формат, прекрасные иллюстрации, развернутая библиография делают этот труд ценным пособием, своего рода "Введением в датскую археологию". Предисловие к книге написано проф. О.Олсенем, вводная статья "25 лет датской археологии" И.Иенсенем. В составлении труда принимали участие 76 авторов, объединяя все поколения и представляя собой цвет датской археологической науки. В их числе такие видные ученые, хорошо известные российским исследователям по совместной деятельности, как Э.Бринч-Петерсон, О.Грюн-Петерсон, К.Кристиансен, К.Рансборг, Э.Роесдаль, И.Скаруп, Г.Тране, С.Хвас.

Книга построена по хронологическому принципу и содержит семь частей: "Человек и природная среда", "Поздний палеолит и мезолит", "Неолит", "Бронзовый век", "Железный век и период викингов", "Средневековье и более поздние времена" и "Археологические учреждения". В каждой части имеются специальные разделы, посвященные общим вопросам, поселениям, погребениям,кладам и другими темам (суда, укрепления, наземный транспорт и т.п.). Основной упор сделан на последнюю четверть века, но изложение естественным образом касается и более ранних работ и материалов.

Следует отметить две главные особенности датской археологии последнего времени, о которых с разной степенью обстоятельности пи-

шут также О.Олсен и И.Иенсен. Первое — это совершенствование методического и методологического уровня. В полевой практике особенно результативным явился прием сплошного снятия верхнего дернового слоя механизмами с последующей тщательной зачисткой. Это позволило в широких масштабах изучать целые поселения, систему их застройки и организации. Методологически, и это подчеркивают авторы всех разделов, широко используются новации мировой археологии 60-х годов, которые датские ученые называют "англо-американскими", видимо, по языковой принадлежности. В соответствующих публикациях уделяется особое внимание экономическим системам, экологической ситуации, социологическим разработкам. Вторая особенность, очень важная для нашей эпохи, это общественное звучание археологии. Здесь необходимо отметить прежде всего Государственный акт, принятый в 1969 г., посвященный обязательной охране памятников культурного археологического наследия. На этой правовой и финансовой основе в Дании в зонах хозяйственной деятельности ежегодно осуществлялось от 400 до 500 охранных раскопок различных по масштабам, но в равной мере способствующих сохранению и изучению национального достояния страны. Одновременно произошли перемены и в социальной психологии, чему способствовала и активная популяризационная деятельность. В 48 музеях Дании работают археологи-профессионалы, имеются археологические экспозиции. Особое внимание уделяется хранению и демонстрации местных находок, как например это осуществлено в музее в Оденсе, где посетители могут свободно ознакомиться с расположенным на стеллажах вещами, происходящими из их собственного селения или района, зачастую доставленными ими самими.

Весьма широко представлены должным образом организуемые любители археологии. В результате, как отмечает в своей статье И. Иенсен, археологи пользуются общественной симпатией, в стране воспитывается чувство гордости за свое прошлое и культурное наследие. У нас нет информации о хищении древностей из музейных собраний, но на выставке "25 лет датской археологии", которую автор рецензии посетил в Вайле, значительную часть составляют стенды с экспонатами, доставленными любителями. В их числе имеются и великолепные золотые изделия римской эпохи, принесенные школьниками младших классов. Все это составляет важный элемент на пути движения к цивилизованному обществу XXI столетия.

Остановимся на краткой характеристике археологических достижений в хронологическом порядке. Освоение человеком территории Дании группами охотников на северного оленя, следующими за отступающим ледником, относится к поре финального верхнего палеолита и определяется ориентировочно как 12 500-9 000 гг. до н.э. пионерами были носители гамбургской культуры, активно осваивающие Северную Германию на средней фазе мадлена. Стойбища культуры Бромме уже широко распространены по всей Дании как во внутренних районах, так и в прибрежной зоне. Носители этой культуры пересекают Балтику и осваивают Сканию. Считается, что на традициях Бромме формируется культура Аренсбург. На поселениях верхнего палеолита наблюдается концентрация кремня на территории в 500 кв.м, часто с очагом в центре, видимо, остатки наземных жилищ.

При переходе к следующей эпохе — мезолиту, отмечается некоторая лагуна, пока еще не заполненная конкретными материалами.

Классическим образцом европейского мезолита являются датские комплексы культуры Маглемозе (9000-6800 гг. до н.э.) особенно богатые за счет находок в торфяниковых болотах. Не менее известны и последующие мезолитические культуры — Конгемозе (6800-5400 гг. до н.э.) и Эртебеле (5400-3900 гг. до н.э.). Налицо все признаки стабильности и высокого уровня благосостояния, включая великолепные наборы янтарных украшений. Наиболее значительные достижения последней четверти века связаны с изучением мезолитических поселений и погребений, которые часто представляют собой единый комплекс, как например в районе наиболее широких и концентрированных раскопок прибрежных поселков в Бедбеке. Наличие в одной могильной яме погребений мужчины, молодой женщины и ребенка может указывать на формирование традиции устойчивого функционирования малой семьи. Мезолитическим

обществом Дании был достигнут своего рода социальный и демографический оптимум на основе комплексной эксплуатации в рамках присваивающей экономики внутренних и прибрежных районов, где начиналась уже и морская охота.

Грядущие перемены периода, именуемого датскими археологами неолитом (5400-1700 гг. до н.э.) связаны с продвижением из центральной Европы раннеземледельческих племен, вступающих в контакт с носителями культуры Эртебеле. Носителями культуры воронковидных кубков часто обживались те же самые участки, где располагались и стойбища Эртебеле. Раннеземледельческие поселения занимают территорию от 3 до 4 га, но порой имеют и более значительные размеры. К поре раннего неолита относится и массовое строительство дольменных гробниц. Важным открытием датской археологии последних десятилетий стало обнаружение своеобразных ранне-неолитических центров, окруженных рвами и палисадами, площадью от 1,5 до 20 га. Из них наиболее известен и лучше всего изучен центр Саруп. Эти памятники трактуются как общественные центры, связанные с определенными культовыми и обрядовыми действиями.

Время, определяемое датскими археологами как поздний неолит (2400-1700 гг. до н.э.), в российской археологии скорее всего именовалось бы энеолитическим, поскольку в местных комплексах все больше встречается металлических изделий, в основном импортных. Имеются весьма ценные объекты, как например медные топоры и золотые браслеты. К концу III тыс. до н.э. налаживается и местная металлургия.

Бронзовый век Дании, как и всей Скандинавии, с великолепными типологизируемыми артефактами в этом отношении является классическим для европейской археологии, хотя сам по себе Балтийский регион не был важным металлургическим центром и работал на импортном сырье.

Авторы рассматриваемой книги единодушно отмечают два наиболее важных достижения в исследовании бронзового века (1700-500 гг. до н.э.) — изучение системы поселений (settlement pattern) и социологическая интерпретация археологических материалов, в первую очередь, погребений и кладов. Среди артефактов выделяются символы политической власти, наблюдается концентрация социально значимых объектов в отдельных гробницах и кладах. В пределах групп гробниц, определяемых как принадлежащие элите, намечается внутренняя социальная ранговая дифференциация. Среди поселений выделяются своеобразные центры богатства бывшие, возможно, резиденциями местных династов. Общество так называемой ран-

ней бронзы (1700–1000 гг. до н.э.) с полным основанием рассматривается как ранне комплексное общество или чифдом (вождество) по другой терминологии — ярко выражена военная функция, широко распространяется разного рода оружие, в том числе мечи и копья. Это явно военно-аристократический путь политогенеза. Поселения, как правило, остаются небольшими и иногда представляют собой просто отдельную ферму. Их соединяли мощные бревнами или камнями дороги.

Для эпохи железа в датской археологии устоявшейся стала типология и терминология, связанная с выделением преримского железного века (500 - начало нашей эры), римского железного века (до 400 г. н.э.) и германского железного века (400–750 гг. н.э.). За последние десятилетия ученые Дании уделили особое внимание внутренней хронологии этой эпохи. Более отчетливо стал выделяться доримский период с престижными гробницами, содержащими оружие, повозки и богатые сосуды. Выделяется позднеримский период, датируемый от 150/160 гг. н.э. до 400 г. н.э. погребения вооруженных мужчин свидетельствуют о большой роли воинов в обществе. Вотивные клады по определению исследователей также отражают систему организации власти. В отличие от раннеримского времени особенное развитие получает импорт, торговые связи с римскими провинциями. В число объектов импорта входят и монеты, выполнявшие функцию сокровищ. В одном кладе на острове Бронхольм содержалось 400 римских денариев. Появились центры отдельных провинций как места концентрации торговли, ремесла и культа. Это были провозвестники грядущей урбанизации. Данная тенденция получает дальнейшее развитие в пору германского железного века. Анализ поселений позволяет уверенно выделять для этого времени центральные места и торговые фактории. Известны такие центры как Гудме и Данкирке, которые рассматриваются как резиденции местных династий. Последний из названных центров, характеризующийся богатыми находками, территориально и функционально является предтечей одного из древнейших городов Дании — Риббе, от которого Данкирке находится всего в 7 километрах. Важную роль в жизни общества сыграло появление рун, представляющих собой модификацию латинского алфавита, приспособленного к германским языкам, что явилось важным достижением формирующихся цивилизаций балтийского региона. В этом отношении существенно нахождение броши с рунической надписью в жен-

ском погребении первой половины III в. н.э.

На основе этого социально-экономического и культурного фундамента происходит становление одной из важнейших эпох в истории Дании, да и всей Балтики — времени викингов. В этой сфере, традиционно популярной в европейской науке, особенно значительны успехи датской археологии в изучении городов. Дендрохронология позволила определить время формирования едва ли не древнейшего города Дании Риббе — между 704 и 710 гг. н.э. Это был центр с четкой сеткой заранее спланированных кварталов и домов, с ориентацией на торговлю. Вскоре формируются и другие городские центры — Орхус, Хедебю, Лунд, Роскильде. Широкомасштабные раскопки поселений позволили конкретно подойти к изучению экономики и социальной структуры общества эпохи викингов. Одним из важных достижений датской археологии является установление преемственности от позднеримского времени вплоть до эпохи викингов. В специальных разделах книги кратко характеризуются отдельные стороны материальной культуры — транспорт, укрепления, судостроение, вотивные комплексы. Специально рассматривается проблема христианства и язычества. Здесь наиболее важны исследования в Еллингге, где расположена одна из наиболее ранних каменных церквей Дании, датирующаяся временем около 1100 г. н.э., два погребальных кургана и стелла (960 г. н.э.) с рунической надписью, поставленная королем Гарольдом Синезубым. В надписи упоминаются его отец король Горн и мать Тюре. Исследования показали, что под каменной церковью располагались по крайней мере три последовательно изменявшиеся деревянные церковные строения. Под их полом находилось погребение мужчины — возможно, короля Горна, поскольку курган, где ожидалось встретить его останки, оказался лишенным захоронения. Вырисовывается заманчивая гипотеза о смещении языческих и христианских верований. Во всяком случае соединение в едином комплексе королевских курганных гробниц и рунической стеллы, воплощающих бесспорные дохристианские традиции, и церковного сооружения свидетельствуют о постепенности идеологической трансформации, регулируемой королевской властью.

В целом можно еще раз повторить, что эта крупноформатная книга, щедро снабженная планами, картами и цветными видовыми иллюстрациями и воспроизведением вещей, является важным итоговым изданием как на информационном, так и на интерпретационном уровне.

ВСЕМИРНАЯ ДОИСТОРИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ ФРАНЦИИ

J.Garanger (dir.) *La préhistoire dans le monde*. 837 pages and illustrations. 1992. Paris: Presses Universitaires de France.

Тридцать лет назад во Франции вышел в свет краткий хорошо скомпонованный университетский учебник первобытной археологии (Leroi-Gourhan et al. 1965), который, наряду с книгой Ф.Борда (Bordes 1968) на долгое время стал основным пособием для изучения палеолита. Рецензируемый том, изданный в серии "Новая Клио. История и ее проблемы", имеет подзаголовок "Новое издание доистории Андре Леруа-Гурана", однако сохраняет мало общих черт со своим предшественником. Изменилась структура книги (вместо преимущественно хронологической ныне принята региональная последовательность изложения), многократно увеличился ее объем (с 366 до 837 страниц), иным стал и коллектив авторов (20 человек), объединивший, кроме сотрудников основанной А.Леруа-Гураном Лаборатории доисторической этнологии, ученых из других французских исследовательских центров и даже франкоязычной Канады (П.Плюме).

Как и учебник А.Леруа-Гурана, книга состоит из трех частей. Она открывается обширным библиографическим разделом, далее следует вводная часть, озаглавленная "Методология подхода и новые ориентиры". Раздел включает главу I "Природная среда и хронология", написанную рядом специалистов в области применения естественнонаучных методов в археологии (У.-Л.Монье, Арлетт Леруа-Гуран, К.Герен, Ж.Делибриас). Глава содержит краткие элементарные сведения о четвертичной геологии и палеогеографии, методах изучения растительного и животного мира плейстоцена и голоцена, абсолютном датировании и т.д. В качестве вводного курса она вполне соответствует учебным целям.

Этого нельзя сказать о следующей главе, посвященной уже собственно археологической методологии. Сюда включены разделы, крайне интересные для специалистов, но предполагающие у читателя наличие достаточной подготовки в области типологии и технологии каменных индустрий. Именно здесь наиболее четко проявились перемены последних десятилетий, отражающие не только и не столько огромный прирост фактического материала, но и решительную смену методологических установок французской археологии. Так, на месте приведенных в старом учебнике А.Леруа-Гурана "таблиц описательной морфологии" изде-

лий из камня и кости, мы видим раздел "От руководящего ископаемого к операционной цепочке" (М.Жюльен), где дано очень детальное и вдумчивое описание истории смены различных типологических концепций, причин смещения исследовательского интереса с морфологии изделий к реконструкции технологических процессов обработки камня. Даны основы методики технологического анализа, упоминается значимость трасологического метода С.А. Семенова. Помимо воссоздания процесса изготовления каменных орудий, технологический анализ имеет существенное значение для реконструкции производственной структуры стоянки и даже для изучения процессов разделения труда в древнем обществе. За разделом о каменных орудиях следуют небольшие этюды, посвященные технологиям и морфологиям древней керамики (Э.Бальфе), приемам фиксации и исследования памятников пещерного искусства (Н.Ожула), применению статистико-математических методов и информатики в археологии (Ф.Одуз).

Следующий большой раздел, также принадлежащий перу М.Жюльен, "К этнологической интерпретации поверхностей обитания", посвящен проблематике палеолитических жилищ и поселений, вопросам методики раскопок и реконструкции облика древних стоянок, геоархеологическим проблемам формирования культурного слоя и наконец, анализу систем доисторических поселений и эксплуатируемых территорий. Автор подчеркивает приоритет советской археологии 30-х гг. в развитии данной тематики, которая во Франции неизменно ассоциируется с именем А.Леруа-Гурана. Завершают главу теоретические этюды об этнографической аналогии и этноархеологии (А.Кудар) и методах археологической и палеодемографической реконструкции по материалам погребальных комплексов (К.Массе).

Третья часть книги "Познания" представляет собой опыт глобального описания древнейших культур. Она открывается краткой антропологической главой (Ж.Шавайон), дающей очерк становления человека. Центральное место в книге занимает обширная 2 глава "Европа и Северная Азия". Разделы по нижнему и среднему палеолиту в ней написаны К.Фаризи, по верхнему — И.Таборен и Б.Шмидер.

Не вдаваясь в анализ огромного по объему

фактического материала, представленного в работе, отметим только некоторые методологические моменты, характерные для современной французской археологии. Прежде всего, это особая роль, придаваемая технологии при подразделении палеолита и изучение отражения в облике индустрии характера сырья. Именно подобным образом, например, объясняется существование ашеля, клектона, тейяка и галечных индустрий. Другой интересный момент — отказ от однолинейной эволюционной схемы даже для французской территории и от прямолинейной культурной интерпретации вариативности индустрий. Так, признается, что вариация форм ашельских рубил не имеет строго хронологического значения.

По сравнению с классическим определением, значительно расширены рамки среднего палеолита, охватывающего, кроме мустье и микока, позднеашельские и так называемые эпиашельские индустрии с широким развитием леваллуазской техники и орудий на сколах, в основном скребел. Наряду с ними, прослеживаются необычно ранние мустьерские индустрии и, таким образом, начало среднего палеолита опускается до рисского времени. Что касается “вечного вопроса” о значимости вариантов мустье, то автор главы склоняется скорее к точке зрения П.Мелларса относительно временной последовательности разновидностей мустьерской культуры, вероятно отражающих развитие технологии. В то же время некоторые варианты, такие как зубчатое мустье, могут трактоваться как отражение специализированных видов деятельности. Генезис верхнего палеолита рассматривается как сложный процесс с вовлечением в него ряда культурных групп, в том числе среднепалеолитических. При описании культурных общностей верхнего палеолита равное значение уделяется как моментам широкого общеевропейского сходства, так и выделению “региональных фаций”, установлению множественности путей эволюции той или иной индустрии в различных географических зонах. Именно с такой позиции рассматриваются отличия классического ориньяка запада от ориньяка Центральной Европы и Балкан. Граветт считается временем первой широкой унификации культуры в европейском масштабе, после чего наблюдается обособление франко-кантабрийского региона, где появляется солютре, от остальной части Европы, где господствуют эпиграветтийские индустрии. Новая пора “объединенной Европы” наступает с приходом мадлена, влияние которого распространяется от Франции и Испании на значительную часть континента вплоть до Польши.

Палеолитическая часть главы завершается небольшим очерком типологии верхнепалеоли-

тических украшений (И.Таборен) и разделом о палеолитическом искусстве (Д.Бафье). В последнем, кроме общих сведений об основных видах и пространственно-временном распространении произведений мобильного искусства и пещерных комплексов, можно найти краткое изложение сменявших друг друга идей относительно социальной значимости этих объектов и обзор современного состояния проблематики. Далее следует глава, принадлежащая перу М.Орляка, посвященная европейскому мезолиту или эпилепалеолиту (последний термин сейчас широко вновь употребляется во Франции), и раздел об эпилепалеолитическом искусстве (Д.Бафье).

3 глава (Ф.Валла) дает очень сжатый по сравнению с предыдущими частями книги очерк палеолита Ближнего Востока. Автор выделяет в развитии ранних индустрий здесь три фазы, обозначаемые как древний, средний и поздний нижний палеолит с фациями ашельского типа и без бифасов. С началом среднего палеолита происходит необычная диверсификация индустрий (ябрудьен, ашело-ябрудьен, пре-ориньяк, амудьен), позже сменяющихся уммальеном и леваллуа-мустье. В развитии позднего палеолита выделяются ранние комплексы переходного типа (Бокер Тачит), ориньяк и, начиная с 18 тыс. лет, эпилепалеолитические индустрии.

Солидный раздел, написанный Ж.Шавайоном, составляет глава 4, посвященная Африке. Вслед за Ф.Урсом автор разделяет наиболее ранние комплексы — “архаичный палеолит” (охватывающий до-ашельские галечные индустрии) от собственно “нижнего палеолита” (ашель). Что касается памятников Олдувайского ущелья, то Ж.Шавайон придерживается версии об естественном происхождении круга камней на стоянке DK, ранее трактовавшегося как остатки древнейшего жилища. В свете открытий последних лет вырисовывается картина очень широкого распространения олдувайских индустрий в различных частях континента. Подробно рассматривается вопрос о технологическом и типологическом отличии африканского ашеля от европейского, африканского среднего каменного века от мустье. По мнению Ж.Шавайона, термин “мустье” в Африке может применяться только для северной части континента. Особое внимание уделено парадоксально ранней микролитической индустрии Ховисон Пурт. Описывая финальную стадию африканского палеолита, автор употребляет термин “эпилепалеолит” для северной части континента и “поздний каменный век” для южной, в то же время, отмечая достаточно раннее по европейским меркам появление микrolитов в обеих частях Африки.

Последующие главы, написанные Ж.Гаран-

же, отличаются куда менее детализированной подачей материала. 5 глава содержит краткое обобщенное описание каменного века Индии, Индокитая, Китая и Японии. Здесь очень мало нового фактического материала; встречаются повторы давно устаревших суждений (к примеру, определение индустрии Шуйдунгоу как “мустье, развивающегося по направлению к верхнему палеолиту”). В 6 главе мы находим сведения о позднплейстоценовых и раннеголоценовых намятниках Австралии и Новой Гвинеи и более подробное описание культурных традиций Океании (в развитие этой последней области исследований французские археологи, в том числе автор раздела, внесли заметный вклад).

Завершающая 7 глава, принадлежащая перу Д.Лавалле и П.Плюме, содержит краткую характеристику плейстоцена Северной Америки и рассматривает проблему древнейших стоянок в Новом Свете. Более детально рассмотрены этапы освоения Арктической части континента, палео- и неозскимосские культуры. Далее следует описание архаической и нормативной стадий в Северной Америке, раннеголоценовых культур охотников-собираателей Центральной и Южной Америки, процесса формирования очагов земледелия в Мексике и Андах, их влияния на периферийные регионы.

В целом рецензируемая книга представляет собой солидную сводку современного состояния знаний о древнейших этапах истории человечества, она показывает огромное разнообразие форм палеолитической культуры. Однако, отсутствие единой концепции развития палеолита в глобальном масштабе и соответствующего понятийного аппарата препятствует авторам провести обобщение изложенных материалов. Недаром книга обрывается без какого бы то ни

было заключительного раздела. К другим недостаткам тома относится значительная неравномерность подачи материала, где наиболее подробно сказываются изложенными сведения по тем регионам, где французские исследователи ведут активную деятельность. Довольно нелогичными представляются, кстати, и принятые в работе хронологические рамки доистории. Если для территории Европы и Ближнего Востока изложение доведено до мезолита и эпипалеолита включительно (здешний неолит описан в другом томе той же серии “Протоистория Европы”), то в разделах, посвященных Африке, Южной и Восточной Азии присутствует описание неолитических культур, для Океании изложение доведено до эпохи контакта с европейским миром, а по Америке — до становления доколумбовых цивилизаций.

Наконец, доистория России и прилегающих территорий традиционно остается очень плохо и выборочно освещенной (как, впрочем, и во всех других сводках подобного рода, издаваемых на Западе). Так, палеолит Кавказа, Средней Азии и Монголии в книге просто не упомянут, о богатейших материалах Русской Равнины мы читаем буквально на считанных страницах. Небольшой раздел “Верхний палеолит Сибири”, написанный Б.Шмидер, изобилует фактическими ошибками, есть неточности и на представленной карте расположения стоянок. Выходит что, несмотря на нынешнюю эпоху “открытости” и многочисленных контактов, российские древности еще в очень малой степени задействованы в системе всемирной доистории, что ведет к значительному искажению и обеднению картины развития культуры. Вероятно, в будущем при написании подобных коллективных трудов стоило бы включать в авторскую группу отечественных исследователей.

Bordes, F. 1968. The Old Stone Age. New York-Toronto: Toronto University Press.

Leroi-Gouran, A. et al. 1965. La préhistoire. Paris: PUF.

*С.А.Васильев
Институт истории материальной культуры РАН,
Отдел палеолита.*

ИСТОРИЯ ЖИЛИЩА ОТ АВСТРАЛОПИТЕКОВ ДО ПЕРВЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ

R.Desbrosse, J.Kozlowski. Les habitats préhistoriques. Dès Australopithèques aux premiers agriculteurs. 132 pages, 81 figures. 1994. Cracovie-Paris: Ed. du CTHS: Université Jagellon.

Рассматриваемая работа, опубликованная в серии “Документы преистории” состоит из предисловия (написанного Анри Дельпортом), 4-х глав и заключения, а также 81 иллюстрации, обширного списка использованной литературы и указателя стоянок. Монография посвящена очень важной теме — жилым структурам каменного века, которые рассмотрены на гигантском отрезке времени — от австралопитеков до первых земледельческих культур, хотя, основное внимание уделено палеолиту.

Подобная работа, где обобщен большой фактический материал, предопределяет значительный интерес для широкого круга ученых, изучающих человеческую культуру.

В главе первой даны общие понятия, начиная с экскурса в историю исследования концепции “структуры обитания”, рассмотрена его эволюция. Отмечено, что основы были заложены еще исследователями конца XIX века. Упоминаются имена Виктора Коммона и Вашингтона Смита. Далее отмечен австриец Байер, который в 1919 году на стоянке Лангманнерсдорф интерпретировал обнаруженные ямы как основания верхнепалеолитических жилищ.

Особое значение имели раскопки стоянок верхнего палеолита на территории СССР, где применена была новая методика. Речь идет о Гагарино, Супонево, Костёнки 1,4,8, Пушкари, Елисеевичи, Юдиново, которые были изучены С.Н. Замятниным, М.В. Воеводским, П.И. Борисовским, А.Н. Рогачёвым. Эти исследователи, как считают авторы монографии, дали первые образцы типологии данных структур обитания. Важное значение имели дальнейшие раскопки, которые проводили исследователи палеолита Европы, особенно Чехословакии. Эти исследователи палеолита 50-х годов — Ф. Прошек, Б.Клима, Л.Банес — раскопали такие важные стоянки как Барца, Дольни Вестонице, Тибава.

Выдающуюся роль сыграли палеолитики Франции — А.Леруа-Гуран и Ф.Борд. Их разработки этой проблемы были очень плодотворными. Существенное значение имели открытия жилых комплексов в раннем палеолите. Группа ученых, руководимая А.Леруа-Гураном, внесла важный вклад выработкой новых понятий и определений.

В разделе этой главы указано, что в работе используются материалы Старого Света. Преимущество отдается хорошо и сравнительно полно опубликованным памятникам каменного века, но основное внимание уделено Европе и Ближнему Востоку.

Следующий раздел посвящен хроностратиграфии и культурной последовательности археологических комплексов. В таблице 1, которая основана на датах, полученных на основе современных методик, история человечества начинается примерно с трех миллионов лет. Принята современная схема, согласно которой первые люди появились в Африке. Там же, одновременно с архантропами Европы, выявлен наиболее ранний человек современного физического облика, который затем проник далее на территорию всей ойкумены. В течение огромного отрезка времени этот ранний неантроп сосуществовал с неандертальцами и прото-кроманьонцами Ближнего Востока, вытеснив последних и заселив Евразию в начале верхнего палеолита. Эта ныне модная, но спорная (по мнению одного из нас) схема, завоевывает себе многочисленных сторонников среди специалистов Европы и Америки. Развитие в верхнем палеолите рассматривается сквозь призму европейских региональных археологических культур, а также культур Сибири, в то время как более поздние этапы каменного века представлены культурами Ближнего Востока.

Заключительные разделы главы посвящены терминологии и методике интерпретации раскапываемых объектов, связанных с этнографическими аналогиями.

Глава 2 посвящена анализу жилищ и их элементов в раннем палеолите. Материалы разбиты на два хронологических этапа: древнейший ранний палеолит и собственно ранний палеолит. Первый вмещает в себя стоянки олдувайской эпохи до оледенения гюнц, второй — ашельской — до миндель-рисского межледникова включительно.

Из древнейшего раннего палеолита наиболее известно округлое скопление камней со стоянки ДК из нижнего уровня I Олдувайского местонахождения. Это скопление рассматривалось Мари Лики и позднее другими исследователями как остатки первого жилища, которое

могло быть своеобразным ветровым заслоном, напоминая такого рода скопления на стоянке африканских охотников недавнего прошлого. Также упоминаются древние скопления камней и костей развитого олдувая Эфиопии (стоянка Гарба 4 Д), а также стоянки Изерни в Италии и Солейяк во Франции. Возраст последних более 700 000 лет. Интересны материалы стоянки Солейяк, где обнаружено скопление из камней размерами 6 м x 1,5 м, которое также можно рассматривать как остатки ветрового заслона.

Из раннего палеолита известно несколько стоянок, где выявлены жилые структуры, отличающиеся от более древних наличием очагов. На регулярное использование в это время огня авторы монографии обращают особое внимание. Наряду с известными жилищами Терра-Аматы, упоминаются жилища в гроте Люнель-Вьель, на открытой стоянке Порт-Пиньо, а также стоянке Рош-Желетан. Элементы жилых структур установлены на ряде памятников (Кон дель Араго, Альдене, Бильцингслебен). Во всех случаях прослеживаются очаги, в том числе обложенные камнями.

Как указывается в работе, в течение длинного межледникового миндель-рисс отмечается движение архантропов (включая пренеандертальцев) из европейского Средиземноморья в более северные районы континента.

Глава 3 посвящена жилищам среднего палеолита. Авторы монографии понимают средний палеолит очень широко, распространяя его на весь рисс, межледниковье рисс-вюрм и ранний вюрм альпийской схемы. Сюда попал даже средний ашель Европы, включая ашельские индустрии Англии, Франции, Германии, что спорно. Не секрет, что включённые авторами в "средний ашель" стоянки Торральба и Амбронна датируются многими специалистами дорисским временем. Кстати, в наиболее обоснованной системе Герхарда Бозински самые ранние комплексы среднего палеолита датируются поздним ашеллем.

Отмечается большое разнообразие организации жилых площадок. Обращено внимание на жилища в ашельском слое грота Лазаре с датой 130 000 лет назад, вымостку пола в слое рисского времени грота Бом-Бон, на остатки овального жилища с ямками от колышков на открытой стоянке Рейндален и на прочие менее выразительные факты. В отличие от европейских стоянок с достаточно сложно организованными жилыми структурами на стоянках среднего каменного века Африки это простые заслоны от ветра, представленные вымостками овальной или полуовальной формы из необработанных булыжников. Эти стоянки, как утверждают автор работы, оставлены уже людьми

современного физического облика, жившими 200 000 и 80 000 лет тому назад.

Очень разнообразные жилища выявлены уже в собственно мустьерское время. Зафиксировано утепление жилищ в гротах и пещерах. Об это свидетельствуют отпечатки деревянных кольев в слоях гротов Комб-Греналь и Пейрард.

К сожалению, уделяя большое внимание материалам Западной и Центральной Европы, приводя порой весьма спорные факты (жилище в мустьерском слое стоянки Эрд в Венгрии), авторы смогли обратить внимание только на жилища мустьерских стоянок Молодова 1 и 5 на Украине. Они оставили не рассмотренными интересные и важные материалы из мустье Крыма и Русской равнины (Чокурча, Заскальная 5, Сухая Мечетка, Кетросы). В частности, стоянка Кетросы, расположенная всего в 40 км выше по течению Днестра от стоянок Молодова 1 и 5 дала два интересных жилых комплекса, представленных скоплениями костей мамонта и крупными камнями, напоминая жилые структуры мустьерских слоев стоянки Рипичени-Извор Румынии. Очень интересно компактное скопление костного угля в одном из жилищ, которое в какой-то мере находит аналогии в своеобразных очагах верхнего палеолита Костёнок, на что обратил в свое время внимание А.Н.Рогачёв. Жилые структуры мустьерских стоянок Молодова 1 и 5, Кетросы, Рипичени-Извор — уникальны в среднем палеолите Европы широким применением крупных костей и бивней мамонта.

4 глава посвящена анализу верхнепалеолитических жилищ и поселений. Материалы рассматриваются по трем хронологическим этапам. К первому отнесены самые ранние позднепалеолитические культуры (шательперрон, селет, стрелецкая культура, фигурирующая здесь под названием "сунгирьен"), создателями которых автора, под впечатлением открытия в Сен-Сезаре, считают последних неандертальцев. Описано известное жилище из грота Оленя в Арси-сюр-Кюр, а также предполагаемые следы искусственных конструкций из Держислава и Сунгиря (в последнем случае выделение жилищ носит достаточно условный характер). Более выразительные следы жилищ в виде углубленных овальных сооружений (Барца и другие памятники Словакии и Моравии) и уникального образца прямоугольной хижины (Куэва Морин в Испании) доставили ориньякский памятники.

Центральное место в главе занимает, естественно, обзор жилищ граветтийского времени — эпохи расцвета палеолитического домостроительства. В этот период четко проявляется различие облика построек Центральной и Вос-

точной Европы, с одной стороны, и запада континента, с другой. В последнем случае известны наземные округлые окруженные камнями и земляными валиками хижины (наиболее яркий пример — стоянка ВиньБрен во Франции). В Моравии, Польше и на Русской Равнине в среднюю пору верхнего палеолита выявлены следы углубленных сооружений с использованием земляной насыпи и камней (полуземлянка 2 Долины Вестониц, Гагарино), жилые площадки Костенок I и Авдеева и костно-земляные округлые жилища костенковско-аносовского и межиричско-мезинского типов. Неясен скепсис авторов относительно предложенных А.Н.Рогачевым и П.И.Борисковским реконструкций длинных жилищ, Костенок IV и Пушкарей. В рецензируемой книге эти структуры почему-то трактуются как следы мест жизнедеятельности с частичным ограждением типа заслона, но без искусственного перекрытия.

Вообще авторы при сопоставлении материалов Западной, Центральной и Восточной Европы пользуются достаточно странной хронологической разбивкой памятников. Так, в разделе, посвященном граветту после рассмотрения жилищ Костенок I и Авдеева описываются жилища Межиричей и Юдиново — стоянок значительно более молодого возраста. И наоборот — вслед за обзором мадленских жилищ упоминаются Костенки XV — комплекс, гораздо более древний. В работах подобного плана было бы уместно придерживаться либо принципа анализа материалов по хронологическим срезам, либо исходя из типологии самих жилых конструкций. Однако, ни тот, ни другой порядок здесь не соблюдаются.

Если последовавший за граветтской эпохой «солютрейский эпизод» не доставил значительных остатков искусственных сооружений (за исключением каменных стенок в Фурню-Дьябль), то мадленское время характеризуется необычайным разнообразием типов построек. К числу ранних в пределах мадлена отнесены оригинальные каменные структуры, раскопанные Ж.Госсеном на открытых стоянках долины Иля (их интерпретация, кстати, вызывает сейчас много споров). Из числа более поздних мадленских жилищ описаны двойная хижина из грота Эль Джуйо в Испании и, разумеется, серия наземных жилищ из ставших уже классическими стоянок Парижского Бассейна (Пенсеван, Вербери, Марсанжи, Этьоль). К сожалению, авторы не упоминают о нынешних дискуссиях по поводу альтернативных вариантов реконструкции структур, исследованных в Пенсеване. Это тем более досадное упущение, что такой пример наглядно продемонстрировал бы насколько сложной и неоднозначной явля-

ется проблема интерпретации даже простейших типов палеолитических жилищ при условии прекрасной сохранности слоя и высочайшего уровня методики раскопок.

В заключительной части раздела кратко упоминаются жилища различных типов мадлена Германии (Андернах, Геннесдорф).

В особый параграф выделены данные по верхнему палеолиту Сибири. Авторы пользуются устаревшей и выборочной информацией; давая ошибочную датировку основных археологических культур Северной Азии. В частности, ими даже не упоминается наиболее богатая серия палеолитических жилищ, открытая на стоянках Западного Забайкалья М.В.Константиновым. Большое сомнение, особенно в свете результатов новейших исследований Г.И.Медведева, вызывает характер предполагаемых жилищ Мальты, в частности удлиненных конструкций. Вряд ли можно принять сопоставления скопления культурных остатков во 2 слое Кокорево I с «кшемницами» польских стоянок. Дискуссионен и плейстоценовый возраст нижних слоев ушковских стоянок на Камчатке. К сожалению, авторы обошли стороной интригующий факт поразительного сходства структуры финальнопалеолитических стоянок Южной Сибири с мадленскими памятниками севера Франции и Германии, что позволило бы совершенно по-иному подойти к теме сопоставительного анализа стоянок охотников-собирателей конца плейстоцена в масштабах Евразии.

Глава 5 «Последние охотники и первые земледельцы» содержит сведения о структурах обитания мезолита, эппалеолита и бескерамического неолита. Свойственный предыдущим главам широкий территориальный охват здесь утрачивается и в основном приводятся данные только по Западной Европе и Ближнему Востоку. Обзор начинается с очень краткой характеристики поселений финальнопалеолитических культур с наконечниками севера Европы (гамбургской, аренсбургской, крезвельской). Здесь открыты скопления культурных остатков, обычно интерпретируемые как следы легких наземных жилищ (авторы достаточно скептически подходят к подобным реконструкциям). Рассмотрены материалы дюнных свидерских стоянок Польши, доставивших, наряду со скоплениями кремня, следы углубленных полуподземных округлых построек (Гржибова Гора). Далее описываются немногочисленные мезолитические структуры обитания. Авторы видят причины различий в структуре позднепалеолитических и мезолитических поселений лесной зоны в смене форм хозяйственной деятельности и подвижности населения. По их мнению, в степной зоне Причерноморья (Мирное) палеолитические традиции устройства по-

селений сохранялись дольше. Последняя часть главы посвящена исключительно анализу эволюции формы и характера жилища на Ближнем Востоке в эпоху эпипалеолита и бескерамического неолита. Авторы связывают эти процессы с формированием системы производящего хозяйства — от специализированной охоты с большой ролью собирательства у кебарийцев и натуфийцев до зачатков земледелия в бескерамическом неолите А и земледельческо-скотоводческого хозяйства в бескерамическом неолите В. Соответственно изменялся и характер поселений. Скопления углубленных округлых обложенных камнями хижин в натufe и докерамическом неолите А (где уже активно использовалась глина в качестве строительного материала) сменяются прямоугольными конструкциями с несколькими внутренними помещениями, которые доминируют на стадии бескерамического неолита В.

В заключение авторы попытались кратко сформулировать основные закономерности развития первобытного жилища. Они отмечают связь усложненных форм домостроительства с оседлостью, возникавшей, по их мнению, дважды — на базе изобилия охотничьей добычи в перигляциальной зоне Центральной и Восточной Европы в граветтское время и в эпипалеолите Ближнего Востока уже на основе усложненных форм собирательства. Выделяется четыре этапа совершенствования формы жилища. Начиная с периода около 70 тыс. лет назад

фиксируются первые следы ветровых заслонов. С освоением огня, около 300 тыс. лет, появляется специализация участков поселения. Около 200 тыс. лет первые неандертальцы начинают сооружать жилища с очагом в центре. Наконец, эпоха верхнего палеолита, с 35-40 тыс. лет, характеризуется таким разнообразием типов построек, что становится возможным говорить о различиях социальной структуры и мобильности отдельных групп населения. С переходом к производящему хозяйству зарождается подлинно урбанистическая архитектура с широким использованием в строительстве глины.

Работа Р.Дебресса и Я.Козловского дает цельный обильно иллюстрированный очерк истории сложения и совершенствования жилища на ранних этапах развития человечества. Отрадно отметить широкое использование авторами богатейших материалов, накопленных отечественными археологами. Книга, несомненно, принесет пользу как начинающим археологам в качестве введения в проблематику, так и исследователям, интересующимся общими тенденциями развития первобытной культуры. Однако, вопросы изучения палеолитических жилищ и поселений ныне предстают гораздо более сложными и требуют критического переосмысления имеющихся в литературе сведений. Но эта задача уже выходит за пределы рецензируемой книги и не стояла перед ее авторами.

*Н.К.Анисюткин, С.А.Васильев
Институт истории материальной культуры РАН,
Отдел палеолита*

ТАЙНЫ ПОДЗЕМНЫХ СВЯТИЛИЩ

Jean Clottes et Jean Courtin. La grotte Cosquer. Peintures et gravures de la caverne engloutie. 197 pages, 191 figures en texte. 1994. Paris: Seuil.

Jean Clottes. Les cavernes de Niaux. Art préhistorique en Ariège. 179 pages, 181 figures en texte. 1995. Paris: Seuil.

Jean-Marie Chauvet, Eliette Brunel Deschamps, Christian Hillaire. La grotte Chauvet à Vallon-Pont-d'Arc. Postface de Jean Clottes. 195 pages, 94 figures en texte. 1995. Paris: Seuil.

Буквально в течение одного года во Франции, благодаря усилиям одного издательства, вышли из печати три великолепных тома, посвященные палеолитическим святилищам Коскер (март 1994 г.), Нио (март 1995 г.) у Шове (апрель 1995 г.), все три связанные с именем Жана Клотта, выдающегося исследователя первобытного искусства. Если Нио, открытая

давно и тщательно исследованная полость, представлена в виде итоговой публикации, впервые включающей сеть Кластра, то монографии о новейших сенсационных открытиях пещер Коскер и Шове носят, естественно, предварительный характер. Тем не менее все три фолианта образуют серию: они изданы в одном формате, прекрасно документированы с

помощью многочисленных высококачественных фотографий и снабжены справочным аппаратом. И самое главное, будучи строго научными, они предназначены не только и не столько для специалистов, но для широкой, хотя и достаточно информированной публики. Об этом свидетельствуют и доступность изложения и исторический фон, на котором оно ведется, поясняющий многие моменты и термины.

Начнем с Нио, наиболее известной читателю. Большую роль в изучении пещеры сыграло то, что 1 января 1971 г. Ж.Клотт был назначен директором Доисторических древностей французских Пиренеев. В течение 24 лет Нио была центром забот Ж.Клотта сначала по причинам консервации и административного руководства. Постепенно знания о пещере возрастали и он мог лучше понять деятельность и рефлексы палеолитических людей в ее галереях. Нио отличается от других пещер, прежде всего, тем, что мадленцы шли до самого конца галерей, на расстояние почти 2 км от входа, и там они оставили свои знаки — мировой рекорд для эпохи.

Во вводной главе 1 дается общая характеристика мадлена Пиренеев, где установлено около 70 местонахождений, хронологические рамки которых уточнены 50 радиоуглеродными датами от 14800 до 11800 лет назад. Представлены данные о материальной культуре, климате и населении, образе жизни, перемещениях и сезонных поселениях, культовых видах деятельности, искусстве малых форм, найденном в археологических слоях. В настоящее время в северных Пиренеях насчитывается 32 пещеры с настенным искусством, которые отличаются от пещер других центров некоторыми особенностями: именно здесь в глубоких галереях сохраняются глиняные скульптуры и гравюры на глинистом полу, неизвестные в других провинциях. Выбор тем также оригинален: из обычной пары бизон-лошадь, лошадь преобладает на западе региона, тогда как бизон царит в арьежских Пиренеях. Их сопровождают обычно горный козел, реже благородный или северный олень. Изображения людей (добавим, или человекоподобных существ) относительно многочисленны. Наличие знаков-клавиформ в ряде арьежских пещер еще усиливает их специфичность. Наконец, эти глубокие полости, часто лучше других защищенные природой, поздним открытием (Фонтане, сеть Кластра) или проницательностью первооткрывателей (пещеры р. Вольп) позволяют изучать поведение мадленцев в святилищах.

Пещера Нио важна во многих отношениях. Глава 2 трактует ее “в пространстве и в истории”. Описывается географическое положение

в крутом известняковом массиве между р. Арьеж и ее притоком Викдесос, где на высоте 140 м над последним открывается импозантный крытый вход высотой 55 м при ширине 50 и глубине навеса 74 м. Пещера состоит из собственно Нио и сети Кластра, которую рассматривают теперь как особую длинную галерею, поэтому речь идет не об одной полости, а о двух, что отражено в названии книги. Можно считать доказанным, что мадленцы никогда не проникали в сеть Кластра из Нио, отдельные части которой описываются согласно плану на рис. 31.

Обширный вход в пещеру издавна привлекал внимание, о чем свидетельствуют “современные” надписи на стенах, самая древняя из них датируется 1602 г. Официальное же открытие росписей Нио относится к 1906 г. Не останавливаясь на увлекательной истории исследования, упомянем, только что благодаря заботам Ж.Клотта, сначала в сети Кластра, затем в Черном Салоне были созданы климатологические станции и проведены все необходимые работы.

В особую главу 3 выделены проблемы сохранения Нио. Ж.Клотт исходил из постулата, которого должны придерживаться все исследователи пещер с настенными росписями и гравюрами: если это искусство дошло до нас через тысячелетия, потому, что естественные условия были благоприятными для его сохранности, нельзя менять ни малейший из параметров. “Мы должны сохранить пещеру в ее состоянии (тем более, что сделать это возможно) и особенно избежать человеческой агрессии” (с. 47).

Глава 4 посвящена сети Кластра — первое монографическое описание этой отдельной глубокой галереи, открытой в 1970 г. и изученной первоначально в 1971-1972 и детально в 1988-1990 годах. Собственно пещера Нио заканчивается галереей Картальяка на озере 2 — глубоком кармане воды, который был значительным препятствием из-за низко нависающего потолка. В нескольких десятках метров находится озеро 3 и далее развивается на протяжении более 1 км сеть Кластра. Хотя она составляет часть той же геологической системы, что и Нио, она поразительно свежая, сталактиты и сталагмиты образуют то занавеси, то колонны, повсюду столь необычные, что кажется, малейшее дуновение может их разрушить. Ж.Клотт восклицает: “какое различие с Нио, веками подвергавшейся вандализму дикого туризма, где не сохранилось ни одной конкреции, которую можно было достать?” (с. 63). Вся первая часть сети до озера 4, несмотря на скрупулезные поиски, не дает никаких следов проникновения людей, и только после преодоления этого озера начинаются росписи на стенах, рассеянный уголь и отпечатки человеческих ног на полу, которые продолжают без пере-

рыва до конца сети. Все происходило так, как если бы мадленцы шли именно с этого конца, где следы их пребывания многочисленны, и как если бы они остановились у озера 4, где нарисован последний знак на стене. План, составленный Ф.Рено (рис. 31), показал, что сеть Кластера направлена к Малому гроту, от которого она отделена несколькими десятками метров. Это позволяет думать, что именно здесь был первоначальный вход, следовательно, сеть Кластера является самостоятельной пещерой. Данное мнение было оспорено Д.Виалю, приведенные аргументы которого, однако, не опровергают позицию Ж.Клотта и Р.Симонне.

В главе 5 рассматриваются маршруты людей в глубоких галереях: последовательно и подробно, начиная от входа, описываются части пещеры Нио с их настенными изображениями. Исключительно большие размеры пещеры имеют первостепенное значение для установления различных видов деятельности мадленцев. Возможности, которые предоставляли объемы площадей на твердых стенах, были практически неограниченны, но желание, свойственное франко-кантабрийским мадленцам, идти как можно дальше, остается одной из наиболее характерных черт Нио. Что касается отпечатков босых ног взрослых и детей, сохранившихся на влажной глине, нет данных для их датировки. Если они доисторические, то могут быть мадленскими или более поздними, поскольку во входной зоне пещеры найдены остатки неолита или бронзового века, и в противоположность этому, все рисунки и на полу и на стенах галерей должны быть отнесены к мадлену, за исключением нескольких случаев сомнительной подлинности. Темы классические: животные и знаки, причем последние значительно более многочисленны. Нет ни одного образа человека.

Глава 6 посвящена Черному Салону — бесспорно наиболее репрезентативному обширному вытянутому залу, расположенному перпендикулярно сети галерей. Детально, одно за другим, описываются красочные и гравированные изображения, часто объединенные в зрелищные панно, что отчетливо отражено на плане (рис. 120). Произведен глубокий анализ размещения и характера образов. Главная детерминанта — диспозиция поверхностей, использованная по максимуму, как для святилища в Труа-Фрер, но без наслоений и перекрытий. Фигуры наносились в зависимости от рельефа стены в благоприятных и легко доступных местах.

70 фигур на стенах включают 39 бизонов, 19 лошадей, 8 горных козлов, 2 благородных оленей и 2 неопределимых. Число изображенных видов очень невелико для такого крупного ан-

самбля. Отмечен интересный момент: животные часто персонифицированы, т.е. речь идет не о стереотипах, а об индивидуумах, охарактеризованных множеством деталей. Их возраст, пол, поза остаются определяемыми для сведущего наблюдателя. Размеры значительно варьируют, от животных длиной более 1 м до миниатюрных фигур (10–20 см), те и другие могут быть встречены на одном панно. Знаки в Черном Салоне насчитываются десятками, наибольший интерес представляют знаки в виде стрел или копий. 30 таких знаков расположено на теле 15 различных животных, в том числе на 11 фигурах бизонов. Столь высокая пропорция свидетельствует, что такая связь не могла быть случайной. Интересной представляется идентификация таинственного существа, напоминающего неполный человеческий силуэт. В зоне Черного Салона расположено 6 отчетливых ансамблей гравюр на полу: 2 вне Салона и 4 у его стен. В целом отмечена 21 фигура: 8 бизонов, 4 лошади, 3 горных козла, 1 бык, 4 рыбы, 1 неопределимая. Это много, если учитывать редкость такой техники во франко-кантабрийских пещерах и большую уязвимость произведений, часть которых могла исчезнуть во время позднейших посещений полости. Выбор тем и даже их относительные пропорции сближают рисунки на глине с настенными росписями.

В главе 7 темы изображений рассматриваются на более широком фоне палеолитического искусства. Знаки в Нио были тщательно изучены Д.Виалю, исходившим из того, что пещера содержит однородный и намеренно сконструированный ансамбль. Ж.Клотт считает, что Черный Салон фактически своей аккумуляцией животных (83% всех известных в пещере) стоит особняком, он фундаментально отличается не от той или иной галереи, а от ансамбля галерей. Эта позиция позволяет выявить некоторые тенденции в распределении знаков в зависимости от трех главных критериев: морфологические детали стен или неровностей полости и топография; порядок обрамления красочных или гравированных ансамблей различной важности; сами изображенные животные. Поэтому роль различных знаков должна быть различной.

Что касается изображений животных, то при общем числе 110, бизоны представляют половину (54 или 49%), лошади — 29 или 26% и горные козлы — 15 или 14%. Другие значительно им уступают: 3 быка, 2 благородных оленя, 4 рыбы, 3 неопределенных. Любопытное сравнение проведено с фаунистическими остатками из пещеры Ла Ваш, которая считается местом обитания художников Нио. Главными объектами охоты в Ла Ваш были горные козлы, северные олени и пиренейские серны. Особо рас-

считается вопрос натурализма в изображении животных и в особенности главной темы Нио — бизона. Тонкий и тщательный анализ каждого изображения, его пола, возраста, позы, открывает для Ж.Клотта новые горизонты в понимании ментальных процессов мадленцев и концепций, которые заставляли размещать образы на стенах пещер. Можно полностью согласиться с тем, что палеолитические художники перенесли на плоскость живую реальность и что образы бизонов не сводились к стереотипу (символу).

В главе 8 уделено внимание различным техническим приемам: освещению, которым пользовались мадленцы; выбору ими пригодных поверхностей стен; примененным приемам гравюры на стенах, достаточно редкой в Нио, и гравюры на полу, напротив, хорошо представленной, а также росписи. Роспись включает две, иногда три составляющие: дающий окраску пигмент; более или менее жидкое связующее вещество, обеспечивающее густоту и текучесть, и добавление размельченного минерала для экономии пигмента и облегчения сцепления росписи с основой, ее сушку и сохранность. Вместе с М.Меню и Ф.Вальтером, произведшими анализы, Ж.Клотт снял 69 образцов в Нио и 6 в сети Кластра. Результаты были удивительными. Среди них особенно важно установление различных рецептов краски: в одном утяжелителем служил только калийный полевой шпат (рецепт F), в другом к нему присоединялся в большом количестве биотит (рецепт B), и в редких случаях тальк (рецепт T).

В главе 9 — Стили и даты — еще раз подчеркивается, что до последнего времени было невозможно датировать настенное искусство непосредственно и, как большинство франко-кантабрийских пещер, Нио датировалась только согласно стилистическим критериям. Ж.Клотт резонно замечает, что мадленский возраст Нио общепризнан, но мадленская эпоха длилась в течение почти 5 тысячелетий и мнения о возрасте Нио расходятся. Одни считают искусство Нио однородным и относящимся или к среднему мадлену около 14 000 лет назад (А.Леруа-Гуран) или к финальному мадлену около 12800 лет назад (Л.-Р.Нужье, П.Бан), другие думают, что росписи Нио принадлежат к нескольким периодам от среднего мадлена до азиля включительно, т.е. выполнялись в течение очень долгого промежутка времени (А.Брейль).

Ж.Клотт признается, что он долго разделял мнение А.Леруа-Гурана но затем стал сомневаться в хронологическом обосновании стилей, в частности, разделении стиля IV на две ступени. На основании стиля фигур горных козлов в галерее Картальяка и датировок Ла Ваш он

отнес ансамбль Нио к позднему мадлену. Это подтвердилось новыми данными. Роспись, покрывающая десяток предметов из позднемадленского слоя Ла Ваш, реализована по рецепту B, что доказывает более поздний возраст этого рецепта. Две радиоуглеродные даты, полученные по частицам красок из панно 6 Черного Салона, тождественны датам Ла Ваш и таким образом, доказано, что росписи Нио — позднемадленские. Однако, одна дата, полученная по краске, снятой с бизона 54, древнее на тысячелетие, путает карты. Можно полагать, говорит Ж.Клотт, что при современном состоянии знаний ансамбль Нио создавался в течение долгого периода: от нескольких веков до одного тысячелетия или немного более и это опровергает мнение об его однородности.

Проблемы значения искусства, тесно связанные с проблемами композиции, рассматриваются в заключительной главе 10. Нио никогда не служила убежищем или местом обитания. Она признана “святыней” на основании, главным образом, Черного Салона с его аккумуляцией росписей. Ж.Клотт для начала подробно рассматривает развитие взглядов от охотничьей магии к структурализму и затем переходит к вопросу распределения изображений в пространстве в связи с предполагаемой хронологией, где немалую роль играет различный состав красок. Вывод: “составной” аспект Нио — это достижение сложного процесса, где при современном уровне знаний проявляются, по крайней мере, две фазы.

Установленное ранее различие между Черным Салоном и галереями, взятыми в целом, показывает достаточно интенсивное посещение палеолитическими художниками первого, что контрастирует с немногочисленными и краткими проникновениями в глубокие галереи Нио и в сети Кластра. К тому же, Черный Салон — это единственное место в пещере, где засвидетельствованы следы огня и материальные остатки. Ж.Клотт не думает, что мадленцы постигали эту необъятную полость в ее ансамбле и с течением времени располагали в ней свои рисунки в зависимости от предварительно установленных строгих правил. Кажется, по его мнению, более допустимым рассматривать специфические виды деятельности, согласно месту и особому состоянию духа, с которым художники проникали в Черный Салон через легкий и быстрый путь или в отдаленные галереи. Идя вглубь пещеры они отмечали свой переход различными знаками, свидетельствующими об овладении подземным пространством не по предписанной заранее схеме, а в зависимости от топографических особенностей, которые их поражали. Обнаружение элементарной намеренной композиции можно объяснить лишь в

самом общем плане.

Вопрос о нахождении рисунков так далеко под землей Ж.Клотт стремится объяснить с помощью шаманистской гипотезы Д.Льюис-Вильямса, который внимательно изучал искусство бушменов в его этнологическом аспекте. Шаманизм, перенесенный Д.Льюис-Вильямсом на палеолитическое искусство, по его мнению, не особая религия, а довольно широкие рамки представлений, в которые вписываются ритуальные виды деятельности, связанные с трансом и его проявлениями.

В заключение Ж.Клотт говорит о своем твердом убеждении после долгих посещений Нио, что мадленцы искали в глубине пещер мир, отличный от реального, мир, в который они верили как в другую вселенную, где духи находились в пределах досягаемости и были готовы предоставить свою помощь тем, кто о ней просит, согласно установленным обрядам. Среди этих существ особенно велика была роль бизонов. Художниками были шаманы-мужчины, которые только в редких случаях шли до конца галерей, чтобы быть еще ближе к миру духов, но там они не задерживались. В то же время Ж.Клотт признает, что каковы бы ни были аргументы, мы никогда не будем иметь формальных доказательств для таких построений.

Нет необходимости комментировать или оспаривать некоторые положения книги при ясном осознании факта: то, что сделал Ж.Клотт для сохранения и изучения Нио, включая эту фундаментальную публикацию, следует расценивать как научный подвиг. Это касается давно известной полости, не менее высокой оценки заслуживает в полной мере неожиданное открытие и введение в науку двух других замечательных пещер.

Удивительное открытие подводной пещеры в известняковых утесах недалеко от Марселя произвело эффект разорвавшейся бомбы в научной среде и в средствах массовой информации. В 1985 г. Анри Коскер, профессионал-водолаз, проник через узкий вход на глубине 37 м под уровнем моря и со всей осторожностью, к которой его приучил полный опасностей опыт погружения, продвигался в бесконечную, как казалось, темную галерею, приведшую в обширный полузатопленный зал. Очарованный и покоренный великолепием конкреций, фантастическими формами и мерцающим колоритом он не заметил во время первых посещений настенных изображений. Спустя несколько лет, летом 1991 г., он снова проник в свой “таинственный сад” и впервые увидел негативный трафаретный отпечаток руки, нанесенный красной охрой на стене зала. В следующий визит А.Коскер и его друзья обнаружили боль-

шинство красочных или гравированных изображений животных. Таким образом, открытие нового палеолитического святилища в столь небывалых условиях оказалось заслуженным вознаграждением любознательности настойчивости и мужества обладающего мастерством глубокого погружения, истинного “труженика моря” Анри Коскера, поэтому пещера вполне оправданно носит теперь его имя.

После того, как был пройден полный волнений этап научных экспертиз и первоначальных исследований, пресса развернула диспут о подлинности изображений, в который были вовлечены и выразившие сомнения крупные специалисты. Диспут вызвал ажиотаж, приведший к трагической гибели трех дилетантов, заблудившихся в подводном лесу сталактитов. Подлинность искусства была подтверждена многими аргументами. Научная значимость пещеры и ее защита от неподготовленных посетителей стали очевидными. Непреодолимая для многих сложность посещения нового святилища требовала скорейшей публикации, которую блестяще осуществили Жан Куртен, непосредственно работавший в пещере (главы 1-4) и Жан Клотт, изучивший материалы, фото- и видеодокументы и давший всесторонний их анализ (главы 5-10).

Хотя научное исследование пещеры далеко не закончено, уже сделаны палинологические и антракологические анализы; получено 12 радиоуглеродных дат, часть которых сделана по пигменту росписей, что позволяет достаточно достоверно судить об их возрасте. Даты группируются в две серии, свидетельствующие о двух фазах освоения пещеры: фаза 1 — около 27 000 лет назад и фаза 2 — 18 500 лет назад. Первая фаза отмечена нанесением негативных рук с неполными пальцами и так называемыми “макаронами”. Во время второй фазы на твердых поверхностях изображали росписи и гравюры животных, сопровождаемые знаками.

В главе 1 отражена история археологического изучения побережья в окрестностях Марселя, результаты которого в области верхнего палеолита до открытия А.Коскера не были впечатляющими. В главе 2, посвященной естественным условиям во время функционирования пещеры уточняется, что уровень моря во время голоценовой трансгрессии здесь никогда не поднимался выше современного уровня. Климат позднего вюрма в Нижнем Провансе включал две очень холодные фазы, разделенные кратким относительно умеренным потеплением. Скальные рельефы были тогда покрыты густыми лесами сильвестровой сосны и можжевельника, где обитали горные козлы и серны, медведи и львы. У подножия массива перед пещерами простирались обширные степи, порос-

шие знаковыми и сложноцветными, с небольшими понижениями, где росли ольха и береза. В степях паслись лошади, бизоны, быки; перелески были заселены оленями. Сред скал побережья можно было выследить тюленей, обнаружить пингвинов и других птиц, собрать моллюсков. При редкости фаунистических остатков в местонахождениях позднего вюрма Нижнего Прованса, изображения животных в пещере Коскер приобретают большое значение еще и потому, что они показывают ассоциации видов, живущих в различной природной среде. Текст сопровождается великолепной картиной реконструкции палеолитического пейзажа.

В главе 3 дается описание пещеры, легко доступной в палеолите. В настоящее время требуется преодолеть подводный путь от узкого входного отверстия по постепенно поднимающейся галерее длиной 150 м до главного частично затопленного зала размерами 70 x 55 м и высотой от 3 до 6 м. Два узких прохода ведут во второй зал. Подробно описывается топография и размещение изображений на стенах и сводах.

Постледниковая трансгрессия запечатала вход, сохранив в неприкосновенности археологические остатки на поверхности не затронутой водой. Древесные угли рассеяны на ровных площадках, скопления в неровностях пола образуют иногда очаги. Угли встречаются и на вершинах усеченных сталагмитовых столбов, представлявших нечто вроде “ламп”. Найдено 5 кремневых пластинок, одна из них реберчатая, и небольшой фрагмент пластинки с ретушью по краям.

Глава 4 посвящена линиям, проведенным пальцами (*tracés digitaux*) и руками. Всюду, где ургонский известняк был немного размягчен, люди верхнего палеолита покрывали большие площади сдвоенными и строенными параллельными линиями, прямыми, более часто кривыми, вертикальными, наклонными или горизонтальными, более редко извилистыми в виде меандров и завитков. Изучение пещеры Коскер только начато и естественно, что этим линиям пока не уделено должного внимания, однако, уже сейчас отмечено, что они всегда перекрыты изображениями животных и часто отпечатками рук, четко отнесенных к фазе 1. Среди свидетельств, оставленных палеолитическими людьми, руки, изготовленные намеренно на скальных стенах методом трафарета, наиболее волнующий элемент. Такие отпечатки встречаются во многих пещерах франко-кантабрийского региона. Среди них различаются негативные и очень редко позитивные руки. Обладая 46 негативными отпечатками Коскер занимает третье место после Гаргаса и Кастильо. 34 отпечатка были сделаны при помощи древесного угля, для 12 красных отпечат-

ков использовали пещерную глину. 25 рук были неполными. Уголь, снятый с одной руки дал двойную дату: $27\ 110 \pm 390$ или 350 лет назад.

Главы 5 и 6 посвящены соответственно изображениям наземных и морских животных. Определено 99 образов, красочных или гравированных, но исследование стен и сводов еще не закончено и число их может возрасти. Ж.Клотт рассматривает, прежде всего, проблему идентификации животных, замечая, что это тонкий процесс, не лишенный ловушек. Художники наносили на стены ментальные образы животных, которые были им хорошо знакомы. В бесконечном запасе образов они обладали большим выбором тем и поз, заранее решая будут ли целыми их сюжеты или частичными, стилизованными или детальными. Ж.Клотт справедливо считает, что критерии идентификации палеолитических художников не были обязательно сходными с нашими. В пещере Коскер они часто изображали часть вместо целого и довольствовались эскизом только головы или головы с передней частью тела. В ряде случаев они преувеличивали некоторые отличительные морфологические черты, такие как рога оленей или горных козлов, длинные шеи ланей и лошадей. Все изображения даны без какого-либо соблюдения масштабов. Как объяснить что часть фигур передана в совершенстве, со значительно большим количеством деталей, чем это необходимо для идентификации, а другая часть оказывается не только неумело выполненными, но и неопределимыми? Пространство пещеры ограничено и сама сохранность стен обуславливала в большой мере выбор техники. Частое использование естественных контуров, трещин, рельефов скалы доказывает, что свобода художника была полной. Возникает вопрос до какой степени точности может идти идентификация, поскольку правила “систематики” почти не применимы к палеолитическому искусству. Определение пола и возраста также крайне сложно. О поведении животных трудно судить, так как в пещере Коскер они изображены, чаще всего, в застывших, неподвижных позах, как бы подвешенными в воздухе.

Подробно описаны и в большинстве случаев представлены фотографии сюжетов, которые распределяются следующим образом в порядке убывания. Лошади — 36: 24 гравированных и 12 красочных, с натуралистическими пропорциями, детали тела часто отсутствуют, нередко изображена только грива. Представлены 10 целых фигур, 13 — передние части тела, 11 — головы и небольшая часть шеи, 2 — изолированные головы. Горные козлы — 20: 19 гравированных, 1 красочный и серны — 5: все гравированные. Эти животные сходны между

собой, они имеют пропорциональные тела, переданные очень скупыми средствами несколькими простыми линиями. Бизоны — 9: 5 красочных, 4 гравированных и быки — 3 гравированных. Только 3 целые, другие представлены передней частью тела — 6, головой или изолированными рогами — 3. Все изображены с рогами во фронтальной перспективе. Благородные олени — 6 (3 самца и 3 лани): 5 гравированных, 1 красочный и мегацеросы — 2: гравированный и красочный. Лев или медведь — изолированная красочная голова. Неопределимые — 6, среди них одно странное сложное существо.

Этот ансамбль, в целом, довольно хорошо вписывается в палеолитическое искусство Франко-Кантабрии в широком смысле, чего нельзя сказать о представителях морской фауны, составляющей одну из особенностей пещеры Коскер. Отмечено 8 гравированных фигур тюленей, из которых только 4 являются бесспорными; 3 красочных птицы, которые определены как пингвины (костные остатки пингвинов встречаются в фаунистических остатках прибрежных стоянок). Большой интерес вызывают росписи в форме медуз или скатов.

В главе 7 рассматриваются знаки — неизбежная и многочисленная категория настенного искусства, значительно более многочисленная в пещере Коскер, чем казалось вначале. Как красочные, так и гравированные, они очень разнообразны: простые точки, палочки, кресты, зигзаги, зубчатые, овальные и четырехугольные, иногда со сложным заполнением и т.д. Ж.Клотт отмечает неразработанность и субъективность классификации знаков и останавливается на их трактовке А.Брейлем и А.Леруа-Гураном. Особого внимания требует анализ ассоциаций знаков с изображениями животных.

В особую главу 8 выделена тема “убитый человек” — единственное изображение, передающее в технике гравюры человеческую фигуру, как бы пронзенную длинным копьем. Эта трактовка достаточно убедительна, тем более, что она подкреплена известными аналогиями из Пеш-Мерля, Куньяка и др. Ж.Клотт напоминает различные гипотезы и приходит к заключению, что “убитый человек” из пещеры Коскер означает, прежде всего, что “палеолитическому миру, часто рисуемому в идиллических тонах, не была чужда концепция мученичества или смертной казни, какова бы ни была причина или сюжет” (с. 161), хотя фразой раньше он оговаривается, что вряд ли мы когда-либо достигнем уверенности в этой области.

В главе 9 рассматриваются вопросы хронологии и значения произведений пещеры Коскер на фоне всего палеолитического настенно-

го искусства. Ж.Клотт замечает, что с первого взгляда это искусство кажется однородным, говорящим на языке великих охотников ледниковой эпохи. Но оно существовало почти 25 тысяч лет. Значит, несмотря на сходство, мадленцы Нио или Фон-де-Гом более отделены от первых ориньякских художников, чем от нас.

Благодаря новейшим методам датирования по крошечным образцам черного пигмента установлены две различные фазы освоения пещеры Коскер: первая относится к началу граветта, к ней принадлежат линии, нанесенные пальцами, и руки, вторая соответствует солютре и представлена изображениями животных и знаками. Анализируя изображения животных в Коскер Ж.Клотт отмечает три стилистические условности: изображение ног в форме костьля — схематизация, которая применялась с верхнего граветта (Гаргас) и становилась более распространенной в пещерах, отнесенных к стилю III А.Леруа-Гурана (Эббу, Нанси, Габийю, Кастилью); своеобразная передача рогов двумя раздельными линиями, одна линия рисует переднюю часть морды и рог, другая — второй рог и контур спины, обе линии не соприкасаются и оставляют промежуток в вершине черепа (граветт в Гаргас и Истюриц, солютре) использование одной линии для контура груди и лицевой стороны передней ноги (отмечено Ж.Комбье для солютре в ущелье Ардеша). Вместе с тем, сравнения, которые наиболее часто применяются к животным из Коскер, приводят к “средиземноморской провинции” искусства, выделенной П.Грациози, в которую ансамбль вписывается без труда, несмотря на его оригинальные черты, находящие аналогии в других местах, в особенности в Ляско.

Что касается значения изображений, то Ж.Клотт справедливо считает эту область знаний несравненно более шаткой, чем построение хронологии. “Интерпретировать палеолитическое искусство без поддержки этнологического контекста, который его вдохновил — это занятие, полно опасностей” (с. 173). Поэтому следует опираться только на эмпирическое изучение произведений и на более или менее логические гипотезы. Большой интерес вызывают поднятые вопросы различного освоения и отношения к пещере во время I и 2 фаз, своеобразия и значения знаков, различия между росписями и гравюрами, определения сезонов или сезоне выполнения изображений и т.д.

В заключительной главе 10 Ж.Клотт резюмирует черты оригинальности пещеры, ее ценность и привлекает внимание к проблемам изучения и консервации. Коскер по основным линиям не выходит из круга франко-кантабрийских палеолитических святилищ. Ее своеобраз-

зие заключается прежде всего, в том, что до сих пор ни одна пещера с настенным искусством не была найдена под уровнем моря. Более того, в Провансе вообще не было таких памятников. Наиболее близкие — это гроты Гримальди на востоке и пещеры в ущелье р. Ардеш на северо-западе, в особенное Шове, последняя по счету, но не по важности в нашем обзоре, открытая 18 декабря 1994 г. и названная по имени одного из первооткрывателей.

Жан-Мари Шове вместе со своими друзьями Элиетт Брюнель Дешамп и Кристианом Иллером занимаются спелеологией более 20 лет, увлеченные открытием подземных галерей, сохранивших красоту конкреций и необычные формы минерального мира. Эти исследователи выросли на юге департамента Ардеш, где плато и массивы известняка скрывают многочисленные пещеры и гроты. Каждый имеет основную профессию, но все свободное время посвящает этому общему увлечению. В 1988 г. они объединили свои усилия и создали команду, проводя все уик-энды под землей. Нет сомнений, что открытие этой замечательной во всех отношениях пещеры не случайное везение, а результат долгого и тяжелого труда приобретения опыта и страстных поисков.

Р. Ардеш на протяжении более 30 км прорезала на плато Ба Виварес головокругительное ущелье глубиной 100-200 м. С конца XIX в. в ущелье открыто 28 пещер с палеолитическими изображениями, из них 12 — авторами публикации. Некоторые из пещер интересны и вносят дополнительные элементы в познание палеолитического искусства, но ни одна не сравнится с пещерой Шове, открытие которой стало “экстраординарным событием и вознаграждением за годы работы”.

Исследование пещеры только начато, но никогда со времени Ляско новое открытие не возбуждало такого интереса и восхищения. Учитывая сложность комплекса и проблем, которые он ставит, полное изучение потребует многих лет, поэтому предварительная публикация была необходимой. Она состоит из трех частей: яркого увлекательного описания открытия самими авторами; послесловия Ж.Клотта и великолепного альбома цветных фотографий выполненных Ж.-М.Шове.

Первая часть читается с захватывающим интересом, как в свое время книги Норбера Кастере, кстати героя и вдохновителя Ж.-М.Шове. Проникнув в небольшое отверстие в утесе недалеко от входа в ущелье Ардеш друзья оказались в маленьком гроте. Почувствовав легкий сквозняк там, где пол грота понижался, они стали выбирать обломки скалы в узкой лазейке, сменяя друг друга. “Как всегда, мы шли к неизвестному, продвигаясь сантиметр за сан-

тиметром, не зная, что ждет нас впереди. Может быть, ничего”. Очистив от обломков проход длиной около 3 м они оказались на карнизе на высоте примерно 10 м над обширной галереей. Охваченные предчувствием “премьеры” друзья были вынуждены вернуться на базу за лестницей и другим необходимым снаряжением. Тем временем наступила ночь, похолодало, они были охвачены усталостью, но после некоторых колебаний снова проникли в пещеру. Спуск в глубокую темноту полости казался бесконечным. Замечательно переданы первые впечатления, когда их ноги коснулись пола и они почувствовали запах влажной глины. “Полная тишина. Мы теперь целиком отрезаны от мира, погружены в эту минеральную вселенную, которую мы так любим. В свете налобных ламп, зачарованные, мы открываем справа от нас монументальные колонны белого кальцита. Некоторые имеют форму гигантских медуз, другие — перламутровых столбов. Занавеси падают со свода, кристаллы блестят тысячью огней. Такое изобилие приводит нас в восторг. Слишком красиво. Это — ирреальное зрелище”. Почва покрыта пленкой мерцающего белого кальцита. Медленно продвигаясь след за след, чтобы не нанести повреждений, друзья углубляются в огромную пещеру. При слабом освещении едва различаются очертания стен. И только в узкой галерее Элиетт впервые разглядела на стене две линии красной охры. Здесь же на скальном выступе, свисающем со свода, они увидели маленькую, частично стертую фигуру мамонта, нанесенного по контуру красной краской. Так было положено начало одному из самых значительных открытий в области палеолитического пещерного искусства.

Эмоциональное, но столь понятное всем, кто имел счастье побывать в подземных святилищах палеолита, описание появления новых фресок и связанных с этим чувств ощутимо выражено авторами: “Мы были охвачены странным чувством. Все столь красиво, столь свежо, почти слишком. Время исчезло, как если бы десятки тысяч лет, которые нас отделяли от творцов этих росписей, не существовало более. Кажется, что они только что создали свои шедевры. Мы почувствовали себя незаконно вторгшимися пришельцами. Находясь под очень большим впечатлением, мы были угнетены ощущением, что были не одни: души художников нас окружали. Мы чувствовали их присутствие, мы их раздражали”.

В последующие визиты было установлено, что пещера простирается на 500 м, 4 зала впечатляющих размеров, высотой от 15 до 30 м, следуют один за другим. В каждом зале, как и в боковых галереях и вестибюлях многочисленные красочные и гравированные изображения

животных и знаки покрывают стены. Многие из них в прекрасном состоянии сохранности. Но интерес этого истинного музея не только художественный. Снова дадим слово авторам. После открытия “Спускаясь в полном молчании, мы жили этими почти фантастическими образами, извлеченными из тьмы и забвения, где они находились многие тысячи лет... Мы испытывали необъятную радость, но вместе с тем очень тяжелая ответственность легла на наши плечи. Это нетронутое место, уникальное, как с точки зрения спелеологии, кристаллографии, так и археологии, должно быть любой ценой защищено”. Главной заботой стало подтверждение подлинности открытия и обеспечение сохранности.

Уже 10 дней спустя пещеру посетил вместе с другими авторитетами скептически настроенный Ж.Клотт. Около первого же панно он был полностью убежден в подлинности изображений и глубоко взволнован экстраординарной красотой росписей и гравюр. Теме подлинности он посвятил немалую часть своего послесловия к книге, которое точнее было бы назвать развернутым научным комментарием. В отличие от пещеры Коскер Шове с самого начала избежала несправедливых подозрений. Экспертные комиссии не высказали ни малейшего сомнения по поводу подлинности изображений. Об этом свидетельствуют особенности красочных или гравированных линий, налеты конкреций или кальцитовые пленки; расположение и сам характер изображений, очень качественных и натуралистических. Наконец, вид самой почвы опровергает мысль о подделке. Почва усеяна костями пещерных медведей, различаются отпечатки их ног и следы когтей, иногда прорезающих изображения на стенах. Благодаря тщательным предосторожностям первооткрывателей, все остатки сохранились на месте. Легко увидеть, что полость была девственной, лишенной каких бы то ни было современных следов. Глубокие галереи пещеры очевидно не были обитаемы палеолитическими людьми, сохранились лишь следы посещения: остатки костров для освещения, пятна копоти от факелов, рассеянные кремни. Череп медведя, намеренно положенный на отдельный блок скалы, вызвал, по свидетельству Ж.Клотта, массу домыслов. Ряд скелетов медведей сохраняет позвоночные столбы в анатомической связи, возможно, медведи погибали во время зимней спячки. В земле сохранились округлые углубления-берлоги и местами настоящие тропинки с отчетливыми отпечатками медвежьих лап.

Как во всех палеолитических святилищах представленные темы включают геометрические знаки и фигуры животных. Знаков меньше,

чем в пещерах пиренейской, перигорской и кантабрийской групп, но значительно больше, чем в любой другой полости Ардеша. Наиболее часто встречаются очень характерные ансамбли крупных (до 6-8 см в диаметре) округлых красных точек, аналогичные отмеченным в пещере Пеш-Мерль.

Что касается изображений животных, то первоначально подсчитано 217, хотя несомненно их много больше. Среди фигур широко преобладают носороги — 47 или 22% животных. Черные (38) резко преобладают над красными (7) и гравированными (2), один из последних усилен черной краской. Львы занимают второе место — их 36 или 17%: 28 черные, 7 красные и 1 гравированный. На одном из панно, где они особенно многочисленны, изображены только головы и передние части тела.

Мамонты, довольно частые в ардешских пещерах, представлены и здесь 34 фигурами (16%): 9 черных, 4 красных и 21 гравированная. Лошадей 26 или 12%: доминируют черные (18), красные редки (2), гравированных 4. Особо отмечены две маленькие головы, нанесенные желтой краской — единственный случай в пещере. Бизоны (19 или 9%) все черные, один из них выгравирован перед нанесением черной линии. Медведи (12 или 5,5%), в противоположность другим животным, более часто красные (8), чем черные (3), один выгравирован. Северные олени (10 или 5%) все черные. Из других животных представлены 7 черных быков; 7 горных козлов (5 выгравированы, 1 красный, 1 черный); 3 черных оленя-мегацрота; 1 красный благородный олень, 1 красная пантера — животное, впервые представленное в настенном искусстве палеолита, так же как и красная, частично пятнистая фигура гиены (?) и гравированная сова. 11 фигур неопределимы. Ж.Клотт делает также первые выводы об особенностях размещения изображений того или иного вида и их намеренной группировке, отмечает, что животные часто представлены в движении. Натурализм фигур и правдивость поз показывают, что это не стереотипные, а живые, точно воспроизведенные образы. Наиболее очевидны поиски передачи перспективы.

Изображения людей, как известно, редки в пещерном искусстве палеолита. Грот Шове не нарушает этого правила. Упоминаются негативные и позитивные изображения рук, которые, заметим попутно, собственно не являются произведениями искусства. Особый интерес представляет черная фигура стоящего, слегка наклоненного вперед, странного существа с головой бизона и человеческими хорошо выраженными ногами. Таким образом, все темы и манера их исполнения — палеолитические.

После установления подлинности очень

важен вопрос хронологии. Внимательный осмотр, подчеркивает Ж.Клотт, обнаруживает удивительное сходство между красными и черными фигурами, поэтому выбор красок вряд ли имеет хронологическую значимость. На этом предварительном этапе исследований единственным элементом для культурной и хронологической оценки искусства Шове могут служить сравнения с уже известными произведениями из других мест, хотя этот метод представляется несколько рискованным для новой пещеры, оригинальной во многих отношениях, но вместе с тем не выпадающей из круга солютрейских пещер Ардеша, в особенности Эббу. Сравнение последних с пещерами Пеш-Мерль и Куньяк уже давно было сделано Ж.Комбье. В Шове также можно найти элементы, общие как с этими пещерами, так и с искусством второй фазы пещеры Коскер, расположенной в 150 км от Шове. Особенно показательны в их стилистических особенностях фигуры бизонов. Находятся аналогии и с искусством Ляско, отнесенным к архаичному мадлену.

Ж.Клотт полагает, что вилка в несколько тысяч лет между 17000 (Ляско) и 21000 (местное солотре) кажется правдоподобной и может быть пересмотрена или уточнена в будущем,

исходя из оригинальности пещеры, ясной даже не специалистам. Первая черта своеобразия — состав изображенного звериного мира, где широко преобладают опасные животные — носорог, лев, медведь, которые вместе с мамонтом, неясно почему попавшим в эту компанию, составляют 60% определимых фигур. Используемая техника растушевки красочной линии и поиски перспективы также удивительны. Художественность отдельных образов и целых композиций, полных жизненной силы, бесспорны. Таким образом, эта полость представляет одно из главных святилищ палеолитического искусства, сравнимое с Ляско, Альтамирой, Труа-Фрер или Нио, но, по-видимому, более древнее.

Расположение пещеры Шове в департамента Ардеш меняет наши представления об основных центрах палеолитического настенного искусства, которыми издавна считались Перигор-Керси, Пиренеи и Кантабрийское побережье. Последние открытия в ущелье Ардеш и на марсельском побережье отчетливо показывают, что новые пещеры могут быть обнаружены и вне крупных центров. Об этом свидетельствуют, в частности, Капова и Игнatieвская пещеры на Южном Урале.

З.А.Абрамова

Институт истории материальной культуры РАН.

Отдел палеолита

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ТРУД ПО ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

V.V.Lal. *The Earliest Civilization of South Asia (Rise, Maturity and Decline)*. 330 pages, 125 halftone illustrations, 32 color plates, 75 figs and maps. 1997. Aryan Books International. New Delhi.

Одной из древнейших цивилизаций мира — харапской культуре Индостана посвящено фундаментальное исследование профессора Б.Б.Лала, опубликованное в Нью Дели в 1997 г.*

75 лет назад в 1921 г. мир впервые узнал о существовании древнеиндийской цивилизации благодаря раскопкам индийских ученых Р.Б.Сахни в Харappe и К.Н.Шастри в Мохенджо-Даро. Интенсивные раскопки Дж.Маршалла (Marshall 1931), Е. Маккея (MacKay 1938), М.С.

Ватса (Vats 1940) дали ученым яркую и самобытную культуру народов Индостана, уходящую вглубь тысячелетий. Археологи независимой Индии продолжили исследования своих предшественников. Под руководством М.Уилера на хорошем методическом уровне были предприняты раскопки Харappы, и отчет о них опубликован 50 лет назад (Wheeler 1947). Во время работ экспедиции функционировала школа по подготовке первых профессиональных археологов независимой Индии и среди ее

* Первый отклик появился в Англии — Circle of Inner Asian Art. Newsletter. Issue 5 — May 1997: 23.

учеников выделялся автор рецензируемой книги Б.Б.Лал.*

С тех пор грандиозные археологические исследования хараппских поселений были осуществлены в Индии и Пакистане в тесном сотрудничестве с учеными других стран и при участии ЮНЭСКО. Предварительные отчеты и статьи, посвященные отдельным аспектам древнеиндийской цивилизации, регулярно публиковались в периодических изданиях. По новым материалам проводились международные конференции и издавались целые сборники, посвященные хараппской культуре.** Полученный огромный материал потребовал своего обобщения и осмысления.

Монография Б.Б.Лала "Самая ранняя цивилизация Южной Азии (происхождение, зрелость и упадок)" является попыткой систематизации и интерпретации новых хараппских материалов. Это пока первая и единственная, после третьего издания книги М.Уилера "Хараппская цивилизация (Wheeler 1968) работа, посвященная исключительно древнеиндийской цивилизации и ее основным проблемам. А проблемы остались все теми же, что и 75, и 50 лет назад, что и обозначено в подзаголовке книги: происхождение хараппской цивилизации, ее отличительные черты в эпоху зрелости от одновременных культур Древнего Востока, причины исчезновения с исторической арены этого уникального феномена.

Работа, кроме краткого предисловия, состоит из трех основных частей.

В первой части (с.3-91) четыре главы. В первых двух дана краткая политическая и физико-географическая характеристика Южной Азии, куда включены кроме Индии, Пакистана, Бангладеш, Непала, Бутана и Шри Ланка, и даже Лашкавирские, Мальдивские, Андаманские и Никобарские острова. Здесь же подчеркивается определяющая роль экологического фактора при выявлении специфики развития различных регионов Южной Азии на начальных этапах культурогенеза, с учетом определенных влияний соседей и иноземных контактов из Западной Азии. Автор предлагает различать в зависимости от хронологического (стратиграфическо-

го) или культурного контекстов такие понятия как — прехараппа, ранняя хараппа (формативная стадия), собственно хараппа (зрелая, развитая, городская) и поздняя (деградирующая, упадочная) хараппа.

В главе III "Культурная мозаика в III тыс. до нашей эры (с.15-31) по районам (Северо-Западные Гималаи, Центральные и Восточные Гималаи, долина Ганга, Юго-Восточный Раджастан, части Центральной Индии и Северного Декана, плато Виндхья, Восток и Юго-Восток Виндхья, Южная Индия, Шри Ланка) дается краткий обзор археологических комплексов неолитического и энеолитического облика, в целом, уже являвшихся современниками цивилизации долины Инда и испытывавшими на себе ее заметное влияние. Наиболее наглядно это проявилось в материалах неолитического Бурзахона: медные ножи, топоры, наконечники копья, браслеты, агатовые и сердоликовые бусы и особенно гончарная керамика определенных форм с изображением "рогатого божества" составляют комплекс, характерный для прехараппских слоев Кот-Диджи и Калибангана.

Новым и весьма существенным является пересмотр Б.Б.Лалом традиционной точки зрения о влиянии на кашмирский неолит культур Северного Китая (Яньшао — 5000-3000 гг. до нашей эры; Луншань — 3000-2000 гг. до нашей эры). Жилища-землянки, каменные "жатвенные ножи", двухконечные "пики", нефритовые бусы и некоторые формы сосудов и техника их выделки, характеризующие культуру Сринагарской долины, недавно открыты на Тибетском плато в неолитическом поселении Карао (его верхний и нижний слой датируется радиоуглеродным методом соответственно около 3000 и 2000 гг. до нашей эры).

Возможность контактов соседних районов обеспечивалось, как полагает Б.Б.Лал, и природными условиями. Поселение Карао расположено при слиянии реки того же названия с рекой Лансонг, объединенный поток которых течет к югу. Тибетское плато орошается водами западно-восточного течения реки Цангпо, которая после поворота на юг, достигнув индий-

* Б.Б.Лал, родившийся в год открытия Хараппы, волею судеб, стал одним из ведущих исследователей хараппской цивилизации. Блестящая академическая карьера — первый директор Школы Археологии (1959 г.), Генеральный директор Археологической Службы Индии (1968—1972 гг.), глава Школы Исследований Древней Истории Университета в Гвалиоре (1972—1976), директор Индийского Института Прогрессивных Исследований в Симле (1977—1984), широта научных интересов, высокий профессионализм, особо проявившийся при раскопках Калибангана, — позволили Б.Б.Лалу стать одним из выдающихся археологов современной Индии. Он является почетным членом Индийского Научного Конгресса, Индийского Археологического и Азиатского (Бомбей) обществ. Высок авторитет ученого и среди зарубежных коллег: Б.Б.Лал избирается президентом и членом ряда международных конгрессов, тесно сотрудничает с ЮНЭСКО. В 1994 г. ему присуждена Ученая степень (Honoris causa) Почетного доктора Института Истории Материальной Культуры в Санкт-Петербурге.

** Назовем некоторые из них — *Essays in Indian protohistory*, 1979; *Indus civilization: new perspectives*, 1981; *Harappan civilization*, 1982; *Frontiers of the Indus civilization*, 1984; *Studies in the archaeology of India and Pakistan*, 1984; *India and Indus civilization*, 1994; *From Sumer to Meluhha*, 1994.

ской территории в Ассаме, называется уже Брахмапутрой. А истоки Цангпо-Брахмапутры лежат в районе недалеко от верховьев Инда, Сатледжа и их притоков. Значит вполне возможно, что в древности существовали пути, связывающие верховья Цангпо, Инда, Сатледжа.

Добавлю, что это подтверждается и наблюдениями географов. "Сходство обитателей Инда и Цангпо" отмечал уже Дж.Е.Хатчинсон, указывая, что конфигурация современного Инда проложила дорогу, "по которой путешественник проникает теперь в западные пределы Тибета" (Hutchinson 1935: 148 - 152). О.Х.К.Спейт дополнил эту картину: "Перевалы открыты лишь пять или шесть месяцев в году; но через них, на спинах яков или даже овец, переправлялись из Китая нефрит, конопля и шелк, а из Индии — товары базаров Сринагара и Амритсара, сахар и соль, бура из мертвых озер Рупшу." (Спейт 1957:419). Отнесение первых контактов этих регионов к III тыс. до нашей эры вполне допустимо. Возможно, получает объяснение и изготовление глиняных фигурок баранов, наряду с бычками, поскольку оба вида животных могли использоваться как вьючные животные и пользовались поэтому, вероятно, особым почитанием у населения хараппской культуры.

В целом, третья глава посвящена процессу становления хозяйства производящего типа в III тыс. до нашей эры в различных частях Южной Азии, особенно в Северо-Западном Индостане, переходу к оседлому образу жизни с domestikацией животных и растений. Тем не менее, отмечает Б.Б.Лал, ни на одном из поселений раннего металла не зафиксированы археологические признаки "цивилизации", которые могли бы быть предвестниками хараппской культуры.

В главе IV "Предшественники и рождение самой ранней цивилизации" (с. 32-91) автор и пытается выяснить где и когда эти признаки могут быть установлены сугубо археологическими методами. В основу положены признаки древнего "города" Г.Чайлда, с учетом индийской специфики. Это — двухчленная система поселения (citadel — нижний город), фортификация, планировка улиц под прямым углом с четкой ориентацией (север-юг, запад-восток), соотношение размеров кирпича (4:2:1), применение обожженных кирпичей в дополнении к сырцовым, дренажная система, формы сосудов (кувшины с S-образным профилем, чаши и блюда на высоких ножках, кувшины с бортиком для крышек, высокие цилиндрические сосуды, кольцевые подставки, perforated jars), мотивы росписи посуды (листья пипала и банана, павлин, пересекающиеся круги, заштрихован-

ные треугольники, "рыбья чешуя"), треугольные глиняные sakes, бусы с травленным узором, каменные гири, костяные линейки, печати, импорт сырья (металл, лазурит, бирюза, сердолик, морские раковины), скульптура из камня и металла.

Для того, чтобы выявить корни этих "типично хараппских" компонентов, Б.Б.Лал предпринял детальный разбор материалов стратифицированных поселений Северо-Западного Индостана, которые я, для удобства и краткости изложения, условно разделяю на две области: западную и северо-восточную по отношению к долине Инда. Первая — горный Белуджистан (поселения Кили Гул Мохаммед, Рана Гхундай, Дабар Кот, Дамб Садаат, Анджира, Наль, Кулли, Мехи, Ниндовари), откуда традиционно выводились предшественники хараппы, с примыкающей к нему предгорной зоной (поселения Мергарх и Наушаро на равнинах Качи у Боланского прохода, Гумла и Рехман Дхери на берегах Гомала). Вторая — нижнее течение Инда (поселение Кот-Диджи) и система Гхаггара—Сарасвати (Калибанган, Джалвали, Гаманвала, Банавали, Сисвал, Митатхал, Кунал, Арда) с долинами Рави и Сатледжа (Хараппа, Джалипур, Ракхигархи).

В этих областях перечисленные признаки развитой хараппы оказываются уже в прехараппских слоях, но в различных сочетаниях. На одних поселениях выявлены городская планировка, фортификация в виде платформ или обводных стен (Амри ID, Кот-Диджи I), двухчленная схема города (Калибанган, Банавали), сырцовый кирпич стандартных размеров (4:2:1), дома ориентированные по оси север-юг. (Гумла III, Джалипур II). На других — эпизодически встречаются обожженные кирпичи при облицовке обводных стен, появляются крупные зернохранилища (Мергарх III-2), хотя и отличные от хараппских. В небольшом числе известны глиняные треугольные sakes (Джалипур II). Часть форм (блюда и чаши на ножках, высокие цилиндрические сосуды, иногда с бортиком для крышки, кольцевые подставки, плоскодонные "хлебницы"), мотивов росписи (листья пипала и банана, ряды заштрихованных треугольников, пересекающиеся круги, "рыбья чешуя"), граффити на керамике и бусы (из пасты и сердолика) превосходят хараппские образцы (Гумла III, Рехман Дхери I, Амри IA, II, Кот-Диджи I, Калибанган I, Джалипур II). Однако на упомянутых поселениях в прехараппских слоях не обнаружены пока следы дренажных сооружений, отсутствуют свидетельства применения системы мер и весов (лишь одна гиря найдена в Банавали IC.) Не найдены скульптурные изображения из металла и камня, нет печатей с надписями, хотя печати из глины

и кости, отличные от хараппских, встречены в Мергархе IV и Рехман Дхери I. На двух последних поселениях в тех же слоях, а также в самых ранних слоях Амри IA зафиксированы резные граффити на керамике, часть которых по мнению, Б.Б.Лала, могут быть предшественниками отдельных знаков хараппского шрифта.

Эти последние отсутствующие признаки (системы мер и весов, печати, письменность, скульптура) Б.Б.Лал и считает основными при выделении развитой хараппской культуры, пришедшей на смену своей формативной стадии. Ибо по его мнению, где-то на рубеже 2600-2500 гг. до нашей эры произошел своеобразный "взрыв", именуемый им "революцией" в становлении городского образа жизни хараппцев, обусловленный экономическим подъемом, в основе которого лежало внезапное, и необъяснимое пока, увеличение роли международной и внутренней торговли. Это и вызвало к жизни появление письма, системы мер и весов, печатей (собственника или отправителя), отразивших изменения в стратификации общества: социальное расслоение, образование класса жрецов и элиты с их потребностями в престиже и роскоши.

Анализируя ареалы распространения прехараппских поселений в двух указанных областях, Б.Б.Лал приходит к выводу, что становление развитой хараппы произошло на территории, ограниченной треугольником: от Кот-Диджи на юго-западе до Банавали на северо-востоке — 750 км, от Кот-Диджи до Рехман Дхери на северо-западе — 550 км и от Рехман Дхери до Банавали — около 550 км. Эта площадь формативной стадии хараппской цивилизации (археологический комплекс Код-Диджи I — Калибанган I — Сотхи) почти такая же, как территория самой развитой хараппы в долинах Инда и Гхаггара.

Сравнительный анализ показывает, что в первой области к западу от Инда открыто очень мало пунктов формативной стадии хараппы. Так в долине Инда и его главных притоков (Джелам, Чинаб, Рави) таких пунктов немного: 44 в Синде и 6 в пакистанском Пенджабе (Misra 1993), по сравнению с огромным числом таких поселений в долинах Гхаггара и его притоков: здесь 177 раннехараппских поселений (включая пункты с керамикой харка, их предшественницей) и 238 поселений развитой хараппы. Уже в ранней хараппе в Холистане имелись значительные по размерам городки — Джалвали (22,5 га) и Гаманвала (27,5), которых сменили в эпоху расцвета такие гиганты как Ганверивала (81,3 га) и Ракхигархи (район Хиссар, Хариана).

Еще одно обстоятельство, кажется свидетельствует в пользу прародины хараппской ци-

визации именно в этом треугольнике. Это следы пожаров на поселениях перед освоением их хараппским населением — Кот-Диджи I на нижнем левобережье Инда и особенно к западу от Инда — Наушаро ID, Гумла III, Рана Гхундай III. На последнем нет следов хараппского заселения, но рядом находится большое поселение развитой хараппы Дабар Кот. В то же время эти следы полностью отсутствуют на поселениях в долинах Гхаггара, его притоков и в бассейне Рави. Возможно, это отражает один из путей экспансии носителей развитой хараппы на запад и юг. Вероятно, думаю я, первыми были освоены территории к западу от долины Инда. И тогда в какой-то степени можно объяснить появление в Мергархе IIC требующего орошения ячменя (*Hordeum sphaerococcum*), полученного, возможно, с востока от одной из прехараппских культур, уходящим в IV—V тыс. до нашей эры, как свидетельствуют новейшие исследования.

Работы американских археологов в 1996 г. в Хараппе показали, что формативной стадии хараппской культуры предшествовали напластования (3-4 м) оседло-земледельческой культуры, в материалах которой уже есть ряд вышеперечисленных (отражающих специфику развитой хараппы) черт, в том числе и граффити, имеющие аналогии в хараппских знаках. Датируются эти напластования IV тыс. до нашей эры, и более ранним временем. Так что вполне справедливо утверждение автора монографии о местных истоках хараппской цивилизации, но высказывание М.Уилера о том, что "идеи имеют крылья" все же не стоит игнорировать.

Вторая часть работы "Цивилизация в эпоху своей зрелости" (с.95-254) состоит из 9 глав (нумерация продолжает предыдущие главы первой части). В главе V дан краткий конспект второй части. Главы VI и VII посвящены описанию материалов наиболее изученных поселений хараппской цивилизации, расположенных в различных экологических зонах. В первой — рассматриваются 9 (из 20 исследованных) крупных поселений: Мохенджо-Даро, Чанху-Даро, Хараппа, Наушаро, Калибанган, Банавали, Лотхал, Суркотада, Дхолавира, во второй — другие известные местонахождения развитой хараппы: Суткаген Дор, Балакот, Аллаждино, Кот-Диджи, Балу, Ропар (современное имя — Рупнагар), Манда, Вахганпура, Хулас, Аламгирпур, Десалпур, Кинтаси, Роджди, Даймабад. Материалы каждого памятника представлены в определенной последовательности: его местоположение, стратиграфия, планировка, фортификация, основные сооружения, вещественный материал, погребальный обряд (если есть могилы).

Ареал развитой хараппской культуры зна-

чительно превышает ее первоначальное ядро в долине Гхаггара-Сарасвати и верховьях Инда, охватывая два новых направления — на запад — предгорья Белуджистана (Наушаро) и на юг — Катхиявар, Гуджарат, северо-западная часть Центральной Индии до Даймабада.

Стратиграфические наблюдения подтверждают длительность периода развитой хараппы в различных регионах. В Чанху-Даро период II, так называемой культуры Джхукара, в настоящее время рассматривается как стадия развитой хараппы. Он представлен мастерскими по изготовлению печатей из стеатита, бус из фаянса, гирь из кремня, поделок из раковин. В Хараппе в 1996 г. американскими учеными на холме Е и ЕТ (продолжение холма Е к востоку) в периоде 3, перекрывающем два дохараппских периода, выявлены три строительные фазы (А, В, С). Период 4 является переходным к периоду 5 — культуры могильника "Н", расположенного к югу от холма АВ и известного по публикациям М.С.Ватса и М.Уилера. Четырнадцать из 16 радиоуглеродных дат позволяют отнести третий период заселения Хараппы к XXVI—XXI вв. до н.э. Значит, три строительных периода охватывают промежуток в 500 лет.

Похожая картина наблюдается и в Наушаро. В трех периодах II, III (фазы А, В) и IV сохраняется непрерывность культурных традиций без каких-либо стратиграфических разрывов. Но в третьем периоде меняется оборудование жилищ. Появляются очаги трех типов. Первый — двухчастная конструкция: северная половина квадратной формы с глиняным противнем или кувшином и прямоугольная южная, заполненная золой. Второй — круглой формы очаг с вертикально стоящим в нем кирпичом, обмазанным глиной. Третий — грушевидной формы горн, вкопанный наполовину в землю, с центральным столбом для поддержки верхней обжигательной камеры. Впервые появляется трехцветная роспись (красным, черным, белым) и некоторые мотивы декора, указывающие на влияние соседних культур. В четвертом периоде усиливаются контакты с культурой Кулли (продолговатые быки и козлы в росписи, глиняные женские статуэтки). Мне кажется, возможны и более отдаленные связи — с территориями Средней Азии, начавшиеся в более раннее время, на что указывают элементы расписного декора на керамике (Массон 1964; Исаков 1991) и конструкция керамических горнов (Масимов 1976).

Это явление, которое датируется рубежом III—II тыс. до н.э., Б.Б.Лал склонен рассматривать как регионализацию единой хараппской культуры (вернее — общности), что особенно ярко проявляется по его мнению, в южном районе — в Гуджарате (Дхолавира) и на северо-

востоке — в долине Гхаггара (Калибанган).

Дхолавира расположена на одном из островов болот Кача по прямой линии на северо-запад от Лотхала (210 км) и Суркотады (40 км). Результаты, полученные в результате раскопок Дхолавиры, по новому заставляют взглянуть на многие проблемы хараппской цивилизации, настолько необычны ее стратиграфия, планировка и архитектура поселения.

В короткий прехараппский период (стадии I и II) город уже имел обводную стену (ширина в основании — более 11 м), первоначально сооруженную из каменных валунов с редким использованием сырцовых кирпичей (36 x 19 x 9 см), применяемых и при строительстве домов. О развитой металлургии свидетельствуют горн, заполненный углем и шлаками, фрагменты тиглей, незаконченные вещи. Среди гончарной керамики с росписью (иногда черным по белому фону) выделяются блюда и чаши на ножках, perforated jars. Есть глиняные cakes.

На стадии III появляются предметы развитой хараппы: гири, знаки, типично хараппские формы сосудов и печати с изображением животных, но без надписей. Стадия IV демонстрирует расцвет жизни на поселении, мощность слоев которого составляет около 5,5 м. Представлены все атрибуты развитой хараппы в том числе печати с изображениями животных со знаками. Уникальна большая надпись из 10 знаков хараппского шрифта, выложенных на поверхности одной из террас башни цитадели (табл. XLIII А). Знаки (их размеры колеблются в зависимости от конфигурации — высота — 35-37 см, ширина 25-27 см) составлены из аккуратно вырезанных кусочков какого-то кристаллического материала (минерала или пасты). В это же время усложняется планировка поселения и в архитектуре появляются полированные колонны из известняка и базы для них. Стадия V характеризуется упадком хараппской культуры, что находит свое отражение в характере застройки. В конце периода на какое-то время жители оставляют поселение.

Новое заселение (стадия VI) демонстрирует уменьшение размеров поселения, изменение его плана и материальной культуры ее обитателей. Сохраняется часть хараппской керамики, но появляются и другие виды: черно-красная, известная на поселениях Кача, Саураштры, Гуджарата, и керамика, напоминающая изделия Джхукара. В конце стадии VI наступает длительный (около 100 лет) период запустения. В стадии VII поселение строится по иному плану. Городская планировка и дренажная система отсутствуют. Для строительства круглых в плане домов используется кирпич из предыдущих построек. Сходство керамики стадий VI и VII позволяет говорить об одном и том же на-

селении, но их жизненный уклад изменился: на лицо — деволюция (термин Б.Б.Лала) — перед нами сельское поселение на месте некогда процветающего хараппского города.

Не менее интересны и материалы Калибангана, одного из наиболее изученных Б.Б.Лалом хараппских памятников. Уже в прехараппское время Калибанган имел двухчастную цитадель в форме параллелограмма, ориентированную длинной осью на север к руслу Гхаггара, и укрепленную обводными стенами с прямоугольными контрфорсами по углам и периметру. В южной части открыты платформы с семью "алтарями огня", водоемами для омовений, дренажной системой и прямоугольной из сырцовых кирпичей ямой с жертвенными костями животных. В северной — жили служители этого ритуального комплекса. Около 2700-2600 гг. до нашей эры цитадель была разрушена землетрясением — самое раннее стихийное бедствие такого рода, впервые зафиксированное археологическими методами (Lal 1984).

В эпоху развитой хараппы Калибанган превращается в город с двухчленной планировкой и прочими атрибутами городских удобств. Цитадель возобновляет в тех же пределах существовавшую ранее, но к востоку от нее располагается параллелепипед нижнего города, окруженный обводной стеной. Подобная дихотомия и форма параллелепипеда была отмечена в Хараппе (цитадель) и в Мохенджо-Даро (нижний город), но обводные стены вокруг нижнего города в обоих случаях не были выявлены. Недавно часть такой стены обнаружена и в юго-западной части нижнего города Мохенджо-Даро: массивный вал из сырцового кирпича, облицованный снаружи обожженным кирпичом, прослежен на глубину до 8 м. В Хараппе, кроме укрепленной цитадели (холм АВ), теперь на холме Е (к востоку от нее) вокруг нижнего города выявлена обводная стена (длина 250 м, ширина 6,2-7,1 м). Она сложена из сырцовых кирпичей (40 x 20 x 10 см), аналогичных по размерам кирпичам первого периода (их 4) сооружения обводной стены нижнего города в Калибангане. На поздних этапах реконструкции стены применялся кирпич, используемый при строительстве домов (30 x 15 x 7,5 см).

В Суркотаде прямоугольник (в отличие от параллелограммов в Хараппе и Калибангане), вытянутый длинной осью на северо-восток, и укрепленный по углам и в середине длинных сторон квадратными башнями, разделен поперечной стеной на цитадель (юго-западная часть) и нижний город.

Иную схему демонстрирует Банавали: неправильный четырехугольник (все стороны разной длины и не совсем прямые) представляет собой нижний город, в него вписана цита-

дель в форме пентагона, самая длинная южная стена которой (по оси запад-восток) является общей с нижним городом и в 200 м от нее находится сухое русло Гхаггара.

В Лотхале цитадель (названная С.Р.Рао акрополем) расположена на высокой платформе в юго-восточном углу нижнего города, защищенного обводной стеной в виде неправильно-го четырехугольника.

Поселение Дхолавира дала оригинальный план, фиксируемый со стадии III: прямоугольник (770 x 615 м), ориентированный длинной стороной почти точно по оси запад-восток, имеет три части: цитадель, средний и нижний город. За его пределами выявлены остатки пригорода. Обводные стены (ширина в основании — 18,5 м, высота — около 9 м), снабженные прямоугольными и квадратными башнями, защищают нижний город. Средний город и цитадель, имеющая общую северную стену с ним, занимают западную половину нижнего города. Свободные участки к западу и югу от среднего города и цитадели, перегорожены стенами (ширина их — 10-12 м), идущими от них перпендикулярно к обводной стене. Р.С.Бишт считает их дамбами, делившими свободное пространство на ряд танков (водоемов) для хранения запасов воды.

Цитадель прямоугольной формы (300 x 120-140 м), состоит из двух частей — дворца (господствующего над всем городом при высоте 15-18 м) на востоке и его двора на западе, укрепленных стенами. Улица (ширина 13 м), соединяющая восточные и западные ворота, делит цитадель на две неравные части (большая — южная). В юго-западном углу цитадели из каменных блоков, обмазанных глиной, сооружен танк для воды с лестничным маршем, ведущим на дно водоема. Средний город прямоугольной формы (340 x 300 м) также окружен стенами. Его южная часть, около стены цитадели, свободна от застройки и, возможно, использовалась для проведения каких-то церемоний.

Общая обводная стена строилась из сырцового кирпича хараппского формата. Облицовка камнем отмечена по углам города и в стратегически важных местах. Стены вокруг цитадели в более поздние периоды были дополнительно облицованы каменной галькой и даже специально отесанными каменными блоками. Ширина стен вместе с облицовкой составила около 18,5 м, а сохранившаяся высота в стадии III — около 9 м. Здесь же отмечены следы разрушения защитных сооружений, возможно, в результате землетрясения (как и в конце прехараппского периода Калибангана). После восстановления разрушенного жизнь на поселение продолжалась. Значит, не землетрясения причина их оставления, а вероятней всего, я

думаю, исчезновение водных источников в результате таких землетрясений. Это зафиксировано в поздней истории этого региона (Спейт 1957:613).

Ворота были выявлены в обводной стене города во всех стенах, кроме частично разрушенной восточной. Есть они и в среднем городе, и в цитадели, но особо сложные коммуникационные ходы раскопаны во дворце. В западной и южной стенах ворота простые — сквозные проходы. В северной и восточной стенах — сложные, состоящие из нескольких лестничных маршей на разных уровнях, меняющих направление под прямым углом. Здесь же, во дворце, открыта большая надпись хараппским шрифтом и раскопаны *in situ* несколько типов баз и полированных колон из светло-кремового известняка. Эти находки, как и развитая система фортификации и городская планировка Дхолавиры, пока не имеют аналогов в хараппском мире.

Таким образом, в южном ареале хараппской культуры существовал короткий прехараппский период (стадии I, II). Затем длительный период цивилизации (стадии III, IV, V) — похожая картина в Хараппе и Калибангане — сменяется постхараппскими периодами (VI, VII), которые демонстрируют пережитки хараппской культуры и новые влияния из соседних регионов.

Аналогичная картина отмечена и в других областях на поселениях меньших размеров (их площади не превышают 7 га). В Хариане, Пенджабе и Уттар Прадеше прослеживается связь между прехараппскими комплексами типа Калибанган I и развитой хараппой (Балу I — укрепленное поселение с регулярной планировкой, Манда IA — мотив — "рогатое божество", Рупар I). И здесь же отмечено постепенное исчезновение хараппской специфики и появление постхараппского комплекса с серой расписной керамикой (Painted Grey Ware) — Манда IB, Бхагванпура IB, Хулас IA, II, Аламгирпур I.

На Макранском побережье поселение Аллахдино дало три фазы развитой хараппы с типичной планировкой и ориентацией улиц, но без каких-либо следов укреплений. Камень применялся здесь и для постройки производственных платформ, дренажа и колодцев. В Балакоте существует разрыв между периодом I и следующим хараппским, когда неукрепленное городское поселение, поддерживая связи с Белуджистаном (формы посуды, расписные бычки), становится экспортером браслетов из раковин. Две мастерские по их изготовлению (найденно более 1000 заготовок) находились на главном холме. В Суткаген Доре все постройки сделаны из камня.

В Каче поселение Десалпур демонстрирует своеобразную строительную технику: обводная стена с башнями из сырцового кирпича с облицовкой большими каменными блоками (3 x 1,3 м). Дома строились из камня или кирпича (50 x 25 x 12,5 см), или из того и другого. Хараппский период (IA) с двумя печатями с надписями (одна медная — аналог печатям из Мохенджо-Даро) сменяется постхараппским (IB) с керамикой из других культур (Ахар), но Lustrous Red Ware (отмеченная в Рангпуре) не обнаружена даже в периоде IB.

В Гуджарате на полуострове Катхиавар оригинальная планировка установлена в Кунтаси. В периоде I две параллельные стены ограждают город на площади в 1,56 га с воротами (3 м) на восточной стороне. Дома располагались вдоль периметра стен, оставляя свободной центральную часть. На ней находились свободная площадь для собраний, дом вождя, пять больших построек (одна — зернохранилище), сооруженные из каменных валунов на известковом растворе с глиняной обмазкой стен. Некоторые постройки из сырцового кирпича (4:2:1) на каменных фундаментах. В периоде II сокращается площадь поселения, наблюдаются черты упадка. Появляется черно-красная керамика (из Ахара) — как и в Суркотаде IC.

В Роджи представлены три периода (A, B, C) регионального варианта зрелой хараппы. Здесь выявлено не более 28 из 98 форм сосудов и мотивы росписи их иные. Площадь поселения в первых двух периодах была около 2,5 га, а последнем — увеличилась вдвое. Двухметровой толщины обводная стена (из больших валунов), созданная уже в раннем периоде, расширена до 3 м в периоде IC. Дома строились из глины на каменных фундаментах, больших зданий и дренажной системы не обнаружено. Нет печатей, лишь черепки со знаками и несколько гирь. Это большое укрепленное городище не похоже на хараппские поселения этого района — Лотхал и Дхолавиру.

Даймабад представляет собой самое южное поселение, где найдены материалы позднего хараппского периода. Оно расположено на левом берегу Правары притоке Годавари в районе Ахмеднагар (Махараштра). Его площадь 50 га, мощность слоя — 5 м. Выделено пять периодов — I-V: культуры савалда, поздней хараппы, даймабада, мальвы, джорве. Хараппское поселение имело регулярную планировку, дома строились из сырцового кирпича. В двух из них найдены две печати в форме пуговиц с хараппским шрифтом. Есть и черепки с резными или расписными такими же знаками. Не все формы развитой хараппы представлены, а в росписи преобладают мотивы (заштрихованные треугольники и ромбы, концентрические круги,

двойные рога) поселений Гуджарата. Открыта мастерская литейщика. Но наиболее сенсационным является клад (65 кг) из четырех бронзовых фигурок на колесиках: слона, носорога, бычка и двухколесной повозки, запряженной парой бычков, управляемых стоящим мужчиной (перед ним на передке повозки стоит собака).

Отнесение клада к позднехарап্পскому слою дискутируется, хотя он и найден на той же глубине. Стилистически фигурки не имеют аналогий в харап্পском мире. Содержание примеси мышьяка и отсутствие олова в бронзе исключает возможность принадлежности клада к вышележащим культурам мальва и джорве, которые бедны металлом и не имели собственных источников сырья. Лишь долина Ганга богата последними. И там же, приблизительно в это же время распространена так называемая культура медных кладов, где есть аналогичный состав бронз и много килограммовые клады (400 кг в Ганджерии в Мадхья Прадеш). В свое время я уже писал о возможности связи культур долины Ганга с Центральной Индией, которая являлась промежуточным звеном в освоении золотоносных кварцевых жил в штате Майсур на юге Индии (Шетенко 1968:94). В намеченном мною пути (Навдатоли, Джорве, Чандоли, Колар), отмеченным находками кинжалов с антеннообразной рукоятью, столь характерными для кладов долины Ганга, отсутствовал Даймабад. Теперь этот пробел заполнен, и хронологически, я думаю, этот клад относится ко второму этапу экспансии носителей культуры медных кладов на юг Индостана (Шетенко 1968: 94, 99).

Интересно и погребение Даймабада целиком повторяющего погребальную практику развитой хараппы. Ориентация и положение погребенного, кирпичная обкладка стенок могилы, инвентарь, холмик из сырцовых кирпичей и земли, обозначенный с северной стороны (где голова погребенного) камнем, — все это напоминает могилы из последних раскопок в Хараппе, где отмечены холмики из сырцовых кирпичей.

Глава УШ "Экономика" (с.159-202) состоит из трех частей. В первой — "Ресурсы земли и моря" рассмотрены земледелие и скотоводство (разделы I и II), лесные и сырьевые запасы (III) и ресурсы морей (IV). Основная идея автора о том, что определяющим является экологическое разнообразие природных условий, весьма плодотворна. Это проявилось и в специфике отдельных районов харап্পской цивилизации, и в предпочтениях по возделыванию тех или иных сельскохозяйственных культур, разведению различных пород скота, выборе объектов охоты и рыбной ловли. В долинах Гхаггара и Инда пшеница и ячмень были главными зерно-

выми культурами, а в Катхиаваре и Гуджарате климатические условия благоприятствовали выращиванию нескольких сортов проса: баджра, джовар, раги. Система вспашки поля, открытая в прехарап্পском Калибангане, применявшаяся при посадке горчицы вместе с лошадиным горошком, пережила тысячелетия и встречается до сих пор в некоторых районах современной Индии. Это относится к определенным типам орудий труда — топоры, тесла, сохи (глиняная модель из Банавали II — табл. XXXVII В), формам хозяйственной посуды и особенно к украшениям. Некоторые из них (широкий с перехватом ручной браслет из Банавали II) до сих пор бытуют у жителей Кача (табл. XV В).

Вторая часть "Искусства и ремесла" состоит из восьми разделов: металлы, камнерезное искусство, глиптика, терракота и керамика, резьба по кости, обработка раковин, изготовление бус, каменные орудия и другие артефакты. В ней наряду с хрестоматийными вещами (фигурка бронзовой танцовщицы, бюст жреца и пр.) собраны все наиболее интересные материалы последних лет: расписная керамика Калибангана, Нагвады, Рехман Дхери, серебряные и золотые украшения Лотхала и Кунала, полированные колонны Дхолавиры. Самобытность и оригинальность многих вещей не вызывает сомнения в их местном происхождении. Необычные для харап্পской культуры прямоугольные базы и полированные колонны Дхолавиры из светло-кремового известняка (табл. VI А), я думаю, могли изготавливаться из пород, до сих пор добываемых в Катхиаваре на востоке Гирнарских гор около Джунагарха. "У Джанагарха, расположенного в 30 милях от берега, толщина этих отложений достигает 200 футов. Этот прекрасный строительный камень светло-кремового цвета, легко поддающийся обработке, известен как "порбандарский камень", идущий на экспорт" (Спейт 1957:613).

В третьей части "Торговля и коммерция" Б.Б.Лал приводит археологические обоснования существования международной торговли харап্পской цивилизации с одновременными ей культурами Западной Азии в эпоху династии Саргонов. Печати, их оттиски, слоновая кость, некоторые формы посуды позволяют включить в область культурных контактов харап্পской культуры наряду с междуречьем Тигра и Евфрата побережье Омана, острова Персидского залива (Бахрейн, Файлака) и северо-западные области Ирана. Средней Азии и Афганистана (Гиссар, Намазга-депе, Алтын-депе, Шортугай). Список товаров (с.195), импортируемых в Месопотамию из стран, зафиксированных письменными источниками — Дильмун, Маган, Мелухха и лингвистический анализ

слова Мелухха, — позволяет Б.Б.Лалу, отождествить последнюю с южной областью хараппской цивилизации — Катхиаваром. Транспортные средства (водные и сухопутные), использование летних муссонов в прибрежной зоне, промежуточные порты и пункты на торговых путях, система мер и весов, структурная организация торговли и коммерции, ее возможные социальные агенты — все эти вопросы нашли освещение в этой части работы с привлечением новейших археологических данных. Не исключает Б.Б.Лал и возможность объяснения некоторых находок в инородной культурной среде военными трофеями или престижными подарками элиты древних обществ.

Глава IX "Письменность и язык" рассматривает эти важнейшие достижения хараппской цивилизации как необходимую предпосылку развития международной торговли и развитого стратифицированного общества с его административным аппаратом. По мнению одних ученых хараппское письмо было силлабическим, другие считают его алфавитным. Но число предполагаемых букв (около 400) велико для алфавита, поэтому Б.Б.Лал относит его к стадии переходной от лого-силлабического к силлабическому.

Ничего определенного нельзя пока сказать о языке древнеиндийской цивилизации. Одни исследователи считают его дравидийским (Кнорозов 1981; Fairservis 1992), другие читают его на основе санскрита. Но, как справедливо замечает Б.Б.Лал, даже два исследователя, из одной и той же противоборствующих групп, по разному переводят один и тот же текст. По мнению ученого это объясняется ошибочностью методологии дешифровки обоих направлений, на что он указывал еще в своих ранних публикациях середины 50-х гг. и позднее. В кратком приложении "Время переосмысления" (с.281-287), которое сам автор рассматривает как концепт будущей книги, Б.Б.Лал предлагает компромиссный подход к проблеме дешифровки хараппской письменности. Сняв кажущиеся различие между хараппской культурой и обществом, описанным в ведических текстах, и устранив хронологический разрыв между ними, он допускает существование санскритского субстрата в языке носителей хараппской культуры. Заимствования же из других языков (дравидов, мунда и прочих) ученый связывает с продвижением хараппских племен на Деканский полуостров к золотоносным рудникам Колара.

В главе X "Погребение умерших" собраны материалы из последних раскопок Хараппы, Калибангана, Лотхала и Суркотады. В целом погребальный обряд одинаков на первых трех поселениях. Умерших хоронили в грунтовую могильную яму, иногда обложенную по пери-

метру сырцовыми кирпичами, в вытянутой позе на спине, головой на север. Сопровождающий инвентарь включал посуду (от 5 сосудов в Лотхале, до 72 — в Калибангане), украшения и иногда мясную пищу, о чем свидетельствуют кости животных в могиле. В Калибангане к этому типу погребений относится лишь первая группа. Две других дали могильные ямы больших размеров (4 x 4 x 1 и 5 x 1,5 x 1,5 м), в одном случае с двумя ступеньками, с погребальным инвентарем, но без каких-либо костей скелета. Двойные погребения в Лотхале (3 случая) наталкивают автора на мысль о истоках индуистского обычая "сати".

В Суркотаде погребения совершались в небольших (1,6 x 0,8 м) овальной формы ямах при глубине в 0,3 м. Перекрыты они каменными плитами. Внутри — погребальный инвентарь и лишь в одном случае сожженные кости человека, в другом — часть костей скелета. Этот способ захоронения больше напоминает мегалитическую практику Южной Индии, чем хараппскую.

В заключении главы Б.Б.Лал приводит новые данные о антропологическом составе населения хараппской цивилизации, корректирующие первые заключения о кавказоидах, монголоидах, альпеоидах. Антропологи, изучавшие материалы из могильника Лотхала (Рао 1979:146-47), свидетельствуют, что можно говорить о трех группах населения, представленных долихокранным типом, близким прото-нордическому или кавказоидному типу, мезокранным — родственным прото-средиземноморскому или средиземноморскому типу и брахикранным — родственным альпийско-арменоидному типу. Но основной тезис о разном этническом составе населения хараппской цивилизации остается в силе.

В главе XI "Религия" автор констатирует наличие двух аспектов религии — концептуального и ритуального. Первый опирается на метафизические тексты, второй — на материальные остатки. Поскольку хараппская письменность не расшифрована, остается обратиться к анализу вещей, среди которых первое место занимают печати с их изображениями, роспись и знаки на сосудах, терракотовые фигурки. Культ прото-Шивы, Матери Богини, поклонение лингаму — все эти гипотезы широко бытуют в литературе о религиозных воззрениях древнеиндийской цивилизации и автор не изменяет традиции. Очень обстоятельно на широком этнографическом и лингвистическом материале эта проблема освещена в работе Б.Я.Волчек (1972), к сожалению, не известной автору. Главное внимание Б.Б.Лал уделяет анализу архитектурных особенностей хараппских городов, в первую очередь Калибангана. Он обосновывает нали-

чие в городах развитого культа поклонению огню с применением омовений, обслуживаемого специальной группой жрецов, живущих рядом. Это позволяет ему еще раз подтвердить сложную социальную организацию хараппского общества.

Глава XII "Социальная стратификация и политическая система" является перепечаткой статьи Б.Б.Лала из первого тома "Harappan Studies" (Lal 1993). Поскольку есть рецензия на эту работу (Щетенко 1995), ограничусь кратким замечанием. Новые архитектурные решения, открытые в Банавали, Дхолавире, Кунтаси и других поселениях, требуют пересмотра всей концепции двухчленного деления хараппского города (цитадель, нижний город) и позволяют по иному взглянуть на планировку Суркотада, Котади. От интерпретации новых материалов (особенно могильников — менее всего изученных) зависят и выводы относительно стратификации хараппского общества и его политической организации (Лал, Щетенко 1974:522-526). Привлечение же письменных источников древних цивилизаций Западной Азии должно помочь выявить некоторые общие закономерности в развитии экономической и социальных структур этих двух разнополюсных регионов Востока и Запада.

В главе XIII "Хронологический горизонт" Б.Б.Лал оперирует тремя видами источников: письменными, археологическими и радиоуглеродным методом датирования, которому автор придает первостепенное значение, посвящая большую часть главы. Опираясь на дату Саргона (царя Аккада) — около 2350 г. до н.э., — он использует данные Д.К.Чакрабартти (Chakrabarti 1990:109-110) о хараппском экспорте в широком временном диапазоне (от пресаргонской до касситской фаз), и присоединяет сюда новые калиброванные даты Хараппы (табл. 1), Калибангана (табл. 2), Суркотады (табл. 3), Роджди (табл. 4), Лотхала (табл. 5), Шортугая (табл. 6). На этом основании он предлагает новые рамки для зрелой хараппы — 2600-2000 гг. до н.э., не исключая и более сжатые сроки ее существования — 2300-2000 гг. до н.э. (с.253). Следовательно, поздняя хараппа приходится на период между 2000 и 1500 гг. до н.э.

Осторожное отношение к калиброванным датам, имеющим тенденцию к удревнению, уже отмечалось для культур Западной Европы (Бочкарев 1992:22-23). Но и индийские материалы настораживают. Так, последовательно прода-

тированные три периода хараппской культуры в Роджди (от 2500 до 1700 гг. до н.э.) никак не согласуются с датами расположенного недалеко Сомнатха (Пробхас Патана). Он дал три периода — I — до прабхаская, II — прабхаская культура и III — культура LRW — постхараппская по времени, как указывает четкая стратиграфия Рангпура. Однако калиброванные даты (2982 и 2911 до н.э.) препрабхаского комплекса удревяют дату зрелой хараппской цивилизации на 300 лет! Если это так, то значит в Саураштре в отличие от долины Инда и прародины хараппцев — долины Гхаггара — шло свое самостоятельное развитие, что в корне меняет все наши представления о генезисе хараппской цивилизации.

Третья часть работы, она же заключительная глава XIV "Упадок и наследие" (с.257-279) посвящена причинам исчезновения хараппской цивилизации как археологической культуры и тем пережиткам ее, которые составили культурное наследие многих народов современного Индостана. Б.Б.Лал, критически проанализировав все имеющиеся версии гибели хараппской культуры, пришел к выводу, что в каждом регионе причины были свои: тектонические сдвиги, землетрясения, наводнения, изменение экологии. И каждый регион имел свою судьбу. Все зависело от существования хорошо развитого экономического организма (будь-то единое хараппское государство или конфедерация государств), в основе которого лежало высокопродуктивное земледелие и торговля (местная и международная) хлебом и экзотическими товарами индийского производства. Как только эта торговля утратила свою роль пришли в упадок и другие отрасли хозяйства. Такова схема, предложенная автором рецензируемой книги.

Монография Б.Б. Лала в целом пронизана мыслью о самобытности и оригинальности древнеиндийской цивилизации. Она представляет собой энциклопедическое издание новейших материалов хараппской культуры, которое может стать настольной книгой каждого, кто интересуется этим феноменом Древнего мира. Книга демонстрирует преимущества междисциплинарного подхода к изучению прошлого, улучшение методики археологических исследований, международное сотрудничество в деле изучения одной из древнейших цивилизаций не только Южной Азии, но и всего мира.

- Исаков, А. 1991. К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977–1983 гг.). Душанбе: Дониш.
- Кнорозов, Ю. В. 1981. Протоиндийские надписи // Советская этнография 5: 47–71.
- Лал, Б. Б., А. Я. Щетенко. 1974. Хараппская цивилизация // Советская историческая энциклопедия 15: 522–526. Москва: Советская энциклопедия.
- Масимов, И. С. 1976. Керамическое производство эпохи бронзы в Южном Туркменистане. Ашхабад: Ылым.
- Массон, В. М. 1964. Средняя Азия и Древний Восток. Ленинград: Наука.
- Снейм, О. Х. К. 1957. Индия и Пакистан. Общая региональная география. Москва: Иностранная литература.
- Щетенко, А. Я. 1968. Древнейшие земледельческие культуры Декана. Ленинград: Наука.
1995. Новое серийное издание по проблематике древнеиндийской цивилизации. Рецензия // Археологические вести 4: 244–248. Санкт-Петербург.
- Chakrabarti, D. K. 1990. The external trade of the Indus civilization. Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers Pvt. Ltd.
- Fairservis, W. A. 1992. The harappan civilization and its writing. New Delhi: Oxford and IBN Publishing Co.
- Hutchinson, G. E. 1936. The clear mirror: a pattern of life in Goa and in Indian Tibet. Cambridge.
- Lal, B. B. 1984. The earliest datable earthquake in India // Science Age (October 1984): 8–9. Bombay: Nehru Centre.
1993. A glimpse of the social stratification and political set-up of the Indus civilization // G. L. Possehl, M. Tosi (eds.) Harappan studies: 63–71. New Delhi: Oxford and IBN Publishing Co.
- Mackay, E. J. H. 1938. Further excavations at Mohenjo-daro. V. 2. Delhi: Government of India.
- Marshall, J. 1931. Mohenjo-daro and the Indus civilization. V. 3. London: Arthur Probsthain.
- Misra, V. N. 1993. Indus civilization and the Rigvedic Sarasvati // Paper presented at the 12th International conference of the European association of South Asian archaeologists. Port-hania, University of Helsinki, Finland, 5–9 July.
- Rao, S. R. 1979. Lothal – a harappan port town (1955–1962). V. I. New Delhi: Archaeological Survey of India.
- Vats, M. S. 1940. Excavations at Harappa. Delhi: Government of India. V. 2.
- Wheeler, R. E. M. 1947. Harappa 1946: the defences and cemetery R 37 // AI 3: 58–130.
1968. The Indus civilization. 3rd edn. Cambridge: University Press.

А. Я. Щетенко

Институт истории материальной культуры РАН
Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ГОТСКОЙ ПРОБЛЕМЕ

P. J. Heather. *Goths and Romans*, 322–489. 378 pages. 1991 (=1992).
Oxford: Clarendon Press.

Монография Питера Хивера предоставляет редкую возможность проследить последовательно, в деталях, зарождение двух варварских государств Западной Европы: Вестготского и Остготского. Она издана в серии “Исторические монографии Оксфорда” и по сути является публикацией его диссертации “Готы и Балканы в 350–500 гг. н.э.” Впрочем, по мере оформления ее в книгу образ Балкан несколько потускнел. На первый план выступила политическая история взаимоотношений готских племенных объединений и государственной машины поздней Римской империи. Прежде всего, для объективного анализа письменных источников П. Хиверу пришлось (в который раз!) пересмотреть “Гетику” Иордана. Вызвано это, на наш взгляд, желанием освободиться от влияния метода исторической этнографии Хервига Вольфрама (H. Wolfram “History of the Goths”. Berkeley, 1988 or H. Wolfram “Geschichte der Goten”. Munchen, 1979). Создается впечатление, что порой П. Хивер пересматривает “Гетику” Х. Вольфрама, а не Иордана.

Структура книги П. Хивера, таким образом, разделяется на три части. Первая часть посвящена пересмотру готской исторической традиции и исторической ценности “Гетики” и озаглавлена

– “Иордан и история готов”. Противопоставление и критический анализ “Гетики”, с одной стороны и остальных письменных свидетельств о готах с другой, позволяют резче обозначить их слабые и сильные стороны. П. Хиверу удалось убедительно доказать, что авторитет “Гетики” для этногенетических построений может и должен быть пересмотрен. Он привлекает при анализе работы антропологов, например (R. G. Willis “A State in the Making: Myth, History and Social Transformation in Pre-Colonial Ufipa.” Bloomington, Ind. 1981). Устная традиция в централизованных обществах часто подстраивалась под сиюминутные политические требования: генеалогия и предания корректировались в соответствии с нуждами правящей династии.

Вторая часть монографии рассматривает процесс формирования Везеготов и взаимоотношения готов и римлян в период с 376 по 418 гг. н.э. П. Хивер пишет о контактах готов и римлян до прихода гуннов, исследует политическую и этнокультурную ситуации в Западной Римской империи перед и во время пересечения готами Дуная, во время военных конфликтов. Он выделяет период после мирного договора 382 г. н.э., посвя-

щает главу роли Алариха в консолидации Везеготов и завоевании Галлии.

Третья и заключительная часть обращается к появлению Остроготов на исторической арене, дает анализ причин военных конфликтов на Балканах в 453–473 гг. н.э., исследует проблемы провинциальной жизни в Паннонии и Фракии. Объектом изучения становятся отношения готов и императора Зенона в 474–479 гг. н.э. Эта часть завершается главой с характерным названием "Решая готскую проблему".

Заключительная глава подводит итоги работы. П.Хивер подчеркивает, что взгляд на сложение Вестготского и Остготского государств, как консолидацию этнически разнородных племен вокруг двух кланов готов Амалов и Балтов не соответствует историческим данным. Он отстаивает точку зрения о преобладании готского этнического начала в обоих государствах, об относительной недолговечности родовых кланов среди готов, не согласен с сохранением исторической готской традиции внутри кланов, как Амалов, так и Балтов. Он считает, что связующим звеном для консолидации служило прежде всего этни-

ческое самосознание и в 350–500 гг. н.э. сформировалось новое государственное образование, а не этническое единство. Готское самосознание проявилось в религии, языке, традициях, внутрплеменных законах. Все это сложилось еще до гуннского нашествия.

Автор не торопится с ответом на вопрос о месте и времени появления "отдельной группы людей впервые назвавшей себя Готами" (с.359). Подождем и мы, хотя в русской литературе по готскому вопросу написано немало. К сожалению, часть работ, опубликованных в последнее время, П.Хиверу не была знакома. Прежде всего, это книга В.П. Будановой "Готы в эпоху великого переселения народов" (Москва, Наука, 1990 г.) и статья "Черняховская культура и готская проблема" в сборнике "Славяне и Русь (в зарубежной историографии)". (Киев, Наукова думка, 1990 г.) Надеемся, что в своей новой книге П.Хивер более подробно исследует проблемы появления этнического самосознания у готов и столь же основательно и убедительно, как в "Готах и Римлянах".

Г.А.Романова

108. pl. Aurburn Frederick, M.D. 21702. U.S.A.

МОГИЛЬНИКИ ГОТЛАНДА — НАЧАЛО НОВОЙ СЕРИИ ПУБЛИКАЦИЙ

Lena Thunmark-Nylén. Die wikingerzeit Gotlands 1. Abbildungen der grabfunde. Kungl. Vitterhets och antikvitets akademien. 396 pages, 511 figures. 1995. Stockholm.

В 1995 году вышел в свет альбом по древностям острова Готланда под названием "Эпоха викингов Готланда". Издание осуществлено на немецком языке, что делает его доступным для широкого круга исследователей. Том подготовлен Леной Тунмарк-Нюлен и посвящен памяти Мартена Стенбергера - известного шведского археолога. По сути дела это издание, что отмечает и сам автор, является продолжением вышедших ранее фундаментальных трудов по Готланду Б.Нермана (Nerman 1935; 1969; 1975) и М.Стенбергера (Stenberger 1947, 1958) и как бы завершает серию книг по железному веку Готланда. В свою очередь рецензируемый том является первой частью запланированной новой серии книг, посвященных могильникам Готланда эпохи викингов, в которой первые два тома будут содержать альбомы иллюстраций и каталог, а последующие

- систематизированное описание обряда захоронения и инвентаря, рассмотрение хронологии и т.д. Весь комплекс изданных и предполагаемых к изданию трудов делает Готланд наиболее полно археологически представленной в публикациях областью среди провинций Швеции.

Материальная культура Готланда занимает особое место среди археологических древностей Балтийского региона. Это было обусловлено изолированностью острова от материковой Швеции и его выгодным географическим положением на перекрестке торговых путей. И хотя в конце IX в. английский купец Вульфстан сообщал, что Готланд принадлежал севям, тем не менее он долгое время пользовался особой независимостью в составе Шведского государства и лишь в конце XIII в. полностью политически подчинился Швеции. Местоположение остро-

ва в середине Балтийского моря позволило ему стать одним из важнейших торговых перевалочных пунктов между различными регионами Северной, Западной и Восточной Европы. Особую роль Готланд играл в торговых контактах с Востоком, прежде всего, с Прибалтикой и Древней Русью.

Опубликованный альбом включает приблизительно 40% погребального инвентаря из примерно 1100 археологически исследованных захоронений Готланда эпохи викингов (охвачены памятники почти половины приходов острова). Среди них представлены, как отдельные погребения, так и могильники, где раскопано от 5-7 до 100 захоронений (например, такие хорошо изученные памятники как *Varshalder* в приходе *Gröttingbo*, *Navog* в приходе *Hablingbo*, *Ire* в приходе *Hellvi*, *Kopparsvik* в приходе *Visby* и другие).

Погребальный инвентарь организован в 511 фототаблиц. Принцип построения таблиц следующий: погребальные памятники даются по приходам (карта прилагается), которые в свою очередь расположены в алфавитном порядке. Каждый памятник публикуется по закрытым вещевым комплексам. Отдельно в конец альбома на десять листов (илл. 463-500) вынесена только керамика и металлические сосуды. Фотографии отличаются прекрасным качеством. Вещи в основном даны в натуральную величину, лишь некоторые крупные предметы, такие как наконечники копий, мечи, сосуды уменьшены в два раза, о чем специально указано в подписях под иллюстрациями. Альбом завершают фотографии мечей, сделанные в ультрафиолетовых лучах. В подписях под таблицами указаны инвентарные музейные номера предметов.

По сути дела данное издание представляет собой начало исчерпывающей публикации материалов могильников Готланда, сравнимое только с фундаментальным изданием Бирки, основного пункта центральной Швеции эпохи викингов. В таблицы включен весь без исключения материал погребений от прекрасных высокохудожественных произведений древнего искусства, каковыми являются фибулы, поясные наборы, различные булавки, бляхи и накладки, до мельчайших маловыразительных обломков железных предметов или фотографий обломков серебряных монет. Точно также в таблицы керамики включены, как целые сосуды, так и отдельные, по существу не несущие никакой информации, фрагменты стенок горшков. В ряде случаев даны полевые фотографии деталей погребений, на которых зафиксированы некоторые элементы одежды погребенных, в основном поясные наборы (илл. 227а, 264б, 429б). Некоторые из последних реконструированы с использованием древних

металлических элементов и современной кожаной основы. Именно подобная полнота публикации материала, превращает данное издание в превосходный археологический источник.

Многие готландские погребения отличаются богатством инвентаря. Даже при переходе населения острова к христианскому обряду захоронения в середине XI в. инвентарь из погребений не исчезает, о чем свидетельствуют "кладбищинские находки" острова (Нюлен 1986: 166-167). И хотя материальная культура Готланда представляет собой часть яркой и самобытной культуры скандинавов в целом, тем не менее ее особенности очевидны. В частности вместо характерных для женской одежды черепаховидных и равноплечных скандинавских фибул на острове были распространены своеобразные застежки в форме "медвежьих голов" и коробчатые фибулы. Кроме того, значительную часть украшений в готландских погребениях составляли подковообразные фибулы, из которых одни имели местное происхождение, а другие являлись продуктом импорта из Прибалтики (Thunmark-Nylen 1992: 155-162). Параллели с восточнобалтийскими землями прослеживаются и в характере некоторых поясных наборов, форме ножен и в отдельных типах браслетов. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие в костюме шейных гривен, зато в женских погребениях представлены оригинальные ожерелья из полых цилиндрических бронзовых подвесок.

В целом первый том начатой серии по готландским могильникам представляет собой редкий для нашего времени по качеству издания археологических материалов фолиант, в чем-то напоминающий некоторые российские дореволюционные крупноформатные издания типа "Материалов по археологии России." Сейчас у нас, к сожалению, подобным образом, издаются только каталоги художественных выставок и книги по искусству, а никаких аналогичных археологических публикаций в отечественной литературе нет.

Первый том открывает серию. Остались пока неопубликованными планы могильников и отдельных захоронений, их описания, обсуждение типологии и хронологии находок, общие заключения. Все это мы будем ждать в последующих книгах Л.Тунмарк-Нюлен, но даже сейчас изданный том материалов является ценнейшим археологическим источником и представляет несомненный интерес для исследователей, занимающихся историей народов Балтийского региона, в том числе и Руси. Достаточно сказать, что найденный в 1988 г. богатейший клад серебряных предметов XII-XIII вв. из Московского Кремля включал готландский браслет с

концами в виде головок животных и 10 необычных подвесок, украшенных сканью, прототи-

пами которых могли быть также более древние готландские украшения (Панова 1996:113-117).

Нюлен, Э. 1986. Эпоха викингов и раннее средневековье в Швеции // Славяне и скандинавы: 155-168. Москва.

Панова, Т.Д. 1996. Большой кремлевский клад // Наследие варягов-диалог культур: 107-120. Boreas.

Nerman, B., 1935. Die Völkerwanderungszeit Gotlands. Stockholm.

1969. Die Vendelzeit Gotlands II. Stockholm.

1975. Die Vendelzeit Gotlands I:1. Stockholm.

Stenberger, M., 1947. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. II. Fundsbeschreibung und Tafeln. Stockholm.

1958. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. I. Text. Stockholm.

Thunmark-Nylén, L. 1992. Gotland - Neighbour between the West and the East // Die Kontakte zwischen Ostbalticum und Scandinavien im frühen Mittelalter / Studia Baltica Stockholmensia. 9: 155-162. Stockholm.

Н.В.Хвоцинская

*Институт истории материальной культуры РАН
Отдел славяно-финской археологии*

ЗАПАДНЫЕ ФИННЫ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

L.Okulicz-Kozaryn. Finowie zachodni. 270 str., 122 rys. 1993. Warszawa.

Финно-угорские племена в средние века занимали огромные территории Северо-Восточной Европы и делились на три большие группы различающиеся по языку и материальной культуре - западную, восточную и пермскую. Западные финны по заключению лингвистов заселяли территорию Эстонии, части Латвии, Финляндии, Карелии, Аландских островов и Новгородской земли. Удаленность от центров развития европейской цивилизации и крайняя скудость письменных источников, которые можно привлечь для реконструкции истории финнов, как подчеркивает Л.Окулич-Козарин, привели к формированию представления о их монолитности и единообразии культуры периферийного облика. Главной целью исследования, как ее формулирует автор книги, является определение места западнофинского населения в истории раннесредневековой Европы и выявление тех элементов культуры, которые определяют его самобытность и способствуют этническому самосохранению финнов, эстонцев и других современных финских народов. Кроме того, Л.Окулич-Козарин свою задачу видит и в ознакомлении польского читателя с народами, близкими территориально к Польше. Поскольку рецензируемая монография пожалуй первое специальное исследование на польском языке, посвященное изучению археологии западных финнов представляется крайне важным оценить насколько полно излагается современное состояние вопроса для одного из наиболее крупных археологических сообществ Европы, которое образуют польские археологи.

Книга Л.Окулич-Козарин состоит из трех основных частей. В первой части, не имеющей общего названия, в трех разделах рассматривается территория расселения западных финнов, дается обзор взглядов лингвистов и антропологов на происхождение финских народов, время и пути образования их различных групп и, наконец, в разделе "Культурные традиции" излагаются существующие представления о развитии археологических культур в лесной зоне Восточной Европы от мезолита (VIII тыс. до н.э.) до городищенских культур железного века. Такой широкий охват избран Л.Окулич-Козарин потому, что, как она отмечает, согласно последним исследованиям, финское население не продвинулось с востока, откуда то из района между средней Волгой и Уральскими горами, на места, где западные финны зафиксированы в средние века, а жило там изначально. Отличия западных финнов от других их групп сформировались постепенно под влиянием контактов с индоевропейским населением Центральной и Северной Европы и как результат различий в экономике и среде обитания.

Вторая и третья части книги состоят каждая из шести разделов. Во второй части "В период формирования территориальных общин (VI-VIII в.)" имеются разделы о внутренних и внешних условиях жизни, о зонах поселений, их структуре и социальных связях, экономике, ремесле и торговле, материальной культуре и быте, верованиях и культах. В третьей части "В период формирования раннефеодальных систем" представлены разделы о викингах и славянах на западнофинских землях, о политико-

территориальном делении западных финнов в IX-XIII вв., о их поселенческих и социальных структурах, хозяйстве, селищах и городищах, материальной культуре и быте, о культурной самобытности финских народов.

Задача, как ее поставила перед собой Л.Окулич-Козарин, чрезвычайно сложна для выполнения. Прежде всего, требовалось суммировать и сопоставить в одной книге огромный материал по различным группировкам западных финнов - ливам, эстам, суоми, хяме, води, ижоре, карелам, веси, другим группам, исторические имена которых письменные источники нам не сохранили. Кроме того, мы практически лишены полноценных письменных источников, оставленных этими народами. При анализе событий, то есть политической истории, изучении социальной структуры общества и иных его характеристик, письменные свидетельства, к сожалению, не могут быть заменены сохранившимися эпическими произведениями финского фольклора, отражающими яркие, но специфические стороны культуры народов. Археологические материалы в такой ситуации приобретают особое значение. Однако здесь надо сделать несколько оговорок, обусловленных сложностью интерпретации привлекаемых археологических фактов.

Дело в том, что если археологи, обращаясь к примеру к анализу материалов Средней Швеции римского времени, вендельского периода или эпохи викингов не сомневаются, что речь идет о могильниках и поселениях германского населения и, в своей основе, о непрерывном культурном и этническом развитии, то для значительной части Восточной Европы дело обстоит совсем иначе. Финские племена, судя по материалам топонимики и гидронимии, занимали в древности огромные пространства лесной зоны вплоть до верховьев Волги и Западной Двины на юге. В какой-то момент на части этих территорий появилось балтское население (балтские гидронимы согласно последним работам достаточно широко представлены вплоть до южного Приильменья на севере). Затем после середины I тыс.н.э., как бы клином, направленным от Верхнего Поднепровья к оз.Ильмень и р.Волхову, раздвигая к западу и к востоку массив балтских и финских племен и смешиваясь с ними, на север стало продвигаться славянское население, точно также как в это время оно продвигалось к южному побережью Балтийского моря почти вплоть до Ютландии. К XI в., когда стали составляться древнейшие русские летописи, название народа заселявшего центральное Приильменье до прихода сюда славян уже забылось и даже не попало на их страницы, как, видимо, растворился среди пришельцев и сам народ, хотя летописи сохра-

нили многочисленные этнические наименования финнов на границах новгородских земель. В последней четверти I тыс.н.э. вдоль восточного пути от Балтийского моря к Каспийскому началось проникновение в глубинные районы Восточной Европы скандинавов.

Отнюдь не просто выявить в невыразительных и бедных материалом археологических памятниках I тыс.н.э. лесной зоны Восточной Европы финские, балтские и славянские древности. Принадлежали те или иные городища и селища в верховьях Западной Двины, Волги и Ловати балтам или финнам? Являлись те или иные курганы с сожжением и грунтовые могильники второй половины I тыс.н.э. финскими, балтскими или славянскими? Одни и те же материалы порой оцениваются прямо противоположно. Яркие бронзовые украшения скандинавов четко выделяются среди восточноевропейских древностей, хотя и здесь, как только мы переходим к анализу погребальной обрядности и поселений возникает множество различных суждений. Назову хотя бы вопрос об этнической принадлежности женщин, похороненных в курганах Юго-Восточного Приладожья с парными скорлупообразными фибулами - были они финками или представительницами скандинавских групп или должно быть иное решение вопроса о характере этнических коллективов? Сама проблема о том, насколько материальная культура отражает этнические характеристики народов, оживленно обсуждается постоянно и единой точки зрения нет.

Этот "этнический котел", где во второй половине I тыс.н.э. смешались и наслоились культуры и традиции разных народов, представляет собой принципиальную сложность для археологии Восточной Европы. Есть некоторая "обреченность" в том внимании, которое уделяют этническим вопросам исследователи обращающиеся к изучению археологических древностей узанных районов. Они знают, что передвижение племен и народов имело место (гидронимия, топонимика, письменные источники), и пытаются уловить это на материалах археологии. Обойти упомянутые вопросы естественно не могла и Л.Окулич-Козарин.

При знакомстве с книгой сразу обращает на себя внимание своеобразие ее построения. Обычно в обобщающих трудах финские народы рассматриваются либо отдельно - ливы, эсты, весь, карелы и т.д., либо по территориям, где обитала та или иная финская группа, отличающаяся своеобразием культуры, - Юго-Западная Финляндия, Хяме и Сатакунта, Приладожская чужь и т.д. Именно такой структуры, например, придерживались авторы монографии "Финны в Европе", написанной коллективом российских, эстонских, финляндских и латышских археоло-

гов (Финны в Европе 1990). В этом есть определенный смысл. Он обусловлен неравномерностью, разноплановостью и одновременностью фактов, как археологических, так и исторических об отдельных западнофинских племенах. Одно дело древности эстов, прослеживаемые на протяжении столетий, с широко расплывчатыми городищами, установленной сменой погребальной обрядности, с выявленными локальными отличиями материальной культуры, характером хозяйства и экономики населения, известным на основе всесторонних исследований, выразительным этнографическим костюмом населения. Совсем другое дело археология близлежащей к эстам води или ижоры и корелы. Еще иной пласт знаний дает археология веси или безымянные финские курганы Юго-Восточного Приладожья, не говоря уж о материалах Приильменья.

Л.Окулич-Козарин предприняла сквозной обзор западнофинских племен, согласно отмеченным выше разделам своей книги, объединяя в единое описание все, что можно привлечь по всей территории. В результате получился не желаемый обобщающий портрет, а соединение разноплановой информации. Читателя как бы заставляют проецировать сведения, касающиеся населения одних районов, для характеристики других. Вот, например, раздел II.2., где речь идет о зонах поселений, их структуре и социальных связях в VI-VIII вв. Учтены материалы территорий современной Финляндии, Эстонии, зоны обитания ливов, без оговорок использованы данные о длинных курганах и сопках. В тоже время в интересующем аспекте о территориях расселения води, ижоры, корелы, Юго-Восточном Приладожье сказать по-существу нельзя ничего. Это отмечает и сама автор книги. Однако все изложенное об эстах VI-VIII вв. отнюдь не будет справедливым, например, для финнов Юго-Восточного Приладожья или веси в бассейне р.Мологи. Эти районы разделяют сотни километров, население жило там в разном природном окружении, следовало разным традициям ведения хозяйства, влияние культурных импульсов из более западных районов Европы также ощущалось отлично на побережье Балтийского моря и в глухих лесных уголках. Примеры таких "сквозных" обзоров по разделам можно продолжить, но это вряд ли имеет смысл, поскольку данный принцип положен в основу всей книги. Справедливо оценивая в ее начале бытующие порой представления о монолитности и единообразии западнофинской культуры, Л.Окулич-Козарин избранной формой изложения по-существу невольно следовала верно критикуемым ею же взглядам. Думаю, что учитывая состояние изученности проблемы, разноплановость и специфику имеющихся источников, ав-

тору следовало придерживаться традиционного подхода - познакомить польского читателя с тем, что известно о каждой группе западных финнов с учетом всех проблем и характера источников, а потом взглянуть на их историю на фоне истории общеевропейской.

Следующим общим моментом, на котором я бы хотел остановиться, является отсутствие в рецензируемой книге собственно источниковедческой части, то есть критического анализа и оценки привлекаемых археологических источников. Работа может иметь реферативный характер, но в таком случае автор должна была сопоставить различные точки зрения, ввести польских читателей в суть проходящих дискуссий, однако этого нет. Л.Окулич-Козарин приводит только те факты, которые укладываются в ее схему, оставляя за кадром сущность многих споров и проблем. Эта односторонность особенно чувствуется в разделах, где речь идет о районах активного смешения финской, балтской, славянской и скандинавской культур, то есть в основном о территориях вошедших в состав Древнерусского государства. Читая книгу, постоянно встают вопросы, а почему автор выбрала именно это мнение и почему приведены только эти факты из множества иных? Ответа нет.

Проблеме расселения славян в лесной зоне Восточной Европы, их взаимодействию с финским и балтским миром, со скандинавами уделялось большое место в советской и русской археологии. Существует несколько основных концепций трактовки археологических материалов, которые связаны с именами П.Н.Третьякова, И.И.Ляпушкина и В.В.Седова. Л.Окулич-Козарин, во многих случаях опирается на статью М.И.Артамонова, опубликованную в 1990 г., но написанную на двадцать лет раньше. Это оригинальная статья, в которой М.И.Артамонов предлагает свой общий подход к решению проблем славянской истории Восточной Европы. Он исходит из положения о сравнительно позднем расселении славян в лесной зоне, об активной роли скандинавов в истории Восточной Европы, а в трактовке археологических данных придерживается взглядов И.И.Ляпушкина, но сами фактические материалы не анализирует. Несомненно польский читатель должен знать суть взглядов М.И.Артамонова. Разумеется Л.Окулич-Козарин вправе им следовать, но читатель должен четко представлять почему автор книги считает их более обоснованными по сравнению с иными трактовками.

Я назову только некоторые проблемы, которые в рецензируемой книге не аргументированы конкретным материалом, а принимаются как постулат. По мнению автора продвижение балтов к северу из Поднепровья после VI в. со-

впадает по времени с проникновением скандинавов и связано с вытеснением балтов славянами. Это как будто вполне логично, а совмещение на одной территории гидронимов финского и балтского происхождения имеет место. Однако у нас нет данных для хронологического определения продвижения балтов. Относится ли оно к I тыс. до н.э., к рубежу н.э., к первой половине I тыс.н.э. или к третьей-четверти этого тысячелетия? Нет единого мнения кому принадлежали городища и поселения с гладкостенной керамикой первой половины I тыс.н.э. к югу от Ильменя - балтам или финнам?

Л.Окулич-Козарин решительно считает, что население оставившее длинные курганы однозначно финское. Однако без детального сопоставления аргументов здесь не обойтись. Вопрос о северной группе длинных курганов не так прост. Одни археологи считают их славянскими, другие финскими, иногда отмечают, что они оставлены балто-славянским населением и подчеркиваются имеющиеся балтские элементы. В последние годы исследователи связывают появление культуры длинных курганов на Верхней Мсте и в бассейне р.Мологи с продвижением сюда населения из Верхнего Поднепровья и Подвинья (кривичи?) и указывают на явные отличия материальной культуры населения оставившего длинные курганы от культуры местных финнов (особенно работы А.Н.Башенькина). Ставится вопрос о единстве данной культуры на территории протяженностью в сотни километров от Эстонии до р.Мологи, о путях ее сложения и различных компонентах. Использовать данные о длинных курганах для характеристики исключительно культуры финнов, отрешившись от проблемы финно-балто-славянских взаимоотношений, как это сделала Л.Окулич-Козарин, это значит существенно упростить проблему.

Если относительно проблематики длинных курганов можно упрекнуть автора книги в приверженности к одному из возможных подходов, поскольку в культуре длинных курганов действительно прослеживается ряд черт, восходящих к культурам раннего железного века лесной зоны Восточной Европы, то относительно оценки древностей населения, соорудившего сопки, с позицией Л.Окулич-Козарин согласиться невозможно. Она использует старую датировку сопок VII-IX вв. и считает, что носители этой культуры составили демографическую основу финского племени весь. Таким образом, весь, упомянутая древнерусской летописью на Белоозере, превращается в одно из крупнейших племенных образований, плотно занимающих бассейны Мсты, Мологи, Волхова, Ловати, Луги, Западной Двины и Великой. Конкретные

материалы накопленные о населении соорудившем сопки (характер поселений, их группировка, материальная культура, экономика и проч.) широко привлекаются для характеристики культуры финнов.

Рецензия не место для изложения современного состояния археологической изученности сопок и примыкающих к ним поселений. Отмечу лишь следующее. Основная масса сопок относится к IX-X вв., а древнейшие из них синхронны ранним слоям Ладоги и могут быть отнесены в Поволхове к VIII в. В окрестностях Новгорода, в так называемом Поозерье, по летописи коренной области расселения словен новгородских, открыто несколько десятков поселений IX-X вв. (предположительно и VIII в.) с материальной культурой которую можно назвать "культурой сопок". Господствующая на них профилированная керамика отличается от основной массы керамики финского населения верховьев Мсты, Мологи, Приладожья, Эстонии, Финляндии, а также керамики Скандинавии. По форме отдаленные аналогии ей имеются в более юго-западных областях, в частности, среди славянской керамики Польского Поморья, хотя различия в хронологии и технологии изготовления посуды пока не позволяют однозначно установить истоки керамического комплекса Приильменя. Лепная керамика поозерских поселений аналогична посуде древнейших слоев Ладоги и Новгорода, где она в середине X в. постепенно сменяется гончарной. На двух селищах Поозерья найдены ножи с волютообразными завершениями рукоятей, характерные для культур славян, особенно, западных. Самое крупное поселение района - Прость, примыкает к упомянутому в летописях славянскому языческому святилищу в Перыни и существовало одновременно с ним. Сопки сменяются в центральном Приильменье древнерусскими грунтовыми захоронениями, а поселения Поозерья возникшие в IX-X вв. продолжают существовать в XI-XII вв. и в последующем их материальная культура переходит в древнерусскую культуру Новгородской земли. Я не знаю ни одной современной археологической работы, где бы ставилась под сомнение славянская принадлежность поселений Поозерья IX-X вв, рядом с некоторыми из которых расположены сопки. Другое дело, насколько материальная культура Поозерья была характерна для всего сопочного ареала и как она сложилась? Эти вопросы требуют обсуждения.

В работе Л.Окулич-Козарин анализ таких материалов отсутствует. Его заменяет указание на отдельные элементы культуры, которые можно связать с финнами. Вот речь идет о Холпьем городке - поселении на Волхове, в 14 км от Ильменя, возникшем в IX в. По Л.Окулич-

Козарин это поселение финское и важный торговый центр скандинавов. Действительно на Холопьем городке есть ряд финских предметов, действительно есть вещи скандинавского происхождения, а его сохранившееся название в латинском проекте договора Новгорода с Любеком и Готским берегом 1268 г. - Drelleborch (калька русского названия), видимо, восходящая к эпохе викингов. Все это автор упоминает, ссылаясь на мою с А.В.Плоховым статью, где такие материалы с аналогиями приведены. При этом автор не отмечает, что самый массовый материал Холопьяго городка - лепная керамика, тождественна керамике многочисленных поселений Поозерья и нижних горизонтов Новгорода. Автор волен в своих построениях, но подход необходимо аргументировать.

Еще один пример. Интереснейшим элементом материальной культуры конца IX-X вв. Рюрикова городища - торгово-ремесленного поселения предшествовавшего Новгороду, были глинобитные отдельно стоявшие хлебные печи особой конструкции. Точные аналогии им известны по раскопкам Ладоги, Новгорода, Гданьска и Щецына. При публикации печей были приведены материалы, что подобные печи (как и сама культура хлебопечения) являются одной из характерных черт общеславянской этнографии, хотя они есть и у ряда других народов, где они часто появлялись под славянским воздействием. Я упоминал мнение финского исследователя К.Вилкуна из его статьи "История хлебной печи в Финляндии", который полагал, что финны именно у славян заимствовали искусство выпечки хлеба в печи, сами хлебные печи и даже их название - *patsi* (Nosov 1984: 148-149; Носов, Петренко 1987: 14). Л.Окулич-Козарин хлебные печи с Рюрикова городища без оговорок использует для характеристики финской культуры. Обоснований нет, однако в подобной ситуации они необходимы. Польский читатель не знакомый с исходным материалом получает по книге Л.Окулич-Козарин искаженное представление о реальной ситуации с изучением и интерпретацией тех или иных фактов.

Особое место в построениях Л.Окулич-Козарин занимают викинги. Действительно при решении общих вопросов истории Северной и Восточной Европы в конце I тыс.н.э. первостепенное значение имеют ответы на вопросы о роли викингов в социально-экономических и политических процессах в различных районах Европы, о времени и причинах основания торгово-ремесленных центров (виков), о характере торговли и культурных контактов на Балтике и соседних землях, о сложении и функционировании восточного пути и участии в этом разных народов.

Эти проблемы затронуты в рецензируемой

книге. По Л.Окулич-Козарин викинги основывают торгово-ремесленные центры, прокладывают торговые пути, вовлекают местное финское население в торговлю. Походы викингов начались согласно автору в VII в., когда ими основывается торговый центр Гробине на восточном побережье Балтики, Ладога в устье Волхова, Гнездово на Днестре. Для характеристики финской ремесленной деятельности VI-VIII вв. автором привлекается Городок на Ловати. Только в IX в. к этим процессам по ее мнению подключаются славяне, когда в борьбе с викингами им приходится отстаивать свое право на активную роль в торгово-ремесленных центрах. Трудно комментировать этот набор идей.

Традиционно эпоху викингов начинают с 793 г., с их нападения на монастырь Линдисфарн на западе Англии. В 710 г. было основано первое торгово-ремесленное поселение Риббе в Ютландии и только с этого времени, как считается в современной литературе, можно говорить о начале распространения в регионе Балтики викинов. Относится ли Гробине VII в. к числу таких центров вопрос более, чем проблематичный. Ладога основана не в VII в., а в середине VIII в. Гнездово появилось не в VII в., а в конце IX в. и функционировало, главным образом, в X в. Городок на р.Ловати не существовал в VI-VIII вв., а был основан в X в. Напомню, что и сам главный центр земли свеев - Бирка на оз.Меларен, откуда, в первую очередь, направлялись походы на восток, появился не ранее VIII в., да и то эта дата еще не имеет развернутой аргументации. Привлечение материалов Ладоги, Городка на Ловати и других памятников к характеристике финской культуры (домостроительства, ремесла, внешних связей и пр.) надо обосновывать, поскольку финские компоненты на этих памятниках лишь один из элементов культуры. Л.Окулич-Козарин при этом даже не задумывается над принципиальным вопросом о том, почему в коренных землях расселения западных финнов, примыкающих непосредственно к Балтийскому морю, в VIII-IX вв. нет торгово-ремесленных центров, подобных известным в Скандинавии, в западнославянских районах по южному побережью Балтийского моря и на Севере Руси. Какие факторы обусловили это?

Круг исследований на которые опирается Л.Окулич-Козарин вызывает недоумение. В книге есть ссылки на старые работы Б.Нермана, статью Х.Янкуна 1953 г., исследования П.Иохансона, опубликованные между 1925 и 1958 гг., несколько раз упоминается книга Х.Р.Еллис Давидсон "The Viking Road to Byzantium" (1976), используется статья М.И.Артамонова 1990 г. и это пожалуй главные привлекаемые работы по названной тематике. С удивлением обнаруживаешь, что важнейшая литера-

тура по вопросам изучения становления ранних городских центров и роли скандинавов на Балтике не учтена. Если иметь ввиду то, что сделано польскими учеными в этой области, то нет классических трудов Г.Ловмянского (в частности, его книга 1957 г. "Zagadnienie roli Normanów w genezie państw słowiańskich" - Warszawa 1957, переизданная в 1985 г. на русском языке до сих пор не потеряла своего значения), нет работ Л.Лециевича, В.Лосинского, В.Филипповяка, не говоря уж о важнейших исследованиях немецких, скандинавских и российских ученых. Это не формальные упреки автору книги. Они вызваны тем, что без учета сделанного при рассмотрении названных ранее вопросов невозможно правильное понимание истории народов всего региона Балтики, в том числе финнов.

Общий список использованной Л.Окулич-Козарин литературы насчитывает несколько менее 500 работ. Вполне понятно, что книга не является библиографическим указателем, но тем не менее она призвана ориентировать польских исследователей в море имеющейся литературы о западных финнах. Если рассматривать указатель под этим углом зрения, то подбор литературы по археологии западных финнов кажется странным и во многом случайным. В нем масса мелких заметок и статей, весьма заурядных публикаций не имеющих принципиального характера, много указаний на довоенную литературу и в тоже время отсутствуют важнейшие новейшие исследования по археологии Эстонии, Финляндии, другим районам расселения западных финнов. Нет упоминания монографии А. Зарина об одежде ливов (Zariņa 1988), книги М.Аун о курганных могильниках Восточной Эстонии (Аун 1980), фундаментальной публикации П.Л.Лехтосало-Хиландер могильника Луистари в Финляндии (Lehtosalo-Hilander 1982), монографий В.В.Седова (Седов 1970) и П.Н.Третьякова (Третьяков 1970), свода Е.А.Ря-

бинина о зооморфных подвесках (Рябинин 1981). Одним из важнейших достижений 1980-х годов в области финской археологии в России является открытие и исследование А.Н.Башенькиным самобытных памятников древней веси в бассейне р.Мологи, но результаты этих работ даже не упомянуты. В данном случае я привел только некоторые примеры.

Если оценивать книгу Л.Окулич-Козарин в целом, то мне представляется, что перед нами не обобщение археологии и истории финских народов, а собранная воедино огромная разрозненная информация. Книга не вводит польского читателя в существующие проблемы изучения финской истории и культуры на базе археологических материалов территорий Эстонии, Финляндии, Латвии и России, а излагает факты под одним углом зрения ("финноцентризм"), тем самым упрощая ситуацию.

Мои критические замечания ни в коей мере не направлены на преуменьшение роли западнофинских племен в истории средневековой Европы. Я больше всего не хотел бы и чтобы ее воспринимали, как болезненную реакцию на умаление роли славян. История состоялась независимо от наших нынешних эмоций. Называя одни и те же памятники, то финскими, то балтскими, то славянскими мы никуда не сдвинемся в их научном понимании. Задача современной археологии заключается в том, чтобы вопреки сложившимся стереотипам мышления и интерпретации фактов, национальным симпатиям и политической конъюнктуре стремиться воссоздать историю народов Восточной Европы со всеми ее сложностями и противоречиями, стремясь быть как можно ближе к исторической правде. Надеюсь, что в современных условиях изменившейся Европы, исследователи разных стран, в том числе и Польши, смогут успешно продвигаться в этом направлении, соглашаясь в оценке имеющихся конкретных материалов.

Аун, М. 1980. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия н.э. Таллин.
 Носов, Е.Н., В.П.Петренко. 1986. Об одном типе средневековых печей Поволжья//Краткие сообщения Института археологии АН СССР. № 197: 8-15. Москва.
 Рябинин, Е.А. 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв.//САИ. Вып.Е 1-60. Ленинград.
 Седов, В.В. 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвонья/МИА № 163. Москва.
 Третьяков, П.Н. 1970. У истоков древнерусской народности/МИА № 179. Ленинград.

Финны в Европе. 1990. Финны в Европе. VI-XV века. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования (Под ред А.Н.Кирпичникова, Е.А.Рябинина). Вып. I и II. Москва.
 Lehtosalo-Hilander, P.-L., 1982. Luistari I. The graves. - Luistari II. The artefacts. - Luistari III. A burial-ground reflecting the Finnish Viking Age society. Helsinki.
 Nosov, E.N. 1984. Historical ties between the population of the Novgorod land centre and the Baltic countries in the 9th-10th centuries//Fenno-ugri et Slavi 1983/ISKOS 4 (Ed.by Torsten Edgren): 145-150. Helsinki.
 Zariņa, A. 1988. Lībiešu apģērbs 10-13 gs. Rīga.

ЗАПУСТЕНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Abandonment of Settlements and Regions. Ethnoarchaeological and Archaeological Approaches. Ed. by Catherine M. Cameron and Steve A. Tomka. 201 pages. 1996 (first published 1993). Cambridge: University Press.

Первые главы сборника у многих вызовут раздражение. При всей своей научной корректности соответствующие этноархеологические исследования чаще всего невероятно банальны. Так ли уж необходимо прибегать к сложной методике, дабы доказать, что на покинутой стоянке легче найти коробку из-под сигарет, нежели исправный телевизор? Сам выбор индейцев та-раумара в качестве объекта одной из исследовательских программ по изучению быта пастухов, демонстративно антиархеологичен; известно ведь, что скотоводство появилось в Мексике только после Колумба.

К счастью, этноархеология занимает на страницах сборника меньше места, чем в подзаголовке. Видимо, это такой же модный сюжет, как и *remote sensing* (изучение памятников на расстоянии, без раскопок). Под него легко получить финансирование даже в тех случаях, когда научная отдача несопоставима с затраченными усилиями.

Гораздо интереснее раздел, в котором исследуются причины появления различной хозяйственной стратегии у земледельческих групп, осваивающих новые территории. По мнению Г.Д.Стоун, между тив и кафьяр в современной нигерийской саванне и финнами и немцами на востоке США в 17 в. прослеживаются существенные параллели. Финны и тив не задерживались на новом месте, а собрав урожай или два, шли осваивать следующий участок. Немцы и кафьяр лишь в крайней нужде уходили с освоенной территории, не жалея усилий для восстановления плодородия истощенных полей. Выводов три. Во-первых, обе стратегии экономически обоснованны и появление обеих закономерно. Во-вторых, они хорошо работают вместе, когда одна группа образует фронт земледельческой колонизации, а другая закрепляет достигнутое. В-третьих, та или иная стратегия обеспечивается определенной устойчивой социальной структурой. Этническая группа в исторически обозримый период не может ее изменить, поэтому наличие потенциальной ниши для мобильности или оседлости не означает, что таковые непременно проявят себя. Выводы Стоун соответствуют современной концепции многолинейной эволю-

ции и заслуживают внимательного изучения.

С.Шленджер и Р.Уилшазен сообщают о том, как им удалось проследить динамику запустения небольшого района в штате Колорадо после его освоения земледельцами в начале VII в. Благодаря наличию разработанной дендрохронологической шкалы и сохранности древесины, стало возможным определить как время оставления каждого отдельного жилища, так и степень корреляции подобных событий с эпизодами аридизации, три из которых длились по 20 лет, а последний 40. В ходе его, около 900 г., район забросили навсегда. Выяснилось, что строили дома лишь в периоды между засухами, а покидали в любое время, что и естественно, поскольку жилища ветшали быстрее, чем заканчивался благоприятный климатический интервал. Все это предполагалось и раньше, но изысканная методика сделала гипотезу достовернее.

Другая статья по археологии американского юго-запада описывает концентрацию населения во все более крупных центрах в XII—XIV вв. Процесс представлен в негативе, на примере покинутых жителями местностей. Тому же самому региону посвящены два раздела, в которых рассматривается оставление отдельных помещений и участков в пределах поселений публо.

Р.Брукс приводит этнографические данные по жилищу индейцев прерий, существенные для интерпретации археологических материалов доколумбового времени. Его статья была бы интересной и нам, если бы не удаленность региона от тех, где доводилось работать российским археологам.

К.Лильос исследует переход от медного века к бронзовому на побережье Португалии около 2000 г. до н.э. В это время здесь исчезают многочисленные укрепленные поселения, а стратифицированное общество, чье существование доказывают захоронения с богатым инвентарем (предметы из золота, слоновой кости, каменные идолы и пр.), на целых полтысячелетия уступает место небольшим относительно эгалитарным коллективам. Непонятно, почему два объяснения наблюдаемого упадка — изменения климата и деградация окружающей среды в результате частных тенденций, специфичных для

данного социума — мыслятся альтернативными (выбор делается в пользу более изощренного объяснения). Синхронность кризисных процессов от Португалии до Инда заставляет предполагать, что глобальная аридизация II тыс. до н.э. сыграла здесь свою роль. При этом в каждом обществе, будь то Португалия, Палестина или Систан, имелись, естественно, свои слабые места, которые и определили тот или иной конкретный механизм разрушения существующей социальной структуры. Среди приводимых автором этнографических параллелей данные по хопи Аризоны, у которых раскол общины сопровождался эгалитаризацией отколовшейся части, достойны наибольшего внимания.

В своем *заключении* редакторы сборника весьма объективно и точно оценивают место за-

явленной темы в археологической проблематике — темы, безусловно служебной, нуждающейся в разработке постольку, поскольку мы в состоянии применить полученные данные для уточнения исторических реконструкций и коррекции типичных интрепретационных ошибок.

Несмотря на излишнее наукообразие некоторых статей, сборник в целом внушает читателю важную мысль: прекращение обживания домов или поселений есть не стихийный процесс, а такая же часть культуры, как и домостроительство. Не зная правил (утилитарных и этикетных) оставления жилища и тем более полагая, что таковых не было вовсе, мы рискуем в корне неправильно осмыслить обнаруживаемые при раскопках факты.

Ю.Е. Березкин

*Институт истории материальной культуры РАН
Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа*

МОЛЕКУЛЯРНАЯ БИОЛОГИЯ В АРХЕОЛОГИИ

Ancient DNA in Archaeology. Ed. by Bernd Herman, Susanne Hummel. 257 pages. 1993.
New York, Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag.

Сборник статей, посвященный исследованию древних ДНК, для археолога может не быть настольной книгой. Представлять современный уровень развития молекулярной биологии конца второго тысячелетия н.э. археологу необходимо. Необходимо по нескольким причинам, которые, надеюсь, в процессе обзора статей станут понятны.

Прошла пора дискуссий о применении методов естественных наук в археологии, прошли и разочарования от их относительной точности датировок, в итоге археология только выиграла. Физическая антропология всегда развивалась в тесном сотрудничестве с археологией и ее методы получили признание и развитие в направлении биоархеологии. В последнее десятилетие археологи обратились к криминалистике (Forensic science), откуда и пришли методы молекулярной биологии. Впервые древняя ДНК была выделена в Китае в 1980 году из ребра (чем не новый библейский сюжет) женщины, погребенной около 2000 лет назад. После этого работы ненадолго приостановились, слишком большой ущерб наносился экспонатам. Интенсивное изучение древних ДНК началось с середины 80-х годов после открытия метода полимеразной цепной реакции, позволившего при минимальных количествах исходного материала

умножать число исходных копий ДНК практически неограниченно.

Сборник подводит итоги работ с древними ДНК в различных направлениях. Первое из них включает генетическую информацию на индивидуальном уровне, независимо от вида древнего организма (человек, животное, насекомое, растение... вплоть до бактерий). Второе направление, вернее сказать, уровень исследования анализирует генетические данные внутри одной популяции. Для археологии это может быть родовое кладбище, семейный склеп, моноэтническая археологическая культура, если таковая существует. Третье направление и уровень исследования включает в себя сравнительный анализ генетических данных разных популяций. Исследование такого рода может проводиться как для одного вида (этнические различия для исторических народов), так и для разных видов на одном этапе хронологии (генетический анализ фауны и флоры), либо на протяжении времени в рамках определенного периода.

Пусть не смущают нас термины молекулярной биологии, поскольку на практике выделение древней и современной ДНК становится рутинной процедурой для биологов. Перспективы же, которые открывает исследование

древних ДНК пока трудно до конца осознать. Не следует преувеличивать реальные возможности и следует помнить, что мы стоим у истоков нового направления. Весьма вероятно, что через несколько лет данный сборник станет настольной книгой археолога.

Десятилетие в археологии-мгновение, в молекулярной биологии-вечность, поэтому даже за 2 года, прошедших с момента выхода сбор-

ника из печати, опробованы и опубликованы новые методы экстракции древних ДНК и РНК, проведен анализ ДНК древнейших представителей семьи "Номо". Вышла в 1994 году книга Луки Кавалли-Сфорца, П. Менози, А. Пьяза "История и география генов человека", которая безусловно станет предметом многих рецензий, в том числе и моей.

Г.А. Романова

108. pl. Aurburn Frederick, M.D. 21702. U.S.A.

ТЕКТОНИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПЛИТ: КОЛОНИЗАЦИЯ И АККУЛЬТУРАЦИЯ

The Origins and Spread of Agriculture and Pastoralism in Eurosaia. Ed. by David R. Harris. 594 pages. 1996. London. Institute of Arcaheology, University College London: UCL Press.

Тематикой и объемом новый сборник статей под редакцией видного английского археолога и палеоботаника Д.Харриса заставляет вспомнить предшествующий, изданный в 1989 г. (Березкин 1992). Англоязычным исследователям, занимающимся происхождением земледелия в Европе, Азии и Океании, снова предоставлена уникальная возможность познакомиться читателей и друг друга с результатами своих последних работ. Что же касается новых концепций, то сперва кажется, что произошло возвращение к традиционным устоям: переход к производящему хозяйству снова мыслится как уникальный переворот, осуществившийся самостоятельно в немногих ареалах и даже точечных центрах, а затем прокатившийся по всему миру. Напомним, что в прошлый раз читателю скорее внушалась мысль о равноправии форм хозяйства и об условности делений на центр и периферию. На половине книги становится ясно, что речь идет вовсе не о смене позиций, а об их столкновении.

Суть первой выразил А.Шеррат: если бы море Тетис не закрылось и в кайнозойе, европейский мезолит продолжался бы до времени финикийцев. Называя условия возникновения земледелия, автор напоминает порой Л.Н.Гумилева, возглашавшего "здесь разлом!", рассекая указкой Евразию. Но когда Шеррат призывает рассматривать каждый процесс в региональном, а если надо, то и в глобальном контексте, с ним трудно не согласиться. Исследователь вряд ли способен трезво оценивать ма-

териал, дрожа от страха быть замеченным в ереси миграционизма.

К.Ренфрю миграционизм не пугает и он связывает с распространением земледелия распространение по обширным территориям представителей крупных языковых семей: земледельцы и скотоводы с их более высокой демографической плотностью поглощали охотников-собираателей и их языки. Никто не спорит, что бывало и так, но прямой зависимости между языками и земледелием, конечно, нет (о тенденциях вымирания и умножения языков в древности смотри Robb 1993). Ни в Америке, ни на Новой Гвинее невозможно связать первичные земледельческие очаги с расселением определенных языковых семей. Кроме того, среди языковых семей Старого Света, о которых пишет Ренфрю, лишь в отношении афразийцев и эламо-дравидов существуют серьезные резоны для выведения одних из Леванта (Милитарев 1995; Милитарев, Шнирельман 1994), других из Загроса. Сложность индоевропейской проблемы известна (Сафронов 1989; Трубачев 1991:33-35). Что же до гипотезы о джейтунской культуре как протоалтайской, то это предположение вообще не имеет в свою поддержку ни единого факта.

Гораздо основательнее рассматривает ту же проблему П.Белвуд — признанная фигура номер один в изучении прошлого Океании и Юго-Восточной Азии. Он тоже убежден, что за редкими исключениями, собиратели не способны превращаться в земледельцев и что рас-

пространение производящего хозяйства по миру происходило в ходе миграций. Понятно, что именно история восточноазиатско-тихоокеанского региона предоставляет конкретные факты для отстаивания подобной позиции. Их можно найти как у самого Белвуда, так и в статьях других авторов, посвященных Китаю, Японии, Меланезии и Новой Гвинее. Отмечая известное хронологическое совпадение появления земледелия во всех первичных земледельческих очагах, Белвуд связывает его с быстрыми климатическими изменениями рубежа плейстоцена и голоцена, которые поколебали сложившиеся поведенческие стереотипы и способствовали экспериментированию. Следовало бы все же добавить, что столь же необходимым условием стало освоение достаточно сложных форм социального поведения и накопление положительных знаний к концу верхнего палеолита. Белвуд почему-то полагает, что в Америке производящее хозяйство появилось лишь около 3000 н.э. и распространилось взрывообразно. В действительности первые опыты окультуривания растений в Америке относятся по крайней мере к 7-8 тыс. до н.э., а замещение присваивающих отраслей производящими шло настолько плавно, что здесь даже трудно указать какие-то явные рубежи.

Л.Кавалли-Сфорца пишет о распространении производящего хозяйства на фоне данных о генетике европейских популяций. Проведенный им и его коллегами анализ генетического разнообразия населения мира — великое научное достижение конца нашего века. То, что в генах жителей Центральной Европы и сейчас еще виден ближневосточный след, с высокой вероятностью свидетельствует о миграции не только культурных растений и домашних животных, но и людей. Но когда Кавалли-Сфорца от экспозиции полученных данных переходит к их истолкованию, его суждения часто упрощены и опрометчивы. Странно, когда о "курганном вторжении" говорится так, будто и не было всей той критики М.Гимбутас, которой полны публикации последних десяти лет.

Ле Груб рассматривает появление земледелия как следствие распространения новых болезней при потеплении климата в голоцене; возросшая смертность компенсировалась повышением рождаемости, та ограничивала мобильность, а оседлость стимулировала поиск новых источников пищи. Данный вывод обоснован не хуже, чем гипотеза об окультуривания злаков вследствие желания иметь достаточно пива (Katz, Voigt 1986). Значение могло иметь и то, и другое, но вряд ли мы все же обязаны нашей цивилизацией малярийному комару. Скорее уж пиву.

Междисциплинарным статьям отведена

первая из четырех частей сборника; статья Белвуда помещена в азиатско-океанийский раздел, но тоже была бы уместнее ближе к началу книги. Во второй, ближневосточной, части главный интерес представляют новые данные о происхождении производящего хозяйства. Проведя молекулярное изучение семян бобовых и злаков, Д.Зохари доказывает, что эммер, горох и чечевица были, по-видимому, окультурены лишь однажды — возможно, даже членами одной небольшой общины. Лишь ячмень вошелся в культуру скорее всего несколько, но тоже немного раз. Пока неясно, были все эти виды окультурены вместе или каждый особо, но методика для определения этого уже выработана. Исследования Зохари еще раз свидетельствуют о том, что фундаментальные открытия обычно распространялись быстрее, чем успевали делаться вновь.

О том же говорят и данные А.П.Уэрпманна. Он показывает, сколь много условий, связанных с наличием биологических видов с определенными свойствами, определенных форм социальной организации и подходящей природно-климатической обстановки должно было быть соблюдено, чтобы люди могли *ненамеренно* одомашнить первых копытных. Лишь благодаря почти чудесному стечению обстоятельств создатели культуры докерамического неолита Б получили в свое распоряжение домашних коз и овец. Дальнейшее одомашнивание любых других видов уже опиралось на полученный опыт и не представляло столь сложной проблемы.

Г.Хиллман реконструирует изменения во флоре Ближнего Востока в 13-9 тыс. до н.э.; в это время здесь стали быстро распространяться леса, ранее почти вовсе отсутствовавшие. Т.Легт рассматривает детали domestикации коз и овец, а Ф.Хоул — появление производящей экономики на западе Ирана; остается все же неясным, появились ли в Загросе домашние козы и овцы раньше, чем земледелие.

Статья И.Клер-Роллефсон о распространении в Азии дромадера хронологически и по характеру источников (в основном письменных или этнографических), не вполне вписывается в остальные. Аравийское происхождение этого животного не вызывает особых сомнений. Жаль, что нет новых исследований по бактриану, для которого обстоятельства domestикации и древний ареал использования менее ясны.

Третья часть сборника посвящена распространению производящей экономики в Европе и начинается с характеристики неолита Греции. Авторы этого раздела категорически не согласны с авторами общих статей. П.Холстед пытается доказать (может быть, излишне настойчиво), что культурные виды могли быть в Греции все же заимствованы местными охот-

никами-собираателями, а не принесены мигрантами из Малой Азии. Неолитическое земледелие напоминало скорее огородничество, чем полеводство. Полемизуя с известной монографией Я.Ходдера (Hodder 1991), он утверждает, что взаимоотношения отдельного домохозяйства с общиной были важнее (и, главное, конкретнее отражены в археологическом материале), нежели проблема превращения "дикого" в "домашнее". Здесь Холстед, видимо, прав, ибо сама оппозиция природы/культуры принадлежит Новому времени; в древности она осмыслилась в иных категориях.

Дж.Томас акцентирует разнообразие взаимоотношений между европейскими неолитическими земледельцами и охотниками-собираателями и активную роль последних в такого рода контактах. Лендвел и россен — это последние земледельческие культуры Европы, для которых допустимо предполагать миграционное происхождение. В конце 4 тыс. до н.э. в Скандинавии и на Британских островах колонизация решительно сменилась аккультурацией. В отношении циркумбалтийского ареала об этом подробно пишет М.Звелебиль, снова используя свое удачное троичное членение процесса перехода к производящему хозяйству: сперва знакомство с новыми видами, затем сосуществование земледелия и присваивающего хозяйства, наконец, вытеснение охоты и собирательства из числа жизненно важных видов деятельности. Большая продолжительность первой и особенно второй фаз определяют специфику процесса в Прибалтике, прежде всего восточной, где он растянулся на два тысячелетия. Лишь в 1300-600 до н.э. земледельческо-скотоводческое хозяйство заняло здесь первенствующее положение.

Д.Прайс более подробно рассматривает переход к неолиту в южной Скандинавии. Гипотеза выборочного заимствования неолитических навыков и стандартов (а не вторжение культуры воронковидных кубков со стороны) практически не имеет больше оппонентов. Остается понять, что конкретно заставило обитателей Скандинавии перейти к неолиту и почему это случилось именно 5900 лет назад. Автор доказывает, что речь идет не о хозяйственном кризисе (тем более, что земледелие стало в Дании господствующей отраслью лишь много позднее), а скорее о заимствовании социальных институтов, соответствующих достаточно сложно организованному обществу эртбелле. Это крайне плодотворная мысль, находящая подтверждение в фактах этнографии по всему миру, хотя, вопреки Прайсу, и не дающая основание считать земледельческую колонизацию редким исключением. Также рано утверждать, что земледелие всегда зарождалось среди

оседлых охотников-собираателей со сложной культурой, поскольку о соответствующих группах в Америке, Восточной Азии, Африке и на Новой Гвинее мы все еще знаем ничтожно мало.

Р.Харрисон рассказывает о средиземноморских парковых лесах из дубов и других орехоплодных деревьев. Сейчас подобные полукультурные древостои сохранились лишь в странах восточного Средиземноморья, но в прошлом существовали и в Эгеиде; на Пиренеях они, по видимому, поддерживаются человеком на протяжении шести тысяч лет. По продуктивности средиземноморская арборикultura значительно эффективнее злакового земледелия, являя собой одну из наиболее экологичных форм землепользования.

Последний раздел сборника посвящен Азии и Тихому океану, охватывая территорию от Ирана до Меланезии. Мы позволим себе не рецензировать восточноазиатско-тихоокеанскую часть подробно, а лишь указать самые важные положения. 1) В 6 тыс. до н.э. южнокитайский рисоводческий комплекс появляется в уже сложившемся виде; не исключено, что свой "натуф" здесь еще просто не найден, и восточноазиатское земледелие может оказаться даже древнее ближневосточного. 2) В западную Индонезию и Малайзию земледелие скорее всего принесли австралийцы ок. 3000 до н.э., лишь позже ассимилированные австронезийцами. 3) Гипотеза К.Сауэра о большой древности клубнеплодно-вегетативного земледелия в Юго-восточной Азии оказалась миражом и может считаться похороненной (хотя она справедлива для Новой Гвинее). 4) Появление риса в финальном дземеоне не изменило в основном присваивающей местной экономики и переворот все же наступает только в связи с появлением культуры яя. 5) Раннее (с 7 тыс. до н.э.) земледелие в горах Новой Гвинее находит все новые подтверждения, но пока нет фактов в пользу распространения земледелия в низменностях Новой Гвинее и на островах Меланезии в предшествующую лапите эпоху.

Начинается же четвертый раздел со статьи К.Гоздена и Д.Харриса, обобщающей данные по джейтунской культуре на юге Туркмении, включая результаты раскопок конца 80-х годов. Одним из них стали радиоуглеродные даты из ранних слоев самого поселения Джейтун, свидетельствующие о том, что эта культура охватывает все 6-ое тыс. до н.э., но не заходит в 7-ое, тогда как близкие джейтунским иранские памятники имеют большую древность. Как археология, так и палеоботаника склоняют к убеждению, что джейтунцы пришли с запада-юго-запада, уже имея вполне сформировавшуюся производящую эконо-

мику, и что в Копет-даге ее особого очага не существовало.

Р.Медоу, рассматривая распространение производящего хозяйства в Южной Азии, выделяет здесь два периода интродукции новых видов. Первый связан с неолитизацией Белуджистана 7500-5500 до н.э., а второй с появлением сорго и просо из Африки и риса с востока 2500-1500 до н.э. (данные о более древнем рисоводстве у мунда не рассматриваются). Нижняя граница первого периода, на наш взгляд занижена на тысячелетие, если не на полтора. В это время в Мергаре появляются ячмень и пшеница. Лен, чечевица и хлопок тоже известны в дохарапский период, но не ясно точно, с какого времени. Что касается скотоводства, то в свете материалов Уэрпманна (смотри выше) важен не столько сам факт одомашнивания в Южной Азии зебу, сколько то, попала ли к этому времени в Белуджистан переднеазиатская домашняя овца или нет. Если попала (а скорее всего это так), то вполне самостоятельным очагом одомашнивания скота Южная Азия называться не может. Лошадь, осел и бактриан распространяются в Индии лишь во 2

тыс. до н.э. Даже если все же окажется, что они были известны в 3-ем, эти виды явно не играли в харапское время существенной роли в хозяйстве.

В своем заключении Д.Харрис корректно и сдержанно комментирует вклад коллег, позволяя себе открыто поддержать лишь тезис Белвуда о климатических переменах, определивших синхронность земледельческих экспериментов по всему миру. Но нам бы хотелось сделать еще два вывода. Во-первых, позиция исследователей по глобальным проблемам редко бывает основана на непредвзятом анализе данных. Она складывается заранее, часто на основе тех материалов, которые специалисту лично знакомы. Адепты колонизационной и аккумуляционной моделей распространения земледелия не слышат друг друга. Во-вторых, у истории нет своих законов, кроме законов термодинамики и теории вероятности. Всякая попытка вывести собственно исторические законы, будь то формационная пятичленка или связь хозяйственных процессов с языковыми, приводит к насилию над материалом.

- Березкин, Ю.Е.* 1992. Новые данные о происхождении земледелия // Археологические Вести 1: 196-199.
- Милитарев, А.Ю.* 1995. Шумеры и афразийцы // Вестник древней истории 2: 113-127.
- Милитарев, А.Ю., В.А. Штирельман.* 1984. К проблеме локализации древнейших афразийцев (опыт лингво-археологической реконструкции) // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока 2: 35-50. Тезисы и доклады конференции.

- Сафронов, В.А.* 1989. Индоевропейские прародины. Горький.
- Трубачев, О.Н.* 1991. Этногенез и культура древнейших славян. Москва: Наука.
- Hodder, I.* 1990. The Domestication of Europe. Structure and Continuity in Neolithic Societies. Cambridge: Basil Blackwell.
- Katz, S.M., M.M. Voigt.* 1986. Bread and beer: the early use of cereals in the human diet // Expedition 28 (2): 23-34.
- Robb, J.* 1993. A social prehistory of European languages // Antiquity 67 (257): 747-760.

Ю.Е. Березкин
Институт истории материальной культуры РАН
Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа

ПРАКТИКА И СТРУКТУРА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В ИРЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

М. МОНК*

В Ирландии, как и в большинстве европейских стран, археологией занимаются люди, работающие в государственных организациях, частных компаниях и университетских колледжах. Существуют также общенациональные и местные общества, членами которых являются археологи-любители. Имеется две профессиональные организации, которые представляют археологов, работающих как на постоянной, так и на договорной основе.

Общегосударственные организации и законодательство.

Главные организации, занимающиеся археологическим наследием в общегосударственном масштабе, — это Отдел национальных памятников при Управлении общественных работ и Национальный музей. Обе они базируются в Дублине. Законодательные основы, полномочия и порядок деятельности обеих организаций зафиксированы в Законе о национальных памятниках, принятом Парламентом в 1930 г. (в 1954, 1987 и 1994 гг. в него вносились поправки). Кроме того, недавно (в 1995 г.) был принят Закон о культурном наследии. Законодательством устанавливаются определенные структурные принципы, а именно:

1. Ответственность за все вопросы, связанные с археологическими памятниками, отныне лежит на министре культуры и гэльского наследия (gaeltacht), который и решает данные вопросы по согласованию с Советом по наследию (органом довольно широкого профиля, где одновременно работает не более двух археологов).

2. Органом, проводящим в жизнь законодательство об археологических памятниках, является Отдел национальных памятников при Управлении общественных работ. Законодательство распространяется на объекты, находящиеся под защитой государства, имеющие охран-

ные ордера, а также внесенные в список памятников. Последний является наиболее общим документом и подлежит постоянному обновлению. Археологические артефакты находятся в ведении Национального музея Ирландии.

3. Вышеперечисленные органы пока не имеют региональной структуры, однако согласно закону 1930 г. местные власти могут создавать комиссии по памятникам местного значения с целью получения рекомендаций относительно того, как следует поступать с этими памятниками (в особенности с недействующими церквями, упраздненными кладбищами, а также объектами, находящимися в новостроечных зонах). В этих комиссиях должны быть равномерно представлены выборные члены из числа местных политиков и специалисты. Помимо этого, по решению некоторых местных властей были основаны краеведческие музеи (в частности, в гг. Корк, Лимерик, Голуэй, а также в графствах Керри, Типперэри, Монахан, Донегол и Лаут). Были учреждены также различные местные фонды, имеющие целью вкладывать средства в развитие туризма вокруг археологических памятников. Такие центры созданы по всей стране, причем некоторые из них на коммерческой основе.

К числу прочих положений законодательства о памятниках и артефактах относятся следующие:

1. Согласно принятой в 1994 г. поправке, все археологические объекты, обнаруженные на территории государства, являются государственной собственностью, за исключением случаев, когда министр решает иначе. Если подобные объекты обнаруживаются не в результате археологических раскопок, об этом надлежит в 4-дневный срок сообщить в Национальный музей.

2. Ни один археологический объект не

* Ireland. Cork. Department of Archaeology, University College Cork.

может быть экспортирован или каким-либо образом изменен (за исключением консервации) без разрешения, полученного от Отдела наследия и культуры.

3. На зарегистрированных памятниках, независимо от того, являются ли они собственностью государства, местных властей или частных лиц, а также независимо от того, состоят они под охраной или нет, нельзя производить никаких работ (за исключением снятия растительности) без письменного разрешения Отдела национальных памятников при Управлении общественных работ. Каждому владельцу или иному лицу, желающему произвести такие работы, следует обращаться за разрешением не позднее, чем за 8 недель до начала работ.

4. Государство берет на себя изготовление копий списков охраняемых памятников для сведения землевладельцев (такие списки должны храниться в библиотеках, отделах планирования при органах местной администрации и полицейских участках). Если соответствующий список имеется, землевладельцы обязаны ознакомиться с ним, чтобы знать, имеются ли на их землях памятники. Если государство отказывается выдать разрешение на производство работ, оно может подкрепить свою позицию путем изготовления охранного документа на памятник.

5. Если какие-либо статьи закона нарушаются, виновные подлежат наказанию в виде штрафа или тюремного заключения.

6. Использование металлоискателей или иных детекторов на территории археологических памятников или вблизи них допустимо лишь по согласованию с государственными органами. Самовольное использование таких приборов может повлечь наказание в виде штрафа или тюремного заключения.

7. На любые археологические раскопки следует получать разрешение. Разрешения выдаются только археологам, имеющим соответствующее образование и опыт раскопок (со всеми лицами, обращающимися за разрешением впервые, проводится собеседование).

8. Любая деятельность, включая ныряние, на территории затопленных памятников может производиться лишь с разрешения государственных органов. Самовольное использование детекторов на таких памятниках также запрещается.

Современное состояние дел и новые проблемы

Среди проблем сегодняшнего дня определение того, какие археологические памятники находятся в сфере действия законодательства. На практике верхним рубежом является 1700 г., а следовательно, закон не распространяется на множество постсредневековых памятников и построек. Другая проблема угроза, которую

представляют для археологического наследия частные, коммерческие или государственные новостройки, а также отсутствие средств, позволивших бы справиться с этой угрозой и укрепить нынешнее законодательство.

В известной степени законы допускают расширительное толкование, что и было использовано для защиты некоторых зданий, построенных после 1700 г.

Что касается угрозы со стороны новостроек (некоторые из которых поощряются государством посредством благоприятствующей налоговой политики, как это происходит, в частности, во внутренних районах наших средневековых городов), то противостоять этой угрозе помогают значительные средства, которые в течение последних 15 лет вкладывались в разведочные археологические работы, имеющие целью получить максимально полное представление об археологических памятниках нашей страны. Поначалу такие работы заключались в переписи всех памятников, известных по картам и письменным источникам. Данная перепись получила название "Реестр археологических местонахождений и памятников старины". В некоторых графствах одновременно велась и полевая работа. В настоящее время почти в десяти из 26 графств в дополнение к "Реестру" имеются материалы полевых обследований.

На основании этих обследований и составляется список памятников, упомянутый в законе. В средневековых городах велась аналогичная работа по регистрации памятников. Все государственные и полугосударственные новостроечные организации получили копии "Реестра", относящиеся к соответствующим районам. Все плановые отделы при местных органах власти обязаны перед производством любых работ, а также перед выдачей частным лицам, коммерческим компаниям или государственным организациям разрешений на какие-либо работы, ознакомиться с "Реестром" и прилагаемыми к нему картами.

Однако лишь в двух органах местной администрации (в гг. Корк и Дублин) постоянно работают археологи, у которых люди, ответственные за планирование новостроечных работ, могут получить консультации. В целом же местная структура контроля за сохранностью археологического наследия в стране пока отсутствует. Управление природной среды, которому подконтрольны все местные власти и отделы планирования, не дает никаких рекомендаций местным органам по вопросам охраны памятников в зонах новостроек, ограничиваясь отсылкой к Закону о национальных памятниках. Поэтому планировщики, которые не имеют никаких познаний в области археологии, часто вынуждены принимать решения на

свой страх и риск. Как правило, при возникновении соответствующих проблем им рекомендуется (или даже предписывается по условиям договора) брать на временную работу археологов. А поскольку это дает последним возможность заработать, за последнее время возросло число археологов, не имеющих постоянной работы и пытающихся жить за счет таких контрактов. Если не считать того, что они обязаны получать разрешения на проведение раскопок, их деятельность никем не контролируется.

Представительные органы

Археологи как в южной, так и в Северной Ирландии, независимо от того, работают ли они на постоянной основе или на контрактной, имеют две профессиональные организации. Это Ирландская Ассоциация профессиональных археологов (ИАПА) и Организация ирландских археологов (ОИА). Ни та, ни другая не институционализированы, в отличие от Института полевых археологов в Великобритании. Однако ИАПА движется в этом направлении по мере того, как число ее членов растет, а представительство расширяется. Дважды в год ИАПА проводит общие собрания, а кроме того выпускает бюллетень. Собрания членов ОИА происходят раз в год; эта организация осуществляет весьма важное дело — издает Ежегодный Бюллетень Раскопок, где публикуются краткие сведения обо всех раскопках на территории Ирландии за год.

Научные общества и журналы

Имеется несколько научных обществ, каждое из которых публикует ежегодник. На общегосударственном уровне существует Королевское Общество по изучению древностей Ирландии (КОИДИ) и Королевская Ирландская Академия (КИА), в которой представлен ряд наук, в частности археология. КОИДИ организуется выборным комитетом, который проводит собрания, отвечает за проведение экспедиций и издает журнал. Деятельность КИА осуществляется ее членами, избираемыми на основании научных заслуг. КИА имеет ряд национальных комитетов, в том числе и археологический (в нем могут состоять не только действительные члены Академии). Национальный Комитет по археологии обсуждает вопросы государственной политики в области археологии, а также финансирует наиболее ценные проекты. Финансирование осуществляется как из собственных средств Комитета (это относится к маленьким грантам на проведение полевых исследований и работу в библиотеках), так и из ежегодных грантов, выделяемых Академией Управлением общественных работ для проведения археологических раскопок.

Имеется также ряд местных обществ. Многие из них занимаются главным образом исто-

рией, но существует несколько клубов, направление деятельности которых в большей степени археологическое, чем историческое. Все общества возглавляются выборными комитетами. Они проводят собрания и организуют экспедиции для своих членов. Некоторые, в частности археолого-историческое общество г. Корк, археологические общества графств Керри и Лаут, а также провинции Северный Манстер, выпускают журналы, где публикуется множество научных статей и отчетов. Помимо этих журналов существует еще три важных периодических издания "Журнал Ирландской Археологии" (научно-исследовательское издание общего характера), "Эмания" (журнал, выпускаемый в Северной Ирландии, но публикующий и статьи южно-ирландских авторов, посвященные памятникам поздне-доисторического и протоисторического периода) и "Археология Ирландии" — научно-популярный ежеквартальный журнал, каждый выпуск которого состоит из редакционной статьи и коротких, написанных в журналистской манере, статей, освещающих текущую деятельность археологов.

Археологическая подготовка

Три колледжа, относящиеся к Национальному Университету Ирландии (НУИ) в г. Корк, Дублин и Голуэй имеют кафедры археологии. В Колледже Св. Троицы в Дублине такой кафедры нет, но там преподается классическая археология, а на кафедре истории Средних Веков читаются факультативы по средневековой археологии.

В Дублине и Голуэе кафедры археологии существуют при гуманитарных факультетах НУИ. Однако в колледже г. Корка эта кафедра относится к факультету точных наук. Скоро она получит возможность принимать аспирантов, имеющих дипломы по точным наукам.

Проучившись в колледже три года, сдав соответствующие экзамены и получив первый диплом, студенты еще не имеют права избрать археологию в качестве единственной области специализации. Им необходимо сочетать ее с изучением географии, истории, античной или кельтской цивилизации, английского языка и литературы, экономики или социологии.

Однако во всех трех колледжах НУИ можно после получения первого диплома избрать археологию в качестве главного предмета. Через два года претенденты обычно получают степень магистра искусств. Магистерская подготовка в трех колледжах различна. В Голуэе для получения степени нужно написать и защитить соответствующую работу, а до этого необходимо прочесть рекомендованную литературу и посетить семинары. В Корке аспирант первого года обучения должен прослушать курс введения в специальность, необходимый для всех будущих

археологов. На втором году обучения выбирается тема и по ней пишется диссертация. Степень доктора философии присуждается после защиты диссертации, на подготовку которой уходит обычно не менее трех лет.

В ближайшем будущем НУИ, по-видимому, начнет присуждать степень магистра философии по археологии только на основании защиты диссертации, подготовка которой будет занимать в среднем два года.

Ситуация в университетском колледже г. Корк

Я не могу представить детальные сведения по другим колледжам, но ситуация в Корке дает некоторое представление о деятельности всех учебных заведений третьего уровня. Преподавание и научно-исследовательская работа в колледжах до некоторой степени отражают главные направления интересов сотрудников. Однако в Коркском колледже начальная программа обучения весьма широка. Она включает курсы по археологии Великобритании и Европы (особенно доисторического периода), по эволюции ранних гоминид, по происхождению земледелия и возникновению городов, а также по археологической методике и по археологии Ирландии (доисторической и средневековой).

Курсы, читаемые в Корке, делятся на обязательные и факультативные. Первые должны научить студентов работать с артефактами, описывать их, осматривать и описывать памятники. Кроме того, каждый второкурсник должен написать проект разведочного полевого исследования и участвовать в учебной экспедиции, организуемой кафедрой в конце этого курса.

На третьем году обучения студенты должны прослушать курс введения в экологическую археологию (изучение биологических объектов костей людей и животных, древесных и иных растительных остатков), позволяющий, в частности, освоить некоторые приемы лабораторной техники.

На первом году подготовки к магистерской степени студенты совершенствуют навыки изучения биологических объектов и артефактов, а кроме того работают с компьютерами и электронными приборами разведки.

В настоящее время штат кафедры археологии в Корке состоит из пяти постоянных и нескольких временных сотрудников, читающих спецкурсы на договорной основе. Один сотрудник выполняет секретарские обязанности и один лаборантские. Здесь учатся 23 студента, готовящиеся получить магистерскую степень, и четыре аспиранта, которые собираются получить степень доктора философии.

Кафедра ведет интенсивную исследовательскую работу и имеет хорошую учебную базу.

Помимо полностью оборудованного учебного класса, имеются палеоботаническая, палеозоологическая, анатомическая лаборатории, лаборатории для изучения керамики и каменных артефактов, картографический кабинет, фотолаборатория, компьютерное отделение и библиотека. Все кабинеты экологической археологии прекрасно оснащены коллекционными материалами, микроскопами и компьютерами.

Университетский колледж г. Корк, как местный археологический центр

В условиях отсутствия какой-либо региональной государственной структуры археологической науки в провинциях Ирландии университетские колледжи в Голуэе на западе страны и в Корке на юге фактически являются региональными археологическими центрами. Они периодически организуют спасательные раскопки и дают консультации по вопросам археологии, в частности в новостроечных зонах (автор данной статьи, например, работает археологом-консультантом в Йоркском региональном отделении Консультативного Совета по национальным памятникам).

Отдел памятников при Управлении общественных работ (УОР) иногда обращается на кафедры археологии в Корке и Голуэе с просьбой провести платные археологические разведки. За последние 15 лет отдел археологических разведок при кафедре археологии Коркского колледжа провел опись археологических памятников по всему графству и уже опубликовал два тома этой описи (третий должен выйти в свет нынешней осенью, а последний в конце будущего года). Теперь в распоряжении Совета графства имеется местный "Реестр археологических памятников", который и должен использоваться при планировании строительных работ. Помимо этого кафедрой был заключен с УОР контракт, в рамках которого ею был составлен реестр памятников в графствах Лимерик и Клер, а в прошлом месяце и реестр памятников на территории всех городов в графстве за исключением самого Корка. Этот документ поможет планировщикам учесть и по возможности уменьшить потенциальный урон, который строительство может нанести археологическим объектам в городских зонах. За последние годы кафедрой был также выполнен большой объем договорных работ по изучению биологических останков с территории древних памятников.

Кроме того, некоторые сотрудники кафедры работали по собственной инициативе, в частности помогали властям развивать археологический туризм. Дело в том, что одно из возможных направлений аспирантской специализации на кафедре — охрана и пропаганда наследия прошлого, причем в подготовке соответ-

вующих специалистов участвуют другие гуманитарные кафедры, а также экономический факультет. За последние 4 года многие археологи, прошедшие такую подготовку, стали работать в сфере археологического туризма, в результате чего эта специализация завоевала высокую репутацию на международном уровне.

Таковы лишь некоторые направления деятельности кафедры. Кроме того, ее сотрудники и члены студенческого археологического общества регулярно устраивают конференции, причем материалы некоторых из них опубликованы. Сотрудники кафедры, аспиранты и совместители публикуют также отчеты о раскопках и научные статьи на разнообразные темы.

АДРЕСА УЧРЕЖДЕНИЙ И РЕДАКЦИЙ ГЛАВНЫХ ЖУРНАЛОВ

Управление общественных работ (Office (Commissioners) of Public Works): 51, St. Stephens Green. Dublin 2.

Национальный Музей Ирландии (National Museum of Ireland): Kildare Street, Dublin 2.

Королевская Ирландская Академия (Royal Irish Academy): 19 Dawson Street, Dublin 2.

Королевское общество по изучению древностей Ирландии (Royal Society of Antiquaries of Ireland): 63 Merrion Square, Dublin 2.

Кафедра археологии Университетского колледжа г. Корк (Department of Archaeology, University College Cork).

Кафедра археологии Университетского колледжа г. Дублин (Department of Archaeology, University College Dublin): Belfield, Dublin 4.

Кафедра археологии Университетского колледжа г. Голуэй (Department of Archaeology, University College, Galway).

Журналы

"Журнал Ирландской Археологии" (The Journal of Irish Archaeology). Издается Отделом ирландских древностей Национального Музея Ирландии (Irish Antiquities Division, National Museum of Ireland, Kildare Street, Dublin 2).

Целью данной статьи было дать общий обзор археологии в Ирландской Республике, уделив особое внимание университетскому колледжу г. Корк на юге страны. Лучшим источником для получения более подробных сведений о деятельности ирландских археологов могут служить журналы. За свежей и общедоступной информацией лучше всего обращаться к научно-популярному журналу "Археология Ирландии". Полезными источниками являются также бюллетень о раскопках ОИА, бюллетень ИАПА, а также постоянно обновляемые списки диссертаций, которые публикуются кафедрой археологии Дублинского колледжа в студенческом журнале "Trowel" ("Лопаточка").

"Эмания" (Emania: Bulletin of the Navan Research Group). School of Geosciences, Queen's University, Belfast BT7 1NN, Northern Ireland.

"Раскопки" (Excavations). Публикуется Организацией Ирландских археологов. Редактор Изобель Беннет (Isobel Bennett), Wordwell Ltd, PO Box 69, Bray, Co. Wicklow.

"Археология Ирландии" (Archaeology Ireland). Адрес см. выше. Ответственный редактор Габриэль Куни (Gabriel Cooney), c/o Department of Archaeology, University College Dublin.

"Лопаточка" (Trowel). Журнал Археологического общества Университетского колледжа г. Дублин. Belfield, Dublin 4.

Основные справочники

Книги и путеводители общего характера (NN 1-8)

Доисторическая археология (NN 1-5)

Ирландия в эпоху раннего средневековья (NN 1-3)

Ирландия в эпоху позднего средневековья (NN 1-6)

Археология и охрана памятников в зонах новостроек (см. список)

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК — ЗАПАД

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ-КОЛЛОКВИУМ

“КАВКАЗ В СИСТЕМЕ ПАЛЕОМЕТАЛЛИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ”

В 1983 г. в Грузии (Телави-Сигнахи) состоялся I Международный симпозиум под общим наименованием “Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии”. Его инициатором и организатором был Центр археологических исследований АН Грузии. Участниками симпозиума было принято решение о необходимости систематических встреч, посвященных ключевым вопросам археологии Кавказа эпохи энеолита и бронзы. Необходимость подобных совещаний была вызвана многими причинами. Главные из них следующие: 1) за прошедшие десятилетия на территории Кавказа накоплен значительный банк археологических материалов, не нашедших своей интерпретации; 2) слабые научные контакты между соседними с Кавказом странами (а подчас, и административными подразделениями внутри Кавказа) тормозили изучение проблем хронологии и культурогенеза эпохи энеолита и бронзы.

А между тем Кавказ занимал ключевое положение в системе окружающего его мира. Это было обусловлено его особым значением, как самостоятельного очага зарождения и развития производящего хозяйства, богатством сырьевых ресурсов, превративших регион в мощный центр металлургии, расположением на скрещении торговых путей Востока и Запада.

Все эти особенности кавказского региона, определившие характер и пути его исторического развития, нашли отражение в тематике четырёх международных симпозиумов (1983, 1986, 1989, 1996), проведённых Центром археологических исследований Грузии (а затем Кахетинским научным центром АН Грузии), в рамках названной выше широкой проблемы. Результаты работ первых двух симпозиумов уже получили отражение в опубликованных сборниках.

Первый из них “Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла” (Тбилиси, 1987) включает 31 статью учёных из России, Грузии, Азербайджана, Болгарии, Венгрии, Чехии, Словакии, Югославии и Германии. Ста-

ть посвящены изучению палеометаллических культур, входивших в так называемую Циркумпонтийскую зону, которая охватывала северную и южную полосы Причерноморья и граничила на западе с Балкано-Дунайским регионом, а на востоке с Кавказом. Работы, опубликованные в сборнике, посвящены локальным энеолитическим и раннебронзовым культурам Кавказа, Причерноморья, Придунавья, Украины и других регионов. В статьях нашли отражение вопросы кавказской металлургии и металлообработки, а также антропологические исследования. Наконец, последняя серия статей посвящена взаимоотношениям локальных культур Циркумпонтийской зоны и роли Кавказа в этом процессе. Исследователи констатируют, что степень влияния Кавказа на окружающие его страны выявлена ещё далеко не в полной мере. Однако, несомненно, что в области металлопроизводства Кавказ занимал лидирующее положение. Именно отсюда поступали импульсы в ближние и дальние области Циркумпонтийской зоны.

В целом доклады сборника заложили прочный фундамент для дальнейших исследований культурных взаимодействий Кавказа и Юго-Восточной Европы в эпоху палеометалла.

Второй сборник “Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии” (Тбилиси, 1991), включающий 20 статей, является публикацией докладов II симпозиума. В нем также принимали участие представители перечисленных выше стран. Вместе с тем территориальный охват археологических культур здесь значительно расширился. Благодаря исследованиям М. Корфман (Германия) и Г. Чембель (Турция) в сборнике представлены также материалы памятников южной полосы Циркумпонтийской зоны, которые находятся на территории Анатолии. Раздвинулись и хронологические рамки изученных комплексов за счёт включения в исследование памятников эпохи средней бронзы (II тыс. до н.э.)

В сборнике по-прежнему доминируют ста-

тьи, посвященные энеолитическим и раннебронзовым культурам (преимущественно кавказским), рассматриваются их взаимосвязи с соседними культурами. Отдельные статьи посвящены анализу металлопроизводства Кавказа и антропологического материала. В целом же тематика второго сборника более разнообразна, так как, помимо расширения территориальных и временных границ памятников, в статьях затрагиваются вопросы хронологии и периодизации культур, а также проблемы социологической интерпретации памятников. Не обойдены вниманием и новейшие методологические разработки: речь идет о значении формально-аналитического метода в археологии.

Из сказанного очевидно, что этот сборник вносит существенный вклад в разработку проблем кавказской археологии.

Материалы III Симпозиума, проведенного в октябре 1989 г., готовятся к печати и в ближайшее время должны быть опубликованы.

В апреле 1996 г. в Грузии (Телави-Сигнахи) состоялся IV Международный симпозиум-коллоквиум, под названием "Культуры Кавказа эпохи энеолита, бронзы и раннего железа и окружающий мир". Его организаторами были Кахетинский научный центр АН Грузии и Институт доистории и древней истории Тюбингенского Университета (Германия). В работе коллоквиума принимали участие ученые Азербайджана, Грузии, России, Германии, Польши и Турции. Параллельно с докладами и дискуссиями проводились выезды на памятники и ознакомление с музейными коллекциями. В процессе работы коллоквиума обсуждались следующие темы: 1) ведущие признаки археологических культур Кавказа и окружающих его стран в период энеолита, бронзы и раннего железа; 2) хронология, периодизация и номенклатура палеометаллических культур Циркумпонтийской зоны. Кроме того, отдельные доклады были посвящены вопросам генезиса культур, культурных контуров и общественного устройства древних обществ.

Первой особенностью коллоквиума следует считать ознакомление его участников с новыми материалами, полученными при раскопках археологических памятников на Кавказе. Среди них ключевое значение для всей так называемой Циркумпонтийской зоны имеют исследования стратифицированных поселений в Турции: Караз, Тепеджик, Тюлинтепе, Норшунтепе, Мармара (авторы раскопок У.Есин, Г.Егемиз, С.Гюлиоль, С.Килич). Послойные раскопки этих памятников способствуют синхронизации анатолийских культур с кавказскими

на востоке и с карпато-дунайскими на западе. Особое место занимают раскопки Трои (М.Корфман). В результате этих исследований установлено, что тесные кавказско-анатолийские связи существовали в течение всего периода палеометалла. Этот вывод, раздвигающий границы "научного пространства", открывает широкие перспективы для совместных работ кавказских и турецких археологов.

Второй особенностью коллоквиума являлось усиленное внимание к проблемам древней металлургии и металлообработки как на Кавказе (Г.Инанишвили, Ш.Чартоланни, Д.Хахутайшвили, М.Барамидзе), так и в Европе (Е.Перничка) и в Анатолии (А.Хауптман, Ю.Ялчин). В программу коллоквиума был также включен осмотр горных выработок Грузии. Отдельные доклады касались вопросов генезиса локальных культур и социальной интерпретации некоторых памятников. После докладов проходили оживленные дискуссии.

В Кахетии участники коллоквиума посетили исторические музеи города Телави, села Гурджани, дом-музей А.Чавчавадзе в селе Цинандали, а также средневековые храмы в селах Алаверды и Икалто и духовную академию в Шуамта. Один из дней был посвящен осмотру исторических памятников и музея города Мцхета. В Мцхетском научном центре заслушан доклад вице-президента АН Грузии академика А.М.Апакидзе и В.Николайшвили, посвященный проблемам хранения и консервации археологических материалов. В последний день работы коллоквиума его участники познакомились с экспозицией и фондами Государственного исторического музея Грузии (Тбилиси).

На заключительном заседании были подведены итоги коллоквиума. Констатирован высокий научный уровень заслушанных докладов и значительное продвижение в деле решения основной проблемы коллоквиума. Принято постановление о необходимости созыва международных симпозиумов-коллоквиумов на базе Научного центра Кахетии, а также о необходимости организации совместных археологических экспедиций как на территории Кавказа, так и на территории Турции.

Коллоквиум проходил под общей идеей международного сотрудничества, воплощенной, в частности, в организации "Союз черноморских государств". Коллоквиум учредил кавказско-анатолийский археологический комитет. Участники коллоквиума направили письмо президенту Республики Грузия Э.Шеварднадзе в поддержку общественного движения "Мирный Кавказ".

РАБОТА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНСУЛЬТАТИВНОЙ КОМИССИИ ПО ИНДО-ЕВРОПЕИСТИКЕ И ФРАКОЛОГИИ

22-26 мая 1995 г. в Мангалии (Румыния) состоялось очередное ежегодное заседание Международной консультативной комиссии по индо-европеистике и фракологии, базовой организацией которой является Институт фракологии Румынии, возглавляемый профессором П.Романом. Этим институтом в 1992 г. был проведен шестой Международный конгресс по фракологии, и в последние годы он активизировал свою деятельность, выпуская как справочное издание "Bulletin de Thracologie" (№ 1 — 1993 г., № 2 — 1995 г.), так и серию монографических изданий "Библиотеку по фракологии", в рамках которой в настоящее время вышли девять томов.

В 1995 г. в работе комиссии приняли участие ученые из Албании, Австрии, Болгарии, Венгрии, Греции, Германии, Молдовы, России, Украины и Югославии. Румынская делегация была представлена учеными из многих центров, в том числе и Институтом археологии (г.Яссы).

На заседаниях рассматривались научно-организационные вопросы, связанные с развитием данного направления и подготовкой к VII международному конгрессу по фракологии, проведение которого намечено на май 1996 г. в двух научных центрах Румынии — Мангалии и Тульче. Профессор Н.Тасич (Югославия) выступил с информацией о работе комиссии по юго-восточной Европе в рамках Ассоциации европейских археологов, учредительный съезд которой проходил в 1994 г. в Любляне. Имеется в виду, в первую очередь, сосредоточить усилия на подготовке компьютеризированной базы данных по раннеземледельческим культурам. Большая работа в этом направлении уже проводится Г.Лазаровичем (Национальный музей Трансильвании). Г.Гауптман (Германия) сообщил об интенсификации деятельности Балканской комиссии, организованной в свое время профессором В.Милойичем в Гейдельберге. В настоящее время эта комиссия планирует издать ряд книг по балканистике.

Новым органом международного сотрудничества может стать Румынско-Югославская комиссия по археологии, о создании которой доложил профессор М.Гарашанин (Югосла-

вия). Профессор Н.Вана (Австрия) рассказал о возможных перспективах развития междисциплинарных исследований, прежде всего, в области люминисцентного анализа. Австрия предлагает стипендии для подготовки специалистов по этой тематике.

На отдельных заседаниях ставился также ряд научных проблем, которые будут затрагиваться на заседаниях VII конгресса по фракологии. Таковой является проблема исследования комплексов типа Чарнавода I-III, где помимо прочих сложностей существует и терминологическая неясность, связанная с введением отдельными учеными новых названий для уже известных археологических культур и комплексов.

Отдельно рассматривался вопрос об изучении погребальных обрядов киммерийцев, скифов и фракийцев. Сложность изучения этой проблематики обусловлена активным взаимодействием древнего населения в зонах контактов и сильным пластом более ранних традиций. Решено подготовить несколько сообщений о погребальных обрядах по археологическим данным, как исходной базе последующих исторических и этногенетических реконструкций. Сообщение о новых открытиях, характеризующих индо-иранскую элиту в зоне евразийских степей, сделал В.М.Массон (Россия).

Открытие в ряде регионов России и Казахстана богатых гробниц воинов-колесничих и овальных крепостей XVII—XVI вв. до н.э. характеризует важный этап распространения новых культурных стандартов и политико-этнических перемен. Было высказано пожелание о проведении на эту тему специальной конференции под эгидой Комиссии.

О раскопках в Закарпатье, проводимых совместно с Музеем в Сату Маре рассказал Э.А.Балагури (Украина), о новых работах в Молдавии — В.А.Дергачев и И.Т.Никулице, о перспективах совместных работ по изучению памятников киммерийской эпохи в районе Одессы выступил В.П.Ванчугов (Украина).

Работы Комиссии неизменно поддерживаются Министерством культуры Румынии, администрацией Констанцы, рядом спонсорских организаций. Деятельность Комиссии стано-

вится важным компонентом развития международной кооперации и координации в области археологии, особенно в условиях определенной научной стагнации в ряде балканских и сосед-

них стран, вызванной как экономической ситуацией, так и военно-политическими событиями.

В. М. Массон

*Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа
ИИМК РАН*

III МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ

“Узбекистан — вклад в цивилизацию.

Бухара и мировая культура”. Бухара, октябрь 1995

Институт истории материальной культуры (ИИМК) Российской Академии наук сохранил связи с научными центрами Средней Азии. Большое внимание ИИМК уделяет совместным исследованиям в области древней и средневековой археологии, а также изучению культурного наследия этого региона. Международный симпозиум, посвященный одному из древнейших городов Центральной Азии — Бухаре проводится в третий раз. Первые два симпозиума состоялись в 1993 и 1994 гг. Третий симпозиум был организован в сотрудничестве с АН Узбекистана при финансовой поддержке областного руководства. Он проходил в г. Бухаре со 2 по 5 октября 1995 г.

В работе симпозиума приняли участие ученые из Узбекистана, России, Германии, Дании, Италии, Польши, Франции, Турции, а также заместитель хякима области Э. М. Абдуллоева, заведующая Отделом культуры области М. Ф. Фарманова и мэр города Бухары К. Д. Камолов. Симпозиум открыл приветственным словом хяким Бухарской области М. Р. Рахмонов. На пленарном заседании были заслушаны четыре доклада. В. М. Массон (Санкт-Петербург) посвятил свое сообщение теме “Узбекистан. Бухара. Всемирная история.” Он говорил о формировании цивилизаций, объединивших первые города в новой социо-культурной системе и отметил, что с момента возникновения цивилизаций начинаются активные процессы культурной интеграции. По его мнению, в черед этих процессов Бухара, как крупнейший городской центр Востока, играл немалую роль. Эти процессы ярко проявились в V—VIII вв. н.э. в связи с феноменом согдийской цивилизации и позднее в XIV веке в связи со сложением монархии Тимуридов. М. Кемпер (Германия) в своем докладе остановился на отношениях между учеными Бухары и Поволжья в

XVIII—XIX вв. Были заслушаны также доклады В. Я. Ставиского (Москва) о вкладе А. Ю. Якубовского в археологическое изучение Бухарской области и А. Мухаммеджанова (Ташкент) о Мухаммаде Наршахи и его сочинение “История Бухары”. Значительное число представленных сообщений были посвящены археологическим исследованиям. Среди них следует отметить доклад Е. Некрасовой (Ташкент) об исторической топографии Бухары по археологическим данным, а также сообщения Д. Мирзоахмедова (Самарканд) и Г. Л. Семенова (Санкт-Петербург) о новых раскопках на городище и рабате Пайкента. Доклады К. Шумчака (Польша) и Э. Хужаназарова (Самарканд) были посвящены открытию новых неолитических памятников и наскальных изображений Саримышская в Бухарской области. Ю. А. Заднепровский (Санкт-Петербург) в своем докладе остановился на взаимодействии кочевников и оседлого населения Бухарского оазиса в античный период. Э. Фил (Дания) свое сообщение посвятил коллекции Олуфсена, большую часть которой составляют бухарские предметы, ныне хранящиеся в музее г. Копенгагена. Доклад В. Кочнева (Ташкент), посвященный караханидскому правителю Али-Тегину, был основан на нумизматических данных. Несколько сообщений были посвящены архитектуре, истории искусства, литературе и общеисторическим проблемам. Так, о влиянии суфизма на архитектуру мусульманского Востока рассказала Н. Немцова (Ташкент). В докладе Д. Абдуллоева (Санкт-Петербург) рассмотрен генезис средневековых центральноазиатских погребальных построек с крестообразной планировкой. М. Юсупова (Ташкент) рассмотрела проблему изобразительности в архитектурном декоре Средней Азии исламского времени. Общеисторическим вопросам были посвящены доклады Х. Бурган

(Турция), У.Уватов (Ташкент), Ф.Касымов, В.Казаков, М.Казакова (Бухара).

III Международный симпозиум “Узбекистан — вклад в цивилизацию. Бухара и мировая культура”, помимо научных разработок, внес

весомый вклад в дело популяризации культурного наследия. Работа симпозиума широко освещалась в средствах массовой информации и вызвала большой интерес среди местного населения.

Д.Абдуллоев

*Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа
ИИМК РАН*

НАУЧНАЯ ВСТРЕЧА АРХЕОЛОГОВ РОССИИ, ФИНЛЯНДИИ, ЭСТОНИИ И ШВЕЦИИ В ХЕЛЬСИНКИ

С 12 по 16 мая 1997 г. в г.Хельсинки в помещении Национального музея Финляндии состоялся археологический симпозиум “Культурные контакты в районе Финского залива в IX-XIII вв.” Симпозиум был организован Музейным ведомством Финляндии и, хотя это не было отражено в официальной программе, фактически явился десятым советско (российско)-финляндским симпозиумом по археологии, начало которым было положено встречей археологов двух стран в 1976 г. в г.Ленинграде. За это время в результате совместных усилий была опубликовано девять сборников докладов на симпозиумах, поочередно проводившихся в СССР (России) и в Финляндии, увидели свет совместные труды по отдельным целевым проектам, многие ученые получили возможность работать в составе экспедиций другой стороны, вели научные изыскания в музеях и архивах. Все эти плодотворные стороны сотрудничества ученых были отмечены во вступительном слове главы Музейного ведомства Финляндии доктора Торстена Эдгрена.

В симпозиуме в Хельсинки приняли участие исследователи из Института истории материальной культуры РАН (А.Н.Кирпичников, Е.Н.Носов, А.И.Сакса, Н.В.Хвоцинская), Института археологии РАН (В.В.Седов), многие финские археологи (Т.Эдгрэн, П.Пурхонен, Т.Талвио, П.-Л.Лехтосало-Хиландер, Л.Сеюринки-Хармо, П.Уйно, Х.Ранта, Ю.Мойсанен и др.), а также коллеги из Эстонии (Э.Тыниссон, С.Лаул, У.Тамла, Х.Луйк, М.Мяги-Лыугас) и Швеции (И.Янссон).

Один из содержательнейших докладов был прочитан Т.Эдгреном (Финляндия) — “Этапный и торговый пункт эпохи викингов и периода средневековья в Хитисе”. Полученные Т.Эдгреном материалы характеризуют одно из важнейших археологических открытий сделанных в Финляндии в самое последнее время. На

одном из южных островов архипелага близ Турку местным любителем древностей с помощью металлоискателя близ средневековой часовни и кладбища, располагавшихся обособленно от деревни, был обнаружен целый ряд находок относящихся к эпохе викингов. Осмотр местности археологами из Хельсинки и продолжение здесь поиска находок с помощью металлоискателя и шурфовки, показали, что в этом месте находился сезонный, портовый пункт обслуживавший суда плававшие на восток вдоль побережья Балтийского моря. Здесь были найдены браслеты различных типов, трехлистная фибула, несколько подковообразных фибул, топоры, ключи, обломки арабских монет, половинка германской монеты, золотая филигранная бусина, около 20 весовых гирек и т.д. По числу предметов эпохи викингов данный пункт является сейчас самым представительным на территории Финляндии. Культурный слой удалось зафиксировать лишь на небольшом участке в скальной западине. Найдены остатки ремесленной мастерской, где занимались бронзолитейным делом. Следов жилых сооружений выявить не удалось. В одном месте, где находилось скопление валунов, под камнями найдены преднамеренно спрятанные бронзовые украшения. Находки, обнаруженные с помощью металлоискателя, попадались полосой вдоль пролива между островами на протяжении нескольких сотен метров. Они оказались как в береговой зоне, так и там, где некогда была вода. Уровень последней за истекшие десять веков понизился, примерно, на 5 м и дно стало сушей. По мнению Т.Эдгрена Хитис использовался как место торговли и удобная бухта для остановки судов сезонно, а именно с мая по октябрь, когда активно функционировал водный путь. Население занималось торговлей, ремеслом, рыболовством, охотой на тюленей. Поселение не имело земле-

дельческой округи, а палинологические исследования показали существование земледельческих поселений лишь в 50-60 км от него. В Хитисе периодически собиралось местное население из более глубинных районов страны, привлекаемое возможностями торговли и иной деятельности, связанной с обслуживанием пути. Хитис существовал с начала IX в. и вплоть до XI-XII вв. и, как отметил докладчик, по этническому составу своего населения был полиэтничным.

В докладе А.Н.Кирпичникова и А.И.Сакса (Россия) “Финское население средневековых городов Северной Руси” на основании археологических находок и данных письменных источников обосновывается тезис о присутствии в составе жителей городов Ладоги, Орешка, Корелы, Выборга, Копорья, Новгорода, Ростова-Ярославского, Юрьева-Дерпта местных или пришлых финнов. Фибулы, шумящие подвески, цепедержатели, булавки чудских типов свидетельствуют о наличии в этих населенных пунктах, преимущественно в XII-XV вв., людей, одевавшихся по этнографическим канонам финской моды. Деятельность в городах финских общин подтверждают и археологически обнаруженные остатки ремесленного производства, связанного с выделкой чудских украшений, и известия летописей. В ряде северорусских городов, а также племенных острожков, политическая власть значительный период принадлежала знатным “чудицам”, входившим в состав правящего класса феодальной Руси. Градообразующие процессы в Киевской державе и Новгородской земле способствовали переходу финского населения Северо-Западной Руси не позже XII-XIII вв. к городской оседлости.

В сообщении Юлле Тамла (Эстония) анализировались материалы клада серебра в Паункула близ Таллина в сопоставлении с известными кладами Эстонии. Клад Паункула относится к началу XIII в. и до конца не ясно были ли здесь найдены два клада или только один. Местность обследовалась в 1992-1993 гг. с помощью металлоискателя. Клады IX-XIII вв., как отметила автор, концентрируются на северном побережье материковой Эстонии, а на островах Саремаа и Муху кладов гораздо меньше, чем на континенте. Тамла остановилась на различных стадиях работы с металлоискателями в полевых условиях, а также на многообразных аспектах жизни общества, которые можно изучать на основании рассмотрения кладов и отметила, что сейчас один из проектов эстонских археологов заключается в сравнении исследований Эстонии и острова Готланд с точки зрения наличия кладов и условий их местонахождения.

Доклад В.В.Седова (Россия) “Некоторые

типы подвесок-амулетов финно-балтийского района” был посвящен изучению украшений трех этнических групп. К славянским образцам отнесены изделия XI-XIII вв., а именно лунницы и решетчатые подвески. К прибалтийско-финским произведениям принадлежат зооморфные подвески XI-XIV вв., в том числе изображающие птиц, а также двуспиральные и с геометрическим орнаментом. К этнически нейтральной группе относились крестики и медальоны с дегенерирующим звериным орнаментом, все X-XII вв. Определены регионы распространения всех этих обычно серийных украшений, они включали районы где жили новгородцы - русские, корелы, воль, весь, эсты, ливы, венды, а также некоторые западно-финские племена, иными словами, речь идет о древностях северных славян и их соседей.

Е.Н.Носов (Россия) выступил с докладом - “Раннегородские центры Поволховья: проблемы возникновения и соотношения”, где затронул проблемы изучения двух главных городских поселений центральных районов Новгородской земли - Ладоги и Новгорода. Эти поселения явственно выделяются на общем географическом фоне Восточной Европы и, замыкая низовья и верховья одной и той же реки Волхова, несомненно перекликались в своем значении, а их отличия также несомненно были вызваны принципиальными причинами.

Древнейшим торгово-ремесленным, городским центром на севере Руси являлась Ладога. Она была основана в середине VIII в. на самой северной окраине славянского мира, в двух сотнях километрах от коренной территории славян у оз.Ильмень. В отличие от ильменского Поозерья с его плодородными почвами и широкими поймами р.Веряжи и оз.Ильмень, в отличие от разработанных долин крупных рек Приильменя - Ловати, Пола, Мсты, никаких особых преимуществ для развития сельскохозяйственной деятельности низовья Волхова не давали. В окрестностях Ладоги не было плотного скопления сельских поселений и она не являлась центром аграрного района, обеспечивавшим и определявшим ее благосостояние. Стремительное возвышение Ладоги во второй половине VIII-IX вв. было вызвано ее посреднической ролью в восточной торговле и деятельностью связанной с обслуживанием трансевразийского пути. Ладога была воротами на Балтику, если смотреть с юга, и она же была началом пути с севера вглубь континента, где кончались возможности морского судоходства и начиналось движение по рекам через волоки и пороги, что требовало совсем иных навыков. Экономика Ладоги была ориентирована на внешние связи. Расположение Ладоги в месте встречи двух миров - мира балтийских культур

и мира культур континентальных определили разноэтничность населения поселка, многокомпонентность его материальной культуры, сложное переплетение различных традиций.

Подлинным центром консолидации северных славянских земель стал исток Волхова — естественный географический центр расселения славянской группировки. Значительная плотность населения в Поозерье, разветвленная речная сеть охватывавшая обширные территории освоенные славянами, создавали наилучшие возможности для административного управления всей землей и сбором дани. Кроме того, схождение торговых путей также включало район истока Волхова в международную торговлю и способствовало его экономическому росту. В IX в. центром государственности на севере Руси являлось Рюриково городище — древнейший Новгород русских летописей.

Ингмар Янссон (Швеция) рассмотрел скандинавские находки с Рюрикова городища под Новгородом. Автор детально суммировал все сведения о фибулах разных типов: скорлупообразных, равноплечных, кольцевидных с длинной иглой и др., подвесках, амулетах и предметах культа, ладьевидных браслетах, женских орудиях труда: ножницах, булавах-шильях, снаряжении коня и проч. Янссон показал, что по числу находок скандинавского облика поселение является одним из богатейших в Восточной Европе, наряду с Гнездовом, и сопоставимо лишь с Биркой и Хедебю в Северной Европе. Работа Янссона является частью более обширного исследования по изучению ювелирных украшений Рюрикова городища, проводимых им совместно с Н.В.Хвошинской.

Н.В.Хвошинская (Россия) посвятила свой доклад анализу подковообразных фибул Рюрикова городища, коллекция которых насчитывает 45 экземпляров. Эта коллекция достаточно своеобразна по сравнению с материалами с других памятников Древней Руси. Ее основу составляют застежки с многогранными головками, имеющие в основном скандинавское происхождение, которые являются крайне редкими на поселениях Восточной Европы и встречаются лишь в тех могильниках, где ярко выражены скандинавские и финские элементы. Это в полной мере соответствует общему контексту находок с Рюрикова городища, где скандинавские древности многочисленны и разнообразны. Подковообразные фибулы с многогранными головками, относящиеся к мужскому костюму, свидетельствуют о присутствии большого числа мужчин среди обитателей Рюрикова городища IX-X вв. Это впечатлительное выразительной “мужской культуры” еще более усиливается, если иметь ввиду, что с по-

селения происходит и самая представительная среди памятников Восточной Европы коллекция кольцевидных фибул с длинными иглами (18 экземпляров по подсчетам Янссона), которые также входили в состав металлического убора скандинавской мужской одежды. Рюриково городище на раннем этапе своей истории являлось торгово-ремесленным и военно-административным центром на пересечении основных торгово-военных путей лесной зоны Восточной Европы, пунктом, где находился князь и его дружина. Именно воины-дружинники составляли значительный контингент населения поселка и именно им принадлежали многочисленные украшения.

Хелена Ранта (Финляндия) в своем докладе проанализировала бусинный материал периода викингов и эпохи крестовых походов найденный на территории Западной Финляндии. Она коснулась вопросов хронологии различных типов бус, их расположения на теле погребенных, состава бус в ожерельях, индивидуальных форм бус. В докладе Хейди Луйк (Эстония) рассматривались гребни и вопросы изготовления гребней на восточном побережье Балтики в связи с новыми находками с территории Эстонии. Всего в Эстонии найдено около 150 гребней, относящихся к периоду от римского времени вплоть до позднего средневековья. Находки сосредоточены близ Таллина и Тарту. Касаясь вопросов открытия незначительного числа гребней периода викингов на территории Эстонии, автор отметила, что, с одной стороны, это связано с отсутствием здесь ранних торгово-ремесленных центров при раскопках которых обычно и находят их наибольшее число. С другой стороны, в погребениях по обряду трупосожжения остатки гребней могли перегорать и их обломки трудно вычленили среди кальцинированных костей, хотя, возможно, и не было традиции включать гребни в состав погребального инвентаря.

Марика Мяги-Лыугас (Эстония) выступила с докладом “Погребальный обряд периода викингов в Эстонии — новые интерпретации”. Она детально остановилась на анализе погребения в Иола, раскопанного Мартой Шмидехельм и предложила свое понимание данного захоронения. Автор передатировала целый ряд погребений по обряду трупоположения на территории Эстонии с XI в. на вторую половину — конец X в. По мнению Мяги-Лыугас, появление обряда трупоположения в Эстонии не связано напрямую с христианизацией Руси, как думали долгое время.

Сообщение Туко Талвио (Финляндия) было посвящено распространению монет в Финляндии до периода викингов. Автор коснулся, в основном, топографии римских монет, а также

вопроса о том, как долго они могли циркулировать в обществе. В докладе Юхо Мойсанена (Финляндия) были проанализированы вопросы заселения долины реки Мустийоки. Автор привлек археологические данные о распространении поселений железного века, сведения о заселенности района по письменным источникам и результаты палинологических анализов. В докладе были рассмотрены вопросы шведского расселения по восточному побережью Ботнического залива. Новое население в конце XIII в. сначала появилось на островах и по побережью, где по-сууществу не было финских жителей и лишь потом начало проникать на земли занятые постоянным финским населением.

Доклад А.И.Сакса (Россия) был посвящен исследованию развития культуры железного века Карельского перешейка и Приладожской Карелии, испытавшей, особенно, в период викингов, сильное внешнее влияние. Это, в первую очередь, определялось географическим положением региона, наличием удобных водных путей, связывавших область Ладожского озера и Финского залива с богатыми пушниной районами Севера, а также собственными пушными ресурсами.

Активизация пушной охоты в этом районе отмечается уже начиная с римского железного века. Намечившееся в эпоху меровингов формирование местных поселенческих центров с наступлением эпохи викингов было заторможено, преобладающим видом памятников стали одиночные воинские захоронения западнофинского типа. Поступление на эту территорию западнофинских вещей фиксируется начиная с эпохи меровингов. Это дало основание финским археологам утверждать, отметил А.И.Сакса, что в основе культуры Карелии железного века лежит культура западнофинских переселенцев, волна которых достигла побережья Ладоги из центральнофинского района Хяме к концу эпохи меровингов - началу эпохи викингов. Однако детальный анализ материала дает основания утверждать, что ближайшие аналогии вещам находятся в памятниках Юго-Восточной Финляндии и, следовательно, путь их поступления вероятнее всего был морской, через Финский залив.

Более поздние захоронения первой половины эпохи викингов также отличаются от памятников аналогичного типа центральных районов

Хяме. Они характеризуются отчетливым "викинжским" обликом и "интернациональным" набором предметов вооружения и украшений. Карелия, таким образом, становится частью "Ладожского мира" эпохи викингов. Западнофинские "переселенцы" оставившие захоронения с богатым набором вооружения и украшений, считает А.И.Сакса, могут рассматриваться в свете этого не как представители колонизационного потока на восток из Западной Финляндии через центральные районы страны, а как отряды, подобные отрядам викингов, взявшие под контроль водные пути Карельского перешейка, оставшегося своего рода ничейной "нишей" в районе активной транснациональной торговли. В условиях, когда осевшие в Старой Ладогге славяне и скандинавы, были более заинтересованы в контроле и использовании ведущих на восток путей, западные финны взяли под контроль местные карельские и финские рынки, "привязав" их к "схеме" ладожской международной торговли. Роль и деятельность западных финнов в первой половине эпохи викингов на этой территории сопоставима с деятельностью и ролью скандинавов в Восточной Европе.

Культура карел второй половины эпохи викингов, по мнению А.И.Сакса, близка к западнофинской культуре, носителями которой с XI в. выступало оседлое земледельческое население. Полученные в эпоху викингов навыки в хозяйстве и ремесле позволили карелам в XII-XIII вв. перейти от заимствований к формированию собственной самобытной культуры. На этом этапе внешние влияния исходили из Новгорода.

Практически все доклады сопровождались многочисленными вопросами, состоялся оживленный обмен мнениями по широкому спектру затронутых проблем. Все участники согласились в том, что подобные контакты, в основе которых лежат сложившиеся давние научные связи ученых России и Финляндии, имеет смысл не прерывать, а в той или иной форме продолжать и в дальнейшем, не уменьшая круг стран-участников подобного рода встреч.

Участники симпозиума осмотрели археологическую экспозицию Национального музея в Хельсинки, совершили автобусную экскурсию в район г.Турку на место торгово-транзитного пункта Хитис и познакомились с комплексом археологических памятников у города Саво.

*А.Н.Кирпичников, Е.Н.Носов
Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН*

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ СВЯЗЕЙ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР КАРПАТСКОЙ КОТЛОВИНЫ И КУЛЬТУР ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТЕПЕЙ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

С 5 по 10 ноября в предместьях Кракова состоялась конференция, посвященная взаимодействию и взаимовлиянию древних культур. Конференция была организована германским обществом “Юго-Восточная Европа” при участии Польской академии искусства и наук (Краков). Состав участников конференции был весьма представительен. Среди польских участников можно назвать профессора Я.Махника, который со свойственной ему энергией выступил главным организатором большинства мероприятий, а также С.Кадрова, Г.Гедвига и Я.Хохоровского. В составе германской делегации видное место занимали ученые из департамента доистории и протоистории Свободного университета (Берлин), руководителем которого профессор Б.Хензель являлся научным организатором конференции. Среди них следует назвать Б.Тержан, К.Вехлера, К.Метцнер-Небельсик. Заметную роль в работе конференции играли и сотрудники Германского археологического института, в частности Н.Бенеке и И.Мотценбекер из отдела “Евразия”, возглавляемого Г.Парцингером. Кроме того, Германию представляли также Я.Лихардус (Саарбрюкен) и А.Хойслер (Халле). В работе конференции участвовали также число ученых из Украины (С.С.Березанская, В.Отрощенко, В.И.Клочко, С.В.Махорта, Я.П.Гершкович и М.Бондаривский), Молдавии (В.Дергачев и Е.Савва), Словакии (В.Фурманек), Болгарии (Х.Тодорова), Венгрии (Н.Каликц и другие). Россию представляли Г.И.Смирнова (Эрмитаж), В.М.Массон (Институт истории материальной культуры РАН) и Е.Н.Черных (Институт археологии РАН).

Доклады участников конференции были посвящены археологическим культурам V—IV тысячелетий до н.э., но практически в ряде сообщений затрагивались и о более ранних памятниках. Необходимо отметить, что хотя германские ученые обнаружили хорошее знание русской археологической литературой, их сообщения — во всяком случае для участников из стран СНГ в ряде случаев носили реферативный характер. Несколько докладов было посвящено реконструкции древней природной среды: Т.Тодорова (Болгария), Е.Джерем (Вен-

грия). Сравнительно немногочислены были информации о полевых открытиях. Среди них следует назвать сообщение Я.Махника (Польша) и П.Мочалы (Словакия) о работах польско-словацкой археологической экспедиции, которая исследует в Карпатах (Словакия) курганы позднего этапа культуры шнуrowой керамики. Материалы из раскопок позднегалльских памятников в Венгрии демонстрировал Н.Каликц. Е.Н.Черных (Россия) рассказал о новых исследованиях в районе Крагалы (Оренбургская область), где изучались древние шахты, пик эксплуатации которых приходится на срубное время. Наиболее яркие новые материалы были представлены в сообщении С.С.Березанской (Украина) о раскопках курганного могильника Гордиевка у города Винницы, где были погребения в срубах с богатым инвентарем (изделия из золота и янтаря). Поскольку многие вещи из этих погребальных комплексов имеют аналогии на западе, докладчик рассматривает могильник Гордиевка как памятник мигрантов с запада, столкнувшихся на Украине с носителями культуры многоваликовой керамики. С.С.Березанская датирует некрополь концом XIII — X вв. до н.э. Интерпретируя те же материалы, В.И.Клочко (Украина) предложил удревить эту датировку до XV в. до н.э., выделив на памятнике погребения четырех хронологических этапов. Доклад В.М.Массона (Россия) был посвящен социологической и культурологической интерпретации новых археологических материалов из степной зоны, которые относятся к трем хронологическим периодам. В первый из них (IV тысячелетия до н.э. — 2600 г. н.э.) в степной зоне происходит становление производящего хозяйства, одомашнивается лошадь и развивается металлургия, формируется степной образ жизни, возникает курганный обряд погребения. Затем следует период расцвета первых великих степных обществ (время существования ямной и катакомбной культур). С XVII—XVI вв. до н.э. пик социально-политического развития в степях характеризуется интенсивным формированием раннего комплексного общества олигархического характера.

Лейтмотивом большинства сообщений

стало, как это и было задумано организатором, рассмотрение макропроцессов культурного взаимодействия, Восточной и Центральной Европы. Долгое время это взаимодействие рассматривалось в соответствии с прямолинейной концепцией М.Гимбутас о массовом передвижении на запад носителей так называемой курганной культуры, которые одомашнили лошадь и изобрели колесный транспорт. На конференции многие докладчики критиковали эту гипотезу, предпочитая модели автохтонного развития культур Центральной Европы. Некоторые ученые отрицают миграции даже для скифского времени, когда в продвижении племен из восточноевропейских степей на запад казалось бы не приходится сомневаться. Ярым сторонником широкого движения, с востока в эпоху палеометалла остается по существу лишь Я.Лихардус (Германия). Совершенно ясно, что новый массовый материал заставляет более обстоятельно рассматривать всю сложность и многообразие древних культурных, процессов. Вместе с тем непредвзятый анализ археологических материалов из Центральной Европы едва ли позволяет полностью отрицать весьма ранние культурные связи этого региона с восточноевропейскими степями. В этом отношении показателен доклад Н.Каликца о раннем

медном веке карпатской котловины. Он установил, что с середины IV тысячелетия до н.э. здесь распространяется культура Баден, памятники которой обнаруживают влияние ямной культуры, особенно показательное в погребальных обрядах.

Разумеется культурное взаимодействие носило двусторонний характер. Для поры раннего железа это видно по киммерийским памятникам, в керамических комплексах которых отчетливо прослеживается западнофракийское влияние. В докладе Я.Хохоровского (Польша) горворится о проникновении скифов в Карпатскую котловину уже в первой половине VII в. до н.э. Этому передвижению предшествовало киммерийское влияние на местную культуру гальштатского времени. О разрыве в развитии восточной курганной гальштатской культуры говорила в своем докладе и Б.Тержан (Германия), хотя в целом она, как и большинство других западноевропейских ученых, стоит на позициях автохтонного развития центральноевропейских археологических культур. Судя по всему древних культур сложность и мозаичность реальной картины развития древних Карпатской котловины постепенно заменяет концепцию М.Гимбутас.

В.М.Массон

*Институт истории материальной культуры РАН.
Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.*

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ МАРР — АРХЕОЛОГ И ОРГАНИЗАТОР АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Н.И.ПЛАТОНОВА*

Н.Я.Марр одна из самых парадоксальных фигур в России первой трети XX в. Человек редкого таланта и целеустремленности, он обладал огромным созидательным потенциалом... Именно этот потенциал обернулся потом разрушительным для русской науки и культуры. "Феномену Марра", изучению его реальных истоков и следствий посвящен целый ряд серьезных научных трудов (Thomas 1957; Алпатов 1991). Они ясно показывают, что даже современные представления людей науки о Марре во многом являются отражением старых мифов о нем (правда, часто истолкованных с точностью до наоборот). При этом, если деятельность Марра-филолога и Марра-лингвиста уже получила в литературе более-менее адекватное освещение, то все, что сделал в науке Марр-археолог, известно широким кругам специалистов на уровне легенды. В 1930-1940-х гг. легенда творилась для прославления Марра, в 1950-х гг. — для низвержения его. Что за путь реально прошел Николай Яковлевич в археологии прежде, чем стал главой Археологической комиссии в 1918 г., до сих пор окутано туманом. Почему именно его предпочли тогда коллеги? Какое наследие оставил после себя Марр-археолог? Ответ на эти вопросы призвана дать настоящая статья, предлагаемая на суд читателю.

В 1918-1919 гг. Н.Я.Марр стал бесспорным лидером группы видных русских ученых историков, искусствоведов и археологов, в среде которых созрел замысел создания в России Академии археологии. В окончательном варианте проекта она получила название "Российская Государственная академия археологических знаний" (Платонова 1989:9-11). Далее при обсуждении его в "коридорах власти", М.Н.Покровский и В.И.Ленин переименовали учреждение в "Академию истории материальной

культуры". Скорее всего, это название, "более созвучное времени", было выбрано в противовес "Вольной Академии духовной культуры", основанной в Москве Н.А.Бердяевым (Бердяев 1900:220-222). В 1919 г. поправка была принята учеными без возражений. Казалось, она ничего не меняла в сути проекта учреждения, задуманного, как Российская академия археологии. Тенденция, изначально заложенная в новое название правительственными функционерами, была глубоко чужда в тот период и Н.Я.Марру, и его товарищам.

Легенда, творившаяся вокруг имени Марра еще при его жизни, всегда старалась подчеркнуть его собственную роль в разработке проекта РАИМК в ущерб заслугам его ближайших сотрудников Б.В.Фармаковского, П.П.Покрышкина, С.Ф.Ольденбурга, А.А.Миллера и др. Функционеры, поставленные руководить "перестройкой" ГАИМК в начале 1930-х гг., представляли Николая Яковлевича великим ученым-одиночкой, совершившим переворот во многих областях науки, и, конечно, приписывали создание новой академии ему одному (Целевая установка 1931:1). Реакцией на это грубое и бесстыдное мифотворчество стало, в свою очередь, полное отрицание каких бы то ни было заслуг Марра перед отечественной археологией. Таким пафосом отрицания проникнута статья-памфлет А.В.Арциховского, вышедшая на волне развенчания "нового учения о языке". В ней Марру, тогда уже покойному, были предъявлены обвинения в безграмотном ведении раскопок, пренебрежении к находкам и фактическом разрушении культурного слоя Ани (Арциховский 1953:53-55). Хотя в наши дни оценки деятельности Николая Яковлевича в целом стали гораздо более взвешенными (Формозов 1995:163), отношение к нему, как

---

* Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии

археологу и, в какой-то степени, главе отечественной археологической науки в первые после-революционные годы, до сих пор остается весьма скептическим. Авторы новейших трудов по истории археологии предпочитают именовать Марра "языковедом и, в меньшей мере, археологом" (Клейн 1993:17) или даже просто языковедом, производившим раскопки. Выдвижение его на пост председателя Археологической комиссии в 1918 г. объясняется причинами, далекими от науки: "После эмиграции А.А.Бобринского на его место был избран известный своими раскопками древнеармянского города Ани языковед Н.Я.Марр... Вероятно, играло свою роль то, что Марр сразу после Октября пошел на сотрудничество с большевиками и, следовательно, мог отстоять Комиссию от любых неприятностей" (Формозов 1995а:33-34).

Подобное суждение представляется справедливым лишь отчасти. Безусловно, коллеги, единогласно подавшие голоса за Н.Я.Марра, искали в его лице руководителя, способного отстоять их интересы в "коридорах власти", не допустить уничтожения Археологической Комиссии, а, может быть, и всех археологических учреждений России. Уверенность в том, что "за ним, как за каменной стеной", действительно имела место об этом говорили тогда, не скрываясь (Архив ИИМК 5:23; Платонова 1989:12). На чем она основывалась? На близости Николая Яковлевича к большевикам? Была ли в 1918 г. такая близость? Членом ВКП(б) Марр станет только в 1930 г., и это будет уже другое время и другой в сущности человек. Вплоть до начала 1920-х гг. его отношение к новой власти оставалось лояльным и только. Да, он работал в Коллегии по делам музеев и охране памятников при наркомате просвещения (ПФА РАН 3). Однако в той же коллегии в 1918 г. (очень активно) работали П.П.Покрышкин, К.К.Романов и А.А.Миллер (Платонова 1989:7,10). Да, он общался по делам охраны памятников с новыми правительственными функционерами. Но кто же из членов АК не общался с А.В.Луначарским и М.Н.Покровским? Чем принципиально отличалось поведение Н.Я.Марра в 1918 г. от позиции, скажем С.Ф.Ольденбурга, Б.В.Фармаковского или того же П.П.Покрышкина? Да ничем. Знаменательно, что даже авторы канонических жизнеописаний Марра так и не смогли найти в его биографии ни одного эпизода, свидетельствующего о его идейной близости к большевикам в период революции и гражданской войны (Аптекарь 1934; Миханкова 1935). Может быть Н.Я.Марр до 1917 г. отличался левыми взглядами, и за это его должно было выделять новое правительство? Эта распространенная легенда, один из мифов, созданных самим Марром и его адептами, до сих пор при-

нимается за истину даже самыми образованными археологами (Клейн 1993:17). В действительности, если Николаю Яковлевичу и были свойственны левые воззрения, то, вероятно, он очень умело их скрывал. Иначе ему вряд ли удалось бы так неизменно пользоваться расположением отъявленного реакционера и мракобеса Л.А.Кассо — министра народного просвещения России в 1910-1914 гг. Именно Л.А.Кассо поддерживал Марра во всех его серьезных начинаниях в Армении. В 1910 г. министр "благоклонно", по свидетельству самого Николая Яковлевича, отнесся к его проекту Археологического института в Ани (Миханкова 1935:127). Далее, в 1911 г., в период студенческих забастовок, когда многие левые профессора покидали университеты или изгонялись из них, Н.Я.Марр, напротив, был сделан деканом факультета восточных языков. Подобное назначение могло состояться лишь при условии его абсолютной, не вызывающей сомнений, благонадежности (Алпатов 1991: 21). Наконец, в 1913 г. Л.А.Кассо, по просьбе Марра выдвигает в Государственную Думу законопроект о финансировании его исследований в Армении на 3 года из средств казначейства (за счет министерства народного просвещения) случай беспрецедентный в царской России. Но еще примечательнее то, что Дума этот закон принимает, и деньги (очень крупные по тем временам), действительно, отпускаются (Архив ИИМК 2: 142-143; Миханкова 1935:127-128). Все это заставляет весьма критически отнестись к позднейшим утверждениям Николая Яковлевича, что царские правительственные чиновники только тормозили его работу по историко-археологическому обследованию Закавказья. Факты нередко свидетельствуют об обратном.

Плохо согласуется с обликом "левого" профессора и близость Н.Я.Марра к церковным кругам. Он не только вплотную занимался церковной историей. До 1917 г. он состоял старостой Петербургской грузинской церковной общины (Аничков:7, цит. по Алпатов 1991:21). Совет по управлению Армянскими церквями Петербурга ежегодно (с 1905 г.) выделял ему на раскопки Ани крупные суммы (Архив ИИМК 2:56-57). Представляется, что политическая ориентация Николая Яковлевича до революции была весьма умеренно либеральной, что, впрочем, не мешало ему с большой остротой писать о "вражде дворцов и хижин", но... в средневековой Армении. Однако справедливо и другое: никто и никогда не считал Н.Я.Марра реакционером. Будучи в Грузии в 1905 г. и наблюдая там восстание крестьян-гурийцев, он отнесся к бедам своих земляков сочувственно и даже похвалил однажды выступление слышанного им большевистского оратора (Миханкова

1935:92-96). Все это на удивление легко сошло ему с рук. Вероятно, и в академических, и в университетских кругах предреволюционного периода за Марром стойко закрепились репутация человека бурного темперамента, порою неосторожного в высказываниях, но при этом всецело углубленного в науку и достаточно равнодушного к политике.

Так что же выдвинуло Николая Яковлевича на первый план в переломном 1918 году и поставило его "у руля" российской археологии? Ответ на удивление прост: блестящие организаторские способности. Эта сторона его таланта, прекрасно известная когда-то всем коллегам в Археологической комиссии, оказалось прочно забытой в наше время. Скандальная слава Марра автора "нового учения о языке" стерла память о его научно-организационной деятельности 1900-1910-х годов. Между тем она была напряженной и на удивление результативной.

Впервые прибыв в Армению по поручению Императорской Археологической комиссии в 1892 г., молодой приват-доцент Н.Я.Марр столкнулся там с произволом чиновников, недоверием духовенства, недоброжелательностью местного населения. Русская администрация на Кавказе весьма настороженно отнеслась к перспективе раскопок древней армянской столицы, боясь, в этой связи, усиления националистических настроений. Не имея возможности их запретить, она игнорировала любые просьбы о поддержке. Не помогали никакие отношения из Петербурга за подписью гр. А.А.Бобринского. Н.Я.Марру было отказано даже в праве бесплатного пользования ямским транспортом, как путешествующему по казенной надобности (Архив ИИМК 1:9,12 и др.). Добравшись, с грехом пополам, до места, Николай Яковлевич и там был встречен в штыки на этот раз настоятелем Анийского монастыря. В Петербург спешно летит телеграмма: "Приехал Ани. Требуют разрешения Эчмиадзинского синода, не позволяют раскопки. Марр." (Архив ИИМК 1:19). Недоброжелательность монахов (как и окрестных крестьян) к приезжему археологу объяснялась просто. Руины древнего города привлекали многих путешественников и успели стать для местных жителей неисчерпаемым источником дохода. "Курды, татары, армяне сами, иностранцы, образованные и неграмотные, все без различия с одинаковой бесцердечностью расхищают древности Ани, писал Николай Яковлевич в ИАК, люди, желавшие помешать моим раскопкам, занимаются продажей древностей Ани любому туристу..." (Архив ИИМК 1:26об.). А.А.Бобринский и В.Г.Тизенгаузен в письмах старались ободрить молодого коллегу, терпеливо разъясняли ему, что духовенство не имеет права запрещать раскопки на

казенных землях. ИАК направила официальную бумагу в Эчмиадзин, Марру советовали обратиться к прокурору Синода. И вот тут впервые обнаружилось, что бурный темперамент Николая Яковлевича вовсе не мешал ему, когда надо, быть отменным дипломатом: "То, что раскопки на землях, принадлежащих общественным учреждениям, предоставлены Императорской Археологической комиссии, безусловно, мне было известно, пишет он в Петербург, но я не хотел раздражать население и, главным образом, духовенство: ко всякому шагу относятся с недоверием, теперь же они готовы все показать (! Н.П.); Императорской Археологической комиссии я телеграфировал о непосредственном моем сношении телеграммой с Эчмиадзином /.../. Через прокурора дело могло затянуться, я воспользовался тем, что лично знаком с заместителем католикоса" (Архив ИИМК 1:50об.-51).

Подробная деловая переписка Н.Я.Марра с ИАК, которую сохранили для нас архивы, красноречиво опровергает еще один распространенный миф об отсутствии взаимопонимания и постоянных якобы трениях между ним и комиссией. Безусловно, А.А.Бобринский в чем-то мог не соглашаться со своим молодым напористым коллегой. Вероятно, Н.Я.Марру очень не импонировало решение ИАК разрознить коллекцию находок из раскопок Ани 1893 г. по разным музеям в данном случае комиссия действовала по старинке... (Миханкова 1935:36-37). Это были частные разногласия, непомерно раздутые впоследствии. Между тем всегда следует помнить другое. Грандиозное предприятие, осуществлявшееся Н.Я.Марром в Ани в 1900-1910-х гг., было не под силу энтузиасту-одиночке, будь он даже академиком и профессором университета. Оно требовало постоянной поддержки со стороны официальных инстанций, со стороны ИАК, со стороны графа А.А.Бобринского и В.В.Латышева. Именно их стараниями поддерживалась обширная переписка по Анийскому вопросу с Наместником на Кавказе, с министром земледелия и государственных имуществ, с Главным управлением землеустройства и земледелия, с Карским военным губернатором... Неустанные труды Н.Я.Марра по превращению Ани в мощный археологический центр на всех этапах встречали полную и безоговорочную поддержку ИАК. Поэтому многочисленные изъявления благодарности в письмах Николая Яковлевича анельзя понимать как дань холодной вежливости. За ними стояли конкретные дела, многолетнее плодотворное сотрудничество. Именно Комиссия помогала Марру одолеть кавказскую бюрократию, именно Комиссия помогала создать анийскую библиотеку, Комиссия присылала

Николаю Яковлевичу оборудование... Он забудет об этом впоследствии, как забудет обо всем, не имеющем отношения к его навязчивой идее, к его "новому учению". Он станет утверждать, что "ни одна государственная научно-исследовательская организация" не поддерживала его, "наоборот"!. (Марр 1934:ХII). Это будет грубая ложь, очередная легенда, рассчитанная на неискущенного "советского" читателя. Но все это случится уже в другой жизни. А тогда, в 1890-х гг. он с увлечением вел раскопки...

Изыскания Николая Яковлевича в Ани в 1892-1893 гг. явились только пробой сил. Масштабные исследования еще одного древнего города были ИАК не по карману. В те годы Марр еще способен был это понять. Мы находим в его письмах упоминания о "скудном бюджете" и "затруднениях, связанных с новыми ассигнованиями для Императорской Археологической комиссии" (Архив ИИМК 2:113об.). Однако при этом Николай Яковлевич не желал и поступаться убеждениями, сложившимися у него еще в первый год разведок по Армении. "В местах, /.../ где предполагались развалины языческих времен, их не находим, писал он в ИАК в 1892 г., во всяком случае, то, что считается или относится ко временам языческим, на деле оказывается произведением периода Анийских Багратидов (IX-XI в. по Р.Хр.) и позже. Этот отрицательный результат еще более убеждает меня в правоте мнения, которое, надеюсь, разделяет и Императорская Археологическая комиссия. Раз древнейшие памятники исчезают в позднейших наслоениях почти одного и того же времени, необходимо изучить памятники этого позднейшего времени, для которого имеется обширный материал, главным образом, в Ани, чтобы от известного перейти к неизведанному. Я, по крайней мере, убежден, что, пока в Ани не будут произведены капитальные раскопки, пока не будут изучены в целостности и подробности армянские древности Багратидского и позднейшего (до XIV в. включительно) века, все рассуждения и соображения о более древних временах, особенно же о дохристианской поре Армении, будут произвольны, неосновательны и скороспелы..." (Архив ИИМК 1:78-79об.).

Марр был первопроходцем археологии Закавказья. Многообразный и очень мало изученный материал требовалось привести в систему, разложить его на культурно-хронологические пласты, подчинить дальнейшие исследования единой "руководящей мысли". Раскопки в Ани нужны были, как способ прекратить поиск вслепую и досконально изучить слои IX-XIV вв., почти повсеместно перекрывающие более ранние памятники.

Но организовать такие масштабные исследования в армянском захолустье, не располагая

очень крупными средствами, было невозможно. Раскопки архитектурных памятников приносили много материала, который было немудрено транспортировать в Петербург — фрески, барельефы, огромные камни с орнаментами и надписями. Оставленные на месте, они неминуемо погибали в этом Марру в дальнейшем пришлось убедиться (Марр 1906:73). Чтобы "не извлекать из земли памятники для добычи хищникам или для порчи от стихий", Николай Яковлевич после сезона 1893 г. прерывает раскопки. 11 лет спустя он вернется к ним уже человеком с именем, умеющим требовать и способным заставить других прислушиваться к своим словам. Решительность его действий, начиная с 1904 г., очень быстро оценят и окрестные жители, и администрация, и ИАК.

На раскопки 1904 г. Комиссия смогла выделить только 400 руб. (Архив ИИМК 2:5), но к моменту возобновления работ "спонсоры" уже были изысканы Марром самостоятельно. По прибытии в Ани он в первую очередь решает проблему хранилища материалов. "Для постройки хранилища древностей я достал 950 (девятьсот пятьдесят) рублей, лаконично сообщает Николай Яковлевич комиссии, /.../ решил обстроить развалины мечети/.../. Достигается двоякая цель: получается прекрасный музей (здание) и сохраняется памятник от дальнейшей порчи (Архив ИИМК 2: 11). Источником средств явились частные пожертвования армян г.Баку" (Архив ИИМК 2:31об.). В конце года Марр уже с гордостью будет докладывать ИАК о "расположении предметов в Анийском музее" (Архив ИИМК 2:18), а через 2 года из печати выйдет первый музейный каталог (Марр 1906а).

Постройка хранилища и основание музея стали первым "деянием" Николая Яковлевича на пути создания Кавказского археологического центра на месте древней армянской столицы. Обладая незаурядным талантом пропагандиста, он заручается поддержкой широких кругов армянской интеллигенции. К нему идет поток частных пожертвований. Он читает лекции об Ани в Баку и в Москве — одни только сборы с этих лекций втрое превышают годовые авансы ИАК на его раскопки (Архив ИИМК 2:94 и др.). Но самым важным достижением на этом пути явилось привлечение на свою сторону Совета по управлению армянскими церквами Петербурга (Пескарева, Баликян 1981:113). С этого момента бюджет его экспедиции начинает исчисляться уже 3000-4000 руб в год, что составляло, по тем временам, очень крупную сумму. Без промедления встает вопрос о постройке археологической базы — "дома из 10 комнат для приезжающих". Древний водопровод, очень кстати открытый раскопками, час-

тично налаживается для нужд экспедиции. Одновременно для удобства сообщения через реку у городища Н.Я.Марром строится мост. (Разумеется, всю бумажную волокиту с получением разрешений на строительство берет на себя ИАК) (Архив ИИМК 2:32об.,85-86). Самая характерная черта Марра-организатора в этот период его способность любое начатое дело доводить обязательно до конца. В результате через несколько лет на месте запустелого когда-то городища возникает настоящий исследовательский центр — жилой дом для сотрудников экспедиции и приезжих ученых, кабинет для их занятий, фотолаборатория, библиотека, мастерские — столярная и слесарная, и, наконец гордость Марра — музей, состоящий из двух отделов "археолого-эпиграфического" и "вещественного". При музее налаживается экскурсионное дело, чтобы приезжие посетители (число которых к 1913 г. достигло 2000 за лето) получали полное представление о предмете (Архив ИИМК 2:143).

Вся эта организационная суета происходила на фоне непрекращающейся борьбы за сохранение анийских развалин от бездумного хозяйничанья арендаторов. "Невероятным может показаться, — писал Николай Яковлевич ИАК в июне 1904 г., — но я сам видел контракт, которым г.агент Министерства государственных имуществ развалины Ани сдает в аренду для пастбища, точно какое-либо летнее кочевье. /.../ Развалин Ани уже не видать от пасущихся здесь быков, коров, баранов и пр. Они проникают в церкви, которые все осквернены, точно мы живем в какой-либо Турции. Пользуются развалинами, загоняют туда скот крестьяне из села Араза, хотя и армяне, но совершенно одичавшие и не понимающие, что они творят. При начале раскопок мне придется иметь с ними дело /.../. Надеюсь я справлюсь и местными силами, даже собственными, но вопрос, несомненно, принципиальный, и было бы желательно предпринять что-либо против отдачи анийских древностей на попираие и осквернение скота /.../" (Архив ИИМК 2:10-11).

Реакция ИАК на это сообщение оказалась незамедлительной. Ее ходатайство имело результатом запрет на дальнейшую отдачу Ани в аренду под пастбище (Архив ИИМК 2:12,17). 17 июля 1892 г. Марр пишет в ИАК: "...Получил извещение от Императорской Археологической комиссии, что Ани будет избавлен от разгрома, причиняемого стадами. Приношу глубочайшую благодарность за письмо этим извещением. Это первый шаг для спасения Ани как интереснейшего средоточия средневековых закавказских древностей /.../. Еще несколько, два-три, таких шага в Ани, и это городище может обращаться в поле постоянных система-

тических раскопок" (Архив ИИМК 2:16).

"Два-три шага" потребовали нескольких лет упорной борьбы. Противники не сдались без боя, благо любому чиновнику в России доподлинно известно, что всякий параграф закона можно перетолковать навыворот. Запрет министра возымел лишь одно следствие: в пользование арендаторам стали предоставлять не городище, а покосы на нем, с оговоркой не пользоваться развалинами, как пастбищем. Разумеется, на деле с ограничением этим никто не считался. В результате все лето 1905 г. разъяренный Н.Я.Марр был вынужден "собственноручно" изгонять из священных стен скотину узурпаторов (Архив ИИМК 2:47-48). Приезжего профессора явно старались взять измором. И чиновники, и арендаторы еще не поняли хорошенько, с кем они имеют дело...

Уже в 1905-1906 гг. Н.Я.Марр атаковал своими настойчивыми просьбами-требованиями помощника Наместника Кавказа по гражданской части Султана Крым-Гирея и управляющего государственными имуществами на Кавказе Медведева (Архив ИИМК 2:48,90). При этом он постоянно напоминал ИАК, что без ее "авторитетного вмешательства" вопрос вряд ли будет решен положительно. И ИАК исправно рассылала ходатайства, вновь и вновь возбуждая дело в Министерстве государственных имуществ. Если вначале речь шла лишь об изъятии Ани из арендной статьи, то, по мере обустройства музея и археологической базы на городище, запросы Н.Я.Марра все больше росли. Бумажная война длилась около четырех лет. Бюрократическая машина старой России, способная при малейшем попушении похоронить в своих недрах любое дело, постепенно сдавалась под напором бешеной энергии Марра, сдавалась и начинала послушно выполнять требования, инициированные им. Наконец, в июне 1908 г. ИАК получила из Департамента государственных земельных имуществ бумагу поразительного содержания: "Вследствие отношения /.../ о передаче устроенному в городище Ани, Карсской области, музею занятых памятниками христианской древности казенных земель в пределах оброчных статей Бешкилиса и Ани, **а также об отводе некоторого количества свободной казенной земли, доход с коей поступал бы на оборудование музея и на ремонт памятников** (подчеркнуто мной Н.П.), Департамент Государственных земельных Имуществ имеет честь уведомить Археологическую комиссию что, за неимением закона, на основании которого просимая земля могла бы быть предоставлена для указанной выше цели по непосредственному распоряжению Государственного Управления землеустройства и земледелия по настоящему делу предполагается испросить в установ-

ленном порядке ВЫСОЧАЙШЕЕ разрешение, для чего одновременно поручено Уполномоченному Главноуправляющего землеустройством и земледелием на Кавказе точно выяснить на месте при участии представителя от Археологической Комиссии профессора Н.Я.Марра размеры подлежащего передаче в распоряжение музея пространства и доложить предположения по сему предмету Наместнику Его Императорского Величества..." (Архив ИИМК 2:109-109об.).

Итак, вся площадь, занятая древним городом, подлежала теперь передаче в ведение Анийского музея (следовательно, в ведение ИАК), а заодно ставился вопрос о выделении участка земли для обеспечения музея доходами! И даже отсутствие в Российском законодательстве соответствующего параграфа не могло уже послужить препятствием. Указанный участок размером 246,5 десятин вскоре был выделен "чинами Эриванско-Карсского Управления земледелия и гос.имуществ при участии проф.Н.Я.Марра" (Архив ИИМК 2:132). Можно с полной уверенностью утверждать, что ни один археолог в царской России не мог похвалиться такой блестящей победой над всемогущей бюрократией во имя отечественных памятников, как Николай Яковлевич. И, когда позднее, благодаря связям с Л.А.Кассо, он провел в Государственную Думу проект закона о ежегодном отпуске из государственного казначейства 5000 руб. на свои раскопки (Архив ИИМК 2:142), вряд ли кого-то из коллег это всерьез удивило. Способность к преодолению препятствий и небоязнь чиновников были неотъемлемыми свойствами Н.Я.Марра. Однако к этим неоднократно отмеченным чертам его хрестоматийного образа надо прибавить тончайшее чутье конъюнктуры и незаурядные дипломатические способности, помогавшие Николаю Яковлевичу оставаться в почете во все времена и при любом правительстве без ущерба для своего имиджа "непокорного" и несдержанного на язык ученого.

И.А.Орбели в своих, в общем, панегирических по тону воспоминаниях о Н.Я.Марре неожиданно "проговаривается": "В Ани не редко приезжали правительственные люди; Марр в любую погоду встречал их верхом в 5-9 км" (Мегрелидзе 1987:172). Эта маленькая деталь как нельзя лучше отражает интуитивно угаданный Николаем Яковлевичем стиль отношений к "правительственным людям" того времени — подчеркнутое уважение в соединении с подчеркнутым собственным достоинством. И не случайно перед ним быстро открывались все двери. Не случайно даже в условиях войны он получил возможность свободно перемещаться по Южному фронту для археологических изыс-

каний. Чтобы добиться этого, требовалось быть генералом — он немедленно становится им... "Марр в 1916 году переоделся в форму генерала, иначе бы его не пустили на фронтовые поля, вспоминает И.А.Орбели, — поехал на Южный фронт, чтобы успеть описать памятники, которые могли погибнуть в условиях войны..." (Мегрелидзе 1987:172). Все эти детали, призванные проиллюстрировать тезис И.А.Орбели, что "Н.Я.Марр не знал пощады себе", в действительности, наводят на более глубокие размышления о его сущности человека и ученого. Но так или иначе можно констатировать одно: задолго до революции Н.Я.Марр уже проявил себя в археологии, как дельный и очень удачливый организатор. В 1917 г. с помощью своего друга и коллеги С.Ф.Ольденбурга, занимавшего во Временном правительстве пост министра просвещения, он, наконец, воплощает в жизнь свою давнюю мечту организует в Тифлисе Кавказский историко-археологический институт РАН (Марр 1917а; ПФА РАН 1:74 и др.). В начале 1918 г. его избирают штатным членом Археологической комиссии вместо умершего Н.И.Веселовского (Архив ИИМК 3:1). А после эмиграции А.А.Бобринского именно Марр становится ее председателем (Архив ИИМК 4:111). Коллеги единодушны в своем выборе: лучшей кандидатуры на этот пост, учитывая наступившие тяжелые времена, найти невозможно.

Было ли это избрание признанием одних организаторских заслуг Марра перед русской археологией или уже тогда он считался в этой области крупным ученым? На мой взгляд, ответ тут один: считался, безусловно. И то, что РАО в 1915 г. присудило ему большую золотую медаль имени А.С.Уварова за его раскопки в Ани, конечно, не случайность. Это было яркое свидетельство признания со стороны коллег (Бартольд, Смирнов 1915). Но необходимо помнить, что в стенах Восточного отделения РАО меньше всего интересовались археологией как добытием, классификацией и типологией предметов. "Могучая кучка" русских востоковедов начала XX в. работала в области филологии, фольклористики, эпиграфики, истории искусства, и профессионально они могли оценить, в первую очередь, эту сторону трудов Н.Я.Марра. Сам Николай Яковлевич в своих конкретных разработках материала из раскопок предстает, в первую очередь, историком культуры, а не археологом-классификатором. Он исследователь древней архитектуры, эпиграфики, орнаментики, сюжетных мотивов (Марр 1894; 1907; 1909; 1910; 1910а; 1916; 1916а; 1917; 1934; 1968). В этой области ему принадлежит немало ценных наблюдений, касающихся взаимодействия церковной и гражданской архитектуры Армении,

датировки архитектурных памятников, взаимопроникновения христианской и исламской культур в средневековом Ани... Но какова была его квалификация как археолога?

Это не праздный и не простой вопрос. За плечами у Марра к 1918 г. было 17 напряженных полевых сезонов. Несомненно, полевая археология занимала в его деятельности гораздо больше места, чем это было характерно для его коллег-востоковедов Я.И.Смирнова, В.В.Бартольда, С.Ф.Ольденбурга и др. Но определять сегодня методический уровень раскопок Марра в Армении, к сожалению, приходится по осколкам источников: *почти все Анийские материалы, включая музейные коллекции и не менее 90% полевой документации, трагически погибли в 1917-1918 гг.*

В нашем распоряжении нет дневников Николая Яковлевича, почти нет подлинников отчетов, нет чертежей, за исключением опубликованных планов архитектурных сооружений и общих планов памятников. И, в довершение картины, коллекций тоже нет, но об этом ниже.

Полевая документация Н.Я.Марра, начиная с 1904 г., была почти целиком сосредоточена в его руках и хранилась у него на квартире. По некоторым фразам из деловой переписки Николая Яковлевича можно заключить, что Марр представлял отчеты в ИАК, но их тексты, по-видимому, отдавались ему обратно. Материал постоянно находился в работе. Публикации по нему готовились как самим Марром, так и его ближайшими сотрудниками и коллегами В.В.Бартольдом, Т.А.Тораманяном, Н.П.Сычевым, И.А.Орбели, Г.Н.Чубиновым (Чубинашвили) (Пескарева, Баликян 1981:112; Бартольд 1911; Сычев 1912; Орбели 1910; 1910а; 1911; Чубинов 1916; 1918). К 1916 г. весь этот чрезвычайно разросшийся архив Марровской экспедиции был перевезен в помещение Восточного музея Петроградского университета. Здесь, по свидетельству Г.Н.Чубинова, материалы "были приведены в систему и в общих чертах каталогизированы". В архиве насчитывалось не менее 2285 фотоснимков, чертежей более 54, рисунков 147 (Чубинов 1918:2). Здесь же находились фотонегативы, дневники и часть других рукописей Н.Я.Марра.

Все эти документы и материалы были посланы Николаем Яковлевичем в Тифлис осенью 1917 г. с целью положить начало научному архиву Кавказского историко-археологического института РАН. Первый вагон с материалами отправлялся 16 ноября, второй в 20-х числах того же месяца. Понять дальнейшее помогают телеграммы, сохранившиеся в личном архиве Марра.

В начале января 1918 г. по-видимому, никто еще не знал о беде. В "Отчете Анийского музея",

подписанном в печать в этих числах, имеется примечание: "В ноябре 1917 г. все коллекции отправлены в Тифлис в Кавказский Историко-археологический институт, в ведении которого находится отныне Ани" (Чубинов 1918:2). По-видимому, только в феврале или начале марта в Петроград дошел слух, что какой-то из отправленных вагонов подвергся разгрому на ст.Шамхор между Армавиром и Баку. Николай Яковлевич обращается за помощью к А.В.Луначарскому. Тот через комиссара Главного телеграфного управления предоставляет Марру прямой провод с Кавказом (ПФА РАН 1:46). Выяснить удастся лишь то, что оба вагона не прибыли по назначению. Через некоторое время от имени Министерства путей сообщения рассылается военная телеграмма с требованием сообщить о пропавшем грузе (ПФА РАН 2:21). Все тщетно. Материалы, являвшиеся плодом 15-тилетних трудов, погибли, погибли нелепо...

На Кавказе в этот период смутно. Связь с Россией нарушена, письма доходят плохо. Четверо сотрудников Историко-археологического института РАН в Тифлисе, лишенные всякого руководства и финансирования из Петрограда, совсем растерялись. Они были ответственны за Анийский музей, но... по Брест-Литовскому мирному договору вся Карсская область отошла к Турции. Турция объявила Закавказской республике войну, затем вроде бы начались мирные переговоры. В институте то лихорадочно решали эвакуировать музей и имущество экспедиции, то колебались, буруеваемые сомнениями. Единства мнений по этому вопросу не было (ПФА РАН 1:47об.; ПФА РАН 2:1-3). Е.С.Такайшвили был сторонником полной эвакуации. Г.Н.Чубинов, напротив, считал, что "трогать музей нельзя", и, если даже не удастся выговорить у Турции права института на разработки Ани, надо все равно "сдать все из рук в руки, а не бросая на произвол судьбы". "Вывозя же часть музея, читаем мы в его письме Марру от 4 апреля 1918 г., мы лишаем себя возможности выставлять свои требования и, кроме того, как бы санкционируем оставляемое рыхлять и уничтожать..." (ПФА РАН 2: 1об.-2).

Бедные щепетильные интеллигенты! В 1918 г. они еще продолжали спорить о "правах", "требованиях", "санкциях"... Последовавший вскоре страшный турецкий разгром Ани попросту уничтожил музей и сровнял с землей архитектурные памятники. Таким образом к исчезновению полевой документации Н.Я.Марра добавилось почти полное уничтожение коллекций. Лишь ничтожную их часть удалось, по словам И.А.Орбели, вывезти в Эривань уже в буквальном смысле слова под выстрелами (Орбели 1934:197). Когда в кругах петроградских ученых

только начинался обсуждаться вопрос о возможном преобразовании Археологической комиссии в академию, Николай Яковлевич еще представлял собою археолога, непрерывно работавшего над материалом, создателя археологического центра на Кавказе и начальника крупнейшей в России экспедиции. К моменту же подписания декрета о РАИМК он утратил решительно все, что на практике связывало его с археологией. С начала раскопок в Ани прошло 26 лет. Сколько страсти, энергии, сил было вложено в это дело!.. Больше он никогда не возвращался к работе над археологическим материалом. Даже книжку об Ани, в основу которой лег курс публичных лекций о раскопках, читанный в начале 1910 г., Марр не смог переписать в духе своего "нового учения". "Работа была оставлена в том виде, в каком она сложилась в процессе развития раскопок, далеко еще не законченных", писал Николай Яковлевич в предисловии к ней (Марр 1934:V). По его собственным словам, издание осуществилось в ГАИМК в 1934 г. "за упокой автора настоящей работы с его мышлением и датой более четвертьвековой давности" (Марр 1934:XI).

Таким образом можно констатировать, что археологическое наследие Н.Я.Марра, в значительной части, погибло. Но и по осколкам его полевой документации, по публикациям и донесениям с места раскопок, специалист, в принципе, может составить впечатление об уровне ведения им полевых исследований. Конечно, для этого приходится пользоваться косвенными данными, той непрямой информацией, которая заложена в источниках.

К моменту окончания раскопок в Ани, там было "капитально" раскопано 5 церквей (два храма Богоматери, церковь св.Григория, круглый храм постройки царя Гагика I, храм св.Апостолов); 2 гостиницы; баня; значительная часть царского дворца на Вышгороде, а также: главная улица "на большом протяжении"; городские стены царя Ашота и прилегающий к ним бедный квартал; площади, прилегающие к храму св.Апостолов и круглому храму Гагика I; языческий некрополь за стенами города. Вскрытие городских кварталов велось большими площадями. Дневники раскопок Н.Я.Марр вел сам. Как уже говорилось, они не сохранились, но для характеристики их можно привлечь а) те места в публикациях, где Николай Яковлевич прямо цитирует свой дневник, б) данные сохранившихся реестров находок и каталогов Анийского музея (Марр 1906а; 1908; 1917; 1934; Архив ИИМК 1:56-59).

Прежде всего обращает на себя внимание факт, что против каждого предмета в "реестре" обязательно стоит отсылка к дневнику за определенное число. Описи явно не велись по ходу

раскопок, они составлялись в конце сезона по дневникам и коллекциям. За редчайшим исключением *каждый предмет из слоя был отмечен Марром в дневнике с указанием условий находки*. Пример: при описании жилища "беднейшего квартала" Ани указывается: "*в просеянной земле* (выделено мной — Н.П.) найдены камни, 2 гвоздя, осколки глиняной посуды, стекла, кости животных, 1 буса серого цвета и 1 медная монета" (Марр 1934:76).

Разумеется, текст публиковавшихся кратких отчетов Н.Я.Марра не включал подробного описания *всех* комплексов. То же можно сказать и о книге 1934 г., в основу которой лег курс публичных лекций об Ани. В ее тексте часто встречаются лаконичные фразы типа: "В III районе улицы... найдена мастерская металлических работ" (Марр 1934:96). А.В.Арциховский называет упомянутую фразу "чудовишной" и задает риторический вопрос: "Чья это была мастерская? Металлурга? Кузнеца? Литейщика? Ювелира?" (Арциховский 1953:54). Однако перед нами все же не дневник раскопок и даже не отчет. В своих лекциях Марр имел полное право обойти стороной описание любого конкретного объекта. Важнее другое: когда он все-таки приводит такие описания в качестве примера, они оказываются вполне исчерпывающими даже с современной точки зрения. Так, маслодавильня в комнате XII "бедного квартала" предстает перед читателем во всех подробностях, включая данные обмеров, расположение предметов внутри и прочие мелкие детали (Марр 1934:117). Ее описание явно взято прямо из дневника. Таким образом вполне закономерным является предположение, что в пропавших дневниках Марра подробные и грамотные описания комплексов все-таки имелись. Сохранившийся дневник первого года раскопок Николая Яковлевича (1892) содержит подробнейшее описание всего хода исследований (раскопки церкви св.Григория в Ани и разведки) (Архив ИИМК 1:147-240). Здесь же мы находим не лишние интереса соображения Николая Яковлевича о способах датировки раскопанных объектов. В дальнейшем он суммировал их в своем отчете ИАК: "...В окрестностях Армавира я наводил справки, касающиеся гонимого дела, и все сведения заносил в дневник. Для вопросов даже археологических является весьма полезным знакомство характером новейших глиняных произведений, равно знание центров, где занимались подобными изделиями. В интересах же археологии я собирал сведения о каменоломнях, откуда в древности доставали материал для постройки /.../ архитектурных произведений. Характер, главным образом цвет камня определяет его местонахождение, а последнее, в свою очередь, являет-

ся желательным в определении эпохи здания, так как сделанные мною в этом отношении наблюдения убеждают, что в известную эпоху для облицовки /.../ употреблялись камни с известным излюбленным цветом /.../" (Архив ИИМК 1:119об.-120).

Реестры предметов из раскопок Ани опровергают брошенное Н.Я.Марру хлесткое обвинение в "выбрасывании находок" (Арциховский 1952:53). Оно построено, в сущности, на одной фразе из письма Николая Яковлевича ИАК от 27 мая 1892 г.: "...**вещественных находок никаких** (выделено мной Н.П.), но зато богатый материал для истории армянского искусства, архитектуры, скульптуры и даже живописи" (Архив ИИМК 1:25). Речь шла тут о раскопках церкви св. Григория, и рабочие в эти дни проходили слои строительного мусора, бедные находками. Если же поинтересоваться списком предметов из раскопок того же года, который, по счастью, до нас дошел, то мы увидим там и "обломки железных гвоздей" и "куски простого глиняного кувшина с однообразным рисунком кругом на поясе", и много других вещей, свидетельствующих о том, что Николай Яковлевич, напротив, тщательно сохранял даже мало выразительные находки из слоя (Архив ИИМК 1:56-59).

В связи с этим следует отметить, что единственное существенное разногласие Марра с ИАК в 1890-х гг. заключалось именно в том, что коллекцию анийских находок, по его мнению, следовало сосредоточить в одном месте, а не разрознивать по разным хранилищам (Миханкова 1935:36-37; Пескарева, Баликян 1981:100-101). В дальнейшем он сам "решил" эту проблему путем организации Анийского музея. Уже это одно говорит о внимании к вещам и путям их дальнейшего изучения. Да, Николай Яковлевич сам не исследовал и не издал вещей Ани. Его собственные научные интересы были сосредоточены, в первую очередь, на архитектурных и эпиграфических памятниках. Среди помощников и учеников Марра большую часть также составляли искусствоведы и востоковеды широкого профиля. Из них только И.А.Орбели и отчасти Г.Н.Чубинов имели некоторую тягу к занятиям классификацией, о чем свидетельствуют их работы, посвященные серии ртутных сосудов Ани (Орбели 1910:73-74; Юзбашян 164:25) и декору анийских карасов (Чубинов 1916). Однако этот временный перевес архитектурно-эпиграфического материала в анийских публикациях ни в коей мере нельзя ставить в вину Н.Я.Марру. Сложившееся положение было закономерным. И, если вещи правильно хранились, если коллекции можно было соотнести с дневником, то неизбежно не первое, так второе поколение исследователей Ани

восполнило бы этот пробел. В том, что случилось иначе, не вина, а трагедия Марра.

Было ли характерно для Николая Яковлевича "полное невнимание к стратиграфии", о котором пишет А.В.Арциховский? На этот вопрос ответить сложнее. В предварительных публикациях Н.Я.Марра описания стратиграфии встречаются редко. Работы в Ани на 80 процентов представляли собой раскопки архитектурных памятников, каменного зодчества. Каменными были и стены царского дворца на Вышгороде, и жилища бедняков у Ашотовых стен. Никаких упоминаний стратиграфических разрезов в сохранившихся материалах нет, хотя архитектурные разрезы делались постоянно. Однако утверждать, что по ходу раскопок Марром не ставилось задач по разграничению строительных периодов и датировке слоев, нет оснований. Так, в его отчетном докладе в ВОРАО 10 января 1911 г. отмечено: "В обоих районах /раскопок Н.П./ интерес сосредоточился на водопроводе и странном отношении водопровода к засыпанным развалинам..." И далее: "Водопроводные трубы оказались проложенными в насыпной почве, которую можно было датировать 1-ю половиною XI-го века. Это помогло определить время находимых в этом слое предметов, в том числе многочисленных ртутных сосудов" (Марр 1913:XXIII). Следует отметить, что изложение этого доклада в ЗВОРАО представляет собой, по сути, тезисы, лишённые всякой детализации.

Описывая раскопки холма на месте круглого храма эпохи Гагика I, Марр отмечает, что в нем имеются отложения "трех различных эпох кратковременной, но кипучей жизни Ани". Первый (28-85 см) позднейшее кладбище. Вторым (в центре холма достигавший 6 м) содержал остатки бедных жилых помещений, пристроенных уже к развалинам храма, и отдельные могилы. Нижний пласт (1,35-2 м) "заключал уцелевшие на месте остатки храма и его обломки после первого его разрушения" (Марр 1934:56).

Создается впечатление, что Николай Яковлевич в ходе раскопок, действительно, схватывал лишь самую общую стратиграфическую картину, хотя вероятно, схватывал верно и в целом понимал свой памятник хорошо. В текстах его опубликованных отчетов рассеяны довольно многочисленные замечания о хронологических соотношениях построек и уличной мостовой (Марр 1906:81), построек и водопровода, водопровода и крепостных стен, крепостных стен и улицы и т.д. (Марр 1934:81-83 и др.). Выяснению более детальной хронологии объектов и их соотношения между собой, вероятно, помогало то, что стены многих зданий и прилегающие к ним участки изобиловали находками

надписей, в том числе содержавших упоминания исторических лиц. Это, в свою очередь, помогало наполнить хронологическим содержанием различные архитектурные и орнаментальные детали (Орбели 1935:59-60).

Среди чертежей анийских раскопок (которых, по данным 1916 г., было более 54), безусловно, доминировали архитектурные, выполнявшиеся Т.А.Тораманяном, С.Н.Полторацким, Н.П.Сычевым, Н.Г.Буниатовым, Ф.Мосевичем и др. на самом высоком уровне. Возможно, планы участков, прилегавших к зданиям, отличались некоторым схематизмом и были, по современным понятиям, недостаточно детальны. Так, на опубликованных планах "бедных" кварталов у Ашотовых стен и у большой церкви отражено лишь взаимное расположение и форма жилищ без фиксации их внутреннего устройства и расположения предметов в заполнении (Марр 1906: табл.VII; Марр 1934: рис.224). Сам Марр в своих лекциях отмечал отсутствие на планах некоторых деталей, имевшихся однако в его дневниковых описаниях. Следует отметить, что обмеры, приводимые Николаем Яковлевичем в отчетах, отличаются скрупулезностью и выполнены с точностью до миллиметра (Марр 1906:73-89). Показателен и такой факт. Ученик Н.Я.Марра Д.А.Кипшидзе, которому были поручены раскопки пещерных кварталов Ани, накануне революции готовил их издание. Его рукопись "по счастливой случайности избегла печальной участи анийских материалов", и, спустя полвека после смерти автора была опубликована другим учеником Николая Яковлевича Н.М.Токарским. Показательно, что по обмерам и описаниям Д.А.Кипшидзе, выполненным по прямым инструкциям Марра, Н.М.Токарскому удалось восстановить (в большинстве случаев) и планы, и разрезы пещерных помещений. В подготовленной им объемистой монографии пещерные кварталы Ани предстают как вполне добротный раскопанный памятник (Кипшидзе 1972).

Фотофиксация объектов с самого начала велась Николаем Яковлевичем на очень высоком уровне. Незадолго до своей первой поездки в Армению в 1892 г. он специально прошел курс практического фотографирования в Русском техническом обществе и поставил ИАК условием выдачу ему фотоаппарата. По свидетельству специалистов, снимки Н.Я.Марра 1890-х гг., сделанные весьма несовершенным аппаратом, "столь удачно фиксируют... объекты, что и по сей день могут быть использованы в исследовательской работе и для публикации" (Девель, Томес 1971:290). Детальная фотосъемка на всех этапах раскопок производилась в его экспедиции всегда. В коллекции негативов, сохранив-

шихся в фотоархиве ИИМК более-менее полно представлены лишь первые годы раскопок в Ани (1892-1893). Материалы последующих лет представлены отрывочно. Большая часть их (ок.2300 ед.) погибла (Чубинов 1918:2). Однако и сохранившаяся коллекция фотонегативов, отражающих различные этапы марровских раскопок, насчитывает около 500 ед. и помогает составить представление о методах фиксации материала в Ани и в других местах (Девель, Томес 1971:291-292).

В заключение работы, целью которой было по возможности объективно и всесторонне осветить деятельность Н.Я.Марра в области археологии в предреволюционный период, остается заметить, что даже в нынешнем виде его археологическое наследие представляет собой крупный вклад в арменистику. Первым несомненным открытием Н.Я.Марра было установление того, что расцвет городской жизни Ани приходится на XII-XIII вв., период после падения Багратидской династии и мусульманского завоевания. До раскопок этот период считался временем полного упадка и гибели города (Марр 1934:38-39 и др.). Вторым открытием явился своеобразный синкретизм и сложное взаимодействие армянской и исламской культур в указанный период. Публикации архитектурных и эпиграфических памятников бывшей Карсской области, сделанные Николаем Яковлевичем имеют теперь тем большую ценность, что исследование армянской культуры на этой территории после 1918 г. не производилось, более того, имело место целенаправленное разрушение турками памятников, как в Ани. Поэтому, как это ни печально, но по целому ряду вопросов жалкие осколки научного наследия Марра-археолога представляют собой единственное, чем располагают ученые в наши дни.

Дореволюционные работы Николая Яковлевича в области археологии должны занять подобающее место в истории науки. Можно с полным основанием утверждать, что для своего времени они велись на достаточно высоком уровне, хотя определенный перевес филологического и искусствоведческого подходов к изучению памятников, безусловно, имел место.

Рассмотрение позднейшего периода деятельности Николая Яковлевича и той роли, которую он сыграл в развитии уже советской археологии, выходит за рамки данной статьи. Это не менее сложная и очень грустная, но иная тема. Не решусь утверждать, что между Марром "до" и "после" провозглашения "нового учения о языке" лежит непроходимая пропасть. К сожалению, многие элементы этого "учения" в зародыше можно усмотреть уже в его магистер-

ской диссертации 1900 г. Но так или иначе Н.Я.Март 1920–1930-х гг. очень во многом качественно отличался от того неугомонного археолога, что до 1917 г. вел раскопки в Армении.

- Алпатов, В.М.* 1991. История одного мифа. Март и марризм. Москва: Наука.
- Апичков, И.Е.* Очерк советского языкознания. Рукопись. 1970-е годы.
- Аптекарь, В.Б.* 1934. Н.Я.Март и новое учение о языке. Москва: Соцгиз.
- Арциховский, А.В.* 1953. Пути преодоления влияния Н.Я.Марта в археологии // Против вулгаризации марксизма в археологии: 51–69. Москва: Наука.
- Бартольд, В.В.* 1911. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче. Анийская серия 5. Санкт-Петербург: Академия наук.
- Бартольд, В.В., Я.И.Смирнов.* 1916. Отзыв о трудах Н.Я.Марта по исследованию древностей Ани // Записки Восточного отделения Русского археологического общества XXIII: 373–411.
- Бердяев, Н.А.* 1990. Самопознание. Москва: "ДЭМ".
- Дебель, Т.М., Т.Б.Толмес.* 1971. Собрание Н.Я.Марта в фотоархиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР // Историко-филологический журнал Академии наук Армянской ССР 3: 289–295.
- Китшидзе, Д.А.* 1972. Пещеры Ани. Материалы XIV Анийской археологической кампании летом 1915 года. Ереван: Академия наук Армянской ССР.
- Клейн, Л.С.* 1993. Феномен советской археологии. Санкт-Петербург: ФАРН.
- Март, Н.Я.* 1894. Новые материалы по армянской эпиграфике // Записки Восточного отделения Русского археологического общества VIII: 69–103.
1906. Раскопки в Ани в 1904 году // Известия Императорской археологической комиссии XVIII: 73–94.
- 1906а. Краткий каталог Анийского музея. Анийская серия 1. Санкт-Петербург: Академия наук.
1907. Ереванская базилика армянский храм V–VI века. Из летней поездки 1907 г. в Ани // Записки Восточного отделения Русского археологического общества XVIII: XII–XIV.
- 1907а. О раскопках и работах в Ани летом 1906 года. Предварительный отчет. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии X. Санкт-Петербург: Академия наук.
1908. Реестр предметов древности из VI (1907 г.) археологической кампании в Ани. Анийская серия 2. Санкт-Петербург: Академия наук.
1909. Новые археологические данные о постройках типа Ереванской базилики // Записки Восточного отделения Русского археологического общества XIX: 064–068.
1910. Надпись Епифания, католикоса Грузии. Из раскопок в Ани 1910 года // Известия Императорской академии наук IV: 1133–1142.
- 1910а. Камень с армянской надписью из Ани в Азиатском музее // Известия Императорской академии наук: 1149–1151.
1913. IX-я Анийская археологическая кампания // Записки Восточного отделения Русского археологического общества XXI: XXII–XXV.
- 1913а. X Археологическая кампания в Ани // Записки Восточного отделения Русского археологического общества XXI: XLVI–XLVIII.
- 1913б. XI Археологическая кампания в Ани // Записки Восточного отделения Русского археологического общества XXI: LXIX–LXXI.
- 1913в. XI-я анийская археологическая кампания. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии XIII. Санкт-Петербург: Академия наук.
1915. Ани. Дворцовая церковь по обмерам художника Н.Г.Бунинатова. Петроград: Академия наук.
1916. Описание Дворцовой церкви Ани. Анийские древности 1. Петроград: Академия наук.
- 1916а. Кавказоведение и абхазский язык // Журнал министерства народного просвещения 63 (5, отд. 4): 1–27.
1917. Отчет Анийского музея древностей за 1915 год. Анийские древности 2. Петроград: Академия наук.
- 1917а. Записка о Кавказском Историко-археологическом институте. Приложение к протоколу заседания Отделения исторических наук и филологии РАН 6 сентября 1917 года // Известия Российской Академии наук XI: 962–994.
1934. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища // Известия Государственной Академии истории материальной культуры 105. Ленинград. Москва.
1968. Ереванская базилика армянский храм V–VI вв. в окрестностях Ани. Ереван: Академия наук Армянской ССР.
- Мегрелидзе, И.В.* 1987. Иосиф Орбели. Тбилиси: Мецниереба.
- Михайлова, В.А.* 1935. Николай Яковлевич Март. Очерк его жизни и научной деятельности. Известия Государственной академии истории материальной культуры 154. Ленинград.
- Орбели, И.А.* 1910. Каталог Анийского музея древностей. Анийская серия 3. Санкт-Петербург: Академия наук.
- 1910а. Краткий путеводитель по городищу Ани. Анийская серия 4. Санкт-Петербург: Академия наук.
1911. Развалины Ани. История. Современное состояние. Раскопки. Санкт-Петербург: Академия наук.
1934. Блестящая страница в истории археологии // Проблемы истории докапиталистических обществ 9–10: 195–197.
1935. Н.Я.Март как археолог // Проблемы истории докапиталистических обществ 3–4: 50–61.
- Пескарева, К.М., О.С.Баликин.* 1981. Докладные записки Н.Я.Марта о раскопках в Ани (1904–1907 гг.) // Вестник общественных наук Академии наук Армянской ССР 10: 100–114.
- Платонова, Н.И.* 1989. Российская академия истории материальной культуры. Этапы становления (1918–1919 годы) // Советская археология 4: 5–16.
- Сычев, Н.П.* 1912. Анийская церковь, раскопанная в 1892 году // Христианский Восток 1 (2): 212–219. Санкт-Петербург: Академия наук.
- Формозов, А.А.* 1995. Николай Яковлевич Март (1864–1934) // Антология советской археологии I: 163. Москва: Институт археологии РАН. Государственный Исторический музей.
- 1995а. Русские археологи до и после революции. Москва: Институт археологии РАН.
- Целевая установка.* 1931. Целевая установка и новые задачи ГАИМК // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры 2.
- Чубинов, Г.Н.* 1916. Декоративное убранство анийских карисов. Христианский Восток V (1). Петроград: Академия наук.
1918. Отчет Анийского музея древностей за 1916 год. Анийские древности 3. Петроград: Академия наук.
- Юзбашян, К.Н.* 1964. Академик Иосиф Абгарович Орбели. Москва: Наука.
- THOMAS L.L.* 1957. The linguistic Theories of N.Ja. Marr. Berkeley-Los Angeles.
- Архив ИИМК РАН.* 1. О командировании Марта в Русскую Армению для производства там археологических разысканий. Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Фонд I. Дело 1892/33.
2. О продолжении археологических разысканий Н.Я.Марта в Кареской области и Эриванской губернии. Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Фонд I. Дело 1904/79.

3. Журнал общих заседаний Российской государственной археологической комиссии. Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Фонд 1. Дело 1918/1.
4. О реорганизации Археологической комиссии. Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Фонд 1. Дело 1918/20.
5. Журнал заседаний совета Российской государственной археологической комиссии за 1919 год. Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Фонд 1. Дело 1919/3.

- ПФА РАН 1.* Материалы о деятельности Н.Я. Марра в Кавказском историко-археологическом институте. Петербургский филиал архива АН. Фонд 800. Опись 4. Дело 4132(1917 год. Часть I. Г-90).
2. Материалы о деятельности Н.Я. Марра в Кавказском историко-археологическом институте. Петербургский филиал архива РАН. Фонд 800. Опись 4. Дело 4134 (1917 год. Часть III. Г-92).
  3. Работа Н.Я. Марра во Всероссийской коллегии по делам музеев и заметки. Петербургский филиал архива РАН. Фонд 800. Опись 4. Дело 4316 (1918-1922 гг. Г-262).

ФОТОГРАФИИ ИЗ СОБСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ Императора Николая II в собрании фотоархива Института истории материальной культуры Российской Академии наук (Санкт-Петербург)

Г.В. ДЛУЖНЕВСКАЯ*

В фотоархиве Института истории материальной культуры РАН при фондировании 1961 года был выделен фонд N 44 "Библиотека Зимнего Дворца", датированный "до 1917 года". В его состав вошли фотографии XIX-XX веков по русской архитектуре и живописи. Весьма любопытно, что, на самом то деле, материалы поступили в архив в октябре 1929 года, то есть еще в то время, когда фотоархив состоял в ведении Государственной Академии истории материальной культуры, но не проходили процесса научно-технической обработки вплоть до 1987 года. Обзор их не вошел и в самую фундаментальную статью Т.М. Девель "Обозрение коллекций собрания фотоархива Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра АН СССР", опубликованную в журнале "Советская археология" (т. XII, 1950, с. 289-336), представившую обзор фондов фотоархива по их состоянию на 1946 год. Имеется только один вариант объяснения этого факта: вплоть до 60-х годов нашего столетия нельзя было и упоминать о материалах, имевших отношение к императорской семье. Все они находились в хранилищах, но не находили своего "читателя". Аналогична и судьба фонда N 45 "Библиотека Мраморного Дворца", то есть, по сути, коллекции фотоматериалов, собиравшихся Великими Князьями Константином

Николаевичем и Константином Константиновичем.

В 1961 г. в фонде числилось 368 единиц хранения (позитивы), в 1977 г. 134 фотографии были списаны и уничтожены, осталось 234 снимка, как в сброшюрованных альбомах, так и на отдельных паспарту.

1. Альбом О.65 (инвентарные номера А-3640-3659). Среднего размера альбом в бархатном малиновом переплете с бронзовой фигурной застежкой, золотым обрезом и тисненой золотом надписью "Виды Свято-Троицкой Сергиевой Лавры". На форзаце чернилами представлены "N 203" и инициалы "А.Ф.". По-видимому, инициалы последней русской императрицы Александры Федоровны, поставленные ею собственноручно, как и номер. Вероятно, порядковый номер фотоальбома в библиотеке Зимнего дворца. Также предположительно и то, что альбом был преподнесен лично Александре Федоровне.

На 20 фотографиях: общий вид Лавры; внешние и внутренние виды Троицкого собора и церкви Троице-Сергиевой Лавры (во имя Пр.Никона, Сошествия Св.Духа, Трапезной церкви во имя Пр.Сергия, Смоленской иконы Богоматери, Рождества Иоанна Предтечи над Святыми вратами), Лаврской больницы и богадельни, Старой и Новой Лаврских Гостиниц,

* Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Фотоархив.

Настоятельских покоев. Виды Спасо-Вифанского монастыря и Гефсиманского Скита.

2. Альбом О.64 (инвентарные номера А-3609-3639). Среднего размера альбом в бархатном синем переплете с орнаментальным тиснением по бархату, бронзовой фигурной застежкой и золотым обрезом, с тисненой золотом надписью "Альбом древностей Свято-Троицкой Сергиевой Лавры". На форзаце чернилами проставлены "N 194" и инициалы "А.Ф.". Судя по всему, история данного альбома аналогична предыдущей.

На 31 фотографии представлены виды Троицкого собора, Раки Пр.Сергия, икон Святой Троицы, Богородицы Смоленской, Пресвятой Богородицы Иерусалимской, древней иконы Отчества и других, риз Преподобных Сергия и Никона, схимы, поручей и сандалий Пр.Сергия, Евангелия Пр.Сергия на пергаменте XIV века, Службника писаного в 1381 г. рукою Пр.Никона и употреблявшегося Пр.Сергием, деревянных сосудов, употреблявшихся в служении Пр.Сергием и Пр.Никоном. Вид Панагии на агате с нерукотворным изображением молящегося перед Распятием.

3. Альбом Q 234 (инвентарные номера А-3587-3591). Крупноформатный альбом в черном кожаном переплете с тисненым красным белым картушем, золотым обрезом и тисненой золотом надписью "В память незабвенного царя миротворца Императора Александра III. Полковой храм возведенный 111-ым Пех. Донским полком в г.Мариамполе Сувалкской губ. в 1901 году".

В альбоме пять фотографий, на которых представлены общий вид храма (снимок с тисненым клеймом фотографа M. Buchha), храмовая икона Святого Александра Невского, внутренний вид храма; вид полкового храма во время строительства и иконописная мастерская.

4. Альбом Q 231 (инвентарные номера А-3397-3404). Крупноформатный альбом в темно-зеленом кожаном переплете, с двумя ныне утраченными застежками, золотым обрезом и тисненой надписью "Молитвенные и благотворительные памятники близ ст.Борки". Сам альбом (с форзацем из темнозеленой кожи с золотым орнаментальным тиснением по периметру) изготовлен в мастерской Алетерсена, находившейся в Санкт-Петербурге, в Демидовом переулке, 9.

В альбоме 8 фотографий, на которых засняты общий вид комплекса, часовня-храм, инвалидное убежище и Спасов скит, дом причта храма Христа Спасителя и администрации убежища, общежития для 12-ти одиноких инвалидов, 4-х и 5-ти семейных. Дом для 4-х семейных инвалидов построен в память выздоровления

Государя Императора Николая Александровича осенью 1900 года. Снимок здания школы и библиотеки с читальней имени Общества Ревнителеев Русского Исторического Просвещения в память Императора Александра III.

5. Альбом F 96 (инвентарные номера А-3392-3396). Крупноформатная папка коричневого коленкора с тисненой золотом императорской короной и надписью "Виды храма и часовни на месте события 17 октября 1888 года близ ст. "Борки" К.-Х.-С. ж.д." Снимки выполнены фотографом А.М.Иваницким из Харькова.

На 5 фотографиях представлены внешние виды храма и часовни, "беседки на месте чело-веколюбивого подвига Государыни Императрицы Марии Федоровны".

6. Альбом Q 232 (инвентарные номера А-3528-3572). На отдельных белого картона паспарту помещено 45 фотографий размером 24 x 30 см, исполненных Его Императорского Величества фотографом А.Рыльским, и не исключено, что по повелению Императора Николая Александровича.

Снимки природы и архитектуры Крыма: в Алушке побережье, море, дворец Воронцовых-Дашковых и парковые сооружения; в Ореанде портик-ротонда и Крестовая скала с постройками; в Ливадии Большой и Малый дворцы, внешние виды и интерьеры, вид церкви Воздвижения Честного Креста в Большом дворце. Вид деревни Биюк-Ламбат; виды неустановленных дач в Крыму; в Ялте вид набережной с моря; виды Никитского ботанического сада.

7. Альбом Q 233 (инвентарные номера А-3573-3576). 5 фотографий на отдельных серого картона паспарту с серебряным обрезом помещены в серой клеенчатой папке с тисненой серебром надписью "Больница "Всех Скорбящих".

На 5 фотографиях размером 18 x 24 см зафиксированы театр, театральный коридор, портретная и буфетная части столовой и рекреационный зал.

8. Альбом Q 235 (инвентарные номера А-3599-3602). Фотографии на отдельных серого картона паспарту с клеймом фотографов: Sebah & Jouillier. Photographes de la Cour Royale de Prusse. Constantinople, 439 Grand'Rue de Pera.

Фотографы Себа и Жоайе сделали 4 общих вида храма-усыпальницы в Сан-Стефано (в 15 км на запад от Стамбула).

9. Альбом F 97 (инвентарные номера А-3405-3412). Фотографии на отдельных паспарту из серого картона с тисненым клеймом фотографа "R. Bimberg. Wien I".

На 8 снимках представлены внешние и внутренние виды русского храма в Вене (иконостас, царские врата, иконы Божией Матери и Нерукотворного Спаса).

10. Альбом F 102 (инвентарные номера А-3413-3415, 3592-3593). В синей коленкоровой папке с тисненым орнаментом на лицевой стороне помещено 5 снимков. Альбом примечателен еще и тем, что на форзаце папки наклеен экслибрис Николая II: в подобию венка из золотых лавровых ветвей герб с короной, Н II и под ними раскрытая книга с надписью "Собственная Его Величества библиотека: Зимний дворец".

В папке 5 снимков: 1) Ковенский крепостной Петропавловский собор внешние и внутренние виды (фотограф В.Заторский из Ковно); 2) макет лютеранской церкви Св. Николая в Дании; 3) военный храм в Мукдене (общий вид и композиция из 20 мелких снимков, исполненных М.Д.Тапкиным, мастером художественного увеличения с портретов из СПб. внешние и внутренние виды, царские врата, иконы и пр.).

11. Альбом F 107 (инвентарные номера А-3414-3416). 3 крупноформатные фотографии на паспарту из толстого картона русской церкви в Дармштадте: внешние виды, исполненные в голубом, черно-белом и сепийном тонах.

12. Альбом F 103 (инвентарные номера А-3595-3597). В темно-голубой коленкоровой папке с тиснением серебром "Православный Александро-Невский собор в г. Ревеле" находится 4 крупноформатных снимка фотографа И.Тетерина из Ревеля: проект архитектора М.Преображенского православного собора в Ревеле, внешние и внутренние виды, царские врата.

13. Альбом F 104 (инвентарные номера А-3603-3608). В "неродной" для снимков папке находится 6 фотографий Покровского собора в Туле: 3 чертежа фасадов (фотозаведение "Модерн, Тула") и 3 внутренних вида храма.

14. Альбом F 100 (инвентарные номера А-3517-3527). В крупноформатном сброшюрованном альбоме 11 фотографий Морского собора в Кронштадте: проекты, планы, архитектурские чертежи; вид выставочного зала с проектами собора и росписей.

15. Альбом F 106 (пока не обработан, и снимки не имеют инвентарных номеров). В синей коленкоровой папке с тиснеными золотом короной и буквой М помещены 58 фотографий (снимки 1904 г. фотографа Александровича). Альбом великолепных по качеству снимков церкви Св. благоверного князя Александра Невского, сооруженной в память Георгия Александровича (родного брата Николая II), умершего в Абас-Тумани.

Внешние и внутренние виды храма, съемка с натуры росписей М.В.Нестерова.

В собрании, как видно из обзора, представлены, в основном, снимки памятников храмовой архитектуры и их внутренних видов.

Коллекция, если исходить из времени существования фотографического искусства, могла собираться Императорской семьей, начиная с 1840-х годов, то есть Императорами Николаем I, Александром II, Александром III и Николаем II. Хранилась она в Библиотеке Зимнего Дворца, фотографиями были украшены стены помещений. Рассматривание фотографий было одним из занятий, отмеченных в "Дневниках Императора Николая II" (М., 1991): "1894 год. 27 ноября, воскресенье. ... Приехали в Аничков [...] около 6 ч. Возились с раскладкой вещей, развешиванием картин и фотографий на стенах в Новой комнате" (с.97); "1894 год. 19 декабря, понедельник. ... сидели в кабинете Папа и рассматривали его альбомы войны 1877 г." (с.102); "1894 год. 23 декабря, пятница. ... После завтрака Аликс посидела у меня, рассматривала мой огромный альбом из Гатчино" (с.102); "1896 год. 3 января, среда. Зимний дворец. Целый вечер употребили на развешивание фотографий в маленькой проходной комнате и лестнице вверх и вниз" и так далее.

Изначально Императорская Археологическая комиссия, основанная в 1859 году и просуществовавшая до 1917 года, располагалась в Зимнем дворце. При переезде основанной на ее базе в 1919 году Российской Академии истории материальной культуры в здание Мраморного дворца часть коллекции Библиотеки, касавшаяся деятельности РАИМК, была изъята из Зимнего и перевезена на новое место хранения. Таким образом в собрании фотографий фотоархива ИИМК РАН и оказались весьма ценные материалы из Собственной библиотеки последнего Российского Императора Николая Александровича.

ИСТОРИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ В XIX ВЕКЕ

по фондам фотоархива

Института истории материальной культуры РАН

Н.Д. МОИСЕЕВА*

Специализированный фотоархив, созданный в 1919 году на основе Императорской Археологической Комиссии, не может похвастаться обилием фотодокументов, отражающих историю дома Романовых. Почти все фотографии Императорской семьи, поступившие в архив из библиотек Зимнего и Мраморного дворцов и других фондов, как непрофильные для института, основой деятельности которого долгие годы являлась археология, были изъяты из фондов.

Заинтересовавшись данной темой, мне захотелось собрать вместе все фотодокументы, которые хотя бы косвенно касаются Императорской фамилии, вплоть до портретов, встречающихся в различных интерьерах. Так возник приведенный в данной публикации перечень фотографий, поединично отобранных из различных фондов. Он представляет собой довольно пеструю картину, быть может и не очень интересную для специалистов. Но есть здесь и уникальные материалы, например, фотофиксация строительства памятника Александру II в Московском Кремле из фонда архитектора Н.В.Султанова, автора проекта. Пятьдесят четыре фотографии создают подробную картину строительства. На части фотографий самим архитектором или фотографом (?) проставлены даты съемки.

Интересны фотографии 1859 года, сделанные во время открытия памятника Николаю I на Исаакиевской площади в Санкт-Петербурге. Представляют интерес и дары членов Императорской семьи, хранившиеся в ризнице Успенской Киево-Печерской лавры. Судьба этих церковных ценностей нам неизвестна, вероятно, не все они сохранились.

Значительная часть материалов приводимого перечня выполнена фотографом-любителем высокого класса Николаем Григорьевичем Матвеевым, служащим канцелярии Академии Художеств, чьи фотоработы датируются 1890-ми-1914 годами. К сожалению не всегда известны автор и время съемки, поэтому они зачас-

тую не указываются. Данный перечень может быть продолжен при дальнейшей обработке и изучении архивных материалов, а также дополнен фотографиями архитектурных памятников, характеризующих время правления того или иного монарха.

Император Александр I

- 0.1355.54; Портрет цесаревича Александра Павловича - ребенка. Павловский дворец. Фото Н.Г.Матвеева.
- 0.1355.28; "Апофеоз Александра I", гравюра на восшествие на престол Императора Александра I. Павловский дворец. Фото Н.Г.Матвеева.
- F.50.70; Портрет Александра I из серии портретов русских князей и царей, выполненных художником П.Жуковским для мозаик памятника Александру II в Московском кремле, 1896 г., Рим.
- 0.1355.59; Александр I на коне, худ. А.Орловский. Павловский дворец. Фото Н.Г.Матвеева.
- III 6016; Портрет Александра I, худ. Дж.Дау. Царскосельская юбилейная выставка, 1911 г. Фото Н.Г.Матвеева.
- 0.1518.8; Большой конный портрет Александра I. Проект "Военной галереи 1812 года". Арх. К.Росси, 1826 г. Историческая выставка архитектуры, СПб., 1911г. Фото Н.Г.Матвеева.
- 0.1355.32; "Въезд Александра I в Париж", рис. Вольфа. Павловский дворец. Фото Н.Г.Матвеева.
- 0.1355.24; "Смотр русским войскам Императорами Александром I и австрийским Францем I в 1815 г.", живописное полотно. Павловский дворец. Фото Н.Г.Матвеева.
- III 4358; "Похороны Александра I", рисунок неизвестного худ. Историческая выставка

* Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Фотоархив.

- архитектуры, СПб., 1911 г. Фото Н.Г.Матвеева.
- 0.1354.2; Крест с медальоном с изображением Александра I и надписью: "Наш ангел в небесах". Библиотека Марии Федоровны, Павловский дворец. Фото Н.Г.Матвеева.
- F.71.14; Портреты Императоров Александра I, Николая I, Александра II, Александра III в Екатерининском зале Сената, Москва.
- 0.3600.23; Бюст Александра I. Дом Воронцовой-Дашковой, СПб.
- III 4262; Проект памятника в честь восшествия на престол Александра I, арх. И.Лапен. Историческая выставка архитектуры, СПб., 1911 г. Фото Н.Г.Матвеева.
- III 4109; Проект памятника Александру I, арх. А.Мельников. Историческая выставка архитектуры, СПб., 1911 г. Фото Н.Г.Матвеева.
- III 4477; Проект пьедестала с вензелем Александра I, арх. Гаттенберген. Историческая выставка архитектуры, СПб., 1911 г. Фото Н.Г.Матвеева.
- 0.710.28,29; Памятник в ознаменование посещения Александром I синагоги в 1825 г. Евпатория.
- 0.68.60-62, F.75.8; Памятник Александру I в имении Аракчеева "Грузино", СПб губ. Надпись на постаменте: "Государю благодетелю по кончине его".
- 0.3577.44; "Освящение Казанского собора", рисунок И.Иванова с посвящением Александру I. Историческая выставка архитектуры, СПб., 1911 г. Фото Н.Г.Матвеева.
- 0.1521.50; Триумфальные ворота в честь Александра I. Царское Село.
- 0.1168.32,36,37; Проекты Дж.Кваренги Триумфальных ворот в честь Александра I. Историческая выставка архитектуры, СПб., 1911 г. Фото Н.Г.Матвеева.
- F.77.68; Триумфальная арка, посвященная Александру I, Варшава. Фотоколлаж: здания и арка сфотографированы, все остальное дорисовано (экипажи в сопровождении свиты и эскорта Гвардейской кавалерии, толпы людей, приветствующие их). Предположительно реконструкция к столетию победы над Наполеоном.
- Q.788.10, II 6907; Кресло с вышивкой в память вступления в Париж Александра I. Фото Н.Г.Матвеева.
- 0.1520.27, II 17509; Белый кабинет Александра I. Царское Село. Фото Н.Г.Матвеева.
- III 5588; Гравюра с изображением кабинета Александра I. Историческая выставка архитектуры, СПб., 1911 г. Фото Н.Г.Матвеева.
- III 3577; Зал с обстановкой эпохи Имп. Александра I. Историческая выставка архитектуры, СПб., 1911 г. Фото Н.Г.Матвеева.
- III 3867; Зал эпохи Имп. Александра I. Мебель - по рисункам арх.К.Росси. Историческая выставка архитектуры, СПб., 1911 г. Фото Н.Г.Матвеева.
- III 5997; Часть комнаты эпохи Александра I (с подлинными вещами Александра I - перчатки, портфель и треуголка). Историческая выставка архитектуры, СПб., 1911 г. Фото Н.Г.Матвеева.
- III 6071; Подлинные вещи Александра I - перчатки, портфель и треуголка. Царско-сельская юбилейная выставка, 1911 г. Фото Н.Г.Матвеева.
- III 5041-5043; Часы и бронзовые статуэтки из кабинета Александра I. Елагин дворец, СПб.
- Q.330.31, 0.1520.30, II 17508; Спальня Александра I. Екатерининский дворец, Царское Село. Фото Н.Г.Матвеева.
- II 17510,17514; Спальня Елизаветы Алексеевны и комната рядом с ней. Екатерининский дворец, Царское Село.
- Q.361.47; Часовня на месте встречи Императрицы Елизаветы Алексеевны при проезде ее к Александру I. Таганрог.
- Q.160.9; Походный складень Русских Царей с Иконой Видения Божией Матери, бывший с Александром I в Отечественную войну 1812 года, а также с Александром II в 1855 году во время Крымской кампании. Троице-Сергиева лавра.
- III 5597; Рисунок блюда, поднесенного Александру I в 1814 г. Петербургским городским обществом. Худ.Ф.Гаттенбергер. Фото Н.Г.Матвеева.
- III 3706, 3707, 4614; Чертежи разрезов домовой церкви Александровского сиротского института, Москва. Архитектор А.Л. Витберг. Фото Н.Г.Матвеева, 1911 г.
- O.474.1572; Грамота Имп. Александра I мариупольским грекам. Хранится в соборе Св. Харлампия в Мариуполе.

**Из "Альбома Видов Успенской Киево-Печерской лавры...".
Дары Императорской семьи,
хранящиеся в ризнице лавры.**

Q.172.2, 61; Крест серебропозлащенный, пожалован Наместнику лавры архимандриту

Антонию. Крест серебряный с драгоценными камнями, пожалован иеросхимонаху Вассиану 8 сентября 1816 г. Панагия с финифтовым в драгоценных камнях изображением Спасителя, пожалована в 1816 г. Дары Александра I.

- Q.172.28, 40; Риза со стихарем золотой парчи по голубому полю. Саккос с золотыми разводами и золотыми по серебряному полю цветами. Дары Имп. Елизаветы Алексеевны.
- Q.172.76; Ковш сребропозлащенный, с гербом, портретом, короною и вензелем Имп. Александра I. Дар генеральши Екатерины Дьячкиной в 1820 г.

Император Николай I

- F.50.71; Портрет Николая I из серии портретов русских князей и царей, выполненных художником П. Жуковским для мозаик памятника Александру II в Московском кремле, 1896 г., Рим.
- Q.243.62; Портрет Николая I, миниатюра работы Рокштуля, 1850 г.
- 0.486.34; "Император Николай Павлович верхом", набросок с натуры А.Чернышева, 1852 г.
- 0.175.16; "Карусель времени Николая I" (вид театрализованного конного состязания), масл. живопись из собрания Мраморного дворца.
- Фонд М.Н.Потоцкого; "Корабль"Мария", на котором Имп. Николай Павлович возвращался в 1828 году из Варны в Одессу во время шторма", худ. И.К.Айвазовский. Открытка.
- III 2378; "Шлюпка с Николаем I спасает утопающих на Неве", картина с Выставки исторического портрета в Таврическом дворце, 1905 г. СПб.
- Q.344.36; Бюст Николая I работы Ф.Толстого, из собрания Юсуповых.
- III 1672; Тот же бюст - на выставке общества "Старый Петербург".
- 0.1191.13; Бюст Николая I в большом зале Биржи, СПб. Фото Н.Г.Матвеева.
- 0.3600.71; Фарфоровая статуэтка - Николай I в солдатской форме.
- F.41.13-23; Памятник Николаю I на Исаакиевской пл., СПб. Макет памятника и его детали, открытие памятника в 1859 г., серия из 11 фотографий.
- 0.3568.133, II 10625; Виды памятника Николаю I на Исаакиевской пл., СПб.
- Q.188.8; Обелиск - памятник Николаю I в

саду графа Потоцкого "Софиевка (Царицын Сад)", Умань.

- I 2698-2699, II 5829; Выставка проектов памятника Николаю I в Киеве. Интерьер зала и проект скульптора И.Подозерова.
- 0.1310.63; Интерьер эпохи Николая I на Выставке исторических портретов в Таврическом дворце, 1905 г.
- III 3570; Интерьер эпохи Николая I на Царскосельской юбилейной выставке, 1911 г.
- III 5998; Интерьер эпохи Николая I на Исторической выставке архитектуры в СПб, 1911 г.
- 0.2388.14; Портрет Николая I в Мариинском дворце.
- F.71.14; Портрет Николая I в Екатерининском зале Сената, Москва.
- Q.154.6; Портрет Николая I в Михайловском дворце, в комнате Екатерины Михайловны, сн.1894 г.
- F.41.24-27; Портрет Николая I в "Царской" и "Розовой" комнатах Мраморного дворца, СПб.
- 0.486.29; Портрет Николая I в домике близ Переславля, где хранился Ботик Петра I. Фото И.Ф.Барщевского.
- Q.233.5; Портрет Николая I в рекреационном зале больницы Всех Скорбящих. СПб.
- Q.329.42; Парадная лестница Гатчинского дворца времени Николая I. Фото 1890-х гг.
- 0.285.17,19,20, Q.329.3; Институт Императора Николая I в Белостоке, внешние виды (с вывеской и без нее), ворота.
- Q.169.8; Дворец, "выстроенный около 300 лет тому назад, в котором по преданию останавливался в 1833 г. Имп. Николай I, во время своего объезда юго-западного края." Фото из "Альбома видов именина"Селец", 1906 г. Владимир-Волынский уезд.

Из "Альбома Видов Успенской Киево-Печерской лавры...". Дары Имп. Николая I, хранящиеся в ризнице лавры.

- Q.172.33,40,49,57,66; Риза и стихарь голубого крестового бархата по золотому полю. Саккос в голубых бархатных крестах по золотому полю. Дарохранительница серебряная "наподобие храма". Живописная в драгоценных камнях греческого письма икона Св.вел.князя Владимира, пожалована 15 июля 1858 г. Покров золотого глаза с вышитыми орлами на святые мощи Св. вел. князя Владимира.

Q.172.76; Тарелка, на которой сделана надпись: "Государь Император изволил кушать борщ и кашу приготовленную для нищих с этой тарелки 5 августа 1837 года". Ризница Успенской Киево-Печерской лавры.

Q.160.29; Потир среброзолоченый с драгоценными камнями, вклад Имп. Александры Федоровны в 1856 г. Троице-Сергиева лавра.

Император Александр II

F 71.14; Портрет Александра II в Екатерининском зале Сената, Москва.

Q.204.38; Портрет Александра II в Консерватории, СПб.

0.2388.14; Портрет Александра II в Белом зале Мариинского дворца, СПб.

III 1687; Бюст Александра II.

F.71.13,16; Памятник Александру II в Екатерининском зале Сената, Москва. На постаменте: "Царю Законодателю Московские Судебные Установления".

Q.222.6; Памятник Александру II в саду Александрии у Коттеджа, Петергоф. Фототипия П.Н.Бабкина с фотографии Е.П.Вишнякова, 1894 г.

F.85.22, Q.187.29; Памятник Александру II в Самаре.

0.471.761; Памятник Александру II в Нижнем Новгороде.

0.770.69,70; Памятник Александру II в Ченстохове.

II 84539; Памятник Александру II в Сясьских-Рядках, СПб губ.

0.1700.19,23; Памятник Александру II в Борисове, Минской губ. Из альбома поднесенного священником Павлом Чефраковым архитектору К.К.Романову в январе 1914 года.

F.50.1-54; Строительство памятника Александру II (архитектор Н.В.Султанов) в Кремле, Москва. Все этапы работ, начиная с подготовительных и заканчивая готовым к открытию памятником. (Часть фотографий датирована с 10 июня 1894 г. по 18 мая 1898 г.).

Q.331.35; Вид с кремлевской стены на памятник Александру II, Москва.

Q.21.89; Деталь декора памятника Александру II, Москва. Архитектор Н.В.Султанов.

F.50.72; Проект памятника Александру II, архитектор Р.Марфельд.

II 20758; Часовня во имя Св. благов. кн. Александра Невского в память 4 апреля 1866 г.

(в центральной части решетки Летнего сада, на месте покушения на Имп. Александра II). СПб. Фото Н.Г.Матвеева.

0.3572.63; То же, вид издали. Фото Шашкина.

0.1523.26; То же, вид со стороны Летнего сада. Фото Н.Г.Матвеева.

0.674.10; Часовня "Памяти Императора Александра II. Лейб-гренадеры незабвенного шефа". СПб (?).

0.767.14; Часовня во имя Св. благов. кн. Александра Невского, часовня-памятник Александру II в Парголовском парке близ Выборгского шоссе, СПб. Фото П.С.Радецкого.

F.49.103; Конкурсный проект храма "предназначенного к сооружению в СПб на месте, где смертельно ранен Имп. Александр II".

Q164.13; Базарная площадь с часовней "в память в бозе почивающего Государя Императора". Козельск. Сн.1887 г.

0.563.1; Часовня Божией Матери Тихвинской, Загорье, Гдовский уезд. На торце пристройки читается надпись: "... в память в бозе почивающего Государя Императора Александра II". Фото Д.Пидотти.

Фонд В.Н. Борисова; "Дом, в котором Государь Император имел пребывание в Бахчисарае, с 28 октября по 1 ноября 1855 г.", гравюра.

0.768.59; Городской музей "Дом имени Императора Александра II", Тула.

F.41.39; Открытая коляска с двуглавым орлом и вензелем "А II", Конюшенный музей, СПб.

F.40.9; Пароход "Александр II" у пристани на р.Волге.

0.1701.31; Акварель А.Иванова "Ave Maria" из альбома, поднесенного русскими художниками Александру II в Риме. (Альбом хранился в Петергофском дворце).

Q.172.74; Лампада сребропозлащенная чеканной работы. Дар Государя Наследника Цесаревича Александра Николаевича в 1852 г. Лампада золотая с бриллиантовой подвеской. Дар Государя Имп. Александра II в 1856 г. Ризница Успенской Киево-Печерской лавры.

Q.172.52; Икона Богоматери, писаная на фарфоровой доске, дар Имп. Марии Александровны митрополиту киевскому Филарету в 1857 г. Ризница Успенской Киево-Печерской лавры.

Q.188.9; Вензель "А II" из цветов на газоне сада графа Потоцкого "Софиевка (Царицын Сад)", Умань.

- Q.235.5; Церковь Св. Николая, сооруженная в 1871 году в память Цесаревича Николая Александровича. Местность неизвестна.
- Q.786.28; Барельеф на памятнике "Карлу Мердери, генерал адъютанту Е.И.В. Государя Николая Павловича", воспитателю Е.И.В.Государя Наследника Цесаревича Александра Николаевича. Смоленское кладбище, СПб. Фото Н.Г.Матвеева.

Император Александр III

- 0.1191.11; Бюст Александра III в Большом зале Биржи, СПб.
- 0.3574.25; Бюст Александра III на площадке парадной лестницы Императорского музея русского искусства Александра III, СПб. Фото Н.Г.Матвеева.
- Фонд М.Н.Потоцкого; Портрет Имп. Александра III, открытка.
- F.71.14-16; Портрет Александра III в Екатерининском зале Сената, Москва.
- 0.2388.11,12,14,15; Портрет Александра III в Зале заседаний Государственного совета в Мариинском дворце и других залах дворца, СПб.
- Q.646.1; Портрет Александра III на выставке Имп. Археологической комиссии, 1896 г. СПб.
- Q.204.35,37; Портрет Александра III в консерватории, СПб.
- 0.3497.8,9; Портрет Александра III в кадетском корпусе, Нижний Новгород. Фото Н.Катеринича.
- Q.396.51; Портрет Александра III в читальном зале Публичной библиотеки, Вильно.
- Q.21.59; Портрет Александра III в кабинете архитектора Н.В.Султанова, Москва.
- Q.216.25; Портрет Александра III в комнате с гробом Католикоса, Армения.
- 0.3568.134; Памятник Александру III на Знаменской площади, СПб.
- F.96.2-5; Виды храма и часовни на месте крушения поезда с Имп. семьей 17 октября 1888 г. Станция Борки, Харьковская губ. Фото А.М.Иваницкого.
- Q.231.1-3; То же. Фотограф не известен.
- F.96.1; Беседка "на месте человеколюбивого подвига Государыни Имп. Марии Федоровны". Станция Борки, Харьковская губ. Фото А.М.Иваницкого.
- 0.674.11; Икона "Воскресение" (со сценой крушения поезда) в церкви ст.Борки, Харьковской губ. "Подношение ... от полков 3-й пехотной дивизии..." с перечислением полков и фамилий командиров, "сооружена" в 1890 г.
- 0.3576.91; Церковь в честь чудесного спасения Имп. фамилии в Борках, СПб. Фото Н.Г.Матвеева.
- F.49.42; Часовня "сооружена в 1891 г. при церкви ... Морского госпиталя в память о чудесном спасении жизни их Имп. Величеств Благочестивого Государя Имп. Александра Александровича и его Августейшего семейства ... 17 октября 1888 г. при крушении поезда на Курской железной дороге". СПб.
- Q.234.1; Полковой храм возведенный 111-м пехотным Донским полком "в память незабвенного царя миротворца Имп. Александра III в г. Мариамполе Сувалкской губ. в 1901 г." Общий вид и интерьеры.
- 0.3572.68; Серебряный складень, личная вещь Александра III, после его смерти находился в Петропавловском соборе, СПб.
- 0.3572.69-75; Изделия из благородных металлов - подношения на гробницу Александра III в Петропавловском соборе, СПб. (Шпага с оливковой ветвью - от президента Франции Э.Лубэ в 1902 г. Золотой венок от правительства Дании. Бронзовый барельеф от французского флота и др.)
- Q.329.52; Зал арсенала Гатчинского дворца, при Александре III служил для вечерних собраний.
- Q.126.5,6; Кабинет-будуар Имп. Марии Федоровны, Аничков дворец, СПб.
- Q.222.33,38; Дворец и семейный дуб в Саду собственного Его Величества Дворца. Фототипия П.И.Бабкина с фотографий Е.П.Вишнякова, 1894 г.
- Q.39.1-54; Альбом с видами Императорской резиденции в Ливадии.
- Q.232.24-26; Большой дворец с церковью, Малый дворец, Ливадия.
- Фонд М.Н.Потоцкого; Комната, в которой скончался Александр III 20 октября 1894 г. Дворец в Ливадии. Снимок 1900-х гг.
- Q.336.18-19; Резиденция Имп. семьи "Охотничий домик" в Спала, интерьеры.
- 0.580.81; Здание Музея Александра III (музея изобразительных искусств), Москва. Открытка.
- Q.231.8; Здание школы и библиотеки имени Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Имп. Александра III. Ст. Борки, Харьковская губерния.
- II 10488; Реальное училище Императора Александра III, Гатчина.

Император Николай II

- Q.279.26; Николай II и Александра Федоровна присутствуют при запуске шара Учебного воздухоплавательного парка на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде, 1896 г.
- Фонд М.Н.Потоцкого; Члены Императорской семьи на крыльце Екатерининского дворца, Царское Село, 1906 г.
- Фонд М.Н.Потоцкого; Николай II на прогулке. Ливадия. Снимок 1910-х (?) гг.
- Фонд М.Н.Потоцкого; Николай II и военный министр В.А.Сухомлинов с группой офицеров. Снимок 1914-16 (?) гг.
- Фонд М.Н.Потоцкого; Николай II и Александра Федоровна в старинных парадных царских одеждах. Две открытки 1913 (?) г.
- Q.194.11; Портрет Николая II и Александры Федоровны в палатах Иераршего дома, Ростов. Фото Т.Л.Панова.
- Q.169.4; Крестный ход с портретами Николая II и вел. кн. Константина Константиновича, фото из "Альбома видов имения "Селец", 1906 г., Владимир-Волынский уезд.
- Q.204.36; Портрет Николая II в конференц-зале консерватории, СПб. Сн. 1896 г.
- O.287.83; Портрет Николая II в Круглом зале Народного Дома Императора Николая II, СПб. Открытка.
- Q.217.9; Бюст Николая II на Всемирной парижской выставке, 1900 г.
- 0.1169.25; Бюст Николая II в Белоколонном зале Русского музея. Фото Н.Г.Матвеева.
- 0.288.81; Портрет Николая II в интерьере почты, г. Одесса. Открытка.
- 0.558.119; Портрет Имп. Александры Федоровны в доме С.С.Кефели, Чуфут-Кале.
- Фонд М.Н.Потоцкого; Портрет Вел. Кн. Елизаветы Федоровны, сестры Имп. Александры Федоровны. Открытка.
- 0.69.33; Арка в память путешествия Цесаревича Николая Александровича, Хабаровск. Открытка.
- Q.231.7; Дом для четырех семейных инвалидов в память выздоровления Государя Императора Николая Александровича осенью 1900 г., станция Борки, Харьковская губ.
- Q.169.1-3; 2-х классное народное училище имени Е.И.В. Государя Имп. Николая II, имение "Селец", Владимир-Волынский уезд. Внешний вид. Сн. 1906 г.
- Q.169.5; Групповая фотография в зале выше-названного Училища, на стене портреты Имп. Николая II и Вел. Кн. Константина Константиновича: "впереди ученики с учителем, за ними устроитель школы И.М. Полонский (владелец имения "Селец") и местный священник, сзади хор местных певчих из крестьян и детей служащих в имении, каменщики и плотники, строившие школу и три управляющих имения, наблюдавшие за постройкой училища." Сн. 1906 г.
- Q.243.20,21; Икона и надпись на ее обороте: "Икона "Троица", писанная на доске Мамврийского дуба, поднесенная Николаю II и Александре Федоровне, по случаю их брака, русскими, живущими в Иерусалиме, декабрь 1894 г."
- 0.472.1260; "Снимок и дар монаха Антония. Икона, поднесенная Государю". На иконе изображены Св. Михаил, Св. Александра, Св. Алексей и Св. Николай под иконой Богоматери с младенцем на фоне соборов Московского кремля. В правом нижнем углу надпись: "1913 год. Писал (неразб.) В.П.Гурьянов".
- F.102; На внутренней стороне папки цветной экслибрис Николая II. "Собственная Его Величества библиотека. Зимний дворец. 1907".
- 0.64, 0.65; На форзацах альбомов Троице-Сергиевой лавры (из фонда библиотеки Мраморного дворца) рукописные пометы (начертаны рукой Имп. Александры Федоровны (?) NN 194 и 203, под ними условный значок, читаемый как буква "Ф", увенчанная крестом. Еще ниже - инициалы А. Ф.

№ 194

Ф
А.Ф

Итого: отпечатков - 288, негативов - 34, папка - 1, открыток - 7, альбомов - 2 (332 единицы хранения).

ХРОНИКА

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПОСТСКИФСКОЕ ВРЕМЯ: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ

23 мая 1997 г. состоялось специальное заседание отдела археологии Центральной Азии и Кавказа "Культурные процессы в Центральной Азии в постскифское время: проблемы хронологии". Были сделаны три доклада - С.С.Миняева, Вл.А.Семенова и Н.Н.Николаева, состоялась дискуссия по докладом.

В докладе С.С.Миняева "Сюннуский культурный комплекс: время и пространство" было отмечено, что проявления сюннуского культуры в азиатском регионе степного пояса не только определяют границы влияния сюнну - в большинстве случаев они являются диагностирующим признаком для определения хронологической позиции той или иной культуры или памятника. Часто встречающийся импортный материал, в большинстве случаев надежно датированный (особенно зеркала и монеты), довольно подробные сведения письменных источников - все это выдвигает сюннуские памятники в число опорных при разработке проблем хронологии археологических комплексов всей Центральной Азии и сопредельных регионов. Хронология и периодизация памятников сюнну существенно влияет на локальную периодизацию многих регионов Сибири, где часто фиксируют аналогии различным категориям сюннуского предметного комплекса. В настоящее время общепринято датировать сюннуские памятники в пределах конца III в. до н.э. - I в. н.э. Это время - период наибольшего могущества сюнну, на него указывают как письменные так и подтверждающие их в целом археологические источники. Вместе с тем детальный анализ этих источников позволяет отметить определенные противоречия, решение которых имеет принципиальное значение для разработки проблемы формирования сюннуского культурного комплекса и его хронологии. Данные письменных источников позволяют связать сюннуские завоевания и распространение сюннуского влияния в Центральной Азии с эпохой шаньюя Маодуня, т.е. с периодом конца III - начала II в.в. до н.э. (209-174 гг. до н.э.).

По мнению докладчика эти же источники позволяют предположить, что исходный район

сюннуских кочевий и ставка шаньюя в этот период находились в ареале северных земель княжеств Янь и Чжао, в современном административном делении - на востоке провинции Шаньси, севере провинции Хэбэй, западе провинции Ляонин, а также на территории ряда юго-восточных аймаков Внутренней Монголии. Однако в данном регионе, археологическая изученность которого достаточно высока, нет ни одного памятника названного времени, в котором фиксировались бы проявления сюннуского культурного комплекса. Такие памятники располагаются в ином ареале, охватывающем Забайкалье, Северную и отчасти Южную Монголию, но их хронология не соответствует рассмотренным выше датам начального этапа сюннуских завоеваний.

Наиболее надежным датирующим материалом в инвентаре сюннуских археологических комплексов являются монеты "у-шу", ханьские зеркала, а также подписные изделия, дата которых определяется либо по году изготовления, указанному на предмете, либо (менее точно) по стилю написания иероглифов, который заметно менялся на протяжении эпохи Цинь и Хань. Несмотря на то, что многие такие изделия имели широкий диапазон бытования (в первую очередь зеркала и монеты), они имеют фиксированную начальную дату изготовления, что позволяет надежно определить *terminus post quem* для большинства памятников.

Подробно рассмотрев датирующий материал как из крупных сюннуских комплексов (Иволгинское городище и могильник, Дырестуйский могильник, поселение Дурены, курганы Ноин-Улы) так и из ряда небольших памятников, докладчик сделал вывод, что археологический материал не позволяет датировать эти памятники временем более ранним, чем первый век до н.э. Такое заключение противоречит основанному на письменных источниках традиционному определению начальной даты сюннуских комплексов как конец III в. до н.э. На этом основании докладчик считает, что необходима корректировка общепринятых представлений о хронологии сюннуского культурного комплек-

са. Им предложена следующая рабочая гипотеза.

В позднескифскую эпоху сюнну были одним из скотоводческих племен, обитавших в ареале северных земель княжеств Янь и Чжао (восток Шаньси, север Хэбэя, запад Ляонина, юго-восточные аймаки Внутренней Монголии). В качестве "протосюннских" здесь можно назвать погребения, обнаруженные среди прочих в могильниках Наньшаньгэнь, Дуннаньгоу, Чжоуцзяди, Юйхуанмяо, погребения впущенные в верхний слой стоянки Сяцзядянь и ряд других. Они характеризуются рядом признаков, которые впоследствии проявляются именно в памятниках сюнну. Сюннские завоевания, начавшиеся в конце III в. до н.э., вызвали интенсивные перемещения больших масс населения и активное взаимодействие различных культурных традиций на востоке степного пояса. С этого времени началась существенная трансформация антропологического и культурного облика населения азиатских степей. Этот процесс, занявший, видимо, несколько десятилетий, завершается не ранее I в. до н.э. формированием типичного комплекса новаций, каким является сюннский культурный комплекс. С названного времени основные его элементы получают широкое распространение на огромной территории, контролируемой сюнну.

Эта территория, однако, не включала в себя районы исконного обитания сюнну, которые уже в конце II в. были оставлены ими после длительной войны с ханьской империей. Названное обстоятельство вполне определенно зафиксировали письменные источники.

Предлагаемая корректировка хронологии сюннского культурного комплекса может, по мнению докладчика, существенно повлиять на локальную периодизацию археологических памятников Сибири. Очевидно, что между установлением здесь политического и военного контроля сюнну и распространением различных категорий сюннского комплекса прошел определенный промежуток времени. Именно поэтому памятники гунно-сарматского периода с выраженными элементами сюннского культурного комплекса не могут быть датированы здесь ранее, чем формирование самого этого комплекса. По мнению С.С. Миняева такое предположение подтверждается находками монет "у-шу" в памятниках тесинского времени (Тепсей VII). На основании сказанного докладчик доусакет также существование характерных памятников скифского периода (в первую очередь коллективных погребений в срубам) и во II-I в.в. до н.э.

Доклад Вл.А.Семенова "Хронология могильников озен-ала-белигского этапа" был посвящен уточнению хронологии памятников озен-

ала-белигского этапа уюкско-саглынской культуры в Туве. На основании материалов из могильников Сулуг-Хем 1,2, Хайыракан автор выделяет комплексы, в состав которых входят предметы, характерные для культуры сюнну в Забайкалье, а также ряд специфических предметов, встречающихся вместе с ними. К числу таких хронологических индикаторов автор относит: пятикольчатые бляшки, миниатюрные котелки-подвески, бронзовые колоколовидные ажурные подвески, бронзовые наконечники стрел с кольцевидной скрытой втулкой и прорезными лопастями, костяные наконечники стрел с расщепленным насадом, железные наконечники стрел, костяные ложечковидные застежки, бронзовые имитации раковин каури, железные восьмерковидные пряжки, железные ножи с петельчатым навершием, пуговицы и бляшки с изображением анфас медведя и лисы и др.

На основании выделенных хронологических индикаторов синхронизируется 24 комплекса с более чем 500 предметами. Все эти комплексы по линии синхронизации с культурой сюнну и тесинскими памятниками могут быть датированы II, а в определенных случаях и I в. до н.э. В этот поздний период существования уюкско-саглынской культуры Тувы постепенно исчезают предметы, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле, в некоторых могильниках (Хайыракан) совсем не встречаются бронзовые зеркала, преобладает оружие из железа. В ряде случаев могильники являются бескурганскими, положение и ориентация погребенных становится более разнообразной, увеличивается число захоронений в каменных ящиках, топографически и хронологически привязанных к срубам.

Доклад Н.Н.Николаева "Погребальная обрядность Кокэля: хронология и традиции" был посвящен формированию традиций гунно-сарматского времени Саяно-Алтая, которое принято рассматривать, как результат исторических событий рубежа новой эры. По мнению автора, не вызывает сомнения, что хуннские параллели сказались на интерпретации материалов м.Кокэль, одного из крупнейших памятников гунно-сарматского времени Тувы. Вместе с тем, отмеченные в Кокэле частичные захоронения, кенотафы (?), подбой и ниши для сосудов в хуннских погребениях Забайкалья и Монголии не зафиксированы. Помимо Кокэля подбойные и частичные захоронения отмечены в некоторых "ящечных погребениях" Тувы. Отличительной особенностью этих захоронений является труположение на спине, северная, северо-западная, северо-восточная ориентировка похороненных и абсолютное преобладание одиночных погребений. Сопроводитель-

ный инвентарь состоит из железных, костяных и бронзовых изделий. Предметы вещевого комплекса находят аналогии в хуннских комплексах Забайкалья и Монголии, а так же в захоронениях, совершенных в каменных ящиках по обряду труположения на боку. Примечательно, что последняя группа захоронений содержит керамику характерную для скифских захоронений в срубках. Данное обстоятельство по мнению автора важно, т.к. "ящечные захоронения", в которых погребенные уложены на спину, содержат керамику идентичную кокзельской. Это обстоятельство свидетельствует о длительном переживании скифских традиций и синхронизирует позднескифские (улуг-хемские) и кокзельские комплексы. Хуннские параллели засвидетельствованы в Кокэле казалось не противоречат полученному результату. Однако: погребельная обрядность Кокэля практически не знает каменных ящиков (не путать с каменными обкладами гробов); в Кокэле практически не представлены изделия из кости и бронзы, технологическая традиция Кокэля целиком ориентирована на обработку железа; в Кокэле исследовано более четырехсот погребений гунно-сарматского времени, однако не найдено ни одной "художественной бронзы". Не вызывает сомнения, что отмеченные особенности кокзельского комплекса выработались со временем. Вместе с тем, если, в двух последних случаях можно предположить эволюционный характер изменений, объяснить подобным образом переход от захоронений в каменных ящиках к обычаю погребать в гробах не возможно. В связи с этим следует обратить внимание на два обстоятельства: во-первых, деревянные внутримогильные конструкции широко представлены в погребальной традиции хунну; появление хуннских комплексов в Туве засвидетельствовано археологически; иденти-

фикация хуннских комплексов в Туве подтверждается вещевым и керамическим комплексом. Во-вторых, взаимодействие различных культурных традиций отразилось в материалах м.Аймырлыг XXXI, в котором зафиксированы каменные ящики, гробы, двойные камеры, деревянные конструкции в каменных ящиках, а так же труположение на боку и вытянуто на спине; примечательно, что в Аймырлыге XXXI встречена скифская, хуннская и кокзельская керамика.

Обобщая все выводы докладчик сделал вывод, что м.Кокэль (в комплексах которого скифская и хуннская керамика отсутствуют) представляет завершающий этап культуры хунно-сарматского времени Тувы и традиционная датировка этого памятника, основанная на хуннских параллелях вызывает большие сомнения.

В дискуссии по докладам выступили В.С. Бочкарев, Э.Б.Вадецкая, Г.В.Длужневская, И.П. Лазаретов, Н.А. Боковенко.

В.С.Бочкарев подчеркнул, что отмеченная в докладе С.С.Миняева ситуация, когда археологический материал дает более позднюю дату, чем письменные источники, зафиксирована и на примере сарматских памятников в европейской части степного пояса. Э.Б.Вадецкая в целом согласилась с предложенным омоложением суннских памятников и памятников хунно-сарматского времени. Она напомнила, что предложение датировать суннские памятники не ранее конца II в. до н.э. было сделано С.С.Миняевым еще в 1975 г. По ее мнению, материал из памятников тесинского времени Южной Сибири, в первую очередь некоторые типы бус, подтверждают более позднюю дату, чем III-II в.в. до н.э. Ряд памятников возможно датировать и I в. н.э.

С.С.Миняев

*Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа
ИИМК РАН*

ЧТЕНИЯ "ЛАДОГА И СЕВЕРНАЯ РУСЬ" В СТАРОЛАДОЖСКОМ МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ

21–22 декабря 1995 г. в Староладожском историко-архитектурном и археологическом музее-заповеднике проходили чтения "Ладога и Северная Русь", посвященные памяти сотрудника Эрмитажа Анны Мачинской, талантливой молодой исследовательницы древнос-

тей Ладogi, безвременно ушедшей из жизни 2 сентября 1994 г. В течение двух дней были заслушаны и обсуждены 20 докладов и сообщений, посвященных различным вопросам начальной истории Северной Руси, судьбам Ладogi, проблеме взаимоотношений язычества и

христианства на раннем этапе становления Русского государства — всем тем основным проблемам, которые были предметом исследовательского интереса Анны. В чтениях приняли участие сотрудники Староладожского музея, Гос. Эрмитажа, Института истории материальной культуры РАН, С.-Петербургского университета, Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия, Государственной инспекции по охране памятников, С.-Петербургского городского дворца творчества юных — друзья, коллеги и учителя Анны Мачинской. К началу чтений был издан сборник тезисов.

Чтения открыл доклад А.Д. и Д.А.Мачинских «Некоторые летописные известия в «Истории Российской» В.Н.Татищева и Ладога IX—XI вв.» В основе доклада — неопубликованная курсовая работа Анны, посвященная уникальным сведениям по ранней истории Руси, восходящим к Раскольниковой летописи и ряду других летописных списков, использованных лишь Татищевым; как показано в докладе, отчасти эти сведения отразились и в компилятивной Иоакимовской летописи.

Ряд докладов, представленных на чтениях, был посвящен судьбам Ладоги и ее округи в ранней истории России. Е.А.Рябинин выступил с докладом о том, «С чего мы начинали и что мы продолжали (раскопки Земляного городища в 1970—80-х гг.)». В контексте анализа проблем, вставших с возобновлением после длительного перерыва раскопок на староладожском Земляном городище, докладчик подробно остановился на выявлении новых фаз, характеризующих место Ладоги в системе разнообразных евразийских связей в VIII—X вв., наметил новые возможности в интерпретации наиболее «проблемных» комплексов, открытых раскопками. А.И.Волковицкий проанализировал поясной набор из сопки № 140, исследованной Н.Е.Бранденбургом в 1883—84 гг. и поставил вопрос о времени и путях попадания в северо-западную Европу импортов из Прикамья. Докладчик не исключал как аргументированную раннюю датировку так называемой «неволинской» поясной гарнитуры, так и возможный более поздний «реимпорт» этих изделий с территории юго-западной Финляндии. Д.А.Мачинский в докладе «Первоначальные Algdeigja/Ладога и Gardar/Русь» также комментировал поясной набор из сопки № 140. Опираясь на сведения письменных источников о событиях 2-ой пол. VII в. докладчик полагает, что к этому времени относится начало скандинавской колонизации Поволховья, и в результате включения иммигрантов в восточноевропейский этнический контекст возникает этносоциальный организм, обозначаемый Gardar,

Algdeigja, Rhos, Русь с центром в районе Ладоги. Память об этой «дорюриковой Руси» зафиксирована Бертинскими анналами под 839 г. и рудиментарно сохранилась в летописных преданиях. По мнению Д.А.Мачинского, с 770-х гг. в скандинавской эпической традиции окончательно оформляется понятие «Великая и Холодная Швеция» («обиталище богов», в отличие от собственно Швеции — «обиталища людей») обозначавшее часть Восточной Европы, ограниченную с востока Уральским хребтом и Тюркским каганатом. Традицию именования значительной части Восточной Европы «Швецией Великой или Холодной» проанализировал на материалах «Книги об исландцах» Ари Мудрого В.О.Казанский. Соотношение традиций носителей культуры псковских длинных курганов, памятников типа Камно-Рыуге, культуры смоленских длинных курганов, сопки, норманнских древностей и Ладоги подробно рассмотрел С.Л.Кузьмин. По мнению докладчика, в ладожских древностях материализовалась вся гамма процессов, протекавших на севере Руси в VIII—IX вв.: впитывая и перерабатывая гетерогенные культурные импульсы, Ладога распространяла уже синтезированную новую традицию, в контексте которой и следует рассматривать так называемую «культуру сопки», являющуюся ранней фазой древнерусской культуры Новгородской земли. П.Е.Сорокин анализировал граффити с изображениями судов, зафиксированные на монетах, изделиях из кости, а также на бересте; изображение ладьи под треугольным парусом на кости из Ладоги, по мнению докладчика, свидетельствует о знакомстве автора рисунка с традициями средиземноморского судостроения. В докладе Т.Б.Сениченковой рассмотрен вопрос о широко распространенном в литературе словосочетании «керамика ладожского типа» и существующих версиях историко-культурного истолкования этого понятия; по мнению докладчицы, понятие керамика «ладожского типа» является историографическим мифом. Интереснейший доклад Г.С.Лебедева посвящен попытке истолкования ландшафта на знаменитой стенописи из церкви Св. Георгия в Ладоге как отображения исторического ландшафта Ладоги в семантически значимой сакральной его части: изображение холмов докладчик связывает с ладожскими сопками «Заморья» (за «Моревым ручьем»), где предание помещает Олегову могилу. Включение в христианскую культуру Ладоги местных языческих «топохронов», по мнению Г.С.Лебедева, легитимизировало в христианской редакции змеборческий миф, базовый для всего Поволховья — от Новгорода до Ладоги. Особое место в композиции стенописи занимает изображение царевны, ведущей усми-

ренного Змия: по ладожской версии “Чуда” — “Елисива”, “Элсив”, Елизавета Ярославна, дочь Ярослава Мудрого и Ингигерд, жена конунга Харальда Сигурдарсона. Докладчик ставит ряд вопросов, связанных с социо-демографическими процессами IX–XI вв. и женской субкультурой Руси эпохи викингов, в том числе — проблему так называемых “детей зимних постоев”, долгих “зим в Альдейгью” эпохи Рюрика и Олега, а также проблему “женской ипостаси” в раннем русском христианстве, засвидетельствованную погребением первой трети IX в. из кургана 7 в урочище Плакун в Старой Ладоге, в котором был найден фризский литургический кувшин. С проблемой женской субкультуры Руси XI в. связан также доклад Е.Р.Михайловой “К проблеме формирования древнерусского женского убора на западе территории Новгородской земли”. В докладе Н.И.Милютенко “Владения княгинь в древней Руси и статус Ладоги в XI в.” показана необоснованность высказанных в последнее время в литературе сомнений относительно передачи Ярославом Мудрым Ладоги в качестве свадебного дара во владения Ингигерд. Б.Г.Васильев рассказал о находке в черте Старой Ладоги костяного изделия, украшенного изображениями, восходящими, по мнению докладчика, к различным этносемантическим традициям. З.Д.Бессарабова сообщила о спасательных работах, проводимых сотрудниками Староладожского музея в связи с постоянной угрозой разрушения памятников урочища Сопки на северной окраине поселка Старая Ладога.

Ряд докладов и сообщений был посвящен проблемам язычества и христианства на Руси и в Скандинавии. Ю.М.Лесман проанализировал географию распространения находок раннесредневековых крестов-подвесок и показал, что картина, фиксируемая в Скандинавии, необычна для католического мира, но зато чрезвычайно близка картине, засвидетельствованной находками крестиков на Руси; исследователь полагает, что имеются основания говорить о культурном единстве Руси и Скандинавии, причем столь сильном и глубоком, что его на протяжении полутора-двух столетий не смогли разрушить ни церковная схизма, ни периоди-

чески вспыхивавшие военные столкновения. О.И.Богуславский рассказал о новой находке “домика мертвых” в могильника Ялгино в юго-восточном Приладожье, и отметил, что в материалах раскопок Приладожья не встречено двух полностью аналогичных погребальных сооружений данного типа, хотя число открытых “домиков мертвых” за прошедшее десятилетие возрастало. В докладе С.В.Белецкого, посвященном некрополю Пскова, выявлена существенная роль “варяжского компонента” в составе населения Пскова конца IX — первой трети XI в.; по мнению докладчика, до 1030-х гг. город оставался, по-преимуществу, языческим.

Ряд докладов был посвящен проблемам истории и археологии Руси более поздних периодов. Р.С.Минасян рассказал о результатах изучения техники ювелирного дела на Руси. Доклад Н.И.Платоновой был посвящен результатам исследований 1995 г. на Передольском погосте. Сообщение о керамике из раскопок Передольского погоста сделала Т.А.Жеглова. Вопросы исторической географии Водской пятины рассматривал А.А.Селин.

Все доклады и сообщения, прозвучавшие на чтениях, вызвали оживленную и весьма плодотворную дискуссию, плавно перешедшую в “диалог поколений”. Как было отмечено выступавшими, этот диалог фактически продолжил дискуссию, развернувшуюся несколькими днями раньше на коллоквиуме профессора Л.С.Клейна, посвященном 30-летию со дня известной “варяжской дискуссии” на историческом факультете Ленинградского государственного университета (декабрь 1965 г.). Но если коллоквиум подвел черту под тремя десятилетиями острых, порой — конфронтационных споров, то чтения как бы начали новый этап исследований — этап, на котором варяжская проблема наконец лишилась “политического звучания”, заняв свое, строго определенное (хотя и достаточно важное) место в широком круге проблем ранней истории Руси. Существенно, что на этом этапе углубленного изучения судеб Русского государства все большую роль играют исследователи поколения Анны Мачинской, многие из которых родились уже после “варяжской дискуссии” 1965 г.

*Н.И.Милютенко, С.Л.Кузьмин, С.В.Белецкий
Староладожский историко-архитектурный и
археологический музей-заповедник,
Российский институт природного
и культурного наследия (С.-Петербургский филиал).
Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН*

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ФЕДОРОВИЧА ЛИСИЦЫНА (1945—1997)

21 апреля 1997 г. на 53 году скончался талантливый ученый и замечательный человек Николай Федорович Лисицын. Ушел из жизни в расцвете творческих сил и замыслов известный археолог, исследователь палеолита Северной Азии. Его внезапная кончина горестно отозвалась в сердцах коллег, друзей, близких.

Все свои творческие силы Николай Федорович направил на изучение каменного века Сибири. После окончания кафедры археологии исторического факультета ЛГУ Николай Федорович стал аспирантом ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН), где работал до конца своих дней. Его первая диссертация была посвящена каменному веку Минусинской котловины. С 1975 г. Николай Федорович исследует палеолитические стоянки на высоких террасах Енисея, размываемых Красноярским водохранилищем. Одновременно много сил им было отдано археологическому обследованию степных территорий абакано-енисейского междуречья. В результате этих детальнейших исследований были открыты многочисленные памятники палеолита-неолита от мустьерского до финальноплейстоценового и голоценового времени. В научный оборот были введены материалы новых и уже известных стоянок юга Красноярского края. Закономерным итогом этих работ была публикация коллективной монографии «Палеолит Енисея» (1991), одним из авторов которой стал и Н.Ф.Лисицын. На высоких террасах Енисея Николай Федорович в разные годы открыл и исследовал ряд уникальных памятников. Такие стоянки как Афанасьева Гора, Чегерак, Куртак 3 и Куртак 4, Сабаниха и многие другие прочно вошли в фонд опорных палеолитических памятников Среднего Енисея. Обширные полевые изыскания заставили исследователя по-новому подойти к поиску стоянок на высоких террасах рек, выработать собственные методические приемы их обнаружения. В экспедициях Н.Ф. Лисицын плодотворно работал бок о бок с такими видными исследователями как М.П.Грязнов, З.А.Абрамова, С.Н.Астахов и другими археологами, геологами и естественниками. При этом он рекомендовал себя честным и бесконечно работоспособным ученым. В 1981-1984 гг. он руководил крупной новостроечной Среднеенисейской экспедицией, а затем Южносибирской экспедицией ЛОИА АН СССР.

Важной вехой в развитии сибирского пале-

олитоведения было исследование Николаем Федоровичем стоянки Афанасьева Гора, окончательно утвердившем представление о существовании в бассейне Среднего Енисея в прошлом целого пласта памятников, принадлежавших мальтино-буретской культурной традиции Восточной Сибири. В дальнейшем Николай Федорович подробно охарактеризовал этот культурный феномен в докторской диссертации и предложил собственную концепцию его развития. По сути, на этих материалах была выделена средняя пора позднего палеолита Северной Азии, заполнившая временной пробел между досартанским и сартанским этапами традиционной двучленной периодизации сибирского палеолита.

Огромную роль Николай Федорович Лисицын внес также и в уточнение хронологических рамок раннего этапа верхнего палеолита Сибири. Комплексное исследование двухслойной стоянки Куртак 4, материалы нижнего слоя которой одновременно мустьерскому комплексу пещеры Двуглазка, а верхнего — раннему этапу верхнего палеолита, наряду с другими материалами по Сибири, продемонстрировали своеобразие местного мустье и временной отрыв от него ранних верхнепалеолитических памятников. Эти положения были подтверждены радиоуглеродными датами и стратиграфическими наблюдениями. Сделав разрез стоянки Куртак 4, он установил относительную периодизацию большинства палеолитических памятников на высоких речных террасах региона. Разработка метода позволила Николаю Федоровичу скоррелировать геологические условия залегания различных памятников и создать стройную концепцию культурного развития палеолита Сибири. В тесном сотрудничестве с профессиональными геологами Николай Федорович выделил в строении разрезов лессовых стоянок цикличную последовательность формирования сероцветных и желтоцветных «холодных» и красноцветных «теплых» формаций, иногда прерываемых гумусными горизонтами. Пачки красноцветных горизонтов, вероятно, генетически связанные с процессами выветривания, были им зафиксированы на большинстве изученных стоянок. Абсолютные даты, сопоставленные с данными стратиграфии, позволили существенно уточнить хронологию памятников палеолита.

Новые открытия стратифицированных па-

мятников раннего этапа верхнего палеолита заставили Николая Федоровича пересмотреть ряд традиционных представлений об уже известных памятниках. Так, открытая и исследованная им стоянка Сабаниха дала уникальный набор пластинчатого инвентаря, не сопоставимый с сибирскими комплексами. Так и остался бы комплекс этого памятника единственным в культурном отношении, если бы Н.Ф.Лисицын с огромным упорством не постарался найти ему аналогии. Последние обнаружились в инвентаре «раннего верхнепалеолитического» комплекса Малой Сыи. Однако, согласно абсолютным датам, хронологический разрыв памятников составлял не менее 5 тыс. лет, при том, что набор их инвентаря практически идентичен. Николай Федорович, заново изучив материалы стоянок и архивные документы, доказал, что полученные даты недостоверны, и что Малая Сыя синхронна или даже чуть моложе Сабанихи.

Много внимания Н.Ф.Лисицын уделял историко-культурным разработкам. Он предложил свою схему развития классических афонтовской и кокоревской верхнепалеолитических культур Енисея. Так, афонтовская индустрия, возраст которой, согласно последним радиоуглеродным данным, гораздо моложе, чем это предполагалось ранее, генетически восходит, по его представлениям, к комплексам верхнего слоя стоянки Куртак 4 и второго слоя стоянки Уй 1. Последние имеют общую с афонтовской технологическую подоснову изготовления орудий на отщепе и, вероятно, являются древнейшими стоянками этой верхнепалеолитической традиции в бассейне Енисея. Кокоревская традиция рассматривается Н.Ф.Лисицыным как достаточно локальный эпизод, и в территориальном, и в хронологическом плане. Кокоревская культура, истоки которой лежат, по мнению исследователя, в ряде памятников финала средней поры верхнего палеолита, была переживанием «пластинчатых традиций» изготовления орудий, на фоне общесибирской «отщеповой» технологии, вытеснившей к раннему голоцену иные культурные направления. В связи с предложенным решением проблем культурогенеза верхнего палеолита Сибири Н.Ф. Лисицын впервые поставил вопрос о происхождении пластинчатой традиции сибирского палеолита как таковой. Рассматривая ранний, средний и поздний этапы верхнего палеолита Северной Азии как единые культурно исторические эпохи, он старался определить в каждой из них истоки каменных индустрий, вычленив непротиворечивые линии типологического развития каждой конкретной традиции и, таким образом, отделить чужеродные культурные элементы от очевидно автохтонных.

Так, уникальные комплексы Сабанихи и Малой Сыи, с непохожим ни на один сибирский комплекс набором каменных и костяных орудий были выделены Николаем Федоровичем в особый вариант, ближайшие аналогии которому прослеживаются лишь в «ориньяк-идном пласте» памятников Русской равнины. Таким образом, вслед за А.П.Окладниковым, Николай Федорович обратился к исследованию проблемы миграций в верхнем палеолите. Однако, сознавая всю ответственность при подобных выводах, он не шел далее утверждения сходства конкретных признаков культурных традиций европейской и азиатской России в верхнем палеолите и лишь рассматривал как возможные меридиональные подвижки населения с запада на восток в эту эпоху. Например, исследуя истоки памятников мальтино-буретского круга, цепь которых протянулась от Урала до Забайкалья и Приамурья, он допускал как пришлый, так и конвергентный варианты генезиса, имея ввиду, что ранние стоянки — Мальта и Буреть находятся в Восточной Сибири, хотя и являются, по мнению А.П.Окладникова, наиболее «европейскими» по облику.

Докторская диссертация Николая Федоровича Лисицына, блестяще защищенная за полгода до безвременной кончины, была посвящена позднему палеолиту юга Красноярского края и Хакасии. В этой работе он подытожил результаты многолетних кропотливых исследований в регионе, наметил цели будущих работ, которым, увы, не суждено было осуществиться. Он знал, что жить ему осталось немного, что неизлечимый недуг уже давно определил предел его возможностей как ученого и человека, но, вопреки жестокой реальности, Николай Федорович стремился завершить свои исследования. Чтобы уточнить последние детали корреляции разрезов стоянок, он, в условиях прекращения финансирования, в одиночку пешком побывал на всех памятниках, превозмогая приступы боли. Когда рюкзак, наполненный находками становился слишком тяжел — вез его на самодельной тележке по бездорожью. Он сумел сделать практически невозможное — за свой счет опубликовал в домашних условиях, на элементарной оргтехнике результаты своих исследований — «Дюнные стоянки Хакасии» (в соавторстве с Худяковым) и «Относительная и абсолютная хронология позднего палеолита юга Средней Сибири» малым тиражом по 100 экземпляров и собственноручно разослал его коллегам, в библиотеки и институты страны. В виде оригинал-макетов остались еще 2 незавершенных труда, а в виде рукописей — десяток незавершенных статей, заметок, монография — он не успел их дописать.

Николай Федорович хотел поработать и в

европейской части страны и, скрывая свое самочувствие от родных и коллег, начал изучать литературу по палеолиту Европы, осваивать еще один иностранный язык. Последний свой полевой сезон он провел в Брянской области на раскопках стоянки Юдиново. Человек незаурядного ума и неутомимой работоспособности, он смог бы написать еще одну диссертацию, теперь уже по европейскому палеолиту. Он работал до последнего момента, даже когда сил едва хватало, чтобы добраться до рабочего стола.

В памяти друзей и коллег Николай Федорович остался талантливым исследователем, скрупулезным полевиком и замечательным че-

ловеком. Он никогда не любил останавливаться на достигнутом, не упускал возможности ознакомиться с материалами других исследователей и объехал почти всю азиатскую часть страны, выступал на десятках конференций с докладами. Сам он неизменно щедро делился с коллегами результатами своих работ. Николай Федорович был нетерпим к недобросовестности в науке и непоколебимо отстаивал свои принципы не взирая на авторитеты и не думая о карьере. За многие годы он участвовал в десятках археологических экспедиций от Молдавии до Бурятии, от Прибалтики и Псковщины до Средней Азии, от Енисея до Десны, оставив о себе добрую память у огромного количества людей.

З.А.Абрамова, С.Н.Лисицын

ПАМЯТИ ВЯЧЕСЛАВА АЛЬБЕРТОВИЧА ТЮЛЕНЕВА (1947—1996)

2 августа 1996 года на 49 году жизни скоропостижно скончался научный сотрудник отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН кандидат исторических наук Вячеслав Альбертович Тюленев.

Вячеслав Альбертович был человеком необычной судьбы. Он начинал свою карьеру как офицер-подводник. Однако, она закончилась в 1970 г. С 1972 г. Вячеслав Альбертович Тюленев участвует в работе Северо-Западной экспедиции Ленинградского Государственного университета, в составе которой выросли многие ленинградские археологи.

Закончив в 1976 г. кафедру археологии ЛГУ, В.А.Тюленев поступил на работу в институт "Спецпроектреставрация", в котором и проработал до 1980 г. В этот период он участвует в архитектурно-археологических исследованиях по реставрации памятников Выборга.

Вся судьба Вячеслава Альбертовича была связана с Выборгом. Первые раскопки в городе он начал в 1973 г. и умер в последний день работы экспедиции сезона 1996 г. Первоначально сам автор раскопок, рассматривал эти работы как временные, предназначенные для решения узкой прикладной задачи — музеефикации утраченных городских укреплений XV-XVI вв., реально же они превратились в целенаправленные крупномасштабные многолетние археологические раскопки Выборга.

После исследований, проведенных на ры-

ночной площади, работы переместились на Замковый остров. Именно там В.А.Тюленев открыл слои древнекарельского городища, предшествующие шведскому замку, а также остатки первоначальных каменных укреплений острова. Далее последовало археологическое изучение средневековых церквей и монастырей города и новостроечные работы в средневековой части Выборга.

Вся эта целенаправленная деятельность по изучению старого Выборга связана уже с периодом работы Вячеслава Альбертовича в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (ныне ИИМК РАН). В ЛОИА АН СССР В.А.Тюленев поступил в июле 1980 г. старшим лаборантом группы новостроечных экспедиций. В этом же году он возглавил Выборгскую археологическую экспедицию Института.

В мае 1982 г. Вячеслав Альбертович успешно защитил диссертацию "Каменные оборонительные сооружения Выборга XIII-XVI вв."

В январе 1983 г. он переводится в постоянный штат ЛОИА на должность младшего научного сотрудника сектора славяно-финской археологии, в котором проработал вплоть до кончины.

Все это время Вячеслав Альбертович успешно разрабатывал проблемы, связанные с историей и архитектурой Выборга. Результаты этих исследований опубликованы в книге "Изучение старого Выборга", в ряде статей в популярных изданиях, а также в журнале "Строительство и

архитектура Ленинграда". В.А.Тюленев неоднократно выступал с интереснейшими докладами на различных научных конференциях и международных симпозиумах. Материалы раскопок Выборгской экспедиции существенно пополнили фонды Выборгского музея.

В сферу интересов В.А.Тюленева также входила ранняя история карельского перешейка и всего Балтийского региона. В последнее десятилетие он занялся подводными исследованиями в Выборгском заливе. В 1983 г. Вячеслав Альбертович входит в состав Всесоюзного координационного совета по подводной археологии.

Эти работы особенно увлекали Вячеслава Альбертовича. Здесь он проявил себя умелым организатором, сумевшим в короткий срок наладить постоянно действующее международное сотрудничество в области подводной археологии. С 1989 г. в составе экспедиции работают специалисты из Швеции, Италии, США. Усилиями Вячеслава Альбертовича в Выборге создан Морской центр, проводящий подводные исследования, а также реставрацию и изучение найденного материала.

В конце 1995 г. в качестве заместителя председателя по морской археологии Вячеслав Альбертович вошел в состав Научного совета, образованного при Президиуме Санкт-Петербургского Научного центра и координирующего историко-археологические исследования на территории Санкт-Петербурга, Ленинградской области и акватории Финского залива.

Работы В.А.Тюленева заложили фундамент для новых исследований Выборга и памятников Карельского перешейка.

Вячеслав Альбертович останется в памяти коллег, многие из которых являются его сверстниками, не только как создатель и руководитель Выборгской экспедиции, но и как замечательный рассказчик, щедро делившийся своими идеями, доброжелательный слушатель и товарищ, умеющий помочь не только советом, но и делом. Вспоминается улыбка Вячеслава Альбертовича и его спокойная и уверенная манера общения. Казалось, что он будет с нами вместе надолго.

А.И.Сакса

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ

№ 5

*Утверждено к печати
Ученым советом Института истории материальной культуры
Российской Академии наук*

Редактор издательства *Н. В. Хвоцинская*
Художник *Г. А. Кузнецова*
Компьютерный набор и верстка
Т. С. Дорофеевой, К. А. Матехина, В. Я. Стеганцевой

ЛР № 061824 от 23.11.92
Сдано в набор 06.01.98. Подписано к печати 27.02.98.
Формат 60×90/8. Печать офсетная.
Печ. л. 50. Уч.-изд. л. 43
Тираж 400. Заказ 626

Издательство «Дмитрий Буланин»

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Заказы присылать по адресу:

«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, С.-Петербург
наб. Макарова, 4

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33